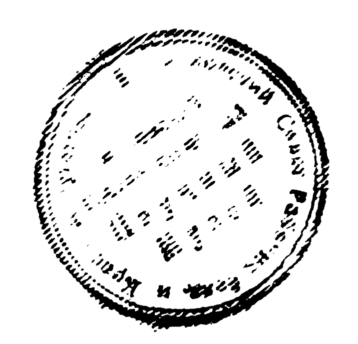


ТРУДЫ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ТРУДЫ

ДВѢНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

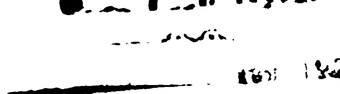
ВЪ ХАРЬКОВѢ

1902

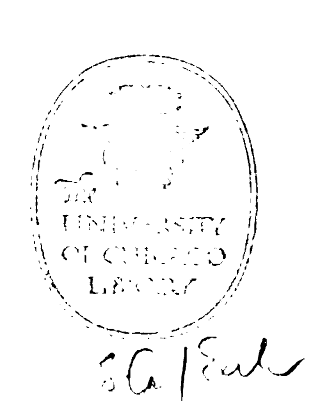
Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ II.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1905.



Печатается на основанія постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.
Предсѣдатель Графиня ***Уварова.***



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ первоначальной исторіи г. Харькова.

Е. Альбовскаго.

Гдѣ стоитъ теперь большой богатый городъ, быстро продолжающій итти по пути дальнѣйшаго развитія, два съ половиною вѣка тому назадъ, на какомъ-то невѣдомомъ городищѣ возникъ небольшой козачій поселокъ харьковскихъ черкасъ. Въ то же время, но особенно нѣсколько позже, на всемъ пространствѣ теперешней Харьковской губерніи много строилось городковъ, деревень, хуторовъ. Широко раскинулись они по берегамъ рѣкъ благословеннаго Господомъ уголка нашего юга. Никому не принадлежавшей и никѣмъ не занятой прекрасной земли было много, людямъ было селиться свободно.

Первыми поселенцами, которые „все Харьковское городище понаставили дворами", были черкасы. Изъ нихъ многіе, вѣроятно, принимали участіе въ побѣдахъ Хмельницкаго. Бѣжали козаки изъ предѣловъ Польши, гонимые тяжелымъ гнетомъ, принуждавшимъ ихъ и прежде такъ часто браться за оружіе, проливать цѣлые потоки своей и „ляцкой" крови.

Начались переселенія — шли отдѣльные люди, по нѣскольку и селились по лѣсамъ, на пасѣкахъ. Были переселенія и большія, массовыя. Многочисленныя партіи занимали удобныя мѣста, по бóльшей части городища, и строили на нихъ городки. Переселенія шли періодически — въ зависимости отъ положенія дѣлъ на Украйнѣ.

Одна изъ партій выходцевъ изъ-за Днѣпра осѣла на городищѣ при сліяніи двухъ въ то время очень бойкихъ рѣкъ. Построенъ былъ городъ и названъ по рѣкѣ Харьковомъ.

Что въ то уже время рѣка называлась такъ, свидѣтельствуетъ Книга Большого чертежа, писанная въ 1627 г., а составленная въ концѣ XVI вѣка — „давно при прежнихъ государѣхъ". Въ ней говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопина пала въ Харкову, а Харкова пала въ Уды"[1]).

Годъ основанія г. Харькова точно не извѣстенъ, а равно и имя того ватажка, осадчаго, который привелъ партію переселенцевъ. Относительно возникновенія Харькова есть разныя преданія. Имъ вѣрили, пока не была доказана ихъ невѣрность.

[1]) Изданіе Спасскаго. Москва 1846 г., стр. 14.

И основатель города, миѳическій Харько, былъ развѣнчанъ; на продававшихся прежде его портретахъ онъ изображался молодымъ, лихимъ козакомъ. Итакъ, отвергнутыя преданія были оставлены. Вмѣсто нихъ приняли вполнѣ уже правдивое извѣстіе, что на Харьковское городище сразу явилась большая партія черкасъ подъ предводительствомъ осадчаго Ивана Каркача; онъ и сталъ почитаться основателемъ Харькова, подобно тому, какъ Чугуева — Як. Остренина (Остраница), Острогожска — Ив. Дзенковскій.

Два источника свидѣтельствуютъ, что на харьковское городище привелъ черкасъ именно Иванъ Каркачъ, но почитаться непогрѣшимыми они не могутъ[1]).

Преданіе относитъ основаніе города къ двадцатымъ годамъ XVII столѣтія, Квитко — къ 1646 г. Но и то и другое не вѣрно. Неизвѣстный же авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества" — къ 1653 г. Указаніе послѣдняго источника (изд. въ Москвѣ въ 1788 г.), хотя, можетъ-быть, и вѣрно, но голословно, такъ какъ не подтверждается ничѣмъ. Въ этомъ описаніи къ тому же относительно другихъ городовъ есть явныя неточности (напр. относительно Валокъ).

Но вотъ нашлись новые весьма цѣнные документы: одинъ 1655 года — самый старый изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, относящійся непосредственно къ Харькову и, вѣроятно, вышедшій изъ него; другой — 1656 года — весьма интересное донесеніе воеводы „о крымскихъ вѣстяхъ". Хотя они, эти документы, категорически и не говорятъ, когда именно возникъ городъ, но даютъ возможность сдѣлать кой-какое заключеніе и проливаютъ свѣтъ на первоначальную исторію города, который скоро приготовляется праздновать свою 250-лѣтнюю годовщину.

Одинъ[2]) изъ упомянутыхъ документовъ свидѣтельствуетъ положительно, что уже въ 1655 году на Харьковскомъ городищѣ жило 588 козаковъ-черкасъ, не считая женъ и дѣтей, и что они являли изъ себя довольно правильную воинскую организацію. Очень возможно, что партія переселенцевъ, построившая городъ, явилась на городище съ этою организаціею. Приготовляясь къ переселенію, черкасы поставили, вѣроятно, во главѣ себя какого-нибудь ватажка-атамана. Послѣдній и могъ дать имъ подобное устройство. Съ этимъ дѣломъ къ тому же козаки хорошо были освѣдомлены. Край, куда собирались они итти, былъ почти совершенно пустыненъ и не принадлежалъ никому; чрезъ него только постоянно ходили татарскіе загоны грабить порубежные русскіе города. Поэтому переселенцы должны были быть готовыми встрѣтиться на пути съ степными хищниками и вооруженною рукою проложить себѣ дорогу, а, осѣвъ на мѣстѣ, отбиваться отъ нападеній. Поэтому черкасы и не могли итти безъ атамана, безъ котораго вообще нельзя представить себѣ козаковъ. Изъ нихъ вѣдь считался плохимъ тотъ, кто не стремился имъ сдѣлаться. У каждой, тѣмъ болѣе большой, партіи переселенцевъ долженъ былъ быть свой атаманъ, а также и какое-нибудь устройство.

---

1) „Хромографическое описаніе г. Харькова" (1767 г.) и „Описаніе г. Харькова", представленное въ Екатерининскую комиссію, вводившую преобразованіе въ Слободскую Украйну.

2) Архивъ Мин. Юстиціи. Бѣлгородскій столъ, ст. 392, лл. 205—214.

И вотъ одна изъ такихъ партій осѣла на Харьковскомъ городищѣ, и подчинилась ближайшему воеводѣ, а таковымъ тогда былъ чугуевскій. Принявъ ихъ подъ высокую царскую руку, воевода донесъ въ Москву; оттуда не замедлилъ, вѣроятно, послѣдовать указъ „вѣдать" ему тѣхъ черкасъ подобно тому, какъ въ 1656 году [это уже извѣстный документъ[1])] чугуевскому воеводѣ было приказано передать харьковцевъ въ вѣдѣніе спеціально назначеннаго въ городъ воеводы Воина Селифонтова.

По пріѣздѣ въ Харьковъ (1656 г.), онъ нашелъ все городище уже застроеннымъ и укрѣпленнымъ хотя и очень примитивными сооруженіями. Допустимъ, что всѣ эти работы могли быть окончены въ одно лѣто. Донесеніе воеводы, что все городище въ 1656 году уже было „понаставлено дворами" и былъ построенъ острогъ, давало право сдѣлать выводъ, что Харьковъ былъ построенъ въ 1655 году или, самое раннее, въ 1654-мъ; тѣмъ болѣе, что въ челобитной городъ названъ „новымъ".

Въ другомъ документѣ[2]) — челобитье того же воеводы — сообщается о якобы непослушаніи черкасъ и о готовившемся татарскомъ набѣгѣ; все это хотя и интересно, но не особенно важно. Но, между прочимъ, въ немъ говорится такъ: „...Писалъ изъ Зміева... атаманъ Почетовскій, сказывали-де зміевскимъ сторожамъ севрюки, что видѣли они татаръ на р. Берестовой... а тѣ урочища отъ Харьковскаго (города, урочища) въ верстахъ двадцати (современная верста равнялась тысячи саженямъ) мало больше промежъ Валокъ и Зміева по той *дорогѣ, которую дорогу вновь проложили* Чугуевскаго уѣзду и Харьковскаго городища въ 162 году (1654 г.), ѣздятъ на Торъ по соль, и о той дорогѣ я къ тебѣ, государь, напередъ сего писалъ".

Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовалъ въ Бѣлгородъ указъ[3]) жить съ великимъ береженіемъ, „а на Харьково велѣлъ-бы (кн. Ромодановскій) послать и черкасамъ говорить, чтобы они были въ послушаніи, острогъ дѣлали и *дорогъ вновь не прокладывали,* что бы тѣми дорогами татаровя не прошли и не повоевали".

Изъ этого всего слѣдуетъ, что въ 1654 году харьковскіе черкасы проложили уже дорогу по Чугуевскому уѣзду, чтобы ѣздить на Торъ за солью. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1654 году городъ уже былъ.

Но трудно допустить, чтобы, придя на городище, занявшись постройкою жилищъ и острога, т.-е., работою, которую едва ли можно было окончить въ одно лѣто, собственно далеко немногочисленные жители Харькова могли прокладывать и дороги. Извѣстіе, что дорога была уже проложена въ 1654 году, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ это подлинное донесеніе царю. Слѣдовательно, можно съ увѣренностью допустить, что въ 1653 году Харьковъ уже существовалъ. Мы не беремъ только на себя смѣлость рѣшить вопросъ, начался ли онъ строиться въ этомъ году, или еще раньше. Сдѣланный выводъ согласуется съ извѣстіемъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества", авторъ котораго говоритъ, что городъ былъ основанъ въ 1653 году. Можетъ-быть, найдутся и еще документы, которые повѣдаютъ намъ

---

1) Тамъ же, ст. 404, лл. 12—14.
2) Тамъ же, ст. 394, лл. 149—153.
3) Тамъ же.

категорически годъ основанія. Пока же приведенный нами источникъ заключаетъ въ себѣ самое раннее указаніе на существованіе города.

Поэтому, если Харькову истекаетъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, не въ 1905, а въ 1904 году, если только не въ нынѣшнемъ (1653). Существованіе его въ 1654 году не подлежитъ сомнѣнію. Городъ тогда уже былъ и до нѣкоторой степени устроенъ, если его жители принялись за проведеніе на довольно большомъ протяженіи дороги, пролегавшей мѣстами по трудно доступнымъ урочищамъ. Придонецкія степи (по Сѣверному Донцу и его притокамъ), по свидѣтельству современника-очевидца[1]), были тогда перерѣзаны множествомъ рѣчекъ, покрыты болотами и лѣсами.

Другой упоминаемый нами документъ есть „Списокъ Харьковскихъ черкасъ". Представленъ въ Москву онъ былъ, вѣроятно, чугуевскимъ воеводою гр. Спѣшневымъ, который съ самаго начала „вѣдалъ городъ". Въ архивѣ за этотъ годъ имѣются такіе же списки Острогожскихъ, Зміевскихъ, Ахтырскихъ и Колонтаевскихъ черкасъ[2]).

Къ великому сожалѣнію, до насъ дошелъ, такъ сказать, совершенно голый списокъ — безъ челобитной и пр. Заключаетъ онъ въ себѣ съ нѣкоторыми подраздѣленіями однѣ только фамиліи и имена. Но тѣмъ не менѣе онъ весьма цѣненъ для исторіи города, такъ какъ кое-что выясняетъ. Къ тому же, повторяемъ, это самый ранній изъ документовъ, относящихся непосредственно къ Харькову.

Прежде всего изъ него видно, что во главѣ Харьковскихъ черкасъ въ 1655 году стоялъ атаманомъ Иванъ, но не Каркачъ, а Кривошлыкъ. Въ спискѣ онъ названъ по отечеству — Васильевичемъ. Это свидѣтельствуетъ, что атаманъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ. Зміевской, напримѣръ, атаманъ названъ такъ: „Якушко" Почетовскій. Сотники же всѣ безъ отчества — просто: Тимошъ, Костя, а рядовые еще проще — Грицько, Левко, Омелько, Курилко и т. д., какъ тогда обыкновенно писалось, говорилось. Кривошлыкъ, конечно, былъ выбранъ черкасами изъ своей среды и ничѣмъ отъ нихъ, кромѣ личныхъ способностей, не отличался. Величаніе его по отчеству — знакъ особаго уваженія къ нему; можетъ-быть, именно за то, что онъ привелъ черкасъ, подчинилъ ихъ царю и дѣятельно распоряжался постройкою города. Атаманъ въ то время былъ старшимъ лицомъ среди харьковцевъ. Такой порядокъ продолжался долго. Въ 1659 году атаманъ Тимоѳей Лавриновъ, бывшій сотникъ, отъ лица харьковскихъ черкасъ проситъ царя объ устройствѣ Успенской ярмарки[3]).

Кривошлыкъ послѣ сдачи должности продолжалъ жить въ Харьковѣ. Есть извѣстіе, что во время замѣшательствъ, поднятыхъ въ 1668 году въ Слободской Украйнѣ Иваномъ Сирколи, знаменитымъ кошевымъ запорожскимъ, Иванъ Васильевичъ Кривошлыкъ, обратившійся уже просто въ „Ивашку", былъ въ числѣ немногихъ жителей Харькова, склонившихся на сторону возставшихъ.

Атаманъ и сотники — это тѣ „начальные люди", съ которыми воеводу приказывалось посовѣтоваться, приступая къ постройкѣ болѣе желательнаго острога взамѣнъ

1) П. Кулишъ. „Матеріалы для Ист. Воз. Р." Москва 1877 г., т. I, стр. 286—295.
2) Архивъ Мин. Юстиціи, ст. 392, лл. 205—214.
3) Тамъ же, ст. 480, лл. 307—309.

уже бывшаго. Во всѣхъ указахъ и грамотахъ до шестидесятыхъ годовъ нѣтъ даже намека на полковника и полкъ вообще. Послѣ уже рядъ грамотъ данъ былъ на имя полковника. До этого царь самъ адресовалъ свои указы такъ: „въ Харьковъ къ нашимъ великаго государя служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ именно черкасамъ". Но если въ то время не было полка въ строгомъ смыслѣ, то воинское устройство среди черкасъ, какъ увидимъ, было.

Къ слову сказать, до сихъ поръ не было выяснено, когда собственно возникъ Харьковскій Слободской казачій полкъ. По нашему мнѣнію, это относится къ 1661 году[1]), когда послѣдовалъ бѣлгородскому воеводѣ указъ выдать харьковцамъ жалованіе тѣмъ, „которыхъ напишетъ съ собою въ *полковую* службу и тѣмъ дать по 15 рублей, а которые оставлены будутъ въ городѣ для осадныхъ службъ и тѣмъ по 5 рублей, а пашеннымъ, какъ въ указѣ написано (?)". Послѣ этого въ полкъ казаковъ было записано 1300 человѣкъ, умершихъ въ самомъ городѣ[2]).

Итакъ, въ 1655 году харьковскимъ атаманомъ былъ Кривошлыкъ. Не онъ ли въ качествѣ ватажка и привелъ переселенцевъ, и не его ли нужно считать осадчимъ? Могъ имъ быть и Ив Каркачъ, но только въ то время (1655?) его среди харьковскихъ черкасъ не было. Въ „спискѣ" есть Каркачевъ — но Яковъ. Фамилія при перепискѣ подвергнулась обрусѣнію. Это видно изъ одной челобитной[3]), гдѣ говорится, что въ числѣ посланныхъ въ Москву козаковъ было Каркачъ, Грицько. Послѣдняго въ спискѣ 1655 года тоже нѣтъ — онъ могъ или появится вновь, или быть подросшимъ къ этому времени (1661?) сыномъ Якова. Слѣдовательно, фамилія Каркачъ среди харьковцевъ была, но въ казачьей іерархій ея представители занимали весьма скромную роль рядовыхъ. Если бы городъ, допустимъ, пожелалъ почтить память своего основателя, то кому ставить памятникъ — Ивану ли Каркачу, личность котораго далеко не доказана, или же документальному И. В. Кривошлыку?

Всѣ харьковскіе черкасы въ спискѣ раздѣлены на 6 сотенъ, во главѣ каждой поставленъ сотникъ (въ 1-й Тимофѣй Лавриновъ, во 2-й Логгинъ Ященко, въ 3-й Малей Ѳедоренко, въ 4-й Семенъ Песоцкій, въ 5-й Калинникъ Кушнеръ и въ 6-й Константинъ Слюсаръ). Въ 1-й 3-й 4-й и 5-й сотняхъ было по сто человѣкъ козаковъ, во 2-й — 99, въ 6-й — 82. Сотни, въ свою очередь, были раздѣлены на десятки съ „десятниками" во главѣ (52 человѣка); а всего харьковскихъ черкасъ, считая сотниковъ и атамана, было 588 человѣкъ. Вполнѣ правильная воинская организація. Всѣ способные дѣйствують оружіемъ расписаны были по сотнямъ. Позднѣе когда вполнѣ уже сложился Харьковскій Слободской полкъ, когда власти выбраннаго полковника подчинилась цѣлая территорія, число сотенъ увеличилось; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича — 15, но собственно размѣщенныхъ въ Харьковѣ — полковомъ городѣ — было только двѣ. Слѣдовательно, тогда уже не всѣ жители считались подъ ружьемъ. Населеніе сгустилось, обязанность охранять безопасность и ходить на войны легла на его выборную часть, которую за то и содержали остальныя.

---

[1]) Тамъ же стр. 441, лл. 37—38.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 440, лл. 24, 233—234.

Въ разсматриваемое нами время среди харьковцевъ было много однофамильцевъ, расписанныхъ по разнымъ сотнямъ. Однихъ, напр., Мартыненокъ было 11 человѣкъ, а это служитъ доказательствомъ, что черкасы переселились цѣлыми семьями. Всѣ они, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, носили характерныя малороссійскія фамиліи: Хмель, Стриха, Гриценко, Ломака, Цыркунъ, Дурасенко, Морозенко и пр. На „цкій" и „скій" всего лишь 11 фамилій — Веприцкій, Цѣпковскій, Мыслицкій и пр. Но среди всѣхъ ни одной „шляхецкой", которыя впослѣдствіи появляются среди харьковскихъ старшинъ — Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе, Квитки.

Надо имѣть въ виду, что всѣ эти 588 человѣкъ жили тогда на самомъ городищѣ, въ г. Харьковѣ, а не въ окрестностяхъ. Вблизи города хутора начинають появляться хотя и скоро, но нѣсколько послѣ, когда новые переселенцы сгущали населеніе, или когда черкасы, недовольные заведенными порядками, уходили изъ города и селились на хуторахъ и пасѣкахъ. Уже въ 1856 году Селифонтовъ писалъ, что „многіе изъ Харьковскаго разъѣхались по разнымъ городамъ, а иные на Торъ поѣхали соли варить, а въ Харьковѣ отъ ихъ черкасскаго непослушанія и разъѣзду учинилось малолюдно"[1]).

Въ концѣ списка сдѣлана помѣтка; изъ нея видно, что тогда же было одно небольшое поселеніе — „на Хорошевскомъ городищѣ", гдѣ осѣло пятьдесятъ черкасъ, „приписанныхъ къ Зміеву". Если въ спискѣ харьковскихъ козаковъ упоминается о слободѣ съ такимъ незначительнымъ населеніемъ, къ тому же приписаннымъ не къ Харькову (въ 1656 году Хорошево уже было передано въ вѣдѣніе харьковскаго воеводы), то болѣе близкихъ къ городу слободъ въ то время еще не было.

Въ избранныхъ для поселенія „дикихъ поляхъ" прочаны (переселенцы) не могли разсчитывать найти вполнѣ спокойную жизнь — ихъ Слободская Украйна лежала открытою для набѣговъ татаръ, этихъ неутомимыхъ ловцевъ „бѣдныхъ невольниковъ". Прійдя на Харьковское городище, партія черкасъ обратилась за покровительствомъ въ Москву. Для ихъ устройства Алексѣй Михайловичъ прислалъ позднѣе особаго воеводу. Въ наказѣ ему (Воину Селифонтову) прежде всего приказывалось „тѣми харьковскими и хорошевскими черкасы дѣлать харьковскій острогъ и всякія городовыя крѣпости учинить, поговоря съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасы"[2]). Козаки, „поселившись на татарскихъ сакмахъ, куда былъ ихъ бусурманскій *свободный* приходъ", тѣмъ самымъ обрекали себя на упорную и неустанную борьбу съ татарами, борьбу не на животъ, а на смерть. Они и въ прежней своей родинѣ давно уже научились биться съ крымцами, хотя рѣдкое населеніе дѣлало послѣднихъ для Слободской Украйны болѣе грозными врагами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черкасы, какъ истые хохлы, въ достаточной степени были безпечны. Селифонтовъ, исполняя царскій указъ, хотѣлъ энергично приступить къ доведенію постройки укрѣпленій города до конца, и притомъ сдѣлать ихъ болѣе основательно, а не кое-какъ, какъ уже было построили козаки „по своей черкасской обычности" до пріѣзда воеводы.

---

[1]) Тамъ же, стр. 394, лл. 149—153.
[2]) Тамъ же, стр. 389, лл. 39—40.

Построеннымъ острогомъ Селифонтовъ остался недоволенъ, но убавить того харьковскаго острога (было) нельзя потому, что все харьковское городище черкасы наставили (уже) дворами"[1]). Старшіе воеводы имѣли цѣлью защитить тѣхъ же черкасъ отъ набѣговъ татаръ. Но, харьковцы, какъ доносилъ воевода, „учинились непослушны"—„не хотѣли остроумнаго дѣла дѣлать, на отхожія сторожи по вѣстямъ ѣздить", не хотѣли даже приказную избу сторожить и „деньщиковъ" давать; почему жаловался воевода, „и для твоего государева дѣла послать по нихъ (черкасъ) некого". По словамъ Селифонтова, козаки только пили и бражничали.

Правда, харьковцы, привыкнувъ къ иному типу укрѣпленій, притомъ зная татаръ и ихъ нелюбовь къ осадѣ крѣпостей вообще лучше воеводы, пріѣхавшаго изъ Москвы, могли расходиться съ нимъ во взглядахъ на необходимость строить ихъ по великорусскому образцу. Мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они люди бѣдные, не обзавелись еще хлѣбомъ, черкасы обѣщали заняться постройкою укрѣпленій, когда вполнѣ устроятся. Воевода черкасамъ не могъ втолковать, что именно прежде всего нужно начать съ укрѣпленій, такъ какъ безъ нихъ (основательныхъ) въ первый же большой татарскій набѣгъ всѣ дворы будутъ сожжены, а сами они, ихъ жены и дѣти уведены въ тяжелую неволю полонянниками. Но харьковцы съ этимъ не хотѣли согласиться и даже грозили, что всѣмъ имъ „отъ такого острожнаго дѣла (отъ тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ воевода требовалъ постройки) разбрестись розно"— т.-е. они хотѣли прибѣгнуть къ обычному и излюбленному всѣми славянами способу избавленія — къ бѣгству[2]).

Поселеніе черкасъ южнѣе Бѣлгородской черты, за рубежомъ, для Москвы было очень выгодно; она такимъ образомъ дѣлала большой шагъ къ югу; кромѣ того, пришельцы защиту „государевыхъ украинъ" брали на себя. Поэтому въ своихъ указахъ Алексѣй Михайловичъ постоянно напоминалъ воеводамъ, чтобы съ „новоприборными" обращались ласково и предоставили имъ разныя льготы. Дѣлалось это, конечно, изъ желанія удержать на мѣстѣ этотъ собственно ненадежный пришлый людъ.

Воевода не пришелъ въ новопостроенный городъ съ пустыми руками — онъ привелъ съ собою (немного) русскихъ служилыхъ людей, привезъ хлѣбные запасы, пушки, зелье (порохъ) и свинецъ. Онъ проявлялъ всяческое стараніе, чтобы уберечь городъ. Ему въ наказѣ повелѣвалось: „жить съ великимъ береженіемъ неоплошно, по городу, по воротамъ и по башнямъ (ихъ было 10) караулы и сторожа держать и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывать всякими обычаи, чтобы воинскіе люди украдомъ и обманомъ въ день и ночное время къ Харькову изгономъ безвѣстно не пришли и дурна каково не учинили, людей не побили и въ полонъ не поймали[3]). Далѣе воеводѣ приказывалось не ограничиваться защитою самаго города, а при появленіи татаръ вблизи „на тѣхъ воинскихъ людей ходить и служилыхъ людей, и черкасъ посылать, и на рѣкахъ, и на перелазахъ, и на татарскихъ сакмахъ и во всѣхъ крѣпкихъ мѣстахъ надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ промышлять...

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, ст. 33, лл. 733—751.

чтобы поискъ учинить и языковъ добыть, а себя и людей уберечь". При появлени татаръ въ большомъ числѣ предписывалось собирать всѣхъ людей въ городъ, принять всѣ мѣры предосторожности, приготовиться къ осадѣ, всѣхъ и „черныхъ людей росписать, гдѣ кому въ приступное время быть".

Такое-то трудное дѣло предстояло воеводѣ. Несмотря на боевой опытъ черкасъ, оно было трудное потому, что воевода съ русскими служилыми людьми былъ одинокъ въ городѣ, такъ какъ съ черкасами жилъ не въ ладахъ. Они, по его словамъ, не хотѣли ему повиноваться, стеречь башни, ѣздить по вѣстямъ и пр.

Жаловались царю и „многажды" послѣдовательно три воеводы — Селифонтовъ, Офросимовъ и Сухотинъ. Они доносили, что харьковскіе черкасы были и пьяницы, и лѣнтяи, и еретики[1]) и пр., и что, живя среди такого необузданнаго народа, котораго къ тому же „и унять было некому", они, воеводы, являлись страдательными лицами. Сообщалось въ Москву, что Харьковъ пустѣетъ, что черкасы уходятъ изъ него въ другіе города или селятся по окрестностямъ, въ лѣсахъ, гдѣ оставались беззащитными.

Что же гнало черкасъ подальше отъ воеводъ и русскихъ ратныхъ людей, присланныхъ для ихъ же защиты? Были ли въ дѣйствительности харьковцы такъ виноваты, какъ ихъ представляли царю? Черкасы переселились изъ предѣловъ Польши въ надеждѣ найти избавленіе отъ всего того, что выгнало ихъ оттуда. Расчитывать на это они имѣли основаніе, такъ какъ имъ было извѣстно, что царь, подъ защиту котораго они отдавались, охотно принималъ переселенцевъ, даже поощрялъ эти переселенія и въ трудныя минуты приходилъ къ нимъ на помощь — давалъ имъ жалованіе. Проживъ нѣкоторое время въ Харьковѣ, на постройку котораго они положили не мало трудовъ, многіе изъ жителей съ появленіемъ воеводы („для козака воевода — великая невзгода") начали изъ него уходить. Правда, по складу своего характера малороссы всегда были болѣе склонны селиться на просторѣ, по хуторамъ, чѣмъ въ городахъ. Это у нихъ замѣчается и до настоящаго времени — вся Харьковская губернія усѣяна хуторами. Самое названіе Слободской Украйны произошло отъ стремленія ея жителей селиться „слободно" (свободно). Но разъ черкасы поселились уже въ городѣ, то что̀ же ихъ выгнало оттуда? Надо думать, то же, что̀ гнало русскихъ людей на Волгу, Донъ, что̀ создало козачество и вызывало разныя броженія. Заводимые порядки на крутой московскій образецъ, требованіе воеводою безусловной покорности и раболѣпства къ своей особѣ и разныя „пристрастія" не могли прійтись по нраву черкасамъ. Въ нихъ таился вольный духъ козачества, воспрянувшій послѣднее время подъ вліяніемъ блестящихъ побѣдъ Хмельницкаго. Въ поискахъ свободы партія черкасъ, построившая Харьковъ, и пришла въ Придонецкую область. Поэтому его жители, вслѣдствіе давленія со стороны воеводъ, тѣмъ болѣе, если они были несправедливы, стали покидать городъ и селиться по красивымъ урочищамъ. До насъ дошло одно объемистое дѣло[2]), изъ котораго видно, что черкасамъ „Харьково города", поселившимся вблизи его, на пасѣкахъ, жилось вообще не осо-

[1]) Такъ же, ст. 389, лл. 39—40; ст. 399, л. 3.
[2]) Тамъ же, ст. 424 лл. 145—207.

бенно хорошо, и что виновниками того были тѣ воеводы и служилые люди, которые были присланы для ихъ же защиты. Вновь возникшіе слободскіе городки были поставлены („приписаны“) въ зависимость отъ воеводы бѣлгородскаго „съ товарищи“ (другой воевода, дьякъ, подьячій). Воеводы смѣнялись часто и, главнымъ образомъ, за „корыстную службу“; отмѣненное Грознымъ „кормленіе“ на дѣлѣ процвѣтало еще во всей своей красѣ. Въ наказахъ воеводамъ, хотя того же, напримѣръ, Харькова, неизмѣнно стоитъ:[1]) „посуловъ и поминокъ не брать“. Но уже это одно свидѣтельствуетъ, что правосудіе, ими чинимое, зиждилось тогда именно на этихъ поминкахъ.

Алексѣй Михайловичъ, знавшій ихъ только по донесеніямъ, не особенно довѣрялъ черкасамъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста наказа: „чтобы у зелейной и у свинцовой казны все было стройно и бережно и не какіе-бы люди (изъ черкасъ) про зелейную и про свинцовую казну опричь тебя и тѣхъ людей, которымъ у той казны быть велѣно (изъ русскихъ), отнюдь никто не вѣдалъ[2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ царь приказывалъ обращаться съ пришельцами ласково, ничѣмъ ихъ не отягощать и пр. Сообщая о побѣгахъ, отъ которыхъ всячески хотѣлъ удержать харьковцевъ, воевода сокрушенно прибавлялъ: „А я, холопъ твой, тѣхъ черкасъ безъ твоего великаго государя указу на поруки давать и за приставы, и въ тюрьмѣ держать не смѣю“[3]) — и испрашивалъ на этотъ счетъ указа. Но грозный московскій повелитель, предъ которымъ все трепетало, жестоко каравшій даже тѣнь непослушанія своихъ великорусскихъ подданныхъ, на донесеніи воеводы положилъ такую резолюцію: „Государь указалъ, велѣлъ имъ говорить, чтобы великому государю служили, а государева милость, смотря по ихъ службѣ, будетъ“[4]).

Мѣсто для своего поселенія харьковцы выбрали прекрасное и притомъ удобное для защиты въ углу сливающихся двухъ въ то время очень полноводныхъ рѣкъ. Кромѣ искусственныхъ сооруженій, городъ былъ защищенъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой, съ сѣвера, — дремучимъ лѣсомъ, доходившимъ въ былыя времена до самыхъ городскихъ стѣнъ. Татары такіе ловкіе и неуловимые въ привольной степи, на просторѣ, не любили лѣса и избѣгали его. Все было на Украйнѣ — климатъ прекрасный, почва плодородная, какой не много найдется на свѣтѣ, съ избыткомъ вознаграждавшая трудъ земледѣльца. При всемъ томъ земли было много — бери и работай, пріобрѣталась она легко — путемъ простой заимки. Не будь всего прочаго харьковцами, жившимъ въ такомъ „крѣпкомъ“ и прекрасномъ мѣстѣ, могло бы житься не дурно. Московское правительство ко всему этому приказывало не мѣшаться во внутреннюю ихъ жизнь, не требовало съ нихъ податей, напротивъ — выказывало о нихъ постоянно всяческую заботу, доходившую иногда до мелочей[5]).

Хотя многіе изъ черкасъ и хотѣли избавиться отъ требованій воеводы бѣгствомъ, хотя они ему и оказывали нѣкоторое противодѣйствіе, но съ первыхъ же дней прихода начали

---

[1]) Тамъ же, ст. 33, лл. 733—751.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, ст. 315, л. 3.
[4]) Тамъ же, ст. 315 л. 3.
[5]) Тамъ же, ст. 407, л. 131.

проявлять большую склонность къ инымъ, не воинскимъ дѣламъ. Здѣсь, въ новыхъ мѣстахъ, не было ни уніи, ни пановъ, которые такъ отравляли ихъ существованіе на родинѣ. Тамъ, во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, народъ былъ на правахъ почти домашняго животнаго; работать на себя, достигнуть благосостояніе онъ не могъ. Попасть изъ панской неволи въ татарскую было для хлопа почти то же, что изъ огня да въ полымя. Поэтому благопріятныя условія въ новыхъ мѣстахъ, гдѣ черкасы становились людьми свободными, скоро могли измѣнить ихъ воззрѣнія и склонности. Занявшись постройкою дворовъ на городищѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же начали проявлять большую охоту къ торговлѣ. Харьковцы стали обращаться къ царю съ просьбами. Просили они не зелейной казны, не пищалей и пушекъ, чтобы было чѣмъ воевать, — просьбы ихъ носили совсѣмъ иной характеръ. Въ 1659 году харьковцы собрались на раду и долго на ней толковали, какъ бы устроить у себя еженедѣльно базары, а кромѣ того, и ярмарку, которая бы начиналась въ день храмового праздника построеннаго уже къ этому времени въ острогѣ Успенскаго собора. Подъ руководствомъ городского атамана Т. Лавринова было составлено о томъ и послано въ Москву челобитье[1]).

Алексѣй Михайловичъ къ просьбѣ харьковцевъ отнесся очень сочувственно; на челобитьи ихъ 5 августа того же года было положено такое рѣшеніе: „Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ торговать по четвергамъ и о томъ дать имъ грамоту“[2]). Этою же грамотою установлялось и Успенская ярмарка, имѣвшая для города большое значеніе, способствовавшая его торговому развитію. Начавшись въ 1659 году, она неизмѣнно повторяется ежегодно и до нашихъ дней. Въ 1660 году въ наказѣ[3]) воеводѣ В. И. Сухотину царь повелѣлъ позволить харьковскимъ черкасамъ и пріѣзжавшимъ въ Харьковъ „изъ польскихъ и изъ украинскихъ городовъ съ торговыми промыслы“ торговать „межъ себя всякими товары безпошлинно“. Далѣе харьковскимъ жителямъ дозволялось вино курить, пиво варить и меды ставить также безпошлинно. При этомъ дѣлалось ограниченіе: вино, пиво и медъ можно было только „держать про себя“, а продажнаго, чтобы „у нихъ отнюдь не было“[4]). Строго было запрещено привозить на ярмарку въ Харьковъ для продажи вино и табакъ. „А которые, — говорилось въ наказѣ, — люды изъ черкасскихъ городовъ съ виномъ и табакомъ въ Харьковъ пріѣдутъ и тѣхъ людей... отсылать назадъ въ черкасскіе городы и уѣзды совсѣмъ вцѣлѣ, а грабежу и убытковъ тѣмъ пріѣзжимъ не дѣлать, а приказывать имъ накрѣпко, чтобы они впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и табакомъ не пріѣзжали, а которые впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и съ табакомъ пріѣдутъ и у тѣхъ велѣть бочки съ виномъ разсѣкать, а табакъ жечь“. Кромѣ освобожденія харьковцевъ отъ платежа пошлинъ за торговлю, вниманіе царя и желаніе приласкать ихъ видно во всемъ — „для ихъ иноземства“ — „пошлинъ съ судныхъ дѣлъ съ русскихъ людей имать противъ прежняго государева указа, а съ черкасъ съ ихъ исковъ по-

---

[1]) Тамъ же, ст. 480, лл. 307—309.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, ст. 33, лл. 733—751.
[4]) Тамъ же.

шлинъ... не имать", „а черкасамъ обидъ и налоговъ, и насильствъ никакихъ не дѣлать, и посуловъ и пошлинъ ни у кого ни отъ какихъ дѣлъ не имать". Права и льготы харьковцевъ все расширялись, подтверждаемыя грамотами[1]). Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича онѣ были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожнихъ земель, 2) устройство козацкое и самоуправленіе, 3) безпошлиное занятіе всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокуреніемъ и уже продажею вина, 4) свобода отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ, и 5) право содержать на откупѣ таможни, мосты и перевозы.

Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникновеніемъ или очень скоро, была построена церковь св. Николая. Вскорѣ, въ 1651—1658 годахъ, былъ построенъ въ острогѣ и деревянный Успенскій соборъ[2]), стоявшій въ 25 саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ гордо высится уходящая въ небо колокольня теперешняго каѳедральнаго собора.

Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно весь свой скарбъ и всѣ бывшіе у нихъ церковныя принадлежности, даже колокола. На выбранномъ для поселенія мѣстѣ они строили себѣ новыя церкви.

Православная вѣра въ Польшѣ была всегда въ большомъ загонѣ; исповѣдовалась она простымъ народомъ и называлась поэтому презрительно поляками „хлопской". Богатые и знатные роды русиновъ — Острожскіе, Вишневецкіе, Сангушки и др. — постепенно перешли въ католичество и забыли о своей національности. Отвернувшись отъ народа, они, какъ неофиты, сдѣлались особенно ревностными католиками, польскими патріотами и горячо стали отстаивать шляхецкія идеи (напр. Іеремія Вишвецкій). Православныя церкви въ своихъ необъятныхъ владѣніяхъ они отдавали въ аренду евреямъ, которымъ народъ долженъ былъ платить за право исполнять какую-либо требу. Понятно, что русскія церкви въ Польской Украйнѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не могли быть богатыми. Поэтому и переселенцы не могли привезти съ собою много и хорошей церковной утвари и принадлежностей вообще, а если и привезли, то жалкую и кое-какую. По крайней мѣрѣ, черкасы прибывшіе на Харьковское городище, построили себѣ церкви, но такія бѣдныя, что въ нихъ совсѣмъ не было ни иконъ, ни книгъ, по которымъ можно было бы править церковныя службы. Въ какомъ состояніи были эти церкви, ясно видно изъ приводимаго ниже донесенія воеводы Ив. Офросимова, прибывшаго въ Харьковъ на смѣну В. Селифонтова въ 1658 году[3]).

„Стѣны, государь, межъ углы четырехъ саженъ, а образовъ, государь, мѣстныхъ и деисусовъ нѣтъ; черкасы, государь, молятся бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ, а книгъ, государь, и заводу никакихъ нѣтъ и за тебя, великаго государя, молить Бога не по чемъ; только, государь, лгутъ Богу и десятыя, государь, части хвалы Богу не воздаютъ; нѣтъ, государь, Евангелія напрестольнаго, ни служебника, ни потребника, ни тріоди постной, ни трефолоя, ни апостола, ни меніи

[1]) Наша „Ист. Харьк. Слоб. Каз. п." Харьковъ 1896 г. 47.
[2]) Арх. Мин. Юст. Бѣл. столъ, ст. 399, л. 3.
[3]) Тамъ же.

общей, ни охтои, ни шестоднева, ни псалтири съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго. И о томъ вели, государь, свой государевъ милостивый указъ учинить, чтобы, государь, было по чемъ за тебя, великаго государя, молить Бога и воздать хвалу къ Богу. А я, холопъ твой, видя ихъ маловѣріе, что поклоняются бумажнымъ листамъ и стѣнамъ, для того къ тебѣ, великому государю, и писалъ. И о томъ, какъ ты, великій государь, укажешь".

На самомъ челобитьи воеводы стоитъ такая помѣтка: „выписать про церковное строеніе" — и только. Воевода въ числѣ другихъ своихъ многосложныхъ обязанностей, долженъ былъ вести, такъ называемыя, „строельныя книги", куда во всѣхъ подробностяхъ заносилось все, что касалось возводимыхъ въ городѣ построекъ.

Помимо Офросимова и сами черкасы пробовали обращаться къ царю съ просьбою помочь имъ строить церкви и снабдить ихъ нужными вещами. Воевода доносилъ о маловѣріи черкасъ, о ихъ ереси, такъ какъ молились они бумажнымъ листамъ литовскаго письма и стѣнамъ. Обвинялись они и въ томъ, что „лгутъ Богу" и не воздаютъ Ему „и десятой части" хвалы. Все это, по понятіямъ того времени, были преступленія не маловажныя. За подобное отступничество Тишайшій не помиловалъ бы; за это тогда можно было жестоко поплатиться. Царь и патріархъ у себя въ Московскомъ государствѣ немилосердно преслѣдовали и карали малѣйшее преступленіе. Пылали даже очистительные костры. А воевода обвинялъ черкасъ въ такомъ тяжкомъ преступленіи, что они не молятся за великаго государя.

Но, видимо, Алексѣй Михайловичъ сильно дорожилъ своими новыми подданными, если не обращалъ вниманія на всѣ эти и другія немаловажныя обвиненія. Въ Москвѣ, по всей вѣроятности, знали обо всемъ этомъ — все такое же было и въ другихъ городахъ заселившейся тогда Слободской Украйны. Царь благоразумно не хотѣлъ крутыми мѣрами возстановлять противъ себя переселенцевъ. Строгость и притѣсненія могли только положить предѣлъ дальнѣйшимъ переселеніямъ, что не входило въ расчетъ государства, слабую сторону котораго и составляло именно малолюдство. Намъ извѣстно[1]), что изъ Москвы посылалось въ новопостроенные города все необходимое „церковное строеніе", заключавшееся въ образахъ, книгахъ и пр., даже безъ всякой со стороны жителей просьбы. Но въ Харьковъ почему-то ничего дано не было.

Лѣтомъ 1657 года въ Москву изъ „украинскаго дальняго г. Харькова" пришли два священника и діаконъ „бить челомъ о церковномъ строенію"[2]). Они, конечно, не поскупились на мрачныя краски, изображая, чтобы разжалобить, бѣдственное положеніе церквей на Украйнѣ. Изъ челобитья священниковъ видно, что приняты они были не особенно гостепріимно; а изъ донесенія воеводы, писанаго годъ спустя, — что просьбы ихъ и совсѣмъ исполнены не были. Челобитье первыхъ харьковскихъ священниковъ такъ характерно, что его стоитъ привести въ подлинномъ видѣ.

---

[1]) Тамъ же, ст. 268, лл. 567—595.
[2]) Тамъ же, ст. 408, л. 472.

„Царю-Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи самодержавцу бьютъ челомъ богомольцы твои, бѣдные государевы украинскаго дальняго г. Харькова черкаскій попъ Еремѣеще и новоставленные попъ Василище и дьяконъ Іосипище да Чугуевскаго городу Печенѣжской слободы попъ Лукьянище. Приволоклися мы, богомольцы твои, къ тебѣ, Государю, бити челомъ о церковномъ строенію! и мы на Москвѣ волочимся четвертую недѣлю и чрезъ тые часы спроѣлися, пыть и исты нечего и скуфіей у насъ нѣтъ. Милосердный Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, Государь, намъ бѣднымъ своего государева жалованія кормъ дать, чѣмъ тебѣ, Государю, объ насъ Богъ извѣститъ. Царь-Государь, смилуйся!“

Но почему-то тогда царь не помогъ харьковцамъ построить храмы и не пожертвовалъ церковныхъ книгъ, иконъ и утвари, а приказалъ лишь выдать „изъ разряда попамъ по рублю, а дьякону 20 алтынъ“.

Деньги эти „попъ Еремѣище“ взялъ и „за себя и за товарищи руку приложилъ“.

Описаніе рукописнаго матеріала по исторіи Слободской Украйны въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба.

Ив. Катаева.

По описи 25-й дѣло за № 341 „Объ учрежденіи Слободскихъ полковъ гусарскими“, на 1080 листахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе документы:

Промеморія герольдмейстерской конторы Прав. Сената въ военную коллегію о новыхъ знаменахъ въ Слободскіе полки и о составленіи къ нимъ рисунковъ отъ 1751 г. Новые рисунки и знамена должны быть составлены на основаніи именнаго указа отъ 1734 г. Приложены рисунки красками гербовъ пяти Слободскихъ полковъ. (1—4 л.).

Справка и копія съ указа военной коллегіи 1761 г. объ учрежденіи при ней особой экспедиціи для разбора дѣла о приведеніи нерегулярныхъ Слободскихъ полковъ на другое основаніе. Ген.-фельдм. гр. Бутурлинъ по поводу возобновленнаго прошенія полковника Острогожскаго полка Тевяшова представилъ Императрицѣ мнѣніе со штатомъ о приведеніи Слободскихъ полковъ „совсѣмъ на другое основаніе, а именно учрежденіи изъ нихъ регулярнаго корпуса, состоящаго изъ трехъ драгунскихъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ, что Императрица какъ для службы, такъ и для благосостоянія того народа“ признала весьма полезнымъ. Но по челобитной бригадира Банческуля, противоположной по мнѣнію, повелѣно было дѣло вновь разсмотрѣть, почему полковникъ Тевяшовъ оставленъ при коллегіи до окончанія работъ. Ген.-фельдм. президентомъ коллегіи кн. Никитой Трубецкимъ затребованы съ этой цѣлью изъ сената ранѣе представленные туда проекты объэтомъ, и Высочайше повелѣно основать особую экспедицію для составленія изъ этихъ проектовъ экстракта. (5—8 л.).

Экстрактъ изъ переписки по дѣлу о составленіи новыхъ рисунковъ и гербовъ для знаменъ Слоб. полковъ съ 734—743 г. г. и реэстръ рисунковъ для знаменъ. Всего пересчитано 35 рисунковъ для всѣхъ сотенъ пяти Слоб. полковъ. (На 11 лист. съ 9—19).

Рапортъ ген.-фельдм. Бутурлина отъ 18 марта 1757 г. въ военную коллегію съ копіей доношенія изъ Сумской и Ахтырской полков. канцелярій за подписью ген.-лейт. кн. Кантемира отъ 10 января 1757 г. Вслѣдствіе указа изъ Главной соляной конторы отъ 1757 г. — въ Слобод. полкахъ съ января 1757 г. на шесть лѣтъ

содержать на откупѣ выварочную соль на казенныхъ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ Орловскимъ купцамъ съ прибавкой при продажѣ къ указной цѣнѣ 1 коп. на пудъ, Сумская и Ахтырская полков. канцеляріи доносятъ, что этотъ указъ является нарушеніемъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ Слободскимъ полкамъ 7171 г., 7172 г., (Въ другихъ случаяхъ вмѣсто первыхъ двухъ датъ приводятся года 7177, 7192,) 7196, 1700 г., подтвержденныхъ императрицей Елизаветой. По этимъ жалованнымъ грамотамъ казаки пользуются правомъ безпошлинной торговли и промысловъ, почему они и имѣютъ возможность отправлять военную службу на Украйнѣ безъ денежнаго жалованья. Если же лишить ихъ этого права — они придутъ въ разоренье. Поэтому полков. канцеляріи ходатайствуютъ объ отмѣнѣ вышеотмѣченнаго указа, — а по прежнему варить свободно соль на Бахмутскихъ и Торскихъ заводахъ полковой старшинѣ и казакамъ для своего продовольствія и на продажу за указныя окладныя деньги (на 6 л. 20—25).

Доношеніе въ военную коллегію ген.-фельдм. Бутурлина 4 мая 1758 г. Представляя бѣдственнымъ положеніе Слобод. полковъ вслѣдствіе наложенныхъ на нихъ разныхъ повинностей вопреки пожалованнымъ имъ прежде грамотамъ и вслѣдствіе послѣдняго похода, Бутурлинъ прилагаетъ „экстрактъ, на какомъ основаніи казацкіе Слободскіе полки по состоявшимся указамъ содержать повелѣно, какія сверхъ того имъ излишества и тягости положены и что, по мнѣнію ген.-фельдм. и кавалера Бутурлина, отнынѣ учредить должно". Экстрактъ соотвѣтственно этимъ тремъ пунктамъ, отмѣченнымъ въ заглавіи, раздѣляется на три графы. Въ первой графѣ содержится перечень указовъ о казакахъ: 1) по грамотамъ Алексѣя Михайловича и Петра I 7177, 7192, 7196, 1700 г.г. быть въ конной службѣ выборнымъ казакамъ 3577 челов., а достойнымъ помогать въ службѣ коннымъ по ихъ обыкновенію. Кромѣ той полковой конной службы на годовую службу никуда не посылать и тягостей и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ не брать. Полковникамъ, старшинамъ и казакамъ вмѣсто годоваго жалованья всякими промыслами промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, мельницами, рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть, шинки держать и шинковать во всѣхъ городахъ и вино курить безоброчно. 2) Въ 733 г. при учрежденіи Слобод. полковъ ген. кн. Шаховскимъ по указу Анны Іоанновны въ тѣхъ полкахъ учредить казаковъ: Въ Ахтырскомъ 1000, въ остальныхъ 4-хъ по 800, и того 4200, и къ нимъ изъ старшинскихъ дѣтей подпрапорныхъ, сколько надлежитъ, до регулярныхъ въ каждомъ полку по 100, всего 500. Оставшимся за этимъ укомплектованіемъ казачьимъ дѣтямъ и ихъ свойственникамъ быть въ запасѣ для укомплектованія убылыхъ мѣстъ. Сбирать съ нихъ лошадьми, на ружья, порохъ, пули и проч. въ годъ по 10 коп. съ души, а съ „подсобедковъ и съ подпомощиковъ" по 18¾ коп. 3) Указъ 1743 г. 28 сентября — возвратить казаковъ на прежнее положеніе, бывшее при Петрѣ Великомъ, но выборныхъ конныхъ казаковъ быть 5000.

Вторая графа — значатся сверхъ указаннаго положенія излишества: 1) по ордерамъ бригадира Капниста и по опредѣленію военной коллегіи положено держать 5000 казаковъ „о дву конь"; 2) по случаю похода для службы на линіяхъ и фор-

постахъ кромѣ 5000 выбрать еще 2500 одноконныхъ, которые продолжаютъ служить по настоящ. время (въ 1758 г.); 3) при каждомъ сотникѣ быть кромѣ того походнымъ урядникамъ, по одному атаману, хорунжему и по 2 эсаула; 4) пушекъ въ каждомъ полку держать по 6, всего 30 (прежде было по 2), при нихъ пушкарей по 30, всего 150; 5) въ 756 г. изъ казачьихъ родственниковъ и подпомощиковъ выбрать во вновь учрежденный гусарскій полкъ въ гусары 1086 челов. Поэтому казаки отправляютъ три разныя службы: а) дѣйствительно двуконно служащіе, в) одноконные казаки, с) гусары, — такъ что домашнюю экономію вести некому. Лошадей для гусаръ также не хватаетъ; 6) въ 751 году новая повинность на казачьихъ свойственниковъ и подпомощиковъ: строить конюшни и содержать по нѣсколько сотъ лошадей на полкъ, поставленныхъ въ Слобод. полкахъ изъ Малороссійскихъ Кирасирскихъ полковъ; 7) изъ Бѣлгородской и Воронежской губерн. канцелярій запрещено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куреніе вина и шинкованіе; 8) изъ Воронежской губерніи ежегодно насылаются офицеры въ должности вальдмейстеровъ съ командами, причиняющими не малое разоренье казакамъ; 9) въ 709 г. по случаю Шведскаго разоренья въ Ахтырскій полкъ пожаловано до 10 новыхъ селъ и деревень, но съ нихъ прибавлено казаковъ въ 722 г. 402 челов., земли же потомъ отошли въ аренду, а увеличенный наборъ казаковъ остался; 10) назначенная на артиллерію и удовлетвореніе прочихъ полковыхъ нуждъ подпомощичья сумма указомъ сената опредѣлена на содержаніе вновь набраннаго гусарскаго полка; 11) изъ бывшихъ въ походѣ лошадей утрачено 4927, и всѣ казачьи полки возвратились почти безъ аммуниціи.

Третья графа — мнѣніе ген.-фельдм. Бутурлина на 1, „прибавленіе и излишество“: достаточно по одной лошади на казака; на 2) казаковъ, взятыхъ на службу въ форпостахъ во время похода въ колич. 2500, распустить какъ остающихся въ полкахъ вопреки указу Императрицы; на 3, оные чины отмѣнить; на 4, имѣть по прежнему по двѣ пушки; на 5, если оставить шестой гусарскій полкъ, то по крайней мѣрѣ освободить казаковъ отъ поставки въ него лошадей, а пріобрѣтать ихъ покупкой; на 6, если нельзя отмѣнить, то по крайней мѣрѣ зачитать въ фуражъ; на 7, 8 и 9, представить на разсмотрѣніе Сената; на 10, означенную сумму употреблять на прежнія нужды, а на содержаніе новаго полка исходатайствовать отъ Сената особую сумму; на 11, потерянныхъ лошадей пріобрѣтать на положенную казачью сумму. (На 4 лист. 27—30 ч.).

Вторичное доношеніе Бутурлина въ военную коллегію отъ 15 іюня 1758 г. съ извѣщеніемъ объ отправкѣ вышеизложеннаго экстракта и ходатайствомъ ускорить резолюцію на него. Пока же Бутурлинъ распорядился о выдачѣ аммуничныхъ и прочихъ вещей объ одной лошади казакамъ, а убылыхъ людей укомплектовать изъ находящихся на линіи 2500 человѣкъ.

Третье доношеніе Бутурлина въ военную коллегію отъ 17 августа 1758 г. о бѣдственномъ состояніи Слобод. полковъ отъ наложенныхъ на нихъ излишествъ и тягостей и послѣ Прусскаго похода 1757 г. вслѣдствіе убыли въ лошадяхъ, недостатка въ оружіи и провіантѣ, отчего происходятъ побѣги казаковъ за границу. Бутурлинъ снова ходатайствуетъ дать скорѣйшую резолюцію по этому вопросу и

прилагаетъ въ подтвержденіе своихъ сообщеній копіи съ трехъ доношеній о состояніи полковъ ген.-лейтен. Кантемира — два отъ 13 іюня 1758 г. и одно отъ 13 іюля того же года, въ которомъ Кантемиръ между прочимъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи отправить достойныхъ казацкихъ старшинъ въ Петербургъ для личнаго ходатайства о своихъ нуждахъ (31—38 л.).

Копія съ ордера Бутурлина кн. Кантемиру въ отвѣтъ на его доношенія въ 4-хъ пунктахъ: 1) старшинъ въ Петербургъ не посылать во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, а Бутурлинъ ходатайство беретъ лично на себя; 2) впредь до резолюціи оставить прежнее оружіе (Кантемиръ просилъ объ отпускѣ оружія); 3) объ отпускѣ денегъ на починку мостовъ Бутурлинымъ представлено ходатайство, а пока — починовать на обывательскія средства; 4) относительно ослушаніе бригадира Банческуля, на котораго жаловался Кантемиръ, приняты мѣры къ разслѣдованію. (л. 39.)

Доношеніе Ахтырской полковой канцеляріи кн. Кантемиру за подписью полковника Лесевицкаго отъ 25 мая 1758 г. объ освобожденіи наложенныхъ на казаковъ сверхъ указовъ мостовыхъ и дорожныхъ пошлинъ (40—41 л.).

Дѣло, состоящее изъ доношенія Ахтырской полковой канцеляріи кн. Кантемиру отъ 25 мая 1758 г., изъ мироваго письма и указа Прав. Сената по спору между полковникомъ Василіемъ Танскимъ и Мураховскими казаками Ахтырскаго полка о владѣніи землей въ мѣстечкѣ Мурафѣ (42—54 л.).

Дѣло о „маетностяхъ", принадлежавшихъ бывшему Ахтырскому полковнику Перекрестову и пожалованныхъ въ 1709 г. во владѣніе Ахтырскому полку, — состоящее изъ рапорта Ахтырской полков. канцеляріи кн. Кантемиру отъ 25 мая 1758 г., письма Алексѣя Даниловича Меньшикова отъ 4 мая 1709 г. (копія) и указа канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (копія) на имя Ахтырскаго полковника о пожалованіи Перекрестовскихъ владѣній Ахтырскому полку, съ реэстромъ грамотамъ на владѣніе, даннымъ Ивану Перекрестову (55—64 л.).

Доношеніе полковниковъ всѣхъ пяти Слобод. полковъ за подписью каждаго (Харьковскій — Куликовскій, Сумскій — Захаржевскій, Ахтырскій — Лесевицкій, Острогожскій — Тевяшовъ, Изюмскій — Краснокутскій) отъ 1758 г. Май мѣс. (день не обозн.) Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 11 пунктахъ. Въ доношеніи излагается состояніе полковъ по указамъ и жалов. грамотамъ государей, говорится о вѣрной службѣ казаковъ по Украинской линіи въ защитѣ отъ набѣговъ татаръ и участіи во многихъ другихъ походахъ, о льготахъ, данныхъ имъ за эту службу, и наложенныхъ на нихъ послѣ 733 г. тягостяхъ противъ указовъ, которыя привели къ разоренію казаковъ. Пункты въ содержаніи по существу тѣ же, что и въ доношеніи Бутурлина, но изложены подробнѣе. Полковники просятъ Императрицу объ облегченіи и снятіи тяжелыхъ повинностей съ казаковъ. (65—75 л.). Къ доношенію приложены подробныя вѣдомости отъ каждаго полка отдѣльно по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) какое число душъ съ дистрикта каждаго полка и приписныхъ къ нему селъ и деревень платитъ деньгами и натурой по росписи 733 г., сколько убылыхъ и сколько состоитъ въ наличности въ 1758 г.; 2) сколько уплачивается расходовъ на содержаніе лошадей и постройку конюшенъ и пр. для лошадей кирасирскихъ полковъ заводовъ погодно

съ 751—758 г. г.; какіе города и села состоять подъ запрещеніемъ винокуренія, шинкованія и продажи соли; 4) сколько расходовъ на содержаніе стоящихъ на квартирахъ разныхъ полковъ и на доставку провіанта подпомощикамъ и владѣльческимъ подданнымъ по квитанціямъ значится, 5) сколько въ 739 г. во время Турецкой войны взято на армію безплатно воловъ и по какой цѣнѣ въ городахъ и уѣздѣ каждаго полка; 6) сколько въ бывшемъ (Прусскомъ) походѣ казаковъ при арміи оставлено, убито, умерло и лошадей убыло. Въ вѣдомостяхъ Изюмскаго полка есть между прочимъ графа: въ какой цѣнѣ въ городѣ Изюмѣ въ 1732—1741 г. г. (погодно и помѣсячно) провіантъ и фуражъ состояли (мука, крупа, соль, овесъ, сѣно — на 126—129 л. (76—149 л.).

Рапортъ провіантской главной канцелярію въ военную коллегію отъ 11 октября 1759 г. съ приложеніемъ трехъ вѣдомостей: 1) сколько людей изъ Слобод. казаковъ, изъ свойственниковъ и подпомощиковъ ходитъ за лошадьми 2-хъ кирасирскихъ полковъ заводовъ въ Малороссіи (всего въ 5 полкахъ — 106 чел.), 2) сколько съ тѣхъ заводовъ въ кирасирскіе и драгунскіе полки лошадей поставлено въ 753 — 756 г. г.. 3) сколько на содержаніе казаковъ и изъ какихъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ людей состояло въ 753 — 759 г.г. (150—159 л.).

Доношеніе ген. фельдм. Бутурлина въ военн. коллегію отъ 14 окт. 1758 г. содержитъ въ себѣ новое напоминаніе о бѣдственномъ состояніи Слоб. полковъ и требованіе скорѣйшей резолюціи на представленныя ранѣе доношенія (160 л.).

Рапортъ отъ главн. провіантской канцеляріи въ военн. коллегію отъ 19 окт. 1759 г. содержитъ извѣщеніе на запросъ коллегіи, сколько, на какую цѣну провіанту и фуражу было доставлено отъ Слоб. полковъ въ бывшую Турецкую кампанію, сколько за него заплачено и недоплачено, и почему. Объ этомъ посланъ запросъ ген.-анш. Стрешневу и ген.-лейт. Кантемиру и, по полученіи отъ нихъ свѣдѣній, будетъ доложено коллегіи (163—164 л.).

Экстрактъ изъ секретнаго повытья, для какихъ обстоятельствъ и по какому указу наряжена въ походъ (Прусск. кампан. 1756 г.) 5 тысячная команда Слоб. козаковъ о двухъ коняхъ и гдѣ нынѣ оная находится, сколько пушекъ въ каждомъ полку, сколько всего лошадей потеряно и проч. обстоятельствахъ и Прусскаго похода (провіантѣ, жалованьи и пр.) (165—200 л.). Далѣе, слѣдуютъ подробныя вѣдомости сколько Слоб. полковъ старшинъ, рядовыхъ и прочихъ чиновъ, такомъ и лошадей, отправлено было въ походъ, и что изъ того числа какимъ случаемъ убыло и затѣмъ дѣйствительно въ ихъ домъ прибыло, о состояніи Слоб. полковъ послѣ похода (въ количеств. отношеніи), о состояніи артиллеріи, сколько, какихъ чиновъ и почему не выступило въ походъ, какимъ числомъ убылыхъ откомплектовать требуется“. Вѣдомости отъ 1757 г. янв. 3, за подписью Кантемира (201—213 л.).

Экстрактъ изъ дѣла (по справкѣ въ гусарскомъ повытьѣ) объ учрежденіи перваго гусарскаго полка изъ раскасованнаго Слоб. драгунскаго полка по указу Прав. Сената отъ 3 окт. 1756 г. съ цѣлью употребить его на Украйнѣ, „гдѣ большая нужда будетъ“. Дѣло составленія новаго полка поручить ген.-анш. гр. Салтыкову, которому изъ военной коллегіи выслать повелѣно весь матеріалъ, имѣющійся тамъ объ учреж-

деніи Слоб. драгунскаго полка. Вслѣдствіе затребованныхъ Салтыковымъ отъ военн. коллегіи указаній къ составленію полка, то обращается по этому дѣлу къ Сенату. Сенатомъ 21 марта 1757 г. опредѣлено: 1) послать гр. Салтыкову копію съ примѣрнаго штата по проэкту Слоб. Изюмскаго полка полков. обознаго Мих. Милорадовича, и какъ объ учрежденіи этого полка, такъ и о преобразованіи другихъ пяти Слоб. полковъ учинить разсмотрѣніе и представить въ Сенатъ мнѣніе; 2) пока же не медлить сформированіемъ перваго гусарскаго полка и для обученія гусаръ, пока оберъ и унтеръ-офицеры того полка остаются въ походѣ, взять командированныхъ изъ Новой Сербіи Славяносербскаго полка офицеровъ; 3) нужное вооруженіе отпустить отъ главной артиллеріи и оружейныхъ заводовъ; 4) опредѣляются форма одежды гусаръ, цвѣта чепраковъ и пр.; 5) лошадей взять у бывшихъ драгунъ и изъ подпомощиковъ; 6) на содержаніе полковъ взять изъ подпомощичьей суммы, а недостатокъ пополнить до 10 тыс. руб. изъ суммъ, отпущенныхъ на Новосербію и Славяносербію впредь до разсмотрѣнія; 7) проэктъ знаменъ составить Салтыкову, а пока имѣть прежнія драгунскія знамена. Мая 4-го 1757 г. Сенатомъ опредѣленъ штатъ вновь учреждающагося гусарскаго полка „какому числу и какимъ чинамъ быть“ въ немъ (количество всѣхъ чиновъ въ полку—1179 чел.). Слѣдующіе указы того же 1757 г. касаются укомплектованія оружіемъ, лошадьми, опредѣл. окладная сумма по содержанію новаго полка (л. 214—226).

Листы 227—234 содержатъ справку изъ гарнизоннаго въ приказное повытье, сколько лошадей въ каждый Слоб. полкъ изъ Измаиловскихъ конскихъ заводовъ введено и зачѣмъ.

Рапорты Бутурлина и Стрешнева въ военн. коллегію о собираніи недоимки Слоб. полковъ подпомощичьяго оклада при чемъ Бутурлинъ, извѣщая о собраніи 2388 руб. (изъ 16462 р.), свидѣтельствуетъ о крайнемъ изнуреніи казаковъ и о невозможности собирать остальную сумму. (235—240 л.).

Представленіе ген. фельд. Бутурлина Имп. Елизаветѣ 1760 г. ноября (день не обозн.) о необходимости преобразовать Слоб. полки въ регулярный корпусъ, изъ 3 драгунскихъ и 2 пѣхотныхъ полковъ состоящихъ. Представляя бѣдственнымъ состояніе полковъ, Бутурлинъ указываетъ между прочимъ на убыль и побѣги населенія: съ 733 по 759 г. г. убыло казаковъ, подпомощиковъ и владѣльческихъ подданныхъ болѣе 82 тыс. человѣкъ. Новообразованный корпусъ поставить для охраны Украинской линіи и въ другіе походы никуда не употреблять.

Къ представленію приложено въ 1) описаніе состоянія Слобод. полковъ съ мнѣніемъ Бутурлина: „на какомъ основаніи Слободскіе полки по жалованнымъ грамотамъ учреждены и въ перемѣну тѣмъ жалованнымъ грамотамъ состоятъ и нынѣ какимъ порядкомъ учредить надлежитъ“. Первый пунктъ содержитъ изложеніе указовъ о Слобод. полкахъ, переданныхъ выше, второй и третій пункты въ двухъ графахъ подъ заглавіемъ: а) представленіе Слоб. полковъ, и в) мнѣніе ген. фельд. Бутурлина; то и другое въ трехъ частяхъ. Первая часть подъ заглавіемъ: „вольности у нихъ пресѣчены“ въ 4-хъ пунктахъ съ приложеніемъ мнѣнія Бутурлина на каждый пунктъ, говорится объ ограниченіи льготъ казаковъ въ торговлѣ, промыслахъ, куреніи вина и шинкованіи. Часть вторая: „тягости на оные полки наложены въ несходство

привилигіевъ“ въ 9 пунктахъ съ замѣчаніями на каждой. „Тягости“ перечисляются тѣже и съ такими же приблизительно замѣчаніями, какъ выше въ экстрактѣ Бутурлина, представленномъ въ военн. коллегію. Большинство этихъ тягостей по мнѣнію Бутурлина, нужно отмѣнить. Третья часть: „и для того всѣ полки общественно желаютъ принять регулярную службу“ — въ 9 пунктахъ также съ замѣчаніями Бутурлина: 1) о томъ для одобренія народа и удержанія отъ побѣговъ публиковать указомъ съ обнадеживаніемъ милости, возвратить прежнія вольности и сложить всѣ излишества; 2) оные полки наименовать Слободскимъ корпусомъ, полковниковъ произвесть полковниками, а офицеровъ изъ старшинъ съ рангами противъ прежняго драгунскаго полка; 3) для управленія тѣмъ корпусомъ и прочими внутренними и экономическими дѣлами учредить особое правленіе подъ командою ген.-фельдмаршала, а гражданскимъ канцеляріямъ состоять на такомъ основаніи какъ нынѣ есть, быть въ нихъ судьямъ и писарямъ и прибавить жалованья; 4) въ сотенныхъ мѣстечкахъ сотникамъ и никакимъ нерегулярнымъ старшинамъ уже не быть, а начальство имѣть вмѣсто нихъ офицерамъ; 5) для содержанія корпуса сбирать съ казаковъ и ихъ подпомощиковъ всего —127.000 руб.; 6) жалованье въ мирное время не производить, довольствоваться указными вольностями, а въ военное время въ походѣ давать армейское; 7) для скорѣйшаго оборудованія корпуса къ имѣющемуся въ бывшемъ драгунскомъ полку оружію выдать недостающее, а также и аммуницію,—изъ казны; 8) положенную „на консистенты“ сумму на владѣльческихъ подданныхъ причислить къ ихъ же суммѣ и съ нихъ взыскивать; 9) „для приращенія интереса“ по рѣкамъ Волгѣ и другимъ поселившимся и никакой службы не отправляющимъ учинить вновь ревизію и бѣжавшихъ туда изъ Слободскихъ полковъ возвратить.

2-е приложеніе къ представленію Бутурлина — штатъ „въ коликомъ числѣ учреждаемаго Слободскихъ полковъ корпуса драгунскіе 3 и пѣхотные 2 полка людьми, лошадьми, мундирными и аммуничными вещами состоять имѣютъ и что на то содержаніе ежегодно потребно денежной суммы“. Проектъ штата заключаетъ въ себѣ росписаніе количества людей всѣхъ чиновъ въ драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ (въ драгунскихъ — по 1010 чел., въ пѣхотномъ по 1559 чел.), жалованья имъ, количества лошадей, расходы на покупку ихъ, смѣту расходовъ на артиллерію, провіантъ и фуражъ, лазаретъ, полковыя церкви, описаніе гербовъ для знаменъ и формы всѣхъ пяти полковъ. (242—277 л.; проектъ штата излож. 253—277).

Экстрактъ, составленный въ 1759 г. въ военной коллегіи, изъ дѣлъ о Слободскихъ полкахъ по донесеніямъ г. ф. Бутурлина, кн. Кантемира и др. и по справкамъ въ военн. коллегіи, изложенъ въ двухъ графахъ: въ первой излагаются доношенія, во второй справки — коллегіи. Доношенія и рапорты, приводимые здѣсь, всѣ излагались выше. (277—313 л.).

Рапортъ въ военн. коллегію ген.-лейт. князя Кантемира отъ 1757 г. съ приложеніемъ вѣдомостей „сколько въ Слободскихъ полкахъ съ прошлаго 733 г. съ начала учрежденія оныхъ, по 756 г. собираемой въ силѣ имянн. указу съ казачьихъ подпомощиковъ съ присяжнаго двора, состоящаго въ 50 душахъ, по девяти рублей, по 43 коп. съ осмою, да съ остаточныхъ — по $8^3/_4$ коп. съ души, суммы денегъ

повсегодно въ сборѣ было, и изъ той суммы сколько, когда и на что въ расходъ употреблено, и затѣмъ въ доимкѣ и на лицо состоитъ значится подъ симъ; февраля 1 дня 1757 г.“ (314—463 л.). Въ концѣ на двухъ листахъ приложена общая вѣдомость.

Дѣло 1760 г. „по указу изъ Сената о командированіи для осмотра и снятія въ Малороссіи подъ кладку привозимой туда соли подъ строеніе казенныхъ амбаровъ мѣстъ и учиненія смѣты изъ имѣющихся въ Кіевѣ двухъ инженеровъ“. (464—496 л.).

Извѣщеніе изъ экспедиціи по Слоб. полкамъ въ экспедицію о разсмотрѣніи о приведеніи ихъ на другое основаніе отъ 1761 г. съ приложеніемъ доношенія отъ Слоб. полковъ на имя ген. Стрежнева „объ изнеможеніяхъ на тѣ полки наложенныхъ“. (497—501.).

Дѣло 1761 г. о бригадирѣ Банческулѣ, состоящее изъ справки генералъ-аудиторской экспедиціи и челобитныхъ Изюмскаго полка полковника Милорадовича Имп. Елизаветѣ и ген. кн. Кантемиру отъ 1759 г. Полковникъ Милорадовичъ жалуется, что бриг. Банческуль оказываетъ препятствіе къ преобразованію Слоб. полковъ въ регулярные съ корыстной цѣлью, такъ какъ для него, Банческуля, прежнее положеніе и строй казачьей службы доставляютъ большія выгоды. Покупкою земель у казаковъ онъ пріобрѣлъ большія владѣнія на земляхъ Изюмскаго полка, для услугъ себѣ и работы въ этихъ владѣніяхъ употребляетъ казаковъ и подпомощиковъ; такъ, — онъ держитъ у себя на работахъ четыре сотенныхъ команды въ количествѣ 147 казаковъ, а вмѣстѣ съ свойственниками и подпомощиками — до 4373 ч., пользуясь ими, какъ владѣльческими подданными. Кромѣ того Милорадовичъ обвиняетъ Банческуля въ присвоеніи казенныхъ суммъ, между прочимъ мостовой суммы, выдаваемой изъ казны на починку мостовъ и перевозовъ, всего — 6209 руб. 25 $^{3}/_{4}$ коп. Банческуль творитъ всѣ эти беззаконія въ сообществѣ съ полковникомъ Краснокутскимъ и хорунжимъ Адашевымъ. (502—512 л.).

Запросъ 1761 г. сент. 4 коллегіи въ канцелярію сената о пресылкѣ оттуда въ коллегію переписныхъ перечневыхъ книгъ владѣльческихъ и подданныхъ и подпомощныхъ душъ кромѣ полковыхъ казаковъ въ Слоб. полкахъ, которыя должны быть составлены на основаніи указа 1759 г. ген. Стрешневу о произведеніи переписи въ Слоб. полкахъ. Отвѣтъ изъ канцеляріи Сената въ военн. коллегію, что таковыхъ книгъ въ канцеляріи еще не имѣется, но по доношенію ген. Стрешнева, скоро будутъ представлены (515—516 л.).

Доношеніе въ военн. коллегію ген.-л. кн. Кантемира 1761 г. 10 сент., въ которомъ Кантемиръ излагаетъ проэктъ устройства Слободскихъ полковъ гусарскими регулярными полками. Проектъ содержитъ въ себѣ 40 пунктовъ, отличается отъ проекта Бутурлина тѣмъ, что Кантемиръ согласно съ мнѣніемъ гр. Салтыкова предлагаетъ учредить всѣ пять полковъ гусарскими по 1000 челов. въ каждомъ; существовавшій гусарскій полкъ — распустить въ это же пятитысячное число гусаръ. Содержаніе гусаркаго Слободскаго корпуса, которое Кантемиръ опредѣляетъ согласно съ Бутурлинымъ въ 105.190 р. 96 к. ежегодно онъ предлагаетъ возложить на Слободское населеніе, при условіи сохраненія прежнихъ казачьихъ привиллегій.

Взиманіе же этой суммы организовать слѣдующимъ образомъ: съ каждой казацкой складки, которыхъ по числу казаковъ опредѣлено въ 5000 и изъ которыхъ каждая состоитъ изъ казаковъ, ихъ родственниковъ и подпомощиковъ, — по 15 руб., всего 75.000 руб. Недостающую сумму дополнить существовавшимъ прежде по сенатскому указу сборомъ съ владѣльческихъ душъ, коихъ числилось въ 1760 г. въ Слободскихъ трехъ дистрактахъ, кромѣ Бѣлгородскаго, 161.900 душъ по $19^{3}/_{4}$ коп. съ души, всего 31.976 руб. 63 коп. + 75.000 = 106.976 руб. 63 коп. Другіе денежные сборы съ казачьихъ родственниковъ и подпомощиковъ — отмѣнить. Въ другихъ пунктахъ Кантемиръ излагаетъ проектъ устройства управленія Слободскихъ гусарскихъ полковъ военнаго и гражданскаго, содержанія полковъ въ мирное и военное время, способа вооруженія, укомплектованія лошадьми и пр. Главнымъ военно-гражданскимъ учрежденіемъ должна быть Генеральная Слободскихъ полковъ канцелярія, учрежденная въ центрѣ, въ Харьковѣ, и подчиненная по военнымъ дѣламъ военной коллегіи, а по гражданскимъ и экономическимъ — Правительствующему Сенату (517—533 л.).

Дѣло о содержаніи Кирасирскихъ конныхъ заводовъ лошадей въ Слободскихъ полкахъ 1757—1761 г. (533—586 л.).

Указъ Правительствующаго Сената военной коллегіи съ извѣщеніемъ о посылкѣ въ военную коллегію всѣхъ имѣющихся въ Сенатѣ проектовъ, предложеній и мнѣній о приведеніи Слободскихъ полковъ на другое основаніе отъ 31 мая 1761 г. (587 л.). При немъ прилагаются слѣдующія проекты: предложеніе сенатора гр. Шувалова, съ проектомъ организаціи и примѣрнымъ штатомъ Слободскаго гусарскаго полка отъ 1756—1757 г. (588—607 л.). Проектъ Изюмскаго полка полковаго обознаго Милорадовича, представленный въ 1757 г. 1 марта кн. Никитѣ Трубецкому, о возстановленіи канцеляріи — коммиссіи, бывшей прежде въ Слободскихъ полкахъ, и преобразованіи ихъ въ гусарскіе (608—618 л.).

Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ гр. Салтыкова 1757 г. іюня 18 о томъ, что имъ получены изъ Сената проекты гр. Шувалова и полковаго обознаго Милорадовича и учинено разсмотрѣніе ихъ въ присутствіи нѣкоторыхъ старшинъ Слободскихъ полковъ, оставшихся за походомъ на мѣстѣ (Изюмскій полковникъ Краснокутскій, полковой обозный Ахтырскаго полка Боярскій и др.), — съ приложеніемъ мнѣнія означенныхъ лицъ и, затѣмъ, особо, мнѣнія самаго гр. Салтыкова (619—652 л.). Доношеніе императрицѣ Елизаветѣ капитана Слободскаго Сумскаго полка, полкового судьи Александра Парафѣева съ проектомъ учрежденія въ Слободскихъ полкахъ охотной егерской компаніи въ количествѣ 1000 человѣкъ (по 200 отъ каждаго полка) для употребленія ея въ лѣсныхъ и опасныхъ проходахъ въ качествѣ авангарда, для посылокъ на рекогносцировку во время войны, добычи „языка“ и пр. (653—656 л.).

Приказъ военной коллегіи составить изъ всего полученнаго въ коллегіи матеріала о Слободскихъ полкахъ обстоятельный сводъ и поручить это дѣло секретарю коллегіи Астафьеву 1761 г. іюня 12 (657 л.). Далѣе слѣдуетъ составленный Астафьевымъ за его подписью подробный сводъ всѣхъ дѣлъ, касающихся Слободскихъ полковъ (почти на 200 листахъ), состоящій прежде всего изъ „экстракта о изнеможеніи Слободскихъ полковъ и о протчемъ“ со справками въ коллегіи и проведеніемъ полностью

узаконеній по каждому отдѣльному случаю (658—725 л.) и свода мнѣній касательно преобразованія полковъ подъ слѣдующими рубриками: 1) мнѣніе ген.-анш. Салтыкова, 2) представленіе Слободскихъ полковъ, прописанное при мнѣніи ген.-фельдм. Бутурлина, 3) мнѣніе ген.-фельдм. Бутурлина, 4) представленіе полковника Тевяшова, 5) представленіе бригадира Банческуля и 6) справки въ коллегіи (726—847 л.). Дѣла и мнѣнія, изложенныя здѣсь, въ экстрактѣ Астафьева, упоминались большею частію выше. (При изученіи дѣла о преобразованіи Слободскихъ полковъ гусарскими по кн. 341, опись 25, лучше и короче всего обращаться прямо къ своду Астафьева).

1762 г. „Штатъ Слободскихъ гусарскихъ полковъ, въ коликомъ числѣ оные, какихъ чиновъ и на какомъ окладѣ жалованья съ провіантомъ въ военное и мирное время содержать, и сколько гусарскихъ и подъемныхъ лошадей, и какія ружейныя, мундирныя, аммуничныя и другія вещи, во сколько лѣтъ и по какимъ цѣнамъ имѣть надлежитъ, и о протчемъ“ (пять полковъ, въ каждомъ по 1000 чел.) (848—865 л.).

Остальные листы (866—1080) содержатъ въ себѣ доношеніе полковника Милорадовича на имя императрицы Елизаветы, представляющее дополненіе къ его проекту преобразованія Слободскихъ полковъ, письма нѣкоторыхъ Слободскихъ полковниковъ и старшинъ къ Острогожскому полковнику Тевяшову, командированному въ Петербургъ для работъ при военной коллегіи по преобразованію полковъ, челобитную бригадира Банческуля 1761 г., и, наконецъ, еще копію съ экстракта „объ изнеможеніяхъ“ Слободскихъ полковъ и ихъ преобразованіи гр. Бутурлина отъ 1670 года.

По описямъ 25 и 26 въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба числятся еще нѣсколько дѣлъ болѣе частичнаго характера и, повидимому, меньшаго интереса, относящихся къ 1732—1850 годамъ и позднѣе, которыхъ составитель описанія въ настоящее время просмотрѣть не успѣлъ.

Очеркъ казацкой колонизаціи въ симбирскомъ поволжьи.

В. Н. Поливанова.

Данныя, послужившія къ составленію настоящаго сообщенія, извлечены главнымъ образомъ изъ источниковъ мѣстнаго происхожденія — изданій Ученой Архивной Коммиссіи и сохранившихся памятниковъ старины.

Первыя опредѣленныя извѣстія о появленіи русской колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи относятся къ 1372 году, когда нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ, по сказанію лѣтописи, „поставилъ себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ"[1]). Первоначально съ цѣлью защиты своихъ владѣній, а затѣмъ для дальнѣйшаго ихъ округленія, нижегородскіе князья рано обратили вниманіе на богатый Присурскій край. За построеніемъ города здѣсь явились и проводники древне-русской культуры — монастыри, щедро одаренные землями, рыбными ловлями и бобровыми гонами. Основатель Курмыша, стараясь колонизовать здѣшній край русскими людьми, разрѣшилъ Спасскому и Благовѣщенскому нижегородскимъ монастырямъ водворять на льготныхъ условіяхъ крестьянъ, освободилъ ихъ отъ пошлинъ и запретилъ своимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній. Стремленіе московскаго правительства къ расширенію предѣловъ своихъ владѣній на юго-восточной окраинѣ особенно усилилось со времени паденія царства Казанскаго. Тѣмъ не менѣе сосѣдство орды и сильнаго инородческаго населенія въ Присурьи еще долгое время служило препятствіемъ къ его обрусѣнію. Только въ XVII в. мы видимъ рѣшительный поворотъ къ водворенію здѣсь русской народности. Къ мѣрамъ въ этомъ направленіи прежде всего слѣдуетъ отнести сооруженіе „алатырской" и впослѣдствіи такъ называемой „синбирской" черты, безповоротно опредѣлившихъ границы государства. Исполненіе этого нелегкаго порученія возложено было сначала на князя Григорія Петровича Барятинскаго, а затѣмъ на извѣстнаго дѣятеля въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, бояриfна Богдана Матвѣевича Хитрово. Основаніемъ г. Симбирска Хитрово закончилъ укрѣп-

[1]) „Полное собраніе русскихъ лѣтописей". Воскресенская лѣтопись. VIII, 19.

леніе границъ новой окраины и тѣмъ положилъ твердыя основанія къ развитію русской колонизаціи въ Симбирскомъ поволжьи.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести появленіе казачества въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи — съ точностью опредѣлить трудно. Правда, мы имѣемъ указаніе, что еще въ малолѣтство Грознаго нагайскіе князья и мурзы начинаютъ въ своихъ грамотахъ къ царю жаловаться на то, что мещерскіе и касимовскіе казаки „на нихъ приходятъ и ежегодно отгоняютъ отъ нихъ и крадутъ животину, деньги и людей“[1]). Извѣстно, что при завоеваніи Казани въ войско Грознаго въ число ратныхъ людей входили и казаки. На нихъ была возложена сторожевая служба, и казаковъ мы встрѣчаемъ на алатырскихъ сторожахъ[2]).

Въ 1574 году велѣно „послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ пересмотрѣть всѣхъ казаковъ на лицо съ конями и со всею службою; которые казаки собою худы или безконные и съ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу, и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ казаковъ“[3]).

Въ 1614 году для охраны г. Алатыря отъ нагайскихъ татаръ прибыли съ войскомъ царскіе воеводы Юрій Сулешовъ и князь Никита Барятинскій. Въ составъ ихъ войска входили присланные изъ Рязани, Каширы, Тулы, Алексина, Мценска и другихъ украинскихъ городовъ стрѣльцы, *казаки,* и др. служилые люди[4]).

Пользуясь услугами казаковъ, московское правительство тѣмъ не менѣе въ началѣ ихъ появленія въ краѣ имѣло не мало заботъ по удержанію ихъ въ порядкѣ и повиновеніи. Такъ, мы видимъ, что въ 1647 году изъ Алатыря былъ посланъ съ отрядомъ стрѣлецкій голова Юрій Матюшкинъ для поимки шайки донскихъ казаковъ съ ихъ атаманомъ Щербакомъ, грабившимъ въ Алатырскомъ уѣздѣ мордовскія вотчины[5]). Воевода Урусовъ доносилъ съ „синбирской“ черты, что всему воровству заводчики уренскіе казаки, т. е., выходцы изъ ближайшаго вновь сооруженнаго пригорода Уреня. Милославскій, отразивъ приступы Разина къ Симбирску, также жаловался на то, что среди осаждавшихъ новый городъ были разные люди изъ пригородовъ, слободъ и деревень синбирской и корсунской чертъ, „многіе воровскіе люди и казаки и крестьяне и татаровя, чуваши и мордва тысячъ съ шесть, да съ ними воровскихъ казаковъ 20 человѣкъ[6]). Особенно трудно было московскому правительству справляться съ казацкой вольницей на Волгѣ, гдѣ, ея нападенія и грабежи задерживали развитіе торговли. Въ цѣляхъ скорѣйшаго заселенія края и его охраны казаки селились вдоль новой границы, входя въ составъ населенія новыхъ городковъ, станицъ и слободъ. Въ 1636 году князь Барятинскій возобновилъ алатырскую засѣку, а 11 лѣтъ спустя сооружена была черезъ г. Корсунъ „синбирская“ черта. Вдоль

---

[1]) „Поволжье въ XV и XVI в.“ Перетятковича. Изд. 1877 г., стр. 304.
[2]) „Исторія Россіи“, Соловьева. Т. 8., стр. 94 и 104.
[3]) „Исторія Россіи“. Соловьева. Т. 7, стр. 29.
[4]) „Акты историческіе“. Т. 3, стр. 16, № 16.
[5]) „Акты Московскаго государства. Т. I.
[6]) „Матер., относящ. къ бунту Разина“. Стр. 66, 67, 135, 170.

этой-то границы и тянулась къ Волгѣ казацкая колонизація, постепенно опускаясь на югъ по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель и „дикихъ полей“ къ владѣніямъ русскаго государства. Въ составъ казачества симбирскаго поволжья вошли донскіе и днѣпровскіе казаки, переведенные сюда на службу изъ сосѣднихъ губерній и разныхъ городовъ Россіи. Такъ, напримѣръ, по указу царя Алексѣя Михайловича переведены были въ 1649 году 50 человѣкъ днѣпровскихъ казаковъ въ новый „синбирскій“ городъ на вѣчное житье[1]). Далѣе, мы видимъ, что кромѣ г. Корсуна, гдѣ были поселены казаки, стрѣльцы и пушкари, образовались казацкія поселенія: на р. Сельди — Сельдинская казачья слобода изъ переведенцевъ с. Федоровскаго, нынѣшней Казанской губерніи; Тетюшская слобода была заселена переведенными изъ г. Тетюшъ, той-же губерніи, донскими конными казаками; Кураловъ городокъ заняли карлинскіе конные казаки; въ Лебяжью слободу, нынѣ с. Лаишевка, переведены были конные казаки изъ г. Лаишева; въ слободѣ Арской были поселены казаки, переведенцы изъ г. Арска; казаками-же были заселены слободы Станичная, Ишеевская, Каменская, Свіяжская, Шумовская, Сенгилеевская и др.[2]). На р. Карлѣ основана была слобода „полковыми казаками“. Эти карлинскіе казаки сохраняли прозвища „нижегородцевъ“, „свіяжениновъ“, „мурашкинцевъ“, „казанцевъ“, „теньковцевъ“, „тетюшенцевъ“, „арзамасцевъ“, „владимірцевъ“, „суздальцевъ“, „темниковцевъ“, „хлыновцевъ“, „смоляниновъ“, „новгородцевъ“, „москвитиновъ“, „муромцевъ“, „астраханцевъ“ и „латышей“. Эти прозвища показываютъ, какую амальгаму представляло собою сведенное сюда изъ разныхъ мѣстъ казачество[3]). Повидимому конецъ XVI в. слѣдуетъ считать началомъ окончательнаго водворенія его въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи.

По мѣсту постояннаго жительства или приписки казаки назывались городскими или станичными. Въ городахъ Курмышѣ, Алатырѣ и Корсунѣ до сихъ поръ сохранилось дѣленіе города на три части: стрѣльцы, казаки и пушкари. По роду-же службы казаки были конные и пѣшіе. Какъ выше сказано, большая часть симбирскихъ казаковъ были переселенцы изъ сосѣднихъ губерній; но къ нимъ приписывались также и бѣглые крестьяне. Казаки дѣлились на сотни, пятидесятни и десятни и руководились головами, пятидесятниками и десятниками. Надо замѣтить, что казаки могли свободно поступать и потомъ выходить изъ службы въ посадскіе люди, крестьяне и бобыли, но только при условіи поставить на свое мѣсто другого человѣка, который согласился-бы нести службу[4]).

Бытъ казаковъ носилъ характеръ полувоенный и полуземледѣльческій. Они пользовались широко всѣми привилегіями тогдашняго земельнаго довольства. При поселеніи ихъ на новыхъ мѣстахъ правительство отводило имъ землю подъ пашню и сѣнные покосы. О размѣрѣ надѣла можно судить приблизительно по свѣдѣніямъ,

---

[1]) „Книга строельная г. Синбирска“, стр. 23; также „Москов. Архивъ Минист. Юстиціи“ писцовая кн. за № 1127, л. 375.

[2]) „Хронологич. перечень событій Симбирской губ.“ Изданіе Симб. Учен. Арх. Комм.

[3]) Писцов. кн. за № 6468, лл. 985—1012, за № 1327, лл. 1099—1100.

[4]) Архивъ Минист. Юстиціи. Казань. Перепис. кн. 7, № 151—152.

имѣющимся въ „Строельной книгѣ г. Симбирска“, гдѣ говорится, что казакамъ Свіяжской слободы „отмѣрено двумъ пятидесятникамъ, шести человѣкамъ десятникамъ, семьдесятъ двумъ человѣкамъ рядовымъ казакамъ, промежъ Свіяги и Волги рѣки... двѣ тысячи двѣсти двадцать четыре четверти... Да имъ-же дано въ додачу на пашню земли за Свіягою рѣкою... двѣ тысячи восемь сотъ сорокъ шесть четвертей... Да имъ-же дано сѣнныхъ покосовъ... пять сотъ семьдесятъ три десятины да въ чувичинскихъ лугахъ шесть сотъ девяносто четыре десятины...“ Такимъ образомъ на каждаго переведенца приходилось около 63 четвертей пашни и 16 десятинъ луговъ. Кромѣ земельнаго надѣла казаки получали, какъ видно изъ „Приходо-расходной книги синбирской приказной избы“, жалованье деньгами и солью. „По раздаточнымъ книгамъ снесено на нынѣшній на 7175 (1667) годъ синбирскихъ разныхъ слободъ казакамъ 48 человѣкамъ всякому человѣку за рубль за 16 алтынъ за 4 деньги солью по осми пудъ, итого 384 пуда по синбирской торговой цѣнѣ, по шти алтынъ пудъ; да къ той соли они-же Сенька да Ивашка (соленые цѣловальники) имъ-же додали деньгами по 2 алтына человѣку, итого 2 рубля 29 алтынъ 2 деньги дано, а кому имены та соль дана и деньгами додано, и ихъ имена писаны въ тѣхъ ихъ Сенькиныхъ и въ Ивашкиныхъ въ раздаточныхъ книгахъ“[1]).

Для удовлетворенія духовныхъ потребностей поселенцевъ правительство заботилось о построеніи церквей, для чего учреждены были такъ называемыя „десятины“ патріаршей области, вѣдавшія церковное строеніе въ краѣ. На содержаніе причта отводилась церковная земля, пашня и покосы. Кромѣ того, по государеву указу присылалось изъ Москвы въ каждую новопостроенную церковь такъ называемое „церковное строеніе“, именно: утварь, служебныя печатныя книги въ переплетахъ, ризы, колокола, и т. п. Въ музеѣ симбирской учебной архивной коммиссіи хранится Евангеліе, пожалованное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ вышеназванную казачью Свіяжскую слободу. На Евангеліи по листамъ имѣется надпись: „Лѣта 7161 (1653) года, февраля въ 10 день. Государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи пожаловалъ сію книгу Евангеліе напрестольное въ конную Свіяжскую слободу къ церкви Богоявленія Господня“. Кромѣ того, и сами казаки, переселяясь въ новый край, приносили съ собою чтимыя ими на родинѣ иконы, изъ которыхъ многія сохранились до сего времени. Такъ, въ соборѣ г. Корсуни имѣется образъ корсунской Божіей Матери, принесенный по преданію казаками, выходцами изъ м. Корсуни, Кіевской губерніи, отчего вѣроятно и самъ городъ получилъ свое наименованіе. Интересно также указать на одну изъ лѣсныхъ дачъ, прилегающихъ къ г. Корсуну, сохранившую до сихъ поръ названіе „Чигиринскаго въѣзжаго лѣса“.

Казаки симбирскаго поволжья составляли совершенно отдѣльное сословіе отъ другихъ служилыхъ людей. Они жили въ городахъ и селахъ, не платили податей, занимались, какъ мы видѣли, земледѣліемъ и разными промыслами. Въ числѣ работъ по земледѣлію, которыми занимались симбирскіе казаки, не безинтересно для того времени отмѣтить культуру тутовыхъ деревьевъ. Въ строельной книгѣ г. Симбирска

[1]) „Матер. для исторіи Симбирска и его уѣзда“. Изд. Симб. Учен. Арх. Комм., 1896 г., стр. 232.

говорится, что за 1654 г. „къ тѣмъ тутовымъ всходамъ для разсаживанья изготовлены земли около тутовыхъ всходовъ 20 десятинъ да за Свіяжскою конною слободою внизъ по Свіягѣ рѣкѣ 10 десятинъ, а всего изготовлено 30 десятинъ[1]). Мѣстность, гдѣ разводились тутовыя плантаціи, до сихъ поръ сохранила за собой названіе „Тути", „Приходо-расходная книга синбирской приказной избы, обнимая время съ 1665 по 1667 г., даетъ много цѣнныхъ указаній о промыслахъ современнаго ей казацкаго населенія. Такъ, въ отдѣлѣ расходовъ на каретное дѣло сказано: „сдѣлано къ пріѣзду вселенскихъ патріарховъ двѣ кареты да палестинскимъ властямъ тропезонскому митрополиту да Синайскія горы архіепископу два рыдвана большіе да переводчику старцу Милетею рыдванецъ небольшой, а на тѣ кареты и рыдваны денегъ въ расходъ вышло: каретникамъ тагаевскимъ казакамъ Андрюшкѣ Архипову да Ивашкѣ Игнатьеву да Сенькѣ Андрееву за каретное и за рыдванное дѣло и за колеса 2 руб. 16 алт. 4 деньги дано". На тотъ-же предметъ пріобрѣтены „на торгу" у казаковъ Шумовской и Ишеевской слободъ епанчи. У тѣхъ-же тагаевскихъ казаковъ пріобрѣтено стольникомъ и воеводою г. Симбирска кн. П. И. Дашковымъ „телѣга ѣзжалая въ дорогу до Москвы и за тое телѣгу 8 алт. 2 деньги дано"[2]). Тотъ-же источникъ свидѣтельствуетъ, что казаки изъ сосѣднихъ къ городу слободъ подрядились возить дрова на отопленіе приказной избы, занимались бочкарными работами, поставляли колеса подъ пушки, а у симбирскаго казака Силки Иванова взято „знамя мѣтъ-калинное с краснымъ кумачемъ, хвосты красные, на немъ нашитъ крестъ, а за то знамя ему Силке 13 алтынъ 2 деньги дано, а то знамя отдано подъячему Микифору Глазунову„. Изъ обзора приходо-расходной книги видно, что казаки симбирскаго поволжья, являясь его служилымъ сословіемъ, не были чужды и общихъ всему населенію промысловъ и торговли. Въ качествѣ арендаторовъ оброчныхъ государевыхъ статей они наравнѣ со всѣми вступали въ договоры, снимали мельницы, дворы, лавки и др. обложенныя въ пользу казны сборомъ доходныя статьи.

Не надолго однако служилому казачеству пришлось оставаться спокойно въ симбирскомъ поволжьи. Изъ царской грамоты астраханскимъ воеводамъ князю Львову и Беклемишеву видно, что въ 1658 году 1379 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ съ ихъ семействами водворены были на Терекѣ. По этому поводу въ грамотѣ говорится: „Указали мы великій государь тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ устроить на Теркѣ на вѣчное житье, въ конные и пѣшіе стрѣльцы, а женъ ихъ и дѣтей, со всѣми животами ихъ, изъ всѣхъ городовъ указали мы великій государь нынѣшняго лѣта послать къ нимъ-же на Теркъ водою на судѣхъ и нынѣ великаго государя указъ въ тѣ города къ воеводамъ посланъ. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, а изъ Синбирска стольникъ нашъ и воевода Ларіонъ Милославскій и подъячіи Пименъ Брянцовъ тѣхъ казацкихъ и стрѣлецкихъ женъ и дѣтей въ Астрахань пришлютъ, и вы-бъ тѣхъ казацкихъ и стрѣлецкихъ женъ и дѣтей у синбирскихъ присыльщиковъ велѣли принять и, пересмотря по росписямъ всѣхъ на лицо, велѣли ихъ изъ Астрахани отпустить и имянъ ихъ росписи послать на Теркъ къ воеводамъ

[1]) „Книга строельная г. Симбирска". Изд. Симб. Ученой Архив. Ком. 1897 г., стр. 82.
[2]) „Матер. для исторіи Синбирска и его уѣзда". Изд. Симб. Учен. Арх. Комм. 1896 г., стр. 237.

нашимъ къ Мелентью Квашнину съ товарищи тотчасъ не мѣшкая съ астраханцы съ дворяны и съ дѣтьми съ боярскими добрыми, съ кѣмъ пригоже, и съ провожатыми, и приказали-бъ есте астраханцомъ дѣтемъ боярскимъ съ тѣми стрѣлецкими и казачьими женами и дѣтьми ѣхати на Теркъ наскоро, чтобъ имъ пріѣхать на Теркъ нынѣшнимъ лѣтомъ; а синбирскихъ приставовъ и провожатыхъ, съ которыми тѣхъ стрѣлецкихъ и казачьихъ женъ и дѣтей въ Астрахань изъ Синбирска пришлютъ, велѣли-бы есте изъ Астрахани отпустить въ Синбирской безъ задержанья. А въ которомъ числѣ тѣ стрѣлецкія и казачьи жены и дѣти въ Астрахань пріѣдутъ, и какъ ихъ изъ Астрахани на Теркъ послать, вы-бъ о томъ намъ Великому Государю отписали[1]).

Въ наступательномъ движеніи на юго-востокъ московское правительство отводило новыя земли для поселенія станичниковъ, которые обязывались нести попрежнему свою сторожевую службу. Въ виду этого приходилось отодвигать все южнѣе оборонительную черту и воздвигать новые города. Такъ, мы видимъ, что въ 1682 году строится на Волгѣ для защиты новой границы городъ Сызранъ и пригородъ Кашпиръ. Возлѣ нихъ проводится новая сызранская черта, и для охраны ея переводятся казаки. При Петрѣ I, думавшемъ о соединеніи Волги и Дона, были построены два новыхъ городка: Петровскъ на р. Медвѣдицѣ и Павловскъ на р. Хопрѣ. Для заселенія новыхъ городовъ были переведены люди, служившіе на укрѣпленныхъ линіяхъ симбирскаго поволжья. Точно также изъ числа ихъ были назначены переведенцы въ отвоеванный турецкій городъ Азовъ[2]). Такимъ образомъ довольно рано положено было начало выселенію казаковъ изъ симбирскаго поволжья въ низовые города. Кромѣ приведенныхъ указаній слѣдуетъ упомянуть и о той части симбирскаго казачества, которая вошла въ составъ нынѣшняго оренбургскаго казачьяго войска, учрежденнаго изъ дворянъ и казаковъ города Самары, какъ извѣстно, 50 лѣтъ тому назадъ входившей въ составъ Симбирской губерніи, Уфы и пригорода Алексѣевскаго.

Время пребыванія казачества до сихъ поръ сохранилось въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, особенно же оно живо на Волгѣ. Здѣсь оно хранится въ народной пѣснѣ, не поддающейся искаженію, и въ народныхъ преданіяхъ, связанныхъ съ подвигами казацкой вольницы.

Заканчивая настоящій краткій обзоръ казацкой колонизаціи въ симбирскомъ поволжьи, мы имѣли цѣлью представить благосклонному вниманію Съѣзда матеріалъ, относящійся къ исторіи этого служилаго сословія по мѣстнымъ источникамъ, опредѣляющимъ его выдающееся значеніе въ общемъ вопросѣ развитія русской колонизаціи въ XVI и XVII в. на одной изъ окраинъ государства.

---

[1]) „Акты историческіе, собранные и изданные Археографической коммиссіей. Т. IV, стр. 285.
[2]) „Архивъ Минист. Юстиціи". III отд. Меж. кн. за № 159, № 37.

Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

А. Ефименко.

Въ послѣднее время обнаруживается въ нашей наукѣ все возростающій интересъ къ Литовско-русской исторіи: почти каждый годъ даетъ какое-нибудь новое солидное пріобрѣтеніе въ этой области, которая такъ долго оставалась можно сказать чуждой русской исторіографіи, какъ-бы предоставленной въ вѣдѣніе исторіографіи польской. А вмѣстѣ съ тѣмъ все съ большой наглядностью и очевидностью раскрывается, что именно литовская, а не московская, половина Руси полнѣе восприняла, сохранила и развила традиціи древнерусской жизни, что именно она — Литовская Русь явилась, въ существенномъ, прямой наслѣдницей великокняжеской и удѣльной Кіевской Руси.

Въ настоящемъ сообщеніи я намѣрена на извѣстной группѣ фактовъ указать эту связь, — что вмѣстѣ съ тѣмъ явится и нагляднымъ доказательствомъ того, какой свѣтъ можетъ пролить изученіе Литовско-русской исторіи на архаическій строй русской жизни.

Когда является возможность представить себѣ внутренній строй Литовско-русскаго общества на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ? — возможность эта наступаетъ съ конца XIV в. Вся та масса населенія, которой наиболѣе соотвѣтствовало бы современное названіе народа, представляла собой въ Литовско-русскомъ государствѣ, въ разсматриваемую эпоху, т.-е. приблизительно отъ временъ Витовта до Люблинской уніи, двѣ категоріи: тяглыхъ и данниковъ. Тяглые часто называются документами просто „люди“; къ данникамъ нерѣдко прикладывается эпитетъ „мужи“. Тяглые люди, прежде всего, землю пашутъ; данники ее не пашутъ, покрайней мѣрѣ не земля съ ея страдой стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Данники, въ противоположность тяглецамъ, представляютъ собой группу, убывающую въ числѣ и значеніи, постепенно растворящуюся въ иныхъ общественныхъ группахъ.

Уже самъ-по-себѣ этотъ фактъ общественнаго вымиранія данниковъ заставляетъ предполагать, что эта группа съ ея особенностями была передана литовско-русскому обществу готовою изъ иной исторической эпохи; а извѣстное углубленіе въ эти особенности сообщаетъ такому предположенію полную достовѣрность. Но, прежде всего, что же такое были эти данники? Данниками называлась та часть населенія,

которая отбывала свои платежныя обязательства передъ государствомъ всецѣло или по преимуществу данями, т. е. натурой, добыткомъ своего промысловаго хозяйства, медомъ и мѣхами: такимъ образомъ они являются иногда подъ спеціальными названіями куничниковъ, лисичниковъ, ясачниковъ.

Мы остановимся лишь на данникахъ южнорусскихъ областей, гдѣ они занимали сплошныя значительныя территоріи. Такими территоріями были такъ называемыя Поднѣпрскія волости, лежавшія въ бассейнѣ верхняго Днѣпра и Березины, также Пинское полѣсье; встрѣчались данники и въ Кіевской землѣ, какъ видно изъ ея древнѣйшей люстраціи, которую проф. Владимірскій-Будаковъ относитъ къ 1471 г. По задержались они до конца разсматриваемой эпохи лишь въ территоріяхъ, исключительныхъ по своимъ топографическимъ условіямъ. Это — территоріи тѣхъ островковъ удобной земли среди пущъ и болотъ, какими характеризуется глухое Полѣсье. Въ подобныхъ мѣстностяхъ было мало заинтересовано Литовско-русское государство съ его тогдашней экономической политикой сельско хозяйственнаго характера: здѣсь невыгодно было устраивать господарскіе экономическіе дворы и фольварки, сюда долго не проникала даже волочная помѣра. Населеніе могло жить и хозяйничать на свободѣ, какъ хотѣло и умѣло.

Итакъ, данники сохраняли свои дани — а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальныя архаическія особенности своего строя — не въ силу того, что эти особенности стояли въ какомъ-нибудь исключительномъ отношеніи къ промысловому характеру ихъ экономическаго быта. Государство просто обходило ихъ въ своихъ новаторскихъ тенденціяхъ въ силу неудобнаго — въ сельскохозяйственномъ смыслѣ — характера запятой имъ земли. Тамъ же, гдѣ какъ напр. въ Кіевщинѣ, не было этого условія, данники постепенно исчезали, переходя то въ высшую себя группу боярскую, военнослужилую, то въ нисшую — тяглую.

Около 50 лѣтъ тому назадъ, въ 1855 г., кн. Тадеушъ Любомірскій помѣстилъ въ Библіотекѣ Варшавской свою монографію: „Starostwo rateńskie — myjątek z historyi osad woloskich w Polsce“. Статья эта долго возбуждала исключительный интересъ. На 9 Виленскомъ Арх. Съѣздѣ былъ поставленъ даже въ качествѣ спеціальнаго вопроса — вопросъ и матеріалъ, которымъ пользовался Любомірскій. Вопросъ этотъ въ настоящій моментъ уже почти рѣшенъ — изданіемъ люстрацій Ратенскаго стана: болѣе древнія изъ нихъ напечатаны въ Галиціи въ записк. Наун. Товарищества им. Шевченка, позднѣйшая въ Архивѣ юго-западной Россіи. Та яркая картина народнаго благосостоянія и свободы, которую далъ Любомірскій, теперь уже не поражаетъ изслѣдователей, какъ поражала раньше — своимъ несоотвѣтствіемъ съ общимъ представленіемъ о положеніи народной массы въ исторической Польшѣ, которое невольно распространялось и на Литовскую Русь. Но, разумѣется, необходимо признать, что Любомірскій, набредши случайно и неожиданно для себя на этотъ уголокъ исторической народной жизни, невольно сгустилъ краски; съ другой стороны, онъ просто не понялъ кой-чего въ явленіяхъ раскрывавшейся передъ нимъ жизни, столь отличной отъ жизни современной, и надо прибавить — польской. Намъ легко избѣжать его ошибокъ, такъ какъ мы имѣемъ кромѣ люстрацій, относящихся спеціально къ Ратен-

скому староству 1500, 1512, 1565 гг., еще не мало и иныхъ свѣдѣній о данникахъ, разбросанныхъ то въ изданіяхъ разнаго рода актовъ, то въ новѣйшихъ монографіяхъ.

Данники жили небольшими поселками, носившими, по люстраціямъ, названія wiés, villa — названія, наиболѣе соотвѣтствующія сѣвернорусскому сл. деревня. Этотъ поселокъ, даже и въ разсматриваемую, относительно позднюю эпоху, состоялъ все еще лишь изъ небольшаго количества дворищъ, приблизительно отъ 10 до 20. Дворище, разнообразное по составу, было основной хозяйственной и юридической единицей, объединяемой личностью главы, на имя котораго оно писалось, по выраженію документовъ. Дворища обыкновенно выступаютъ съ опредѣленными названіями, напр. дворище Жаворонковское, Нагорное; но гораздо чаще названія эти — патримоніальнаго характера. Въ интересной таблицѣ панскихъ дворищъ, приведенной г. Довнаромъ-Запольскимъ въ его монографіи Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго, 75% названій несомнѣнно патримоніальныя — Ильковичи, Голубовичи, Любковичи, Шостаковичи и т. д.; да и изъ остальныхъ 25% значительное большинство представляетъ собой лишь грамматическое измѣненіе той же патримоніальной формы: Ивакишевцики, Искатовщики и т. д.

Я не буду вдаваться подробно въ организацію дворища, такъ какъ мнѣ пришлось уже разрабатывать этотъ предметъ въ спеціальной монографіи. Здѣсь я коснусь только существенно необходимаго, останавливаясь подробнѣе лишь на даняхъ, которыя представляютъ, во многихъ подробностяхъ, переживанія древнерусскаго общественнаго строя.

Любомірскій принимаетъ дворищную единицу за товарищество, „спилку“, т. е. артель: къ такому заключенію приводитъ его, съ одной стороны, многочисленность членовъ дворища, съ другой — неродственные элементы, въ нихъ встрѣчающіеся. Но такое заключеніе, конечно, ошибочно. Дворище есть, прежде всего, соединеніе родичей подъ главенствомъ старшаго — „такой-то человѣкъ со своимъ племенемъ“, какъ выражаются документы. Размножась и расходясь въ степеняхъ родства, родичи расходились и въ своихъ интересахъ; тогда, продолжая „жить за одними воротами“ они, по тогдашнему выраженію, предпочитали „ѣсть разный хлѣбъ“. Не разрывая дворищной связи, дворище распадалось на дымы. Въ вышеупомянутой таблицѣ панскихъ дворищъ на 1 дворище приходится въ среднемъ около 5 дымовъ; нераздѣльное дворище представляетъ собой лишь 8% всѣхъ случаевъ, съ значительнымъ преобладаніемъ являются дворищи съ 2—10 дымами, а въ 2 случаяхъ на 70 количество дымовъ равняется 23. „Pochlebne“, упоминаемое всѣми люстраціями какъ особый видъ дани, — для тѣхъ, кто отходилъ на свой хлѣбъ, продолжая въ остальныхъ даняхъ попрежнему складываться съ „принципаломъ“ дворища, наглядно показываетъ, какъ усиленно шелъ ростъ дымовъ, особенно въ болѣе позднее время: напр., по люстраціи 1565 г. въ одной деревнѣ на 20 дворищъ упоминается 130 случаевъ похлебнаго отъ тѣхъ, Ktorji sjie na swe gospodarstwo od oyczów odlączyli. Изъ этого же, какъ и изъ другихъ мѣстъ аналогичныхъ документовъ видно, что отдѣлялись люди od oyczów, чѣмъ, между прочимъ, совершенно опровергается утвержденіе Любомірскаго, что дворище представляло собою артель. Но, тѣмъ не менѣе, въ утвержденіи этомъ есть

извѣстная доля истины. Такъ какъ угодья дворища были обширны, а количество повинностей сообразовалось съ количествомъ и качествомъ угодій, то дворищу почти всегда было выгодно, а иногда и необходимо, присаживать на свои „пляцы“ и „роли“ постороннихъ людей изъ лезныхъ и похожихъ. Эти посторонніе люди присоединялись къ дворищу на разныхъ условіяхъ: то какъ равноправные члены, потужники, поплечники, сябры, то какъ зависимые отъ дворищинъ половинники, загородники, сосѣди. Съ этой точки зрѣнія, дворища, дѣйствительно, имѣли отчасти артельный характеръ; но нельзя упускать изъ виду ихъ родовую основу.

Считая дворищанъ за членовъ свободнаго, договорнаго, союза, Любомірскій считалъ такимъ же свободнымъ и договорнымъ ихъ отношеніе къ воздѣлываемой ими землѣ. Въ этомъ его второе, кардинальное, заблужденье.

Ратенскіе данники, какъ и данники вообще, были не арендаторами воздѣлываемой ими земли, какъ полагаетъ Любомірскій, а „отчичами“. Конечно, ихъ вотчинныя права имѣютъ условный характеръ; — какъ, вообще, условны всѣ землевладѣльческія права въ разсматриваемую нами эпоху Литовско-русской исторіи — но во всякомъ случаѣ это права владѣнія, а не арендная, или иного, пользованья. До конца дней своихъ данники владѣли своими землями, какъ „отчизнами“ „wedlug przodków swoich“, т.-е. по своимъ предкамъ, какъ это ни противорѣчило принципамъ новаго надвигающагося на нихъ правового строя.

Дворище — самостоятельное, само въ себѣ замкнутое цѣлое — съ тѣмъ же характеромъ выступало и по отношенію къ государству: именно оно являлось главною податной единицей, совершенно закрывавшей собою своихъ членовъ. Только относительно небольшое количество податей несла сообща деревня; и по отношенію къ повинностямъ выступала на первый планъ волость, — территорія, объединенная своимъ отношеніемъ къ центральному защитному и административному пункту, замку и городу.

Данники, жившіе подъ „русскимъ“, иначе „волынскимъ“ правомъ, отбывали свои дани двумя способами: или къ нимъ „въѣзжали по дань“ правительственные агенты, или они сами отвозили свои дани въ ближайшій городъ или въ центральный скарбъ. Но и въ первомъ случаѣ, какъ во второмъ, данники пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Количество дани опредѣлялось на волость общей суммой, которую волость сама „разметывала“. Въ описываемую эпоху важнѣйшія дани, какими была дань медовая и грошевая, волость сама сбирала и доставляла посредствомъ своихъ собственныхъ выборныхъ „старцевъ“. По-крайней мѣрѣ Поднѣпрскія волости имѣли несомнѣнно своихъ старцевъ, медовыхъ и серебряныхъ. Старцевъ „уставляла“ волость „межи себѣ по веснѣ, собравшися з мужски посполу“; но „старчество требовало утвержденья со стороны великаго князя: отъ каждаго „старченья“ шелъ господарю поклонъ въ видѣ стольки то корабельниковъ или копъ грошей. Старцы сбирали и отвозили дани, организовали повинности, выступали во всѣхъ дѣлахъ впереди волости: „старцы и мужи“ — обыкновенное выраженіе документовъ.

Но существованіе старцевъ лишь частью, но далеко не вполнѣ освобождало волость отъ въѣзда въ нее „по дань“ правительственныхъ агентовъ. Въѣздъ въ во-

лость вообще и въѣздъ по дань, какъ главнѣйшій видъ въѣзда — заслуживаетъ по своему архаическому характеру, особеннаго вниманія.

Въѣздъ въ волость былъ обставленъ строгими юридическими опредѣленіями и ограниченіями. Могли въѣзжать лишь лица извѣстной компетенціи съ такимъ-то количествомъ спутниковъ, въ такое-то и на такое-то опредѣленное время, — должны останавливаться лишь въ такихъ-то мѣстахъ, получать столько-то подводъ и кормовъ, ужь не говоря, конечно, о точно опредѣленныхъ величинахъ самой дани. Разумѣется, сильные „выѣздчіе“, „ѣздоки“ сплошь и рядомъ выламывались изъ права; но за то жь верховная власть никогда не оставалась глуха къ жалобамъ волостныхъ старцевъ съ мужьми на дѣлаемыя имъ „кривды“ и „уводимыя повины“.

Кто же имѣлъ право въѣзда въ волость? Конечно, прежде всего, воеводы, старосты или намѣстники, въ болѣе раннее время тивуны, даннаго правительственнаго округа; затѣмъ всякаго рода „заказники“, т. е. лица, которымъ великій князь дѣлалъ спеціальное порученіе, требовавшее въѣзда; наконецъ тѣ лица военнослужилаго сословія, которымъ великій князь жаловалъ извѣстный сборъ какъ награду за службу или жалованье на службу. Сюда относятся, на первомъ планѣ, тѣ бояре, которымъ господарь давалъ держать волости данниковъ по годамъ, по очереди: бояринъ имѣлъ право „выбирать волость“, т. е. собирать съ нея дани втеченіи года, чтобъ на слѣдующій годъ уступить очередь другому. Волостные старцы съ мужами должны были поднимать „ѣздоковъ“ согласно правовой нормѣ, установленной обычаемъ, подправленнымъ, иногда подновленнымъ, видоизмѣненнымъ великокняжеской грамотой. Ихъ поднимали на опредѣленномъ мѣстѣ, которое носило древнерусское названіе стана: „поднимати на томъ стану гдѣ извѣка поднимывали“. Поднимали „выѣздчаго“ на стану кормами и подводами. Количество какъ подводъ такъ и кормовъ опредѣлялось согласно значенію того или иного лица. Составъ кормовъ по различнымъ мѣстностямъ, конечно былъ различный: куры, бараны, медъ, овесъ для лошадей. Необходимой составной принадлежностью корма было пиво или сыченый медъ: вѣроятно, для этой цѣли и служили, главнымъ образомъ общественные котлы, хранившіеся въ замкѣ. У полоцкихъ данниковъ встрѣчается терминъ „варя“ — вѣроятно тожественный съ „переварой“ сосѣднихъ сѣверорусскихъ областей — которое замѣнялъ сл. „станъ“: „а поѣздники берутъ подводы съ перевары до перевары“. Выѣздчій долженъ былъ останавливаться на стану лишь опредѣленное очень незначительное время, напр. „маеть пріѣхати къ обѣду, а ночававши и обѣдавши назаутріе маеть прочь поѣхати“, но, конечно, если такая поспѣшность согласовалась съ характеромъ дѣла, за которымъ совершается въѣздъ. Можно предполагать, напр., что пріемъ медовой дани — если она сбиралась не черезъ старцевъ — былъ дѣломъ довольно сложнымъ, обставляясь правовыми опредѣленіями, обезпечивающими данниковъ отъ обидъ со стороны правительственныхъ агентовъ. Вѣсить долженъ былъ такой-то, присутствовать при вѣсѣ такіе-то (съ одной стороны, напр., тивунъ, съ другой — волостные мужи — по древнѣйшему документу временъ Витовта), вѣсить такъ-то, напр. „не безмѣномъ, а у камень вѣсячій“. Такимъ образомъ „лежанье“ на стану могло затягиваться и сверхъ установленной обычно-правовой нормы. А бывали и такія обстоятельства, при кото-

рыхъ это „лежанье на стану“ получало особый юридическій характеръ — мѣры частью понудительной, частью карательной. Если населеніе являлось неисправнымъ плательщикомъ своихъ даней, мѣстныя власти, т.-е. воеводы или старосты, высылали на неисправныхъ плательщиковъ „лежня“. Лежень лежалъ или, иначе, „жилъ“ на людяхъ данной волости, пока она не исполняла своихъ обязательствъ, конечно, получая отъ волости не только обычные кормы, но и „поклоны“. Было общимъ правиломъ, чтобъ всякій „выѣздчій“, сверхъ положенныхъ подводъ и кормовъ, получалъ еще что-нибудь отъ населенія въ видѣ какъ бы дара или вознагражденія за свой трудъ, напр. извѣстное количество бѣлокъ, лисицъ, куницъ, шерстью или деньгами. Это было его легальнымъ доходомъ.

Собственно говоря, къ въѣзду въ волость, какъ юридическому акту, сводилось все существенное въ отношеніяхъ данническаго населенія къ государству, а въѣздъ имѣлъ своей главнѣйшей, если не исключительной цѣлью, дани.

Дѣло въ томъ, что въ понятіе дани входили не только тѣ платежныя обязательства по обложенію, которыя отбывало населеніе государству, плюсъ доходъ лицъ, участвовавшихъ во взиманіи, но всякіе сборы, какого бы происхожденія и характера они ни были... Все покрывалось общимъ терминомъ „дань“.

Дань съ русскихъ волостей шла, главнымъ образомъ, медомъ съ бортей. Не безынтересной въ научномъ отношеніи задачей было бы изслѣдовать, какія причины и условія создали то особое тяготѣніе славянскаго племени къ бортничеству, какое мы наблюдаемъ: по крайней мѣрѣ, населеніе славянскихъ гуфъ еще въ XII и XIII вв. отбывало свои обязательства къ своимъ нѣмецкимъ господамъ тѣмъ же медомъ. Когда документы описываемой нами эпохи говорятъ о бортныхъ земляхъ и бортяхъ, бортничествѣ и бортникахъ — ихъ указанія и самыя выраженія отмѣчены особымъ характеромъ какой-то отдаленной и благоговѣйно чтимой древности. Лишь по отношенію къ межамъ бортныхъ земель употребляется терминъ знамя: „куды тоѣ земли знамя пошло, гдѣ его знайдуть, то все Божье и ихъ“. Описываемая эпоха знаетъ „стародавніе обычаи бортницкіе“: не даромъ до сихъ поръ пчеловодство одѣто въ глазахъ народа какимъ-то мистическимъ покровомъ.

Количество медовой дани съ различныхъ дворищъ одного поселка было различно, — конечно, пропорціонально величинѣ и силамъ отдѣльныхъ дворищъ. Но для даннаго округа уплачивалась она непремѣнно одной извѣстной, точно опредѣленной, мѣрой, образецъ которой хранился въ замкѣ центральнаго города: названія — короймакъ, ведро, липечка, ручка. Медовая дань выплачивалась всегда осенью, почему этотъ медъ и назывался осеннимъ. Отдѣльно сбирался — съ нѣкоторыхъ дворищъ, въ относительно небольшомъ количествѣ, въ качествѣ особой дани — медъ іюльскій, липецъ. Медъ былъ самъ по себѣ главной данью; но медомъ же могли уплачиваться и иные виды дани. Напр. въ теченіе XVI в. данники Ратенской волости уплачивали медомъ „полюдье“, очевидно, за въѣздъ въ волость старосты или его заказника по медовую дань („полюдованье — коли у волость не поѣдешь“) — подобный откупъ отъ того или другого вида въѣзда практиковался и былъ въ прямыхъ расчетахъ населенія. Наконецъ, медомъ же отбывали бобровщину, т.-е. бобры шерстью уже, очевидно, становились

рѣдкостью. Медъ въ томъ или другомъ случаѣ могъ быть переведенъ на деньги, по желанію плательщика и по установленной оцѣнкѣ.

Вообще, деньги уже и въ эту эпоху усиленно вторгаются въ патріархальный бытъ данниковъ. Главная дань отбывалась натурой; но всегда деньгами платили обычныя доплатки, post-daciam, подданное, которое, съ одной стороны, являлось вознагражденіемъ за трудъ взысканія, съ другой — просто приложеніемъ общаго соціальнаго закона: za przimnoženiem ludzi množi się y dań (съ ростомъ населенія растетъ и дань), по наивному выраженію одной люстраціи. Кромѣ этихъ грошевыхъ доплатковъ, деньгами же уплачивался — у Ратенскихъ данниковъ съ самаго начала XVI в. — особый видъ дани, который назывался „поборъ". Въ общей сложности для даннаго момента и данной территоріи (1/2 XVI в. Ратенская волость) вся совокупность дани распадалась на медовую и грошевую, при чемъ медовая лишь нѣсколько превосходила цѣнностью грошевую. Позже беретъ перевѣсъ дань грошевая надъ медовой; а раньше, по кіевской люстраціи 1471 г., преобладала значительно дань медовая, къ которой добавлялись куницы, повидимому, шерстью и воскъ. Въ теченіе XVI в., съ приближеніемъ критической эпохи съ ея выдающимися моментами — волочной помѣры и водвореніемъ съ Люблинской уніей польскаго права — дани начинаютъ быстро мѣняться въ своемъ характерѣ. Онѣ осложняются привнесеніемъ разнообразныхъ новыхъ взиманій, которыя все растутъ въ своемъ составѣ и количествѣ, приближаясь къ платежамъ тяглецовъ: куры, масло и сыръ, пасхальныя яйца, горсти льну и конопли, овесъ, сѣно.

Этимъ исчерпывается все существенное, что заключаютъ въ себѣ документы относительно даней по обложенію. Но была еще одна категорія даней — уже не по обложенію, — которая представляетъ исключительный интересъ въ видахъ уясненія организаціи и быта русскихъ данниковъ Литовско-Русскаго государства. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ тѣ дани, которыя являются съ характеромъ судебныхъ пошлинъ.

Разсмотрѣніе относящихся сюда свидѣтельствъ приводитъ къ убѣжденію, что данники пользовались широкимъ правомъ собственнаго суда. Любомірскій, который имѣлъ въ рукахъ, кромѣ люстрацій, еще какіе-то старостинскіе отчеты или доклады, опредѣленно говоритъ, что ратенскіе данники сбирались на судебныя копы или вѣча. Менѣе важныя дѣла рѣшались на вѣчѣ двухъ деревень, для болѣе важныхъ — сбирались вѣча всего округа. Судебныя рѣшенія были окончательными — апелляція не допускалась. Что судебныя дѣла рѣшались на вѣчахъ — это подтверждается и изданными люстраціями: господарь черезъ своихъ агентовъ сбиралъ лишь судебныя дани. Если дѣло рѣшалось обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ — что̀ допускалось копнымъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сообразно архаическому взгляду на преступленіе, какъ нарушеніе частнаго права, — господарь получалъ змирщину, или змирскую куницу. Если не было примиренія, сторонамъ предоставлялось на ихъ добрую волю — или обратиться къ суду копы, или „выкинуть" дѣло на великокняжескаго урядника, который въ такомъ случаѣ получалъ повинное и выметное. Если же состоялся судъ копы, который присудилъ виновнаго къ денежному взысканію — что̀ допускалось во всякаго рода дѣлахъ, — взысканія эти, подъ названіемъ „винъ", великихъ и малыхъ,

должны были поступать въ пользу господаря. Въ его же пользу шелъ присудъ — определенная пошлина отъ всякаго рода суда — будь то судъ копы или урядника. Какъ особая судебная пошлина, упоминается еще помочное, которое уплачивалось господарю въ томъ случаѣ, если копа налагала уголовную кару, каковой была въ копномъ правосудіи почти исключительно смертная казнь черезъ повѣшеніе; надо полагать, что помочное имѣло отношеніе къ той отвѣтственности, какую, по архаическимъ представленіямъ, раздѣляли съ преступникомъ члены его родовой или семейной группы. Затѣмъ слѣдуетъ вижеване и дѣцкование — судебныя пошлины, какъ вознагражденіе лицъ уряда. Вижеване — плата вижу, исполнявшему обязанности судебнаго пристава при копномъ судѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ; дѣцкование — плата дѣтскимъ, обязанности которыхъ исполняли воеводскіе или старостинскіе слуги, взимавшіе пошлины и отвозившіе ихъ до уряда: они получали плату отъ разстоянія и въ случаѣ надобности могли играть роль лежней. Если встрѣчались затрудненія при взиманіи въ данной волости, господарь грозилъ приступить къ дѣлу „моцно съ дѣцкованьемъ“.

Къ концу описываемой эпохи центральная власть, пропитанная культурными стремленіями, ограничиваетъ компетенцію копныхъ судовъ, высказываетъ желаніе, чтобы вмѣсто взиманія „винъ“ власти обходились „taskowoszią i sprawedliwem karaniem“, уничтожаетъ „змирскую куницу“, какъ „непобожный поборъ“, несогласный съ новымъ взглядомъ на преступленіе, какъ объектъ права публичнаго. Копные суды должны были исчезнуть вмѣстѣ съ копнымъ, архаическимъ, правомъ.

Но принципы новаго времени, побѣдоносно заявившіе о себѣ съ эпохи Люблинской уніи, нашли среди русскихъ данниковъ, кромѣ судебныхъ, и иные „непобожные поборы и вымыслы“, укрывавшіеся здѣсь подъ видомъ даней, со временъ глубокой древности. Уже не исторія, а лишь сравнительная этнографія можетъ намъ разъяснить, что значитъ, напр., дань, называвшаяся въ люстраціяхъ свадебной куницей, или куницей дѣвочей, вдовьей, такъ какъ она взималась въ одномъ размѣрѣ съ дѣвушки, и въ значительно большемъ — со вдовы; вдовья куница, по кіевской древнѣйшей люстраціи, называется иначе выходной, когда вдова идетъ замужъ въ иной округъ „со статкомъ“, т.-е. съ имуществомъ. Непобожнымъ же поборомъ уже представлялись, съ точки зрѣнія новыхъ правовыхъ понятій, и „выходное“, или „отклонъ“, взиманіе, обезпечивавшее всякому даннику свободу, по уплатѣ, итти на всѣ четыре стороны, прекращая такимъ путемъ свои обязательства передъ государствомъ: конечно, рѣчь идетъ о данникѣ-мужѣ, т.-е. господарѣ дворища, такъ какъ остальные члены дворища не нуждались, для осуществленія своей свободы, ни въ какихъ юридическихъ дѣйствіяхъ.

Но въ жизни русскихъ данниковъ были и еще худшіе вымыслы, прямо противные „пану Богу и правамъ посполитымъ“, служившіе „ku skazeniu obiczayów dobrich“, т.-е. къ порчѣ нравовъ, такъ что въ половинѣ столѣтія взиманіе даней, опиравшихся на этихъ вымыслахъ, было не только запрещено, но и самые „вымыслы“ объявлены преступными, заслуживающими строжайшей кары. Къ этой исключительной категоріи принадлежатъ двѣ дани, касающіяся семейныхъ отношеній, и отмѣченныя въ доку-

ментахъ названіями „розводы“ и „почеревщизна“. „Розводы“ — плата замковому уряду за разводъ, если, говоря словами люстраціи, „когда которому мужу жена не по нраву (nupodobała) или мужъ женѣ“. Почеревщизна — „когда который человѣкъ захотѣлъ бы жить со вдовой или дѣвушкой wyarę (т.-е. на вѣру), оба шли на замокъ и давали извѣстную сумму денегъ, чтобъ имъ это было разрѣшено — гражданская брачная сдѣлка. Слѣдовательно, какъ разводы, такъ и заключеніе брака гражданскимъ путемъ было свободно до половины XVI вѣка.

Итакъ, литовско-русскіе данники съ ихъ данями представляютъ собой пережитокъ предыдущей эпохи, надолго забытый исторической эволюціей въ глухихъ дебряхъ Полѣсья. Какъ самое слово „дань“, такъ и ея составъ „медъ и свора“ — все переноситъ въ лѣтописную Русь. Въѣздъ въ волость по дань, полюдье и станы, тивуны и дѣтскіе воспроизводятъ — конечно, съ нѣкоторой неизбѣжной модернизаціей — не только удѣльно-вѣчевую, но даже болѣе древнюю великокняжескую Кіевскую Русь. Конечно, звукъ не понятіе, терминъ не жизнь: но здѣсь комплексъ аналогичныхъ терминовъ дѣйствительно воспроизводитъ комплексъ явленій, лишь приспособленный къ иной исторической средѣ. Если бояре держатъ по годамъ и выбираютъ волость данниковъ — развѣ это не то же по существу, о чемъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись (подъ 1238): „Даніилъ же и Василью вдаста ему (Михаилу) ходити по землѣ своей и даста ему пшеницъ много и меду и говядъ и овецъ доволѣ“? Встрѣтивъ въ люстраціи, въ качествѣ незначительныхъ, вымирающихъ, даней ловчее и огничее, мы, конечно, въ правѣ привлечь, въ качествѣ разъяснительнаго комментарія, то мѣсто изъ лѣтописи (1289 г.), гдѣ Романовъ внукъ кн. Мстиславъ уставлялъ ловчее на коромольныхъ Берестьянъ, а для „огничаго“ — огнищнаго тивуна Русской Правды.

Конечно, здѣсь дѣло идетъ не о внѣшнихъ аналогіяхъ, не о случайныхъ созвучіяхъ, а о томъ, что историческая эволюція, въ сторонѣ отъ своихъ торныхъ путей, даетъ иногда любопытнѣйшія отложенія, которыя, подобно геологическимъ напластованіямъ, сохраняютъ, среди новой жизни, оригинальныя очертанія архаическихъ формъ. Литовско-Русское государство ограничило свои отношенія къ данникамъ взиманіемъ даней, и они жили по импульсамъ, унаслѣдованнымъ отъ предшествующихъ историческихъ эпохъ. Вѣча и старцы, архаическій типъ ихъ правовыхъ понятій, выражающійся въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о ихъ судебныхъ обычаяхъ, свадебныя и выходныя куницы, слѣды доисторической свободы въ отношеніяхъ половъ — отъ всего вѣетъ древностью; — какой? Несомнѣнно, той, которая составляла атмосферу жизни такъ называемой Кіевской Руси. Въ ней мы должны искать комментаріевъ къ непонятнымъ для насъ явленіямъ жизни позднѣйшей Литовской Руси; съ другой стороны, въ жизни Руси Литовской — и въ особенности среди ея данническаго населенія — мы ближе всего въ правѣ разсчитывать на объясненія того загадочнаго, что останавливаетъ наше вниманіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ относительно внутренняго быта и соціальной организаціи Руси Кіевской.

Къ вопросу о братствахъ.

А. Ефименко.

На 4-мъ Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ проф. Нѣжинскаго лицея г. Сребницкій представилъ докладъ объ остаткахъ церковныхъ братствъ по деревнямъ и селамъ восточной Малороссіи, преимущественно полтавскаго Приднѣпровья, и цеховъ — по мѣстечкамъ той же территоріи. Онъ указывалъ на черты сходства этихъ остатковъ съ знаменитыми церковными братствами западной и югозападной Руси, а самыя братства производилъ отъ цеховъ. По этому поводу присутствовавшіе ученые высказали различныя мнѣнія о происхожденіи братствъ. Одни поддерживали референта, утверждая, что церковныя братства, конечно, имѣютъ свои корни въ промышленныхъ цехахъ, зашедшихъ въ литовскую и польскую Русь съ запада вмѣстѣ съ промышленной техникой. Другіе отрицали всякую связь братствъ съ цехами, разсматривая церковныя братства западной Руси, какъ совершенно самостоятельное явленіе, вызванное мѣстными историческими условіями. Наконецъ, третьи, также отрицая связь братствъ съ цехами, утверждали тождество западнорусскихъ братствъ съ сѣвернорусскими ватагами, артелями и т. под. народными ассоціаціями. Группируя иначе эти мнѣнія, мы получимъ слѣдующее: промышленные цехи западной Руси — явленіе первоначальное, заимствованное съ запада; церковныя же братства произошли отъ цеховъ, по мнѣнію однихъ, или не произошли, по мнѣнію другихъ, имѣя происхожденіе самостоятельное,— то самое, какое имѣли и иные разнообразные виды корпоративныхъ организацій какъ Руси западной, такъ и восточной. Къ этимъ мнѣніямъ, высказывавшимся на 4-мъ Съѣздѣ, прибавимъ еще мнѣнія о томъ же предметѣ двухъ авторитетнѣйшихъ изъ нашихъ ученыхъ историковъ Соловьева и Бѣляева: Соловьевъ выводилъ церковныя братства изъ древнерусскихъ братчинъ, Бѣляевъ также связывалъ ихъ происхожденіе съ явленіями древнерусской жизни, указывая на извѣстную новгородскую уставную грамоту кн. Всеволода Мстиславича (1134—35 г.), данную церкви св. Іоанна на Опокахъ. Такимъ образомъ оба эти мнѣнія совершенно обособляютъ церковныя братства отъ цеховъ, приписывая имъ въ то же время не мѣстное западнорусское, а древнее общерусское происхожденіе. Такъ стоялъ

вопросъ о братствахъ и ихъ происхожденіи $^1/_4$ вѣка тому назадъ. Очевидно, въ то время не существовало и подозрѣнія о томъ, что вопросъ можетъ быть перенесенъ на широкую историко-сравнительную почву.

Занятія въ области обычнаго права, какъ сѣвернорусскаго, такъ и южнорусскаго народа, познакомили меня со значительнымъ числомъ такихъ формъ и явленій, въ которыхъ усматривались черты кровнаго родства то съ церковными братствами, то съ цеховыми организаціями, то съ древнерусскими братчинами; но все это были лишь обломки и пережитки, въ большой степени утратившіе свое жизненное значеніе. Но когда мнѣ удалось, благодаря трудамъ проф. Богишича, расширить свое знакомство съ народнымъ обычнымъ правомъ на право южныхъ славянъ, то пришлось убѣдиться, что тамъ уцѣлѣли въ народной жизни правовые институты того же типа, оставившіе у насъ лишь слѣды своего существованія. Сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ приводило къ предположенію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ типичнымъ явленіемъ, широкаго распространенія и значенія. Знакомство съ нѣмецкой научной литературой сообщило этому предположенію прочную почву. Правда, нѣмецкіе ученые историки и историки права, соприкасаясь съ разсматриваемой областью, сосредоточиваютъ свое вниманіе почти исключительно на промышленныхъ цехахъ и купеческихъ гильдіяхъ, или ганзахъ, ихъ развитіи и происхожденіи, удѣляя лишь мимоходомъ ничтожное вниманіе другимъ видамъ братскихъ организацій, — конечно, въ соотвѣтствіи съ относительной исторической важностью этихъ явленій, но въ трудахъ Гирке, Маурера, Вайца, Винцера, Мюнтера, — въ особенности Гирке Das deutsche Genossenschaftsrecht — находится масса фактовъ разнообразнаго характера, убѣждающихъ, что и въ жизни германскихъ племенъ, какъ и славянскихъ, братскіе союзы, братства, выходили далеко за предѣлы извѣстныхъ намъ церковныхъ или цеховыхъ организацій. Всѣ эти факты, сохранившіеся въ правовой исторіи германской жизни, отчасти въ нашей собственной, особенно литовско-русской, а главное, многочисленныя и разнообразныя переживанія, наблюдаемыя въ современномъ народномъ обычномъ правѣ, русскомъ и славянскомъ, — все это неизбѣжно приводитъ къ выводу, что здѣсь дѣло идетъ о видоизмѣненіяхъ одной общей генетической формы, прототипъ которой сохранился до извѣстной степени въ Черногоріи, въ ея родовыхъ, кровныхъ, братствахъ. Развитію и доказательству этой гипотезы посвящена была мною спеціальная монографія, появившаяся въ свѣтъ вскорѣ послѣ 4-го Археологическаго Съѣзда[1]).

Вопросъ, поднятый на 4-мъ Съѣздѣ, съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не затрогивался болѣе на Съѣздахъ. Тѣмъ своевременнѣе, можетъ-быть, теперь на 12-мъ Съѣздѣ кинуть общій взглядъ на предметъ, уясняющій, что сдѣлано наукой по отношенію къ данному вопросу за истекшій періодъ.

Къ сожалѣнію, научные рессурсы провинціальнаго города, каковъ Харьковъ, не даютъ возможности сдѣлать исчерпывающій обзоръ западной литературы; однако

[1]) Журн. „Слово“ 1880г., № 10—12, „Южно-русскія братства“ Историко-этнографическій очеркъ. По поводу этого очерка была помѣщена въ январской книжкѣ „Слова“ за 1881 г. ст. Зибера со многими интересными дополнительными и пояснительными фактами.

думается, что пробѣлы не будутъ особенно существенны. Русская же литература этого періода такъ скудна, что исчерпать ее не представляется никакого затрудненія.

Французскіе ученые этого періода, какъ и предыдущаго, продолжали работы почти исключительно въ области исторіи цеховъ, при чемъ ихъ исходнымъ пунктомъ служила теорія, установленная еще Левассёромъ и находившая опору въ трудахъ Фюстель-де-Куланжа, о происхожденіи цеховъ отъ галло-римскихъ collegiae: извѣстно, какъ развито было цеховое устройство въ Римѣ, такъ что мы находимъ его въ развитомъ состояніи, можно сказать, съ первыхъ дней его историческаго существованія. Но во французской наукѣ за послѣднее время встрѣчаются и уклоненія отъ этого ортодоксальнаго взгляда, напр. въ трудѣ Antoine du Bourg (Corporations ouvrières dans la ville de Toulon) и Achille Luchaire (Les communes françaises à l'époque des capétiens directs), которые приписываютъ самостоятельное происхожденіе цеховъ въ зависимости отъ самостоятельно развившихся братскихъ организацій. Изъ новѣйшихъ французскихъ работъ, соприкасающихся съ разсматриваемыми вопросами, считаю необходимымъ упомянуть о трудѣ Paul Guiraud: La main d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Здѣсь находятся любопытныя сообщенія о существовавшихъ во множествѣ въ эллинскомъ мірѣ братскихъ союзахъ, извѣстныхъ подъ именемъ тіазъ, eranoi, orgeones, которые представляли собою добровольныя соединенія промышленныхъ людей, торговцевъ и ремесленниковъ подъ покровительствомъ спеціальнаго божества для общихъ пировъ и погребенія своихъ членовъ.

Нѣмецкая наука, хотя такъ же, какъ и раньше, сосредоточивала свое вниманіе на происхожденіи и развитіи цеховъ, но она совершенно отказалась отъ теоріи заимствованія ихъ отъ древняго міра, приписывая цехамъ самостоятельное, германское, происхожденіе. Но сходясь въ этомъ, ученые, тѣмъ не менѣе, расходятся въ остальномъ. Одна группа вліятельныхъ мнѣній, въ которую входитъ Ничъ, Штида, Арнольдъ и др., видитъ корень цеховой организаціи въ принудительныхъ соединеніямъ ремесленниковъ на феодальныхъ Frohnhof'ахъ. Другая группа, и очень распространенная, приписываетъ цехамъ самостоятельное и самопроизвольное зарожденіе изъ глубины свободно творящаго германскаго духа въ связи съ тѣми или иными условіями. Третья — связываетъ цехи съ братскими организаціями, изъ которыхъ обращаетъ на себя большое вниманіе историковъ двѣ формы: Schutzgilden и братства религіозныя (названія, подъ которыми они встрѣчаются въ документахъ, очень разнообразны: gildonia, confratria, conjurationes, conspirationes, consortio, collecta). Происхожденіе же самыхъ братствъ, защитныхъ или религіозныхъ, также вызываетъ разнообразныя предположенія, между которыми встрѣчаются и предположенія о связи этихъ братствъ съ древнимъ родовымъ устройствомъ и его разложеніемъ: къ этой категоріи относятся взгляды Луи Брентано, Зибеля и Inama Sternegg'a. Новѣйшая, значительная по своимъ научнымъ пріемамъ и добытымъ результатамъ, работа по вопросу о происхожденіи цеховъ принадлежитъ Рудольфу Эберштадту: Der Ursprung des Zunftwesens und die älteren Handwerkverbände des Mittelalters. Основываясь, главнымъ образомъ, на тщательномъ изученіи текстовъ древнѣйшихъ цеховыхъ документовъ XII и XIII вв., онъ съ неопровержимой убѣдительностью доказалъ, что цехи,

на той ступени своего развитія, какая констатируется документами, всѣ были братствами того типа, который принято называть братствомъ церковнымъ. Проводя развитіе цеха черезъ ступень Bruderschaft, Amt, Magisterium, онъ тѣмъ самымъ даетъ въ своей гипотезѣ синтезъ, примиряющій взгляды Нича и его послѣдователей съ другими теченіями научной мысли, приписывающими цеховой организаціи иное происхожденіе.

Русская литература предмета за разсматриваемый періодъ крайне скудна. Кромѣ случайныхъ замѣтокъ, большею частью, въ мѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, мы имѣемъ лишь два труда болѣе общаго характера [1]). Это книга Папкова „Братства" (Очерки исторіи западнорусскихъ братствъ; Троицкая лавра 1900 г.) и Еггіазарова: „Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьи. Городскіе цехи". Но книга Папкова ничего не вноситъ новаго въ науку, представляя собой лишь компиляцію по извѣстнымъ источникамъ, вполнѣ шаблонную по пріемамъ и выводамъ; зато тѣмъ цѣннѣе и интереснѣе книга Еггіазарова. Основательнымъ знакомствомъ съ европейской литературой авторъ вполнѣ подготовленъ къ широкому взгляду на обрабатываемый имъ матеріалъ, совершенно новый для русской науки и въ высшей степени любопытный. Поэтому, хотя онъ и держится въ своемъ изслѣдованіи строго фактической почвы, но умѣетъ внести въ группировку фактовъ интересъ и смыслъ, получаемый изъ ихъ историко-сравнительнаго освѣщенія. Мы узнаемъ, что амкарскіе союзы или ескафы, распространенные въ городахъ всѣхъ странъ мусульманскаго востока, являются союзами, объединяющими не только экономическіе, но и религіозно-нравственные и общественные интересы членовъ, какъ это было и въ средневѣковыхъ цехахъ. Это, конечно, не цехи, какими мы ихъ знаемъ въ позднѣйшей застывшей формѣ, а цеховыя братства, какими они были въ Европѣ въ болѣе ранній періодъ своего развитія, съ широкимъ захватомъ жизненныхъ интересовъ. Многочисленные факты, приводимые г. Еггіазаровымъ, не только воспроизводятъ теперь въ живыхъ явленіяхъ то, что мы знаемъ лишь по документамъ, но и разъясняютъ кое-что, смыслъ чего уже утерянъ. Всѣ виды промышленнаго труда, какъ ремесленнаго, такъ и торговаго, складываются въ обособленныя амкарства, хотя родственныя ремесла могли, въ случаѣ малочисленности членовъ, составлять и одно сложное амкарство. Амкарства пользуются автономіей въ видѣ своего собственнаго суда и администраціи, имѣютъ своего патрона, отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе и съ которымъ связывается извѣстный циклъ легендъ и спеціальный культъ — какъ въ средневѣковыхъ compagnonuages. Первой заботой амкарства, которой, прежде всего, удовлетворяютъ дѣлаемые членами взносы, — это погребенія и заупокойныя молитвы; затѣмъ уже слѣдуютъ профессіональные интересы, наблюденіе за нравственностью членовъ, защита ихъ чести, помощь въ трудныхъ случаяхъ. Пріемъ обставляется тѣмъ же торжественнымъ религіознымъ обрядомъ, черезъ который вступающій дѣлается братомъ всѣхъ остальныхъ. Все это и многое другое воспроизводитъ передъ нами не только въ важномъ и суще-

---

[1]) Литература о русскихъ и инородческихъ братствахъ и побратимствахъ указана въ 2 томахъ книги Е. Якушкина: „Обычное право. Матеріалы для библіографіи обычнаго права". Ярославль 1896 г.

ственномъ, но даже до деталей тотъ же знакомый типъ: упомянемъ хотя бы о воскѣ, который и здѣсь также служитъ для отбыванія штрафовъ натурой.

Что же выяснилось относительно нашего вопроса въ эту четверть вѣка, протекшую съ его постановки на 4-мъ Съѣздѣ? Думаю, что обычное право, которое дало мнѣ основной матеріалъ для перенесенія вопроса на болѣе широкую историко-сравнительную почву, оказалось матеріаломъ вполнѣ надежнымъ, и предположеніе, высказанное мною на его основаніи, находитъ лишь поддержку во всемъ томъ, что сдѣлано наукой съ тѣхъ поръ. Братство, братскій союзъ, исторически извѣстныхъ представителей котораго мы имѣемъ, съ одной стороны, въ западномъ цехѣ, съ другой — въ литовско-русскомъ церковномъ братствѣ, есть форма широкаго распространенія, сыгравшая свою значительную роль въ эволюціи человѣчества, повидимому, даже не одного лишь европейскаго. Братство въ своихъ развѣтвленіяхъ представляетъ собой рядъ ступеней, переходныхъ формъ, которыми соціальная жизнь человѣчества перешла отъ архаическихъ кровныхъ связей къ позднѣйшимъ, договорнымъ. Ступени эти намѣчаются такъ: еще при господствѣ родового быта возникаетъ братство, какъ одна изъ его формъ. Часть рода, уже разошедшаяся въ степеняхъ родства, считаетъ себя, тѣмъ не менѣе, связанной происхожденіемъ отъ общаго предка и культомъ спеціальнаго святого патрона братства: остатки такихъ кровныхъ братствъ уцѣлѣли еще въ Черногоріи. Живя въ одномъ селеніи или различныхъ, состоя изъ нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ сотъ членовъ, черногорское братство все-таки представляетъ единицу по отношеніи къ государству: выборный главарь предводительствуетъ имъ на войнѣ и въ мирное время играетъ роль посредника во всѣхъ дѣлахъ между братствомъ и государственной властью. Братство имѣетъ общую церковь, кладбище, свои праздники, наблюдаетъ за нравственностью своихъ членовъ, оказываетъ имъ помощь и защиту; еще недавно на немъ лежали права и обязанности вендетты. Конечно, это соціальное явленіе очень архаическаго типа, случайно уцѣлѣвшее на неприступныхъ утесахъ Черногоріи. Многими сотнями лѣтъ надо считать, какъ другіе европейскіе народы утратили такія братства; но на ихъ мѣсто выступили иныя братства, искусственныя. Жизнь широко пользуется приспособленіемъ старыхъ формъ къ новымъ условіямъ — такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Родовыя связи неизбѣжно ослабѣвали, распадались; но новыя возникавшія отношенія могли черпать прочность лишь въ симуляціи старыхъ. Обычай побратимства, уцѣлѣвшій въ народномъ обычномъ правѣ русскомъ, а особенно южнославянскомъ, наглядно показываетъ, какимъ путемъ возникали эти новыя связи. Древнеевропейское названіе братства conjuratio прямо свидѣтельствуетъ, что оно возникало черезъ juramentum — клятву, взаимную присягу. И до послѣднихъ дней существованія всѣхъ братскихъ организацій пріемъ въ члены всегда обставлялся торжественнымъ религіознымъ обрядомъ, представлявшимъ собою „чинъ братотворенія“. Этимъ способомъ симулировалась братская связь съ извѣстными вытекающими изъ нея послѣдствіями: общимъ культомъ, взаимной защитой и заботой, какъ по отношенію къ этой, земной, жизни, такъ — и, можетъ-быть, еще болѣе — жизни будущей, загробной, обезпечиваемой соотвѣтственнымъ погребеніемъ и заупокойными молитвами. Искусственныя братства

интенсивнѣе развивались тамъ, гдѣ легче разрушались и исчезали братства родовыя, кровныя, т.-е. въ городахъ. Нѣкогда братства для защиты, Schutzgilden, по нѣмецкой терминологіи, сыграли свою большую роль въ исторіи всего европейскаго человѣчества; противопоставляя себя государству, которое то боролось съ нимъ, какъ это было во Франціи и Германіи временъ Карла Великаго и его преемниковъ, то принимало ихъ подъ свое покровительство, какъ въ Англіи и Даніи. Что такое были братства въ древнерусской жизни — мы не имѣемъ никакой удовлетворительной опоры даже для предположенія: знаемъ лишь, что они были, такъ какъ были братчины. Псковская судная грамота имѣетъ въ своемъ текстѣ: „а братчика судить какъ судьи". Усложненіе соціальной жизни на западѣ, а въ связи съ ней промышленности и торговли, дало почву и разнообразному развитію братскихъ организацій. Fraternitates mercatorum составлялись для всякаго торговаго предпріятія, сопряженнаго съ дальней поѣздкой, рискомъ, опасностью; потомъ они обращались въ купеческія гильдіи, изъ которыхъ развивались ганзы, обхватывавшія обширныя территоріи. Братства ремесленниковъ развивались въ богатые и сильные цехи, которые могли себя противопоставлять даже государственной власти. По образцу братства организовалось рыцарство, монашество; идея братскаго союза давала стимулъ самымъ разнообразнымъ союзамъ, какъ постояннаго, такъ и временнаго значенія: путешественники и пилигримы, нищіе и странствующіе артисты — всѣ находили въ братскомъ союзѣ, обставленномъ всѣмъ извѣстнымъ обычнымъ ритуаломъ, своимъ закономъ и правомъ, удовлетвореніе насущной потребности въ опорѣ и защитѣ, которой не могло еще удовлетворять тогдашнее государство, которой не могъ уже удовлетворять разрушающійся союзъ кровный.

Такъ было на западѣ, такъ было, конечно, и у насъ. Но условія нашей русской исторической жизни не были благопріятны развитію никакихъ организацій, которыя были бы достаточно сильны, чтобы противопоставлять себя государству. Братскій союзъ выродился, сохранивши лишь свои слѣды въ нѣкоторыхъ переживаніяхъ въ видѣ народныхъ обычаевъ празднованія братчинъ, складчинъ на общія свѣчи и т. п. — это относительно сѣверной Россіи. Въ южной, литовской, Руси жизнь сложилась нѣсколько благопріятнѣе въ этомъ отношеніи, и мы видимъ, что здѣсь развились церковныя братства, цеховая организація, парубоцкія и казацкія громады, въ которыхъ есть также слѣды братскихъ обычаевъ. Такимъ образомъ на югѣ мы и теперь можемъ еще наблюдать нѣкоторыя переживанія братскаго типа, какихъ уже не встрѣчаемъ въ Руси сѣверной. Но въ общемъ, конечно, братство есть видъ соціальной организаціи, составляющій принадлежность иного, уже давно ушедшаго въ вѣчность, строя жизни и представляется въ данный моментъ лишь предметомъ соціальной археологіи.

Русская Правда и обычное право Литовско-Русскаго государства до изданія Статута.

Н. Максимейко.

Русской Правдѣ посчастливилось въ нашей литературѣ. Она постоянно привлекала къ себѣ особенное вниманіе исторической науки. Ни одинъ памятникъ русскаго права не подвергся такому тщательному изученію, какъ она. Есть нѣсколько диссертацій, посвященныхъ изслѣдованію Р. Правды съ внѣшней стороны, т.-е. со стороны ея происхожденія, состава, источниковъ и т. п. Еще болѣе написано для выясненія различныхъ институтовъ, которыхъ касается Р. Правда. Повидимому, вопросъ исчерпанъ окончательно. Больше уже нечего сказать, не впадая въ область гипотезъ, предположеній и гаданій. Однако есть еще одинъ пріемъ изученія, который, удерживая изслѣдователя на позитивной и фактически обоснованной почвѣ, можетъ открыть въ Р. Правдѣ неожиданныя и еще не освѣщенныя стороны и способствовать правильному толкованію многихъ ея статей. Пріемъ этотъ состоитъ въ сравненіи Р. Правды съ литовско-русскимъ правомъ.

Такого рода сравненія не новость. Не я первый указываю на необходимость ихъ. Однако этотъ старый уже испробованный пріемъ я нѣсколько модифицирую. Прежде Р. Правду сравнивали съ лит.-русскимъ законодательствомъ; я же имѣю въ виду сличать ее съ обычнымъ правомъ вел. кн. Литовскаго эпохи XV и первой четверти XVI в. до изданія Статута; при чемъ источникомъ познанія обычнаго права для меня служили судебныя рѣшенія вел. князя и уполномоченныхъ имъ лицъ, записанныя въ Лит. Метрикѣ. Я указалъ на разницу сравниваемыхъ величинъ. Но, кромѣ того, различны и цѣли сравненія. До сихъ поръ Р. Правда являлась пособіемъ для объясненія лит.-русскаго права; по отношенію къ послѣднему она играла служебную роль. Напр. проф. Леонтовичъ сравнивалъ Р. Правду съ Лит. Статутомъ для того, чтобы доказать необходимость включенія въ исторію русскаго права и лит.-русскаго законодательства.

Я въ своей первой работѣ „Источники уголовныхъ законовъ Лит. Статута“ занимался такими же сличеніями съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить кругъ вліянія русскаго обычнаго права на Лит. Статутъ.

Теперь я буду итти наоборотъ, отъ лит.-русскаго права къ Р. Правдѣ и въ первомъ искать свѣта для объясненія второй.

На основаніи такого метода я пытаюсь: 1) опредѣлить территорію, на которой возникли, дѣйствовали и развивались нормы, заключающіяся въ Р. Правдѣ; 2) разъяснить нѣкоторыя темныя статьи Р. Правды, и 3) указать источники Р. Правды.

Изслѣдователи Р. Правды пришли къ тому выводу, что въ ней содержится, главнымъ образомъ, русское обычное право. Это послѣднее слово науки. Дальше этого опредѣленія не идутъ. Но можно ли успокоиться на такой общей формулировкѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ въ бѣглыхъ чертахъ состояніе русскаго права въ древности.

Если теперь, при господствѣ законодательства и государственнаго единства, все же не существуетъ всероссійскаго права, то въ старину и подавно. Тогда жили по обычному праву, а обычное право отличается въ высокой степени свойствомъ мѣстнаго разнообразія. Нашъ лѣтописецъ говоритъ о различіи въ обычаяхъ у полянъ, древлянъ, сѣверянъ и др. племенъ. Но еще лучшимъ свидѣтельствомъ мѣстнаго разнообразія въ русскомъ правѣ являются уставныя грамоты Литовскаго и Московскаго государствъ, которыя выдавались правительствомъ отдѣльнымъ землямъ. Изъ нихъ видно, что каждая земля имѣла свое особое право. Уставныя грамоты относятся къ эпохѣ сравнительно поздней, главнымъ образомъ, къ XV и XVI вв., когда государственное объединеніе сдѣлало уже значительные успѣхи. Что же было раньше при полной политической ихъ разобщенности, когда составлялась Р. Правда?

Кромѣ того, мы замѣчаемъ разнообразіе русскаго права и въ границахъ болѣе широкихъ районовъ; при чемъ это разнообразіе характеризуется болѣе рѣзкими и устойчивыми отличительными чертами. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ исторіи русскаго права три правовыхъ системы: 1) право Сѣверо-Восточной Россіи, выразившееся въ Московскихъ Судебникахъ и въ Уложеніи 1649 г.; 2) право Южной и Западной Руси, лучшимъ воплощеніемъ котораго является Лит. Статутъ, и 3) право Сѣверо-Западнаго края, кодифицированное въ судныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова. Историческая участь этихъ трехъ системъ была различна. Новгородско-псковское право заглохло послѣ присоединенія Пскова и Новгорода къ Москвѣ и распространенія московской централизаціи. Право Юго-Западной Россіи живетъ и до настоящаго времени въ народѣ въ формѣ обычая. Въ законодательствѣ же уцѣлѣли только жалкіе остатки его въ видѣ изъятій, допущенныхъ въ 1-й части X тома Свода Законовъ для губерній Черниговской и Полтавской. Напротивъ, московское право побѣдило и восторжествовало. Дѣйствующее официальное право, подъ которымъ мы живемъ въ настоящее время, есть право московскаго типа.

Достаточно ли при такомъ разнообразіи древнерусскаго права сказать, что въ Р. Правдѣ выражено русское право? Безусловно нѣтъ. Всякій въ правѣ потребовать болѣе точнаго опредѣленія. Какая земля наложила свой отпечатокъ на Р. Правду? Если для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, то, по крайней мѣрѣ, надо выяснить, къ какой изъ трехъ названныхъ системъ права принадлежитъ Р. Правда.

Сравнивъ Р. Правду съ послѣдующими памятниками русскаго законодательства, мы замѣтимъ, что она ближе стоитъ къ Лит. Статуту, чѣмъ къ Московскимъ Судебникамъ или суднымъ грамотамъ Пскова и Новгорода. Однако этимъ еще не рѣшается вопросъ. Сходство Р. Правды съ Лит. Статутомъ не предполагаетъ непремѣнно, что она выросла на той же территоріи, для которой былъ изданъ этотъ памятникъ. Рождается сомнѣніе: быть можетъ, ея родина въ другомъ мѣстѣ; быть можетъ, она была занесена въ Литву со стороны и здѣсь попала въ руки кодификаторовъ, которые рецетировали ее въ Статутѣ.

Обратимся къ другимъ даннымъ. Р. Правда даетъ нѣкоторыя черты для опредѣленія территоріи ея происхожденія и дѣйствія. Она названа „русской".

Въ эпоху составленія Правды этотъ терминъ не обозначалъ всей территоріи Россіи, а имѣлъ спеціальный смыслъ, примѣнялся только къ названію Кіевской Руси. Затѣмъ въ числѣ источниковъ Р. Правды указаны уставы Ярослава, его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода и, наконецъ, Владимира Мономаха. Ярославъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, Изяславъ — въ Кіевѣ, Святославъ — въ Черниговѣ, Всеволодъ — въ Переяславлѣ, Владимиръ Мономахъ — въ Кіевѣ. Итакъ, составитель Р. Правды включилъ въ нее законодательныя постановленія южнорусскихъ князей. Вѣроятно, сѣвернорусскіе князья тоже законодательствовали. Однако ихъ уставы не вошли въ Р. Правду. Это обстоятельство наводитъ на мысль: если законодательные источники Р. Правды южнорусскаго происхожденія, то, можетъ-быть, и другой источникъ ея, т.-е. обычное право, должно быть пріурочено къ той же территоріи. Если составитель Р. Правды зналъ только южнорусское законодательство, то, можетъ-быть, и его свѣдѣнія по обычному праву отличались такимъ же мѣстнымъ колоритомъ. Однако это все только намеки на рѣшеніе вопроса. Полная же разгадка его дается только послѣ сличенія Р. Правды съ обычнымъ правомъ Литовско-Русскаго государства.

Обратимся прежде всего къ постановленіямъ объ уголовномъ правѣ.

Р. Правда разсматриваетъ увѣчье, какъ преступленіе противъ жизни, а не противъ здоровья. Увѣчье отнимаетъ у потерпѣвшаго полжизни, уменьшаетъ его вѣкъ наполовину. Поэтому за увѣчье взыскивался штрафъ, называвшійся полувирой. Такой же взглядъ на увѣчье мы находимъ въ обычномъ правѣ вел. княжества Лит. Портной Шимко былъ изувѣченъ намѣстникомъ Доротцкимъ такъ, что лишился способности владѣть мизиннымъ пальцемъ правой руки; судъ постановилъ заплатить въ пользу потерпѣвшаго „полчеловѣка — 10 копъ грошей"[1]). Слуга пана Миколая Гомшивича изувѣчилъ паробка, т.-е. холопа; судъ рѣшилъ: „естли будетъ тотъ паробокъ на который члонокъ образкенъ, маетъ за того паробка тотъ слуга... заплатити за половицу человѣка — полтрети копы грошей"[2]). Судъ разсматривалъ жалобу мѣщанки Берестетской и вынесъ такую резолюцію: такъ какъ, „она рукою не владѣеть, присудили семо той мещанце за полневѣсты водлугъ того ижъ вѣчне на руку хрома"[3]) и т. д.

[1]) Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 11.
[2]) Ibid., лл. 67 - 68.
[3]) Ibid., л. 14.

Въ Р. Правдѣ удары батогомъ, чашей, рогомъ и тылесницей, т.-е. тупой стороной меча, считались не только преступленіемъ противъ здоровья, но въ то же время и оскорбленіемъ чести; поэтому виновный платилъ особенно высокій штрафъ. Такъ же характеризованы эти дѣянія и въ судебной практикѣ вел. княжества Литовскаго. Дворянинъ Туннель во время пира ударилъ намѣстника Радунскаго Лаврина Миколаевича „кіеницею съ медомъ“. Потерпѣвшій жаловался. Судъ приговорилъ ему „безчестья на Туннелѣ 12 рубл. грошей“[1]). Бояринъ Матей Яновичъ напалъ на Андрея Чеха „и почалъ его бити кордомъ-тыльемъ“, т.-е. тупой стороной меча. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ заплатить „Чеху за бой безчестье шляхетское водлугъ обычая 12 рублевъ грошей“[2]) и т. д.

Русской Правдѣ извѣстно наказаніе, которое носитъ названіе „потока и разграбленія“. Разграбленіе — значитъ конфискація. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что это показаніе заимствовано изъ Византіи. Мнѣ кажется, что оно возникло самобытно на почвѣ обычнаго права Южной и Западной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лит.-Русскомъ государствѣ административныя и судебныя взысканія назывались „урядовымъ грабежомъ“. Въ Малороссіи до сихъ поръ взысканія податей и недоимокъ или взысканія по исполнительному листу простой народъ называетъ „грабежомъ“.

Русская Правда различаетъ обѣльныхъ холоповъ и закуповъ. Съ той терминологіей мы не встрѣчаемся болѣе ни въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода, ни въ памятникахъ Московскаго законодательства. Значитъ ли это, что они исчезли и вымерли? Нѣтъ, они продолжали свое существованіе, но только въ томъ краѣ, гдѣ возникла сила Р. Правды, т.-е. въ Южной и Западной Руси. Въ Лит.-Русскомъ государствѣ различались термины: „купить обель“, т.-е. пріобрѣсти собственность, и „закупить“, т.-е. взять въ закладъ. Конюхъ Кревскій говорилъ на судѣ, что онъ заложилъ въ „лихую хвилю“ свою дочь Юхну Громыкѣ за копу грошей; Громыка возражалъ: „продалъ онъ мнѣ девку тую за невольную, а такъ я девку тую въ неволю продалъ обель, якъ обель купилъ“[3]). Судебныя рѣшенія Лит.-Русскаго государства уясняютъ намъ институтъ закупничества, смутно и сбивчиво изложенный въ Р. Правдѣ. Закупы это — лица, отдавшіяся или отданныя въ закладъ кредитору для обезпеченія долга и для отработки процентовъ на занятую сумму.

Относительно опеки Р. Правда содержитъ слѣд. постановленіе: „а оже будеть у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжися сами собою печаловати, а мати имъ попидеть замужъ, то кто имъ ближній будеть, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и съ домомъ донежѣле возмогуть“.

Отсюда видно, что опека назначалась надъ несовершеннолѣтними дѣтьми въ случаѣ смерти отца и вторичнаго замужества ихъ матери. Такое же правило существовало и въ вел. княж. Литовскомъ. Въ актахъ Лит. Метр. есть приказъ вел. князя о назначеніи опеки надъ дѣтьми полоцкаго дворянина Петра Епимаховича. Вскорѣ послѣ смерти этого дворянина жена его вступила во второй бракъ. Тогда братъ

[1]) Лит. Метр., III кн. Судн. дѣлъ, л. 59.
[2]) Ibid., кн. VI Судн. дѣлъ, лл. 34—36.
[3]) Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, лл. 26—27.

умершаго просилъ вел. князя назначить его опекуномъ надъ оставшимися дѣтьми. Просьба его была уважена въ виду того, что „въ отчизне нашой Великомъ князьстве Литовскомъ стародавна тотъ звычай есть: естли вдова зъ удовъ-его столъца ступить, а пойдеть за другого мужа, тогда детми и именьи опекаются близкіи первого мужа ее“[1]). На Вологни умеръ Земяникъ Яковицкій, оставивъ послѣ себя 3 сыновей и жену-вдову, которая потомъ вышла замужъ. Братъ Яковицкаго просилъ, чтобы осиротѣвшія дѣти были отданы ему въ опеку. Вел. князь утвердилъ его опекуномъ „водле обычая и права земского“[2]).

Обычное право вел. княжества Литовскаго относительно наслѣдственныхъ правъ вдовы вполнѣ совпадаетъ съ постановленіями Р. Правды и ихъ разъясняетъ.

Р. Правда говоритъ: „аще жена сядетъ по мужѣ, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужь возложилъ, тому же есть госпожа а задница ей мужня не надобѣ“. Отсюда слѣдуетъ: жена не наслѣдуетъ мужу, но она не остается безъ средствъ. Р. Правда различаетъ имущество, которое достается вдовѣ по закону, и имущество, которое „возложилъ“, т.-е. подарилъ или завѣщалъ ей мужъ. Затѣмъ въ цитированномъ постановленіи можно замѣтить различіе правъ вдовы на то и другое имущество: во второмъ случаѣ она является „госпожой“, собственницей подареннаго или завѣщаннаго ей имущества; но названіе ея „госпожой“ въ этомъ случаѣ отрицательно указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ она не получала права собственности; дѣйствительно, въ статьѣ сказано, что она беретъ эту часть у своихъ дѣтей, т.-е. эта часть выдѣляется ей изъ наслѣдства дѣтей. Отсюда можно сдѣлать догадку, что это имущество имѣло прожиточный характеръ, т.-е. оставалось въ пожизненномъ пользованіи матери-вдовы, а послѣ ея смерти возвращалось дѣтямъ, отъ которыхъ оно было взято.

Такое толкованіе Р. Правды подтверждается судебными рѣшеніями Лит.-Русскаго государства. Здѣсь существовали такіе же порядки, какъ и въ Р. Правдѣ. Обыкновенно мужъ записывалъ женѣ часть своего имѣнія, которая называлась вѣномъ. Этой частью вдова могла распоряжаться, какъ госпожа, какъ собственница. Но если вѣно не было записано, въ такомъ случаѣ она получала въ пожизненное пользованіе часть изъ наслѣдственной массы. Напр. въ одномъ судебномъ рѣшеніи излагается слѣд. правило, дѣйствовавшее въ вел. княжествѣ Литовскомъ: „которая вдова по мужы своемъ останетъ, а вена записанного, ани жадное оправы отъ мужа своего мети не будетъ, таковая част межы детми маетъ мети и тую часть маетъ держать и вьнывати до своего живота, а по ее смерти тая часть за ея на дѣтей спасти маетъ“. Изъ другихъ актовъ Лит. Метрики видно, что эта часть матери-вдовы была равныхъ размѣровъ съ тѣми частями, которыя получали сыновья. На такихъ основаніяхъ было раздѣлено имѣніе воеводы Виленскаго Миколая Радивила между его женой и 3 сыновьями, имѣніе маршалка Литавора Хребтовича между его женой и его дочерьми, имѣніе Ивана Сопѣжича и др.

---

[1]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. 135.

[2]) Ibid., лл. 257—258.

Относительно правъ вдовы мы находимъ въ Р. Правдѣ еще слѣдующее постановленіе: „не хотѣти ли еѣ начьнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнеть всяко сидѣти восхощетъ зъ дѣтьми, то сотворити всяку волю ея, а дѣтемъ не дати: но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ же еи и сидѣти съ дѣтми, или свою часть въземте сидитъ же“. Смыслъ статьи тотъ, что вдова можетъ остаться на имѣніи и въ дому умершаго мужа, не смотря на протесты наслѣдниковъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ вел. княжествѣ Литовскомъ. Въ случаѣ несогласія и ссоръ между матерью-вдовой и наслѣдниками судъ всегда становился на сторону первой. Напр. боярыня Смоленская Ѳедьковая Рогозича жаловалась на своихъ деверей за то, что они выгнали ее изъ имѣнія ея умершаго мужа, въ которомъ она сидѣла, какъ на вдовьемъ стольцѣ; вел. князь и паны-рада постановили: „масть она на вдовиномъ стольци мѣшкати до своего живота, а если похочеть она замуж поити, и они мають ей вѣнець ее заплатити подлугъ обычая правъ земскихъ“ [1]). Относительно княгини Чарторыпской Ульяны вел. князь рѣшилъ такъ: „а не похочетъ ли она послѣ смерти мужа замужъ пойти, то маетъ она на всихъ имѣньяхъ мужа своего князя Семеновыхъ мешкати до своего живота водлугъ обычая и права земского на вдовьемъ стольци“ [2] и т. д.

Нѣкоторые историки права, въ числѣ ихъ особенно проф. Сергѣевичъ, полагаютъ, что статьи Р. Правды о наслѣдованіи вдовы взяты изъ Эклоги. Я позволю себѣ высказать противоположное мнѣніе: эти статьи заключаютъ въ себѣ русское обычное право весьма высокой пробы, именно обычное право юго.-зап. Руси.

Какъ извѣстно, Р. Правда стѣсняетъ завѣщательный произволъ отца наслѣдодателя. Онъ могъ завѣщать свое имущество только тѣмъ, кто и по закону наслѣдовалъ. Исключеніе составляла церковь, въ пользу которой разрѣшалось оставлять часть имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. Такія же ограниченія завѣщательнаго права мы встрѣчаемъ и въ Лит.-Русскомъ государствѣ. Напр. староста Берестейскій панъ Янъ Юрьевичъ Ильинича жаловался вел. князю, что отецъ обошелъ его въ завѣщаніи и устранилъ отъ наслѣдства безъ взякой вины съ его стороны; вел. князь велѣлъ допустить его къ наслѣдству наравнѣ съ прочими братьями [3]). Смоленскій бояринъ Григорій Путята завѣщалъ часть своихъ имѣній на церковь, а другую часть постороннему лицу. Сестра его Аксинья жаловалась вел. князю по поводу такого распоряженія, и вел. князь рѣшилъ, что наслѣдодатель „неслушнымъ обычаемъ отъ близкое сестры своее всю отчину свою отписалъ и такъ есмо вчынили, подлугъ обычая правъ земскихъ, тотъ дворъ присудили сестрѣ его“. Такимъ образомъ завѣщаніе въ пользу посторонняго было кассировано, но распоряженіе въ пользу церкви осталось въ силѣ, и т. д.

Р. Правда предоставляетъ болѣе широкій просторъ завѣщательному усмотрѣнію матери-вдовы: „а матерня часть дѣтямъ не надобѣ, но кому мати всхощетъ, тому дасть ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять; а матери, который еи сынъ будетъ добръ, тому же

¹) Лит. Метр., кн. VIII Записей, лл. 286—287.
²) Лит. Метр., кн. XII Записей, л. 152.
³) Лит. Метр., кн. XIV Записей, лл. 280—281.

дасть все, аще ли всѣ сынове ея будутъ лиси, а дщери можеть дати, кто ю кормить“. Такимъ образомъ мать можетъ завѣщать свое имущество всѣмъ дѣтямъ или же кому-либо одному изъ нихъ; она можетъ обойти сыновей и завѣщать дочери. Такую же особенность мы замѣчаемъ и въ обычномъ правѣ Лит.-Русскаго государства. Напр. жена воеводы Кіевскаго Андрея Немировича завѣщала свои деньги дочери Маринѣ, обошедши ея брата и сестру; вел. князь и паны-рада, разсмотрѣвши это дѣло, „присудили падле тестаменту матки ее, а братъ и сестра ее въ тые пенязи не маютъ ея уступити“ [1]).

Въ Р. Правдѣ есть слѣд. статья: „аще будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“. Это значитъ, дѣти отъ рабыни-наложницы не получаютъ наслѣдства послѣ смерти своего отца и господина, но отпускаются вмѣстѣ съ матерью на волю. Въ актахъ Лит. Метрики мы находимъ судебное рѣшеніе, постановленное на основаніи этого обычая. Нѣкій бояринъ Кондратъ прижилъ отъ своей холопки-наложницы пять сыновей и одну дочь. Затѣмъ онъ вступилъ въ законный бракъ со шляхтянкой, но дѣтей уже не имѣлъ. Послѣ его смерти наслѣдство, по судебному опредѣленію, перешло къ племянницѣ его; дѣти же рабыни были устранены отъ наслѣдства, но получили свободу [2]).

Р. Правда говоритъ объ испытаніяхъ посредствомъ раскаленнаго желѣза и воды. Историки права утверждаютъ, не допуская и тѣни колебанія, что это ордазіи, т. е. особый видъ суда Божьяго. Путемъ воды и желѣза наши предки разсчитывали получить отъ самого Бога указаніе, кто правъ, кто виноватъ. Вѣрили, что правый съ Божьей помощью непремѣнно останется невредимъ, и наоборотъ. Такое толкованіе Р. Правды является въ нашей литературѣ, можно сказать, communis opinio doctorum. Мнѣ кажется однако, что въ статьяхъ ея заключаются данныя, идущія противъ такого толкованія. Въ самомъ дѣлѣ, испытаніе желѣзомъ разрѣшалось только безъ наличности уликъ, напр. обвиняемаго видѣли проходящимъ около мѣста совершенія преступленія или противъ него было свидѣтельство по общему правилу свободнаго человѣка и лишь по исключенію холопа. Ясно, что эти ограничительныя требованія установлены для огражденія интересовъ испытуемыхъ лицъ. Значитъ, предки наши не были такъ наивны, какъ думаютъ. Они знали, что испытанія всегда будутъ сопровождаться страданіями и тѣлесными поврежденіями подсудимаго, независимо отъ вопроса о его правотѣ или виновности. Не даромъ въ Р. Правдѣ они называются „мукой“. И вотъ для предупрежденія напрасной пытки тѣхъ лицъ, которыя могли оказаться невинными, и были созданы указанныя ограниченія. Наоборотъ, если бы вѣрили, что правота подсудимаго превозможетъ разрушительное дѣйствіе стихій, то не зачѣмъ было вводить внѣшнія правовыя гарантіи. Съ точки зрѣнія такого наивнаго общества, внутренняя правота подсудимаго всегда застраховала бы его отъ страданій и тѣлесныхъ поврежденій. Права лицъ, подвергаемыхъ испытаніямъ, ограждались въ Р. Правдѣ и другимъ средствомъ. Истецъ, въ случаѣ оправданія отвѣтчика, долженъ былъ платить за муку и ожоги, которые ему были причинены испытаніемъ.

[1]) Лит. Метр., кн. IV Судныхъ дѣлъ, л. 202.
[2]) Лит. Метр., кн. I Судныхъ дѣлъ, 65—66.

Если бы испытанія были судомъ Божіимъ, то страданія и ожоги являлись бы знакомъ его виновности, они повели бы къ его обвиненію, а не оправданію, и вознагражденіе не имѣло бы смысла. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ пыткой, которой достигалось не откровеніе Бога, а сознаніе подсудимаго.

Въ такомъ толкованіи убѣждаютъ насъ и тѣ статьи Р. Правды, которыя запрещаютъ мучить смерда или огнищанина безъ разрѣшенія со стороны князя. Значитъ, возможна была пытка съ разрѣшенія власти. Пытка была извѣстна и обычному праву вел. княжества Литовскаго. Бояринъ Моцко Федьковичъ обвинялъ Мартинца въ убійствѣ его холопа; Мартинецъ запирался, хотя противъ него были представлены улики со стороны „соха", т.-е. сыщика; судъ рѣшилъ выдать Мартинца на муку, и онъ еще до пытки сознался во всемъ[1]). Къ суду былъ привлеченъ человѣкъ боярина Юрія Мацковича по обвиненію въ кражѣ лошадей, при чемъ противъ него были „знаки писанные". „И Юрій", говорится въ судебномъ протоколѣ, „того человѣка своего на промуку выдалъ. И онъ казалъ ему мучити водле знаковъ. И онъ на первый день не признался къ тымъ знакомъ, потомъ его отпустили и на другой день не казалъ его мучити, отъежчалъ прочъ. И за ся хотелъ его пытати после того на третій день. Мы ему того не допустили, бо не есть то въ правѣхъ"[2]).

Мѣщанинъ Слонишскій Янко жаловался на боярина Михаила Оксакова, что онъ отказывается выдать ему на муку своего человѣка, подозрѣваемаго въ кражѣ 7 лошадей и 1 вола[3]), и т. д.

Итакъ, повторяю, Р. Правда говоритъ о пыткѣ, а не объ ордазіяхъ. Это очевидно изъ текста ея даже безъ помощи Лит. Метрики. Существующее же на этотъ счетъ противоположное мнѣніе, мнѣ кажется, можно объяснить двумя обстоятельствами: 1) изслѣдователи, вмѣсто внимательнаго анализа Р. Правды поспѣшили воспользоваться формулой ордазій, выработанной въ зап.-европейской наукѣ, и распространили ее на Р. Правду, 2) играла значительную роль и ошибочная презумпція, будто бы пытка была принадлежностью разысканнаго процесса и несовмѣстима съ той состязательной формой процесса, которая господствовала въ Р. Правдѣ.

Въ Р. Правдѣ нѣтъ ни слова о судебныхъ поединкахъ. Какъ объясняется этотъ пробѣлъ памятника въ литературѣ? Проф. Ключевскій думаетъ, что составитель Р. Правды зналъ судебный поединокъ, но игнорировалъ его умышленно, не хотѣлъ признавать его. Составитель Р. Правды не сочувствовалъ судебнымъ поединкамъ, по мнѣнію Ключевскаго, потому что этотъ сборникъ предназначался для потребностей церковнаго суда, и самъ составитель былъ лицомъ духовнаго класса. Съ такимъ объясненіемъ согласиться невозможно. Почему обойдены молчаніемъ судебные поединки, а между тѣмъ говорится о мести, противъ которой еще больше было вооружено духовенство? Почему не выброшены изъ Р. Правды многочисленныя статьи о вирахъ и продажахъ въ пользу князя, которыя, разумѣется, не могли имѣть примѣненія въ сферѣ церковной юрисдикціи?

---

[1]) Лит. Метр., кн. I Судныхъ дѣлъ, л. 25.
[2]) Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 80.
[3]) Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 93.

Гораздо болѣе правдоподобно то мнѣніе, котораго придерживается большинство историковъ права. Говорятъ, что судебные поединки были извѣстны въ эпоху Р. Правды; если же она молчитъ о нихъ, то это случайный недосмотръ составителя. Мнѣ кажется, что и такое объясненіе не можетъ быть принято. Процессуальная часть права разработана въ Р. Правдѣ обстоятельно. Р. Правда говоритъ о многихъ доказательствахъ по дѣламъ о побояхъ, ранахъ, убійствѣ, кражѣ, разныхъ гражданскихъ спорахъ и т. д. Значитъ было много поводовъ упомянуть и о поединкѣ; тѣмъ болѣе, что судебный поединокъ — не такая ужъ мелочь, которую можно бы забыть.

Мнѣ кажется, молчаніе Р. Правды о поединкахъ объясняется тѣмъ, что она возникла на территоріи Южной и Западной Руси. Здѣсь они, очевидно, были извѣстны. Ни въ законодательныхъ памятникахъ, ни въ судебныхъ рѣшеніяхъ Лит.-Русскаго государства я не нашелъ указаній на существованіе въ процессѣ поединковъ.

Я далеко не исчерпалъ всего матеріала, имѣющагося въ моемъ распоряженіи. Но и указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ замѣчательномъ сходствѣ Р. Правды съ обычнымъ правомъ Лит.-Русскаго государства. Въ заключеніе считаю нужнымъ еще разъ сказать, что сравненіе Р. Правды съ обычнымъ правомъ великаго княжества Литовскаго даетъ матеріалъ для опредѣленія территоріи происхожденія Р. Правды, для болѣе точнаго обозначенія ея источниковъ и для надлежащаго выясненія отдѣльныхъ ея статей. Съ моей точки зрѣнія, наиболѣе важное значеніе имѣетъ первый выводъ. Если этотъ выводъ будетъ признанъ правильнымъ, то такое признаніе отразится на всей системѣ исторіи русскаго права. Историки обыкновенно излагаютъ различные институты права сначала по Р. Правдѣ, потомъ по Псковской судной грамотѣ и, наконецъ, по Московскому законодательству. Такая послѣдовательность изложенія мнѣ кажется ошибочной. Названные памятники являются не ступенями и стадіями въ историческомъ развитіи одного и того же тождественнаго русскаго права, а выразителями различныхъ типовъ русскаго права. Р. Правда дѣйствительно служитъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи права, но не для московскаго права и не для права новгородско-псковскаго, а для права Южной и Западной Руси, вошедшей въ составъ Лит.-Русскаго государства. У права московскаго и новгородско-псковскаго были свои начальныя точки отправленія. Поэтому мнѣ кажется, напрасно стараться соединить органическою связью и исторической послѣдовательностью порядки Р. Правды съ порядками Московскихъ Судебниковъ и Уложенія, нѣтъ также нужды обращаться къ татарскому вліянію или къ вліянію Византіи, чтобы заполнить пропасть, лежащую между ними. Не отъ Р. Правды пошло развитіе московскаго права. Р. Правда есть начальная основа Лит.-Русскаго права.

Характеръ церковнаго управленія и церковной жизни въ Донской Области въ началѣ XVIII вѣка.

В. А. Харламова.

Свѣдѣнія о церковномъ управленіи и церковной жизни Донской Области въ началѣ XVIII в., — до 1718 г., т.-е. до времени подчиненія ея воронежскимъ епископамъ, которыя имѣю честь предложить вниманію читателямъ, составлены на основаніи донскихъ дѣлъ и донскихъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Казачья община на Дону, составившаяся преимущественно изъ великороссійскихъ бѣглецовъ, живя на окраинѣ государства, служила для него въ XVII и XVIII вв. щитомъ, загораживавшимъ русскіе города отъ набѣговъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ. Внутренняя жизнь этой общины складывалась совершенно самостоятельно и не зависѣла отъ центральнаго правительства. Дѣла рѣшались, смотря по ихъ характеру, либо войсковымъ кругомъ, либо станичнымъ сходомъ, на основаніи выработаннаго условіями жизни войскового права, обязательнаго для каждаго казака. Всякій, пришедшій на Донъ и ставшій казакомъ, безпрекословно долженъ былъ подчиняться войсковымъ порядкамъ, личность его сливалась въ общей жизни войска, которое въ нужныхъ случаяхъ и выступало на защиту ея. Это былъ своего рода организмъ, сильный единствомъ его частей.

Бытовыя особенности жизни казачьей общины на Дону отражались и на церковномъ положеніи этого края въ ряду другихъ областей Московскаго государства, они сообщили особый отпечатокъ его церковной жизни.

Къ концу XVII в. донскіе казаки входили въ составъ Патріаршей епархіи, а съ уничтоженіемъ патріаршества завѣдываніе церковными дѣлами Донской Области сосредоточилось въ рукахъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана, митрополита Рязанскаго. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ мы можемъ видѣть, что церковно-административное подчиненіе Донского края митрополиту Стефану выражалось въ томъ, что казаки обращались къ нему съ просьбами о разрѣшеніи на постройку новыхъ и возобновленіе старыхъ церквей, о снабженіи ихъ церковной утварью и книгами и о поставленіи священниковъ.

Приговоривши какимъ-нибудь городкомъ построить церковь, казаки обращались съ челобитной сначала къ войску, въ войсковомъ кругу въ Черкаскѣ, который уже отъ себя посылалъ челобитную въ Москву, въ Посольскій приказъ и просилъ Великаго Государя учинить соотвѣтствующее распоряженіе. Такова, напр., челобитная городка Стараго Айдара 1705 г.: „... а безъ твоего Великаго Государя указу и безъ благословенной грамоты настроеніе той церкви (Михаила Архангела) лѣсу ронить и валить и строить, нанявъ плотниковъ, не смѣемъ... вели Государь дать о построеніи свою Государеву грамоту и по построеніи освятить и дать антиминсъ“ [1]). Изъ Посольскаго Приказа дѣла о построеніи церквей отсылались къ митрополиту Стефану, который и давалъ просимую грамоту. Такъ въ 1706 г. была прислана Войскомъ въ Москву челобитная Сватолуцкой станицы: „... а грамоты отъ преосвященнаго Стеѳана, митрополита рязанскаго и муромскаго, что лѣсъ ронить и ту церковь строить недано и они просятъ далѣе, чтобы отъ преосв. Стеѳана дана была благословенная грамота и позволеніе освятить церковь старостѣ поповскому Григорію.“ На этой челобитной помѣта дьяка: послать ссею челобитья к митрополиту Стеѳану память, велѣть одаче благословенной грамоты и опрочихъ церковныхъ вещахъ указъ учинить ему господину митрополиту [2]). Въ Донскихъ дѣлахъ за первое десятилѣтіе XVIII вѣка находится много подобныхъ челобитныхъ о построеніи церквей [3]).

По поводу этихъ челобитныхъ изъ Посольскаго приказа посылались указы Митрополиту Стеѳану, гдѣ въ стереотипной формѣ предписывалось... „и Великій Государь одаче имъ вышеписанныхъ благословенныхъ грамотъ и онтиминсовъ и сосудовъ церковныхъ и книгъ и ризъ свой Великого Государя указъ учинить противъ прежняго тебѣ преосвященному митрополиту Стефану Резанскому и Муромскому“ [4]).

Кромѣ этихъ дѣлъ о строеніи церквей митрополитъ Стеѳанъ вѣдалъ дѣла о поставленіи на Донъ священнослужителей. Духовенство на Дону въ описываемое время частью пришлое — изъ Великоросс. епархій, частью поставлялось изъ мѣстныхъ уроженцевъ — казаковъ. Въ то время, благодаря стѣснительнымъ условіямъ въ положеніи вдоваго духовенства, очень многіе попы, чтобы избѣжать обязательнаго постриженія въ монашество, переходили на Донъ и здѣсь находили себѣ мѣста, много уходило ихъ и по другимъ причинамъ. Явившись на Донъ, такіе попы разыскивали свободныя мѣста при церквахъ и подавали станицамъ челобитныя о принятіи ихъ на эти мѣста. Съ своей стороны, чтобы узаконить этотъ переходъ, казаки обращались къ войсковой власти, которая отъ себя уже посылала челобитныя въ Москву о дозволеніи такому-то попу служить при ихъ церкви.

Вотъ челобитная отъ Лютинскаго городка 1706 г. „... а нынѣ Государь принели мы ктой церкви (Алексѣя Митр.) втотъ городокъ ксебѣ намѣсто умершаго попа Алексѣя иного священника Танбова города с лысыхъ горъ Богоявленскаго попа

---

[1]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Донск. д. связ. № 23.

[2]) Ibidem, связ. № 24.

[3]) Таковы челобитная Бахмутской стан. 1706 г. (связ. 24). Скородумовской и Тютеревской, ст. Раменской, Бѣленской, Сиротинской 1710 г., Усть-Медвѣдицкой 1713 г., Багаевской, Луганской и др.

[4]) Донск. д., связ. № 24.

Ермолая Евоимова, а инъ попъ Ермолай человѣкъ добрый и непьяница иживетъ благочестно, и ктой церкви Божіей и вгородкѣ и вприходѣ всѣмъ намъ былъ годенъ, а нынѣ инъ попъ Ермолай у той церкви Божіей унасъ вприходѣ всякія духовныя потребы и священнодѣйствовать безтвоего Государева указу и безблагословенія Преосв. Стеѳана безставленой и безперехожей грамотъ служить несмѣетъ"... просятъ дать попу Ермолаю эти грамоты. Челобитная послана митр. Стеѳану и велѣно ему дать просимыя грамоты[1]).

Надо полагать, что это пришлое духовенство на Дону было преобладающимъ, хотя въ описываемое время мы много видимъ челобитныхъ о поставленіи въ попы и изъ казаковъ. Дѣло въ томъ, что посылать кандидатовъ въ священники въ Москву для поставленія было очень затруднительно за дальностію разстоянія и трудностью сношеній съ Москвой. Обыкновенно чаще всего такія посылки пріурочивались къ отправленію съ Дона ежегодной зимовой станицы, тогда какъ попы изъ Великороссіи могли съѣзжать на Донъ съ легкими станицами. Кандидаты въ священники выбирались самими станицами изъ казаковъ, которые въ большинствѣ случаевъ до того времени отправляли дьячковскую или понамарскую должность.

О томъ, какимъ образомъ шло дѣлопроизводство о поставленіи въ священники, мы узнаемъ изъ многихъ челобитныхъ того времени. Вотъ одна изъ такихъ челобитныхъ: „Вынынѣшнемъ 1702 г. Декабря въ 6-е писали къ Вел. Госуд. Царю и Вел. Кн. Петру Алексѣевичу здону Донскіе казаки войсковой Атаманъ Лукьянъ Максимовъ и все войско Донское, вынынѣшнемъ же 1702 г. Ноября въ 10-е били челомъ ему В. Г., а имъ войску Д. вкругу словесно донскіе жъ казаки реки Сѣверскаго Донца Усть-Куидрюческаго городка Атаманъ Парѳенъ Якимовъ и всѣ того городка казаки, а всловесномъ своемъ челобитьѣ имъ войску сказали, впрошлыхде годѣхъ построили они на рѣке Донце на усть рѣчке Куидрюче церковь, автомъ же городкѣ священника у нихъ нѣтъ, и многие де жители помираютъ безъ покаянія, а младенцы многия времена бываютъ некрещены, п. ч. священника вскорѣ взять негдѣ, а есть вчеркаскомъ городкѣ въ Рыковскомъ приходѣ церковной дьячокъ Федоръ Григорьевъ и чтобъ де ему Федору дать ихъ войсковую отписку и сотпискою для поставленія его впопы отпустить кмосквѣ, а онъ де Федоръ человѣкъ доброй и смирной и не пьяница и во всемъ имъ Куидрюческимъ казакамъ годенъ, потому что онъ церковнаго чина, и втой церкви священнодѣйствовать желаетъ, и они де казаки, по Его В. Г. указу, а по челобитью ихъ казаковъ Парѳена стоварыщи давъ ему Федору отписку отпустили для поставленія его впопы, и Вел. Государь Царь и Вел. Кн. Петръ Алексѣевичъ указалъ того церковнаго дьячка Федора Григорьева изъ государственнаго посольскаго приказа отослать в Патріаршъ духовной приказъ и о поставленіи его во священники на Донъ Сѣверскаго Донца въ Усть-Куидрюческій городокъ свой указъ учинить тебѣ преосв. Стеѳану, митр. Резан. и Муромскому"[2]).

---

[1]) Арх. Мин. Ин. Д. Донск. дѣла связ. № 24.

[2]) Дон. дѣла связ. № 22/в. Такія же челобитныя станицъ: Бахмутской — 1706 г. (связ. № 24), Быстрянской — 1711 г. (связ. № 26), Скородумовской — 1712 г., Рыковской — 1714 г., Тютеревской — 1714 г.

Кромѣ удовлетворенія этихъ прямыхъ и ближайшихъ потребностей церковной жизни Донского казачества, высшая власть стремилась создать на Дону мѣстные органы церковнаго управленія. Но опять-таки законодательныя постановленія объ этомъ исходили не отъ церковной власти, а отъ того же Посольскаго приказа. Первая попытка такого рода относится къ 1689 г. Въ этомъ году въ указѣ Великихъ Государей еп. Воронежскому Митрофану предписывалось послать на Донъ двухъ священниковъ, которые бъ были „Божественнаго Писанія навычны", и вдуховномъ чину искусны, а не раскольники. Еп. Митрофанъ послалъ Воронежскаго уѣзду села Бобакова Предтеченскаго попа Илью, да г. Коротояка Архангельскаго попа Исидора, которые должны были служить на Дону годъ, а потомъ на смѣну имъ предполагалось послать другихъ. Цѣль ихъ посылки, какъ видно изъ грамотъ еп. Митрофану и Войску Донскому состояла въ томъ, чтобы „они раскольниковъ и воровъ пугали и отъ противности церковной отвращали, а казакамъ предписывалось быть къ нимъ почитательнымъ и въ заповѣдяхъ церковныхъ послушнымъ". Священники эти дѣйствительно пробыли на Дону годъ, но выполнить имъ свое порученіе не удалось, такъ какъ во время поѣздки ихъ по Дону, въ однѣхъ станицахъ ихъ и въ церковь казаки не пустили, въ другихъ не пошли къ службѣ и подъ благословеніе, а изъ другихъ выгнали и угрожали побить ихъ[1]).

Такъ неудачно кончилась первая попытка церковной власти стать ближе къ церковной жизни казаковъ и направлять ее при помощи своихъ органовъ. На смѣну этихъ священниковъ другіе уже не посылались. Цѣль и время посылки этихъ священниковъ даютъ основаніе думать, что миссія эта вызвана извѣстнымъ дѣломъ раскольниковъ атамана Самойлы Лаврентьева, Кузешки Косого и др.

Въ дальнѣйшей исторіи церковной жизни донскихъ казаковъ мы встрѣчаемся съ новой на Дону должностью — поповскаго старосты. Какъ увидимъ ниже, обязанности этихъ старостъ совпадали съ спеціальной миссіей двухъ воронежскихъ поповъ, посланныхъ еп. Митрофаномъ.

Первымъ по времени поповскимъ старостой упоминается въ 1696 г. соборный г. Черкаска попъ Иларіонъ Ивановъ, который поставленъ былъ на эту должность патр. Адріаномъ[2]). Какъ онъ, по выраженію актовъ, вѣдалъ надъ священниками и управлялъ духовными дѣлами, намъ неизвѣстно. Подъ 1706 г. упоминается поповскій староста Григорій. О немъ извѣстно, что казаки просили посольскій приказъ разрѣшить ему освятить нѣсколько новыхъ церквей, чтобы, какъ они выражались, намъ впредь вдалномъ разстояніи волокиты не было[3]).

Его смѣнилъ назначенный изъ Москвы протопопъ Федоръ Алимпіевъ. Изъ его челобитной 1713 г. видно, что онъ „по Его В. Г. указу о состояніи и утверженія православія христіанскіе вѣры и для охраненія отворовъ бѣглыхъ и самоставленныхъ поповъ и раскольщиковъ лживыхъ чернцовъ поставленъ на Донъ вгородъ

[1]) Арх. Мин. Ин. Д. Книга Донск. дѣлъ, № 15.
[2]) Донск. д. св. 28/а.
[3]) Донск. д. связ. № 24.

Черкаской къ соборной церкви впротопопы“[1]). Получивши назначеніе и большія полномочія отъ высшей власти, обезпеченный годовымъ жалованьемъ въ 20 руб. денегъ и 20 четвертей муки, прот. Федоръ энергично принялся исполнять свои обязанности. По его словамъ, онъ и въ церкви и въ домахъ училъ своихъ прихожанъ жить по заповѣдямъ Господнимъ и по правиламъ церковнымъ, много разъ въ войсковомъ кругу словесно и письменно доносилъ войсковому атаману о многоженствѣ казаковъ, а имянно, говоритъ протопопъ, которые казаки по пяти и по шести и по семи женъ имѣли и отъ живыхъ законныхъ женъ на другихъ женились, а иные казаки женъ своихъ законныхъ другимъ продавали, а сами иныхъ брали[2]). Но доношеній этихъ отъ него войсковой атаманъ не принималъ, и казаки дѣлали все по своимъ прихотямъ, замѣчаетъ протопопъ. Старался прот. Федоръ собирать свѣдѣнія о раскольникахъ и тѣхъ лицахъ, которые совершали у нихъ богослуженіе и вели пропаганду раскола. Въ актахъ того времени сохранились первыя донесенія поповъ о появленіи раскола среди ихъ прихожанъ[3]).

Но среди донского духовенства того времени дѣятельность прот. Федора встрѣтила мало сочувствія, большинство имъ было недовольно, а главное противъ него вооружилась войсковая власть, и въ 1715 г. войсковой атаманъ Петръ Емельяновъ „отъ церкви Божіи безуказу Вел. Государя и безповеленія архіерейскаго и несудя ево по Донскому обычаю вкругу и не обявя вины ево передъ народомъ ево отлучилъ и служить запретилъ“[4]). Въ отпискѣ войска объ удаленіи прот. Федора указывалось на то, что онъ протопопъ безъ нашей войсковой заручной челобитной и безъ нашего войскового вѣдома самовольствомъ своимъ просился на Донъ[5]), что онъ совершилъ много покражъ, а въ концѣ отписки приводились „скаски 10 станицъ г. Черкаска атамановъ и казаковъ заруками тѣхъ станицъ поповъ, что онъ прот. замногие ево показанные воровства имъ не надобенъ“[6]). По удаленіи изъ Черкаска онъ былъ опредѣленъ протопопомъ въ Павловскъ, а потомъ за ложныя челобитья на трехъ донскихъ атамановъ и на старшинъ сосланъ въ Соловецкій монастырь и заключенъ тамъ въ тюрьму[7]).

О дѣятельности поповскихъ старостъ послѣ прот. Федора намъ ничего неизвѣстно.

Чтобы выяснить характеръ церковнаго управленія Донской Областью за это время, необходимо еще коснуться положенія монастырей на Дону и отношенія къ нимъ донскихъ казаковъ. Въ это время на Дону было нѣсколько монастырей, изъ которыхъ намъ извѣстны: Усть-Медвѣдицкій Преображенскій, Мигулинскій Троицкій, Азовскій Предтечевъ и Донецкая Успенская пустынь. Повидимому, монастыри должны

---

1) Ibid. связ. № 26.
2) Ibid. связ. № 28/а.
3) Донск. д. связ. № 27. Донесеніе Кобыльницкой ст. попа Іакова Поликарпова и Григоровской ст. попа Василія (связ. 28/а).
4) Донск. д. связ. 28/а.
5) Ididem.
6) Донск. д., связ. 28/а.
7) Ibidem.

были вѣдаться одною духовною властью, но и здѣсь мы видимъ вмѣшательство казаковъ въ распоряженія этой власти, доходящія до отрицанія ея. Когда, напр., Донецкая Успенская пустынь по просьбѣ казначея ея, монаха Романа приписана была къ Азовскому Предтечеву монастырю, и оттуда были посланы строители іеромонахи Іоаннъ и Германъ, казаки послали въ эту пустынь грамоту съ требованіемъ не принимать ихъ и приказали вѣдать ту пустынь Троицкому строителю Капитону... „а говорили де они казаки, что такихъ указовъ не слушаютъ, а слушаютъ де указъ изъ посольскаго приказу“[1]). Вотъ еще случай не менѣе любопытный въ этомъ отношеніи. Когда въ 1711 г. умеръ строитель Усть-Медвѣдицкаго монастыря Антоній, то старецъ этого монастыря Ѳеодосій просилъ войско назначить его строителемъ, а старца Иларіона — священникомъ. Войско послало въ Москву объ этомъ свою отписку и по распоряженію Посольскаго приказа митрополитъ Стеѳанъ далъ указъ о просимомъ назначеніи[2]). Подобный же фактъ имѣлъ мѣсто и въ 1715 г. при назначеніи іеромонаха Іосифа игуменомъ въ Троицкій Мигулинскій монастырь[3]).

Но казаки распоряжались дѣлами монастырей не только тѣхъ, которые существовали на территоріи войска, но и въ построенныхъ ими Троицкомъ Борщевскомъ въ Воронежской епархіи и Шацкомъ Чернѣевомъ монастырѣ. Въ Донскихъ дѣлахъ Архива Мин. Ин. Д. сохранилась интересная челобитная еп. Воронежскаго Митрофана царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ 1686 г. Челобитная эта написана по слѣдующему поводу. Игуменъ этого монастыря Корнилій вмѣстѣ съ двумя другими старцами взломалъ окно въ кельѣ строителя старца Савватѣя и вынулъ оттуда $^1/_2$ пуда свинца для церковнаго строенія. Когда черезъ Воронежъ проѣзжала станица атамана Іуды Иванова и казаки заѣхали въ Борщевскій монастырь, то старцы приказали дьячку Васкѣ Попову написать на игумена извѣстную челобитную донскимъ казакамъ (игумена и старцевъ, съ которыми онъ ломалъ окно, въ то время не было въ монастырѣ). Въ этой челобитной они указывали, что игуменъ взялъ въ Савватѣевой кельѣ всякое писмо и рухлядь. Потомъ дьячокъ Васка повинился предъ епископомъ Митрофаномъ въ своемъ проступкѣ и былъ прощенъ, а старцамъ, подписавшимъ челобитную, „по государеву указу и боярскому приговору велено учинить монастырское смиреніе — бить плетьми или шелепами нещадно и сослать ихъ ввологодскіе монастыри и держать ихъ втѣхъ монастырѣхъ вмонастырской работѣ, хто какую понести можетъ, дьячку Еремкѣ Лукьянову, подписавшемуся вмѣсто монастырскихъ работниковъ, — „велено учинить наказанье — на козлѣ бить кнутомъ нещадно и сослать вссылку на Колмы горы зженою и здѣтьми на вѣчное житье и написать встрѣльцы“.

Далѣе въ челобитной еп. Митрофана сообщается, что въ самомъ монастырѣ жили не постриженные казаки и вмѣшивались въ управленіе монастырскими дѣлами. Въ подтвержденіе этого заявленія еп. приводитъ слѣдующіе факты. Монастырскій крестьянинъ Петрушка Митрофановъ жаловался еп., что „онъ женился во дворъ къ

[1]) Донск. д. связ. № 27.
[2]) Ibid. связ. № 26.
[3]) Idid. связ. № 27.

крестьянину того же монастыря Потапкѣ Торлину на дочери его дѣвкѣ Анюткѣ съ животами отца своего“, что эти животы тесть его отобралъ и выгналъ его изъ дома съ женой, такъ что онъ принужденъ былъ три года таскаться межъ двора, а когда опять пришелъ къ тестю и годъ работалъ на него, тотъ ничего ему не далъ, задержалъ его жену и опять выгналъ изъ дома. За обвиняемымъ крестьяниномъ еп. Митрофанъ послалъ пристава, который возратившись подалъ ему „дотворную скаску, что де того монастыря игуменъ Корниллей безъ строителева Савватѣева и безъ донскихъ казаковъ вѣдома того крестьянина съ дочерью отдать не смѣетъ, а донскіе казаки три человѣка сказали ему приставу — хто де тово крестьянина возьметъ и они де тово станутъ бить. Еп. во второй разъ послалъ пристава за Потапкой Торлинымъ, но казаки его не выдали, а дали ему приставу скаску зарукою, что де они донскіе казаки безъ войскового указу и до пріѣзду сМосквы войск. ат. Ивана Семенова тово крестьянина сдочерью отдать не смѣютъ. Такъ и не получилъ еп. обвиняемаго крестьянина.

Жаловался далѣе еп. Митрофанъ, что изъ того монастыря монахи безъ его вѣдома ѣздятъ на Донъ, что живущіе въ этомъ монастырѣ казаки отгоняютъ у Коротоячанъ дѣтей боярскихъ села Верхней Голышевки скотину и имъ же отдаютъ ее на выкупъ, а часть оставляютъ себѣ, стригутъ ихъ овецъ и пр. Заканчиваетъ свою огромную челобитную еп. Митрофанъ признаніемъ, что онъ не имѣетъ возможности управлять монастыремъ при такихъ условіяхъ: „того Государи монастыря братью и монастырскихъ крестьянъ во всякихъ духовныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ отъ Донскихъ казаковъ мнѣ богомольцу Вашему вѣдать невозможно“ [1]).

По этой жалобѣ три казака, жившіе въ монастырѣ высланы были оттуда, но не было запрещено донскимъ казакамъ пріѣзжать туда на богомолье и постригаться въ монахи.

Такимъ образомъ на основаніи выше приведенныхъ фактовъ изъ церковной жизни Донского края, можно видѣть, какой характеръ носило церковное управленіе этой областью въ описываемое время. Прежде всего нужно отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что всѣ сношенія съ высшей церковной властью велись черезъ посольскій приказъ. Пользуясь по внутреннимъ дѣламъ полнымъ самоуправленіемъ, живя по своему войсковому праву и управляясь войсковымъ кругомъ, войско по дѣламъ общегосударственнымъ сносилась съ посольскимъ приказомъ, въ этотъ же приказъ направлялись всѣ тѣ дѣла, которыя превышали компетенцію войсковой власти, какъ въ данномъ случаѣ церковныя.

Эта полная автономія казачьей общины не нравилась Московскому правительству, и оно со временъ Алексѣя Михайловича, съ 50 гг. XVII в. стремится подчинить себѣ эту вольную общину; урѣзывая ея права и сообразно своимъ цѣлямъ направляя ея дѣятельность. Между войскомъ и Московскимъ правительствомъ все время идетъ скрытая, упорная и подъ часъ мелочная борьба въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Но благодаря своей политикѣ государство все болѣе и болѣе находитъ себѣ сторонниковъ въ средѣ самого казачества, что порождаетъ внутреннія неурядицы въ войскѣ, такъ какъ интересы высшаго класса казачества — большинства старшинъ

[1]) Книга Донск. дѣлъ № 13 л. 107 об.—122 об.).

и домовитыхъ казаковъ — рѣзко расходятся съ пониманіемъ своихъ правъ общей массой казаковъ. Эта внутренняя борьба продолжается десятки лѣтъ, и, наконецъ, при Петрѣ разрѣшается охватившимъ всю область Булавинскимъ бунтомъ. Булавинскій бунтъ былъ послѣдней вспышкой вольнаго казачьяго духа, боровшагося за свои права. Петръ жестокими мѣрами подавилъ это возстаніе, и съ тѣхъ поръ жизнь войска потеряла свой прежній характеръ и мало-по-малу слилась съ общегосударственной. Но измѣнившись въ политическомъ отношеніи жизнь казачества надолго сохранила присущія ей особенности въ отношеніи церковномъ, вѣроятно, потому, что эта сторона жизни Дона не сталкивалась съ интересами государства.

Не только теперь, когда Донская область не была надлежащимъ образомъ включена въ составъ какой-нибудь епархіи, но и долго спустя, въ срединѣ и концѣ XVIII в., казаки по духовнымъ дѣламъ чаще обращались въ военную коллегію, чѣмъ къ епархіальному архіерею. Внутреннія же условія церковной жизни Дона — положеніе духовенства и отношеніе къ нему войсковой власти и казаковъ къ началу XIX в. остались такими же, какими они были въ началѣ XVIII в.

Духовенство на Дону въ началѣ XVIII в. было частію изъ мѣстныхъ уроженцевъ, частію пришлое — изъ Великороссіи. Назначеніе поповъ на мѣста совершенно не зависѣло отъ церковной власти, а совершалось по выбору самихъ станицъ на основаніи даваемыхъ ими этимъ лицамъ заручныхъ записей. Кромѣ посылки двухъ поповъ еп. Митрофаномъ, мы видимъ только одинъ примѣръ назначенія изъ Москвы протопопа Федора Алимпіева къ черкаскому собору и на должность поповскаго старосты. Смѣшенія донского духовенства съ высшимъ церковнымъ начальствомъ ограничивались тѣмъ, что попы во время пріѣздовъ въ Москву для поставленія въ санъ или для полученія перехожихъ и епитрахильныхъ грамотъ получали тамъ жалуемые Государемъ церковныя книги и церковную утварь [1]), а иногда и спеціально отправлялись въ Москву съ казачьими станицами съ челобитными о церковныхъ нуждахъ [2]).

Нечего и говорить, что духовенство на Дону въ описываемое время стояло очень низко. Получая свои мѣста по приговору станицъ и съ утвержденія войсковой власти, попы находились въ полной зависимости отъ своихъ прихожанъ экономической и юридической. Они могли легко лишиться своихъ мѣстъ, разъ они становились неугодны своимъ хозяевамъ-казакамъ. Это безправное положеніе ухудшалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе пришлые попы не имѣли перехожихъ и епитрахильныхъ грамотъ, вѣроятно, по многимъ причинамъ они и не хотѣли получать ихъ, многіе вовсе были самоставцы-попы или бѣглые раскольники-чернецы. Понятно, что такое духовенство должно было дорожить расположеніемъ своей паствы, принуждено было вѣнчать ихъ отъ живыхъ женъ на другихъ, вѣнчать въ пятый, седьмой разъ, должно было служить по тѣмъ обрядамъ, какіе нравились прихожанамъ. Нѣсколько въ лучшемъ положеніи были попы и изъ мѣстныхъ уроженцевъ-казаковъ, такъ какъ хотя условія полученія мѣстъ и условія жизни были одинаковы, они, можетъ-быть, нѣсколько легче себя чувствовали, потому что въ силу своего проис-

[1]) Донск. д. связ. 22/b.
[2]) Ibid. связ. 25/b.

хожденія съ дѣтства сживались съ строемъ казачьей жизни, да и казаки, надо думать, лучше къ нимъ относились, какъ къ своимъ землякамъ.

Низшее духовенство — дьячки и понамари, назначалось на мѣста одной войсковой властью и состояло въ ея полномъ распоряженіи. Всякаго дьячка войско могло потребовать на военную службу, назначить писаремъ въ станицѣ при атаманѣ и т. д. Въ такомъ положеніи они были и въ послѣдующее время. Въ дѣлахъ архива Донской духовной консисторіи есть много указовъ Синода воронежскимъ епископамъ, въ которыхъ предписывалось оставить дьячковъ и понамарей разсмотрѣнію и опредѣленію войскового правительства [1]). Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Воронежскаго еп. Арсенія 1810 г. на имя войсковой канцеляріи. Извѣщая ее о посвященіи имъ нѣкоторыхъ дьячковъ въ стихари, онъ писалъ, что посвященные причетники принадлежатъ, какъ и прежде, войсковому распоряженію по всему, ибо де стихари даны имъ для украшенія церковнаго, а суду и распоряженію всѣ, и стихарные принадлежатъ войску Донскому, и ежели кого изъ нихъ нужно будетъ лишить мѣста или отдать въ войсковую службу, то нужно только возвратить еп. данную ему грамоту [2]).

Не будетъ смѣлостью сказать, что въ началѣ XVIII в. дьячки и понамари имѣли большее значеніе въ приходской жизни, чѣмъ попы. Въ числѣ обвиненій противъ прот. Федора Алимпіева было выставлено то, что онъ безъ вѣдома понамарей входилъ въ церковь, и послѣ его ухода была обнаружена пропажа двойного червонца отъ образа Іоанна Предтечи и что онъ не сдалъ церковнаго имущества, когда ушелъ изъ Черкаска. На это протопопъ отвѣчалъ, что „церковной утвари онъ не сдавалъ потому, что ничего не принималъ, а было де все, что есть въ церкви нарукахъ по древнему ихъ обычаю упономарей и сундуки со всякою церковною поклажею, ключи церковные и сундучные и ризница, — все вѣдѣніи у тѣхъ церковниковъ и прикладъ со св. иконъ червонные золотые и ѳимки и прочіе они казаки все снимали и отдавали вхраненіе тѣмъ церковникамъ“. Точно такъ же извѣстно, что вѣнчальныя деньги по станицамъ хранились у понамарей, которые и отправляли ихъ къ войсковому атаману на церковное строеніе.

Такимъ образомъ, своеобразныя условія сношенія съ высшей церковной властью, отдаленность отъ нея и затруднительность сношеній, плохой составъ духовенства и неподготовленность его къ своему служенію, условія общественнаго строя, среди котораго приходилось ему жить и дѣйствовать, — создали такія ненормальныя отношенія между обществомъ и церковной властью, которыя впослѣдствіи, при усиленіи этой власти, повели къ постояннымъ столкновеніямъ между ними, доходившимъ до отрицанія этой власти. Эти своеобразныя отношенія, съ одной стороны, между церковной властью и властью войсковой и обществомъ съ другой — съ особенною силою развиваются въ слѣдующій періодъ церковной жизни Донского края — во время подчиненія его воронежскимъ епископамъ (1718—1829 гг.).

---

[1]) Арх. Донск. консист. д. Черкаск. дух. правл. № 99, указъ 1795 г.; д. Хоперск. дух. правленія № 147, указъ 1785 г., д. Пятіизбянской ст. № 58 указ. 1819 г.

[2]) Ibid д. по описи комиссіи № 42.

Войсковой архивъ Кубанскаго казачьяго войска[1].

П. П. Короленко.

I.

Архивныя зданія.

Одновременно съ окончательнымъ сформированіемъ войска черноморскихъ казаковъ, изъ бывшихъ запорожцевъ въ 1788 году, на Бугѣ, въ урочищѣ Васильковѣ учрежденъ былъ Войсковой кошъ, замѣнявшій собою Войсковое Правительство, подъ управленіемъ кошевого атамана этого войска и подъ ближайшимъ наблюденіемъ войскового судьи; всей перепиской управлялъ войсковой писарь, въ вѣдѣніи кототораго находились всѣ прочіе чины Войсковой канцеляріи.

По случаю происходившей въ то время войны съ турками, Войсковой кошъ Черноморскаго войска перемѣщался изъ одного мѣста на другое, въ виду чего кошевая канцелярія была на походномъ положеніи, и для письменныхъ дѣлъ ея не было постояннаго помѣщенія.

Въ 1790 году, когда, послѣ завоеванія у турокъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, вся территорія отъ береговъ Чернаго моря и между тѣхъ рѣкъ вверхъ по Бендерскую дорогу поступили въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршала, князя Потемкина, и этимъ послѣднимъ была отдана войску Черноморскому подъ поселеніе казаковъ съ ихъ семействами, тогда уже не Кошевое, а Войсковое Правительство помѣстилось въ полтавскомъ мѣстечкѣ Слободзеѣ-Руфѣ на Днѣстрѣ.

Въ слѣдующемъ, 1791 году война съ турками окончилась. Кошевой атаманъ и войсковой судья сблизились своимъ кошемъ, и всѣ ихъ письменныя дѣла, прежде заведенныя, были доставлены въ Войсковую канцелярію, гдѣ и производилась уже дальнѣйшая переписка по Войсковому Правительству, тамъ же помѣщались и рѣшенныя дѣла.

---

[1]) Для составленія настоящей записки матеріаломъ служили дѣла Кубанскаго Войскового Архива по общей описи Войскового Правительства 1800 г., Войсковой канцеляріи 1802 г. № 166, по описи Архивной канцеляріи 1877 г. № 1, 88, 1887 г. № 37, 1890 г. № 45, 1893 г. № 25, 55, 56.

По Высочайшему повелѣнію, въ 1792 году, казаки войска Черноморскаго переселены съ Днѣстра на Кубань, гдѣ имъ Императрицей Екатериной II грамотой 30 іюня того же года была пожалована Кубанская земля съ Таманскимъ островомъ.

По этому случаю Войсковая канцелярія Черноморскаго войска была переведена изъ Слободзея на Днѣстрѣ въ основанный на Кубани войсковой городъ Екатеринодаръ, куда перевезены и всѣ письменныя дѣла Войскового Правительства. Такъ какъ отдѣльнаго помѣщенія для Войскового Архива не строилось, то дѣла хранились по прежнему при Войсковой канцеляріи, для которой въ 1794 году было построено деревянное зданіе, подъ камышевой крышей, въ Екатеринодарской крѣпости.

Когда же бывшія такой постройки и другія войсковыя зданія въ названной крѣпости обветшали, а нѣкоторыя и сгорѣли, то Войсковое Правительство съ разрѣшенія Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора Дюка-де Ришелье приступило къ постройкѣ новаго кирпичнаго зданія подъ желѣзной крышей для помѣщенія въ немъ Войсковой канцеляріи съ Архивомъ при ней. Постройку эту въ 1809 году взяли съ подряда Донского войска сотникъ Гусельщиковъ и казакъ Очаковъ, но по случаю затруднительной доставки изъ-за Кубани лѣса, въ виду открывшихся военныхъ дѣйствій съ горцами и затрудненія найма рабочихъ изъ Россіи, вмѣсто предполагавшихся мѣстныхъ казаковъ, потребованныхъ для усиленія Черноморской кордонной линіи, названные подрядчики оба отказались, и постройка сказаннаго зданія пріостановилась.

Тогда Войсковое Правительство открыло свой войсковой кирпичный заводъ, для постройки изъ выдѣлываемаго на томъ заводѣ кирпича зданія подъ канцелярію съ Архивомъ и другихъ помѣщеній. Постройка эта затянулась до 1815 года. Результатомъ этой затяжки вышло то, что зданіе для Войскового Архива было построено вмѣсто кирпичнаго деревянное, но только на кирпичномъ фундаментѣ подъ желѣзною крышей, и просуществовало лѣтъ пятнадцать.

Въ 1832 году Войсковая канцелярія распорядилась на мѣсто обветшавшаго архивнаго зданія выстроить новое помѣщеніе въ нынѣшнемъ городскомъ саду, сѣверо-восточной части его, вблизи р. Карасуна, тоже деревянное, на кирпичномъ фундаментѣ, подъ желѣзною крышею, мѣрою въ длину 10, а въ ширину $5\frac{1}{3}$ саж. и въ вышину $7\frac{1}{4}$ арш., по плану, составленному инженеромъ Петровымъ. Строилось это зданіе частью изъ войскового лѣса, доставленнаго изъ-за Кубани черкесами на мѣновые дворы и частью изъ старыхъ толстыхъ досокъ разобраннаго стараго Архива. Постройку эту взяли на себя азовскій мѣщанинъ Акимъ Бойковъ, по контракту, заключенному 22 сентября 1833 года, и окончилъ въ 1835 году. Въ этомъ зданіи и были помѣщены всѣ рѣшенныя дѣла Войсковой канцеляріи.

Это архивное помѣщеніе было хорошо распланировано, свѣтлое, просторное, но были нѣкоторыя неудобства: во-первыхъ, не отоплялось и въ зимнее время было весьма холодное, а во-вторыхъ, не было при немъ особаго помѣщенія для канцеляріи и сторожа.

Въ пятидесятыхъ годахъ архивное зданіе понадобилось для помѣщенія въ немъ учениковъ садоводства, которыхъ началъ учить приглашенный начальствомъ садов-

никъ Екатеринодарскаго войскового сада. Въ виду этого дѣла Войскового Архива были перевезены изъ архивнаго зданія въ кирпичную казарму, находящуюся въ Екатеринодарской крѣпости; а такъ какъ въ этомъ зданіи всѣ дѣла не вмѣщались, то часть ихъ была сброшена въ боковой придѣлъ колокольни бывшаго стараго Екатеринодарскаго войскового собора, въ которой помѣщалась и караульная команда этого же собора, а часть въ пустое отдѣленіе кирпичнаго зданія, бывшаго казначейства.

Когда былъ Войсковой Архивъ въ Войсковомъ саду, то тамъ все-таки при всѣхъ неудобствахъ занимался и самъ архиваріусъ съ писаремъ; а съ передвиженіемъ Архива въ крѣпость, мѣста для него въ архивномъ зданіи уже не было. Поэтому архиваріусъ постоянно находился въ Войсковомъ Правленіи, бывшемъ въ то время въ хорошемъ наемномъ домѣ полковника Литовскаго, выходившемъ на площадь церкви св. Екатерины, за справками же въ Архивъ, большей частью, посылался писарь, результатомъ чего было то, что требовавшіяся архивныя справки по мѣсяцамъ и цѣлымъ годамъ не удовлетворялись.

По упраздненію въ 1870 году Войскового Правленія и прочихъ учрежденій въ Черноморскомъ войскѣ, когда дѣла со всѣхъ этихъ мѣстъ поступили въ Войсковой Архивъ, то для помѣщенія ихъ отведенъ былъ еще одинъ флигель въ той же крѣпости. Оба эти зданія, и нынѣ Архивомъ занимаемыя, кирпичныя подъ желѣзной крышей, съ деревянными потолками и съ такимъ же поломъ въ одномъ и кирпичнымъ въ другомъ; въ третьемъ такомъ же полуфлигелѣ, отведенномъ впослѣдствіи для архивной канцеляріи, полъ и потолокъ деревянные.

Архивныя зданія находятся далеко отъ жилыхъ помѣщеній, но совершенно не приспособлены для Архива: одно зданіе съ передней части имѣетъ двое широкихъ дверей и одно окно, защищенное снутри деревянною ставней, и хотя при закрытыхъ дверяхъ внутри свѣта не достаточно, но все-таки можно различить дѣла съ этой стороны; прочія же стороны и такого освѣщенія не имѣютъ, такъ какъ ни дверей ни оконъ тамъ нѣтъ, — если не считать окнами узенькихъ амбразуръ, пропускающихъ, при ясной погодѣ, едва замѣтный свѣтъ на пирамиды съ дѣлами, различить надписи даже на связкахъ затруднительно; другое зданіе лучше, вокругъ освѣщается окнами, съ деревянными съ внутренней стороны ставнями, но зато имѣетъ кирпичный полъ, дающій постоянно большую сырость. Въ обоихъ зданіяхъ расположеніе пирамидъ съ полками для дѣлъ крайне неудобно, въ томъ отношеніи, что нѣтъ возможности сгруппировать въ одномъ мѣстѣ подъ рядъ дѣлъ одного какого-либо учрежденія. Зданія эти не отапливаются и въ зимнее время весьма холодны, что крайне затруднительно для архивныхъ работъ.

Не говоря уже о томъ, что архивныя зданія Кубанскаго Войскового Архива не приспособлены для склада и храненія дѣлъ, они еще и тѣсны. Полки въ нихъ переполнены дѣлами, и много дѣлъ приходится складывать на полу, а еще не такъ давно прошло время, когда десятки тысячъ дѣлъ валялись на чердакѣ одного архивнаго зданія.

Заканчивая рѣчь объ архивныхъ зданіяхъ, скажу нѣсколько словъ о канцеляріи Войскового Архива. Особаго постояннаго помѣщенія для этой канцеляріи во все

время состоянія его въ вѣдѣніи войскового гражданскаго начальства не было; съ преобразованіемъ этого Архива въ 1877 году, когда онъ сталъ подвѣдомственъ Войсковому Штабу, войсковому архиваріусу отводился, для зимнихъ занятій, небольшой флигель изъ войсковыхъ зданій, въ остальное же время архивныя работы производились въ самомъ Архивномъ зданіи и, только съ 1894 года, съ разрѣшенія начальства, удержалъ временное помѣщеніе для канцеляріи Войскового Архива постояннымъ.

II.

Штатъ Войскового Архива.

При существованіи Войскового Архива въ бывшемъ Войсковомъ Правительствѣ Черноморскаго казачьяго войска на Днѣстрѣ и съ 1792 года на Кубани архиваріуса вовсе не было.

По переобразованіи въ 1802 году Войскового Правительства въ Войсковую Канцелярію Черноморскаго войска штатнаго архиваріуса тоже не полагалось. Должность эту первый разъ занялъ одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, полковый есаулъ Бойчевскій, по назначенію присутствія.

Какое получалъ содержаніе этотъ нештатный архиваріусъ, свѣдѣній не имѣется, такъ какъ не было и прочихъ канцелярскихъ чиновниковъ штатныхъ. На содержаніе канцелярскихъ чиновъ отпускалась сумма изъ войскового капитала, которая и распредѣлялась на уплату имъ жалованья по опредѣленію присутствія.

Въ 1842 году, по положенію о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, Высочайше утвержденномъ 1-го іюля, когда Войсковая Канцелярія преобразована въ Войсковое Правленіе, первый разъ была открыта штатная должность архиваріуса при этомъ правленіи, съ производствомъ ему содержанія по 171 руб. 45 коп. въ годъ. Въ помощь архиваріусу назначался изъ строевыхъ частей одинъ грамотный нижній чинъ; а для уборки зданія и посылокъ одинъ казакъ.

По Высочайшему повелѣнію, изложенному въ указѣ Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 года, въ слѣдующемъ году послѣдовала реорганизація всѣхъ учрежденій въ Кубанскомъ, — переименованномъ изъ Черноморскаго, — казачьемъ войскѣ. Войсковое Правленіе переименовано въ Войсковое Хозяйственное Правленіе; въ вѣдѣніи его осталась одна только хозяйственная часть; прочія же дѣла, до гражданскаго вѣдомства относящіяся, перешли въ открытое Кубанское Областное Правленіе. Тогда же послѣдовалъ для Воскового Хозяйственнаго Правленія новый штатъ 1 августа 1870 года, Высочайше утвержденный, по которому въ числѣ прочихъ значится и архиваріусъ, съ положеннымъ содержаніемъ: жалованья 300 руб., столовыхъ 200 руб. съ квартирными и на прислугу деньгами на общемъ положеніи.

Когда послѣ реорганизаціи войсковыхъ учрежденій въ Кубанскомъ войскѣ, въ 1870 году, въ Войсковое Хозяйственное Правленіе поступила масса рѣшенныхъ дѣлъ бывшихъ въ войскѣ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, военнаго

и гражданскаго вѣдомства, строевыхъ частей прежняго состава въ войскѣ и даже нѣкоторыхъ регулярныхъ полковъ и Линейныхъ баталіоновъ въ предѣлахъ Кубанской области находившихся, то неизбѣжно возникъ вопросъ, что дѣлать съ этимъ архивнымъ кладомъ, разобрать который и привести въ порядокъ, при существовавшихъ въ Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи средствахъ, не представлялось никакой возможности.

По обсужденіи этого вопроса войсковое начальство пришло къ заключенію, что для приведенія въ порядокъ тѣхъ дѣлъ и дальнѣйшаго ихъ храненія необходимо имѣть особый отъ Войскового Хозяйственнаго Правленія Архивъ. О чемъ и было сдѣлано представленіе по начальству.

По этому ходатайству послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ Войскового Архива. О чемъ объявлено въ приказѣ по Военному Вѣдомству 19 января 1877 года, подъ № 23. Приказъ этотъ слѣдующаго содержанія: „Высочайше утвержденнымъ 4 января текущаго года положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: 1) Войсковой Архивъ Кубанскаго казачьяго войска передать въ вѣдѣніе Войскового Штаба за исключеніемъ дѣлъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, которыя хранить попрежнему въ Архивѣ этого Правленія. 2) Для завѣдыванія Войсковымъ Архивомъ учредить должность войскового архиваріуса и его помощника, сравнивъ первую по окладу содержанія, классу, по чинопроизводству и разряду на пенсіи съ асессорами, а вторую съ младшими дѣлопроизводителями Войскового Хозяйственнаго Правленія. 3) При Войсковомъ Архивѣ имѣть двухъ писарей съ содержаніемъ по 180 рублей въ годъ каждому, безъ всякихъ другихъ отъ войска довольствій. 4) На канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе Архива, помѣщаемаго въ Войсковомъ зданіи, отпускать по 200 руб. въ годъ; для найма же двухъ сторожей 240 руб. въ годъ“.

Такъ какъ по этому положенію штатнаго содержанія архиваріусу и его помощнику не было указано, то таковое отпускалось имъ по чинамъ, въ которыхъ они состояли, примѣняясь къ тѣмъ офицерскимъ окладамъ, какіе существовали въ строевыхъ частяхъ войска.

Въ 1893 году изданъ сводъ штатовъ для казачьихъ войскъ, по которымъ опредѣлено въ Кубанскомъ войскѣ: архиваріусу въ годъ жалованья 630 руб., столовыхъ 420 руб., классъ должности VIII, разрядъ пенсій VI. Его помощнику жалованья 300 руб., столовыхъ 200 руб., классъ должности X, разрядъ пенсій VIII. На наемъ прислуги архиваріусу 100 руб., его помощнику 50 руб. На содержаніе двухъ писарей [1]) полагается отпускать архиваріусу 360 руб. На канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе 200 руб.; для найма двухъ сторожей 240 руб. въ годъ.

Вся эта сумма отпускается и расходуется по назначенію самимъ Войсковымъ Штабомъ, которому подчиненъ Войсковой Архивъ.

---

[1]) Кромѣ двухъ штатныхъ писцовъ, въ Войсковой Архивъ по временамъ Войсковымъ Штабомъ прикомандировывались 1—2 нижнихъ чина для письменныхъ занятій, изъ которыхъ и теперь состоитъ налицо одинъ писецъ и одинъ переплетчикъ архивныхъ дѣлъ.

III.

Образованіе Архива въ Черноморскомъ войскѣ.

За время существованія Войскового Правительства Черноморскаго казачьяго войска на Днѣстрѣ въ 1787—1791 гг. особаго Архива для храненія войсковыхъ дѣлъ не существовало, они находились въ канцеляріи войскового Коша въ вѣдѣніи войскового писаря, а частью при походныхъ канцеляріяхъ Кошевого атамана и войскового судьи, съ переходомъ же Черноморскаго войска въ 1792/3 году съ Днѣстра на Кубань, всѣ производившіеся и рѣшенныя дѣла были сгруппированы въ одной канцеляріи Войскового Правительства. Здѣсь порядокъ веденія дѣлъ нѣсколько измѣнился. Въ войсковой канцеляріи, попрежнему именовавшейся Войсковымъ Правительствомъ, находившемся въ основанномъ тогда же войсковомъ городѣ Екатеринодарѣ, производились дѣла по внутреннему управленію войска, а по военной части дѣла находились въ Атаманской канцеляріи.

Въ такомъ положеніи находилось письменное дѣлопроизводство въ Черноморскомъ войскѣ до учрежденія въ немъ по Высочайшему повелѣнію 1800 года Войсковой канцеляріи въ видѣ Губернскаго Правленія. Формировалъ эту канцелярію присланный Государемъ генералъ-лейтенантъ Кироевъ. Онъ раздѣлилъ бывшее Войсковое Правительство на экспедиціи, начальники которыхъ представляли собою членовъ Войсковой канцеляріи, первоприсутствующимъ которой былъ самъ Кироевъ; вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ войсковой атаманъ.

При группировкѣ дѣлъ для дальнѣйшаго ихъ производства Кироевъ распорядился всѣ оконченныя до того времени дѣла сдать на храненіе одному канцелярскому чиновнику, назначенному архиваріусомъ; ему же сдано 228 дѣлъ изъ атаманской канцеляріи.

Съ этого собственно и началъ образовываться особый войсковой Архивъ, бывшій сначала при Войсковой канцеляріи въ одномъ помѣщеніи, а съ 1835 года перешедшій, какъ сказано уже выше, въ особо устроенное архивное зданіе.

Въ 1842 году всѣ дѣла, бывшія на рукахъ исполнявшаго обязанность архиваріуса, въ упраздненной Войсковой канцеляріи, перешли въ вѣдѣніе штатнаго архиваріуса.

Съ теченіемъ времени въ Архивъ сдавались уже всѣ рѣшенныя дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, когда отъ времени окончанія ихъ проходило не меньше десяти лѣтъ, а до того времени хранились въ мѣстахъ ихъ производства.

Особенно увеличился Войсковой Архивъ тогда, когда въ него начали поступать дѣла не только названныхъ мѣстъ Черноморіи, но и изъ шести бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, присоединенныхъ къ Черноморскому войску, при переименованіи его, по Высочайшему повелѣнію, въ 1860 году въ Кубанское.

Въ 1870 году по Высочайшему повелѣнію, данному Правительствующему Сенату, послѣдовала реорганизація всѣхъ военно-административныхъ учрежденій въ Кубанскомъ войскѣ, изъ которыхъ упраздненныя учрежденія представили всѣ свои оконченныя дѣла для сдачи ихъ въ Войсковой Архивъ. Дѣла эти, собственно говоря, никѣмъ не сдавались въ Архивъ и никѣмъ не принимались, такъ такъ они поступали не прямо въ Архивъ, а въ распоряженіе Войскового Хозяйственнаго Правленія, которое заботилось только о томъ, чтобы помѣстить ихъ въ закрытомъ мѣстѣ впредь до особаго распоряженія.

Всѣ такого рода дѣла поступили чрезъ нѣсколько лѣтъ въ особо открытый въ 1877 году Войсковой Архивъ подъ вѣдомствомъ Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска; прежній же Архивъ съ его архиваріусомъ остался при Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи для однихъ только его дѣлъ, а по упраздненіи этого учрежденія и послѣднія дѣла сданы въ тотъ же Войсковой Архивъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ не видно, чтобы до 60-хъ годовъ на улучшеніе порядка въ немъ обращалось какое вниманіе начальства или самихъ архиваріусовъ за время состоянія Архива въ вѣдѣніи Войскового Правленія.

Знакомство автора настоящей записки съ Архивомъ началось съ начала 50-хъ годовъ, и хотя не было особой надобности входить подробно въ порядокъ архивныхъ занятій, но твердо помнится, что сѣдой усатый архиваріусъ Левченко и его писарь Юрко, руководствуясь однѣми сдаточными архивными описями, занимались выдачами разнаго рода справокъ изъ Архива, по требованіямъ начальства.

При личномъ знакомствѣ съ архиваріусомъ Левченкомъ авторъ не разъ былъ свидѣтелемъ замѣчательной памяти *Юрка*, когда онъ, не заглядывая въ описи, разыскивалъ на архивныхъ полкахъ разнаго рода старыя дѣла, припоминая не только мѣсто нахожденія ихъ, но даже годъ и форму дѣлъ, которыя онъ вытягивалъ изъ связокъ и подавалъ своему, не менѣе памятливому, архиваріусу, занимавшему эту должность съ іюля 1842 по 1867 г.

Это было еще въ томъ архивномъ зданіи, которое было въ нынѣшнемъ городскомъ саду, когда же дѣла Архива перевезены оттуда въ Екатеринодарскую крѣпость, и здѣсь были разбросаны въ разныхъ помѣщеніяхъ, то о какихъ-нибудь архивныхъ работахъ, въ смыслѣ улучшенія порядка въ немъ, и рѣчи быть не могло; самъ архиваріусъ занимался не въ Архивѣ, а въ Войсковомъ Правленіи и не имѣлъ ни времени ни возможности сдѣлать что-нибудь полезное для порученнаго ему Архива; тѣмъ болѣе, что онъ, кромѣ архиваріуса, занималъ должность еще и журналиста, на обязанности котораго было слѣдить за перепиской докладовъ въ дневные журналы, вести имъ очереди и порядокъ подачи въ присутствіе на подпись членовъ и предсѣдателя.

Насколько мнѣ извѣстно до шестидесятыхъ годовъ, въ Архивъ Черноморскаго войска поступали на храненіе тѣ только рѣшенныя дѣла, которыя оставались послѣ реорганизаціи Войсковыхъ Управленій, по особымъ положеніямъ. Дѣла эти сдавались въ Архивъ по описямъ за разные годы, и по мѣрѣ принятія ихъ складывались на полки архивнаго зданія.

Никакихъ архивныхъ работъ, кромѣ выдачи справокъ по требованіямъ начальства, архиваріусомъ не производилось, да и средствъ къ тому не было. Для одного архиваріуса, съ малограмотнымъ писцомъ, едва доставало времени наводить справки по дѣламъ разныхъ учрежденій, не подобраннымъ подъ годы и разбросаннымъ по разнымъ полкамъ архивнаго зданія, по мѣрѣ ихъ принятія въ Архивъ.

Затрудненіе, въ этомъ случаѣ, для успѣшныхъ архивныхъ занятій было большое, но оно было терпимо.

Большое накопленіе дѣлъ въ Архивѣ, тѣсное для нихъ помѣщеніе и прочія неудобства въ храненіи дѣлъ и пользованіе ими вызвали надобность въ пересмотрѣ и уничтоженіи части тѣхъ архивныхъ дѣлъ, которыя не представляли по своему содержанію надобности въ дальнѣйшемъ ихъ храненіи. Для этого по распоряженію Войскового Правленія была образована Комиссія изъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Чумакова.

Не могу положительно сказать, были ли составляемы этой Комиссіей разсмотрѣннымъ дѣламъ описи, или нѣтъ,—видно только, что Комиссіей дѣлались размѣтки на обложкахъ дѣлъ: „уничтожить“, „оставить“.

Въ это время я посѣщалъ частнымъ образомъ Архивъ для извлеченія изъ дѣлъ онаго историческихъ матеріаловъ, и когда увидѣлъ, что многія дѣла по Воинской Экспедиціи Войсковой канцеляріи, заключающія въ себѣ важные документы по исторіи Черноморскаго войска предназначены Комиссіей къ уничтоженію, то дабы не допустить до этого, подалъ начальнику Войскового Штаба Кубанскаго войска докладную записку объ оставленіи на храненіи въ Архивѣ всѣхъ дѣлъ названной Воинской Экспедиціи. О чемъ и сдѣлано было соотвѣтствующее распоряженіе.

По этому ли моему заявленію, или по другому соображенію, только Архивная Комиссія была упразднена, и всѣ дѣла, ею пересмотрѣнныя, остались въ Архивѣ въ прежнемъ положеніи.

Вскорѣ послѣ этого, и именно въ 1870 году, послѣдовали преобразованія войсковыхъ учрежденій въ Кубанскомъ войскѣ, въ томъ числѣ изъ нихъ и Войскового Правленія, изъ котораго выдѣлена хозяйственная часть войска и изъ нея открыто Войсковое Хозяйственное Правленіе.

Въ это время рѣшенныя дѣла изъ всѣхъ упраздненныхъ войсковыхъ частей поступили въ Архивъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, и ихъ было такъ много, что не могли вмѣститься въ одномъ архивномъ зданіи. Поэтому доставляемыя изъ округовъ въ Архивъ дѣла на подводахъ сваливались кучами на полъ, складывались на чердакъ или сбрасывались въ подвалъ, находившійся подъ зданіемъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, гдѣ они отъ сырости покрывались плѣсенью и гнили.

На это обратилъ вниманіе назначенный архиваріусомъ Войскового Хозяйственнаго Правленія сотникъ Гавриленко по донесенію его въ маѣ 1872 года. Правленіе это вошло въ сношеніе съ Войсковымъ Штабомъ, отъ котораго были командированы одинъ штабъ- и два оберъ-офицера, составившихъ Комиссію для разбора дѣлъ въ Архивѣ, которая въ слѣдующемъ году приступила къ разсмотрѣнію архивныхъ дѣлъ и раздѣленію ихъ на подлежащіе разряды къ храненію и уничтоженію.

Въ октябрѣ 1873 года предсѣдатель Комиссіи, войсковой старшина Камянскій представилъ въ Войсковое Хозяйственное Правленіе вѣдомость, по которой показалъ дѣлъ, назначенныхъ къ храненію, всего только 1826, а къ уничтоженію 25298, записанныхъ въ 112 описей. Нужно полагать, что цифры эти взяты изъ сдаточныхъ описей, особенныхъ же описей разсмотрѣннымъ дѣламъ Комиссіей, вѣроятно, не составлялось.

Всѣ признанныя къ уничтоженію дѣла по разнымъ описямъ были свалены въ кучи въ погребъ, бывшій подъ домомъ, занимаемый Войсковымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ, гдѣ они продолжали въ сырости гнить. Въ августѣ 1874 года тотъ же архиваріусъ донесъ объ этомъ Войсковому Хозяйственному Правленію и присовокупилъ, что по многимъ дѣламъ, предназначеннымъ Комиссіей къ уничтоженію, требуются справки, которыхъ онъ не можетъ въ кучахъ отыскать. На это послѣдовала подлежащей власти резолюція: „тѣ дѣла считать уже какъ бы уничтоженными, и справокъ по нимъ не давать“.

Переполненіе дѣлами Архива Войскового Хозяйственнаго Правленія и неустройство его положенія вызвало ходатайство войскового начальства объ открытіи особаго Войскового Архива въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ, въ который передать всѣ дѣла, скопившіяся въ Архивѣ названнаго Правленія, для которыхъ нѣтъ помѣщенія и не имѣется средствъ привести ихъ въ надлежащій порядокъ.

Ходатайство это удостоилось Высочайшаго утвержденія, и въ 1877 году, какъ сказано уже выше, учрежденъ Войсковой Архивъ, существующій и въ настоящее время.

IV.

Открытіе новаго войскового Архива.

Войсковой Архивъ открытъ въ 1877 году, и въ томъ же году приказомъ по Кубанскому казачьему войску 1-го марта былъ назначенъ войсковымъ архиваріусомъ подполковникъ Лазарь Өедоровичъ Черный. Этотъ штабъ-офицеръ, служившій въ разныхъ штабахъ и правленіяхъ, отличался безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и считался хорошимъ дѣльцомъ по письменной части и, даже, въ послѣднее время занималъ должность помощника начальника Войскового Штаба. Вступивши въ новую должность, Черный съ особенной энергіей приступилъ къ принятію дѣлъ, поступившихъ на храненіе въ Войсковой Архивъ, которыя Войсковое Хозяйственное Правленіе поручило своему архиваріусу коллежскому секретарю Гавриленку сдать Черному по описямъ, за исключеніемъ тѣхъ только дѣлъ, которыя принадлежали тому Правленію.

Подлежавшія къ сдачѣ въ Войсковой Архивъ дѣла въ то время были, какъ доносилъ Черный, свалены въ кучи: а) большая часть въ одномъ пустомъ флигелѣ съ земляным полом, б) часть на потолкѣ штабной типографіи, в) въ амбарѣ, находившемся во дворѣ Хозяйственнаго Правленія, г) въ флигелѣ во дворѣ Управленія Екатеринодарскаго Отдѣла и, наконецъ, д) въ въ подвалѣ подъ зданіемъ, занимае-

мымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ, гдѣ было свалено въ кучу примѣрно возовъ 20, предназначенныхъ, бывшею предъ тѣмъ Комиссіей, къ уничтоженію.

Трудная задача выпала на долю Чернаго изъ такихъ бумажныхъ залежей формировать Войсковой Архивъ. Помѣщенія для склада архивныхъ дѣлъ указано не было, объ Архивной канцеляріи, гдѣ бы можно было заниматься пріемкой и приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ, и рѣчи не было; канцелярскихъ припасовъ не отпускалось; помощникъ архиваріуса и писаря не назначались, сторожей не было. Все это нужно было испросить и установить.

Подполковникъ Черный началъ съ того, что докладомъ, поданнымъ начальнику Войскового Штаба 9-го марта, испрашивалъ позволенія занять подъ Войсковой Архивъ помѣщенія бывшаго Войскового острога, находившагося въ концѣ города между р. Карасуномъ и войсковымъ садомъ; а до того, съ вѣдома начальства, временно занялъ для пріемки дѣлъ оказавшійся въ то время свободнымъ въ Екатеринодарской крѣпости флигель бывшаго цейхгауза Екатеринодарскаго войскового госпиталя. По этому представленію въ занятіи острога подъ Войсковой Архивъ отказано, а вмѣсто онаго наказный атаманъ разрѣшилъ оставить подъ этотъ Архивъ тотъ флигель бывшаго цейхгауза, который уже раньше Чернымъ былъ занятъ.

Получивши помѣщеніе для Войскового Архива, Черный вытребовалъ изъ Войскового Штаба канцелярскіе припасы, устроилъ на отпущенныя изъ войска деньги пирамиды въ Архивныхъ зданіяхъ для склада дѣлъ и принялся энергично за пріемку ихъ, хотя и безъ помощника, но уже съ писарями и сторожемъ, но при этомъ, на первыхъ порахъ, встрѣтилъ затрудненія въ томъ, что архиваріусъ Войскового Хозяйственнаго Правленія Гавриленко, будучи занятъ своими дѣлами, рѣдко являлся для сдачи дѣлъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе отданнаго начальникомъ Штаба циркуляра 16-го апрѣля объ открытіи дѣйствій Войскового Архива и объ обращеніи присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ за справками по войсковыхъ дѣламъ въ этотъ Архивъ, начали поступать съ разныхъ мѣстъ запросы по дѣламъ, которыя еще и приняты не были. Все это валилось на однѣ руки Чернаго. Этотъ энергичный архиваріусъ, преодолѣвая всякаго рода трудности, продолжалъ пріемку дѣлъ самъ по силѣ и возможности.

Принимая дѣла покуда по старымъ испачканнымъ, ветхимъ и изорваннымъ описямъ, Лазарь Ѳедоровичъ намѣревался по окончаніи пріемки разсортировать дѣла какъ требуется закономъ по разрядамъ, написать имъ новыя описи, по формамъ военнаго вѣдомства установленнымъ, частныя для каждаго учрежденія и отдѣленія и общую всѣмъ вообще дѣламъ по алфавиту въ хронологическомъ порядкѣ. Но такому похвальному желанію не суждено было осуществиться; да если бы ему и удалось начать составленіе новыхъ описей, то все равно для окончанія ихъ жизни бы его не стало, такъ какъ всѣхъ архивныхъ дѣлъ по приблизительному исчисленію значилось по 783 старымъ описямъ болѣе двухсотъ семи тысячъ.

Достойнѣйшій архиваріусъ независимо составленія сказанныхъ новыхъ описей мечталъ еще архивныя дѣла раздѣлить по предметамъ на три части, по особымъ описямъ, въ которыя внести: 1) „О переселеніи запорожцевъ на подаренную на Кубани землю съ наименованіемъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ; учрежденіи въ войскѣ

правительственныхъ мѣстъ и лицъ, заведеніи войскового хозяйства; о пожалованіи разныхъ регалій войску; усиленіи войска переселенцами изъ малороссійскихъ губерній и вообще о томъ, что относится до отдаленнаго времени начала и устройства войска Черноморскаго". 2) „Объ устройствѣ кордонной линіи по Кубани, войны съ горцами, разныхъ значительныхъ и мелкихъ происшествіяхъ, случавшихся отъ черкесовъ на кордонной линіи и за Кубанью въ бывшихъ тамъ укрѣпленіяхъ; о дѣлахъ, дѣйствовавшихъ за Кубанью отдѣльныхъ отрядовъ, временъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ: Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, комадовавшихъ здѣсь генераловъ Власова и Сысоева, атамана Безкровнаго и другихъ до послѣдняго времени". Въ эти описи Черный полагалъ вносить дѣла изъ разныхъ связокъ и учрежденій, какія будутъ подходить въ намѣченные разряды. Остальныя же дѣла вносить въ описи тѣхъ учрежденій, въ которыхъ они производились.

Уже отъ этого одного плана формированія Войскового Архива видно, что Лазарь Ѳедоровичъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность изучить содержаніе если не самыхъ дѣлъ, то хотя предметовъ, въ нихъ заключавшихся, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что при многосложныхъ занятіяхъ по пріему дѣлъ въ Архивъ и выдачѣ изъ онаго многихъ разнообразныхъ справокъ, онъ за такое короткое время успѣлъ ознакомиться съ своимъ Архивомъ, хотя еще тысячи дѣлъ были навалены и еще не разобраны; еще болѣе нужно удивляться, что онъ не только намѣтилъ планъ составленія архивныхъ описей, но и занялся уже составленіемъ первыхъ двухъ самыхъ интересныхъ въ военно-историческомъ отношеніи, чему служатъ доказательствомъ черновыя тѣхъ описей, писанныя карандашомъ его рукою, въ которыхъ покойникъ вносилъ содержаніе дѣлъ, но безъ объясненія тѣхъ описей, откуда онъ ихъ списывалъ, и безъ всякихъ номеровъ; очевидно, онъ дѣлалъ выборку изъ старыхъ описей въ той надеждѣ, что впослѣдствіи самыя занесенныя въ черновыя дѣла будутъ въ его рукахъ, и тогда онъ будетъ ихъ формировать въ связки по разрядамъ, въ алфавитномъ порядкѣ, съ надлежащими номерами.

Неизбѣжно является вопросъ: когда же онъ все это дѣлалъ, будучи занятымъ постоянно въ положенное время пріемкой дѣлъ и канцелярской работой. На это я отвѣчу — ночью. Да! Я Лазаря Ѳедоровича хорошо зналъ и служилъ еще при немъ въ Войсковомъ Правленіи, когда онъ занималъ тамъ должность начальника Хозяйственной Экспедиціи, называясь тогда асессоромъ. Помню хорошо, что онъ, кромѣ дневныхъ занятій, приходилъ въ свою Экспедицію поздно вечерами и нерѣдко просиживалъ за бумагами за полночь, — чѣмъ подчиненные ему канцелярскіе чиновники и писаря, утомленные обычными повседневными занятіями, сильно тяготились.

Какъ ни крѣпокъ и дѣятеленъ былъ Черный по своей должности, но непосильный, да еще безъ помощника, трудъ сломилъ и этого желѣзнаго человѣка, и онъ уже 6 іюля 1878 года, изложивъ въ своемъ рапортѣ въ Войсковой Штабъ тѣ затрудненія, какія онъ встрѣчаетъ при пріемкѣ архивныхъ дѣлъ, запросивъ назначеніе Комиссіи, для разбора всѣхъ дѣлъ, поступившихъ въ Архивъ, которая подъ его предсѣдательствомъ разобрала бы всѣ дѣла на подлежащіе разряды, которыя изъ нихъ слѣдовало оставить на время или навсегда, а которыя уничтожить.

Такъ какъ въ Архивъ было передано много дѣлъ, бывшихъ на потолкѣ зданія Войскового Правленія, предназначенныхъ прежней еще Комиссіей къ уничтоженію, то являлся серіозный вопросъ, можно ли было безъ пересмотра ихъ вновь уничтожить; на это архиваріусъ не рѣшался, изъ опасенія, что, быть можетъ, между ними были и такія дѣла или въ нихъ отдѣльные документы, которые безусловно подлежали храненію. Всѣмъ этимъ предстояло заняться Комиссіи, такъ какъ архиваріусу не было времени разсматривать дѣла по существу ихъ содержанія.

Представленіе архиваріуса о назначеніи Комиссіи не было удовлетворено, и около 25000 дѣлъ, назначенныхъ къ уничтоженію, оставались въ прежнемъ положеніи. Не надѣясь на возможность ихъ пересмотра, архиваріусъ Черный 9 ноября 1881 года просилъ разрѣшенія продать ихъ съ аукціона, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которыя онъ, разсматривая по временамъ, отобралъ къ храненію въ Архивѣ, — высказавъ при этомъ, что безъ особой Комиссіи не было никакой возможности ему одному разобраться въ архивныхъ дѣлахъ, хотя въ это время и былъ уже назначенъ ему помощникъ сотникъ Образъ.

Въ это время Черный не просилъ уже назначенія Комиссіи, а только указывалъ, что она могла бы быть для Архива полезна, при тѣхъ только условіяхъ, если бы члены Комиссіи занимались одними только архивными дѣлами, подъ руководствомъ архиваріуса, не отвлекаясь отъ этихъ занятій другими служебными порученіями.

Такъ протекло пять лѣтъ со времени открытія Войскового Архива. Ни одно предположеніе архиваріуса о порядкѣ формированія этого Архива по намѣченнымъ описямъ не было приведено въ исполненіе. Новыхъ описей ни тѣхъ ни другихъ не составлялось и самъ онъ бросилъ свой трудъ составленія вчернѣ описи дѣлъ, по разрядамъ, какъ выше было сказано. Продолжавшаяся пріемка по старымъ описямъ продолжалась и занимала все его служебное время.

Наконецъ, начальство убѣдилось, что самому архиваріусу не справиться съ Войсковымъ Архивомъ, въ смыслѣ приведенія его въ извѣстность и порядокъ. 12 іюля 1882 года, № 89, послѣдовалъ приказъ по Войсковому Штабу о назначеніи въ Войсковой Архивъ Комиссіи, да сразу не одной, а двухъ изъ офицеровъ строевыхъ частей, одну для разбора дѣлъ Архива прежняго времени, начиная съ 1788 года а другую для дѣлъ позднѣйшихъ годовъ, по порядку. Обѣ Комиссіи были подчинены не войсковому архиваріусу, какъ компетентному въ архивномъ дѣлѣ лицу, и не одному стороннему предсѣдателю, а двумъ строевымъ штабъ-офицерамъ — первая войсковому старшинѣ Безсмикину, а вторая подполковнику Чернику; самого же архиваріуса Чернаго начальникъ Штаба Залѣсскій означеннымъ приказомъ поставилъ въ зависимость отъ этихъ Комиссій, требованія которыхъ онъ долженъ былъ исполнять въ точности, и только. Комиссіи эти были снабжены пространной инструкціей, изложенной въ сказанномъ выше приказѣ № 89: какъ они должны разбирать и разсматривать архивныя дѣла, какъ составлять имъ *собственноручно* реестры, гдѣ ставить въ этихъ реестрахъ номера, а гдѣ нули[1]).

[1]) Нули должны были ставиться на тѣхъ дѣлахъ, которыя не подлежали храненію.

Для занятій обѣихъ Комиссій отведено помѣщеніе въ зданіи Войскового Штаба, куда по требованіямъ членовъ Комиссій архиваріусъ долженъ былъ доставлять счетомъ на воловыхъ подводахъ изъ Архива дѣла, съ рабочими казаками, наряжаемыми изъ войсковой мастерской и такъ же принимать ихъ обратно разсмотрѣнными въ Архивѣ.

Такимъ распоряженіемъ была убита пятилѣтняя работа войскового архиваріуса. Безпорядокъ увеличивался въ Войсковомъ Архивѣ еще и тѣмъ, что дѣла изъ него требовались членами Комиссій разныхъ учрежденій и вѣдомствъ по разнымъ описямъ и разныхъ годовъ въ виду того, что по инструкціи предписывалось одной Комиссіи разсматривать дѣла самыхъ старыхъ годовъ, а другой среднихъ лѣтъ. А такъ какъ членовъ Комиссій было много, то и требованія были разностороннія: одинъ членъ требуетъ часть дѣлъ конца XVIII столѣтія, другой — по той же описи, съ половины XIX вѣка за нѣсколько времени впередъ и т. д.; дѣла же промежуточныхъ годовъ оставались въ Архивѣ до новыхъ требованій или вовсе не требовались. Вообще Комиссіями дѣла требовались частями и также возвращались. Поэтому всякій счетъ дѣлъ по описямъ терялся; притомъ всѣ дѣла, поступившія въ Архивъ обратно, немыслимо было разбирать въ Архивѣ и раскладывать на полки по старымъ описямъ, такъ какъ они имѣли уже другую комиссійскую номерацію и къ тѣмъ дѣламъ, которыхъ часть оставалась еще на мѣстѣ до новыхъ требованій, не подходили; тѣмъ болѣе, что Комиссіи разсматривали дѣла по двумъ періодамъ и каждый членъ ставилъ въ составляемомъ имъ реестрѣ свои номера или ноли. Въ виду этого нужно было ожидать окончанія всѣхъ реестровъ, чтобы по нимъ дѣлать сводъ номеровъ перваго и второго періода, подбирать вновь разъединенныя дѣла по годамъ и потомъ уже укладывать ихъ на архивныя полки да и то еще нужно было выдѣлять особо дѣла, награжденныя членами Комиссіи нолями. Но и въ этомъ случаѣ еще встрѣчалось затрудненіе въ томъ, что по инструкціи члены одной только первой Комиссіи выдѣляли дѣла, признанныя къ уничтоженію; члены же другой Комиссіи номеровали всѣ разсмотрѣнныя дѣла подъ рядъ.

При небрежномъ доставленіи дѣлъ на возахъ простыми рабочими-казаками, они оказывались разбитыми, изорванными, съ сорванными оболочками и ярлыками; казаки при навалкѣ на возы и свалкѣ изъ нихъ не щадили этого ненужнаго для нихъ бумажнаго хлама.

Не вдаваясь въ критическую оцѣнку дѣйствій означенныхъ выше Комиссій по существу ихъ занятій, разстроившихъ и тотъ порядокъ въ архивныхъ дѣлахъ, какой былъ въ Архивѣ до ихъ назначенія, я однако позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: офицеры были назначены въ Комиссіи прямо изъ строя, безъ всякой подготовки къ сложнымъ архивнымъ работамъ. Быть можетъ, члены эти желали принести своими трудами пользу Войсковому Архиву, но не могли, по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Кто же могъ знакомить ихъ съ довольно важными по своему существу предметами архивной службы, кто могъ указать имъ порядокъ самыхъ занятій и разъяснять тѣ недоразумѣнія, которыя они постоянно могли встрѣчать въ незнакомомъ имъ дѣлѣ службы? — Предсѣдатели Комиссій, а ихъ

было два, и оба строевые; а если председатели сами чего недоумѣвали, то кто имъ уже долженъ былъ разъяснять и указывать порядокъ?... Начальникъ Войскового Штаба! Да! По инструкціи, председатели Комиссіи во всѣхъ затрудненіяхъ обязаны были докладывать ему и испрашивать разъясненія. Но мыслимы ли были подобнаго рода доклады, надобность въ которыхъ нерѣдко могла встрѣчаться каждый день. Начальникъ Войскового Штаба настолько имѣетъ много по своей должности заботъ, что безпокоить его всякими недоумѣніями, встрѣчающимися постоянно въ занятіяхъ Комиссій — просто было невозможно.

Единственнымъ руководителемъ членовъ Комиссіи въ архивныхъ занятіяхъ могъ быть войсковой архиваріусъ, а безъ его указаній и надзора труды Комиссій для Архива не принесли никакой пользы.

Я не говорю уже о самой сути работъ Комиссій по опредѣленію разрядовъ разсмотрѣнныхъ ими архивныхъ дѣлъ, т.-е. какія изъ нихъ нужно было хранить временно, или навсегда и какія уничтожить, — которыя, къ счастью, выйдя изъ рукъ Комиссій, остались безъ результата. Это *наука* важная; и патентованному архивисту не всякому поддается. Что же можно было требовать на этотъ счетъ отъ строевыхъ офицеровъ?

Теперь обратимъ взглядъ на самый составъ Комиссіи. Сначала было назначено девять человѣкъ, — считая, въ томъ числѣ, двухъ председателей и семь членовъ; затѣмъ изъ нихъ по времени нѣкоторые выбывали на другую службу, — бросая все то, что было ими начато, не доводя до конца ту часть дѣлъ, которая ими была востребована изъ Войскового Архива; на мѣсто ихъ прибывали другіе члены, или вовсе не назначались и некому было продолжать занятія выбывшаго, итакъ, одинъ за другимъ члены удалялись отъ занятій архивными дѣлами, и къ началу 1844 года изъ нихъ оставалось при своихъ занятіяхъ только три человѣка. Комиссіи эти, назначенныя приказомъ по Штабу, сами собой закрывались постепенно безъ всякаго приказа.

Охарактеризовавъ, на сколько было возможно, дѣятельность по службѣ перваго архиваріуса Войскового Архива Кубанскаго казачьяго войска, полковника Чернаго, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о личномъ характерѣ этого человѣка. Покойный Лазарь Ѳедоровичъ былъ великій труженикъ, но какъ по своему, быть можетъ, тяжелому характеру или по какимъ-другимъ обстоятельствамъ не пользовался должнымъ уваженіемъ въ Войсковомъ Штабѣ. Отъ этого всѣ его ходатайства, бывшіе на бумагѣ, мало имѣли успѣха. Его начальство понуждало о скорѣйшемъ приведеніи въ порядокъ Архива, онъ отписывался; отписки эти мало обращали на себя вниманія начальствующихъ лицъ, которыя снова побуждали его къ усиленной архивной дѣятельности, и Лазарь Ѳедоровичъ напрягалъ всѣ силы свои на работу, но не могъ достигнуть того, чего желалъ и чего требовало начальство. Послѣднее, убѣдившись, что самъ архиваріусъ не можетъ выполнить всѣхъ требованій по службѣ, не слѣдуя его мнѣнію, высказанному въ сказанномъ докладѣ, назначаетъ Комиссіи, которыя переворачиваютъ, вверхъ дномъ, разобранныя уже и сложенныя на полки хотя по старымъ описямъ дѣла. Лазарь Ѳедоровичъ видѣлъ, что труды его по Архиву не цѣнятся и даже уничтожаются, не выдерживаетъ, подаетъ въ отставку въ началѣ 1884 года и выходитъ изъ Архива.

V.

Новыя работы по Архиву.

Опредѣленный на мѣсто полковника Чернаго новый войсковой архиваріусъ, войсковой старшина Василій Степановичъ Вареникъ былъ человѣкъ письменный, занимавшій во время своей службы разныя выдающіяся должности и въ военныхъ штабахъ и въ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства. Я раньше служилъ съ нимъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ стараго состава, и могу свидѣтельствовать, что этотъ человѣкъ былъ трудолюбивый и весьма заботился о порядкѣ и успѣхѣ въ дѣлопроизводствѣ.

Принявъ Войсковой Архивъ въ свое вѣдѣніе, Василій Степановичъ добросовѣстно принялся за занятія по Архиву. Безъ опредѣленнаго плана, онъ частью держался взглядовъ своего предмѣстника, частью слѣдовалъ инструкціи бывшимъ Комиссіямъ; въ общемъ же не слѣдовалъ ни тому ни другому, а велъ дѣло, какъ и слѣдовало, по своему усмотрѣнію. Его желаніе было скорѣе составить описи всѣмъ архивнымъ дѣламъ и, такъ сказать, показать товаръ лицомъ, но это ему не давалось. Дѣла въ Архивѣ были въ крайнемъ безпорядкѣ, разбиты, разорваны, многія безъ оболочекъ и ярлыковъ на связкахъ, иныя лежали на полкахъ, другія валялись на полу, нѣкоторыя были еще не растюкованы въ рогожаныхъ куляхъ; кромѣ этого, много дѣлъ, какъ оказались, было брошено членами Комиссій въ помѣщеніи ихъ прежнихъ занятій и тамъ валялись безъ всякаго надзора. Вареникъ, узнавъ объ этомъ, распорядился забрать ихъ въ Архивъ, куда и были доставлены въ самомъ живописномъ безпорядкѣ; а сколько ихъ тамъ погибло, нельзя было знать.

При такомъ положеніи въ Архивѣ нечего было и думать о составленіи описей дѣламъ прежде ихъ разборки и провѣрки. Вареникъ, желая ускорить въ приведеніе въ порядокъ Архива, началъ, за однимъ разомъ, разбирать дѣла и вписывать ихъ въ описи по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, частью съ реестровъ Комиссій, частью со старыхъ сдаточныхъ описей, а то и съ натуры.

При такомъ порядкѣ составленія описей встрѣчались большія затрудненія: хотя Вареникомъ и писались новыя описи въ хронологическомъ порядкѣ, но ему по необходимости приходилось измѣнять хронологію и номерацію дѣлъ, то добавлять въ описи находившіяся впослѣдствіи дѣла, которыя своевременно не были вписаны въ опись, то исключать, которыя не оказывались налицо; или же приходилось находить много невписанныхъ дѣлъ, тогда онъ заносилъ ихъ въ другую часть описи, за тѣ же разные годы, которые занесены уже въ первую часть, но при этомъ ставилъ въ описи и на дѣлахъ опять новую номерацію.

Покойный Василій Степановичъ не могъ не сознавать, что такія описи не годятся для благоустроеннаго Архива, но настойчиво продолжалъ свою работу, которая дѣйствительно *была не безполезна* хоть въ томъ отношеніи, что подобранныя по этимъ описямъ дѣла и уложенныя въ связкахъ на архивныя полки все же доступнѣе были для розыска и пользованія, чѣмъ валявшіяся еще не въ разобранномъ видѣ.

Такими трудами занимались всѣ служащіе въ Войсковомъ Архивѣ штатные чины и прикомандированные офицеры, составлявшіе остатки бывшихъ Комиссій.

Такъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ, Вареникъ въ докладѣ своемъ начальнику Штаба, 29 сентября 1886 года, выяснивъ положеніе Архива, заявилъ, что для того, чтобы привести его въ порядокъ, нужно назначить не менѣе десяти офицеровъ, съ тѣмъ чтобы они занимались архивными работами не иначе какъ только подъ его руководствомъ; дѣйствовавшія же Комиссіи онъ признавалъ не нужными. Нечего и говорить, что представленіе его осталось безъ послѣдствій. Но непредвидѣнное обстоятельство дало другое направленіе въ дѣлахъ Войскового Архива.

2 января 1877 года, разразившеюся бурею, сорвало на архивномъ зданіи крышу, и сильнымъ вѣтромъ, ворвавшимся во внутрь зданія, повредило много не убранныхъ еще дѣлъ, для приведенія которыхъ въ порядокъ, Войсковой Штабъ, приказомъ 7-го числа того же мѣсяца, назначилъ четырехъ офицеровъ въ вѣдѣніе войскового архиваріуса, съ тѣмъ чтобы онъ распредѣлялъ между ними архивныя работы по своему усмотрѣнію, и руководилъ бы самъ ихъ занятіями.

Съ такимъ составомъ прикомандированныхъ офицеровъ войсковой архиваріусъ, при штатномъ своемъ помощникѣ, принялся за приведеніе архивныхъ дѣлъ въ порядокъ. До самаго ноября мѣсяца прикомандированные офицеры занимались разборкой и уборкой бумажнаго хлама. Когда же наступило холодное время и занятія въ неотопляемомъ зданіи были невозможны, то Вареникъ поручилъ имъ составлять реестры дѣламъ, по инструкціи бывшимъ Комиссіямъ. Эта работа, какъ уже извѣстно, сама по себѣ была ненужная, но если въ реестры вносились дѣла съ натуры, а не изъ старыхъ описей, то она могла быть полезною въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно было бы, со временемъ, писать успѣшнѣе новыя описи дѣламъ. имѣя въ виду, что они дѣйствительно имѣются въ Архивѣ.

Успѣхъ архивныхъ занятій прикомандированныхъ офицеровъ былъ самый скромный. Всѣ они были назначены только на время, и потому въ самое удобное для занятій время требовались въ лагерные сборы, а по окончаніи лагерей начальники ихъ частей еще задерживали при себѣ, и только чрезъ нѣкоторое время одни изъ нихъ вновь являлись на службу въ Архивъ, а другіе получали другое назначеніе по службѣ, на мѣсто послѣднихъ прибывали въ Архивъ новые офицеры и т. д.

Понятно, что при такихъ отрывочныхъ занятіяхъ офицеровъ въ Войсковомъ Архивѣ не много можно было сдѣлать. Когда же Вареникъ засадилъ ихъ за составленіе реестровъ дѣламъ и донесъ объ этомъ Штабу 6-го ноября, то черезъ 20 дней получилъ предписаніе, чтобы всѣхъ офицеровъ откомандировать въ свои части для несенія другой службы.

Впослѣдствіи Войсковой Штабъ присылалъ еще въ Войсковой Архивъ офицеровъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ и еще съ меньшей устойчивостью, чѣмъ въ первый годъ; доходило до того, что иногда за занятіями въ Архивѣ оставался только одинъ офицеръ или и того не было.

Войсковое начальство, убѣдилось наконецъ, что временныя занятія въ Войсковомъ Архивѣ перемѣнныхъ офицеровъ мало приносятъ пользы. Въ виду этого по его

представленію Военный Совѣтъ журналомъ 12 сентября 1891 года положилъ: для письменныхъ занятій въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска назначить изъ числа льготныхъ полковъ, 2-й очереди и пластунскихъ баталіоновъ трехъ оберъ-офицеровъ.

Этого только и нужно было желать. Такіе офицеры могли служить въ Войсковомъ Архивѣ по 2—3 года постоянно, если не встрѣчалось на откомандированіе ихъ особыхъ обстоятельствъ. Они замѣняли собою нѣкоторымъ образомъ какъ бы штатныхъ чиновъ.

Съ этого времени работы въ Войсковомъ Архивѣ пошли успѣшнѣе. Назначенные Войсковымъ Штабомъ офицеры для письменныхъ занятій въ Войсковомъ Архивѣ занимались приведеніемъ въ порядокъ неубранныхъ дѣлъ и разборомъ бумажнаго хлама, образовавшагося послѣ сказанной выше бури и другихъ случаевъ, подъ руководствомъ архиваріуса, который съ помощникомъ своимъ исполняли разныя по справкамъ требованія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и писали новыя описи архивнымъ дѣламъ, подбиравшимся офицерами по учрежденіямъ и вѣдомствамъ.

Новыхъ архивныхъ описей Василіемъ Степановичемъ къ концу 1892 года было составлено много, и по нимъ дѣла были подобраны въ связки и уложены на архивныя полки. На сколько эти описи удовлетворяли своему названію по вѣрности и полнотѣ, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Къ концу этого года Василій Степановичъ былъ уже настолько боленъ, что слегъ въ постель и уже не всталъ; въ началѣ слѣдующаго года онъ сошелъ въ могилу.

VI.

Архивныя работы по плану.

Высочайшимъ приказомъ 17 января 1893 года, на мѣсто генерала Вареника, былъ назначенъ архиваріусомъ Войсковаго Архива Кубанскаго казачьяго войска надворный совѣтникъ П. П. Короленко.

Вступивъ въ отправленіе должности, Короленко нѣсколько времени посвятилъ на обзоръ ввѣреннаго ему Архива и знакомился съ производившимися въ немъ работами.

Въ архивныхъ помѣщеніяхъ найдено много дѣлъ, еще не убранныхъ и не занесенныхъ въ описи. Такихъ дѣлъ на потолкѣ одного флигеля оказалось около 20.000.

Продолжать далѣе составленіе архивныхъ описей такъ, какъ онѣ писались до сего времени, признано безполезнымъ; все равно онѣ не годились для благоустроеннаго Архива, потому не послѣдовательному и случайному занесенію въ нихъ дѣлъ, какъ уже выше сказано, по такимъ описямъ нельзя было опредѣлить ни наличности, ни числа дѣлъ, изъ которыхъ могли оказаться такія, которыхъ налицо совсѣмъ уже не было, или такія, которыя нашлись, но не были своевременно занесены въ опись, въ прежніе годы. Поэтому ни номерація, ни хронологія не могли быть вѣрной.

Кромѣ этого много встрѣчалось въ Архивѣ отрывковъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ оказывались бумаги весьма важныя въ историческомъ отношеніи о жизни и военныхъ

подвигахъ запорожцевъ еще въ XVIII столѣтіи. Изъ этихъ бумагъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи архиваріусомъ, представилась возможность образовать цѣлыя дѣла по предметамъ ихъ содержанія за разные старые годы, которыя тоже слѣдовало занести въ описи раньше уже вписанныхъ другихъ дѣлъ.

Въ виду всего этого архиваріусъ Короленко составилъ планъ для архивныхъ занятій въ слѣдующемъ порядкѣ:

А) Пересмотрѣть общими силами служащихъ въ Архивѣ всѣ положительно дѣла, какія хранятся въ Архивныхъ зданіяхъ отъ перваго до послѣдняго, разсмотрѣть и раздѣлить ихъ на два разряда: къ храненію и уничтоженію. Затѣмъ, по мѣрѣ хода работъ, составлять описи, преимущественно послѣднимъ, которыя представлять на утвержденіе начальства, и съ разрѣшенія его продавать ненужныя дѣла и тѣмъ освобождать мѣста въ тѣсныхъ архивныхъ помѣщеніяхъ и разъ навсегда покончить съ этимъ разрядомъ дѣлъ.

Б) Очистивъ Архивъ отъ ненужнаго бумажнаго хлама, начать разборку остальныхъ дѣлъ, подлежащихъ храненію, по разнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, сколько таковыхъ окажется въ наличности, подбирая ихъ въ связки одно за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ по каждому вѣдомству и учрежденію и провѣряя наличность какъ по сдаточнымъ, такъ и составленнымъ уже Вареникомъ описямъ.

Послѣ окончанія всей этой работы В) приступить къ составленію описей всѣмъ дѣламъ, подобраннымъ и провѣреннымъ по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, какія въ дѣйствительности окажутся.

Представивъ такія соображенія въ докладѣ 20 февраля 1893 года начальнику Войскового Штаба Кубанскаго войска, затѣмъ Войсковой архиваріусъ приступилъ къ архивнымъ занятіямъ по означенному выше плану.

Пошла изъ года въ годъ работа въ Войсковомъ Архивѣ грязная отъ разборки пыльныхъ и заплѣснёвѣлыхъ дѣлъ, темная — такъ какъ на показъ нечего было выставлять, но зато не требовавшая повторенія, она шла медленно, но двигалась постепенно впередъ. Многія дѣла, признанныя офицерами къ уничтоженію и записанныя въ опись, разсматривались всесторонне лично самимъ архиваріусомъ и пускались въ продажу тѣ только, которыя ни въ справочномъ, ни въ научномъ отношеніи не представляли интереса.

Одновременно съ этой работой временами одинъ офицеръ занимался составленіемъ описи дѣламъ, въ которыхъ имѣются послужные списки офицеровъ съ 1797 года, а такихъ дѣлъ въ Архивѣ оказалось около 1000 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ составлялись именные алфавиты тѣмъ офицерамъ, которые значились въ тѣхъ же послужныхъ спискахъ, съ обозначеніемъ, въ какомъ томѣ и году, и въ какомъ чинѣ они значатся. Такіе алфавиты въ Архивѣ имѣютъ важное значеніе, такъ какъ облегчаютъ розыскъ послужныхъ списковъ офицеровъ по требованіямъ войскового начальства.

Пересмотрѣна также и разобрана масса книгъ старыхъ законовъ, разныхъ положеній, правительственныхъ постановленій и приказовъ, которые хранятся въ Архивѣ; часть изъ нихъ по разрѣшенію начальства продана, а остальная подобрана и сложена по описи въ порядкѣ.

VII.

Порядокъ уборки и храненія дѣлъ.

По мѣрѣ хода архивныхъ работъ всѣмъ дѣламъ разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, признаннымъ безусловно къ уничтоженію, писались описи, представлялись въ Войсковой Штабъ, которымъ по разсмотрѣніи передавались въ Кавказскій Военно-Историческій Отдѣлъ, и оттуда уже окончательно разсмотрѣнныя возвращались обратно въ Штабъ, и симъ послѣднимъ присылались въ Войсковой Архивъ для уничтоженія по этимъ описямъ самыхъ дѣлъ. Въ Архивѣ дѣла эти разрывались на части, продавались съ аукціоннаго торга на пуды, и вырученныя деньги отправлялись въ казначейство, для зачисленія въ Войсковой доходъ.

Въ 1900 году послѣдовало распоряженіе начальства о пріостановленіи продажи дѣлъ, признанныхъ къ уничтоженію, и теперь тѣ, которыя еще не уничтожены, хранятся по написаннымъ имъ описямъ, особо отъ дѣлъ, подлежащихъ къ храненію.

Всѣ дѣла Войскового Архива, признанныя къ храненію по окончаніи провѣрки ихъ отъ перваго до послѣдняго по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, вписывались въ хронологическомъ порядкѣ въ описи *общія* или *частныя*; въ первыя вносились тѣ дѣла, которыя значились прежде въ разныхъ описяхъ одного и того же учрежденія или вѣдомства, подъ разными только названіями, такъ, напримѣръ: Войсковое Правительство, Войсковая канцелярія, Войсковое Правленіе и Войсковое Хозяйственное Правленіе. Это одно и то же учрежденіе, но только въ теченіе времени переименовывалось; въ послѣднія же заносились тѣ дѣла, которыя не имѣли такихъ дѣленій.

Число записанныхъ въ описи дѣлъ при семъ прилагается[1]).

Всѣ дѣла, сформированныя въ связки и записанныя въ описи, складываются по порядку на архивныя полки, особо по каждому вѣдомству и учрежденію.

Самое древнее дѣло по этимъ описямъ въ Войсковомъ Архивѣ 1783 года, оно заключаетъ въ себѣ посемейные списки запорожцевъ, подпавшихъ послѣ послѣдняго разоренія ихъ Сѣчи въ крѣпостную зависимость къ помѣщикамъ, а далѣе начинаются дѣла съ 1787 года и идутъ постепенно годъ за годомъ до настоящаго времени.

Кромѣ такихъ дѣлъ, особо важныхъ отдѣльныхъ документовъ или предметовъ древности и искусства въ Войсковомъ Архивѣ не имѣется.

Пріемъ въ этотъ Архивъ рѣшенныхъ дѣлъ, поступающихъ отъ упраздненныхъ войсковыхъ учрежденій, должностныхъ лицъ и изъ Войскового Штаба, продолжается.

VIII.

Утрата архивныхъ дѣлъ отъ разоренія и принятіе мѣръ къ сохраненію таковыхъ въ другихъ хранилищахъ.

Большая утрата дѣлъ Войскового Архива происходила вслѣдствіе неоднократныхъ перевозокъ архивныхъ дѣлъ съ одного мѣста на другое и небрежное обращеніе

[1]) Приложеніе, лит. А. В.

съ ними при такомъ передвиженіи со стороны простыхъ рабочихъ казаковъ,— о чемъ подробно сказано уже выше въ настоящей запискѣ. Исключительное же разореніе Войскового Архива произошло 2 января 1887 года, когда сильною бурей съ грозой сорвало желѣзную крышу съ стропилами на одномъ архивномъ зданіи, гдѣ не было потолка. Страшный вихрь, врываясь сверху въ это зданіе, выхватывалъ дѣла наверхъ и, крутя въ воздухѣ, разносилъ ихъ по всей крѣпостной площади западной стороны, бросалъ въ р. Кубань и переносилъ листы даже черезъ эту рѣку на Закубанскую сторону. Вытребованной командой казаковъ разбросанныя бурею дѣла и бумаги собирались и сваливались въ то же разрушенное зданіе, прикрытое сверху наскоро госпитальными палатками, а потомъ оттуда всѣ уже дѣла перевезены и свалены въ одинъ войсковой флигель, на той крѣпостной площади бывшій. При такой спѣшной перевозкѣ и въ такое еще время года, когда буря свирѣпствовала и на другой день, много дѣлъ разбито и разорвано, а сколько ихъ погибло въ волнахъ Кубани и Закубанскихъ зарosляхъ, и счета нѣтъ.

Когда разоренное архивное зданіе было исправлено, то началось новое перетаскиваніе дѣлъ изъ одной кучи временнаго въ другую кучу постояннаго для нихъ помѣщенія, и въ этомъ только послѣднемъ началась разборка уцѣлѣвшихъ дѣлъ и бумажнаго хлама въ отрывкахъ и отдѣльныхъ листахъ, какъ сказано уже выше.

Не мало дѣлъ погибло въ станичныхъ правленіяхъ Кубанскаго войска, частью отъ небрежнаго храненія или уничтоженія ихъ безъ должнаго указанія, а частью отъ огня погорѣвшихъ зданій тѣхъ правленій. По докладу автора настоящей записки Войсковымъ Штабомъ сдѣлано распоряженіе о принятіи мѣръ къ сохраненію станичныхъ дѣлъ, описи которыхъ предъявляются въ Войсковой Архивъ на разсмотрѣніе Войсковому архиваріусу, какія изъ дѣлъ слѣдуетъ хранить и какія уничтожить.

По тому же докладу собраны и переданы въ Войсковой Архивъ остатки дѣлъ, разбросанныхъ по станичнымъ правленіямъ, упраздненныхъ бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, присоединенныхъ къ войску Кубанскому.

По представленію сего же автора ведется переписка съ Одесскимъ Архивомъ о передачѣ въ Кубанскій Войсковой Архивъ дѣлъ тѣхъ упраздненныхъ казачьихъ войскъ, казаки которыхъ впослѣдствіи вошли въ составъ Черноморскаго казачьяго войска, нынѣ именующагося Кубанскимъ.

IX.

Мѣры и средства улучшенія Архива.

Настоящее помѣщеніе Кубанскаго Войскового Архива, какъ и выше было сказано, состоитъ изъ двухъ флигелей для склада дѣлъ и третьяго — для Архивной канцеляріи. Всѣ эти зданія разбросаны одно отъ другого на далекое разстояніе такъ, что одно изъ первыхъ находится въ сѣверо-западномъ углу крѣпостной площади, другое — въ юго-западномъ; кромѣ этого одно отъ другого закрыто рядомъ другихъ войсковыхъ зданій.

Такое расположеніе архивныхъ зданій крайне неудобно во многихъ отношеніяхъ: первое — архиваріусъ не можетъ слѣдить за архивными работами, иной разъ производящимися одновременно во всѣхъ зданіяхъ; второе — на передвиженіе дѣлъ изъ архивныхъ зданій въ канцелярію и обратно, что происходитъ постоянно, теряется много времени, а перевозимыя дѣла подвергаются порчѣ, когда вѣтеръ рветъ листы, а снѣгъ или дождь мочитъ ихъ, и третье — при недостаткѣ сторожей, удаленныя отъ ихъ помѣщенія при архивной канцеляріи, архивныя зданія остаются безъ всякаго надзора, особенно то, которое совсѣмъ закрыто другими постройками и находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ вблизи порохового погреба.

Самыя архивныя зданія, сырыя, холодныя и темныя, внутри совсѣмъ не пригодны для храненія архивныхъ дѣлъ, не говоря уже о безпорядочномъ расположеніи въ нихъ архивныхъ полокъ, на которыхъ складываются дѣла.

Зданіе для канцеляріи Архива тоже неудобно, не говоря уже о сырости при низкихъ отъ земли полахъ и сквозныхъ трещинахъ въ стѣнахъ, оно низко, имѣетъ мало воздуха; при всемъ этомъ самое расположеніе комнатъ крайне невыгодно. Флигель этотъ раздѣленъ на двѣ отапливаемыя половины, соединяющіяся чрезъ холодныя сѣнцы, изъ которыхъ двери выходятъ прямо на дворъ, закрытый дощатымъ тамбуромъ. При постоянныхъ во время занятій переходахъ изъ одной половины въ другую, съ непокрытой головой, чрезъ холодныя сѣнцы, нерѣдко съ открытыми наружу дверьми, служащіе подвергаются простудѣ, а отъ сырости наживаютъ ревматизмъ въ ногахъ; если же идетъ переборка старыхъ дѣлъ и неизбѣжная архивная пыль изъ дѣлъ поднимается вверхъ, то при тѣсныхъ комнатахъ и дышать затруднительно.

Чтобы устранить всѣ эти неудобства, необходимо выстроить по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства и согласно съ условіями закона на этотъ предметъ, спеціально изложеннаго въ 1-й части 2-го тома Общ. губернск. учрежденій, теплое архивное зданіе, въ которомъ могли бы вмѣститься съ удобствомъ расположенія всѣ дѣла Войскового Архива, находящіяся теперь въ двухъ архивныхъ зданіяхъ. При новомъ архивномъ зданіи пристроить свѣтлое и просторное помѣщеніе для канцеляріи Архива и сторожей, раздѣливъ комнаты такъ, чтобы изъ кабинета архиваріуса выходили двери въ смежныя комнаты, для удобнаго наблюденія за занятіями служащихъ въ Архивѣ, помѣстивъ съ одной стороны комнату для тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, кто бы пожелалъ здѣсь заниматься извлеченіемъ матеріаловъ изъ архивныхъ дѣлъ съ научной цѣлью; при чемъ изъ этой комнаты долженъ быть одинъ только выходъ — чрезъ кабинетъ архиваріуса.

Обращаясь затѣмъ къ служащимъ въ Войсковомъ Архивѣ, нельзя не замѣтить, что штатное число ихъ весьма ограничено. Если въ настоящее время всѣ дѣла въ этомъ Архивѣ разобраны, провѣрены, разложены по описямъ на архивныя полки и такимъ образомъ, можно сказать, приведены въ порядокъ, то это еще не все сдѣлано для этого богатаго содержаніемъ Архива, описательная часть его еще не тронута и не изучена; если же къ этому приступить къ составленію именныхъ и предметныхъ алфавитовъ всѣмъ архивнымъ дѣламъ, то такая работа затянется на

весьма долгое время и потребуетъ внимательныхъ трудовъ и сообразительности тѣхъ лицъ, кто этимъ будетъ заниматься; особенно важенъ алфавитъ предметный, требующій полнаго знакомства съ каждымъ дѣломъ, а ихъ въ Архивѣ сотни тысячъ.

Въ виду всего этого въ интересахъ Войскового Архива полезно было бы увеличить его штатъ, замѣнивъ всѣхъ прикомандированныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ штатными.

По моему мнѣнію, штатъ Войскового Архива слѣдовало бы увеличить противъ нынѣ существующаго, въ такомъ составѣ:

Войсковой архиваріусъ		1
Помощники архиваріуса	старшій	1
	младшихъ	3
Писцовъ	старшаго разряда	2
	младшаго разряда	3
Переплетчиковъ		2
Сторожей наемныхъ		3

Распредѣленіе занятій въ Архивѣ будетъ зависѣть отъ архиваріуса, но приблизительно слѣдовало бы одному младшему помощнику съ писцомъ старшаго разряда поручить наведеніе тщательныхъ справокъ по архивнымъ дѣламъ, которыя съ каждымъ годомъ увеличиваются; другому младшему помощнику поручить вѣдать хозяйственную часть Архива и наблюдать за занятіями нижнихъ чиновъ, въ видѣ экзекутора. Особенно въ архивномъ дѣлѣ весьма важна укладка обратно въ связки вынутыхъ дѣлъ,— для этого требуется особенное вниманіе, разъ дѣло вложено неправильно, тогда при новомъ требованіи трудно уже отыскать дѣло, если его не окажется на своемъ мѣстѣ; предметъ этихъ занятій слѣдовало бы поручить одному изъ двухъ старшихъ писцовъ подъ наблюденіемъ того же завѣдующаго экзекуторскою частью. Остальные старшій и два младшихъ помощника должны заниматься дѣлами по указанію архиваріуса; а дѣла въ Архивѣ окажется много, и пройдетъ не мало времени, покуда возможно будетъ приступить за описаніе содержанія архивныхъ дѣлъ и изученія по нимъ отдѣльныхъ предметовъ по примѣру столичныхъ архивовъ.

X.

Заключеніе.

Войсковой Архивъ Кубанскаго казачьяго войска весьма богатъ содержаніемъ дѣлъ. Онъ непохожъ на губернскіе Архивы, гдѣ жизнь населенія текла обычнымъ порядкомъ. Архивъ этотъ возникъ первоначально на турецкой землѣ между рр. Бугъ и Днѣстръ, завоеванной русскими въ 1787—1791 годахъ; основанъ онъ старыми запорожцами, образовавшими изъ себя Ея Императорскаго Величества войско вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ, въ традиціяхъ былого Запорожья, съ которыми по окончаніи съ турками войны это войско перешло и на Кубань, тоже бывшую татарскую

землю, опустѣвшую отъ кочевыхъ нагайцевъ за 8 лѣтъ предъ переходомъ на оную Черноморскихъ казаковъ, ушедшихъ съ этой земли.

Какъ на Днѣстрѣ, такъ и на Кубани Войсковое Правительство казаковъ, сформированное, какъ уже выше сказано, по обычному праву и преданію предковъ своихъ запорожцевъ, не имѣя въ руководство дѣйствовавшихъ русскихъ законоположеній, должно было заботиться о составленіи собственныхъ законовъ для управленія войскомъ въ военномъ и гражданскомъ быту.

Болѣе ста лѣтъ прошло со времени образованія Архива, который хранитъ у себя дѣла по исторіи военныхъ дѣйствій Черноморскихъ и потомковъ ихъ Кубанскихъ казаковъ, начиная съ 1787 года; здѣсь же была по административнымъ распоряженіямъ войскового начальства, особо ярко выразившимся при казачьемъ населеніи опустѣвшей Бугско-Днѣстровской и совершенно пустой Кубанской земли, по заведенію войскового и частнаго хозяйства, торговли и промысловъ; въ дѣлахъ сего же Архива хранится богатый матеріалъ по этнографіи населенія, народномъ просвѣщеніи, церковномъ устройствѣ и прочимъ предметамъ, достойнымъ изученія на окраинѣ Русскаго государства.

ВѢДОМОСТЬ

общихъ описей дѣламъ, просмотрѣннымъ и оставленнымъ на храненіе въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска.

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
1	Общая опись дѣламъ Кошевыхъ и Войсковыхъ Атамановъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) и Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска	—	Съ 1783 по 1899	
2	Общая опись по Управленію Черноморской Кордонной линіи	2487	Съ 1820 по 1865	
3	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска, Часть I	5821	Съ 1822 по 1860	
4	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска. Часть II	4129	Съ 1860 по 1871	
5	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска. Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть I	2544	—	
6	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть II	6984	Съ 1842 по 1859	

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
7	Общая опись Черноморской береговой линіи	3608	Съ 1838 по 1859	
	1) Начальника Черноморской береговой линіи.			
	2) Фанагорійскаго Военнаго Начальника.			
	3) Анапскаго Комендантскаго Управленія.			
	4) Новороссійскаго Комендантскаго Управленія.			
8	Общая опись учебныхъ заведеній	5810	Съ 1804 по 1896	
	1) Войсковой гимназіи.			
	2) Екатеринодарскаго уѣзднаго училища.			
	3) Полтавскаго Окружнаго училища.			
	4) Уманскаго Окружнаго училища.			
9	Общая опись дѣламъ поступившимъ въ Войсковой Архивъ отъ Полковыхъ Праленій бригадъ 2-й	1189	Съ 1850 по 1877	
	а) Полкового Правленія.			
	б) Начальника 5 уч. Кубанскаго полка.			
	в) Командира 2-й бригады.			
	г) Младшаго офицера Кубанскаго полка.			
	д) Командующаго 1-мъ Кубанскимъ полкомъ.			
	е) Начальника 5 сотеннаго участка бригады 5-й.			
	ж) Отраднаго Управленія.			
	з) Командира 5-й бригады.			
	і) Полкового Правленія 5-й бригады.			
	к) Полкового Правленія 3-й бригады.			
	л) Полкового Правленія 7-й бригады.			
10	Общая опись дѣламъ Артиллеріи Черноморскаго казачьяго войска	2944	Съ 1804 по 1863	
	1) Черноморскаго Артиллерійскаго полка г-на полковника Лысенко.			
	2) Мѣстной Артиллеріи.			
	3) Пѣшей Артиллерійской роты.			
	4) Гарнизонной Артиллерійской роты.			

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
	5) Конно-Артиллерійской № 4 роты или № 10 батареи. 6) Конно-Артиллерійской казачей № 12 батареи. 7) Конно-Артиллерійской казачей № 2 или 12 батареи. 8) 2-го Дивизіона № 11 батареи, бывшаго на службѣ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и Восточной части крыла. 9) Штаба Черноморскаго Конно-Артиллерійской бригады.			
11	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска, Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть III	14023	Съ 1860 по 1865	
12	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть III	13745	Съ 1871 по 1882	

Б.

ВѢДОМОСТЬ

общихъ описей дѣламъ, просмотрѣннымъ и оставленнымъ на храненіе въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска.

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
1	Опись дѣламъ Врачебной Управы Черноморскаго казачьяго войска	1172	Съ 1833 по 1861	
2	Опись дѣламъ Комиссій того же войска:			
	Народнаго продовольствія	85	Съ 1838 по 1862	
	Временно-строительной	335	Съ 1845 по 1871	
3	Опись дѣламъ Торговаго Словеснаго суда	29	Съ 1860 по 1872	
4	Опись дѣламъ того же войска карантиновъ:			
	Екатеринодарскаго	831	Съ 1800 по 1863	
	Лабинскаго	464	Съ 1823 по 1861	
	Ольгинскаго	195	Съ 1838 по 1852	
	Эрко-Леушковскаго	21	Съ 1823 по 1836	
5	Опись дѣламъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска больничныхъ заведеній:			
	Темрюкскаго лазарета	120	Съ 1829 по 1861	
	Лазарета 1-й бригады Кавказскаго линейнаго войска	22	Съ 1858 по 1878	
	Майкопской больницы	4	За 1877	
	Адагумскаго полкового лазарета	194	За 1870	
	Псекупскаго полкового лазарета	145	Съ 1864 по 1871	
	Медика Кавказскаго линейнаго войска	31	Съ 1856 по 1861	
6	Опись дѣламъ того же войска:			
	Суконной фабрики	141	Съ 1822 по 1846	
	Овчарнаго завода	51	Съ 1821 по 1846	

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
7	Опись дѣламъ Черноморскаго казачьяго войска смотрителей мѣновыхъ дворовъ:			
	Екатеринодарскаго	88	Съ 1825 по 1849	
	Малолагернаго	4	Съ 1840 по 1844	
8	Опись дѣламъ того же войска смотрителя войсковыхъ почтъ	4	Съ 1818 по 1835	
9	Опись дѣламъ того же войска смотрителя рыболовныхъ заведеній:			
	а) 6-го рыболовнаго участка	114	Съ 1874 по 1889	
	б) Ясенскихъ и Охтарскихъ приморскихъ косъ	20	Съ 1827 по 1846	
	в) Ачуевской приморской косы	21	Съ 1815 по 1847	
	г) Ахтанизовскаго и Цокуроваго лимановъ	9	Съ 1843 по 1856	
	д) Черно-Ерковскихъ рыболовныхъ заводовъ	4	Съ 1843 по 1848	
	е) Смотрителя 1-го рыболовнаго участка	97	Съ 1874 по 1889	
	ж) „ 2-го „ „	252	Съ 1855 по 1890	
	з) „ 3-го „ „ и Ахтарскихъ соляныхъ озеръ . . .	146	Съ 1874 по 1900	
	и) Смотрителя 4-го рыболовнаго участка	253	Съ 1855 по 1890	
	і) „ 5-го „ „	126	Съ 1875 по 1900	
	к) Завѣдывающаго Таманскимъ райономъ по рыболовству	81	Съ 1881 по 1896	
10	Опись дѣламъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) войска смотрителей соляныхъ озеръ:			
	а) Петровскихъ	34	Съ 1866 по 1892	
	б) Ачуевскихъ	224	Съ 1844 по 1891	
	в) Бугазско-Южныхъ	61	Съ 1866 по 1888	
	г) Ясенскихъ	67	Съ 1840 по 1890	
	д) Охтарскихъ	74	Съ 1849 по 1892	
	е) Таманскаго соляного магазина . . .	16	Съ 1844 по 1865	
	ж) Завѣдывающаго Бугазско-Южными озерами и пріозерными войсковыми землями Таманскаго района	22	Съ 1887 по 1900	
11	Опись дѣламъ того же войска Комитетовъ:			
	а) Ачуевскаго войскового рыболовнаго завода	20	Съ 1831 по 1835	

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
	б) По пресѣченіи въ Черноморіи холеры	29	Съ 1828 по 1858	
	в) По устройству въ Черноморіи пересел.	14	Съ 1820 по 1827	
	г) Благотворительнаго	24	Съ 1863 по 1868	
	д) Попеченія о раненныхъ	15	Съ 1877 по 1881	
12	Опись дѣламъ Управленія Кубанской казачьей бригады	119	Съ 1879 по 1893	
13	Ставропольскаго казачьяго Юнкерскаго училища	399	Съ 1872 по 1899	
14	Опись дѣламъ Военно-Судной Комиссіи, находившейся при Войсковомъ Дежурствѣ того же войска	316	Съ 1835 по 1873	
15	Опись дѣламъ Завѣдывающаго командою нижнихъ чиновъ Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска, Временной канцеляріи Начальника Кубанской Области и Пѣвческаго хора	123	Съ 1865 по 1885	
16	Опись дѣламъ Войсковой Типографіи, находившейся въ веденіи Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска	185	Съ 1874 по 1889	
17	Опись дѣламъ Черноморскаго казачьяго войска постовъ и укрѣпленій	493	Съ 1820 по 1855	
18	Опись дѣламъ Закубанскихъ отрядовъ . .	514	Съ 1856 по 1865	
19	Опись дѣламъ Бейсерскаго земскаго Сыскного Начальства	95	Съ 1794 по 1852	
20	Опись дѣламъ Кубанскаго Горскаго конно-иррегулярнаго полка	78	Съ 1877 по 1878	
21	Опись дѣламъ бывшаго эскадрона Лейбъ-гвардіи Черноморскаго казачьяго войска и того же войска Варшавскаго дивизіона	130	Съ 1845 по 1862	
22	Опись дѣламъ Конно-учебнаго дивизіона войска Кубанскаго	314	Съ 1862 по 1876	
23	Опись дѣламъ Крымской мѣстной команды	159	Съ 1877 по 1894	
24	Опись дѣламъ Екатеринодарскаго Окружнаго Дежурства и Комиссій военнаго суда при дежурствѣ	134	Съ 1842 по 1867	

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
25	Опись дѣламъ Берегового Кордоннаго № 1 и 2 Таманскаго полка Кубанскаго казачьяго войска	127	Съ 1867 по 1878	
26	Опись дѣламъ Таманскаго Окружнаго Сыскного Начальства	1484	Съ 1842 по 1871	
27	Опись дѣламъ Начальника Азовскихъ командъ при Сухумской морской станціи по Черноморской береговой линіи . . .	66	Съ 1862 по 1866	
28	Опись дѣламъ Военно-рабочей № 19 роты Инженернаго корпуса по Береговой линіи	99	Съ 1845 по 1856	
29	Опись дѣламъ Канцеляріи Войскового Архива Кубанскаго казачьяго войска . . .	144	Съ 1877 по 1902	
30	Опись дѣламъ Таманскаго Окружнаго стряпчаго	301	Съ 1845 по 1871	
	Екатеринодарскаго Окружн. Стряпчаго .	386	Съ 1842 по 1871	
31	1) Опись дѣламъ Екатеринодарскаго Станичнаго Правленія	623	Съ 1843 по 1871	
	2) Новороссійскаго Станичнаго Правленія	92	Съ 1862 по 1870	
	3) Станичныхъ и хуторскихъ Правленій Ейскаго отдѣла	—	—	
32	Опись Таманскаго Окружнаго Суда . . .	806	Съ 1823 по 1872	

Собраніе Дорошенка въ гор. Глуховѣ.

Изъ письма Петра Яковлевича Дорошенка къ предсѣдателю Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества (отъ 1 августа 1902 года).

Мое собраніе состоитъ изъ старыхъ бумагъ, книгъ, имѣющихъ отношеніе къ Малороссіи, и небольшой коллекціи бытовыхъ и художественныхъ вещей. Собраніе бумагъ можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: семейный мой архивъ и составленное мною собраніе разныхъ документовъ, относящихся до Малороссіи.

Семейный архивъ заключаетъ въ себѣ бумаги рода Дорошенковъ съ конца XVII вѣка, т.-е. со времени переселенія, вслѣдъ за гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, всѣхъ его родичей въ лѣвобережную Малороссію. Сюда входятъ бумаги сотника сосницкаго Андрея Дорошенка, родного брата гетмана, и его потомковъ; священника села Слабина, подъ Черниговомъ, Степана Дорошенка, также брата гетмана, и его потомковъ, и бумаги сотника Янпольскаго, Василія Дорошенка, двоюроднаго брата гетмана, и его потомковъ. Эти бумаги являются въ моемъ собраніи частью въ подлинникахъ, а частью въ копіяхъ, снятыхъ мною съ оригиналовъ, хранящихся въ архивахъ Черниговскаго Дворянскаго депутатскаго собранія, при дѣлѣ о дворянствѣ рода Дорошенковъ. Бумаги преимущественно владѣльческаго характера: жалованныя грамоты, купчія на земли, духовныя завѣщанія, раздѣльные акты и т. д. Большая часть ихъ принадлежитъ потомкамъ Янпольскаго сотника, Василія Дорошенка, отъ котораго собственно происходитъ наша семья, и котораго имѣнія въ Глуховскомъ уѣздѣ до сихъ поръ не выходятъ изъ владѣнія его потомковъ. Къ подробной описи бумагъ рода Дорошенковъ я, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не приступалъ.

Войсковой товарищъ Михаилъ Васильевичъ Дорошенко (ум. 1800 г.) былъ женатъ на дочери войскового товарища, Иринѣ Ѳедоровнѣ Соколиковой; бумаги Соколиковъ — родъ этотъ въ срединѣ прошлаго вѣка пресѣкся, — по владѣнію ихъ землями, при селахъ Порохнѣ и Ромашковѣ Новгородсѣверскаго уѣзда, также вошли въ нашъ семейный архивъ, и я, выдѣливъ ихъ въ особый отдѣлъ, составилъ имъ опись, которую и посылаю вамъ; въ этомъ отдѣлѣ всего 107 бумагъ.

Отецъ мой Яковъ Степановичъ Дорошенко (ум. въ 1893 г.) былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Коропчевской (ум. въ 1882 г.), и бумаги этой фамиліи, одна линія которой также пресѣклась нынѣ, вошли въ составъ моего фамильнаго

архива. Бумаги Коропчевскихъ начинаются со средины XVIII вѣка; изъ нихъ значительный интересъ имѣютъ бумаги бывшаго миргородскаго полкового писаря, а потомъ Малороссійскаго черниговскаго вице-губернатора, Павла Григорьевича Коропчевскаго (ум. въ 1808 г.) Полную опись бумагъ Коропчевскихъ я успѣлъ сдѣлать, и также посылаю ее вамъ. Всѣхъ бумагъ до 286.

Къ бумагамъ Коропчевскихъ примыкаетъ довольно значительное количество бумагъ харьковской фамиліи Куколь-Яснопольскихъ, по женитьбѣ Николая Павловича Коропчевскаго (ум. 1860 г.) на Аннѣ Васильевнѣ Куколь-Яснопольской (ум. въ 1850 г.). Бумаги эти начинаются со второй четверти XVIII вѣка, съ документовъ сотника ворожбянскаго Степана Куколя; онѣ большею частью владѣльческаго характера; между ними очень интересны старыя межевыя описи въ имѣніяхъ Куколей, въ нынѣшнемъ Сумскомъ уѣздѣ: Ворожбѣ, Искрисковщинѣ, Горбаневѣ и пр. Къ описи бумагъ Куколь-Яснопольскихъ я еще не приступалъ.

Самый большой и интересный въ научномъ отношеніи отдѣлъ моего архива,— это varia. Уже около двадцати лѣтъ, какъ я началъ, и продолжаю до сихъ поръ пріобрѣтать и собирать всевозможныя бумаги и рукописи, относящіяся къ прошлому Малороссіи. Прежде всего въ этотъ отдѣлъ я отобралъ всѣ бумаги общаго характера изъ моего семейнаго архива; затѣмъ я покупалъ или получалъ въ даръ какъ отдѣльные автографы, документы, такъ и полностью уцѣлѣвшія собранія бумагъ нѣкоторыхъ старинныхъ малороссійскихъ домовъ. Такимъ образомъ составился у меня этотъ отдѣлъ, который я называю „varia“, количествомъ — полагаю — гораздо свыше тысячи бумагъ. Сюда входятъ: подлинные универсалы гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Дорошенка, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Скоропадскаго, Апостола и Разумовскаго, числомъ до 50; отобранные отдѣльно автографы извѣстныхъ дѣятелей, уроженцевъ Малороссіи, между ними автографъ на русскомъ языкѣ матери гетмана Мазепы, игуменіи Маріи Магдалины, многихъ лицъ изъ малорусской старшины и духовенства XVIII вѣка, между коими находился переданный мною въ Черниговскую Архивную Комиссію чрезвычайно интересный, отъ начала до конца собственноручно писанный святымъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ; изъ извѣстныхъ уроженцевъ Малороссіи автографы Гоголя, Максимовича, Марковичей, Кулиша и прочихъ; старинные сборники бумагъ, переплетенные въ отдѣльные томы, между ними сборникъ оригинальныхъ бумагъ конца XVII или начала XVIII вѣка, принадлежавшій бунчуковому товарищу, Ивану Забѣлѣ, въ коемъ содержатся письма къ Забѣлѣ высшихъ духовныхъ лицъ того времени, кіевскихъ митрополитовъ Іосафа Круковскаго, Рафаила Заборовскаго, Варлаама Ванатовича и представителей малорусской старшины — гетмана Апостола, генеральнаго писаря Турковскаго и другихъ. Въ семейныхъ бумагахъ, перешедшихъ ко мнѣ болѣе или менѣе полностью, встрѣчаются среди документовъ имущественныхъ иногда и бумаги частнаго характера: письма, рукописныя сочиненія и т. п. Но сдѣлать полную и правильную опись отдѣла „varia“ довольно затруднительно: необходимо предварительно распредѣлить систематически бумаги; я началъ было дѣлать опись безъ системы, только отчасти придерживаясь хронологіи, но вижу, что это будетъ неудобно для лица, которое хотѣло бы узнать, что можно найти по извѣстному

вопросу въ моемъ собраніи, а потому опись я прекратилъ до времени, описавъ содержаніе всего лишъ 60 документовъ. Отрывокъ этой описи также посылается.

Моя библіотека имѣетъ болѣе тысячи названій. Я собиралъ все печатное, относящееся къ Малороссіи, т.-е. сочиненія по исторіи Малороссіи, этнографіи, географіи, книги на малорусскомъ нарѣчіи, старопечатныя южнорусскія книги. Систематическаго каталога библіотеки у меня нѣтъ, а есть только краткій хронологическій каталогъ, куда я вносилъ названія книгъ, по мѣрѣ ихъ поступленія. Не могу сказать, чтобы моя библіотека изобиловала рѣдкостями; скорѣе она имѣетъ достоинство нѣкоторой полноты въ отношеніи вообще печатныхъ источниковъ для изученія Малороссіи; считаю все-таки не лишнимъ назвать нѣкоторыя рѣдкія или цѣнныя книги моего собранія: въ немъ есть полный экземпляръ журнала „Основа", всѣ изданія „Исторіи Малой Россіи" Бантыша-Каменскаго, „Исторіи Малороссіи" Н. А. Маркевича; всѣ сочиненія Костомарова, Максимовича, Кулиша; всѣ изданія Бодянскаго, всѣ южнорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ лѣтопись Самовидца, впервые изданная въ „Россійскомъ магазинѣ" Ѳ. Туманскаго (С.-Пб. 1792—1793); всѣ изданія Кіевской Археографической Комиссіи и Общества Нестора-лѣтописца; харьковскія изданія 40-хъ годовъ, петербургскія малороссійскія изданія 60-хъ годовъ, изданія Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета; почти полный экземпляръ „Черниговскихъ губернскихъ Вѣдомостей"; полный экземпляръ журнала „Кіевская Старина" и пр. Изъ библіографическихъ рѣдкостей библіотеки укажу: Я. Марковича „Записки о Малороссіи", С.-Пб. 1798; Котляревскаго „Энеида", С.-Пб. 1809 и Харьковъ 1842; Шевченка „Кобзарь", С.-Пб. 1840 (первое изданіе); Максимовича „Малороссійскія пѣсни", М. 1872; Боплана „Описаніе Украйны", С.-Пб. 1832; Гуна „Замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію", М. 1806; кн. Шаликова „Путешествіе въ Малороссію", М. 1803—1804; Левшина „Письма изъ Малороссіи„; полный экземпляръ „Молодика" Бецкаго, Харьковъ 1843—44; всѣ сочиненія и отдѣльные оттиски статей покойнаго А. М. Лазаревскаго, который иногда печаталъ ихъ въ количествѣ самомъ ограниченномъ, и пр.

Небольшая коллекція старинныхъ вещей составилась изъ уцѣлѣвшей нашей домашней старины: немного стариннаго серебра и хрусталя (XVII и XVIII вв.), различныя мелкія вещи домашней обстановки и нѣсколько фамильныхъ портретовъ начала XIX вѣка; изъ историческихъ портретовъ назову два старыхъ оригинала: портретъ архимандрита Мельхиседека Значко-Яворскаго, умершаго въ началѣ прошлаго XIX вѣка, въ Глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ, и послѣдняго генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея (ум. 1779 г.) Имѣется у меня собранная также мной коллекція гравированныхъ портретовъ малорусскихъ дѣятелей, въ которой есть нѣсколько рѣдкихъ листовъ, напр. портретъ гетмана Петра Дорошенка — голландская гравюра XVII вѣка, К. Разумовскій — Шмидта, Безбородко — Валькера, Трощинскій — Ухтомскаго и др.

Вотъ краткій очеркъ состава моего собранія! Посылаемые отрывки могутъ служить вамъ образцами, какъ я думаю сдѣлать впослѣдствіи опись всего у меня имѣющагося.

П. Дорошенко.

I.

Бумаги Соколиковъ.

1. Родословная рода Соколиковъ, 1 л. 1885, составлен. П. Я. Дорошенкомъ.

2. Бумаги о построеніи козакомъ Федоромъ Соколикомъ млина на р. Уличцѣ близъ села Порохни Янпольской сотни Нѣжинскаго полка, копіи: прошеніе Ф. Соколика на имя гетмана 1729 года; универсалъ гетмана Д. Апостола; двѣ купчія крѣпости, 1722. Тетр. 3 л.

3. Раздѣльный актъ между значковымъ товарищемъ Герасимомъ, козакомъ сотни Янпольской Василіемъ Федоровичами и козакомъ Гавріиломъ Семеновичемъ Соколиками на предковое имѣніе въ с. Будѣ-Серединой, 1 л. 1780.

4. Мировой актъ между войсковымъ товарищемъ Герасимомъ Федоровичемъ Соколикомъ и вахмистромъ Степаномъ Соколовскимъ о прекращеніи дѣла по предковскому имѣнію въ с. Будѣ-Серединой, 1 л. 1782.

5—6. Купчій записъ и копія съ него, данные бунчуковымъ товарищемъ Лаврентіемъ Раковичемъ на его имѣніе въ с. Ромашковѣ, проданное имъ войсковымъ товарищамъ, Герасиму и Василію Федоровичамъ Соколикамъ, 2 л. 1786.

7. Копія грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей охотному полковнику Григорію Пашковскому на с. Ромашки Новгородсѣверскаго уѣзда и на мельницу на греблѣ Батуринской съ землями, 1 л. 7198 (1690) года.

8. Владѣтельный листъ отъ земскаго Погарскаго исправника бунчуковому товарищу Лаврентію Раковичу на загонъ въ дачахъ с. Ромашкова, 1 л. 1785.

9. Дѣльчій реестръ доставшемуся на части имѣнію въ селахъ Будѣ-Серединой и Ромашковѣ между Василіемъ и Герасимомъ Федоровичами Соколиковыми 3 л. 1795.

10—21. Купчія крѣпости и закладныя, заключенныя между разными лицами на мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 12 л. 1719—1787.

22. Жалоба козака с. Ромашкова Мамона Андреева сотнику Новгородсѣверскому на козака Филиппа Новика за присвоенное симъ послѣднимъ сѣно, 1 л. 1730.

23. Мировая между козаками с. Ромашкова Федоромъ, Александромъ и Иваномъ Бибиками и козакомъ с. Ясмани Корнѣемъ Антощенкомъ о спорной землѣ въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1766.

24. Купчая крѣпость, данная женою оберъ-провіантъ-мейстера Варварою Кобеляцкою и подполковникомъ фонъ-денъ Бринкеномъ на мельницу въ с. Ромашковѣ, проданную ими поручику Герасиму Федоровичу Соколикову, 2 л. 1798.

25. Выпись, данная изъ Прилуцкаго повѣтоваго суда подполковнику Федору Вадимовичу фонъ-денъ Бринкену о томъ, какая часть имѣнія въ с. Ромашковѣ умершаго бунчуковаго товарища Андрея Раковича приходилась Варварѣ и Маріи Ивановнамъ Раковичевымъ, 1 л. 1798.

26—59. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданные и заложенные ими Герасиму Федоровичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 34 л. 1767—1813 гг.

60. Реестръ купчихъ крѣпостей и закладныхъ на земли въ дачахъ с. Ромашкова, пріобрѣтенныя Герасимомъ Федоровичемъ Соколиковымъ, 2 л. 1788.

61—86. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданные и заложенные ими Василію Федоровичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ села Ромашкова, 26 л. 1773—1788.

87—90. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданные и заложенные ими Григорію Герасимовичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 4 л. 1805—1824.

91—97. Вводные листы Герасиму и Василію Федоровичамъ и Григорію Герасимовичу Соколиковымъ на пріобрѣтенныя ими земли въ дачахъ с. Ромашкова, 7 л. 1780—1805.

98. Закладная, данная губернск. секретаремъ Григор. Герасим. Соколиковымъ на занятые имъ у подпоручика Федора Федоровича Гриневича 5 тысячъ рублей подъ залогъ имѣнія въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1824.

99. Купчая крѣпость, данная губернск. секретаремъ, Григор. Герасимов. Соколиковымъ, на проданное имъ титулярному совѣтнику, Петру Семеновичу Кармалѣеву, имѣніе въ с. Ромашковѣ, 2 л. 1833.

100. Вводный листъ поручику Максиму Петровичу Закоморному на купленное имъ у титулярнаго совѣтн. Петра Семеновича Кармалѣева имѣніе въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1835.

101. Рапортъ Новгородсѣверскаго земскаго суда въ Новгородсѣверскій уѣздный судъ о состояніи имѣнія умершаго поручика Максима Петровича Закоморнаго, 1 л. 1842.

102. Свидѣтельство, выданное изъ Новгородсѣверскаго уѣзднаго суда коллежскому регистратору Ивану Максимовичу Закоморному о состояніи его имѣнія въ селѣ Ромашковѣ, 1 л. 1857.

103—107. Купчія крѣпости и замѣнные акты на земли въ дачахъ с. Ромашкова, пріобрѣтенныя Иваномъ Максимовичемъ Закоморнымъ, 5 л. 1845—1858.

II.

Бумаги Коропчевскихъ.

1. Родословникъ Коропчевскихъ, 1 л. 1885, составлен. П. Я. Дорошенкомъ.

2. Гербъ рода Коропчевскихъ съ выпискою изъ сочиненія Каспара Нѣсѣцкаго „Корона польская“ о происхожденіи сего рода. Копія свидѣтельства маршала повѣта Глуховскаго и двухъ дворянъ, 1 л. 1797.

3. Послужной списокъ малороссійскаго (черниговскаго) вицъ-губернатора, статскаго совѣтника и кавалера, Павла Григорьевича Коропчевскаго, 2 л. 1799.

4. Аттестатъ объ успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи студента Павла Коропчевскаго, выданный ему изъ Кіевской Духовной Академіи, 1 л. 1760.

5. Приказъ генеральнаго писаря Безбородка обрѣтающемуся въ Генеральной канцеляріи при дѣлахъ Павлу Коропчевскому о доставленіи свѣдѣній касательно приготовленій къ проѣзду гетмана, 1 л. 1761.

6. Инструкція изъ Генеральной канцеляріи войсковому канцеляристу Павлу Коропчевскому объ устройствѣ пунктовъ и квартиръ для проѣзда изъ Глухова въ Москву гетманши графини Разумовской, 2 л. 1762.

7. Инструкція изъ Генеральной канцеляріи войсков. канцеляристу П. Коропчевскому о томъ, какъ исхлопотать отпускъ подданнымъ людямъ Кіево-Печерской Лавры, содержащимся за грабежъ въ Путивлѣ подъ карауломъ, 1 л. 1762.

8. Инструкція изъ той же канцеляріи тому же П. Коропчевскому о полученіи изъ Кіевской губернской канцеляріи пропуска лѣсного матеріала черезъ Прохоровскій и другіе форпосты въ Яготинскую экономію гетмана гр. Разумовскаго, 1 л. 1763.

9. Инструкція той же канцеляріи ему же П. Коропчевскому касательно обнародованія жителямъ Янпольской волости сенатскаго указа о пожалованіи оной волости дѣйствительному тайному совѣтнику, Ивану Ивановичу Неплюеву, съ копіей указа Сената, 2 л. 1764.

10. Патентъ на чинъ полковаго писаря, выданный изъ Малороссійской коллегіи регистратору сей коллегіи, Павлу Коропчевскому, 1 л. 1774.

11. Патентъ на чинъ хорунжаго Генеральной артиллеріи, выданный изъ Малороссійской коллегіи полковому писарю, Павлу Коропчевскому, 1 л. 1775.

12. Ордеръ генеральнаго обознаго, Семена Кочубея, Генеральной артиллеріи хорунжему, П. Коропчевскому, о ревизіи Глуховскаго почтоваго стана, 1 л. 1775.

13. Инструкція изъ канцеляріи Генеральной артиллеріи той же артиллеріи хорунжему П. Коропчевскому о доставленіи свѣдѣній объ орудіяхъ, находящихся въ Генеральной и полковыхъ артиллеріяхъ, 1 л. 1775.

14. Инструкція генеральнаго обознаго, С. Кочубея, хорунжему П. Коропчевскому о слѣдствіи по дѣлу разграбленія имѣнія жены значковаго товарища Ставинской, 1л. 1777.

15. Патентъ на чинъ бунчуковаго товарища, выданный изъ Малороссійской коллегіи хорунжему Павлу Коропчевскому, 1 л. 1777.

16. Аттестатъ о службѣ члена канцеляріи Генеральной артиллеріи, коллежскаго ассесора П. Коропчевскаго, данный ему отъ управляющаго канцеляріею Генеральной артиллеріи, генералъ-поручика, Черниговской губ. губернатора А. С. Милорадовича, 1 л. 1781.

17. Патентъ на чинъ коллежскаго асессора, за подписью государыни Екатерины II, данный бунчуковому товарищу Павлу Коропчевскому, 1 л. 1785.

18. Патентъ на чинъ надворнаго совѣтника, за подписью императрицы, данный коллежскому ассесору П. Коропчевскому, 1 л. 1785.

19. Рескриптъ императрицы Екатерины II предсѣдателю Новгородсѣверскаго губернскаго магистрата, надворному совѣтнику, П. Коропчевскому, при награжденіи его орденомъ Владиміра 4 степени, 1 л. 1785.

20. Письмо князя Г. А. Потемкина къ Павлу Григорьевичу Коропчевскому, при отправленіи ему статута ордена св. Владиміра, 1785.

21. Статутъ ордена св. Владиміра, данный П. Г. Коропчевскому при пожалованіи ордена, 1782.

22. Аттестатъ о службѣ предсѣдателя Новгоросѣверскаго губернскаго магистрата, надворнаго совѣтника П. Коропчевскаго, данный ему отъ Новгородсѣверскаго губернатора И. Б. Бибикова, 1 л. 1785.

23. Аттестатъ о службѣ предсѣдателя Новгородсѣверской гражданской палаты, коллежскаго совѣтника П. Коропчевскаго, данный ему отъ Новгородсѣверскаго губернатора, Ларіона Алексѣева, 1 л. 1797.

24. Отношеніе Малороссійскаго Черниговскаго губернатора Я. Л. Бакуринскаго къ вице-губернатору П. Г. Коропчевскому объ исполненіи имъ должности губернатора и копія предложенія Кіевскаго военнаго губернатора, гр. Салтыкова, объ исполненіи должности отъѣзжающаго по губерніи Черниговскаго губернатора вице-губернаторомъ, 2 л. 1797.

25. Отношеніе Малороссійскаго Черниговскаго губернатора Бакуринскаго вице-губернатору Коропчевскому о наборѣ рекрутъ, 1 л. 1797.

26. Рескриптъ императора Павла I Малороссійскому Черниговскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Павлу Коропчевскому, относительно доставленія свѣдѣній о казенныхъ земляхъ и о крестьянахъ, къ частнымъ заводамъ приписанныхъ, 1 л. 1797.

27. Письмо князя А. Б. Куракина къ П. Г. Коропчевскому при доставленіи ему Высочайшаго рескрипта объ освидѣтельствованіи фабрикъ, 1 л. 1797.

28. Отношеніе Малороссійскаго губернатора, М. П. Миклашевскаго, къ вице-губернатору Коропчевскому объ исполненіи имъ должности губернатора, 2 л. 1798.

29. Рескриптъ императора Павла I Малороссійскому Черниговскому вице-губернатору, статскому совѣтнику П. Коропчевскому, при награжденіи его орденомъ св. Анны 2 степени, 1 л. 1798.

30. Отношеніе Капитула орденовъ къ П. Г. Коропчевскому о приложеніи орденской печати къ Высочайшему рескрипту, данному на орденъ св. Анны 2 степени, 1 л. 1801.

31. Аттестатъ о службѣ Малороссійскаго Черниговскаго вице-губернатора Коропчевскаго, выданный ему губернаторомъ Миклашевскимъ, 1 л. 1799.

32. Копіи Высочайшихъ рескриптовъ на имя П. Г. Коропчевскаго, засвидѣтельствованныя въ Глуховскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ, тетр. 4 листа, 1819.

33—41. Квитанціи въ принятіи различныхъ казенныхъ суммъ отъ П. Г. Коропчевскаго, 9 л. 1783—1800.

42—76. Отпускные билеты и подорожныя П. Г. Коропчевскаго, 35 л. 1761—1794.

77. Черновое прошеніе П. Г. Коропчевскаго объ отставкѣ, 1 л. 1799.

78. Черновое письмо Коропчевскаго къ Д. П. Трощинскому съ просьбой способствовать ему въ полученіи отставки, 1 л. 1799.

79. Указъ объ отставкѣ Малороссійскаго Черниговскаго, вице-губернатора, статскаго совѣтника и кавалера, П. Г. Коропчевскаго за подписью Малороссійскаго губернатора М. П. Миклашевскаго, 4 л. 1799.

80—86. Письма къ П. Г. Коропчевскому Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, 7 №№, 1780—1799.

87—89. Письма къ нему же князя Петра Алексѣевича Голицына, оберъ-егермейстера, 3 №№, 1779—1780.

90. Письмо къ нему же Іосифа Григорьевича Туманскаго, предсѣдателя уголовной палаты Новгородсѣверскаго намѣстничества, 1 л. 1794.

91—92. Письма къ нему же Ильи Богдановича Бибикова, тайнаго совѣтника, сенатора, бывшаго Новгородсѣверскаго губернатора, 2 №№, 1794 и 1797.

93—94. Письма къ нему же Андрея Васильевича Гудовича, генерала отъ инфантеріи, 2 №№, 1794 и 1797.

95. Письмо къ нему же графа Якова Васильевича Завадовскаго, предсѣдателя гражданской палаты Новгородсѣверскаго намѣстничества.

96—98. Письма къ нему же Амфилохія Трощинскаго, епископа Переяславскаго, 3 №№, 1797—1798.

99. Письмо къ нему же Аѳанасія, епископа Лубенскаго, 1799.

100. Привѣтствіе, сказанное П. Г. Коропчевскому при посѣщеніи имъ города N., 1 л.

101. Опись крѣпостямъ на имѣніе П. Г. Коропчевскаго въ с. Баничахъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губ. 2 л. 1788.

102. Формулярный списокъ о службѣ титулярнаго совѣтника Николая Павловича Коропчевскаго, 1 л. 1820.

103. Квитанція Глуховскаго повѣтоваго казначейства въ пріемѣ отъ коллежскаго регистратора Николая Коропчевскаго денегъ за повышеніе его чиномъ, 1 л. 1803.

104. Патентъ на чинъ титулярнаго совѣтника, данный губернскому секретарю Н. Коропчевскому, 1 л. 1817.

105. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства, Д. Ф. Красовскаго, къ Николаю Павловичу Коропчевскому объ утвержденіи его кандидатомъ на должность Глуховскаго предводителя дворянства, 1 л. 1831.

106. Письмо черниговскаго губернатора Жукова къ Н. П. Коропчевскому съ приглашеніемъ явиться къ нему по дѣламъ службы, 1 л. 1832.

107. Дѣло о лишеніи Николаемъ Павловичемъ Коропчевскимъ дочери своей Евпраксіи Бурцевой наслѣдства, 6 л. 1854—57.

108. Черновое отношеніе вдовы статскаго совѣтника, Ольги Алексѣевны Коропчевской, къ Глуховскому предводителю дворянства, коимъ она уполномочиваетъ сына своего, титулярнаго совѣтника Николая Павловича Коропчевскаго, присутствовать и имѣть голосъ въ губернскихъ дворянскихъ выборахъ, 1 л. 1835.

109. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства къ Н. П. Коропчевскому, съ копіей постановленія Черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія о внесеніи отца его, Павла Григорьевича Коропчевскаго, въ родословную книгу Черниговской губ., 2 л. 1843.

110. Приглашеніе Глуховскаго предводителя дворянства Николаю Павловичу и Аннѣ Васильевнѣ Коропчевскимъ къ пожертвованію на устройство дамскаго благотворительнаго общества въ Черниговской губ., 2 л. 1835.

111. Бумаги Н. П. Коропчевскаго о пожертвованіи дворянствомъ Глуховскаго уѣзда во время войны 1853—56 гг., 2 л. 1856.

112. Грамота Н. П. Коропчевскому на медаль въ память войны 1853—56 гг.

113. Бумаги Н. П. Коропчевскаго объ участіи дворянства Черниговской губ. въ торжествѣ коронованія императора Александра II, 6 л. 1856.

114. Приглашеніе Глуховскимъ предводителемъ дворянства Н. П. Коропчевскаго на балъ въ Глуховское благородное собраніе, 1 л. 1856.

115. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства къ Н. П. Коропчевскому съ приглашеніемъ принять участіе въ пожертвованіяхъ на устройство памятника кн. М. С. Воронцову въ Одессѣ, 1 л. 1857.

116. Бумаги Н. П. Коропчевскаго, относящіяся къ освобожденію крестьянъ, 3 л. 1858.

117. Черновыя бумаги его же объ отпускѣ нѣкоторыхъ крестьянъ его на свободу, 1 л. 1854.

118. Дѣло о размежеваніи земли въ имѣніи Н. П. Коропчевскаго Вязонскомъ Селищѣ Путивльск. у., 4 л. 1842.

119. Мировой актъ между Н. П. Коропчевскимъ и коллежскимъ регистраторомъ В. Я. Фененкомъ о прекращеніи дѣла по иску Фененка за должныя ему деньги отъ Коропчевскаго, 1 л. 1839.

120. Купчая крѣпость и копія съ нея, данныя Анной Васильевной Коропчевской на проданное отъ нея мужу ея, титулярному совѣтнику, Н. П. Коропчевскому, материнское имѣніе въ с. Ворожбѣ Сумскаго у. Харьковской губ., 2 л. 1825.

121. Копія купчей крѣпости, данной отъ нея же А. В. Коропчевской на проданное мужу ея, Н. П. Коропчевскому, отцовское имѣніе въ хуторѣ Горбаневкѣ, въ хуторѣ Мычакѣ, въ с. Искрисковщинѣ и въ с. Ворожбѣ Сумскаго у., въ с. Баничахъ и с. Холопковѣ Глуховскаго у., 1 л. 1851.

122. Вводный листъ Н. П. Коропчевскому на имѣнія, купленныя имъ у своей жены, Анны Васильевны, 1 л. 1851.

123. Купчая крѣпость, данная губернскимъ секретаремъ Ѳ. А. Шешковымъ на проданную имъ Н. П. Коропчевскому дворовую дѣвку, 1 л. 1819.

124—128. Купчія крѣпости, данныя отъ разныхъ лицъ на проданные ими Н. П. Коропчевскому мелкіе участки земли въ дачахъ с. Баничъ, 7 л. 1815—19.

129. Дѣло жены титулярнаго совѣтника, Анны Васильевны Коропчевской, о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти отца ея, премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, 116 л. 1827—39.

130. Дѣло о деньгахъ, должныхъ помѣщицей Сумскаго уѣзда Фроловой-Багрѣевой наслѣдницѣ умершаго премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, дочери его А. В. Коропчевской, 9 л. 1828—44.

131. Дѣло о деньгахъ, должныхъ прапорщикомъ Григоріемъ Щекинымъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 44 л. 1832—44.

132. Дѣло о деньгахъ, должныхъ Артаковымъ, Похвисневымъ и Магеровскимъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Варварѣ Николаевнѣ Еремѣевой, 24 л. 1835—45.

133. Дѣло о деньгахъ, должныхъ коллежскимъ ассесоромъ Семеномъ Легкобитовымъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Маріи Николаевнѣ Яцыной, 7 л. 1836—38.

134. Дѣло о деньгахъ, должныхъ наслѣдниками подпоручика Владиміра Куколь-Яснопольскаго А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 2 л. 1836—45.

135. Дѣло о деньгахъ, должныхъ инженеръ-подпоручикомъ Григоріемъ Похвисневымъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 11 л. 1837—1850.

136. Дѣло о деньгахъ, должныхъ наслѣдниками Маріи Краснянской Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Маріи Николаевнѣ Яцыной, 6 л. 1839—43.

137. Дѣло о деньгахъ, должныхъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, братьями Артаковыми, 4 л. 1839.

138. Дѣло о деньгахъ, должныхъ купцомъ Грищенкомъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Елизаветѣ Николаевнѣ Дорошенко, 10 л. 1841—45.

139. Дѣло о деньгахъ, должныхъ женой штабсъ-капитана Курносовой А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Е. Н. Дорошенко, 7 л. 1841—45.

140. Дѣло о деньгахъ, должныхъ подпоручикомъ Д. Артаковымъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 34 л. 1841—45.

141. Прошеніе А. В. Коропчевской въ Харьковскую гражданскую палату съ жалобой на Сумскую дворянскую опеку за упущенія, сдѣланныя ею при взысканіи въ Харьковскій Приказъ общественнаго призрѣнія денегъ, должныхъ ей, Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, купцомъ Медвѣдевымъ, 1 л. 1842.

142. Дѣло о деньгахъ, должныхъ крестьянами с. Ворожбы Н. П. Коропчевскому и женѣ его, Аннѣ Васильевнѣ, 54 л. 1815—42.

143. Дѣло А. В. Коропчевской о неуплаченныхъ, за пропускомъ давности, долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ разными лицами на занятыя ими деньги у отца ея, премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, 25 л. 1839—45.

144. Рѣшенія Сумскаго уѣзднаго суда по дѣлу о взысканіи Анною Васильевной Коропчевской съ разныхъ лицъ денегъ, кои были заняты ими у отца ея, В. И. Куколь-Яснопольскаго, 8 л. 1846—51.

145. Дѣло о недачѣ отчета крестьяниномъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, Кондратіемъ Головачевымъ, о его неповиновеніи и побѣгѣ, 15 л. 1827—29.

146. Дѣло о крестьянкѣ Анны Васильевны Коропчевской, Маргаритѣ Головачевой, съ сыномъ, препровождаемой къ ея мужу, сданному въ рекруты, 11 л. 1841.

147. Дѣло о заковании въ желѣза крестьянами А. В. Коропчевской вдовы Грищенковой въ с. Ворожбѣ, 3 л. 1839—43.

148. Дѣло о засыпаніи крестьянскихъ хлѣбныхъ магазиновъ въ имѣніяхъ А. В. Коропчевской, 3 л. 1840.

149. Дѣло о крестьянахъ А. В. Коропчевской Игнатѣ и Иванѣ Голопузовыхъ, пропущенныхъ ревизіей, 2 л. 1841.

150. Дѣло о крестьянкѣ А. В. Коропчевской, Матронѣ Грищенковой, отданной въ Петербургъ для изученія рукодѣлій 13 л. 1841.

151. Дѣло о солдатскихъ дѣтяхъ Василіи и Антонѣ Скабаленковыхъ, незаконорожденныхъ отъ крестьянки, принадлежащей А. В. Коропчевской, 3 л. 1843.

152. Дѣло о переселеніи крестьянъ А. В. Коропчевской изъ с. Студенка, Курской губерніи, въ с. Баничи Черниговской губерніи, 8 л. 1843.

153. Дѣло о повѣнчаніи въ с. Ворожбѣ безъ позволенія Коропчевской ея крестьянъ 18 л. 1843.

154. Дѣло о воровствѣ дуба въ имѣніи Коропчевской, въ с. Ворожбѣ, 6 л. 1843—44.

155. Дѣло о засыпаніи казенными крестьянами с. Ворожбы канавы въ имѣніи Коропчевской, хуторѣ Мычакѣ, 8 л. 1843—50.

156. Дѣло о нанесеніи крестьянину Литовченку побоевъ крестьяниномъ А. В. Коропчевской дер. Горбановки, Кирилломъ Ратушкой, 2 л. 1844.

157. Дѣло о корчемствѣ въ шинкѣ, находящемся въ имѣніи А. В. Коропчевской въ хуторѣ Мычакѣ Сумскаго уѣзда, 20 л., 1840—43.

158. Дѣло о корчемствѣ крестьянъ Коропчевской въ с. Ворожбѣ Сумскаго у., 60 л. 1840—43.

159. Дѣло объ открытіи шинка въ имѣніи Коропчевской, въ с. Искрисковщинѣ Сумскаго уѣзда, 4 л. 1841—43.

160. Дѣло о клейменіи мѣръ въ Харьковской казенной палатѣ для продажи питей въ шинкахъ, находящихся въ имѣніяхъ Коропчевской, 1 л. 1842.

161. Дѣло о корчемствѣ въ шинкѣ, находящемся въ имѣніи Коропчевской въ д. Горбаневкѣ, Сумскаго уѣзда, 14 л. 1843—44.

162. Дѣло объ арестованіи корчемнымъ засѣдателемъ вина въ имѣніи Коропчевской, въ с. Ворожбѣ Сумскаго уѣзда, 2 л. 1844.

163. Свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи Петра Павловича Коропчевскаго, выданное изъ Черниговскаго Повѣтоваго училища, 1 л. 1807.

164. Аттестатъ о службѣ губернскаго секретаря Петра Павловича Коропчевскаго, выданный изъ Черниговскаго Генеральнаго суда, 1 л. 1810.

165. Свидѣтельство о службѣ выданное находящемуся въ Черниговскомъ губернскомъ правленіи при дѣлахъ, П. П. Коропчевскому, 1 л. 1812.

166. Аттестатъ о службѣ, находящагося въ департаментѣ юстиціи коллежскаго секретаря, Петра Павловича Коропчевскаго, данный ему отъ министра юстиціи Д. П. Трощинскаго, 1 л. 1817.

167. Патентъ П. Павл. Коропчевскаго на чинъ коллежскаго регистратора, 1 л. 1817.

168. Патентъ его же на чинъ коллежскаго секретаря, 1 л. 1817.

169. Патентъ его же на чинъ титулярнаго совѣтника, 1 л. 1819.

170. Патентъ его же на чинъ коллежскаго ассесора, 1 л. 1822.

171. Квитанція о пріемѣ денегъ отъ титулярнаго совѣтника П. П. Коропчевскаго за повышеніе его чиномъ, 1 л. 1818.

172. Грамота ему же на орденъ св. Анны 3 степени, 1821.

173—176. Отпускные билеты П. П. Коропчевскаго, 4 л. 1811—1822.

177. Метрическое свидѣтельство о смерти Николая и Петра Павловичей Коропчевскихъ, 1 л. 1876.

178—194. Ревизскія сказки о крестьянахъ въ имѣніяхъ Коропчевскихъ, 17 тетрадей.

195. Копія указа объ отставкѣ юнкера Финляндскаго драгунскаго полка, Петра Николаевича Коропчевскаго, за подписью командира полка Бреверна, 1 л. 1842.

196—197. Аттестатъ о службѣ коллежскаго регистратора, Петра Николаевича Коропчевскаго, данный ему отъ Фатежскаго городничаго, и метрическое свидѣтельство о бракосочетанiи П. Н. Коропчевскаго съ дочерью майора, Анною Герасимовной Рославлевой, 2 л. 1847.

198. Родословникъ рода Рославлевыхъ, 1 л. 1854.

199—203. Письма Петра Николаевича Коропчевскаго къ отцу его, Николаю Павловичу Коропчевскому, 5 пис. 1829—1846.

204—236. Письма его же къ тестю его, Г. К. Рославлеву, 33 пис. 1847—50.

237—238. Письма его же къ женѣ Аннѣ Герасимовнѣ, 2 письма.

239. Письмо его же къ сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ и мужу ея, Якову Степановичу Дорошенку, 1850.

240. Письмо его же къ Антону Степановичу Миклашевскому, 1845.

241. Записная тетрадь-альбомъ его же, содержащая: стихи, изреченія, рецепты и т. п.

242. Стихотворенія его же, Петра Николаевича, подъ заглавіемъ „Досуги анахорета“, тетрадь, 1847.

243—248. Прозаическія сочиненія его же, 6 тетрадей, 1845—1850.

249—278. Письма Анны Герасимовны Коропчевской къ отцу ея, Герасиму Кирилловичу Рославлеву, 30 писемъ, 1848—53.

279. Письмо ея же къ свекру, Николаю Павловичу Коропчевскому, 1853.

280. Метрическое свидѣтельство о смерти коллежскаго регистратора, Петра Николаевича Коропчевскаго, 1853.

281—282. Метрическія свидѣтельства о смерти жены его Анны Герасимовны, 2 л. 1854 и 1872.

283. Слово при отпѣваніи Анны Герасимовны Коропчевской, произнесенное 21 августа 1854 г. протоіереемъ гор. Чернаго Яра Астраханской губерніи, Василіемъ Павлиновымъ, 2 л. 1854.

284. Метрическое свидѣтельство о рожденіи Антонины Петровны Коропчевской. 1 л. 1853.

285. Аттестатъ о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ Антонины Петровны Коропчевской, выданный при окончаніи ею Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. 1 л. 1867.

286. Отношеніе Совѣта Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ къ воспитанницѣ Антонинѣ Петровнѣ Коропчевской о награжденіи ея за отличные успѣхи въ наукахъ серебряною медалью, 1 л. 1867.

III.

Бумаги архива П. Я. Дорошенка. (Varia).

1. Грамота турецкаго султана Ахмета III запорожскимъ козакамъ и отвѣтъ ихъ султану, 1 л. 1600 г., старинный списокъ.

2. Письмо запорожскаго кошеваго Ивана Сѣрка крымскому хану о взаимныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, копія 1799 г. 2 л. 1675.

3. Купчая крѣпость, выданная нѣжинскимъ полковникомъ Филиппомъ Уманцемъ на проданную имъ Тимошу татарину въ дачахъ села Сваркова ниву, 1 л. 1670.

4. Купчая крѣпость, выданная глуховскимъ козакомъ Стефаномъ Семеновичемъ на проданное имъ глуховскимъ же козакамъ Матвѣю и Ивану Лисенкамъ займище на р. Ясмани, 1 л. 1675.

5. Купчая крѣпость, выданная генеральнымъ есауломъ Михаиломъ Миклашевскимъ на проданный имъ козаку Сидору Евсѣевичу дворъ въ Глуховѣ съ пляцомъ и будинкомъ, 1 л. 1686.

6. Оборонный универсалъ гетмана Мазепы на увольненіе отъ войсковыхъ повинностей млиновъ на р. Ясмани, принадлежащихъ товарищу Глуховской сотни Ивану Шкирмонту, 1 л. 1690.

7. Купчая крѣпость, выданная глуховскимъ сотникомъ Иваномъ Мануйловичемъ на проданный имъ ясманьскому жителю Кириллу Ясковичу дворъ, 1 л. 1715.

8. Грамота императора Петра I надворному совѣтнику N на село Роздышевку Гадяцкаго полка, отрывокъ старой копіи, 1710.

9. Грамота императора Петра I кіевскому Михайловскому монастырю на имѣнія; старая копія, 1 л. 1715.

10. Универсалъ гетмана Скоропадскаго жителямъ села Веремѣевки Лубенскаго полка, съ выговоромъ за непослушаніе и съ распоряженіемъ о принадлежности ихъ къ сотнѣ Чигринъ дубравской, 1 л. 1714.

11. Универсалъ гетмана Скоропадскаго жителямъ с. Веремѣевки о дозволеніи имъ избрать себѣ атамана, 1 л. 1717.

12. Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей лубенскому полковнику Леонтію Назарьевичу Свѣчкѣ на имѣнія, 1690 г., и оборонный универсалъ гетмана Скоропадскаго, данный вдовѣ Домникіи Свѣчкиной съ сыновьями; старая копія, 2 л. 1709.

13. Выписъ истинный, якимъ способомъ биралъ ключи церковные панъ Лукьянъ Свѣчка и якимъ фортелемъ бывалъ въ скарбницѣ: доношеніе пирятинскаго протопопа Михаила Ѳедорова, 3 л.

14. „Критическіе дни“, 1 л. печат. въ Черниговѣ, 1716.

15. „Свѣдѣніе, сколько въ якой сотнѣ въ каждомъ селѣ посполитыхъ людей и пѣшихъ козаковъ обрѣтается, и сколько порцѣоновъ и рацѣоновъ на якое село опредѣляется“. Составлено въ Лохвицѣ, 2 л. 1722.

16. „Экстрактъ зъ формы комѣсарской" о распредѣленіи порцій и рацій въ малороссійскихъ полкахъ, 1 л.

17. Бумаги бунчуковаго товарища Ивана Ивановича Забѣлы (Обтовскаго), 1731—1740: прошеніе Ивана Забѣлы князю А. И. Шаховскому на Даніила Забѣлу за дѣлаемыя имъ обиды, 1731 г. Прошеніе жителей села Обтова полковнику глуховскаго гарнизона на капитана Офемберга за дѣлаемые имъ излишніе поборы фуражныхъ денегъ; черновыя, 1 л.

18. Доношеніе Ивана Забѣлы по дѣлу его съ Даніиломъ Забѣлою. Челобитіе Ивана Забѣлы въ Кролевецкую ратушу на жителей села Реутинецъ за порубку его лѣса, 1731; черновыя, 1 л.

19. Челобитіе Ивана Забѣлы въ судъ Генеральный на Даніила Забѣлу за причиняемыя имъ обиды; черновое, 1 л. 1734.

20. Донесеніе хорунжаго Генеральной артиллеріи Ивана Забѣлы кн. А. И. Шаховскому о неправильно произведенной ревизіи Короповской сотни, съ просьбой уменьшить тяжелые налоги, павшіе вслѣдствіе того на его имѣніе; черновое, 1 л. 1735.

21. Челобитіе въ Генеральную канцелярію жителей села Обтова на Даніила Забѣлу за дѣлаемыя имъ разоренія; черновыя, 1736. Ордеръ Нѣжинской полковой канцеляріи въ сотни Новомлинскую, Короповскую и Воронежскую о доставленіи вапна на возобновленіе Лубенскаго Мгарскаго монастыря; копія, 1735, 1 л.

22. Челобитіе войта с. Обтова съ посольствомъ въ Генеральную канцелярію на Даніила Забѣлу за дѣлаемыя имъ разоренія, 1 л. 1736.

23. Письмо намѣстника Елецкой обители, іеромонаха Константина, къ Ивану Забѣлѣ съ просьбой подарить волчій мѣхъ, 1 л. 1736.

24. Письмо Ивана Забѣлы къ генеральному обозному Лизогубу объ обидахъ, причиняемыхъ ему войтомъ короповскимъ Тетерею и мѣщанами города Коропа, 1 л. 1738.

25. Челобитіе бунчуковаго товарища Ивана Забѣлы въ полковую Нѣжинскую канцелярію о снятіи тяжелыхъ налоговъ съ его деревень и о неправильныхъ распоряженіяхъ и бездѣятельности короповской старшины, 1 л. 1738.

26. Челобитіе войта с. Обтова съ поспольствомъ въ Генеральную канцелярію о тяжелыхъ налогахъ, положенныхъ на нихъ комиссаромъ и сотникомъ короповскимъ Филоненковымъ. Росписаніе раціоновъ на сотню короповскую. Письмо Филоненка къ Ивану Забѣлѣ съ понужденіемъ къ выставленію раціоновъ. Копіи, 1 л. 1739.

27. Челобитіе Ивана Забѣлы въ канцелярію Конной гвардіи объ освобожденіи дома его въ г. Коропѣ отъ помѣщенія въ немъ амуничныхъ вещей, 1 л. 1739.

28. Челобитіе его же въ Генеральную покупную Комиссію о неправильныхъ репортахъ короповской старшины, обвиняющей его въ томъ, будто онъ поставляетъ въ комиссію хлѣбъ по цѣнѣ слишкомъ высокой. Отрыв. старой копіи, 1 л.

29. Челобитіе его же и войта села Обтова съ поспольствомъ въ Генеральный судъ объ окончаніи дѣла ихъ съ управителемъ и жителями с. Клишокъ за порубленные лѣса, 1 л. 1739.

30. Челобитіе жителя с. Обтова Пареена Ющенка съ товарищами въ Генеральную канцелярію на бунчуковаго товарища Александровича о забраніи имъ пяти во-

зовъ хлѣба, вслѣдствіе причиненнаго будто бы просителями пожара его мельницы на р. Ясмани, 1 л. 1740.

31. Предложеніе князя Барятинскаго Генеральной канцеляріи объ употребленіи для винокуренія въ Малороссіи только одной трети урожая хлѣба, 1 л. 1737.

32. Предложеніе кн. Барятинскаго Генеральной канцеляріи о покупкѣ трехъ тысячъ паръ воловъ для арміи Миниха. Стар. копія, 1 л. 1738.

33. Реляція гр. Миниха изъ Хотина, печат. 1739.

34. Изображеніе представленнаго въ С.-Петербургѣ фейерверка въ честь заключенія мира съ турками; печатн. 1739.

35. Универсалъ гетмана гр. Разумовскаго объ отдачѣ войсковыхъ сборовъ въ Лубенскомъ полку въ откупъ глинскому сотнику Антону Крыжановскому; коп. стар., 1 л. 1752.

36. Указъ Глуховской сотенной канцеляріи о непріемѣ бродячихъ людей; старая копія, 1 л.

37. Письма Петра I, Екатерины I и Елизаветы къ гетманамъ, Павла I и кн. Потемкина къ гр. П. А. Румянцову. Тетрадь копій 12 писемъ, хранившихся въ архивѣ Черниговъ. губ. правленія, 1717—1776 гг. Списокъ 30-хъ, либо 40-хъ годовъ XIX ст.

38. Извѣстіе о началѣ Кіевской Академіи, 1 л. 1792.

39. Опись мѣстечка Янполя; копія исповѣдной росписи, 1776.

40. Предложеніе гр. Румянцова Малороссійской коллегіи о поступленіи въ военную службу дѣтей малороссійскаго шляхетства. Старая копія, 1 л. 1771.

41. Манифестъ императрицы Екатерины II данный 28 іюня 1762 г., печатн. листъ.

42. Манифестъ императрицы Екатерины II, о восшествіи на престолъ, данный 6 іюля 1762 г.; старая копія, тетр., 4 л.

43. Манифестъ императрицы Екатерины II объ увольненіи гр. Разумовскаго отъ гетманства и объ учрежденіи Коллегіи Малороссійской; 1 печатн. листъ, 1764.

44. Мнѣніе Григорія Полетики, депутата лубенскаго шляхетства, въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія; старая копія, 6 л. 1768.

45. Докладъ гр. Румянцова императрицѣ Екатеринѣ II о введеніи новаго порядка управленія въ Малороссіи. Копія 1797 г., 5 л. 1781.

46. Письма и распоряженія разныхъ должностныхъ лицъ о приготовленіяхъ къ проѣзду императрицы Екатерины II чрезъ Новгород-сѣверское намѣстничество въ 1787 г. Тетрадь копій 17 бумагъ, 1784—86.

47. Манифестъ императрицы Екатерины II, объясняющій причины войны съ Турціей; 2 л. печатн. 1768.

48. Манифестъ императрицы Екатерины II о праздновании заключенія Кучукъ-Кайнараджійскаго мира съ Турціей; 1 печатн. л. 1775.

49. Манифестъ императрицы Екатерины II о льготахъ, дарованныхъ народу по поводу заключенія мира съ Турціей; 1 печатн. л. 1775.

50. Манифестъ о заключеніи мира съ Турціей въ Яссахъ 1791 г.; 1 печатн. л. 1792.

52. Письмо императрицы Екатерины II гр. П. А. Румянцову о польскомъ движеніи 1794 г. Манифестъ генерала Косцюшки къ польскому народу 1794 г. Письмо императрицы Екатерины II къ кн. Н. В. Репнину о принятіи имъ командованія надъ арміею, расположенной въ Польшѣ, 1794 г. старыя копіи, 1 л.

51. Манифестъ императрицы Екатерины II объ экипажахъ и ливреяхъ, 1 л. печат. 1775.

53. Грамота императрицы Екатерины II, дарованная дворянству Россійской имперіи 21 апрѣля 1785 г. Печ. въ Черниговѣ, 1785.

54—60. Частная переписка между членами семьи Іосифа Григорьевича Туманскаго (ум. 1795 г.). 7 писемъ, 1784—1801.

Къ ранней исторіи Азова.

М. М. Ковалевскаго.

Венеціанская и генуэзская колоніи въ Танѣ въ XIV вѣкѣ.

Занятый собираніемъ данныхъ по исторіи венеціанской торговли въ средніе вѣка, я долженъ былъ пересмотрѣть, въ числѣ добытаго мною архивнаго матеріала, держащіяся доселѣ воззрѣнія насчетъ времени происхожденія и исторіи итальянскихъ колоній на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Эти изслѣдованія привели меня къ тому заключенію, что большинство источниковъ, на основаніи которыхъ можетъ быть написана эта исторія, пока лежатъ неиспользованными. Ранніе писатели по исторіи венеціанской торговли, напримѣръ Маринъ, случайно познакомились съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но того же нельзя сказать въ равной мѣрѣ о позднѣйшихъ, не исключая и Гейда, автора знаменитаго сочиненія по исторіи торговли итальянцевъ съ Левантомъ. Систематическаго же изученія всего, что рукописи XIV и XV вѣка, — рукописи, хранящіяся въ архивѣ Фрари въ Венеціи, — заключаютъ въ себѣ по вопросу о венеціанскихъ колоніяхъ юга Россіи, до сихъ поръ не имѣется. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше обслѣдованъ матеріалъ, представляемый по тому же вопросу генуэзскимъ архивомъ. Три тома, изданные генуэзской вѣтвью „Storia patria“ подъ названіемъ: „Codice Tauro-Liguro“, представляютъ неоцѣненный источникъ для изображенія внутреннихъ судебъ Өеодосіи въ періодъ ея зависимости отъ банка Святого Георгія въ Генуѣ. Не говоря уже о значительномъ числѣ всякого рода юридическихъ сдѣлокъ, дипломатической, торговой и административной переписки, названный кодексъ содержитъ въ себѣ еще воспроизведеніе генуэзскаго статута Каөы, или Өеодосіи, въ которомъ находятся данныя, не лишенныя интереса и для судебъ другихъ генуэзскихъ колоній въ Крыму и на Кавказѣ, въ томъ числѣ Таны, или Азова.

Появленіе „Codice Tauro-Liguro“ до нѣкоторой степени облегчило задачу изученія ранней исторіи Азова. Объясняется это тѣмъ, что въ послѣднемъ на ряду съ венеціанцами имѣли свою колонію и генуэзцы. Теперь, когда обнародовано то немногое, что по исторіи Азова содержитъ въ себѣ плохо сохранившійся генуэзскій архивъ, изслѣдователю, желающему исчерпать весь матеріалъ, относящійся къ судьбамъ этого города въ XIV и XV вѣкахъ, остается только сосредоточить свое вниманіе на данныхъ архива венеціанскаго. Эти данныя цѣликомъ содержатся въ той обширной серіи рукописныхъ томовъ, которая извѣстна подъ названіемъ: „Senato (secreta). Deliberazioni miste“, или въ сокращеніи: „Senato misti“. Она содержитъ въ себѣ поста-

новленія, по преимуществу, административнаго характера, принятыя венеціанскимъ сенатомъ. Каждый разъ приводится и число голосовъ, высказавшихся въ пользу предложенія или противъ него, а также тѣхъ, которые уклонились отъ подачи мнѣній и извѣстны въ актахъ подъ рубрикой: non sinceri (буквально „не искренные“). Къ сожалѣнію до насъ не дошла въ цѣлости эта единственная въ своемъ родѣ запись административныхъ распоряженій, охватывающихъ собою разнообразнѣйшія стороны народной жизни, начиная отъ дипломатическихъ сношеній и оканчивая регулированіемъ цѣнъ мѣропріятіями противъ роскоши въ одеждѣ и отдачи денегъ въ ростъ. Первые четырнадцать томовъ, обнимающіе дѣятельность венеціанскаго сената отъ времени его происхожденія, т.-е. отъ 1293 года по 1331, погибли; къ счастью, однако, не безслѣдно. Уцѣлѣлъ подробный указатель. Онъ изданъ былъ въ 1887 г. Джіомо. Такъ какъ ко всей серіи сенатскихъ постановленій имѣются подобные же инвентари, то на основаніи ихъ не мудрено обозрѣть весь обильный матеріалъ, какой этотъ видъ источниковъ содержитъ въ себѣ для исторіи венеціанской колоніи въ Танѣ [1]).

Помимо его, мы располагаемъ еще любопытными путешествіями Марко-Поло и Рубруквиса къ берегамъ Дона и въ землю татаръ. Ими уже воспользовался Гейдъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся времени происхожденія венеціанскаго поселенія въ Танѣ. Если намъ снова придется говорить объ этомъ предметѣ, то только въ виду недостаточности того рѣшенія, какое дано ему нѣмецкимъ ученымъ, и прямого его противорѣчія съ данными венеціанскаго архива. Кромѣ названныхъ двухъ путешествій имѣется еще позднѣйшее отъ начала XV вѣка. Оно дошло до насъ въ одной Миланской рукописи и въ отрывкѣ отпечатано было еще Макушевымъ въ Бѣлградѣ въ 1882 году въ „Monumenta Historiae Slavorum Meridionalium“. Недавно, а именно въ 1896 году, оно вышло въ полномъ видѣ въ новой серіи „Archivio Veneto“, издаваемаго Пределли, томъ I, часть I, стр. 5. Если присоединить къ этому матеріалу договоры венеціанцевъ съ ханами Золотой Орды, въ томъ числѣ съ Узбекомъ и Занибекомъ, тексты которыхъ сохранились одинаково въ библіотекѣ св. Марка и въ архивѣ Фрари, въ „Liber Pactorum“ и въ „Liber Albus“, то мы исчерпаемъ весь матеріалъ, имѣющійся въ распоряженіи историка при изученіи раннихъ судебъ Азова, насколько послѣдній является венеціанской колоніей. Прибавивъ къ этимъ источникамъ то немногое, что содержитъ въ себѣ о судьбахъ генуэзской колоніи въ Азовѣ уже упомянутый нами сборникъ генуэзскихъ документовъ, наконецъ, частью изданныя, частью рукописныя данныя, цѣликомъ почерпнутыя изъ нотаріальныхъ актовъ XV вѣка, доселѣ уцѣлѣвшихъ въ обоихъ архивахъ, и бросающіе неожиданный свѣтъ на роль итальянскихъ колоній въ торговлѣ рабами, мы обозримъ все, или почти все, что европейскіе источники способны дать намъ для возстановленія раннихъ судебъ одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ посредниковъ

[1]) Собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ „Senato misti“, обнимаетъ собою 60 томовъ, покрывая періодъ времени отъ 1269 года по 1440. Съ этого года постановленія сената стали вноситься въ двоякаго рода книги, соотвѣтственно ихъ содержанію. Все, касающееся арсенала, флота и заморскихъ владѣній, должно было поступать въ реестры, извѣстные подъ названіемъ „Senato, Mar“. Они тянутся съ начала 50-хъ годовъ XV столѣтія въ теченіе всего XVI и слѣдующихъ за нимъ. Но для исторіи венеціанской Таны интересъ представляютъ лишь первые десять томовъ, заканчивающіеся 1478 годомъ.

Европы съ Азіей, въ частности съ Персіей, Индіей и Китаемъ. Мы сознательно оставляемъ въ сторонѣ уже исчерпанный русскими изслѣдователями и никѣмъ болѣе, какъ Брауномъ, матеріалъ русскихъ лѣтописей и болѣе раннихъ свидѣтельствъ арабскихъ путешественниковъ о судьбахъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Мы пишемъ не исторію Азова и еще менѣе южной Россіи, Крыма и Кавказскаго побережья, а только очеркъ судебъ венеціанской и генуэзской колоній въ древней Танѣ.

Первый вопросъ, которымъ намъ предстоитъ заняться, — вопросъ о времени происхожденія итальянской торговли на Азовскомъ морѣ и на низовьяхъ Дона, въ частности колоній венеціанцевъ и генуэзцевъ. Этимъ вопросомъ задавались одинаково и Маринъ, и Канале, и историкъ левантійской торговли Гейдъ. Первый, пользуясь, главнымъ образомъ богатымъ матеріаломъ раннихъ путешествій, собранныхъ еще Рамузіемъ, а также актами архива Фрари, не прочь былъ отнесть основаніе венеціанцами колоніи въ Танѣ еще къ XIII вѣку и при томъ на томъ самомъ островѣ, образуемомъ рукавами впадающаго въ море Дона, на которомъ нѣкогда было расположено греческое поселеніе. Маринъ не опредѣляетъ болѣе точно времени происхожденія венеціанской колоніи, но высказывается въ пользу болѣе ранняго поселенія въ Танѣ венеціанцевъ, чѣмъ генуэзцевъ [1]).

Въ свою очередь Канале, опираясь на фактъ упоминанія еще въ одномъ договорѣ Венеціи съ Генуей отъ 1238 года о посѣщеніи генуэзскимъ флотомъ — mare maior extra Cretam [2]), не прочь признать за своими соотечественниками уже въ XIII столѣтіи обширныя торговыя предпріятія на протяженіи сѣвернаго побережья Чернаго моря, что, очевидно, должно было повесть за собою и ихъ попытку проникнуть далѣе на сѣверъ къ устьямъ Дона, открывавшимъ перспективу прямыхъ торговыхъ сношеній черезъ Астрахань и Каспійское море съ Персіей и Индіей. Основаніе же генуэзцами колоніи въ Танѣ Канале, повидимому, относитъ только къ послѣдней четверти XIV столѣтія и ставитъ этотъ фактъ въ связь съ разгромомъ Тамерланомъ венеціанскаго поселенія въ этомъ городѣ. Бывшій при Тамерланѣ генуэзецъ по имени Андреа подозрѣвается имъ въ подстрекательствѣ на такое дѣяніе въ виду исконнаго торговаго соперничества и нерѣдко открытой вражды обѣихъ властительницъ надъ левантской торговлей. Немного времени спустя послѣ разрушенія венеціанскаго консульства съ его вооруженнымъ замкомъ и погрома частныхъ жилищъ, занятыхъ подданными республики св. Марка, послѣдовало, по мнѣнію Канале, основаніе генуэзской колоніи въ Танѣ, выходцами одинаково изъ Каѳы, или Ѳеодосіи, и Перы, или итальянскаго квартала Константинополя. Эти пришельцы возстановили стѣны поселка и приняли всѣ мѣры къ дальнѣйшей его защитѣ. Въ XV вѣкѣ источники упоминаютъ о Танѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся владѣній генуэзцевъ на востокѣ.

Мнѣнія, высказанныя обоими писателями, венеціанскимъ и генуэзскимъ, пользуются несравненно меньшимъ признаніемъ, чѣмъ соображенія, представленныя историкомъ левантійской торговли, Гейдомъ. Пользуясь богатымъ матеріаломъ политическихъ

1) См. Marin. Storia dell Comercio Venetiano.
2) Commentarii della Crimea.

и торговыхъ договоровъ, заключенныхъ венеціанцами съ византійскими императорами, а также путешествіями Рубруквиса и Марко-Поло, Гейдъ подвергаетъ сомнѣнію значительность торговаго обмѣна венеціанцевъ на Черномъ, а слѣдовательно, и на Азовскомъ морѣ, даже въ моментъ основанія Латинской имперіи въ Константинополѣ. Фактъ существованія Таны, какъ особой итальянской колоніи, во время, посѣщенія береговъ Чернаго моря монахомъ Рубруквисъ, т.-е. въ 1253 году, и даже позднѣе въ моментъ прибытія на берега Дона, или Танаиса, Марко-Поло, кажется ему сомнительнымъ. За генуэзцами Гейдъ отрицаетъ право считать себя дѣятельными агентами черноморской и азовской торговли въ XIII вѣкѣ. Не ранѣе 1313 года заходитъ, по его мнѣнію, рѣчь о Танѣ, какъ о мѣстѣ, въ которое генуэзцы направляютъ свои товары. Что же касается до венеціанцевъ, то ихъ колонія въ Танѣ, думаетъ Гейдъ, возникла позднѣе генуэзской, не раньше договора ихъ съ Кипчакскимъ ханомъ Узбекомъ въ 1332 году. Факты, на которыхъ Гейдъ опираетъ свое мнѣніе, слѣдующіе: хотя въ договорѣ съ императоромъ Алексѣемъ III отъ 1199 года венеціанцы и выговариваютъ себѣ право торговать на протяженіи всѣхъ византійскихъ владѣній, а слѣдовательно, и направлять свои суда въ принадлежащій Константинополю Трапезундъ, но при раздѣлѣ имперіи между греками и венеціанцами въ 1205 году послѣдніе не выговорили въ свою пользу ни одного порта на Черномъ морѣ. Это обстоятельство указываетъ, по мнѣнію Гейда, на то, что торговля венеціанцевъ на этомъ морѣ въ началѣ XIII вѣка еще слабо была развита. Раньше, а именно въ 1170 г. императоръ Мануилъ Комненъ запретилъ генуэзцамъ посѣщать Матрегу и Руссію, такъ какъ ихъ жители были врагами грековъ. Это обстоятельство, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что генуэзцы уже въ XII вѣкѣ дѣлали попытки завязать торговыя сношенія не только съ Чернымъ моремъ, но и съ Азовскимъ. Матрега (или Матрика европейскихъ картъ) извѣстна Константину порфирородному подъ названіемъ Тматархи, а русскимъ лѣтописцамъ — подъ названіемъ Тмутаракани. Она расположена была на островѣ Тамань и описывается еще Эдризи, какъ многолюдное, торговое поселеніе, посѣщаемое купцами отдаленныхъ странъ. Что же касается до Руссіи, то арабскій географъ Макреби указываетъ мѣстоположеніе ея на Азовскомъ морѣ, на большой рѣкѣ, къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ; по словамъ Эдризи, она лежитъ на разстояніи 27 миль отъ Тамани. Такъ какъ географическія карты среднихъ вѣковъ указываютъ на существованіе вблизи Таны у устья Дона особаго Casale de Rossi, то Гейдъ не прочь думать, что такъ называемая Russia, или Rossia, и была расположена при впаденіи Дона въ Азовское море. Во все время продолженія Латинской имперіи въ Константинополѣ генуэзцамъ, какъ торговымъ соперникамъ венеціанцевъ, болѣе или менѣе закрытъ былъ путь, думаетъ Гейдъ, въ Черное море. Вотъ почему, подъ константинопольскими купцами, какихъ Эдризи въ XII вѣкѣ находитъ въ Тамани и въ Судакѣ (Matrega и Soldaja), Гейдъ не считаетъ возможнымъ разумѣть никого иного, какъ венеціанцевъ. Хотя Судакъ между 1233 и 1239 г. и переходитъ въ руки кипчакскихъ татаръ, но это обстоятельство не мѣшаетъ тому, что и монахъ Рубруквисъ въ 1253 г., а также отецъ и дядя Марко-Поло, имѣвшіе въ виду вступить въ торговыя сношенія со дворомъ татарскаго хана Берка, высаживаются

со своими товарами въ Судакѣ, — обстоятельство, указывающее, по мнѣнію Гейда на то, что венеціанской колоніи Таны въ это время еще не существовало [1]). Подтвержденіе этому Гейдъ видитъ въ томъ, что въ путешествіяхъ Марко-Поло и Рубруквиса о ней вовсе не заходитъ рѣчи. Къ тому же у самого Рубруквиса, на стр. 15-й, онъ находитъ и объясненіе этому факту въ заявленіи, что люди запада еще не рѣшались являться на берега Азовскаго моря съ большими судами и довольствовались посылкой на него барокъ изъ Тамани, или Матреги. Эти барки закупали у устьевъ Дона сушеную рыбу. Хотя въ договорѣ венеціанцевъ съ генуэзцами отъ 1238 г. и говорится о посѣщеніи генуэзскими судами mare maior extra Cretam, но въ противность Канале, впервые указавшему на этотъ фактъ, Гейдъ думаетъ, что подъ „mare maior“ слѣдуетъ разумѣть не Черное море, а море Средиземное, лежащее къ югу отъ Крита. Въ этихъ предѣлахъ венеціанцы и генуэзцы и обѣщаютъ оказывать другъ другу, въ случаѣ необходимости, взаимную помощь. Пока продолжалось владычество венеціанцевъ въ Константинополѣ, генуэзцамъ закрытъ былъ доступъ къ Черному морю, но какъ только Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 г. произведенъ былъ извѣстный переворотъ къ невыгодѣ венеціанцевъ, союзники греческаго императора, генуэзцы, не замедлили воспользоваться перемѣной обстоятельствъ, чтобы, захватить въ свои руки торговлю на византійскихъ моряхъ. Не считая себя болѣе безопасными въ этихъ предѣлахъ, венеціанцы удалились съ ихъ береговъ. Самыя большія суда ихъ попали въ руки генуэзцевъ, — ихъ экипажъ выданъ былъ императору, который распорядился съ нимъ весьма жестоко. На этотъ счетъ имѣется прямое указаніе генуэзскаго „Liber jurium“. Заключенный тѣмъ же Михаиломъ Палеологомъ договоръ съ генуэзцами въ Нимфео обезпечилъ имъ свободу торговли на Черномъ морѣ. Она подтверждена была въ новомъ договорѣ 1308 года императоромъ Андроникомъ. Въ связи съ этими фактами упоминаніе въ 1313 году въ генуэзскихъ статутахъ (Statuti officii Gazarie) въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ завѣдованью центральнаго учрежденія для колоній, рядомъ съ Ѳеодосіей, или Каѳой, и Таны, наводитъ на мысль, что въ это время Азовъ уже имѣлъ генуэзское поселеніе; запрещеніе же въ 1316 г. тѣмъ же генуэзцамъ зимовать въ Танѣ или пріобрѣтать въ ней дома для поселенія подтверждаетъ существованіе ранѣе этого года подобной практики. Когда въ 1332 г. кипчакскій ханъ Узбекъ даровалъ венеціанцамъ вмѣстѣ съ землею въ Танѣ и извѣстныя торговыя преимущества, у нихъ явилась потребность отмежеваться отъ генуэзцевъ. Изъ всего этого, думаетъ Гейдъ, можно съ увѣренностью заключить, что генуэзская колонія предшествовала венеціанской и что послѣдняя возникла не ранѣе 1333 года, когда

---

[1]) Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что указанная у Марко-Поло резиденція татарскаго хана Берка-Болгары не можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ теперешнимъ татарскимъ ауломъ Болхары, расположеннымъ на недалекомъ разстояніи отъ Нальчика и посѣщеннымъ мною въ сообществѣ съ профессоромъ Всеволодомъ Миллеромъ, сдѣлавшимъ здѣсь раскопку и открывшимъ въ могильникѣ византійскія бусы, — свидѣтельство старинныхъ торговыхъ сношеній съ Константинополемъ. Болхары считаются самымъ большимъ ауломъ горскихъ татаръ нѣкогда занимавшихъ значительнѣйшую часть сѣвернаго плоскогорія, нынѣ состоящаго во владѣніи кабардинцевъ. О городѣ Болгаръ, расположенномъ у устьевъ Камы и нѣкогда бывшемъ центромъ покоренной хазарами державы, очевидно, не можетъ быть рѣчи въ XIII вѣкѣ. Весь дальнѣйшія путь Рубруквиса лежитъ къ востоку отъ Кавказскаго хребта сѣвернымъ берегомъ Каспія въ Туркестанъ и Бухару.

впервые и назначенъ былъ венеціанскій консулъ въ Тану, а именно Николай Юстиніанъ. Таковъ ходъ мыслей Гейда и таковы ближайшія его основанія признавать позднее развитіе черноморской и азовской торговли итальянцевъ, связанное съ основаніемъ ими двухъ колоній въ Танѣ.

Спросимъ себя въ настоящее время, въ какой мѣрѣ неизданные до сихъ поръ источники позволяютъ принять только что изложенную теорію? Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что когда въ концѣ XIV вѣка, вслѣдъ за погромами Тамерлана, венеціанскій сенатъ задался мыслью о возстановленіи и упроченьи поселенія въ Танѣ, онъ постоянно говорилъ о торговлѣ съ нею, какъ о фактѣ изстаринномъ, въ которомъ, по его выраженію, „наши предки справедливо видѣли главнѣйшую выгоду отъ обмѣна съ Левантомъ". Такъ 11 февраля 1400 г. заносится въ протоколы Consilium rogatorum, или венеціанскаго сената, слѣдующее постановленіе: „такъ какъ необходимо принять мѣры къ тому, чтобы держать на высотѣ морскую торговлю съ Романіей (т.-е. Византійской имперіей) mare Majus и Таной, которую наши предки (nostri progenitores) признавали самымъ полезнымъ изъ всѣхъ морскихъ предпріятій, то принимаются слѣдующія мѣры"[1]). Однохарактерная мотивировка дана подобнымъ же мѣропріятіямъ и въ ближайшемъ году, 28 января. Я нарочно оставилъ безъ перевода выраженіе mare majus, такъ какъ въ приведенномъ текстѣ еще не видно, что именно разумѣли подъ нимъ венеціанцы. Болѣе опредѣленно выступаетъ значеніе его, какъ Чернаго моря, изъ такихъ одновременныхъ актовъ, какъ, напримѣръ, принятое въ томъ же 1400 году (18 марта) рѣшенія, въ силу котораго, отправляемыя въ Тану суда только по входѣ въ mare majus расходятся въ разныя стороны: одно идетъ въ Трапезундъ, а другія два — сперва въ Каѳу, или Ѳеодосію, а затѣмъ — въ Тану. Здѣсь уже ясно видно, что подъ mare majus разумѣется Черное море, и столь же наглядно это выступаетъ изъ требованія, чтобы на обратномъ пути изъ mare majus прежде, чѣмъ войти in bucham, подъ которой, очевидно, разумѣется проливъ Константинопольскій, возвращающіяся изъ Трапезунда и Таны суда собрались въ одно мѣсто. Выборъ его предоставляется обыкновенно не капитану флотиліи, а совѣту, составленному въ Константинополѣ изъ пребывающихъ въ немъ старыхъ консуловъ Таны и Трапезунда, константинопольскаго бальифа и вицебальифа, т.-е. то же, что консула и вицеконсула венеціанской колоніи въ Византіи. Изъ этихъ данныхъ, очевидно, нельзя не вывести того заключенія, и что договоръ венеціанцевъ съ генуэзцами, отъ 1238 г. выговаривающій взаимную помощь другъ другу въ этихъ предѣлахъ, имѣетъ въ виду ту помощь, какую генуэзцы, уже положившіе въ это время основы своей колоніи въ Ѳеодосіи, или Каѳѣ, могли доставить венеціанскимъ торговцамъ Константинополя, упоминаемымъ арабскими писателями, въ томъ числѣ Эдризи, въ числѣ торговцевъ въ Судакѣ — въ Крыму. Языкъ венеціанскихъ актовъ XV ст. не оставляетъ въ то же время ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, если Черное море извѣстно было подъ названіемъ mare majus, то Средиземному такъ же часто приписывалось названіе mare major[2]). А если такъ, то Гейдъ правъ, отри-

---

[1]) Senato Misti, т. 43, fol. 53.

[2]) Такъ, въ протоколахъ сената отъ 1403 г., говорящихъ объ отправкѣ судовъ въ предѣлы Византійской имперіи, употребляется выраженіе: coche iture ad partes Constantinopolis et maris Maioris". Senato

цая за приводимымъ Канале договоромъ венеціанцевъ съ генуэзцами характеръ неоспоримаго доказательства тому, что въ XIII вѣкѣ обычной была встрѣча ихъ судовъ въ предѣлахъ Чернаго моря. Съ другой стороны, признаваемое самимъ Гейдомъ существованіе уже въ это время генуэзской Каѳы и тотъ фактъ, что отъ 1290 г. дошелъ до насъ отрывокъ изъ древнѣйшаго статута этой колоніи, наконецъ, то обстоятельство, что въ срединѣ XIII вѣка и Рубруквисъ и отецъ Марко-Поло уже имѣли сношенія съ татарскими ханами и высаживались со своими товарами въ Судакѣ, все это вмѣстѣ взятое, позволяетъ считать далеко не невозможной такую встрѣчу судовъ обѣихъ республикъ еще въ XII-мъ вѣкѣ. Эти послѣднія соображенія, какъ мнѣ кажется, подкрѣпляются данными, уцѣлѣвшими въ венеціанскомъ архивѣ, къ сожалѣнію, лишь въ формѣ указателя къ затеряннымъ или истребленнымъ пожаромъ протоколамъ сената. Въ этомъ указателѣ довольно подробно излагается рядъ мѣръ, доказывающихъ, во-первыхъ, вопреки утвержденію Гейда, существованіе особаго консула Таны за семь лѣтъ до заключенія торговаго договора съ Узбекомъ, а именно — въ 1325 г., во-вторыхъ, наличность постояннаго, торговаго обмѣна между Пантикопеей, т.-е. Керчью (въ актахъ XIV вѣка она извѣстна подъ именемъ Ponticopera) и Таною, или Азовомъ, наконецъ, въ-третьихъ, господство уже въ 1322 г. въ Венеціи практики, удержавшейся въ теченіе всего XIV и XV вѣковъ, практики снаряжать двѣ галеры, или два вооруженныхъ судна, для торговли на Черномъ морѣ, изъ которыхъ одно, по крайней мѣрѣ, направляемо было въ Тану. Выборъ судовъ, повидимому, уже въ это время происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ имѣется мостъ Ріальто, объявлялось во всеобщее свѣдѣніе торговцевъ, весьма многочисленныхъ въ этомъ кварталѣ, что они должны поставить свои суда властямъ для отправки ихъ въ предѣлы Византійской Имперіи, Чернаго моря и Таны. Затѣмъ изъ этихъ судовъ капитану, назначенному для предводительства морской торговой экспедиціей, предоставлялось выбрать три бросаніемъ костей, практика замѣненная впослѣдствіи, т.-е. въ концѣ XIV столѣтія, прямымъ обозначеніемъ означенныхъ судовъ въ стѣнахъ сената. Издержки по снаряженію флотиліи и по посылкѣ особаго агента, для переговоровъ съ владѣвшимъ Азовомъ татарскимъ ханомъ, падаютъ на торгующихъ въ Танѣ венеціанцевъ, которые, очевидно, призваны покрыть ихъ доходомъ отъ таможенныхъ сборовъ. Такъ какъ необходимыя суммы не могутъ быть получены сразу, то авансъ дѣлается камерой, завѣдующей хлѣбной торговлей въ Венеціи. Акты первой четверти XIV вѣка не оставляютъ насъ въ неизвѣстности ни касательно товаровъ, доставляемыхъ на обратномъ пути судами, отправляющимися въ Константинополь, Черное и Азовское моря, вплоть до устьевъ Дона, ни о болѣе широкой свободѣ выбора ихъ, разъ рѣчь шла о посылкахъ изъ Таны, ни о числѣ плаваній, производимыхъ въ годъ судами между Венеціей и Таной и обратно. Морское путешествіе впередъ и назадъ въ этихъ

Misti m. 46, f° 73 и 76. Размѣръ платы за провозъ (nabulum) различенъ, смотря по тому, идетъ ли товаръ изъ Таны, или mare Major. Senato Misti m. 56, f° 118. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣется, очевидно, море Средиземное. Когда же протоколы сената имѣютъ въ виду Черное море, они говорятъ о немъ, какъ о mare Majus. Такъ въ приказѣ собраться въ одномъ мѣстѣ на обратномъ пути изъ Таны до входа въ bucham т.-е. въ Константинопольскій заливъ значится, что это мѣсто должно быть гдѣ-нибудь in mare majus.

границахъ передается въ актахъ терминомъ „mudua". Когда по тѣмъ или другимъ соображеніямъ сенатъ считалъ невозможнымъ отправить галеру въ Тану, онъ объявлялъ, что, пока не вернутся изъ обратнаго плаванія суда въ Венецію въ мартѣ или, наоборотъ, въ сентябрѣ, въ Тану не будетъ отправлено ни одной новой галеры. Суда, долженствовавшія окончить свой обратный путь въ мартѣ, не могли привозить изъ Леванта другихъ товаровъ, кромѣ алюминія, розоваго масла и воска. Тѣ же, которыя возвращались въ сентябрѣ, не принимали иного груза, кромѣ шелковыхъ тканей, хлѣба и другихъ тяжелыхъ товаровъ. Но торговцы Таны освобождены были отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Если ея жителямъ, какъ и другимъ венеціанцамъ, пребывающимъ на востокѣ, запрещено было получать изъ метрополіи драгоцѣнные металлы, золото и серебро, то за то имъ позволялось отпускать при отплытіи галеръ и судовъ съ береговъ Азовскаго моря всякій товаръ, какъ легкій, такъ и тяжелый. Изъ тѣхъ же актовъ мы узнаемъ, что уже въ 1331 г. выборъ совѣтниковъ при консулѣ въ Танѣ перешелъ въ руки поселившихся въ ней венеціанскихъ купцовъ. Консулу одновременно дано было мѣсячное вознагражденіе въ 50 большихъ солидовъ, или такъ называемыхъ „solidi grossorum". Ему приходилось на свой счетъ содержать трехъ служителей и двухъ коней[1]).

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какія причины содѣйствовали, если не первоначальному возникновенію, то быстрому росту венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ, именно въ первой четверти XIV столѣтія, то намъ необходимо будетъ считаться со всѣми тѣми фактами, которые одновременно дѣлали невозможными непосредственныя торговыя сношенія запада съ востокомъ въ портахъ Сиріи и Египта. Эти причины лежатъ прежде всего въ занятіи мусульманами передней Азіи и сѣверной Африки, въ упраздненіи ими Іерусалимскаго королевства и переходѣ во власть калифовъ тѣхъ самыхъ портовъ, въ которыхъ, какъ въ Яффѣ, въ теченіе столѣтій венеціанцы имѣли своихъ консуловъ и держали свои факторіи. Проповѣдь римской куріи противъ всякого прямого обмѣна съ невѣрными — обстоятельство, уже отмѣченное Гейдомъ, — могла временно помѣшать посылкѣ торговыхъ судовъ въ Александрію и Бейрутъ, а слѣдовательно, и косвенно содѣйствовать успѣху Таны, но въ XV вѣкѣ, обмѣнъ съ Египтомъ, вопреки всѣмъ запретамъ, оживаетъ снова, быть можетъ, въ связи съ потерей Таны. Весьма важное значеніе для развитія венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ въ началѣ XIV вѣка играло то обстоятельство, что, съ паденіемъ Латинской имперіи въ Константинополѣ, генуэзцамъ, какъ мы видѣли, было обезпечено первенствующее мѣсто въ морской торговлѣ Византіи, а, слѣдовательно, на Средиземномъ морѣ. Венеціанцамъ пришлось искать для себя другихъ морей и причаливать со своими кораблями къ Трапезунду. Этимъ объясняется, почему въ этомъ городѣ одновременно, или, быть можетъ, нѣсколькими годами ранѣе возникновенія консулата въ Танѣ, создано было венеціанцами особое баюльство, то же что консульство. О немъ, какъ о существующемъ учрежденіи, говорится въ указателѣ къ недошедшему до насъ V тому Senato Misti, т.-е. въ двад-

[1]) См. J. misti del Senato. (1293 — 1331 г.) Trascrizione del'indice dei primi volumi perduti, стр. 15, 21, 80, 82, 83, 86, 89, 106, 107, 240, 241 и 305.

цатыхъ годахъ XIV столѣтія[1]). На пути между Константинополемъ и Трапезундомъ венеціаны не находили другого мѣста для временной стоянки, кромѣ генуэзскихъ портовъ: Каѳы, или Ѳеодосіи, и Керчи. Но въ этихъ гаваняхъ венеціанцамъ не всегда было безопасно производить выгрузку товаровъ въ виду враждебныхъ отношеній ихъ съ генуэзцами; даже при возстановленіи мирнаго оборота, венеціанцамъ приходилось нести въ этихъ чужихъ портахъ высокія торговыя пошлины, причина, по которой и въ позднѣйшее время судамъ, отправлявшимся изъ Венеціи въ Черное море, ставилось на видъ не задерживаться въ этихъ стоянкахъ дольше положеннаго числа дней, не производить разгрузки и не соглашаться на платежъ чрезвычайныхъ сборовъ, требуемыхъ отъ нихъ мѣстными властями. При такихъ условіяхъ понятно, какое значеніе могло имѣть пріобрѣтеніе не только хорошаго убѣжища для своихъ судовъ на Азовскомъ морѣ, но и возможности изъ этого порта, расположеннаго на близкомъ разстояніи отъ устьевъ Дона, посылать свои товары вверхъ по его теченію приблизительно до теперешняго Калача, а оттуда короткимъ сухимъ путемъ опять-таки приблизительно до Царицына, съ тѣмъ, чтобы сплавить грузы въ Астрахань или, вѣрнѣе, въ расположенный въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ Сарай, столицу Золотой Орды. Въ сборникѣ раннихъ путешествій, изданномъ Рамузіемъ въ началѣ XVI вѣка, можно найти подробныя данныя о значеніи, какое этотъ путь имѣлъ столѣтіями раньше для торговаго обмѣна Азіи съ Европой. Къ Каспію рѣчными и караванными путями вверхъ по Персидскому заливу, Эфрату и Тигру, или внизъ по Оксусу, вливавшемуся нѣкогда, какъ извѣстно, въ Каспійское море, направлялись еще въ древности товары, не только Персіи, но и Индіи. Въ XIV вѣкѣ караванный путь шелъ приблизительно изъ Астрахани сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря и далѣе на сѣверо-востокъ по теченію рѣкъ Оссо и Или, другими словами — черезъ Туркестанъ и Джунгарію вплоть до Китая. Онъ описанъ у цитируемаго Гейдомъ итальянскаго купца-странника Пегаллоти. Каспійское море, на которомъ столѣтія спустя Стенька Разинъ нашелъ такую богатую наживу для своихъ пиратскихъ набѣговъ, еще въ XIV вѣкѣ настолько привлекало къ себѣ корсаровъ возможностью поживиться сокровищами Индіи, Персіи и Китая, что Лукино Тариго, бывшій прежде начальникомъ надъ стрѣльцами въ Генуѣ, не прочь былъ отправиться на него изъ Каѳы, или Ѳеодосіи, въ роли морского разбойника[2]).

Но если Тана, какъ мѣсто, въ которомъ восточные торговые пути сходились съ западными, являлась естественной приманкой для венеціанцевъ, то доступъ къ ней съ момента распространенія татарскаго владычества на югѣ Россіи былъ закрытъ принадлежностью ея кипчакскимъ ханамъ. Вотъ почему всѣмъ тѣмъ, кто желалъ получить доступъ къ Азовскому морю, приходилось вступать въ предварительные договоры и соглашенія съ этими ханами и отъ нихъ получать разрѣшеніе на устройство постоянныхъ факторій, открытіе консульствъ, выгрузку и продажу товаровъ мѣстнымъ жителямъ, все это подъ условіемъ извѣстныхъ платежей въ пользу ханской казны, размѣръ которыхъ опредѣляемъ былъ самыми этими соглашеніями. Необходимость найти

[1]) См. index къ первымъ 14 томамъ, томъ V. f° 160.
[2]) См. Гейдъ: „Исторія Левантійской торговли" т. II, Итальянскаго перевода, стр. 17.

такой, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ рынокъ для сбыта собственныхъ или шедшихъ черезъ Венецію западныхъ товаровъ и закупки восточныхъ стала, разумѣется, еще болѣе ощутительной послѣ того, какъ въ союзѣ съ генуэзцами Михаилу Комнену удалось возстановить владычество однихъ грековъ въ Константинополѣ. Съ этого времени, какъ я уже сказалъ, торговля въ принадлежащихъ Византіи портахъ стала переходить почти всецѣло въ руки генуэзцевъ. Но отъ тѣхъ же генуэзцевъ отошла подъ владычество хановъ кипчакскихъ во второй половинѣ XIII столѣтія, важнѣйшая изъ ихъ колоній на Азовскомъ морѣ — Судакъ, или Soldaja (между 1333 и 1339 гг.). Благодаря этому обстоятельству, генуэзцамъ пришлось для закупки соленой рыбы, на рынкѣ татарскаго Азака, посылать какъ мы видѣли, большія ладьи изъ Пантикапеи въ Тану. Оба соперника одинаково заинтересованы были поэтому въ полученіи извѣстныхъ торговыхъ привилегій отъ хановъ, владѣльцевъ Азака. Когда въ 1332 г. венеціанцамъ удалось, заключить договоръ съ Узбекомъ, текстъ его, или, точнѣе, въ тестъ подтвердительной грамоты, выданной ханами между 1342 и 1347 г., включено было, что сданный венеціанцамъ земельный участокъ граничитъ съ тѣмъ и долженъ быть отдѣленъ отъ того, какой занятъ генуэзцами. Значитъ ли это, что генуэзцы упрочились въ Азовѣ ранѣе венеціанцевъ? Не думаю; такъ какъ самая близость ихъ къ Византіи мѣшала соглашенію ихъ съ ея врагами, какими нерѣдко являлись татарскіе ханы. Вотъ почему не далѣе какъ въ 1316 г. властями Генуи еще запрещалось ея подданнымъ перезимовывать въ Танѣ или пріобрѣтать въ ней дома для поселенія,— обстоятельство, которымъ легко могли воспользоваться венеціанцы для оживленія своихъ торговыхъ сношеній съ Таной и заключенія торговаго договора съ ея правителемъ. Посылка двухъ галеръ въ Тану въ 1322 г. отстоитъ всего на пять лѣтъ отъ момента временнаго прекращенія торговаго обмѣна генуэзцевъ съ этимъ городомъ, а на разстояніи десяти лѣтъ уже слѣдуетъ выдача ханомъ Узбекомъ Николаю Юстиніану, посланному къ нему агенту республики св. Марка и консулу Таны, особаго диплома, выговарившаго венеціанцамъ рядъ преимуществъ[1]). Съ этого времени собственно и начинается исторія венеціанской колоніи въ древнемъ Азовѣ, а также и параллельное развитіе генуэзскаго торговаго поселенія въ этомъ городѣ. Эта исторія должна быть написана сызнова и цѣликомъ на основаніи актовъ, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ Венеціи и Генуи[2]). Такова и будетъ ближайшая задача нашей монографіи, для которой все вышесказанное должно служить не болѣе, какъ вступленіемъ.

§ 2.

Текстъ договоровъ, заключенныхъ съ ханами, владѣльцами Азака, или Азова, передается намъ рукописнымъ сборникомъ, уцѣлѣвшимъ въ архивѣ и извѣстнымъ подъ названіемъ „бѣлой книги" (Liber albus). Самымъ раннимъ изъ этихъ источниковъ

[1]) Тафель опредѣлилъ годъ выдачи этого диплома; онъ падаетъ на 1332 годъ нашей эры. Татары пользовались при лѣтосчисленіи особымъ 12-годовымъ цикломъ, въ которомъ годъ обезьяны, указанный въ дипломѣ, приходится именно на 1332 годъ.

[2]) Другой экземпляръ того же сборника хранится въ библіотекѣ св. Марка; оба послужили главнымъ матеріаломъ для изданія Тафелемъ и Томасомъ древнѣйшихъ трактатовъ и договоровъ республики св. Марка.

является договоръ съ ханомъ Узбекомъ. Читая его, выносишь, однако, впечатлѣніе, что первыя соглашенія съ ханами, повѣдшія къ установленію „извѣстныхъ обычаевъ, которые рекомендуется сохранить“, состоялись значительно ранѣе; является предположеніе о возможности возвести ихъ къ эпохѣ путешествій Рубруквиса и Марко-Поло и ихъ переговоровъ съ ханомъ Беркою.

Текстъ договора, заключеннаго съ Узбекомъ, какъ мы уже сказали, въ 1331 г., воспроизводится затѣмъ цѣликомъ въ трактатѣ венеціанцевъ съ Занибекомъ, изложенномъ какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на венеціанскомъ нарѣчіи въ 1347 г. Но въ него вносятся и нѣкоторыя дополнительныя нормы, которыя выдаются за принятыя съ самаго начала при первыхъ переговорахъ хановъ съ венеціанцами, но которыхъ мы отнюдь не находимъ въ текстѣ трактата съ Узбекомъ. Изъ нихъ мы узнаемъ и о мѣстѣ, отведенномъ въ Азакѣ для устройства венеціанскаго двора, и о взиманіи съ его товаровъ нѣкоторыхъ поборовъ, однохарактерныхъ съ тѣми, которые платятъ генуэзцы. Вообще о генуэзцахъ рѣчь заходитъ только въ этомъ позднѣйшемъ по времени документѣ, такъ что напрашивается мысль, не произошло ли сближеніе послѣднихъ съ татарами одновременно и, быть можетъ, въ причинной связи съ тѣмъ временнымъ перерывомъ сношеній венеціанцевъ съ владѣльцами Азака, который послѣдовалъ, какъ мы увидимъ вскорѣ, въ правленіе Занибека и потребовалъ отъ венеціанцевъ посылки къ нему особаго посольства для заключенія договора 1347 г., значительно измѣнившаго прежній. Если наша догадка вѣрна, то ходъ событій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Торговыя сношенія съ татарскими ханами, завязавшіяся еще въ 60-хъ годахъ XIII столѣтія вслѣдъ за путешествіями Рубруквиса и Марко-Поло, становятся болѣе оживленными съ момента паденія Латинской имперіи и вытѣсненія генуэзцами венеціанцевъ изъ области черноморской торговли. Встрѣчая препятствіе къ выгрузкѣ своихъ товаровъ въ генуэзскихъ портахъ, венеціанцы добиваются и получаютъ отъ хановъ право торговать ими въ ихъ земляхъ, начиная съ устьевъ Танаиса, или Дона. Это обстоятельство заставляетъ венеціанцевъ озаботится посылкой одной или двухъ галеръ, т.-е. вооруженныхъ судовъ изъ числа участвующихъ въ ежегодныхъ, а иногда и дважды въ годъ повторяемыхъ плаваній по направленію къ Константинополю, и mare Major, или Средиземному морю. Тогда какъ одно изъ такихъ судовъ, по вступленіи въ Черное море (mare Majus) направляется къ Трапезунду, другое идетъ въ Тану съ временной остановкой въ Ѳеодосіи, или Каѳѣ, или и безъ такой остановки, смотря по характеру отношеній венеціанцевъ и генуэзцевъ, — мирному или враждебному. Венеціанцы еще не встрѣчаютъ въ Азовѣ торговыхъ соперниковъ въ лицѣ генуэзцевъ, такъ какъ послѣднимъ, какъ союзникамъ греческаго императора, запрещено было не далѣе какъ въ 1316 г. производить выгрузку своихъ товаровъ въ Танѣ и пріобрѣтать дома въ ней для поселенія. При этомъ основаніемъ приводилась враждебность татаръ къ византійскому императору. Это не значитъ, чтобы генуэзцы отказывались отъ всякаго торговаго обмѣна съ Азовомъ: они посылаютъ изъ Керчи—Пантикапеи (Ponticapera) свои барки для закупки соленой рыбы, въ изобиліи продаваемой у устьевъ Дона. Когда ихъ суда заходятъ въ Тану, вене-

ціанцы, уже упрочившіеся въ ней, допускаютъ ихъ къ выгрузкѣ своихъ товаровъ не иначе, однако, какъ обложивши ихъ платежомъ въ свою пользу.

Ничто больше этого факта не говоритъ о томъ, что венеціанцы пока единственные хозяева всяческаго обмѣна съ татарами. Немудрено поэтому, если ихъ колонія получаетъ уже прочное административное устройство, однимъ дальнѣйшимъ развитіемъ котораго занимаются постановленія венеціанскаго сената въ 1333 году, вслѣдъ за заключеніемъ договора съ Узбекомъ. Венеціанскій консулъ въ Танѣ — должность еще не извѣстная въ началѣ XIII вѣка въ эпоху составленія того рукописнаго сборника, который дошелъ до насъ подъ наименованіямъ: „Liber officiorum Comunis Veneciarum“ [1]) т.-е. устава отдѣльныхъ сановниковъ республики, такъ какъ въ этомъ сборникѣ, упоминающемъ о консулахъ въ Сиріи, Синопѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и островахъ Архипелага, ни словомъ не говорится о такихъ же чиновникахъ въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, — уже выступаетъ на правахъ высшаго администратора колоніи въ Танѣ въ 1322 г. почти одновременно, или, точнѣе, годъ или два спустя послѣ первыхъ упоминаній о такомъ же сановникѣ въ Трапезундѣ [2]). Ко времени основанія консульства въ Танѣ должны были уже сложиться тѣ обычаи, которые регулировали собою торговлю венеціанскихъ купцовъ съ подданными Узбека. Въ протоколахъ сената отъ 1332 г. мы находимъ нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до снаряженія посольства къ нему. Говорится о жалованіи въ 50 „libri“, оно должно быть уплачено послу, по его прибытіи въ Тану. Въ счетъ этихъ 50 libri онъ можетъ получить теперь же 30, если же этихъ денегъ окажется недостаточнымъ, то надлежитъ созвать особый совѣтъ купцовъ, входящихъ или могущихъ быть членами Большого совѣта республики. Въ ихъ присутствіи, что значитъ: отобравъ предварительно ихъ мнѣнія, это высшее законодательное учрежденіе должно рѣшить большинствомъ голосовъ, сколько денегъ можетъ быть ассигновано, сверхъ упомянутой суммы, на издержки посольства. Постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, принято было 19 марта, а 9 іюля того же года изготовлены были и письменныя инструкціи касательно снаряженія двухъ галеръ, съ которыми посолъ долженъ былъ отплыть въ Тану. Этотъ документъ интересенъ потому, что, опредѣляя размѣръ платы, взимаемой за провозъ товаровъ изъ Константинополя въ Тану, онъ въ то же время перечисляетъ важнѣйшіе виды ихъ. Оказывается, что всѣ они принадлежатъ къ числу металловъ или красокъ, таковы: stagno — сѣроватый металлъ, болѣе крѣпкій, но менѣе тяжелый, чѣмъ свинецъ, значится въ итальянскомъ лексиконѣ Петроки, rame, или мѣдь, наконецъ cinabro, родъ красной глины, употребляемой при мазкѣ домовъ и внутреннихъ помѣщеній. По всей вѣроятности, эти матеріалы, обложенные сборомъ въ три солида съ miliarium вѣса, предназначались для постройки домовъ

[1]) Archivio Frari: Commune II.

[2]) О „baiulus Trapesundi“ говорится уже въ V томѣ Senato Misti. Томъ этотъ, какъ и всѣ первые четырнадцать, не дошелъ до насъ. Ихъ содержаніе извѣстно намъ только изъ уцѣлѣвшаго указателя. Періодъ времени, обнимаемый первыми четырнадцатью томами, идетъ отъ 1293 по 1331 годъ. V томъ заключаетъ въ себѣ акты 20-хъ годовъ XIV вѣка. О консулѣ же Таны заходитъ рѣчь впервые въ 1322 году въ VII томѣ тѣхъ же „Senato Misti“.

венеціанцевъ въ Танѣ. Выборъ посла палъ на дворянина Андреа Джено, которому долженъ былъ помогать въ веденіи переговоровъ бывшій въ это время консуломъ въ Танѣ Николай Юстиніанъ. Этотъ послѣдній, отбывши двухгодичный срокъ службы, возвращается въ Венецію съ текстомъ трактата, выданнаго Узбекомъ и переведеннаго съ персидскаго языка, на которомъ онъ былъ написанъ, на латинскій монахомъ польскаго происхожденія, по имени Доминикомъ. Хотя этотъ памятникъ и озаглавленъ въ текстѣ терминомъ договора — „pactus", но по своей формѣ онъ скорѣе долженъ быть названъ указомъ Узбека къ начальникамъ Таны — въ частности къ нѣкоему Machmattoja, а также къ сборщикамъ таможенныхъ пошлинъ и лицамъ, завѣдующимъ публичными вѣсами, наконецъ, ко всѣмъ обывателямъ города. Ханъ предписываетъ взимать впредь три процента съ цѣны поступившихъ въ продажу венеціанскихъ товаровъ, за исключеніемъ драгоцѣнныхъ металловъ, золотыхъ и серебряныхъ пряжекъ (margaritae) и изготовляемыхъ изъ золота филиграновыхъ работъ (aurum filatum), съ которыхъ, значится въ актѣ, издревле не полагалось никакого побора и не должно быть требуемо и впредь. Помимо этихъ платежей въ 3% съ однихъ проданныхъ товаровъ, а не съ поступившихъ только въ продажу, полагается взимать еще корабельный сборъ, какъ съ приходящихъ судовъ, такъ и съ отходящихъ. При этомъ размѣръ суммы не обозначенъ и сдѣлана ссылка на прежній обычай (secundum priorem consuetudinem). При взвѣшиваніи товаровъ должны присутствовать со стороны венеціанцевъ — товарищъ консула, а со стороны татаръ—товарищъ лица, поставленнаго для завѣдыванія торговлей и извѣстнаго въ латинской передачѣ подъ именемъ comerciarius, очевидно, отъ слова comercium — торговля. Въ случаѣ возможныхъ столкновеній между венеціанцами и туземцами консулу дозволено засѣдать въ мѣстномъ судѣ и принимать участіе въ разбирательствѣ дѣлъ и постановкѣ рѣшеній. Добавочная фраза: „и да не захватятъ они одного взамѣнъ другого" (ne capiant unum pro alio), бросаетъ неожиданный свѣтъ на источникъ, какъ ранѣе, такъ и позже повторявшихся столкновеній татаръ съ венеціанцами. Распространяя на всѣхъ торгующихъ съ ними иноземцевъ начало взаимной отвѣтственности и круговой поруки, татары не прочь были вымѣстить на любомъ изъ западныхъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ, недовольство, вызванное дѣяніями того или другого изъ нихъ въ частности. Этой-то практикѣ и желали положить конецъ венеціанцы, настаивая на принципѣ личной отвѣтственности. Разбираемый нами документъ, который самъ ханъ называетъ привиллегіей (privillegium), заключаетъ въ себѣ еще уступку извѣстныхъ земель въ Азакѣ для сооруженія на нихъ частныхъ жилищъ венеціанскихъ купцовъ и ихъ магазиновъ (domos ad faciendum mercationes suas). Снисходя на ходатайство дожа (maior populi Venetorum) и всего венеціанскаго народа (commune), ханъ отводитъ для поселенія венеціанцевъ въ Танѣ участокъ земли за церковью госпиталійцевъ вплоть до береговъ Дона (retro hospital' ecclesiam usque ad littum Tenis fluvio). Тотъ же участокъ обозначенъ болѣе опредѣленно въ договорѣ съ Занибекомъ. Въ немъ территорія, занятая венеціанцами, указана, какъ лежащая между еврейскимъ кварталомъ (Zudecha) и кварталомъ, отведеннымъ генуэзцамъ. Она тянется отъ береговъ Дона, въ частности отъ купальни (balneum) нѣкоего

Бадардина, на границѣ еврейскаго квартала, вверхъ къ горѣ и занимаетъ часть послѣдней, при чемъ дальнѣйшая граница не указана, а значится только, что венеціанцы могутъ занять столько земли, сколько имъ нужно для возведенія ихъ поселка [1]). Много поколѣній спустя, когда послѣ не разъ повторявшихся погромовъ, изъ которыхъ, повидимому, ни одинъ не принялъ бóльшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ, который произведенъ былъ Тамерланомъ, венеціанцы снова озаботились укрѣпленіемъ своего поселка въ Танѣ, имъ пришлось не только возстанавливать стѣны, отдѣляющія ихъ, съ одной стороны, отъ генуэзцевъ, а съ другой—отъ еврейскаго квартала,—стѣны, идущія отъ береговъ Дона въ гору до ея вершины (usque ad sumitatem montis), но и провесть особую стѣну отъ конца той, которая отдѣляла ихъ отъ генуэзцевъ до той, которая служила границей еврейскаго квартала. У подножья горы была воздвигнута крѣпостца, или castrum, которую рѣшено было окружить съ всѣхъ сторонъ рвами [2]). Такъ какъ длина стѣны, идущей подъ прямымъ угломъ отъ еврейскаго квартала къ генуэзскому и пересѣкающей такимъ образомъ отведенную венеціанцамъ площадь, указана приблизительно въ 500 шаговъ, то есть основаніе говорить, что венеціанская слобода тянулась сравнительно узкой полосой отъ береговъ Дона до вершины горы, при чемъ ближайшими ея сосѣдями были, съ одной стороны, слобода генуэзская, а съ другой—еврейская. Венеціанцы не разъ озабочены были расширеніемъ отведенной имъ площади; такъ въ 1374 г., имѣя въ виду, что со стороны генуэзцевъ лежитъ впустѣ нѣкій участокъ земли съ сожженными на немъ постройками (quoddam territorium vacuum et combustum quod est de jurisdictione nostra a parte Januensium), сенатъ распорядился о покупкѣ изъ него столько земли между портомъ и горою, сколько признано будетъ полезнымъ консуломъ Таны и совѣтомъ 12 человѣкъ изъ венеціанскихъ купцовъ этого города. Для покрытія издержекъ такой покупки, консулъ въ правѣ былъ распорядиться деньгами казны, съ тѣмъ чтобы занятая такимъ образомъ у правительства сумма возмѣщена была со временемъ поборомъ съ товаровъ венеціанцевъ, торгующихъ въ Танѣ [3]). Соотвѣтственно этому приказу консулъ распорядился о покупкѣ участка, но прежде, чѣмъ воздвигнуть на немъ крѣпость, какъ это имѣлось въ виду Сенатомъ, онъ довелъ до свѣдѣнія послѣдняго, что генуэзцы, по всей вѣроятности, увидятъ въ этомъ ближайшую причину недовольства венеціанцами, — недовольства, которое можетъ кончиться открытымъ столкновеніемъ [4]). Въ виду этого сенатъ приказалъ вернуть пріобрѣтенные участки продавцамъ и получить обратно отъ нихъ деньги; со стороны же генуэзцевъ воздвигнуть стѣну въ два шага высоты изъ кирпичей (de carpiciis coctis).

---

[1]) Graciam specialem concessimus Terratici positi intra balneum Badardini a Zudecha subtus dirupum versus montem et ipsum montem ad sufficientiam pro ipsorum habitatione construenda ad ipsorum omnimodam voluntatem.

[2]) Senato Misti, T. 54, fol. 3; постановленіе отъ 3 марта 1424 года.

[3]) Senato Misti, T. 34, fol. 102.

[4]) Ibid. томъ 35. Постановленіе 1374 г. 26 апрѣля. Et ipse consul et alii nostri, qui deinde venerunt consulant et dicant, quod si dictum territorium reducetur in fortiliciam secundum formam dicte partis, redundaret potius in sinistrum quam in aliquam utilitatem et quod forte possit nos inducere ad brigam cum Januensibus.

Когда бывшій консулъ Андрей Юстиніанъ вернулся съ договоромъ Узбека въ Венецію, сенатъ счелъ нужнымъ назначить комиссію изъ пяти мудрыхъ и поручить имъ разсмотрѣніе текста состоявшагося соглашенія. Назначенные дожемъ и его совѣтниками, а также двумя главами сорокачленнаго собранія, занимавшагося разбирательствомъ уголовныхъ дѣлъ и извѣстнаго подъ названіемъ quarantia, эти „мудрые" призваны были къ подачѣ мнѣній касательно ближайшихъ мѣръ для поощренія торговыхъ интересовъ венеціанцевъ въ Танѣ. Имъ данъ былъ двухмѣсячный срокъ вплоть до праздника святого Михаила въ ноябрѣ для составленія своихъ предложеній; послѣднія должны были поступить на окончательное рѣшеніе сената. Въ числѣ „мудрыхъ", выборъ которыхъ состоялся 26 августа, мы встрѣчаемъ членовъ извѣстныхъ аристократическихъ фамилій Венеціи, какъ то: Дельфинъ, Джено и Фальеръ. Не безъ участія „мудрыхъ" послѣдовало рѣшеніе послать новаго консула въ Тану и обратить его въ главнаго венеціанскаго агента на протяженіи всѣхъ земель, подчиненныхъ хану, или, какъ значится въ актѣ, императору татаръ Узбеку. Этотъ консулъ, какъ и всѣ его преемники, выбирается на два года въ Большомъ Совѣтѣ республики изъ числа венеціанскихъ дворянъ. Съ нимъ должны были отправиться въ Тану священникъ, или капланъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности нотаріуса, четыре конныхъ служителя, переводчикъ, или драгоманъ, и два трубача. Содержаніе всей этой свиты, за исключеніемъ драгомана и трубачей, падаетъ на консула, который оплачиваетъ ихъ услуги изъ положеннаго ему жалованья [1]). Историкъ торговыхъ оборотовъ венеціанцевъ, Маринъ, справедливо думаетъ, что въ приведенномъ документѣ нельзя видѣть доказательства возникновенія консульства въ Танѣ всего въ 1333 г. Обмѣнъ съ татарами и поселеніе венеціанцевъ въ Азовѣ начались раньше; консульство существовало, но временно послѣдовалъ перерывъ сношеній, которыя теперь возобновились снова благодаря указу Узбека. Гейдъ, не раздѣляя этого мнѣнія, наоборотъ, признаетъ за только что признаннымъ рѣшеніемъ сената неподобающее ему значеніе начальнаго акта созданія венеціанскаго консульства въ Танѣ. Этого характера, какъ мы видѣли, нельзя признать за нимъ, но въ то же время надо сказать, что только съ 1333 г. установилась практика правильной смѣны консуловъ въ Азовѣ, каждые два года, и ихъ выбора изъ среды дворянъ въ стѣнахъ Большого Совѣта.

Не въ первый разъ особой комиссіи „мудрыхъ", взятыхъ изъ лицъ, лучше всего освѣдомленныхъ въ дѣлахъ морской торговли, пришлось обсуждать мѣры, способныя содѣйствовать успѣхамъ венеціанской колоніи. О выборѣ такихъ же „мудрыхъ" говорится въ недошедшемъ до насъ XIII томѣ Senato Misti, какъ слѣдуетъ изъ его рукописнаго указателя [2]). Ими, по всей вѣроятности, и были вы-

[1]) Вотъ имена ихъ: Іоганесъ Михель, Петрусъ Аурано, Маринусъ Дельфино, Андреасъ Джено, Петрусъ Фальеръ. См. Senato Misti. T. 17, fol. 24 f⁰. Постановленіе сената отъ 26 августа 1333 г.

[2]) Текстъ постановленія о посылкѣ консула въ Тану срокомъ на два года можно найти въ протоколахъ сената отъ 1333 г. Онъ отпечатанъ еще Marin въ его: „Исторія торговли венеціанцевъ", т. IV, стр. 91.

Томъ 13, fol. 39. „Pro viaggio Tanae eligantur sapientes". Въ VIII томѣ тѣхъ же Senato Misti, fol. 31, судя по указателю, изложено было постановленіе сената о посылкѣ галеры въ Тану. „Мудрымъ" предстояло опредѣлить условія этого плаванья.

работаны условія, на которыхъ галерамъ, отправляющимся въ Тану, позволено было производить выгрузку товаровъ въ портахъ Средиземнаго, Чернаго и Азовскаго морей. Этотъ актъ воспроизводится въ протоколахъ сената отъ 23 марта 1333 года, т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до выбора тѣхъ „мудрыхъ", которымъ, какъ только что сказано, поручено было предложить мѣры къ устройству венеціанской торговой колоніи въ Танѣ. Эти мѣры поступили теперь на просмотръ вновь выбранной пятичленной комиссіи и, повидимому, не встрѣтили съ ея стороны никакихъ возраженій. По крайней мѣрѣ въ протоколахъ сената нѣтъ слѣдовъ выработки ими новыхъ правилъ. Въ виду сказаннаго, дошедшій до насъ текстъ отъ 23 марта 1333 г. можетъ быть признанъ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ условіяхъ, въ какихъ производилась посылка товаровъ изъ Венеціи въ Азовъ. Мы остановимся поэтому съ нѣкоторою подробностью на изученіи раскрываемаго имъ порядка. Сенатъ рѣшаетъ, что галеры, отправляющіяся въ Константинополь и Средиземное море (mare Major) должны вплоть до іюня произвесть нагрузку всего грузкаго товара. Только имущества, хранимыя въ ларцахъ (havere capselle), могутъ поступать на суда и позднѣе (очевидно, вмѣстѣ съ отправляющимися въ плаванье владѣльцами ихъ). Галеры обязаны покинуть Венецію не позже 8 іюля. Въ виду того, что прежняго вознагражденія адмиралу, поставленному во главѣ торговыхъ судовъ, отправляющихся въ Левантъ, кажется недостаточнымъ, рѣшено, сверхъ 15 солидовъ въ мѣсяцъ— обычнаго вознагражденія, назначить ему еще добавочное въ 5 libri и 6 solidi. Дальнѣйшее постановленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно указываетъ на перемѣну въ условіяхъ отпуска товаровъ въ Тану. Такъ какъ, значится въ разбираемомъ документѣ, купцамъ, посылающимъ свои товары въ этотъ портъ, неудобно и небезопасно ввѣрять ихъ отъ Константинополя до Азова иностранцамъ (in manibus extraneorum non sine grande pericolo), то капитану галеръ, идущихъ въ Средиземное море и Константинополь, поручается отправить два изъ поставленныхъ подъ его начальство вооруженныхъ судовъ въ Тану съ венеціанскими купцами и товарами; при этомъ выговорено, сколько купцы должны будутъ платить за провозъ отъ Константинополя до Таны. Названіе этому платежу naulum; величина его не одинакова, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о грубомъ товарѣ, или о товарѣ, хранимомъ въ ларцахъ (capselle). Съ перваго взимается два большихъ солида съ тюка (balla) вѣсомъ въ миліаріумъ, съ мелкаго же товара полпроцента съ объявленной цѣны. Размѣръ платы за провозъ, очевидно, пониженъ на треть. Въ самомъ дѣлѣ отъ 1332 года дошло до насъ извѣстіе, что съ грузовъ, отправляемыхъ въ Тану, постановлено въ сенатѣ взимать три солида крупныхъ динаріевъ отъ миліаріума вѣса на разстояніи между Константинополемъ и Азовомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ соглашенія, состоявшагося между венеціанцами и татарскимъ ханомъ является, какъ видно изъ только что приведенныхъ фактовъ, не созданіе консульства въ Танѣ, такъ какъ оно существовало ранѣе, а разрывъ съ прежней практикой посылать товары изъ Венеціи не прямо въ Азовъ, а съ перегрузкой въ Константинополѣ на греческія суда. Опытъ прямой доставки сдѣланъ былъ еще въ 1332 г., когда отправ-

лены были въ Тану металлическіе товары и красильныя вещества [1]). Теперь та же мѣра распространена на всѣ товары, идущіе изъ Венеціи въ Тану. Галерамъ, отдѣляемымъ адмираломъ отъ средиземноморской флотиліи для посылки въ Азовъ, позволяется остаться въ немъ не болѣе пяти дней, не считая дня прибытія и дня отъѣзда. За эти пять дней должна произойти выгрузка предназначенныхъ для Таны товаровъ. Еслибы въ Константинополѣ до слуха адмирала дошло, что плаванье по Азовскому и Черному морямъ можетъ быть не безопасно для галеръ, то отъ его выбора зависитъ, или увеличить число ихъ еще на одну, такъ чтобы посылаемая въ Тану флотилія заключала три вооруженныхъ судна, или совершенно отложить ихъ посылку. Какія изъ ввѣренныхъ адмиралу судовъ должны итти въ Тану, рѣшается или соглашеніемъ между хозяевами судовъ, или, при невозможности достигнуть его, жребіемъ (per texeras). Взвѣшиванье товаровъ, отправляемыхъ въ Тану, производится въ самой Венеціи, что даетъ возможность опредѣлить и размѣръ платы за провозъ, или naulum. Но если въ Константинополѣ къ прежнимъ товарамъ прибавятся новые, ихъ взвѣшиваніе происходитъ тутъ же. Платежъ „naulum" производится при выгрузкѣ. Въ отличіе отъ грубаго товара, съ котораго взимается два солида съ миліарія, шелкà изъ Константинополя обложены трехпроцентнымъ сборомъ съ ихъ цѣны,—всѣ же вообще товары, идущіе изъ Таны, разъ они не принадлежатъ къ числу грубыхъ, въ томъ числѣ шелковыя издѣлія (seta laborata), платятъ столько же, какъ если бы они шли изъ Трапезунда. Съ товаровъ, выгружаемыхъ въ Танѣ, уплачивается пошлина въ пользу республики св. Марка (datium comunis). Этотъ платежъ производится мѣстной монетой, такъ называемыми „asprі" и „summus". Тѣми же деньгами происходитъ расчетъ и за провозъ. Но, чтобы сдѣлать возможнымъ окончательную ликвидацію въ Венеціи, въ разбираемомъ нами источникѣ дѣлается переводъ мѣстной монеты на венеціанскія libri, при этомъ приняты во вниманіе и колебанія вексельнаго курса. Мы узнаемъ, что 150 asprі образуютъ изъ себя одинъ „summus" и что послѣдній равняется то одинадцати, то двѣнадцати венеціанскимъ libri, составленнымъ изъ большихъ серебряныхъ солидовъ. Таково содержаніе древнѣйшаго документа, опредѣлившаго условія доставки венеціанскихъ товаровъ непосредственно въ Тану, и восточныхъ товаровъ, въ томъ числѣ выдѣланныхъ шелковъ, съ береговъ Азовскаго моря въ республику св. Марка. Позднѣйшіе источники проливаютъ нѣкоторый добавочный свѣтъ на характеръ торговаго обмѣна между владычицей Адріатики и главнымъ портомъ Азовскаго моря. Они говорятъ намъ о нагрузкѣ судовъ, шедшихъ изъ Таны, не только кожами и воскомъ, но и пшеницею (frumentum) и гречихой (granum) [2]) для провіантированія венеціанскихъ крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ, въ томъ числѣ Мотона, и рядомъ съ ними самого Константинополя (Пэры) и Венеціи, объ отпускѣ изъ Таны прибывшихъ изъ Индіи и Персіи пряностей, шелковъ, драгоцѣнныхъ

---

[1]) Quod pro quolibet milliario quod ibit cum galeis nostris ituris ad partes Tanae solvi debeant solidi III grossorum a Constantinopoli usque ad Tanam, videlicet de rame, stagno, cenabrio et aliis similibus.

[2]) Гречиха доселѣ извѣстна въ Италіи подъ названіемъ grano turco.

камней [1]), овечьихъ шкуръ и икры. [2]). Въ спискѣ платежей, поступающихъ съ нагружаемыхъ въ Танѣ товаровъ, упоминаются: воскъ cera, кожи coria, пшеница frumentum pro conducendo Constantinopolim, Mothonum vel Venecias, гречиха granum, schinalia, что въ словарѣ Дюканжа переводится spinae dorsi или буквально спины, а въ переносномъ значеніи — шкурки барашковъ [3]).

Весьма важную статью торговли всѣхъ итальянскихъ колоній на Черномъ морѣ, въ томъ числѣ Таны, составляли рабы. Каѳа, или Ѳеодосія, была въ средніе вѣка однимъ изъ главныхъ поставщиковъ этого товара. Гейдъ приводитъ свидѣтельство византійскаго писателя Лаоника Халкондилоса о продажѣ татарами генуэзскимъ и венеціанскимъ купцамъ кавказскихъ уроженцевъ, захваченныхъ ими во время набѣговъ. Съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей поступали также и рабы-татары, о которыхъ говорится въ актахъ генуэзскихъ нотаріусовъ XIV вѣка, отпечатанныхъ Чибраріо (см. Operette varie, стр. 303—306). Не мало христіанскихъ рабовъ отправляемо было изъ Каѳы въ Египетъ, гдѣ изъ нихъ образовывали извѣстные полки мамелюковъ. Въ XV в. одинъ генуэзецъ, по имени Джентиле Имперіани, въ 1432 г. даже открыто выступилъ въ роли агента по пріобрѣтенію для египетскаго Солдана рабовъ въ Каѳѣ. Рядомъ съ Ѳеодосіей, другія генуэзскія колоніи открыто предавались торгу рабами. Такъ, на кавказскомъ берегу въ генуэзскомъ Севастополѣ торгъ рабами еще въ первой половинѣ XIV вѣка принялъ настолько широкіе размѣры, что въ дошедшемъ до насъ письмѣ нѣкоего епископа Петра встрѣчаются сѣтованія о невозможности остановить его проповѣдью [4]). Отсюда шли по всей вѣроятности тѣ черкесы и абхазцы, о которыхъ, какъ о невольникахъ и невольницахъ, упоминается въ актахъ XV столѣтія, частью отпечатанныхъ Ладзари [5]), частью селѣ неизданныхъ и хранящихся въ присоединенномъ къ архиву Фрари собраніи старинныхъ нотаріальныхъ актовъ Венеціи. Гейдъ указываетъ еще на мѣстечко Копа извѣстное впослѣдствіи подъ названіемъ Копилъ и расположенное на сѣверномъ руслѣ Кубани, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ человѣческаго товара [6]). Но между всѣми этими рынками одна только Тана могла съ удобствомъ оспаривать первенство у Ѳеодосіи въ отпускѣ невольниковъ. Во многихъ актахъ XV вѣка происхожденіе рабовъ изъ Таны косвенно указывается оцѣнкой ихъ на ходячую въ этомъ городѣ византійскую монету [7]). Рабы, поступавшіе изъ Таны, принадлежали къ самымъ различнымъ національностямъ, представители которыхъ одинаково могли быть встрѣчены на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Рядомъ съ татарами и татарками, въ нотаріальныхъ актахъ Венеціи

---

[1]) Senato Misti, T. 43, fol. 132, 133. De mercationibus que carricabantur in partibus Tane etc.

[2]) Butta sepi sive morone (Senato Misti, T. 43, fol. 132, 133).

[3]) Въ текстѣ договора заключеннаго венеціанцами съ татарскихъ ханомъ Занибекомъ, упоминается о закупкѣ венеціанцами въ Танѣ coria cruda (Liber albus, fol. 249 v⁰).

[4]) Гейдъ, т. II, стр. 60.

[5]) Vincenzo Lazari. „Del traffico degli schiavi in Venezia. Miscellanea di Storia patria". Torino. 1862 г., томъ I, стр. 470—491.

[6]) Héyd. итальян. переводъ, т. II, стр. 59.

[7]) Такъ, въ одномъ актѣ отъ 1415 г. о русской рабыни Ульянѣ, лишенной праваго глаза, говорится какъ о проданной за 290 византійскихъ монетъ изъ Таны (bisanti di danari della Tana). Atti Man-Donato Cancel. Inferiore. B. 121.

начала и середины XV в. говорится о черкесахъ и черкешенкахъ, объ абхазцахъ и абхазкахъ, о болгарахъ и болгаркахъ, о боснякахъ и боснячкахъ, грекахъ и гречанкахъ, наконецъ, о русскихъ обоего пола. Послѣдніе весьма многочисленны и, очевидно, принадлежатъ къ числу захваченныхъ татарами плѣнниковъ. Большинство поступаетъ въ продажу въ раннемъ возрастѣ отъ 10 и 14 до 24—30 лѣтъ. Цѣна имъ обыкновенно отъ 30 до 40 и 45 дукатовъ. Въ актахъ отъ первой четверти XV вѣка мѣсто дукатовъ занимаютъ обыкновенно такъ называемые bisanti, т.-е. серебряная византійская монета, бывшая въ ходу въ Танѣ. Рабъ или рабыня обыкновенно продаются за 200, 290, 325 и даже 400 штукъ этой монеты. Иногда нетрудно открыть подъ нѣсколько искаженной формой обычныя въ Россіи имена Юліаны, Катерины, Анны, Меланьи, Мараы, Лукеріи, Семена, Николая и Юрія, или Георгія (Jorai o Giorgio), но подчасъ мѣсто христіанскаго имени занимаетъ прозвище, полученное рабомъ или рабыней отъ татаръ, какъ, напримѣръ, Тавалатъ, Куцика, Мелика, Мурида. Въ рѣдкихъ случаяхъ дается два имени, изъ которыхъ одно получено при крещеніи. Такъ, уже упомянутая Мурида, о которой заходитъ рѣчь въ одной купчей отъ 8 ноября 1445 г., извѣстна еще подъ именемъ Маріи. Ее нарекли такимъ образомъ, при крещеніи. Точно также объ одномъ татаринѣ, именуемомъ Хадабарда, говорится, что онъ окрещенъ былъ въ Марка, а объ одной гречанкѣ изъ татарской банды (schiatta tartara), что ей замѣнили ее прежнее прозвище Дуки христіанскимъ прозвищемъ Граціозы. Уже самыя эти имена, ничего не имѣющія общаго съ православными, указываютъ, что подъ крещеніемъ разумѣется каждый разъ переходъ въ католическую вѣру. Въ нотаріальныхъ актахъ, располагающихъ личностью рабовъ, передающихъ ихъ изъ рукъ въ руки на вѣчныя времена или на срокъ, даются иногда нѣкоторыя подробности, какъ, напримѣръ, дѣвичье состояніе или, наоборотъ, беременность. Такъ, объ одной татаркѣ, поступившей въ продажу по акту, заключенному 22 февраля 1445 г., сказано, что она здорова и цѣла во всѣхъ частяхъ тѣла, явныхъ и скрытыхъ (sana et integra corpore et omnibus suis membris occultis et manifestis). О рабѣ же черкешенкѣ, продаваемой бывшимъ рабомъ изъ русскихъ, Павломъ, и двадцати лѣтъ отъ роду значится, что она съ молокомъ (cum lacte) [1]).

§ 3-й.

Познакомившись, насколько позволилъ намъ характеръ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, съ происхожденіемъ венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ, ея раннимъ устройствомъ и характеромъ поступавшихъ изъ нея товаровъ, мы перейдемъ къ изученію ея дальнѣйшихъ судебъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Изъ протоколовъ сената, которые и на этотъ разъ останутся нашимъ ближайшимъ источникомъ, мы узнаемъ, что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ между венеціанцами, торгующими въ Танѣ, и татарами возникли несогласія и раздоры, поведшіе къ погрому купцовъ и временному оставленію ими татарскихъ предѣловъ. Причиной этихъ столкновеній, согласно

[1]) См. акты нотаріуса Paulo di Liberati. Cancel. Inferiore. B. 105. № 6.

донесенію, сдѣланному венеціанскимъ консуломъ сенату, былъ неисправный платежъ купцами выговоренной договоромъ съ Узбекомъ пошлины съ продаваемыхъ товаровъ. Сенатъ распорядился принятіемъ мѣръ къ пресѣченію такой практики на будущее время. Консулу въ Танѣ предоставлено было требовать отъ лицъ, ведущихъ торговлю, будутъ ли ими венеціанцы, или лица, присвоившія себѣ званіе венеціанца (omnis qui se pro Veneto nominarent), присяги въ томъ, что они будутъ полностью выплачивать слѣдуемую съ нихъ торговую пошлину. Кто затѣмъ нарушитъ данное слово, подлежитъ двойной пошлины. Изъ взысканной такимъ образомъ суммы уплачивалось должное хану, остатокъ же дѣлился на три части, изъ которыхъ одна шла обвинителю, другая консулу и его совѣтникамъ, а третья въ венеціанскую казну [1]). Столкновенія, вызываемыя неисправнымъ платежемъ пошлинъ съ продажъ, не разъ побуждали татаръ къ задержанію венеціанскихъ товаровъ, при чемъ къ отвѣту призывался не одинъ виновный, но и всѣ его соплеменники. Чтобы добиться отпуска своихъ тюковъ, торгующимъ въ Танѣ подданнымъ республики св. Марка приходилось откупаться подарками хану и его чиновникамъ. Принимая все это во вниманіе, комиссія „мудрыхъ“, которымъ и на этотъ разъ предоставлено было обсудить мѣры, касающіяся колоніи, предложила подчинить купцовъ болѣе строгому контролю со стороны консула. Никто не долженъ былъ оставлять Таны безъ его вѣдома и согласія. Никто не въ правѣ былъ вступать въ прямые переговоры съ татарскимъ ея правителемъ или дѣлать ему особый платежъ за разрѣшеніе отбыть изъ города со своими товарами. Виновнымъ грозилъ штрафъ въ 50 „summi“, изъ которыхъ каждый, какъ мы видѣли, представлялъ собою, смотря по курсу, 11 или 12 венеціанскихъ „libri“. Консулъ заинтересованъ былъ во взиманіи этого штрафа обѣщаніемъ, что за вычетомъ трети доносчику, пеня пойдетъ въ его пользу (ibid. fol. 49, r⁰). Въ одномъ изъ столкновеній, поводъ къ которымъ давала, какъ мы сказали, неисправность купцовъ въ уплатѣ торговыхъ пошлинъ, дѣло дошло до убійства венеціанцами нѣкоторыхъ татаръ. Заподозрѣнные, въ числѣ трехъ, были задержаны и въ одномъ изъ постановленій сената отъ 10 ноября 1343 года сохранилась память о назначеніи особой слѣдственной комиссіи, членамъ которой предоставлено было добиться истины при помощи пытки [2]) (quod collegium habeat libertatem tormentandi omnes illos qui detinentur occasione predicta).

Такъ какъ по доходившимъ изъ Таны извѣстіямъ татары продолжали держать подъ арестомъ венеціанскіе товары и не отпускали отъ себя купцовъ, повидимому, въ отмщеніе за убійство ихъ единоплеменниковъ, то сенатъ, принимая во вниманіе, необходимость „сохранить славу и честь венеціанскаго имени въ цѣломъ мірѣ и соблюсти интересы республики и купцовъ, торгующихъ въ Танѣ“, рѣшилъ отправить къ хану Занибеку особаго посла, выборъ котораго, однако, откладываемъ былъ со дня на день въ ожиданіи новыхъ извѣстій изъ Таны [3]). И на этотъ разъ для выработки инструкцій послу и обсужденія всѣхъ дѣлъ, касающихся Таны, назначена была ком-

[1]) Senato Misti, T. 21, fol. 49 r⁰. Постановленіе Сената отъ 23 іюля 1343 г.

[2]) Ibid. f. 75.

[3]) Senato Misti. T. 21, fol. 94 V⁰, и томъ 22, fol. 13. Постановленія отъ 14 февраля 1343 г. и послѣдняго марта 1344 г.

мисія „пяти мудрыхъ“, изъ которыхъ выборъ однихъ предоставленъ былъ членамъ Большого Совѣта, а другихъ — дожу, его ближайшимъ помощникамъ (consiliarii) и двумъ предсѣдателямъ уголовныхъ судилищъ (или quarantiae).

Разрывомъ венеціанцевъ съ татарами, повидимому, не замедлили воспользоваться члены генуэзской колоніи въ Пантикапеи, или Керчи. Они, какъ слѣдуетъ изъ протоколовъ венеціанскаго сената, направили въ Тану свои товары, не внося въ то же время причитающихся за нихъ пошлинъ въ пользу венеціанцевъ [1]). По всей вѣроятности, многіе изъ этихъ генуэзскихъ торговцевъ остались въ Танѣ, такъ что когда венеціанцамъ, послѣ новаго договора съ ханомъ Занибекомъ, удалось возстановить прежній торговый обмѣнъ съ татарами рядомъ съ ними оказалось въ Азакѣ цѣлое генуэзское поселеніе, прямо упоминаемое въ текстѣ договора 1347 года [2]). Вскорѣ обстоятельства приняли, однако, благопріятный оборотъ для венеціанцевъ. Татары вступили во вражду съ генуэзской колоніей Ѳеодосіей. Въ протоколахъ сената отъ 19 іюля 1345 года говорится, что венеціанскіе послы въ Каѳѣ довели до его свѣдѣнія, что Могалъ-Бей (что въ переводѣ значитъ не болѣе, какъ начальникъ надъ могаломъ, или значительнымъ татарскимъ поселеніемъ), прибылъ съ большимъ войскомъ и толпою людей въ окрестности Каѳы, изъ чего слѣдуетъ съ ясностью его желаніе овладѣть ею и присоединить ее къ татарскимъ землямъ. Эта вражда съ генуэзцами заставила татаръ искать сближенія съ венеціанцами. Ихъ послы въ Каѳѣ, прежде совѣтовавшіе заключеніе союза съ татарами противъ вѣковыхъ соперниковъ республики св. Марка, лучше освѣдомленные, какъ говоритъ сенатъ, о дѣйствительномъ положеніи дѣла, высказались теперь въ обратномъ смыслѣ. Ихъ мнѣніе, повидимому, убѣдило и членовъ верховнаго собранія, направлявшаго внутренней и внѣшней политикой Венеціи. Въ его протоколы занесено было слѣдующее характерное рѣшеніе, переводимое мною изъ слова въ слово: надѣясь болѣе на самихъ себя и не заключая договора съ татарами, такъ какъ они никогда не соблюдаютъ того, что обѣщали, положено извиниться предъ ними и отклонить предложенный ими союзъ въ красивыхъ выраженіяхъ; вести же и впредь свои дѣла самимъ [3]). Мѣсто договора съ татарами вскорѣ занялъ договоръ съ генуэзцами. „Мудрые“, которымъ ввѣрена была забота о венеціанскихъ интересахъ въ Танѣ, подали голосъ въ пользу принятія предложенія генуэзскихъ уполномоченныхъ, обѣщавшихъ венеціанцамъ, взамѣнъ ихъ посредничества, свободу торговли въ Каѳѣ, подъ условіемъ, однако, что эта торговля не будетъ вестись за предѣлами города, т.-е. непосредственно съ татарами [4]). Послѣдствіемъ этого было, по всей вѣроятности, занесенное уже 19 іюня 1347 г. въ сенатскіе протоколы извѣстіе о заключеніи ханомъ Занибекомъ соглашенія съ генуэзцами, въ силу котораго обезпечено было имъ между прочимъ мирное пребываніе и пользованіе извѣстными привилегіями въ Танѣ. Принимая во вниманіе этотъ

[1]) Senato Misti. T. 22, fol 2. v⁰. Постановленіе 4 марта 1344 г.

[2]) Этотъ текстъ можно найти въ „Liber albus“, fol. 249. V⁰.

[3]) Et sperandum sit melius in factis nostris non faciendo unionem, cum nullum pactum teneant nobis de eo quod promittunt, vadit pars quod cum illis pulcris verbis que videbantur excusemus nos de dicta unione et faciemus facta nostra pro nobis. Senato Misti, m. 23. Постановленіе 19 іюля 1345 г., fol. 25.

[4]) Ibid fol. 25 и 26. Постановленія отъ 21 и 22 іюля 1345 г.

фактъ и предложеніе, сдѣланное особой коммисіей „мудрыхъ", въ составѣ которой мы находимъ членовъ извѣстныхъ венеціанскихъ семей: Дандуло, Мавроцено, Контарини, Санудо, Ліони [1]).

Сенатъ высказываетъ надежду, что съ Божьей помощью и ему удастся достигнуть такихъ же благопріятныхъ результатовъ путемъ переговоровъ съ татарами. Признавая морское плаванье въ Тану и торговый обмѣнъ съ ней въ высшей степени полезнымъ и доходнымъ, какъ это, прибавляетъ сенатъ, извѣстно всѣмъ, высокое собраніе объявляетъ себя готовымъ приложить особое стараніе и бдительность къ тому, чтобы обезпечить въ будущемъ мирный торговый обмѣнъ въ этой мѣстности. Ничто, читаемъ мы въ его протоколахъ, не приноситъ дѣламъ бо̀льшаго вреда, какъ проволочки. Поэтому рѣшено, во имя Христа, Дѣвы Маріи и блаженнаго апостола и евангелиста Марка, избрать въ Большомъ Совѣтѣ республики двухъ торжественныхъ пословъ (solempnes ambassadores), которые отправились бы къ берегамъ Чернаго моря и добились бы соглашенія съ императоромъ Занибекомъ, придерживаясь при этомъ слѣдующей инструкціи: они должны причалить въ Тану въ Воспи, или Такосъ, или въ другомъ мѣстѣ, по ихъ выбору, и здѣсь ждать прибытія особаго уполномоченнаго, посылка котораго къ татарскому хану поручается бальифу Константинополя, т.-е. венеціанскому консулу въ Перѣ. Этотъ уполномоченный обязанъ былъ извѣстить „императора татаръ" о прибытіи къ нему посольства и получить отъ него вѣрительныя грамоты, обезпечивающія свободный проѣздъ пословъ въ его владѣнія (litterae fidantiae pro securitate eorum). Снабженные такими грамотами, венеціанскіе послы должны были искать встрѣчи съ императоромъ Занибекомъ. Послѣ подобающаго привѣтствія (facta ei decenti salutatione), послы должны были объявить хану о великой любви и благорасположеніи, какое власти Венеціи, въ частности сенатъ, всегда питали и питаютъ къ императору „въ полнотѣ своего сердца" (pleno corde). Они должны были также сказать ему, что изъ донесеній прежнихъ пословъ, возвратившихся отъ него въ Венецію, сенатъ узналъ о его благожелательности и справедливости, о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ имъ при встрѣчѣ пословъ, ихъ отпускѣ и выдачѣ имъ грамотъ, обезпечивавшихъ безопасный проѣздъ. Этими обстоятельствами и объясняется, должны были прибавить отъ себя отправляемые къ Занибеку уполномоченные, почему купцы республики св. Марка, предпочитая другимъ портамъ тѣ, которые расположены въ предѣлахъ принадлежащей ему имперіи, съ величайшими для себя трудностями и опасностями переплывали многія моря и являлись въ его земли съ разнообразными товарами, къ чести и благу его милостиваго величества. Этимъ мирнымъ отношеніямъ внезапно положенъ былъ конецъ уже много лѣтъ назадъ, „благодаря подстрекательству врага рода человѣческаго" — (понимай діавола). По его наущенію произошло въ Танѣ нѣкоторое столкновеніе между ея жителями и вене-

[1]) 19 іюня. Sir Simonetus Dandulo.
Andreas Maurozeno
Donatus Contarino
Nicolaus Sanuto
Nicolaus Liono } Sapientes.

ціанскими купцами, ведущими въ ней торговлю. При этомъ послѣднимъ нанесенъ былъ великій ущербъ въ ихъ лицахъ и имуществѣ. „Извѣщенные объ этомъ, мы (т.-е. дожъ, его совѣтники и члены сената), какъ извѣстно Богу, ощутили великую печаль и горечь. Мы увѣрены также, что тягостными были эти событія и для Его Величества; вотъ почему и рѣшено было нами отправить къ нему пословъ, чтобы упросить и умолить Его вернуть нашимъ подданнымъ имущество, оставленное ими въ Танѣ и на пути изъ нея, какъ этого требуетъ справедливость“ (ut iustum est). „Отъ такого дѣянья только возрастетъ честь и слава Императора и предстанетъ во всемъ ея блескѣ передъ Богомъ и людьми Его любовь къ правосудію“. Посламъ поручено вслѣдъ за тѣмъ объяснить, что, какъ небезызвѣстно Его Величеству, посѣщеніе венеціанскими купцами его земель полезно было для его Имперіи въ такой же мѣрѣ, какъ и для венеціанскихъ торговцевъ. Имперія отъ этого разнообразно пріумножалась, а купцы получали свои выгоды. „Въ виду этого, когда будетъ угодно Его Величеству, мы, какъ озабоченные пріумноженіемъ и благомъ Его Самого и Его владѣній, согласны и готовы допустить, чтобы наши купцы посѣщали Имперію татаръ со своими товарами и имуществами, какъ это доселѣ дѣлаемо было ими, подъ условіемъ, однако, что ханъ дастъ намъ и нашимъ купцамъ указы и другія привилегіи, какія венеціанцы прежде имѣли, и приметъ также мѣры къ тому, чтобы печальное новшество или бѣдствіе, недавно случившееся, болѣе не повторялось (quod similis novitas vel sinistrum de certo non occurat) и чтобы купцы были безопасны въ ихъ личности и имуществѣ. Сенатъ принимаетъ во вниманіе возможность частичнаго отказа въ этихъ требованіяхъ со стороны хана и, въ виду этого, прибавляетъ: буде нашимъ посламъ не удастся добиться прежнихъ привилегій и вольностей (privillegia et franchisias), то да поступятъ они, какъ сочтутъ полезнымъ и какъ подскажетъ имъ ихъ вѣрность, на которую вполнѣ надѣемся, какъ и на то, что они всегда будутъ имѣть въ виду нашу честь и благо нашихъ торговцевъ“. Согласно этому, посламъ поручено было выслушать отвѣтъ императора; смотря по тому, позволитъ ли этотъ отвѣтъ надѣяться на осуществленіе всѣхъ или части желаній сената, уполномоченные должны принять тотъ или другой образъ дѣйствій, направляя свои усилія, главнымъ образомъ, на то, чтобы добиться вольностей, какими венеціанцы пользовались до войны, и возвращенія задержаннаго имущества. Даже въ томъ случаѣ, еслибы имъ и не удалось ничего сдѣлать въ этомъ послѣднемъ направленіи, они все же могутъ продолжить переговоры касательно порядка взиманія въ будущемъ слѣдуемыхъ хану пошлинъ съ продажъ: Буде же императоръ согласится удовольствоваться прежнимъ размѣромъ ихъ и не прочь будетъ удовлетворить лицъ, понесшихъ убытки отъ его подданныхъ, посламъ предоставляется свобода покончить съ нимъ по всѣмъ или по извѣстнымъ только статьямъ, какъ они заблагоразсудятъ. Если бы императоръ поднялъ рѣчь о вознагражденіи собственныхъ подданныхъ за имущества, присвоенныя у нихъ венеціанцами, отъ тѣхъ же пословъ будетъ зависѣть принять то или другое рѣшеніе. Имъ также была поставлена на видъ польза добиться отъ хана другой стоянки для венеціанскихъ купцовъ, помимо Таны, напримѣръ Воспи, и позволено входить съ этою

цѣлью въ переговоры, съ кѣмъ они сочтутъ удобнымъ. На производство однихъ подарковъ хану отпущено сенатомъ въ распоряженіе пословъ 2000 золотыхъ дукатовъ; самый же выборъ подарковъ поставленъ въ зависимость отъ воли дожа, его совѣтниковъ, двухъ начальниковъ надъ уголовными судилищами (quarantiae) и „мудрыхъ“ завѣдующихъ дѣлами Таны. Самимъ посламъ положено вознагражденіе въ 400 libri каждому, срокомъ на 4 мѣсяца. Если бы имъ пришлось остаться и долѣе, то въ слѣдующіе за тѣмъ мѣсяцы отпускается каждому только 50 libri. Послы должны взять съ собою и на свой счетъ нотаріуса со служителемъ, священника съ жалованьемъ въ 5 солидовъ ежемѣсячно, повара, получающаго въ мѣсяцъ 6 libri малаго размѣра, четырехъ вооруженныхъ всадниковъ на мѣсячномъ жалованіи въ 3 солида и двухъ щитоносцевъ на томъ же окладѣ. Сверхъ положеннаго имъ жалованья, послы не могутъ затратить въ день болѣе 5 солидовъ во время плаванья и 2 summi въ день со дня высадки до дня возвращенія на суда. Имъ также запрещалось устраивать на средства казны какія-либо пиршества; издержки послѣднихъ должны быть обращаемы на собственный ихъ счетъ адвокатами венеціанской общины (advocatores del comun), своего рода государственными контролерами. Такъ какъ веденіе всѣхъ этихъ переговоровъ сопряжено было съ большими издержками, то рѣшено покрыть ихъ со временемъ доходомъ отъ пошлинъ, взимаемыхъ въ Танѣ консуломъ со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ въ нее для продажи венеціанскими купцами. До этого времени эти товары обложены были по вѣсу 13 солидами съ центенарія. Приказано нынѣ увеличить этотъ размѣръ до 20 солидовъ. Изъ всей полученной такимъ образомъ суммы консулъ долженъ былъ обратить въ казну наибольшую часть, по расчету 17 солидовъ изъ 20, и затратить остатокъ на обычныя издержки, въ томъ числѣ на содержаніе особыхъ сторожей, снабженныхъ палками и обозначенныхъ въ текстѣ терминомъ bastonarii. Увеличенный размѣръ поборовъ долженъ былъ держаться до момента возвращенія обратно всей ссуженной правительствомъ суммы [1]). Нельзя было, однако, разсчитывать на скорую реализацію долга. Предшествовавшій опытъ доказалъ, что платежъ и 12 солидовъ съ центенарія поступалъ весьма неисправно, такъ что чиновникамъ, завѣдывавшимъ въ Венеціи чрезвычайными доходами казны, такъ называемымъ „extraordinarii“, предоставлено было налагать пени на лицъ, виновныхъ въ неисправности [2]). Чтобы сразу реализировать нужную для посольства сумму, на этотъ разъ, какъ и прежде, предписано было обратиться къ чиновникамъ, завѣдующимъ хлѣбными складами (officiales camerae frumenti) и потребовать отъ нихъ расчета.

Объ успѣшности переговоровъ, веденныхъ послами съ ханомъ Занибекомъ можно судить по тексту указа (praeceptum), выданнаго ханомъ на имя благородныхъ и мудрыхъ мужей: Іоанна Квирини и Петра Юстиніана, отправленныхъ къ нему послами дожемъ и общиною венеціанцевъ [3]). Въ этомъ указѣ не только отводилась для венеціанской слободы прежде занятая ею площадь, насколько послѣдняя не отошла подъ поселеніе генуэзцевъ, но и возобновлено было принятое еще Узбекомъ рѣшеніе

[1]) См. Senato Misti. T. 24, стр. 19.
[2]) Senato Misti. T. 22, fol. 2. Постановленіе 4 марта 1344 г.
[3]) Liber Albus, fol. 249. V⁰.

не облагать венеціанскіе товары пошлиной свыше трехъ солидовъ съ центенарія. Самый этотъ сборъ взимается только въ случаѣ состоявшейся продажи. Что же касается до покупки венеціанцами товаровъ, въ частности кожъ, то эти сдѣлки обложены такимъ же поборомъ въ пользу ханской казны, какому подчинены были сдѣлки, заключаемые генуэзцами. Сборъ равнялся почти 50 аспри[1]) съ центенарія. Венеціанцамъ предоставлена была въ то же время полная автономія въ дѣлѣ охраненія личной безопасности и имущества собственныхъ подданныхъ, во что значилось въ актѣ, генуэзцы не должны вступаться. Въ случаѣ кораблекрушенія, или аваріи, подданные татарскаго хана не могли пользоваться правомъ присваивать себѣ выброшенные на берегъ товары, — правомъ, подобнымъ распространенному на западѣ droit d'aubaine. Венеціанцы, наоборотъ, могли требовать возвращенія этихъ товаровъ, у кого бы послѣдніе ни были найдены. На морѣ венеціанцы сохраняютъ полную автономію; въ порту же только пока остаются на своихъ корабляхъ, въ послѣднемъ случаѣ даже при посѣщеніи ихъ мусульманскими купцами, но при этомъ выговаривается, что этимъ купцамъ не должно быть причиняемо никакого насилія. Ни „народу монголовъ" ни „домамъ ихъ, построеннымъ на берегу моря", венеціанцы не должны причинять никакого вреда. Буде же случится что-либо подобное, виновный долженъ быть разыскань и преданъ въ руки мѣстныхъ властей. Не удастся имъ отыскать его, они доводятъ о томъ до свѣдѣнія императора. Ибо, значится въ итальянской передачѣ договора, заключеннаго съ ханомъ Занибекомъ, сынъ не долженъ нести наказанія за отца, или старшій братъ за младшаго". Этотъ намекъ, очевидно, относится къ тѣмъ фактамъ, которые въ прошломъ вызвали перерывъ сношеній между венеціанцами и татарами. Договоръ упоминаетъ о нихъ, говоря: „изъ-за одного человѣка, совершившаго злодѣяніе, императоръ разгнѣвался, а венеціанскіе купцы въ теченіе ряда лѣтъ не показывались въ Танѣ. Но этотъ преступный человѣкъ (rio homo) напуганъ теперь своими же соотечественниками какъ о томъ венеціанцы поспѣшили увѣдомить хана". Разбираемый актъ весьма опредѣленно указываетъ на размѣръ доходовъ, на какіе въ правѣ разсчитывать татарская казна, благодаря торговлѣ венеціанцевъ. Всѣ поводы къ столкновеніямъ, повидимому, предусмотрѣны и устранены на будущее время. Товары, какъ общее правило, обложены трехпроцентнымъ сборомъ, но только въ случаѣ ихъ продажи. Предметы, изготовленные изъ золота и серебра, освобождены отъ всякой пошлины. Корабли за постой, какъ двухъ, такъ и одномачтовые, платятъ pro arborazo (отъ мачты), согласно старинному обычаю. Татары отказываются отъ задержанія подводъ, являющихся за нагрузкой венеціанскихъ товаровъ и отвозящихъ ихъ въ склады, но въ то же время они облагаютъ ихъ, согласно обычаю, извѣстнымъ поборомъ, подъ названіемъ: „tartanacho" (татарскія деньги). Наконецъ, выговаривается извѣстное вознагражденіе лицамъ, приставленнымъ къ вѣсамъ и тѣмъ, которые производятъ счетъ поступающему въ продажу товару (la rason del canter). Я сказалъ уже, что закупаемыя венеціанцами кожи также были обложены пошлинами въ пользу казны хана, заинтересованнаго такимъ образомъ, одинаково и въ ввозѣ и въ вывозѣ товаровъ.

[1]) Такой размѣръ требовался только при покупкѣ большихъ кожъ, съ малыхъ же довольствовались взиманіемъ всего 40 аспри съ центенаріея, ibid, fol. 51. v°.

Поводы къ несогласію были, повидимому, предупреждены, и являлось основаніе ждать мирнаго развитія торговыхъ сношеній съ татарами, такъ какъ въ нихъ одинаково были заинтересованы обѣ стороны. Но будущее готовило новыя основанія къ столкновеніямъ, частью вызванныя неумѣренностью поборовъ, которыми татары пытались обложить венеціанскихъ торговцевъ, частью самоуправствомъ, съ какимъ эти послѣдніе облагали въ пользу своей колоніи имущества всѣхъ вообще европейскихъ купцовъ, даже не принадлежавшихъ къ ихъ національности. Къ этимъ причинамъ присоединились и случайныя, которыхъ, очевидно, нельзя было предвидѣть. Источникъ ихъ лежалъ въ политическихъ судьбахъ самихъ татаръ Большой Орды, въ разгромѣ ихъ владѣній Тамерланомъ, опустошившимъ при этомъ случаѣ и Тану. Всему сказанному, мы найдемъ подтвержденіе въ протоколахъ венеціанскаго сената, но послѣдніе хранятъ въ то же время упорное молчанье объ одномъ фактѣ, сплошь и рядомъ упоминаемомъ средневѣковыми хрониками и, съ ихъ словъ, новѣйшими исторіографами, а именно — о роли, какую открывшаяся въ Танѣ въ 1347 г. моровая язва съиграла въ распространеніи по всей Европѣ такъ называемой „черной смерти“, унесшей съ собой гдѣ треть, а гдѣ и половину населенія[1]). Передаваемая хрониками легенда гласитъ, что во время осады Таны татарами, послѣдніе для взятія города обратились къ слѣдующему пріему. Такъ какъ въ ихъ лагерѣ открылась чума, то они черезъ стѣны перебрасывали непріятелямъ труны умершихъ отъ заразы и тѣмъ самымъ содѣйствовали распространенію ея между венеціанцами. Убѣгая отъ чумы и татаръ, венеціанцы и генуэзцы отплыли на стоявшихъ въ порту галерахъ и занесли на нихъ чуму въ Константинополь, Мессину, Геную и испанскіе порты. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи акты не только ни однимъ словомъ не оправдываютъ этой легенды, но еще доказываютъ несуществованіе того факта, который положенъ въ ея основу. Ни о какой войнѣ между татарами, съ одной стороны, генуэзцами и венеціанцами, съ другой, въ 1347 г. нѣтъ и рѣчи. Этотъ годъ, наоборотъ ознаменованъ заключеніемъ ханомъ Занибекомъ только что приведеннаго мною договора, вполнѣ удовлетворившаго требованьямъ венеціанскихъ купцовъ и въ то же время упоминающаго о привилегіяхъ и свободахъ, „franchisiae“, которыми пользуются въ Танѣ генуэзцы. Но этого мало. Изъ текста этого договора, какъ и изъ послѣдующихъ актовъ не видно, чтобы Азовъ въ цѣломъ или отдѣльные кварталы его, отведенные венеціанцамъ и генуэзцамъ, окружены были въ это время стѣною, позволявшей выдержать осаду, а слѣдовательно, и сдѣлавшей возможнымъ то перебрасываніе изъ татарскаго лагеря зачумленныхъ, которому средневѣковыя хроники приписываютъ первоначальное происхожденіе „черной смерти“. Въ договорахъ Занибека говорится только о надѣленіи венеціанцевъ участкомъ, идущимъ отъ купальни Saffadyn'a (т.-е., по всѣй вѣроятности, Саффы Эдина) къ востоку, длиною въ сто шаговъ и шириною въ 70, на берегу рѣки Дона. Передача этого участка венеціанцамъ поручается Сихи-Бею, какъ значится въ актѣ, сеньору Таны[2]). Не ранѣе 1369 года заходитъ рѣчь объ укрѣпленіи только что указаннаго мѣста. Въ про-

[1]) Частности смотри въ III томѣ моего „Экономическаго роста Европы“.
[2]) Liber albus, fol. 51. V°.

токолахъ сената этого года говорится, что консулу въ Танѣ слѣдуетъ поручить пріисканіе кого-либо изъ венеціанскихъ подданныхъ, готоваго снять на три года, „balneum“, т.-е. купанье на берегу Дона. Съемщики обязаны исправить имѣющееся на этомъ мѣстѣ сооруженіе и укрѣпить его[1]). Принявшіе на себя подобный трудъ пріобрѣтаютъ право эксплуатировать участокъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Если же этого срока окажется мало, консулъ въ правѣ продлить его еще на два года. Въ 1370 г. въ тѣхъ же протоколахъ сената болѣе опредѣленно говорится о венеціанской крѣпостцѣ въ Танѣ. Она признается недостаточной, нуждающейся въ поправкѣ и добавочныхъ постройкахъ. Рѣшено написать консулу въ Танѣ, чтобы онъ съ тремя своими совѣтниками принялъ необходимыя мѣры къ ея усиленью затрачивая, для этого сколько будетъ нужно, изъ средствъ казны возстановленіе стѣнъ тамъ, гдѣ ихъ недостаетъ[2]). Пять лѣтъ спустя въ тѣхъ же протоколахъ снова идетъ рѣчь о необходимости исправить и укрѣпить домъ и склады, принадлежащіе венеціанскому правительству въ Танѣ, при чемъ консулу позволяется затратить на это суммы, поступающія въ его казну отъ взносовъ въ 1½ процента, взимаемыхъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Тану для продажи[3]).

Успѣшному развитію венеціанской колоніи въ Танѣ, повидимому, всего болѣе препятствовало незначительное число поселенныхъ въ ней подданныхъ республики св. Марка. Сенатъ жалуется на это обстоятельство въ одномъ изъ своихъ постановленій отъ 26 апрѣля 1374 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Чувствуется большой недостатокъ въ Танѣ венеціанскихъ уроженцевъ. Многіе иностранцы охотно бы согласились слыть за венеціанцевъ, еслибы ихъ не стѣсняло обязательство платить пошлину въ 1½ процента, взимаемую венеціанскимъ консуломъ и совѣтомъ съ поступающихъ въ Тану европейскихъ товаровъ. Чтобы избѣжать ея, они предпочитаютъ выдавать себя за генуэзцевъ, въ виду незначительности тѣхъ платежей, какіе требуются съ послѣднихъ. Это обстоятельство сенатъ считаетъ заслуживающимъ особаго вниманія и способнымъ создать настоящую опасность для венеціанскаго владычества, такъ велико число лицъ, уклоняющихся отъ подданства“. Сенатъ признаетъ полезнымъ для безопасности венеціанскихъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ, и для чести самой республики, чтобы иностранцы, проживающіе въ этой колоніи, считались подданными св. Марка. Въ виду этого рѣшено написать консулу въ Танѣ, чтобы онъ признавалъ венеціанцемъ всякого иностраннаго купца, готоваго признавать себя таковымъ, все равно, платитъ ли онъ 1½% пошлины за свой товаръ или нѣтъ. Мѣсто такой пошлины долженъ занять годичный сборъ всего на всего въ 10 аспри съ человѣка[4]).

Если присоединить къ малочисленности венеціанцевъ въ Танѣ и фискальнымъ невыгодамъ, связаннымъ съ принадлежностью къ ихъ числу, еще одну подробность,

[1]) Quod ipsum balneum accipiant, reparent et fortificent. Senato Misti, m. 33, fol. 13. Постановленіе 9 апрѣля 1369 года.

[2]) Quod faciant reparari et fortifficari dictum fortilicium in locis necessariis. Томъ 33, fol. 65. Постановленіе отъ 9 іюля 1370 года.

[3]) Senato. Misti. T. 35, fol. 13. Постановленіе отъ послѣдняго марта 1375 года.

[4]) Senato. Misti. T. 34, fol. 103. Постановленіе отъ 26 апрѣля 1374 года.

о которой говорится въ протоколахъ сената отъ января мѣсяца 1375 г., то легко будетъ понять, какъ причину быстраго роста генуэзской колоніи, такъ и источникъ частыхъ столкновеній между ея членами и венеціанцами, столкновеній, поддерживаемыхъ вѣковымъ соперничествомъ и войнами двухъ главныхъ владычицъ надъ морями. Обстоятельство, которое я имѣю въ виду, — это обложеніе венеціанцами пошлиной не только товаровъ собственныхъ подданныхъ, но и другихъ иноземныхъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ. Объ этомъ прямо упоминается въ протоколахъ Сената, извѣщеннаго о томъ консуломъ въ Танѣ. Послѣдній справедливо указывалъ на то, какую опасность подобная практика представляетъ для судебъ самой колоніи. Изъ его донесенія слѣдовало, что съ собственныхъ согражданъ венеціанцы довольствуются взиманіемъ небольшого побора съ товаровъ, отправляющихся вверхъ по теченію Дона или идущихъ оттуда обратно въ Тану; съ иностранцевъ же они взыскиваютъ при тѣхъ же условіяхъ несравненно большія суммы. Такое обложеніе имуществъ чужеземцевъ, по справедливой оцѣнкѣ сената, можетъ вызвать большое недовольство хана и его чиновниковъ и побудитъ его къ обложенію венеціанцевъ равнымъ поборомъ. Чтобы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ, сенатъ запрещаетъ своимъ купцамъ въ Танѣ облагать пошлиной товары иноземцевъ и грозитъ виновнымъ пенею, въ три раза превышающей размѣръ взысканной ими суммы, при чемъ треть ея идетъ консулу, треть — доносчику, а треть — въ казну[1]). Если прибавить къ малочисленности колоніи и невозможности расширить ее пріемомъ чужеземцевъ, запугиваемыхъ высотою поборовъ, еще значительность затратъ, какихъ требовало и постоянное возобновленіе посольствъ къ хану, и оплата мѣстной администраціи, то легко будетъ притти къ заключенію, что условія, въ которыхъ венеціанцы участвовали въ Танѣ въ обмѣнѣ товаровъ запада на товары востока, складывались для нихъ все менѣе и менѣе благопріятно. А что издержки, на покрытіе которыхъ должны были итти доходы колоніи съ венеціанскихъ торговцевъ, дѣйствительно были весьма велики, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ, сообщаемымъ намъ протоколами сената. Чтобы устранить новыя недоразумѣнія, возникшія съ ханомъ и, по всей вѣроятноси, вызванныя вышеуказанными обстоятельствами, т.-е. произвольными поборами съ иноземныхъ купцовъ и товаровъ, венеціанцамъ не разъ приходилось возобновлять посольство въ Орду. Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ выдачи Занибекомъ уже разсмотрѣннаго нами указа, новому посольству удается добиться отъ его сына и преемника, Бердыбея, подтвержденіе прежнихъ вольностей[2]).

Въ 1383 году въ іюнѣ мѣсяцѣ снова заходитъ рѣчь въ сенатѣ о посольствѣ къ татарамъ, въ которомъ, на ряду съ спеціальнымъ уполномоченнымъ, долженъ былъ принять участіе и выбранный въ Большомъ совѣтѣ консулъ Таны. Обоимъ

---

[1]) Senato. Misti. T. 40, fol. 19.

[2]) Этотъ актъ, изданный какъ значится въ Ордѣ (in Lorda) Бердыбеемъ и обращенный къ народу монголовъ и къ сеньорамъ Куманцамъ, къ ста баронамъ и ко всѣмъ, кто подчиняется въ Танѣ могалъбею, т.-е. начальнику надъ могаломъ, или поселеніемъ, анализированъ Мариномъ въ его „Исторія торговли венеціанцевъ". T. IV, стр. 141.

во время плаванья позволяется затрачивать ежедневно, сверхъ жалованья, по $2^1/_2$ дуката; въ Танѣ же ихъ издержки въ день доходятъ до $1^1/_2$ суммъ, т.-е., какъ мы видѣли, до 18 венеціанскихъ libri. Жалованье послу—600 libri въ первые четыре мѣсяца и по ста въ слѣдующіе затѣмъ; на подарки же хану позволено затратить до 1000 дукатовъ[1]). Годъ спустя о жалованьи консула, участвовавшаго въ этомъ посольствѣ и оставшагося затѣмъ въ Танѣ, говорится, какъ о равномъ 110 „libri" въ годъ. На эти средства онъ обязанъ былъ содержать восемь вооруженныхъ всадниковъ. Такъ какъ въ этомъ году число послѣднихъ уменьшено было на два, то явилась возможность сократить на 10 libri и жалованіе консулу[2]). Въ этой попыткѣ уменьшить жалованіе консулу уже сказывается то обремененье издержками колоніальной казны, которое побудитъ затѣмъ въ 1390 году къ уменьшенію на половину вознагражденія, получаемаго членами совѣта въ Танѣ. Въ этомъ году, когда обязанности консула исполнялъ нѣкій Андрей Бембо, въ сенатѣ было постановлено уменьшить на половину жалованье совѣтниковъ въ виду того, что они, въ отличіе отъ консула, въ правѣ заниматься торговлею. Доселѣ они получали ежемѣсячно 2 суммы, курсъ которыхъ, повидимому, упалъ къ этому времени до 11 libri, впредь они должны будутъ получать каждый всего одну сумму въ мѣсяцъ[3]).

Принимая во вниманіе вышесказанное, намъ легко будетъ притти къ заключенію, что обстоятельства благопріятствовали развитію соперничествующаго съ венеціанскимъ генуэзскаго поселенія въ Танѣ. Благодаря истребленію огнемъ значительной части актовъ XIII и XIV вѣка, хранившихся въ государственномъ архивѣ Генуи, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ объ устройствѣ генуэзской колоніи въ Танѣ ранѣе второй четверти XV вѣка. Къ этому именно времени относится дошедшая до насъ въ полномъ видѣ редакція статутовъ Каѳы, въ которыхъ рядъ статей говоритъ и о генуэзскомъ консульствѣ въ Танѣ. Но историку Генуи, Канале, удалось найти отрывки болѣе ранняго статута Ѳеодосіи, или Каѳы, отъ 1290 г., цѣликомъ вошедшаго въ позднѣйшую редакцію. Это обстоятельство позволяетъ намъ думать, что нормы, говорящія о порядкахъ, долженствовавшихъ имѣть мѣсто въ Танѣ, нормы, которыя вошли въ составъ статута Каѳы отъ 1439 г.,— принадлежатъ къ болѣе ранней эпохѣ. Ихъ можно возвести не далѣе, однако, какъ ко второй четверти XIV вѣка — времени возникновенія, какъ мы видѣли, самой колоніи. Трудно представить себѣ ее въ самомъ дѣлѣ безъ соотвѣтствующихъ властей и въ томъ числѣ консула. Статьи, къ разбору которыхъ мы въ настоящее время перейдемъ, толкуютъ именно о способѣ его назначенія, а также объ опредѣленіи на службу казначеевъ, секретаря и служителей, о доходахъ, поступающихъ въ казну генуэзской колоніи въ Танѣ и о порядкѣ ихъ расходованія. Въ этихъ статьяхъ попадаются случайныя указанія на наличность въ генуэзской слободѣ особой стѣны, отдѣляющей ее отъ татарскаго квартала, обозначаемаго словомъ zichia. Эта стѣна, значится, возведена была нѣкіимъ монахомъ Теамонъ, или Соломономъ. Она пришла въ ветхость, нуждается въ поправкѣ, и на ее починку должны

---

[1]) Senato. Misti, томъ 38; fol. 44.
[2]) Senato. Misti. T. 39, fol. 34. Постановленіе отъ 12 января 1384 года.
[3] Senato. Misti. T. 41, fol. 89 и 120, а также т. 39, fol. 34.

быть затрачиваемы всѣ доходы колоніальной казны, за исключеніемъ тѣхъ, какіе идутъ на покрытіе жалованья мѣстнымъ властямъ. Главную статью этого дохода составляютъ продажныя пошлины, или такъ называемый comerchium въ размѣрѣ 1% съ товаровъ, ввозимыхъ въ Генуэзскую слободу или вывозимыхъ изъ нея. Отмѣтимъ употребленіе того же термина и венеціанцами для тѣхъ же пошлинъ и сравнительно меньшій ихъ размѣръ на цѣлую треть противъ требуемыхъ венеціанцами. Взиманіе этого сбора отдаваемо было генуэзцами на откупъ, возобновляемый изъ года въ годъ. Такъ какъ выручка, повидимому, не была особенно значительной, то, рядомъ съ статьей, опредѣлявшей, что доходомъ консулу въ Танѣ будетъ служить comerchium (или сборъ съ товаровъ при въѣздѣ и выѣздѣ изъ Генуэзской слободы), мы встрѣчаемъ другую, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, въ которой значится, что, помимо этого сбора, консулъ получаетъ еще ежегодно изъ казны въ Каѳѣ, или Ѳеодосіи, 300 аспри ѳеодосійской монеты. Мы знаемъ уже, что аспри — распространенная въ Танѣ денежная единица, въ числѣ 150 входили въ составъ одного summus, равнявшагося, смотря по курсу, 11 или 12 венеціанскимъ libri, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XIV вѣка. А это даетъ намъ право считать 300 ѳеодосійскихъ аспри приблизительно въ двѣ суммы — величина слишкомъ незначительная, чтобы признать ее годовымъ, а не мѣсячнымъ жалованьемъ. Вспомнимъ, что одни совѣтники венеціанскаго консула получали сперва столько же. Прибавимъ, что изъ дальнѣшихъ статей видно, что состоявшій при консулѣ секретарь получалъ такую же сумму въ годъ, а именно — 300 византійскихъ монетъ, бывшихъ въ ходу въ Танѣ, т.-е., по всей вѣроятности, такихъ же аспри, какъ и тѣ, какія изъ Каѳы выплачиваемы были генуэзскому консулу; только платежъ этотъ былъ годовой. И тоже должно быть сказано о тѣхъ 150 bisanti, или aspri, какія получалъ каждый изъ вооруженныхъ служителей консула. Тогда какъ консулъ назначаемъ былъ въ Генуѣ съ вѣдома дожа, его совѣта и особой управы, которой поручено было руководить торговыми предпріятіями въ предѣлахъ Византійской имперіи, или такъ называемой Романіи, массаріи, или казначеи, въ числѣ двухъ, опредѣляемы были на службу самимъ консуломъ. Разбираемыя нами статьи случайно указываютъ на трудность найти подходящихъ людей для занятія всѣхъ этихъ мѣстъ. Чтобы облегчить выборъ ихъ введено было правило о вознагражденіи ихъ постояннымъ жалованіемъ. Консулу, въ свою очередь, рекомендуется назначать казначеями, или массаріями, лучшихъ людей (ex melioribus). Первымъ условіемъ для правильнаго веденія дѣлъ колоніи были, очевидно, честность и исправность ея чиновниковъ. Генуэзская Тана, повидимому, призвапа была покрывать всѣ свои издержки доходомъ отъ мѣстныхъ сборовъ. На ряду съ упомянутымъ нами comerchium, или пошлиной съ товаровъ, входящихъ и выходящихъ изъ слободы, пошлины обозначаемой въ томъ же статутѣ другимъ именемъ, gabellae, или косвенные сборы, въ колоніальную казну поступали еще такъ называемыя terratica, по всей вѣроятности, платежи за сдаваемыя частнымъ лицамъ лавки и жилища, возведенныя въ предѣлахъ генуэзскаго поселенія самимъ правительствомъ и его агентами. Третьимъ источникомъ дохода были денежныя пени, налагаемыя консуломъ на всѣхъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи его приказовъ и запретовъ. Чтобы обезпечить возможно высокій доходъ отъ пошлинъ, постановлено

было сдавать сборъ ихъ на откупъ съ публичныхъ торговъ каждые три мѣсяца. Этою сдачею завѣдывалъ консулъ и оба его казначея. Статутъ говоритъ о присужденіи откупа лицу, дѣлающему наиболѣе выгодныя предложенія и о производствѣ такихъ присужденій на улицѣ (in publica callega). Казначеямъ приказано держать приходорасходную книгу и вносить въ нее всѣ поступленія и затраты, въ томъ числѣ и тѣ, которыя на Рождество и на другія празднества дѣлаются на покрытіе расходовъ по богослуженію. Въ числѣ сановниковъ, о которыхъ упоминается, какъ о получающихъ также жалованье въ 300 мелкихъ византійскихъ монетъ (bisantii), имѣется и особый переводчикъ, или толмачъ[1]).

Мы встрѣчаемъ тѣхъ же чиновниковъ съ нѣсколько отличными именами и въ венеціанской колоніи. Въ протоколахъ сената нерѣдко говорится о необходимости смѣнить, положимъ того, или другого человѣка, исполняющаго обязанности trucimanus. По справкѣ съ лексикономъ венеціанскаго нарѣчія, составленнымъ Боэріемъ, мы узнаемъ, что trucemanus — мѣстный терминъ для обозначенія переводчика. 9 іюля 1370 г. сенатъ, принимая во вниманіе, что имѣющійся въ Танѣ trucimanus не посѣщаетъ, какъ слѣдуетъ, консульскаго двора (curia consulis) и не занимается порученными ему дѣлами, уполномочиваетъ отправляющагося въ Тану консула замѣнить его человѣкомъ добрымъ и подходящимъ, съ годовымъ жалованьемъ въ 30 summi. Особенно желательнымъ было бы привлечь къ этой должности нѣкоего Николая Дарсера. Ему можно бы, значится въ принятомъ сенатомъ предложеніи, и увеличить жалованье до 6 summi въ годъ, настолько онъ рекомендуется многими въ виду его подготовленности и строгой законности дѣйствій[2]). Въ числѣ оплачиваемыхъ чиновниковъ мы находимъ въ венеціанской колоніи и особаго лѣкаря — „medicus phisicus“. О посылкѣ его въ Тану заходитъ рѣчь еще въ 1369 г., но выборъ оказывается неудачнымъ, въ виду чего отправляющемуся въ Азовъ консулу поручено 23 іюля 1370 г. взять съ собой новаго медика, взамѣнъ прежняго съ обычнымъ жалованьемъ и на обычныхъ условіяхъ[3]).

§ 4-й.

Годы, предшествовавшіе разгрому венеціанской Таны толпищами Тамерлана, по всей вѣроятности, были свидѣтелями процвѣтанія бокъ о бокъ обѣихъ итальянскихъ колоній. Этому процвѣтанію не мало содѣйствовалъ еще плохо отмѣченный экономистами-историками фактъ развитія уже въ XIV вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ республикѣ св. Марка, условій, благопріятныхъ свободѣ торговли, не въ смыслѣ, разумѣется, отмѣны всякихъ таможенныхъ пошлинъ, но въ смыслѣ отсутствія какихъ-либо запретовъ ввозить или вывозить извѣстные товары. Историки-экономисты, въ числѣ ихъ Пэльманъ, справедливо указываютъ на тотъ фактъ, что меркантильная система, съ XVI вѣка охватившая собою постепенно весь міръ, можетъ считать Италію первоначальной своей родиной. Но они въ то же время забываютъ, что въ торговыхъ

1) Atti della Societa Ligura di Storia Patria, vol. VII, parte II, fasc. II. Genova. 1881 г. Statutum Caphe 1439 г., статья 88-я. De ordine Tane.
2) Senato. Misti. T. 33, fol. 65. R°.
3) Senato. Misti. T. 33, fol. 10 и 66.

республикахъ, какъ въ венеціанской, накопленіе товаровъ, съ одной стороны, и необходимость всячески содѣйствовать развитію отдаленныхъ колоній, съ другой, сдѣлали возможнымъ довольно раннее наступленіе порядковъ, несогласныхъ съ тѣми, при которыхъ, положимъ, англичане обращали извѣстные полуманyouфактураты, въ частности — шерсть, въ предметъ монопольнаго торга государства, которое одно уполномочено было открывать склады для его отпуска и связывало съ послѣднимъ весьма существенные доходы для своей казны. Совершенно иныхъ порядковъ придерживались венеціанцы; правда, еще въ первой четверти XIV вѣка, строго воспрещенъ былъ ими вывозъ золота и серебра за границу, о чемъ своевременно извѣщаемы были, какъ мы видѣли, консула въ Константинополѣ и Танѣ [1]). Въ послѣдней четверти того же столѣтія въ актахъ сената мы читаемъ слѣдующее заявленіе: „Всѣмъ извѣстно, что городъ нашъ пріумножился и каждый день пріумножается, благодаря торговымъ оборотамъ. Потому, если есть въ мірѣ страна, которая нуждалась бы въ свободѣ отпуска, такъ это именно наша. Вѣдь для блага, какъ гражданства, такъ въ частности купцовъ и мореплавателей, выходъ товаровъ необходимъ. Если бы припасы и другіе предметы, прибывающіе въ Венецію въ громадномъ числѣ, не имѣли изъ нея отпуска, то имъ предстояло бы быть истребленными временемъ къ великому убытку всѣхъ. По самой природѣ своей они должны быть вывозимы; люди пріобрѣтутъ, такимъ образомъ, возможность взаимнаго пониманія и правильно освѣдомлены будутъ въ дѣлѣ торговли“. Эта проповѣдь свободы обмѣновъ служитъ предисловіемъ къ рѣшенію, которымъ отмѣняются нѣкоторые запреты относительно вывоза тѣхъ или другихъ товаровъ тѣми или другими путями, запретовъ, обыкновенно временныхъ и вызываемыхъ военными соображеніями. Свобода вывоза распространяется на всѣ товары, но подъ условіемъ платежа искони установленныхъ пошлинъ. Тому же ограниченію подлежитъ и свобода ввоза. Всякаго рода металлы, начиная отъ мѣди и свинца и оканчивая золотомъ и серебромъ, а равно и хлѣбные продукты, наконецъ, товары вообще могутъ, говоритъ сенатъ, свободно поступать въ Венецію, платя пошлину государственной казнѣ. Выгоды, проистекающія отъ такой свободы ввоза, должны быть общими для всѣхъ, а не для немногихъ (ut ista utilitas sit generalis et non in specie aliquorum paucorum). Приведенный текстъ, очевидно, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что республика св. Марка уже въ послѣдней четверти XIV вѣка стала придерживаться политики, одинаково враждебной и запретительному тарифу и всякаго рода частнымъ монополіямъ. Такая политика, разумѣется, не равнозначительна фритредерству, но она вполнѣ отвѣчаетъ той, которя видитъ въ таможенной пошлинѣ не средство къ поднятію внутри страны тѣхъ или другихъ видовъ производства, нерѣдко въ ущербъ остальнымъ, а способъ доставить казнѣ, помимо всякаго прямого обложенія, постоянную и обильную статью дохода. Представленіе, что таможенная пошлина перекладывается на товары, покупаемые иноземцами, заставляла казну смотрѣть на обложеніе при ввозѣ, какъ на мѣру, направленную не противъ собствен-

[1]) См. I. Misti del Senato, указатель, изданный Giomo въ 1887 г. Pro obviando maliciis que fiunt contra consilium prohibens defferi aurum vel argentum etc comissum fuit baiulo Constantinopolis et consuli Tane (годъ 1322).

ныхъ гражданъ, а противъ чужеземцевъ, и не останавливаться поэтому передъ соображеніями о необходимости поощрить собственное производство изъятіемъ его продуктовъ отъ всякаго побора, разъ они предназначены для иноземныхъ рынковъ. Эти соображенія уже потому не могли имѣть особой силы въ Венеціи, что, если не говорить о предметахъ роскоши — парчѣ, бархатѣ, хрусталѣ и т. д., она торговала, главнымъ образомъ, поступавшими къ ней извнѣ товарами: пряностями съ востока въ такой же мѣрѣ, какъ и англійскою шерстью, драгоцѣнными камнями Персіи и Индіи, рядомъ съ тонкими сукнами, изготовляемыми флорентійскимъ цехомъ Калимала. Эта роль посредника въ значительной степени объясняетъ намъ и тотъ, можно сказать, передовой характеръ, какой носитъ венеціанская торговая политика, всегда принимающая въ расчетъ интересы своихъ гражданъ на международномъ рынкѣ, а не въ ограниченной сферѣ мѣстнаго и даже національнаго обмѣна. Очевидно, что въ этихъ условіяхъ Венеціи уже въ XIV вѣкѣ могла представиться та же опасность, какая въ наши дни обнимается понятіемъ торговаго кризиса. Съ такой именно возможностью пришлось считаться сенату въ 1375 г. Въ его протоколахъ значится, что „городъ переполненъ товарами и купцамъ трудно въ виду такого накопленія поддерживать свое прежнее положеніе. Необходимо поэтому принять наискорѣйшія мѣры противъ такой опасности къ благу торгующихъ и всей земли. Всякая отсрочка въ этомъ дѣлѣ могла бы быть пагубной“. И на этотъ разъ, какъ во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода, сенатъ обращается къ назначенію комиссіи „мудрыхъ“, которымъ и поручается выработать мѣры къ устраненію угрожающаго торговаго кризиса. Если переполненіе товарами необходимо должно было содѣйствовать поощренію отпусковъ, то, въ свою очередь, желаніе споспѣшествовать развитію отдаленныхъ колоній, въ томъ числѣ Таны, обусловило собою разрѣшеніе вывозить изъ нихъ всякаго рода товары, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. Этимъ объясняется, почему уже съ самаго начала XIV вѣка, регулируя условія ежегоднаго, или, точнѣе, дважды въ годъ повторяющагося отплытья своихъ вооруженныхъ судовъ, въ Византійскую имперію, Средиземное и Черное моря, письменныя инструкціи, выдаваемыя начальствующимъ надъ галерами, или такъ называемымъ уже тогда адмираламъ (admiralis), однообразно говорятъ объ обязательствѣ принимать на корабли, идущія изъ Таны въ Венецію всякій товаръ [1]). Позднѣе тѣмъ же начальникамъ надъ судами ставится въ обязанность не отказывать въ нагрузкѣ какихъ-либо товаровъ, идущихъ изъ Таны не въ Венецію, а въ Константинополь, въ томъ числѣ не только гречихи и пшеницы, но и бараньихъ шкурокъ, каждый разъ, когда на корабляхъ окажется для нихъ достаточно мѣста.

Кто приметъ во вниманіе все нами сказанное, тому станетъ ясно, почему, не смотря на незначительность числа венеціанскихъ поселенцевъ въ Танѣ и громадность требуемыхъ колоніей затратъ, венеціанцы и въ послѣдующія десятилѣтія

---

[1]) Такъ уже въ 1322 г. оговорено, какіе товары могутъ быть принимаемы на обратномъ плаваніи при возвращеніи судовъ изъ Средиземнаго и Чернаго морей въ мартѣ и сентябрѣ, сроки, въ которые надлежало завершить это торговое плаванье изъ Венеціи на востокъ и обратно. Спеціально изъ Таны могутъ идти самые разнообразные товары (varii tamen possint conduci Venetias de la Tana.)

вспоминали о своихъ торговыхъ операціяхъ на Азовскомъ морѣ, „какъ о самыхъ выгодныхъ для купцовъ и полезныхъ для всего народа". Протоколы сената отъ XV вѣка не разъ говорятъ о необходимости оживить морскія предпріятія, ставящія себѣ цѣлью обмѣнъ товаровъ съ Византіей, Таной и портами Чернаго моря, въ томъ числѣ Трапезундомъ; предки (proginetores), значится въ нихъ, считали такого рода предпріятія наиболѣе полезными (cognoverunt inter omnia alia viagia esse utilissima). Но сохраненіе колоніи въ Танѣ требовало, какъ мы видѣли, во-первыхъ, неоднократнаго возобновленія всегда связанныхъ съ большими издержками посольствъ къ татарскимъ ханамъ, съ цѣлью полученія отъ нихъ подтвердительныхъ грамотъ, а, во-вторыхъ, дорого стоющей мѣстной администраціи; Республика св. Марка, по весьма понятной причинѣ, не желала обременять этими расходами собственной казны и перекладывала ихъ на купцовъ, торгующихъ на Азовскомъ морѣ, въ формѣ частью прямого налога, такъ называемаго cotimum [1]), частью пошлинъ съ поступавшихъ въ продажу товаровъ, — пошлинъ, о которыхъ сама она не разъ говорила, какъ о болѣе чѣмъ достаточныхъ (quod est bene satis sicut omnibus notum ost) [2]). Немудрено, если, въ свою очередь, венеціанцы, ведшіе торговлю въ Танѣ, всячески стремились вернуть свои невольныя затраты поборами съ иноземцевъ, участвующихъ, повидимому, не безъ ихъ посредничества въ сбытѣ своихъ товаровъ внутрь страны вверхъ по теченію Дона и, по всей вѣроятности, караваннымъ путемъ до Волги, а оттуда лодками до Сарая и Каспійскаго моря. Рамузій, какъ мы видѣли, прямо упоминаетъ о сбытѣ венеціанскихъ товаровъ въ этомъ направленіи. А то, что было памятно географу XV вѣка, очевидно принадлежало къ области недавней общераспространенной практики. Мы видѣли, что вымогательства венеціанцевъ съ иностранныхъ купцовъ обратили на себя вниманіе и правительства республики, которое справедливо видѣло въ нихъ поводъ и къ недовольству татарскаго хана, и къ столкновеніямъ съ удачными соперниками въ Танѣ — генуэзцами; послѣдніе облагали своихъ купцовъ меньшими поборами и потому съ каждымъ годомъ становились все болѣе и болѣе многочисленными, благодаря готовности, съ какой всякіе иноземные торговцы записывались въ члены Генуэзской слободы предпочтительно передъ Венеціанской. Хотя республика св. Марка уже въ это время сознавала необходимость избѣгать столкновеній съ генуэзцами въ Танѣ и въ виду этого отказывалась даже отъ пріобрѣтенія поступавшихъ въ продажу земельныхъ участковъ, какъ расположенныхъ поблизости или, въ районѣ сдѣланнаго генуэзцамъ пожалованья; но въ поводахъ къ столкновеніямъ уже потому не могло быть недостатка, что ближайшими портами къ Танѣ на Азовскомъ и Черномъ морѣ были генуэзскія колоніи: Пантикапея, или Керчь, Порто-Пизано къ сѣверо-западу отъ Азова, наконецъ, Ѳеодосія, или Каѳа. Венеціанцы же, еще съ первой четверти XIV вѣка обкладывали шедшіе изъ Керчи товары особымъ поборомъ въ свою пользу [3]). Эта практика не исчезла со временемъ и о ней не разъ упоминается

[1]) Senato. Misti. T. 34, fol. 102. R°.

[2]) Senato. Misti. T. 38, fol. 38. Постановленіе отъ 23 мая 1383 года.

[3]) Въ недошедшихъ до насъ протоколахъ Сената отъ 1331 г. значилось, между прочимъ, насколько можно судить по уцѣлѣвшему инвентарю, что венеціанскому консулу въ Танѣ было поручено требовать

въ сенатскихъ протоколахъ [1]). Принимая во вниманіе все это, мы поймемъ причину, по которой въ лѣтописи могло проникнуть извѣстіе, что подстрекателемъ къ разрушенію венеціанской колоніи въ Азовѣ Тамерланомъ былъ близкій къ нему человѣкъ, Андрей Генуэзецъ. Канале принимаетъ цѣликомъ это свидѣтельство въ своихъ комментаріяхъ къ исторіи Крыма, или, точнѣе, генуэзскихъ владѣній въ немъ [2]). Оно, во всякомъ случаѣ, интересно, какъ символическое выраженіе народной молвою исконнаго недоброжелательства обоихъ поселеній другъ къ другу. Такъ какъ генуэзское пріумножилось въ ближайшія десятилѣтія, благодаря прибытію новыхъ поселенцевъ, какъ думаетъ Канале, изъ Каѳы и Перы, то въ глазахъ современниковъ разгромъ венеціанской колоніи Тамерланомъ ставился въ прямую зависимость съ враждою обѣихъ республикъ и ихъ соотвѣтствующихъ поселеній на Азовскомъ морѣ. Надо сказать, однако, что въ протоколахъ венеціанскаго сената нельзя встрѣтить ни малѣйшаго намека на этотъ счетъ. Не разъ упоминая о совершенномъ уничтоженіи ихъ поселка въ Танѣ Тамерланомъ, они ни единымъ словомъ не касаются предполагаемаго подстрекательства со стороны генуэзцевъ. Разгромъ произведенъ былъ, повидимому, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ протоколахъ сената отъ 1396 г. говорится объ истребленіи во время его всякихъ письменныхъ документовъ, въ томъ числѣ указовъ, выданныхъ въ пользу венеціанцевъ татарскими ханами [3]). Въ болѣе позднемъ по времени актѣ значится, что „какъ всѣмъ извѣстно, въ предѣлахъ Таны все (omnia loca illa) было разорено и предано пожару Тамерланомъ". Имя „бича Божьяго" или „молота вселенной" пишется сенатомъ слѣдующимъ образомъ: „Tamberlanus". Замѣчательно, что нигдѣ не говорится въ разбираемыхъ нами источникахъ о томъ, чтобы Тамерланъ пощадилъ при этомъ генуэзскую слободу, или чтобы причиною погрома не была вражда завоевателя къ татарскому хану. Въ 1397 году, когда въ засѣданіи 19-го марта, сенатъ рѣшилъ отправить Андрея Юстиніана спеціальнымъ посломъ и консуломъ въ Тану, ему поручено было доложить императору татаръ, что Венеція, всегда относившаяся съ сердечнымъ сочувствіемъ къ его личности и странѣ, крайне огорчена тѣми пораженіями, преслѣдованіями и убытками, какія нанесены были его имперіи „предательскимъ" Тамерланомъ. Послѣдній „не только его подданнымъ, но также нашему консулу и купцамъ причинилъ большой вредъ и обиды, захватывая людей силой, уводя ихъ съ собою въ рабство и присваивая себѣ, вопреки всякой справедливости, ихъ имущество [4])". Хотя въ разбираемыхъ нами документахъ и не говорится прямо о разрушеніи Тамерланомъ генуэзскаго поселка, но это необходимо вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что, какъ свидѣтельствуетъ сенатъ въ своемъ обращеніи къ татарскому хану въ 1397 г., посланный къ нему съ галерами уполномоченный не могъ высадится въ Танѣ,

---

10% сбора со всѣхъ товаровъ, приходившихъ въ Тану изъ Керчи, или Пантикапеи. J Misti del Senato. Изданіе Giomo, стр. 289.

[1]) Такъ изъ одного постановленія отъ 4 марта 1344 г. (Senato. Misti, T. 22, fol. 2. V°) видно, что этотъ поборъ повышенъ даже до 13%.

[2]) Томъ II, стр. 46.

[3]) Senato. Misti. T. 34, стр. 171.

[4]) Senato. Misti, T. 34, fol. 180. Постановленіе отъ 19 марта 1397 года.

такъ какъ въ ней недоставало жителей и пожаръ поглотилъ собою цѣлыя улицы; въ виду этого послу показалось опаснымъ остаться въ этомъ мѣстѣ. Галеры, на которыхъ отправлено было посольство, посѣтили берега Азовскаго моря въ 1396 г. и еще застали поселеніе въ Танѣ „въ пепелищахъ, а народъ разбѣжавшимся во всѣ стороны“[1]). Отправляя, годъ спустя, того же агента, Андрея Юстиніана, посломъ и консуломъ въ Тану съ порученіемъ выхлопотать отъ хана новыя привилегіи, взамѣнъ прежнихъ, истребленныхъ пожаромъ, сенатъ ставитъ первымъ условіемъ возстановленія венеціанской колоніи въ Азовѣ, то чтобы повелитель надъ татарами, или, какъ онъ выражается, ихъ императоръ, долженъ распорядиться о возвращеніи жителей въ предѣлы Таны[2]).

Соображая все сказанное, трудно отнестись иначе, какъ съ сомнѣніемъ, къ повторяемой Канале легендѣ о томъ, что разрушеніе венеціанской слободы въ Азовѣ Тамерланомъ вызвано было интригами генуэзцевъ и подстрекательствомъ близкаго къ нему человѣка — Андрея родомъ изъ Генуи.

Не оправдывается также документами и другая его догадка — о заселеніи Таны послѣ Тамерланова погрома не подданными Венеціи, а исключительно выходцами изъ генуезской колоніи Каѳы, или Ѳеодосіи. Въ протоколахъ венеціанскаго сената отъ 1397 года имѣется прямое указаніе на то, что бѣжавшіе изъ Таны купцы стали возвращаться въ нее еще до посылки Андрея Юстиніана къ татарскому хану, какъ только дошелъ до нихъ слухъ о томъ, что послѣднему удалось вернуть свои владѣнія и что Тамерланъ покинулъ ихъ предѣлы. Предводительствовавшій отправленными еще въ 1395 году галерами Яковъ Суріано, извѣщая письменно хана о сожженіи во время Тамерланова погрома всѣхъ его грамотъ и приказовъ, а также выданныхъ имъ и его предшественниками привилегій въ пользу венеціанцевъ (scripturae, mandata et paysanatica), ходатайствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ о выдачѣ новыхъ: тѣмъ самымъ ханъ доставилъ бы возможность купцамъ республики снова поселиться въ его земляхъ, получить новые указы въ свою пользу; въ этихъ новыхъ указахъ, между прочимъ, должно было значиться, что поступающій въ пользу хана платежъ въ полтора процента съ продаваемыхъ въ Танѣ товаровъ будетъ взимаемъ только въ случаѣ состоявшагося торга. Такое еще ранѣе принятое обязательство, какъ слѣдовало изъ сообщенія венеціанскихъ купцовъ въ Танѣ, далеко не соблюдалось. Ханъ, прежде чѣмъ выдать какія-либо грамоты, ожидалъ прибытія къ нему изъ Венеціи особаго посольства, о которомъ увѣдомляли его письма начальника надъ галерами, Якова Суріано. Между тѣмъ изъ Таны доходили въ Венецію извѣстія, что ея купцы подвергаются многимъ вымогательствамъ (mansariae); они стѣсняютъ ихъ торговые обороты въ предѣлахъ Таны и ханскихъ владѣній, обороты, сдѣлавшіеся возможными теперь, когда „за отходомъ Тамерлана въ собственныя земли

---

[1]) Missimus anno elapso cum duabus nostris galeris ad partes Tane unum nostrum ambaxatorem ut accederet ad presentiam magnitudines sue, qui, quia invenit partes illas esse inhabitatas et sine aliqui populo et contratas illas esse in maxima combustione, ita quod periculosum erat dicto nostro ambaxotori ibi moram facere, determinavit redire Venetias“. Senato. Misti. T. 37, fol. 180.

[2]) quod dictus dominus Imperator provideat de adventu dicti populi sui in Tanam.

(ad partes suas), въ имперіи водворился миръ и ея второстепенные владѣльцы, именуемые Сенатомъ баронами, вернулись къ прежнему подчиненію хану".

Эти жалобы венеціанскихъ купцовъ и побудили Сенатъ отправить къ татарамъ того самаго Андрея Юстиніана, который за годъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, не счелъ возможнымъ высадиться въ Танѣ, въ виду отсутствія въ ней жителей. Юстиніанъ, назначенный одновременно и консуломъ въ Тану, выбранъ былъ на должность большинствомъ голосовъ, превосходящимъ половину личнаго состава Сената. При этомъ рѣшено было, что въ тѣ четыре мѣсяца, которыхъ, въ виду значительности разстоянія, потребуетъ его миссія, онъ получитъ 200 дукатовъ. По истеченіи же этого срока Андрею Юстиніану полагается въ мѣсяцъ жалованья всего сто „libri". Посолъ-консулъ долженъ взять съ собою изъ Венеціи переводчика, или драгомана, который и обозначается этимъ обычнымъ въ Константинополѣ терминомъ (въ текстѣ протоколовъ о немъ говорится, какъ о dugromanus, очевидно, невѣрная передача слова dragomanus). Въ помощь консулу, сверхъ жалованья, дается на издержки поденно во время плаванья два дуката, а послѣ высадки на землю — пять дукатовъ. Путевыя издержки, платежъ за провозъ пассажировъ и груза (nabula navigiorum), а также то, что придется затратить на наемъ лошадей и подводъ, не падаютъ на посла-консула. Сенатъ ассигнуетъ сумму въ 1000 дукатовъ для покупки подарковъ хану, при чемъ выборъ ихъ предоставляется состоящей при дожѣ коллегіи его совѣтниковъ и начальниковъ надъ уголовной „quarantia", а также членамъ старой и новой комиссіи „мудрыхъ". Если бы послу и не удалось добиться ожидаемыхъ отъ хана вольностей, онъ долженъ вернуться обратно въ Венецію; въ противномъ же случаѣ ему предписывается поселиться въ Танѣ и отправлять въ ней должность консула въ теченіе двухъ лѣтъ съ жалованьемъ въ 80 дукатовъ въ годъ. Его служба можетъ продлиться и болѣе въ томъ случаѣ, если его преемнику не удастся прибыть къ концу означенныхъ двухъ лѣтъ. Консулу запрещается вести торговлю, какъ не дозволено это также консуламъ Александріи и Дамаска. Во все время продолженія его должности при немъ долженъ состоять священникъ-нотаріусъ и одинъ помощникъ, получающій въ годъ 40 дукатовъ жалованья и который на эти средства обязанъ, между прочимъ, заказать себѣ мантію (unam robam). На консула падаетъ также содержаніе пяти вооруженныхъ служителей и пяти коней для нихъ. Сенатъ предвидитъ непріятную случайность, что Андрею Юстиніану обстоятельства не позволятъ довести своей миссіи до конца. Въ виду этого рекомендуется венеціанскому правителю въ мѣстѣ послѣдней стоянки отправляемыхъ съ посломъ судовъ снестись съ высшими морскими властями Венеціи, а именно съ „поставленнымъ надъ заливомъ (т.-е. Адріатикой) генеральнымъ начальникомъ", а также съ интендантомъ (supracomes) всего торговаго мореходства; совмѣстно съ ними и большинствомъ голосовъ посолъ долженъ рѣшить вопросъ о томъ, продолжать ли ему свой путь далѣе или нѣтъ. Согласно мнѣнію большинства, онъ или возвращается въ Венецію, или отсрочиваетъ свой отъѣздъ. Всѣ эти предосторожности указываютъ на необезпеченность морского пути въ Тану. Опасались, повидимому, враждебныхъ дѣйствій со стороны не однихъ генуэзцевъ, почему судамъ, шедшимъ въ Азовское море, ставилось на видъ, не только избѣгать остановки въ портахъ,

принадлежащихъ торговымъ соперникамъ Венеціи (quod nullo modo deliberare debeant de expectando se aliquo loco in quo Genuenses possent sibi facere aliquam impositionem vel ponere aliquam gravitatem[1]), но и не терять другъ друга изъ виду, пока не достигнутъ предѣловъ Чернаго моря. Такъ какъ на этомъ морѣ и были расположены генуэзскія колоніи и такъ какъ особенно опаснымъ считался переѣздъ отъ Хіоса[2]) до выхода изъ Босфора, то есть основаніе думать, что венеціанцы боялись для своихъ судовъ всего болѣе враждовавшихъ другъ съ другомъ турокъ и византійцевъ. Не желая обременять своей казны издержками по отправкѣ посольства къ хану, Сенатъ и на этотъ разъ переноситъ ихъ на торгующихъ въ Танѣ венеціанскихъ купцовъ. Предписывается поэтому обложить временно, до полнаго покрытія всѣхъ расходовъ, полупроцентнымъ сборомъ товары, отправляемые въ Тану венеціанскими подданными, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ (per quemcumque venetum et qui pro veneto tractatur). Взиманіе этого чрезвычайнаго сбора поручено консулу, который изъ ожидаемаго дохода долженъ переводить въ Венецію тѣ или другія суммы въ платежъ чиновникамъ, завѣдующимъ чрезвычайными доходами и оплатившимъ впередъ издержки его посольства[3]). Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ Андрею Юстиніану удалось отправиться въ Тану. 19 марта 1397 года въ протоколахъ Сената еще говорится о полномочіяхъ и инструкціяхъ, какими необходимо снабдить его передъ отплытіемъ. Эти инструкціи посвящаютъ насъ во всѣ подробности того положенія, какое создано было для венеціанской колоніи въ Танѣ нашествіемъ Тамерлана и готовностью татарскихъ чиновниковъ присвоить себѣ, подъ предлогомъ выморочности, имущества погибшихъ при его погромѣ венеціанскихъ купцовъ. Онѣ указываютъ также на тѣ мѣры, какими венеціанскій Сенатъ надѣялся, не только выгородить своихъ подданныхъ отъ этихъ новыхъ вымогательствъ, но и прочно обезпечить на будущее время безопасность и матеріальное процвѣтаніе колоніи на Азовскомъ морѣ. Вернувшіеся въ Тану купцы оставались, повидимому, безъ всякаго начальства. Это обстоятельство дѣлало ихъ безпомощными въ столкновеніяхъ съ татарскими властями и обусловливало возможность тѣхъ „mansariae multae et valde magnae“, на которыя они жаловались въ Венецію, и для которыхъ, повидимому, нельзя придумать болѣе подходящей передачи, какъ сказавши, что татарскіе чиновники „ѣли“ венеціанцевъ своими поборами. Въ виду сказаннаго, Сенатъ озаботился прежде всего тѣмъ, чтобы на время, пока Андрей Юстиніанъ занятъ будетъ исполненіемъ возло-

---

1) Senato. Misti, т. 64, постановленіе отъ 18-го марта 1400 года.

2) Въ протоколахъ Сената отъ 15 марта 1400 года предвидится случай, когда, по прибытіи въ Хіосъ, начальствующій надъ судами капитанъ, отобравши предварительно мнѣніе консула и совѣта двѣнадцати принужденъ будетъ прекратить дальнѣйшее плаваніе и вернуться обратно въ Венецію. Senato. Misti т. 43, fol. 3. То обстоятельство, что начальнику надъ судами, отправляемыми въ Тану, Іерониму Контарини, венеціанскій дожъ Антоній Веньеръ приказываетъ добиться въ Константинополѣ аудіенціи отъ императора Іоанна и ходатайствовать у него отъ имени дожа и республики св. Марка о томъ, чтобы онъ отпустилъ венеціанскіе корабли съ товарами и купцами въ дальнѣйшее плаваніе согласно искони признаваемымъ за венеціанцами правамъ (secundum jurisdictiones nostras solitas), даетъ поводъ думать, что въ Венеціи опасались, какъ бы императоръ не отнесся враждебно къ возобновленію торговыхъ сношеній съ татарскими ханами въ виду обострившихся отношеній съ послѣдователями ислама (Senato. Misti, т. 43, fol. 6. Постановленія отъ 26-го марта 1400 года).

3) Senato. Misti, т. 34, стр. 171. Постановленія 20-го февраля 1396 г.

женныхъ на него обязанностей посла, венеціанская колонія не осталась бы безъ начальника и заступника передъ татарами. Вотъ почему Андрею Юстиніану, какъ консулу въ Танѣ, поручено было передъ отбытіемъ къ ханскому двору созвать своихъ совѣтниковъ и поручить имъ выборъ вице-консула. Только сдѣлавъ это и оставивъ послѣ себя замѣстителя, консулъ могъ отправиться въ посольство. Представъ на глаза хана, Андрей Юстиніанъ долженъ былъ въ тѣхъ „изысканныхъ выраженіяхъ, которыя его мудрости покажутся наиболѣе подобающими чести императора и въ то же время болѣе служащими къ осуществленію нашихъ намѣреній“ (cum illis honorabilibus verbis, que sue sapientie videbuntur decentia honori dicti domini Imperatoris et proficua ad nostram intentionem obtinendam), передать ему соболѣзнованія дожа и властей о Тамерлановыхъ предательствахъ и ихъ поздравленія съ возвращеніемъ своихъ владѣній. Такъ какъ при погромѣ Таны потерпѣли и венеціанскіе купцы, то послу надлежало высказать увѣренность, что „Императоръ“ приметъ участіе въ ихъ судьбѣ, прикажетъ своимъ подданнымъ обращаться съ ними, какъ съ друзьями, и не только возобновитъ въ ихъ пользу прежнія свободы, привилегіи и изъятія, но и пріумножитъ ихъ въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ. Въ виду того, что торговые обороты, производимые венеціанцами, выгодны въ равной мѣрѣ и для подданныхъ хана, и для его казны, повелитель надъ татарами, по возвращеніи венеціанскихъ поселенцевъ въ силу его приказа на прежнія мѣста жительства въ Азовѣ, долженъ позволить имъ укрѣпить отведенный для нихъ кварталъ. „Онъ лежитъ нынѣ пепелищемъ, благодаря разгрому и сожженію его Тамерланомъ“. Въ предѣлахъ его для защиты собственныхъ подданныхъ и ихъ имуществъ венеціанцы желаютъ воздвигнуть въ избранномъ ими самими мѣстѣ фортъ, который при случаѣ могъ бы быть полезенъ и для подданныхъ хана. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ послѣднимъ Андрей Юстиніанъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы, взамѣнъ прежнихъ трехъ процентовъ, взимаемыхъ въ пользу хановой казны съ товаровъ, какіе венеціанцы продаютъ въ Танѣ, татары удовольствовались полученіемъ только полутора процентовъ. За послѣднее время установилась въ Танѣ практика требовать платежа половины трехпроцентнаго сбора при самомъ прибытіи товаровъ въ Тану. Эти пошлины слѣдовало бы отмѣнить и удовольствоваться полученіемъ только полутора процентовъ съ товаровъ, проданныхъ венеціанцами татарамъ. Соотвѣтственно этому, хану надлежало бы выдать новые приказы и мѣстныя привилегіи, въ которыхъ оговорено было бы все вышеизложенное.

Послу предстояло также принять во вниманіе интересы венеціанскихъ торговцевъ, отправлявшихся караванами внутрь ханскихъ владѣній, и собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ вымогательствахъ, причиняемыхъ въ нихъ татарами. При свиданіи съ ханомъ онъ долженъ былъ добиться отъ него возвращенія гражданамъ Венеціи всего забраннаго у нихъ сверхъ должнаго и обѣщанія, что такія „притѣсненія“ впредь не будутъ повторяться. Разъ купцы избавлены будутъ отъ поборовъ, они охотнѣе станутъ торговать во владѣніяхъ хана[1]).

[1]) Въ текстѣ стоитъ quod nostri mercatores non graventur, nec angarientur ultra solitum. Послѣдній глаголъ angariare происходитъ отъ слова angariae, означающаго на средневѣковой латыни не столько барщину, сколько обязательныя помочи; въ переносномъ смыслѣ подъ angariae разумѣется всякаго рода вымогательство службъ и платежей.

Другимъ нестроеніемъ, способнымъ воспрепятствовать возрожденію венеціанской колоніи въ Танѣ, Сенатъ признаетъ вкравшуюся за послѣднее время практику не выдавать, какъ прежде, имуществъ умершихъ купцовъ венеціанскимъ торговцамъ, но присваивать ихъ, какъ выморочныя, тѣмъ татарскимъ начальникамъ, которыхъ Сенатъ считаетъ своего рода вассалами хана и обозначаетъ терминомъ „бароны". Андрею Юстиніану поручается поэтому добиться выдачи ханомъ приказа о передачѣ оставленныхъ покойниками имуществъ въ руки консула или вице-консула; буде же таковыхъ не окажется налицо,— въ руки венеціанскихъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ; послѣдніе же распорядятся о доставкѣ этого имущества сыновьямъ или другимъ наслѣдникамъ. Желательно, говоритъ Сенатъ, чтобы соотвѣтствующее постановленіе включено было ханомъ въ текстъ его будущихъ указовъ. Такъ какъ жилище прежняго консула въ Танѣ было разрушено Тамерланомъ, то послу предоставляется выхлопотать у императора разрѣшеніе снять въ наемъ одинъ изъ татарскихъ домовъ, „настолько достроенныхъ, чтобы служить помѣщеніемъ для него самаго и для его свиты до тѣхъ поръ, пока не возведено будетъ новое зданіе консульства". Предвидя, что отъ Тамерланова погрома венеціанцамъ удалось скрыть и нѣкоторую казну, Юстиніану, какъ будущему консулу, поручается обмѣнять ее на серебро; по возвращеніи въ Константинополь это серебро должно быть продано; полученная же отъ продажи сумма пойдетъ на покрытіе издержекъ, требуемыхъ возстановленіемъ венеціанской слободы въ Азовѣ.

Комиссія мудрыхъ, которымъ поручено было подготовить эти мѣропріятія, сумѣла собрать справки о томъ, кто пользуется особымъ вліяніемъ при дворѣ хана. Изъ полученныхъ ею свѣдѣній оказалось, что всемогущимъ человѣкомъ при немъ является казначей. Протоколы говорятъ о немъ, какъ о баронѣ, прозываемомъ Мурзою (Мирза). Послу рекомендуется склонить его деньгами къ поддержкѣ ходатайства объ уменьшеніи на половину сборовъ, взимаемыхъ съ венеціанскихъ товаровъ; на подкупъ казначея отпускается Сенатомъ сумма не свыше 200 дукатовъ. Они не идутъ въ счетъ тѣхъ 1000 дукатовъ, которые предназначены для покупки подарковъ самому хану[1]). Изъ протоколовъ Сената отъ 24 марта 1400 года видно, что Андрею Юстиніану удалось добиться отъ хана далеко не всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыми такъ дорожили торгующіе въ Танѣ купцы. Ханъ отказался уменьшить на половину сборы, поступавшіе въ его казну отъ венеціанскихъ товаровъ; чиновники, завѣдывавшіе отъ его имени интересами торговли, такъ называемые въ протоколахъ Сената commercitarii domini imperatoris, продолжали попрежнему взимать полтора процента съ товаровъ тотчасъ по ихъ выгрузкѣ; другую же половину пошлины приходилось платить только вслѣдъ за заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ. Въ виду новыхъ настояній со стороны заинтересованныхъ лицъ, Сенатъ, признавая, что такая практика приноситъ немалый ущербъ купцамъ и сокращаетъ предоставленную венеціанцамъ свободу „подсудности"[2]), счелъ нужнымъ поручить „совѣту двѣнадцати мудрыхъ" рѣшить вопросъ о томъ, что лучше,

---

[1]) Senato, Misti, т. XXIV, fol. 180.

[2]) Въ текстѣ значится буквально: quod redundat ad damnum non modicum mercatorum et etiam in diminutionem jurisdictionis nostri domini.

отправить ли консула посломъ къ хану или взамѣнъ этого удовольствоваться одной посылкой къ татарамъ грамоты съ новымъ ходатайствомъ. Не желая въ то же время обременять государственной казны издержками по снаряженію посольства, Сенатъ ограничивается обѣщаніемъ выдать вѣрительныя грамоты; что же касается до расходовъ, то они должны пасть всецѣло на купцовъ, торгующихъ въ Танѣ; для покрытія ихъ рекомендуется установленіе временнаго раскладочнаго налога, такъ называемаго cotimum.

Болѣе успѣшно было, повидимому, другое требованіе, предъявленное отъ имени дожа и всей республики св. Марка татарскому правителю. Ханъ согласился разрѣшить венеціанцамъ возведеніе въ Танѣ крѣпости; Сенатъ же опредѣлилъ отпустить на эту постройку, сверхъ прежнихъ суммъ, уже переданныхъ въ распоряженіе преемника Андрея Юстиніана — Матѳея Барбадико, новыя 300 summi[1]). Получивши отъ своего предшественника 150 дукатовъ, Барбадико затратилъ ихъ тотчасъ же на возстановленіе церкви, жилища консула и торговыхъ складовъ при немъ (lobia). Всѣ эти зданія разрушены были Тамерланомъ, такъ что, жалуется Сенатъ, „ни консулъ нашъ въ Танѣ, ни купцы не имѣли убѣжища какъ для себя, такъ и для имущества". Ста пятидесяти дукатовъ, разумѣется, скоро оказалось недостаточнымъ; чтобы „не дать пріостановленнымъ постройкамъ возможности прити въ ветхость", Сенатъ въ 1339 г., по просьбѣ консула, рѣшился выдать изъ государственной казны въ пособіе новые 300 summi. Тотъ же платежъ возобновленъ былъ и годъ спустя, по случаю посылки въ Тану новаго консула, дворянина Біанко-де Риппа. Чтобы вернуть казнѣ сдѣланный такимъ образомъ авансъ, консулу и его совѣту поручено было возобновить взиманіе одного съ половиной процента съ приходившихъ въ Тану товаровъ, независимо отъ полупроцентнаго сбора съ тѣхъ же товаровъ, сбора, шедшаго на покрытіе издержекъ посольства Андрея Юстиніана въ орду[2]).

Обнаруживая такимъ образомъ большую заботливость о возстановленіи венеціанской слободы въ Танѣ, Сенатъ въ то же время расширилъ автономію торгующихъ въ ней купцовъ предоставленіемъ имъ права выбора изъ своей среды и совѣтниковъ консульства, въ числѣ 12 человѣкъ, и вице-консула. Поводъ къ тому дало возвращеніе раньше срока въ Венецію консула Біанко-де-Риппа съ вѣдома и согласія Сената и по причинамъ частнаго характера. Отмѣтивъ въ своихъ протоколахъ, что подобная же льгота дана была ранѣе и Андрею Юстиніану и, имѣя въ виду очевидное нежеланіе венеціанскихъ патриціевъ засиживаться въ отдаленной колоніи, Сенатъ счелъ нужнымъ поручить вновь назначенному консулу передъ своимъ отъѣздомъ въ метрополію избрать замѣстителя или вице-консула изъ дворянъ, съ жалованьемъ въ 200 дукатовъ въ годъ и съ обязательствомъ держать при себѣ двухъ вооруженныхъ служителей. На тотъ случай, еслибы оказалось невозможнымъ найти дворянина, готоваго занять эту должность, позволено было опредѣлить на нее и человѣка изъ простонародья, на этотъ разъ на половинномъ жалованьи и съ обязательствомъ держать при себѣ всего одного служителя. На будущее же время предписано производить выборъ вице-

[1]) Senato Misti, томъ 43, fol. 68.
[2]) Senato. Misti, т. 43, fol. 77, постановленіе отъ 18-го марта 1400 года.

консула совѣту купцовъ. И такая практика установилась уже въ іюлѣ слѣдующаго года, когда отправлявшемуся въ Тану начальнику надъ галерами поручено было созвать по своемъ пріѣздѣ всѣхъ купцовъ, торгующихъ въ ней, и поручить имъ выборъ баллотировкой (per scrutinium) изъ собственной среды вице-консула и совѣтниковъ, которые, однако, не должны были вступить въ отправленіе своей должности раньше истеченія срока прежнихъ[1]).

Данное колоніи мѣстное самоуправленіе, очевидно, должно было не мало содѣйствовать ея внутреннему развитію. Тѣмъ не менѣе ея процвѣтаніе могло быть обезпечено только подъ условіемъ возможно частой посылки въ нее вооруженныхъ судовъ, или галеръ, со всякаго рода товарами, венеціанскими и иноземными. Большая часть ихъ шла затѣмъ на ладьяхъ вверхъ по теченію Дона и караваннымъ путемъ по Волгѣ въ Астрахань. Венеціанскія галеры возвращались обратно въ метрополію въ два срока, въ мартѣ и сентябрѣ, нагруженныя восточнымъ товаромъ, пряностями, шелкомъ-сырцомъ и шитыми золотомъ тканями, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, кармазиномъ и другими красящими веществами, не говоря уже о мѣстныхъ продуктахъ самой Тартаріи, какъ-то: маисѣ и пшеницѣ, овечьихъ шкуркахъ, соленой рыбѣ, пенькѣ и т. д. Послѣдній продуктъ къ этому времени сталъ доставляться въ такомъ количествѣ, что склады, посвященные въ Венеціи для храненія этого товара, столь необходимаго для выдѣлки парусовъ, получили здѣсь названіе „таны“[2]).

Съ цѣлью поощренія торговыхъ сношеній и изъ желанія удовлетворить запросу восточныхъ народовъ на всякаго рода западный товаръ, сенатъ дозволилъ доставлять въ Тану, между прочимъ, иноземныя сукна (panni forenses et omnes alia res). Чтобы избѣжать обремененія своего вывоза пошлинами и другими издержками, запрещалось судамъ, шедшимъ въ Тану, дѣлать стоянки въ генуэзскихъ портахъ, въ томъ числѣ въ Каоѣ, или Ѳеодосіи, разъ ихъ капитанамъ не удастся предварительно добиться обѣщанія, что пошлиной обложены будутъ только выгруженные на берегъ товары, съ кораблей же не произведено будетъ никакого добавочнаго побора[3]). Позднѣе, по всей вѣроятности въ виду обострившихся отношеній, запрещено было венеціанскимъ судамъ „мѣшать собственные товары съ генуэзскими“ и принимать грузы, предназначенные для жителей Каоы[4]). Вначалѣ весь торговый обмѣнъ съ Таною, какъ и съ другими портами Средиземнаго и Чернаго морей, производимъ былъ венеціанцами на однѣхъ галерахъ, или вооруженныхъ судахъ. И въ XV вѣкѣ нерѣдко заходитъ рѣчь объ ихъ посылкѣ, при чемъ опредѣляется, сколько стрѣлковъ должны забрать съ собою эти суда, сколько арбалетовъ, сколько ящиковъ со стрѣлами, сколько пикъ и зажигаемыхъ трутомъ „бомбардъ“, или кожаныхъ короткихъ пушекъ, образецъ которыхъ сохранился въ музеѣ венеціанскаго адмиралтейства. Нерѣдко судамъ отдаваемъ былъ приказъ грузить больше противъ обыкновеннаго и забирать большее противъ по-

---

[1]) Senato. Misti, т. 46, fol. 70 и 145.

[2]) Большая часть указанныхъ товаровъ перечислена въ постановленіи сената отъ 7 января 1398 года, опредѣляющемъ размѣръ вознагражденія за провозъ разныхъ предметовъ изъ Таны въ Венецію. Senato Misti, т. 44, f° 79, v°.

[3]) Постановленія сената отъ 12 февраля 1400 г., f. 54, v°.

[4]) Постановленія 20 апрѣля 1403 г. Senato, Misti, т. 46, f° 76, v°.

ложеннаго число стрѣлковъ; въ такомъ случаѣ и оружіе и воины предназначаемы были для вновь воздвигнутой крѣпости въ центрѣ венеціанскаго квартала. Такъ, въ 1400 и 1401 году протоколы сената, говоря о снаряженіи галеръ для отдаленнаго плаванія въ Романію, Тану и порты Чернаго моря, содержатъ въ себѣ приказъ сверхъ обычнаго числа взять съ собою еще 50 стрѣлковъ, а изъ оружія добавочныхъ 4 большихъ метательныхъ снаряда, 1000 каменныхъ ядръ съ 30 ящиками для ихъ храненія, 100 пикъ и 3 „пороховыя бомбарды", наконецъ, надежную металлическую цѣпь въ 30 шаговъ[1]). Съ XV вѣка мѣсто галеръ въ торговлѣ съ восточными колоніями и въ частности съ Таной начинаютъ заступать мало-по-малу и обыкновенныя суда. Первыхъ, очевидно, не хватало для удовлетворенія быстро возраставшаго морского обмѣна; венеціанскій сенатъ принужденъ былъ поэтому не разъ замѣнять ихъ обыкновенными кораблями, принадлежавшими подданнымъ республики. Въ этомъ случаѣ объявлялось въ общее свѣдѣніе о предстоящей посылкѣ судовъ въ Константинополь, Тану и Трапезундъ. Заявленіе производимо было особыми глашатаями и съ того самаго мѣста, на которомъ лежитъ въ настоящее время переброшенный черезъ большой каналъ мостъ Ріальто. Уже въ это время подымающійся въ данномъ мѣстѣ берегъ служилъ своего рода площадью, на которую сходились толковать о дѣлахъ негоцианты и мореплаватели. По требованію правительства всѣ владѣльцы кораблей должны были поставить ихъ въ его распоряженіе для отдаленнаго плаванія. Баллотировкой рѣшался вопросъ, какія изъ судовъ примутъ участіе въ предстоящей „муда", или торговомъ плаваніи въ Константинополь, Тану и Трапезундъ съ обратной доставкой товаровъ въ Венецію. Судамъ, на которыя палъ выборъ правительства, предписывалось запастись необходимымъ оружіемъ и стрѣлками. Свобода вывоза иностранныхъ товаровъ, въ томъ числѣ чужеземныхъ суконъ, распространена была съ галеръ и на эти, такъ сказать, взятые напрокатъ частные корабли. Ихъ владѣльцы должны были подчиниться извѣстнымъ требованіямъ: такъ, имъ приказывалось оплачивать изъ сборовъ, получаемыхъ за транспортированіе груза, или изъ такъ называемыхъ „nabula", услуги поставленнаго во главѣ флотиліи адмирала, а иногда особаго медика-хирурга, присутствіе котораго признавалось необходимымъ, особенно въ томъ случаѣ, если на морѣ предвидѣлась встрѣча съ судами воюющихъ съ Венеціей державъ или съ пиратами. Шедшимъ въ Тану кораблямъ предписывалось плыть рядомъ или на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, не задерживаться на пути въ отдѣльныхъ портахъ долѣе положеннаго времени и возвращаться въ Венецію въ два срока, въ мартѣ и сентябрѣ. Проникнувъ въ Черное море, одни суда, обыкновенно въ числѣ двухъ, отправлялись въ Тану, тогда какъ отдѣлившійся отъ нихъ третій корабль плылъ къ югу въ Трапезундъ. Но на обратномъ пути, прежде чѣмъ войти въ Геллеспонтъ („buca", или буквально „ротъ Чернаго моря), суда должны были собраться въ одномъ мѣстѣ, хранимомъ до поры до времени въ тайнѣ, очевидно, изъ страха не ріятеля. Такимъ мѣстомъ иногда выбирался портъ Воспи, тотъ самый, объ открытіи котораго венеціанскимъ купцамъ хлопоталъ Андрей

---

[1]) Senato-Misti, т. 43, f° 53 и 103, а также f° 84 R и v°.

Юстиніанинъ. Объ обычномъ пути галеръ и судовъ, направлявшихся изъ Венеціи въ Тану мы можемъ судить по дневнику одного путешествія, составленному между 1404 и 1407 гг. Онъ открытъ былъ въ одной миланской рукописи и отпечатанъ сперва въ отрывкѣ Макушевымъ, а затѣмъ цѣликомъ въ Новомъ Венеціанскомъ Архивѣ за 1896 годъ. Изъ Венеціи суда, увезшія съ собой нашихъ путешественниковъ, поплыли сперва Адріатическимъ моремъ, затѣмъ Архипелагомъ. Обогнувъ Пелопонесъ, они, прежде чѣмъ прибыть въ Константинополь, прошли мимо „могущественной крѣпости, высоко подымающейся въ гору“. Ее, значится въ дневникѣ, „занимаетъ предательскій турокъ“. Это Галлиполисъ. „Турокъ охотно избираетъ его своимъ мѣстопребываніемъ. Онъ хранитъ ее, какъ зѣницу ока. Здѣсь же онъ держитъ свои могущественные корабли“. За Галлиполисомъ, въ которомъ была сдѣлана временная стоянка, наши путешественники направились въ Константинополь. Для нихъ онъ еще, „священный городъ“ (sacratissima urbs), городъ громадный, окружность котораго равняется 18 милямъ. По входѣ въ Черное море, земля скрылась отъ взоровъ странниковъ. Они увидѣли ее снова по мѣрѣ приближенія къ крымскому берегу; дневнику онъ извѣстенъ, какъ заселенный готѳами (terra Gottorum). Здѣсь суда ихъ входятъ въ портъ (очевидно, св. Іоанна), за которымъ открывается значичительный, какъ пишутъ составители дневника, городъ Каѳа. По ихъ словахъ, онъ имѣетъ въ окружности 8 миль и покрываетъ собою площадь въ ¹/₉ Константинополя. Каѳа представляется имъ также городомъ весьма населеннымъ (vix suum continent populum murra)[1]). Покинувъ съ оставленіемъ генуэзской колоніи землю готѳовъ, суда приблизились къ противуположному берегу, за которымъ „тянутся, пишутъ составители дневника, земли татаръ“. По выходѣ изъ Чернаго моря, которое дневникъ называетъ моремъ мавровъ (mare maurum), суда вошли въ море, прозванное писателями (древности) Меотійскимъ, нынѣ же слывущее подъ названіемъ Деликальбахъ, и потому такъ, что въ немъ много рыбъ, именуемыхъ „забакъ“ и весьма напоминающихъ тѣ, которыя намъ (т.-е. венеціанцамъ) извѣстны подъ именемъ „скардіна“. Направо за нами, читаемъ мы въ дневникѣ, осталась обширная провинція, по прозвищу Кавказъ. Прежде чѣмъ войти въ Азовское море, наши путешественники увидѣли передъ собою расположенный на горѣ замокъ, показавшійся имъ совершенно недоступнымъ. Онъ лежитъ на разстояніи, какъ они говорятъ, ста миль отъ Каѳы и, по всей вѣроятности, ничто, иное какъ Керчь, или древняя Пантикопея. Генуэзцы ничѣмъ не владѣютъ за его стѣнами. Дневникъ утверждаетъ, что въ этомъ мѣстѣ покоятся мощи Іоанна Златоуста, который, „какъ извѣстно, умеръ въ провиціи Понта и похороненъ былъ въ церкви св. Василиска въ окрестностяхъ Комана“. Изъ Азовскаго моря суда вошли однимъ изъ семи гирловъ въ рѣку, которая, значится въ дневникѣ, именуется татарами Тэтъ, а нами Танаисъ (т.-е. въ Донъ). Проплывъ по немъ 12 миль, наши путешественники увидѣли передъ собою поселеніе (pagum), именуемое Таною. Этимъ сообщеніемъ и оканчивается разбираемый нами документъ, весь интересъ котораго сводится, такимъ образомъ, къ указанію тѣхъ стоянокъ, какія плывшія

[1]) По современнымъ свидѣтельствамъ, въ Каѳѣ насчитывалось въ XIV вѣкѣ до 100 тысячъ жителей. См. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, стр. 334.

изъ Венеціи суда обыкновенно производили на своемъ пути. Въ этомъ отношеніи показанія дневника находятъ прямое подтвержденіе въ одномъ почти одновременномъ протоколѣ венеціанскаго Сената. Въ немъ позволяется судамъ, вошедшимъ по дорогѣ въ Каѳу, оставаться въ ней не долѣе 8 дней[1]).

Событія, повешія къ постепенному упадку татарскаго владычества на югѣ Россіи, не замедлили отразиться невыгоднымъ образомъ и на судьбахъ венеціанской колоніи въ Танѣ. Если въ ближайшее время, слѣдовавшее за Тамерлановымъ нашествіемъ, повелители татаръ съ большей и меньшей строгостью соблюдали обязательства, принятыя по отношенію къ венеціанцамъ, то въ наставшее вскорѣ междуцарствіе или, вѣрнѣе, соперничество нѣсколькихъ претендентовъ на ханскій престолъ, иноземные торговцы не разъ дѣлались жертвою „новыхъ и неслыханныхъ вымогательствъ", неоднократно сопровождаемыхъ погромомъ самого поселенія въ Танѣ. Это обстоятельство, въ свою очередь, побудило Сенатъ, какъ мы сейчас увидимъ, озаботиться укрѣпленіемъ венеціанской слободы. Отъ каждаго новаго правителя приходилось вымаливать подтвержденіе старыхъ вольностей, а такъ какъ смѣна хановъ происходила довольно часто, то при отправленіи пословъ дожъ и высшее начальство Венеціи снабжали ихъ вѣрительными грамотами къ обоимъ соперникамъ, поручая представиться тому и имѣть дѣло съ тѣмъ, который окажется фактически занимающимъ престолъ. Очевидно, что частое возобновленіе посольствъ и значительныя затраты по возведенію стѣнъ, башень и крѣпостей, а также по содержанію стрѣлковъ, неимовѣрно увеличивали издержки по управленію колоніей; и такъ какъ республика св. Марка, слѣдуя исконной практикѣ, не согласилась принять ихъ на себя и раскладывала ихъ между купцами, торгующими въ Танѣ, то немудрено, если прямые и косвенные сборы росли въ венеціанской колоніи непрестанно, а это, въ свою очередь, вело въ концѣ концовъ къ сокращенію числа ея поселенцевъ, какъ высшаго, такъ и средняго состоянія. Многіе не находили средствъ или не видѣли расчета въ возстановленіи пришедшихъ въ ветхость или разрушенныхъ монголами и татарами жилищъ, такъ что правительству не разъ приходилось, какъ мы увидимъ ниже, настаивать, по крайней мѣрѣ, на продажѣ ими съ публичныхъ торговъ запустѣлыхъ дворищъ, подъ условіемъ, что покупатель воздвигнетъ на ихъ мѣстѣ новыя зданія на позже двухлѣтняго срока. Парализованные

---

[1]) Постановленіе отъ 12 февраля 1400 г. Въ немъ говорится, что по входѣ въ Черное море, одинъ изъ кораблей отправляется въ Трапезундъ, другой заходитъ въ Каѳу, третій же прямо идетъ въ Тану. На обратномъ же пути всѣ три корабля сходятся въ Каѳѣ. Senato. Misti, т. 43, f. 54. v⁰. Въ другомъ постановленіи того же Сената мы встрѣчаемъ однако рѣшеніе, идущее въ разрѣзъ съ практикой дѣлать стоянку въ Каѳѣ. Оно вызвано было фискальными поборами, производимыми въ этомъ порту генуэзцами съ венеціанскихъ судовъ и временнымъ несогласіемъ обѣихъ республикъ. Этихъ причинъ вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему „Сенатъ запретилъ своимъ судамъ останавливаться въ генуэзскихъ портахъ въ частности въ Каѳѣ. (Постановленіе 20 апрѣля 1403 г., т. 46, f⁰ 76. v⁰). Еще въ одномъ отношеніи приведенный дневникъ путешествія находитъ себѣ подтвержденіе въ сенатскихъ постановленіяхъ. Въ немъ говорится, что если странники не отправились изъ Таны въ Трапезундъ, то только потому, что ими раньше рѣшено было не ѣхать далѣе; значитъ, суда, „шедшія въ Черное море, плыли иногда вмѣстѣ до Таны и изъ нея уже часть ихъ отправлялась въ Трапезундъ. Подтвержденіе этому мы находимъ въ постановленіи Сената отъ 3 марта 1402 г., согласно, которому судно, предназначенное въ Трапезундъ, не должно ничего платить въ Танѣ на томъ основаніи, что „не имѣя выгодъ отъ продажи товаровъ, оно не должно нести и соотвѣтственныхъ поборовъ (angariae)". Senato. Misti, т. 46.

въ своей торговой дѣятельности высотою денежныхъ требованій, предъявляемыхъ, какъ татарскимъ, такъ и венеціанскимъ начальствомъ, съ товаровъ въ формѣ пошлинъ, а съ купцовъ въ формѣ личнаго раскладочнаго налога или такъ называемаго „cotimum“, соразмѣреннаго съ имуществомъ каждаго, многіе изъ постоянныхъ торговцевъ Таны искали окольныхъ путей къ тому, чтобы избѣжать обложенія. Одни пользовались принадлежавшимъ имъ званіемъ совѣтниковъ консула для уменьшенія причитающейся съ нихъ суммы налоговъ, другіе вступали съ чиновниками хана въ незаконныя сдѣлки, уплачивали имъ впередъ большія или меньшія суммы, изъ которыхъ сборщики производили затѣмъ вычетъ причитающихся съ продажъ трехпроцентныхъ сборовъ. Въ борьбѣ съ этими нестроеніями венеціанское правительство, по совѣту возвращавшихся изъ Таны консуловъ, сокращало районъ вѣдомства коллегіальныхъ учрежденій колоніи въ пользу ея единоличныхъ органовъ, въ частности въ пользу консула и вице-консула; имъ однимъ были чужды своекорыстные расчеты въ виду прямаго запрета заниматься торговлею. Съ цѣлью устраненія неравенства условій между купцами, поселенными въ Танѣ, и предотвращенія всякаго подкупа съ ихъ стороны финансовыхъ агентовъ хана, сенатъ не разъ объявлялъ незаконными всякіе денежные авансы по платежу таможенныхъ пошлинъ татарамъ, всякаго рода сдѣлки съ ихъ чиновниками, завѣдывавшими иноземной торговлей въ Азовѣ, т.-е. призванными ханомъ къ контролю за продажами, совершаемыми венеціанскими купцами, и къ обложенію ихъ трехпроцентнымъ сборомъ съ товаровъ. Эти мѣропріятія, выполненіе которыхъ связано было со взиманіемъ штрафовъ въ пользу одинаково доносчика, консула и казны колоніи, очевидно, открывали возможность широкаго произвола для единоличныхъ органовъ власти и вызывали частыя жалобы и препирательства. Въ виду отдаленности Таны отъ метрополіи и невозможности для торгующихъ въ ней купцовъ оставлять надолго личное руководительство своими дѣлами, нечего было и думать объ установленіи чего-либо подобнаго правильной апелляціи на рѣшенія консула въ венеціанскіе суды. Сенатъ призналъ однако возможнымъ оставить мѣстную администрацію безъ всякаго контроля. Консулу повѣлено было вести въ двухъ экземплярахъ запись всѣхъ производимыхъ имъ имущественныхъ оцѣнокъ, а также всего прихода-расхода колоніальной казны, что, съ одной стороны, дѣлало возможной провѣрку его дѣйствій, а, съ другой, позволяло купцамъ ежечасно наводить справки съ прежними оцѣнками въ случаѣ неравномѣрной разверстки налоговыхъ тягостей. Одновременно начальнику надъ отправляемыми дважды въ годъ въ Тану галерами или торговыми судами было предоставлено отбирать отъ заинтересованныхъ лицъ письменныя жалобы на рѣшенія консула и передавать ихъ по возвращеніи въ Венецію такъ называемымъ Адвокатамъ Общины, (avocatori del Comun), т.-е. своего рода государственнымъ контролерамъ за дѣйствіями всѣхъ вообще чиновниковъ республики; они уполномочены были призывать ихъ къ денежной отвѣтственности въ пользу потерпѣвшихъ и послѣ оставленія должности.

Все сказанное должно служить къ общей характеристикѣ судебъ Таны въ XV вѣкѣ. Мы приступаемъ въ настоящее время къ изученію отдѣльныхъ сторонъ колоніальной жизни. Заботы венеціанскаго сената о внѣшней безопасности колоніи и

о ея внутреннемъ благосостоянiи такъ многообразны, что познакомиться съ ними сколько-нибудь обстоятельно нельзя иначе, какъ разсматривая его мѣропрiятiя въ извѣстномъ порядкѣ. Мы изучимъ поэтому въ отдѣльности, во-первыхъ, дипломатическiя сношенiя республики св. Марка съ татарскими ханами, съ цѣлью добиться сохраненiя привилегiй, ранѣе дарованныхъ членамъ венецiанской колонiи, во-вторыхъ, мѣры, принятыя сенатомъ по сооруженiю особой крѣпости въ Танѣ, способной служить въ равной мѣрѣ къ защитѣ и отъ татаръ, и отъ генуэзцевъ, въ-третьихъ, финансовую политику метрополiи, направленную къ полученiю съ колонистовъ средствъ на покрытiе всѣхъ вынуждаемыхъ обстоятельствами чрезвычайныхъ расходовъ, наконецъ, въ-четвертыхъ, внутреннее устройство колонiи, организацiю ея единоличныхъ и коллегiальныхъ органовъ. По этимъ четыремъ группамъ могутъ быть распредѣлены важнѣйшiе изъ тѣхъ административныхъ актовъ, какiе въ теченiе XV вѣка вызваны были къ жизни политическими событiями, совершавшимися одновременно и въ средѣ татаръ, и во внутренней жизни республики св. Марка, и въ сферѣ ея внѣшнихъ сношенiй съ ближайшей соперницей въ заморской торговлѣ, съ Генуей. Одна за другой раскроются передъ нами тѣ причины, которыя привели венецiанскую колонiю на Азовскомъ морѣ къ обезлюденiю и упадку и сдѣлали возможнымъ окончательное ея разоренiе благодаря новымъ погромамъ татаръ. Предупредить ихъ или парализовать ихъ гибельное влiянiе сдѣлалось особенно труднымъ съ момента занятiя Константинополя турками и распространенiя Ислама по обоимъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Дипломатическiя сношенiя съ татарами.

Въ протоколахъ Сената отъ 18 iюля 1413 г. говорится о томъ, что Совѣтомъ Мудрыхъ рѣшено отправить посломъ къ хану дворянина Бенедикта Аймо, который, по исполненiи своихъ полномочiй, долженъ остаться консуломъ въ Танѣ. Въ вѣрительномъ письмѣ, выданномъ ему по этому поводу дожемъ Михаиломъ Стэно, значится, между прочимъ, что онъ обязанъ добиться возобновленiя выданныхъ венецiанцамъ привилегiй и отмѣны несогласныхъ съ ними поборовъ. Послу надлежало довести до свѣдѣнiя „императора татаръ“, что узурпаторъ Эдигей, временно захватившiй власть надъ его подданными, возложилъ на венецiанцевъ платежъ поземельнаго сбора, котораго они не знали прежде и который несогласенъ съ признанными за ними вольностями, подтвержденными еще недавно отцомъ нынѣшняго правителя. Когда на мѣсто Эдигея вступилъ на престолъ новый ханъ, венецiанскiе купцы въ Танѣ сочли нужнымъ черезъ особаго посланца хлопотать объ отмѣнѣ этого земельнаго сбора (terraticum, терминъ, который въ текстѣ документа ошибочно пишется terradegum). Ханъ, снисходя къ ихъ просьбѣ и освѣдомленный о томъ, что земля, занятая венецiанцами, пожалована была имъ его предшественниками, распорядился объ отмѣнѣ поступавшаго съ нея сбора. Бенедиктъ Аймо долженъ былъ напомнить объ этомъ фактѣ и просить вновь вступившаго на престолъ хана о подтвержденiи такой отмѣны письменнымъ приказомъ и о признанiи снова вольностей и сво-

бодъ, дарованныхъ членамъ венеціанской слободы въ Танѣ. По прибытіи въ послѣднюю, посолъ обязанъ былъ освѣдомиться и о другихъ притѣсненіяхъ и вымогательствахъ, причиняемыхъ его соотечественникамъ татарскими властями. Обо всѣхъ ихъ надлежало довести до свѣдѣнія хана и требовать отъ него не только запрещенія ихъ на будущее время, но и возвращенія всего забраннаго. Такъ какъ въ моментъ отправки посольства венеціанское правительство не было увѣрено въ томъ, кому изъ двухъ претендентовъ, Керимъ-Бердѣ или Хебекъ-Султану, удастся занять ханскій престолъ, то рѣшено было снабдить посла двумя вѣрительными грамотами за золотой печатью. Оба претендента были братьями. Посолъ долженъ былъ предстать передъ тѣмъ, которому, какъ значится, „удастся низвергнуть противника и сѣсть на его мѣсто". Предвидѣлась, однако, возможность и третьяго исхода — водворенія на престолѣ посторонняго узурпатора. Не входя въ разбирательство правъ любого изъ претендентовъ, дожъ приказывалъ Бенедикту Аймо вступить въ переговоры съ тѣмъ, который будетъ властвовать, и добиться отъ него подтвержденія прежнихъ привилегій. Надежнѣйшимъ средствомъ къ тому казались подарки, какъ самому хану, такъ и всѣмъ тѣмъ изъ его слугъ, кого посолъ найдетъ нужнымъ задобрить. Вотъ почему дожъ приказалъ отпустить въ распоряженіе Аймо сумму въ 1000 дукатовъ, предназначенныхъ исключительно для подкупа. Но такъ какъ и этого казалось недостаточнымъ, то послу предоставлена была свобода дополнительными взятками (per medium alicuius manzarie) достигнуть желаемаго. Онъ въ правѣ былъ затратить на нихъ до 2000 византійскихъ монетъ, вѣроятно, „asperi", изъ суммы дохода, доставляемаго сборами въ 1% съ цѣны товаровъ, продаваемыхъ въ Танѣ, и шедшаго на покрытіе издержекъ посольства. Не въ состояніи будетъ Бенедиктъ Аймо провесть отмѣну земельнаго сбора, — пусть, по крайней мѣрѣ, добьется запрета на будущее время всякихъ обязательныхъ подарковъ, или попросту взятокъ, въ пользу татарскихъ чиновниковъ[1]). Только что приведенный документъ проливаетъ яркій свѣтъ на условія, въ какихъ венеціанскимъ купцамъ приходилось торговать въ Танѣ. Ихъ не только облагали пошлиной въ пользу ханской казны въ размѣрѣ 3% съ цѣны товаровъ, но еще земельнымъ налогомъ, взиманіе котораго обставлено было такими злоупотребленіями, что сумма самаго сбора отъ этого какъ, значится въ протоколахъ Сената, возрастала вдвое. Приходилось, поэтому, всячески хлопотать объ упраздненіи этихъ незаконныхъ поборовъ и не щадить для этого издержекъ на снаряженіе посольствъ къ хану. Такія посольства, разумѣется, обходились дорого. Сверхъ тысячи дукатовъ, затрачиваемыхъ на подарки хану и его приближеннымъ, и добавочной суммы въ 2000 asprі на подкупъ татарскихъ сановниковъ, приходилось еще въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ платить послу жалованье въ 300 дукатовъ, да сверхъ того еще 2 дуката ежедневно на содержаніе во время плаванія и 5 дукатовъ съ момента высадки въ Тану. Изъ этихъ суммъ посолъ покрывалъ издержки своей свиты, въ которую входили, вмѣстѣ съ священникомъ, бывшимъ одновременно и нотаріусомъ, еще товарищъ по посольству, четыре вооруженныхъ служителя и переводчикъ, или

[1]) Senato Misti. Томъ 50, fol. 11. Постановленія Сената отъ 18-го и 21-го іюля 1413 года.

драгоманъ. Республика св. Марка, разумѣется, не принимала на себя этихъ издержекъ; онѣ падали всецѣло на торгующихъ въ Танѣ купцовъ, которымъ приходилось также выплачивать жалованье консулу, жалованье, достигшее къ этому времени значительной суммы 800 дукатовъ въ годъ. Для покрытія всѣхъ этихъ затратъ колоніи приходилось увеличивать поборы съ товаровъ, поступающихъ въ склады венеціанскаго поселенія, и ввести раскладочный налогъ на имущество, уже упомянутый нами cotimum. И все же члены венеціанской колоніи не переставали настаивать передъ Сенатомъ на необходимости новыхъ и новыхъ посольствъ къ хану съ однообразнымъ ходатайствомъ о возобновленіи старыхъ привилегій и исправленіи вкравшихся злоупотребленій. Ихъ не останавливала самая тщетность всѣхъ прежнихъ усилій и значительная высота связанныхъ съ ними издержекъ. Но эти соображенія, повидимому, имѣли цѣну въ глазахъ Сената. Въ отвѣтъ на просьбу отправить новаго посла въ орду (in lordo) Сенатъ отвѣчаетъ, напр., 29-го апрѣля 1400 года, что ему кажется неудобнымъ сдѣлать это немедля, въ виду того, что въ „Татарской Имперіи", какъ хорошо извѣстно и просителямъ, часто мѣняются правители[1]).

Мѣры по укрѣпленію венеціанскаго поселка въ Танѣ.

Опытъ все болѣе и болѣе убѣждалъ Сенатъ въ необходимости возложить надежду на дальнѣйшее развитіе колоніи, или, по меньшей мѣрѣ, на удержаніе ея за метрополіей, не на дипломы татарскихъ правителей, а на укрѣпленіе венеціанской слободы. Съ первой четверти XV вѣка и почти до самаго конца столѣтія протоколы Сената, занимаясь Таной, почти исключительно говорятъ о возведеніи въ ней стѣнъ и палисадовъ, башенъ и бойницъ, о вырытіи рвовъ, объ устройствѣ подъемныхъ мостовъ, о снабженіи ея стрѣлками, о заведеніи на Дону вооруженныхъ барокъ и о поставкѣ надъ ними особаго адмирала, о посылкѣ въ Тану, не только арбалетовъ и метательныхъ снарядовъ, но и огнестрѣльнаго оружія, въ томъ числѣ бомбардъ, наконецъ, о снабженіи ея припасами, которые позволили бы венеціанцамъ выдержать въ ней осаду, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ недѣль. Повидимому, мысль объ обращеніи Таны въ крѣпость возникла еще въ 1411 году. Въ виду частыхъ перемѣнъ правителей у татаръ, Сенатъ въ засѣданіи 3 марта 1411 года постановилъ укрѣпить Тану (infòrtir la Tana). Съ этого времени, при отправкѣ новаго консула въ колонію на Азовскомъ морѣ, ему предписывалось брать съ собою 20 стрѣлковъ. Эта мѣра уже въ 1414 году „признаваема была источникомъ безопасности для Таны и поселенныхъ въ ней подданныхъ республики св. Марка[2])". Андрею Контарини, исполнявшему въ это время обязанности консула въ Танѣ, поручено было воздвигнуть на берегу Дона въ мѣстѣ, въ которомъ проведенъ мостъ черезъ него, мостъ, отдѣляв-

---

[1]) Senato Misti, т. 53, f° 41-е.

[2]) На венеціанскомъ нарѣчіи, на которомъ съ этого времени нерѣдко составляются протоколы Сената, это заявленіе передается слѣдующими словами: La qual parte sia stada totalmente la salude et segurtade del nostro luogo de la Tana et dei nostri subditi cum el so haver.

шій венеціанскій поселокъ отъ кварталовъ, занятыхъ татарами и черкесами, башню; она, такимъ образомъ, очутилась бы у подножья горы, уступленной подъ венеціанскій поселокъ. На этой башнѣ преемнику Контарини приказано было держать постоянно четырехъ стрѣлковъ изъ двадцати, посланныхъ въ Тану. Они обязаны были пребывать въ башнѣ денно и нощно и не смѣли спать внѣ ея предѣловъ. Одинъ изъ нихъ всегда долженъ былъ стоять на стражѣ. Консулу приказано также распорядиться объ устройствѣ въ башнѣ жилища для этихъ четырехъ стрѣлковъ и о снабженіи ея камнями, ядрами, бомбардами и другими предметами, обыкновенно встрѣчаемыми въ крѣпости[1]). Ближайшимъ послѣдствіемъ всего этого было, разумѣется, увеличеніе издержекъ поселенныхъ въ Танѣ купцовъ. Вотъ почему къ прежнимъ процентамъ съ цѣны европейскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Тану, прибавленъ былъ еще одинъ. Изъ временнаго сбора, предназначеннаго первоначально для оплаты издержекъ посольства, этотъ налогъ сдѣлался постояннымъ. На средства, доставляемыя пошлиной, сверхъ оплаты жалованья консулу, совѣтникамъ и драгоману, сторожамъ (bastonieri) и стрѣлкамъ арбалетчикамъ (balestrieri), надлежало покрывать еще издержки по сооруженію стѣны вдоль по теченію Дона. Стѣна должна была примкнуть къ башнѣ. Высота ея была незначительна: всего въ два passi, т.-е. два шага. Ширина же не была опредѣлена напередъ, а поставлена въ зависимость отъ „нужды". Въ постановленіи Сената значилось, что въ стѣнѣ надлежало сдѣлать крытый ходъ или коридоръ съ выступами для стрѣлковъ. Крайними предѣлами стѣны должны были быть, съ одной стороны, ровъ, отдѣляющій венеціанскій поселокъ отъ генуэзскаго, а съ другой — такой же ровъ между нимъ и еврейскимъ кварталомъ, такъ называемой Zudecha. На каждомъ изъ двухъ угловъ предписано было устроить небольшую башенку, а по окончаніи всѣхъ этихъ работъ концы обѣихъ стѣнъ соединить новой поперечной стѣной той же высоты и ширины, перерѣзывающей венеціанскій поселокъ съ востока на западъ. Въ серединѣ этой стѣны приказано сдѣлать ворота съ выступомъ надъ ними для стрѣлковъ. Подъемный мостъ, переброшенный черезъ ровъ и ведущій отъ этихъ воротъ, долженъ былъ служить средствомъ сообщенія крѣпости съ близлежащей горой, уступленной для венеціанской слободы. Отъ консула зависѣло поднятіе или опущеніе этого моста, т.-е. установленіе или прекращеніе прямыхъ сношеній между поселкомъ и фортомъ. Такъ какъ республика св. Марка не желала принять на себя издержекъ по сооруженію крѣпости, то въ постановленіяхъ Сената предвидится случай, когда, за недостаткомъ средствъ, придется пріостановить работы по укрѣпленію Таны. Консулу ставится на видъ необходимость озаботиться прежде всего своевременной уплатой жалованья стрѣлкамъ, а затѣмъ и прочимъ властямъ. Одинъ остатокъ идетъ на возведеніе вышеуказанныхъ стѣнъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ работы затянулись на долгое время. Для ихъ продолженія Сенату пришлось чуть не изъ года въ годъ вотировать выдачу временныхъ авансовъ величиною до трехъ тысячъ дукатовъ[2]). Уже

---

[1]) Постановленіе отъ 24 мая 1414 года. Senato. Misti, т. 50, f°. 112.

[2]) См. постановленія Сената отъ 13 іюня 1426 года и отъ 27 іюня 1427 года. Senato. Misti, т. 56, f° 21 и 107.

въ 1419 году (18 іюля) Сенатъ оцѣнивалъ собственныя затраты на возведеніе крѣпости въ Танѣ въ 6000 дукатовъ; консулу предписывалось вернуть эту сумму въ казну, въ томъ случаѣ, еслибы обстоятельства принудили его прекратить дальнѣйшее сооруженіе стѣнъ[1]). Обстоятельства, на которыя намекаетъ Сенатъ, по всей вѣроятности, были тѣ три раза повторявшіеся погромы татаръ, о которыхъ болѣе опредѣленно говорится въ сенатскомъ постановленіи отъ 7 января 1418 года. Трижды, значится въ немъ, за послѣднее время наше поселеніе въ Танѣ было разграблено съ великимъ убыткомъ для лицъ и имуществъ нашихъ купцовъ. Сенатъ оцѣниваетъ причиненный такимъ образомъ вредъ въ 400 тысячъ дукатовъ. Послѣдній погромъ сопровождался сожженіемъ всего поселка[2]). Пришлось думать о скорѣйшемъ выполненіи, по крайней мѣрѣ, части задуманныхъ сооруженій. Любопытно, что 3 марта 1422 г. Сенатъ настаиваетъ на необходимости возможно скорѣе провести двѣ стѣны, которыя бы защитили венеціанское поселеніе и отъ татаръ и со стороны генуэзскаго и еврейскаго кварталовъ. Стѣны эти должны были тянуться по теченію Дона на разстояніи цѣлыхъ 500 шаговъ, затѣмъ пройти вдоль границъ генуэзскаго квартала и гэто и, наконецъ, подняться вверхъ на гору, занимаемую венеціанской слободой. Поперечная стѣна въ 500 шаговъ должна была соединить обѣ продольныя. Такимъ образомъ, крѣпость была бы окружена оградою съ трехъ сторонъ, а съ четвертой она защищена была бы Дономъ. Въ ея предѣлахъ предстояло возвесть снова подвергшіяся разгрому жилища венеціанцевъ и склады для ихъ товаровъ[3]). Для скорѣйшаго выполненія этихъ построекъ потребовалась посылка въ Тану изъ Венеціи каменщиковъ, изготовителей извести (fornisarri pro faciendo calcinam) и простыхъ рабочихъ (manuali)[4]). Еще ранѣе Сенатъ опредѣлилъ отправить судно въ Тану, а то и два съ матеріаломъ, необходимымъ для постройки крѣпости[5]). Такое рѣшеніе вызвано было уже упомянутымъ извѣстіемъ о совершенномъ разрушеніи города татарами. Въ 1424 году эти заботы объ укрѣпленіи Таны, повидимому, увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Въ постановленіяхъ Сената отъ осени этого года значится, что съ Божьей помощью проектъ снабженія Таны стѣною доведенъ до конца. Изъ дальнѣйшихъ словъ цитируемаго акта видно, однако, что изъ первоначальнаго плана выполнена была только часть. Со стороны татаръ и черкесовъ проведена была стѣна длиною шаговъ въ триста, и на ней устроено 25 выступовъ для стрѣльцовъ и оборонительныхъ снарядовъ. Сенатъ считалъ необходимымъ независимо отъ этой стѣны возвести еще другую вокругъ всей горы, состоящей подъ венеціанской слободой. Башень нечего строить, пока не закончена будетъ работа по сооруженію этой стѣны. Независимо отъ нея, должны быть воздвигнуты башни — одна надъ входомъ въ крѣпость, другая для защиты отъ генуэзцевъ, третья напротивъ еврейскаго гэто. Когда же

---

1) Senato Misti, т. 52, f° 186 v°.

2) Et sicut est notum ab aliquo tempore citra tribus vicibus dictus locus Tanae fuerit derobatus cum maximo domno mercatorum nostrorum tam in personis quam in havere quantitatem ducatus quadragintorum millium et modo ultimo, fuerit dictus locus totus combustus.

3) Senato, Misti, т. 54, f° 3.

4) Senato, Misti, т. 53, f° 108 и т. 54, f° 8.

5) Томъ 52, f° 143. Постановленія 12 іюня 1418 года.

построена будетъ окружная стѣна, то на противуположной сторонѣ башни, лежащей на берегу Дона, должны быть продѣланы ворота съ подъемнымъ мостомъ, Надъ подъемнымъ мостомъ надлежитъ устроить особую защиту (въ текстѣ значится barbacana, въ словарѣ же Дюканжа этотъ терминъ переводится словомъ propugnaculum). Постройку стѣны приказано начать съ горы, а по окончаніи работъ не дозволять возведенія венеціанцами домовъ въ предѣлахъ ограды иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: постройки вести съ вершины и расположить дома уступами, по подобію тѣхъ террасъ, которыми, какъ значится, построены генуэзцами жилища въ Каѳѣ[1]). Во дворѣ консула въ особо устроенныхъ магазинахъ дозволено купцамъ складыватъ ихъ легкіе товары. Крѣпость должна быть снабжена кукурузой и просомъ по меньшей мѣрѣ на сумму въ 200 дукатовъ[2]). Благодаря погромамъ татаръ, повторявшимся, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ подъ рядъ и, повидимому, не прекратившимися и въ концѣ тридцатыхь годовъ, въ Танѣ оказывалось не мало впустѣ лежавщихъ участковъ, истребленныхъ пожаромъ, или разрушенныхъ дворовъ. Немудрено если въ протоколахъ Сената неоднократно высказывается заботливость о томъ, чтобы по возможности скорѣе воздвигнуты были на ихъ мѣстѣ новыя жилища „дабы, наше поселеніе не казалось запустѣвшимъ (ne dictus noster locus remaneat desolatus[3]). Чтобы ускорить работы, положено было дать собственникамъ двухгодичный срокъ для застройки своихъ дворищъ; по истеченіи же этого времени ихъ велѣно продать съ публичныхъ торговъ, въ присутствіи консула и съ вычетомъ въ его пользу. Время отъ времени приходилось, однако, отступать отъ этого правила и отсрочивать на годъ дарованную собственникамъ льготу[4]). Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Сенатъ упоминаетъ въ своихъ протоколахъ, что многіе построили и теперь еще строятъ дома и магазины въ предѣлахъ земель, отведенныхъ татарами подъ венеціанскій поселокъ, но что въ числѣ строителей не мало лицъ, не признающихъ никакимъ внѣшнимъ образомъ нашего владычества, т.-е. своего подданства республикѣ св. Марка. Изъ этого легко заключить, что не разъ венеціанскіе купцы уступали свои разрушенныя усадьбы чужеземнымъ торговцамъ. Послѣдствія такихъ порядковъ, очевидно, были неблагопріятны для сохраненія венеціанскаго владычества. Сенатъ рѣшился поэтому на мѣру обоюдоостраго характера. Въ засѣданіи 14 іюля 1429 г. постановлено, во-первыхъ, что никому впредь не должно быть дозволено получать участковъ въ предѣлахъ венеціанской колоніи иначе, какъ съ согласія двухъ третей членовъ Сената, во-вторыхъ, что самыя эти земли отчуждаются не въ собственность, а во временное пользованіе и подъ условіемъ платежа ренты въ казну колоніи.

---

[1]) quod nullo modo permittatis construi et de novo hedificari aliquos domos que non sint de supra in Culmine plane ad modum terratiarum sicut sint ille de Chaffa. Senato. Misti, т. 55, f° 62. Постановленія отъ 18 октября 1424 года.

[2]) Постановленіе, принятое въ апрѣлѣ 1424 года. Senato. Misti, т. 5, f° 40.

[3]) Senato, Misti, т. 56, f° 93. Постановленіе отъ 29 апрѣля 1427 года.

[4]) Постановленіе въ этомъ смыслѣ принято было еще въ 1414 г. въ засѣданіи Сената отъ 24 мая и по предложенію вернувшагося изъ Таны консула Андрея Контарини. Senato. Misti, т. 50, f° 113. Но затѣмъ не разъ приходилось, снисходя къ представленіямъ самихъ консуловъ, отсрочивать на годъ время окончанія работъ по постройкѣ.

Всякій, кто впредь вздумаетъ возводить дома или магазины, не заручившись предварительнымъ разрѣшеніемъ, лишается построеннаго имъ въ пользу общины[1].

Работы по постройкѣ укрѣпленій въ Танѣ, повидимому, не были окончены еще въ іюлѣ 1428 года, такъ какъ въ концѣ этого мѣсяца занесено въ протоколы сената слѣдующее постановленіе: въ серединѣ недавно воздвигнутой ограды надлежитъ сдѣлать ворота и, притомъ, въ томъ же мѣстѣ, что и прежде; они будутъ служить входомъ въ главную улицу. Широта воротъ должна быть такова, чтобы черезъ нихъ могла пройти одна подвода съ бочкой. Надъ воротами необходимо сдѣлать укрѣпленный выступъ для ихъ защиты, такъ называемый barbachanum[2]). Въ томъ же постановленіи значится, что въ интересахъ безопасности нельзя держать открытыми ворота, ведущія въ генуэзскій кварталъ, такъ какъ они лежатъ весьма близко къ послѣднему и могли бы, оставаясь незамкнутыми, сдѣлаться причиной различныхъ случайностей. Предписывается не пользоваться ими болѣе, пока не представится къ тому достаточнаго основанія. Изъ предположенныхъ къ постройкѣ трехъ башень, — одной напротивъ генуэзскаго квартала, другой напротивъ еврейскаго и третьей въ серединѣ ограды — послѣдняя признается безполезной; поставка ея обошлась бы въ 4000 дукатовъ. Поэтому рѣшено сберечь заготовленный матеріалъ, держа подъ замкомъ камни и известь; самой же башни не воздвигать. Съ постройкой же той, которая направлена противъ генуэзцевъ, консулу приказывается поспѣшить[3]).

Нѣсколькими годами ранѣе повелѣно было углубить ровъ, лежащій подъ подъемнымъ мостомъ, ведущимъ въ генуэзскій кварталъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, свидѣтельствуютъ объ опасеніяхъ, какія внушало венеціанцамъ успѣшное развитіе генуэзской колоніи, менѣе обремененной поборами и потому болѣе многочисленной, имѣвшей, какъ мы видѣли, также свою крѣпость и остававшейся еще въ это время, какъ видно изъ статутовъ Каѳы, подъ прямымъ начальствомъ дожа, его совѣта и особаго officium Romaniae, завѣдывавшаго торговой навигаціей и обмѣномъ съ Византійской имперіей[4]). Только съ середины столѣтія генуэзская колонія въ Танѣ перешла въ управленіе банка св. Георгія. Издатели актовъ, относящихся къ исторіи генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, во главѣ ихъ извѣстный историкъ Генуи Каналэ, — высказываютъ мнѣніе, что съ этого момента начался упадокъ венеціанскаго поселка въ Танѣ и преобладаніе обезпечено было въ Азовѣ генуэзцамъ[5]). Мы увидимъ впослѣдствіи, въ какой мѣрѣ можно говорить о процвѣтаніи любой изъ двухъ колоній во второй половинѣ XV столѣтія. Въ настоящее же время намъ необходимо отмѣтить безпокойство, какое въ венеціанскомъ сенатѣ вызывало близкое сосѣдство генуэзцевъ и мысль, какъ бы они не вздумали проникнуть въ предѣлы только что воздвигнутой съ такими пожертвованіями крѣпости. Это состояніе умовъ объясняетъ намъ причину, по которой венеціанское правительство озаботилось также заведеніемъ небольшой

---

1) Senato. Misti, т. 57, f° 134.

2) Смыслъ этого слова былъ объясненъ раньше.

3) Ibid.

4) См. Statutum Caphe. § 563 и 659 въ томѣ VII, части 2-й „Актовъ, издаваемыхъ Società di Storia Patria".

5) Ibid., стр. 956.

лодочный флотиліи на Дону. Въ виду нежеланія консульской свиты принять начальство надъ этими „быстро вооруженными барками", рѣшено было поставить во главѣ ихъ особаго адмирала съ жалованьемъ въ 40 дукатовъ въ годъ, т.-е. равнымъ тому, какое одновременно получаемо было вице-консуломъ. Этотъ начальникъ донской флотиліи подчиненъ былъ консулу; въ его обязанность входило вооруженіе барокъ, содержаніе въ сохранности военныхъ снарядовъ и исполненіе всего, что будетъ приказано ему отъ имени консула[1]). Отмѣтимъ еще одну подробность, не безъинтересную въ томъ смыслѣ, что ею объясняется до нѣкоторой степени причина замѣны арбалетовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ даже въ такихъ отдаленныхъ колоніяхъ, какъ Тана. Еще въ протоколахъ сената отъ 1414 года мы находимъ слѣдующее постановленіе: „Хотя наше поселеніе въ Танѣ и снабжено всѣми средствами защиты, но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ бываютъ зимою страшные холода, то въ томъ случаѣ, еслибы непріятель сдѣлалъ нападеніе на нее зимой, стрѣлки не могли бы воспользоваться своими арбалетами, „такъ какъ отъ холода все рвется". Въ виду этого лицамъ, завѣдующимъ арсеналомъ, приказано озаботиться доставкой пятидесяти „sclopi da man", т.-е. зажигаемыхъ фитилемъ ружей и пуль — „ballote". Это оружіе должно быть отправлено въ Тану съ первыми галерами. Кромѣ того, къ ея консулу должны быть доставлены 50 бомбардъ разнаго сорта, т.-е. какъ мы видѣли, короткихъ пушекъ, изготовляемыхъ изъ сплетенныхъ веревокъ и кожи и метающихъ каменныя бомбы. Ко всему этому надо присоединить еще 10 бочекъ добраго пороха[2]). Такимъ образомъ уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ XV столѣтія по причинамъ климатическаго характера Венеція считала нужнымъ ввести въ употребленіе огнестрѣльные снаряды для защиты своей крѣпости на Азовскомъ морѣ. Есть основаніе думать, что близость генуэзцевъ, также знакомыхъ съ употребленіемъ такого оружія, не мало способствовала принятію подобнаго рѣшенія.

Внутренній бытъ венеціанской колоніи въ Танѣ въ XV вѣкѣ.

Читая въ протоколахъ сената о постоянныхъ мѣрахъ къ укрѣпленію Таны, о десяткахъ тысячъ дукатовъ, затраченныхъ съ этою цѣлью, о снабженіи ея, правда малочисленнымъ, но хорошо вооруженнымъ гарнизономъ и о созданіи цѣлой флотиліи барокъ на Дону, снабженныхъ средствами защиты и поставленныхъ подъ начальство особаго адмирала, невольно останавливаешься на мысли, что венеціанское поселеніе поставлено было внѣ возможности дальнѣйшихъ вымогательствъ и поборовъ со стороны татарскихъ властей. Документы принуждаютъ насъ, однако, отказаться отъ такой оптимистичной оцѣнки. Грабежи не повторялись, правда, въ прежней грубой формѣ, по крайней мѣрѣ, съ момента, когда венеціанцамъ удалось закончить свои работы по постройкѣ крѣпости и обвести свой поселокъ каменной стѣной. Но даже въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени вымогательства татарскихъ налоговыхъ сборщиковъ, подобія

[1]) Senato. Misti, томъ 57, fol. 23.
[2]) Постановленіе отъ 14 мая 1414 года, fol. 112 и 113.

тѣхъ баскаковъ, отъ которыхъ такъ много терпѣла удѣльная Русь, нимало не прекращались. Подтвержденіе сказанному мы встрѣчаемъ въ актахъ венеціанскаго сената отъ 1428 года. Въ засѣданіи отъ 30-го августа доложено было письмо консула Таны, извѣщавшее о томъ, какъ явились въ Азовъ нѣкоторые послы императора, т.-е. хана, съ требованіемъ поземельнаго сбора. Консулъ намѣревался собрать совѣтъ торгующихъ въ Танѣ купцовъ и вмѣстѣ съ ними обсудить сдѣланный ему запросъ. Объ этомъ рѣшено было увѣдомить татарскія власти. Но посланные къ нимъ съ этою вѣстью Ѳома Корнаро и другой дворянинъ Филиппъ Марчелло были задержаны тотчасъ по выходѣ изъ воротъ города и посажены въ колодки; въ нихъ они просидѣли цѣлыхъ пять дней. Въ концѣ этого срока сборщикамъ удалось вынудить съ заключенныхъ платежъ 9500 монетъ византійскихъ. Имъ выдана была квитанція въ томъ, что хану уплаченъ слѣдуемый ему земельный сборъ. Сенату пришлось впослѣдствіи заняться вопросомъ о порядкѣ удовлетворенія названныхъ лицъ за невольно сдѣланный ими платежъ[1]). Хотя въ 1429 году онъ и призналъ укрѣпленія Таны настолько законченными, что счелъ возможнымъ прекратить ежегодную посылку трехъ тысячъ дукатовъ для этой цѣли[2]), тѣмъ не менѣе уже въ 1453 году, т.-е. на разстояніи какихъ-нибудь 24 лѣтъ, вице-консулъ Таны доводитъ до свѣдѣнія властей, что часть стѣнъ грозитъ паденіемъ, а остальная находится въ довольно плохомъ состояніи. Это обстоятельство даетъ поводъ жителямъ къ большимъ опасеніямъ. Уже въ прошломъ году подходилъ къ стѣнамъ Таны нѣкій татарскій предводитель (протоколы называютъ его султаномъ). Если онъ вздумаетъ вернуться съ могущественнымъ войскомъ, венеціанскому поселку предстоитъ подвергнуться большой опасности благодаря непрочности своихъ стѣнъ (propter debilitatem murorum), а также благодаря тому, что въ немъ не имѣется достаточно оружія для защиты (quod in illa munitione non reperitur res aliqua ad defensionem necessaria). Сенату снова приходится сдѣлать распоряженіе, чтобы консулъ, отправляющійся въ Тану, забралъ съ собою на суднѣ камни, бочки съ известью, лѣсной матеріалъ, необходимый для постройки моста и воротъ, а также запоры и другіе желѣзные предметы, необходимые для крѣпости. Суда, имѣвшія отправиться въ Тану вмѣстѣ съ консуломъ, должны были также получить изъ арсенала новый запасъ пороху для бомбардъ и значительное количество военныхъ доспѣховъ, взамѣнъ тѣхъ, которые пришли въ ветхость[3]). Всѣ эти предосторожности не помѣшали, однако, тому, что въ 1456 году татары овладѣли венеціанской крѣпостцой, убили консула и вице-консула и предали поселокъ сожженію. Обо всемъ этомъ мы читаемъ въ постановленіи сената отъ 10 января 1456 года. Въ ближайшіе годы снова заходитъ рѣчь объ укрѣпленіи Таны и о посылкѣ въ нее съ этою цѣлью 400 дукатовъ на имя консула Александра

---

[1]) Senato Misti, т. 57, f° 35, v°.

[2]) Cum per partem cautam in isto consilio mittantur omni anno consuli Tane ducatos 3 mille pro murando et fortificando locum Tane et cum per ea que sentiuntur dictum opus est completum propter quod bonum est providere per modum quod de cetero non mittatur nisi illa quantitas pecuniuram que erit necessaria“, ibid. f° 134.

[3]) Senato. Mar. Постановленіе отъ 22 марта 1453 года, f° 181, томъ III.

Пасквалиго[1]). Разгромъ и пожары, повидимому, продолжаются въ Танѣ и въ послѣдующее двадцатилѣтіе. Въ постановленіи сената отъ 6 марта 1475 года говорится о полученіи писемъ изъ Таны и вслѣдъ затѣмъ о прибытіи особой депутаціи отъ живущихъ въ ней гражданъ Венеціи. И въ письмахъ и въ рѣчахъ уполномоченныхъ заходитъ рѣчь объ одномъ и въ томъ же, а именно о присылкѣ изъ метрополіи оружія и денегъ. Колонія не можетъ обойтись безъ нихъ въ виду недавняго великаго пожара (magnum incendium). Вспоминая объ извѣстной всѣмъ вѣрности и преданности жителей Таны республикѣ св. Марка, о томъ, какъ, несмотря на войну, какую Венеціи приходится вести съ турками, колонисты все же хотятъ остаться подъ ея владычествомъ, сенатъ поручаетъ коллегіи дожа принять мѣры къ тому, чтобы обезпечить Танѣ возможность остаться подъ „властью Венеціи, какъ она пребывала доселѣ, обнаруживая великую вѣрность и оказывая тѣмъ самымъ честь нашему владычеству“[2]). Это послѣдній документъ, относящійся къ Танѣ, какой мнѣ удалось найти въ протоколахъ венеціанскаго сената. Въ слѣдующихъ томахъ такъ называемаго Senato Mar, начиная съ XI, какъ слѣдуетъ изъ его указателя, обнимающаго періодъ времени отъ 1478 по 1550 годъ, совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было свѣдѣнія о венеціанской колоніи въ Танѣ.

Къ этому же времени прекращаются и данныя о судьбѣ генуэзскаго поселенія. Вопреки ходячему представленію, исконныя соперницы, Генуя и Венеція, въ виду общаго врага, со всѣхъ сторонъ наступавшаго на ихъ Ислама, стремились въ своихъ колоніяхъ на Азовскомъ морѣ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Въ генуэзскихъ актахъ, относящихся къ Танѣ въ періодъ времени, когда банкъ св. Георгія сталъ во главѣ управленія заморскими владѣніями республики, заходитъ, правда, по временамъ рѣчь объ обидахъ, причиняемыхъ венеціанскими властями, консуломъ, а по временамъ и дожемъ Акты говорятъ, что эти обиды даютъ справедливое основаніе къ репрессіи, но дѣло ни разу не доходитъ однако до открытаго столкновенія; въ протоколы заносятся одни только протесты отъ имени такъ называемыхъ протекторовъ банка, или его верховныхъ управителей[3]). Послѣдніе даже рекомендуютъ не разъ властямъ въ Каѳѣ, отъ которыхъ зависѣлъ и генуэзскій консулъ въ Азовѣ, крайнюю осторожность въ своихъ представленіяхъ венеціанскимъ властямъ и жалобамъ на ихъ консула въ Танѣ и „его дерзкій образъ дѣйствій“. Властямъ совѣтуютъ уладить дѣло, избѣгая открытаго разрыва съ Венеціей[4]). Когда въ концѣ третьей четверти XV вѣка для венеціанской колоніи явилась, какъ мы видѣли, необходимость озаботиться новымъ укрѣпленіемъ своихъ стѣнъ, та же потребность стала ощущаться и ея ближайшими сосѣдями — генуэзцами. Въ своемъ обращеніи къ консулу генуэзской Таны правители банка хвалятъ его за то, что онъ не помышляетъ о причиненіи какого-либо вреда венеціанцамъ, а, наоборотъ, заботится объ одновременномъ

[1]) Senato. Mar., т. VI, f° 185.

[2]) Senato. Mar, т. X, f° 39, v°. Постановленіе отъ 6 марта 1475 года.

[3]) Такъ въ 1465 году такое столкновеніе съ консуломъ и дожемъ даетъ только поводъ протекторамъ банка заявить о своемъ недовольствѣ и обидѣ съ прибавкой: „намъ обѣщали удовлетвореніе“. (См. Atti della Societa Ligura di Storia Patria, т. VII, часть II, актъ за № 568, стр. 335).

[4]) Ibid. Документъ за № 935, отъ 1471 года, стр. 729.

спасеніи и ихъ замка и того, который поставленъ подъ его начальство[1]). Очевидно, для обѣихъ колоній наступили одинаково тяжелыя условія. Каковъ былъ ихъ характеръ, съ этимъ познакомятъ насъ венеціанскіе источники.

Послѣдніе годы существованія венеціанской Таны.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что республика св. Марка не желала принимать на себя колоніальныхъ издержекъ. Всѣ затраты по внутренней администраціи, по сооруженію крѣпости и стѣнъ, по отправкѣ пословъ въ орду, наконецъ, по содержанію стрѣлковъ и матросовъ рѣчной флотиліи, падали всецѣло на жившихъ въ Танѣ венеціанскихъ подданныхъ. Неудивительно, если не разъ въ протоколахъ сената мы читаемъ о крайнемъ обремененіи ихъ налогами. Такъ, въ постановленіи отъ 30 іюля 1417 года значится: наше населеніе въ Танѣ, какъ извѣстно всѣмъ, несетъ великія и невыносимыя издержки. Ежегодно намъ приходится затрачивать на мѣстѣ большія суммы на всякаго рода нужды[2]). Одиннадцать лѣтъ спустя въ тѣхъ же протоколахъ повторяется однохарактерная жалоба: наше поселеніе, значится, имѣетъ множество издержекъ и почти никакого дохода. И вотъ, чтобы помочь бѣдѣ, сенатъ придумываетъ создать пошлину съ вина, пошлину одинаково съ его ввоза и вывоза, но съ оговоркой, что она не будетъ распространена на вина, идущія изъ Трапезунда или отправляемыя въ него. Жители этого города должны сохранить въ этомъ отношеніи свои обычныя вольности. Съ тою же цѣлью пополненія казны колоніи сенатъ рѣшается на принятіе слѣдующей мѣры. Имущество всѣхъ иностранцевъ, пребывающихъ въ венеціанской Танѣ, за исключеніемъ мосульманъ, будетъ подлежать впредь тому же раскладочному сбору или „cotimum“ и такимъ же вообще налогамъ, какіе несутъ венеціанскіе купцы и всѣ тѣ, кто выдаетъ себя за венеціанцевъ. Легко судить о томъ, въ какой мѣрѣ подобное правило должно было содѣйствовать сокращенію числа поселенцевъ въ предѣлахъ венеціанской Таны, къ немалой, разумѣется, выгодѣ ближайшихъ ея сосѣдей — генуэзцевъ. Третьимъ средствомъ увеличить доходъ своей колоніи сенатъ считаетъ строгое взиманіе пеней съ лицъ, повинныхъ въ тѣхъ или другихъ проступкахъ и приговоренныхъ за нихъ консуломъ. До его слуха дошло, что штрафы по временамъ совершенно перестаютъ взиматься. Такое нерадѣніе — причина, по которой пребывающіе въ Танѣ подданные республики потеряли страхъ къ наказанію. Драки, раненія и другіе проступки сдѣлались у нихъ весьма частыми. Чтобы положить имъ конецъ и обогатить казну колоніи, сенатъ предписываетъ своему консулу и всѣмъ его преемникамъ взыскивать, какъ старые штрафы, такъ и тѣ, поводъ къ которымъ можетъ представиться въ будущемъ. Такая строгость, думаетъ онъ, можетъ заставить жителей Таны на будущее время воздержаться отъ ссоръ и насилій[3]).

Мы видѣли, что въ постановленіяхъ сената говорится о раздорахъ и насиліяхъ, причиняемыхъ другъ другу членами венеціанской колоніи въ Танѣ. Спрашивается,

---

[1]) Ibid. Актъ за № 542; годъ 1473-й.
[2]) Senato. Misti, т. 52, f° 37, v°.
[3]) Senato. Misti, т. 57, стр. 22, r°.

что могло подать поводъ къ такимъ несогласіямъ. Сенатскія постановленія даютъ косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ, сообщая, какъ каждый изъ поселенцевъ старается избѣжать слѣдуемой съ него доли раскладочнаго налога, какъ съ этою цѣлью скрывается дѣйствительный размѣръ имущества, какъ, попавши въ члены состоящаго при консулѣ совѣта, купцы пользуются случаемъ для сложенія со своихъ плечъ бо́льшей части причитающихся съ нихъ платежей, и какъ послѣдствіемъ этого являются неравномѣрность обложенія и вытекающія отсюда ссоры и кулачныя расправы. Поставленные въ необходимость платить пошлины съ товаровъ не только венеціанскому консулу, но и хану, торговцы надѣялись выгодать каждый въ свою пользу извѣстную скидку путемъ взятокъ, въ формѣ уплаты впередъ налоговымъ сборщикамъ части причитающейся съ нихъ суммы.

Къ чести поставленныхъ въ Тану большимъ совѣтомъ консуловъ, надо сказать, что они не оставались безучастными зрителями всѣхъ этихъ нестроеній; по возвращеніи изъ своей двухгодовой миссіи, они спѣшили подѣлиться накопленными наблюденіями съ высшей администраціей республики, съ сенатомъ. Назначаемые нерѣдко въ число такъ называемыхъ „savi", „мудрыхъ", они участвовали въ подготовленіи требуемыхъ обстоятельствами реформъ въ колоніальномъ управленіи. Вносимые ими проекты, такъ называемыя parti, встрѣчали обыкновенно дружную поддержку; на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, рѣдко когда годовъ, они становились обязательными для колоніи законами. Обозрѣвая этотъ рядъ мѣропріятій, приходишь къ заключенію, что съ помощью такихъ умудренныхъ опытомъ совѣтниковъ, какими были вернувшіеся изъ Таны послы и консулы, сенатъ въ своихъ мѣропріятіяхъ, несмотря на большое разстояніе, отдѣлявшее его отъ колоніи, не упускалъ изъ виду ничего существеннаго и боролся съ общественными нестроеніями весьма дѣйствительнымъ оружіемъ. Насъ, разумѣется, поражаетъ въ его законодательствѣ поощреніе тайныхъ доносчиковъ, вознагражденіе ихъ изъ взимаемыхъ съ виновныхъ пеней, наконецъ попытки заинтересовать матеріально самихъ администраторовъ, въ томъ числѣ консуловъ, въ строгомъ преслѣдованіи правонарушителей, и дѣлаемое имъ съ этою цѣлью обѣщаніе уступать въ ихъ пользу часть поступающихъ въ казну штрафовъ. Но такой образъ дѣйствій, какъ извѣстно, возведенъ былъ въ Венеціи въ систему и примѣняемъ былъ ею съ такою же строгостью въ предѣлахъ метрополіи, какъ и за границами отдаленныхъ морей. До послѣднихъ годовъ своего существованія республика св. Марка не могла обходиться безъ заинтересованной помощи, такъ называемыхъ confidenti, т.-е лицъ, пользующихся спеціальнымъ довѣріемъ правительства и уполномоченныхъ слѣдить не только за поведеніемъ, но и за мыслями ея подданныхъ. Удивительно ли, если она открыто поощряла доносы и въ своихъ колоніяхъ, если она требовала сохраненія въ секретѣ именъ доносчиковъ и вознаграждала ихъ изъ имущества ихъ жертвъ? Но если нельзя всегда одобрить избираемыя ею средства, то справедливость заставляетъ сказать, что ея мѣры направлены были къ поддержанію между подданными и въ отдаленнѣйшихъ колоніяхъ возможнаго равенства, къ обезпеченію всѣмъ одинаковыхъ преимуществъ, личныхъ и торговыхъ, къ преслѣдованію всякихъ происковъ, послѣд-

ствіемъ которыхъ было бы созданіе фактическихъ монополій или налоговыхъ изъятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на постановленія, въ родѣ слѣдующаго. Въ протоколахъ сената отъ 24 мая 1414 года стоитъ: „Консулы Таны не могутъ заниматься торговлей, о чемъ сказано и въ ихъ полномочіяхъ. Такая мѣра справедлива, соблюдается свято и служитъ къ немалой выгодѣ купцовъ; но занятіе торговлей дозволено совѣтникамъ консула, которые въ значительной мѣрѣ участвуютъ въ его управленіи. Этого нельзя признать ни справедливымъ, ни удобнымъ, такъ какъ весьма часто совѣтники принимаютъ мѣры, клонящіяся къ ихъ собственной выгодѣ и ко вреду всѣхъ прочихъ торгующихъ. Въ виду этого и чтобы положить конецъ указанному злу, да будетъ постановлено, что впредь ни одинъ совѣтникъ Таны не долженъ дѣлать письменныхъ заявленій, насчетъ имущества отдѣльныхъ купцовъ, заявленій, на основаніи которыхъ производилась бы разверстка раскладочнаго налога или cotimum; всѣмъ этимъ долженъ завѣдывать только консулъ, чѣмъ и можно будетъ избѣжать на будущее время всякихъ обмановъ и злоупотребленій. Разъ имущества отдѣльныхъ купцовъ подвергнутся оцѣнкѣ, совѣтники консула будутъ платить налогъ, согласно сдѣланной имъ разверстки. Они должны помогать консулу въ постановкѣ рѣшеній по доводимымъ до его свѣдѣнія тяжбамъ подъ страхомъ пеней, обозначенныхъ въ ихъ полномочіяхъ. Консулъ же долженъ отмѣчать всѣ дѣлаемыя имъ упущенія; разъ число послѣднихъ достигнетъ десяти, виновный исключается изъ совѣта, и на мѣсто его назначается новый избранный“ [1]). Это рѣшеніе восполнено было впослѣдствіи еще слѣдующимъ. Консулъ долженъ требовать отъ своихъ совѣтниковъ такой же присяги въ правильности дѣлаемыхъ ими заявленій насчетъ размѣра ихъ имущества, какое онъ получаетъ отъ купцовъ вообще, „такъ какъ всегда и во всемъ нужно сохранять возможное равенство“. И самъ консулъ не свободенъ отъ обложенія раскладочнымъ сборомъ; онъ долженъ, поэтому, подобно всѣмъ другимъ гражданамъ, приносить присягу въ правильномъ показаніи суммы денегъ и украшеній, какъ принадлежащихъ ему лично, такъ и данныхъ ему на храненіе. Присягу на этотъ разъ отбираютъ совѣтники [2]). Сенатъ входитъ въ большія подробности насчетъ того, какія имущества должны итти въ оцѣнку, и какъ должна производиться послѣдняя. До него дошли свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ ежедневно въ этомъ смыслѣ. Одни не указываютъ того, что имѣютъ, другіе, вопреки разуму и справедливости, оцѣниваютъ свои товары ниже должнаго, третьи ссылаются на то, что товары запроданы ими на срокъ. Стремясь къ равномѣрности обложенія, сенатъ повелѣваетъ, чтобы купцы объявляли обо всемъ, что они привезли съ собою или что дано имъ было на комиссію, — все равно, — идетъ ли дѣло о товарахъ, или о наличныхъ деньгахъ. Въ виду этого, тотчасъ же послѣ выгрузки кораблей, каждый долженъ письменно подъ присягой заявить консулу о томъ, что имѣетъ, не опредѣляя при этомъ самъ цѣны своимъ товарамъ, а только указывая на ихъ качество и количество; онъ долженъ поступать такъ подъ страхомъ уплатить пеню въ четвертую часть объявленной имъ цѣны. Эта чет-

[1]) Senato. Misti, т. 50, fº 111.
[2]) Ibid. Отъ того же дня, fº 113.

верть дѣлится пополамъ между консуломъ и казной. Если же истина будетъ раскрыта постороннимъ лицомъ, то штрафъ дѣлится на три части, и одна идетъ въ пользу доносщика, имя котораго каждый разъ сохраняется въ тайнѣ. Для контроля показаній отдѣльныхъ купцовъ, на хозяевъ судовъ и ихъ секретарей возлагается обязанность въ теченіе трехъ дней по прибытіи въ Тану довести письменно до свѣдѣнія консула, что было привезено ими на каждомъ изъ судовъ, какъ товарами, такъ и звонкой монетой. Виновнымъ въ неправильномъ показаніи грозитъ лишеніе на три года права держать суда, независимо отъ вышеупомянутаго штрафа въ четвертую часть цѣны необъявленнаго ими имущества. Консулу не позволено принимать во вниманіе заявленій о ссудѣ кого-либо деньгами или товарами на срокъ, для покупки, напримѣръ, рабовъ или другого предмета. Освобождаются отъ обложенія только матросы, бѣдные моряки и, вообще, всѣ тѣ, имущества которыхъ не превышаютъ 200 византійскихъ монетъ (аспровъ). Не входитъ также въ число подлежащихъ обложенію имуществъ жалованье, забранное консуломъ впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ и нерѣдко уплачиваемое ему полностью за два года передъ оставленіемъ имъ Венеціи[1]).

Преслѣдуя такъ строго всякую неравномѣрность въ обложеніи, Сенатъ съ неменьшей суровостью относится къ попыткамъ отдѣльныхъ купцовъ склонить въ свою пользу татарскихъ сборщиковъ подарками или уплатой имъ впередъ части тѣхъ суммъ, которыя на правахъ пошлины съ товаровъ должны поступать въ казну хана. Въ постановленіи отъ 24 мая 1414 года мы читаемъ поэтому: ни одинъ венеціанецъ не долженъ давать въ заемъ, или продавать на срокъ, ни денегъ, ни товаровъ, завѣдующему торговлею въ Танѣ татарскому чиновнику или другимъ лицамъ, поставленнымъ отъ хана, хотя бы подъ условіемъ, что они будутъ вычитать изъ уплаченной имъ суммы „продажи и пошлины", слѣдуемыя казнѣ. Консулу предписано употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы вернуть лицамъ, уже распорядившимся такимъ образомъ своими деньгами и товарами, все забранное съ нихъ татарами сверхъ должнаго[2]). Уже изъ сказаннаго легко заключить, что функціи консула и его помощника были весьма разнообразны и власть обоихъ велика. Имѣлось, поэтому, полное основаніе установить контроль, за ихъ, какъ финансовой, такъ и судебной юрисдикціей. Средствомъ для этого должно было служить веденіе консуломъ и совѣтниками строгой отчетности въ порядкѣ распредѣленія ими раскладочнаго сбора, или cotimum. Консулъ обязанъ былъ держать два экземпляра такой разверстки: одинъ оставался въ Танѣ; съ нимъ во всякое время могли справляться мѣстные купцы, такъ напримѣръ, въ случаѣ обложенія ихъ свыше прежняго; другой поступалъ въ Венецію къ чиновникамъ, завѣдовавшимъ счетоводствомъ республики. Все письмоводство поручаемо было въ Танѣ каплану, исполнявшему, какъ мы видѣли, одновременно службу нотаріуса. Штрафъ въ 200 дукатовъ грозилъ консулу, не исполнившему своей обязанности поведенію счетоводства въ вышеуказанномъ порядкѣ[3]).

---

[1]) Ibid., f° 111.
[2]) Senato. Misti, т. 51, f° 121.
[3]) Постановленія 31 марта 1411 года, возобновленное затѣмъ 27 мая 1414 года.

Что касается до контроля за судебными рѣшеніями консула, то въ виду значительности разстоянія, нельзя было и думать объ установленіи правильной аппеляціи въ суды метрополіи. Пришлось воспользоваться ежегодной отправкой галеръ въ Тану и поручить поставленному надъ ними адмиралу оповѣщеніе жителей насчетъ того, что всѣ въ правѣ приносить ему жалобу на всякаго рода насилія, вымогательства или иной вредъ, причиненный консуломъ, его совѣтниками, капланомъ и вообще членами консульской свиты, а также на всякаго рода рѣшенія, постановленныя консуломъ, разъ послѣднія превышаютъ размѣръ 200 аспровъ. Всѣ эти заявленія должны были поступать къ начальнику надъ галерами, который выслушивалъ также предъявленныхъ ему свидѣтелей, доводилъ до свѣдѣнія консула о возведенныхъ на него обвиненіяхъ и отбиралъ отъ него отвѣты. Если въ результатѣ такого разслѣдованія получалась увѣренность въ основательности жалобы, то консулу отъ имени начальника надъ галерами приказывалось, по окончаніи срока своей миссіи, дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ „Адвокатамъ Общины". Всѣ поступившіе къ нему иски, начальникъ надъ галерами, по возвращеніи въ Венецію представлялъ на разсмотрѣніе тѣмъ же „Адвокатамъ Общины", которые лично заинтересованы были въ исходѣ тяжбъ, такъ какъ получали часть взыскиваемыхъ съ чиновниковъ штрафовъ. Въ искахъ не свыше 200 аспровъ начальникъ надъ галерами самъ выступалъ въ роли аппеляціоннаго судьи и не доводилъ жалобы до свѣдѣнія Адвокатовъ Общины[1]).

Венеціанское правительство не только заботилось о доброй Администраціи и правильномъ отправленіи правосудія въ предѣлахъ своего отдаленнаго поселенія на Азовскомъ морѣ; оно также напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы оживить торговый обмѣнъ съ нею. „Наши предки, значится не разъ въ офиціальной перепискѣ, какъ всѣмъ извѣстно, не жалѣли ни денегъ, ни крови для сохраненія въ цвѣтущемъ состояніи нашей Таны, такъ какъ они, какъ нельзя лучше, понимали великую пользу, какую извлекаютъ изъ нея граждане-торговцы и вся вообще республика[2])". Такія же соображенія побуждали Сенатъ не только хлопотать объ укрѣпленіи Таны, но и всячески заботиться объ обезпеченіи безопаснаго морского пути своимъ судамъ, отправлявшимся въ Черное и Азовское моря. Едва до его свѣдѣнія доходило, что въ Константинополѣ, вопреки прежнимъ соглашеніямъ, начинали требовать какія-нибудь добавочныя пошлины, какъ консулу, отправлявшемуся въ Тану, даваемъ былъ приказъ потребовать аудіенціи отъ императора и одновременно съ передачей ему подарковъ отъ имени дожа заявить, что республики св. Марка было крайне прискорбно слышать о такихъ новшествахъ и неслыханныхъ поборахъ, тѣмъ болѣе, что они „не согласны съ старинными договорами, обѣщаніями, вольностями и обыкновеніями". Свою рѣчь уполномоченный республики долженъ былъ закончить гордыми словами, что Синьорія, т.-е. высшее правительство Венеціи, не намѣрено терпѣть ни отъ кого подобнаго поведенія[3]). Большія опасности, встрѣчаемыя во время плаванья

---

[1]) Постановленіе 24 мая 1414 года.

[2]) Senato. Misti, т. 52, f° 143, 1418 г. Засѣданіе 7 января.

[3]) 17 марта 1419 года, дожъ Ѳома Мочиниго поручаетъ консулу Таны Андрею Контарини при проѣздѣ черезъ Константинополь разузнать отъ тамошняго венеціанскаго baiulus'a, т.-е. консула, въ чемъ состоятъ

венеціанскими купцами, причина того, что посылка простыхъ судовъ въ Черное и Азовское моря все чаще и чаще смѣняется снаряженіемъ вооруженныхъ галеръ. Въ февралѣ 1417 года въ протоколахъ Сената значится по этому поводу: купцы безопаснѣе могутъ совершать плаванье на галерахъ, чѣмъ на обыкновенныхъ судахъ. Прежній запретъ галерамъ, перевозившимъ поломниковъ, забирать товары перестаетъ соблюдаться въ виду того, что число самихъ пиллигримовъ, по заявленію Сената, значительно сократилось; да и нѣтъ основанія думать, чтобы присутствіе купцовъ на галерахъ могло причинить какое-либо неудобство паломникамъ. Что касается до товаровъ, нагружаемыхъ на эти суда, то, въ интересахъ поощренія торговли, дается свобода галерамъ забирать одинаково и венеціанскій, и англійскій, и французскій[1]) — словомъ все, на что можетъ предвидѣться спросъ въ Танѣ и вообще во владѣніяхъ татарскаго хана. На обратномъ пути галерамъ приказано забирать грузъ, предназначенный для Константинополя и облагать его всего половиной провозочной платы. Собственникъ корабля, отказавшійся принять порученный ему товаръ, все равно предназначенъ ли онъ для Константинополя, или для Венеціи, подлежитъ штрафу въ 500 дукатовъ.

Въ документахъ, озаглавленныхъ „incantus Galearum Romaniac“, и текстъ которыхъ не разъ воспроизводится въ протоколахъ Сената, можно найти любопытныя подробности о характерѣ товаровъ, отправляемыхъ въ Тану и изъ Таны въ первой четверти XV столѣтія. Рѣчь идетъ каждый разъ объ опредѣленіи размѣра, такъ называемыхъ „nabula“, т.-е. платы за провозъ. Въ числѣ спеціально оговоренныхъ предметовъ, идущихъ изъ Таны, стоятъ: воскъ, маисъ, изъ болѣе же грубаго товара, предназначаемаго не столько для Венеціи, сколько для ея крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ, въ частности для Модоны и Короны, — хлѣбъ и вино[2])

Чѣмъ болѣе мы приближаемся, однако, къ третьей четверти XV столѣтія, тѣмъ чаще заходитъ рѣчь о томъ, что въ тотъ или другой годъ галеры вовсе не были въ плаваніи по Средиземному, Черному и Азовскому морямъ[3]), или что стрѣлкамъ, предназначеннымъ для Колоніи, а иногда и самому консулу пришлось отплыть съ частнымъ судномъ, одиноко совершающимъ переѣздъ изъ Венеціи въ Тану[4]). Уже задолго до того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, венеціанскій поселокъ пересталъ пріумножаться въ числѣ своихъ жителей. Въ протоколахъ Сената не разъ говорится о томъ, за невозможностью назначить своимъ помощникомъ или вицеконсуломъ дворянина, въ правѣ замѣнить его и купцомъ. Но и послѣднихъ, повидимому, становится не-

---

новые поборы, установленные императоромъ, и сдѣлать ему приведенное въ текстѣ заявленіе. Senato. Misti, т. 52, f° 154.

[1]) Постановленія 6 февраля 1417 года. Senato. Misti, т. 53, f° 41.

[2]) Постановленіе 30 мая 1425 г. Senato. Misti, т. 56, стр. 118. Почти тѣ же статьи перечисляются и въ другомъ однохарактерномъ документѣ, занесеннымъ въ протоколы Сената 2 іюня 1430 г., Senato. Misti, т. 57, f° 216 V°.

[3]) Senato Misti. f° 97.

[4]) Такъ въ постановленіи 10 мая 1460 года говорится, что, буде избранный консулъ Таны Іосафатъ Барбаро согласится принять должность, ему слѣдуетъ отплыть на суднѣ Павла Сардо. Чтобы склонить его къ этому рѣшенію, ему обѣщаютъ прибавку жалованья въ 100 дукатовъ. Не захочетъ онъ отправиться въ Тану съ означеннымъ судномъ, на послѣднемъ все же должны отплыть стрѣлки. Senato. Mar, т. VI.

много уже въ 1414 году, когда Сенатъ, ссылаясь прямо на этотъ фактъ[1]), предвидѣть тотъ случай, когда нельзя будетъ назначить требуемаго числа совѣтниковъ, т.-е. двѣнадцати выбираемыхъ, какъ мы видѣли, изъ купцовъ, безъ нарушенія правила, требующаго, чтобы сынъ не засѣдалъ рядомъ съ отцомъ и братъ съ братомъ[2]).

Новое указаніе на упадокъ торговой дѣятельности въ Танѣ представляетъ собою высота вексельнаго курса. Нельзя было получить болѣе денегъ на оплату необходимыхъ издержекъ, положимъ, по содержанію стрѣлковъ, иначе, какъ изъ Константинополя и то лишь подъ условіемъ платежа 5% за учетъ, и это уже въ 1446 году. Сенату предвидѣлась даже возможность возвращенія векселя обратно; въ этомъ случаѣ предписывалось консулу удовлетворить стрѣлковъ изъ собственнаго кармана[3]). Изъ протоколовъ того же Сената отъ 23 іюля 1451 года видно, что въ это время въ руки венеціанскаго „бальифа“ въ Константинополѣ перенесено было веденіе денежныхъ сношеній съ Таною и отпускъ ежегодно въ руки консула извѣстной суммы, какъ значится, въ помощь этому поселенью[4]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что консулъ не въ состояніи былъ получить въ Венеціи цѣнными бумагами или товарами, предназначенными для учета или продажи въ Танѣ, болѣе 170 дукатовъ, такъ что остальные 350 ему предстояло черезъ Константинополь перевести въ Тану. Нельзя найти лучшаго доказательства упадку прямыхъ обмѣновъ между метрополіей и ея колоніей. Неудивительно послѣ этого, если въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ стрѣльцы въ Танѣ оставались безъ жалованья и, если не имѣя, какъ значится, чѣмъ жить, они объявляли не разъ о своемъ рѣшеніи отбыть изъ нея[5]). Немудрено также, если самъ консулъ, не имѣя возможности получить жалованья изъ Венеціи, не разъ попадалъ, какъ значится на языкѣ сенатскихъ постановленій, въ затруднительнѣйшее положеніе (inrectissibus conditionibus). Выходъ изъ него представлялся только въ томъ случаѣ, когда тѣ или другія лица, живущія въ Танѣ, соглашались ссудить его необходимой для расплатъ суммой подъ условіемъ, что Сенатъ обяжется вернуть ее имъ въ Венеція.

Если мы спросимъ себя, по какой причинѣ денежный обмѣнъ между метрополіей и колоніей сдѣлался столь зазруднителенъ въ третьей четверти XV вѣка, то намъ очевидно придется искать разгадки этому въ тѣхъ же фактахъ, какіе вызвали упадокъ торговаго оборота, замѣну прежняго дорогого товара, шедшаго изъ Таны, товара по происхожденію своему персидскаго и индусскаго, такимъ громоздкимъ, и дешевымъ, какъ воскъ и зерно, предназначаемые притомъ не для Венеціи, а для Константинополя и венеціанскихъ крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ. О плаваніи венеціанцевъ вверхъ по Дону, о доставкѣ ими караваннымъ путемъ съ Дона на Волгу,

---

1) Per atrovarsi un piciol numero de marcadanti (въ Танѣ).

2) Постановленіе отъ 18 іюля 1413 года.

3) Постановленія Сената отъ 8 апрѣля 1446 года. Senato. Mar., томъ II, f° 139.

4) Постановленіе Сената отъ 23 іюля 1451 года. Vadit pars quod scribetur et mandetur baiulo Constantinopolis quod dare debcat predicto Andree, quando illic applicaverit et antequam discedat pro eundo Tanam antedictos 350 ducatuos auri pro residio Salarii sui unius anni, tam de denar'üs quos Tanam omni anno mittere tenetur pro subventione illius loci juxta formam ordinum nostrorum, quam de quibuscunque aliis denariis quos haberet in manibus ratione nostri comunis. Senato. Mar., т. III, f° 76.

5) См. протоколы Сената отъ конца 1460 года. Senato. Mar., т. VI, f° 185.

а оттуда опять на лодкахъ своего товара въ Астрахань болѣе нѣтъ и помину въ административныхъ актахъ занимающей насъ эпохи. Съ момента начавшагося разгрома Золотой Орды, которой нанесенъ былъ смертельный ударъ еще походомъ Тамерлана, и которой съ этого времени пришлось быстро отступать передъ успѣхами русскаго оружія, прежніе пути международной торговли Запада съ Центральной Азіей оказались болѣе небезопасными. Тѣ самые сенатскіе протоколы, которые такъ рѣдко говорятъ о посылкѣ судовъ въ Черное и Азовское моря, почти изъ года въ годъ упоминаютъ объ ихъ отправкѣ въ Египетъ (Александрію) и Бейрутъ. Какъ нѣкогда разгромъ княжествъ, основанныхъ крестоносцами, повелъ за собою упадокъ торговыхъ сношеній Венеціи съ Малой Азіей и Палестиной, съ Синопомъ и Яффою и заставилъ этихъ смѣлыхъ мореплавателей искать новаго рынка для своихъ товаровъ въ устьяхъ Дона и вплоть до Астрахани, такъ теперь разложеніе Золотой Орды и порожденныя имъ безурядицы въ средѣ второстепенныхъ татарскихъ правителей заставили морскую торговлю венеціанцевъ перейти въ болѣе надежные порты. Если прибавить ко всему сказанному частыя войны венеціанцевъ съ турками, сдѣлавшимися владѣльцами Константинополя и вліяніе которыхъ стало сказываться и въ предѣлахъ странъ, занятыхъ татарами, то легко будетъ понять причину, по которой въ Венеціи во второй половинѣ XV вѣка мало находилось людей, готовыхъ при посылкѣ судовъ въ Тану воспользоваться разрѣшеніемъ помѣщать деньги подъ проценты въ морскія предпріятія (ad risicum et fortunam alicuius navigii armati), — единственный видъ отдачи капиталовъ въ ростъ, допущенный законодательствомъ еще въ серединѣ XIV столѣтія, бокъ-о-бокъ съ строгимъ запрещеніемъ всякихъ другихъ процентныхъ сдѣлокъ[1]). Не питаемый болѣе кредитомъ и задерживаемый ненадежностью пути, ведущаго къ Азовскому морю, пути, не разъ заслоняемаго турками, торговый обмѣнъ Венеціи съ Таной сталъ падать изъ года въ годъ. Немногіе венеціанскіе купцы, удержавшіе свои конторы на берегахъ Дона, продолжали, однако, настаивать на своемъ желаніи сохранить подданство республикѣ св. Марка. Они сплошь и рядомъ ходатайствовали о посылкѣ имъ изъ метрополіи не только средствъ обороны противъ татаръ, но и венеціанскихъ администраторовъ, или консуловъ. Сенатъ продолжалъ производить ихъ выборъ попрежнему изъ среды дворянъ республики, но выбранные не всегда спѣшили отправиться въ отдаленную, опасную и крайне тяжелую миссію. Особенно послѣ 1456 года и новаго разгрома Таны татарами, при которомъ убитъ былъ и консулъ, и вице-консулъ, нелегко было найти желающихъ подвергнуться такой же участи въ виду слабости оборонительныхъ средствъ и трудности получить своевременно деньги для оплаты жалованья ничтожному гарнизону. Когда въ 1456 году сенатъ, увѣдомленный о сожженіи венеціанскаго поселка въ Азовѣ и о гибели поставленныхъ имъ администраторовъ, избралъ новымъ консуломъ Александра Паскналиго[2]),

---

[1]) См. рукописный сборникъ, озаглавленный: „Giudicii del piovego“, т. I. Въ немъ воспроизведено постановленіе Большого Совѣта Венеціи отъ 14 марта 1357 года. О запрещеніи же процентовъ смотри: „Liber officiorum comunis Veneziae. Постановленія 1254 и 1270 года, въ которыхъ мы, между прочимъ, читаемъ: si aliqua carta esset facta sive securitas occasione dandi ad usuram, nihil valeat nec teneat. (См. Comune II, f° 60 и 61).

[2]) Senato. Mar., т. V, f° 179. Постановленія отъ 10 января 1456 года.

онъ уже предвидѣлъ возможность отказа съ его стороны и на этотъ конецъ распорядился одновременно выборомъ добавочнаго кандидата, согласно обычной практики. Если Пасквалиго еще принялъ возложенныя на него полномочія, чтобы затѣмъ во все время своей миссіи страдать отъ безденежья казны и нежеланія венеціанскихъ стрѣльцовъ служить безъ жалованья, то избранный вслѣдъ за нимъ въ консулы Таны Іосафатъ Барбаро[1]) рѣшительно отказался отъ несенія этой должности, несмотря на приманку добавочнаго платежа въ 100 дукатовъ. Взамѣнъ его выбрали дворянина Николая Контарини[2]), который, какъ мы видѣли, не могъ добиться уплаты ему большей части его жалованья и, согласно сдѣланному Сенату докладу, очутился по этой причинѣ „въ затруднительнѣйшихъ условіяхъ“. Его пребываніе въ Танѣ совпадаетъ съ 1466 годомъ. Послѣ этого мы не слышимъ о посылкѣ въ нее новаго консула въ теченіе ближайшихъ семи лѣтъ. Въ засѣданіи 3 мая 1473 года сенатъ, упоминая о выборѣ въ консулы дворянина Альвизія Маврочено, считаетъ нужнымъ распорядиться о его немедленной отправкѣ въ колонію, такъ какъ, прибавляетъ онъ, безъ консула и управителя Тапа находится въ сквернѣйшемъ и опаснѣйшемъ положеніи. Ея стрѣлки, завѣдующіе защитой замка, уже много времени не получаютъ никакого вознагражденія[3]). Альвизій Маврочено былъ, повидимому, послѣднимъ венеціанскимъ консуломъ, отбывшимъ въ Тану. Мы въ правѣ думать это на томъ основаніи, что въ ходатайствѣ, представленномъ ея жителями и доложенномъ сенату въ засѣданіи 6 марта 1475 г., заключается просьба о присылкѣ венеціанской сеньоріей особаго провизора, терминъ, подъ которымъ, очевидно, нельзя разумѣть никого, кромѣ консула. Какъ уже сказано, это послѣдній изъ документовъ, относящихся къ Танѣ, какой можно найти въ реестрахъ высшаго административнаго совѣта республики. Большинствомъ 90 голосовъ противъ 15 рѣшено было удовлетворить вышеназванное ходатайство и послать въ Тану вмѣстѣ съ провизоромъ денегъ и оружія. Но въ томъ же рѣшеніи, отдающемъ должное вѣрности колоніи и преданности ея жителей Венеціи, имѣется и косвенное указаніе на причину, помѣшавшую привесть въ исполненіе только что упомянутую мѣру. Сенатъ хвалитъ гражданъ и жителей Таны за то, что они хотятъ остаться подъ сѣнью его владычества, несмотря на войну, какую ему приходится вести съ турками[4]). Вотъ эта-то война и помѣшала своевременному прибытію и правителя, и средствъ обороны.

О венеціанской Танѣ не слышно болѣе. Она сходитъ со сцены почти въ тотъ самый моментъ, когда открытіе морского пути въ Индію сдѣлало излишнимъ ея посредничество и перенесло въ руки сперва португальцевъ, а затѣмъ голландцевъ, французовъ и англичанъ роль, такъ долго выпадавшую на долю генуэзцевъ и венеціанцевъ. Завоеваніе Иваномъ IV Астраханскаго царства, вѣкъ спустя, сдѣлало изъ московскихъ царей преемниковъ Золотой Орды и въ дѣлѣ обезопасенія торговыхъ путей по Дону и Волгѣ. Ближайшіе изъ сосѣдей венеціан-

---

[1]) Senato. Mar., т. VI. Постановленія отъ 10 мая 1460 года.
[2]) Senato. Mar., т. VIII. Постановленія отъ 25 сентября 1466 года.
[3]) Senato. Mar., т. IX, f° 169. Постановленія отъ 3 мая 1473 года.
[4]) Senato. Mar., т. X, f° 39.

ской Таны, кабардинцы, уже въ ихъ время занимавшіе тотъ самый поселокъ, который извѣстенъ въ наши дни подъ именемъ Таганрога[1]), первые сознали историческое призваніе русскихъ главенствовать надъ мѣстными правителями Азовскаго побережья. Согласно преданію, они поднесли Іоанну Грозному тотъ самый мечъ, который за отказомъ московскаго царя снова представленъ былъ ихъ делегатами при коронаціи Александра III. Ища пробить окно въ Европу, Петръ I осадилъ Азовъ; его союзниками явились еще державшіеся въ это время христіанства жители стариннаго Кабарда. Между кабардинцами доселѣ живутъ пѣсни и сказанія объ этой осадѣ, сопровождавшейся, какъ они разсказываютъ, постановкой многихъ крестовъ надъ могилами ихъ убитыхъ. Когда, продолжая дѣло Петра, Екатерина присоединила Новороссію къ русскимъ владѣніямъ, преемники Юстиніани и Контарини, такъ много сдѣлавшихъ для процвѣтанія венеціанской Таны на Азовскомъ морѣ, вспомнили о роли, какую она и чрезъ ея посредство торговля съ югомъ Россіи и Средней Азіей играли въ судьбахъ республики св. Марка. Послѣдніе два nobili di Pieterburgo, т.-е. дипломатическіе агенты Венеціи при дворѣ Екатерины и Павла I, не разъ доводили до свѣдѣнія сената о необходимости возстановить прерванную связь съ прошлымъ и воспользоваться призывомъ русскаго правительства для возобновленія дѣятельнаго торговаго обмѣна съ южными портами Россіи[2]). Паденіе венеціанской независимости сдѣлало невозможнымъ осуществленіе этихъ намѣреній и перенесло въ руки Австріи задачу созданія правильнаго торговаго обмѣна между портами Адріатики и русскимъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей.

---

[1]) У Гейда приведены свидѣтельства, доказывающія возможность отождествить поселеніе, называемое Кабарди, съ теперешнимъ Таганрогомъ. У кабардинцевъ же сохранилось преданіе о томъ, что ихъ предки жили къ сѣверу отъ Крыма на берегахъ Азовскаго моря.

[2]) Я имѣлъ случай говорить объ этомъ въ моей статьѣ о „Венеціанскихъ дипломатахъ при русскомъ дворѣ", отпечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" года четыре тому назадъ.

ИНОЗЕМЦЫ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Греки, цыгане, грузины.

М. М. Плохинскаго.

Греки.

I.

Развитіе отношеній Россіи къ православному Востоку и возникновеніе братства.

У древней Руси съ Византіей, иначе съ греческимъ міромъ, связи политическія, религіозныя и торговыя были очень сильны, сношенія греческаго міра съ приднѣпровскою Русью были оживленны. Кочевники — монгольскія племена, занимая сѣверное побережье Чернаго моря, затрудняли эти сношенія, и, наконецъ, послѣднія прервались, когда подъ напоромъ кочевниковъ центръ русской государственной жизни передвинулся къ сѣверу, а при нашествіи татаръ была совсѣмъ уничтожена политическая самостоятельность Руси.

Византія въ это же время, представляя изъ себя дряхлый организмъ, постоянно должна была выдерживать натискъ азіатскихъ ордъ, сплотившихся воедино подъ знаменемъ ислама. Выдержать натискъ этихъ дикихъ ордъ сама Византія была не въ силахъ. Чтобы поддержать свое политическое существованіе, византійскіе императоры заискивали у всесильныхъ въ то время папъ, создавали проекты религіозныхъ уній. Но проекты, созданные не симпатіями народа, а политическими расчетами правителей, не достигали своего назначенія: подточенная внутренними неурядицами и сломленная внѣшними врагами, Византія подпала игу фанатиковъ-магометанъ. Завоеванная же татарами Россія начинаетъ сплачиваться подъ главенствомъ Москвы въ одно цѣлое и, пользуясь смутами среди татаръ, становится независимой, постепенно расширяетъ свои предѣлы, подчиняетъ своей власти татарскія ханства, а Іоаннъ IV уже могъ принять титулъ царя.

Въ историческомъ отношеніи принятіе московскимъ княземъ титула царя имѣетъ важное значеніе. Московскій князь становится преемникомъ византійскихъ императоровъ, представителемъ всего православія. Въ Москву, въ новую столицу, направляются съ православнаго Востока всѣ бѣдные, гонимые и обездоленные у себя на родинѣ христіане. Не одни только бѣдные, нищіе, но и сами патріархи относятся за поддержкой къ Москвѣ. Москвѣ, ставшей столицей православія, недоставало тѣхъ древнихъ святынь, которыми былъ богатъ Константинополь и вообще православный Востокъ. Поэтому Москва начинаетъ пріобрѣтать у грековъ древне-христіанскую святыню: мощи, древніе кресты, иконы и пр. Греки съ удовольствіемъ уступали Москвѣ послѣднюю, конечно, не иначе, какъ за солидное вознагражденіе. И вотъ, начиная съ XVI вѣка, между Россіей и православнымъ Востокомъ происходитъ правильная и постоянная мѣна святыни на русскія деньги[1]). Греки охотно везутъ всякую святыню въ Москву, везутъ ее исключительно съ цѣлью наживы, стараясь взять за нее какъ можно болѣе[2]).

Русскій царь — представитель всего православія; на его обязанности, въ силу этого, лежитъ защита православія. „Подѣлиться избыткомъ своихъ научныхъ силъ, своимъ научнымъ развитіемъ и образованіемъ, вліять на укрѣпленіе духовно-религіозной жизни православныхъ русскіе не могли“[3]), оказать дѣйствительную помощь тоже были не въ состояніи, — Турецкая имперія была грозой для всей Европы; оставалось давать щедрую и богатую милостыню, что и дѣлала Москва. Въ теченіе столѣтій восточные православные всѣхъ національностей присылали разнообразныхъ просителей за этой милостыней и всѣ были удовлетворяемы[4]). Просителямъ внутрь Россіи позволялось являться только чрезъ Путивль. И вотъ различными путями просители добирались до пограничнаго русскаго города и оттуда, по распоряженію путивльскаго воеводы, отправлялись на казенныхъ подводахъ, въ сопровожденіи пристава для охраны во время пути[5]). Среди просителей мы встрѣчаемъ большое разнообразіе: простые монахи, архимандриты, епископы, митрополиты и, наконецъ, патріархи. Всѣ направлялись въ Москву, подолгу здѣсь проживали, посѣщали русскіе монастыри, бывали на аудіенціяхъ царя и, получивши милостыню, возвращались обратно въ Путивль на казенныхъ же подводахъ[6]). Каждый изъ духовныхъ лицъ являлся въ сопровожденіи свиты, съ „племянниками“, какъ выражаются акты. Названіе это далеко не соотвѣтствовало дѣйствительности; свита рѣдко состояла изъ родственниковъ; эти племянники были греческіе купцы, которыхъ брали духовные подъ свое покровительство. Греческимъ купцамъ было выгодно пользоваться этимъ покровительствомъ: изъ Путивля на казенныхъ подводахъ безпошлинно они провозили свои товары въ Москву, могли выгодно ихъ продать, купить по дешевымъ цѣнамъ московскихъ

[1]) Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII ст. Москва, 1885 г. Стр. 11, 72, 73.
[2]) Ibid., стр. 95, 96, 97.
[3]) Ibid., стр. 103, 104.
[4]) Ibid., стр. 105.
[5]) Ibid., стр. 105, 108, 109.
[6]) Ibid., стр. 110.

товаровъ, особенно соболей, свезти ихъ на казенныхъ подводахъ въ Путивль и за границей сбыть по выгодной цѣнѣ. Кромѣ того, какъ племянники, они еще получали и подачку отъ правительства. Конечно, духовные оказывали покровительство не безвозмездно, греческіе купцы должны были дѣлиться съ ними. Нельзя сказать, что это продѣлывали только нѣкоторые[1]) изъ греческихъ іерарховъ, пользующихся, такъ сказать, нелестной репутаціей; наоборотъ, это было обычное явленіе, и чѣмъ важнѣе былъ іерархъ, тѣмъ больше была свита, составленная подчасъ изъ разнаго сброда[2]). Напр. патріархъ Паисій набралъ въ свою свиту гречанъ-купцовъ, и когда путивльскій воевода замѣтилъ, что это купцы, а не слуги патріарха, то Паисій спокойно возразилъ, „что де хотя и были прежде сего торговые люди, только де нынѣ служать ему, патріарху", и купцы были пропущены, какъ слуги патріарха[3]). Цѣлыми толпами въ продолженіе столѣтія направлялись греки въ Москву съ цѣлью эксплуатаціи ея щедротъ. Москва тратила милліоны на милостыню православному Востоку, не зная въ точности, сколько она расходуетъ на эту благотворительность, и только Петръ Великій первый ввелъ отчетность въ этомъ дѣлѣ, а въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1735 году, введены были палестинскіе штаты[4]). Ранѣе же деньги давались безъ всякаго счета, почти каждому просителю, безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, — достаточно было одной просьбы.

Конечно, съ людьми, являвшимися за милостыней, за подачкой, проникають въ Москву и люди полезные, ремесленники; такъ, напр., Петръ Великій во флотѣ многихъ матросовъ набралъ изъ грековъ[5]). Для починки судовъ, стоящихъ въ Сѣчи запорожской, въ 1704 году изъ Москвы былъ присланъ мастеръ каторжнаго (галернаго) дѣла, грекъ Захарій Колуеній[6]). Въ 1739 году изъ Москвы въ Петербургъ было отослано нѣсколько грековъ, какъ хорошихъ скорняковъ[7]).

По вѣдомости 1711 года среди живущихъ въ г. Москвѣ оказались ремесленники-скорняки, портные, золотыхъ дѣлъ мастера, а одинъ варитъ просяную брагу[8]).

Въ XVI в. пропускались изъ Путивля въ Москву всѣ просители; послѣ Смутной эпохи мы видимъ то же покровительство: съ нихъ не берутъ пошлинъ на мостахъ и рѣкахъ за перевозъ; но уже начинаются стѣсненія: за милостыней разрѣшалось ѣздить въ Москву два раза въ годъ, въ опредѣленные сроки; пріѣзжавшіе должны были имѣть рекомендательныя грамоты отъ патріарха и другихъ высшихъ іерарховъ[9]). Въ грамотахъ должно быть точно указано число лицъ свиты. Въ 1648 году Алексѣй Михаиловичъ издаетъ указъ, чтобы грековъ-просителей изъ Путивля въ Москву не пропускать до особаго распоряженія; но остановить потокъ просителей

---

[1]) Ibid., стр. 113.
[2]) Ibid., стр. 117.
[3]) Ibid., 117.
[4]) Ibid., стр. 122, 123.
[5]) Гл. М. Арх. М. Ин. Д. Дѣла, содержащія въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей. 1600—1765 гг. 1698 г., №№ 41, 50.
[6]) Ibid. Д. Малор., 1704 г., № 41.
[7]) Ibid. Д. Греческія, 1739 г., № 2.
[8]) Ibid. Д. Греческія, 1711 г., № 2, и 1715 г., № 47.
[9]) Каптеревъ, стр. 251.

было не легко, тѣмъ болѣе, что греки пускались на хитрости: поддѣлывали грамоты, пытались подкупать воеводъ и пробирались въ Москву, такъ что указъ 1648 года нужно было повторить въ 1654 году[1]). При патріархѣ Никонѣ, почитателѣ гречанъ, этотъ указъ былъ забытъ, но въ 1671 году мы видимъ его возобновленіе[2]). Правительство московское понимало, что хитрые греки часто обманываютъ его, пользуются его щедротами, злоупотребляютъ оказываемымъ имъ довѣріемъ (многіе изъ нихъ занимались контрабандой, поддѣлкой драгоцѣнныхъ камней и пр.[3]); поэтому, Ѳедоръ Алексѣевичъ приказалъ выслать изъ Москвы нѣкоторыхъ грековъ и въѣздъ грекамъ въ Москву совсѣмъ запретилъ.

Но освященныя вѣками связи съ православнымъ Востокомъ не могли порваться сразу, по мановенію указа. Политическія обстоятельства — сношенія съ Турціей, гдѣ греки играли важную роль, какъ шпіоны и дипломатическіе агенты, церковныя дѣла — присоединеніе кіевской митрополіи, — заставили смягчить строгій указъ и, по просьбѣ патріарха Іоакима, грекамъ въ 1678 году разрѣшенъ былъ свободный въѣздъ попрежнему[4]). Такимъ образомъ, попытки московскаго правительства пріостановить, порвать сношенія съ греками окончились неудачей.

Итакъ, существовала торная дорога съ православнаго Востока къ Москвѣ. Въ этихъ непрерывныхъ сношеніяхъ Малороссія являлась транзитной страной: греки, отправляясь въ Москву, не могли миновать Путивля, а слѣдовательно, не могли обойти и Малороссіи. Проѣзжая по этой странѣ, „гречане“-купцы должны были завести торговыя связи. Въ то время, какъ сѣверовосточная Русь собирается подъ главенствомъ Москвы, опустошенная югозападная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы, а затѣмъ Польши. Разоренные южные города постепенно поднимаются изъ-подъ пепла, упавшая промышленность и торговля оживляются, Кіевъ становится центромъ этой торговли, которая шла съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ[5]). Въ этой торговлѣ греки играли значительную роль.

Сношенія юго-западной Руси съ греческимъ міромъ должны были поддерживаться и по другому поводу. Связывала ихъ другъ съ другомъ, и притомъ тѣсно, религія. Изъ видовъ политическихъ и государственныхъ Литва и Польша не могли допустить, чтобы ихъ подданные были въ религіозной зависимости отъ митрополита соперничествующей имъ Москвы. Поэтому малороссы находятся, въ лицѣ своего митрополита, въ религіозной зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Религіозный же вопросъ уже съ конца XV и начала XVI в. начинаетъ пріобрѣтать серіозное значеніе въ исторической жизни юго-западной Руси: съ нимъ тѣсно соединился вопросъ объ удержаніи племенной самобытности, національности.

Греки въ этомъ случаѣ играли важную роль: греческіе патріархи, будучи сами въ тяжкой зависимости отъ турокъ, все-таки стремились укрѣпить духовно-религіозную

[1]) Ibid., стр. 264.
[2]) Ibid., стр. 266.
[3]) П. С. З. т. II, №№ 659 и 693.
[4]) Каптеревъ, стр. 270.
[5]) Антоновичъ, Монографіи по географіи западной и юго-западной Россіи, т. I, Кіевъ, 1885 г. Iablonowski, Handel Ukrainy w XVI wieku. Ateneum m. II, z II. Mai 1895.

жизнь православныхъ юго-западной Руси, парализуя эгоистическія стремленія высшихъ іерарховъ послѣдней. Они давали, напр., большія привилегіи братствамъ, основаннымъ въ Малороссіи; такъ, Львовское имѣло право наблюдать за поступками даже архіереевъ. Польское правительство, поддерживая церковную унію и находя сильную оппозицію въ братствахъ, запрещало имъ сношенія съ іерархами греческой церкви, особенно съ патріархомъ константинопольскимъ[1]). Но пронырливые и ловкіе греки не знали преградъ: подъ видомъ купцовъ они были и лазутчиками и шпіонами, они приносили отъ патріарха совѣты братству и о дѣлахъ братства сообщали патріарху[2]). Греки же купцы являлись желанными и уважаемыми гостями въ краѣ. Само правительство находило ихъ присутствіе полезнымъ и давало имъ грамоты на свободную торговлю, которая вносила оживленіе въ край. Такъ, въ 1526 году, января 26, константинопольскому купцу, греку Андрею Коркокенделю, была дана окружная королевская грамота, разрѣшавшая ему торговать безпошлинно въ Литовскомъ княжествѣ[3]). Какъ страна транзитная и богатая естественными произведеніями, Малороссія привлекала къ себѣ грековъ, которые, какъ промышленные и коммерческіе люди, шныряли по ней вдоль и поперекъ; и когда въ Москвѣ они постепенно начинаютъ подвергаться всевозможнымъ стѣсненіямъ, въ Малороссіи попрежнему встрѣчаютъ радушный пріемъ.

Казацкое движеніе при Б. Хмельницкомъ должно было неблагопріятно отразиться на промышленности Малороссіи. „В тотъ часъ не було милосердія межи народомъ людскимъ“, пишетъ Лѣтопись Самовидца, характеризуя положеніе дѣлъ на Украинѣ. „Не тилъ жидовъ губили и шляхту, але и посполитимъ людемъ, в тихъ краяхъ живучимъ, тая же бѣда была. Многіе в неволю татарскую пойшлы, а наибарзѣй *ремесники* молодіе, которіе себѣ голови голили пополску, чуприну пускаючи на верхъ голови“[4]). И въ другомъ мѣстѣ: „Такъ же, що живо, поднялося въ козацтво, же заледво знайшолъ в якомъ селѣ такого человѣка, жеби не мѣлъ албо самъ, албо синъ до войска ити; а ежели самъ нездужалъ, то слугу паробка посилалъ. А иніе, килко ихъ было, всѣ ишли з двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймыта... и присягліе бурмистрове, и райцы свои уряды покидали, и бороди голили, до того войска ишли... Такъ дияволъ учинилъ себѣ смѣхъ з людей статечнихъ!“[5]) Нельзя сказать, чтобы эта характеристика представляла собой риторическія фразы. Дѣйствительно, въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, въ Стародубѣ, одномъ изъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ Малороссіи того времени, не оказалось ни одного мѣщанина, всѣ они оказачились. Конечно, такое состояніе края не могло способствовать развитію промышленности въ немъ, что также повело къ упадку торговли. Греки ловко сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ для своихъ выгодъ. Греки, знатоки всѣхъ политическихъ обстоятельствъ того времени на югѣ Россіи,

[1]) Флеровъ, Церковныя братства, стр. 60. Въ 1602 г. сношенія съ патріархомъ были запрещены подъ страхомъ смерти.

[2]) Ibid., стр 60.

[3]) Акт. зап. и южн. Россіи, т. I, стр. 68, 69.

[4]) Лѣт. Самовидца, Кіевъ, 1878 г., стр. 15,

[5]) Лѣт. Самовидца, стр. 20.

при самомъ началѣ казацкаго движенія своимъ дипломатическимъ умомъ вполнѣ сумѣли оцѣнить всѣ выгоды этого движенія для себя; среди нихъ раньше всѣхъ зарождается мысль подчиненія Малороссіи Москвѣ. И вотъ мы видимъ, митрополиты и вообще греческое духовенство, такъ часто посѣщавшее Москву, начинаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и въ Москвѣ, при представленіяхъ царю, и на аудіенціяхъ у гетмана, передавая взаимные поклоны отъ одного къ другому[1]). Все это приближало грековъ къ гетману, а давнія связи грековъ съ Малороссіей, единство религіозныхъ взглядовъ располагали гетмана къ грекамъ еще болѣе. Въ казацкомъ же движеніи, если и были причинами вопросы чисто соціальнаго и экономическаго характера[2]), то и религіозный вопросъ игралъ не послѣднюю роль. Такъ, Богданъ Хмельницкій передъ боемъ опоясывается шпагой, освященной константинопольскимъ патріархомъ. Воодушевляя свое войско къ битвѣ, онъ начинаетъ разсказывать объ угнетеніяхъ греческой вѣры со стороны турокъ и вообще иновѣрцевъ[3]). Поэтому гетманъ съ удовольствіемъ даетъ универсалъ грекамъ, обезпечивающій имъ большія преимущества въ ихъ торговлѣ въ предѣлахъ Малороссіи; къ этому его еще болѣе побуждалъ полный упадокъ промышленности въ своей странѣ; „приохочуючи грековъ-купцовъ, абы в сторону нашу зъ розными товарами прыежъджаючи выгодою людемъ были", читаемъ въ универсалѣ Богдана Хмельницкаго[4]). Привилегіи, данныя грекамъ Богданомъ Хмельницкимъ, предоставляли имъ право самосуда: „але бы, яко звычай есть въ чужихъ краяхъ, сами межи собою в справахъ купецкихъ вшелякие справы розсужали и челядь выкрочную судили и подлуг заслуг карали"[5]); ихъ же грековъ, торгующихъ въ Украинѣ, по тому самому универсалу никто не имѣлъ права привлекать къ суду полковничьему, козачьему или городскому — „до права полковницкаго или мѣскаго и пр." Универсалъ такой выданъ былъ Богданомъ Хмельницкимъ 2 мая 1657 года. Вести же безмытную торговлю, съ уплатой лишь таможенной пошлины, Богданъ Хмельницкій дозволилъ только грекамъ Павлу и Стефану Юрьевичамъ[6]). Всѣ послѣдующіе гетманы подтверждали своими универсалами торговыя преимущества грековъ, при чемъ даже расширили эти привилегіи. Такъ, Выговскій всѣмъ вообще грекамъ позволяетъ вести безмытную торговлю „въ местахъ, местечкахъ и селахъ розними товарами купецкими торговать, едныхъ набывать, а другихъ збывать, такожъ и произдъ волной безмытный и нѣодкого незабороненный"[7]). По этимъ универсаламъ греки имѣли право самосуда и безмытной торговли по всей Малороссіи, уплачивая только таможенныя пошлины экзактору и іактору: „отъ сорока соболей — 6 золотыхъ, отъ

[1]) Каптеревъ, стр. 252—264. Такъ, напр., іерусалимскій патріархъ сильно хлопочетъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи, дѣйствуя на Богдана Хмельницкаго. Въ такомъ духѣ дѣйствовалъ и патріархъ константинопольскій, передавая посольству Хмельницкаго къ турецкому султану, что гетманъ дѣйствуетъ, какъ Каинъ. Коринѳскій же митрополитъ Іоасафъ жилъ при Хмельницкомъ и все время хлопоталъ о соединеніи.

[2]) Лѣт. Самовидца, 3, 4, 5.

[3]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 278—290.

[4]) Акты зап. и южн., т. IX, стр. 218.

[5]) Акт. Греч. Нѣж. Братства, стр. 43.

[6]) Унив. 16 іюня 1657 г.

[7]) Акты, стр. 45, унив. 1658 г., 9 февраля.

сорока пупковъ соболихъ — золотыхъ два, отъ сорока куницъ — золотыхъ два, отъ бунта лисицъ — золотыхъ два и отъ иньшихъ товаровъ московскихъ изъ ста таляровъ битыхъ по золотыхъ пяти"; а отъ турецкихъ товаровъ: „отъ едвабговъ, коберцовъ, килимовъ, завоевъ, поясовъ, мусулбесовъ, киндияковъ и иньшихъ дробныхъ и розныхъ товаровъ отъ ста таляровъ левковыхъ два битыхъ, а отъ кипы габы по левку"; а за вывозъ золота, серебра, дорогихъ камней и перла должны были платить отъ ста таляровъ по 5 золотыхъ.

Греки въ глазахъ малороссійскихъ правителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, являлись мучениками, страдальцами за вѣру. Мы уже знаемъ, какъ Богданъ Хмельницкій въ своей рѣчи къ казакамъ указывалъ на бѣдствія греческаго народа подъ властью турокъ[1]). Лазарь Барановичъ въ своемъ письмѣ отъ 1669 года къ Дорошенку говоритъ: „подъ туркомъ быть, яко грекомъ тяжко, патріархамъ бѣда, тако и намъ не великая бы отрада есть"[2]). Сами же греки въ то смутное время для Малороссіи являлись очень нужными людьми: подъ видомъ купцовъ они бывали во всѣхъ странахъ Европы и были знакомы со всѣми ея политическими новостями; никто съ такимъ успѣхомъ, какъ греки, не могъ выполнить дипломатическаго порученія[3]). Мнѣніемъ грековъ, какъ людей бывалыхъ, дорожили; такъ, напр., воевода города Нѣжина считаетъ нужнымъ сообщить царю мнѣніе грековъ объ укрѣпленіи Нѣжина, качествѣ пушекъ его[4]).

Поэтому мы видимъ, что преемники Богдана Хмельницкаго продолжаютъ давать грекамъ универсалы, подтверждающіе ихъ права и привилегіи. Такъ, Юрій Хмельницкій разрѣшаетъ грекамъ „своимъ имъ нравомъ межи собою судитись"[5]), а въ торгахъ „волный и безмытный мѣли гандел, новыхъ набываючи, а старыхъ збываючи". То же самое подтвердилъ своими универсалами гетманъ Брюховецкій (унив. 1665 г., 16 марта и 1666 г., 1 марта) и гетманъ Самойловичъ (унив. 1672 г., 28 іюля). Конечно, малороссійское промышленное населеніе, особенно урядники, недружелюбно смотрѣли на такія преимущества грековъ и, не взирая на обѣщаніе (посулы) гетмановъ о строгомъ караньѣ за неисполненіе гетманскихъ универсаловъ, очень часто притѣсняли грековъ, „причиняя имъ великія кривды и неслушніе поборы вытягая". Каждому гетману приходилось выдавать универсалы о непритѣсненіи грековъ со стороны урядниковъ, сборщиковъ мыта, вѣсчаго и пр. Такіе универсалы выданы: Выговскимъ 3 мая 1659 года, Брюховецкимъ 16 марта 1665 года и Самойловичемъ 28 іюня 1672 года[6]).

Покровительствуемые властью, греки во второй половинѣ XVII ст. вели довольно значительную торговлю почти во всѣхъ малороссійскихъ городахъ; многіе же изъ нихъ, уходя изъ угнетеннаго мусульманами отечества, поселялись въ Малороссіи на-

---

[1]) Акты Зап. и Южн. Россіи, т. IX, стр. 218.

[2]) Ibid., т. VIII, стр. 108.

[3]) Ibid., т. VIII, 258, 259, т. IX, 131, 209—210, 446, 587—588, т. XI, 43, 44, 50, т. XII, 115, 116, 124, 418, 637, т. XIII, 707,

[4]) Ibid., т. XI, стр. 209, 210.

[5]) Акты Греч. Нѣж. Братства, стр 47.

[6]) Ibid., стр. 48—52.

всегда, имѣя торговыя связи съ Турціей и съ другими странами. Такъ, подъ 1663 годомъ въ Переяславѣ упоминается житель — грекъ Янъ Тамара [1]), подъ 1670 годомъ во Львовѣ — грекъ Киріакъ [2]), подъ 1672 г. въ Кіевѣ — грекъ Степанъ Петровъ [3]), подъ 1661 г. мы встрѣчаемъ жалобы переяславскихъ поповъ и грековъ о разореніи ихъ царскими ратными людьми [4]); въ 1665 г. Гамалѣю былъ данъ дворъ грека Мануила, находящійся въ Лохвицѣ, со всѣмъ строеніемъ и съ хуторомъ [5]). Все это, какъ видно изъ документовъ, народъ коммерческій, ведетъ значительную торговлю за границей, посылая туда своихъ приказчиковъ; напр. приказчикъ Яна Тамары выкупаетъ въ Константинополѣ плѣннаго рейтара Петра Аѳанасьева за 400 золотыхъ таляровъ. Въ городѣ же Нѣжинѣ греки успѣли выработать особое братство, пользовавшееся въ продолженіе долгаго періода особыми правами и преимуществами. Городъ Нѣжинъ, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, находясь на границѣ трехъ смежныхъ государствъ — Крыма, Польши и Россіи, имѣлъ не только стратегическое значеніе, но представлялъ собою важный торговый пунктъ. На это еще въ началѣ XVII ст. обращено было вниманіе Польскаго королевства; такъ, въ 1625 г. королемъ Сигизмундомъ ему дано было Магдебургское право. По присоединеніи же Малороссіи къ Россіи значеніе Нѣжина не только не падаетъ, но, наоборотъ, возвышается: онъ становится главнымъ мѣстомъ управленія особаго „нѣжинскаго всего сѣвера“ полка, одного изъ самыхъ большихъ во всей Малороссіи [6]). Сосредоточеніе администраціи, конечно, должно было содѣйствовать, въ свою очередь, вообще возвышенію города [7]). Грекамъ, какъ уже было раньше упомянуто, дозволено было являться въ Москву не иначе, какъ только черезъ Путивль, путь къ которому долженъ проходить недалеко отъ Нѣжина, почему греки, по дорогѣ въ Путивль, очень часто могли посѣщать Нѣжинъ съ торговыми и другими цѣлями. Извѣстно, что Нѣжинъ потомъ и въ XVIII вѣкѣ стоялъ „на большой изъ Кіева къ Москвѣ дорогѣ“ [8]). Возвышеніе города, конечно, благопріятствовало и торговымъ предпріятіямъ, такъ что Нѣжинъ вполнѣ могъ замѣнить собою Кіевъ, на который обыкновенно направлялись греческіе караваны и который стоялъ въ центрѣ малорусской торговли до возстанія. Къ этому присоединилось еще и то, что Кіевъ въ это тяжелое время, т.-е. во второй половинѣ XVII столѣтія, не представлялъ изъ себя безопаснаго пункта, какимъ становился очутившійся внутри страны Нѣжинъ; Кіевъ въ это время часто подвергается нападеніямъ и поляковъ и татаръ [9]). Эти нападенія сильно разорили городъ, особенно Подолъ, „который отъ частыхъ опустошеній около 1670 г. обратился въ бѣдное, почти безлюдное селеніе съ опустѣлыми общественными и частными

---

[1]) Акты зап. и южн. Россіи, т. V, стр. 186.
[2]) Ibid., т. XII, стр. 148.
[3]) Ibid., т. XI, стр. 43, 44.
[4]) Ibid., т. VII, стр. 331.
[5]) Ibid, т. VI, стр. 22.
[6]) Городскія поселенія Россійск. Имперіи, т. V, ч. 2-я. С.-Пб. 65. Стр. 328.
[7]) Лазаревскій. Описаніе Старой Малороссіи, т. II. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г. Стр. 51—55.
[8]) Кіевск. Центр. Арх. Х. И. Арх. Д. М. К., № 5708.
[9]) Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій и его время. С.-Пб. 1891 г. Стр. 4 и 31.

строеніями“ [1]). Кромѣ того, вопросъ о Кіевѣ долгое время оставался спорнымъ: останется ли онъ въ рукахъ Польши или перейдетъ въ руки Москвы. Всѣ стремленія московской политики были направлены къ пріобрѣтенію Кіева, который Польша всѣми силами старалась удержать въ своихъ рукахъ [2]). Слѣдовательно, устраиваться въ Кіевѣ коммерческимъ грекамъ, льнувшимъ къ единовѣрной Москвѣ, не было никакого расчета. И дѣйствительно, кіевскій воевода Шереметьевъ въ своихъ отпискахъ въ Москву отъ 1667 года упоминаетъ, что давно уже торговые люди — гречане и волохи — не ѣздятъ мимо Кіева [3]). Что же касается позднѣйшаго времени, т.-е. 80-хъ и 90-хъ годовъ XVII ст., то греки, главнымъ образомъ, направляются въ Нѣжинъ и живутъ здѣсь [4]). Трудно указать годъ поселенія грековъ въ Нѣжинѣ, да и врядъ ли это возможно: совершалось это поселеніе, по всей вѣроятности, исподволь; мы можемъ засвидѣтельствовать только тотъ фактъ, что въ 1675 г. число поселившихся въ Нѣжинѣ грековъ было достаточно: такъ, выдавая въ этомъ году грекамъ универсалъ, подтверждающій имъ льготы, Самойловичъ имѣетъ въ виду преимущественно грековъ нѣжинскихъ, и универсалъ предлагается вниманію, главнымъ образомъ, нѣжинскаго магистрата [5]). Года черезъ три послѣ этого, именно въ 1678 году, въ Малороссію явился изъ деревни Ангелокастрона (изъ епархіи Навпакты и Арты) греческій священникъ Христодулъ, онъ же и Христофоръ [6]). Прибылъ онъ въ Нѣжинъ, гдѣ по просьбѣ грековъ сдѣлался ихъ духовникомъ, ибо „греческіе люди, какъ потомъ въ 1680 г. писалъ въ своей грамотѣ Лазарь Барановичъ [7]), въ мѣстѣ Нѣжинѣ знайдуючыеси, неразумѣючи Руского набоженства, и яко несвѣдомыи языка нашого, не могучи нашимъ священникомъ выразне исповѣдати грѣхи свои“. По протекціи тѣхъ же грековъ Христодулъ былъ приглашенъ русскими прихожанами въ качествѣ священника въ соборную нѣжинскую церковь св. Николая. Священникомъ въ этой церкви онъ пробылъ недолго; уже въ 1680 году Христодулъ хлопочетъ объ устройствѣ въ Нѣжинѣ особой греческой церкви [8]). Между прихожанами и священниками церкви св. Николая произошелъ какой-то разладъ, о которомъ описавшій возникновеніе греческаго братства говоритъ глухо и вскользь. Чужеземецъ, незнакомый съ обычаями страны, Христодулъ врядъ ли могъ чувствовать себя независимымъ; съ другой стороны, по особой манерѣ богослуженія [9]), онъ, пожалуй, и не могъ пользоваться особыми симпатіями своихъ прихожанъ малороссіянъ. Играть видную роль въ соборѣ онъ врядъ ли поэтому былъ въ состояніи, а довольствоваться скромной энергичный Христодулъ, должно-быть, не соглашался. Конечно, описавшій

---

[1]) Городскія поселенія Росс. Имперіи. Т. II, стр. 400.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи. Кн. III, стр. 171—183, 186, 187, 387, 511, 984—986.

[3]) Акты зап. и южн. Рос. Т. VI, стр. 211.

[4]) Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., Д. Греч. 7190 г. № 4 (1682 г.); 7199 г. № 28 (1691 г.); 7206 г. № 13 (1698 г.); 7200 г. № 13 (1692 г.); 7202 г. № 11 (1694 г.); № 3, № 5 № 6; 7204 г. № 13 (1696 г.).

[5]) Проф. Өедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. братства, стр. 53.

[6]) Труды Кіевской духовной академіи 1885 г., № 9 и слѣд. Въ приложеніи стр. 106 и слѣд.

[7]) Проф. Өедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. Братства. Кіевъ, 84 г., стр. 6.

[8]) Ibid.

[9]) Его жизнеописатель говоритъ, что во время богослуженія онъ ударялъ себя въ грудь, испускалъ потоки слезъ и т. д. Труды Кіевск. дух. акад., 85 г., стр. 111.

возникновеніе братства, облекши Христодула въ ореолъ святости, объяснилъ этотъ разладъ вмѣшательствомъ врага истины и ненавистника добра — дьявола, который хотѣлъ повредить Христодулу [1]). Недовольный своимъ положеніемъ, Христодулъ начинаетъ хлопотать со своими единоплеменниками о постройкѣ особой греческой церкви. Конечно, грекамъ, торгующимъ въ Малороссіи, часто посѣщающимъ ее, а нѣкоторымъ и живущимъ въ ней, предложеніе Христодула было заманчиво. Но осуществить идею постройки церкви своими средствами греки, какъ оказалось потомъ, были пока не въ состояніи. Здѣсь-то и выступаетъ на сцену этотъ недюжинный человѣкъ съ громаднымъ запасомъ энергіи. Христодулу, какъ иниціатору, нѣжинскіе греки поручаютъ постройку церкви, вручивъ ему для этого 4000 золотыхъ. Самолично и при помощи нѣкоторыхъ богатыхъ грековъ-купцовъ Христодулъ получаетъ разрѣшеніе какъ духовной, такъ и свѣтской власти на постройку. Вѣроятно, хлопоча объ этомъ же, онъ побывалъ два раза въ Москвѣ. Когда деньги, полученныя Христодуломъ, вышли, мы видимъ его хлопочущимъ о разрѣшеніи собирать на построеніе церкви по всей Малороссіи [2]). Благодаря энергіи Христодула постройка благополучно доведена до конца. 15 лѣтъ Христодулъ священнодѣйствовалъ въ храмѣ, созданномъ его трудами и неусыпной энергіей. Но эти труды и хлопоты изнурили его; самъ Христодулъ чувствовалъ, что онъ становится слабъ. Не разъ его занимала мысль, что будетъ послѣ его смерти съ храмомъ — его милымъ дѣтищемъ. Съ ужасомъ отгонялъ онъ мысль о возможности его запустѣнія; и вотъ онъ старается интересы греческихъ нѣжинскихъ купцовъ связать съ интересами церкви, для чего предлагаетъ грекамъ основать ставропигію, или братство. Греки съ удовольствіемъ согласились на предложеніе Христодула. Братство, какъ промышленная, національная и религіозная ассоціація, было вполнѣ подходящимъ учрежденіемъ для вновь возникающей греческой общины. Если вначалѣ „фундаторъ братства", какъ мы видѣли, и не преслѣдовалъ чисто коммерческихъ цѣлей, то само теченіе жизни заставляло грековъ считаться съ ними. Всѣ члены греческаго братства были всегда очень отзывчивы на защиту своихъ коммерческихъ интересовъ противъ нарушенія ихъ со стороны правительства или туземнаго населенія. Въ самой же общинѣ очень рѣдко царило любовное и согласное управленіе братскими дѣлами; братство же, если и представляло изъ себя что-нибудь цѣльное, то это тѣсно сплоченную промышленную ассоціацію, которая и держалась благодаря этимъ торговымъ интересамъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., когда на югѣ Россіи возникли новые торговые центры — Одесса и др., значеніе греческаго братства начинаетъ падать, и если послѣднее продолжаетъ свое существованіе, то какъ тѣнь минувшей славы. Съ этой стороны нѣжинское братство, какъ намъ кажется, и представляетъ одно изъ интересныхъ учрежденій въ областной исторіи нашей малорусской старины [3]). Хотя,

[1]) Труды Кіевской дух. акад., 85 г., стр. 111 и 112.

[2]) Лазарь Барановичъ разрѣшилъ своимъ листомъ отъ 1684 г., мая 10 дня, двумъ посланнымъ отъ Христодула собирать на окончаніе постройки церкви и для уплаты долговъ, которые явились у Христодула при возведеніи храма. Проф. Ѳед.-Чех., стр. 8, 9.

[3]) См. небольшую замѣтку Сторожевскаго „Нѣжинскіе греки" (Кіевъ, 1863 г.), гдѣ рельефно обрисовано внутреннее состояніе греческой общины половины XIX ст.

конечно, говоря это, мы не думаемъ отказать греческому братству въ извѣстной долѣ культурнаго вліянія на Малороссію: мы были бы несправедливы. Въ греческомъ братствѣ въ XVII и XVIII вв. находили себѣ пріютъ многія высокія особы изъ греческаго духовенства, напр. митрополиты и др.; въ Нѣжинъ въ концѣ XVIII в. изъ харьковскаго коллегіума, такъ сказать, университета южной Украины того времени, отправляли молодыхъ людей для спеціальнаго изученія греческаго языка, преимущественно ново-греческаго [1]). Изъ греческихъ купцовъ многіе извѣстны были, какъ меценаты; такъ, напр., пять братьевъ Зосимъ. Пріобрѣтя торговлей огромныя матеріальныя средства, они употребили ихъ на греческія изданія древнихъ авторовъ, отцовъ церкви, катихизисовъ, словарей, учебниковъ математики и физики, началъ логики и философіи; издали на свой счетъ труды извѣстныхъ ученыхъ грековъ XVIII столѣтія: Евгенія Булгариса и Никифора Ѳеотокиса [2]), чѣмъ способствовали распространенію образованности среди греческаго народа. А насколько важной для греческаго міра являлась такая дѣятельность, можетъ показать слѣдующее. Когда въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія до патріарха константинопольскаго дошелъ слухъ о томъ, что кіевскій митрополитъ думаетъ завести въ Кіевѣ типографію, въ которой будутъ печататься книги на греческомъ и другихъ языкахъ, то патріархъ писалъ митрополиту (7 мая 1754 г.): „мы обрадовалися попремногу надѣющеся, яко имѣются нѣкіе на еллинскомъ язикѣ книги нужни, даби ихъ предать печати ради ползи и укрѣпленія нашей православной вѣри, какіе книги, ежели средство получимъ, къ Вамъ прислати имѣемъ, какъ то и теперь двѣ маліе книжки имѣются готови“ [3]). При этомъ нужно сказать, что греки, поселяясь въ Нѣжинѣ, въ продолженіе долгаго періода не прерывали связей со своей далекой родиной. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ, изъ накопленныхъ на чужбинѣ богатствъ, они всегда удѣляли малую толику на гробъ Господень, на греческіе извѣстные монастыри, на церкви своей родины и ея причта, чѣмъ, конечно, поддерживали матеріальное благосостояніе угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова, чѣмъ, если и не прямо, то косвенно содѣйствовали возрожденію своей націи.

Въ своемъ завѣщаніи 1735 г., 20 февраля, грекъ Марко Іововъ Харцизъ распоряжался такъ своими богатствами: „напоминаніемъ я оставляю до отдачи близъ смерти своей изъ своего имѣнія, же мнѣ даровалъ всебогатій Богъ отъ моего труду и поту, и сіе мое послѣднее родѣніе по хотѣнію моему безъ всякаго насилія и принужденія якого оставляю на святый гробъ талярей 200, и въ Константинополь до скринки кушнѣрской талярей сто, и до свят. Гордовского монастыря по 10 талярей и на Синайскіе гори талярей пятдесятъ; оставляю на монастырь, прозиваемый Рылъ, которий есть въ Кумелѣ, талярей 50, оставляю на церков братерскую въ Нѣжинѣ для поминанія моего рублей 100, и сколько церков имѣется въ Нѣжинѣ, оставляю по 4 руб. на сорокоустъ и монастырь, который имѣется въ Нѣжинѣ, оста-

[1]) Лебедевъ, А. Ст. Харьковскій Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ университета. М. 1886 г., стр. 17.
[2]) Москвитянинъ 1844 г., № 2, стр. 350—351.
[3]) Г. М. Арх. М. И. Д. Дѣла Малоросс., 1755 г., № 3.

вляю рублей 20 на поминаніе мое, оставляю и на монастырь Дупницу руб. 20 на поминаніе мое, оставляю у отчизну мою на два монастыри, которіе знайдуются в епархіи Софѣйской близъ села Железна еденъ Архангела Михаила, а другой не упомню именемъ, только оставляю на два монастыря, до каждого по талярей 100, оставляю едному іеромонаху же зоставу (?) у митрополіи, імя ему поп Парфеній, который есть маляръ, оставляю ему талярей 100, который в Букарештахъ и тотъ дабы былъ опекуномъ давать денги тіе же оставилъ на монастыри у отчизну мою, оставляю еще на одну церковь до Св. Николая въ Букурештахъ, же вѣдое отецъ Парфеній на тотъ бокъ води дубовици близъ Столнина Константина оставляю талярей 50" [1]).

Въ 1730 году, 2 апрѣля, Павелъ Бадулъ Николаевъ, имѣющій въ городѣ Нѣжинѣ три дома и четыре каморы, слѣдовательно, вполнѣ поселившійся въ этомъ городѣ, завѣщалъ въ своей духовной: „легую до Божого гробу талярей пятдесятъ, въ Синайскіи гори талярей пятдесятъ, въ Святые гори талярей пятдесятъ, даби раздѣлили по монастирахъ всѣхъ тамо; въ Румелѣ въ монастирь Стазуль талярей тридцять, в скринку Кушнѣрскую в Константинъ градъ легую талярей пятдесятъ, въ Триговисти церковь, которая есть на нашей улицѣ, дабы дали талярей пятдесятъ, тютцѣ моей Химѣ в Букурештахъ дабы дали талярей сорокъ"...[2])

Грекъ Николай Дели Алексѣевъ въ своемъ завѣщаніи 1750 года, 19 октября: „...на Святой гробъ, чтобъ вписали имя мое и родителей моихъ 20 рублей, на Синайскую гору уписать имя мое и родителей моихъ рублей двадцять, въ отчизну мою, въ Іоаннинахъ, оставляю рублей сто, принять матерѣ моей и отдать на монастирѣ и на церкви, чтоб отправили за мене по едному сорокоусту... (пропускаемъ текстъ, относящійся къ вопросамъ, не интересующимъ насъ)... оставляю матерѣ моей совокупно з братіями моими талярей шестсотъ и да мя простятъ, оставляю брату моему двоюродному Христодулу Николаеву триста рублей от наслѣдія дядѣ нашего Діямандія и матерѣ его, а моей тетки, рублей сто отъ наслѣдія дядѣ моего Діямантія, которого Христодула двоюродного моего брата оставляю его опекуномъ, чтобъ поехалъ изслѣдоват и принять имѣніе, гдѣ находится въ Полщѣ покойного дѣдѣ нашего Діямантія и получа тое, чинил би завѣтъ его явствуетъ; оставляю черницямъ свойственницамъ моимъ въ Іоаннинѣ рублей сто, чтобъ отправили за мене обичайнія поминанія по чину отчизни моея, оставляю тютки моей Еленѣ рублей двадцят четыри, брату моему двоюродному Павлу Миліоту рублей тридцятъ, сестрамъ моимъ двоюроднимъ безбрачнимъ Ставродзуровимъ рублей двадцятъ, Яну Ставродзуру рублей десятъ, тютки моей (имя не разобрано)... рублей дванадцятъ"...[3])

Итакъ, греками рѣшено было основать ставропигіальное братство. Иниціаторъ этого дѣла Христодулъ составилъ уставъ братства. Въ этомъ уставѣ главное вниманіе обращено на обязанности каждаго изъ членовъ братства въ отношеніи къ греческой церкви и ея причту, а также порядокъ выборовъ и обязанности выборныхъ.

[1]) Х. И. А. Д. М. Кол. № 4882.
[2]) Ibid. № 3315.
[3]) Ibid. № 12731.

Получить разрѣшеніе на устройство братства грекамъ было легко. Константинопольскій патріархъ еще въ 1680 г. своей грамотой утверждалъ за греческой церковью въ Нѣжинѣ ставропигію, грозя проклятіемъ каждому нарушителю свободы ея[1]).

Духовная малороссійская власть, особенно высшая, всегда симпатично относившаяся къ греческому духовенству, была согласна разрѣшить грекамъ устройство братства. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, видя „сицевое богоугодное братолюбія церковного желаніе молитвенное... братство ихъ духовное содержати при Церкви ихъ Греческой обоей Нѣжинской, не ради временного ихъ прибытка, но ради стяжанія вѣчнаго спасенія“, благословлялъ открытіе онаго[2]).

Свѣтская малороссійская власть безъ малѣйшаго колебанія утвердила устройство братства: братства были такимъ заурядпымъ явленіемъ въ Малороссіи; при этомъ надо имѣть въ виду традиціи отношеній малороссійскихъ гетмановъ къ греческимъ купцамъ, а также и личный характеръ правившаго въ то время гетмана; извѣстно, что Мазепа отличался благочестіемъ и набожностью[3]). И послѣ грамоты константинопольскаго патріарха и митрополита Ясинскаго набожному гетману только и оставалось вновь основанное братство „особливою своею гетманскою укрыть обороною“[4]). Гетманъ, дѣйствительно, и въ послѣдующее время не забывалъ греческой нѣжинской церкви, и, какъ знакъ его вниманія къ ней, мы имѣемъ Евангеліе на арабскомъ языкѣ, подаренное ей гетманомъ въ 1708 г.[5]). А вмѣстѣ съ этимъ гетманъ благоволилъ и къ самому братству, надѣляя его вольностями[6]).

Черезъ годъ послѣ устройства братства успокоенный „папа“ Христодулъ скончался (1697 г., мая 19 дня). Слѣдующій послѣ Мазепы гетманъ Скоропадскій универсаломъ отъ 17 окт. 1709 г. подтвердилъ грекамъ всѣ права и преимущества, которыя они имѣли и ранѣе, отъ прежнихъ гетмановъ[7]). Своимъ универсаломъ онъ ихъ освободилъ отъ постойной повинности, отъ дачи подводъ, оставивши имъ, конечно, при этомъ право самосуда. А высшая духовная власть продолжала освобождать греческое духовенство и церковь отъ зависимости отъ нѣжинскаго протопопа, подчиняя это братство своему авторитету [8]), при чемъ зависимость братства отъ кіевской митрополитанской каѳедры выражалась не въ денежной дачѣ, а какъ рочная, такъ и квитовая дань состояла въ двухъ камняхъ воску и камнѣ ладону, привозимыхъ каѳедральной церкви митрополита.

Итакъ, какъ свѣтская, такъ и духовная высшія власти, надѣливъ всѣми правами и привилегіями греческое нѣжинское братство, санкціонировали его существо-

---

1) Акты Греч. Нѣжинск. Братства, стр. 1—4.

2) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. Братства, стр. 14.

3) Шляпкинъ, Св. Дмитрій Ростовскій и его время. С.-Пб. 1891 г., стр. 49—51, и „Кіевская Старина“ 1896 г.

4) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, ibid, стр. 56.

5) Труды Кіевск. Дух. Академіи. 1885 г., № 3, приложеніе, стр. 10.

6) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, ibid., стр. 55—57.

7) Харьк. истор. архивъ, № 3110. Бантышъ-Каменскій, Источн. Малор. Ист. М. 1859 г. Ч. II, стр. 236—237 и „Акты“ проф. Ѳед.-Чех., стр. 61—62.

8) Акты Нѣж. греч. братства. Патентъ Іоасафа Краковскаго, митрополита Кіевскаго, отъ 1714 г., 25 окт., стр. 19—20.

ваніе. Но, несмотря на универсалъ Скоропадскаго, нѣжинскій магистратъ, имѣя царскую грамоту отъ 1698 года, въ которой сказано, что „купци чюжоземскіе греческіе и иніе, которіе домами своими въ Нѣжинѣ жувутъ и подварками или какими ни есть грунтами владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинни быть помочни“ [1]), требовалъ отъ греческихъ купцовъ исполненія мѣщанскихъ обязанностей [2]). Поэтому греки начинаютъ хлопотать о царской грамотѣ, которая бы защитила ихъ отъ притязаній магистрата. Въ 1710 году, 3 февраля, греки обратились къ Петру I съ просьбой, гдѣ излагаютъ, что „жили мы, греки — женатые и не женатые, въ Нѣжинѣ своими и наемными домами до измѣны богоотступника Мазепы безъ всякихъ налоговъ и запросовъ, которые универсалы подтвердилъ было и нынѣшній гетманъ, подданный Вашего Величества, Иванъ Ильичъ Скоропадскій; однакожъ, не имѣя себѣ воборону мы убогіе особливой Вашего Величества жалованной грамоты, оныхъ универсаловъ гетманскихъ тамошніе начальствующіе не слушаютъ и утѣсняютъ насъ странныхъ немалыми налогами“. Поэтому они, греки, иного покрова не имѣя, а имѣя твердую надежду и упованіе на Его Царское Пресвѣтлое Величество, единаго христіанскаго императора, просятъ пожаловать ихъ милостивѣйшею царскою жалованною грамотой. Греки, живущіе въ Нѣжинѣ, были народъ промышленный, а пріѣзжающіе туда были почти исключительно купцы [3]). Извѣстно же, какъ Петръ Великій заботился о поднятіи торговли и промышленности русскаго государства. „Свободная торговля и искусное рукодѣліе“, по его словамъ, „составляютъ изобиліе и силу государства [4]). Поэтому прошеніе греческихъ купцовъ, ведущихъ значительную торговлю, должно было имѣть успѣхъ. Къ этому еще нужно присоединить и тотъ фактъ, что просьба была подана греками въ то время, когда Петръ велъ дѣятельныя сношенія съ православными христіанами Балканскаго полуострова и всячески имъ покровительствовалъ. Не даромъ греки писали: „имѣя твердую надежду и упованіе, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество, *единаго* христіанскаго императора“. Дѣйствительно, 11 марта 1710 года они получили грамоту, подтверждающую ихъ привилегіи [5]). Надо замѣтить, такая грамота, выданная во время Петра Великаго, не является единичной. Грамоты, освобождающія торгующихъ грековъ отъ разныхъ повинностей, выдавались Петромъ еще раньше. Въ 1705 году, 27 апрѣля, была выдана грамота греку капитану Параскевѣ „за его службы“; грамотой этой разрѣшался Параскевѣ и его наслѣдникамъ вольный торгъ съ освобожденіемъ ихъ двора отъ постоевъ и отъ взиманія подводъ. На основаніи этого дворъ внучки Параскевы въ 1773 году освобожденъ былъ отъ постоя [6]).

Другую грамоту о свободной торговлѣ Петръ выдалъ греку Левандіану 11 марта 1710 г. за то, что онъ отыскалъ въ Нерчинскѣ серебряную руду [7]). Грамота Петра

[1]) Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6895, и т. XI, № 8679.
[2]) Бантышъ-Каменскій. Ч. II, стр. 259—261.
[3]) Гл. Моск. Архивъ М. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Мая 1710 г № 24.
[4]) Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшн. торговлѣ и промышл. съ половины XVII ст. по 1858 годъ. Ч. I. С.-Пб. 1859 г.
[5]) Бантышъ-Каменскій, ibid., стр. 260—262. Х. II. Ар. Д. М. К № 14041.
[6]) Харьк. историч. архивъ. Д. М. К. № 14305.
[7]) П. С. З., т. IV, № 2259.

Великаго, выданная грекамъ на основаніи универсала Скоропадскаго, подтверждала всѣ привилегіи, которыми надѣлены были греки въ гетманскихъ универсалахъ. Грамота эта освобождала греческую нѣжинскую церковь отъ зависимости отъ мѣстной духовной власти, грекамъ разрѣшался вольный пріѣздъ въ Нѣжинъ и отъѣздъ изъ него съ товарами, дворы грековъ освобождались отъ взиманія подводъ и отъ постоевъ[1]).

Грамота Петра Великаго, безъ сомнѣнія, должна была еще тверже и прочнѣе установить существованіе Нѣжинскаго братства. Реформы Петра Великаго, его идеи не умерли съ нимъ: онѣ пережили его почти на цѣлый вѣкъ. Поэтому и привилегіи, данныя имъ греческому Нѣжинскому братству, свято хранились слѣдующими государями и подтверждались ихъ грамотами. Мѣстная малороссійская власть не уменьшала, а, наоборотъ, расширяла вольности братства. Избранный въ гетманы Даніилъ Апостолъ своимъ универсаломъ отъ 10 января 1728 г. права и вольности грековъ „при нихъ непарушно заховалъ“ [2]), признавши своимъ авторитетомъ существованіе братства и независимость греческой нѣжинской церкви отъ мѣстнаго духовенства.

Греки порой бывали очень нужны какъ малороссійской старшинѣ, такъ и самому ясновельможному гетману. Въ 1728 г. гетманъ съ генеральной старшиной, полковниками и бунчуковыми товарищами былъ въ Москвѣ на коронаціи Петра II [3]). Малороссійская старшина сильно издержалась и должна была занять на разные расходы. На чужбинѣ это не такъ-то легко было сдѣлать, и вотъ здѣсь на помощь явился нѣжинскій житель, грекъ Самуилъ, сынъ Ѳедоровъ. За подписью полковниковъ и всей старшины 13 іюля 1728 г. у грека были взяты 909 червоныхъ и 20 коп., каждый червоный цѣною по 2 руб. 20 коп. Деньги эти были израсходованы слѣдующимъ образомъ:

За „габинетъ“ серебряный, вѣсомъ 21 фунтъ 72 золотника (по 33 руб. фунтъ), заплачено 717 руб. 75 коп.; этотъ габинетъ по указу гетмана и по приговору полковниковъ и другихъ старшинъ былъ отданъ въ Москвѣ князю Василію Лукичу Долгорукому. За серебряную большую чашу, вѣсомъ 21 фунтъ (по 9 руб. фунтъ), дано было 399 руб.; чаша потомъ находилась въ рейментарскомъ домѣ.

За серебряную „скринку“, въ серединѣ вызолоченную, въ 18 фунтовъ (по 23 руб. за фунтъ), заплачено 414 руб.; скринка эта была отдана въ Москвѣ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому [4]). Когда были принесены гетману жалованная грамота и соболья шуба, а полковникамъ и прочимъ, отпускаемымъ съ гетманомъ въ Малороссію, жалованье, то асессору Семену Ивановичу дано было 50 червоныхъ, расходчику Арбаневу 15 и находящимся при нихъ подьячимъ и прочей свитѣ 8 червоныхъ. При отпускѣ гетмана секретарь Иванъ Тимоѳеевичъ принесъ ему жалованье, за что получилъ 10 червоныхъ, сопровождавшимъ секретаря подьячимъ и солдатамъ дано 5 червоныхъ. Всего было роздано 88 червоныхъ, или 193 руб. 60 коп. За подводу подъ вышеупомянутое оставшееся серебро, которое изъ Москвы было доста-

[1]) П. С. З., т. IV, № 2260.

[2]) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, ibid., стр. 64—66.

[3]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи. Т. II, стр. 596.

[4]) И тотъ и другой были въ это время въ „рѣшительномъ фаворѣ“ у императора. Соловьевъ, Исторія Россіи. Книга четвертая, т. XVI—XX, стр. 1073.

влено въ Глуховъ, заплачено было 8 руб. Уплата этой суммы возложена была на малороссійскіе полки въ такомъ размѣрѣ: Полтавскій полкъ долженъ былъ уплатить 350 руб., Кіевскій — 100 руб., Прилуцкій — 300 руб., Лубенскій — 250 руб., Черниговскій — 250 руб., Стародубовскій — 250 руб., Нѣжинскій — 150 руб. и Переяславскій — 131 руб. [1]).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ гетманъ со многими изъ старшинъ возвратился въ Малороссію [2]). Въ Москвѣ же сынъ гетмана Петръ попрежнему остался, съ нѣкоторыми другими старшинами, въ качествѣ заложника [3]). Оставшіеся имѣли частыя сношенія съ гетманомъ. Старикъ-гетманъ скучалъ по сынѣ и хлопоталъ объ его отпускѣ домой; въ февралѣ 1729 года были получены отъ посланныхъ въ Москву вѣсти; то и другое заставляло гетмана писать въ Москву. Какъ въ XVII вѣкѣ, такъ и теперь греки играли роль агентовъ, передавая письма. Воспользовавшись тѣмъ, что нѣжинскіе греки Николай Бошнякъ и Самойло Ѳедоровъ отправляются въ Москву, гетманъ шлетъ съ ними письма къ сыну, къ посланнымъ и благодарственныя къ власть имущимъ за ихъ милости къ сыну его [4]).

Съ греками же Апостолъ посылалъ письма къ гр. Головкину и барону Остерману объ отпускѣ его сына изъ Москвы въ Малороссію [5]).

---

[1]) Харьк. Истор. Арх., Д. М. К. № 2248.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 598, и Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Москва. 1847 г. Кн. V, стр. 124.

[3]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 595, и Соловьевъ, Исторія Россіи.

[4]) „Милій нашъ сину пане Петро! Листи наши противъ термѣнъ намъ отъ вашей милости присланнихъ писанніе до ихъ сіятельствъ графа Гаврила Ивановича Головкина и барона Андрея Ивановича Остермана объ отпуску вашей милости з Москви къ намъ въ Малую Россію такъ же за панами Тернавскимъ и Корецкимъ и особливій листъ къ канцеляріи (?) совѣтнику Господину Курбатову благодарствуючи за прибавку вашей милости государевого жалованя, посилаю до рукъ вашихъ милостинихъ, которіе листи мѣешъ ваша милость ихъ сіятельству вручитъ; что по тому будетъ чинено, о томъ бы ваша милость насъ увѣдомилъ, жадаемъ и при томъ наше родительское вамъ засилаемъ благословеніе. зъ Глухова Февруарія 17 дня 1729 году". (Харьк. Истор. Арх., № 20810).

Въ благодарность за хлопоты гетманъ писалъ Курбатову: „При начатіи наступающаго посту святіа четиредесятници поздравляю онимъ благородіе ваше и желаю сіе великопостное теченіе з пріобрѣтеніемъ душевной ползи препроводивши свѣтлий воскресеніа Христова праздникъ радостно съ домашними вашими праздновать; при семъ заявленную отъ вашего благородія к синовѣ моему Петру милость, которою онъ чрезъ листъ свой до мене писанній хвалится, что ходатайствомъ вашего благородія удостоился получить прибавку въ опредѣленномъ ему Его Императорского Величества жалованѣ, попремногу вашому благородію благодарствую, а и впред о непремѣнителную вашего благородія к оному синовѣ моему милость прошу покорне, за что такъ я, яко и оний синъ мой, вашому благородію благодарить не престанемъ, в такой облѣgаціи и остаюсь вашому благородію..... Февр. 17 д. 1729". (Харьк. Истор. Арх., № 20810).

[5]) Къ гр. Г. И. Головкину писалъ: „Надѣючися я на высокую вашего графского сіятельства милость, что сынъ мой Петр оставшийся въ Москвѣ будетъ и безъ моего стужательства по, одному толко вашего графского сіятельства благоусмотренію отпущенъ въ Малую Россію, доселе не утруждалъ вашего графского сіателства о томъ прошеніемъ моимъ, а понеже чрезъ килка годъ уже оного сина моего мешкане тамъ продолжается донынѣ и чрезъ такъ долгое время домашніи мои не видя суть в безпрестанной печали и неутолимомъ сѣтованіи, к тому же и я, будучи при старости лѣтъ моихъ, намѣренъ за живота своего въ домѣ моемъ якое ни есть распредѣленіе здѣлать; того ради всепокорнѣйше прошу вашего графского сіателства сотворити со мною таковую милость, иж бы за премощнимъ его ходатайствомъ указомъ его Императорского Величества помянутий сынъ мой Петро з женою своею отпущенъ былъ сюда, если не вовся, то хотя на время; а на мѣсто его до возвращенія въ Москву отправлю кого з старшини енералной, которую милость сотвори, сіятелнѣйшій графъ, принамнѣй . . . . разсуждая родителскую любовь, юже имѣете къ своимъ дѣтемъ, і усугубленіемъ всенижайше прошу дознавши же оной елико сили

Гетманъ, безъ сомнѣнія, былъ благодаренъ грекамъ за ихъ любезность, что̀ и показалъ, давши имъ рекомендательное письмо, вѣроятно, къ гр. Толстому, въ которомъ просилъ графа „не оставить въ своей милости“ Николая Бошняка и Самойла Өедорова [1]) и затѣмъ, когда Николай Бошнякъ, какъ ктиторъ нѣжинской греческой церкви, въ слѣдующемъ году отнесся къ гетману съ жалобой на то, что принадлежащіе церкви дворы, гдѣ бываетъ братскій канонъ, обременяются постоями и консистентской дачей, гетманъ универсаломъ 1730 г., 7 сентября, запретилъ нѣжинской старшинѣ и комиссарамъ ставить постои и брать консистентскія дачи [2]). Послѣ гетмана Апостола управлять Малороссіей назначенъ былъ кн. Алексѣй Шаховской съ товарищи [3]); для руководства въ управленіи страной ему данъ былъ указъ. Въ 13-мъ пунктѣ этого указа относительно нѣжинскихъ грековъ было сказано, что пользоваться имъ тѣми же преимуществами, которыя предоставляла имъ грамота Петра Великаго [4]), на основаніи чего и выданъ былъ грекамъ правителями Малороссіи универсалъ (19 декабря 1735 г.) въ духѣ прежнихъ универсаловъ и грамоты Петра Великаго [5]). Въ 1736 году, когда начались Миниховскіе походы, вся тяжесть этой войны, главнымъ образомъ, обрушилась на южныя окраины Россіи, въ томъ числѣ, конечно, и на Малороссію; черезъ нее непрерывно двигались войска, часть которыхъ оставалась на постоѣ въ Малороссіи; по всѣмъ направленіямъ разъѣзжали курьеры на обывательскихъ лошадяхъ, двигались обозы съ провіантомъ, съ амуниціей, снарядами и пр. Подводы подъ обозы доставляли тѣ же обыватели [6]). Несмотря на такую тяготу для народа, греки сумѣли выхлопотать у Миниха солвогвардію, т.-е.

моей долгій житія своего служить и благодарить вашому графскому сіятельству долженъ и непрестану, яко и нынѣ есмъ вашому графскому сіателству. . . . . . Февр. 17 д. 1729 г. (Ibid.).

Исправляющій нѣкоторыя выраженія черновика положилъ резолюцію „умно“. Мы склонны думать, что это резолюція самого Ясневельможности Гетмана Е. Ц. В.

Письмо къ бар. А. И. Остерману было такого содержанія: „Весьма будучи я надеженъ на высокую вашего сіателства ку себѣ милость, доволно под часъ бытія моего въ Москвѣ узнанную, по которой соблагоизволилъ ваше сіателство приотездѣ моемъ оттоль обнадежит мене, дабы я об отпуску з Москви сина моего Петра в домъ положилъ надѣю на ваше сіателство не сумѣнную, дерзаю нынѣ трудитъ моимъ прошеніемъ ваше сіателство; понеже чрезъ килка годъ уже, оного сина моего мешконе тамъ продолжается доселѣ и чрезъ такъ долгое время домашніи мои, оного не видя, суть въ безпрестанной печали и сѣтованіи; къ тому же и я, будучи при старости лѣтъ моихъ, намѣренъ за живота своего въ домѣ моемъ якое ни есть распредѣленіе здѣлать; того ради всепокорнѣйше прошу вашего сіателства сотворити со мною таковую милост, иж бы за премоцнимъ вашего сіателства ходатайствомъ, указомъ его Императорского величества помянутій синъ мой Петро з женою своею отпущенъ былъ сюда если не вовся, то хотя на полъ или четверть года; на мѣсто его до возвращенія въ Москву одправлю кого з старшини енералной, которую милость сотвори ваше сіателство по своемъ милостивомъ, данномъ мнѣ при отъездѣ моемъ, обнадеживаніи всепокорно съ усугубленіемъ прошу, дознавши же оной елико сили моей до дних житія своего служит и благодарит вашому сіателству и всей его достойнѣйшей фамиліи долженъ и не престану яко и нынѣ есмъ. . . . . . . Февр. 17 д. 1729“. (Ibid.).

[1]) Харьк. Истор. Арх., № 20810.

[2]) Проф. Өедотовъ-Чеховскій, ibid., стран. 68.

[3]) А. Ригельманъ, ibid., часть III, стран. 143—144. М. 1847 г.

[4]) П. С. З., т. IX, № 6614.

[5]) Проф. Өедотовъ-Чеховскій, ibid., стран. 72—74.

[6]) Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, ч. II, стран. 21—42. Москва. 1859 г. и Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стран. 620—623 М. 1842 г.

указъ, который освобождалъ грековъ отъ постоевъ и отъ дачи квартиръ подъ курьеровъ и подъ прочихъ проѣзжающихъ [1]).

Греки со своими преимуществами были всегда бѣльмомъ въ глазу у мѣстной власти; поэтому, при всякомъ удобномъ случаѣ она нарушала права греческой общины. При перемѣнѣ правителей, смѣнѣ царствующей особы, мѣстная власть забывала, вѣрнѣе — старалась забыть привилегированное положеніе греческой общины, надѣясь, можетъ быть, что при смѣнѣ правителей измѣнится отношеніе высшей власти къ грекамъ, а слѣдовательно, и самое положеніе общины. Но смѣнялись правители, а отношеніе, какъ царствующихъ государей, такъ и высшихъ малороссійскихъ властей, къ греческой общинѣ оставалось то же. По вступленіи на престолъ набожной Елисаветы Петровны греки во главѣ съ Велисаромъ Псалтіемъ подали государынѣ челобитную, въ которой жаловались на притѣсненіе ихъ мѣстной властью. Государыня съ удовольствіемъ подтвердила грамоту своего отца о преимуществахъ братства, находящагося при греческой нѣжинской церкви (грамотой 3 ноября 1742 г.) [2]).

Послѣ грамоты императрицы присутствующимъ генеральной войсковой канцеляріи ничего не оставалось, какъ при первомъ прошеніи грековъ объ обидахъ отъ старшины нѣжинскаго полка выдать указъ о непритѣсненіи греческихъ купцовъ [3]) и вообще грековъ, а избранному на гетманство Кириллу Разумовскому выдать универсалъ, въ которомъ онъ писалъ, что „вышевыраженіе ихъ Нѣжинскихъ Грековъ права и волности симъ нашимъ унѣверсаломъ подтверждаемъ, повелѣвая содержать оніе цѣло и ненарушно“ [4]).

Въ 1750 г. на нѣжинское братство истцами было подано нѣсколько жалобъ, что они „за поноровкою судящихъ“ не только не получаютъ „сатисфакціи“, но ихъ дѣла въ судѣ лежатъ неначатыми. Въ мартѣ 1751 г. генеральная войсковая канцелярія донесла объ этомъ гетману, добавляя, что „хотя де по тѣмъ жалобамъ ежечасно з генералной канцеляріи в то нѣжинское братство посилани указы при нарочнихъ к понужденію, с повелѣніемъ, чтоб таковихъ просителей дѣла на сроки рѣшени были, токмо де какъ по указамъ той генералной канцеляріи такъ и за понужденіемъ онихъ нарочнихъ ничего не успѣваетъ, ибо де сколко по какимъ дѣламъ от генералной канцеляріи чинени туда о рѣшеніи онихъ указы, то по тѣмъ з дѣйствителномъ исполненіи ничего не видно и репортовъ де о томъ нѣтъ“. Гетманъ, получивъ такое донесеніе, ордеромъ изъ Москвы отъ 16 апрѣля того же 1751 года предписалъ „для скорѣйшого таковихъ дѣлъ рѣшенія опредѣлить въ присудствіе въ тое нѣжинское греческое братство зъ старшини того полку полковой одного“, который бы понуждалъ присутствующихъ въ братствѣ къ разбору дѣлъ въ извѣстные сроки, безъ всякой волокиты [5]). На основаніи этого ордера въ братство и былъ опредѣленъ сначала полковой нѣжинскій обозный Леонтій Грановскій, а потомъ вмѣсто него абшитованный полковой

[1]) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, ibid., стран. 74.
[2]) Харьк. Истор. Арх., № 3110, и П. С. З., т. XI, № 8656.
[3]) Проф. Ѳедотовъ-Чеховскій, ibid., стран. 76.
[4]) Ibid., стран. 82.
[5]) Харьк. Ист. Арх., № 3110.

хорунжій Яковъ Вилковскій[1]). Конечно, присутствіе въ братствѣ кого-нибудь изъ старшинъ нѣжинскихъ для грековъ было крайне нежелательно, — этимъ нарушалась ихъ вольность. Но прежде чѣмъ просить объ удаленіи полковой старшины изъ суда, нужно было заручиться согласіемъ гетмана на тѣ вольности, которыми пользовалась греческая община на основаніи данныхъ ей ранѣе грамотъ и универсаловъ. Поэтому греки, въ августѣ 1751 г., обратились къ гетману съ просьбой, въ которой, изложивши всѣ свои вольности, писали: „и о томъ всенижайше Ясневельможности Вашей донося со всеглубочайшимъ нашимъ упокореніемъ раболѣпно просимъ, во утвержденіе всѣхъ вишепоказанних Греческому Братству высокопремощнѣйшими монаршими грамотами всемилостивѣйше пожалованних, тако ж по древнимъ привилиям антицессоровъ Ясневельможности вашей, покойнихъ господъ гетмановъ, імѣющих, всему греческому купечеству наданних правъ и вольностей, милостиво пожаловат премощнѣйшим Ясневельможности вашей универсаломъ насъ охранить“[2]). Результатомъ этого прошенія грековъ, какъ мы знаемъ, и было подтвержденіе Разумовскимъ всѣхъ привилегій греческой общины.

Послѣ уничтоженія гетманства, назначенный президентомъ малороссійской коллегіи графъ П. А. Румянцевъ обратилъ вниманіе на „недостатки и неустройства“ въ дѣлахъ Малороссіи. Къ вопросамъ, которые нужно было „трактовать“ малороссійской коллегіи и упорядочить, Румянцевъ причислилъ и вопросъ о греческомъ братствѣ[3]). Ознакомившись съ сущностью дѣла, Румянцевъ находилъ, что по жалованнымъ грамотамъ живущіе въ братствѣ греки имѣли право происходящія между ними и ихъ челядью ссоры разбирать сами, но въ грамотахъ нигдѣ не упомянуто, чтобы „оное братство дѣлало особливое какое правленіе“. Затѣмъ греки, имѣя свои дома и грунты и отправляя повсюду „свободно торгъ“, не исполняли никакихъ должностей и не несли никакихъ обязанностей, почему многіе не только изъ иностранцевъ, но и изъ малороссіянъ, укрываясь отъ городскихъ повинностей, вписывались подъ вѣдомство греческаго братства. Румянцевъ, который такъ ревностно заботился о благосостояніи городовъ управляемаго имъ края и о поднятіи ихъ промышленности[4]), находилъ нужнымъ согласовать привилегіи греческой общины съ привилегіями, пожалованными Русскими Царями въ грамотахъ городамъ, такъ чтобы привилегированнымъ положеніемъ греческой общины не были нарушены грамоты, данныя городамъ. Въ такомъ смыслѣ дано было выборному отъ малороссійской коллегіи въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія Наталину наставленіе о грекахъ, гдѣ высказано желаніе, чтобы греки не вписывали иноземцевъ и малороссіянъ[5]).

Первая турецкая война, какъ извѣстно, прервала засѣданія комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, поэтому затормозилось и дѣло о грекахъ. Нѣжинскій же магистратъ очень сильно тѣснилъ грековъ: несмотря на грамоты магистратскія, урядники

---

[1]) Ibid.

[2]) Х. И. А. М. К. № 3110.

[3]) Авсѣенко, Малороссія въ 1751 г. Кіевъ, 1864 г., стр. 149—150.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи.

[5]) Наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи о ком. соч. проекта новаго уложенія г. члену той кол. Димитрію Наталину и возраженіе депутата Политики. М. 1858 г., стр. 18—49.

насильно, какъ въ собственные, такъ и въ наемные греческіе дома ставили постои и привлекали грековъ къ отбыванію другихъ повинностей. Поэтому, отъ греческаго братства въ 1769 г. отправленъ повѣренный грекъ Лука Ивановъ, который долженъ былъ подать въ Сенатъ жалобу на нѣжинскій магистратъ о притѣсненіи братства. Сенатъ указомъ отъ 1769 г.[1]) сообщилъ Румянцеву, чтобы онъ предложилъ, куда слѣдуетъ, чтобы впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о греческомъ братствѣ нѣжинскій магистратъ не притѣснялъ грековъ. Магистратъ не исполнялъ предписаній Сената, тѣмъ болѣе, что въ 70-хъ годахъ кіевская губернская канцелярія подала прошеніе, чтобы великороссійскимъ купцамъ какъ Нѣжина, „такъ и другихъ малороссійскихъ городовъ, не было ничего чинено излишняго противъ малороссійскихъ обывателей“, т.-е. въ отбываніи городскихъ повинностей. На основаніи этого Сенатъ навелъ справку, и малороссійская коллегія въ своемъ доношеніи отъ 17 октября 1772 г. представила, что на основаніи грамотъ „иноземскіе купцы“, купившіе въ городѣ Нѣжинѣ дома и земли, должны нести общенародныя повинности наравнѣ съ прочими обывателями. Поэтому, 1 апрѣля 1773 г., послѣдовалъ указъ, въ которомъ подтверждено, что купцы чужеземскіе, греческіе и иные, которые своими домами живутъ въ Нѣжинѣ „и подварками или какими грунтами ни есть владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинны быть помочны“. На основаніи этого указа нѣжинскій магистратъ продолжалъ привлекать грековъ къ общенароднымъ повинностямъ. Поэтому, въ томъ же году присутствующіе въ нѣжинскомъ греческомъ братствѣ Иванъ Николаевъ Сарій, Христодулъ Николаевъ, Лука Ивановъ, Діамантій Анастасіевъ, сынъ Баладима, Иванъ Константиновъ, сынъ Карловъ, подали прошеніе въ малороссійскую коллегію о неправильномъ образѣ дѣйствій нѣжинскаго магистрата и неправильномъ толкованіи имъ указа[2]). Въ то же самое время греки отправили въ Сенатъ повѣренныхъ Николая Евстафіева и Гаврила Синопеуса, которые бы хлопотали о дѣлахъ братства. Этимъ повѣреннымъ дано было наставленіе отъ 13 ноября 1773 г.: по пріѣздѣ въ Петербургъ „стать предъ лице всеавгустѣйшей монархини“ и Павла Петровича и его супруги Наталіи Алексѣевны; прошенія же они не должны были подавать, пока братство не пришлетъ писемъ съ извѣстіемъ о резолюціи гр. Румянцева и малороссійской коллегіи; когда же будутъ подавать прошеніе, то должны просить о подтвержденіи данныхъ ранѣе грамотъ съ дополненіемъ о судѣ, чтобы онъ производился въ братствѣ, а дѣла рѣшались по силѣ генеральнаго регламента; чтобы братству была пожалована печать, чтобы было уничтожено преимущество живущихъ въ городѣ предъ пріѣзжими, о безпрепятственной куплѣ греками домовъ и пр. Посланные были снабжены рекомендательными письмами, въ которыхъ „покорнѣйше просили удостоить ихъ (посланныхъ) своимъ благимъ наставленіемъ во всѣхъ к сему дѣлу благопристойностяхъ“. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Малороссійская Коллегія не спѣшила, тѣмъ болѣе, послѣ указа 1 апрѣля 1773 г. Поэтому, въ 1774 г., братство дало Константину Кромидѣ и Діамантію Николаеву вѣрительный листъ, на основаніи котораго они должны были ходатайствовать у гр. Румян-

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 13397.
[2]) Лицей кн. Безбородко.

цева. Румянцеву отъ 22 января 1774 г. братство писало: „взирая на премногіе опыты особеннаго вашего высокографскаго сіятельства к нашему обществу греческому покровительства, а найпаче на увѣщаніе, каковымъ ваше высокографское сіятельство отеческимъ попеченіемъ и наставленіемъ всѣхъ грековъ въ Нѣжинѣ пріѣзжихъ и жителей в непремѣнное дружество и единомислие привесть соизволили, чѣмъ мы нижайше пользуясь, прославляя вездѣ имя вашего высокографскаго сіятельства, осмѣливаемся приступить съ общею прозбою, которое дѣло до непремѣнного вашего высокографского сіятельства высокоблагоразсмотрѣнія принадлежить, то несумнѣнно и ласкаемъ себя надеждою, что до окончанія доведено быть можетъ". Далѣе идетъ перечисленіе обидъ грековъ магистратомъ: требованіе людей подъ подводы, опредѣленіе грековъ къ соляной продажѣ, требованіе церковнаго погреба для склада туда денегъ и др.

Когда 26 февраля 1774 г. гр. Румянцевъ сдѣлалъ запросъ малороссійской коллегіи объ указѣ относительно великороссійскихъ купцовъ (отъ 1 апрѣля 1773 г.), то греки послали письма членамъ малороссійской коллегіи о защитѣ ихъ на основаніи грамотъ и универсаловъ.

Ходатайство грековъ у гр. Румянцева, повидимому, было успѣшно, ибо въ 1774 г., 28 октября, онъ представилъ въ Сенатъ свое мнѣніе о грекахъ, гдѣ находилъ, что греки, „дознавая крайнія притѣсненія для себя подъ игомъ управленія турецкаго", находили всегда „убѣжище" подъ державою и покровительствомъ Россійской Императрицы; „оные же греки торгами происходимыми имъ не только городу Нежину служатъ ко украшенію и пользѣ, но и в зборѣ пошлинъ государственныхъ не малое приносятъ приращеніе и составляютъ знатную вѣтвь тамошней комерціи" [1]).

Братство же съ своей стороны послало государынѣ прошеніе съ подробнымъ изложеніемъ своихъ нуждъ, съ ссылкой на грамоты и универсалы [2]).

Вмѣстѣ съ прошеніемъ отправились отъ братства греческіе купцы Дука Ивановъ, Гаврило Синопеусъ и Юрій Кромида хлопотать у Сената о грамотѣ. Въ инструкціи, данной имъ, было добавлено по-гречески: „повѣренные, не стѣсняясь, имѣютъ право расходовать на квартиру, харчи себѣ и служителямъ, въ подареніе презентовъ и пр.; если же данныхъ имъ денегъ не хватитъ, то братство обязуется уплатить по ихъ счетамъ", и далѣе: „прилагать старательство всякое для всего общества, за что отъ Господа Бога будете имѣть мзду, а отъ всего общества непремѣнное благодареніе" [3]).

Наконецъ, 10 февраля 1775 г. была выдана грекамъ грамота, подтверждающая привилегіи греческой общины [4]).

Высланная изъ Правительствующаго Сената 5 марта 1775 г. грамота, указомъ отъ 7 мая того же года, была возвращена и замѣнена новымъ спискомъ [5]).

---

[1]) Лицей кн. Безбородко.
[2]) Экстрактъ, собранный въ Правит. Сенатѣ по Малор. экспедиціи 1786 г. и П. С. З., XX т., № 14247.
[3]) Лицей кн. Безбородко.
[4]) П. С. З., т. XX, № 14247.
[5]) Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 3930.

Послѣ изданія городового положенія греки просили изъять ихъ отъ подчиненія этимъ узаконеніямъ, на что послѣдовала резолюція объ оставленіи грекамъ ихъ правъ и преимуществъ попрежнему, а для поддержанія благочинія и порядка въ греческой общинѣ, указомъ 1 сентября 1785 г.[1]), учреждался нѣжинскій греческій магистратъ, который долженъ былъ „состоять подъ апелляціей Черниговскаго губернскаго магистрата“[2]).

Греки, привлекаемые льготами, какія имъ даровало русское правительство, съ охотой пріѣзжали въ Малороссію для торговли, многіе же изъ нихъ оставались здѣсь на постоянное житье. Для поселенія греками избирался обыкновенно Нѣжинъ, хотя поселялись они и въ другихъ городахъ.

Въ 1711 г., во время войны съ турками, отъ грековъ, находящихся въ Нѣжинѣ, было потребовано, чтобы, если кто изъ нихъ хочетъ, то выѣхалъ бы изъ Россіи, а оставшіеся во все время войны не выѣзжали бы изъ Малороссіи и прекратили сношенія съ заграничными жителями. Во исполненіе царскаго указа греки дали подписку (13 марта 1711 г. — пріѣзжіе, а 20-го марта — живущіе). Изъ этой подписки мы узнаемъ, что пріѣзжихъ, временно проживающихъ, какъ грековъ, такъ и волоховъ, въ Нѣжинѣ въ это время было 232 человѣка; издавна живущихъ съ женами и дѣтьми грековъ — 32 семьи, волоховъ подъ вѣдомствомъ братства — 40 семей, мултянъ — 11, сербовъ, болгаръ — 13[3]). Въ 1765 г. всѣхъ семействъ, подвѣдомственныхъ братству, считалось уже около 150 (143 семьи),[4]) а по ревизіи 1782 г. число живущихъ грековъ равнялось 765 душамъ (408 мужчинъ и 357 женщинъ)[5]). Почти изъ года въ годъ эмигрировало въ Малороссію нѣсколько греческихъ семействъ.

Послѣ 1765 года выселеніе грековъ въ Малороссію продолжалось попрежнему. Такъ, въ 1767 г. грекъ съ острова Кастори Ралѣй Ивановъ Мушмулъ доносилъ, что прибылъ онъ въ Россію и желаетъ записаться въ мѣщане гор. Нѣжина[6]).

Причиной выселенія грековъ въ Россію были, безъ сомнѣнія, тѣ льготы и преимущества, которыми награждала ихъ единовѣрная Россія. Угнетенные и подавленные у себя на родинѣ, въ Малороссіи они встрѣчали радушный пріемъ: ихъ освобождали отъ налоговъ, у нихъ была здѣсь своя церковь, своя община, гдѣ они всѣ были равноправны, а предъ прочимъ населеніемъ имъ оказывалось во всемъ предпочтеніе; каждый грекъ, явившійся въ Нѣжинъ, чувствовалъ себя тамъ гораздо лучше, чѣмъ у себя дома. Многіе изъ нихъ мотивомъ своего выселенія въ Малороссію и выставляли это привилегированное положеніе: „Уроженец с грековъ близъ бѣлого моря, з острова Хіо, извѣстясь о всемилостивѣйшемъ пожалованіи всѣмъ выходящимъ въ Россію грекамъ всѣх волностей“, писалъ въ малороссійскую коллегію грекъ Сатиръ Стаматѣевъ въъ 1770 г.[7]).

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16250.

[2]) Шафонскій, „Описаніе Черниговск. намѣстничества, стр. 473—474.

[3]) Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Д. Малор., 1711 г., № 12.

[4]) Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 4560, смотри приложеніе № 1.

[5]) Шафонскій, стр. 474.

[6]) Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 6002 и остальныя подробности въ Кіевск. Центр. Арх. Документы о колонизаціи.

[7]) Х. Ист. Арх. Д. Малор. колл., № 13263.

Въ 1750-хъ годахъ грекъ Турунжа разсказывалъ: „Ревнуя православной христіанской вѣры, слыша же високомилостивіе Е. И. В. съ високимъ матернимъ благопризрѣніемъ указы о дозволеніи въ Россійской Имперіи, а паче греческаго исповѣданія людемъ имѣть свободное жилье, оставя отечество свое въ Македоніи, пришедъ подъ высочайшую Е. И. В. державу, воспріялъ жительство Малой Россіи въ городѣ Нѣжинѣ“.

„Извѣстясь, что многихъ захожихъ зъ разнихъ турецкой области городовъ грековъ въ гор. Нѣжинѣ отъ всероссійскихъ монарховъ пожаловано всякими свободами въ купечествѣ и вольностями отъ податей и постоевъ“, прибылъ въ Малороссію грекъ Ралѣй Мушмулъ.

Греческое же братство, во всемъ своемъ составѣ, объясняло поселеніе братчиковъ въ Малороссіи (въ доношеніи гр. Румянцеву отъ 4 апр. 1774 г.) такъ: „прародители наши и братія греки....., убѣгая отъ ненавистниковъ рода христіанскаго махометанъ, видя въ Россіи непоколебимое утвержденіе благочестія и благолѣпіе храмовъ Божіихъ, затѣмъ по единству вѣры нашея православныя греческія съ народомъ россійскимъ, возымѣли пріѣзды и пристанище въ Нѣжинѣ для облегченія тамошнихъ нуждъ и печалей и чтобъ получать изъ своего купеческаго обращенія ползу[1])“.

Многіе изъ грековъ, по торговымъ дѣламъ пріѣхавшихъ въ Малороссію, здѣсь и оставались на поселеніе. На допросѣ 2 октября 1764 г. грекъ показалъ: „зовутъ его Иваномъ, призиваютъ Зрубою, лѣтъ ему отъ роду будетъ 23, отца его звали Анастасій, прозивали Зрубою ж и оный отецъ его билъ грекомъ, жительство свое имѣлъ въ Волощинѣ, где и онъ, Иванъ Зруба, жительствовалъ, а въ прошломъ 1756 г. отлучился онъ въ Нѣжинъ за своимъ греческимъ купечествомъ, гдѣ и остался жить“.

Въ члены братства принимались не одни только греки, но и лица другихъ національностей; отъ числа братчиковъ зависѣло благосостояніе самого братства, а поэтому греки съ удовольствіемъ принимали въ свою общину желающихъ волоховъ, крещеныхъ турокъ, болгаръ, сербовъ и другихъ; мы уже не говоримъ о томъ, что подъ именемъ грековъ часто скрывались огреченные балканскіе славяне[2]).

Въ доношеніи на имя гетмана въ 1751 г. братство писало, что грековъ, живущихъ въ своихъ домахъ, въ братствѣ числится 78 человѣкъ, живущихъ въ наемныхъ домахъ — 37 душъ, болгаръ въ собственныхъ домахъ — 4, въ наемныхъ — 5, волоховъ въ собственныхъ — 12, въ наемныхъ — 13, разныхъ другихъ національностей, „родовъ“, по выраженію документа, въ собственныхъ домахъ — 8, въ наемныхъ — 4[3]).

Просматривая вѣдомость поселившихся въ Нѣжинѣ грековъ, мы встрѣчаемъ, напр., Трифона Иванова, болгарина изъ м. Рущука, волоховъ Статѣевыхъ изъ Буку-

---

1) Хар. Ист. Архивъ Мал. Кол., № 1326.
2) Ibidem.
3) Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 3110.

решта, волоха Ивана Дмитріева изъ Яссъ, итальянца выкреста Шпиноли, грузина Юрія Васильева „з города Теплисъ“[1]), Юрія Яковлева, выкреста изъ турокъ[2]).

По національностямъ число братчиковъ въ 1765 г. можно выразить такъ: грековъ — 122, волоховъ — 10, болгаръ — 4, сербовъ — 1, грузинъ — 1, выкрещенныхъ жидовъ — 1, итальянецъ — 1, выходцевъ изъ Польши — 3[3]).

Подъ протекцію братства иногда вступали даже малороссійскіе купцы. Малороссійская власть и русское правительство не обращали вниманія на то, что въ греческое братство принимались помимо грековъ представители и другихъ національностей. Гетманъ Самойловичъ, напр., въ своемъ универсалѣ не различаетъ грековъ и волоховъ, надѣляя тѣхъ и другихъ преимуществами въ торговлѣ[4]). По указу войсковой генеральной канцеляріи отъ 20 апрѣля 1741 г. къ греческому братству причисленъ былъ числившійся казакомъ Голюнка, выходецъ изъ Польши, не грекъ[5]). Но такъ какъ постепенно городскія повинности возрастали и многіе вступали въ братство съ цѣлью избавиться отъ нихъ, то власти начинаютъ преслѣдовать такое явленіе.

Первый обратившій на это вниманіе былъ графъ Румянцевъ, который нашелъ, что многіе даже изъ малороссіянъ вписываются подъ вѣдомство греческаго братства, почему и счелъ нужнымъ озаботиться соглашеніемъ привилегій грековъ съ правами и привилегіями городскими[6]), а въ слѣдующихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ статью, запрещающую грекамъ принимать въ свое общество людей другихъ національностей[7]). Въ указѣ объ учрежденіи греческаго магистрата, въ 5-мъ пунктѣ, находимъ: „смотрѣть, чтобъ подъ видомъ грековъ люди другихъ народовъ, избавляясь отъ податей и общественныхъ обязанностей, не вписывались въ братство“[8]).

Болѣе всего выходцевъ было изъ города Янина, Иперской провинціи; число семействъ, выселившихся изъ этого города, простиралось до 28; много было выходцевъ, по вѣдомости 1765 г., также изъ Константинополя — 15 семействъ. Число переселенцевъ изъ остальныхъ городовъ распредѣляетси такъ: изъ Адріанополя — 5 семействъ, изъ Салоникъ — 4, изъ с. Мецо (Трикальскаго уѣзда) — 4, изъ г. Правоти — 3, изъ г. Арвонтахори — 3, изъ Филополя — 3, изъ г. Арти — 3, изъ Тырнова — 3, изъ г. Пеллопоніи — 2, изъ г. Трапезунта — 2, изъ м. Раховицы — 1, изъ г. св. Мавры — 1, изъ г. Ямбула — 1, изъ с. Делвинъ — 1, изъ м. Бадори — 1, изъ м. Дринополя — 1, изъ г. Турни — 1, изъ г. Ларса — 1, изъ м. Аи — 1, изъ г. Сатета — 1, изъ с. Батіони (Салонскаго уѣзда) — 1, изъ г. Софіи — 1, изъ г. Эндрене — 1, изъ с. Силлѣ — 1, изъ с. Верстеницъ — 1, изъ г. Тирнава Ларійскаго — 1, изъ г. Ларса — 1, изъ г. Азова — 1, изъ Митилены — 1, изъ г. Тирнова — 1, изъ г. Синопли — 1, изъ г. Паросъ — 1, изъ г. Огриди — 1, изъ г. Видина — 1, изъ м. Струмичи — 1, изъ

---

1) Ibidem, № 4560.
2) Лицей кн. Безбородко.
3) Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 4560.
4) Проф. Өедотовъ-Чеховскій, ibid., стран. 53.
5) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 3110.
6) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г.
7) Шафонскій.
8) П. С. З., т. XXII, № 16250.

г. Ускипъ — 1, изъ Польши — 3, изъ Тифлиса — 1, изъ острова Крити — 1, изъ м. Погдоріяни — 1, изъ острова Xio — 1; изъ Волощины, изъ гор. Яссы — 7, изъ Сороки — 1, изъ Сочеви — 1, изъ г. Букарешта — 1, изъ Крыма, изъ г. Козлеве — 2, изъ г. Очакова — 1, изъ м. Корасова — 1, изъ г. Перекопа — 1.

Въ Малороссію переселялись не одни только купцы, а вообще греки различныхъ профессій; многіе изъ нихъ были ремесленники; такъ, по той же описи (1765 г.) въ Нѣжинѣ насчитывалось 12 бламарей, 1 шапочникъ, 1 содержитъ кожевенный заводъ, третій служитъ въ приказчикахъ[1]). Каждый изъ прибывшихъ предлагалъ пріютившей его странѣ свои познанія и свой трудъ. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVIII ст. на шелковой фабрикѣ въ Кіевѣ встрѣчаемъ фабриканта-грека Ивана Дири (гдѣ онъ и умеръ)[2]). Анастасій Димитріевъ изъ г. Лара живетъ въ Нѣжинѣ съ 1761 г. и занимается иконописью (по вѣдомости 1769 г.)[3]). Грекъ Николай былъ у генерала Вейзбаха прислугой[4]). Грекъ Юрья Левонтьевъ жилъ въ Малороссіи въ началѣ XVIII ст. и былъ мастеромъ золотыхъ дѣлъ (ювелиромъ)[5]). Въ 1690 г. къ гетману Мазепѣ явился грекъ Иванъ Комнинъ, который родился и жилъ въ Царьградѣ, откуда выѣхалъ въ Венецію въ 1686 г. Въ Царьградѣ онъ изучалъ философію и богословіе, а въ Венеціи докторство, зналъ 6 языковъ — греческій, эллинскій, латинскій, татарскій, турецкій и волоскій. Онъ привезъ съ собою разныя книги на этихъ языкахъ, а также запасъ лѣкарствъ (до 160). Мазепа былъ въ восторгѣ „отъ мудрости и познаній докторскихъ“ Ивана Комнина и рекомендовалъ его царямъ[6]), которые потомъ прислали его къ гетману, чтобы состоять при его особѣ врачомъ и лѣчить его[7]). Вообще, между греками многіе являлись съ медицинскими познаніями. Такъ, напр., мы знаемъ Яна Стеріева, который разсказывалъ, что родился онъ и жилъ въ Македоніи, выучился отъ отца своего врачебному искусству, а врачевать можетъ людей, „которые имѣютъ раны, хворуютъ на камянъ, на очи, а также можетъ пускать кровь“[8]). Подъ 1763 г., 28 ноября, Яковъ Маркевичъ въ дневникѣ отмѣтилъ: племянникъ Андрей Марковичъ привезъ изъ Глухова грека Дмитрія, который взялся дѣлать конфектъ для жены моей отъ чахотки, которою больна отъ начала августа“[10]). Греки Иванъ Николаевъ да Николай Ивановъ изъ гор. Янина съ указомъ изъ С.-Петербургской медицинской канцеляріи ѣдутъ въ качествѣ лѣкарей на житье въ Нѣжинъ[11]). Другой грекъ, Дмитрій Георгіевъ, числился полковымъ лѣкаремъ Черниговскаго полка[12]). Но среди такихъ лѣкарей оказывались и невѣжды, которые, пользуясь довѣріемъ жите-

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 4560.
[2]) Дѣла греч. 1758 г., № 7.
[3]) Лицей кн. Безбородко.
[4]) Арх. Марков., № 3182.
[5]) Греч. дѣла 1715 г., № 47.
[6]) Д. Мал. 1693 г., № 46.
[7]) Ibidem.
[8]) Д. Мал., 1690 г., № 53.
[9]) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 23093.
[10]) Дн. Зап., ч. II, стран. 387.
[11]) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 21857.
[12]) Idid., № 85.

лей, брали деньги за лѣченіе, не будучи въ состояніи оказать никакой помощи. Много являлось въ Малороссію и другихъ проходимцевъ изъ Греціи. Въ спискѣ нѣжинскихъ обывателей (списки Румянцевской описи) мы находимъ, что грекъ Константинъ Николаевъ въ 1754 г. вышелъ изъ г. Константинополя „безъ всякого товару“ (т. е. безъ всякихъ средствъ), женился въ Нѣжинѣ на казачьей дочери, живетъ въ своемъ домѣ, построенномъ на землѣ Васильевской церкви, съ этого дома магистрату отбываетъ всѣ повинности, а за землю церкви платитъ по 60 коп.; ничѣмъ не занимается, питается милостынею — „у прошенія милостины“. Нѣкоторые изъ грековъ, въ Малороссію являлись исключительно за милостынею; мы не говоримъ о греческомъ духовенствѣ, а о свѣтскихъ лицахъ. Такія лица, впрочемъ, не должны были являться иначе, какъ съ рекомендательной грамотой епископа и патріарха. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. рыцари Мальтійскаго ордена напали на островъ Критъ, на мѣстечко Риѳимса, взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ турокъ; турки, озлобленные этимъ нападеніемъ и понесенными убытками, рѣшили вознаградить себя на счетъ грековъ и вотъ одну гречанку съ десятью сыновьями турокъ заключилъ въ тюрьму, требуя выкупу 800 грошей. Для сбора такой суммы одинъ изъ десяти сыновей ея, Іеронимъ, отправляется въ Малороссію. Явился Іеронимъ въ Малороссію съ рекомендательными письмами отъ артійскаго архіепископа Іоанникія и отъ константинопольскаго патріарха[1]). На основаніи этихъ грамотъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ грековъ, что Іеронимъ не шпіонъ, ему былъ выданъ универсалъ (9 ноября 1726 г.), въ которомъ гетманъ „совѣтно предлагалъ, дабы всякъ, кому що Богъ пошлетъ на сердце по ревности вѣри христіанской, не отрѣкалъ милостивого по мѣри и волѣ своей подаянія на откупъ пречечонихъ христіанъ[2]).

Пріѣхавши въ Россію, греки сначала живутъ особнякомъ, не перемѣняя своего костюма, чѣмъ они порой рѣзко выдѣляются среди мѣстныхъ обывателей — малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ были портные греки, которые шили на своихъ соотечественниковъ греческое платье[3]). Но постепенно греки измѣняли свои привычки, начинали приспособляться къ мѣстной обстановкѣ. Грекъ Димижня знаетъ только греческую грамоту, а сынъ его уже расписывается по-русски[4]). Сынъ грека-купца Пелепонова подполковникъ россійской арміи[5]). Въ заключеніе греки начинаютъ жениться на ма-

[1]) Приводимъ грамоту арх. Іоаннакія: „Благословенніи христіяне и отъ матери Божой отквитуеми въ моей епархіи и приказуемъ всѣмъ для ради Христа и отъ насъ будете имать благословеніе и прощеніе грѣховъ и примѣте мое писмо тое, що принесетъ вамъ сего мизерного неволника, імя ему Еронѣмъ Юревичъ, города с Критска, отъ стого Андрея назвася и его помилуйте, для ради Христа помилуйте и для збавленія душъ своихъ. Якъ пишитъ архиерейская грамота, девят сыновъ и матка десятая въ неволѣ турецкихъ татаръ зостаютъ, помилуйте его для ради Христа, чимъ колвакъ що Господь Богъ на сердце ваше подастъ, понеже правлятъ турки осѣмъ сотъ талярей, но за якое ваша благодѣянія воздаст вамъ Богъ седмерицею на сѣмъ и на тимъ свѣтѣ. Іоанникій Архиепископъ Артийскій, богомолецъ за всѣхъ христіянъ. 1726 году, марта 7“.

[2]) Харьк. Ист. Арх., Мал. Колл., № 7818.

[3]) По вѣдомости 1769 г. Павелъ Харитоновъ, изъ гор. Свиштова, находится въ Нѣжинѣ съ 1761 г. жительствуетъ своимъ домомъ, ремесло имѣетъ кравецкое и дѣлаетъ на грековъ платье греческое (Лицей кн. Безбородко).

[4]) Харьк. Ист. Арх., Мал. Колл., № 9848.

[5]) Ib., № 20043.

лороссіянкахъ, а гречанки выходятъ замужъ за малороссіянъ. Внучка грека Параскевы выходитъ замужъ за полкового нѣжинскаго канцеляриста Семена Писаревскаго, принеся ему въ приданое грамоту Петра Великаго (1705 г.), освобождающую домъ ихъ отъ постоевъ[1]). Екатерина Юрьева, дочь Мантова, вышла въ третій разъ замужъ за войскового канцеляриста Кадигробу, принеся ему въ приданое полученное ею отъ прежняго мужа, грека Богданова: 300 руб. денегъ, полторы дюжины серебряныхъ чарокъ, два серебряныхъ подноса, дюжину венецкихъ ножей (цѣна 14 руб.), серебряную ладунку[2]) Писарь полковой регистраторъ Коншицъ женился на гречанкѣ Анастасіи Шляхтѣ[3]). Грекъ Иванъ Юрьевъ Булгаръ вышелъ изъ Греціи въ 1758 году, поселился въ Глуховѣ и женился на вдовѣ Высоцкой[4]) Въ 1771 г. встрѣчаемъ кременчугскаго купца Ѳеодора Мажаитинова, зятя нѣжинскаго жителя, грека Ивана Станевича[5]). Купецъ-грекъ Иванъ Марковъ (отецъ его вышелъ изъ Македоніи, а онъ родился и выросъ въ Нѣжинѣ) женился на малороссіянкѣ[6]). Грекъ Матоніусъ женился на внучатной племянницѣ Андрея Жураковскаго (послѣдняго нѣжинскаго полковника), Еленѣ Васильевнѣ[7]). И, наконецъ, упоминаемый нами Константинъ Николаевъ женился на казачьей дочери, обывательницѣ нѣжинской.

Многіе изъ нѣжинскихъ грековъ впослѣдствіи стали извѣстны въ области науки, на военномъ поприщѣ и на поприщѣ административномъ. Греки Тернавіоты были войтами г. Нѣжина. Иванъ Тернавіотъ, съ чиномъ полковника, въ 1767 г. былъ предводителемъ дворянства повѣтовъ Нѣжинскаго и Батуринскаго[8]). Кумбурлей при Екатеринѣ II былъ волынскимъ губернаторомъ[9]). Грекъ Степанъ Тамара былъ переяславскимъ полковникомъ[10]), а его братъ Василій — черниговскимъ полковымъ судьей Грекъ Левицкій былъ нѣжинскимъ полковымъ есауломъ, а грекъ Христофоровичъ — прилуцкимъ полковымъ судьей. У грека Кирьянова въ концѣ XVIII в. встрѣчаемъ одного брата, — Юрья Кирьянова значковымъ товарищемъ, другого, Василія — войсковымъ товарищемъ[11])

Греки, вообще, свыкались съ обычаями малороссійскими и многіе изъ нихъ усваивали себѣ. У грека Параскевы, напр., находился въ услуженіи волохъ Ѳедоръ Андреевъ съ сестрами; служилъ онъ Параскевѣ въ продолженіе 16 лѣтъ; послѣ такой долголѣтней службы Параскева, на подобіе малороссійскаго пана, начинаетъ на своего слугу смотрѣть, какъ на крѣпостного[12]), а когда въ слѣдующемъ 1752 году этотъ волохъ

---

1) Ib., № 14305.
2) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 11955.
3) Ibid., № 11930.
4) Лицей кн. Безбородко.
5) Списокъ Румянц. описи.
6) Спис. Румянц. описи.
7) Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стран. 22, Кіевъ, 93 г.
8) Лазаревскій, II т., стран. 62.
9) Лазаревскій, стран. 61.
10) Ibid.
11) Х. И. А., М. К., № 12277.
12) Ibid.

съ сестрами перешелъ къ полковому нѣжинскому писарю Сорокѣ, то Параскева подняла исковое дѣло, какъ бы о бѣглыхъ своихъ крѣпостныхъ[1]).

А „гречка Дементѣева“, явившаяся на родины къ Иллѣшиной, находитъ нужнымъ, сообразно малороссійскимъ обычаямъ „гривну грошей платить за узваръ“[2]).

Сами же греки оказать культурное вліяніе на окружающихъ ихъ врядъ ли могли. Мягкостью нравовъ они не отличались отъ малороссійскаго населенія. Вотъ, напр., картинка взаимныхъ отношеній между собою грековъ. Грекъ Зруба и грекъ Христофоръ заключили договоръ продавать спиртные напитки, дѣля барышъ и убытокъ пополамъ. И вотъ, однажды ночью Христофоръ съ двумя служителями напалъ неожиданно на домъ своего компаньона „ноччю невѣдомо изъ чего пришедъ онъ Христофоръ з двома своима служителми на нашу квартеру, билъ мене тиранско и взялъ онъ меня нижайшого самъ собою подъ караулъ и держалъ в своемъ домѣ чрезъ три дни на цепѣ, оковавъ за шею, посля жъ посадилъ подъ секвестръ и многократно приходя наругался зъ мене, гдѣ и подъ секвестромъ билъ мене не щадно палкою, вхватя оную отъ воротного атамана Мосѣя Павловича и, буди б оній Павловичъ мене не оборонилъ, то и з серца убилъ би в смерть; еще тѣмъ не удоволясь, бранилъ мене всячески, називалъ злодѣемъ и другими не потребными словами ругалъ“[3]).

Тотъ же самый грекъ Христофоръ два года назадъ заграбилъ неводъ у малороссіянъ, подданныхъ Лизогуба, и причинилъ имъ обиды. Бунчуковый товарищъ Василій Лизогубъ въ 1762 г. доносилъ: „Іюня 14 дня (1762 г.) жительствуючій въ городѣ Чернѣговѣ грекъ Христофоръ Николаевъ, напавъ со многолюдствомъ, разбойническимъ образомъ на моего неводничого атамана Давида Фурсенка, при озерахъ моихъ Шестовицкихъ находячогось, въ отмѣнность указовъ и малороссійскихъ правъ гвалтовно неводъ мой собственній во сто саженей, которому цѣна рублей шестъ десятъ, отнялъ и людей моихъ до нага ободралъ, а именно: свитъ новихъ три, рубахъ паръ двѣ; да тѣмъ же моимъ неводомъ воровски въ озерахъ моихъ заграмотнихъ словлюваетъ рибу (не имѣвши ни единого своего озера) доволнимъ числомъ всегда рибу въ городѣ Чернѣгови продаетъ и ис того себѣ получаетъ денги и чрезъ такъ долгое время онъ грекъ того моего невода удержаніемъ и ежечасно имъ на ползу свою вишъизъявленнимъ употребленіемъ вовся тотъ неводъ сгноилъ. 2) Когда тотъ же грекъ Христофоръ въехавши въ мое жъ озеро, около Шестовицы имѣючоесь, прозиваемое вершинъ, потому жъ для ловленя рибы, гдѣ доволно уже и ловилъ, то оние жъ мои люде, заставши его Христофора грека на такомъ воровствѣ, взяли было для поличия дуба его и неводъ, то онъ, набегши гвалтовне на футоръ мой Роздоровскій в многолюдствіи, тамо бывшихъ подданнихъ моихъ почти до полусмерти поперебывалъ, яко то Ивана Поліевина, а жену его вовся з діетми малими, в воспи находячимися, перепужалъ, окна въ той хатѣ повибывалъ, особливо же на тотъ часъ згодившихся моихъ неводничихъ предписаного атамана Фурсенка Кѣрѣка.......по тому жъ до полу-

[1]) Х. И. А., М. К., № 11775.
[2]) Ib., № 12532.
[3]) Х. И. А., М. К., № 24145.

смерти поприбывалъ и взятіи тѣми моими подданными тотъ его грека неводъ и дуба гвалтовне жъ отобралъ“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы Христофоръ былъ единичнымъ явленіемъ. Насилія всевозможнаго рода въ греческой общинѣ были заурядны.

Въ 1732 г., въ Филипповъ постъ, македонскіе греки Анастасій Максимовъ и Фотій Фемелѣевъ напали ночью на жену Маркачана и „на женъ Зофѣри Мануйлова и Костѣ Дмитріева, насиліемъ хотя над ними учинит нѣкоторое свое злоумишленіе, били смертно“; а Ѳеодора Мазаракина прибили до полусмерти; кромѣ этого нападавшіе похитили у жены послѣдняго „гвалтовне“ „манисто перловое, червоними перенизанное“ и другія вещи [2]).

Обласканные и облагодѣтельствованные въ Малороссіи греки часто за добро платили зломъ.

Болгарскіе купцы Дмитрій Хажи, Юрій и Петръ въ 1734 г. наняли въ Малороссіи шесть душъ малороссіянъ: Ефрема Артемова — уроженца г. Нѣжина, Тимоѳея Кондратова Олховиченка — уроженца г. Воронежа, Ивана Тарасова Грушницкаго — уроженца г. Полтавы и другихъ, наняли въ Турцію съ условіемъ доставить ихъ обратно въ Малороссію. Но въ Константинополѣ бросили ихъ на произволъ судьбы. Брошенные безпомощные явились къ русскому резиденту въ Царьградѣ. Слѣдствіемъ этого былъ указъ, чтобы греки не вывозили малороссіянъ за границу въ качествѣ наемниковъ [3]).

Дѣло же о насиліи надъ капитанской женой грека Шпиноли, дѣло гречанки Анастасіи, вышедшей замужъ за канцеляриста Коншица, гдѣ онъ подвергается насилію со стороны родственниковъ жены, могутъ намъ подтвердить, что братчики не всегда могли оказать цивилизующее вліяніе на окружающее населеніе.

Мы видѣли, что при постройкѣ греческой нѣжинской церкви средства братства были небольшія, грековъ, живущихъ въ Нѣжинѣ, было немного, и лишь благодаря энергіи Христодула постройка церкви была доведена до конца. Послѣ учрежденія братства средства церкви постепенно растутъ, число братчиковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе братской общины. Деревянная небольшая церковь постепенно обветшала, а средства братства уже дозволяли приступить къ ея поправкѣ, на что ктиторы Николай и Исай въ 1719 году выпросили дозволеніе у администратора Кіевской митрополіи Кирилла Шумлянскаго [4]). За такимъ же дозволеніемъ греки отнеслись и къ гетману Скоропадскому. Скоропадскій, „вѣдаючи въ томъ ихъ же богоугодное и достохвальное быти дѣло“ [5]), разрѣшилъ имъ передѣлать деревянную церковь на каменную. Не имѣя все-таки значительныхъ средствъ, греки сначала предполагали пока выстроить каменный фундаментъ, а затѣмъ, когда позволятъ средства то и всю церковь вывести каменную, и вмѣсто того, чтобы поправлять старую, ктиторы рѣшили устроить новую, но для этого не доставало мѣста. Съ греческой

---

[1]) Х. И. А. М. К., № 1224.
[2]) Х. И. А. М. К., № 3313.
[3]) Ibid., № 22091.
[4]) Акты, стран. 20.
[5]) Ibid., стран. 63.

церковью сосѣдило мѣсто нѣжинскаго купца и мѣщанина Савы; по смерти его это мѣсто перешло по наслѣдству во владѣніе его жены, которая, овдовѣвъ, приняла иночество [1]). Инокиня Меланья согласилась подарить греческой церкви часть своего двора, лежащую между вновь начинаемой каменной церковью и вновь выстроенной хатой Меланьи, а другую часть двора съ тремя хатами, ледникомъ и съ прочими надворными строеніями она согласилась уступить братству за 2000 золотыхъ. Получивши въ даръ и прикупивши такое значительное мѣсто, греки могли построить здѣсь хорошій каменный храмъ, подъ церковью и во дворѣ выстроить удобныя кладовыя для храненія товаровъ. Кладовыя, построенныя греками, дѣйствительно были удобны, вмѣстительны и по тому времени значительны; не одни только греки могли помѣщать туда свои товары, но и вещи постороннихъ лицъ хранились въ этихъ кладовыхъ. У нѣкоторыхъ грековъ были собственные склады, другіе сдавали свои товары въ общія хранилища. Товары нѣжинскихъ грековъ Липсановъ мы находимъ въ склепѣ греческой нѣжинской церкви [2]). Имущество грека Курбанова положили „въ амбаръ греческой церкви“ [3]). Жена майора Григорія Козяева оставила свою „скрыню“ въ греческой церкви, въ склепѣ грека Анастасія Шакаты“ (1751 г.) [4]). Сундуки грека Николаева были поставлены въ церкви братства.

Во дворѣ церковномъ собирались братчики для рѣшенія братскихъ дѣлъ: для выбора ктиторовъ церкви, для выбора засѣдающихъ въ судѣ и пр.; здѣсь происходилъ братскій канунъ, сюда являлись съ товарами пріѣзжіе купцы, однимъ словомъ, всѣ дѣла братства вѣдались здѣсь. Дворъ этотъ впослѣдствіи универсаломъ Даніила Апостола отъ 7 сентября 1730 г. былъ освобожденъ отъ всѣхъ повинностей, консистентовъ и постоевъ [5]). Средства братства постепенно увеличивались, и церковь братская стала располагать значительными капиталами, которые она ссужала братчикамъ подъ проценты, взимая обыкновенно 10%, хотя желающіе изъ братчиковъ добровольно давали и больше, напр. по 20% [6]). Капиталы церковные и нараставшіе на нихъ проценты шли на праздничное священникамъ и дьякамъ, раздавались вдовамъ, странникамъ, а также лишившимся, конечно, по несчастью, купечества — „отпалымъ отъ купечества людямъ“, какъ выражаются Акты (стран. 78); на эти же деньги содержались сироты и обучающіеся грамотѣ „писанью“ мальчики, изъ этихъ же суммъ платили учителямъ [7]). Иначе говоря, при церкви греческой было нѣчто въ родѣ богадѣльни — гошпиталь и школа, изъ которой потомъ въ XIX вѣкѣ (1817 г.) возникло греческое Александровское училище, пользующееся съ 1860-хъ годовъ правами уѣзднаго училища [8]).

Во второй половинѣ XVIII столѣтія (въ 1760-хъ годахъ) греки имѣли воз-

---

[1]) Ibid., стран. 64.
[2]) X. И. А. М. К., № 3313, а также см. Д. Мол. Кол. 1772 г., № 14.
[3]) Румянцовскій музей, № 3537, 1758 г.
[4]) Ibid., 1751 г.
[5]) Акты, стран. 68.
[6]) Ibid., стран. 78.
[7]) Ibid.
[8]) Демонтовичъ, Черниговской губ., стран 625.

можность создать новую каменную, хорошо обстроенную церковь[1]). Возлѣ этой церкви находилось казенное мѣсто, отдававшееся на откупъ; греки просили Сенатъ отдать его имъ за прежнюю цѣну для постройки каменныхъ лавокъ. 17 февраля 1769 г. Сенатъ удовлетворилъ просьбу грековъ[2]).

Въ 1772 г. нѣжинскій магистратъ, по указу Правительствующаго Сената, отвелъ за городомъ подъ кладбище для греческой и троицкой церквей ниву, принадлежавшую казакамъ Баглаямъ. Казаки жаловались на магистратъ и пришли съ жалобой къ эпитропамъ греческой церкви. Чтобы успокоить казаковъ, эпитропы уплатили имъ 20 руб. за ниву. Эпитропы обѣщались на свой счетъ устроить церковь и ограду на кладбищѣ, почему и не хотѣли, чтобы братчики участвовали во взносѣ извѣстной платы, разложенной на всѣхъ прихожанъ. Магистратскіе урядники и гражданское общество прихожанъ требовали этой платы. И когда греки въ торжественной процессіи явились хоронить Псалтія на новоотведенномъ мѣстѣ, то магистратскіе урядники не дали опустить тѣло въ приготовленную могилу и только сжалившись дозволили вырыть новую въ другомъ мѣстѣ, почему тѣло и все духовенство ожидали въ полѣ часа три.

Греки жаловались въ Сенатъ. Послѣдовалъ указъ успокоить греческое братство[3]). И дѣйствительно, мы знаемъ, что при греческой нѣжинской церкви было свое кладбище, на которомъ погребены были братчики.

Варлаамъ Ясинскій, грамотой отъ 3 іюля 1696 г., утвердилъ существованіе братства. По этой грамотѣ братство въ духовномъ отношеніи зависѣло только отъ митрополита Кіевскаго „съ належитостію вѣчистою присутственною и послушательною ни до кого же инного, токмо до православного престола Нашего Митрополитанскаго Кіевского Свято Софѣйского“ [4]).

Что касается внутренняго распорядка, то этимъ завѣдывало братство. Братство имѣло право выбирать священника по своему желанію, но съ разрѣшенія и утвержденія митрополита — „обаче не безъ благословенія отъ престола Нашего Митрополитанского Кіевского“ [5]). При выборѣ священника братство должно было смотрѣть, чтобы онъ былъ „богобоязненный и благоразумный, въ греческомъ писаніи искусный, аще же возможно и въ словенороссkомъ“ [6]). Какъ братство было вольно „по своему общему совѣту“ выбирать священника, то также оно имѣло право и отказать ему даже среди года, то-есть „прежде исполненія года“ [7]). Содержаніе священникамъ братство назначало по уговору „отъ своего общаго братского собранія“, вѣроятно, такъ же, какъ и малороссійскіе обыватели условливались со своими священниками.

Въ дѣлахъ церковныхъ участвовали не только одни живущіе греки, но также и пріѣзжіе, и не только греки, но и вписавшіеся въ братство волохи. Приходскіе священники не должны препятствовать этому „во ежебы въ томъ священници Па-

---

1) Х. И. А. М. К., № 14243.
2) Ibid., № 20276.
3) Ibid., № 5513.
4) Акты, стран. 13.
5) Ibid., стран. 14.
6) Ibid., стран. 14.
7) Ibid.

рохіальній Нѣжинскій, въ ихъ же парохіахъ таковіи странствующіи Греческіи купцы пристанище себѣ обращутъ, препоны не творили“ [1]). При церкви разрѣшалось имъ устроить школу для обученія мальчиковъ греческой грамотѣ — „школу ради ученія отроковъ письмени Греческого“, а „ради пристаница и препитанія убогихъ и недужныхъ“ [2]) — шпиталь — богадѣльню.

Эта грамота не поставила сразу въ независимое положеніе греческую общину и не избавила ея отъ притязаній мѣстнаго духовенства. Дѣйствительно, протопопъ нѣжинскій Павелъ Яворскій жаловался митрополиту Іоасафу Краковскому, что греческое братство не повинуется ему и „безъ его благословенія и квитовъ въ станъ малженскій своего рода людемъ вступовати допускаютъ“; греки, которые по другимъ приходамъ живутъ, не удовлетворяютъ своихъ священниковъ, а съ требами обращаются къ греческому священнику.

Митрополитъ Іоасафъ внялъ жалобѣ Яворскаго и выдалъ указъ, которымъ приказывалъ греческому братству быть въ зависимости и отъ нѣжинскаго протопопа, и прежде чѣмъ относиться къ греческому священнику, греки должны были „уконтентовать“ священника своей парохіи. Тогда греки послали Николая Сербина хлопотать передъ кіевскимъ митрополитомъ, и имъ удалось получить грамоту, подтверждающую независимое положеніе братской общины (1714 г., 25 октября)[3]).

Квитовую дань греки должны были платить воскомъ и ладаномъ; — „квитовый доходъ, яко духовное дѣло, въ катерду Нашу повиненъ отдаватися, а имѣетъ отдаватися въ годъ не грошми, тилко воскомъ и ладономъ, полъ каменя [4]) ладону, камень воску, якожъ и належитость рочная даетъся тоеюжъ вагою; а такъ совокупивши рочную дань и квитовую, повинно будетъ братство въ годъ привозити два каменя воску, камень ладону до Церкви Нашей Катердальной“ [5]).

Митрополитъ Варлаамъ Ванатовичъ указомъ отъ 16 октября 1723 г. подтвердилъ привилегіи греческой общины [6]).

Исторія съ нѣжинскимъ протопопомъ повторилась и въ 1730-хъ годахъ по тому же поводу.

Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій разрѣшилъ протопопу нѣжинскому Стефану Волховскому „давать отъ себе квѣты грекомъ, хотящимъ законно брачитися, и за оніе квѣты надлежащій датокъ, взирая на браки, собиралъ бы Отецъ протопопъ в казну нашу Архіерейскую“. Греки опять хлопотали у митрополита, и онъ имъ подтвердилъ (указомъ 19 января 1733 г.) прежнія привилегіи: „Степану Волховскому до вышпомененнаго братства Греческаго неинтересоватися, и квѣтовъ имъ недавать, и подъ судъ своей команды непривлекать; вмѣсто же квѣтового и рочной дани, честное братство Нѣжинское Греческое, должны по всякъ годъ до церкви нашей катедральной Кіевософійской по два каменѣ воску, и по камнѣ ладану приво-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 19.
[4]) Камень = 10 пудамъ.
[5]) Акты, стран. 19.
[6]) Ibid., стран. 20—22.

зить для необходимой нужды"[1]). Браки между греками совершать долженъ былъ священникъ греческой церкви, не спрашивая разрѣшенія у мѣстной власти, соблюдая правила о родствѣ, и только въ январѣ каждаго года долженъ присылать въ митрополію свѣдѣнія о числѣ родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся[2]).

Слѣдующіе митрополиты: Тимоѳей Щербацкій, Арсеній Могилянскій, Гавріилъ и Самуилъ своими указами и патентами подтвердили привилегіи братства. Братчики по своему собственному желанію выбираютъ священника для своей церкви на 3 года. Черезъ каждые три года на смѣну одного являлся другой[3]). Священники обыкновенно призывались изъ Греціи[4]). Священниковъ при церкви было два.

Священнику, по грамотѣ митрополита Арсенія Могилянскаго, подобаетъ „быти трезвенному, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, непіаницѣ, небійцѣ, несварливу, несребролюбцу, въ послушаніи со всякою чистотою, скверныхъ и бабіихъ басней отрицатися, обучатиже себе ко благочестію, образъ быти вѣрнимъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою"[5]). Отъ священника требовалось, чтобы онъ говорилъ проповѣди и поученія.

Потомъ въ концѣ XVIII и въ XIX столѣтія братство, въ духовномъ отношеніи, находится въ зависимости отъ черниговскаго архіерея. Такъ, въ 1791 г. священникъ Іоаннъ Стеріевъ, отбывши при греческой церкви свой срокъ, взялъ свободу и отъѣхалъ въ отечество, въ городъ Янинъ. На мѣсто его былъ приглашенъ изъ города Литохора іерей Аѳанасій. Епископъ Черниговскій Іерофей даетъ ему разрѣшеніе священнодѣйствовать. — „Стараясь при томъ имѣть жизнь трезвенную, со всѣми поступать кротко и обходительно и быть въ обществѣ примѣромъ добраго поведенія"[6]).

Повинность же ладаномъ и воскомъ съ этого времени братство несетъ въ пользу архіерея Черниговскаго[7]). Такъ, въ архивѣ Троицко-Ильинскаго монастыря, гдѣ съ 1790 года находится архіерейскій домъ, мы встрѣчаемъ за 1830—1834 годы слѣдующее доношеніе: „въ сходство введеннаго въ греческомъ нѣжинскомъ обществѣ съ давнихъ временъ обикновенія, посылается при семъ отъ общества греческаго на церковь Вашего Высокопреосвященства черезъ подателя сего, епитропа греческихъ нѣжинскихъ церквей... одинъ пудъ воску и одинъ пудъ ладану, которые нижайше просимъ В. В—ство архипастырски принять. Присудствующіе греческаго магистрата..."

Преемники Екатерины II подтверждали права, которыми пользовалось греческое братство. Указомъ 3 августа 1797 г. Павелъ предписалъ „общество грековъ, въ Нѣжинѣ поселившихся, сохранять ненарушимо при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыя по указамъ 1775 г. 10 февраля и 1785 г. 1 сентября присвоены"[8]).

---

1) Акты, стран. 28.
2) Ibid., стран. 29.
3) Ibid., стран. 36—37.
4) Ibid.
5) Ibid.
6) Арх. Ист.-фил. лицея кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.
7) М. Плохинскій. Архивы Черниг. губ., стран. 47. Москва, 1899 г.
8) П. С. З., т. XXIV, № 18071.

При вступленіи на престолъ Александра I, греки подали черезъ своего депутата Евстрата Деларова просьбу Государю о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ, на что и была выдана имъ 29 декабря 1801 г. грамота, въ которой „всѣ права и преимущества, въ различныя времена присвоенныя и доселе безъ отмѣны существующія, поколику оныя сообразны съ общими государственными узаконеніями“, утверждены [1]).

Братство, попрежнему освобожденное отъ всякихъ государственныхъ повинностей, привлекало къ себѣ грековъ, и мы видимъ въ началѣ XIX столѣтія массу лицъ, желающихъ поступить въ число его членовъ [2]).

Свободная выдача паспорта для выѣзда за границу [3]), сравненіе членовъ греческаго братства въ правахъ съ купцами I и II гильдіи [4]) — все это, конечно, привлекало грековъ, выходцевъ изъ Турціи, вступать подъ протекторатъ братства. Въ концѣ XVIII столѣтія, южные предѣлы русскаго государства доходятъ до Чернаго моря, на берегу понта Эвксинскаго вырастаютъ новые промышленные города Одесса, Таганрогъ, Севастополь, проходятъ новые торговые пути. Разбогатѣвшіе заграничной торговлей нѣжинскіе купцы начинаютъ основывать и въ другихъ городахъ свои торговыя конторы, а затѣмъ совсѣмъ покидаютъ провинціальный городъ, переселяясь или въ промышленные центры, или административные, или культурно-образовательные. Дѣйствительно, по ревизской сказкѣ 1782 г.[5]) грековъ въ Нѣжинѣ жило 408 человѣкъ мужчинъ и 357 женщинъ. Въ 1846 г.[6]) къ греческому братству было приписано 987 мужчинъ и 804 женщины, а въ гор. Нѣжинѣ проживало 104 мужчины и 95 женщинъ, прочіе же постоянно проживали въ Москвѣ, Таганрогѣ, Одессѣ и пр.[7]). Въ 1861 г. въ Нѣжинѣ владѣло недвижимой собственностью 82 грека, которые пользовались правами дворянъ [8]).

Оставшіеся въ Нѣжинѣ греки, уже въ половинѣ XIX столѣтія, подверглись вліянію окружающаго населенія настолько, что одинъ изъ туристовъ, въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1853 г. писалъ: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. Давно ли кажется была во всеобщемъ употребленіи „Россійская географія“ Зябловскаго? А какъ съ того времени много перемѣнилось!... Напримѣръ въ той географіи сказано было, что „Нѣжинъ, нарочито знаменитый городъ, населенъ греками, и ведетъ обширную торговлю съ Турціей“: ни того ни другого давно уже нѣтъ. Есть, правда, здѣсь греческій магистратъ, къ которому приписаны „нѣжинскіе греки“, живущіе въ Москвѣ, Одессѣ, въ Таганрогѣ и другихъ городахъ, есть здѣсь даже и „греческое училище“, есть „греческая церковь“, есть даже нѣсколько жителей съ нѣкоторыми оттѣнками греческой физіогноміи и съ греческой фамиліей; —

---

1) Ibid., т. XXVI, № 20094.
2) Лицей кн. Безбородко.
3) П. С. З., т. XXX, № 22991, 1808 г., XXXVII, № 28566, 1821.
4) П. С. З., т. XXXVIII, № 29362, указъ 1823 г., т. XXXIX, № 30115, ук. 1824 г.
5) Стороженскій, „Нѣжинскіе греки“, стран. 14.
6) Ж. М. В. Д. 1846 г., № 2. Нѣжинъ. Статистическій очеркъ, стран. 291—292.
7) Домонтовичъ, „Черниговская губернія“, стран. 984—985.
8) „Черн. Губ. Вѣд.“ 1853 г., № 5.

но грековъ уже нѣтъ въ Нѣжинѣ. Всѣ такъ называемые здѣсь греки уже не умѣютъ говорить по-гречески, но говорятъ прекрасно по-малороссійски, какъ природные хохлы. Въ греческой церкви отправляется богослуженіе на славянскомъ языкѣ, — только уцѣлѣли еще два старые греческіе дьячки, которые слабымъ старческимъ голосомъ на славянскую ектенію отвѣчаютъ „киріе елейсонъ". Здѣшнее „греческое училище" — развѣ потому только греческое, что содержится изъ суммъ греческаго магистрата; но учениковъ большинство изъ русскихъ, да и всѣхъ-то учащихся въ этомъ училищѣ не наберется сотня. Это училище стоитъ на одной улицѣ съ уѣзднымъ училищемъ и по курсу своихъ наукъ отличается отъ своего сосѣда только тѣмъ, что въ немъ нашъ русскій священникъ преподаетъ и греческій языкъ. На одной улицѣ два уѣздныя училища — да это роскошь! Нельзя послѣ этого не полюбопытствовать: сколько же учениковъ въ уѣздномъ училищѣ негреческомъ? Отвѣчаетъ таже цыфра, что въ греческомъ".

А Сторожевскій въ своей замѣткѣ о нѣжинскихъ грекахъ говоритъ: „около сотни аки — оки — ати — пуло, большею частью ремесленниковъ, незначительныхъ торгашей, лавочниковъ и праздношатающихся бѣдняковъ, живущихъ на счетъ общества и его даяніями, составляютъ нѣжинское греческое общество въ его теперешнемъ мѣстномъ составѣ; отдѣльно отъ него, безъ всякихъ съ нимъ связей и частныхъ и общественныхъ, стоятъ нѣсколько лицъ греческаго происхожденія, рѣзко отличаясь и образованіемъ и общественнымъ уваженіемъ, и скорбя объ упадкѣ славной и полезной ихъ корпораціи". Вотъ эти-то отдѣльно стоящіе греки вѣрно и есть тѣ 82 владѣльца, о которыхъ упоминаетъ Домонтовичъ.

При введеніи городового положенія въ 1870 г. греческій магистратъ былъ уничтоженъ. Связь между членами братства рушилась, и греки потеряли всѣ свои привилегіи [2]).

[1]) Сторожевскій, „Нѣжинскіе греки", стран. 28.
[2]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI, стран. 453.

Приложенiе № 1. Харьк. Истор. Арх. Д. М. К. № 4560. (Къ I-й главѣ.)

Вѣдомость за силу указа Ея Императорскаго Величества изъ Малороссiйской Коллегiи въ Греческое Нѣжинское Братство присланного, кто имянно Греки жители нѣжинскiе порознь и откуда и какъ давно въ Нѣжинѣ находятся и какимъ промисломъ бавятся, такожъ подвѣдомствомъ того Греческого Братства разного званiя людей количимъ числомъ состоитъ, учиненная по показанiямъ самихъ оныхъ грековъ наличныхъ. 1765 годъ Iюня 5 дня.

Греки. Юрiй Өедоровъ Венецiяновъ нинѣшнiй судiя Греческого Братства, женатъ.	Зъ провинцiи Пеллопонисiи находятся въ Нѣжинѣ съ 1720 году, жительствуетъ своимъ домомъ, имѣетъ торгъ въ Царградъ и въ Великороссiю товарами: кумачами, шелкомъ, заполочъ, ладаномъ, мякотними и другими разными.
Иванъ Өедоровъ Мецови нынѣшнiй судiя Греческого Братства, женатъ.	Македонской провинцiи, Прикальского уѣзду зъ села Мецо находится въ Нѣжинѣ съ 1732 года, жительствуетъ своимъ домомъ, имѣетъ торгъ въ Македонiю въ Царградъ и въ великороссiю пушными и турецкими товарами шелкомъ кумачами и другими, такожъ на россiйскую фабрику шерсть вистатчаетъ.
Николай Алексѣевичъ нинѣшнiй судiя Греческого Братства, женатъ.	Турецкой областы зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1740 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгъ въ Великороссiю, въ Сибѣръ, въ турецкую область, въ Царградъ и другiе мѣста.
Ралiй Ивановъ нынѣшнiй судiя Греческого братства, женатъ.	Провинцiи Македонской зъ города Касторiя, въ Нѣжинѣ съ 1735 году, имѣетъ домъ свой, бадается привозомъ волоскихъ винъ и торгуетъ турецкимы и Россiйскимы пушнимы товарами.

Николай Евстафіевъ Лагуштка, женатъ.	Иперской провинціи зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1728 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ Россійскими мякотними и турецкими кумачами, ладаномъ, запалочь, шелкомъ и другими разными товарами.
Димитрій Пантызулій, женатъ.	Иперской провинціи зъ города Янина, въ Нѣжинѣ съ 1744 году, жительствуетъ своимъ домомъ, промышляетъ россійскими пушными и турецкими: кумачами, ладаномъ, шелкомъ, заполочью и другими разными товарами.
Димитрій Юріевъ Шляхта, женатъ.	Турецкой области, Македонской провиціи, зъ города Касторія, находится въ Нѣжинѣ съ 1736 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ Турецію въ Царградъ и въ Россію россійскимы пушными и турецкими разными товарами — шелкомъ, кумачами, заполочью и другимы.
Иванъ Димитріевичъ Кумбурлѣй, женатъ.	Македонской провинціи зъ города Касторія, заехалъ въ Нѣжинъ въ 1718 году, жительствуетъ своимъ домомъ, дѣти жъ его сини Иванъ, Василій, Григорій и Михаилъ Кумбурлѣенки, родившіеся въ Нѣжинѣ и купно съ нимъ жительствующіе торгуютъ пушнимы великороссійскимы, да заграпичними турецкими: шелкомъ, заполочью, кумачами, ладаномъ и другими разнимы товарамы.
Петръ Демановъ, женатъ.	Родился въ городѣ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ находится съ 1729 году, торгуетъ товарами пушними, ладаномъ, кумачами, заполочью и другими разними; отецъ же его умершій былъ грекъ Македонской провинціи, а какого города не ведаетъ затѣмъ, что остался малолѣтенъ.
Дука Ивановъ, женатъ.	Турецкой области Иперской провинціи зъ села Делвинъ, находится въ Нѣжинѣ съ 1738 году и жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ Россіи разнимы турецкимы и Россійскимы пушнимы товарами.

Дмитрій Өедоровъ Мецовитъ, женатъ.	Турецкой области зъ села Мецова, находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ турецкую область и въ Россіи разнимы Россійскимы мякотнимы и турецкимы, кумачными и иными товарами и поставляетъ въ великороссію на фабрику турецкую шерсть.
Афанасій Филипповъ, женатъ.	Турецкой области зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1762 году, привозитъ зъ Цесаріи въ Россію сѣнокосніе косы и отпускаетъ за границу россійскіе мякотніе товары.
Николай Юріевъ Мантовъ, холостъ.	Родился въ Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, отецъ же его былъ грекъ Иперской провинціи зъ мѣстечка Богдори и, будучи въ живыхъ, содержалъ въ откупѣ малороссійской индуктовой зборъ, а онъ Николай купечествомъ не бадается.
Михайло Евстафіевъ Садовниковъ, женатъ.	Турецкой области зъ города Цареграда, находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ турецкую область и въ Россіи разними россійскимы мякотнимы и турецкими бумажнимы и инными товарами, и привозитъ изъ Цареграда и производитъ въ Нѣжинѣ-жъ въ лавкѣ въ продажу съѣстніе бакалѣйніе и другіе вещи.
Иванъ Михайловъ Караманлѣи, женатъ.	Родился въ Нѣжинѣ, имѣетъ домъ свой, отецъ его умершій Михайло Караманлѣй былъ зъ Цареграда, торгуетъ пушнимы, кумачнимы, шелкомъ и другимы разними товарамы.
Константинъ Ивановъ, женатъ.	Турецкой области зъ мѣстечка Провадъ, наехалъ въ Нѣжинъ съ 1745 году, промишляетъ товарами пушнимы, кумачамы, заполочю и другимы.
Ананій Павловъ Мораитъ, женатъ.	Родился въ Нѣжинѣ, живетъ домомъ своимъ, привозитъ зъ Цесаріи сѣнокосніе коси, а туда отпускаетъ красную юфту; отецъ же его былъ грекъ турецкой области зъ города Пеллопоніи.

Анастасій Павловъ Клица, женатъ.	Турецкой области зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1731 году, жительствуетъ своимъ домомъ, промишляетъ въ Россіи, в оную турецкую область разными турецкимп и россійскимы товарами.
Николай Вангелій, вдовъ.	Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1738 году, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ нѣмецкимы суконнымы товарами.
Иванъ Юріевъ Капитанъ, женатъ.	Иперской провинціи з города Янина, в Нѣжинѣ съ 1730 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ мякотними, кумачними, заполочю и другими разнымы товарамы.
Иванъ Юріевъ Марковичъ, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ лавкѣ Гданскими гарусними товарами, камками, штаметами и другими, отецъ же его умершій былъ Иперской провинціи з города Янина.
Максимъ Василіевъ Салата, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ кумачами и мякотнимъ товаромъ, отецъ его умершій былъ Грекъ, а онъ вѣдать не можетъ, затѣмъ, что остался по отцу малолѣтенъ.
Юрій Алексѣевъ Артино, холостой.	Провинціи Элади, з села Веретеницѣ, заехалъ в Нѣжинъ съ 1728 годъ, живетъ своимъ домомъ, бадается содержаніемъ в Нѣжинѣ кожевного заводу.
Павелъ Алексѣевичъ Артино.	Турецкой области, провинціи Элади з села Веретеницы, находится в Нѣжинѣ съ 1732 годъ, имѣетъ свой домъ торгуетъ товарамы мякотнимы россійскимы и турецкимы — заполочью и кумачамы.
Юрій Василіевъ Проченко, женать.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ торгуетъ в лавки парчами, шелковимъ и другимъ разнимъ товаромъ, отецъ же его былъ Грекъ Македонской провинціи, а какого города не ведаетъ, затѣмъ, что по немъ остался малолѣтенъ.

Афанасій Ивановъ Артино, женатъ.	Турецкой областы з города Арти находится в нѣжинѣ съ 1733 году, и жительствуетъ своимъ домомъ, отпускаетъ въ Царградъ и другіе оной турецкой области места мякотніе россійскіе, а отголь привозитъ въ Россію турецкіе кумачніе и инніе товары.
Димитрій Иванъ и Статѣй Николаевичи Караманлѣи холостіе.	Родился в Нѣжинѣ дѣдъ ихъ грекъ, умершій Михайло Караманлѣй, былъ з Царграда; торгуютъ кумачами, шелкомъ, ладаномъ, пушнимы и другимы разнимы товарамы.
Димитрій Панахристовъ, женатъ.	Иперской провинціи з города Янина, в Нѣжинѣ съ 1728 году, торгуетъ товарами мякотними и турецкими кумачами и другими.
Юрій Димитріевъ Лазаревъ, женатъ.	Турецкой области з города Святія Мавры находится въ Нѣжинѣ съ 1752 году и жительствуетъ своимъ домомъ, промишляетъ вывозомъ из волощины и продажею въ Нѣжинѣ волоского вина и разныхъ сахарныхъ водокъ и другихъ напитковъ.
Анастасій Павловъ Казнаферъ, женатъ.	Турецкой области з города Янина, находятся в Нѣжинѣ съ 1731 году и жительствуетъ своимъ домомъ, прежде торговалъ в оную турецкую область разнимы турецкими и россійскимы товарами. А нынѣ до разделки з своими должниками оставилъ.
Ѳедоръ Петровъ Волковъ, женатъ.	Крымской области з города Козлева, находятся в нѣжинѣ с 1736 году, и жительствуетъ своимъ домомъ прежде торговалъ бакалѣею, а нынѣ обрѣтается у своду торговыхъ договоровъ между купечествомъ.
Дементій Юрьевъ Ликопа, женатъ.	Отецъ его умершій Юрій Ликопа Грекъ былъ турецкой области у Царграда; а онъ Дементій родился в Нѣжинѣ и жительствуетъ своимъ домомъ, обретается у своду торговыхъ между купечествомъ договоровъ и промышляетъ куплею и продажею лошадей.
Тавро Діямантіевъ Кемержовъ, женатъ.	Турецкой области з города Царграда, находится в Нѣжинѣ съ 1754 году, промышляетъ продажею вареного кофе.

Лукянъ Евстатіевъ, женатъ.	Кримской области, з города Очакова находится в Нѣжинѣ съ 1736 году, промишляетъ вывозомъ у Царграда и продажею в Малороссіи бакалѣи.
Димитрій Лукяновъ Софроновъ, вдовъ.	Турецкой области з города Касторія, находится в Нѣжинѣ съ 1722 году, жительствуетъ своимъ домомъ торгуетъ въ Нѣжинѣ въ лавки разнимы царградскими съѣстными вещами.
Дементій Димитріевъ Касторіяно, женатъ.	Турецкой области з города Касторія, находится в Нѣжинѣ съ 1728 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ Царградѣ россійскимы пушнимы, а в Россіи турецкимы кумачами, шелкомъ и другими товарамы.
Яніи Михайловъ Дамала, женатъ.	Турецкой области з острова Хіи, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, производить в продажу в Нѣжинѣ жъ в лавки среде посной табакъ и вареное кофе.
Стоянъ Петровъ, женатъ.	Турецкой области з города Салоники, находится въ Нѣжинѣ съ 1760 году, жительствуетъ своимъ домомъ бадается бламарническимъ ремесломъ.
Павелъ Николаевъ Мургановъ, женатъ.	Турецкой области города Ямбула, в Нѣжинѣ с 1735 году находится у своду торговыхъ договоровъ между купечествомъ.
Янъ Димитріевъ Шпано, женатъ.	Турецкой области з города Арвантахоръ находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствуетъ своимъ домомъ, бавится ремесломъ бламарническимъ.
Дука Статѣевъ, женатъ.	Иперскои провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1745 году, промишляетъ привозомъ изъ волощины волоскыхъ винъ.
Зой Анастасіевъ, женатъ.	Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1731 году, бадается баришничествомъ.

Янъ Юріевъ Сердюкъ, вдовъ.	Турецкой области з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1706 году, бадается баришничествомъ.
Димитрій Афанасіевъ, женатъ.	Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1752 году, имѣетъ свой домъ, промишляетъ привозомъ изъ волощины и продаетъ в Нѣжинѣ волоскыхъ винъ.
Димитрій Николаевъ Шарганъ.	Отецъ его умершій Николай Шарганъ былъ з города Янина, а онъ Димитрій родился в Нѣжинѣ, находится прикажчикомъ при Московскомъ купце Журавлеве.
Димитрій Юріевъ.	Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1731 году, торгуетъ в Царградѣ и Россіи разними товарами.
Христа Ставровъ, женатъ.	Турецкой области з мѣстечка Раховицы, находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, жительствуетъ своимъ домомъ, бадается привозом из волощины и продажею волоскыхъ вынъ.
Ламбра Николаевъ, удовъ.	Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1732 году, бадается баришничествомъ.
Христофоръ Евстафіевъ, удовъ.	Турецкой области з мѣстечка Погдозіяни, находится въ Нѣжинѣ съ 1706 году, жительствуетъ своимъ домомъ и за старостю ни чемъ не купечествуетъ.
Кирякъ Димитріевъ, женатъ.	Турецкой области з города Правоти, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, жительствуетъ своимъ домомъ, бадается продажею в Нѣжинѣ бакалѣйныхъ вещей.
Иванъ Косяновскій, женатъ.	Македонской провинціи з города Турнава, находится в Нѣжинѣ съ 1714 году, жительствуетъ своимъ домомъ, бадается при купцахъ баришничествомъ.

Пасхалій Сатиръ, женатъ.	Македонской провинціи з города Ларса, находится в Нѣжинѣ съ 1754 году, и имѣетъ свой дворъ, шинкуетъ водкою и другимъ напиткомъ.
Анастасій Ѳедоровъ Кара, женатъ.	Турецкой области з города Арты, находится в Нѣжинѣ съ 1762 году, бадается ремесломъ — баришническимъ.
Николай Константиновъ Буро, женатъ.	Македонской провинціи з мѣстечка Аи, находится в Нѣжинѣ съ 1725 году, жительствуетъ своимъ домомъ, бадается баришничествомъ.
Роза Ивановъ Турновитъ, женатъ.	Македонской провинціи з города Турнова, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ бакалѣею.
Христофоръ Ивановъ, женатъ.	Македонской провинціи з города Турнова, находится въ Нѣжинѣ съ 1756 году, торгуетъ водкою, медомъ и другимъ напиткомъ.
Янъ Константиновъ, женатъ.	Турецкой области з острова Крити, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, бадается продажею вареного кофе и разнихъ сладкыхъ водокъ.
Юрій Николаевичъ, женатъ.	Македонской области з города Сатста, находится в Нѣжинѣ съ 1763 году, торгуетъ вареннымъ кофемъ.
Хаджи Петро Ивановъ, женатъ.	Македонской области уезду Салунского села Батіоны, находится в Нѣжинѣ съ 1718 году, имѣетъ свой домъ, торгуетъ бакалѣею.
Николай Филиповъ, женатъ.	Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ, съ 1759 году, бадается продажею кофе вареного.
Димитрій Ѳемелевъ, холостъ.	Отецъ его умершій былъ Македонской провинціи, Трикалского уезду з села Мецо, онъ же Димитрій родился в Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ кумачами, пушними и другими товарами.

Стерій Алексѣевичъ, женатъ.	Македонской провинціи уезду Трикалскаго з села Мецо, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, торгуетъ кумачами, шелкомъ, пушнимы и другимы разными товарами.
Иванъ Прокопіевъ Костергаровъ, женатъ.	Родился въ Нѣжинѣ, дѣдъ его умершій былъ Иперской провинціи з города Янина, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ пушнимы, кумачамы и другимы товарами.
Юрій Димитріевъ Демежеи, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ жительствуетъ на своемъ грунтѣ купечества не продолжаетъ отецъ его умершій Димитрій былъ грекъ з Венеціи з города Корфи.
Михайло Павловъ Сѣмяковъ, женатъ.	Турецкой области з города Азова находится в Нѣжинѣ съ 1710 году, бавится ремесломъ кравецкимъ.
Константинъ и Пантелѣй Николаевы Судаклѣеви, холостіе.	Родились в Нѣжинѣ, торгуютъ пушними россійскими и турецкими кумачами, заполочю и другимы товарами, отецъ же ихъ былъ грекъ турецкой области з города Филипополя.
Аѳанасій Сафроновъ, холостой.	Родился въ Нѣжинѣ жительствуетъ своимъ домомъ вивозитъ изъ Цесаріи сѣнокосніе косы и оними и другимы товарами промишляетъ, отецъ же его турецкой области з города Митилины.
Аѳанасъ, Николай, Иванъ и Димитрій Стаматѣеви, холостіе.	Родились в Нѣжинѣ жительствуютъ своимъ домомъ бавятся Николай золотарскимъ, Иванъ бламарническимъ, а Димитрій кравецкимъ ремествами; Аѳанасій же служитъ при купцахъ, а отецъ ихъ былъ грекъ Македонской провинціи, а какого города невѣдаютъ за темъ, что по нему малолѣтними остались.
Димитрій Захаріевъ Андріянопольскій, женатъ.	Турецкой области з города Адріанополя находится в Нѣжинѣ съ 1736 году торгуетъ волоскымъ виномъ.
Иванъ Константиновъ Папазулъ, женатъ.	Кримской провинціи з города Козлева находится въ Нѣжинѣ съ 1736 году, живетъ на своемъ грунтѣ торгуетъ в лавки бакалѣйными вещми и разными мелочамы.

Антонъ Анастасіевъ Поповичъ.	Кримской провинціи з мѣстечка Карасова, находится в Нѣжинѣ съ 1745 году, торгуетъ разными старимы з одежи и прочіихъ вещей мѣлочами.
Данило и Федоръ Орликови, холостіе.	Родились в Нѣжинѣ, промишляютъ пушними кумачними и другими товарами, отецъ же ихъ былъ з волощины, з города Ясъ.
Юрій Өедоровъ, женатъ.	Турецкой области з города Андріанополя, находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, промишляетъ товарами пуш, ними кумачами заполочю и другими и поставляетъ на фабрику россійскую шерсть з турецкой области.
Антонъ Татархристовъ.	Турецкой области з города Андріанополя, находится в Нѣжинѣ съ 1724 году, торгуетъ трубками, свечми и другими разними мѣлочми з братомъ Анастасіемъ холостимъ.
Димитрій Өедоровъ, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ жительствуетъ своимъ домомъ, бавится ремесломъ шапочницкимъ, отецъ его былъ умершій турецкой области з города Касторія.
Аөанасій Ризовъ, женатъ.	Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1735 году, торгуетъ в лавки красною рыбою и икрою.
Маргаритъ Кириловъ, женатъ.	Турецкой области провинціи Элади з города Тирнава Ларіискаго, в Нѣжинѣ съ 1735 году, промишляетъ разними цареградскимы и россійскимы пушнимы товарами.
Өедоръ Литинъ.	Провинціи Элади города Тирнава Ларійского, в Нѣжинѣ съ 1735 году, промишляетъ разними цариградскими и Россійскими пушнимы товарамы.
Николай Метакса, женатъ.	Провинціи Иперской з города Янина находится в Нѣжинѣ съ 1730 году, купечествомъ нынѣ не бавится.

Константинъ Димитріевъ.	Провинціи Иперской з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1758 году торгуетъ бакалѣею.
Николай Стефановъ Сестрица, женатъ.	Родился въ Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ волоскимъ виномъ, отецъ же его былъ з волощины з города Ясъ.
Иванъ Марковъ, женатъ.	Иперской провинціи з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1798 году, жительствуетъ своимъ домомъ, содержитъ в откупѣ карантинной василковской домъ и промишляетъ волоскимъ виномъ.
Апостолій Ѳедоровъ, женатъ.	Турецкой области Иперской провинціи з города Арты находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, бадается сводомъ торговыхъ договоровъ между купечествомъ.
Діямантій Николаевъ, женатъ.	Турецкой области Иперской провинціи з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1750 году, торгуетъ в Россіи разними мякотними россійскими и турецкими кумачами заполочю и другимы товарамы.
Анастасій Ивановъ.	Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1739 году, промишляетъ печеніемъ и продажею плачиндъ.
Стефанъ Евстафіевъ, женатъ.	Македонской провинціи з города Арвантохори, в Нѣжинѣ съ 1739 году, бадается сводомъ торговыхъ между купцами договоровъ.
Анастасій Ѳедоровъ Таленжій, женатъ.	Македонской провинціи города Софіи, находится въ Нѣжинѣ съ 1752 году, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ мушкательнымъ виномъ.
Ленаро Мансовъ.	Иперской провинціи мѣстечка Дрянополя, находится в Нѣжинѣ съ 1739 году, торгуетъ товарами пушнимы запалочю кумачамы и другимы.

Антонъ Өедоровъ Камарашевъ, женатъ	З Царграда заехалъ в Нѣжинъ в 1734 году, жительствуетъ своимъ домомъ купечествомъ нынѣ не бадается.
Иванъ Манусовъ, женатъ.	Иперской провинціи города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, живетъ своимъ двορикомъ бадается барышничествомъ.
Дмитрій Ивановъ Барановскій, женатъ.	З Царграда заехалъ в Нѣжинъ в 1745 году, бавится продажею напитковъ водки, пива и меду.
Өедоръ Киряковъ Тачліи, женатъ.	Турецкой области з мѣстечка Проватъ, заехалъ в Нѣжинъ в 1745 году, торгуетъ пушними заполочю, ладаномъ кумачами и другими товарами.
Николай Пантелѣевъ Бабаляръ.	Родился онъ и отецъ его, умершій Пантлѣй в Нѣжинѣ, торгуетъ виномъ, дѣдъ его былъ грекъ, а какого города? онъ, Николай, не вѣдаетъ.
Дамула Стамулатѣевъ, женатъ.	Турецкой области з города Тирнава, заехалъ в Нѣживъ в 1746 году, бавится продажею напитковъ водки, пива и меду.
Гаджи Димитрій Константиновъ.	Македонской провинціи города Андріянополя, заехалъ в Нѣжинъ в 1758 году, жительствуетъ своимъ домомъ бавится краскою всякихъ фантинъ и суконъ.
Петръ Константиновъ, женатъ.	Македонской провинціи з мѣстечка Арвалтохора, в Нѣжинѣ съ 1744 году не купечествуетъ.
Николай Константиновъ, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, отецъ же его умершій былъ з Царграда, купечествомъ не бадается, а обрѣтается у греческихъ дѣлъ по греческому братству.
Өедоръ Юріевъ.	Родился в Нѣжинѣ бавится ремествомъ кравецкимъ, отецъ же его умершій былъ грекъ турецкой области з города Синопли.

Өома Ивановъ Исперовъ, женатъ.	З Цар̃града заехалъ в Нѣжинъ съ 1743 году, бадается барышничествомъ.
Петро Параскевянъ, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, находится паламаремъ при греческой нѣжинской церквѣ' отецъ же его умершій былъ турецкой области з города Трапезонта.
Димитрій Петровъ, женатъ.	З Цар̃града заехалъ в Нѣжинъ съ 1740 году, торгуетъ мякотнимъ, виномъ и бакалѣею.
Димитрій Ивановъ Сершлевъ, женатъ.	Македонской провинціи з города Филипополя, заехалъ в Нѣжинъ съ 1739 году, торгуетъ в лавки разнимъ розанскимъ товаромъ.
Иванъ Афендуліевъ, холостъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, бадается продажею в лавки шелковыхъ кумачей и протчихъ товаровъ; отецъ же его умершій былъ грекъ з Цар̃града.
Димитрій Ивановъ Меликановъ, женатъ.	Турецкой области з Цар̃града заехалъ в Нѣжинъ съ 1744 году, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ волоскимъ виномъ.
Василій Семеновъ, женатъ.	Турецкой области з Цар̃града заехалъ в Нѣжинъ в 1715 году, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ в лавки шелковыми парчевыми и другими разними гданскимы товарами.
Өедоръ Ивановъ Исааковъ, холостой.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ кумачами, заполочю, пушними и другимы товарами, дѣдъ же его былъ грекъ турецкой области, а съ какого города? онъ Өедоръ не вѣдаетъ.
Павелъ Сколярій.	З Цар̃града заехалъ в Нѣжинъ съ 1755 году, бавится майстерствомъ бламарническимъ.

Антоній Юріевъ, женатъ.	Турецкой области з города Пароса, заехалъ в Нѣжинъ съ 1750 году торгуетъ мушкателнимъ виномъ и пушнимы и другими товарами.
Павелъ Гонтій, женатъ.	Иперской провинціи города Янина, заехалъ в Нѣжинъ съ 1710 году, живетъ домомъ своимъ, за старостію не купечествуетъ.
Евстафій Стефановъ, женатъ.	Волоской провинціи з мѣстечка Сороки, заехалъ в Нѣжинъ съ 1739 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.
Семенъ Ѳедоровъ Пелопоновъ, женатъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ домомъ своимъ, купеческаго промисла не имѣетъ нынѣ, а прежде содержалъ малороссійской индуктовой зборъ на откупъ, отецъ же его былъ грекъ з города Пеллопоніи.
Христофоръ Юрьевичъ, холостой.	Турецкой области з города Трапезонта, заехалъ в Нѣжинъ съ 1735 году, живетъ домомъ своимъ торгуетъ бакалѣею.
Константинъ Константиновичъ Милона.	Македонской провинціи з города Касторія, заехалъ в Нѣжинъ съ 1703 году, живетъ своимъ домомъ, за старостію не купечествуетъ.
Яній, Димитрій, Ѳедоръ и Леонтій Куртіеви, холостіе.	Родились въ Нѣжинѣ живутъ домомъ своимъ, торгуютъ кумачами, пушними и другими товарами, а отецъ ихъ умершій былъ грекъ Македонской провинціи з города Салоники.
Яковъ Ивановъ Маркачанъ, вдовъ.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ домомъ своимъ, за болѣзнію купечества не имѣетъ; сынъ же его Якова Димитрій торгуетъ сукнами отъ слуцкаго польскаго купца Сухозагнѣта, а отецъ его, Якова, былъ грекъ з города Янина.
Константинъ Николаевъ, женатъ.	Провинціи Эллади з города Лариссы заехалъ в Нѣжинъ съ 1757 году наслуговиваетъ разнимъ людямъ.

Николай Димитріевъ Салонина.	Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, бавится ремесломъ бламарническимъ, отецъ его умершій былъ грекъ Македонской провинціи з города Салоники.
Юрій Остаповъ Андренелій, женатъ.	Македонской провинціи з города Эндрене заехалъ в Нѣжинъ съ 1742 году, промишляетъ бакалѣею и виномъ.
Гаджи Манойло Бакчѣевъ.	Македонской провинціи села Силлъ заехалъ в Нѣжинъ съ 1769 году з женою и дѣтмы, ни чемъ не торгуетъ.
Иванъ Стояновъ.	Македонской провинціи з города Салоникы заехалъ в Нѣжинъ съ 1724 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.
Евстафій Ивановъ Парчикаловъ, вдовъ.	Отецъ его умершій былъ грекъ Македонской провинціи з города Водина и, заехавши в Нѣжинъ в 1710 г., бадался купечествомъ, а онъ Евстафій родился в Нѣжинѣ и прежде бавился купечествомъ, а нынѣ до раздѣлки з товарищами своими оставилъ, грунтъ же свой имѣетъ.
Ѳедоръ Николаевъ, женатъ.	Македонской провинціи города Адріанополя заехалъ в Нѣжинъ съ 1764 году, бавится продажею в лавки икри и свѣчокъ.
Семенъ Ивановъ, сынъ Галацовъ.	Дѣдъ его умершій, Андрей Галацовъ былъ грекъ Македонской провинціи, онъ же Семенъ родился в Нѣжинѣ, бавится промисломъ у продажи холста.
Семенъ Ѳедоровъ Болгаринъ.	Турецкой области з города Отрида, находится в Нѣжинѣ съ 1740 году, бадается ремесломъ бламарническимъ.
Ника Константиновъ Волошинъ	Отецъ его Константинъ з города Ясъ, а онъ родился в Нѣжинѣ, бавится ремесломъ бламарническимъ.

Өедоръ Димитріевъ Сердуковъ.	Отецъ его умершій Димитрій былъ перехрищенъ изъ жидовъ, и находился у содержанія на откупъ Малороссійской индукты онъ же Өедоръ еще не купечествуетъ.
Василій Ивановъ Сочевановъ Волошинъ.	Отецъ его Василій, умершій былъ Волоской провинціи з города Сочева, а онъ родился в Нѣжинѣ и прежде торговалъ разнимы малороссійскимы товарамы, а нынѣ за старостью купечествомъ не бадается.
Николай Петровъ Полинковскій, Болгаринъ.	Македонской провинціи з города Филипополя находится в Нѣжинѣ съ 1740 году, промишляетъ бакалѣею.
Николай и Юрій Өедорови Желязенки.	Отецъ ихъ умершій Өедоръ былъ родомъ з Полши; они жъ родилися в Нѣжинѣ купечествуетъ пушними, разними и греческими кумачнимы и другими товарами.
Нако Божикъ Булгаринъ.	Македонской провинціи з мѣстечка Струмича, находится в Нѣжинѣ съ 1757 году, бадается ремесломъ бламарническимъ.
Юрій Василіевъ Грузинъ.	Грузинской провинціи з города Теплиса, находится в Нѣжинѣ съ 1755 году, торгуетъ разними старими с платя и протчею мѣлочамы.
Трифонъ Ивановъ Болгаринъ.	Турецкой области з мѣстечка Рущука, находится в Нѣжинѣ съ 1757 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.
Яній Петровъ, Юрій и Статѣй Статѣевы, волохи.	Отецъ ихъ былъ волошинъ з города Букурештовъ, заехалъ в Нѣжинъ съ 1722 году, они жъ Статѣевы родились в Нѣжинѣ и торгуютъ разними турецкими и россійскимы пушнимы товарамы.
Иванъ Димитріевъ Сталевскій Болгаринъ.	Македонской провинціи з города Искипъ, заехалъ в Нѣжинъ въ 1745 году, бавится куплею и продажею бакалѣи, такъ же торгуетъ и россійскими пушними товарами.

Иванъ Димитріевичъ Волошинъ.	Волоской провинціи з города Ясъ, заехалъ в Нѣжинъ с 1735 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.
Андрей Ивановъ Волошинъ.	Волоской провинціи з города Ясъ, заѣхалъ в Нѣжинъ в 1715 году, торгуетъ разными греческими и россійскими пушнимы товарами.
Юрій и Өедоръ Шпиноли.	Отецъ ихъ, умершій, изъ италіянцовъ, перехристъ былъ; они жъ Шпиноленкы родились в Нѣжинѣ купечествуютъ сукнамы.
Василій Өедоровъ Толбухинъ.	Кримской провинціи з города Перекопа находится в Россіи съ 1736 году, промишляетъ продажею щетичныхъ мѣлочныхъ вещей.
Андрей Игнатіевъ Голюнка.	Отецъ его умершій, Игнатъ былъ Исполской области, а онъ, Андрей, родился в Нѣжинѣ прежде торговалъ шмонскими и цесарійскими товарамы, а нынѣ за старость ни какого промислу не имѣетъ.
Сандулъ Николаевъ Волошинъ.	Волоской провинціи з города Яссъ, заехалъ в Нѣжинъ с 1750 году, бавится куплею и продажею бакалѣи, тако жъ привозомъ волоскихъ винъ.
Данило, Петро, Григорій и Иванъ Голюнкы.	Дѣдъ ихъ Игнатъ, умершій, былъ з полской области, а они родились в Нѣжинѣ торгуютъ сѣнокоснимы косамы.
Стефанъ Андреевъ Удришевъ Волошинъ.	Отецъ его, умершій Андрей, былъ з волоской провинціи з города Яссъ, а онъ, Стефанъ, родился в Нѣжинѣ, бавится ремесломъ золотарскимъ.
Константинъ Ивановъ Констенецкій-Сербининъ.	Города Константинополя, в Нѣжинѣ с 1706 году, прежде находился в разнихъ воинскыхъ и партикулярныхъ службахъ, а нынѣ за старостью ни какого промисла не имѣетъ.

Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Малор. 1711 г., февраля 13. № 12.

Року 1711 мѣсяця марта 18 дня.

По присланной отъ великого Государа Нашего Цара и великого Князя Петра Алексѣевича всея великія, малія и бѣлія Россіи Самодержца до ясне вельможного Его милости пана Гетмана грамотѣ и поданному отъ его панской велможности унѣверсалу, я, Данило Кутневский чинилемъ Кгрекомъ, волохомъ и милтяномъ ревѣзію во время мирное з области турецкои за купецкимъ промысломъ въ мало Росискимъ краи подъ державою Царского величества будучи зашли, по которой въ городѣ Нѣжинѣ явилося, якъ самихъ господаровъ, такъ и челяди въ нихъ кгрецкой и волоской породы 232 человѣка.

По вычитаня теежъ Црского Величества грамоті и виражениъ въ ней указомъ и унѣверсалу ясне велможного Его милости пана Гетмана о висилцѣ Турецкого Салтана подданнихъ въ семъ мѣсяцѣ Мартѣ и мало Російскихъ городовъ въ турецкую землю до своихъ жилищъ, откуду хто заѣхалъ, таковихъ явилося человѣка 97, также и которіе изъ нихъ хотятъ остатися, тихъ явилося 135, приказалемъ даби тіе становили по себѣ крѣпкіе поруки по премощному Царского величества указу изподписанемъ имянъ, ажъ поки сяя настоящая война скончится, и ни единому бъ изъ нихъ безъ волѣ и указу Царского величества изъ мало Росийского краю не виездилъ и ни якихъ писемъ заграницю не посилалъ, также къ себѣ присланніе писма не роспечатовши авляти бъ имъ ясне велможному Его милости пану Гетману, а если би межи ихъ самихъ или изъ челяди ихъ, которіе хотятъ остатися въ малой Россіи, что колвекъ надъ указъ Царского величества мѣлъ учинити, то не токмо тотъ але и всѣ заедного, якъ въ грамотѣ Государевой виражено достойную казнь восприимутъ.

Запись поручная отъ грековъ и волохъ дамая:

„Ми нижеи подписанніе греки волохи и мултяне, изъ турецкой землѣ во время мирное купецкимъ промысломъ зашиліе, чуючи премощнии царского величества имянніи въ грамотѣ виражениій указъ и универсалъ ясне велможного его милости пана Гетмана, даби, хто изъ насъ мѣлъ остатися въ Нѣжинѣ, не важился отнюдь виездити за границю, ажъ поки сяя война зъ салтаномъ турецкимъ не скончится и въ томъ давалибъ на себе крѣпкіе поруки, по которомъ всѣ едностайне, изъ колко с насъ зостается въ Нѣжинѣ другъ по другу и за челядь нашу изъ подписанемъ

имянъ нашихъ ручаемся въ томъ, что яко сами господарѣ ми, такъ и челядь наша повиннисмо въ статку подлугъ указу Монаршаго заставати, не ухилячися на противную царскому величеству сторону, а не тѣхъ писимъ заднихъ писати за границу и къ себѣ оттолъ пріимати не повинни будемъ и, еслиби мѣлъ хто зъ насъ у Нѣжинѣ зъ остаючихся, тому монаршому указу вижеи выраженному бити ослушенъ и тайнимъ якимъ поведеніемъ ухилитися за границю, или писма до кого писати и до себе зъ заграницѣ пріимати, или якихъ оттолъ тайно проезджаючихъ людей удержувати, то всѣ ми подлугъ явленного намъ въ Грамоти монаршой указу казнѣ подлеглими себе бити декляруемъ и на тѣмъ другъ по другу и за челядь нашу Чужоземкой породи ручаемся, которіе не поидемъ изъ Нѣжина.

Въ дворѣ бившаго войтенка:

Николай Михайловъ, Настасій Ламбровъ.

Въ дворѣ Старцевомъ:

Янъ Карадимовъ, Дулій Юріевъ.
Василій Івановъ Гарѣй, Димитрій Юрьевъ.
Киріякій Старій, Адамъ Афендулій.
Афанасій Скембежѣй.

Въ дворѣ Савишиномъ:

Ѳеодоръ Поповичъ, Стерій Кизилбаша.
Андрей Ивановичъ, Христо Криштофоровъ.
Димитрій Салоника, Ѳедоръ Станъ (челядникъ)
Василь Ананковичъ чел.

Въ канонѣ Кгрецкомъ:

Алекса Василіевичъ Алой, Игнатіи Форо.
Костантинъ Николаевъ, Моско Янки.
Николай Сердюкъ, Николай Костантиновъ.
Стефанъ чел. Трандафѣлъ чел.
Недѣлка чел. Дмитро чел. Перехристъ.

Въ пана обозного:

Параскева Александрова, Никита Костантиновъ.
Павелъ Кириякoвъ, Анастасій Моцовитъ.
Михайло Ивановъ, Ламбро Кириякoвъ.
Парасквіи и Павелъ, Ч. Кириякъ и Ілья Ивановъ ч.

Въ дворѣ холодной:

Филафо Бошнякъ, Филипъ Христодоловъ.
Ризо челяд.

Въ дворѣ Синайскомъ:

Панаіотіи Костантиновъ, Ляндарій Великій,

Въ Өеодосия Крамара:

Трандафѣлъ Зофлорѣевъ, Янъ Фемени.
Димитріи Филовъ тран. ч.

Въ вариводишиномъ дворѣ:

Ананій Семеновъ, Прокопій Коленниковъ.

Въ Ерусалимскомъ:

Антоній Ивановичъ, Николай чел. его.
Аөанасій Юріевъ.

Въ Мокрининомъ дворѣ:

Христо Ивановъ, Димитрій Ивановъ.
Иванъ Лазаревъ, Янъ Николаевъ.
Николай Даниловъ, Юрій Ивановъ.
Павелъ Николаевъ.

Въ Чернецкомъ:

Анастасій Аөанасіевъ, Евфимій Димитрій.

Въ Мунтянина:

Аөанасій Захаріевъ, Иванъ Семеновичъ чел. его волохъ.
Киріякъ Апостоловъ.

Въ отца Протопопи:

Пантажѣй Димовъ, Димитрій Калмичокъ.
Николай Димитріевъ арбанашъ.

Въ Сотника бившого Веркіевского:

Андрей Максимовъ Персянинъ, Димитрій Аөанасіевичъ.
Фурмузъ Костантиновъ, Стоянъ Дмитровъ.
Кость Михайловъ, Киріякъ Ивановъ.

Въ Свято-Троицкомъ:

Иванъ Лукяновичъ, Кирица Поповичъ.
Племенникъ Лукяновичовъ.

Въ Петра баришника:

Кочій Ивановъ, Петро Чорній; Димитрій Поповичъ.

Въ Куличишиномъ:

Кочій Ивановъ, Кость сербъ чел. его. Дели Кочій.

Въ Костирчихи:

въ Хведора Крамара:

Кирило Павловъ, Николай Павловъ.
Илія Даниловъ, Костантинъ Федоръ, Иванъ.

Въ Максима Цюпченка:

Николай Ничовъ, Дука Николаевъ.
Костантинъ Ивановъ, Димитрій и апостолъ, болгаре чел.

Въ Котляренковомъ:

Отецъ Еремѣя, Чернецъ. Андрей Ѳомовъ Андохѣй.

Въ Шрамченка Новомѣского:

Дима Поповичъ, Димитрій Дезевержей.
Панаіотій Юріевъ.

Въ Филафти Свѣвака:

Филофто Костантиновъ, Кочій Костантиновъ.

Въ Калини:

Федоръ Петровичъ мултян.

Въ Кояра Василя:

Димитрій Манойловъ.

Въ дворѣ Радоловомъ:

Михайло Статіевъ, Ѳотатѣй Франгулѣевъ.
Мануйло Леонтіевъ, Ѳома Таганжѣй.
Мануйло Алтанжѣй, Юрій Канонжѣй.

Въ Супруновомъ дворѣ:

Ѳома Ивановъ.

Въ Якова Олшевского дворѣ:

Костантинъ Бакалъ, Параскева Бакалъ.

Въ Романа Ведлелесенка дворѣ:

Янатѣй Салоникій, Тодорѣй Карапастухъ.
Два Юрія челяд.

Въ Козачковомъ дворѣ:

Леонтій Димовъ.

Въ Рошовомъ:

Ѳома Антоніевъ.

Въ Свято Пречискомъ дворѣ:

Манто Зотовъ, Юрій Мантовъ, Себа Василіевъ чел.

Въ Гумянского дворѣ:

Янъ Лабанотій, Костантинъ Тумь Тумъ.

Въ попа Свято-Троецкого дворѣ:

Василій Германовъ, сербъ, Михайло Демяновичъ сербъ.
Димитрій Покришка.

Въ Димитрашка волошина дворѣ:

Димо Арбанашъ.

Въ Дмитренка дворѣ:

Григорій Погорѣлій волохъ, Апостолъ чел. волохъ.

Въ Кгузенка.

Въ Кронца Николая дворѣ:

Сава Юріевъ, Спана Юрій Закалѣй.

Въ Шевскомъ дворѣ:

Еремѣй Николаевъ, Манойло Сафоновъ.
Филипъ Лойзо, Михайло Юріевичъ чел.

Въ Мнихувни дворѣ:

Димитріевичъ Михайло.

Въ Стерѣя дворѣ:

Ананій Юріевичъ.

Въ Маркачана дворѣ:

Николай Хриштофоровичъ сербъ, Петро Ивановичъ сербъ.

Въ дворѣ Мдовничиномъ:

Семенъ Ивановъ волошинъ, Юрій Дипу.
Иванъ Юрьевичъ, Янъ Поповичъ.
Иванъ чел. грекъ.

Реестръ кгрековъ, которіе мѣютъ вѣездити изъ Нѣжина.

Въ дворѣ бившого войтенка:

Павелъ Катаргаръ.
Ексакустъ чел.
Статій Димитріевъ.
Юрій Дука чел.
Анастасій Николаевъ.
Иванъ Юріевъ.
Иванъ чел.

Въ грецкомъ канонѣ:

Манто Евстафіевъ.
Ставро Юріевъ.
Христо Василіевъ.
Христо Дмитровъ чел.
Анастасій Борисовъ.

Въ Стерѣевомъ дворѣ:

Димитрій Лвовскій.
Захарій полякъ чел.
Панаіотій Безистеѳлисъ.
Янъ Стилокло.
Юрій Павловъ.
Христо Юріевъ.
Анастасій Дѣковъ.
Михайло Цокала.
Иля Параманли.
Иванъ Стефановичъ чел.
Христо Евстафіевъ чел.

Въ Синайскомъ дворѣ:

Отець Михаилъ попа.
Отецъ Данило Чернецъ.
Аѳанасій Хриштофоровъ.
Павелъ Гажей Петровъ.
Криштофоръ Якушовъ.
Семенъ Ивановъ чел.
Янъ Анастасіевъ чел.

Въ Савишиномъ дворѣ:
Трандафѣлъ Юріевъ.
Янъ Дердѣй.
Иванъ Юріевичъ.
Данило Лазоровъ.

Въ Мокрини дворѣ:
Яковъ Хурмузовъ.
Въ Михайла сторожа дворѣ:
Костантинъ Коваржѣй.
Коста.
Въ Петра Малсишиного дворѣ;
Паскалій Статіевъ.
Христо Русовъ.

Въ дворѣ пана обознаго:
Димитрій Ралѣевъ.
Ночій Семеновъ.
Димитрій Ивановъ.
Стефанъ Ивановъ.
Фотій.
Киріякъ Гажѣй чел.
Сава персидскій армян.
Проко Павловъ.
Костантинъ Якимоноловъ.

Въ Радола дворѣ.
Фотій Николаевъ.
Димитрій Ивановъ.
Юрій Поповичъ. чел.
Димитрій Ивановичъ чел.

Въ Грицихи удови дворѣ:
Газѣй Юровъ Мерза.
Драксулій Диямендѣевъ.
Панаіотій чел.

Въ вариводихи дворѣ:
Юрій Газѣй Яновъ.

Въ Меловнички дворѣ:
Киріякъ Юріевъ.
Василь.
Николай Ивановъ.

Въ Кузми ведле С: Богослова
Стефанъ Кириловъ.
Костантій Анастасіевичъ.
Юрій Василіевъ чел.
Василій Ивановичъ чел.

Въ дворѣ, где Зофера:
Юрій Димитріевъ.
Стефанъ волошинъ чел.
Василій Ивановъ.
Костантинъ чел.

Въ отца Протопопи дворѣ.
Фурмуза Диямандиевъ.
Юрій Димитріевъ.
Николай Димитріевъ.

Въ Мардажѣевомъ дворѣ
Ризи Димовъ.
Николай Ризовъ.
Николай Шабанъ.
Янъ чел.
Хриштодолъ Трампа.
Въ Стефана Колесника дворѣ:
Богданъ Миналовъ армен.
Николай Кириловъ.
Кириякъ Кириловъ.
Янъ Миколаевъ.
Черно Черновичъ сербъ.
Трандафѣлъ Андлѣевъ.
Данило Форовъ.

Въ Костирчихи дворѣ:
Христо Юріевъ.
Лаверно Христовъ.
Кбино Юріевъ.
Мунтянъ Федоровъ.
Димитрій Захаріевъ.

Въ Леснека дворѣ:
Христодолъ Лазоновъ.
Самуилъ и Янъ чел.
Хризанъ чернецъ.

Въ Суприновомъ дворѣ:
Діяманди Василіевъ.
Тодоръ Ляшко чел.
Михайло Савеліевъ.

Въ отца Артема дворѣ:
Стратилатъ.

Стефанъ Мерза.
Щербанъ чел.
Стефанъ Салатажѣй.

Въ Бѣленскомъ дворѣ:
Юрій Алексѣевичъ в. фурманъ.

Року 1711 мѣсяця марта 20 дня:

Ми нижей подписанніе Греки, издавна з жонами и дѣтми въ Нѣжинѣ жиучіе, чуючи царского величества именній въ Грамотѣ виражений указъ, даби нѣ хто изъ насъ жиючихъ въ Нѣжинѣ не важился отнюдъ виездити заграницю, ажъ поки сяя воіна з салтаномъ турецкимъ скончится, и въ томъ давали бъ на себе крѣпкіе поруки, на что всѣ, килко насъ домами здавна жиючихъ въ Нѣжинѣ винайдется, другъ по другу и за челядь зъ подписанемъ именъ нашихъ ручаемся, что яко ми сами Господарѣ такъ и челядъ наша повиннисмо въ статку подлугъ указу монаршого зоставати, не ухиляючися на противную царскому величеству сторону, а нѣ тежъ писемъ жаднихъ писати за границю, и къ себѣ оттолъ пріимати неповинни будемъ и, если би мѣлъ хто зъ насъ, въ Нѣжинѣ жиючихъ, тому монаршому вижеи вираженному указу бити ослушнимъ и тайне ухилитися за границю или писмо до кого писать и до себе зъ заграници пріимать или якихъ оттолъ тайно приезджихъ людій удержувати, то всѣ ми подлугъ явленного намъ въ грамотѣ Монаршого указу казнѣ подлеглими себе бити, декляруемъ и на томъ другъ по другу и за челядъ нашу чужоземской породи ручаючися руки свои подписуемъ.

Отецъ Костантинъ Священникъ Греческій, зъ Македоніи тутъ въ Нѣжинѣ живетъ, лѣтъ 50. Стер. (т.-е. съ 1661 г.)

Стерій Ивановъ Турнавѣотъ зъ Македоніи, въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 40, (т.-е. съ 1671 г.)

Илія Мерцанъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 30. (т.-е. съ 1681 г.)
Исаакъ зъ волоской землѣ въ Нѣжинѣ живѣтъ лѣтъ 15. (т.-е. съ 1696 г.)
Ѳома Юріевъ зъ Македоніи, въ Нѣжинѣ сего року оженился. (т.-е. съ 1711 г.)
Кирило дохторъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 27. (т.-е. съ 1684 г.)
Антоній Хіотій въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 10. (1701 г.)
Филафо Поповичъ лѣтъ 10 въ Нѣжинѣ (съ 1701 г.)
Димитрій Сахлый зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Мавродѣй Кгумци зъ Анатоли въ Нѣжинѣ лѣтъ 25 (съ 1686 г.)
Аѳанасій, Мамродѣювь зять зъ анатоліи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Миколай Спанакъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Фотѣй Ивановъ зъ Царигорода, лѣтъ въ Нѣжинѣ 15 (съ 1696 г.)
Михайло Караманлій пріѣхалъ зъ анатоліи въ Нѣжинъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Прокопій зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Димитрій Кгалатіянъ зъ Царигорода, сего року оженился (съ 1711 г.)

Дими Павелъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Иванъ Маркацинъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Лазаръ Винаръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Христофоръ Юриевъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 7 (съ 1704 г.)
Костантій Кушнѣръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 13 (съ 1698 г.)
Ѳеодоръ Мараитъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Михайло, Асланувъ зять, зъ Кипру, въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Лаврентій Баришникъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Петро Кривій Кушнѣръ зъ Морея въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Діока Кушнеръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Стефанъ жердей зъ волоской землѣ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Юрій Плакса зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Николай винаръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Параскева слуга пана Николая.
Юрій Антоновичъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Ѳедоръ Рудій живетъ лѣтъ въ Нѣжинѣ 10 (съ 1701 г.)

Реестръ сербовъ живучихъ въ Нѣжинѣ.

Ананій войновъ живетъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 22 (съ 1689 г.)
Костантинъ Димитріевъ болгаръ чел. его.
Михайло Демяновъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Иванъ Стефановъ живетъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 13 (съ 1698 г.)
Иванъ Перченко живетъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Иванъ Христофоровъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 4 (съ 1707 г.)
Петръ Ѳедоровъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Недѣлка Дмитріевъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Киріякъ Ивановъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Челядникъ его Ѳедоръ волошинъ.
Петръ Ивановъ живетъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Неделка динникъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Василій Германовъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 10 (съ 1071 г.)
Павелъ Николаевичъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Статій Ивановъ Стойчю въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 16 (съ 1695 г.)

Реестръ волоховъ, живучихъ у Нѣжинѣ домами своими зъ женами и зъ дѣтми.

Кгордѣй Гавриловичъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Апостолъ Юріевичъ вь Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Иванъ Андреевичъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Димитрій Радионовичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Андрей Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 8 (съ 1703 г.)

Өедоръ Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Михайло Павловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Миронъ Статиевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Юрій Өедоровичъ племѣнникъ.
Стефанъ Василіевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Михайло Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Лукянъ Григоріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Димитрій Юріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 32 (съ 1679 г.)
Гаврило Ивановичъ сербененъ и братъ Остапъ (челядники?)
Миронъ Димитріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 22 (съ 1689 г.)
Юрій Костантиновичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Димитрій Григоріевичъ слуга.
Василій Морей въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Ілія Акксинтовичъ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Василій Мироуцовъ сынъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василь Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 2 (съ 1709 г.)
Дмитро Кумнѣ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Дмитро Стеріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 18 (съ 1693 г.)
Өеодоръ Пантелѣевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Иванъ Волошинъ Дмитрашковичъ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Гаврило Павловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Өедоръ Семеновичъ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Иванъ Дмитровичъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Иванъ Аөанасіевичъ лѣтъ 21 (съ 1690 г.)
Яковъ Маркіевичъ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Юрій Цилюрикъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Андрей Ивановичъ Цилюри въ Нѣжинѣ лѣтъ 23 (съ 1688 г.)
Өедоръ Юріевичъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Костантинъ Ивановичъ живетъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василій Григоріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 27 (съ 1684 г.)
Аөанасій Ничипоро лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Гаврило Юріевъ лѣтъ 25 (съ 1686 г.)

Реестръ, жиючихъ у Нѣжинѣ мунтянъ зъ жонами и дѣтми.

Янъ Марковичъ въ Нѣжинѣ живетъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Родіонъ Онуфріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Каленникъ Василіевъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Николай воинъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василь Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 18 (съ 1693 г.)
Стефанъ Бакумовичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Петро Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Павелъ Николаевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 3 (съ 1708 г.)
Василій Василіевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Өедоръ Радоловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Димитрій Өедоровичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 4 (съ 1707 г.)

II.

Торговля.

Избытокъ однихъ естестенныхъ произведеній въ краѣ и недостатокъ въ другихъ вызываютъ обмѣнъ между разными частями страны. Такъ было и въ Малороссіи: лѣсная часть ея сбывала свои произведенія въ степную, а степная въ свою очередь дѣлилась своими продуктами съ сѣверной [1]). Малороссія во второй половинѣ XVII ст. по Андрусовскому миру, какъ мы знаемъ, была разорвана на двѣ части: на украину сегобочную или Московскую и тогобочную или Польскую. Дѣленіе это было сдѣлано съ цѣлями политическими. Политическіе же расчеты очень часто шли и идутъ въ разрѣзъ съ экономической, духовной и другими сторонами народной жизни. Дѣйствительно, для Польской украины Кіевъ, присоединенный къ Московской сторонѣ, въ XVII и XIII ст. служилъ религіознымъ центромъ, куда изъ Польши цѣлыми толпами устремляются богомольцы [2]). Въ Кіевъ польская пограничная шляхта ѣздитъ для закупки необходимаго какъ въ хозяйствѣ, такъ и для комфорта. Въ Кіевѣ находилась духовная академія, въ которой обучалось очень много молодыхъ людей изъ Польскихъ областей: въ 1748 году среди студентовъ Академіи встрѣчаются жители повѣтовъ: Кременецкаго, Подольскаго, Каменецкаго, Каневскаго, Браславскаго, Станѣславскаго, Львовскаго, Перемышльскаго, Заславскаго, Слуцкаго, Волынскаго, Могилевскаго, Богославскаго, Бѣлоцерковскаго и Мозырскаго — 45 человѣкъ. Это дѣти священниковъ, часто посполитыхъ, одинъ — сынъ мѣщанина г. Слуцка, другой — сынъ Могилевскаго бурмистра, третій — сынъ купца Слуцкаго повѣта Сухозагнета, ведущаго торговлю въ Малороссіи сукнами на цѣлые десятки тысячъ рублей [3]). Въ свою очередь и изъ Московской украины въ Польскую отправлялись молодые люди доканчивать свое образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. „Федоръ сынъ попа Харьковской Николаевской церкви Кондрата Федорова отъ Харьковскихъ славенолатинскихъ школъ отлучился и былъ въ Польшѣ для сисканія науки“ (въ 1743 году) [4]). Жители какъ Польской такъ и Московской украины везутъ избытокъ своихъ продуктовъ или ѣдутъ за покупкой недостающаго. Для примѣра можно привести вѣдомости проѣзжающихъ чрезъ пограничные форпосты, находящіеся между Россіей и Польшей на тер-

---

[1]) Х. И. А. Д. М. Кол. № 5708.
[2]) Кіев. Цент. Арх. Дѣла Кіев. Губ. Пр. Отдѣлъ колонизаціи и переселенія.
[3]) Кіев. Цен. Арх. Арх. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородки.
[4]) Х. И. Арх. Хар. Отд. I отд. № 74.

риторіи Малороссіи[1]). Вѣдомости эти показываютъ, что обыватели Польской стороны ѣздили въ Московскую, привозя свои продукты: хлѣбъ, сухіе фрукты, рыбу, лѣсъ, деготь, горшки и пр., закупая табакъ, разные коренья, также хлѣбъ. Обыватели Московской украины ѣздили въ Польскую сторону за дегтемъ, за косами, за сукномъ, за виномъ и другими предметами, потребными для хозяйственныхъ нуждъ, отвозя излишки продуктовъ своего хозяйства, напр. табакъ. Слѣдовательно, несмотря на политическое разграниченіе, существовалъ оживленный торгово-промышленный обмѣнъ между обывателями обѣихъ частей Малороссіи.

Но помимо такихъ близкихъ пограничныхъ сношеній малороссы, особенно обыватели большихъ городовъ, вели торговлю съ далекими заграничными пунктами. Мѣщане гор. Стародуба въ XVII и XVIII вв. торговали съ Гданскомъ и другими городами[2]). Въ 1710 году стародубцы: Елисей Максимовъ и Осипъ Самойловъ ѣдутъ изъ Москвы въ Берлинъ[3]). Въ 1728 году мѣщанинъ Дейнека ведетъ значительный заграничный торгъ, закупая и отпуская хлѣбъ и горѣлку[4]). Въ это же время въ литовскихъ краяхъ съ табакомъ встрѣчаемъ стародубовскаго мѣщанина Иванова. Вообще стародубцевъ въ Польшѣ съ табакомъ, хлѣбомъ и горѣлкой мы находимъ очень часто[5]). Стародубовскіе купцы Іосифъ Самусенко и Карпъ и Артемъ Тищенки въ 1730 году были въ г. Ригѣ съ торговыми цѣлями[6]). Пеньку же стародубовскіе мѣщане отправляли въ Москву, а оттуда въ Архангельскъ, гдѣ ее продавали голландцамъ, англичанамъ, съ которыми имѣли торговыя дѣла и вели денежные счеты на значительныя суммы[7]). Въ 1704 году крестьяне Калужской вотчины взялись везти изъ Мглина въ Москву пеньку стародубовскаго войта Спиридона Яковлева на 58 подводахъ 1526 пудовъ: 40 подводъ по 28 пудовъ, 5 подводъ по 24 пуда и 13 подводъ по 22 пуда, за извозъ съ пуда было уплачено по 2 алтына по 2 деньги. Пеньку эту въ Москвѣ долженъ былъ принять находившійся тамъ по коммерческимъ дѣламъ сынъ войта, отлучившійся въ это время въ Вологду[8]). Кіевскіе мѣщане издавна вели значительную торговлю съ польскими и нѣмецкими городами; эта торговля не прекращалась вплоть до конца XVIII ст.[9]). Такъ въ 1699 году кіевскаго жителя Скоротку съ разными товарами мы встрѣчаемъ на Волыни[10]); въ 1704 году кіевскихъ мѣщанъ Романа Якимовича „съ товарищи“ мы находимъ въ Силезіи, въ гор. Вроцлавѣ; купцы эти были съ значительными капиталами, ибо грабежомъ у нихъ было отнято товаровъ и денегъ на 20000 ефимковъ[11]). Того же Романа Якимовича въ другой разъ, въ 1729 году мы встрѣчаемъ въ Бреславлѣ[12]). Кіевскій мѣщанинъ

[1]) Смотри приложеніе № 1.
[2]) Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I. Полкъ Стародубовскій. Кіевъ 88 г., стр. 114.
[3]) Арх. Мин. И. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1710 г. № 31.
[4]) Рум. Музей № 300.
[5]) Рум. Муз. № 300. Арх. М. И. Д. дѣла Мал. 1729 г. № 19.
[6]) Рум. Муз. № 387.
[7]) Арх. М. Ин. Д. Мал. д. 1704 г. № 9; 1707 г. № 21, № 23; 1708 г. № 16, № 28.
[8]) Ibid., 1704 г. № 9.
[9]) Хар. Ист. Мал. Кол. № 5708.
[10]) Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г. № 4.
[11]) Г. М. А. М. Д. Мал. д. 1704 г. № 2.
[12]) Ibid., 1799 г. № 19.

Стефанъ Рубанъ въ 1716 году былъ въ Шленскѣ съ волами; продавши послѣднихъ, онъ закупаетъ сукна[1]); въ 1720 году Рубанъ опять былъ въ Шленскѣ „за купецкимъ промысломъ" — покупаетъ сукна[2]). Кіевскій торговый человѣкъ Романъ Тихоновичъ въ 1708 году посылалъ до Гданска съ товарами своего человѣка, который тамъ продалъ малороссійскій товаръ (скотъ), а купилъ гданскій[3]). Кіевскій мѣщанинъ Аѳанасій Александровъ везетъ въ 1744 году черезъ Васильковъ волошскіе орѣхи на 7 подводахъ, при немъ 6 челядниковъ[4]). Кіевскій житель Копичъ въ 1744 г. отправляется въ Яссы за волошской солью (десять мажъ)[5]). Жители гор. Чернигова вели также довольно значительную торговлю: по вѣдомости 1714 г. мы видимъ, что черниговскіе купцы: войтъ Ѳедоръ Лопата, Евсѣй Звѣръ; Трофимъ Матвѣевичъ, Стефанъ Лопата, Іосифъ Титовичъ, Ѳедоръ Павловичъ Морозъ, Иванъ Скойвѣдъ бурмистръ, вели торговлю „юхтою, воскомъ лоемъ, олѣемъ, щетиною" въ Шленскѣ, Гданскѣ и Прусскомъ Кролевцѣ[6]); купцы же Иванъ Енковичъ, бурмистръ съ сыновьями, Гаврило Канѣтинскій, Леванъ Речкуцкій, Демьянъ Давидовичъ, Семенъ Бичокъ, Василь Максимовичъ, Николай Прокоповичъ, Пантелей Барановскій, Иванъ Василкевичъ, Максимъ Помогайбененко торговали ганушомъ, вовною, горѣлкою „до Слуцка, Вильны, Хвойнику и др. польскихъ городовъ". Послѣ того какъ нѣкоторые товары стали запретными, торгъ свой эти купцы продолжали съ Ригой и другими великороссійскими городами[7]). Нѣжинскіе мѣщане также торговали за границей. Въ 1690-хъ годахъ нѣжинскій обыватель Иванъ Калина посылалъ своихъ сыновей въ Гданскъ съ волами[8]). Нѣжинскаго мѣщанина Максима Грудину съ торговыми цѣлями встрѣчаемъ въ Бреславлѣ[9]), а въ Шленскѣ „торговаго человѣка" Клецуна, закупающаго сукна[10]). Торгующаго за границей мы знаемъ нѣжинскаго жителя Марка Тарасовича и др.

Помимо жителей этихъ большихъ городовъ богатые мѣщане мѣстечекъ также вели торгъ за границей. Въ 1718 году лохвицкихъ жителей и купцовъ Ѳедора Іосифовича и Никифора Игнатовича мы встрѣчаемъ на Острожской ярмаркѣ, а въ Бреславлѣ въ 1719 году конотопскаго жителя и купца[11]). Имѣемъ свѣдѣнія о заграничной торговлѣ жителей и другихъ мѣстечекъ, напр. Василькова и пр.

Жители южныхъ, степныхъ полковъ имѣли оживленныя торговыя связи съ Крымомъ. Въ 1725 году съ января по августъ, въ Крымъ было пропущено съ товарами — виномъ (водкой), табакомъ, масломъ коровьимъ, полотномъ посконнымъ: малороссіянъ господарей 1122 человѣка, челядниковъ ихъ — 2718 человѣкъ, великороссіянъ господарей 8 человѣкъ, челядниковъ ихъ — 11 человѣкъ; возвратилось изъ Крыма въ Мало-

---

1) Рум. Муз. № 325.
2) Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1720 г. № 28.
3) Ibid. 1708 г. № 31.
4) Кіев. Цент. Архивъ.
5) Ibid.,
6) Х. И. А. Д. М. Кол. № 3216.
7) Х. И. А. Д. Мал. Кол., № 3216.
8) Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г., № 4.
9) Ibid., 1729 г., № 19.
10) Ibid., 1720 г., № 28.
11) Ibid., 1729 г., № 19.

россію съ виномъ, орѣхами, хлопчатою бумагою и др. товарами: малороссіянъ господарей 867 человѣкъ, ихъ челядниковъ — 1858 человѣкъ, великороссіянъ господарей 12 человѣкъ, ихъ челядниковъ — 18 человѣкъ[1]). Масло отвозилось въ Крымъ овечье и коровье; купцы его скупали у пановъ помѣщиковъ. Въ 1735 году въ Крыму мы находимъ полтавскихъ купцовъ Герасима Максимовича, Ивана Кондратовича, Семена Валховскаго, Филиппа Добышевскаго, Прокофія Гаврилова, Лукьяна Леонтьева, Алексѣя Петрова и Григорія Христенка; съ ними былъ 1 шафарь и 16 челядниковъ; товару съ ними было на 12381 руб. 10 коп., по распродажѣ послѣдняго купцы имѣли 83300 левковъ = 24990 руб.[2]). Въ то же время мы находимъ пріѣхавшихъ изъ Гадяцкаго полка въ Крымъ за солью 13 человѣкъ[3]). Изъ Межигорскаго монастыря въ 1744 г. отправляются въ Крымъ за солью и рыбою 6 возовъ[4]). Зажиточные богатые малорусскіе паны сами отправляли за границу продукты своего хозяйства — водку, скотъ, масло, воскъ — въ Крымъ, Силезію, Гданскъ и др.[5])

Какъ малороссіяне ѣздили съ торговыми цѣлями за границу, такъ и въ Малороссію являлись купцы изъ сосѣднихъ государствъ[6]): изъ Крыма, по вѣдомости 1725 года, съ января по августъ было пропущено съ виномъ волошскимъ, съ орѣхами и разными фруктами крымскихъ татаръ два человѣка господаря, армянъ господарей 15 человѣкъ, челядниковъ 7 человѣкъ, персіянъ 3 человѣка, а изъ Малороссіи съ табакомъ, масломъ, полотномъ и др. малороссійскимъ товаромъ татаръ — 8, армянъ — 26 человѣкъ. Въ 1720—1721 гг. татаръ-купцовъ находимъ въ мѣстечкахъ Кобелякахъ, Лохвицѣ, въ г. Гадячѣ (съ лошадьми), въ мѣстечкѣ Ромнахъ на ярмаркѣ. Татары привозили съ собой мыло, мáмси[7]), шелковыя ткани, ковдры, мѣха — лисьи, хорьковыя и др.[8]). Въ 1735 году, когда по случаю войны съ турками, было приказано арестовать крымскихъ купцовъ, то подъ Полтавой ихъ оказалось 22 человѣка. Когда ихъ товары хотѣли описать, то они бросили послѣдніе, и бѣжали. 12 изъ нихъ было поймано, а остальные ушли вплавь черезъ Днѣпръ, при чемъ одинъ утонулъ[9]). На украинскія ярмарки татары пригоняли лошадей.

Изъ Польши въ Малороссію на ярмарки въ значительномъ количествѣ являлись евреи: 1741 г. жиды г. Полоннова везутъ изъ Австріи 5 возовъ суконъ[10]); а также вообще польскіе обыватели[11]): пріѣхали въ Сѣвскъ въ 1692 году царегородскіе купцы да польскіе армяне гор. Бродовъ съ товарами; армяне съ товарами раньше были

---

1) Арх. Мин. Юст. Д. Чер. Пал. Угол. Суда. Оп. I. Вяз. V, № 136.
2) Г. М. А. М. Ин. Д. Мал. д. 1741 г., № 2.
3) Ibid.
4) Кіевскій Центр. Арх.
5) Дневныя Записки Якова Марковича.
6) Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 10994, № 11381.
7) Мáмси палятýрки (малорусско-нѣмецкій словарь Желеховскій. Львовъ, стран. 426), мáмси — маленькія подушки для натиранія красокъ при печатаніи на полотнѣ (ibidem, стран. 598).
8) Г. М. А. М. И. Д. М. Д. 1721 г., № 53.
9) Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1741 г., № 2.
10) Кіевскій Центр. Арх. Арх. Мин. Юст. Д. Ч. П. У. С. Оп. 5. Вязка XI, № 146. Г. А. М. И. Д. Мал. д. 1728 г., № 42. Греч. д. 1740 г., № 3. Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол., № 5489 и пр.
11) Г. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г., № 4, 1713 г., № 7.

въ Нѣжинѣ[1]). Житель м. Паволочи Степановъ съ 52 служителями привезъ на 50 возахъ ступочную соль; соли же 10 мажъ въ Кіевъ на продажу везетъ Ивановъ[2]). Въ Малороссію пріѣзжали и нѣмецкіе купцы: въ 1720 году въ Глуховѣ находимъ шленскаго купца Кашпара[3]) и т. д.

Много купцовъ пріѣзжало изъ великороссійскихъ городовъ: тульскіе купцы съ желѣзомъ, разными сукнами, матеріями, выбойками и разными мелочными товарами; купцы московскіе, калужскіе, брянскіе, трубчевскіе, сѣвскіе, путивльскіе и др. съ крашениною, разнымъ полотномъ, тяжиною, набойками, сапогами, башмаками, шляпами, пуговицами, оловомъ, мѣдною посудою, мѣдью, китайками, чаемъ, сахаромъ, петербургскимъ штаметомъ, а также съ разными напитками — шампанскимъ, бургонскимъ, англійскимъ пивомъ и др.[4]).

Иноземные купцы со своими товарами являлись на украинскія ярмарки. Торговля внутри самой Малороссіи носила ярмарочный характеръ. Въ каждомъ малороссійскомъ городѣ или мѣстечкѣ было нѣсколько лавокъ, удовлетворяющихъ только первой необходимости. Но въ извѣстное время городъ оживлялся: со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ обыватели везли излишки своего хозяйства и продукты своего ремесла. Со всѣхъ сторонъ являлись купцы, везя всевозможнаго рода товары — мануфактурные, бакалейные, галантерейные и др. Сосѣдніе землевладѣльцы, генеральная, полковая и сотенная старшина и весь генералитетъ являлись на „ярмарокъ"[5]). Стеченіе пріѣзжихъ бывало настолько значительно, что въ городѣ не доставало квартиръ[6]) для пріѣзжающихъ. Каждый могъ найти на ярмаркѣ все нужное для себя и поэтому спѣшилъ запастись всѣмъ, ибо пройдетъ ярмарка, окрестные обыватели и купцы разъѣдутся.

Малороссійскія ярмарки можно разбить на двѣ группы: во-первыхъ, ярмарки, продолжавшіяся нѣсколько недѣль (отъ 2 до 5), далеко извѣстныя за предѣлами своей страны, и ярмарки въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ, представляющія для своей округи важное значеніе; другая группа — это сельскія ярмарки[7]).

Въ первой группѣ на первомъ мѣстѣ нужно поставить нѣжинскія ярмарки, которыхъ было три: на Всеѣдной недѣлѣ, о Троицыномъ днѣ и на Покровъ Пресв. Богородицы. Первая и послѣдняя продолжались по мѣсяцу, а Троицкая недѣли двѣ; на нихъ пріѣзжали купцы: великороссійскіе и малороссійскіе изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ съ холстомъ, суконными и пушными, галантерейными и другими товарами; иностранные — греки, волохи, армяне, татары — съ турецкими и персидскими

---

[1]) Ibid. Греч. д. 7200 г., № 13.

[2]) Кіевскій Центр. Арх.

[3]) Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1720 г., № 28.

[4]) Китченко. О торговлѣ и торговыхъ пунктахъ въ Малороссіи за сто лѣтъ назадъ. „Черниговскія Губернскія Вѣдомости" 1852 и 1853 гг.

[5]) Дневныя Записки Якова Маркевича. Сулимовскій Архивъ. Хар. Ист. Арх. Д. М. Кол., № 3313. М. Плохинскій. Архивы Черниговской губерніи М. 1899. (Арх. Глуховскаго Петропавловскаго монастыря. Архивъ Марковичей.) Хар. Ист. Хар. Полтав. отд. Оп. I, № 735.

[6]) Хар. Ист. Арх. Полт. Отд. Оп. I, № 735.

[7]) Матеріалъ объ ярмаркахъ почерпнутъ нами изъ статьи Китченка, помѣщенной въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1852 №№ 48 и 50 и 1853 г., №№ 3, 4, 7, 10 и 11.

товарами: шелковыми, шерстяными и бумажными тканями, кораллами, жемчугомъ и дорогими каменьями; изъ Сѣчи Запорожской являлись съ солью и рыбою, малороссійскіе обыватели пригоняли скотъ и привозили кожи, а польскіе купцы являлись съ разными гданскими и шленскими товарами. Далѣе слѣдовали Роменскія ярмарки, которыхъ было 4: о Сырной недѣлѣ, о Вознесеніи Господнемъ, объ Иліи-пророкѣ, о праздникѣ архистратига Михаила. Вознесенская и Ильинская продолжались 4 или 5 недѣль, другія двѣ — двѣ-три недѣли, иногда болѣе. На нихъ съѣзжались съ сукнами — саетовыми, тонкими и простыми, позументами и сѣтками золотыми, и серебряными, разными шелковыми парчами, бархатами, люстринами и др. матеріями; заграничные купцы изъ Могилева и Слуцка, великороссійскіе изъ Калуги и др. городовъ, а малороссійскіе изъ Полтавы, Опошни и Конотопа пріѣзжали съ голями, канфами, выбойками, китайками, шелковыми и бумажными платками, разными кореньями; изъ Москвы, Переяславля Залѣсскаго являлись купцы съ сахаромъ, серебряною и оловянною посудою, крашениною[1]), полотномъ, пестрядью и пушнымъ товаромъ: мѣхами лисьими, волчьими, заячьими, бѣличьими и др.; изъ Нѣжина греки привозили шелковые товары, кумачи, красный сафьянъ и желтыя мышины, крымское вино и бакалею: розынки (сушеный виноградъ), фиги, рожки, рисъ, и др.; изъ Тулы являлись купцы съ желѣзомъ, оружіемъ и разною желѣзною посудою; изъ Сѣчи Запорожской, изъ Черкасска и другихъ донскихъ городовъ казаки привозили малосольную, а въ зимнее время свѣжую рыбу, икру, балыки и пр.; изъ полковъ Нѣжинскаго, Стародубовскаго и Черниговскаго являлись съ водкой, конопляными веревками, рогожками и др. товарами.

Также значительны ярмарки были въ г. Стародубѣ; ихъ было двѣ: сборная — отъ первой недѣли поста до четвертой и другая — въ 10-ю недѣлю по Пасхѣ, продолжавшаяся три недѣли. На эти ярмарки пріѣзжали купцы великороссійскіе — московскіе, калужскіе, тульскіе, брянскіе, трубчевскіе, сѣвскіе, путивльскіе,— съ разными московскими товарами, малорусскіе изъ Кіева, Полтавы, Нѣжина и другихъ городовъ съ сукнами-саетами англійскими и дешевыми, съ шелковыми матеріями, парчой, камлотами, англійскими табаретами (каламайками) и драгетомъ (полусукномъ), ситцами, полуситцами и другими иностранными товарами; греки и армяне привозили сукна и разныя матеріи, бумагу и бакалею; изъ Запорожья и Дона привозили „вялую рыбу“, а красную великороссійскіе купцы; изъ степныхъ же мѣстъ пригоняли на продажу скотъ; стародубскіе же раскольники привозили изъ Запорожской Сѣчи соль[2]).

Въ эту группу слѣдуетъ включить и Кролевецкія ярмарки, особенно бывшую на Воздвиженіе креста Господня 14-го сентября; двѣ другія — 6-го декабря и въ день Вознесенія Господня — были незначительны и продолжались одинъ день. Крестовоздвиженская ярмарка продолжалась полторы-двѣ недѣли, на нее съѣзжались великороссійскіе — московскіе, обоянскіе, тульскіе, орловскіе, сѣвскіе, путивльскіе — и малорусскіе — полтавскіе, прилуцкіе, нѣжинскіе, глуховскіе, конотопскіе и др. купцы съ разными матеріями, пушнымъ товаромъ, полотномъ и другими товарами.

[1]) Крашенина — крашеный и лощеный холстъ, обычно синій. Словарь Даля, ч. II, стр. 793.

[2]) Подробности см. Лазаревскій.—Описаніе Старой Малороссіи, т. I, стран. 134—137.

Къ этой же группѣ нужно будетъ причислить ярмарки слѣдующія: во-первыхъ, Миргородскія и Борзенскія. Въ Миргородѣ было 4 ярмарки: въ Средопостную недѣлю, въ день Вознесенія Господня, 8-го сентября и 6-го декабря. На Средопостной и Вознесенской главнымъ образомъ происходила продажа скота; первая продолжалась 4, вторая — 3, а остальныя — по двѣ недѣли. На нихъ являлись какъ великороссійскіе, такъ и малороссійскіе купцы съ разными товарами, но особенно съ водкою, деревянною посудою. Торговля скотомъ и лошадьми была значительна на Крестопоклонной ярмаркѣ, бывшей въ Борзнѣ. Въ Черниговѣ было три ярмарки: Прокофьевская (съ 8-го іюля), Евстафьевская (съ 20-го іюля) и Богоявленская (съ 6-го января), продолжались онѣ дней десять. На эти ярмарки съѣзжалось немного — отъ 20 до 30 купцовъ, больше всего пріѣзжало нѣжинскихъ купцовъ. Въ Прилукахъ было 4 ярмарки: 1-го января, въ первую недѣлю по Воскресеніи Христовомъ, въ Петровъ постъ, 24-го іюля и 26-го октября; сюда нужно причислить и ярмарки, бывшія въ Свято-Троицкомъ Густынскомъ монастырѣ, о Сошествіи Св. Духа и 15-го августа; ярмарки эти продолжались по одной недѣлѣ; пріѣзжали сюда малороссійскіе и великороссійскіе купцы съ разными товарами. Въ мѣстечкѣ Лубнахъ было 4 ярмарки: на масляничной недѣлѣ, на Сошествіе Св. Духа, на Преображеніе Господне и на Покровъ Пресв. Богородицы. На нихъ купцы собирались недѣли за двѣ, разъѣзжались черезъ 3 дня послѣ урочнаго. Являлись купцы какъ великороссійскіе изъ Калуги и Путивля такъ и малороссійскіе изъ Кіева, Нѣжина, Полтавы и др. городовъ съ сукнами и разными матеріями; а также мѣняльщики изъ Путивля, а изъ мѣстечекъ Чернухъ, Путивля и Лохвицъ обыватели съ рыбой; изъ Полтавы же, Лохвицъ, Лукомля, Пирятина и Чернухъ пріѣзжали тендитники съ шитою одеждою и церковными уборами; изъ Коропа, Конотопа, Ямполя везли водку, изъ Кіева, Чернигова, Василькова деготь, а изъ мѣстечекъ Прилуцкаго и Черниговскаго полковъ разную посуду. Главнымъ же образомъ на эти ярмарки пригонялся скотъ изъ полковъ Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. За покупкой этого скота пріѣзжали изъ Великороссіи (Москвы) и изъ Малороссіи (Чернигова, Прилукъ, Роменъ и др.) Въ Гадячѣ мы знаемъ 4 ярмарки: съ 1-го января извѣстная продажею скота и лошадей, 23-го апрѣля (за двѣ недѣли пригонялся рогатый скотъ и овцы, а около 23— лошади), іюня 29-го (за недѣлю пригонялся скотъ, а затѣмъ лошади изъ донскихъ и малороссійскихъ мѣстъ, оканчивалась ярмарка 3-го іюля), и наконецъ четвертая ярмарка была 14-го октября — за недѣлю до ярмарки начиналась продажа рогатаго скота, овецъ, а потомъ лошадей. Оканчивалась ярмарка около 20-го октября. Кромѣ того сюда привозились красные товары, бакалея, водка, деготь, рыба, крымская соль, кожи и пр.

Въ Полтавѣ было 4 ярмарки: на всеѣдной недѣлѣ, 9-го мая, 20-го іюля и 14-го сентября; въ Кіевѣ же — 3 ярмарки: въ среднихъ числахъ февраля, 9-го мая и 15-го августа. Каждая изъ нихъ продолжалась около двухъ недѣль. Пріѣзжали купцы какъ великороссійскіе, такъ и малороссійскіе съ разными товарами.

Въ мѣстечкѣ Чернодубровѣ изъ 3 ярмарокъ выдающейся была 23-го апрѣля, продолжавшаяся недѣлю. Торговали главнымъ образомъ скотомъ. Такого же характера была ярмарка и въ мѣстечкѣ Еремѣевкѣ на всеѣдной недѣлѣ.

Въ Переяславлѣ было три ярмарки: 6-го января, „Десятуха“ (въ 10-ю пятницу), и 1-го сентября; каждая по двѣ недѣли. Пріѣзжали изъ разныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ купцы съ различными товарами, а изъ сотенныхъ мѣстечекъ Конотопа, Опошни, Коропа, Березной съ рогатымъ скотомъ, лошадьми, овцами и деревянною посудою. Въ Пирятинѣ мы знаемъ 4 ярмарки: на крестопоклонной недѣлѣ, о Вознесеніи Господнемъ, о Рождествѣ Богоматери и 24-го октября; въ мѣстечкѣ Лохвицахъ — 4 ярмарки: на всеѣдной недѣлѣ, на преполовеніе іюля 8-го и 20-го сентября. На эти ярмарки пріѣзжали великороссійскіе и малороссійскіе купцы съ красными, желѣзными, кожаными товарами, съ деревянной посудой и другимъ товаромъ.

Въ мѣстечкѣ Камышной было три ярмарки: на вербную недѣлю, въ десятую пятницу и Дмитріевская, продолжались онѣ недѣли по двѣ; въ мѣстечкѣ Опошнѣ — 4 ярмарки: Проводская на Ѳоминой недѣлѣ, десятопятницкая въ Петровъ постъ, 6-го августа и Димитріевская. На этихъ ярмаркахъ помимо продажи разнообразныхъ товаровъ происходила продажа скота и лошадей. Продажа скота была и на ярмаркахъ въ мѣстечкѣ Хоролѣ, которыхъ было 4: 9-го мая, 29-го іюня, 15-го августа и 21-го ноября, и въ мѣстечкѣ Конотопѣ, гдѣ было 3 ярмарки: 23-го апрѣля, 15-го августа и 21-го ноября. Въ мѣстечкѣ Решетиловкѣ мы знаемъ 4 ярмарки: въ послѣднихъ дняхъ свѣтлой недѣли (продолжалась три недѣли), въ недѣлю Сошествія Св. Духа, 1-го августа и 21-го ноября, послѣднія три продолжались по 5 дней. Сюда пріѣзжали купцы великороссійскіе и малороссійскіе съ сукнами, шелковыми матеріями, разными мѣхами, крашениною, холстомъ, разною посудою, съ яловичьими и красными кожами и др.

Въ остальныхъ селеніяхъ старой Малороссіи повсюду бывали ярмарки или ярмарочные дни, пріуроченные къ праздничнымъ днямъ, обыкновенно храмовымъ: на день пр. Прокопія, Іоанна Богослова, пророка Иліи, Сошествія Св. Духа, св. Николая и пр.

Ярмарки, какъ мы видимъ, оживляли собой промышленность края, вызывали усиленный обмѣнъ разнообразныхъ продуктовъ какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности. Поэтому къ устройству ярмарокъ часто прибѣгало правительство какъ къ искусственному средству для оживленія промышленности и торговли края. Послѣ завоеванія Азова для развитія черноморской торговли Петръ Великій въ 1701 году уничтожилъ Московскую и Свинскую ярмарки, а греческихъ и малорусскихъ купцовъ приглашалъ ѣздить на ярмарку въ Азовъ[1]). Когда въ половинѣ XVIII столѣтія русское правительство хлопотало объ оживленіи торговли съ Турціей, то резиденты въ Константинополѣ указывали какъ на вѣрное средство — на открытіе ярмарки на югѣ Россіи[2]). На ярмаркахъ совершались всѣ коммерческія сдѣлки; сроки долговыхъ обязательствъ опредѣлялись ярмарками, а товаръ отпускался въ кредитъ на одной подъ условіемъ уплаты денегъ на другой. Поэтому во время

[1]) Пол. Соб. Зак., т. IV, № 1826 и № 1840.

[2]) Сборникъ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Вып. 3 и 4. М. 1883 г. „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в. „Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса“, стр. 92, 102, 104.

ярмарокъ обыкновенно производился разсчетъ по векселямъ. Петръ Штука занялъ 400 руб. съ условіемъ уплатить половину на Роменской ярмаркѣ, а половину на Средопостной въ Нѣжинѣ и въ крайнемъ случаѣ во время Борзенской[1]). Македонскій купецъ Иванъ Гребенжа занялъ „на обликъ" 765 руб. съ обязательствомъ уплаты на Михайловской Роменской ярмаркѣ[2]). Петръ Дмитріевъ взялъ 870 руб. съ уговоромъ отдать половину во время Роменской, а другую — Борзенской ярмарки[3]). Ярмарки вообще являлись мѣстомъ стеченія народа; поэтому къ ярмарочному времени пріурочивались событія, которя по тогдашнимъ понятіямъ требовали особенной гласности, напр. казнь преступниковъ[4]).

Какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ Малороссіи греки принимали очень дѣятельное участіе. Мы знаемъ, что Малороссія въ сношеніяхъ греческаго міра съ другими странами не была конечной, а представляла транзитную страну; поэтому въ Малороссіи перекрещивались пути греческой торговли, а послѣдняя захватывала значительный раіонъ: сюда входили Россія съ Москвой, Петербургомъ, Макарьевской ярмаркой и далекой Сибирью, Турція, Персія, Польша, Германія, Австрія и Италія[5]). Изъ Сибири черезъ руки грековъ шли пушные товары, изъ Астрахани и Поволжья мерлушка и красная рыба, изъ Гданска всевозможныя сукна, изъ Кенигсберга шелковые шерстяные французскіе и нѣмецкіе товары, изъ Италіи преимущественно шелковые, изъ Турціи шелкъ сырецъ и вареный, кумачи, хлопчатая бумага, жемчугъ, вино, пряности, а также все, что извѣстно подъ именемъ бакалеи, изъ Венгріи черезъ Польшу венгерское, а изъ Молдавіи и Валахіи волошское бѣлое и красное вино, грецкіе орѣхи, чернословъ, виноградъ, и пр., изъ Галиціи соль въ ступкахъ, изъ Австріи косы[6]). Изъ Малороссіи въ Данцигъ, Кенигсбергъ, Силезію (Бреславль) и Вѣну отвозили воскъ, красную юфту и все то, что извѣстно подъ именемъ малороссійскаго товара[7]), въ Турцію — пушной товаръ[8]). Разъѣзжая почти по всей Европѣ, греки вездѣ имѣли знакомства и торговыя связи: въ Царьградѣ, Бреславлѣ, Гданскѣ, Лейпцигѣ, Венеціи, Вѣнѣ и другихъ городахъ[9]).

---

[1]) Х. И. Арх. Мал. Кол. № 4933.

[2]) Ibid. № 12037.

[3]) Ibid. № 4933. См. также Ист. Фил. Инст. кн. Безбородки. М. Арх. Мин. Юст.

[4]) Рум. Муз. Отд. рукописей. Д. Марковича № 2278.

[5]) Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1715 г. № 7, № 8, № 13, 1716 г. № 19, 1717 г. № 19. Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 22804 и пр.

[6]) Шафонскій Описаніе Черниговскаго намѣстничества, стр. 478—479. Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 5708 и др. Въ 1715 году встрѣчаемъ извѣстіе о торговомъ человѣкѣ грекѣ Дмитріи Хаджи, умершемъ въ Сибири въ Тобольскомъ (Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1715 года № 11). Въ 1762 году 5 января нѣжинскій грекъ Афанасій Ивановъ Артиновъ въ г. Иркутскѣ обязался своему приказчику Колодѣеву по прибытіи въ Нѣжинъ уплатить ему за его труды за исключеніемъ всѣхъ издержекъ 250 руб. (Арх. Греч. Брат. при Ист. Фил. Инст. кн. Безбородка). Грекъ Петровъ въ 1712 году везетъ изъ Астрахани въ Архангельскъ шелкъ-сырецъ (Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1712 г. № 19).

[7]) Грекъ Маркачанъ въ 1760-хъ годахъ за одинъ разъ везетъ между другими товарами 411 пуд. воску (Арх. Ист. Фил. Л. кн. Безбородка). Красную юфту за границу въ 1765 году отпускаетъ Ананій Мораитъ (Х. И. А. Д. М. Кол. № 4560).

[8]) Х. И. А. Д. М. Кол. № 5708. А. И. Ф. Л. кн. Безбородка.

[9]) Корреспондентъ Голюнки Кори въ Бреславлѣ (Х. И. А. Д. М. К. № 15834). Мантовъ ведетъ корреспонденцію съ купцами Венеціи, Вѣны, Царьграда, Ясъ и др. городовъ (ibid. № 16314).

Ужъ изъ этого бѣглаго обзора мы можемъ заключить о большомъ разнообразіи греческой торговли. Скажемъ нѣсколько словъ, насколько намъ позволяютъ имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, о каждой статьѣ этой торговли. На первомъ мѣстѣ поставимъ мануфактурную и галантерейную: торгующихъ мануфактурными и галантерейными товарами грековъ было самое большое количество. Греки привозили: во-первыхъ, всевозможнаго рода шелковыя матеріи: китайки разнаго достоинства — хатаи, цѣнившаяся въ 30-хъ годахъ XVIII ст. 40 коп. локоть, хатаи венецкая—локоть 1 руб. 20 коп., табень—локоть 1 руб. 45 коп.; канавацъ[1]) — локоть 70 коп., адамашкой[2]) торговали по 60 и 80 коп. за локотъ, бѣлокосъ[3]) продавался по 80 коп., атласъ[4]) — по 70 коп., тафта[5]) — „венецкая" цѣнилась по 65 коп., аксамитъ[6]) обыкновенный по 1 руб. 20 коп., „венецкій" по 2 руб. 60 коп. Ткани эти были разнообразныхъ цвѣтовъ: канавацъ „гвоздиковый, бураковый"; „бѣлокосъ червоный", „атласъ клѣтчастый червоный", „штофъ[7]) французскій желтый, пепелястый"; полушелковыя ткани привозились: кутня[8]) по 5 руб. штука, полуштофъ — блакитный, желтогронцій, зеленый — локоть по талеру. Златотканныя ткани были: златоглавъ[9]) локоть по 1 руб. 60 коп., 2 руб. 40 коп., 3 руб., парча по 70 коп., 1 руб. 30 коп. Сукна привозили греки и толстыя и тонкія различныхъ цвѣтовъ и достоинствъ[10]). Въ громадномъ количествѣ привозили греки изъ Турціи кумачи[11]). Кумачи связывались въ кипы, по 150 штукъ въ каждой. О стоимости этого товара мы можемъ судить изъ памятной записки грека Юрія Кириловича 1753 года 750 кумачей называемыхъ дунлуками, некрашеныхъ стоитъ 1750 левковъ, по 280 аспръ штука[12]); 750 кумачей меньшей руки некрашеныхъ — 888 левковъ 60 аспръ — по 142 аспры штука. За окраску уплачено 575 левковъ по 46 аспръ за штуку. За ярлыкъ въ таможню, за обертки — хлопчатую бумагу, веревки на упаковку — 62 лев. 40 аспръ т.-е. около 5 аспръ на кумачъ. За провозъ отъ Турнави до Нѣжина, на волошскую пошлину, польское мыто и пр. расходы приходилось на всякую кипу по 46 левковъ, а за 10 кипъ — 460 левковъ[13]). т.-е. штука кумачу „дунлукъ" въ Нѣжинѣ купцу стоила 1 руб. 84 коп., а штука простого кумачу 1 руб. 15 коп.

---

1) Шелковая цвѣтная узорчатая ткань. Толковый Словарь живаго великорусскаго языка Даля, ч. II, стр. 700.

2) Одноцвѣтная травчатая шелковая ткань. Словарь церковно-слав. и рус. яз. сост. Имп. Ак. Наукъ С.-Пб. 1867 г., т. I, стр. 5.

3) Шелковая ткань съ травами и разводами Слов. Даля, ч. I, стр. 138.

4) Плотная шелковая ткань съ лоскомъ ibid., ч. I, стр. 24.

5) Гладкая, тонкая шелковая ткань (ibid. ч. IV. стр. 359).

6) Бархатъ (ibid., ч. I, стр. 7).

7) Штофъ шелковая, плотная ткань обычно съ разводами (ibid., ч. IV, стр. 590).

8) Полушелковая азіатская ткань аладжи (ibid., ч. II, стр. 831).

9) Златотканный Stoff. (Желяховскій. Малорусско-німецк. Слов. Львовъ, стр. 302).

10) Греченинъ Мануйла Мориновъ въ 1692 году пріѣхалъ въ Сѣвскъ (изъ Царьграда вышелъ лѣтъ 8 и живетъ въ Нѣжинѣ и привезъ сукно и златоглавъ (Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7200 г. № 13.

11) Изъ Нѣжина греки Павелъ Ананьинъ и Параскева везутъ въ Москву нѣсколько тысячъ кумачей, кипу бумаги красной, 40 килимовъ (ковровъ), нѣсколько десятковъ шелковыхъ поясовъ, шолку Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1705 г. № 10. Кумачъ — простая бумажная ткань. Толков. Словарь Живаго великорусскаго языка Даля, ч. II, стр. 822.

12) Левкъ = 120 аспръ. Левкъ = 60 коп.

13) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.

Греки привозили разнаго рода галантерейные товары. Одинъ изъ распространенныхъ видовъ галантереи нужно считать пояса „сутие“ въ различную цѣну: 10 руб., 5 руб., 3 руб. 60 коп. штука; крымскіе — по 70 коп., шелковые цареградскіе по 1 руб. и по 1 руб. 20 коп., „полденные“ — по 2 руб., тисенецкіе — по 1 руб., полушалевые, брусковые по 1 руб. 20 коп., „блуняные“ — по 1 руб. 20 коп., — верблюжіе малой руки — по 20 коп. большой руки — по 50 коп., атласковые по 1 руб., хиляловые — по 50 коп., „брюшина“ малые — по 80 коп.; затѣмъ слѣдовала заполочь разныхъ цвѣтовъ, которая была въ большомъ употребленіи въ Малороссіи; заполочь была шелковая и бумажпая: македонская — стоила кипа 19 руб., адріанопольская — торба 16 руб. 50 коп. Греки привозили заполочь въ значительномъ количествѣ — Анастасій Казнаферъ и Захарій, нѣжинскіе греки, купили красной бумажной пряжи на 4707 руб. 60 коп.[1]), у турецкаго подданнаго, купца Апостола; у Адама Мецовита имѣлось: шелку желтаго чернаго и краснаго 181½ фунт., бумаги пряденой красной адріанопольской двѣ торбы съ половиною[2]). По реестру 1733 года фунтъ червоной заполочи цѣнился копа = 50 коп.[3]). Хлопчатая бумага повидимому доставлялась греками въ Малороссію въ достаточномъ количествѣ, такъ, изъ сложенной турецкимъ подданнымъ Христомъ Георгіевымъ Бурмахчи въ погребѣ нѣжинскихъ грековъ Евстафія Прицикапы и Дементія Аверина хлопчатой бумаги было похищено болѣе 800 пудовъ, пудъ этой бумаги онъ цѣнилъ по 8 руб.[4]).

Галстухи: бѣлые съ золотыми концами по 1 руб. 20 коп.; чулки мужскіе, женскіе и дѣтскіе; перчатки: лосиныя — серебромъ и золотомъ обложенныя, лайковыя; шапки; шляпы (напр. женская шляпа бархатная зеленая съ позументомъ 8 руб.[5]); трости; пуговицы разнообразныя, сорочки (полдюжины голландскаго полотна мужскихъ стоили 32 руб.[6]) и пр.; всѣ эти товары привозились греками въ значительномъ количествѣ. Привозились платки полушелковые по 1 руб. 10 коп., по 1 руб. 5 коп. дюжина; „полугранатурные“ по 3 руб. 50 коп.; шелковые разной цѣны 1 руб. 25 коп., 1 руб. 60 коп. 1 руб. 90 коп. дюжина[7]); платки выбойчатые, платки серебромъ и золотомъ шитые[8]); платки бумажные по 23 коп. и пр. Сюда же мы присоединимъ и торговлю полотномъ: по вѣдомости 1769 года, мы встрѣчаемъ грека Семена Иванова Галацова спеціально торгующаго полотномъ[9]); обыкновенно же мануфактурщики и галантерейщики торговали и полотномъ, такъ среди мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ купца Евстафіева находимъ 3½ кипы Швабскаго полотна по 8 руб. 50 коп.[10]).

---

[1]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.
[2]) Х. И. А. Д. Мал. № 3315 (1755 г.).
[3]) Ibid, № 4933.
[4]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.
[5]) Ibid. № 23069.
[6]) Ibid.
[7]) Г. А. М. Ю. Д. Чер. Пал. Угол. Суда Оп. 5 Вяз. XI № 146.
[8]) Хустка нѣмецкая легкая 30 коп.
[9]) Х. И. А. М. К. № 4560. Арх. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородки.
[10]) Арх. Мин. Юст. Оп. 5. Вяз. XI № 146.

Многіе товары греки пріобрѣтали отъ евреевъ. Среди писемъ нѣжинскаго грека Петрицы мы нашли реестръ товаровъ, пріобрѣтаемыхъ отъ евреевъ. Для большей наглядности приведемъ этотъ реестръ[1]).

„Реестръ на разніи товары, что по какой цѣнѣ покупается отъ жидовъ.

Тафти фіоренскіи локоть	по	—	руб.	60	коп.
Гранитури, чтоб були чистой работи		—	„	42	„
Сукна французскіе локоть	по	—	„	106	„
Алое сукно, ежели очень хорошее	„	—	„	150	„
Сукни корновые штука	„	14	„	—	„
Полотна швабскія штука отъ 6 руб. до 7 руб. (въ половинкахъ ежели тонки і	до	8	„	—	„
Бархати, ежели очень хорошіе, нисніе	по	1	„	80	„
Канифасы ежели самые бѣліе без цвѣтковъ отъ 3 до 4 руб. і чтоб были тонкіе.					
Чулки валені мускіе розніх цвѣтовъ хорошіе дюжина	по	7	„	50	„
Чулки женскіе валеніе розніе дюжина		5	„	50	„
Рукавицы валені, ежели очень хорошіе, розних цвѣтовъ дюжина	по	2	„	75	„
Рукавици тепліе замшовіе с пальцами розних цвѣтовъ дюжина	„	6	„	50	„
Ленті коповые называются, чтоб больше аліх было, штучка	„	—	„	46	„
Флареті илі полуедвабних стіонжки, чтоб било больше рябих и чорніх штука		—	„	27	„
Бархатці такимъ манеромъ на доскахъ чорніе, чтобъ не білі рѣдкие, штука		—	„	80	„

Въ нашемъ распоряженіи имѣется описаніе товаровъ мануфактурной лавки. Описаніе это относится къ 1767 г. и представляетъ образчикъ подобной лавки второй половины XVIII ст.[2]).

Привозя въ Малороссію или вообще въ Россію вышеупомянутые товары, греки въ замѣнъ ихъ вывозили пушной товаръ. Мѣха, съ одной стороны, какъ предметъ необходимости, съ другой какъ предметъ роскоши, находили хорошій сбытъ, почему торговля мѣхами являлась очень выгодной и ей приходится отвести видное мѣсто. По вѣдомости 1765 г. болѣе 30 человѣкъ изъ нѣжинскихъ грековъ занимались пушной торговлей. Нѣкоторые изъ этихъ купцовъ не вели торгъ спеціально мѣхами, но торговали и другими разнообразными товарами, напр. Курбаногловъ торгуетъ мѣхами, табакомъ и виномъ[3]). Часто греки составляли компанію: нѣжинскій житель грекъ закупалъ въ Россіи мѣха, выдѣлывалъ ихъ и отправлялъ въ Турцію, гдѣ его компаніонъ продавалъ и слѣдуемую часть изъ вырученной суммы пересылалъ въ Нѣжинъ. Деньги передавались обыкновенно чрезъ купцовъ же, ибо иная передача при путяхъ сообщенія того времени была немыслима[4]).

[1]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1746 г. № 4.

[2]) Для большаго удобства описаніе это привожу въ приложеніи. См. приложеніе № 2.

[3]) Арх. Мин. Юст. Оп. 7 Вяз. 7 № 234.

[4]) Х. И. А. М. Кол. № 3313.

Въ нашемъ распоряженiи находится нѣсколько реестровъ пушного товара. Для большаго знакомства съ этой отраслью торговли мы приведемъ нѣкоторые изъ реестровъ. Грекъ Анастасiй Казнаферъ продалъ турецкому подданному Апостолу[1]):

28 сороковъ козацкихъ горностаевъ	224	руб.	—	коп.
66 „ барабинскихъ горностаевъ	660	„	—	„
10 связокъ норокъ по 27 руб.	270	„	—	„
90 вязокъ ластокъ по 2 руб. 25 коп.	198	„	—	„
46 рысьихъ кожъ по 6 руб. 50 коп.	299	„	—	„
65 козацкихъ лисицъ по 2 руб. 50 коп.	162	„	—	„
600 паръ лисьихъ душекъ по 1 руб. 80 коп.	1080	„	—	„
25 черныхъ хорьковъ каждая связка по 8 руб.	200	„	—	„
1000 паръ черныхъ кошекъ каждая сотня по 19 рублей	190	„	—	„

Кромѣ этого въ долгъ продано:

4000 черныхъ и пестрыхъ кошекъ по 19 руб. сотня	760	„	—	„
400 паръ лисьихъ душекъ пара 1 руб. 80 коп.	720	„	—	„
6000 зеленскихъ бѣлокъ тысяча по 27 руб.	162	„	—	„
1000 простыхъ бѣлокъ сотня по 40 руб.	400	„	—	„

Захарiй Красной продалъ тому же купцу:

60 сороковъ козацкихъ горностаевъ	495	„	—	„
1 сорокъ норокъ	42	„	—	„
212 сороковъ ластокъ козацкихъ по 2 руб. 25 коп.	470	„	—	„
213 ....[2]) каждая сотня по 85 руб.	171	„	—	„
6 сороковъ черныхъ тхоровъ по 8 руб.	48	„	—	„

Продано въ долгъ:

3000 простыхъ бѣлокъ сотня по 42 руб.	1260	„	—	„
33 сорока пестрыхъ хорковъ по 8 руб.	264	„	—	„

Реестръ задержанныхъ въ Нѣжинѣ у Θеодосiя Шатiя пушныхъ товаровъ въ 1744 г.[3]):

95 сороковъ 10 горностаевъ по 7 руб. 14 коп.	689	руб.	—	коп.
44 сорока 30 горностаевъ по 7 руб. 60 коп.	340	„	—	„
10 сороковъ горностаевъ по 7 руб. 75 коп.	77	„	—	„
3 пуда струй бобровихъ по 70 руб.	210	„	—	„
3 сорока соболей „самихъ добрихъ“	2142	„	46	„
150 разсомаховыхъ кожъ по 1 руб. 80 коп.	270	„	—	„
40 волковъ тарханскихъ по 6 руб.	240	„	—	„
12 барсовъ	100	„	—	„
179 Волковъ сибирскихъ по 3 руб. 55½ коп.	636	„	50	„

[1]) Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1757 г. № 2.
[2]) Слово не разобрано.
[3]) Х. И. А. Мал. Кол. № 12562.

15 мѣховъ лисьихъ черевъ по 16 руб.	240 руб.	—	коп.
8 мѣховъ хребтовыхъ сибирскихъ бѣлокъ по 11 руб.	88 „	—	„
8 мѣховъ песцовыхъ сибирскихъ (голубыхъ) по 2 руб.	16 „	—	„
1 пудъ кабаргину	150 „	—	„

Когда были убиты гайдамаками приказчики греческихъ купцовъ, отправленные въ Турцію съ товарами, то по реестру, представленному купцами слѣдующіе мѣховые товары оказались заграбленными[1]):

Θеодора Пасхаліева.

33 сорока и 30 горностаевъ по 10 руб. сорочокъ . .	337 руб.	50	коп.
15 футеръ черниxъ бѣлокъ сибирскихъ по 15 руб. . .	225 „	—	„
41 „песцовъ“ бѣлыхъ по 1 руб. 40 коп.	57 „	40	„
10 паръ душекъ песцовыхъ.	14 „	—	„
10 хутеръ тхоровыхъ бѣлыхъ по 3 руб.	30 „	—	„
6 хутеръ кошачьихъ черныхъ по 5 руб.	30 „	—	„

Юрія Алексѣевича.

12 паръ соболей.	450 „	—	„
200 кошекъ черныхъ по 20 коп.	40 „	—	„
520 тхоровъ бѣлыхъ по 8 коп.	41 „	60	„
одно хутро кошачье черное.	4 „	—	„

Хаджи Димитрія Иванова Кромиды.

13 рысей по 7 руб.	91 „	—	„
13 корсаковъ по 90 коп.	11 „	70	„
18 тхоровъ черныхъ по 20 коп.	16 „	—	„
18 „ бѣлыхъ по 8 коп.	1 „	44	„
2 песцовъ бѣлыхъ по 1 руб. 40 коп.	2 „	80	„
12 кошокъ черниxъ по 20 коп.	2 „	40	„

Ризы Стеріева.

2 сорочка и 10 горностаевъ по 10 руб. сорочекъ . .	22 „	50	„
90 кошокъ черныхъ по 20 коп.	18 „	—	„
2500 бѣлокъ по 50 руб. 1000.	125 „	—	„

Деміана Ламброва.

1100 бѣлокъ по 50 руб. 1000.	55 „	—	„
3 пары соболей	110 „	—	„

Ананія Критова.

285 паръ лисьихъ душекъ по 1 руб. 75 коп. пара. .	498 „	75	„

[1]) М. А. Мин. Юст. ibid. Оп. 4 Вяз. V № 79.

Ивана Дмитріева.

7 хутеръ горностаевыхъ по 30 руб.	210	руб.	—	коп.
4 хутра черной бѣлки по 20 руб.	80	„	—	„
2 хутра „сибѣрскихъ бѣлокъ“ по 15 руб.	30	„	—	„
3 „винчури волчьихъ“ по 20 руб.	60	„	—	„
4 „хутры лапчатихъ кунѣхъ“ по 18 руб.	72	„	—	„
4 „хутри чернихъ тхоровихъ лапчатихъ“ по 12 руб.	48	„	—	„
9 паръ душки лисьей по 2 руб.	18	„	—	„
5 хутеръ „лисичьихъ“ по 12 руб.	60	„	—	„
5 хутеръ бѣлокъ казанскихъ по 12 руб.	60	„	—	„
3 „ „с черевъ бѣлячихъ бѣлих“ по 4 руб.	12	„	—	„
3 „ „с черевъ бѣлячих же“ по 3 руб.	9	„	—	„
3 „ „бѣлячихъ заднихъ лапокъ“ по 4 руб.	12	„	—	„
Зъ тридцати куницъ лапокъ	8	„	—	„
полтора хутра лисичьяго	18	„	—	„[1]
одно хутро лисее лобковое	6	„	50	„

Юрія Спиридонова.

Одно хутро черное тхоровое	18	„	—	„
4 „ лапчатии собольи	280	„	—	„
4 „ лапчатии кунѣи	80	„	—	„
1 „ череве соболе доброе	200	„	—	„
4 сороки пупковъ соболевихъ по 20 руб.	80	„	—	„
220 смушковъ булгарскихъ по 4 руб.	880	„	—	„
4 хутри лисѣх лобкових по 5 руб.	20	„	—	„
2 хутри бѣлячихъ черевъ по 2 руб.	4	„	—	„
6 фунтовъ обрѣзковъ кунѣхъ по 5 руб.	30	„	—	„
6 фунтовъ обрѣзковъ собольихъ по 20 руб.	120	„	—	„
4 сорока лапокъ соболевихъ по 15 руб.	60	„	—	„
6 сороковъ лапокъ кунѣхъ по 6 руб.	36	„	—	„
10 штучокъ китайки ламской по 2 руб. 50 коп.	25	„	—	„[2]
1 пара душокъ лисьихъ	2	„	—	„

[1]) Здѣсь же прибавлено:

1 пудъ сахару	9	руб.	—	коп.
6 фун. чаю жулану 2 руб.	12	„	—	„
12 штучекъ китайки ламской по 2 руб. 50 коп.	30	„	—	„
„Разнаго оружа“ на	100	„	—	„

[2]) Кромѣ того:

10 фун. чаю жулану по 2 руб.	20	руб.	—	коп.
3 ефеса шабелнихъ съ костѣ рибячой по 2 руб. 50 коп.	7	„	50	„
1 поясъ персидской и шапка з смушкомъ булгарскимъ	14	„	50	„
1 икона Богородична на древѣ да двѣ бляшнихъ иконъ	18	„	—	„
50 кошелковъ денежныхъ и 3 юхты	9	„	—	„
Нитокъ разнихъ цвѣтовъ	7	„	—	„

Ивана Папазафѣри.

13 сорочковъ горносталей по 10 руб. сорочекъ	130 руб.	—	коп.
170 паръ душекъ лисьихъ по 1 руб. 80 коп.	306 „	—	„
18 песковъ бѣлихъ по 1 руб. 40 коп.	25 „	20	„
3 пари соболей цѣлихъ по 40 руб.	120 „	—	„
250 бѣлокъ „теленгуцкой“ по 18 коп.	45 „	—	„

Ивана Гребенжи.

3 хутра лисѣхъ завоекъ самихъ лутчихъ	750 „	—	„

Константина Киркова.

3 хутра лобковихъ песковихъ белихъ	90 „	—	„

Алексѣя Стефанова Кромиды.

160 кошекъ черныхъ по 20 коп.	32 „	40	„
7 хутеръ бѣлячихъ по 10 руб.	70 „	—	„
7 хутеръ черевихъ бѣлячихъ по 2 руб. 40 коп.	16 „	80	„
3 хутра сандрачевихъ бѣлячихъ по 3 руб.	9 „	—	„
2 хутра черевихъ бѣлячихъ бѣлихъ по 6 руб.	12 „	—	„
1 хутро перевязковое	12 „	—	„
3 хутра горностаевихъ по 30 руб.	90 „	—	„
1½ футри тхоровъ бѣлихъ	5 „	—	„
½ хутри „кошачьего“	1 „	80	„
200 тхоровъ бѣлихъ по 8 коп.	16 „	—	„
12 перевязокъ по 15 коп.	1 „	80	„
10 тхоровъ французскихъ самихъ плохихъ по 4 коп.	— „	40	„ [1])

Его жь Алексѣя Кромиды.

11½ хутеръ ласичихъ по 15 руб.	172 „	50	„
2 хутри черниxъ тхоровихъ	36 „	—	„
Шесть хутеръ тхоровъ белихъ и шесть (?)	33 „	—	„
12 корсаковъ по 90 коп.	10 „	80	„
21 перевязка по 15 коп.	3 „	15	„
1 пара соболей простихъ и пара куницъ	5 „	—	„
81 куница по 80 коп.	64 „	80	„
143 тхори белихъ по 8 коп.	11 „	44	„
Одно хутро сандрачовое бѣлячее	3 „	—	„
2 хутри „горносталевихъ“ по 30 руб.	60 „	—	„

[1]) Кромѣ того:

Сѣдло со всѣмъ уборомъ	15 руб.	—	коп.
Одна пара пистолетовъ венецкихъ	13 „	—	„
Одна оружина	9 „	—	„
Часи карманные широкозлотные (?)	55 „	—	„

Такіе же мѣха какъ бѣличьи продавались и покупались греками десятками тысячъ. Такъ, въ 1689 г. царегородецъ Юрья Леонтьевъ купилъ въ Москвѣ нѣсколько тысячъ бѣлокъ, которыя и везъ въ Малороссію[1]). Николай Метакса въ 1744 г. отъ москаля Михаила Шереметцова принялъ въ долгъ 19000 простыхъ бѣлокъ за 748 руб. 20 коп. и отъ москаля Журавлева 45235 простыхъ бѣлокъ по 51 руб. тысяча. Вмѣсто 45235 платить условлено было только за 44685 штукъ (по 51 руб. тысяча всего 2278 руб. 93 коп., при этомъ было куплено 486 сороковъ ласокъ по 1 руб. 40 коп. всего на сумму 680 руб. 40 коп. Эти бѣлки и ласки Метаксой были проданы (1744 г. 10 апр.) въ г. Лоевѣ жиду Лейбѣ Шкловскому: 64235 бѣлокъ по 56 руб. тысяча съ уплатой только за 63735, всего за 3570 руб., 486 сороковъ ласокъ по 1 руб. 75 коп. съ уплатой за 480, всего за 840 руб.[2]). Въ числѣ заграбленныхъ у грековъ гайдамаками мѣховыхъ товаровъ „не явилось 15000 бѣлки по 40 руб. тысяча“[3]).

Покупаемые греками мѣха въ г. Нѣжинѣ выдѣлывались греками скорняками и выдѣланные отправлялись въ Турцію, поэтому въ Нѣжинѣ мы находимъ нѣсколько грековъ скорняковъ.

Греки, нужно замѣтить, считались въ то время отличными скорняками. Такъ въ 1739 г. изъ Москвы въ Петербургъ были высланы греки какъ лучшіе скорняки[4]). Сколько приходилось грекамъ платить за выдѣлку мѣховъ въ Нѣжинѣ, мы указаній не встрѣтили, имѣемъ только свѣдѣніе, что въ Москвѣ скорняки мѣщанской слободы въ 1687 г. подрядились у грека Леонтія съ товарищами сдѣлать 1000 лисицъ и 2000 бѣлокъ съ платой за работу со ста лисицъ по 2 руб. и съ 1000 бѣлокъ по полтора[5]).

Слѣдующей отраслью греческой торговли было все то, что у насъ извѣстно подъ именемъ бакалеи и колоніальныхъ товаровъ: чай, сахаръ, кофе, волошскіе и грецкіе орѣхи, черносливъ, лимоны, рисъ, миндаль, фиги, финики, маслины, изюмъ, коринка, ладонъ, высушенныя и засахаренныя лимонныя и апельсинныя корки, персики, абрикосы и виноградъ (частью въ видѣ сироповъ, частью въ видѣ настоекъ), каракатица, морской паукъ, котораго греки называютъ octopus и въ постное время употребляютъ какъ лакомство[6]) и пр.

Братчиковъ, торгующихъ бакалеею въ 1765 г., мы знаемъ слѣдующихъ: Михайла Садовникова, Федора Петрова Волкова, Лукіана Евстафіева, Кирика Димитріева, Ризу Иванова Турнавита, Хаджи Петра Иванова, Ивана Папазула, Константина Димитріева, Димитрія Петрова, Христофора Юріевича, Юрія Эндренелія, Николая Петрова Полинковскаго (болгарина), Ивана Димитріева Сталѣвскаго (болгарина), Сандула Николаева (волоха)[7]).

[1]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7197 г. № 9.
[2]) М. Ар. Мин. Юст. ibid. Оп. 5 вяз. XI № 146.
[3]) Ibid. Оп. 4 вяз. V № 79.
[4]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1739 г. № 2.
[5]) Ibid д. Мал. 1687 г. № 18.
[6]) Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ. Кіев. Стар. 1893 г. т. XL ст. 434. Гильденштедтъ бывшій въ Нѣжинѣ въ октябрѣ (13—15) 1774 г.
[7]) Х. И. А. Мал. Кол. № 4560.

Къ бакалеѣ нужно присоединить торговлю табакомъ. Греки торговали какъ простымъ малороссійскимъ табакомъ, такъ и турецкимъ: грекъ Христо Кирьяновъ въ 1733 г. принялъ отъ грека Петра Штуки тютюну 10600 папушъ по 90 коп. сотня; въ 1752 г. нѣжинскій грекъ Полушка везетъ на продажу турецкій табакъ; у Курбаногла между различнымъ товаромъ находилось 100 пуд. турецкаго табаку; а въ Нѣжинѣ мы знаемъ грековъ Дмитрія Дмитріева и Янія Михайлу Дамалу, спеціально торгующихъ табакомъ[1]).

Одной изъ важныхъ статей греческой торговли являлась винная. Малороссы того времени были усердные потребители спиртныхъ напитковъ во всѣхъ видахъ. Ни одна дружеская бесѣда, ни одно семейное и общественное торжество не обходилось безъ того, чтобы гости не разошлись не „подпилые“[2]). Наше выраженіе быть на „чашкѣ кофе“, „съ визитомъ“ замѣнялось у малороссовъ того времени „быть на водкѣ“[3]). Въ число накопленнаго добра — „мѣховъ, атласовъ, серебра“ — у старшинъ входили запасы вина, водки и наливки[4]). Изъ винъ были распространены волошское, венгерское и крымское. Венгерское въ половинѣ XVIII ст. на Руси играло такую же роль, какъ потомъ шампанское[5]). Главными посредниками въ торговлѣ этими винами были греки, которые развозили его цѣлыми бочками, отправляя изъ Малороссіи въ Москву и другіе города[6]). Нѣжинскій грекъ Лазаревъ черезъ Васильковъ въ 1744 г. везетъ съ 24 фурманщиками 12 бутъ волошскаго вина[7]). Кіевскій грекъ Антонъ Крамаренко изъ Могилева везетъ 11 бутъ вина[7]). Грекъ Маргаритъ Дмитріевъ изъ Нѣжина на Сумскую ярмарку въ февралѣ 1760 г. отправляетъ 3800 квартъ волошскаго вина[8]). Молдавскихъ винъ во второй половинѣ XVIII в., по словамъ Гильденштедта, въ Нѣжинъ ежегодно ввозилось на 50000 рублей[9]).

Въ актахъ мы находимъ данныя о стоимости волошскаго вина. Бута его, напр., стоила въ 1760 г. съ провозомъ изъ Одубешта въ Нѣжинъ[10]):

За буту (посуду)	6	левовъ	66	асприъ
За вино	70	„	—	„
Ведрарито индукта старостію Крицулію	32	„	60	„
Прокалабіи и переправы черезъ Прутъ и Шеретъ	2	„	70	„
Въ Сороцѣ дополненіе переправки и бешлнаги	13	„	—	„
За напаръ въ Сороцѣ вторую индукту	2	„	40	„

---

[1]) Х. И. А. Мал. Кол. № 4933, № 15826, № 4560. Г. М. А. М. И. Д. дѣл. греч. 1752 г. № 3. Арх. Мин. Юст. Оп. 5 вяз. XIII № 165. Арх. Ист. Фил. Инст. кн. Безбор.

[2]) Дневн. Зап. Як. Марковича.

[3]) Дневн. Ханенка.

[4]) Дневн. Зап. Як. Марковича, ч. I стр. 38, 39 и пр.

[5]) Семейство Разумовскихъ. Историческій очеркъ А. А. Васильчикова, написанный на основаніи печатныхъ извѣстій, подлинныхъ писемъ, семейныхъ бумагъ и преданій. Москва, 1869 г. стр. 10.

[6]) Х. И. А. Мал. Кол. № 14309 и др.

[7]) Кіев. Центр. Арх.

[8]) Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ.

[9]) Кіев. Стар. 1893 г. т. XL стр. 434.

[10]) Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ.

Въ Полщѣ мита и Трилѣсской индукти	42 руб.	75	коп.
За фуру з Одубешта до Калантира	126 „	—	„
Всего . . .	295 левовъ	71	аспръ
или . . .	177 руб.	35½	коп.

За почестку и гостинцы въ Полщѣ	— руб.	60	коп.
Въ карантинѣ караульнымъ	— „	15	„
Карантинщины за фуру	2 „	50	„
Издержки маіору лѣкарю съ указомъ	5 „	77	„
За тарифъ	50 „	—	„
За ярлыкъ	— „	34	„
За фуру съ Калантиру до Нѣжина	25 „	—	„
Итого...	261 руб.	71½	коп.

Изъ Крыма привозились судакскія и бахчисарайскія вина. Крымскій грекъ купецъ г. Красова Хаджи Леферій въ 1757 г. привезъ въ Малороссію до 5000 квартъ „судацкихъ“ винъ[1]). Въ 1754 году у бахчисарайскаго жителя грека Юрія Васильева грузинскій дворянинъ Невсадзіевъ купилъ 4830 окъ судацкаго и бахчисарайскаго вина по 3 коп. око[2]). Помимо вышеупомянутыхъ винъ греками привозились и вина изъ Греціи, у Курбаногла напр., въ погребѣ находилось 6 бочекъ адріанопольскаго вина[3]), а также греки торговали испанскими (напр. Педро Хименесъ) и французскими (Фронтиньянъ напр.) винами. Кварта перваго цѣнилась въ 1730 годахъ по копѣ, второго по 20 алтынъ[4]) и пр.

Трактиры и „шинки“ въ городахъ и мѣстечкахъ малороссіи очень часто содержались греками; въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Черниговѣ, Стародубѣ, Сосницѣ и другихъ городахъ мы встрѣчаемъ шинки, содержимые греками[5]). Въ этихъ трактирахъ вы найдете всевозможнаго рода напитки начиная съ простой водки и кончая французской, начиная съ меда и кончая винами разныхъ сортовъ. Здѣсь можно было закусить и выпить чаю и кофе, сыграть въ билліардъ, однимъ словомъ такой „шинкъ“ вполнѣ подходилъ подъ типъ нашего ресторана. Кого вы здѣсь не встрѣтите? Какихъ только трагикомедій изъ общественной и политической жизни малороссіянъ не разыгрывалось въ этихъ трактирахъ. Здѣсь вы встрѣтите и грузина, явившагося въ Малороссію по указу Е. И. В. и задобривающаго служащихъ въ канцеляріи комиссіи экономіи, чтобы они ему не навязали нищетныхъ дворовъ[6]). Здѣсь проводили часы своего досуга войсковые канцеляристы[7]). Безъ сомнѣнія сюда заглядывали и гарнизонные офицеры, а порой и полковая старшина.

1) Х. И. А. Мал. Кол. № 30819.
2) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.
3) Арх. Мин. Юст. Оп. 5. вяз. XIII № 165 (1752 г.)
4) Днев. Зап. Якова Марковича. Ч. I, стр. 393.
5) Х. И. А. Мал. Кол. №№ 85, 4560, 21857, 24145 и др.
6) Х. И. А. Мал. Кол. № 23840.
7) Ibid. № 2106.

Сначала тихая дружеская бесѣда подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ очень часто становилась оживленной, порой переходила въ горячій споръ, раздавалось крѣпкое русское словцо, задѣвающее чиновничью честь какого-нибудь канцеляриста, относительно которой такъ щепетильны были малороссы XVIII в.[1]) И приходилось потомъ произнесшему съпьяна это словцо расплачиваться на площади своей спиной[2]). Иной разъ дружеская бесѣда гарнизоннаго офицера и малороссійскаго старшины принимала обостренный характеръ: съ одной стороны раздавалось „чубъ“, съ другой отвѣчали бранью; наконецъ дѣло кончалось угрозами: „мы всѣхъ васъ..... сыновъ москалей перевѣшаемъ и вамъ уже лихо будетъ... въ прибытіе гетмана всѣ пропадете“[3]). Угроза доводилась до свѣдѣнія военной коллегіи и приходилось его ясневельможности господину гетману отписываться передъ коллегіей по поводу спьяна безъ всякаго основанія пущенныхъ на вѣтеръ словъ своего подчиненнаго. Иногда запутають сюда и хозяина грека; но грекъ этимъ не тревожился: онъ и самъ не прочь былъ поднять исковое дѣло по всякому незначительному поводу. За примѣромъ не приходится далеко ходить. Въ 1748 г. 6 августа, въ Новгородъ Сѣверскій на ярмарку собралось „почтенное“ малороссійское и великороссійское купечество, явились и греки, между ними и глуховскій шинкарь грекъ Анастасіевъ. За полдень, когда ярмарочная площадь немного опустѣла, явилась возможность отдохнуть и купцамъ. Собрались краснорядцы къ одному рундуку и за общей выпивкой вели оживленную бесѣду. Сюда присоединились и нѣкоторые изъ новгородскихъ обывателей, между прочимъ мѣщанинъ Спасиба, пришелъ „въ гости“ и Анастасіевъ. Въ турецкой одеждѣ — „въ серветцѣ и въ чижмахъ“[4]) Анастасіевъ рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ. Русскій юморъ тотчасъ же сказался: Спасиба „ни с какова умислу, въ жартъ“, какъ потомъ выяснилось на слѣдствіи, началъ подтрунивать надъ грекомъ: „чи не палѣй ти?“ Подвыпившій грекъ, сверкнувъ очами, началъ въ энергическихъ русскихъ выраженіяхъ высказывать свое неудовольствіе. Положимъ, что 1748 г. былъ трагическимъ годомъ для Малороссіи: въ маѣ этого года выгорѣлъ почти весь Глуховъ[5]), въ народѣ ходили смутные слухи о зажигателяхъ, поэтому шутка Спасибы при такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно могла быть оскорбительна; но врядъ ли справедливо, что писалъ въ своемъ второмъ челобитьѣ Анастасіевъ послѣ того, какъ на первомъ слѣдствіи выяснилось, что все это была шутка: „чрезъ которыя его (т.-е. Спасибы) не право поносительство во время того ярмарку въ продажѣ мною вина и покупкою разныхъ товаровъ послѣдовало убытку на 150 руб., ибо, слыша такія поношенія, какъ купцы, тако и продавцы разныхъ товаровъ меня лишились и торговаться со мной не стали“[6]).

---

[1]) Въ актахъ половины XVIII в. мы встрѣчаемъ пословицу „чинъ чина почитай“, которой руководствовались малорусскіе чиновники во взаимныхъ отношеніяхъ.

[2]) Х. И. А. Мал. Кол № 2106. Интересное дѣло, но къ сожалѣнію неудобное для передачи: въ шинкѣ грека Юрія Гаджи одинъ изъ канцеляристовъ употребилъ циничное выраженіе по адресу генеральной войсковой канцеляріи, за что, по доносу товарища, былъ на площади высѣченъ.

[3]) Х. И. А. Мал. Кол. № 30820.

[4]) Въ греческой курткѣ и штанахъ.

[5]) Дневн. зап. Як. Марковича М. 1859 г. ч. II ст. 263.

[6]) Х. И. А. М. К. № 7713.

Объ одномъ изъ трактировъ, содержимыхъ грекомъ, мы имѣемъ нѣкоторыя подробности: шинкъ былъ въ Черниговѣ держалъ его грекъ Зруба отъ грека Христофора; въ шинкѣ имѣлся билліардъ, а также продавались чай, кофе и сахаръ[1]). 1763 г. 5 сентября, Зруба получилъ бѣлаго волошскаго вина 581 кварту по 14½ коп., а продавалъ по 22½ коп., полыннаго 90 квартъ по 14½ коп., продавалъ по 22 коп., мушкателю 20 квартъ по 20 коп., продавалъ по 25 коп., 25 декабря того же года вина французскаго 70½ квартъ (по показанію хозяина Христофора), а 53 кварты (по показанію приказчика Зрубы) по 20 коп., продавалъ по 25 коп.; 1764 г. 10 января Зруба получилъ вина бѣлаго волошскаго 54 кварты по 16 коп., продавалъ по 22½ коп.; 15 августа — вина бѣлаго волошскаго 84 кварты по 18 коп. (по показанію Зрубы) по 18½ коп. (по показанію Христофора), продавалъ по 22 коп.; 25 августа — бѣлаго волошскаго 117 квартъ по 18 коп., продавалъ по 22 коп., водки сахарной 10 квартъ по 65 коп., продавалъ по 75 коп., вина полыннаго 15½ квартъ по 18 коп. и монастирійскаго 79½ квартъ по 22 коп., продавалъ по 25 коп. Меду дано Зрубѣ на 12 руб. (медъ былъ купленъ у черниговскаго обывателя). Сколько было продано Зрубою кофе, сахару, чаю, водки сивухи, наливки — осталось неизвѣстнымъ. По окончаніи торговли отъ Зрубы принято въ сентябрѣ того же года: сивухи простой 1 кухва—28 руб., водки крѣпкой 8 квартъ по 22 коп., меду на 9 руб., вина краснаго волошскаго 101 кварта по 14½ коп., стекла т.-е. посуды на 8 руб. 81 коп..; прислуга при шинкѣ „парубокъ" нанятъ былъ на годъ за 10 руб. 60 коп. Зруба на топливо, свѣчи, харчи себѣ и парубку опредѣлялъ въ день по 30 коп., но черниговская полковая старшина, принимая во вниманіе лѣтнее время, нашла возможнымъ уменьшить этотъ расходъ вдвое, т.-е. опредѣлить въ 15 коп. За время своей торговли Зруба продалъ въ кредитъ обывателямъ вина на 78 руб. 15 коп.

У нѣкоторыхъ грековъ были винокуренные заводы. Въ 1699 г. греку македонской земли Павлу Иванову велено поставить на Московскій житочный дворъ вина двойного и простого по 5000 ведръ; курить это вино грекъ долженъ былъ въ малороссійскихъ городахъ на своихъ винокурняхъ, въ Великороссію же долженъ былъ привезти только условленныя 10 тысячъ ведеръ[2]).

Въ 1771 г. грекъ Юрій Димитріевъ Лазаревъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ просьбу объ открытіи имъ завода для приготовленія „вейновыхъ водокъ и ратафій на гданскій вкусъ" какъ изъ привозимыхъ изъ-за границы разныхъ виноградныхъ спиртовъ, такъ и изъ родящихся въ Россіи фруктовъ, винограда и овощей[3]). Лазаревъ, выходецъ изъ венеціанскаго города С. Мавры, жилъ въ Нѣжинѣ и велъ заграничную торговлю, которую прекратилъ по случаю турецкой войны, поступилъ сначала въ Московскую, а потомъ въ „Петербургскую контору для дѣланія отъ коронныхъ повѣренныхъ разныхъ водокъ". Сенатъ въ просьбѣ Лазареву отказалъ, ибо въ прошеніи не указаны ни мѣсто ни польза открытія завода. Въ 1772 г. Лазаревъ подалъ вторичное прошеніе, гдѣ какъ мѣсто открытія завода указывалъ Нѣжинъ.

---

[1]) Ibidl. № 24145.
[2]) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1692 г., № 20.
[3]) Х. И. А. М. К., № 15812.

Выдѣлываемыя вина будетъ продавать ящиками, ведрами и штофами какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи „по сходственной цѣнѣ", за каждое проданное ведро въ казну будетъ уплачивать по 1 рублю. Сенатъ разрѣшалъ Лазареву открыть заводъ на такихъ условіяхъ, если только онъ припишется въ нѣжинскіе мѣщане и будетъ отбывать всѣ городскія повинности, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ нарушеніе привилегій, данныхъ городу Нѣжину.

Коса — необходимая вещь въ хозяйствѣ земледѣльца, какимъ преимущественно являлся малороссъ. Помимо уборки своихъ сѣножатей и полей обыватели наряжались въ качествѣ косцовъ на государственныя нужды — компанейцамъ, находящимся на форпостахъ, приказано заготовить по одной косѣ на 5 порцій; отправляющимся на работы на украинскую линію предписывалось имѣть косы [1]). Въ 1736 г. по случаю военнаго времени Малороссія должна была доставить для арміи 500 тысячъ пудовъ сѣна, т.-е. 20 тысячъ возовъ [2]). Въ Гадяцкомъ полку въ 1738 г. на армію было укошено 87850 пудовъ сѣна [3]). Въ 1740 г. для содержанія казенныхъ конныхъ заводовъ въ Золочевѣ обыватели Харьковскаго полка должны были заготовить 50 тысячъ пудовъ сѣна (2 тысячи возовъ). Казенные конные заводы, какъ мы знаемъ, были разсѣяны по всей Малороссіи. Въ 1753 г. для того, чтобы накосить 800 скирдъ сѣна на Батуринскую и Чеховскую гетманскія волости, было собрано изъ Переяславскаго, Кіевскаго, Лубенскаго, Прилуцкаго, Нѣжинскаго, Черниговскаго и Гадяцкаго полковъ 1200 косареи [4]) и т. д.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что коса являлась насущной потребностью для малороссійскаго обывателя. Удовлетворяя этой потребности, нѣсколько братчиковъ занимались косной торговлей. Такихъ купцовъ въ ½ XVIII ст. въ Нѣжинѣ акты называютъ: Ивана Галюнку съ братьями, Юрія Сердюкова, Ананія и Ивана Мурайтовъ, Януцу, Аѳанасія Софронова, Аѳанасія Филиппова [5]). Ежегодно въ значительномъ количествѣ ввозили въ Малороссію косный товаръ. Такъ, Димитрій Януци везетъ за одинъ разъ 69 бочекъ косъ, Мурайтъ въ 1762 г. привезъ 150000 косъ [6]). Въ 1751 г. грекъ Комбурлѣй посылаетъ въ Галацъ за косами настолько значительный караванъ, что число воловъ изъ каравана, загубленныхъ приказчикомъ въ пути, простиралось свыше 50 [7]). Пріѣзжій грекъ Димитрій Анастасіевъ въ 1757 г. привезъ 64 бочки косъ для продажи въ Малороссіи [8]). Косы привозились изъ Австріи; сначала водой по Дунаю онѣ доставлялись въ Галацъ, а оттуда на подводахъ въ Малороссію [9]). Косъ въ одной бочкѣ, по показанію греческихъ купцовъ въ половинѣ XVIII ст., бывало по 1500, 1300, 1200, 1000, 9000 и 800; косы бывали разныхъ

---

[1]) Изъ Переяславскаго полка на линію было отправлено 1320 человѣкъ, при нихъ 403 косы (въ 1738 г.). Рук. Рум. Муз. Д. Маркевича, № 1426.

[2]) Дневн. Зап. Як. Марковича II ч., стран. 11.

[3]) Рук. Рум. Муз. Дѣла Маркевича, № 1435.

[4]) Х. И. А. М. К., № 2900

[5]) Ibid., № 4560. № 11273.

[6]) Ibid., № 11273. № 26113.

[7]) Ibid., № 11778.

[8]) Ibid., № 18006.

[9]) Ibid., № 11778. № 14429. Шафонскій Черн. Нам. Топогр. Опис. Кіевъ 1851 г., стран. 479.

цѣнъ, смотря по клеймамъ, напр.: подъ клеймомъ „семь звѣздъ“ 1000 штаерскихъ косъ стоила„ —коштуетъ, писали греки, по куплѣ съ привозомъ въ Нѣжинъ“ —250 руб., подъ клеймомъ „двухъ рыбокъ“ —230 руб., подъ клеймомъ „генсимъ окомъ“ (sic!) — 220 руб., тысяча „ординарныхъ штаерскихъ градскихъ косъ“ подъ разными клеймами стоила въ покупкѣ съ привозомъ въ Нѣжинъ по 180, 170 и 172 руб.[1]) Косы въ Малороссіи распродавались на ярмаркахъ: Нѣжинскихъ, Роменскихъ и др.; оптовый торгъ производился на Роменской Вознесенской[2]).

Въ 1752 г. два грека — полтавскій житель Константинъ Константиновъ и нѣжинскій Николай Метакса на имя гетмана Разумовскаго подали доношеніе, въ которомъ предлагали свои услуги по монополіи косъ. Свое предложеніе они изложили въ видѣ контракта, который распадается на 10 пунктовъ: 1) только имъ, вышеупомянутымъ грекамъ, разрѣшается привозить въ Малороссію косы, которыя они будутъ продавать всѣмъ желающимъ оптомъ и враздробь не дороже 30 коп. за штуку въ продолженіе десяти лѣтъ. 2) Всѣмъ другимъ лицамъ продажа косъ должна быть запрещена за исключеніемъ агентовъ вышеупомянутыхъ грековъ, поэтому приказать всѣмъ командирамъ на пограничныхъ форпостахъ слѣдить, чтобы никто не могъ провезти косъ внутрь Малороссіи. 3) Чтобы не было тайной продажи ни въ Малороссіи, ни въ Заднѣпрскихъ мѣстахъ и Запорожской Сѣчи, торгующіе отъ имени грековъ будутъ снабжены видомъ. За исполненіемъ этого должны наблюдать сотенныя и полковыя канцеляріи, „куда предложенія учинить“. 4) Если кто изъ купцовъ, по незнанію, привезетъ косы къ границѣ Малороссіи, то онъ не долженъ быть пропущенъ внутрь страны, хотя вышеупомянутые греки могутъ закупить у него косы; если кто привезъ косы до опубликованія этого положенія, то ему продажу запретить, а заключившіе этотъ контрактъ имѣютъ право закупить эти косы по „гуртовой цѣнѣ“, бывшей въ 1750 и 1751 гг., съ надбавкою извѣстнаго процента. 5) Чтобы кто-нибудь не провезъ тайно косъ въ Малороссію и въ Сѣчь Запорожскую и не продавалъ ихъ, было бы позволено грекамъ при форпостахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они найдутъ удобнымъ, держать своихъ людей, которые будутъ слѣдить за контрабандной торговлей. Малороссійскимъ же полковникамъ и сотникамъ, войсковой старшинѣ и атаманамъ Запорожской Сѣчи было бы приказано, чтобы людямъ этимъ оказываемо было всевозможное содѣйствіе въ прокормленіи ихъ и въ арестѣ контрабандистовъ-купцовъ. Если же кому удастся продать запретныя косы, то вырученная сумма отбирается и дѣлится пополамъ: половина — въ скарбъ войсковой, а другая — грекамъ. 6) За привозимыя косы они, греки, кромѣ контрактовой суммы въ скарбъ войсковой будутъ платить слѣдуемый съ нихъ индуктовый сборъ. Поэтому дозорцы и факторы, осматривая привозимые изъ-за границы товары, должны наблюдать, чтобы среди нихъ не находились косы; найденныя косы на границѣ и внутри Малороссіи будутъ отбираться безденежно, и половина ихъ будетъ отдана откупщикамъ, а другая въ скарбъ войсковой. 7) За предоставленное право монопольной торговли греки сверхъ индуктоваго сбора

---

[1]) Х. И. А. М. К., № 11273. Вообще цѣна косы въ XVIII ст. была устойчива: въ 1716 г. коса цѣнилась по полуполтинѣ (25 коп.). Г. А. М. И. Д. д. Мал. 1720 г. № 28.

[2]) Х. И. А. М. К., № 18006.

въ продолженіе 10 лѣтъ обязываются вносить въ годъ по 4000 руб. по третямъ года. 8) Для отправки этихъ денегъ въ канцелярію малороссійскихъ сборовъ изъ Нѣжина или Роменъ, особенно же для разъѣздовъ грекамъ по Малороссіи была бы выдана подорожная на три подводы „за указные прогоны"; для охраны отправляемыхъ денегъ назначался бы конвой, а для посылокъ были бы при командированы къ грекамъ два казака-компанейца; для свободнаго пропуска на форпостахъ имъ выдавался бы паспортъ за подписью „его ясневелможности". 9) Если въ той странѣ, откуда вывозятся косы, будетъ война или „опасная болѣзнь", что̀ затруднитъ привозъ косъ и отъ чего уменьшится продажа ихъ, тогда позволено имъ бу́детъ прибавить цѣну на косы „по тогдашнему разсмотрѣнію" или платить въ скарбъ войсковой на это время менѣе договоренной суммы, „потому что въ это время бываетъ убыль купечеству". 10) „За сей нашъ проэктъ, писали греки, къ приращенію скарба войскового послѣдовавшій, уволнить насъ отъ всякихъ податей и повинностей и выставленія подводъ и домы наши отъ постоевъ, а сверхъ того одному изъ насъ Константину повелѣть считаться между войсковыми людьми и сіе причесть за войсковую службу".

Получивши такого рода предложеніе, Его Ясневелможность препроводилъ представленный ему контрактъ на усмотрѣніе генеральной войсковой канцеляріи. Несмотря на заманчивость предложенія для выгодъ войскового скарба, генеральная канцелярія отказала грекамъ. Интересно, что мотивомъ отказа послужили положенія „порядка" — статьи о монополіи, гдѣ запрещается среди купцовъ всякая стачка для сосредоточенія товаровъ въ однѣхъ рукахъ, изъ чего является возможность „*приносить простому народу обиды*" [1]).

Торговля золотыми и серебряными вещами, а также дорогими камнями составляла одинъ изъ распространенныхъ видовъ греческой торговли. Еще Котошихинъ въ своемъ описаніи говорилъ: „гречаня — пріѣзжаютъ къ Москвѣ ежегодь и привозятъ съ собою товары всякіе: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, съ каменьемъ, съ алмазы и съ яхонты и с—изумруды и съ лалы, (и золотные портища), и конскіе наряды, сѣдла и муштуки и узды и чапраки со всякимъ каменьемъ, и царицѣ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники и серги и перстни съ разными же каменьи, не малое число" [2]). Такими же предметами греки торговали и въ Малороссіи въ XVIII в.: золотыя цѣпочки, золотые и серебряные стаканы, серебряные и золотые крестики, браслеты, золотые перстни и сережки, золотыя пуговицы и разнообразные драгоцѣнные камни [3]). Особенно много распродавали греки коралловъ, напр.: въ 1755 г. у грека-купца Адама Мецовита среди товара было найдено 111 фунтовъ большихъ и малыхъ красныхъ коралловъ [4]). Иные кораллы цѣнились по 11 руб. за фунтъ, а другіе по 15 руб. око, т.-е. 3 фунта; дѣло, вѣроятно, въ достоинствѣ коралловъ. Евстафій Ивановъ въ 1749 г. даетъ въ закладъ „цѣнные камушки разніе": яхонтовъ лазоревыхъ 138 камней вѣсомъ кратъ 1035 семь осмухъ, яхонтовъ желтыхъ

[1]) Х. И. А. М. К., № 5627.
[2]) О Россіи въ царств. Ал. Мих. Соч. Григорія Котошихина. С.-Пб. 1884., стран. 165.
[3]) Рум. Муз. Арх. Марковича, № 960. Х. И. А. Хар. Отд. I отд., № 8912. Тамъ же среди дѣлъ Малороссійской коллегіи. Въ архивѣ Мин. Юст. и т. д.
[4]) Х. И. А. М. К., № 3315.

9 вѣсомъ 131 кратъ и одна осмуха, камень зеленый, прозываемый кошачій глазъ, 21 1/4 кратъ, яхонтовъ бѣлыхъ 3 вѣсомъ 15 1/2 кратъ, яхонтовъ красныхъ 48 вѣсомъ 140 3/4 кратъ; лаловъ и шпинеловъ и яхонтиковъ красныхъ 155, среди нихъ одинъ шпинелъ зеленый 728 1/8 кратъ, крестъ алмазный, 4 перстня (одинъ лаловый, три алмазныхъ) и 30 зеренъ „бурминскаго" жемчугу [1]). А вотъ реестръ золотыхъ вещей другого грека, относящійся къ 1765 г. [2]):

Золотыхъ 40 перстней съ камушками: діамантомъ, рубиномъ, смарагдомъ, балашомъ (?) и сапфиромъ на 2100 левковъ.

1	понцехра въ серебреномъ ящичку	100 лев.		
43	куска сапфира выдѣланные, 73 карата по 3 лев. каратъ .	219	„	
45	кусковъ сапфира выдѣланные, 80 1/2 карата, по 2 лев. 60 ден.	210	„	30 ден.
11	шпинеловъ выдѣланныхъ 29 каратъ	87	„ —	„
36	рубиновъ маленькихъ 11 каратовъ по 3 лев.	33	„ —	„
60	кусковъ лали и рубина выдѣланные, 62 карата по 5 лев. .	310	„ —	„
66	кусковъ балаша (sic) выдѣланныхъ, 65 каратовъ по 2 лев. 60 ден.	163	„	90 „
93	куска смарагда выдѣланныхъ 34 карата	102	„ —	„
34	куска сапфира (бѣлые) обдѣланные, 47 каратовъ	141	„ —	„
100	кусковъ смарагда выдѣланные, 63 карата	63	„ —	„
63	куска рубиновъ, не обдѣланные и „лали" 312 каратовъ по 6 левковъ.	1872	„ —	„
Безъ счета	„лали" и рубиновъ невыдѣланныхъ 538 каратъ по 3 лев.	1614	„ —	„

Въ Нѣжинѣ мы знаемъ двухъ ювелировъ-братчиковъ Николая Стаматѣева и Стефана Андреева Убришева [3]). Греки Юрій да Павелъ Алексѣевы Артины имѣли въ Нѣжинѣ кожевенный заводъ [4]). Въ 1738 г. вышеупомянутые греки просили, чтобы имъ было разрѣшено открыть въ Нѣжинѣ таковой заводъ, для чего они купили земли въ части города, прозываемой „Новое мѣсто", а къ этому прикупили лѣсныя угодья. На заводѣ, греки обѣщали въ своемъ прошеніи, будетъ выдѣлываться мастерская и пудовая юфта для поставки въ армію и другія мѣста, а также для продажи за границу [5]). Генеральная войсковая канцелярія, на основаніи промеморіи изъ государственной коммерцъ-коллегіи, разрѣшила указомъ 13 іюня 1738 г. Артинамъ открыть такой заводъ, а нѣжинскому магистрату и полковой канцеляріи приказала домъ ихъ освободить отъ постоя и взиманія подводъ. Юфту, вырабатываемую на заводѣ, Артины поставляли на армію, но у нихъ еще получался значительный остатокъ, за неимѣніемъ въ Малороссіи потребителей и покупателей, почему Артины въ 1740 г. просили разрѣшенія вывозить эту юфту за границу [6]). Просьба эта врядъ ли была уважена, ибо въ 1760-хъ годахъ Артины, какъ мы видимъ изъ дѣла, не вывозятъ

[1]) Х. И. А. М. К., № 5489.
[2]) М. А. Мин. Юст. ibid. Оп. 7 вяз. XIII, № 264.
[3]) Х. И. А. М. К., № 4560.
[4]) Ibidem.
[5]) Хр. И. Арх. Мал. Кол., № 2418.
[6]) Рук. Рум. Муз. Арх. Марк., № 1384.

кожъ и юфты за границу. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1766 г., заводъ этотъ былъ въ слѣдующемъ состояніи: на немъ были 6 мастеровыхъ людей и 8 наемныхъ работниковъ; выдѣлывалось кожъ въ годъ[1]):

юфтъ яловичьихъ		черныхъ	. . . 1000	шт.
„	„	красныхъ	. . . 200	„
„	козловыхъ	черныхъ	. . . 1000	„
„	„	красныхъ	. . . 400	„
„	„	желтыхъ	. . . 100	„
бараньихъ кожъ		черныхъ	. . . 100	„
„	„	красныхъ	. . . 150	„
„	„	желтыхъ	. . . 120	„
„	„	бѣлыхъ	 100	„

Данныя эти только приблизительны: годъ на годъ не походилъ, — иной годъ приходилось выдѣлывать больше, другой меньше, а въ зависимости отъ этого колебалось и число рабочихъ на заводѣ.

Кожи покупались на заводъ:						Продавались по выдѣлкѣ:				
яловичья	лучшая	1	руб.	20	коп.	2	руб.	50	коп.	Цвѣтъ кожи на цѣнность ея не оказывалъ вліянія, всѣ продавались по этимъ цѣнамъ.
„	средняя	1	„	—	„	2	„	—	„	
„	низшая	—	„	60	„	1	„	50	„	
козловая	лучшая	—	„	35	„	—	„	80	„	
„	средняя	—	„	25	„	—	„	60	„	
„	низшая	—	„	10	„	—	„	40	„	
баранья	лучшая	—	„	25	„	—	„	50	„	
„	средняя	—	„	20	„	—	„	40	„	
„	низшая	—	„	15	„	—	„	30	„	

На этомъ заводѣ конскія кожи не выдѣлывались. Выдѣланныя кожи за границу не отпускались, но продавались въ Нѣжинѣ, въ лавкѣ Артиновъ, скупщикамъ и на ярмаркахъ въ Черниговѣ, Кіевѣ, Переяславѣ и др. городахъ. Это былъ самый богатый и значительный кожевенный заводъ въ Малороссіи въ то время; дѣйствительно помимо него были еще 2 завода: одинъ въ Стародубовскомъ полку при сл. Клинцахъ Максима Осокина, который жилъ съ братомъ, при этомъ заводѣ былъ одинъ мастеръ, за тотъ же 1765 г. на заводѣ выдѣлано кожъ яловичьихъ черныхъ — 600, конскихъ бѣлыхъ — 100, другой заводъ въ Черниговскомъ полку въ раскольничьей сл. Добрянкѣ Петра Кожевникова, на заводѣ этомъ работалъ самъ Петръ съ 4 своими сыновьями и 2 работниками; въ годъ выдѣлывалось кожъ яловичьихъ черныхъ—400, подошвенныхъ яловичьихъ — 50, конскихъ черныхъ — 50, козлинъ черныхъ — 100, барановъ бѣлыхъ — 400, телячьихъ черныхъ — 100, чужихъ кожъ „за заплату“ яловичьихъ чер-

[1]) Ibid., № 5198.

ныхъ — 100, козлинъ черныхъ — 30. Многіе изъ жителей занимались приготовленіемъ кожъ у себя на дому [1]).

Полки.	Число заводовъ.	Число домовъ.	При нихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей.	Воловьихъ, яловичьихъ и конскихъ бѣлыхъ и черныхъ кожъ.	Юфть яловичья и опойковъ черныхъ и красныхъ.	Козловыхъ и бараньихъ бѣлыхъ черныхъ, красныхъ и желтыхъ.	Козлинъ и телятинъ.	Телячьихъ и габелковъ, т.-е. молодого скота и лошадей бѣлыхъ, черныхъ и красныхъ.
Нѣжинскій . . .	1	219	458	4474	1200	3287	—	181
Стародубскій . .	1	122	268	11069	—	5460	—	935
Черниговскій . .	1	101	230	5378	500	3648	150	100
Лубенскій. . . .	—	269	488	5844	—	252	—	121
Гадяцкій	—	165	266	2235	—	196	—	—
Переяславскій. .	—	155	257	3931	—	190	—	—
Кіевскій	—	160	330	2766	—	1650	—	—
Прилуцкій . . .	—	50	98	3624	—	—	—	—
Полтавскій . . .	—	18	55	570	—	90	—	127
Миргородскій . .	—	157	296	2362	—	100	—	—
	3	1416	2746	42253	1700	14873	150	1464

Ibid., № 5199. Въ этомъ же дѣлѣ находятся и болѣе подробныя свѣдѣнія.

Помимо вышеуказаннаго греки торговали многими другими товарами, напр.: Дементій Ликана лошадьми, Татархристы свѣчьми, трубками и разною мелочью, Толбухинъ щетинными товарами, Аѳанасій Ризовъ красной рыбой и икрой и т. д. Въ половинѣ XVIII ст. число живущихъ грековъ въ одномъ Нѣжинѣ простиралось до 150 семействъ; каждый по своимъ симпатіямъ и способностямъ выбиралъ подходящій для себя родъ торговли. Другіе же занимались различными ремеслами, такъ, Димитрій Ѳедоровъ — шапочнымъ, трехъ грековъ мы знаемъ какъ портныхъ, и Гажки Димитрій Константиновъ „бавится краскою всякихъ фантинъ и суконъ“. Постоянное жительство грековъ въ Нѣжинѣ вызвало поселеніе такихъ, какъ, напр., Димитрій Лукьяновъ Софроновъ, который торгуетъ цареградскими съѣстными вещами, а Аѳанасій Ивановъ занимается печеніемъ и продажей плачиндъ, а торговыя сдѣлки между братчиками вызвали въ греческой общинѣ присутствіе такихъ людей: Анастасій Ѳедоровъ „бадается сводомъ торговыхъ договоровъ между купечествомъ“, Николай Константиновъ „купечествомъ не бадается, а обрѣтается у греческихъ дѣлъ по греческому братству“ [2]).

По вѣдомости, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи, мы находимъ, что торговыя и другія занятія грековъ выразятся въ такихъ цифрахъ: 31 человѣкъ торговали турецкими товарами (кумачи, шелкъ, заполочь, ладанъ и др.), 26 купцовъ пушнымъ товаромъ, 10 — волошскими винами, 3 — мушкательнымъ виномъ, 1 — мякотнымъ виномъ, 1 — вообще виномъ, три поставляютъ вообще шерсть и турецкую шерсть на великороссійскую фабрику, 4 — торгуютъ косами, 15 — бакалеей, 1 — отправляетъ русскую юфту за границу, 1 — торгуетъ нѣмецкими суконными товарами, 3 — гданскими гарусными и шелковыми разными товарами, 1 — бумажными турецкими това-

---

[1]) Ibid., № 5199. Вотъ вѣдомость, знакомящая насъ съ состояніемъ этой отрасли промышленности въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. Вѣдомость относится къ октябрю 1766 г.

[2]) Х. И. А. М. К., № 4560. Арх. Греч. Братства.

рами, 1 — камкой, 1 — штаметомъ, 2 — парчевыми и шелковыми товарами, 1 — сахарными водками, 4 — шинкуютъ, 1 — торгуетъ лошадьми, 6 — содержатъ кофейни, 1 — имѣетъ въ г. Нѣжинѣ кожевенный заводъ, 1 — торгуетъ табакомъ, 2 — старой одеждой и мелочнымъ товаромъ, 2 — трубками, свѣчьми и разной мелочью, 1 — красной рыбой, 2 — икрой, 2 — цареградскими товарами (алмазами и другими драгоцѣнностями), 2 — занимались вообще суконной торговлей, 1 — торгуетъ холстомъ, 1 — щетиннымъ мелочнымъ товаромъ, 7 — мякотными великороссійскими товарами, 1 — греческими товарами (по опредѣленію Шафонскаго, вино, щетинные товары), 8 — занимались барышничествомъ, 3 — были портные, 2 — ювелирами, 1 — кондитеромъ, 10 — бламарями, 1 — шапочникомъ, 2 — приказчиками, другой — приказчикомъ при московскомъ купцѣ Журавлевѣ; 1 — торгуетъ сукнами отъ польскаго Слуцкаго купца Сухозагнета и др. Многие изъ грековъ оставили торговлю или за старостью или, пріобрѣтя значительныя средства, предпочитали вести спокойную жизнь[1]). Нужно замѣтить, что вѣдомость эта не отличается точностью, напр.: Анастасій Клица торгуетъ разными турецкими и россійскими товарами или грекъ Константинъ Ивановъ промышляетъ товарами пушными, кумачами, заполочью и другими (какими?); Иванъ Караманлѣй торгуетъ пушными, кумачными, шелкомъ и „другими разными товарами“ (какими?); Димитрій Софроновъ торгуетъ въ Нѣжинѣ „разными цареградскими съѣстными вещми“; Аѳанасій Софроновъ вывозитъ изъ Цесаріи косы и оными другими товарами промышляетъ и пр. Конечно, трудно опредѣлить, какіе это „разные“ и „другіе“ товары, тѣмъ болѣе, что грекъ не признавалъ категорій товаровъ въ торговлѣ: Ѳеодоръ Николаевъ бавится продажею икры и свѣчъ въ лавкѣ; Ананій Мораитъ привозитъ изъ Цесаріи „сѣнокосные косы“, а туда отпускаетъ красную юфту и пр.[2]). Мы можемъ подробно сказать о торговлѣ только живущихъ въ Малороссіи, прослѣдить же торговлю пріѣзжихъ грековъ очень трудно. На житье въ Малороссіи изъ греческихъ купцовъ оставалось меньшинство, большинство же уѣзжало[3]). Эти послѣдніе вносили въ торговлю еще большее оживленіе и разнообразіе[4]). Пріѣзжіе являлись комиссіонерами живущихъ въ Малороссіи и посредниками между малороссійскими и заграничными торговыми домами. Сами живущіе рѣдко оставались у себя дома; почти все время они проводили въ разъѣздахъ или по украинскимъ и слободскимъ ярмаркамъ или по Великороссіи и за границей[5]). У каждаго грека била ключомъ коммерческая жилка; „рукодѣлія никакого кромѣ повареннаго дѣла не знаю, — говоритъ про себя грекъ Христофоръ Григорьевъ — а торговать умѣю“[6]). Явившись въ Малороссію, почти каждый грекъ брался за торговлю. Если у него было какое-нибудь другое занятіе, то часто онъ предпочиталъ торговлю, и, разъ являлась возможность, онъ принимался за нее. Такъ, напр., грекъ Николай Константиновъ сначала служилъ во флотѣ, а потомъ въ 1730-хъ годахъ мы встрѣ-

---

[1]) Х. И. А. М. К., № 4560.

[2]) Ibidem.

[3]) Въ 1711 г. въ гор. Нѣжинѣ пріѣзжихъ грековъ и волоховъ было 232 человѣка, а остающихся на жительство смотри глава I, приложеніе № 1. Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1711 г. № 12.

[4]) Х. И. А. М. К., № 4560. № 21889.

[5]) Х. И. А. М. К., № 3313. М. Арх. Мин. Юст. ibid· Оп. 5 вяз. XI, № 146.

[6]) Кіевскій Центр. Арх. ibid.

чаемъ его въ Нѣжинѣ купцомъ [1]). Средства, съ которыми грекъ начиналъ торговлю, были крайне разнообразны: одинъ располагалъ нѣсколькими тысячами рублей и велъ на свой собственный рискъ торговлю въ нѣсколькихъ государствахъ, разсылая по различнымъ городамъ своихъ приказчиковъ, другой на совсѣмъ незначительныя средства велъ мелочной торгъ: Маргаритъ Кирилловъ въ 1745 и 1746 г.г. отправилъ грековъ въ Царьградъ для торговыхъ оборотовъ съ 12000 руб. [2]); нѣжинскій грекъ Полушка въ 1752 г. везетъ: финиковъ 1 пуд. 30 фун., оливковъ 8 пуд. 4 фун., ладану 21¼ фун., лимоннаго соку 5 анкеръ 1 ведро, рожковъ 16¼ фун., черносливу 1 пуд. 36½ фун. [3]); македонскій грекъ Анастасіевъ везетъ черезъ Переволочную 4 бочки ладану, изъ которыхъ двѣ вѣсятъ 44 пуда; весь ладанъ запроданъ былъ по 15 руб. пудъ [4]); кіевскій грекъ Аѳанасьевъ привезъ въ Малороссію бакалеи на 4 возахъ [5]). Третій, ничего не имѣя кромѣ опытности и умѣнья, предлагалъ свой трудъ богатымъ людямъ: полку Черниговскаго сосницкой сотни купчинъ грекъ Филиппъ Николаевъ говорилъ: „1731 г. въ ноябрѣ приговорилъ мене графъ Гавріилъ Владиславовичъ и далъ мнѣ денегъ 600 руб. на промыслъ купеческій по такому уговору: що Богъ дастъ исъ тихъ денегъ взялъ би онъ, графъ, денегъ двѣ доли, а третую долю мнѣ изъ за работнихъ денегъ за труди, дати, а сума его била въ цѣлости“ [6]). Деньги добываемыя греками для торговли, пріобрѣтались иногда дорогою цѣною и большими жертвами: грекъ македонскій Зотій въ 1731 г. взялъ товару въ кредитъ на 3000 руб. у македонскихъ жителей Ѳеодосіева, Маруцы, турецкаго „купчина“ Магмета, а въ поруки въ уплатѣ отдалъ своихъ родителей [7]). Вообще, энергичный и предпріимчивый грекъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для заработка, пріобрѣтенія средствъ, у него всегда былъ на готовѣ какой-нибудь планъ: то онъ предлагаетъ правительству послѣ нашествія шведовъ отыскивать въ Черниговщинѣ и Стародубовщинѣ клады [8]), то составляетъ проектъ монополіи косной торговли, то предлагаетъ устроить водочный заводъ для изготовленія заграничныхъ винъ и пр. Поэтому понятно: являясь въ Малороссію — въ какой-нибудь городъ, мѣстечко — безъ всякихъ средствъ, человѣкомъ новымъ, грекъ скоро освоивался, начиналъ торговлю, открывалъ шинокъ, черезъ нѣсколько времени обзаводился своимъ собственнымъ домомъ и становился виднымъ человѣкомъ и пользовался почетомъ и уваженіемъ, если не за свою полезную для населенія дѣятельность, ибо сплошь и рядомъ состояніе пріобрѣталось цѣлымъ рядомъ насилій, то благодаря своему богатству: часто грекъ бывалъ „ктиторомъ“ одной, если не единственной, изъ церквей мѣстечка.

---

[1]) Х. И. А. М. К., № 3313.

[2]) Ibid., № 11015.

[3]) Г. М. А. М. И. Д. д. гр. 1752 г., № 3. Анкеръ — мѣра для вина въ Россіи и другихъ государствахъ (Швеціи, Голландіи, Даніи, Норвегіи) отъ 33—40 шт., т.-е. 3 ведра съ лишнимъ. Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. I, стран. 788.

[4]) Х. И. А. М. К., № 15913.

[5]) Кіевскій Центр. Арх. ibid.

[6]) Х. И. А. М. К., № 3313.

[7]) Ibidem.

[8]) Грекъ Михайловъ въ 1725 г. въ Почепѣ ищетъ денегъ, кладовъ, но ничего не было найдено кромѣ хлѣба, зарытаго въ ямахъ (Арх. Мин. Юст. Оп. I вяз. 4 № 109).

Красной чертой въ греческой коммерческой жизни проходитъ товарищеское, компанейское начало. Рѣдко грекъ торговалъ одинъ, большей частью онъ вступалъ въ товарищество. Товарищества составляли какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ живущіе въ Малороссіи, такъ и пріѣзжіе и не только между собой, но и съ купцами другихъ національностей — великорусскими и малорусскими и пр. Болгаринъ Гаджи ѣздилъ нѣсколько разъ изъ Константинополя въ Нѣжинъ и обратно за товаромъ, торгуетъ въ товариществѣ[1]). Въ 1765 г. нѣжинскій грекъ Мецовитъ и македонскій Кирьяновъ составили на три года компанію съ 10679 руб. 65 коп. Мецовитъ закупалъ въ Россіи пушной товаръ и отправлялъ его въ Турцію, а Кирьяновъ продавалъ и покупалъ въ Турціи товары, находящіе сбытъ въ Россіи[2]). Леонардовъ и Мантовъ торгуютъ въ товариществѣ[3]). Греки Столевскій и Кировъ имѣли товарищество по торговлѣ волошскимъ виномъ[4]). Торгующихъ въ товариществѣ мы знаемъ грековъ Юрія Протченка и Ивана Карлова[5]). Иванъ Мурайтовъ ѣздилъ въ Грацъ съ 1745 г. по 1752 г. ежегодно за косами; товарищескій капиталъ 9000 руб., изъ котораго 8500 руб. принадлежало Самойлу Пеллопонову[6]). Въ 1771 г. вступили въ товарищество грекъ нѣжинскій житель Иванъ Стапевичъ, зять его кременчугскій Θедоръ Можаитиновъ и нѣжинскій грекъ Антонъ Юрьевъ Тухаевъ и торговали до 1776 г. Съ 5 августа 1773 г. по 29 апрѣля 1776 г. черезъ руки Мажаптинова прошло товару на 200041 руб. 18 коп., который былъ проданъ за 229362 руб. 66½ коп.[7]). При заключеніи товарищества выдавали иногда другъ другу „облигаціи". Условія, на основаніи которыхъ вступали въ товарищество, были различны. Дядя Пеллопоновъ и племянникъ Мурайтовъ торгуютъ косами — „барышъ и убытокъ пополамъ". Со 2 ноября 1743 г. три грека Николай Евстафіевъ, Евстафій Ивановъ и Николай Метакса вступили въ товарвщество: Николай Евстафіевъ вложилъ капиталъ въ 1508 руб. 95 коп., а Евстафій Ивановъ и Николай Метакса ничего изъ своихъ денегъ не положили; на эти 1508 руб. 95 коп. должна была производиться торговля, а со вложеннаго въ предпріятіе капитала Николай Евстафіевъ изъ „товарискаго барыша" получаетъ по 1 рублю на 100 на каждый мѣсяцъ[8]).

Приведемъ имѣющуюся въ нашемъ распоряженіи копію съ контракта товарищества: „симъ нашимъ товарищескимъ обовязателнимъ писмомъ и существителнимъ доказателствомъ признаемся нижеподписавшіеся, а именно гпднъ Панаіотій Васильевъ, Θеодосій Сіятій и Николай Ивановъ Аθенѣевъ, что мы, в славу Бжію, в товаришество вступили и гпднъ Панаіотій Васильевъ капыталу положилъ въ товаришество 4802 руб. и 25 коп., повтораю четыре тисячи восимь сотъ и два рубля и двадцать пять коп., которіе состоятъ въ некоторомъ числе мягкои рухледи, по нашему благо-

---

1) Г. М. А. И. Д. д. Мал. 1734 г., № 3.
2) Х. И. А. М. К., № 21262.
3) Ibid., № 16314.
4) Арх. Мин. Юст. Оп. 8 вяз. 59 № 1467.
5) Ibid. Оп. 7 вяз. 7, № 232.
6) Х. И. А. М. К., № 7243.
7) Арх. Греч. Братства.
8) Арх. Мин. Юст. Оп. \ вяз. XI, № 146.

изобретенію и в другихъ товаровъ, в коемъ числе и пят векселей всего на три тисячи на восимъ сотъ двадцетъ рублевъ, а досталніе в дополненіе вышеписанной суммы онъ дадалъ намъ чистими денгами и гпднъ Панаіотей имѣетъ по вишеписаннимъ вексѣлямъ заплатит, как настоящей хозяинъ. Во всем више изображенномъ ежели мы обои више помянутіе в свои руки приняли, а именно Өеодосій Сіятій и Николай Ивановъ Аөѣниевъ, чтоб темы товарами и денгами торговать в Бреславе, Лейпцихе і в Венеціи, виклучая Туркію, в которой ми никакого торгу производит не имѣемъ, и тако даетца намъ Өеодосію и Николаю на волю покупать и продавать все то, что Богъ намь по серцу положит, а по окончанію продажы и покупки должни ми возвратится в Москву для обикновенного чистаго росчету и вичитая издержки, кои для товаровъ учинитца имеютъ, какой Господь баришь или убыток, от чего Боже обрани, подасть все оное на двое доли да разделитца, из которих одна доля надлежит имѣеть гпдну Панаіотію и другая по поламь Өеодосію и Николаю иждивенія же, кои мы Өеодосій, Николай, на наши персони употребить еже разумѣетца на пищу и протчое обовязуемся сами нести, а сверхъ того сколко бы мы кроме вышеписанной сумми туда и возвратно едучи товаровъ на векселяхъ или инимь образомь не взяли съ оних баришъ и убитокъ, отъ чего Боже сохрани, в томъ намь двоимь Өеодосію и Николаю между собою ведатца отъ гпдна Панаіотія позволяетца; такимь то образомь сіе товаршиеское обязателное писмо постановлено и собственними нашими руками подписано, а для лутчаго уверенія два равногласящія эксемпляра написани, изъ которихъ одинъ врученъ гдну Панаіотию, а другой намь обоимь. 1744 августа 29 д. в Москви. (Идитъ подписи). Еще мы нижеподписавшіеся Николай Іивановъ Аөенѣевъ и Өеодоссій Сіятій взяли в товарищество у гпдна Паниіотія Васильева три пары соболей цѣною за 175 руб. и сіе для того здесь вноситца, чтоб оное разумелось такожде в товарищество к вишеписанной сумме Өеодосій Сіятій принялъ оное и подписался своею рукою[1]).

Каждый народъ торговыя сдѣлки совершаетъ на свой манеръ[2]). Всякое торговое предпріятіе для купца, безъ сомнѣнія, представляетъ громадную важность, поэтому и не мудрено, если купцы всякое незначительное коммерческое дѣло любятъ дѣлать не спѣша, обдумывая каждый шагъ и проводя время за любимымъ развлеченіемъ: китаецъ, напр., совершаетъ торговую сдѣлку за чашкой чая, русскій за рюмкой водки, а грекъ за чашкой кофе въ кофейнѣ, гдѣ онъ проводилъ большую часть своего досуга: умѣренный въ пищѣ и платьѣ грекъ страстный любитель кофе. Кофейня же удовлетворяла многимъ потребностямъ греческаго пытливаго ума. Прохлаждаясь за чашкой кофе, развлекаясь игрой въ шашки, грекъ въ кофейнѣ могъ знать всѣ коммерческія и общественныя новости почти всей Европы, половины Азіи и даже Африки. Здѣсь сталкивались купцы изъ Константинополя, Пелопоника и съ южныхъ греческихъ островов, изъ Петербурга, Венеціи, Лейпцига и Макарьевской ярмарки, изъ Кавказа, Персіи и прочихъ странъ. Подъ видомъ торговаго человѣка часто скрывался политическій агентъ, какой-нибудь повѣренный по секретнымъ дѣламъ хотя бы

[1]) Х. И. А. М. К., № 12562.

[2]) Сумцовъ. Культурныя переживанія. Кіевъ, 1890 г. Стран. 52, 53.

Константинопольскаго патріарха[1]). Многіе изъ пріѣзжавшихъ въ Малороссію грековъ были врачи, многіе изъ проживающаго даже въ Нѣжинѣ купечества были лица образованные, получившіе свое воспитаніе за границей и слушавшіе вѣроятно лекціи въ западно-европейскихъ университетахъ[2]). Поэтому подвижному греку, привыкшему интересоваться почти всѣми вопросами общественной жизни, кофейня давала обильную пищу для его ума; она давала справки по интересующимъ его коммерческимъ вопросамъ, здѣсь же онъ узнавалъ и о спросѣ на товаръ и о его цѣнѣ, а также о кредитоспособности своихъ покупателей и, наконецъ, устраивалъ свои торговыя сдѣлки. Греку кофейня замѣняла нашъ клубъ, нашу любую справочную контору. Поэтому не мудрено, если грека тянуло въ кофейню и судья греческаго братства оставлялъ разборъ кляузныхъ дѣлъ и направлялся туда же. Конечно, для полкового старшины, назначеннаго наблюдать за порядками въ братствѣ и обязаннаго смотрѣть на житейскіе вопросы глазами указовъ генеральной войсковой канцеляріи, казалось страннымъ, что греческіе судьи вмѣсто присутствія въ судѣ шли въ кофейню „забавлялись тамъ играми“[3]), а къ указамъ генеральной канцеляріи относились скептически и легкомыслено. Коммерческія дѣла грекамъ приходилось вести не только между собою, но съ купцами другихъ народностей, особенно часто съ великоруссами, а послѣдніе рюмку водки предпочитали прочимъ напиткамъ; это должно было породить особый типъ кофейни съ продажей водки, какую кофейню дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ Нѣжинѣ[4]).

Торговыя сношенія грековъ приносили имъ большія выгоды; поселяющіеся въ Нѣжинѣ греки, освобожденные царскими грамотами и гетманскими универсалами отъ тяжелыхъ народныхъ повинностей, богатѣли, скупали казачьи и мѣщанскіе грунты. Въ 1738 г. нѣжинская полковая канцелярія доносила Румянцеву, что „греки и дѣти и внуки их ежегодно распространяючися домами своими, которыхъ иние имѣютъ по два и по три, живутъ прохладно, никакихъ и наименшихъ повинностей не отбываючи, а другіе греки, совокупивши куплею дворовъ по 15 и поболшъ, настроили великое число избъ и съ найму онихъ толко прибыль получают“[5]). А въ 1742 г. нѣжинскій магистратъ представилъ въ генеральную войсковую канцелярію донесеніе, въ которомъ заявлялъ, что освобожденные отъ повинностей греки такъ сильно скупаютъ дворы мѣщанскіе, что всѣ они могутъ быть ими скуплены, что грозитъ обѣдненіемъ городу; почему Бибиковъ ордеромъ изъ генеральной канцеляріи приказалъ нѣжинскому магистрату не утверждать купчихъ крѣпостей до разъясненія правительствующимъ Сенатомъ этого вопроса[6]).

Интересны свѣдѣнія о пріобрѣтеніи греками домовъ; къ несчастію наши свѣдѣнія страдаютъ неполнотой. По вѣдомости 1738 г. о дворахъ, построенныхъ внѣ

---

[1]) Въ Петербургѣ живетъ грекъ Папафилъ, а его братья въ Нѣжинѣ и ведутъ между собой тайную корресподенцію о политическихъ дѣлахъ (Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1758 г., № 3).
[2]) Х. И. А. М. К., № 15273.
[3]) Х. И. А. М. К., № 5489.
[4]) Ibid., № 4560.
[5]) Рук. Рум. Муз. Арх. Мар., № 1334.
[6]) Х. И. А. М. К., № 21702.

Нѣжина „по надо рвомъ“: Дворъ подпоручика грека Николая Куртина стоитъ на купленномъ мѣстѣ у Данила Новомлинскаго за 30 руб., строеніе своимъ стараніемъ дѣлалъ оной Куртинъ, живетъ въ ономъ лѣтъ 3 (надъ самимъ рвомъ). Дворъ Василія Бурдюна дьяка грецкаго, а въ ономъ хоромное строеніе имъ, Бурдюномъ, построено на купленномъ за 24 руб. мѣстѣ и живетъ Бурдюнъ лѣтъ 40 (надъ самымъ рвомъ). Дворъ пономаря грецкаго Марка стоитъ на мѣстѣ, купленномъ у Романа Мандзенка за 12 руб., живетъ въ ономъ Маркъ лѣтъ 7 (въ разстояніи ото рва $5^1/_2$ сажень). Дворъ войта нѣжинскаго Петра Тернавіота, въ немъ 4 хаты (надъ самымъ рвомъ). (Рук. Рум. Муз. Арх. Маркевича, № 1806). Грекъ Риза Ивановъ купилъ домъ съ весьма старымъ строеніемъ у Кпцанки за 18 руб. (1764 г.) Грекъ Буджика въ 1764 г. у діакона нѣжинскаго гарнизона русской церкви Богоявленія Гдня купилъ дворъ со всякимъ строеніемъ въ верхней крѣпости за 120 руб., 1764 же года грекъ Стефанѣй Астафьевъ купилъ у Шепелевой, жены артиллеріи бомбардира, избу съ сѣньми въ нѣжинской крѣпости за 22 руб. 1765 г. грекъ Батышъ купилъ у посполитаго дворъ за 50 руб. въ нѣжинской крѣпости возлѣ церкви Богоявленія и пр. (Арх. Греч. Брат. при Ист. Фил. Инст.).

Конечно, сообразно съ средствами у однихъ грековъ во дворѣ было нѣсколько жилыхъ помѣщеній, у другихъ только одно. Вообще у греческихъ купцовъ дворы были хорошо обстроены; въ нихъ помѣщались: жилой домъ „хата“, баня, очень часто лавка[1]), далѣе слѣдовали хозяйственныя постройки, среди которыхъ значительное мѣсто занимали конюшни, ибо купеческій промыселъ заставлялъ грековъ имѣть лошадей: на лошадяхъ въ крытыхъ будкахъ разъѣзжали греки по малороссійскимъ и слободскимъ ярмаркамъ[2]). Какъ дома и лавки, такъ и службы сначала были деревянныя, но потомъ начиная съ половины XVIII столѣтія начали замѣняться каменными[3]). Дома у богатыхъ строились двухъэтажные съ окнами во дворъ и очень часто съ глухими стѣнами на улицу[4]), внизу дома помѣщались склады для товаровъ—съ окнами, переплетенными толстыми желѣзными рѣшетками и запирающимися желѣзными ставнями.

Матеріалъ для построекъ — кирпичъ и известь — доставлялся изъ Новгорода-Сѣверскаго на Кладковскую пристань, а потомъ на подводахъ въ Нѣжинъ. Въ 1749 г. Самойла Пелопоновъ условился съ новгородскимъ мѣщаниномъ Трусевичемъ, чтобы Трусевичъ изъ Новгорода по р. Деснѣ на Кладковскую пристань поставилъ три байдака дикаго камня для фундамента подъ каменное строеніе, байдакъ по 40 руб. По контракту Трусевичъ обязывался этотъ камень доставить къ пристани и выгрузить на берегъ. Если байдаки въ пути постигнетъ несчастіе, то всѣ затраты на камень

[1]) Арх. Мин. Юст. 7 оп. 12 вяз., № 260.

[2]) „Понеже их же купеческими кованими конми, яких не малое число зимою и лѣтомъ безпрестанно на стойняхъ стоитъ, рано и вечеръ до води и отъ воды водячи общиною зробленный мост боли збивается“ (Х. И. А. М. К., № 11744). См. также Арх. Греч. брат. при Ист. Фил. Инст.

[3]) Сторожевскій, Нѣжинскіе греки.

При посѣщеніи Нѣжина мнѣ пришлось самому убѣдиться въ этомъ по немногимъ уцѣлѣвшимъ строеніямъ грековъ.

[4]) Ibid.

и на его доставку Трусевичъ принимаетъ на себя, а Пелопоновъ возвращаетъ Трусевичу байдаки. Контрактъ съ Трусевичемъ, по довѣрію Пелопонова, заключалъ калужскій купецъ Макаръ Холщевниковъ. Помимо этого Пелопоновъ купилъ у жителей Команскихъ Тимохи Медвѣдева да Данила Евхима два байдака камня, который они продали съ своего грунта[1]).

Не имѣвшіе своихъ домовъ останавливались на квартирахъ за извѣстную плату. Отдавать дома подъ квартиры купцамъ и вообще пріѣзжающимъ грекамъ было, повидимому, крайне выгодно, ибо, какъ мы уже упоминали, малорусское населеніе съ завистью разсказывало, что греки позакупили мѣста, понастроили „хатъ" и отъ сдачи ихъ въ наемъ получали „прибыль". Въ этихъ квартирахъ они помѣщались сами на житье, тамъ и складывали и хранили свои товары; вѣроятно, церковныхъ и братскихъ подваловъ не доставало и, въ сущности, эти квартиры очень часто являлись амбарами или кладовыми. Сложивши свои товары, замкнувши свою квартиру — „хату", грекъ разъѣзжалъ съ частью своихъ товаровъ по украинскимъ ярмаркамъ. Располагаясь на довольно продолжительное житье, грекъ снабжалъ свою квартиру запасами дровъ, сѣна и пр. Какова плата была за квартиры, мы, къ несчастью точныхъ свѣдѣній не нашли. Въ нашемъ распоряженіи находится только слѣдующее: архимандритъ Аѳонской горы Витупецкаго монастыря прибылъ въ Нѣжинъ изъ Москвы въ 1722 г. и до отъѣзда въ Турцію нанялъ для себя квартиру у Троицкаго попа Алексѣя на мѣсяцъ по 4 золотыхъ[2]). Грекъ Гугнивый въ 1750-хъ годахъ, живя на землѣ Анастасіевской церкви, платилъ въ годъ по 8 руб.[3]).

Многіе изъ грековъ въ окрестностяхъ Нѣжина закупили земли, насадили хутора, въ которыхъ занимались хозяйствомъ, особенно скотоводствомъ; скотомъ пользовались какъ средствомъ для перевозки товаровъ или же „гоняли" его на продажу. Въ 1753 г. черезъ Васильковскій форпостъ грекъ Караманлей изъ своего хутора „гонитъ" скотъ[4]). Кумбурлѣй отправляетъ въ Галацъ значительные караваны на своихъ волахъ[5]). Въ 1764 г. въ полковой нѣжинской сотнѣ мы встрѣчаемъ: хуторъ грека Калаготрія съ тремя хатами, хуторъ Кумбурлѣя съ тремя хатами, — Кирки съ 5 хатами, во второй полковой сотнѣ: грека Кумбурлѣя съ 3 хатами, въ четвертой полковой: хуторъ Артена (Артина?) съ одной хатой, — гречанки Ралѣйки съ одной хатой; въ Веркіевской сотнѣ: грека Анастасія съ 1 хатой, и въ монастырской сотнѣ — грека Юрья Форматьева съ 10 хатами[6]).

Отъ матеріальныхъ средствъ находилась въ зависимости и домашняя обстановка грековъ. Въ домашнемъ ихъ обиходѣ мы встрѣчаемъ золотую и серебряную посуду: ложки, чарки, подносы, ладунки и пр.[7]) Грекъ Евстафій Ивановъ въ 1749 г. даетъ въ закладъ 289 лотовъ серебряной посуды и полторы дюжины серебряныхъ ложекъ[8]).

---

[1]) Х. И. А. М. К. № 7319.
[2]) Арх. Мин. Юст. Оп. I, вяз. I № 1.
[3]) Х. И. А. М. К. № 16343.
[4]) Кіевскій Центр. Арх. ibid.
[5]) Х. И. А. М. К. № 11778.
[6]) Ibid., № 4372 и № 4373.
[7]) Х. И. А. М. К. № 11955.
[8]) Ibid., № 5489.

А торговля съ заграничными городами давала грекамъ возможность пріобрѣтать хозяйственныя вещи заграничной работы: „венецкіе ножи[1]“, у Ламбры Мокрія дорожная коляска нѣмецкой работы, ружье у него венецкой работы, „нарицаемое Лазаринъ“ [2]). Костюмы, особенно дамскіе, были преимущественно шелковые, а такія вещи, какъ кольца, браслеты, крестики золотые, усыпанные алмазами и другими драгоцѣнными камнями, кораллы, коралловыя мониста съ привѣшенными золотыми монетами, составляли одну изъ статей греческаго домашняго скарба; вообще благородные металлы и драгоцѣнные камни были слабостью грековъ. Капиталъ Дели Алекса по запискамъ и реестрамъ простирался до 25 тысячъ рублей въ разныхъ шелковыхъ товарахъ и алмазныхъ вещахъ[3]). Вотъ реестръ приданаго за Еленою Мантовой:

„1741 году, мая 10 дня, реестръ про память, что даемъ Елени приданого:

3 кубки серебрени вѣсу въ ныхъ золотн. 56.

6 ложекъ въ ныхъ золотниковъ 72.

12 чарокъ серебреныхъ водчыныхъ въ нихъ золотниковъ 195, золотникъ имѣетъ куплю по 18 коп., чинять сумму всего 72 руб. 44 коп.

Цѣновыхъ[4]) блюдовъ 8, тарелокъ 12, вѣсу въ ныхъ каменъ 1, купля имъ 10 руб.

6 низокъ жемчугу, купля ему 150 руб.

Ланцужокъ золотой вѣсу въ немъ червонцовъ 22 купля ему 55 руб.

4 перстенковъ золотыхъ съ алмазамы, рубинамы и зафирамы и еденъ обручикъ золотой купля имъ 75 руб.

6 кунтушей матеріальныхъ 4 съ разными цвѣтами, а два зъ адамашки доброй; 4 подбити подъ черевами лисъ, двое: еденъ подъ завойкамы, а еденъ подъ черними сѣбѣркамы добримы, а двое легкихъ штофнихъ съ позументомъ округъ чинятъ суму кунтуши 260 руб. 60 коп.

4 сподници: двѣ зъ разными цвѣтами, една атласовая, а другая штофовая съ позументамы сума имъ 75 р. 20 к.

5 запасокъ: двое злотоглавныхъ, а двое матерялныхъ съ розными цвѣтами, а една табинова, сума онимъ 55 р.

2 завѣса одна штофовая, а другая полотна вишиваного чинятъ 30 р.

2 одѣялъ одно штофовое, а другое армезинное шелковое чинятъ 31 р.

1 пуховикъ пуху доброго вѣсу каменей 2 чинить рублей канафасу (sic!) 19.

4 подушокъ двѣ большихъ, а двѣ малыхъ золотомъ шитіе чинятъ рублевъ 18.

6 простиръ бѣлыхъ добрыхъ чинятъ 13 р.

6 скатертей купля имъ 7 р.

24 салфетъ купля имъ 5 р.

11 рушниковъ купля имъ 5 р.

23 рубахъ купля имъ 25 р.

2 скринь една куплена за 7 р., а другая за 6 р.

---

[1]) Х. И. А. М. К. № 11955.

[2]) Ibid., № 25235.

[3]) Ibid., № 22323.

[4]) Оловянныхъ.

1 шапка женская за 9 р.

2 чипковъ 5 р.

1 пановка и една лоханя жолтая купля онымъ 2 р.

1 простира золотомъ шитая за 16 р.

Да за мѣсце отъ комори даже до делованя, что отъ улицѣ стоитъ цѣна ему 300 р.

Еще готовимы рублевъ 600 т.-е. шесть соть рублевъ за якіе имѣлъ бы господинъ Николай давать намъ всякого году по 50 руб. даже до 6 лѣтъ, а впредь уже былъ бы не требуемій и были бъ ихъ. И буди въ доказательство Георгій Манѳовъ [1])".

На деньги, на богатство грекъ смотрѣлъ, какъ на средство для улучшенія обстановки своей жизни, а главное для удовлетворенія духовныхъ потребностей и не только своихъ собственныхъ, но и своихъ соотечественниковъ. Здѣсь у грека пробуждались тѣ духовные инстинкты, которыми такъ богатъ греческій характеръ. Греки строятъ церкви, при церквяхъ появляются школы, богадѣльни; на нихъ греки жертвуютъ значительныя средства, особенно же много жертвовали на монастыри [2]).

Греческіе купцы были одни изъ самыхъ богатыхъ въ Малороссіи: въ то время какъ „первые мѣщане купцы" такихъ торговыхъ пунктовъ, какъ Стародубъ и Кіевъ, располагали капиталами отъ 5 до 20 тысячъ (Стародуба только до 15 тысячъ), нѣжинскіе богатые купцы располагали капиталами отъ 10 до 60 тысячъ рублей и гораздо болѣе, и только капиталы „первѣйшихъ глуховскихъ купцовъ, торгующихъ шелкомъ, сукномъ, фарфоромъ, пушнымъ товаромъ и имѣющихъ сношенія съ Питербургомъ и Москвой, достигали до 50 тысячъ руб.", да черниговскіе купцы, тор-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Оп. 7., вяз. XII, № 260. Здѣсь же имѣется и копія брачнаго договора, который мы находимъ умѣстнымъ приложить здѣсь: „Благій Богъ и естествомъ сій благъ, значала человѣка создавій не оставилъ его самого, но помощника ему даде, рекій: не добро быти человѣку самому, но сотворимъ ему помощника! Хотя убо и я, Георгій Манѳовъ, сопрягши вселюбезную и украшенную дочерь свою Елену съ почтеннимъ паномъ Николаемъ Василіевимъ законному и истинну мужу ей, дабы онъ вминялся ей глава, она же по немъ, якъ и въ евангеліи рече: яко мужъ есть глава женѣ, якъ и Христосъ глава Церквѣ, убо принимаеть ей себѣ онъ въ жену противу то, что могій вмѣстить, да вмѣститъ, а не могій жену себѣ да пойметь. По содержащему убо обичаю яже родителѣ къ чадомъ ихъ христіанско имѣютъ, а понеже тая яже бываютъ самоизвольнимъ и самохотнимъ умомъ угодна суть тому, что тая чинить, аще убо суть добра бываемая, то тогды суть тверда и непоколебымая, яко то суть и отъ всѣхъ человѣкъ свидѣтелная и отъ Бога похвалительная. Сего ради извѣствуемъ симъ согласнимъ нашимъ писаніемъ, что перве даемъ ей молитву нашу: да помоществуетъ ей и да удостоить ей небесній Богъ состарить благоугодивши мужу ей, чадо родивша въ мирѣ. Второе же приданное даемъ ей самоизволно и самохотно, нижъ в семъ свидѣтельномъ письмѣ писанное (слѣдуетъ реестръ приданаго). Сіе все даемъ ей, имѣла бъ она въ своемъ владѣніи купно съ мужемъ своимъ, да будутъ ихъ съ набытостію и набдѣвалысь бы тѣмъ съ молитвою нашею и благословеніемъ; імы же да умножать и истяжуть благая Авраама, Исаака, Іакова, молитвамы Пресвятія Богородицѣ и святаго великомученика Прокопія. Аминь. Того ради въ доказательство и твердость намы даемыхъ и дарованныхъ ей сочинися и сіе приданно согласное письмо при свидѣтельствѣ достойновѣрныхъ лицъ року 1741 мая 10 д. Нѣжинъ Георгій Манѳовъ". (Ibid.)

[2]) Въ синодикѣ Домницкаго монастыря, находящемся въ ризницѣ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, мы находимъ вписанными рядъ греческихъ родовъ (въ первой половинѣ XVIII ст.): родъ Константія Левицкаго презвитера Греческой нѣжинской церкви, родъ Ѳомы Мачимача гречина жителя нѣжинскаго, родъ Иваницы Барбалата, родъ Гордія зятя Марка Харцыза, родъ Стефана Гречина, Киріака и прочихъ благодѣтелей нѣжинскихъ. Родъ пана Николая Судаклія, гречина нѣж. Родъ Григорія грека нѣжинскаго родъ Іоанна Судана жителя Румянскаго, родъ Киріяка Поповича Цариградскаго и пр. и пр. Грекъ Константинъ Анастасіевъ, умирая въ Константинополѣ, поручилъ греку Фамилису всѣ товары и деньги, чтобы разсчитался съ кредиторами, а прочее пораздавалъ бы на церкви (Х. И. А. М. К. № 3313).

говавшіе красными товарами, которые они покупали въ Гданскѣ, Цесаріи и Вѣнѣ, а продавали въ Полтавѣ, Сумахъ, Нѣжинѣ и Черниговѣ, „въ капиталѣ почитались отъ 20 до 100 тысячъ и гораздо болѣе" [1]). Изнемогшіе подъ бременемъ народныхъ повинностей нѣжинцы съ завистью смотрѣли на греческое богатство и житье: „а они (греки) живутъ помощи народу не чиначи, а у нихъ пожитки такіе, что еденъ можетъ цѣлое село скупить и зъ пожитками, да только они платятъ чиншу въ годъ рублей три, да и постоевъ въ домахъ ихъ никогда не бываетъ" [2]). Какъ люди богатые, многіе изъ грековъ занимались откупами: въ 1741 г. грекъ Кумбурлѣй державъ на откупу Нѣжинскій полкъ, а сотни раздалъ другимъ грекамъ, подручникамъ своимъ [3]); нѣжинскій житель грекъ Анастасій Казнаферъ взялъ на откупъ „всѣ статейные сборы до скарбу войсковаго принадлежащіе въ Гадяцкомъ полку [4]) съ 1 ноября 1753 по 1 ноября 1759 г. Иванъ Кумбурлѣй, Христофоръ Шуна и Петръ Богдановскій взяли на откупъ собираемые въ Черниговскомъ полку денежные, хлѣбные и другіе доходы съ 1 сентября 1741 по сентябрь 1745 г.[5]). Въ 1729 г. гетманомъ былъ отданъ на откупъ греку Яну Сердюку сборъ въ Нѣжинской полковой сотнѣ: воскобойная камора, въ которой продавался „запродажный деготь", поведерковое съ вина, скатное съ колоды, помѣрное [6]).

Вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальныхъ богатствъ отдѣльныхъ членовъ греческаго міра росло и духовное богатство его, если не у себя на родинѣ, то на чужбинѣ. Въ 1742 г. греческая церковь появляется въ Лейпцигѣ, въ 1758 г. въ Амстердамѣ, въ 1760 г. въ Ливорно, въ половинѣ XVIII же вѣка мы видимъ греческую церковь въ Вѣнѣ. Всѣ эти церкви имѣли между собою тѣсныя связи. Лейпцигъ былъ однимъ изъ торговыхъ городовъ средней Европы, его ярмарки были извѣстны во всей Европѣ [7]), два раза въ годъ сюда наѣзжало греческое купечество, а въ Лейпцигской академіи обучалось греческое юношество. Въ 1742 г. польскій король курфирстъ саксонскій разрѣшилъ грекамъ, съѣзжающимся на ярмарку, имѣть свое богослуженіе, а архимандритъ Ѳеофилактъ Поладисъ, постриженный на Аѳонской горѣ, отправился путешествовать по Европѣ „для любопытствованнаго осмотрѣнія европейскихъ краевъ": побывалъ онъ въ Петербургѣ, откуда по своимъ дѣламъ отправился въ Германію, и, прибывши въ Лейпцигъ, посовѣтовалъ грекамъ устроить церковь, которую два года содержалъ на свои средства. Въ 1744 г. обратился за помощью къ русскому правительству: у государыни онъ просилъ для себя жалованье, а у наслѣдника престола 10000 руб. для покупки двора для церкви. Чтобы не даромъ получать жалованье, онъ предлагалъ русскому правительству присылать къ нему въ Лейпцигъ молодыхъ русскихъ священниковъ и діаконовъ для обученія. Русское

---

1) Х. И. А. М. К. № 5708.
2) Ibid., № 11744. Въ 1729 году.
3) Ibid., № 14512.
4) Ibid., № 22267. Здѣсь находится и контрактъ. См. приложеніе.
5) Ibid., № 30373.
6) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1730, № 30.
7) Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Вып. 3 и 4. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса, стран. 92.

правительство предписало своему резиденту въ Константинополѣ Вешнякову спросить совѣта у константинопольскаго и другихъ патріарховъ. Патріархи къ основанію академіи въ Лейпцигѣ отнеслись несочувственно, указывая на то, что въ странѣ иновѣрной молодые люди могутъ заразиться ересью — взглядами, противными ученію православной вѣры. И если, докладывалъ Вешняковъ, нужно учредить академію, которая бы была полезна и для грековъ и для восточныхъ славянъ, то ее основать гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги, идущей съ юга на сѣверъ (т.-е. отъ Балканскаго полуострова до Москвы)[1]). Греки съ Амстердамомъ имѣли постоянныя торговыя сношенія, и многіе изъ греческихъ купцовъ имѣли тамъ постоянное жительство; послѣдніе просили разрѣшенія у штатовъ о совершеніи богослуженія. Греки получили позволеніе не только совершать богослуженіе въ частномъ домѣ, но и выстроить общественную церковь. Для священнодѣйствія, по приглашенію грековъ, прибылъ въ Амстердамъ уроженецъ гор. Нѣжина, іеромонахъ Амвросій Парчикаловъ, постригшійся на Аѳонской горѣ. Греки просили, чтобы эта церковь была принята подъ протекцію русскимъ правительствомъ и называлась „россійская публичная церковь", ибо черезъ Амстердамъ проѣзжало много „вояжирующихъ" русскихъ подданныхъ[2]). Въ 1760 г. въ Ливорно была построена греческая церковь во имя Св. Троицы[3]).

Благодаря грекамъ гор. Нѣжинъ былъ самымъ оживленнымъ торговымъ пунктомъ въ Малороссіи. По словамъ современника (XVIII ст.), благодаря грекамъ „Нѣжинъ не только въ Черниговскомъ намѣстничествѣ, но и во всей Малой Россіи одинъ такой городъ, который торговымъ назваться можетъ и который многимъ великороссійскимъ городамъ въ своемъ торговомъ состояніи не уступаетъ. Въ немъ не однѣ ярмарки, но и во всякое время всякіе товары и нужныя для дому съѣстныя и питейныя вещи сыскать можно". И далѣе добавляетъ. „Нѣжинъ особливо торгомъ, греками производимымъ, знаменитъ, безъ которыхъ онъ можетъ быть и не былъ бы въ томъ состояніи, въ какомъ онъ дѣйствительно есть"[4]). Ученый путешественникъ конца XVIII ст. Гюльденштедтъ[5]) городъ Нѣжинъ въ торговомъ отношеніи считаетъ самымъ важнымъ. Кіевъ, напр., мѣщане котораго „торги свои вели въ Гданскъ, Бреславль, Броды и Молдавію пушными товарами, китайками, простымъ полотномъ и тамъ оные продавая или промѣнивая на шелковые, суконные, серебряные, галантерейные и пр. товары, отвозили для продажи въ Москву, Курскъ, Нѣжинъ, Ромны, Сумы и Харьковъ[6]), былъ, по словамъ Гюльденштедта-очевидца, незначительнымъ торговымъ пунктомъ: „торговля въ Кіевѣ весьма незначительна, въ обширныхъ размѣрахъ не торгуютъ ничѣмъ. Въ немногихъ мелочныхъ лавкахъ продаютъ пряности посредственнаго достоинства, галантерейные товары и обыкновенную домашнюю ут-

---

[1]) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1744 г. № 1.
[2]) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1758 г. № 2.
[3]) Ibid., д. Греч. 1760 г.
[4]) Шафонскій, Описаніе Черниг. нам., стран. 477.
[5]) Былъ въ г. Нѣжинѣ 13—15 октября 1774 года. Кіевская Стар. 1893 г. XL т. стран. 432.
[6]) Х. И. А. М. К. № 5708.

варь. Немного больше можно найти на ярмаркахъ[1]). Мы нарочно провели параллель между Кіевомъ и Нѣжиномъ: если Кіевъ, мѣщане котораго, по туземнымъ источникамъ, были промышленные люди, на чужеземца не производилъ впечатлѣніе торговаго города, то какъ значительна должа была быть торговая дѣятельность Нѣжина, если тотъ же наблюдатель отмѣчаетъ этотъ городъ, какъ торговый. Въ Нѣжинѣ въ послѣдней четверти XVIII ст. находилось 19 каменныхъ лавокъ, въ то время какъ въ тогдашней столицѣ Малороссіи Глуховѣ ихъ было 18, въ Кіевѣ 7 и Стародубѣ 1[2]).

Торговые обороты нѣжинскихъ и роменскихъ ярмарокъ, на которыхъ греки являлись главными дѣятелями, были самые значительные; Нѣжинъ и Роменскія ярмарки доставляли самый значительный сборъ „индукты и эвекты“. Такъ, съ 1 мая по 1 сентября 1705 г., сборы эти располагались такъ: въ Нѣжинскомъ полку и на Роменскихъ (Вознесенской и Ильинской) ярмаркахъ собрано было 7685 руб. 42 коп., въ Кіевскомъ полку — 847 руб. 91 коп., въ Черниговскомъ — 264 руб. 79 коп., въ Старадубовскомъ — 491 руб. 62 коп., въ Полтавскомъ — 632 руб. 66 коп., въ Миргородскомъ — 1087 руб. 20 коп., въ Лубенскомъ — 995 руб. 58 коп., въ Гадяцкомъ — 814 руб. $66\frac{3}{4}$ коп., въ Прилуцкомъ — 154 руб. 33 коп., и въ Переяславскомъ — 92 руб. 76 коп.; съ 1 сентября 1750 г. по 1 января 1751 г. въ Нѣжинѣ и на Роменской Михайловской ярмаркѣ было собрано 4844 руб. $46\frac{1}{4}$ коп., въ Нѣжинскомъ полку — 758 руб. 53 коп., въ Кіевскомъ — 791 руб. 84 коп., въ Черниговскомъ — 518 руб. 66 коп., въ Стародубовскомъ — 1095 руб. 8 коп., въ Полтавскомъ — 786 руб. 4 коп., въ Миргородскомъ — 849 руб. 12 коп., въ Лубенскомъ — 1109 руб. 66 коп., въ Гадяцкомъ — 366 руб. $47\frac{1}{2}$ коп., въ Прилуцкомъ — 16 руб. 1 коп., въ Переяславскомъ — 39 руб. 42 коп.; съ 1 января по 1 мая 1751 г. собрано было въ Нѣжинѣ, на Роменской Масляничной и Борзенской Средопостной ярмаркахъ 6378 руб. 74 коп., въ Нѣжинскомъ полку (факторства Борзенское, Вересоцкое и . . . . кромѣ дозорчествъ Глуховскаго и Короповскаго — 62 руб. 61 коп., въ Кіевскомъ полку — 618 руб. 90 коп., въ Черниговскомъ — 186 руб. $96\frac{1}{2}$ коп., въ Стародубовскомъ (за мартъ и апрѣль кромѣ Стародубовскаго дозорчества) — 1410 руб. $76\frac{11}{24}$ коп., въ Полтавскомъ — 406 руб. 37 коп., въ Миргородскомъ (кромѣ Архангелогородскаго факторства) — 384 руб. 45 коп., въ Лубенскомъ — 586 руб. 64 коп., въ Гадяцкомъ — 329 руб. $10\frac{1}{2}$ коп., въ Прилуцкомъ — 56 руб. 60 коп., въ Переяславскомъ — 130 руб. 12 коп.[3]).

[1]) Кіевская Стар. 1893 г., стран. 285.

[2]) Х. И. А. М. К. № 5708. Для наглядности приводимъ число лавокъ въ городахъ и мѣстечкахъ Малороссіи въ приложеніи № 2.

[3]) Х. И. А. М. К. № 21576. Для ясности и цѣльности картины приводимъ вѣдомость раскладки индуктоваго сбора:

Товаръ грецкій.

Отъ одного кумача	— руб.	2 коп.
„ „ киндяка	— „	1 „
„ киты красной бумаги	1 „	60 „
„ „ поясовъ румелецкихъ	1 „	60 „
„ 10-ти поясовъ верблюжихъ	— „	6 „
„ бунты сафьяну	— „	10 „
„ шелковой и златоглавной матеріи и прочихъ товаровъ, „которые на рубаху приходятъ“, берется отъ продажной цѣны 2%.		

Греки сами хорошо понимали, какое оживленіе они вносили въ торговую промышленность края и какія доставляли правительству выгоды. Когда однажды въ Переволочной карвасаріи (то же, что наша таможня) задержали ладанъ грека Анастасіева по частному долгу, то греки въ прошеніи въ главную Нѣжинскую карвасарію сдѣлали такого рода угрозу: „ежели имъ таковые отъ малороссіянъ происходитимутъ въ ихъ промыслахъ препятствія, то принуждены будутъ те промыслы оставить, отъ чего в зборе индуктовомъ можетъ слѣдовать знатная убыль"; къ тому жъ объявили, что „карвасарія все купечество долженствуетъ не допускать ни какимъ обидамъ и боронить ихъ отъ обидчиковъ и ходатайствовать за ними, где надлежитъ"[1]).

Торговля грековъ велась въ кредитъ и имъ поддерживалась. Располагая средствами, напр. тысячъ въ 8, 9, 10 рублей, греки закупали товару тысячъ на 30[2]).

Товаръ московскій.

Отъ 1000 бѣлокъ	—	руб. 60	„
„ бунта лисицъ.	—	„ 50	„
„ сорока горностаевъ.	—	„ 40	„
„ бунта корсаковъ	—	„ 14	„
„ сорока норокъ	—	„ 10	„
„ пары душокъ лисьихъ.	—	„ 2	„
„ косяка ладану	—	„ 16	„
„ тума китайки.	—	„ 16	„
„ 1000 аршинъ крашенины	—	„ 80	„
„ конца московскаго полотна	—	„ 2	„
За „прочіе дробязги також раховать отъ ста 2" — 2%.			

Товаръ польскій.

Отъ чвертки тонкаго сукна	—	руб. 80	„
„ штуки картону	—	„ 30	„
„ „ локтеваго сукна	—	„ 24	„
„ „ беклюваго сукна	—	„ 12	„
„ „ штамету	—	„ 30	„
„ „ гарусу.	—	„ 12	„
„ каменя унеди.	—	„ 14	„
„ одного рубка.	—	„ 2	„
„ мажи.	—	„ 20	„
„ прочихъ товаровъ „также раховать"			
„ ста два % индукты.			

Товаръ малороссійскій.

Отъ воза тютюна	—	руб. 50	„
„ „ ганиша	—	„ 60	„
„ вола, что до Шленска ходятъ.	—	„ 10	„
„ куфы горѣлки	—	„ 20	„
„ вола, что до Москвы ходятъ	—	„ 4	„
„ вола пеньки	—	„ 20	„

(Х. И. А. М. К. № 28326.)

Что касается „шленскихъ и гданскихъ товаровъ", то на нихъ Мазепой была наложена особая пошлина (до Мазепы ничего не взималось); съ каждаго воза „безъ ревизіи" собиралась 5 руб., Скоропадскій этотъ сборъ понизилъ до 3 руб., а отъ мелкихъ товаровъ „шацунковъ" платилось отъ рубля по копейкѣ или отъ воза гуртомъ 20 коп. (Г. А. М. И. Д. д. Мал. 1730 г. № 13.)

[1]) Х. И. А. М. К. № 15913.

[2]) Ibid, № 21262.

Во взаимныхъ сношеніяхъ греки употребляли монету всего торговаго міра — вексель. Большая часть капиталовъ грековъ заключалась въ векселяхъ. Вексельныя операціи греки совершали не только съ купцами различныхъ народностей — татарами, нѣмцами, русскими, турками, румынами, жидами и пр., но и съ малороссійской старшиной, съ казаками, посполитыми, духовенствомъ, однимъ словомъ со всѣми группами тогдашняго населенія[1]). Кредитоспособность греческаго купца будетъ понятна, если мы вспомнимъ, что грекъ въ торговлѣ не являлся единичной личностью, стоящей особнякомъ, а былъ членомъ общины, торговыя связи которой охватывали почти всю Европу, часть Азіи и Африки; торговлю же свою грекъ велъ обыкновенно въ компаніи.

Ведя крайне разнообразную торговлю, грекъ часто могъ сталкиваться съ богатымъ и высшимъ классомъ населенія и среди его могъ найти всегда себѣ покровителей. Дѣйствительно грекъ Велисаръ Ивановъ встрѣчаетъ въ Кролевцѣ на ярмаркѣ кн. Шаховскаго и во время торга пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы выпросить себѣ универсалъ, подтверждающій ему льготу отъ постоевъ и мѣщанскихъ повинностей[2]). Порой и греки являлись нужными людьми и умѣли во время оказать свои услуги. Въ 1723 г. греки хлопочутъ о безпошлинномъ пропускѣ товаровъ, купленныхъ ими для резидета Неплюева[3]). Грекъ Бабитацій въ 1746 г. изъ Венеціи обратно ѣдетъ въ Россію черезъ Вѣну; здѣсь ему русскій посланникъ Ланчинскій передаетъ „баулъ для отвоза въ Кабинетъ“[4]). Пользуясь кредитомъ у другихъ, греки въ свою очередь ссужали другихъ. Покупая на значительныя суммы товары въ долгъ, они его перепродавали также въ кредитъ[5]). Въ дневникѣ Якова Марковича подъ 31 дек. 1759 г. читаемъ: „въ Глуховѣ у грека прежде полтавскаго, а теперь нѣжинскаго взяли канавацу волнистаго 26 локтей, за который надлежитъ уплатить 31 руб. 40 коп., дунлуковъ красныхъ 2 по 1 руб. 80 коп. и не платили еще[6]). Въ Сулимовскомъ архивѣ подъ 1730 г. въ записи „promemoria“ читаемъ: „Стефановѣ на покупки веселніе талярей сто винни кгрековѣ нѣжинскому“[7]). Вообще на проданный товаръ напр. за 30517 руб. приходится долгу болѣе 10000 руб.[8]), на 52924 руб. — долгу тысячъ 32. Купцы закупали товаръ въ кредитъ условливаясь уплатить за него въ извѣстный срокъ, обыкновенно въ ближайшую ярмарку, въ случаѣ не уплаты въ срокъ купецъ „по купеческому обыкновенію“ долженъ былъ уплачивать 2% въ мѣсяцъ, хотя иногда въ виду разныхъ соображеній, если дѣло доходило до суда, то судъ этотъ процентъ могъ уменьшить до 1½%. Огромный кредитъ, которымъ сопровождалась торговля, вызывалъ очень часто злоупотребленія: не всякое, конечно, торговое предпріятіе удавалось, расчеты грека не осуществлялись на дѣлѣ и онъ становился банкротомъ; ему оста-

---

[1]) Ibid, № 255. № 12562. № 12731. № 12322. № 12855. № 12189. № 12179. № 12037. № 12172. № 12229. № 12846. № 12305. № 9848. № 1139 и т. д. Арх. Мин. Юст. I оп. I вяз. № 10. Арх. Греч. Братства и др.

[2]) Х. И. А. М. К. № 3313.

[3]) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1723 г. № 6.

[4]) Ibid, д. Греч. 1749 г. № 1.

[5]) Х. И. А. М. К. № 21649.

[6]) Дневн. Зап. Марковича II т. стран. 363—364.

[7]) Сулимовскій архивъ. Кіевъ, 1834 г. стран. 63.

[8]) Арх. Мин. Юст. Оп. 7 вяз. 7 № 232.

валось или попасть въ тюрьму или скрыться, что многіе и дѣлали, спасаясь бѣгствомъ въ сосѣднія государства — въ Австрію, Турцію. Такъ напр. нѣжинскій житель грекъ Димитрій Януца задолжалъ въ 1753 г. помимо мелкихъ долговъ 19565 руб. 29 коп. разнымъ лицамъ: Псалтію 2286 руб., Ананію Мурайту 678 руб., Якову Маркачану 214 руб. 40 коп., Діамантію Горголію 4693 руб. 50 коп., московскимъ купцамъ Андрею Кондикову 2010 руб. и Аѳанасію Губину 1791 руб., Ѳедору Зафлорію 224 руб. 70 коп., умершему Панаіотію Мокріяну 1296 руб., Иваницѣ Константинову 96 руб. 50 коп., нѣмецкому купцу Матвею 4357 руб. 83 съ долями коп., іероманаху Лакедемонскому 154 руб., Самойлу Пелепонову 2242 руб. 80 коп., рижскому купцу Петру Щелехову 545 руб., Василію Ливенцову 274 руб. 80 коп., вологодскому купцу Василію Сожину 162 руб., Юрію Зафлорію 224 руб. 70 коп., Тріандафилу Ламброву 600 руб.[1]). Уплатить эти долги Януца не могъ, почему и предпочелъ скрыться: бѣжалъ въ Австрію. Своимъ заимодавцамъ греки выдавали векселя или облиги на греческомъ языкѣ, при чемъ послѣдніе очень часто предпочитали первымъ. Въ 1766 г. публичный нотаріусъ г. Нѣжина Козинъ доносилъ, что жительствующіе въ Нѣжинѣ греки послѣ имянного указа 15 дек. 1763 г. о штатахъ отказались давать русскимъ купцамъ векселя для избѣжанія уплаты процентовъ, положенныхъ за неплатежъ по векселямъ въ сроки[2]) и замѣняли векселя облигами, написанными на греческомъ языкѣ. Нотаріусъ Козинъ находя, что облиги не подаются въ протестъ, отчего казна терпитъ убытокъ, и пишутся на языкѣ непонятномъ для русскихъ, просилъ облиги сравнять съ векселями, тѣмъ болѣе, что когда въ братствѣ искали по облигамъ, то часто тамъ встрѣчали волокиту и терпѣли убытокъ. Разсмотрѣвъ это, коммерцъ-коллегія нашла, что векселей съ облигами равнять нельзя, въ претензіяхъ между россійскими купцами и греками можно искать въ магистратскомъ судѣ, что не противорѣчитъ грамотамъ, запрещать облиги не находитъ нужнымъ и разъ они пишутся съ общаго согласія, то русскіе имѣютъ право требовать отъ грековъ облиги на русскомъ языкѣ. Долговые споры грековъ между собою и съ другими рѣшались обыкновенно въ братствѣ по греческимъ законамъ[3]), но потомъ братству приходилось разрѣшать эти вопросы на основаніи вексельнаго устава. Въ 1751 г. 6 марта греческіе судьи спрашивали генеральную войсковую канцелярію о резолюціи: судятъ они на основаніи данныхъ имъ привелегій и своихъ правъ по Арменопуло „нынѣ же начавъ являтись нѣкоторіе с купцовъ требуютъ у греческомъ братствѣ з должниковъ своихъ по имѣючимся въ нихъ векселямъ за силу векселнаго права рѣшенія, но вексельнаго права в братствѣ нѣтъ; да если производить суда, оставя природное имѣючоесь въ том братствѣ право, то слѣдоватиметъ высокопремощнѣйшимъ монаршимъ грамотамъ нарушеніе“, въ шестокнижіе же нѣтъ ничего о векселяхъ, кромѣ долговыхъ свидѣтельствъ[4]). Отвѣта генеральной

---

[1]) Х. И. М. К. № 3313.

[2]) Ibid., № 13999.

[3]) Права греческихъ благовѣрныхъ царей Василія, Константина, Льва и пр., собранныя въ шестокнижіе Константиномъ Арменопуломъ Фессалонійскимъ судьей (Х. И. А. М. К. № 3110 и др.)

[4]) Х. И. А. М. К., № 3110.

войсковой канцеляріи въ дѣлахъ мы не нашли. Но нужно сказать, что малороссійская власть склонна была денежные споры по векселю между греками разрѣшать на основаніи вексельнаго права[1]). Если на грека поступалъ искъ, то послѣдній удовлетворялся изъ имущества отвѣтчика. Такъ, когда Христофоръ Евстафіевъ представилъ на грека Куртія искъ, а генеральная войсковая канцелярія предписала братству рѣшить это дѣло безволокитно, то братство, принявъ претензіи на Куртія еще отъ Маргарита Кирилова и Павла Константинова, рѣшило продать движимое и недвижимое имущество Куртія „съ оцѣнкою честныхъ купцовъ, дабы получили каждый (т.-е. изъ кредиторовъ) часть противъ суммы своихъ денегъ“[2]). Въ 1761 г. Пелепоновъ предъявилъ искъ на грека Метаксу по векселю. Метакса уплатить не могъ, поэтому въ уплату долга должно было пойти имущество его. Сумма, въ которую оцѣненно было имущество Метаксы, хотя, по словамъ Пелепонова, присутствующіе оцѣнку производили пристрастно—не цѣнныя вещи оцѣнивали высоко,—была недостаточна для покрытія долга, за что по вексельному уставу неплательщикъ долженъ былъ быть „отданъ въ отслугу“ заимодавцу. Но греческое братство заявило, что этого никогда не бывало и всему братству будетъ обида и безчестіе, а монаршихъ грамотъ нарушеніе, и просило войсковой генеральный судъ, чтобы впредь греки за долги по правиламъ малороссійскимъ „въ отслугу присуживаны не были, а судимы были по своимъ греческимъ правамъ, высочайшими указами утвержденными[3]). Генеральный судъ послалъ братству отвѣтъ: такъ какъ Метакса занималъ по векселю, то и долженъ отдать на основаніи вексельнаго права, т.-е. имущество должно быть продано; если послѣдняго будетъ недостаточно для покрытія долга, то занявшій долженъ отслужить; если братство находитъ это для себя безчестьемъ, то пусть оно выискиваетъ средства, какія найдетъ возможными, удалить это безчестье. Судъ генеральный присудилъ Метаксу отслуживать Пелепонову „по рублю на годъ[4]). И намъ кажется, вотъ это обстоятельство болѣе вѣская причина, чѣмъ та, о которой доносилъ, какъ мы уже раньше упоминали, нотаріусъ Козинъ, что греки начинаютъ избѣгать давать векселя, и замѣняютъ ихъ облигами.

Въ торговыхъ сношеніяхъ грековъ съ другими народами Малороссія являлась транзитной страной: въ московскіе предѣлы въ XIII столѣтіи греки могли проникать только черезъ Путивль; отсюда дороги, по которымъ двигались греческіе купеческіе караваны, расходились радіусами на югъ и юго-западъ. Греки обыкновенно держали свой путь на города Ладыжинъ, Кальникъ, Бѣлую Церковь[5]). Въ 1671 г. греки разсказывали, что ѣхали они на волошскую землю, на Яссы, да на Черкасскіе городы — Лодыжинъ, Кальникъ, Каменный бродъ, Лысенку, Каневъ[6]). Другіе же купцы въ томъ же году о своемъ пути сообщали, что „а изъ волошской де земли поѣхалъ

---

[1]) Ibid., № 22688.
[2]) Ibid., № 11273.
[3]) Х. И. А. М. К., № 22688.
[4]) Х. И. А. М. К., № 20971.
[5]) Акты Ю. З. Рос., т. VIII, стр. 211, 212, 258. 259.
[6]) Ibid., т. IX стр. 447.

въ черкасские городы въ Бреславль"[1]). Къ концу XVII столѣтія греки обыкновенно направляютъ свой путь къ Нѣжину, откуда уже разъѣзжаются по всѣмъ направленіямъ. Грекъ Иванъ Марковъ „съ товарищи" ѣхалъ на Немировъ, Переяславль и Нѣжинъ (въ 1682 г.)[2]). Павелъ Ангилевъ изъ г. Букарешта ѣхалъ черезъ Венгрію на Брашевъ, потомъ Польшею на Самбуръ, затѣмъ Полѣсьемъ до Кіева, черезъ Днѣпръ до Нѣжина[3]) (въ 1694 г.). Грекъ Дмитрій Демьяновъ ѣхалъ на Польшу да малороссійскими городами на Нѣжинъ[3]) и пр. Съ того времени, какъ мы знаемъ, Нѣжинъ становится тѣмъ центральнымъ пунктомъ греческой торговли, какимъ мы его видимъ впродолженіе всего XVIII столѣтія. Другое направленіе греческихъ путей было прямо на югъ; такъ грекъ Леонтьевъ изъ Царяграда для торговаго промысла съ купецкими людьми (въ 1694 г.) ѣдетъ по морю до Крыма, изъ Крыма степью на Кази-Керменъ, потомъ на Запорожье, изъ Запорожья малороссійскими городами на Переволочную, а затѣмъ Полтавскимъ полкомъ до Нѣжина. Въ томъ же году Евстафій Ивановъ ѣхалъ по тому же направленію, но немного иначе: изъ Мултянской земли гор. Эпешти „для торговаго промысла съ купецкими людьми" на кораблѣ до Очакова, изъ Очакова на Запорожье и малороссійскими городами до Нѣжина[4]). И наконецъ третье направленіе путей отклоняется къ юго-востоку на Черкаскъ и Азовъ, а оттуда по Азовскому морю. Всѣми этими путями греческіе купцы пользуются и въ XVIII столѣтіи[5]). Во время пути греки не держались проѣзжихъ дорогъ, а сворачивали въ сторону, посѣщая разбросанныя по различнымъ мѣстамъ селенія. Ѣхалъ въ Москву съ товарами Иванъ Марковъ не прямо, а заѣзжалъ въ разныя мѣста „для продажи своихъ товаровъ"[6]). Въ 1711 г. ѣхали греки въ Царьградъ съ пушнымъ товаромъ, доѣхали до Яссъ, здѣсь они узнали, что въ Царьградѣ „лисица и бѣлка дешева", поэтому вмѣсто Константинополя они отправляются въ Бухарестъ[7]). Поэтому на тотъ путь, на который можно было употребить только нѣсколько дней, греки употребляли недѣли двѣ, три[8]), а иногда два и три мѣсяца[9]). Помимо коммерческихъ дѣлъ грековъ въ пути задерживало многое другое: повальныя болѣзни, которыми такъ изобиловалъ востокъ и которыя оттуда были заносимы на югъ Россіи. И вотъ по всему югу русскаго государства раздавалось страшное слово „чума". Каждый округъ, каждый городъ оцѣплялся патрулями и греку приходилось въ первомъ же городѣ выдерживать карантинъ по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Въ 1744 г. напр., мы находимъ въ карантинѣ на рѣкѣ Міюсѣ при Каменномъ Бродѣ 22 человѣка грековъ и армянъ, содержащихся въ немъ съ ноября 1743 г.[10]). Въ

¹) Ibid., т. IX, стр. 390.
²) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г. № 4.
³) Ibid., д. Греч. 7220 г. № 3.
⁴) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7202 г. № 6.
⁵) Х. И. А. Дѣла М. К. Кіев. Цент. Арх. Сенатскій Архивъ V С.-Пб. 1892. Стран. 372, 445. Ibid., VI. С.-Пб. 1893. Стр. 75. Ibid., VII т. стран. 484, 572 и пр.
⁶) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г. № 4.
⁷) Путешествіе въ св. землю Московскаго священника Іоанна Лукьянова 1710—1711 г. М. 1862. Стран. 19.
⁸) А. Ю. З. Рос. т. VIII, стран. 214.
⁹) Ibid., т. VIII, стран. 211, 212.
¹⁰) Сенатскій Архивъ С.-Пб. 1893. VI, стран. 75.

этихъ случаяхъ въѣздъ купцамъ и привозъ ими товаровъ совсѣмъ запрещался. Въ 1745 г. по случаю мороваго повѣтрія въ Константинополѣ былъ запрещенъ привозъ товаровъ, особенно же шелку, шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матерій и съѣстныхъ припасовъ изъ Турціи и Крыма[1]). Войны также сильно затрудняли торговыя сношенія. Въ 1698 г. архимандритъ Синайской горы Гавріилъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ получать долги. Спачала онъ ѣхалъ моремъ до Венеціи, потомъ изъ Венеціи на Вѣну, изъ Вѣны на Краковъ, изъ Кракова на Львовъ и Кіевъ[2]).

Насколько въ XVIII столѣтіи были удобны пути сообщенія въ Малороссіи мы можемъ судить по описанію паломника, московскаго священника Лукьянова, путешествовавшаго въ 1710 г. въ Святую землю. Для большей наглядности приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія. „Генваря в 23 день (1711 г.) поидохомъ изъ Борзны къ Нѣжину, а дорога уже стала зѣло нужна“. Въ это же время ѣхали и купцы изъ разныхъ мѣстъ въ Нѣжинъ на знаменитую всеѣдную ярмарку. „И того дня, продолжаетъ свое повѣствованіе Лукьяновъ, ночевахомъ въ корчмѣ, едва добихомся съ нуждою великою; и утре рано возстахомъ и поидохомъ, а уже снѣгу ничего нѣтъ, земля голая; нужда была великая; таковъ былъ вѣтръ намъ противный, не токмо чтобы намъ льзя было итти, и лошади останавливалъ, а людей все валилъ! Охъ нужда! Когды она помянется, то уже горесть та, кажется, тутъ предстоитъ. Сидѣть не льзя, лошади насилу по землѣ сани волокутъ, а насъ вѣтеръ валяетъ; а станешь за сани держаться, такъ лошадь остановишь! Увы, да горе! была та дорожка сладка, да, слава Богу, нынѣ уже забыто. Едва мы добихомся до Максимовой корчмы; тутъ дали конемъ отдохнуть, покормили и сами хлѣба поѣли, да опять побрели; а вѣтръ мало потишалъ; едва съ великою нуждою до Нѣжина доѣхали, коней зѣло умордовали, а сами такожде утомилися, что сонные валяемся[3]). Здѣсь Лукьяновъ нашелъ попутчиковъ грековъ до Царяграда. „Генваря во 27 день поидохомъ изъ Нѣжина къ преславному граду Кіеву рано на первомъ часу дни, была намъ нужда великая; земля вся растворилась; так тяжело было лошадямъ и самимъ нужно идти; и того дня едва съ великою нуждою доѣхали до корчмы, часа въ два ночи пріѣхали. . . . . . .; и тутъ мы съ нуждою великою ночевали; всю ночь стреглися, стали къ полю, а пьяные таскаются во всю ночь. Утре рано востахомъ и поидохомъ въ путь свой; и той день такожде съ нуждою шли и пришли въ село; тутъ выпросихомся ночевать; хижина зѣло нужна“. „Утре рано востахомъ и поидохомъ къ Кіеву и пріидохомъ въ село Боворочи (Бровари)“... „И тако поидохомъ къ Кіеву; а ходъ все боромъ, все пески; нужно сильно, тяжело песками. И того дни пріидохомъ къ Днѣпру подъ Кіевъ; а Днѣпръ только разшелся; и того дня мы не могли перевезтися за погодою. Тутъ же къ намъ пріѣхали греки, наши товарищи; они изъ Нѣжина прежде насъ тремя деньми поѣхали, да за Днѣпромъ стояли: нельзя

———

[1]) Х. И. А. Хар. Отд. I, № 75.

[2]) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7206 г., № 13. А также ibid. д. Мал. 1741 г., № 42; idib. д. Мал. 1741 г. и пр. № 2.

[3]) Путешествіе въ Св. землю московскаго священника Іоанна Лукьянова 1710—1711 гг. М. 1862 стран. 10.

было ѣхать. Днѣпръ не прошелъ въ тѣ поры, такъ мы съ ними ночевали. И утре рано тутъ же къ намъ пришелъ московскій стольникъ, шелъ съ болйною (соболиною?) казною къ Цесарю; а въ тѣ поры погода на рѣкѣ велика зѣло; отнюдь нельзя было переѣхать; и стольникъ сталъ кричать на перевощиковъ, и они миленькіе едва съ великою нуждою перевозъ на нашу сторону перегнали; и когда стали на паромѣ, тогда парома отъ брега не могли отслонить; и стольникъ велѣлъ греческіе возы долой скатити, а наши не велѣлъ: спаси его, Богъ! И тако мы стали на поромѣ на первомъ часу, а перевезлись на ту сторону часъ ночи; зѣло уже было нужно, и перевозщики миленькіе устали больно[1]).

„Февраля въ 3 д. поидохомъ изъ Кіева въ ляцкую землю и Воложскую, пойдохомъ рано на первомъ часу дня и едва на Кіевскія горы съ трудомъ великимъ взъѣхали, нужда была велика; грязно вельми; земля иловатая; все двойкою взъѣзжали... И тако поидохомъ въ путь свой. Того же дни минухомъ городокъ, именемъ Бѣлогородко на правой рукѣ въ сторонѣ, съ полверсты отъ дороги. Тутъ стоитъ на дорогѣ коло на деревѣ высоко; тутъ купецкіе люди платятъ мыто... И того дни мы ночевахомъ на бору, въ лѣсѣ склали огнь великій; и утре рано поидохомъ; и идохомъ той день весь; ни видѣхомъ ни селъ, ничего; шли все дубравами. И дошедъ до Ѳастова версты за три и ночевахомъ у плотины (прежде сего мельница бывала; переправивши за плотину, тутъ и ночевахомъ. И та ночь зѣло холодна была; перезябли въ дрязгъ. И утре рано пріидохомъ подъ Ѳастово городокъ Палѣевъ... Тутъ купецкихъ людей мытомъ сильно ободрали“[2]). „Февраля в 6 день въ понедѣльникъ сырныя недѣли о полудни, ѣдши хлѣба и забравши всякой харчи себѣ и конемъ овса и сѣна, и поидохомъ въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество... не дадутъ собаки татары населиться; только населятся селы, а они собаки пришедъ и разорятъ, а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ... И идохомъ тою пустынею пять дней, ничто же видихомъ отъ человѣка. Февраля въ 11 день пріидохомъ въ городъ ляцкій Немѣрово и стахомъ на постояломъ дворѣ у волошенина. Приходили къ намъ мытники ляцкіе и у грековъ товаровъ досматривали, а у насъ не смотрѣли: только у меня увидѣлъ индучникъ бочку винную — такъ въ честь перепросилъ; я ему и поступился; такъ онъ мнѣ и печать далъ пропускную; и тутъ въ Немѣровѣ индучники греки купецкихъ людей зѣло затаскали... Февраля въ 14 день поидохомъ изъ Немѣрова въ Воложскую землю ко граду Сороки; и того же дни пріидохомъ на Богъ-рѣку... И ту рѣку того же дня перевезохомся; паромишка плохой, а рѣка быстрая; только по одной телегѣ возили. И перевезши рѣку стали подыматься на гору; гора та зѣло велика; а рѣка Богъ отъ Немѣрова пятнадесять верстъ. И поидохомъ въ степь глубокую: все горы, да юдоли. Взъѣхавъ на гору, да все шли межъ горъ яслями (логами); и шли мы тою пустынею — не видали ни человѣка, ни звѣря, ни птицы; только тропы татарскія конныя. А мѣсты всѣ разорены отъ татаръ; нынѣ починаютъ заводить селы, какъ миръ сталъ; и то въ сто-

[1]) Ibid., стр. 11, 12.
[2]) Ibid., стран. 15, 16.

ронѣ отъ дороги далече. А когда мы шли — передъ нами и за нами все степь вся горѣла. И идохомъ степью и дубровою четыре дня; и не доходя Сороки города верстъ за пятнадцать, крестъ каменный подлѣ той дороги, а на немъ подпись: какъ степь горѣла, такъ купецкихъ людей грекъ осьмнадцать человѣкъ и съ товаромъ и съ коньми сгорѣли, только три человѣка ушли. Мы же тутъ стояхомъ и дивихомся какъ кости кучами лежатъ лошадиныя, а человѣческія собрали да въ Сороку отвезли и погребли; дивное чудо, какъ сгорѣли, а всѣ не спали и видѣли, какъ огнь шелъ и трава горѣла по одной сторонѣ, а они смотрятъ; какъ дунетъ вѣтръ, да и перескочилъ черезъ дорогу, а они не успели уйти, да такъ и сгорѣли. Февраля въ 17 день пріидохомъ въ городъ Сороку и стахомъ въ боку на ляцкой сторонѣ и тутъ ночевахомъ. И утре къ намъ съ того боку пріѣхалъ индучникъ и стали съ греками уговариваться пошлиною, чтобъ шли на явки; и тутъ греки съ ними уговорились пошлиною...[1]) Февраля въ 20 день поидохомъ изъ Сороки города къ Ясамъ, а стояли въ немъ два дни. Гора зѣло высока подъ Сорокою; едва съ великою нуждою мы на гору взъѣхали, пришелъ дождь такой, ослизло—невозможно конемъ итти, а все камень, нужно было вельми; а иные у насъ отстали и не взъѣхали, да уже на стану достигли, какъ ночевать стали. Вельми тотъ день намъ нужно было; дождь весь день шелъ; студено было, всѣ перемокли да перезябли. Степь, а дровъ взять негдѣ; только на стану нашли дровъ малое число... такъ мы ихъ (дрова) собравъ, да на возы поклали, да до стану везли: а если бы не тѣ дрова, то совершенно померѣть намъ; всѣ мокры, а ночью сталъ морозъ, да снѣгъ съ дождемъ пришелъ инъ не дастъ огню то расклacть. А греки всѣ сухи; подѣлали епанечные шелаши, да и легли; а мы всю ночь, что рыба на удѣ, пробились... И поутру востахомъ и поидохомъ въ степь и бысть наше шествіе зѣло печально и скорбно; переправы лихія, горы высокія: посидѣть негдѣ, чтобы отдохнуть; все пѣшіе брели, а кони устали; а пустошь: ничего нѣтъ, ни селъ, ни лѣсу; все степь голая; ѣхали пять дней, не наѣхали на прутинку, чѣмъ лошадь погнать. Горы высокія, да юдольныя ѣхали; узорочистыя горы, холмъ холма выше; да такъ-то посмотришь, что горамъ-то и конца нѣтъ. Февраля въ 24 придохомъ на Прутъ рѣку. Прутъ рѣка поменьше Москвы рѣки; и тутъ мы перевезлися, пріѣхали къ другой рѣкѣ; и тутъ перевозъ; та рѣка поменьше Прута, и тутъ вскорѣ глина лихая, а мѣсто тѣсное; перевезлись на другую сторону. И стахомъ взъѣзжать; едва съ великимъ трудомъ взъѣхали; а товарищи иные не выѣхали, такъ со всѣмъ въ Яссѣхъ и ночевали, да на другой день нанимали воловъ, такъ волами ихъ возы вывезли. И мы въ тѣ поры, не доѣхавъ Ясей за пять верстъ ночевали; и поутру рано вставши на первомъ часу, поидохомъ къ Ясемъ въ самую недѣлю православія; и придохомъ въ Яси въ благовѣстъ къ обѣдни... и пришедши стали мы у таможни; а мытниковъ въ тѣ поры не было ихъ въ таможнѣ, во обѣднѣ стояли; такъ мы ихъ и дожидались; а когда пришли мытники и стали у грекъ товару досматривать; и досмотрѣвъ у грекъ, пришли и къ намъ... Купецкихъ людей въ Ясѣхъ пошлиною очень грабятъ; затѣмъ многіе объѣзжаютъ“ [2]).

---

[1]) Ibid., стран. 17.

[2]) Ibid., стран. 18, 19.

Мы дословно привели выдержки испытавшаго на себѣ всѣ трудности пути, по которому греки возили свои товары. Положимъ, что во многихъ мѣстахъ краски положены густо, ибо для московскаго городского священника, привыкшаго къ спокойной жизни, эти неудобства пути должны были быть особенно чувствительны; но, если мы и отбросимъ эти личныя впечатлѣнія, то картина дороги получится всетаки неприглядная.

Конечно, пустынныя мѣста начинають постепенно заселяться; фактъ заселенія, какъ мы видѣли, уже отмѣчаетъ тотъ же Лукьяновъ. Особенно быстро шло заселеніе заднѣпрскихъ мѣстъ. Такъ, напр., житель миргородскаго полка въ 1725 г. разсказывалъ, что на тотъ бокъ Днѣпра онъ перешелъ лѣтъ пять назадъ въ м. Суботово въ подданство пана Яблоновскаго. Тогда въ Суботовѣ, разсказываетъ онъ, было только 4 хаты, а нынѣ будетъ 200 дворовъ, — все это перешедшіе изъ Малороссіи; въ м. Крыловѣ не было ни одной хаты, а нынѣ дворовъ съ 500, и такъ во многихъ заднѣпрскихъ мѣстечкахъ, гдѣ не было ни одной хаты, а теперь по 500, 300 дворовъ „и кормятца ремесломъ и пашутъ землю и промышляютъ рыбою и солью, покупаютъ у пріѣзжающихъ запорожцовъ рыбу и соль дешевою цѣною и привозятъ въ Молороссію и продаютъ“; „живя за Днѣпромъ, добавляетъ разсказчикъ, — на пановъ своихъ пашемъ и косимъ и чиншу платимъ съ каждова вола и съ каждой лошади по полтинѣ“ [1]). Но заселеніе степей врядъ ли могло въ то время особенно облегчить торговыя сношенія, ибо помимо неудобствъ путей сообщенія были и другія неблагопріятно отзывавшіяся на торговлѣ условія.

Торговля того времени сопряжена была съ большими затрудненіями. При политической раздробленности того времени, при плохой организаціи полицейскаго надзора, купецъ подвергался разнаго рода опасностямъ, даже лица, занимавшія административные посты смотрѣли на купца, какъ на человѣка, съ котораго можно поживиться. Такъ, гетманъ Мазепа въ 1699 г. доносилъ царю, что въ Польшѣ у малороссійскихъ купецкихъ людей заграблено было: у печерскаго жителя Васильковскаго въ г. Локачахъ отнято было товаровъ на 1000 золотыхъ, у него же Васильковскаго коронннымъ писаремъ Чернѣцкимъ въ его маетности заграблено купецкихъ разныхъ товаровъ на 40000 золотыхъ. У кіевскаго жителя Іосифа Скоротки на Волыни взято купецкихъ товаровъ на 5000 ефимковъ. У кіевскаго же жителя Григорія Попка въ м. Полонномъ господинъ Любомирскій велѣлъ захватить воловъ на 2000 ефимковъ слишкомъ. У кіевскаго мѣщанина Богдана Ѳедорова браславскій подчашій Францыжекъ Жаронскій забралъ купецкихъ товаровъ на 100 ефимковъ. У приказнаго нѣжинскаго полковника, Стефана Забѣлы, Круглика, жителя Борзненскаго, въ м. Хвойникахъ (въ Литовскомъ княжествѣ) тамошній экономъ Янковскій забралъ 30 лучшихъ воловъ, которые со всѣмъ къ нимъ прикладомъ „судили четырехъ сотъ ефимковъ добрыхъ денегъ“. Товары отъ грабежа не спасало даже имя гетмана; такъ самому гетману былъ нанесенъ убытокъ, ибо въ м. Чудновѣ въ маетности Любо-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. ibid., I оп. Вяз. 4, № 95.

мирскаго заграбили 5 бочекъ и 4 антала[1]) вина, везеннаго изъ Венгріи нарочнымъ для гетмана, и, хотя заграбленное было возвращено, однако было причинено много хлопотъ и убытку по крайней мѣрѣ на 500 ефимковъ, такъ какъ много вина изъ тѣхъ бочекъ было отлито и долито водой, а нѣсколько коней было заѣзжено[2]). Сами правители часто злоупотребляли своей властью и пользовались купцами, какъ даровой рабочей силой. Въ 1672 г. малороссіяне отправились въ Волошскую землю „по соль“ и, когда въ это же время турецкій султанъ пришелъ подъ Каменецъ, то волошскій господарь вмѣсто того, чтобы подъ фуражъ турецкой арміи дать подводы своихъ подданныхъ, велѣлъ захватить 900 принадлежащихъ малороссіянамъ телѣгъ съ волами, высыпать изъ телѣгъ соль, и подводы отдалъ подъ перевозъ провіанта, а людей отпустилъ домой съ пустыми руками[3]). Въ XVIII ст. обстоятельства мало измѣнились, и грабежи товаровъ повторяются попрежнему. Такъ, въ 1711 г. коронный подскарбій Пребендовскій у опошнянскихъ и лубенскихъ жителей и миргородскаго полковника „заграбилъ“ восемьсотъ и нѣсколько десятковъ воловъ, говоря, будто бы ранѣе нѣсколько купцовъ гнали воловъ подъ протекціей короннаго подкомораго Любомирскаго и не заплатили за нихъ слѣдующихъ пошлинъ. Въ 1718 г. Лохвицкіе жители и купцы Федоръ Іосифовичъ и Никифоръ Игнатовичъ возвращались изъ Острожской ярмарки, на нихъ напали разбойники и ограбили ихъ на 4500 золотыхъ; разбойниковъ поймалъ староста Гуляницкій, шляхтичъ Яловицкій и отнялъ у нихъ заграбленное, но купцамъ не возвратилъ; хотя послѣдніе подавали въ судъ и издержали на судебные расходы еще 2270 золотыхъ, но ничего не получили несмотря на то, что гетманъ принималъ въ этомъ дѣлѣ энергическое участіе и лично писалъ къ русскому гетману Яблоновскому, къ Сендомирскому старостѣ Любомирскому и полномочному послу кн. Г. Ѳ. Долгорукову и коронному подскарбію Пребендовскому; но Котельницкій староста, „нѣкоторый“ Погорецкій, не пустивши купцовъ въ Варшаву, отобралъ у нихъ письма. И хотя купцы, благодаря кн. Долгорукову, въ Люблинѣ съ Погорецкимъ судились и на сеймѣ въ Варшавѣ свое прошеніе предлагали, но изъ этого ничего не вышло. У Ивана Карпенка и Василія Лавруна, ѣдущихъ изъ Бреславля, въ Рубешовѣ съ позволенія тамошняго старосты Потоцкаго „стражника литовскаго арендарь“ Кодлискій забралъ товаровъ на 8000 золотыхъ на томъ основаніи, что будто бы ему долженъ нѣжинскій полковой асаулъ. Несмотря на письма гетмана, и эти не сыскали своихъ товаровъ, а только на проѣздъ израсходовали болѣе 200 руб. У стародубовскихъ жителей-купцовъ Іова Ивановича и Михайла Дейнеки воевода Витебскій Потей взялъ 104 червонныхъ, 320 битыхъ ефимковъ и нѣсколько десятковъ рублей, 4 коня и разныя вещи подъ тѣмъ предлогомъ, что ему Полуботокъ долженъ былъ извѣстную сумму. Также всевозможнаго рода притѣсненіямъ подверглись нѣжинскіе купцы Максимъ

---

[1]) Анталъ, анталокъ — названіе половиннаго или такъ наз. малаго боченка вина въ Венгріи — мѣра до сихъ поръ употребляемая для вина въ Токаѣ. А. = 74, 43 венгерскихъ ведеръ. (Энцик. Слов. Брок. т. II, стран. 827.) Т.-е. 4 ант. = 287,72 в. да 5 бочекъ = 744,3 вед. Итого = 932,15 ведеръ.

[2]) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1699 г. № 4.

[3]) Ibid., д. Мал. 1672 г., № 20.

Грудина, Марко Тарасовичъ, Андрей Безручка и др.[1]) Въ 1704 г. купецъ и мѣщанинъ г. Кіева Якимовичъ былъ съ товарищами „въ г. Врацлавѣ въ Шленской провинціи“. Мѣстные обыватели напали на нихъ; захватили у нихъ денегъ и товаровъ на 2000 ефимковъ. Разбой этотъ, какъ потомъ оказалось, совершилъ графъ Коленъ со своими людьми. Разбой былъ совершенъ въ мѣстечкѣ Тошку. Полтора года купцы хлопотали о вознагражденіи за свои убытки у „Е. Цесарскаго Величества“, но ничего не доискались[2]). Въ 1732 г. житель Гадяцкаго полка мѣстечка Опошни Богаевскій былъ въ г. Красовѣ (въ Крыму) для купеческаго промысла; при возвращеніи его обратно въ сѣчи Запорожской атаманъ Шишацкій схватилъ его и привелъ къ кошевому Малышевичу, гдѣ спросили Богаевскаго: знаетъ ли онъ жителя мѣстечка Зенькова Погорѣлова, который долженъ Шишацкому 200 талярей. И хотя Богаевскій сказалъ, что не знаетъ, тѣмъ не менѣе его засадили въ тюрьму, требуя съ него денегъ. Въ заключеніе, чтобы освободиться, Богаевскій долженъ былъ дать заемное письмо, въ которомъ давалъ обѣщаніе сыскать Погорѣлова и взыскать съ него деньги[3]).

Какъ мы видѣли очень, часто случалось, что нельзя было доискаться суда и управы у правительствъ противъ насилія и разбоевъ, которымъ подвергались купцы. Тогда начинаютъ прибѣгать къ средству око за око, зубъ за зубъ. Когда волошскій господарь въ 1672 г. отнялъ у малороссіянъ телѣги и воловъ, то Самойловичъ предлагалъ задержать турецкихъ и волошскихъ купцовъ, пока не будутъ удовлетворены потерпѣвшіе[4]). Въ 1699 г. гетманъ Мазепа, перечисляя списокъ обидъ малороссійскимъ купцамъ отъ поляковъ, писалъ Петру, что, хотя изъ Литвы и Польши (изъ гг. Могилева, Слуцка и др.) и пріѣзжаютъ купцы, которыхъ въ отместку можно было бы задержать, но они люди „свои“ — греко-россійской вѣры — и поэтому ихъ задерживать не приходится[5]). Вообще же малороссійскіе обыватели и власти удерживали пріѣзжихъ купцовъ того города, въ которомъ имѣлись у нихъ должники[6]). Въ 1736 г. турецкихъ и крымскихъ купцовъ отпустить было разрѣшено подъ условіемъ возвращенія нашихъ изъ Турціи[7]). Такой образъ дѣйствій долженъ былъ способствовать урегулированію торговыхъ сношеній. Правительства взаимными уступками стараются упорядочить свои торговыя сношенія. Мы видимъ, что Петръ Великій посылаетъ грамоту въ Гданскъ, хлопоча о возвращеніи нѣжинскому обывателю Калинѣ заграбленнаго имущества, обѣщая оказывать снисхожденіе въ свою очередь гданскимъ купцамъ. Могилевскій житель Дегтеревичъ велъ торговлю въ Великороссіи и Малороссіи. Онъ проситъ у царя грамоту, а у гетмана универсалъ, чтобы его и его товары не удерживали малороссійскіе и великороссійскіе купцы за долги его соотечественниковъ[8]). Мы уже знаемъ, какъ въ 1672 г. волошскій господарь поступилъ

---

1) Ibid., д. Мал. 1729 г., № 19.
2) Ibid., д. Мал. 1705 г., № 35, 1736 г., № 2.
3) Рум. Муз. Рук. Арх. Марк. № 886.
4) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1672 г., № 20.
5) Ibid., 1699 г., № 4.
6) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1713 г., № 7.
7) Рум. Муз. Рук. Маркевича № 640.
8) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1713 г., № 7.

съ малороссійскими купцами. Въ 1732 г. господарь Гикасъ черезъ волошскаго шляхтича Думитрашку пишетъ къ гетману Апостолу письмо, въ которомъ проситъ оказать этому шляхтичу милость, „которую милость, пишетъ Гикасъ, во учиненіи ему справедливости узнаю и взаимно въ приключившихся случаяхъ и подданнымъ государства россійскаго являть оную жь буду“[1]).

Малороссія въ XVII и XVIII ст. была пограничной страной. Люди, падкіе до легкой наживы, изъ Малороссіи отправлялись въ Польшу, а изъ Польши въ Малороссію съ цѣлью грабежа. По всей границѣ въ верстѣ, въ двухъ, трехъ, пяти разстоянія другъ отъ друга были устроены сторожевые пункты „форпосты“, для наблюденія, чтобы не проходили безспаспортные и разные сомнительные люди[2]). Тѣмъ не менѣе лѣсными „стежками“ пробирались въ Польшу и обратно разные бродячіе элементы. На Днѣпрѣ стояли мельницы, къ которымъ подъ покровомъ ночи пріѣзжали челноки и перевозили на тотъ — польскій — берегъ всякаго желавшаго помимо форпостовъ.

На южной границѣ, примыкавшей къ степи, собирались цѣлыя шайки грабителей, извѣстныхъ подъ именемъ гайдамакъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется разсказъ одного изъ участниковъ въ такой шайкѣ Герасима Котляра. Разсказъ этотъ заключаетъ массу бытовыхъ подробностей, почему мы считаемъ нужнымъ привести его со всѣми подробностями[3]). На праздникъ сошествія Св. Духа 1757 г. живущій при крѣпости св. Елизаветы мѣщанинъ Безпоясный пришелъ къ Котляру и въ разговорѣ, между прочимъ разсказалъ, что въ Сѣчи Запорожской на Мигійскомъ островѣ, когда онъ былъ тамъ для ловли рыбы, видѣлъ гайдамацкую партію, собирающуюся, кажется, въ Польшу „на грабительство“. Котляръ, „вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу имѣется и онихъ заплатить не чимъ“, спустя четыре дня послѣ этого взялъ въ магистратѣ кр. св. Елизаветы паспортъ будто для взысканія долга съ козака Кушевскаго куреня Ивана Шумы, а на самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Безпо-

---

[1]) Х. И. А. К. № 4933 и Рум. Муз. Рук. Архивъ Маркевича № 3193. Дѣло въ томъ, что нѣжинскіе греки Галина и Стефанѣевъ заняли у волошскаго шляхтича Думитрашка въ 1727 г. 400 червонцевъ; прошло 5 лѣтъ; греки, проживая въ Нѣжинѣ, объ уплатѣ долга и не помышляли. Наконецъ, Думитрашко рѣшается отправиться въ Малороссію искать на грекахъ. Для успѣшности онъ запасается письмомъ господаря: „Illustrissime ac excellentissime Dñe Dñe vicine ac amice colendissime.

Dator harum amicabilium literarum mearum nobilis moldaus Dumitraszko: qui ante quinque annos quatuor centos aureos mutuos cum apographo mercatoribus degentibus Nisina: nomine Halini et Stefani dedit; cum autem huiusque noluerunt praedicti solvere et mittere pecuniam; neque praedictus Dumitraszko ad requirendas eas pecunias ab illis mercatoribus potuit huiusque pergere; quoniam interea temporis moras traxit Constantinopoli nunc ad requirendam justitiam et deponendam causam suam judiciis E. V. suplex vadit. Ideo hisce meis amicabilibus illum comendare E. V. volui, ut secundum jura gentium et bonam vicinitatis harmoniam amice dignetur omnem favorem exhibere; atque omnimodam satisfactionem a praedictis mercatoribus dare; quoniam hoc dictat iustitia reddere unicuique, quod suum est; quam gratiam circa reddendam ipsi equitatem agnoscam et reciproce (?) in similibus occasionibus erga vestrates correspondebo. Ceterum omnem pro(ae?)lixitatem vitae Ex. V. a superis vovens decententer maneo. Excellentiae Vestrae benevolus amicus et ad officia paratissimus I. Gregorius Gika. Iassy. 19 Martii S. v. 1732 anno“. Рум. Муз. Рук. отд. Арх. Маркевича № 2769.

[2]) Кіевскій Центр. Арх. ibid. Въ 1728—1729 гг. по ревизскимъ книгамъ въ Черниговскомъ полку считалось 53 форпоста, въ Стародубовскомъ — 60, въ Гадяцкомъ — 17, въ Кіевскомъ — 59, въ Лубенскомъ — 39, Миргородскомъ — 29, Переяславскомъ — 62, Полтавскомъ — 52. (Арх. Марк. (Рум. Муз.) № 3060).

[3]) М. Арх. Мин. Юст. ibid. Оп. 4. Вяз. V. № 79.

яснымъ отправились на Мигійскій островъ „единственно съ цѣлью грабежа“. Не доѣзжая острова при бродѣ на р. Синюхѣ, предъявили прапорщику свой паспортъ и были свободно пропущены. На островѣ нашли гайдамацкую партію человѣкъ въ 65, во главѣ которой стоялъ атаманъ козакъ Дядковскаго куреня Яковъ Солона. Котляръ присталъ къ этой партіи. Въ продолженіе недѣли прожили они на островѣ, за это время къ партіи примыкали все новые и новые лица и она возрасла до 75 человѣкъ. Изъ нихъ Котляръ зналъ козаковъ Сѣчи Запорожской куреней: *Мишастовскаго* — Григорія Калиту, Бурила, *Корсунскаго* — Өедора Вовка и Сукура, *Криловскаго* — Ивана Жаболду и „малого“ Жаболденя и Ивана „Малого“; *Пашковскаго* — Андрея Караджу, *Рогевскаго* — Ивана Бойка, *Поповичевскаго* — Өеодора Писменнаго Бороду, *Ивановскаго* — Григорія Писменнаго, *Батуринскаго* — Малого и Остроуха, *Конеловскаго* — Сукура и Павла *Брюховецкаго* — Савелія Кравца, *Колнибололцкаго* — Ивана, *Васюринскаго* — Куземку. Первоначально рѣшили итти въ Польшу „для разбитія состоящаго подъ мѣстечкомъ Медвѣдиномъ польскаго обозу“. Въ путь отправились всѣ пѣшіе. Когда гайдамаки у польскаго мѣстечка Шестиринецъ хотѣли перейти плотину, то нѣсколько человѣкъ поляковъ и козаковъ изъ того польскаго обоза встрѣтили ихъ ружейнымъ залпомъ, послѣ чего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонъ закричалъ гайдамакамъ, чтобы они отступили, и самъ съ двумя человѣками удалился. Остальные же 71 остались и съ крикомъ дружно бросились „на списахъ“ на поляковъ, поляки не выдержали натиска и бросились на близлежащій лугъ, гдѣ „и вскочили въ болото съ лошадьми“. Дѣло было въ сумерки, почему за ночной порой гайдамаки прекратили преслѣдованіе, но поставили караулъ, чтобы попавшіеся не ушли. На утро у всѣхъ поляковъ и козаковъ отняли лошадей, платье и вооруженіе. Лошадей съ сѣдлами оказалось 70, пистолетовъ 35 паръ. Людей всѣхъ отпустили, только запорожецъ Григорій Калита закололь трехъ поляковъ, уже ограбленныхъ и убѣгавшихъ. Затѣмъ всѣ, у кого была лошадь, конный, у кого не было, пѣшій отправились обратно на Мигійскій островъ, гдѣ всѣ „гайдамаки собраніе имѣли“. Не доходя до острова, въ 4 верстахъ отъ Олшанскаго шанца (въ Новой Сербіи), раздѣлили между собою награбленное. Котляру послѣ дѣлежа досталось: лошадь гнѣдая съ сѣдломъ, пара пистолетовъ, епанча бѣлаго простаго сукна, польская шапка съ сѣрою опушкою и сабля съ желѣзною оправою. Изъ награбленныхъ вещей для гардоваго полковника и старшины оставили сабли и ладовницы, „какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардѣ и тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ, гайдамакамъ, въ ономъ гарду пьянствовать не запрещали и ихъ не ловили, даруютъ для гостинца“. Послѣ раздѣла изъ партіи пять человѣкъ отправились въ Ольшанскій шанецъ, а остальные 67 возвратились на Мигійскій островъ. По дорогѣ на островъ въ сл. Красной изъ ихъ партіи болѣе 40 человѣкъ осталось „для пьянства и взятья харчей“. Дня черезъ два въ числѣ 30 человѣкъ отправились они въ Гардъ, гдѣ тамошнему полковнику (имени Котляръ не знаетъ) поднесли польскую саблю съ серебряною оправою и ладунницу, да асаулу гардовому куренному Величковскому Игнату Мандру саблю съ желѣзною оправою. И, хотя они завѣдомо знали, что это краденое, тѣмъ не менѣе приняли.

Котляръ въ Гардѣ пробылъ два дня и возвратился на Мигійскій островъ. Здѣсь отъ гайдамакъ онъ узналъ, что запорожскій козакъ Ивановскаго куреня Иванъ Неѣзжалый, собравши шайку человѣкъ въ 80 въ балкѣ возлѣ рѣчки Добрянки, собирается итти въ Польшу на грабежъ. Котляръ отправился въ указанное мѣсто, гдѣ и нашелъ гайдамацкую шайку изъ 87 человѣкъ при атаманѣ Неѣзжаломъ. Къ этой шайкѣ примкнулъ и Котляръ. Вся шайка на основаніи слуховъ рѣшила отправиться на грабежъ лошадей, приведенныхъ татарами въ Умань для продажи. Для развѣдокъ былъ посланъ „гайдамака“ житель сл. Добрянки Волошиненко, который сообщилъ, что дѣйствительно подъ Уманью много находится татаръ съ лошадьми. Переѣхавъ въ бродъ выше сл. Новоархангельской, они на лошадяхъ черезъ двое сутокъ прибыли къ Умани. Верстахъ въ трехъ отъ города они встрѣтили табунъ лошадей, охраняемыхъ татарами; татаръ было 19 человѣкъ, которые при приближеніи гайдамакъ, бѣжали въ городъ, оставивъ лошадей на произволъ. Гайдамаки захватили весь табунъ, въ которомъ „со стрижаками“ оказалось до 400 лошадей. По просьбѣ татаръ изъ Умани выѣхало около 40 козаковъ, которые пустились за гайдамаками въ погоню и нагнали ихъ въ степи верстахъ въ 20 отъ Умани. Нагнавъ, козаки начали стрѣлять; убили одного гайдамаку, а четырехъ ранили; гайдамаки въ отвѣтъ выпалили изъ ружей и „по своей злодѣйской ярости“ всѣ вдругъ бросились „з списами“ на козаковъ и всѣхъ за исключеніемъ 5 человѣкъ перекололи (Котляръ закололъ одного). Переплывъ р. Синюху и не доѣзжая верстъ 10 до Гарда, произвели раздѣлъ: пару лошадей оставили для гардоваго полковника съ старшиною, прочихъ же подѣлили по жребію между 89 гайдамаками. Котляру досталось два мерина — одинъ сѣрый, а другой палевый, — и кобыла сивожелѣзая съ жеребенкомъ. Послѣ раздѣла гайдамаки разъѣхались въ разныя стороны: атаманъ Неѣзжалый съ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣемъ Ковбасою и Кузьмою Тараномъ поѣхалъ отдать гардовому полковнику Брюховецкаго куреня Шевцу и асаулу Величковскаго куреня Игнату Мандру оставленныхъ для нихъ лошадей, Котляръ со многими другими отправился отдать въ гардовый табунъ полученныхъ при раздѣлѣ лошадей, которыхъ и сдалъ табунщикамъ, сказавши, откуда онъ ихъ взялъ. За сторожу табунщикамъ гайдамаки отдали двѣ гнѣдыя кобылы. Нѣкоторые изъ гайдамакъ отправились по запорожскимъ зимовникамъ, Котляръ же съ 15 человѣками отправился „для пьянства“ въ Гардъ, гдѣ они объявили, что были въ Польшѣ „на гайдамачествѣ“. Прогулявши четыре дня, Котляръ рѣшилъ отправиться въ карантинъ, чтобы взять свой паспортъ, отданный имъ офицеру, затѣмъ взять своихъ лошадей и свести ихъ для продажи на ярмарку въ Новомиргородскомъ шанцѣ (въ Новой Сербіи). Но не доѣзжая карантина, онъ встрѣтилъ 11 человѣкъ гайдамакъ, которые разсказали ему, что вышедшій изъ Польши Ѳеодоръ Швидскій собираетъ гайдамацкую шайку итти въ гор. Немировъ для грабежа. Котляръ послѣ слышаннаго отправился опять на Мигійскій островъ, гдѣ опять присталъ къ гайдамацкой партіи, состоящей изъ 65 человѣкъ. На островѣ они прожили съ недѣлю. Атаманъ въ это время ѣздилъ въ мѣстечко Торговицу (въ Польшѣ) для покупки пороху и селитры; съ собою онъ привелъ еще 17 гайдамакъ, такъ что всѣхъ собралось 82 человѣка. Изъ нихъ Котляръ зналъ: *Ивановскаго куреня* Павла

Тарана, Грицка Письменнаго, *Переяславскаго* — Полового, *Рыльевскаго* — Колмика, *Пашковскаго* — Андрея Городжу, *Куреневскаго* — Моисея Шевця, двухъ Ивановъ Бойковъ, *Незамаевскаго* — Карпа Кирпу, *Плетнеревскаго* — Нобака, *Кислековскаго* — Григорія Злодѣя, *Батуринскаго* — Остроуха, *Поповичевскаго* — Безкровнаго, *Корсунскаго* — Бандурку, *Брюховецкаго* — Яцка Кравця, Савку Кравця.

По возращеніи атамана на общемъ собраніи рѣшили итти на Немировъ. Перейдя рѣку Бугъ въ бродъ, черезъ ногайскій и польскій степки, дошли до лѣсу, находящагося подъ польскимъ мѣст. Хощеватымъ; въ этомъ лѣсу въ пасѣкѣ они пробыли цѣлый день. Здѣсь имъ были слышны стрѣльба и „колокольная тревога" изъ мѣстечка Хощеватаго. Подозрѣвая, что причиной этой тревоги они, и что народъ собирается захватить ихъ, они ночью вышли изъ лѣсу и, обойдя Хощеватое, въ селѣ Могильномъ захватили три пары воловъ съ возами, а у жида кобылу съ возомъ, а также взяли запасъ харчей, т.-е. муки, пшена и коровьяго масла; тѣ изъ гайдамакъ, у которыхъ не было рубахъ, поснимали ихъ съ обывателей, а у жида отняли 6 копѣекъ, и мѣшокъ мыла. Отойдя съ версту отъ села, атаманъ сорокъ человѣкъ оставилъ при харчевыхъ возахъ, а самъ съ другими 40 отправился въ впереди находящійся хуторъ раздобыть воловъ для этихъ возовъ. Этихъ сорокъ человѣкъ атаманъ раздѣлилъ на двѣ партіи по 20 человѣкъ: одной онъ велѣлъ итти къ броду р. Синицы, а самъ съ другой отправился въ показанный хуторъ, въ который прибылъ на разсвѣтѣ, и захватилъ здѣсь 4 вола и кобылу съ возомъ. Въ это время находящіеся съ атаманомъ услышали стрѣльбу; атаманъ, оставя 9 человѣкъ при волахъ, съ остальными бросился на звукъ стрѣльбы. Прибывши къ броду, гайдамаки увидѣли слѣдующую картину. Въ гайдамакъ, отряженныхъ къ броду, стрѣляли купцы, стоящіе со своимъ караваномъ на дорогѣ. Прибывшіе гайдамаки примкнули къ своимъ, и началась перестрѣлка, которая продолжалась, пока не былъ раненъ одинъ изъ гайдамаковъ. Затѣмъ „разорясь всѣ вдругъ гайдамаки бросились на грековъ-купцовъ и ихъ фурманщиковъ и всѣхъ перекололи (Котляръ закололь двухъ), Яцко Кравецъ вскочилъ на брыку, а атаманъ разрѣзалъ веревки, связывающія товары, и началъ выбрасывать послѣдніе. Черезъ нѣсколько времени „при самомъ свѣту" прибыли и остальные 40 гайдамаковъ, „оставленныхъ при харчевыхъ возахъ", и всѣ товары начали перекладывать на возы. Среди товаровъ Котляръ замѣтилъ лисьи, горностаевые, бѣличьи и др. мѣха, а также золотыя и серебряныя деньги, но чего сколько? не знаетъ, ибо всѣ поспѣшно хватали и бросали поскорѣй на возы, тѣмъ болѣе, что приближалась погоня — Уманскіе и Савранскіе козаки. Гайдамаки, увидѣвши погоню, отошли съ версту отъ ограбленнаго купеческаго каравана и, поставивъ передъ собой возы, вступили въ перестрѣлку, которая закончилась только тѣмъ, что козаки у гайдамакъ отняли 8 лошадей. Освободившись отъ погони, гайдамаки пошли польскимъ Савранскимъ трактомъ; достигши верховьевъ рѣчки Кодимы, всѣ заграбленные товары сложили вмѣстѣ, а червонцы (5 штукъ), польскую, русскую и турецкую монету атаманъ „высыпалъ на килимъ" (коверъ). Все было подѣлено между гайдамаками. Котляру досталось 1 руб. 5 коп., денегъ, мѣховъ: сибѣрковый одинъ, тхоровый одинъ, горностаевый половина, ко-

шачій черный одинъ, куница выдѣланная одна, смушекъ булгарскій одинъ, лисьихъ горлъ 10, невыдѣланныхъ бѣлокъ 5, горностай 1, тхоровъ 2. Другимъ давали платье, ружья и пистолеты, кому же чего сколько досталось, онъ не помнитъ. Карманные же золотые часы, лисій мѣхъ — самыя лучшія вещи изъ товаровъ и двѣ пары пистолетовъ атаманъ Швыдкій оставилъ безъ раздѣла для гардоваго полковника съ старшиной, „какъ то у нихъ гайдамакъ и всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабительства оную гардовую старшину даруютъ..... и по тому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они, гайдамаки, приходя въ Гардъ въ базарѣ пьянствуютъ и харчъ покупаютъ, подъ караулъ не берутъ, да еще естли, когда изъ Сѣчи Запорожской для поиску ихъ, гайдамакъ, объѣздка бываетъ, то ихъ старшина скрываетъ“. Переночевавъ на мѣстѣ дѣлежа, гайдамаки отправились на Мигійскій островъ, „гдѣ самое их гайдамацкое укрывательное мѣсто состоитъ“. Отсюда атаманъ послалъ къ гардовому полковнику и асаулу съ извѣстіемъ о своемъ приходѣ съ гайдамачества и просилъ ихъ пріѣхать за приготовленными для нихъ подарками, а Котляра онъ отрядилъ на бродъ р. Синюхи за покупкой гайдамакамъ водки на 60 коп. Котляръ, выкопавши зарытые имъ на островѣ 8 рублей, которые онъ выручилъ отъ продажи лошадей, и взявши „у рыбника на томъ же островѣ возъ“ поѣхалъ за водкой, которой купилъ на 8 руб. 60 коп., у маркитанта при карантинѣ. Въ это время на островъ пріѣхалъ гардовый асаулъ Мандра за подарками; ему отданы были карманные золотые часы, лисій мѣхъ, мѣдная цѣпочка съ футляромъ, въ которомъ было зеркало, табакерка и пороховая натруска; каждый же изъ гайдамакъ давалъ отъ себя — кто куницу, кто смушекъ и др. вещи; Котляръ далъ булгарскій смушекъ. Продавши водку за 15 руб., ружье за 4 руб., рогъ пороховой за 80 коп., шапку за 1 руб., списъ за 50 коп., шаровары за 2 руб. 40 коп., Котляръ на эти деньги накупилъ у гайдамакъ хорьковыхъ, сибирковыхъ, лисьихъ мѣховъ, горностаевъ, „вѣнчуру волчью“ (за 6 рублей). Все купленное онъ сложилъ въ боченокъ, въ волосяныя саквы [1]) и мѣшекъ, затѣмъ нанялъ бывшаго на островѣ на рыбной ловлѣ рыбалку, поѣхалъ домой, офицеру въ карантинѣ объявилъ, что ѣдетъ съ рыбной ловли домой въ крѣпость Св. Елизаветы. Въ крѣпость они въѣхали ночью, чтобы избѣжать разспросовъ относительно боченка, саквъ и мѣшка. Черезъ нѣсколько времени Котляръ былъ арестованъ.

О произведенныхъ этой шайкой разбояхъ Торговицкій староста Костка Ортинскій въ своемъ письмѣ къ грекамъ отъ 12 августа 1757 г. разсказываетъ: „в сем краю неисчисленная сума невинныхъ людей погинуло и купцев, села палят и имущества забирают, под всѣ времена напоили землю кровію людскою и нетъ пред ким жаловаться; какъ так будет, принуждени будутъ всѣ гандлѣ и комерціи и перестатъ пограничние для домашних и своих своеволцовъ“ [2]).

Вотъ какъ обстояли пути и дороги въ Старой Малороссіи. Греческіе купцы не составляли исключенія и наравнѣ съ другими подвергались грабежамъ и обидамъ.

[1]) Саква — военный предметъ снаряженія въ кавалеріи и артиллеріи; небольшой мѣшокъ, приторачиваемый къ сѣдлу, для возки овса, сухарей, крупы, соли и пр., Энциклоп. Слов. Брокгауза, кн. 56, стран. 78.
[2]) Ibidem.

Въ 1701 г. ѣхали греческіе купцы изъ Царяграда съ разными товарами моремъ до Очакова, а оттуда направлялись къ Чигирину; у р. Ингула на нихъ напали запорожскіе и городовые козаки, „будучіе на рыбныхъ ловляхъ", разбили ихъ караванъ и разграбили товары. Купцы разбрелись по степи, и только одинъ грекъ Григорій Дмитріевъ дошелъ „съ дикихъ поль и разсказалъ" про грабежъ [1]). За этотъ грабежъ гетманъ Мазепа изъ запорожскаго жалованья сначала удержалъ 20 мѣшковъ, а затѣмъ, по соглашенію съ предводителемъ каравана Кумбурлѣемъ, рѣшено было удержать еще 80 мѣшковъ (40 тысячъ левковъ). За грековъ, какъ за своихъ подданныхъ, хлопотало турецкое правительство. Русскій посолъ въ Адріанополѣ уладилъ это дѣло— заплативши половину соболями въ Турціи, а за другою половиною должны были явиться отъ Порты въ Кіевъ пріемщики. Соболи велено отпустить въ Кіевѣ по московской цѣнѣ, а левокъ считать по 15 алтынъ [2]). Въ 1734 г. македонскій грекъ Бабидачъ, Юрій Николаевъ, Өеодосій Шатій послали черезъ Польшу въ Турцію на 30 тысячъ мякотныхъ товаровъ; возлѣ р. Днѣпра на приказчиковъ каравана напали запорожскіе козаки — и разграбили товары. Оказывается, что правитель кн. Любомирскаго Косовскій былъ въ стачкѣ съ грабителями-запорожцами и даже въ помощь запорожцамъ далъ своихъ людей [3]). Въ 1742 г., 25 сентября, отъ Переволочанскаго коменданта Апочинина было представлено кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву доношеніе о приносимыхъ малороссійскими купцами и крымскими греками жалобахъ на грабежи и разбои запорожскихъ козаковъ [4]).

Проѣзжающій послѣ побоища подъ Савранью, гдѣ участвовалъ Котляръ, грекъ Христодулъ Цукала пишетъ въ Нѣжинъ полное ужаса письмо, описывая картину, видѣнную имъ на мѣстѣ побоища: 14 изуродованныхъ труповъ и 2 избитыхъ до полусмерти человѣка. Всѣхъ убитыхъ уложили въ одну общую могилу и предали землѣ. Особенно имъ, грекамъ, страшно стало, когда—они хотѣли продолжать путь, — имъ сказали: „не боитеся ль — куда ѣдете [5])?"

Въ путешествіи Лукьянова мы уже читали, какъ сгорѣло 18 человѣкъ греческихъ купцовъ.

Такія опасности и затрудненія въ торговыхъ сношеніяхъ вызвали караванную торговлю. „А бнли де въ томъ караванѣ царегородцы македоняне и сербы для своихъ торговыхъ промысловъ въ малороссійскихъ городахъ [6]). Въ актахъ XVIII в. мы почти всегда встрѣчаемъ выраженіе — купцы гречане. Въ XVII в. мы видимъ то же самое. Если купецъ богатый, то онъ самъ отъ себя снаряжалъ караванъ въ нѣсколько десятковъ подводъ своихъ или наемныхъ. Во главѣ каравана становился приказчикъ, которымъ были или греки, или малороссіяне. У грека Кумбурлѣя такой приказчикъ Каменскій получаетъ въ годъ 30 руб. кромѣ другихъ харчей [7]). У пріѣзжихъ грековъ

---

1) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1701 г., № 26.
2) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1703 г., № 3.
3) Ibid., 1749 г., № 1.
4) Сенатскій Архивъ, V С.-Пб. 1892 г., стран. 445.
5) Арх. Мин. Юст. ibid. Оп. 4, вяз. V, № 79.
6) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г., № 4.
7) Х. И. А. М. К., № 11778.

слугами при караванѣ были греки, сербы или же волохи; по-русски они назывались челядниками, по-гречески „муканы", на обязанности ихъ лежало увязывать товаръ, наблюдать за тюками. Менѣе состоятельные купцы снаряжали караваны на общій счетъ. Обычное явленіе, что караваномъ завѣдывали родственники. Караваны снаряжались на своихъ подоводахъ или наемныхъ [1]). Многіе изъ малороссіянъ занимались извозомъ и со своими возами ходили въ Волощину, Турцію, Шленскъ и др. мѣста [2]). Козакъ Монастырской сотни Грицко Сачко договорился, напр., съ польскимъ могилевскимъ купцомъ Ботвинкой свезти „своимъ скотомъ весь его табакъ", лежащій въ польскомъ городѣ Слуцкѣ, въ Шленскѣ, а оттуда взять нѣсколько бочекъ косъ. Для покупки воловъ и исправленія возовъ Ботвинка далъ въ задатокъ Сачку 550 руб. [3]). Изъ Турціи свои товары греки привозили на волошскихъ подводахъ. При грекѣ Стелановѣ прибыло 12 фурманщиковъ волоховъ; при грекѣ Димитріи Юрьевѣ — фурманщиковъ 4 волоха [4]) и пр.

Въ самихъ караванахъ происходили часто безпорядки, особенно при отсутствіи хозяина. Кумбурлѣй послалъ Каменскаго съ караваномъ въ Галацъ за косами; Каменскій плохо наблюдалъ за извозчиками, почему тѣ покрали въ Валахіи вино, на которое Кумбурлѣю представили счетъ для уплаты. Тотъ же Каменскій на имя Кумбурлѣя занялъ у купцовъ значительную сумму денегъ и былъ настолько нерадивъ, что караванъ въ пути потерялъ болѣе 50 воловъ; въ заключеніе всего Каменскій скрылся и отдался подъ протекцію [5]). Торговля, веденная въ кредитъ, еще болѣе увеличивала рискъ предпріятія. У купца арестовываютъ купленный имъ за наличныя деньги товаръ за то, что онъ имѣлъ несчастіе поручиться за какого-нибудь неплательщика [6]). Или, напр., грекъ Фучучовулъ задолжалъ по векселю Ралѣю Мушмулу болѣе 130 руб. и не заплатилъ, за что братствомъ по иску Ралѣя былъ посаженъ въ тюрьму подъ арестъ, изъ-подъ котораго черезъ четыре мѣсяца за поруками грека Папазула былъ выпущенъ; Фучучовулъ бѣжалъ, Папазула посему посадили подъ арестъ; но потомъ за поруками грека Христова выпустили для поисковъ Фучучовула; Папазулъ, въ свою очередь, скрылся, а Христовъ далъ расписку, въ которой ручался въ уплатѣ долга, и уѣхалъ, уже безъ всякихъ порукъ въ Москву, гдѣ и умеръ [7]).

---

1) Ibid., № 14429.
2) Кіевскій Центр. Арх. ibid.
3) Х. И. А. М. К., № 15834.
4) Кіевскій Центр. Арх. ibid.
5) Х. И. А. М. К., № 11778.
6) Ibid., № 12562.
7) Ibid., № 12172.

Приложеніе № 1 (ко II главѣ, стр. 236).

ВѢДОМОСТЬ

Коликое число имело быть в пропускѣ чрез все около Киева пограничные форпосты и с полских селъ и деревень для богомолия и продажи хлеба и всякихъ съесных припасов Мая съ 1-го Іюня по 1-е число 1744 году.

Мая. Из заграницы чрез Василковскій фарпостъ.

4. Полской области из пограничного села Ковалевки жители Сидор Михайлов с товарищи шесть чл҃къ на дву возах для продажи хлѣба.
5. Полской области из пограничного села Кодакъ жители Андрей Антоновъ с товарищемъ два чл҃ка которые едуть на одномъ возу для продажи хлеба.
5. Полской области изъ пограничного села Паляниченцъ жители Калина Харитонов с товарищи двадцетъ два чл҃ка которые едуть на одинацети возах для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничной деревни Мытницы жители Лавренъ Григориевъ с женою которой едитъ в Киевъ на одномъ возу для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничного села Паляниченцъ жители Тиханъ Павловъ с товарищи тремя чл҃ки которые едутъ на трех возах для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничного села Кодакъ жители Иванъ Василенко с товарищи мужеска и женска полу четыре чл҃ки которые едуть на одномъ возу для продажи хлеба.
11. Полской области из пограничного села Пенчуковъ жители Афанасей Бугаръ съ товарищи пети чл҃ки которые едутъ на трех возах для продажи хлеба.
15. Полской области из пограничного села Олшанки жители Степанъ Петров который едит на одномъ возу для продажи хлеба.
16. Полской области из пограничного села Трушокъ жители Кондрат Топчій с товарищи четыре чл҃ки которые едутъ в Киев на четырех возахъ для продажи хлеба.
23. Полской области из пограничного села Половецкаго жители Назаръ Захаров с товарищи два чл҃ки которые едуть в Киевъ на дву возахъ для продажи хлеба.

Из заграницы чрез Безрадицкой форпостъ.

1. Полской области местечка Богуславля жители Прокофей Чернявой с товарищи мужеска и женска полу дватцети девяти чл҃къ которые едутъ в Киевъ на дватцети возах для продажи хлеба.

3. Полской области местечка Канева жители Калина Кахнов и протчих местечекъ и селъ с товарищи мужеска и женска полу сто шестьдесятъ тремя члкки которые идутъ в Киев для богомолия.
4. Полской области села Играева жители попъ Максимъ Иванов и протчих селъ и местечекъ съ товарищи мужеска и женска полу двесте шесть члккъ которые идутъ в Киев для богомолия.
5. Полской области местечка Ходорова жители попъ Михала Терпиловской и протчия местечекъ и селъ с товарищи мужеска и женска полу сто тритцать члккъ которые идутъ в Киев для богомолия.
7. Полской области местечка Богославля жители Андрей Демченко с товарищи мужеска и женска полу пядесятъ три члкка которые идутъ в Киев для богомолия.
8. Полской области местечка Богославля жители свещеник Филипъ Романов с товарищи мужеска и женска полу пять десятъ одинъ члккъ которые идутъ в Киев для богомолия.
10. Полской области села Миронов жители Яков Дулемъко с товарищи одинатцети члккъ которые едутъ в Киевъ на семи возахъ для продажи хлеба.
11. Полской области села Настечки жители Тимоѳей Максимов с товарищи семи члккъ которые едутъ в Киев на семи возах для продажи хлеба.
16. Полской области села Карапишевъ жители Трофимъ Скрипка с товарищи десяти члккъ которые едутъ в Киев на девяти возах для продажи хлеба.
17. Полской области села Острова жители Николай Житенко с товарищи четырнацети члккъ которые едутъ в Киев на одинацети возах для продажи хлеба.
21. Полской области села Олшанки жители Семенъ Сктавъ с товарищи пети члккъ которые едутъ в Киевъ на четырехъ возах для продажи хлеба.
23. Полской области села Пустовойтов жители Кирила Бабакъ съ товарищи четыре члккъ которые едутъ в Киев на четырех возахъ для продажи хлеба.

Пропущены чрезъ Копачевской фарпостъ.

1. По ордеру Киево губернской канцеляріи по выдержаніи семи дней в карантинъ полской области села Пенчуков жители Григорей Василевъ съ товарищи три члкка которые идутъ в Киев для богомолия.
4. По ордеру Киево губернской канцеляріи по выдержаніи пяти дней в карантинъ полской области местечка Богуславля генерала-маеора Фонвесбарха упровител Ивгаир Христофоров и при немъ служител Григорей Иванов в Киев для своихъ нуждъ.
5. По ордеру Киево губернской канцеляріи по выдержаніи десяти дневной карантинъ полской области Днестровского монастыря Иераманах Варъсунуѳей, иеродяконъ Венедиктъ, монахъ Селиверсть в Киевъ для богомолия.
6. Полской области местечка Бѣлой Церкви жители Влас Панамаренко с товарищи мужеска и женска полу шесть члккъ которые в Киевъ для богомолия по выдержаніи десяти дней в карантинъ пропущены.
20. Полской области села Бичохцов жители Григорей Ринца с товарищи одинатцать члккъ на одинатцети возах для продажи хлеба в Киевъ пропущены.

Пропущены чрез Трепольской фарпость.

16. Заграничного села Куриловки жители Дмитрей Пискар с товарищи одинатцат чл͠ккъ на одинатцети возах для продажи хлеба пропущены.

16. Заграничного села Костянецъ жители, свещеник Өома Пискуненко, обевателей при немъ девят чл͠ккъ на десяти возах для продажи хлеба в Киевъ пропущены.

17. Заграничного села Павцовъ жители Моисей Разумнить с товарищи девять чл͠ккъ на девяти возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

17. Заграничного местечка Иржищева шляхтичъ Михала Чернявской да села Трощина Иванъ Татарчен с товарищи 10 чл͠ккъ на восми возах для продажи хлеба въ Киев пропущены.

17. Заграничного села Зелевокъ жители свещенник Моисей Григоревъ с сыномъ Григорьемъ на одномъ возу в порожни для нуждь своих.

20. Заграничного местечка Иржищева житель староста Иванъ Бариславской, при немъ служителей пят чл͠ккъ рекою Днепромъ на одномъ дубу в Киев для покупки драни пропущены.

23. Заграничного села Яшкова жители Павелъ Гарбачъ с товарищи девятнатцети чл͠ккъ на девятнацети возах для продажи хлеба в Киевъ пропущены.

24. Заграничного села Расавы жители Семенъ Пархаменко с товарищи четырнацети чл͠ккъ на двенатцети возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

26. Заграничного села Пустовойтов жители Михала Зубарщенко с товарищи дватцети трех чл͠ккъ на дватцети на двухъ возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

Пропущены чрез Мало Салтановской фарпостъ.

1. Полской области из погра(ни)чного села Антонова Моисей Игнатовъ и протчих местечкъ и сел с товарищи мужеска и женска полу и того сорокъ три чл͠кка которые пропущены в Киев для богомолия.

2. Полской области из пограничного села Жукова жители Өедоръ Өедоров и протчих местечкъ и селъ с товарищи мужеска и женска полу и того сорокъ чл͠ккъ которые пропущены в Киев для богомолия.

4. Полской области из пограничного села Жукова жители Иванъ Василевъ и протчихъ местечекъ и сел съ товарищи мужеска и женска полу и того девятдесят чл͠ккъ которые пропущены в Киевъ для богомолия.

5. Полской области из пограничного села Селезенецъ жители Өедоръ Василевъ и протчих местечекъ и селъ сто сорокъ три чл͠кка которые пропущены в Киев для богомолия.

6. Полской области из пограничного села Сквиры жители Васил Деонисов и протчих селъ с товарищи мужеска и женска полу и того семънатцать чл͠ккъ которые пропущены в Киев для богомолия.

11. Полской области из пограничного местечка Паволочи жители Иванъ Шпик с товарищи семи чл͠ккъ на семи возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

11. Полской области местечка Погребищъ жители Михала Свистунов с товарищи мужеска и женска полу двенацети члѣкъ которые пропущены в Киев для богомолия.

17. Полской области села Самгородка житель свещеникъ Василій Θедоров со однимъ служителем в Киев на одном возу в порожни, для своих нуждъ.

Пропущены чрез Ханъбѣковской фарпостъ,

1. Полской области местечка Рубани жители Савелій Сеченко с товарищи десять члѣкъ на шести возах сухих яблокъ в Киев для продажи.

Повыдержаніи 10 дней карантинъ.

1. Местечка Бѣлой Церкви жители Иванъ Старецъ с товарищи и с протчих местечкъ и сел восемъдесятъ семъ члѣкъ въ Киев для богомолия.

2. Села Лабачева жителька Настя Чопиха с товарищи семъ члѣкъ для богомолия. Мѣстечка Тамашполя жители Андрей Яценты с товарищи девет члѣкъ для богомолия.

2. Мѣстечка Турчина и из протчих мѣстечекъ сел и деревень жители Тимоѳей Зубъ с товарищи шестдесятъ четыре члѣка в Киевъ для богомолия.

9. Всеросиской Имперіи Государственной Колегіи Иностранных дѣлъ Совѣтника Юрья Хризоулиева служител Павел Николаев и при нем челядников четыре члѣка, товар во одной кипе кошекъ и астраханских овчинокъ.

9. Персидской области армяня Амадалско Ларетъ Мирабовъ с товарищи четыре члѣка, фурманщиков шесть, да при них товар черных и бѣлых смушков и шерстяныхъ простых поясов на четырех возах, до полского города Львова для продажи и купечества.

9. По ордеру Киевской губернской канцеляріі македонской жител грек Михала Миколов и при нем челядник один; товар корсаков, кошечьеми харями, черными смушками и шелковыми простыми поясами.

11. По ордеру Киевской губернской канцеляріи Аѳонской горы Иверского мнтря Архимандритъ Афанасей до ростома с одним служителем.

По пашпортомъ оной же канцеляріі.

11. Московскаго купца Свѣшникова прикащикъ ево Иванъ Θокинов и при немъ работников два члѣка до полского города Бродов и Могилева для продажи китайки и крашенины и других мелочных товаровъ.

12. Калуской купецъ Козма Кирилевъ и при немъ работниковъ шесть члѣкъ корые едутъ до полского местечка Могилева для купечества и продажи московских товаровъ, китайки, крашенины, Хряшу и оловянной посуды.

12. Московской купецъ Максим Кузнецовъ и при немъ работниковъ пяти члѣкъ, товару — китайки, крашенины, оловянной посуды и протчих незаповедныхъ товаров — на три воза.

17. По ордеру оной канцелярiи полской области из местечка Могилева житель Василей Андрѣевъ которой был во услуженiи у отставного толмача Степана Михайлова.

19. По пашпорту Киевской губернской канцелярiи нѣжинской жител Дмитрей Юрьев которой едетъ до полского местечка Могилева для отискивания долговыхъ денегъ.

По ордерем оной же канцелярiи.

20. Полской области Бѣреста Литовского иеромонах Павел и при нем иродиакон один, служител один.

24. Полской области и города Могилева армянинъ Назаръ Ивановъ, из волоского города Ясъ жители волохи Радул Стойков з братом.

По пашпортом Киевской губернской канцелирiи

24. Нѣжинские жители греки Павел Забуской с товарищем и при нем челядников пять члѣкъ, товар бѣлки, горностаи, дущетыхъ лисьих и тхорей черных.

25. Межигорского мнтря села Евлинки Яковъ Кобченко с товарищем да при них челядниковъ двадцат восем члѣкъ до полского местечка Каламыи для покупки ступочной соли.

26. Маетности Киево Печерского мнтря местечка Василкова жител Василей Чипчакъ и при нем челядников пять члѣкъ до полского города Каламыiі для покупки ступочной соли.

26. Молоросиского Черниговского полку села Слабина жители Григорей Данилов с товарищем и при них челядниковъ осмнатцат члѣкъ которые едут до полского города Каламы по ку(ку)пки ступочной соли.

26. Малоросиского Черниговского полку села Смолина жители Павел Даниловъ и при нем челядников двенатцат члѣкъ до полского города Каламы для покупки ступочной соли.

Из заграницы чрез Безрадицкой фарпостъ.

По ордерам Кивской Губернской канцелярiи.

13. Володимерского уѣзду из села Памхи крестьянинъ Василей Ивановъ с работником которые были в полше для промену иконъ.

16. Полской области из местечка Рашщева казакъ Иванъ Гайдукъ с писмами к преосщенному Митрополиту Рафаилу.

Киево Софѣйского монастыря иеромонах Деонисий да каков мнстрской со служителми тремя члѣки которые отправлены от Триголского Городничева для манастырскихъ нуждъ.

Из за границы чрез Мало-Салтановской фарпостъ.

По пашпортом Киевской Губернской канцелярiи.

10. Киевские жители Степан Прокофьевъ с товарищем да при них челядников три члѣка и при них товар: китайки, крашенины и протчих не заповѣдных товаров до полского местечка Бердичева.

12. Киевской мещанинъ Григорей Бѣлявской и при нем челядников пять чл҃къ до полского местечка Немирова для покупки черносливу.
20. По ордеру Киевской губернской канцелярiи Володимерского уѣзду полеженской волости дрвни Съергиной кртянинъ Иванъ Петровъ и при нем работников два чл҃ка которые были вполше для промену иконъ.
23. Киево Вознесенского дв҃ча мнтря . . . . . . жители Пантелимон Волошенко с товарищем и при них челядников дватцат один чл҃къ до полского местечка Каламыi для покупки ступочной соли.
Секундъ Маiоръ Третяков.

ВѢДОМОСТЬ

Коликое число имѣло быть в пропуске чрез все около Киева пограничные фарпосты по ордеромъ и по пашпортамъ Киевской губернской канцелярiи какъ из Росиi за границу такъ и из заграницы въ Росию всякого чина купеческих людей для купечества и продажи всяких товаровъ Апреля съ 1-го Маия по 1-е число 1744 году.

Маия. Из заграницы чрез Василковской фарпостъ

2. Повыдержанiи за Василковским фарпостом 10 дней, полской области из местечка Хвастова Мещевскаго уѣзду села Попкова, Крт҃янинъ Козма Естафѣев.
4. По выдержанiи карантины полской области и деревни Цыкаловки Нежинской жител грекъ Степан Цыгара и при нем челядник одинъ которой был для отискивания долговых своих денег.
Из Местечка Могилева Македонские жители греки Хаджи Моека с товарищем да при нем челядников пят чл҃къ которые едут с одними денгами для купечества.
11. По выдержанiи 10 дней карантины полской области из пограничного села Погребков жител Юрья Загряской ступочной соли одинъ возъ.
18. По выдержанiи 15 дней из Перы Костянтинопольской Московскаго купца Журавлева сидѣлецъ Евдоким Иванов с товарищем.
22. По выдержанiи карантины полской области из манастыря Почаева игуменъ Исидоръ Чернявскiй и при немъ иеродиакон один, служител одинъ.

Из Россiи за границу чрез Василковской фарпостъ.

2. По ордеру Киевской губернской канцелярiи полской области местечка Каменца Подолского жител Василей Василевъ которой был во услуженiи Керасирского полку у трубача Горбунову.

По пашпортом оной же канцелярiи.

3. Полской области из мѣстечка Бѣлой Церквы жители из протчих селъ Василей Ястребенко с товарищи сто восемдесят четыре чл҃къ в Киев для богомолия.

4. Мѣстечка Тетиева и з протчих сел попъ Иосифъ Афанасевъ с товарищи семдесят пят чл҃къ в Киевъ для богомолия.
5. Мѣстечка Бѣлой Церквы жители Мосей Трофимов с товарищи одинатцет чл҃къ в Киев для богомолия.
5. Мѣстечка Дашева и ис протчих сел и деревень жители попъ Антоний Ѳедоров стоварищи. дватцет четыре чл҃ка в Киев для богомолия.
6. Села Соколовки и из протчих сел жители Яковъ Василевъ с товарищи дватцат три чл҃ка в Киевъ для богомолия.
7. Мѣстечка Антонова жители Иванъ Хоменко с товарищи семнатцат чл҃къ в Киевъ для богомолия.
8. Мѣстечка Торчицы жители Иванъ Белищенко с товарищи одинатцет чл҃къ в Киев для богомолия.
10. Мѣстечка Трелес губернаторъ Андрей Багриновской с товарищи и при нем челядников четыре чл҃ка для своихъ нуждъ.
12. Мѣстечка Щурова жители Матѳей Павлов с товарищи четыре чл҃ки для богомолия.
20. Села Рубани жители Афанасей Ткаченко с товарищи шеснатцеть чл҃къ на шеснатцети возах для продажи сухихъ яблокъ.

Секундъ Маіоръ *Тритяковъ.*

ВѢДОМОСТЬ

Коликое число имѣло быть в пропуске чрез все около̂ Киева пограничные фарпосты по ордерамъ и по пашпортамъ Киевской губернской канцеляріи на обѣ стороны всякого чина купеческих людей, Маия съ 1 Іюня по 1-е число 1744 году.

Маия. Изъ за границы чрезъ Василковской форпостъ.

10. По ордеру Киевской губернской канцеляріи и по выдержаніи полукарантины, венгерской области из города Брашева венгеры Иванъ Велцым з братом да при пем служитель одинъ.

По выдержаніи 10 дней в карантинъ.

10. Полской области из местечка Могилева, Яской житель волох Антоній Куруй и при нем челядникъ один, волоского вина четырнатцат бутъ.
12. Из Могилева ж Цареградцкой жител грекъ Демонтей Ѳедосеев с товарищем да при нем челядников два чл҃ка с одними денгами для купечества.
13. Изъ Могилева ж Нежинской жител волох Матвей Дмитревъ с матерью и при нихъ челядниковъ три чл҃ка, вина семь бутъ.
16. По выдержаніи карантины, полской области из местечка Могилева, Киевской жител грекъ Костянтинъ Степанов да при немъ Македонских жителей греков же три, челядников и фурманщиков двенадцат чл҃къ, товару бумаги и кумачей красных четыре воза.

17. По выдержаніи двадцети дней, полской области из местечка Могилева македонской жител грекъ Иванъ Манойлов с товарищи пять члккъ, да при них челядников и фурманщиков девят члккъ, товару кумачей четыре воза.

19. По выдержаніи 10 дней полской области из местечка Паволочи малоросиского Черниговского полку козакъ Аврам Лесков.

22. По выдержаніи семи дней полской области из местечка Паволочи жител Михаило Иванов да при нем челядников четыре члка, ступочной соли три мажи.

25. По выдержаніи полукарантипы полской области из манастыря Воздвиженского Иеромонах Афанасей Василевъ.

27. По выдержаніи полукарантины из местечка Могилева македонские жители греки Костянтинъ Верха с товарищи четыре члка да при нихъ челядников два челвка.

30. Полской области из местечка Немерова Малоросиского Переясловского полку козаки Гарасим Бѣликъ с товарищи три члка.

Маия. Из Росіи за границу чрез Василковской фарпость.

3. По пашпорту Киевской губернской канцеляріи Малоросиского Переясловского полку описной Быковской волости села Казацкого жители Иванъ Клименко с товарищем да при них челядников семнатцать члккъ, которые едутъ до полского местечка Каламы для покупки ступочной соли.

3. По ордеру Киевской губернской канцеляріи македонские жители греки Николай Дмитревъ с товарищи пят чл҃вкъ и при нихъ челядников и фурманщиков пятнадцат чл҃вкъ на трехъ возах московским мякотным товаром, кошками, бѣлками, тхорями, гарностаеми, корсаками, норками и заичьеми мѣхами до Македоніи.

4. По пашпортом Киевской губернской канцеляріи Малоросиского Нежинского полку местечка Салтыковой Двцы жители Василей Трофимов Каненцы и при них челядников 27 чл҃вкъ, мажъ порожних 29 которые едут в полское местечко Каломы, для покупки ступочной соли.

6. Малоросиского Киевского полку села Выползова жители Моисей Хоменко с товарищи да при них челядников 28 челвкъ которые едутъ до полского местечка Каламыі для покупки ступочной соли на тритцети осми мажах.

10. Тогож полку села Семиполокъ жители Петръ Василевъ с товарищем да при нихъ челядников шестнатцат чл҃вкъ которые едутъ до полского местечка Каламыі для покупки ступочной соли на семнатцети мажах.

11. Нежинские жители греки Петръ Демьяновъ с товарищем да при них челядников два челвка в Венгерской области до города Вены для купечества.

11. Венгерской области города Будима жител Павел Тунеліі которой обрѣтался въ Москвѣ в Воскресенском мн҃трѣ при архиепископѣ и архимандрите Петрѣ для обучения словенского языку.

По ордером Киевской губернской канцеляріи.

11. Полской области села Пархомовки жител Невенчанко которой былъ в Киевѣ, в Печерской Лавре на послушаніі.

11. Турецкой области города Амасия жител армянин Александръ Марков.
16. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Киево Печерские Лавры села Берумка сщ҃еники Захарій, Иванъ Өедоровы до полского села Пенчуков для свидания сродников своих.
17. По ордеру Киевской губернской канцеляриі Киевский рейтаръ капралъ Өедоръ Озеровъ и при нем толмачъ одинъ, казаков три чл҃вка в Костянтинополь.
25. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Сербского гусарского полку капрал Костянтин Проданов которой идетъ во свое отечество.
28. По ордеру Киевской губернской канцеляриі полской области из местечка Паволочи жител Михала Иванов да при нем челядников четыре чл҃вка которой был въ Киевѣ на трех мажах для продажи ступочной соли.
20. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Киевской мещанин Григорей Богданович съ служителми до полского города Бѣлой Цр҃квы Камисару Заводнискому для некоторой раздѣлки.

Мая

За границу чрез Копачевской фарпостъ.

По пашпортом Киевской Губернской Канцеляріи.

25. Киево Николаевского Пустынного Мн҃тря поддание, села Гвоздова жители Өедоръ Дѣтенко и при нем челядников четырнатцат чл҃вкъ до волоского мѣста Окна для покупки волоской соли.

Изъ заграницы чрез Мало-Салтыковской фарпостъ.

17. Полской области из местечка Паволочи жител Иванъ Павловской с сыном и дочерью и внуком да при нем служителей два, на одном возу венгерского вина в четырех боченках для продажи.
18. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Киевской академиі школьник Иванъ Гуденды с товарищем до полского села Самъборовка для свиданія сродников своих.
25. По ордеру Киевской губернской канцеляриі из полского местечка Полоного жител Григорей Тихарскій с сыном которой был в великоросиском городѣ Твери для свидания сынов своих.

За границу чрез Ханбѣковской фарпостъ.

По пашпортом Киевской Губернской канцеляриі.

1. Киевской жител Зотъ Антонов и при нем челядникъ одинъ для купечества, до полскихъ местечекъ до Бендар.
6. Киево Николаевскаго Пустыного манастыря поддание села Гатнова жители Козма Медведев с товарищем и при них челядников дватцат четыре чл҃вка до полского местечка Каламы для покупки ступочной соли.

ВѢДОМОСТЬ.

Коликое число имѣло быть впропуске какъ при Василкове такъ и в командѣ моей чрез все около Киева пограничные фарпосты из ближних полских пограничных мѣстъ для продажи хлѣба и протчих съесных припасов Апреля съ 1-го мая по 1-е число 1744 году.

Апрѣля. Из за границы чрез Василковской фарпостъ.

1. Полской области из села Болшой Салтановки жител Влас Савченко с товарищи четыре члѣ̃ка на трех возах для продажи хлѣба.
1. Полской области из пограничного села Гребенок жител Афанасей Рудий съ товарищи сем члѣ̃къ на четырех возах для продажи хлѣба.
15. Полской области из села Половецкого жители Семен Яковлев с товарищи семь члѣ̃къ на семи возахъ для продажи хлѣба.
20. Полской области из села Половецкого жители Максимъ Осиповъ с товарищи восем члѣ̃къ на осми возах для продажи хлѣба.
26. По выдержанiи семи дней, полской области из пограничного села Барахтъ жители Антонъ Степановъ с товарищи четыре члѣ̃ка для богомолия.
29. Полской области из села Погребков жители Андрей Петровъ с товарищи три члѣ̃ка на трех возах для продажи хлѣба.

Апрѣля. Из за границы чрез Безрадицкой фарпостъ.

1. Полской области села Пустовойтовки жители Василей Коломыецъ с товарищи 11 члѣ̃къ на осми возах для продажи хлѣба.
5. Местечка Ряшщева жител Андрей Бескопылко с товарищи пяти члѣ̃къ на пяти возахъ для продажи хлѣба.
6. Села Заграчев Семен Алексѣевъ стоварищи девят члѣ̃къ на девяти возах для продажи хлѣба
6. Полской области из местечка Богуславля жители Никифоръ Швецъ с товарищи три члѣ̃ка на трех возах для продажи хлѣба.
17. Из села Макаевки жители Астафей Галченко с товарищи три члвка на трех возах для продажи хлѣба.
17. Из села Карапышевъ жители Николай Собка з братом на двух возах для продажи хлѣба.
20. Из села Медвена жители Григорей Компас с товарищи пяти члвкъ на пяти возах для продажи хлѣба.
24. Из села Закрачов жители Иванъ Затуловатой с товарищи девят члвкъ на семи возах для продажи хлѣба.

Из за границы чрез Безрадицкой фарпостъ.

1. Из пограничного села Заграчев шляхтичъ Янъ Решетовской стремя члвкъ и служители для своихъ нуждъ.

6. Полской области из села Германовки жител Игнат Новицкій з двумя члвки служителми для своих нуждъ.
6. Из села Яцек жители Илья Иванов с товарищем для богомолия
27. Местечка Богуслава Жители Яковъ Кравецъ с товарищи цватцат девят члвкъ для богомолия.

Секундъ Маіоръ *Третяковъ.*

Приложеніе № 2 (къ стран. 236, 2-й главы).

Число лавокъ въ городахъ и мѣстечкахъ Малороссіи. (Х. И. А. М. К. № 5708.)

М.	Остеръ лавокъ деревянныхъ	34
Г.	Козелецъ „ „	111
М.	Носовка „ „	28
Г.	Погаръ „ „	79
М.	Новгородокъ „ „	127
Г.	Черниговъ „ „	40
М.	Городня „ „	55
М.	Сѣдневъ „ „	18
Г.	Гадячъ „ „	60
М.	Опошня „ „	91
М.	Грунь „ „	6
М.	Зеньковъ „ „	—
Г.	Прилуки „ „	48
М.	Ичня „ „	73
М.	Сребное „ „	—
Г.	Мглинъ „ „	—
М.	Ворва „ „	—
М.	Березное „ „	60
М.	Синявка „ „	—
М.	Мена „ „	—
М.	Сосница „ „	—
М.	Понурища „ „	4
М.	Салтыкова Дѣвица лавокъ деревянныхъ	15
М.	Борзна лавокъ деревянныхъ	23
М.	Конотопъ „ „	115
М.	Коропъ „ „	119
М.	Кролевецъ „ „	10
М.	Воронежъ „ „	42

Г. Глуховъ	лавокъ деревянныхъ		—
Г. Переяславль	„	„	51
М. Золотоноша	„	„	28
Г. Лубны	„	„	104
М. Лохвица	„	„	86
Г. Ромны	„	„	152
М. Пирятинъ	„	„	34
М. Смѣлое	„	„	44
М. Городище	„	„	—
М. Хоролъ	„	„	—
М. Голтва	„	„	26
Г. Миргородъ	„	„	29
Г. Сорочинцы	„	„	9

Приложеніе № 3 (ко 2-й главѣ).

Дѣла и разнаго рода книги Черниговъ. палаты уголов. 1 суда, опись 5, вязка XIII, № 165, л. 54 и 55.

Умершаго Фомы Курбаноглова.

Здѣ пишу сколько товаровъ посла въ *Константинополь до рукъ господина Юрія Панаіотіева*.

540 кошекъ черныхъ бѣлихъ да пестрихъ	56 р. 70 к.
1 шубу горносталевую за	30 „ — „
3 закрасъ рисевихъ за	13 „ — „
долженъ мнѣ остается самъ онъ господинъ Юрій якъ реестръ тотъ явствуетъ излишнихъ	60 „ — „
	159 р. 70 к.

Сія здѣ витертіе понеже учинися помилка а написана въ другомъ мѣсцѣ долгу Даніилъ іерей писалъ.

Юрій Димитрасковъ служитель мой служитъ мнѣ три года и ничего я ему не далъ, взялъ бы онъ за свою услугу что мнѣ служилъ 100 и сукнѣ мои дорожнѣе всѣ.

Долженъ я служителевѣ своему Христодулу по реестру моемъ якъ видно	76 левовъ
имѣетъ еще взять оной Христодулъ	17 левовъ
	93 левовъ

Прошу дать би имъ непремѣнно за ихъ услугу, даби некляли меня, якые сто девятъ десятъ три левовъ числятся россійскими деньгами . . . . . 115 р. 80 к.

Копія съ подлинного.

Здѣ пишу сколько долженъ каждому въ Нѣжинѣ.

Господину Самойлу по долговомъ облѣку	2400	р.	—	к.
Суть поруки на томъ облѣкѣ якъ видни: Журавлеву по облѣку порукою господинъ Анастасій Лигда	830	„	—	„
Журавлеву еще по облѣку	400	„	—	„
Кателѣю индуктару Кременчуцкому по облѣку	300	„	—	„
Христѣ Арваниту	500	„	—	„
которому имѣю данну подъ закладъ собольнюю шубу за моею печатью, но въ облѣку не имѣю, написанну собольную шубу	500	„	—	„
Христодулу Шунѣ по облѣку	4430	„	—	„
Имѣю ему въ закладѣ едну собольную шубу и два сорока соболей за моею печатью, но въ облѣку не написанъ закладъ. Ламбрѣ Макрѣю безъ облѣка сколько війдуть по моему реестру	40	„	—	„
Арменину за Павла Первана безъ облѣка по его переводу дать арменину	40	„	—	„
Леонтію Табанѣ по облѣку	30	„	—	„
Господину Василію Зафиреву съ облѣка моего долгового имѣетъ взять до	100	„	—	„
Якъ показанъ в моемъ реестру счетъ	5140	р.	—	к.
Параскева Христову Арваниту по облѣку имѣетъ взять до якъ видно по счету моему реестру.	120	„	—	„
Юрію Транбѣ безъ облѣка	125	„	—	„
Имѣю ему въ закладѣ соболей пять паръ за моею печатью.				
Хаджи Ралѣю по облѣку	60	„	—	„
Ютаму якъ въ моемъ реестру значитъ счетъ имѣетъ взять до	15	„	—	„
Москолю Тарасову якъ въ моемъ реестрѣ показанъ счетъ имѣетъ взять до	15	„	—	„
Костѣ Сидяреню якъ въ счетѣ г-на муляпи показано	5475	р.	—	к.
Имѣетъ взять до	100	„	—	„
Анастасію Казнаферу пооблѣку больше или меньше	170	„	—	„
Косту Одунбагиру по облѣку	36	„	—	„
Москалю Василію Самойлову по векселю	600	„	—	„
Ему жъ Василію Самойлову по облѣку за поручествомъ Анастасія Лигди	500	„	—	„
	6881	р.	—	к.

Мануйлу баришнику . . . . 30 р. — к.

Даніилъ священникъ писалъ . . . . 6911 р. — к.

По листамъ подпись:

Баноглова списалъ я писарь почтеннаго греческаго братства Николай и свидѣтельствую яко есть точная подлинного реестра.

Л. 55.

Копія точная съ подлиннаго.

Сколько долженъ всякому въ Адріянополѣ.

Дядѣ своему Хаджу Ивану пооблѣку левовъ 164

Александрію Ситову по облѣку левовъ 30

Николаю Андрееву да и Александрію Ситову по облику левовъ 320

которымъ то имѣю и закладъ, вѣдаетъ мать моя и въ облику написанъ. Хаджи Сукяясу по облику левовъ . . 560

Хаджи Панаютію по облѣку левовъ 3000

и съ закладомъ вѣдаетъ мать мая и въ облику написанъ левовъ 4075

Кутчи Михаилу по облику левовъ 200

Жиду въ Андріянополѣ по облику левовъ 1020

Халилъ Ефендію по облику левовъ 371

Янку жиду баришнику по облику левовъ. 120

Минялыцику Абраму армену по облику левовъ 1750

Өедору Діямантіеву по облѣку левовъ 700

Николаю Андрееву по облику съ закладомъ левовъ . . . 900

левовъ 9136

Хаджи Алію по облику левовъ 650

Ахметъ Аги по облику левовъ 450

Димитрію Анастасіеву с которимъ имѣлъ я товарищество и учинилъ счетъ, долженъ ему состою по облику левовъ 1700

Иежели не учинилъ онъ мнѣ въ счетѣ фальши то добре, или привели бъ его евангельскую присягу, и уплачивали-бъ ему левовъ 11936,

которіе то левовъ одинадцать тисящъ и девять сотъ тридцать шесть чинятъ рублевъ . . . . 7161 „ 60 „

Юрію Панаютіеву по облику долженъ левовъ 700 чинятъ рублевъ . . . . 420 р. — к.

Священникъ Даніилъ писалъ.

Сколько состою долженъ мелочно каждому, имѣю въ своемъ реестру написано подробно.

И сколько мнѣ должни каждой мелочу, въ реестру моемъ написано подробно.

Ѳома Курбаногловъ саморучно подписую.

Писатель сего реестра Даніилъ священникъ и очредніи почтенного братства Нѣжинскаго свидѣтельствую.

Копія точная съ реестру 1752 года генваря 25 дня Нѣжинъ.

Понеже я нижеподписавшійся Ѳома Андреевъ Курбаногловъ, будучи я болѣзненъ, имѣя еще цѣла чувства своя, чиню сей реестръ, сколько я имѣю и колицѣ мнѣ должни, едно по единому каждому по имени и чиню эпитропами господина Анастасія Лигду, господина Самойла и господина Ивана Гребенчу и господина Димитрія Кирицу разсмотрили-бъ счети мои и исколько имѣю уплачивали-бъ каждому что долженъ зостаюсь, сколько останутъ, взимали-бъ.

Ежели жъ сверхъ того оставати мутся, то чинили-бъ милостыню за душу мою якъ богъ ихъ поставитъ.

Се пишу что имѣю въ Нѣжинѣ:

Кошекъ черних пестрихъ и бѣлихъ 9700, чинятъ . . .	1746	р.
2 шуби душекъ песцовихъ	120	„
2 шубъ куннѣхъ шиекъ	30	„
6 сорочковъ соболей и паръ $6^{1}/_{2}$	4960	„
3 собольнихъ шубъ	1700	„
350 паръ душекъ лисѣхъ	525	„
	9081	р.
35 шубъ тхоровъ бѣлихъ	105	„
45 паръ душекъ лисѣхъ	45	„
6 шубъ лисѣхъ лапчетихъ.	27	„
6 шубъ песцовихъ черевъ.	180	„
8 шубъ тхоровихъ лапчетихъ.	64	„
20 шубъ кошечихъ	30	„
4 лисицѣ красніе	4	„
	9536	р.
До едного сорочка собольной хурди кусочковъ, рублей. .	15	„
100 пуд. табаковъ кипъ 21 якъ продалъ и другой чинитъ рублей.	500	„
6 бочекъ вина Андріянопольскаго квартъ 2000 по 20 к. чинитъ рублей	400	„
987 тхоровъ бѣлихъ в хуртуза въ работѣ	20	„
	10471	р.

Яки товаръ продавать и давать, сколько состою долженъ здѣ въ Нѣжинѣ; что жъ оставатимется то уплачивались бы всѣ заимодавци, сколько жъ недоставати меть то продать отченое нашое имѣніе чтобъ взяли всѣ свое истинное, даби не кляли покойного отца моего и мене.

Даніилъ священникъ писалъ.

Сію копію съ подлиннаго реестра умершаго Ѳоми Курба.

Въ Нѣжинъ къ почтенному и благородному господину Димитрію Кирицы смиренной поклонъ приношу 1752 году октября 20 дня Андріянополь.

Моля Господа Бога о благомъ здравіи и благосчастіи вашемъ и да удостоитъ всеблагій Богъ желанія вашего и всегдашнего миру непоколебима, нѣсть вобширь сіе мое писаніе только всегда прозбѣ состоялысь пришедшіе и собывшіе мы же малѣйшіе вашы имѣючи потребу всякой просьбѣ просимъ васъ, понеже господинъ Параскева Христовъ оставылъ вамъ копію облѣка Курбануглова единъ разъ что посилаю и другое письмо въ братство, которое то явствуетъ суконъ оцѣнку что учиненна пред подписавшимися, которое то сукнѣ не оставылъ онъ мнѣ подъ закладъ, но оставылъ въ сохраненіе, при которыхъ былъ тогда и господинъ Панаіотій Христовъ Бурей и испросѣть его, но по смерти его, да ублажитъ его Богъ, не чаялы мы в младыхъ лѣтахъ какъ былъ, но Богъ соизволылъ такъ, илы чтобъ мы затруднены были илы клясти его за нашую доброту что ему помоществовалы дабы не оставался воспященъ но бывшая не сбудутся и нѣстмь въ великой обширности понеже слышачи и вѣдаючи доброе ваше имя перве надѣюся на Бога, а второе на почтенность вашу, яко то будучи добры благородія вашa, не имѣютъ намъ отлученны быть денгы такъ надѣюся отъ благоутробпаго Бога; мы же, получа, таковую доброту не забудемъ никогда, и в преисподнѣ адовомъ естлы былъ бы, имѣю проповѣдать доброе ваше имя; когда жъ паки внутренныхъ сторонахъ услышалы бъ имя ваше когда, то не оставати мелось неблагодарними и надѣюся на Бога что сіе вы намъ добро учините, якъ собственніе хозяеве предстояли-бъ о насъ и не то что суть наша сія мню, но почтенностей вашихъ такъ надѣюся и изоставатимуся паки всегда тщателенъ во всякомъ вашемъ дѣлѣ служить бы вамъ всегда, се обявляю вамъ и цѣну суконъ что оцѣненны за 172 левовъ предъ почтенними майстерамы и купечествомъ, подписуясь имать его своимъ подписомъ съ подтвержденіемъ архіерея нашего братское письмо, сія какъ имѣютъ обстоятельно вамъ изъяснить и пріятелѣ; лѣта же почтенности вашей были-бъ Богомъ многочисленная, во всей долгой жизни здравствующы Николай Андреевъ Готовъ и любезной вамъ всегда.

Оцѣнка суконъ Ѳомы Курбаноглова.

Бѣлочьихъ хребтовъ шуба подъ сукномъ.	1	левовъ	40
Кацавейка моровая под перевязками	1	„	30
Кацавейка подъ горносталями а въ серединѣ бѣлячи черевца .	1	„	20
Еще канавацовая и съ закрасою горносталевою	1	„	10

Тхоровая шуба подъ сукномъ	1	левовъ	20
Бынишъ одинъ сталеваго цвѣта.	1	„	15
Красной бинышъ старой	1	„	5
Кафтанъ попелсятой	1	„	15
„ моревой	1	„	7
„ тафти красной	1	„	10

Сумма левовъ 172.

Почтеніе благородніе и всякой чести и ума достойно почтеніе Господа судіи братскаго суда, полезніе эпитропи и прочіе всѣ, бритерское поздравленіе съ Спасительнымъ цѣлованіемъ отдаемъ, молясь небесному царю Богу да покріетъ и соблюдетъ почтенность вашу отъ всякой противной сылы въ здравіи и благосчастіи; сіе писаніе наше нѣсть в обшитъ но токмо дать вамъ отвѣтъ и извѣстіе за умершаго Ѳому Андреева Курбануглова за сукнѣ что оставывъ у господина Николая Андреева которіето оставылъ ему для сохраненія а не подъ закладъ; но единъ разъ что случилась ему смерть нужно состоитъ и сукнѣ учиныли бы деньгами и удержали-бъ за долгъ его такъ найшлы мы за благо якіе мы и оцѣныли реестровно чего стойны, и удержуетъ Господинъ Николай здѣсь, я остальніе, одинъ разъ что принялъ господинъ Параскева Христовъ облѣкъ, по купеческой регулѣ надобно расплатитись какъ и прочіи имѣютъ принять всякъ надлежащое свое сукнѣ, же его будучи, присемъ и саміе подписанніе купци, чинится оцѣнка ихъ съ большимъ за 172 левовъ во извѣстіе, лѣта же почтенностей вашыхъ были бы богомъ во всей жизны долгы; здѣ обрѣтающіеся въ Андріянополѣ кушнеры, и будучи притомъ и мать его которая подписуется саморучно презволяюсь о вышъ—писанномъ я Змарагда Ѳомина мать.

Кірякъ первій Майстеръ свидѣтель.

Афанасій Янатіевъ свидѣтельствую.

Дима Стояновъ свидѣтель.

Костя Димитріевъ свидѣтель.

Хаджи Зафѣрій Леондаріевъ свидѣтель.

Панусій Іосифовъ писецъ и свидѣтель.

Харчѣ умершого:

За погребъ что умершой держалъ выно	9	р.	—	к.
Служителю его уплачено.	55	„	80	„
Василію Кравцю	5	„	50	„
Іордатію засвичѣ	4	„	65	„
Хаджи Кромидію за сорокоустъ.	4	„	20	„
За погребъ что товары его стоялы.	7	„	—	„
Анастасію Лигдѣ за чинку кошекъ.	15	„	—	„
Господину Димитрію Кирицы, что долженъ былъ Курбануглову.	6	„	—	„
	107	р.	15	к.
Слагаемъ что суть выденны служителю его	55	р.	88	к.
	51	р.	36	к.

1 сукня	10 р.	30	к.
1 суконній бынишъ	8 „	—	„
1 старое одѣяло	1 „	75	„
2 пистолета	5 „	50	„
1 покровецъ	2 „	20	„
1 флинта	5 „	25	„
1 эндолефъ	2 „	30	„
	35 р.	30	к.
8 паръ ножовъ	— р.	80	к.
момошелку	1 „	86	„
1 лядовинца	1 „	80	„
маслынъ и финаръ	— „	75	„
2 казанки	2 „	50	„
	43 р.	11	к.
1 одны шалкы	— р.	31	к.
старѣлокъ цѣнованыхъ	— „	66	„
1 кафтанъ димiевій	6 „	50	„
1 юпка	1 „	75	„
1 килимъ и штаны	2 „	50	„
	54 р.	83	к.
1 фунтъ чаю	2 р.	—	к.
1 братинка	— „	65	„
Еще взято за выно что долженъ былъ Хаджи Ника	2 „	—	„
	4 р.	65	к.
Взялъ Хаджи Ралій вина квартъ 48 по 20 к.	9 р.	60	к.
Еще взялъ онъ же куниxъ шіекъ шубъ 2 да лѣсѣхъ лапокъ шубу едну лисыцъ 4, всего того за	30 „	40	„
Сумма	40 р.	—	к.
Хаджи Коста Одумбеировъ взялъ лысѣхъ лапокъ шубъ три за	12 „	—	„
Онъ же взялъ тхоровыхъ лапокъ шубъ 2 за	10 „	—	„
Сумма	22 р.	—	к.

Сколько состоитъ умершій Өома Курбанугловъ да Ратъ.

Во-первыхъ г-ну Самойлу Өедорову	1200 р.	—	к.
Костѣ Сидоренію Параскевѣ Христову да Анастасію Силвергову по облѣкамъ и Гну Лигдѣ	1200 „	—	„
Журавлеву по облѣку, порукою Лигда	830 „	—	„

Журавлеву еще по облѣку.	400	р. —	к.
Катерію Индуктару по облѣку.	300	„ —	„
Г-ну Христодулу Шунѣ по облѣку	500	„ —	„
Проценту за 14 мѣсяцей на деньгы г-на Христодула Шуни даже до 11 февраля мѣсяца	84	„ —	„
Ламбру Макрію 40 р. еще 33 р. коп. 30	73	„ 30	„
Арменину за Павла Первана учиныл его добре дать арменину	40	„ —	„
Леонтію Табанѣ по облѣку	30	„ —	„
Василію Зафѣрову	100	„ —	„
Параскеви Христову по облѣку	240	„ —	„
	4997	р. 30	к.
Юрію Трамбѣ безъ облѣка.	125	р. —	к.
Хаджи Ралію по облѣку	60	„ —	„
Ютаму, якъ в реестрѣ умершого видно	15	„ —	„
Москалю Тарасову по реесту умершого.	15	„ —	„
Костѣ Сидоренію, якъ в щетѣ пана Миліотія видно имѣетъ взять до	100	„ —	„
Анастасію Казнаферу по облѣку болше илы менше . . .	170	„ —	„
Костѣ Одумбекру по облѣку	36	„ —	„
Москалю Василію Самойловичу по векселю.	600	„ —	„
Емужъ Василію Самойловичу по облѣку, порукою Лигда.	500	„ —	„
Манойлу Баришнику.	30	„ —	„
	6648	р. 30	к.
Оборотняя сумма. . . .	6648	„ 30	„
Николаю Андрееву по облѣку левовъ 925 денежок 80, кои чинятъ.	555	р. 40	к.
Юрію Панаіотіеву по облѣку левовъ 700, чинят.	420	„ —	„
Переводчику посланника Россійского по облѣку левовъ 1700, чинятъ	1020	„ —	„
	8643	р. 70	к.
Христѣ Арваниту долженъ по облѣку которой взялъ прописанную соболную шубу за весь свой долгъ якъ облѣкъ его явствуетъ	504	„ —	„
Дано и служителям его Юрію да Христодулу левовъ 193, чинятъ.	115	„ 80	„
Трамбѣ проценту съ 12 іюня мѣсяца 1752 до февраля 12, 1753 года по два таляри на сто на мѣсяцъ на 125 руб	12	„ —	„
	9275	р. 50	к.

Есть и мелоччю зхарчено по реестру какъ видно		51 р. 35 к.
		9326 р. 85 к.
Михайлу Кирякову Мушмулѣ по облѣку		50 р. — к.
		9376 р. 85 к.
Ѳедору хаджи Алексѣеву за каралки дробнія по его писму фунтовъ $10^1/_2$ по 4 руб. на готовіе.		42 р. — к.
		9418 р. 85 к.
Харчей на погребеніе его и за сахаръ что поставленъ в его вина всѣхъ.		25 р. 03 к.
Харчей принять Костѣ Сидеренію что здержалъ на кошкы.		2 „ 73 „
		9446 р. 61 к.

Сколько товару продано умершаго Ѳомы Курбануглова по времени якъ ниже слѣдуетъ:

Една соболняя шуба что взялъ Христо Арванит за . . .		504 р. — к.
Параскева Христову взялъ песцовыхъ шубъ и иною на.		200 „ — „
Манойло баршиникъ лисѣмы лапками		19 „ — „
Коста Сидорении кошками		70 „ — „
Николай Шарганъ лисѣмы черевями		55 „ — „
Журавлевъ вином.		320 „ — „
Г-нъ Христодулъ Шуна за 150 кошокъ долженъ состоитъ.		21 „ — „
Николай Баланъ за двѣ кипи табаку долженъ		36 „ — „
С едного векселя что получилъ Христодулъ.		68 „ 05 „
		1293 р. 05 к.
Долженъ Юрій Панаіотіевъ по реестру умершого за кошки и едну горносталевую шубу и за закрасу рисевую из старыхъ денегъ всего		159 р. 70 к.
Дал бы и Наколай Андреевъ за одежи что имѣлъ под закладомъ якъ оцѣненны левовъ 172, чинятъ. . . .		103 „ 20 „
Взялъ Табана едну песцовую шубу за		20 „ — „
		1575 р. 95 к.

Нижеписаннія проданни Иваномъ Исаковымъ:

Вопервых табаку окъ 80 по 50 коп . . .	40 р. — к.	1575 р. 95 к.
Назаду окъ 30 за.	3 „ — „	
Едну будку за.	2 „ 80 „	
Кошекъ 220 за	22 „ — „	
Табаку окъ 5 за	2 „ 50 „	

Чаю 4 фунта за.	8 р. — к.		
Соболных пупковъ полсорочка за	4 „ — „		
От сына Петрициного, что долженъ былъ умершому, получилъ Иванъ Исаковъ.	9 „ 50 „		
Отъ Ваиля Кравца получилъ.	1 „ 50 „		
Отъ Максима Алексѣева за вино	— „ 75 „		
От Челебы Фотатія за выно что былъ долженъ умершому	1 „ 05 „		
Одинъ десятокъ кошелковъ проданъ за . .	— „ 50 „		
	95 р. 60 к.	1575 р. 95 к.	
оборотняя сумма. . .	25 „ 60 „	1575 „ 95 „	
Л. 90. Вына продано квартъ 124 и зчверкою по 20 коп.	24 р. 85 к.		
Табаку окъ 6 продано за	3 „ — „		
Димитрію продано табаку кипу 1:60 окъ по 35 коп.	21 „ — „		
Хаджи Петру табаку кипу 1, 45 окъ по 35.	15 „ 32 „		
Димитрію Щербановому зятю табаку 1 кипу окъ 46 по 35 коп	16 „ — „		
Киряку бакалѣйнику табаку 1 кипу окъ 70 по 35 коп.	24 „ 50 „		
Отцу Ивану кошекъ 80 за	8 „ — „		
	208 р. 27 к.	208 р. 27 к.	
Сразных мелочей умершаго Ѳемы, что продани на		54 р. 83 к.	
Еще и другых з мелочы.		4 „ 65 „	
		1843 р. 70 к.	
Хаджи Ралій взялъ куних шіекъ шубъ двѣ и лысѣхъ лапокъ шубу 1, да четиры лысицъ; всего того на.	30 р. 40 к.		
Взялъ и вина 48 квартъ по 20 коп.	9 „ 60 „		
всего того что взялъ. . .	40 р. — к.	40 р. — к.	
Коста Одумбчехъ взялъ лисѣхъ лапокъ шубъ 3, за.	12 р. — к.		
да двое шубъ тхоровыхъ лапокъ онъ же за.	10 „ — „		
Всего того что взялъ . .	22 р. — к.	22 р. — к.	
Г-нъ Самуилъ взялъ вына 170 квартъ по 20 коп		34 р. — к.	
		1939 р. 70 к.	
Соболей сорочковъ шесть, паръ 5 и двѣ соболныхъ шубъ.		3850 р. — к.	
395 паръ душекъ лысѣхъ по 80 коп.		316 „ — „	

14 кипъ табаку по 15 р. кипа. . . . . 210 р. — к.
4440 кошекъ пестрыхъ разныхъ по 8 руб. 100 . . . . . 355 „ 20 „
6670 р. 90 к.

1500 другихъ кошекъ разныхъ по 10 р. 100. . . . . . . 150 р. — к.
5 шубъ лапчатыхъ тхоровыхъ по 3 руб. . . . . 15 „ — „
48 шубъ бѣлыхъ тхоровъ по 1 руб. 20 коп. чинятъ. . . 57 „ 60 „
15 шубъ пестрыхъ кошечыхъ московскихъ по 1 руб . . . 15 „ — „
6908 р. 50 к.

Далъ бы Г-нъ Анастасій Лигда за коня и за тютюнъ. . . 18 р. 20 к.
6926 р. 70 к.

Очистка что надлежить всякому получить дѣлылися бъ 5191 руб. 79 коп. на 7441 руб. 25 коп. кой есть долгъ что зрится быть зяну на 1 руб. по 31 коп. якъ ниже имѣемъ означить подробне:

Вопервыхъ Самойлу Өедорову 1200 руб. слагаемъ за зянь по 31 коп. на 100 чинятъ . . . . 372 р. — к.
828 р. — к.

Далбы онъ за выно, что взялъ и слагаетъ. 40 „ — „

Остается чистыхъ принять бы ему . . . . . 788 р. — к. — 788 р. — к.

Г-ну Анастасію Лигдѣ, Костѣ Сидоренію, Параскевѣ Христову да Анастасію Селивергову по облѣкамъ. . . . . 1200 р. — к.
Слагаемъ за зянь по 31 коп. на сто чинять . 372 „ — „

Остается чистыхъ получить имъ . . . . . . 828 р. — к. — 828 „ — „

Журавлеву по облѣку порука Лигда . . . . 830 р. — к.
Емужъ по 2-му облѣку . . . . 400 „ — „
1230 р. — к.

Слагаемъ зянь по 31 на сто . . . . 381 „ 30 „

848 р. 70 к.

Далъ бы онъ за выно по своему письму . . . . . 320 р. — к.
да другыхъ . . . . 17 „ 37 „

337 р. 37 к. 337 р. 37 к.

Остаются принять ему только чистыхъ . . . 511 р. 33 к. 511 „ 33 „

Ламбра Мокрій	73 р. 30 к.	
Зянь слагаю по 31 коп. на рубль	22 „ 73 „	
	50 р. 57 к.	
Далъ бы что получилъ по реестру и ислагаю.	2 „ 20 „	
Өстаются взять	48 р. 37 к.	48 р. 37 к.
Взялъ Шаранъ черевъ лысѣхъ за вышъ писаннаго на	55 р. — к.	
Слагаю вышъ писанная 48 р. 37 к. остается долженъ дать 6 руб. 63 коп. Арменину за Павла Первана руб	40 „ — „	
Слагаю зянь	12 „ 40 „	
Остаются принять	27 р. 60 к.	27 „ 60 „
Леонтію Табанѣ	30 р. — к.	
Зяну	9 „ 30 „	
	20 р. 70 к.	
Слагаемъ за едну шубу что взялъ	20 „ — „	
Принялъ бы	00 р. 70 к.	— „ 70 „
Василію Зафѣрову	100 р. — к.	
Зяну	31 „ — „	
Принялъ бы	69 р. — к.	69 „ — „
Параскевѣ Христову по облѣку	240 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	74 „ 40 „	
	165 р. 60 к.	
Далъ бы вышеписанной Парескева за шубы.	200 р. — к.	
Слагаю выше писанная что имѣетъ получить.	165 „ 60 „	
Долженъ онъ отдать	34 р. 40 к.	
Хаджи Ралію по облѣку	60 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	18 „ 60 „	
	41 р. 40 к.	
Слагаю что взялъ шубъ и вына	40 „ 40 „	
Принялъ бы еще	1 р. — к.	1 „ — „

Москалю Тарасову	15 р. — к.	
Зяну	4 „ 65 „	
Принялъ бы онъ	10 р. 35 к.	10 р. 35 к.
Костѣ Сидеренію якъ въ реестрѣ видно	100 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	31 „ — „	
Принялъ бы онъ	69 р. — к.	
Далъ бы онъ за кошки 70 руб. слагаю вышъ писанная что имѣетъ получить 69, остается долженъ 1 руб.		
Коста Одумбеиръ по облѣку	36 р. — к.	
Зяну	11 „ 16 „	
Принять ему	24 р. 84 к.	
Получилъ онъ	22 „ — „	
Принять ему	2 р. 84 к.	2 „ 84 „
Москалю Василію Самойлову по векселю.	600 р. — к.	
Зяну	186 „ — „	
Принять ему	414 р. — к.	414 „ — „
Емужъ Василію Самойлову по облѣку порукою Лигда	500 р. — к.	
Зяну	155 „ — „	
Получить ему	345 р. — к.	345 „ — „
Манойлу баришнику	30 р. — к.	
Убитку	9 „ 30 „	
	20 р. 70 к.	
Получивъ лысѣмы лапками	19 „ — „	
Принять ему	1 „ 70 „	1 „ 70 „
Николаю Андрееву по облѣку левовъ 925, денежекъ 80, чинятъ	555 р. 40 к.	
Зяну	172 „ 17 „	
Далъ бы онъ за одежи знайдуеми в его руках какъ оцѣненни левовъ 172 чинятъ.	103 р. 20 к.	
Принялъ бы онъ	280 р. 03 к.	280 „ 03 „

Юрій Панаіотіевъ принялъ бы по облѣку левовъ 700 чинятъ	420 р. — к.	
Зяну	130 „ 20 „	
	289 р. 80 к.	
Слагаемъ что послалъ ему умершой якъ в реестрѣ зрится	159 „ 70 „	
Принялъ бы онъ	130 р. 10 к.	
		130 р. 10 к.
Переводчику посланника Россійского по облѣку что пишетъ левовъ 1700, чинятъ.	1020 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	316 „ 20 „	
Принать ему	703 р. 80 к.	
		703 „ 80 „
Михайло Киряковъ по облѣку	50 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	15 „ 50 „	
Принять ему	34 р. 50 к.	
		34 „ 50 „
Далъ бы что взялъ от Стама Антинжія	6 р. — к.	
Остается ему взять	28 „ 50 „	
		28 „ 50 „
Ѳедору Хаджи Алексѣеву за дробніе королки по его письму фунтовъ 10½ по 4 руб. на готовіе	42 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	13 „ 02 „	
Получить ему	28 р. 98 к.	
		28 „ 98 „
Принять Костѣ Сидеренію, Параскевѣ Христову, да Анастасію Силивергову тромъ		900 „ — „
Слагаетъ по 33 на сто чинятъ		297 „ — „
Остаются взять имъ		603 р. — к.
Взялы бъ оны что домы лѣченнимы уплатитись тѣмъ, колицѣ имѣлы заклади, взялы бъ товаромъ, надлежитъ дать по 25 на сто чинятъ		150 р. — к.
		753 р. — к.
Принять Ѳедорію Хаджи Алексѣевому очистку		28 р. — „
Принять Анастасію Лигдѣ за поручества Журавлева Василія Самойлова да Самойла Ѳедорова		1022 р. 73 к.
Еще принялъ бы онъ за Самойла очистку		764 „ — „
		1786 р. 73 к.

Принять ему и за Кателѣя индуктора и уплатить . . . . 300 р. — к.

2086 р. 73 к.

Еще принять ему за Мушмулу Михайла и за Балахима . . 47 „ 50 „

2134 р. 23 к.

Далъ Христодулу Шунѣ что имѣлъ получить съ послѣдними 10 руб ма. . . . . 167 р. — к.

2301 р. 23 к.

Приняль противописанные:

Кошекъ 4440 рабых по 8 руб. сто . . . . 355 р. 20 к.
другихъ кошекъ черныхъ 1500 по 10 руб. сто . . . . . . 150 „ — „

505 р. 20 к.

Шубъ бѣлыхъ тхоровъ 48 по 1 руб. 20 коп. . . . . 57 „ 60 „
5 шубъ тхоровыхъ лапчатыхъ . . . . 15 „ — „
15 шубъ кошечих рабыхъ. . . . . 15 „ — „

592 р. 80 к.

Душекъ лисѣхъ 200 паръ по 80 коп. . . . . 160 „ — „

752 р. 80 к.

Принялъ Коста Силерeній за противописанного Ѳеодорія тхоровыхъ шубъ 2 . . . . 2 р. 40 к.
Душекъ лисѣхъ паръ 32 по 80 коп . . . . 25 „ 60 „

28 р. — к.

Получывъ за противописанная:

Соболей 3 сорока и подлѣйшую собольную шубу всего на 2210 р. — к.
и табакомъ кипъ 15 . . . . 210 „ — „

2420 р. — к.

Далъ бы онъ якъ на оборотѣ зрится . . . . 18 „ 20 „

2438 р. 20 к.

Димитрій Кирица принялъ бы за Василія Самойлова, якъ на оборотѣ зрится, очистку за вексель Василіевъ . . . 402 р. — к.

Далъ бы вышъ писанной. . . . . 18 р. — к.
Параскева Христовъ . . . . 114 „ 20 „
Димитрій Анастасіевъ. 136 „ 60 „
Юрій Панаіотіевъ. . . . . 7 „ 90 „

276 р. 70 к.

Слагаемъ трамбовыхъ принять бы ему отъ вышъ писанныхъ 137 „ — „
Далы бъ вышъ писанные. . . . . 139 „ 70 „
Переводчику посланника Россійского что имѣетъ принять якъ на оборотѣ зрится очистку . . . . 683 р. 40 к.

Давъ и лѣченными по 25 на сто	136 р. 60 к.
	820 р. — к.
Юрій Панаіотіевъ принялъ бы чистыхъ	121 р. 70 к.
Далъ илѣченными	7 „ 90 „
	129 р. 60 к.
Ныколай Андреевъ Андренелій принялъ бы очистку	269 „ 04 „
Принялъ противописанной, едну соболную шубу	420 р. — к.
Слагаемъ противописанныя	402 „ — „
Остается	18 р. — к.
Далы съ противописанныхъ Христодулу Шунѣ за долгъ умершаго лѣченными	120 р. — к.
Даны противописанному соболей сорочковъ 2 за	820 „ — „

Которіе отдани служителю Димитрія Анастасіева Юрію Бушумъ:

Даны ему душекъ лысѣхъ 162 паръ по 80 коп	129 р. 60 к.
Принялъ противописанной соболей 27 паръ за	269 „ — „

Которіе то принялъ Параскева Христовъ, аки эпитропъ его.

Благородному собранію знатнѣйшего Нѣжинского братства всѣ мы, в Андріянополѣ майстера старѣйшія Кушнѣровъ, подобаемой поклонъ приносимъ.

Молясь всеблагому Богу да соблюдетъ и сохранитъ въ благоденствіи и благощастіи въ твердое і всегдашнее умноженіе на многія лѣта, по надобномъ нашемъ уклону обявляем благородіямъ вашим и началствующим собранія братства, понеже здѣ найдуемая Змарагда, жена умершого Андрея Курбаноглова, и мать Ѳомы, требовала съ нашего цеху изъясненія и объявленія долгу л. 103 то есть числа колико денегъ что онъ имѣетъ по облѣкам саморучним, умершой сынъ ей Ѳома здѣ в Андріянополѣ увѣдомить подлѣно и ясно вашую любовь, аще есть вещь истинная, якъ сказывала мать его и докладивала всему учтивому братству; того ради чрезъ сіе нашое смиренное писмо обявляемъ вамъ благородним господам собору, яко то долгъ у весь здѣ, что долженъ состоитъ Ѳома, щисляются левовъ 8545, то есть талярей восѣмъ тысячъ пять сотъ сорокъ пять, якые то сіи суть по облѣкам саморучним и припечатанных имъ, сыном ей Ѳомою, и за порученством здѣ знайдуемой матки его Смарагди, и свидѣтельствуем всѣ единственно, якъ видѣлы облѣкы и ізвѣстились а, наипаче состоимъ подписаннимы и свидѣтелмы на нѣкоторых облѣках, якіе то всѣ явствуютъ, что обовязуется, и долженъ состоит, сунъ ей Ѳома, а не отецъ его Андрей, убо якъ требобовано, по истиннѣ и іправедливости со страхом Божіим, даем сіе наше свидѣтелное и припечатанное печатію цеху нашего, и подписанное и намы нѣкоторыми. Еще обявляем и сіе, что увесь тотъ долгъ, что зрится Ѳоминъ здѣ, по его облѣкам взираетъ

на едну часть отческого дому его что надлежитъ на часть его от отческа наслѣдія, которія то оцѣнена за 300 левовъ, а остальнія части спалы к протчимъ сиротам по правам, которія недорослы будучи невозможно продать, а инного никакова наслѣдія илы звещей, илы згрунтовъ илы звыноградовъ илы нывъ, илы что з денегъ илы товаровъ не осталось и такъ будетъ изъ вѣстно и утверждено реченнимъ 103 об. всѣм симъ почтенной соборъ братства без ниединаго сумнительства, в страсѣ божіем; такъ выдаем и такъ свидѣтельствуем того ради просим и мы, предстояло б все почтенное братство яко любоправедное что ест помоществовалася б и она нищая и от благощастія спадуема бѣдная жена, дабы свободилася вашимъ защищеніем уплатить долгъ свой пріехать і в отчество свое по исправить и протчія сироти свои; от гнощца же возвышаяй нища и управитель сирим и удовицам да даруетъ здравіе и благощастіе з добрим утвержденіем в пречестном соборѣ христіянского и благочестивого братства на многія лѣта благощастлива же, всерадостна, 1755. Февраля 3. с Андріянополя во Христѣ братія и старѣйшина Кушнеревъ.

Приложеніе къ II главѣ, стр. 236.

Дѣла Черниг. Пал. Уголов. Суда Оп. в. 7, № 232, л. 230—237.

1767 году октября 8 д. реестръ явствуетъ сколько товару находится.

Рецети штукъ 4.

1. Сиза локоть . . .	54	локоть = 79½ по 1 руб. 25 коп. . . .	99 руб. 38 коп.
2. Посвѣтлѣйша . .	25½		
3. Красная	16½		
4. Голубая	17		
Кусочковъ	11¾	„ „ „ 1 руб. 45 коп. . . .	65 руб. 60 коп.

Белокоси.

1. Черной локоть	102½		
2. Красной „	65¼		
3. Дикой „	50¼		
4. Зеленой „	33¾		
5. Голубой „	48¾		
6. Красной „	55¾		
7. Зеленой „	68¾		
8. Красной „	31¼		
Кусочковъ	47		
	502½	по 1 руб. 2 коп.	512. 55
			617. 53

Белокосу замоченого локоть 107 по 90 коп.	96. 52
Полушалевия замочених 13 по 3 руб.	39. —
Поясъ полушалевій 1	3. 40
Полушалевих 10 по 3 руб. 25 коп.	33. 50
Мамсъ 3 по 1 руб.	3. —
Поясовъ Каламатинскихъ 5 по 70 коп.	3. 50
Поясовъ венецейскихъ 6 по 1 руб. 20 коп.	7. 20
Шалевих зелених 2 по 3 руб.	6. —
Шалевих поясовъ 21 = дрымъ = 1445 = по = 9 коп.	130. 5
Итого . . .	1005. 70
Транспортъ . . .	1005. 70

Полубери.

1. Димчатой локотъ	61 1/4	
2. Красной „	52 3/4	
3. Зеленой „	34 3/4	
4. Перловой „	41 3/4	
5. Кофейной „	26	
6. Пунцовой „	12	
7. Красной „	11	
8. Димчатой „	19 3/4	
Кусочковъ	14 1/2	
	273 1/2 по 1 руб. 22 коп.	333. 67
Полубери замоченно	31 1/2 по 1 руб. 20 коп.	36. 85

Лентъ греческихъ.

1. Руни штукъ 33 по 3 руб. 88 коп.	128. 4
2. „ „ 35 „ 2 „ 82 „	98. 70
3. „ „ 18 „ 1 „ 95 „	35. 10
4. „ „ 16 „ 1 „ 40 „	23. 40
Итого . . .	1660. 46

Голандерскихъ полотенъ.

1. Штука твардихъ	16	
2. „ „	20	
3. „ „	19	
	59 по 88 коп. твардій	48. 40
Шелку трикалинского фун. = 38 по 3 руб. 20 коп.		121. 60

Корольковъ кистей = 6

1. Кисть лотовъ	170
2. „ „	124

3. Кисть лотовъ	160		
4. „ „	167		
5. „ „	256		
	877	по 37 коп.	324. 49
Корольковъ старихъ мелкихъ лотовъ 184 по 20 коп.			36. 80
		Итого	2191. 75
		Транспортъ	2191. 75

Бархатовъ узкихъ.

1. Черного локоть	60		
2. Зеленой „	20		
	80	по 3 руб.	240. —
Бархату хорошого локоть 41$^{3}/_{4}$ по 3 руб. 40 коп.			141. 95
Еще замоченного „ 6 „ 3 „			18. —
			2591. 70

Штолфи:

1. Димчатой локоть	34$^{1}/_{2}$		
2. Красной „	22$^{1}/_{2}$		
3. Пунцовой „	19$^{1}/_{4}$		
4. Зеленой „	14$^{1}/_{2}$		
5. Голубой „	58$^{1}/_{2}$		
6. Кофейной „	18$^{1}/_{4}$		
	197$^{1}/_{2}$	по 1 руб. 24 коп.	244. 90
Домаснети	41$^{1}/_{2}$	по 1 руб. 27 коп.	52. 70

Атласовъ замоченихъ.

1. Голубого локоть	22$^{1}/_{4}$		
2. Зеленого „	15$^{1}/_{4}$		
	37$^{1}/_{2}$	по 1 руб.	37. 50

Атласовъ хорошихъ.

1. Ведрено локоть	36		
2. Голубой „	75		
	111	по 1 руб. 45 коп.	160. 95
Бѣлого атласу тонкого локоть 100 по 50 коп.			50 —

Еще атласи.

Бѣлого локоть	74$^{1}/_{2}$		
Голубого „	23		
Алого „	19$^{1}/_{5}$		
Голубого „	76$^{1}/_{2}$		
	193$^{1}/_{2}$	по 1 руб. 50 коп.	290. 25
		Итого	3428. —
		Транспортъ	3428. —

Канавацей замоченнихъ[1]).

1. Дволичного локоть	20		
2. Таковаго жъ „	11		
3. Таковаго жъ „	24		
4. Зеленого „	32		
5. Кусочковъ „	20		
	107	по 1 руб. 20 коп.	128. 40

Другихъ незамоченнихъ.

1. Синяго съ бѣлымъ локоть	24		
2. Краснаго съ голубымъ „	19		
3. Зеленого съ краснымъ „	21		
4. Кофейного „	$16\frac{1}{2}$		
5. Мордре „	29		
6. Голубого съ жолтимъ „	29		
7. Алаго съ белимъ „	61		
8. Мордре „	$37\frac{3}{4}$		
9. Алаго съ белимъ „	$40\frac{1}{2}$		
10. Вердепо съ краснимъ „	$66\frac{3}{4}$		
11. Вишневе съ жолтимъ „	64		
12. Голуба съ бѣлимъ „	$60\frac{1}{4}$		
13. Рожева съ бѣлимъ „	$54\frac{3}{4}$		
14. Голубой „	31		
15. Бѣлаго съ жолтимъ „	$48\frac{3}{4}$		
16. Синяго съ краснимъ „	42		
17. Краснаго съ бѣлимъ „	$65\frac{3}{4}$		
	704	по 1 руб. 20 коп.	844. 80

Грезети.

1. Голубой локоть	$39\frac{1}{4}$		
3. Зеленой „	73		
3. Черной „	$66\frac{1}{2}$		
	$178\frac{3}{4}$	по 1 руб. 20 коп.	214. 70

Другихъ грезетъ старихъ.

1. Черной локоть	15		
2. Рожевой „	$14\frac{1}{2}$		
3. Голубой „	$18\frac{1}{4}$		
4. Кофейной „	$44\frac{1}{2}$		
5. Пунцовой „	22		
6. Алой „	23		
	$137\frac{1}{4}$	по 1 руб. 10 коп.	150. 97
		Итого	4766. 37

[1]) Канаваца = шелковая ткань цвѣтная и узорчатая. Словарь Даля, ч. II, стран. 700.

Листрины съ малими цвѣтами.

1. Алой	локоть	25		
2. Голубой	„	49		
3. Зеленой	„	67		
4. Пунцовой	„	31		
5. Зеленой	„	30½		
6. Черной	„	16¾		
		219¼	по 1 руб. 40 коп.	306. 95

Лустрини съ великими цвѣтамы.

1. Голубой	локоть	15		
2. Зеленой	„	32½		
3. Черной	„	8½		
4. Красной	„	19½		
		75½	по 1 руб. 80 коп.	135. 90

Тафти французскіе.

1. Бѣловой	локоть	26½		
2. Таковой же		18¾		
3. Дволичной	„	23¼		
		68½	по 1 руб. 15 коп.	78. 77

Перевенъ замоченой.

1. Съ малими цвѣтами	локоть	15		
2. Такой же	„ „	20		
3. Такой же	„ „	58		
4. Такой же	„ „	2¼		
		95¼	по 1 руб. 70 коп.	161. 92

Другой перевенъ.

1. Жолтой	локоть	11¾		
2. Красной пасистой		19¼		
3. Фіолетовой пасистой		18½		
4. Голубой пасистой		43¾		
5. Бѣлой съ красномъ		46¾		
		140	по 1 руб. 90 коп.	266. —

Фармазону.

1. Фиолетового	локоть	60¼		
2. Замоченного	„	6½		
		66¾	по 1 руб. 80 коп.	120. 15
			Итого	5836. 6

Штофу французскаго.

1. Бѣлого локоть	35 1/4		
2. Дволичного „	64 1/4		
3. Кофейного „	60		
4. Фіолетового „	7		
5. Бѣлого „	16 1/2		
	188	по 2 руб. 20 коп.	413. 60

Другихъ.

Фіолетовой локоть	45 1/4	по 2 руб.	35 коп.		106. 33
Капаровой „	3 1/2	„ 2 „	50 „		8. 85
Лосиновой „	19 1/2	„ 2 „	30 „		44. 70

Штофу голандерского.

1. Голубого локоть	6 1/2		
2. Жолтого „	9 3/4		
	16 1/4	по 2 руб. 15 коп.	34. 92

Море штуки.

1. Розевой локоть	7		
2. Алой „	8		
3. Такой же „	14		
4. Алой дволичной	33		
5. Голубой дволичной	15 3/4		
	77 3/4	по 1 руб. 80 коп.	139. 95

Перусинъ.

1. Голубой локоть	68		
2. Жолтой „	68		
3. Синей „	11 1/2		
4. Димчатой „	17 1/4		
	164 3/4	по 1 руб. 20 коп.	197. 70

Тафри гладкой французской.

1. Дволичной локоть	29		
2. Черной „	16		
3. Жолтой „	19 1/2		
4. Зеленой булавчатой	37 1/4		
5. Голубой „	23		
	124 3/4	по 72 коп.	89 80

Тафти фламистой замоченой.

1. Синей локотъ	$68^{1}/_{2}$		
2. Другой „	11		
3. Бѣлой „	91		
	$170^{1}/_{2}$	по 1 руб. 20 коп.	174. —

Парчи богатой жолтой локотъ $2^{1}/_{2}$ по 8 руб.	20. —
Зеленой штукъ 15 по 80 коп.	12. —
Кумачей бѣлих 2 штуки	2. 20

Атласовъ фламистих.

1. Бѣлой локотъ	$60^{1}/_{4}$		
2. Жолтой „	$18^{1}/_{4}$		
	$78^{1}/_{2}$	по 1 руб. 55 коп.	121. 67

Заполочи фунтовъ 65 чистой по 28 коп.	38. 50

2 кисти корольковъ карбунето фунтовъ $16^{1}/_{2}$ лотовъ 528.

1. Кисть	170		
2. „	180		
3. „	160		
4. „	120		
	1158	по 38 руб.	440. 4

Еще менджато.

1. Кистъ лотовъ	315		
2. „ „	304		
3. „ „	280		
	809	по 20 коп.	179. 80
		Итого . . .	7860. 12

Сколько товару въ великой лавкѣ находится.

Бархатовъ узкихъ.

1. Черного локотъ	$62^{1}/_{4}$		
2. Того жъ „	$64^{3}/_{4}$		
3. Зеленого „	$37^{1}/_{4}$		
4. Красного „	$27^{1}/_{2}$		
	$191^{3}/_{4}$	по 3 руб.	575. 25

Бархатовъ простихъ.

2. Кофейного локотъ	21		
2. Алихъ „	$23^{3}/_{4}$		
3. Вишневого „	$18^{1}/_{4}$		
	63	по 2 руб. 10 коп.	132. 30

Бархату зеленого а: 47¾ по 4 руб. . . . . 191. —
Еще зеленого локоть 25½ по 3 руб. 25 коп. 82. 87

Еще бархату.

1. Зеленого локоть	27½		
2. Синяго „	12		
3. Голубого „	32		
4. Красного „	9		
5. Того жъ „	33		
6. Того жъ „	2¾		
	116¼	по 3 руб. 55 коп.	412. 67

Другой черной.

1. Локоть	11		
2. „	25		
	36	по 3 руб. 50 коп.	126. —

Надогадъ бархату пунцового 1¾ 5. 68
19 фунтовъ шолку Трикалского по 3 руб. 20 коп. 60. 80
8 фунтовъ другого черного по 3 руб. . . . . 24. —

Полотенъ голандерских.

1. Твардихъ	16		
2. „	14		
3. „	16		
4. „	17		
5. „	13		
6. „	15		
7. „	18		
8. „	16		
	125	по 88 коп.	110. —
		Итого . . .	9580. 69
		Транспортъ . . .	9580. 69

4 штуки полотна Оландерского по 15 руб. . . . . 60. —

Лентъ греческихъ.

1. руки штукъ	25	по 3 руб.	82 коп.		95. 50
2. „ „	45	„ 2 „	88 „		129. 60
3. „ „	68	„ 1 „	95 „		123. 60
4. „ „	32	„ 1 „	40 „		44. 80
156. полушалевихъ		по 3 руб.	30 коп.		514. 80
10. полушалевихъ		„ 3 „	30 „		33. 30

24. шалевихъ драмъ 1603 по 9 коп.		144. 27
8. шальквиъ зеленихъ по 2 руб. 50 коп.		20. —
18. мамсъ простихъ по 1 руб. 20 коп.		21. 60

Белокосу.

1. Зеленого локоть	$14\frac{1}{4}$		
2. Кофейного „	$24\frac{3}{4}$		
3. Димчатого „	50		
4. Кофейного „	$30\frac{1}{2}$		
5. Голубого „	$19\frac{1}{2}$		
6. Красного „	$79\frac{3}{4}$		
7. Такого жъ „	$23\frac{1}{2}$		
8. Димчатого „	$64\frac{3}{4}$		
9. Чорного „	$18\frac{1}{4}$		
10. Такого жъ „	$64\frac{1}{2}$		
11. Красного „	$50\frac{3}{4}$		
	$440\frac{1}{2}$	по 1 руб. 2 коп.	449. 31

Штофу ординарного греческого.

1. Красного локоть	$20\frac{1}{4}$		
2. Алого „	$31\frac{3}{4}$		
	52	по 1 руб. 27 коп.	66. 4

Штофу кофейного локоть	12	по	1 руб.	15 коп.	13. 08
Штофу димчатого „	$6\frac{1}{4}$	„	1 „	50 „	9. 37
Перусини узкой „	16	„	1 „	50 „	24. —
Полуатласу бѣлого „	92	„		50 „	46. —

1. Полуатласу бѣлого локоть	68		
2. „ черного „	82		
3. „ красного „	85		
4. „ голубого „	$18\frac{1}{2}$		
	$253\frac{1}{2}$	по 75 коп.	190. 12
		Итого	11566. 80

атласовъ кусочковъ локоть	23	по	— руб.	80 коп.	18. 40
атласу черного „	$13\frac{3}{4}$	„	1 „	— „	13. 75
белокосу кусочковъ „	31	„	1 „	— „	31. —
Грезети кусочковъ „	$5\frac{1}{2}$	„	1 „	10 „	6. 5
Лустрини кусочковъ „	$5\frac{1}{2}$	„	1 „	40 „	7. 70
Канавату[1]) кусочковъ „	$47\frac{1}{2}$	„	1 „	10 „	52. 25

[1]) Канаватъ = Канаваца.

Полуоберу.

1. Зеленого локоть . . . . $53\frac{3}{4}$
2. Такого жъ „ 58
3. Перловового „ . . . . $55\frac{1}{2}$
4. Такого жъ „ . . . . $60\frac{1}{2}$
5. Красного „ . . . . $60\frac{3}{4}$
6. Такого жъ „ 55
7. Перлового „ . . . . $58\frac{3}{4}$
8. Зеленого „ . . . . $44\frac{1}{2}$
9. Димчатого „ 30
10. Пунцоваго „ 35
11. Перлового „ . . . . $42\frac{3}{4}$
12. Красного „ . . . . $40\frac{3}{4}$
13. Дикого „ 34
14. Красного „ 46

$691\frac{1}{4}$ по 1 руб. 12 коп. 842. 10

Еще полуоберу широкого.

1. Зеленого локоть . . . . $59\frac{1}{4}$
2. Ведрепо „ . . . . $62\frac{3}{4}$
3. Вишневого „ . . . . $30\frac{3}{4}$
4. Зеленого „ 28
5. Голубого „ 15

$195\frac{1}{4}$ по 1 руб. 30 коп. 254. 47

Дерай штукъ 3.

1. Черного локоть 11
2. Такого жъ „ . . . . $61\frac{1}{4}$
3. Такого жъ „ . . . . $67\frac{1}{2}$

$199\frac{3}{4}$ по 1 руб. 15 коп. 229. 70

6 штукъ шершалу локоть $178\frac{1}{2}$ по 65 коп. 116. 2

Итого . . . 13138. 24

Перусини.

1. Мордре локоть 63
2. Жолтой „ . . . . $68\frac{1}{4}$
3. Дволичной голубой локоть . . . . $56\frac{3}{4}$
4. Дволичной зеленой „ . . . . $68\frac{3}{4}$
5. Жолтой дволичной „ . . . . $36\frac{3}{4}$
6. Дволичной голубой „ 28

Кусочковъ „ . . . . $4\frac{1}{2}$

326 по 1 руб. 20 коп. 391. 20

Другой.

Замоченой локотъ	38 1/2	по 1 руб.	38. 50
Кусочковъ „	5		6. 25
Рецети кусочковъ локотъ	47 3/4	по 1 руб. 40 коп.	66. 85

Другой рецети.

1. Димчатый локотъ	19 3/4		
2. Жолтой „	15 1/4		
	35	по 1 руб. 25 коп.	43. 75

Штолфи.

1. Зеленой локотъ	69 1/2		
2. Такой же „	83		
3. Кофейной „	38 1/2		
4. Дикой „	26		
5. Кофейной „	14 1/4		
6. Голубой „	38		
	269 1/4	по 1 руб. 24 коп.	333. 87

Драети неаполитанской[1]).

1. Алой локотъ	47 1/2		
2. Вишневой „	67		
	114 1/2	по 1 руб. 5 коп.	120. 22

Грезети.

1. Черной локотъ	73 1/4		
2. Зеленой „	68		
3. Красной „	45 1/4		
4. Голубой „	38 1/2		
5. Димчатой „	15		
6. Алой „	30		
	240	по 1 руб. 20 коп.	288. —
		Итого	14426. 88

Еще грезети.

1. Зеленой локотъ	9 1/2		
2. Черной „	10 1/4		
3. Пунцовой „	8 3/4		
4. Кофейной „	56		
	84 1/2	по 1 руб. 10 коп.	92. 95

[1]) Дроета = droguet = шелковыя (очень часто ліонскія) ткани. Антоновичъ. О промышленности Юго-Западн. края въ XVIII в.

Атласовъ съ цвѣтами.

1. Голубого локоть	34		
2. Кармазинного локоть	$66^{3}/_{4}$		
	$100^{3}/_{4}$	по 1 руб. 85 коп.	186. 38

Атласовъ французских.

1. Черного локоть	$59^{1}/_{4}$		
2. Ведрепо „	76		
3. Алаго „	$67^{1}/_{2}$		
4. Голубого „	70		
5. Такого жъ „	69		
6. Бѣлого „	$43^{1}/_{2}$		
	$385^{1}/_{2}$	по 1 руб. 45 коп.	558. 97

Атласовъ фламистихъ.

1. Жолтого локоть	71		
2. Бѣлого „	65		
	136	по 1 руб. 55 коп.	210. 80

Канавецу французского.

1. Черного дволичного локоть. . .	64		
2. Дволичного фіолетового „ . . .	38		
3. Бѣлой дволичной „ . . .	$93^{1}/_{4}$		
4. Ведрепо дволичного „ . . .	66		
5. Помаранцова дволичного „ . . .	$65^{1}/_{4}$		
6. Кофейного „ . . .	$51^{1}/_{4}$		
7. Димчатого дволичного „ . . .	64		
8. Зеленого „ . . .	$33^{1}/_{4}$		
9. Зеленого „ . . .	$24^{1}/_{4}$		
10. Алого дволичного „ . . .	$44^{1}/_{2}$		
11. Розового дволичного „ . . .	$24^{3}/_{4}$		
12. Фіолетового „ . . .	42		
13. Мордре „ . . .	$62^{1}/_{4}$		
14. Кофейного дволичного „ . . .	$51^{1}/_{2}$		
15. Голубого „ . . .	$69^{1}/_{2}$		
16. Алого „ . . .	51		
17. Красного „ . . .	30		
Кусочковъ „ . . .	$102^{1}/_{4}$		
	977	по 1 руб. 20 коп.	1172. 40
		Итого . . .	16648. 38

Лустрини алой локоть $49^{3}/_{4}$ по 1 руб. 50 коп. 74. 63

Другой.

Черной локоть	79		
Кусочковъ „	12		
	91	по 1 руб. 40 коп.	127. 40

Лустрини съ цвѣтами великими.

1. Кофейной локоть	12		
2. Алой „	$15\frac{1}{2}$		
3. Пунцовой „	17		
4. Зеленой „	$14\frac{1}{2}$		
	59	по 1 руб. 85 коп.	109. 15

Перусинъ.

1. Алой локоть	$26\frac{3}{4}$		
2. Жолтой „	$31\frac{1}{4}$		
3. Красной „	$25\frac{3}{4}$		
4. Черной „	$22\frac{1}{2}$		
	$106\frac{1}{4}$	по 1 руб. 90 коп.	201. 40
Другой голубой	$29\frac{1}{2}$	по 1 руб. 70 коп.	50. 15

Пармазону.

1. Дикого локоть	50		
2. Мордоре „	$64\frac{1}{2}$		
	$114\frac{1}{2}$	по 1 руб. 80 коп.	210. 10

Узкихъ французскихъ штофовъ.

1. Полосатого локоть	$65\frac{1}{4}$		
2. Такого жъ „	30		
3. Бѣлого „	47		
4. Кусочковъ „	17		
	$159\frac{1}{4}$	по 2 руб. 20 коп.	350. 35

Широкихъ французскихъ штофовъ.

Полосатого локоть	39		
Бѣлого „	$50\frac{1}{4}$		
	$89\frac{1}{4}$	по 2 руб. 30 коп.	196. 37

Другихъ.

1. Ведрено локотъ	64		
2. Фіолетового „	35		
3. Капарового „	$19\frac{1}{2}$		
Кусочковъ „	$8\frac{1}{4}$		
	$126\frac{3}{4}$	по 2 руб. 50 коп.	316. 87
		Итого	18284. 80

Парчей ординарнихъ.

Жолтой	$34\frac{1}{2}$		
Гранатовой	$6\frac{1}{4}$		
	$40\frac{3}{4}$	по 3 руб. 70 коп.	150. 77
Парчи пунцовой	$9\frac{3}{4}$	по 3 руб. 25 коп.	31. 68
Парчи богатой бѣлой локотъ $= 6 = \frac{3}{4} : \frac{1}{8}$		по 14 руб.	96. 25
Парчи богатой жолтой „	$12\frac{1}{4}$	— по 8 „	98. —
Море голубого локотъ	14	по 1 руб. 50 коп.	21. —

Еще море.

1. Бѣлого локотъ	$10\frac{1}{2}$		
2. Дволичного „	8		
3. Фіолетового „	$25\frac{3}{4}$		
	$44\frac{1}{4}$	по 1 руб. 60 коп.	70. 80
Море дволичного димчатого локотъ	$13\frac{1}{4}$	по 1 руб. 80 коп.	23. 40
1 поясъ московской			5. —
Кусочковъ перевенѣ локотъ	6	по 1 руб. 90 коп.	11. 40
Тафти писанной „	21	„ 1 „ 50 „	31. 50
Тафти фламистой „	$15\frac{3}{4}$	„ 1 „ 20 „	18. 90
Атласу греческого голубого	32	„ 1 „ 25 „	40. —

Тафти французскіе.

1. Димчатой локотъ	13		
2. Голубой „	11		
3. Димчатой „	14		
Кусочковъ „	$4\frac{1}{4}$		
	$42\frac{1}{4}$	по 1 руб. 25 коп.	52. 80

Тафти пикованной.

1. Бѣлой локотъ	$75\frac{3}{4}$
2. Красной „	$31\frac{3}{4}$
3. Зеленой „	18

4. Алой локотъ	$41\frac{1}{2}$		
5. Красной „	34		
Кусочковъ „	22		
	223	по 70 коп.	156. 10
		Итого . . .	19092. 10
Тафти черной локотъ $23\frac{1}{4}$ по 80 коп.			18. 60
Ладану чистого пуд. 4 по 12 руб.			48. —
$7\frac{1}{2}$ торбъ заполочи адріанопольской по 55 фунт. чистой пуд. 9, фунт. 39, по 29 руб.			289. 25
1 торба большая пуд. 2, фунт. 15, по 29 руб.			68. 75
Двѣ съ половиной початой пуд. 2, по 29 руб.			58. —
Шелку простого фунт. 79 по 2 руб.			158. —
Хандри пуд. 200 по 33 коп.			66. —
Рецети аршинъ $47\frac{1}{2}$ по 1 руб. 70 коп.			80. 75
Белокосу бѣлого арш.	60		
Канавецу съ цвѣтами арш.	$28\frac{1}{2}$		
	$88\frac{1}{2}$	по 1 руб. 20 коп.	106. 20
Кумачей зеленихъ 4 по 80 коп.			3. 20
Една Ковра			—. 80
Единъ кумачъ красной			1. 60
		Итого . . .	19991. 25

III.

Судопроизводство.

Мы уже видѣли, что значеніе греческой общины во внутренней жизни Малороссіи было велико. Сама община достигла высокой степени матеріальнаго благосостоянія благодаря тѣмъ преимуществамъ, которыми она пользовалась среди мѣстнаго населенія. Разскажемъ вкратцѣ исторію развитія этихъ преимуществъ и посмотримъ, насколько въ состояніи были ими пользоваться греки.

По Литовскому Статуту, опредѣлявшему всѣ правовыя отношенія въ польско-литовскомъ королествѣ, всякій иноземецъ, являвшійся въ Польшу, подчинялся всѣмъ дѣйствующимъ юридическимъ постановленіямъ, какъ туземецъ [1]).

Эта статья Литовскаго Статута попала затѣмъ и въ права, по которымъ судился малорусскій народъ [2]), слѣдовательно примѣнялась на практикѣ и въ Малороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Греки не были подчинены этой статьѣ,— имъ было дано право самосуда и самоуправленія. Основаніемъ такой привилегіи служитъ уни-

[1]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. Кн. 19. М. 1854. Литовскій Стат. Разд. I арт. I.

[2]) Проф. Кистяковскій. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Кіевъ 1879. Права стран. 11.

версалъ Богдана Хмельницкаго отъ 2 мая 1675 г., по которому онъ всѣмъ грекамъ, торгующимъ въ Малороссіи и проживающимъ „по мѣстахъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправуючыхъ“ или такъ живущимъ, даровалъ право самосуда „жебы жаденъ до права полковницкаго, козацкаго и мѣскаго потягать неважился“ [1]). Въ этомъ же универсалѣ онъ распространяется дальше о правахъ грековъ такимъ образомъ: „зъ Полковниковъ засе, Асавуловъ, Атамановъ, Войтовъ, Бурмистровъ, абы жаденъ о нихъ судить и декретами окрывать несмѣлъ, сронго навпоминаемъ; Але абы, яко звычай есть въ чужыхъ краяхъ, сами межи собою въ справахъ купецкихъ вшелякие справы розсужали и челядь выкручную судили и подлугъ заслугъ карали, а еслибы кто зъ полковниковъ нашихъ, албо з инныхъ предложонныхъ важылся неналежъне втое втручать и трудность яковую додавать, такового мы сронго будемъ карать“. Къ этому нѣкоторымъ изъ грековъ, вѣроятно за какія нибудь услуги, именно Павлу и Стефану Юрьевичамъ, Хмельницкій присоединилъ свободу отъ платы мыта, ярморковаго и пр. Греки обязаны были только заплатить слѣдуемое „экзакторови“, т.-е. таможенную пошлину. Безмытную торговлю, съ платой лишь таможеннаго сбора, всѣмъ грекамъ разрѣшилъ только преемникъ Богдана Хмельницкаго, Иванъ Выговскій универсаломъ 1658 г. 9 февраля. Какъ тѣ, такъ и другія преимущества, т.-е. право самосуда и право безмытной торговли, подтвердилъ и слѣдующій за Выговскимъ гетманъ, Юрій Хмельницкій универсалами 16 и 23 ноября 1659 г. То же самое сдѣлалъ и гетманъ Брюховецкій своими универсалами отъ 16 марта 1665 г. и 1 марта 1666 г.[2]). Давая универсалъ (16 марта 1665 г.) на право самосуда, Брюховецкій выражается опредѣленнѣе, чѣмъ его предшественники: греки въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ судились бы своимъ судомъ, сами между собою, и никто ни изъ какого уряда не имѣлъ права вмѣшиваться въ ихъ распрю „судить и декретомъ окривать не важился“ [3]). Точно также греки были вольны по своему усмотрѣнію наказывать своихъ слугъ — „проступною челядь ихъ кгрецкаю нѣ чіему иньшому судови, декретови и караню, толко имъ самымъ полежати маетъ, „однакъ“, прибавилъ гетманъ, „если бы Кгрецкій купецъ заводъ (судъ) з нашимъ украинскимъ человѣкомъ мѣлъ, теды належному судови повиноватися маетъ“. Всѣ эти привилегіи, и въ равной степени, подтвердилъ и гетманъ Самойловичъ универсаломъ 1672 г., 28 іюля. А универсаломъ 28-го іюня того же года онъ подвердилъ имъ свободу торговли отъ всевозможнаго рода поборовъ, за исключеніемъ уплаты пошлины. Въ 1675 г., 28 ноября, онъ же Самойловичъ даетъ универсалъ, который, главнымъ образомъ относится къ нѣжинскимъ грекамъ. Здѣсь онъ подтверждаетъ данное грекамъ право самосуда; въ случаѣ же, если бы греки сами не могли рѣшить дѣла, то должны были аппелировать въ судъ генеральный [4]). Гетманъ Мазепа, въ своемъ универсалѣ отъ 13 сентября 1687 г., точнѣе опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ должны были греки аппелировать въ судъ генеральный, именно „въ трудныхъ спра-

[1]) Акты, стран. 43.
[2]) Акты, стран. 44—50.
[3]) Ibid., стран. 50.
[4]) Ibid., стран. 53.

вахъ и крѣмѣналохъ"[1]). Инверсалъ этотъ имѣетъ въ виду уже почти исключительно нѣжинскую старшину. Универсаломъ 19 октября 1696 г. гетманъ Мазепа, санкціонируя учрежденіе нѣжинскаго греческаго братства, подтвердилъ права и преимущества грековъ, дарованныя имъ прежними гетманами. Вновь освованное братство явилось, конечно, туземнымъ учрежденіемъ, а поэтому приходило въ соприкосновеніе съ мѣстными властями; и вотъ мы находимъ въ универсалѣ перечень обязанностей греческой общины относительно мѣстной административной власти: „Докладуемъ однакъ тое и варуемъ пилно, жебы они учтивни купцѣ, греческии, такое маючи право, непонижали владзи полковничое, и о вшемъ якъ пану полковникови, пошановане и учтивость, такъ старшинѣ полковой, и уряду мѣскому, прихилний и призвоитий привѣтъ чинити повинны"[2]); а также и относительно нечиновнаго населенія Малороссіи: „захована и до всѣхъ мѣщанъ и посполства тамошнего, братерскую Христіанскую любовъ, и нечиннячи никому з нихъ жадное кривды и досады, для захованя всоплной помещканю общей любителной згоды, якая до сохраненія оздобы и Полности цѣлого города Нѣжина есть потребна"[3]). Итакъ, положеніе грековъ и ихъ права, въ универсалѣ Б. Хмельницкаго высказанныя еще неопредѣленно, постепенно формулируются точнѣе. Какъ видно, сама жизнь потребовала такой точной регламентаціи взаимныхъ отношеній, какъ членовъ общины между собой, такъ и отношеній ихъ къ мѣстному населенію. Сначала греки являлись въ Малороссіи временными гостями, пріѣзжали со своими приказчиками исключительно для торговли. Возникавшіе между ними споры были по большей части, если не единственно, чисто коммерческаго характера. Эти споры купцы привыкли рѣшать между собой на основаніи установившихся у нихъ обычаевъ. Въ своихъ странствіяхъ чрезъ разныя земли купцу совсѣмъ невыгодно подвергаться волокитѣ мѣстныхъ судовъ, когда торговый интересъ забрасывалъ его совсѣмъ не туда, куда ему хотѣлось[4]). Торговое дѣло — живое дѣло и поэтому часто требуетъ скораго суда: продавая товаръ, кредитуясь, купецъ разсчитываетъ на тотъ „usus", который выросъ на почвѣ торговой промышленности, не имѣя ничего общаго съ мѣстными обычаями. Понятно, что греки прежде всего позаботились о пріобрѣтеніи права самосуда. Потомъ многіе изъ грековъ поселяются на житье въ Малороссіи, становятся мѣстными обывателями, и приходятъ въ соприкосновеніе съ мѣстными жителями помимо торговыхъ, и по всѣмъ чисто житейскимъ вопросамъ; здѣсь понадобилось уже точно опредѣлить взаимныя отношенія между пришлыми греками и мѣстнымъ населеніемъ. Итакъ, преимущества греческой общины въ концѣ XVII в. формулируются слѣдующимъ образомъ: греки въ своихъ ссорахъ разбираются своимъ судомъ; всѣ распри между собою и со своею прислугой они улаживаютъ сами; ни полковникъ, ни мѣстная судебная и административная власть не вмѣшиваются въ ихъ споры; въ случаѣ, если бы чего нибудь греки не могли разрѣшить своей силой, они могутъ относиться къ высшей инстанціи — въ войсковой генеральный судъ, которому они подсудны и въ уголовныхъ преступленіяхъ; съ своей же стороны и

[1]) Ibid., стран. 54.
[2]) и [3]) Ibid., стран. 57.
[4]) Путешествіе Лукьянова 1710—1711 г. М. 1862 г., стр. 19.

греки должны были признавать авторитетъ мѣстныхъ властей, и съ окружающимъ ихъ населеніемъ не враждовать, не нанося ему обиды и насилія, а имѣя братскую христіанскую любовь. Вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ выросли широкія права и преимущества, которыми пользовалось долгое время греческое нѣжинское братство.

На томъ основаніи, что гетманы освободили грековъ отъ платы ярморковаго и мыта, греки отъ гетмана Мазепы добились универсала 16 мая 1701 г., по которому дома ихъ и квартиры были освобождены отъ постовъ, отъ дачи подводъ и отъ всякихъ городскихъ поборовъ — „од даванія подводъ и насиланья въ дома ихъ наездовъ, яко тожъ и од вшелякихъ на мѣсто подачокъ чинимо волними... коней въ подводи брати, и приезджимъ людемъ въ домахъ ихъ господъ показовати и жандымъ мѣскихъ подачокъ брати не велѣли“, а это же подтвердилъ въ своемъ универсалѣ 1709 г. 17 октября и гетманъ Скоропадскій. Въ 1728 г. 10 января Даніилъ Апостолъ выдалъ греческой общинѣ универсалъ, который разрѣшалъ грекамъ, что бы они „не возбранно сами свои справы разсуждали и мѣрковали опрочь приминалу, чого имъ самимъ вершити будетъ не удобно, з тимъ до насъ Гетмана и до суду войсковоего енеральното апелліоваютъ. Для чого якъ самъ Панъ Полковникъ Нѣжинскій зъ Старшиною Полковою, такъ и Майстратъ тамошній въ тіи ихъ порядки и расправы встручатися и жадного имъ насильства и безчестія наносити неповинни, Однакожъ оны купци греческіе, якъ самому пану Полковникѣ з Старшиною полковою, такъ и всему урядовѣ мѣскому пресзвоитую честь и пошанованье отдавалибъ, и въ жадніе бы ссоры и противности з нимы невходили. Докладаемъ туттъ же, абы Старшина Нѣжинскіе въ дворахъ насильства имъ не чинили, изъ домовъ ихъ не выганяли и подводъ въ нихъ, а особливо въ приезджихъ купцовъ, небрали“ [1]). Иными словами, Д. Апостолъ подвердилъ то положеніе греческой общины, въ которомъ она находилась при прежнемъ гетманѣ; а универсаломъ 8 февраля 1729 г. онъ подтвердилъ грекамъ свободу домовъ, какъ частныхъ, такъ и церковныхъ, отъ дачи провіанта, подводъ и другихъ поборовъ („шарварковъ“). Всѣ эти преимущества и привилегіи братства были подтверждены кн. Алексѣемъ Шаховскимъ 19 декабря 1735 г. гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ 28 августа 1751 г. Во время же правленія Генеральной войсковой канцеляріи, греки находились въ зависимости отъ послѣдней. Такія же преимущества были подтверждены грекамъ и грамотами государей Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Подавая прошеніе Петру Великому 3 февраля 1710 г., греки еще помимо права самосуда и самоуправленія и свободы отъ постоя просили еще, чтобы „умершихъ и умрети имущихъ грековъ пожитки инъ никто окромѣ сродниковъ и товарищей ихъ не имѣлъ наслѣдовать“ [2]).

Вопросъ объ имуществѣ, остающемся въ чужомъ краѣ послѣ смерти купца, или такъ называемое право зауморщины, конечно былъ довольно важенъ. Въ средніе вѣка право государя на имущество умершаго въ его владѣніяхъ иностранца примѣнялось во всей Европѣ, и только договоры между государствами уничтожали это

[1]) Акты Нѣж. Братства, стран. 65—66.
[2]) Источн. Малоросс. исторіи, собр. Д. Н. Бантышъ Каменскимъ, ч. II, стран. 260. М. 1859 г.

право или сводили его на пользованіе извѣстнымъ % съ имущества умершаго [1]). Такъ напр., въ концѣ XVII вѣка нѣжинскій мѣщанинъ Иванъ Калина послалъ двухъ своихъ сыновей въ Гданскъ съ волами. Когда пріѣхавши въ Гданскъ, и продавъ 30 воловъ, старшій сынъ умеръ, то тамошнее городское управленіе забрало все его пожитки — деньги и двухъ лошадей [2]). И только когда Петръ I написалъ грамоту, въ которой просилъ магистратъ возвратить имущество сына отцу Калинѣ, говоря, что такъ же будетъ поступлено и съ гданскими купцами, городской урядъ грамотой отвѣчалъ, что онъ возвратитъ захваченное. Петръ В. въ грамотѣ къ просьбѣ грековъ отнесся очень сочувственно: „такъ же и пожитковъ умершихъ грековъ никому постороннымъ не имат и кромѣ сродниковъ и товарищей ихъ наслѣдства и не имѣть, никакова незвичайнаго ім озлобленія нине и впредь нечинить“ [3]).

Въ грамотѣ, данной императрицей Елизаветой Петровной грекамъ отъ 3 ноября 1742 г., мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ же, чтобы „оставшихся послѣ умершихъ грековъ пожитковъ никому кромѣ ихъ сродниковъ и товарищей, кому умирающій въ присутствіи братства или опредѣлить, или завѣтомъ утвердить, не брать и наслѣдства въ оныхъ насилственно не имать“ [4]). Гетманъ Разумовскій въ своемъ универсалѣ отъ 28 августа 1751 г. подтвердилъ это право греческихъ купцовъ [5]). Дѣйствительно братство заботится объ имуществѣ умершаго грека, оберегаетъ и сохраняетъ его цѣлость до появленія наслѣдниковъ [6]). Когда была подана жалоба въ генеральную войсковую канцелярію о наслѣдствѣ Дели Алексѣева, то гетманъ отвѣчалъ, что дѣло должно сначала разсматриваться въ братствѣ [7]).

Имущество, умершаго грека забиралось въ братство, запечатыталось братской печатью и хранилось въ подвалахъ церкви, пока не являлись родственники покойнаго. Если же у него были кредиторы, а также находились налицо и нѣкоторые изъ родственниковъ, то опечатываніе имущества производилось при нихъ. Если кредиторы поднимали искъ, то имущество умершаго продавалось съ торговъ и продажей завѣдывали присутствующіе [8]). Предъ торгами дѣлалось троекратное объявленіе отъ братства. При уплатѣ долговъ, по купеческому обычаю, уплачивались прежде всего деньги, которыя были заняты на провозъ товара, на харчи, а затѣмъ выплачивались и прочіе долги всѣ цѣликомъ или же частью, какая причтется. Такъ поступали съ имуществомъ живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ и пріѣзжихъ. Когда въ 1752 г. Ѳома Курбаногловъ, пріѣзжій грекъ, умеръ въ Нѣжинѣ, то имущество его, помимо эпитроповъ (т.-е. душеприказчиковъ), вѣдало братство, къ которому и относятся всѣ по поводу имущества покойнаго. Такъ, кушнерскій цехъ въ Адріанополѣ писалъ въ братство: „Почтенніе, благородніе и всякой

---

[1]) Сборн. М. Гл. Арх. М. И. Д. Вып. 3 и 4, стран. 42 и слѣд.
[2]) Г. М. Арх. М. И. Д. Дѣла Малор. 1699 г., № 4.
[3]) Х. Ист. Арх. Д. М. К., № 14041.
[4]) Х. И. А. М. К., Грамоты братства.
[5]) Акты, стран. 79—84.
[6]) Х. И. А. М. К., № 22907.
[7]) А. М. Ю. Опись X, вяз. 4, № 128.
[8]) Х. И. А. М. К., № 22097.

чести и ума достойно почтеннiе, Господа судiи братскаго суда, полезнiе эпитропи и прочiе всѣ братерское поздравленiе съ Спасительнимъ цѣлованiемъ отдаемъ молясь небесному царю Богу да покрiетъ и соблюдетъ почтенность вашу отъ всякой противной сылы въ здравiи и благосчастiи, сiе писанiе наше нѣсть в обиду, но токмо дать вамъ отвѣтъ и извѣстiе за умершаго Ѳому Андреева Курбаноглова, за суннѣ, что, оставывъ у господина Николая Андреева, которiе то оставылъ ему для сохраненiя, а не подъ закладъ; но единъ разъ, что случилась ему смерть, нужно состоитъ и суннѣ учиныли бы деньгамы, и удержани-бъ за долгъ его, такъ найшлы мы за благо, якiе мы и оцѣныли реестровно, чего стойны? И удержуетъ Господинъ Николай здѣсь, а остальнiи одинъ разъ, что принялъ господинъ Параскева Христовъ облекъ по купеческой регулѣ, надобно расплатитись какъ и прочiи имѣютъ принять всякъ надлежащое свое, суннѣ же его будучи, при семъ и самiе подписаннiе купци чинится оцѣнка ихъ съ большимъ за 172 левовъ во извѣстiе, мѣста же почтенностей вашихъ были бы Богомъ во всей жизны долгы, здѣ обрѣтающiеся въ Андрiянополѣ кушнеры, и, будучи притомъ, и мать его, которая подписуется саморучно, презволяюсь о вышъписанномъ я Змарагда, Ѳомина мать.

Кiрякъ, первiй Майстеръ, свидѣтель.

Афанасiй Янатiевъ свидѣтельствую.

Дима Стояновъ, свидѣтель.

Костя Димитрiевъ, свидѣтель.

Хаджи Зафѣрiй Леондарiевъ, свидѣтель.

Панусiй Iосифовъ писецъ и свидѣтель.

Имущество умершихъ грековъ хранилось въ церкви до явки наслѣдниковъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это правило нарушалось съ разрѣшенiя начальства. У полковника Разумовскаго былъ вексель на имя умершаго грека Гребенчи; для уплаты по векселю надо было продать оставшееся имущество Гребенчи. Гетманъ Разумовскiй ордеромъ 1761 г. приказалъ сдѣлать скорѣйшую продажу имущества при представителяхъ отъ полковой нѣжинской канцелярiи, къ вѣдомству которой принадлежалъ полковникъ, отъ нѣжинскаго магистрата и отъ купцовъ братства, такъ какъ между пожитками Гребенчи были такiя вещи, какъ напр. мѣха, которыя легко могли испортиться. Деньги же братство должно было сберечь до прибытiя сестеръ Гребенчи[1]).

Дѣла о наслѣдствѣ, какъ и всѣ дѣла братства, вѣдали присутствующiе, часто относившiеся небрежно къ своимъ обязанностямъ. Иногда они держали по нѣсколько лѣтъ пожитки въ склепѣ, не приступая къ раздѣлу наслѣдства. Нѣжинскiй полковникъ Разумовскiй, такой образъ дѣйствiй присутствующихъ въ 1761 г., объяснялъ эгоистическими побужденiями, именно: „претенденты поустануть требовать, а сами присутствующiе позабираютъ себѣ оставшееся". Хотя къ этому свидѣтельству мы склонны отнестись осторожно, ибо полковникъ Разумовскiй самъ являлся въ данномъ случаѣ кредиторомъ[2]). Когда явилась мать Курбаноглова изъ Грецiи получать наслѣдство своего сына, то присутствующiе встрѣтили ее насмѣшками и издѣвательствомъ.

[1]) Х. И. А. М. К., № 22907.

[2]) Ibidem.

вмѣсто того, чтобы разъяснить ей имущественное состояніе ея сына[1]). Оттого, что греческіе купцы добились права, по которому братство распоряжается имуществомъ умершаго купца, отдѣльные члены общины немного выиграли. Послѣ Мантова остались дворовыя лавки, тысячъ 12 денегъ, серебро и проч. Мантовъ умеръ и не оставилъ завѣщанія. Имущество его должно было подѣлить между его сыномъ и замужней дочерью. Долго тянулся раздѣлъ, переходя отъ одной инстанціи къ другой[2]).

Нѣкоторые изъ членовъ общины склонны были толковать права братства наслѣдовать имущество умершаго грека въ широкомъ объемѣ. Такъ напр. 1770 г. умеръ грекъ Казнаферъ, не сдѣлавъ никакого завѣщанія. Жена его Анна отказывается отъ наслѣдства и проситъ, чтобы братство забрало пожитки ея мужа, выдѣлило ея приданое, а оставшимся разсчиталось бы съ кредиторами. Братство отказало ей; тогда она отнеслась въ малороссійскую коллегію.

Какъ посмотрѣла малороссійская коллегія на такое толкованіе Анной монаршей грамоты, мы не знаемъ, ибо резолюціи при дѣлѣ не оказалось[3]). Право братства на имущество умершаго грека въ грамотѣ 1775 г. ограничено только живущими въ г. Нѣжинѣ. Такъ мы находимъ слѣдующее: „остающееся въ разныхъ россійскихъ городахъ послѣ умершихъ или арестованнихъ грековъ имѣніе отдавать въ оное братство токмо послѣ тѣхъ умершихъ или арестованныхъ грековъ, кои прямое свое жительство имѣли въ Нѣжини и подлѣно записанни въ нѣжинское братство, а на время бы оттуда отлучились, оставшиеся имѣния отдавать в то братство дозволяется для роспредѣленія оного кому принадлежать будетъ, то есть наслѣдникам или законним, или кредиторамъ съ вѣрними доказателствами являющимся, однако жь въ такомъ толко случаи, если грекъ нѣжинскаго братства, въ которомъ либо россійскомъ городѣ умретъ, а къ имѣнию его въ томъ мѣстѣ отъ кредиторовъ и ни от кого никакой претенсіи предъявлено не будетъ, ежели же какая претенсия тамо отъ кого либо на то имѣние окажется, то, не отсилая оного въ помянутое греческое братство, удоволствіе ис того имѣния претентующихъ чинить по законамъ въ томъ правителствѣ, гдѣ такови нѣжинскій грекъ умретъ; до протчіихъ же грековъ, кои хотя б виехали въ другіе города, тамо поселились и домами живутъ, нѣжинскому греческому братству дѣла не имѣть и изъ оного какъ до нинѣ вибившихъ исключить, такъ и впредъ вибиваемихъ исключать и до остающихся по смерти ихъ имѣній не касаться, но вѣдать оние въ томъ правителствѣ, гдѣ таковій приежій грекъ умретъ“[4]).

Въ грамотѣ 1742 г. мы встрѣчаемся съ новымъ вопросомъ: „и живущимъ въ Нѣжинѣ грекам, которые в вѣрности Пашему Императорск. Велич. и предкам Н. И. В. присягу учинили, предъ пріѣзжаючими ради торговъ греками во всякихъ ихъ порядкахъ преимущество имѣть“[5]). Этотъ пунктъ грамоты вызвалъ большіе споры и несогласія въ греческой общинѣ. Пріѣзжіе греки впослѣдствіи упрекали живущихъ въ Нѣжинѣ въ томъ, что они тайно дали наказъ посланному просить грамоту

[1]) А. М. Ю. Опись 5. Вязка XIII, № 165.
[2]) Ibidem, оп. VII, вяз. 12, № 260.
[3]) Х. И. А. М. К., № 16871.
[4]) Х. И. А. М. К., № 3930.
[5]) Х. И. А. М. К. Жалов. грамоты Нѣж. греч. братству.

Велисарію Псалтію ходатайствовать о преимуществѣ. Преимущество состояло въ томъ, что въ судѣ засѣдали только живущіе. Получивши право преимущества, живущіе греки начали притѣснять пріѣзжихъ, почему эти въ 1746 г. просили Сенатъ принять отъ нихъ присягу въ вѣрноподданствѣ. Просьба ихъ была уважена и пріѣзжіе, какъ принесшіе присягу, были уравнены въ правахъ съ живущими — „были въ равенствѣ“[1]), такъ что въ универсалѣ гетм. Разумовскаго 1751 г. мы не встрѣчаемъ никакого упоминанія о различіи между пріѣзжими и живущими греками. Но согласіе существовало недолго. Пріѣзжіе начали производить смуту въ общинѣ: они, какъ люди сторонніе, не такъ близко принимавшіе интересы братства, на собраніяхъ позволяли себѣ насилія, при выборахъ поддерживали лицъ недостойныхъ и т. д. Впрочемъ, это такіе поступки, какіе допускали и живущіе греки; но выбранные въ судьи, пріѣзжіе уклонялись отъ платежа взыскиваемыхъ съ судей штрафовъ и пр. Чтобы избѣгнуть уплаты штрафовъ, пріѣзжіе покидали Нѣжинъ и всѣ такіе платежи, иногда значительные, падали исключительно на живущихъ. Такіе поступки со стороны пріѣзжихъ вызвали то, что живущіе, руководясь грамотой 1742 г., перестали допускать пріѣзжихъ до присутствія въ братскомъ судѣ или требовали, чтобы пріѣзжіе, выбранные на судейскія должности, ставили за себя поручителей изъ богатыхъ живущихъ или давали бы отъ себя или отъ своихъ избирателей письменное обязательство въ уплатѣ слѣдуемаго съ нихъ штрафа[2]). Пріѣзжіе греки подали два доношенія въ генеральную войсковую канцелярію, доказывая, что, на основаніи указа 1734 г. объ учрежденіи суда, они имѣютъ такое же право выбирать изъ своей среды судей, какъ и живущіе. Генеральная войсковая канцелярія колебалась, находя, что съ одной стороны и пріѣзжіе имѣютъ право выбирать судей, а съ другой стороны судьи изъ пріѣзжихъ злоупотребляли своей властью. Такъ 4 ноября 1764 г. генеральная войсковая канцелярія шлетъ ордеръ въ братство, чтобы въ судьи были выбраны только живущіе, если же пріѣзжіе пожелаютъ избрать судей и изъ своей среды, то избравшіе должны дать отъ себя требуемое письменное обязательство или указать поручителей изъ живущихъ, а если пріѣзжіе не сдѣлаютъ ни того ни другого, то въ судѣ братскомъ должны засѣдать только живущіе — Венеціяновъ съ товарищи. Получивъ же прошеніе отъ пріѣзжихъ, генеральная войсковая канцелярія 19 декабря того же года препроводила его въ братство, присоединивши ордеръ, чтобы на основаніи указа 1734 г. были выбраны въ судьи 6 пріѣзжихъ и 6 живущихъ. Чтобы уладить и прекратить несогласія въ братской общинѣ, генеральная войсковая канцелярія 18 декабря 1764 г. предписала бунчуковому товарищу Жураковскому отправиться въ братство, собрать живущихъ и пріѣзжихъ грековъ, убѣдить ихъ пребывать въ согласіи и единеніи и избрать единодушно судей. Жураковскій, собравши всѣхъ грековъ, убѣждалъ ихъ, чтобы трое судей были выбраны изъ живущихъ, а трое изъ пріѣзжихъ. По его настоянію дѣйствительно были выбраны судьи изъ пріѣзжихъ: Зой Минча, Николай Христофоровъ и Ѳеодосій Баладинъ. Но живущіе продолжали несоглашаться засѣдать съ пріѣзжими. Жураковскій, въ своемъ донесеніи

[1]) Ibidem, № 4560.
[2]) Х. И. А. М. К., № 4560.

въ генеральную канцелярію объяснялъ это тѣмъ, что живущіе судьи хотѣли допустить къ засѣданію еще 4-го, Фарматѣя; но послѣдняго, какъ волоха, многіе изъ живущихъ и пріѣзжихъ не хотѣли имѣть судьей. Жураковскій въ заключеніе, думая успокоить живущихъ, постановилъ, чтобы судьи изъ живущихъ, какъ въ засѣданіи суда, такъ и въ подписяхъ занимали правое мѣсто, какъ почетное. Но живущіе греки, находя это недостаточнымъ, остались недовольны и тотчасъ же вручили Жураковскому доношеніе, въ которомъ писали, что ихъ судьи будутъ засѣдать только въ томъ случаѣ, если пріѣзжіе представятъ или поруки, или письменное обязательство. А 28 апрѣля 1765 г. подали графу Румянцеву просьбу съ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ пріѣзжимъ грекамъ нельзя быть судьями въ братствѣ: въ грамотѣ 1742 г. сказано, что живущимъ предъ пріѣзжими „во всѣхъ ихъ порядкахъ“ имѣть преимущество. А „по греческому братству самый первый залежитъ порядокъ въ учрежденіи суда и въ избраніи въ оный судей“, которыми и должны быть живущіе, разъ они имѣютъ преимущество; если же въ грамотѣ сказано, что „пріѣзжимъ и живущимъ имѣть между собою расправу“, то это сказано не къ равенству, а для того, чтобы мѣстныя учрежденія не вмѣшивались во внутренніе распорядки общины; вовторыхъ, пріѣзжіе, хотя и присягаютъ на вѣрноподданство, тѣмъ не менѣе уѣзжаютъ за границу, женятся и остаются тамъ на житье, или живутъ тамъ съ родственниками; а въ засѣданіяхъ братства могутъ разбираться разныя секретныя политическія дѣла, которыя и могутъ быть выданы за границей. Въ братство поступаютъ часто дѣла между живущими и пріѣзжими. Дѣла эти, въ виду отъѣзда послѣднихъ, требуютъ скорѣйшаго рѣшенія; но проѣзжіе „иностраннымъ судьямъ сторонно наводили, что ежели обидимы будутъ ихъ судомъ, то они въ турецкой области, какимъ ни возможно образомъ, убиточить ихъ и отомстить потщатся“.

Поэтому иностранные судьи отъ такихъ дѣлъ сторонились и сваливали разсмотрѣніе ихъ на живущихъ, отчего въ дѣлахъ происходила волокита. Изложивъ всѣ эти мотивы, греки просили гр. Румянцева, чтобы онъ, въ силу Высочайшей грамоты 1742 г., разрѣшилъ засѣдать въ судѣ братскомъ только живущимъ.

Съ своей стороны 16 мая того же года пріѣзжіе греки подали въ малороссійскую коллегію доношеніе, гдѣ разсказывали исторію возникновенія братства, ссылаясь на универсалы, въ которыхъ нѣтъ никакого намека на различіе между живущими и пріѣзжими и упоминали о томъ, что они такъ же украшали братскую церковь и заботились о благосостояніи братства, какъ и живущіе, и что наконецъ, привозя изъ-за границы товары, они доставляли болѣе выгоды казнѣ, чѣмъ живущіе внутреннимъ торгомъ; просили малороссійскую коллегію разрѣшить выбирать въ братскіе судьи и пріѣзжихъ грековъ, какъ это было ранѣе[1]). Споры эти продолжались до 1768 г., пока графъ Румянцевъ, этотъ умный государственный дѣятель, своимъ „увѣщевательнымъ листомъ“ повліялъ на грековъ такъ, что они оставили свой давній споръ[2]). Въ своемъ листѣ и лично въ греческомъ собраніи Румянцевъ разъяснилъ, что разница только въ названіи „пріѣзжій“ и „живущій грекъ“, въ сути же нѣтъ

[1]) Х. И. А. М. К., № 4560.
[2]) Лицей кн. Безбородко.

никакой разницы. И повѣреннымъ отъ братства Николаю Евстафіеву и Гаврилѣ Синопеусу, въ наставленіи отъ 13 ноября 1773 г., греки писали, чтобы въ грамотѣ заключены были преимущества не однимъ нѣжинскимъ жителямъ, но всѣмъ равно, „яко все общество — жители Нѣжинскіе и иностранные и пріѣзжаючіе — соединено любовію во мѣсто сродныхъ благостей"; а главное, по слѣдующему соображенію: хотя въ грамотѣ 1742 г. и указано преимущество живущихъ предъ пріѣзжими, но такъ какъ въ 1746 г. пріѣзжіе на вѣрность Ея И. В. присягу учинили, то слѣдовательно они уравнены съ живущими[1]). Но въ грамотѣ, выданной въ 1775 г., преимущество грековъ, живущихъ въ Нѣжинѣ, предъ пріѣзжими оставлено попрежнему; въ 6-мъ пунктѣ этой грамоты мы находимъ слѣдующее: „что же слѣдуетъ до преимущества живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ присягою въ вѣрности обязавшихся, во всякихъ ихъ порядкахъ предъ пріѣзжающими для торгу и на время въ Нѣжинъ греками, то оное высочайшою грамотою, 1742 г. данною, имъ уже дозволено, слѣдовательно и остается сіе положеніе на томъ же основаніи, по которому и въ братскомъ ихъ судѣ присутствовать имъ однимъ толко вступившимъ въ здѣшное подданство грекамъ, тѣмъ найпаче, что вступившій въ подданство и неучиня в вѣрности присяги не можетъ никто допущенъ бить судьею, но дабы между живущими въ Нѣжинѣ и временно туда приезжающими греками случающееся несогласіе прекращено, а братская любовь и союзъ востановлени били, то и приезжающимъ на время въ Нѣжинъ для торгу купцамъ грекамъ ползоватся тѣми жъ вигодами, каковимы живущимъ тамо высочайшими грамотами ползоватся дозволено, кромѣ безпошлинного торга и засѣдания въ судѣ"[2]).

Указомъ малороссійской коллегіи 16 мая 1775 г. было приказано привести грамоту въ исполненіе[3]).

Греки были недовольны нѣкоторыми статьями грамоты, и поэтому они снова просятъ уничтожить таковые „несносные" для нихъ пункты, однимъ изъ которыхъ греки находили и преимущество живущихъ предъ пріѣзжающими. Въ своемъ прошеніи они писали, что многіе изъ пріѣзжихъ только числятся пріѣзжими, они же принесли присягу на вѣрность государю и „нынѣ избранные изъ пріѣзжихъ въ засѣданіи находятся первѣйшіе"; по полученіи же указа изъ малороссійской коллегіи они должны были оставить засѣданіе и „потому дѣла пріостановились и въ теченіи рѣдкость имѣютъ"; къ избранію другихъ греки приступить не смѣютъ безъ разрѣшенія, почему и просятъ дозволить присутствовать пока этимъ, а въ будущее время они изберутъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ греки хлопотали предъ Сенатомъ; „по прежнимъ обыкновеніямъ установлено быть въ засѣданіи по 3 жительствующихъ и по 3 пріѣзжихъ, равнымъ образомъ и у церкви по 3 титара изъ пріѣзжихъ и по 3 изъ живущихъ. Живущихъ, которые бы могли исправно нести должность выборныхъ, очень немного: найдется ли домовъ 20, да и тѣ, по своему купечеству, могутъ отлучаться.

[1]) Лицей кн. Безбородко. Архивъ Греческаго Магистрата.
[2]) Х. И. А. М. К., № 3930.
[3]) Лицей кн. Безбородко.

Отъ преимущества только зависятъ всякія несогласія и споры. На основаніи всего вышесказаннаго греки просили утвердить ихъ „прежнее обыкновеніе".

14 марта 1776 г. греки, въ письмѣ къ гр. Румянцеву, прося у него заступничества, писали, что ихъ дѣло не подвигается, въ Москвѣ же остается только одинъ повѣренный — Синопеусъ, а другіе возвратились въ Нѣжинъ по своимъ дѣламъ — „за купечествомъ". Графъ Румянцевъ сочувственно отнесся къ просьбѣ грековъ, и пишетъ къ П. В. Завадовскому, въ рукахъ котораго находился „подносимый государынѣ отъ Сената докладъ" о грекахъ:

„Къ Петру Васильевичу Завадовскому. Парафіевка. Марта 21 1776 г.

Известно Вамъ дѣло нѣжинскихъ грековъ под названіемъ пріѣзжихъ, имѣющееся в правительствующем сенатѣ, знаете ви и мисли мои, которія неоднократно предлагалъ я князю Александру Алексѣевичу, чтоб сохранить их в вигодах и преимуществах с живущими въ Нѣжинѣ греками, я и теперь писалъ к нему чтоб исходатайствовать решеніе въ ползу их, а вас любезного моего друга прошу пособить исканію ихъ, напомня при удобномъ случаѣ кн. Александру Алексѣевичу в проччемъ пребуду с непремѣннымъ моимъ усердіемъ вашимъ покорнимъ слугою графъ Румянцовъ Задунайскій".

По этому же дѣлу пишетъ гр. Румянцевъ кн. А. А. Вяземскому, оберъ-прокурору Сената:

„Милостивый государь мой князь Александр Алексѣевичъ! Имѣющій честь поднести сіе Вашему Сіятельству есть поверенный отъ общества нѣжинскихъ грековъ доискивающихся в Правительствующемъ Сенатѣ по общественному их дѣлу крайняго рѣшенія. Я по сему дѣлу неоднократно изъяснялъ мои мысли чтоб сохранить в вигодах и во всѣхъ преимуществахъ обрѣтающихся в Нѣжинѣ греков под названіемъ пріѣзжих с греками тамо живущими различающимися одним титломъ, а не вещію; что главный торгъ ведутъ пріѣзжіе и что уравненіе пріѣзжаго противъ живущаго послужитъ къ возбужденію охоти и в протчіих их одноземцах к обращенію в сей край вящщей торговли; для того прошу Вашего Сіятельства о исходатайствованіи по сему дѣлу рѣшенія в общую их ползу, соединяющуюся с ползою коммерціи в здѣшнемъ краю, пребывая с непремѣннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всепокорній слуга граф Рутянцев Задунайскій
Марта 21 д.
1776 года
С. Парафіевка" [1]).

Это было въ 1776 году, но еще въ 1777 г. мы видимъ, что греки продолжаютъ хлопотать о томъ же. Въ ноябрѣ того же года они просятъ генералъ-маіора Семена Гавриловича Зорича о своемъ дѣлѣ, ибо „по разнымъ препятствовавшимъ обстоятельствамъ, писали они, не могли мы и по днесь получить высочайшей конфирмаціи"; тогда же просятъ они письмомъ полковника Петра Александровича Самойлова не оставить ихъ своей милостью, если докладъ о грекахъ поступилъ

[1]) Арх. греч. братства.

къ нему. Но хлопоты грековъ не увѣнчались успѣхомъ, и пунктъ грамоты 1775 г. о пріѣзжихъ оставленъ безъ измѣненія. Вотъ какія смуты въ греческой общинѣ вызвалъ пунктъ грамоты о преимуществѣ живущихъ предъ пріѣзжающими.

Привилегированное положеніе греческой общины подтверждено было и гетманомъ Разумовскимъ въ его правленіе Малороссіей, а затѣмъ это положеніе утверждено было грамотой Императрицы Екатерины II, пожалованной въ 1775 г., причемъ въ этой грамотѣ были сдѣланы дополненія; именно греки просили, чтобы для суда греческаго братства была выдана печать съ россійскимъ двуглавымъ орломъ, съ надписью „Печать греческаго братства", ибо, хотя въ братствѣ и есть печать, но, „если въ какой судъ, о чемъ подлежитъ, греческое братство пишетъ, или какіе аттестаты и свидѣтельства, въ чемъ надлежитъ, при печати выдаетъ, то тѣ суда сискуютъ на ту печать причину, что яко бы оная не изъ судебнаго мѣста и черезъ то нашимъ собратіямъ дѣлается остановка и излишнѣе затрудненія и переѣздами и переписками напрасніе убытки"[1]).

У греческаго братства сначала была печать съ изображеніемъ Іисуса Христа и всѣхъ святыхъ, съ греческою надписью, съ означеніемъ 1692 г. Эта печать была замѣнена въ 1736 г. другою, изображающею руку, держащую вѣсы, съ греческой и русской надписьями: „печать Нѣжинскаго греческаго братства, компромиссіальнаго суда, 1736 г., генв. 1 дня"[2]). Но разныя малороссійскія учрежденія не признавали оффиціальнаго значенія за этой печатью, почему греки и просили выдать братству печать съ россійскимъ двуглавымъ орломъ. Ходатайство грековъ было удовлетворено.

Въ грамотахъ 1710 г. и 1742 г. не указано, гдѣ сторонній долженъ искать на братчикѣ, или братчикъ на стороннемъ, хотя и было обыкновеніе, что ищущій на грекѣ малороссъ искалъ въ братствѣ. Когда въ 1758 г. были учреждены въ зависимости отъ главнаго магистрата словесные суды для разбора дѣлъ между великороссами и чужестранными купцами, торгующими главнымъ образомъ на ярмаркахъ, то, на основаніи грамотъ, указомъ отъ 28 окт. 1764 г. греки были освобождены отъ подсудности этому суду[3]). Въ 1766 г. публичный нотаріусъ города Нѣжина, Петръ Козинъ, вмѣстѣ съ представителями словеснаго суда, подалъ въ Сенатъ просьбу, въ которой порочилъ судъ греческаго братства, почему Сенатъ указомъ повелѣлъ, что если кто изъ великороссовъ или изъ другихъ націй будетъ имѣть съ грекомъ какое нибудь дѣло, то вѣдался бы о томъ въ судѣ словесномъ и въ Нѣжинскомъ магистратѣ, а въ греческомъ братствѣ судятся только греки между собою[4]). Поэтому греки, ссылаясь на прежній обычай, что если кто нибудь подвѣдомственный нѣжинскому магистрату или нѣжинской полковой канцеляріи искалъ на грека, то относился къ братству, просили Правительствующій Сенатъ, чтобы каждый грекъ „ни докакого другого суду" привлекаемъ не былъ, ибо, писали греки, по другимъ судамъ греку судиться крайне съ немалою обидою и разореніемъ, что уже и послѣдовало, едно

[1]) Лицей кн. Безбородко.
[2]) Сторожевскій „Нѣжинскіе греки", стран. 10, Кіевъ 1863 г.
[3]) Х. И. А. М. К., № 1535.
[4]) Лицей кн. Безбородко.

по его иностранству, что онъ языка россійскаго, а паче законовъ россійскихъ крайне не вѣдаетъ, а другое можетъ чрезъ волокиту въ тѣхъ судахъ не токмо купечества своего лишиться, но и въ крайнее разореніе пріитить[1]). Грамотой 1775 г. было опредѣлено: „отнинѣ впредъ имъ нѣжинскимъ грекамъ съ россійскими купцами по ихъ купеческимъ обрядамъ разбираться въ нѣжинскомъ словесномъ судѣ, а въ случаѣ формальнаго суда вѣдаться, какъ одной, такъ и другой сторонѣ въ надлежащихъ мѣстахъ по законамъ“[2]). Въ этой же грамотѣ нѣжинскому магистрату предписано, „чтобы онъ съ нѣжинскихъ грековъ, вступившихъ въ вѣчное подданство, проѣзжей пошлины, такъ какъ съ проѣзжающихъ на время изъ-за границы, въ противность торговаго устава, не требовалъ и въ дачѣ паспортовъ ни малѣйшей остановки не чинилъ, а поступалъ бы во всемъ по даннымъ имъ жалованнымъ грамотамъ, не дѣлая отнюдь никакихъ примѣтокъ, обидъ и налоговъ, даби поступая съ ними во всемъ по точности высочайшихъ грамотъ, тѣмъ удобнѣе можно было въ протчихъ грекахъ возбудить охоту переселяться въ подданство россійское“. Русское правительство впослѣдствіи, при всякихъ новыхъ распоряженіяхъ, считало для себя обязательнымъ вѣдаться съ привилегированнымъ положеніемъ греческой общины. Когда въ 1783 г. 3 мая состоялся указъ о сборѣ со всѣхъ малороссіянъ оклада[3]), то 25 сент. того же года вышло разъясненіе о сборѣ податей съ грековъ и съ иновѣрцевъ, живущихъ въ Черниговскомъ намѣстничествѣ. По этому указу окладъ долженъ быть взимаемъ съ каждаго иновѣрца, смотря по его званію, если только не будетъ законныхъ препятствій или привилегій, по которымъ бы они могли быть изъяты отъ платежа сборовъ. Принадлежащіе имъ работники и подсусѣдки платятъ подать наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами. Право греческихъ купцовъ владѣть крестьянами приказано выяснить на основаніи малороссійскихъ законовъ[4]).

Въ 1785 г. учрежденъ былъ греческій Нѣжинскій магистратъ по образцу другихъ городскихъ магистратовъ, и греки оставлены при ихъ вольностяхъ по прежнимъ грамотамъ: имъ дана была свобода отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, чѣмъ „пользовалися и до перемѣны въ образѣ податей, по малороссійскимъ губерніямъ учиненной, указомъ Нашимъ отъ 3 мая 1783 г.“[5]).

Универсаломъ гетмана Богдана Хмельницкаго отъ 1657 г. греки были освобождены отъ юрисдикціи мѣстной власти, но послѣдняя очень недружелюбно относилась къ такому льготному, обособленному положенію греческаго купечества. Такъ уже Ив. Выговскій, въ своемъ универсалѣ отъ 3 мая 1659 г., заявляетъ: „Іжъ дошло намъ знати, же купци крекги, которыи намъ скаржили, по мѣстахъ и мѣстечкахъ, а найбарзѣй, на ярмаркахъ зъ розными товарами будучи, великии кривды и незносныи поносятъ, якобы з перначем отъ боку нашого зосланныи въ товарахъ и иншихъ речахъ имъ ущербокъ и утяжене чинятъ чрезъ упоръ свой, и унѣверсаловъ

---

1) Лиц. кн. Безбородко.
2) Х. И. А. М. К. № 3930.
3) Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, ч. IV, стран. 49—52.
4) П. С. З., т. XXI, № 15833.
5) Ibidem, т. XXII, № 16250.

нашихъ имъ данныхъ не слухаючи"[1]). Универсалы слѣдующихъ гетмановъ показываютъ, какъ смотрѣли мѣстныя власти на права и вольности греческой общины. Во всякое время, при каждомъ удобномъ случаѣ, магистратъ, полковая канцелярія старались привлечь греческое населеніе къ отбыванію общенародныхъ повинностей. Съ 1675 г. мы видимъ, что греческое населеніе сосредоточивается преимущественно въ Нѣжинѣ. Съ учрежденіемъ же греческаго нѣжинскаго братства, т. е. съ 1696 г., греки являются не только обывателями города Нѣжина, но даже членами привилегированной греческой общины. Съ учрежденіемъ братства въ Нѣжинѣ въ XVII столѣтіи было 4 группы населенія; у каждой изъ этихъ группъ были свои собственныя учрежденія и власти, которыя и вѣдали ея интересы. Мѣщанъ и посполитыхъ вѣдалъ магистратъ; полковая канцелярія заправляла казацкимъ населеніемъ и была высшимъ мѣстнымъ административнымъ учрежденіемъ; комендантъ нѣжинской крѣпости вѣдалъ гарнизонъ и великороссійское населеніе и, наконецъ, нѣжинское греческое братство съ греческими купцами.

Интересы отдѣльныхъ группъ невольно сталкивались между собою и такъ какъ каждая группа пользовалась особыми правами и привилегіями, то это столкновеніе интересовъ часто вело къ стѣсненію и угнетенію одной изъ нихъ. Часто само населеніе, хотя бы члены греческаго братства, было виновато въ этомъ. Такъ напр., въ 1732 г. нѣжинскій житель грекъ Штука занялъ у грековъ турецкими товарами на 1270 рублей. Часть этихъ денегъ онъ обѣщался уплатить на всеѣдной ярмаркѣ, а часть на середопостной, но потомъ раздумалъ и рѣшилъ совсѣмъ не отдавать. Чтобы избавиться отъ докучливыхъ кредиторовъ, онъ рѣшилъ уѣхать въ Польшу; но кредиторы это узнали и просили нѣжинскаго войта задержать Штуку. Послѣдній былъ сысканъ, но просилъ дать ему день отсрочки. Получивъ таковую онъ отдался подъ протекцію коменданта, который, несмотря на гетманскіе универсалы (гетманскимъ универсаломъ запрещено было принимать грековъ подъ протекцію), принялъ его, почему Штука могъ скрыться въ Нѣжинскомъ замкѣ. Греческіе купцы отправились къ коменданту и изложили ему обстоятельства дѣла. Убѣжденный въ виновности Штуки, комендантъ выдалъ его купцамъ [2]). Изъ знатныхъ купцовъ — грековъ былъ собранъ купеческій судъ для разбора дѣла. Изъ разбирательства оказалось, что Штука былъ долженъ очень много, а поэтому купцы просили объ арестѣ Штуки, что и было сдѣлано. Штукѣ опять удалось скрыться въ замокъ подъ протекцію коменданта; когда же купцы отлучились на Борзенковскую ярмарку, то Штука съ солдатами приходилъ на ихъ квартиры. Изъ этого мы можемъ убѣдиться, какъ тѣсно соприкасались между собою элементы разныхъ группъ населенія города Нѣжина. Греческое населеніе, изъятое отъ юрисдикціи мѣстной власти, прибѣгаетъ къ ней же для ареста своего собрата — купца. Комендантъ, который хотя косвенно, но долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ законовъ, нарушаетъ послѣдніе самъ.

Разсмотримъ вкратцѣ, какъ греки, со своими привилегіями, уживались съ остальными группами населенія. Черезъ 2 года послѣ учрежденія братства, т. е. 11 янв.

---

[1]) Акты, стран. 45.
[2]) Румянц. муз., № 3191.

1698 г., Мазепа далъ гор. Нѣжину универсалъ, по которому „купци чюжеземские греческие и иніе, которіе домами своими в Нѣжинѣ живутъ и подварками или какими ни есть грунтами владѣютъ, въ тягостях и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинни быть помочни". [1]) Универсалъ этотъ въ томъ же году 1-го марта былъ подтвержденъ грамотой Петра Великаго. Но пользуясь, вѣроятно, расположеніемъ полковника Обидовскаго, родственника гетмана, греки были свободны отъ городскихъ повинностей [2]). Уплативши полковнику „певную грошевую", которая должно быть поступала въ личную скрыньку полковника [3]), греки были свободны отъ двухъ главныхъ городскихъ повинностей — „дачи подводъ и постоевъ", а также „и иныхъ тяглыхъ повинностей". По удаленіи полковника грековъ, на основаніи грамоты 1698 г., какъ полковой, такъ и мѣскій судъ, привлекалъ къ отбыванію мѣщанскихъ повинностей, почему греки обратились къ гетману, прося у него „рейментарскаго унѣверсалу, за которимъ бы отъ тыхъ прикростей припрежней знайдовалися волности" [4]). Гетманъ, памятуя о своемъ племянникѣ, склонился на просьбы грековъ, и универсаломъ 16 мая 1701 г. освободилъ ихъ отъ мѣщанскихъ повинностей съ тѣмъ, чтобы „такъ и на сей рокъ тую ж (т. е. певную грошевую) въ домъ небожчуковских уистити будутъ повинни" [5]).

Съ этого времени между греческимъ братствомъ и магистратскимъ урядомъ происходятъ постоянныя пререканія. Магистратъ нѣжинскій при всякомъ удобномъ случаѣ старался привлечь грековъ къ отбыванію мѣщанскихъ повинностей, на основаніи грамоты Петра Великаго, а греческое братство, основываясь на только-что упомянутомъ универсалѣ, выпрашивало себѣ свободу отъ нихъ. Послѣ Мазепы гетманъ Скоропадскій, въ универсалѣ 17 октября 1709 г. подтвердилъ, „же бы въ господахъ ихъ не чинили кгвалту и насилства и не смѣли оних дворовъ для якой нибудь городской потребы сганяти, такъ же и подводъ в нихъ, а особливе у пріеждыхъ купцовъ отнюдь жадною мѣрою не дерзали брати" [6]). Но гетманскій универсалъ имѣлъ малое значеніе, ибо, имѣя у себя царскую грамоту, нѣжинскій магистратъ попрежнему продолжалъ ставить постои грекамъ на ихъ квартиры и брать лошадей въ подводы, [7]) почему греки рѣшили просить и себѣ грамоту, которая ими и была получена. Этой грамотой былъ утвержденъ универсалъ Скоропадскаго отъ 17 окт. [8]).

Требованій со стороны магистрата объ исполненіи греками мѣщанскихъ повинностей мы не встрѣчаемъ, да и врядъ-ли они случались, ибо отъ 1714 г. до 1718 г. нѣжинскимъ войтомъ былъ Стерій Тернавіотъ, членъ греческой общины и поэтому врядъ-ли онъ позволялъ нарушать данную грекамъ грамоту.

Во время правленія малороссійской коллегіи грамота Петра Великаго, конечно, должна была исполняться. Когда въ 1728 г. было возстановлено гетманство, то въ

[1]) Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., томъ II, стран. 56, Кіевъ 1893 г.
[2]) Акты, стран. 50.
[3]) Лазаревскій, стран. 12.
[4]) Акты, стран. 59.
[5]) Ibidem, стран. 60.
[6]) Ibidem, стран. 62.
[7]) Бантышъ-Каменскій. Источн. Малорос. ист., ч. II, стран. 259, Москва 1859 г.
[8]) Ibidem, стран. 260.

Малороссіи пошли и старые порядки. Греки опять подаютъ просьбу гетману, представляя при ней реестръ уплачивавшихъ ежегодно извѣстную „годовую квоту" и свободныхъ отъ мѣщанскихъ повинностей [1]). Гетманъ сочувственно отнесся къ просьбѣ грековъ и универсаломъ 8 февраля 1729 г. освободилъ членовъ греческой общины отъ всякихъ мѣщанскихъ повинностей.

При учрежденіи „консистентскихъ дачъ" магистратъ ставилъ консистентовъ въ церковномъ греческомъ домѣ, о которомъ въ универсалѣ не упомянуто ни слова, а также и въ другихъ греческихъ домахъ [2]), почему грекамъ приходилось хлопотать у Апостала о новомъ универсалѣ.

Несмотря на универсалы мѣстное начальство находило возможнымъ, такимъ или инымъ путемъ, привлекать грековъ къ общенароднымъ повинностямъ. Такъ въ 30-хъ годахъ нѣжинскіе полковые комиссары, на основаніи предложенія универсала „дабы комиссары на домы ихъ греческіе необикновенпихъ постоевъ не насилали", продолжали ставить въ греческихъ домахъ разнаго чина людей изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, заявляя, что „и впредь будутъ безъ опасенія ставить *обыкновенно*, а не *необыкновенно*". [3])

Греки въ декабрѣ подали прошеніе князю Шаховскому, который, съ присутствующими въ генеральной войсковой канцеляріи, 14 декабря 1735 г. постановилъ: „чтобы комиссаре Нѣжинскіе на домы грековъ постовъ безъ особливаго енеральной войсковой канцеляріи указу отнюдь никакихъ не насылали и пикому в квартиру домовъ ихъ, жительствующихъ грековъ, отнюдь не отводили". [4]) А 19 декабря грекамъ и былъ выданъ въ такомъ духѣ универсалъ. [5])

Число поселяющихся въ Нѣжинѣ грековъ между тѣмъ все увеличивается, число освобожденныхъ отъ повинностей, стало быть, все растетъ, повинности же городскія не умалялись, а въ свою очередь возрастали, такъ что выходило, что число плательщиковъ становилось меньше и при раскладкѣ платежей на долю каждаго приходилась всякій разъ большая и большая сумма.

Особенно тяжелы должны были сдѣлаться консистентскія дачи и постойная повинность во время походовъ Миниха: на зимы 1736 и 1737 годовъ вся русская армія расположилась на зимнія квартиры въ Малороссіи. [6]) А въ то же самое время греки сумѣли выхлопотать у Миниха сальвогвардію (7 октября 36 года), въ которой „войскъ Его И. В. господамъ командующимъ и отъ вышняго и до нижняго чина чрезъ сіе повелевается, дабы о неимении у оныхъ Грековъ постою какъ квартирующихъ такъ и проезжающихъ, и о нечиненіи имъ никакихъ обидъ и утесненія поступано было по вышеписанной Грамоте (т. е. 1710 г.) не отменно". [7])

---

[1]) Во время Дан. Апостола чиншевыхъ съ грековъ собиралось: за 1730 г.—80 руб. безъ двухъ алтынъ, за 1731 г.—87 руб. 50 коп. Х. И. А. М. К., № 11744.

[2]) Акты, стран. 66—72.

[3]) Х. И. А. М. К., № 3313.

[4]) Ibidem.

[5]) Акты, стран. 72—74

[6]) Маркевичъ Ист. Малор..

[7]) Акты, стран. 74.

Дѣйствительно, городскія повинности за это время оказались очень изнурительными для обывателей. Въ 1738 г. нѣжинскіе жители подали прошеніе, въ которомъ доносили, что они не въ состояніи содержать почты[1]), а полковая нѣжинская канцелярія подала въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, гдѣ указываетъ на то, что греки въ Нѣжинѣ занимаютъ около 200 домовъ, частью собственныхъ и народу не даютъ помощи въ консистентахъ, дачахъ на марширующіе полки, въ дачѣ провіанта и фуража, подводъ и проч." [2]); нѣжинская полковая канцелярія доносила Румянцеву, что „греки и дѣти и внуки ихъ ежегодно распространяючися домами своими, которыхъ инние имѣютъ по два и по три, живутъ прохладно никакихъ и наименшихъ повинностей не отбываючи, а другіе греки совокупивши куплею дворовъ по 15 и поболшъ построили великое число избъ, и съ найму онихъ толко прибыль получаютъ" [3]). Дома же, скупленные греками, были ранѣе „знатные" старшинскіе, козачьи и мѣщанскіе, съ которыхъ отбывались повинности городскія. Поэтому полковая канцелярія просила генеральную заставить грековъ, хотя на военное время, нести наравнѣ съ другими обывателями городскія повинности, тѣмъ более, что по грамотѣ Петра Великаго отъ 7206 г. (1698 г.) греки должны были это дѣлать[4]). Генеральная войсковая канцелярія предписала доставить свѣдѣнія о числѣ грековъ, а также копію грамоты Петра[5]). Доставлены ли были свѣдѣнія о грекахъ, мы этого сказать не можемъ, но въ 1741 г. грекамъ былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцеляріи универсалъ, утверждавшій имъ льготу отъ городскихъ повинностей, ибо къ грекамъ непрестанно продолжали ставить проѣзжающихъ офицеровъ и отводили дома ихъ подъ квартиры[6]). Но универсала оказалось недостаточно: грековъ попрежнему обременяють постоями и всевозможными повинностями[7]). Поэтому греки въ 1742 г. выхлопотали себѣ у Елизаветы Петровны грамоту, подтверждающую ихъ вольности. Получивъ послѣднюю, греки настолько энергично начали скупать у мѣщанъ дворы, что въ октябрѣ слѣдующаго 1743 г. нѣжинскій магистратъ подалъ въ генеральную войсковую канцелярію просьбу: „что въ г. Нѣжине живущіе греки покупали двори и грунта козачіе и мѣщанскіе однакъ де не такое число въ собраніи ихъ у Нѣжинѣ било, какъ нынѣ и нѣкоторіе з нихъ под магистратомъ жили и во всякихъ мѣщанскихъ общенароднихъ случаяхъ магистратъ вспомоществовали, нынѣ же де, получа себѣ В. И. В. височайшую грамоту, что во всем свободни зостають и ради такой де свободи многіе вновъ приездомъ до Нѣжина хотятъ себѣ покупат мѣщанскіе дворики, ежели жъ де имъ свободно покупать будетъ, то и мѣщанъ всѣхъ скуплять, а магистрату отъ нихъ спомоществованія не будетъ и весма магистратъ останется ни при чемъ и не будетъ отбувать кому общенароднихъ должностей" [8]). Получивъ такого

---

[1]) Румянцевскій музей, № 1348.
[2]) Ibidem, № 1334.
[3]) Румянцевскій музей, № 1334.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, № 1336.
[6]) Акты, стран. 76.
[7]) П. С. З., т. XI, № 8656.
[8]) Х. И. А. М. К., № 21702.

рода просьбу, Бибиковъ приказалъ магистрату куплю греками дворовъ не утверждать, а самъ, отъ имени генеральной войсковой канцеляріи, рѣшилъ подать въ Правительствующій Сенатъ докладъ, прося разъясненія по поводу скупли греками дворовъ[1]). Было ли послано въ Сенатъ доношеніе, не знаемъ, но запрещеніе скупли дворовъ повидимому имѣло силу, ибо въ 60-хъ и 70-хъ годахъ греки хлопотали предъ Екатериной между прочимъ и о томъ, чтобы имъ было разрѣшено свободно покупать въ Нѣжинѣ дома. А графъ Румянцевъ, имѣя вѣроятно это въ виду, считалъ нужнымъ согласовать привилегіи города съ привилегіями греческой общины.

Взятіе греческихъ домовъ подъ квартиры, взятіе подводъ у грековъ совершались все-таки попрежнему, тѣмъ болѣе, что очень часто переѣзжающіе и квартирующіе штабъ-оберъ-и унтеръ-офицеры и другіе служилые люди своевольно занимали греческіе дома въ постой и брали греческія подводы, такъ что въ 1746 г. греки должны были опять жаловаться въ генеральную войсковую канцелярію, изъ которой имъ и былъ выданъ универсалъ въ прежнемъ духѣ[2]).

Въ правленіе гетмана Разумовскаго греки были освобождены попрежнему отъ постоевъ и отъ дачи порціоновъ и раціоновъ; но многіе изъ грековъ имѣли въ Нѣжинѣ по нѣсколько домовъ, а затѣмъ накупили разныхъ угодій: пахотныхъ полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Дома свои греки съ большой выгодой отдавали въ наймы, а на скупленныхъ грунтахъ у нихъ жили подсусѣдки. Поэтому въ 1754 г. 25 авг. нѣжинскій полковникъ спрашивалъ генеральную войсковую канцелярію, брать-ли съ этихъ грунтовъ, находящихся во владѣніи грекокъ, порціонныя, раціонныя и чиновничьи деньги. Генеральная канцелярія ордеромъ отвѣтила: если это не противорѣчитъ гетманскимъ универсаламъ и ордерамъ, то брать[3]), а ордеромъ 10 іюля 1757 г. гетманъ разъяснилъ полковнику, что отъ постоевъ и взиманія консистентскихъ дачъ должны быть свободны только тѣ греческіе дворы, въ которыхъ они сами живутъ, а съ остальныхъ дворовъ и имѣній, пріобрѣтаемыхъ по купчимъ, особливо съ тѣхъ, съ которыхъ ранѣе шли консистентскія дачи, должно „въ пропорцію, но безъ излишества, взиматься слѣдуемое"[4]). Взыскивать эти дачи комиссары должны были съ самихъ грековъ, не относясь въ братство, какъ это было разрѣшено полковой канцеляріи сдѣлать съ представителями другихъ сословныхъ группъ. И когда въ 1759 г. полковая нѣжинская канцелярія нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ въ братствѣ взяла подъ арестъ, пока греками не будутъ выплачены слѣдуемыя съ нихъ деньги, то генеральная войсковая канцелярія полковой канцеляріи ордеромъ отъ 12 ноября 1759 г. разъяснила, что взыскивать полковая канцелярія должна съ самихъ грековъ, ибо присутствующіе въ своемъ доношеніи генеральной канцеляріи выставляли, что они выбраны въ братство для суда и расправы и другого имъ дѣлать некогда; „если же нѣкоторые изъ грековъ", писала въ своемъ ордерѣ генеральная канцелярія, „являются ослушны", то полковая нѣжинская канцелярія „можетъ къ должной отдачѣ,

---

[1]) Ibidem.
[2]) Акты, стран. 77.
[3]) Х. И. А. М. К., № 19570.
[4]) Ibidem.

какъ запристойно, ихъ приказать принудить". Это же самое было подтверждено и ордеромъ 1769 г. 26 янв.[1]). А въ универсалѣ гетмана отъ 15 марта 1763 г. о ревизіи въ Малороссіи, въ 8-мъ пунктѣ инструкціи, читаемъ: „8) жительствующихъ въ городѣ Нѣжинѣ грековъ и другихъ иностранцевъ, кои суть вѣдомства греческаго тамошняго братства, всѣ жилые ихъ собственнные домы написать, потребовавъ о томъ вѣдомости за руками судей того греческаго братства, а малороссіянъ слугъ ихъ и работниковъ записовать за урядъ съ прочими"[2]).

Недоразумѣнія между магистратомъ и греческимъ братствомъ въ первой половинѣ XVIII ст. могли сглаживаться тѣмъ, что войтами города были Тернавіоты, — сначала отецъ, потомъ сынъ, — греки, состоявшіе братчиками общины. Но эти недоразумѣнія, или, какъ ихъ братство называетъ, притѣсненія, во второй половинѣ столѣтія, достигли значительныхъ размѣровъ, и отношенія братства къ магистрату сильно обострились. Въ 1769 г. повѣренный отъ греческаго братства Лука Ивановъ подалъ челобитную на нѣжинскій магистратъ, въ которой указывалъ на притѣсненіе живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ поставкой въ ихъ собственныхъ домахъ и наемныхъ квартирахъ насильно постоевъ и пр. Сенатъ, какъ мы знаемъ, предписалъ графу Румянцеву 31 дек. предохранять братство отъ всякаго притѣсненія и обидъ. Но магистратъ нѣжинскій, какъ писало братство, не охраняя означенныхъ повелѣній, продолжалъ попрежнему безпрестанно наносить греческому братству обиды и паки ставить въ дома постои, налагать на нѣкоторыхъ грековъ подати, а за неуплату послѣднихъ грабилъ и заграбленное оставлялъ у себя[3]).

Къ этому присоединилось еще слѣдующее: 26 марта 1773 г. Екатериной II была подтверждена грамота, выданная Нѣжину въ 1698 г. Подтвержденіе это состоялось вотъ по какому случаю. Великороссійскіе купцы жаловались, что нѣжинскій магистратъ привлекалъ ихъ наравнѣ съ малороссійскими обывателями къ участію въ городскихъ повинностяхъ; но малороссійская коллегія указала Сенату на то, что великороссійскіе купцы владѣютъ въ Нѣжинѣ домами и землями наравнѣ съ малороссами и хотятъ избавиться отъ повинностей, несмотря на то, что городу Нѣжину была дана грамота, по которой чужеземные купцы должны отбывать повинности наравнѣ съ мѣщанами. Результатомъ этого доклада и было подтвержденіе грамоты 1698 г. Получивъ послѣднее, магистратъ началъ привлекать къ общенароднымъ повинностямъ и грековъ: къ постоямъ, дачѣ подводъ, къ наряду для смотрѣнія за продажей казенной соли и наконецъ погребъ греческой церкви занятъ былъ для склада магистратской казны[4]). Греки подали Румянцеву прошеніе 22 января 1774 г. съ жалобой на утѣсненіе ихъ магистратомъ. Румянцевъ по этому поводу сдѣлалъ запросъ малороссійской коллегіи, почему греки начинаютъ хлопотать и передъ нею, пишутъ письма къ членамъ ея кн. Плат. Степ. Мещерскому, Вас. Григ. Туманскому[5]). Въ этихъ письмахъ

[1]) Ibidem.

[2]) Архивъ на колокольнѣ Глуховской Преображенской церкви, рукописная книга о малороссійскихъ судахъ: „Цвѣтъ з правъ малороссійскихъ собраній" и пр.

[3]) Лицей кн. Безбородко.

[4]) Арх. греч. братства,

[5]) Лицей кн. Безбородко.

они разъясняютъ, что указъ 1773 г. относится только къ великороссійскимъ купцамъ, а не къ грекамъ, ибо городу Нѣжину Петромъ Великимъ дана была грамота въ 1698 г., а имъ, грекамъ, въ 1710 г.; слѣдовательно, сказанное о грекахъ въ грамотѣ 1698 г. отмѣнялось. Въ свою очередь и къ графу Румянцеву греки опять шлютъ прошеніе объ избавленіи ихъ отъ притѣсненій со стороны магистрата. Въ малороссійской же коллегіи находился цѣлый рядъ жалобъ на нѣжинскій магистратъ: 1) Отъ грековъ Степанея Евстафіева, Нака Божина, Ризы Иванова, Петра Ботиша и Михайлы Драгуліева о томъ, что магистратъ требуетъ съ нихъ взноса податей, наложенныхъ на нѣжинскихъ мѣщанъ и притягиваетъ ихъ въ мѣщанство; за неплатежъ магистратъ по обыкновенію грабитъ имущество. У Степанея Евстафіева магистратовые заграбили гусарку, Мих. Другуліева посадили въ магистратъ подъ арестъ. 2) Кромѣ этого, магистратъ причинилъ обиду грекамъ 13 января 1769 г.: посланные магистратомъ „похватали насильно и гвалтовно иного изъ грековъ на дорогѣ, иного торгующаго въ лавкѣ, а другихъ въ домахъ", привели въ магистратъ и засадили въ тюрьму. Братство было обижено, ибо отъ этого греки терпѣли въ торговлѣ убытокъ, а по смыслу грамотъ магистратъ не имѣлъ никакого основанія вмѣшиваться въ ихъ дѣла; дома же ихъ достались имъ не отъ мѣщанъ, а отъ жившихъ раньше въ нихъ солдатъ и священства. Въ этихъ домахъ греки живутъ свободно, безъ платы общенародныхъ повинностей, по многу лѣтъ и въ ревизіи не состоятъ. 3) 4 мая 1770 г., во время отсутствія Ризы Иванова, нѣжинскій магистратъ „наслалъ на его домъ гвалтовно" четырехъ человѣкъ, требуя денегъ за воловъ и погонщиковъ. Посланные заграбили кунтушъ женскій и запону (кунтушъ возвращенъ, а запона нѣтъ). А минувшаго 2-го апрѣля за тѣ же дачи онъ Ивановъ былъ посаженъ въ тюрьму, до 5-го апрѣля, на Свѣтлую недѣлю, „магистратъ наславъ на шинковую его Ризы кофейню магистратоваго городничаго, съ семью человѣками команды, ограбилъ кунтушъ суконный, шапку душкову зимнюю съ колпакомъ краснымъ" и „посланные, вытягши его Ризу на мостовую въ базаръ, били немилостиво кулатчемъ". 9-го іюля, когда Риза Ивановъ находился „по должности своей купеческой въ кофейнѣ в продажѣ кофе", магистратъ „наслалъ своихъ поборцовъ" на домъ Ризы, которые, „за требуемыя на фашины и дубья мѣщанскія тягости, взявъ жену его Ризы, таская съ двора, засадили въ магистратскую тюрьму". Домъ архимандрита іерусалимскаго монастыря Хрисанфа отведенъ подъ квартиры. Кушнерскій цехъ держитъ грека Дмитрія Пантозіева Жанду въ тюрьмѣ за неотдачу, по требованію цеховыхъ мастеровъ, 6 рублей.

Получивъ отъ братства жалобы, малороссійская коллегія сдѣлала запросъ нѣжинскому магистрату объ обидахъ. Магистратъ отвѣтилъ, что упомянутые греки живутъ въ верхнемъ городѣ-замкѣ, на купленныхъ у мѣщанъ дворахъ: Евстафіевымъ у канонерской жены Евдокіи Шепелевой (по первому мужу малоросска), Накомъ Божинымъ у замковаго діакона Петра Иванова, Ризою Ивановымъ — у солдата Киціонка и Прокопа Кушнѣрова, Ботишомъ у мѣщанина Ивана Гладкого, Драгуліевымъ у отставного солдата Степана Быкова. Дворы эти, за исключеніемъ діаконскихъ положены въ рублевый окладъ по ревизіи 1764 г., а греки эти занимаются шинковыми и другими промыслами [1]).

[1]) Х. И. А. М. К., № 4560.

Наконецъ вопросъ закончился, какъ мы знаемъ, грамотой Екатерины II отъ 1775 г., подтверждающей прежнія греческія вольности. Когда былъ установленъ квартальный сборъ, то имъ было обложено и греческое населеніе. Съ греками сборщики поступали со всею строгостью. Такъ въ 1770 г. Ризу Иванова держали въ тюрьмѣ, пока онъ не отдалъ квартальныхъ денегъ 7 р. 80 к. Отъ церковнаго сторожа, который „проживаетъ на подварку греческой церкви", требовалъ магистратъ 3 рубля. Когда не было дома грека Аѳанасія Тухаева, то пришли „опредѣленные отъ магистрата" и насильно стали требовать отъ его жены денегъ и когда она изъ боязни указала сундукъ, то они отбили 3 замка, взяли 4 шелковыхъ платка и вексель на 86 р. 50 к., и „причиня оного Тухаева женѣ и служанкамъ бои, отошли".

Перечисливши обиды отъ магистрата, греки, въ доношеніи Румянцеву отъ 4 апрѣля 1774 г., писали: „совсѣмъ не ожидали прародители наши и братія греки никогда таковыхъ внукамъ ихъ злоключеній и нещастій. Они, убѣгая отъ ненавистниковъ рода христіанскаго махометанъ, видя въ Россіи непоколебимое утвержденіе благочестія и благолѣпія храмовъ Божіихъ, затѣмъ по единству вѣры нашея православныя греческія съ народомъ россійскимъ возъимѣли пріѣзды и пристанище въ Нѣжинѣ для облегченія тамошнихъ нуждъ и печалей и чтобъ получать из своего купеческого обращенія ползу, ибо гетманъ Богданъ Хмельницкій и прочіе по немъ бывшіе гетманы грековъ приохочуючи больше к пріѣзду и привозу товаровъ универсалами утвердили во всякой предохраняемой от обидъ волности, с коихъ подъ высокое разсмотрѣніе копіи сообщаемъ" [1]).

Въ своемъ доношеніи въ малороссійскую коллегію магистратъ нѣжинскій писалъ, что взыскиваетъ деньги на основаніи ея указа отъ 27 іюня 1768 г., по которому велѣно взыскивать квартальныя деньги со всѣхъ, кто грунтами владѣетъ, кто бы онъ ни былъ, поэтому квартальные сборы наложены на имѣнія или иначе говоря на владѣльцевъ ихъ, а среди таковыхъ оказываются и греки [2]).

На просьбу грековъ 11 апрѣля 1774 г. изъ малороссійской коллегіи послѣдовалъ указъ: оставить грековъ при ихъ вольностяхъ, имѣя въ виду ихъ выѣзды отъ турокъ и торговлю [3]).

Пререканія между представителями магистрата и греческими купцами доходили иногда до открытой драки. Генеральный судъ предписалъ нѣжинскому магистрату слѣдить, чтобы грекъ Мильчо не покинулъ города Нѣжина. Получивъ предписаніе суда, магистратъ послалъ за Мильчемъ, чтобы привести его.

Посланному Мильчо отвѣчалъ: „и самъ не пойду и самаго послѣдняго хлопца не пущу". Тогда магистратъ послалъ городничаго взять Мильчо силой, если онъ не пойдетъ добровольно. Городничій встрѣтилъ Мильчо возлѣ двора, гдѣ квартировалъ послѣдній, и передалъ требованіе магистрата, на которое Мильчо отвѣчалъ „матерною" бранью, а затѣмъ что-то крикнулъ по гречески своимъ людямъ, связывавшимъ въ кипы во дворѣ товаръ. Эти выскочили съ дубьемъ и начали бить сначала городни-

[1]) Лицей кн. Безбородко.
[2]) Х. И. А. М. К., № 4560.
[3]) Лицей кн. Безбородко.

чаго, а потомъ пришедшихъ съ нимъ. Дѣло происходило недалеко отъ магистрата, откуда выбѣжали магистратскіе служащіе для защиты своихъ. Произошло настоящее побоище, въ которомъ очень многіе изъ магистратскихъ были ранены и притомъ серіозно. Вѣроятно пострадали и греки, но свѣдѣній мы объ этомъ не имѣемъ, ибо у насъ есть доношеніе только со стороны магистрата. По свидѣтельству этого доношенія грековъ и волоховъ было будто бы до 80 человѣкъ. По поводу всего происшедшаго нѣжинскій городовой атаманъ ходилъ въ правленіе братства, но не только не засталъ тамъ присутствующихъ, но и само правленіе оказалось запертымъ на замокъ.

Въ свою очередь присутствующій въ греческомъ братствѣ Анастасіевъ жалуется, что „10 апр., во вторникъ на Страстной недѣлѣ, въ 2 часа пополудни, когда онъ возвращался съ судейскаго мѣста греческаго братства на свою квартиру, то де на пути напали на него болѣе 20 человѣкъ „съ дрючьемъ“ и хотѣли взять его, Анастасіева, насильно, для чего гнались за нимъ до самой квартиры, гдѣ онъ и укрылся; но гнавшіеся за нимъ, „отбивъ ворота“, бросали во дворъ кирпичемъ и дрючьемъ и другіе гвалты и обиды причинили и то де, какъ извѣстился онъ, произошло отъ нѣжинскаго магистрата.[1]).

Вообще трудно точно опредѣлить взаимныя отношенія магистрата и братства. Магистратъ, какъ учрежденіе, завѣдывавшее всѣми мѣщанами Нѣжина, имѣлъ право вмѣшиваться въ дѣла братства; да и сами братчики относились къ авторитету магистрата, какъ напр. объ арестованіи Штуки. Арестуемые греки часто содержатся въ магистратѣ [2]). Все объясняется чисто обстоятельствами времени, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ братчиковъ были войтами Нѣжина и, конечно, берегли интересы братства.

При учрежденіи въ 1785 г. (1 сент.) греческаго магистрата, греки оставлены были при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, пожалованныхъ имъ ранѣе, — при свободѣ отъ податей, постоевъ, дачи подводъ и личной службы [3]); „но что до части полицейской или благочинія, то какъ оное для собственнаго спокойствія и блага всѣхъ живущихъ въ городѣ, въ томъ числѣ и сего намъ единовѣрнаго общества относится, обязаны они участвовать съ прочими гражданами на ряду въ издержкахъ на содержаніе чистоты въ городѣ, безпечности отъ огня и прочаго полезнаго, но безъ отягощенія предъ другими [4])“. Магистратъ греческій былъ учрежденъ на основаніи городового положенія 21 апр. 1785 г. (Статья 127). Греки имѣли право выбирать изъ своей среды бургомистровъ и ратмановъ [5]). Магистратъ же находился въ зависимости отъ черниговскаго губернскаго магистрата, „подъ апелляціей“, какъ сказано въ указѣ [6]).

Въ универсалѣ Б. Хмельницкаго 1657 г. мы находимъ: „Зъ Полковниковъ засе, Асавуловъ, Атамановъ, Войтовъ, Бурмистровъ, абы жаденъ о нихъ судить и декретами окрывать несмѣлъ, сронго навпоминаемъ“. Когда же въ Нѣжинѣ греки устрои-

[1]) Лицей кн. Безбородко.
[2]) Х. И. А. М. К., № 4933.
[3]) П. С. З., т. XXII, № 16250.
[4], [5], [6]) Ibidem.

лись на поселеніе, то Мазепа, въ универсалѣ 1687 г., приказывалъ: „А такъ мѣти хочемъ и приказуемъ, абы въ тыхъ ихъ учтивыхъ греческихъ купцовъ розсудкахъ и росправахъ, якъ панъ полковникъ Нѣжинскій и судъ полковый, такъ и Магистратъ тамошный, и нихто иный не чинилъ имъ перешкоды, и права того онимъ симъ унѣверсаломъ нашимъ утверженного нарушати не важился подъ войсковымъ караньемъ [1])“.

Но трудно было полковнику Нѣжинскому и нѣжинской канцеляріи не вмѣшиваться въ дѣла братства. Сами братчики прибѣгали къ авторитету нѣжинской полковой канцеляріи. Такъ греки Мазаракій и Маркачанъ, по дѣлу объ оскорбленіи ихъ греками же Анастасіемъ Максимовымъ и Фотіемъ Таелѣевымъ, жалуются (въ 1732 г.) въ полковую канцелярію, гдѣ и разбирается ихъ дѣло [2]). Дѣло волошскаго шляхтича Думитрашки о взысканіи имъ съ нѣжинскихъ грековъ Калины и Стефанѣя четырехъсотъ червоныхъ разбирается въ полковомъ судѣ [3]). Подъ караулъ берутся греки въ полковую нѣжинскую канцелярію или въ магистратъ [4]). На случай безпорядковъ въ греческомъ братствѣ разслѣдованіе дѣла поручалось полковой канцеляріи, которая и командировала кого нибудь изъ полковой старшины въ братство. Очень часто мы встрѣчаемъ среди дѣлъ прошенія грековъ, направленныя въ полковую канцелярію и тогда, когда у грековъ функціонировалъ свой судъ.

3 февраля 1750 г. полковая нѣжинская канцелярія просила у генеральной войсковой канцеляріи разъясненія, какъ ей быть съ поступающими въ нее прошеніями грековъ, которые не находятъ въ братствѣ суда и управы „за еднимъ посягательствомъ и поблажкою судящихъ того братства [5])“.

Въ 1751 г. Стойкевичъ проситъ передать его дѣло въ полковую канцелярію. Стойкевичъ долженъ былъ Діамандію Горголію 200 руб. Въ обезпеченіе уплаты долга Горголій взялъ крѣпости на земли Стойкевича; желая присвоить „добра Стойкевича“, Горголій держалъ его подъ карауломъ, безчестилъ и не отдавалъ крѣпостей. Братство дѣло это оставляло безъ разбора [6]).

Особенно же трудно было иноплеменнымъ купцамъ — великороссійскимъ и другимъ, получить удовлетвореніе въ братствѣ по своимъ искамъ на грековъ; поэтому ордеромъ гетмана отъ 5 ноября 1752 г. было предписано: въ случаѣ, если бы эти купцы не нашли удовлетворенія въ судѣ братства, то могли искать и просить справедливости въ полковой нѣжинской канцеляріи [7]).

На случай безпорядковъ въ братствѣ для разслѣдованія дѣла назначался кто нибудь изъ старшинъ нѣжинскаго полка. Такъ 16 апр. 1751 г. гетманъ шлетъ въ нѣжинскій полкъ универсалъ о назначеніи старшины для понужденія судей братства къ рѣшенію дѣлъ [8]). Полковая канцелярія, мы знаемъ, сперва назначила полкового обознаго Леонтія Грановскаго, а потомъ абшитованнаго хорунжаго Якова Вильков-

[1]) Акты, стран. 54.
[2], [3], [4]) Х. И. А. М. К., № 4933
[5]) Х. И. А. М. К., № 5489,
[6]) Ibidem, № 23168.
[7]) Ibidem, № 10994.
[8]) Х. И. А. М. К., № 3110.

скаго. Полковой старшина, по ордеру Разумовскаго отъ 7-го сент. того же года къ полковнику нѣжинскому Кочубею, былъ удаленъ изъ братства, ибо гетманъ универсаломъ подтвердилъ вольности грекамъ.

Малорусское законодательство очень часто давало поводъ полковой канцеляріи вмѣшиваться въ дѣла братства. Такъ въ 1756 г. шелъ вопросъ о продажѣ дома грека Куртія. Полковая канцелярія, на основаніи универсала 1751 г., по которому всѣ споры земельные должны были рѣшаться въ ней, считала это дѣло подсуднымъ себѣ [1]). Между греками Христофоромъ и Самойломъ Пелепоновымъ возникъ споръ изъ-за двора. Христофоръ подалъ на Пелепонова въ полковую нѣжинскую канцелярію, во-первыхъ потому, что „ Пелепоновъ въ судѣ греческаго братства находится первенствующимъ, то въ томъ братствѣ на него Пелепонова ему за то челобитствовать непристойно", во-вторыхъ потому, что это дѣло, какъ дѣло о землѣ, подлежитъ земскому суду, а въ грамотахъ, пожалованныхъ братству не разрѣшено „давать судъ по земскимъ дѣламъ". Получивъ прошеніе Христофора, полковая нѣжинская канцелярія опредѣлила „дать судъ по правамъ малороссійскимъ", почему 30 окт. 1755 г. изъ канцеляріи былъ посланъ Пелепонову „откровенный позовъ", которымъ велѣно ему „явиться въ канцеляріи со всѣми къ тому иску принадлежащими писменными документами либо свидителми противъ вишеписанного доношенія к отвѣтствию на положенный въ ономъ правний срокъ или во мѣсто себе съ таковимъ же правнимъ доводомъ прислать повѣренного при вѣрующомъ урядовомъ засвидѣтельствованіи". Пелепоновъ отказался явиться и доказывалъ, что на основаніи грамотъ это дѣло должно разбираться въ братствѣ. Нѣжинская канцелярія послала предложеніе генеральному суду по этому дѣлу. Въ своемъ предложеніи канцелярія высказывалась за разборъ дѣла въ судѣ полковомъ по слѣдующимъ мотивамъ: „прошлого 1742 г. ноября 3 дня жалованной грамотой точно повелено имъ грекамъ самимъ толко между собою и челядью своею в купеческихъ их дѣлахъ имѣть судъ и росправу, а по земству обижденным от греков как малороссійским такъ и другого народа людямъ ни в чемъ на нихъ искать и имъ въ греческомъ братствѣ судить и росправлять въ силѣ оной высокомонаршей грамоты и утвержденныхъ малороссійскихъ правъ не надлежитъ, но по всему приличествуетъ въ силѣ техъ правъ разбирать и то разсмотривать полковой нѣжинской канцеляріи, яко ж и по универсалу . . . . . [2]) гетмана 1751 года окт. 7 дня состоявшомусь и того жь октября 9 дня въ полкъ нѣжинскій присланному всѣмъ малороссійскимъ чинамъ господамъ генеральной старшинѣ, полковникамъ, бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ и протчиимъ, въ которомъ полку имѣетъ кто с нихъ свои землѣ, в случае об онихъ земляхъ какого спору и иску отъ кого-либо по онимъ первѣе въ томъ же полку, въ которомъ та земля положеніемъ состоитъ, въ полковомъ судѣ росправу должно имѣть по силѣ малороссійскихъ правъ, безъ всякаго отрицанія и для того полковымъ судомъ въ призиваніи ихъ къ суду и въ протчемъ по искамъ о земскихъ

[1]) Ibidem, № 11273.
[2]) Слѣд. титулъ гетмана.

делахъ до такихъ чиновъ касаючимся велено поступать во всемъ по малороссійскимъ правамъ не отмѣнно".

Получивъ такое предложеніе, судъ генеральный предписалъ нѣжинской канцеляріи дать Пелепонову вторичный позовъ несмотря ни на какія его отговорки, а если онъ не явится и не пришлетъ повѣреннаго „на правний срокъ", то дѣло рѣшить безъ Пелепонова. 8 іюня 1756 г. Пелепоновъ представилъ повѣреннаго Кондрата Болбинскаго. Но такъ какъ въ грамотѣ предписано рѣшать дѣла между греками братству „за исключеніемъ розыскныхъ и убійственныхъ дѣлъ", то Малороссійская Коллегія приказала разбирать дѣло въ братствѣ [1]).

При частыхъ попыткахъ полковой нѣжинской канцеляріи подчинить своей юрисдикціи братство высшая малороссійская власть принимала обыкновенно сторону братства. Имѣлось въ братствѣ дѣло казака Хвостика съ нѣжинскимъ грекомъ Василькевичемъ (онъ же Катаргаръ) „о самовольномъ нападеніи, нещадномъ боѣ и увѣчьѣ". Но дѣло тянулось въ братствѣ, какъ было заурядно. Тогда нѣжинская полковая канцелярія представила въ генеральную войсковую доношеніе, въ которомъ предлагала, на основаніи ордера отъ 5 ноября 1752 г., дѣло это передать въ полковой судъ. Но генеральная войсковая канцелярія въ отвѣтъ полковой, предписала братству рѣшить это дѣло въ шестинедѣльный срокъ [2]).

Тотъ же Василькевичъ въ 1756 г. сдѣлалъ неправильный доносъ. По правамъ малороссійскимъ съ него долженъ быть взысканъ штрафъ; но полковая канцелярія, безъ разсмотрѣнія дѣла въ генеральной войсковой, не рѣшилась этого сдѣлать. Войсковая генеральная канцелярія предписала: если Василькевичъ находится въ вѣдѣніи полковой канцеляріи, то съ нимъ поступить по указамъ Е. И. В.; если въ вѣдѣніи братства, то передать дѣло братству. Несмотря на то, что полковая канцелярія, (ссылаясь на грамоту, въ которой сказано, что въ купеческихъ дѣлахъ между собою и челядью греки подсудны братству) доказывала, что это дѣло доноса подлежитъ разбирательству полковой канцеляріи, и самъ Василькевичъ просилъ передать его дѣло въ полковую канцелярію, просьба его была отклонена гетманомъ, а братству предписало рѣшить дѣло, какъ можно скорѣй.

Эта же власть считала своей обязанностью защищать грековъ. Такъ напр. посланы были козаки Нечипоръ Болоховецъ, Семенъ Галушка и Игнатъ Муситукъ для взятія отъ нѣжинскаго грека Панаіота непотребной женщины. И когда ее вели мимо двора Синайскаго монастыря, то она объявила, что у живущихъ тамъ грековъ тоже есть такая женщина. Казаки зашли во дворъ, пойманная женщина вырвалась изъ рукъ и убѣжала въ хату. Когда козаки хотѣли войти за нею, то греки заступились. Произошло побоище, казаки были страшно избиты, за что городничій забралъ грековъ подъ караулъ. И когда греки стали просить полковника Разумовскаго объ освобожденіи ихъ, то онъ отвѣтилъ: „такъ имѣю старатись, что всѣ будете вигнаны, какъ жиди и съ Вами поступатиму, какъ з бунтовщиками". Греки сочли это за обиду, жаловались ясновельможному. На жалобу послѣдовала резолюція: „на осно-

[1]) Х. И. А. М. К., № 11273.
[2]) Х. И. А. М. К., № 15240.

ваніи грамотъ обиды и насильства не чинить; а если помимо вѣдома полковника, то ослушниковъ наказывать [1]).

Надѣляя такими правами, братство, малороссійскіе правители налагали на его членовъ обязанности уваженія къ авторитету мѣстной власти. Такъ гетманъ Мазепа, въ универсалѣ 1696 г., разрѣшающемъ грекамъ имѣть братство, высказывалъ: „Докладуемъ однакъ тое и варуемъ пилно, жебы они, учтивни купцѣ греческии, такое маючи право, непонижали владзи полковничое, и о вшемъ якъ пану полковникови, пошановане и учтивость, такъ старшинѣ полковой, и уряду мѣскому, прихилний и призвоитий привѣтъ чинити повинны [2])“.

То же самое мы встрѣчаемъ и въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго [3]).

Того же требовали отъ грековъ и преемники его. Такъ напр., ордеромъ гетмана отъ 20 декабря 1750 г. короповскому сотнику Костенецкому приказано навести справки объ имуществѣ живущихъ въ Малороссіи волоховъ „и другихъ разночинцевъ“ а также представить вѣдомость о грекахъ. Но братство на три ордера Костенецкаго отвѣчало молчаніемъ, а присутствующій Иванъ Кумбурлѣй „словесно“ заявилъ, что „они полковой канцеляріи не слушаютъ и всѣ ея предложенія полагаются безъ всякого дѣйствія въ долгій ящикъ и полковой канцеляріи до греческаго братства и дѣла нѣтъ, ибо у нихъ монаршія грамоты есть“. Извѣщая объ этомъ, полковая канцелярія доносила гетману 9 сент. 1752 г., что „ежели греки ни в чемъ полковой канцеляріи слушатся не станутъ, то по ихъ ослушности и подлежащихъ за силу указовъ градскихъ порядковъ, яко то во обереженіи от пожарнаго случая и въ содержаніи чистоты устроить не можно“; и вообще полковая канцелярія находила такой отвѣтъ со стороны грековъ неучтивымъ [4]). Гетманъ ордеромъ 23 сент. 1752 г. предписалъ братству исполнить требованіе Костенецкаго, „что же касается и до градскихъ порядковъ, яко то во обереженіи отъ пожарнаго случая и въ содержаніи чистоты имѣетъ полковая канцелярія неопускнымъ взысканіи на том греческомъ братствѣ въ случаѣ небреженія по таким общественнымъ городовымъ потребностямъ [5])“.

Братчики для выборовъ присутствующихъ собирались крайне неохотно. Съ одной стороны очень часто многіе изъ грековъ для торговли отлучались изъ Нѣжина на украинскія ярмарки, въ дальнія мѣста и города — Москву, Петербугъ или за границу, съ другой стороны, нужно сказать, вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ дѣламъ братства. Кончится срокъ выборнымъ, оставятъ они свое присутствіе въ судѣ. Въ братство поступаютъ просьбы и жалобы, которыя лежатъ безъ всякаго движенія; число ихъ все больше и больше. Обиженные ждутъ... наконецъ терпѣнье ихъ истощается, они начинаютъ апеллировать „до высокой персоны его ясновельможности“ или — „до присутствующихъ въ генеральной войсковой канцеляріи“ — во время между гетманства. Канцелярія посылала указы въ братство о выборѣ судей... Братство ждало третьяго указа. Тогда высшее начальство передавало дѣло въ вѣдѣніе какого нибудь

[1]) Х. И. А. М. К., № 14814.
[2]) Акты, стран. 57.
[3]) Акты, стран. 62.
[4]) Х. И. А. М. К., № 3110
[5]) Ibidem.

судебнаго учрежденія — магистратскаго или войскового суда, или же, что бывало чаще, назначало кого нибудь изъ полковой старшины для принужденія братства къ выбору судей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ братство считало себя обиженнымъ, такъ какъ этимъ нарушались его исконныя привилегіи самосуда и самоуправленія, и спѣшило избрать присутствующихъ. Нельзя сказать, чтобы такія явленія были рѣдки въ греческой общинѣ. Тернавіотъ напр. имѣлъ въ своемъ распоряженіи на Метаксу вексель, который и представилъ въ Нѣжинскую полковую канцелярію. Послѣдняя держала Метаксу подъ арестомъ, такъ какъ онъ „не далъ за себя ни заклада, ни порукъ“. Метакса былъ подъ вѣдомствомъ братства, почему нужно было искать въ братствѣ. Но Тернавіотъ билъ челомъ полковой канцеляріи, такъ какъ „по неимѣнію въ греческомъ нѣжинскомъ братствѣ уже черезъ нѣсколько времени присудствія за невибором по узаконеніямъ того братства судей“. Дѣло было въ 1758 году. Когда оно поступило на разсмотрѣніе генеральной войсковой канцеляріи, то она ордеромъ отъ 14 іюля приказала полковой нѣжинской канцеляріи не вмѣшиваться въ дѣла братства, а братству предписала выбрать судей и, такъ какъ братство медлило выборами, то понуждать его назначенъ былъ полковой обозный Грановскій [1]). Въ 1764 г. 4 авг. магистратъ нѣжинскій доносилъ гетману, что въ греческомъ братствѣ не имѣется судей, почему всѣ жалобы, подаваемыя на грековъ, остаются безъ разсмотрѣнія, чѣмъ греки и пользуются, всячески притѣсняя нѣжинскихъ мѣщанъ. По исковымъ дѣламъ между собою греки относятся въ магистратъ, судить же грековъ магистратъ не имѣетъ права. Гетманъ строго приказывалъ 19 авг. братству избрать судей и, въ предупрежденіе всякихъ непріятностей братство на этотъ разъ поспѣшило и рапортомъ отъ 14 авг. увѣдомило гетмана объ избраніи судей [2]).

Въ 1776 г. выбранные въ судьи братства доносили, что они несутъ свои обязанности съ 1773 г. и уже два года прошло, какъ имъ минулъ срокъ, а общество греческое и не думаетъ избирать новыхъ. Тѣ же греки, которымъ по жребію приходится быть засѣдающими въ судѣ, получаютъ выгоду, „отправляя свою коммерцію, а теперешіе судьи, ожидая выбору, напротивъ того получаютъ въ купечествѣ остановку“. Въ заключеніе своего доношенія судьи просили малороссійскую коллегію принудить братство избрать новыхъ. Малороссійская коллегія предписала предводителю шляхетства повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, подкаморію Почекѣ, собрать грековъ въ греческій судъ и приказать имъ произвести выборы въ его присутствіи, что и было сдѣлано 25 февр. 1777 г. [3]).

Собранія братства были шумныя, бурныя. Иногда греки не приходили ни къ какому рѣшенію, раздѣляясь на партіи, враждовавшія другъ съ другомъ. Иногда большинство употребляло насиліе, желая заставить умолкнуть меньшинство. Такъ, 13 дек. 1762 г. происходило собраніе братства. Лагутка, зная, что Ламбра Мокрій не согласенъ съ избраніемъ братства, придрался къ нему, какъ должнику, во время собранія, — подошелъ къ нему, закричалъ на него: „зачемъ де ти здесь, а ось и

[1]) Х. И. А. М. К., № 12305.
[2]) Ibidem, № 1456.
[3]) А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 59, № 1467.

челобитчикъ на тебѣ", велѣлъ схватить Мокрія и посадить въ тюрьму. По приказу Лагутки его сторонники, пріѣзжіе греки, турецкіе подданные Панаіоти Бура, Федоръ Балагила, Димитрій Капета, Федоръ Аверяно и Алексѣй Кромида и нѣжинскій житель Константинъ, Мецовитовъ зять, схватили Мокрія, „иніи за волоса, а иніи за руки и за одежу и таская и рвучи волоси, били немилосердно по щокам и кулаками по бокамъ и где хотя нѣ попалъ, и порвали на мнѣ кафтан люстріной, посадили в тюрьму и приказали ко мнѣ нѣ кого не допускать". Подъ карауломъ Мокрій сидѣлъ, пока не спасся побѣгомъ подъ защиту генеральной войсковой канцеляріи. Лагутка не имѣлъ никакого права посадить Мокрія въ тюрьму, ибо онъ только на этомъ собраніи былъ избранъ въ судьи, и слѣдовательно не былъ еще утвержденъ.[1]) На собраніяхъ прибѣгали къ интригамъ, набирая себѣ сторонниковъ, чтобы попасть въ судьи, если это для кого было привлекательно. Особенно успѣшны были интриги во время распрей пріѣзжихъ и живущихъ. Такъ напр. въ 1761 г. судьями въ братствѣ были Горголій съ товарищами. Они потворствовали многимъ изъ грековъ „свойства, дружби и понорованія ради", почему дѣла ихъ не разрѣшались, а откладывались. Многіе изъ братчиковъ были не довольны. Срокъ присутствія Горголія истекалъ, приближались выборы. Горголій привлекъ на свою сторону временно-пріѣзжихъ изъ Турціи купцовъ и они постарались выбрать Лагутку, родственника Горголія, и другихъ его единомышленниковъ. Нѣжинскіе жители греки были недовольны и жаловались въ генеральную войсковую канцелярію. И вотъ „по спорамъ и не желательству нѣжинскихъ жителей вѣрно присяжных его И. В. подданних и за показанними многами на оного Лагутку зазрѣніями состоявшимися жь височим Вашей Я. В. генеральной войсковой канцеляріи ордеромъ повелено бунчуковому товарищу Василю Жураковскому у присутствіи будучого жь товарища и войта нѣжинскаго Петра Тернавіота учинить вновь о судах выбори."[2])

На выборы стекалось вѣроятно очень много народу, почему лавокъ не хватало и многимъ приходилось стоять. По крайней мѣрѣ въ актахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что многіе избиратели на собраніяхъ стояли.

Выбираемые въ присутствующіе братчики не всегда добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ, мы не говоримъ уже о томъ, что они, какъ купцы, иногда отлучались на ярмарки.[3]) 19 іюля 1750 г. войсковой канцеляристъ Василій Кадигробъ доносилъ въ генер. войсковую канцелярію: „нѣкоторіе (изъ присутствующихъ уже з Нѣжина на Роменскій ярманокъ и отлучились." Сами братчики находили это явленіе нормальнымъ и писали въ ту же канцелярію (13 авг. 1750 г.): „ежели намъ нижайшимъ одних судовъ безотлучно всегда в одномъ мѣстѣ смотрѣть, то оное намъ не в обикновение будетъ и чрез то могли б лишитись купечества и своихъ промисловъ с разореніемъ".[4]) Да оно и понятно. Присутствующіе были обыкновенно купцы, т.-е. главныя средства къ жизни пріобрѣтали они торговлей;

[1]) Х. И. А. М. К., № 14787.
[2]) Ibidem.
[3]) А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 59, № 1467.
[4]) Х. И. А. М. К., № 5489.

присутствіе же въ судѣ являлось временной хлопотливой и тяжелой обязанностью. Помимо отлучекъ на ярмарку присутствующіе вообще неисправно посѣщали засѣданія суда. Тотъ же Вас. Кадигробъ, назначеннный для понужденія судей къ разбирательству дѣла Евстафія Иванова, сообщалъ въ генеральную войсковую канцелярію: „Неточію чтобъ что учинено, но и в предъ учинитись всячески ненадежно, яко ж засѣдаючіе в ономъ братствѣ, не учиня, какъ по прежде присланному в оное братство, такъ и по оному зъ генеральной канцеляріи указамъ никакого ісполненія, но імѣя оніе в пренебреженіи, никогда и в братство к засѣданію неприходятъ, почему и принуждат мнѣ нѣкого; собрат же оних к засѣданію в братство, не имѣя ни отколь вспомоществованія, самому всячески ж не возможно, ибо многіе мои чинимие к нимъ в силѣ указа писменніе и словесніе требованія толко едиными іздѣвками и упрамствомъ, слагая единъ на другого, ізбувают, к тому ж и настоящого засѣданія в братствѣ (причиною иностранних грековъ, невѣдаючихъ не толко здешнихъ обхожденій и приказних порядковъ, но и язика славеноросcійскаго, ни в чемъ несмислящихъ, которіе только сюда в Нѣжинъ для купечества своего приезжают на время, а справивши свое купечество, паки отезжают в доми своя в Македонію и Цариградъ), здешнимъ жителимъ грекамъ, з коих порядки приказніе отчасти вѣдат могут, такъ в случаи и дѣла добропорядочно разобрат и рѣшит в состояніи находятся, о не засѣданіи з них нѣкоторимъ в братствѣ препятствія неимѣется“.[1])

А 19 іюля 1750 г. онъ же доносилъ: „хотя же нынѣ к разбору того дѣла в засѣданіе в братство обоима іми такъ істцемъ яко и отвѣтчикомъ вибрани точію в братство онихъ к засѣданію по тому дѣлу собрат мнѣ самому по обиклимъ их упрамствомъ никакъ возможно, яко ж в требованіях моихъ толко единіе здѣвки чинят и в братство к засѣданію никогда не приходят, но по своимъ прихотямъ куда кто желает отлучаются“.[2]) Помимо неаккуратнаго посѣщенія засѣданій братства, присутствующіе оказывались далеко не безпристрастными судьями. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи очень много жалобъ на пристрастность и нерадѣніе судей. 2 апр. 1735 г. генеральная войсковая канцелярія, передавая дѣло Зотія Леонтіева о деньгахъ на судъ компромиссіальный, посылала присутствующимъ выговоръ за нерѣшеніе дѣла: „Впредъ же имъ по посилаемимъ изъ генеральной войсковой канцеляріи указомъ чинить исполненіе непремѣнно, ибо ежели бы, паче чаянія, въ произведеніи дѣлъ въ судѣ греческомъ имѣло чинено быть продолженіе, то не опустно присутствующіе въ ономъ судѣ греческомъ штрафовани и истязани будутъ“.[3]) Въ 1741 г. нѣжинскій житель Быковскій жалуется на присутствующихъ Иваницу и Велисарія Псалтія, что они тянутъ имѣющееся въ братствѣ его дѣло“.[4])

Въ 1748 г. на основаніи указа генеральной канцеляріи, греческое братство должно было произвести разсчетъ между Кумбурлѣемъ и Быковскимъ, который служилъ у Кумбурлѣя „господаремъ о приходахъ и расходахъ“. Но засѣдающіе въ судѣ

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Х. И. А. М. К., № 3313.
[4]) Ibidem, № 21548.

Иваница и Велисарій Псалтій потворствовали Кумбурлѣю и дѣло затягивалось „не смотря на ежедневныя хожденія Быковскаго въ судъ братства"; наконецъ Быковскій былъ посаженъ подъ караулъ, а Кумбурлѣй свободно разъѣзжалъ по своему желанію. Ордеромъ генеральной канцеляріи Грановскому было предписано разслѣдовать дѣло, а братству для рѣшенія его выбрать другихъ судей.[1])

7 марта 1751 г. генеральная канцелярія донесеніемъ на имя гетмана представляла, что присутствующіе въ греческомъ братствѣ чинятъ волокиту, а своимъ единовѣрцамъ понаровки" и „не только что не судятъ, но и совсѣмъ не начинаютъ дѣлъ", при этомъ приводила въ примѣръ дѣло значковаго товарица Литвишки съ Забускими.[2]) Московскій купецъ Журавлевъ далъ взаймы греку Аверину 3253 руб. 65 коп., изъ которыхъ Аверинъ возвратилъ 2605 руб. 75 коп., а 647 руб. 90 коп. не возвратилъ; въ уплатѣ поручился Шуна. Когда Журавлевъ представилъ свой искъ въ братство, то не получилъ удовлетворенія, ибо Шуна былъ присутствующимъ въ братствѣ. Гетманъ велѣлъ передать дѣло въ генеральный судъ (28 апр. 1752 г.)[3]).

Въ 1752 г. Демежня жаловался на присутствующихъ въ братствѣ, что они то по родству, то по дружбѣ къ его противнику Горголію держатъ его Демежню несправедливо въ тюрьмѣ.[4])

Въ 1755 г., въ первыхъ числахъ іюня, на Вознесенской ярмаркѣ въ Ромнахъ, грекъ Мокрій отдалъ на сохраненіе греку Мурайтову кипу кумачей, которую тотъ привезъ въ Нѣжинъ, но возвратить не захотѣлъ. Мокрій не подаетъ жалобы въ братство потому, что судящіе „недоброхоты", „а паче, что въ томъ братствѣ ввелись едни только волокиты и чрезъ то истцамъ разоренія"[5]).

Въ 1756 г. грекъ Ламбра Мокрій жалуется на присутствующихъ Николая Евстафіева Лагутку, Ивана Гребенчу, Евстафія Папафилова, Ивана Папазафирова в томъ, что „иные за свойство, а иные съ поблажки ничего не учинили" въ его искѣ по векселю на Маргаритѣ Кириловѣ. Генеральная войсковая канцелярія ордеромъ предписала братству рѣшить дѣло. Но въ 1758 г. Мокрій жалуется и на новыхъ присутствующихъ Дементія Горголія, Ананія Моранта, Хаджи, Анастасія Діамандіева, Фотія Константиновича и другихъ, что и эти „за понаровкою" Маргариту дѣла не рѣшаютъ; поэтому онъ ищетъ не на Маргаритѣ, а на присутствующихъ. Графъ Разумовскій ордеромъ 1760 г. повелѣлъ разобрать дѣло въ генеральномъ судѣ.

Македонскій грекъ Юрьевъ въ 1756 г. жаловался въ братство на обиду отъ волоха Фарматія. Юрьеву отвѣчали, что безъ ордера генеральной канцеляріи рѣшать его дѣла не будутъ. Но несмотря и на ордеръ дѣло не подвигалось. Ордеръ генеральной канцеляріи былъ повторенъ въ 1758 году, но благодаря присутствующему Горголію, который былъ друженъ съ Фарматіемъ дѣло все-таки не рѣшалось. Кан-

[1]) Х. И. А., М. К., № 21548.
[2]) Ibidem, № 11789.
[3]) Ibidem, № 8156.
[4]) Ibidem, № 9848.
[5]) Ibidem, № 14469.

целярія грозила присутствующимъ штрафомъ, приказывая рѣшить дѣло къ 1 февр. 1759 г. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы 2-го мая того же года противники не помирились безъ всякаго суда[1]).

О самоуправствѣ судей братства и допускаемыхъ ими несправедливостяхъ свидѣтельствовалъ въ своемъ донесеніи и бунчуковый товарищъ, войтъ города Нѣжина, Петръ Тернавіотъ, который состоялъ братчикомъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, — „счисляюсь первѣйшій братъ и въ собраніи кого именно з грековъ в тое братство в судѣ и до какого времени поставлять и какъ в той должности им будучи во всемъ поступать, на откровенныхъ даемыхъ таковым судям писмах первым подписуюсь.“[2]) Поэтому къ Тернавіоту и отнеслись обиженные греки съ прошеніями о заступничествѣ. Въ своемъ донесеніи въ маѣ 1761 г. онъ, характеризуя судящихъ, писалъ: судящіе Діамантій Горголій и Димитрій Мичо съ товарищи являются зазорни, первие что они по данному имъ отъ общества откровенному письму так на ту должность в правосудіи присягать не схотѣли яко и по оному письму показанного имъ, чего они сами разсудить не могутъ, спрашивалися б других знающих старинних чесних того братства людей не хотят в закритіе своей неправости, но сами съ отмѣной во всемъ оного писма поступаютъ и дѣлаютъ, что хотят, неподлежащее; второе показаніе — Горголій и Мичо по своимъ вимишленнимъ собственнимъ искамъ сами без другихъ без всего взявши какого грека, оковавши держат в турмѣ; третое — с кимъ они имѣютъ дружбу и пріятельство, на таких кто бьет челомъ въ какой ни есть правости, за долги по векселямъ по какимъ неминуемо за неуплаткою по силѣ вексельнаго устава, держать до уплаты под арестомъ и з имѣнія его зискать слѣдуетъ (хочай нѣкоторіе таковіе дѣла имѣются по присилаемимъ при ордерах генеральной канцеляріи и указахъ суда генеральнаго), сатисфакціи нѣкакой получить не могутъ и за арестъ взять не велятъ и денег не взискиваютъ по вимишленнимъ какимъ нибудь з голов своихъ резонамъ, но еще на оного проэктуютъ какъ бы его сторонно изобидить и у турму засадить и дѣлают всякіе привязки, чтобъ оной искъ оставилъ, въ чемъ многіе нынѣ въ томъ поносят отъ них обиди, с которих многіе мнѣ словесно за обиди свои жалуются, яко они за силу данного имъ от общества откровеннаго писма нѣ в чемъ не поступают; но з едной голови сами какъ имъ угодно судят, а наипаче с оних иностранних Мичо тое все дѣйствует и других к тому подводитъ, чрез якую его неправость инніе з оних судящихъ сами от оного судейства отстали и на опредѣленіяхъ и представленіяхъ не право ими учиненних не подписуются.“[3]) Это было въ маѣ, а 30 іюня Евстафій Ивановъ Парчикапа подалъ гетману жалобу, что 12 лѣтъ тянется его дѣло съ Николаемъ Евстафіевымъ и Николаемъ Метаксою о деньгах; за это время Ивановъ успѣлъ овдовѣть, два раза погорѣлъ, бросилъ купечество и пришелъ постепенно въ оскудѣніе. Метакса то же до сихъ поръ не уплатилъ ему слѣдуемыхъ денегъ. Хотя въ январѣ и былъ присланъ въ братство ордеръ гетмана, но присутствующіе все же

---

1) Ibidem, № 14469.
2) Ibidem, № 12855.
3) Ibidem.

ничего не сдѣлали по его дѣлу. „На всѣ высочайшие Е. И. В. указы и христіанскія узаконенія самоволно, какъ бы какіе гвалтовники, ни страшась Бога, ни храня высочайшихъ указовъ, правъ и вашей Ясновельможности повелѣний“, не только не рѣшаютъ дѣла, но посадили самого истца въ тюрьму за долгъ по векселю, по которому поручился грекъ Ламбра, ихъ сторонникъ. Получивши такія неутѣшительныя свѣдѣніи о судьяхъ братства, гетманъ ордеромъ отъ 13 іюля того же года приказалъ, чтобы судьи братства, при вступленіи своемъ въ должность, присягали; „для поправленія въ греческомъ братствѣ порядковъ опредѣляется отнынѣ впредь в началѣ избранія тѣм выбираемымъ для присутствія в греческое братство судямъ по прилагаемымъ при сем формамъ какъ в вѣрности Е. И. В., такъ и в отправленіи справедливых судовъ при собраніи всего тамошнего греческого общества чинить однажды присяги и оные присылать за подписомъ их выбранных при рапортахъ. Если же и послѣ этого воспослѣдуетъ волокита, то для понужденія по всѣмъ дѣламъ греческихъ судей опредѣленъ будетъ старшина полковий“.[1]) Въ присягѣ судьи обѣщались творить судъ правдиво и нелицемѣрно.[2]) Но присяга немного помогла. Такъ, греки Столевскій и Кировъ имѣли компанію по торговлѣ волошскимъ виномъ и рѣшили произвести расчетъ, для чего избрали судей. Несмотря на то, что дѣло не было окончено, присутствующіе въ братствѣ выдали Кирову свидѣтельство для полученія изъ нѣжинскаго магистрата паспорта на свободный выѣздъ за границу.[3])

Въ 1767 году Клобуковъ жалуется на греческихъ судей за потворство его должнику Чапѣ. Клобуковъ доносилъ, что ему задолжалъ иностранный грекъ и далъ ему вексель Чапы на 249 руб. Клобуковъ въ апрѣлѣ 1766 г. просилъ присутствующихъ Федосія Баладиму и Ралѣя Мушмула сыскать Чапу. Чапа былъ сысканъ, но когда онъ вошелъ въ избу, гдѣ происходило засѣданіе, то Баладима всталъ и вмѣсто вопроса о дѣлѣ, подошелъ къ Чапѣ, взялъ его за руку и, сказавъ ему что-то по-гречески, вышелъ съ нимъ во дворъ; продолжая тихонько разговаривать,

---

[1]) Х. И. А. М. К., № 12853.

[2]) Форма клятвеннаго обѣщанія для выбранныхъ въ греческомъ нѣжинскомъ братствѣ судей.

Азъ ниже именованный обѣщаюсь и кленусь Господу Богу всемогущему, во троицы единому, что в учрежденномъ семъ греческомъ братствѣ, правдою его божественною, по силѣ жалованныхъ тому греческому братству грамотъ, взирая обосторонне на истца и отвѣтчика, не прибавливая и не убавливая ничего судить буду и принимать сознанія, засѣдая на семъ судѣ со страхомъ Божіимъ, нелстя и не маня высокыхъ и низкыхъ достоинствъ людемъ, в правленіяхъ засѣдаюющимъ, не взирая на богатаго, ни на убогаго, ниже на друга кревнаго и искренняго своего, так как на сочлена или какую-либо особу благодѣтельствующую мнѣ, ниже соперника моего, внутренного и внѣшнаго, ни съ дружества, ни съ ухищренія, ниже страху и боязны, таkожде ниже за посули и дары, непринимая самъ собою, ниже чрез какои-либо персоны посредство и ниже послѣ ожидая какого воздаянія и награды или подарковъ жадныхъ, и не в злопамятствіе и пересудъ; такожде не совѣтовалъ я никому въ дѣлахъ на сей судъ послѣ вибору моего въ оній и совѣтовать не буду, пока присудствую в нем, не боясь казны, мщенія и угрози, но единого Бога имѣя пред очимы, правду его святую, все общее право и не порочную свою совѣсть; такожде хитрихъ умисловъ ни с кимъ в тѣхъ судахъ засѣдаюющымъ чинить не имѣю, совѣта и осторожносты давать не стану и засѣданій ради лѣносты своей опускать не буду; да и в сіе судное засѣданіе ни самъ собою, ни чрезъ кого другого не старался вступить и хитросты на то не употреблялъ в угодность кому-либо или для собственного своего какого-либо дѣла, и какъ в томъ справедливо присягаю, такъ мнѣ Господь Богъ да поможетъ в Троицы единои, а ежели несправедливо, да убіетъ мене Богъ на души и на тѣлѣ моемъ. Аминь“. (Х. И. А. М. К., № 4560).

[3]) А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 59, № 1467.

оба скрылись изъ глазъ и болѣе не возвращались. Клобуковъ ждалъ ихъ до 12 часовъ и не дождавшись „опротестовалъ“.[1])

Въ 1770 годахъ греческіе судьи тянули дѣло Леонарда о грабежѣ у него шелковыхъ товаровъ за долгъ Мантова почему было приказано предводителю шляхетсва наблюсти за греческимъ судомъ.[2])

Въ 1767 г., по указу малороссійской коллегіи въ градскій судъ, велѣно съ присутствующихъ братства взять штрафу 10 рублей за неисполненіе по тремъ указамъ коллегіи и за неприсылку рапорта по дѣлу шляхтича Якова Сенкевича, избитаго шинкаремъ грекомъ Стеріемъ. Деньги были взысканы.[3])

Въ 1768 г. по доношенію братчиковъ, Ананій присутствовать не можетъ по болѣзни, а Кумбурлѣй очень часто отлучался въ свои хутора по хозяйству и проводилъ тамъ значительное время.[4])

Въ свою очередь и братчики не относились къ присутствующимъ съ должнымъ уваженіемъ. Дѣйствительно, когда на грека Юрія Фарматѣя въ 1754 г. жаловался грекъ Иванъ Юрьевъ за побои, то присутствующіе потребовали Фарматѣя къ отвѣту Сначала они послали за нимъ братскаго служителя Остапа Паліоха. Послѣдній засталъ у Фарматѣя гостей Константина Кирициного шафора, да какого-то великороссійскаго купца. На приглашеніе явиться въ судъ Фарматѣй отвѣчалъ: „за гостьми не пойду“. Паліоха былъ посланъ во второй разъ. Фарматѣй сказалъ, что „у него дѣло есть и затѣмъ не пойдетъ“. Тогда братство послало другого служителя, Николая Барыпова, который 3 раза ходилъ къ Фарматѣю. Во время первой и второй посылки Фарматѣй сказалъ, что онъ продалъ шелкъ и не отвѣсивши не пойдетъ; за третьимъ же разомъ онъ заявилъ посланному: „прошу господ къ себѣ, яко де в мене пора кушать.[5]) Судьи братства были оскорблены, — „что призналось греческому братству за несносную обиду, противно высокомонаршимъ грамотамъ, коими между и инимъ всемилостивѣйше повелено греческому братству честь свою и цѣлость содержать, а онъ Фарматѣй столько ослушенъ явясь, нетерпѣливо изобидилъ присутствующихъ“. Поэтому рѣшено было посадить Фарматѣя подъ арестъ „вмѣсто надлежащаго ему оштрафованія.“ Тогда Діамандій Горголій, Иваниця Андреевъ, Иванъ Кумбурлѣй, Фемелій Дмитріевъ и Дмитрій Федоровъ, по уходѣ судей изъ присутственной избы, силой освободили Фарматѣя изъ-подъ ареста. Послѣ такого насилія судьи братства Самойло Пелепоновъ, Ив. Гребенча, Николай Евстафіевъ, Димитрій Юрьевъ, Іоаннъ Папазаферовъ, Евстафій Папафиловъ объявили первостепеннымъ купцамъ, что они отказываются исполнять свои обязанности и въ судебную избу не пойдутъ. Купцы — Иванъ Катаргаръ, Дмитрій Гаджаманъ, Анастасій Лигда, Ив. Мурайтъ, Ив. Леонтіевъ, Христодулъ Николаевъ, Панаіоти и Балюля, Фотій Константиновъ и др. — рѣшили разобрать дѣло помимо присутствующихъ. Но на собраніи не могли прійти ни къ какому результату, такъ какъ Кумбурлѣй и его

[1]) Х. И. А. М. К., № 22735.
[2]) А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 62, № 1562.
[3]) Х. И. А. М. К., № 25224 и № 20316.
[4]) Ibidem, № 4560.
[5]) Х. И. А. М. К., № 15294.

сторонники отстаивали свой поступокъ. Засѣданіе вышло бурное, „токмо за произшедшими от его, Кумбурлѣя, с товарищи при томъ собраніи ссорами ничего не учинено“ [1]).

Другой примѣръ. Дочь Мантова вышла замужъ за Метаксу. Послѣ смерти отца и матери она съ братомъ остались единственными наслѣдниками дома и лавки въ Нѣжинѣ. Но братъ отъ дѣлежа отказался и даже грозилъ сестрѣ выгнать ее изъ дому. Тогда она въ 1762 г. подала въ братскій судъ жалобу. Присутствующіе въ братствѣ три раза писали Николаю Мантову, чтобы онъ явился въ судъ. Мантовъ отвѣтилъ молчаніемъ. Тогда въ 4-й разъ былъ посланъ уже письменный „позовъ“ отъ суда съ копіями прошеній истца; при этомъ данъ былъ законный срокъ для отвѣта въ судъ и для представленія суду оправданія или возраженія на доказательства истца. Этого позва Мантовъ не принялъ и когда былъ посланъ Секера съ пятымъ позвомъ, то Мантовъ, „не пріемля этотъ позовъ, всунувъ оному сторожу въ пазуху, называя его собачьимъ сыномъ, и сказалъ, что онъ братству не слушаетъ, вывелъ сторожа изъ своей избы. И только когда судьи послали Николаю извѣщеніе о томъ, что они и безъ его присутствія рѣшатъ дѣло на основаніи правилъ, которыми они руководствуются, Мантовъ подалъ въ судъ письменное заявленіе, что это дѣло, „какъ дѣло по земству“ (о землѣ) онъ не считаетъ подсуднымъ братству, почему въ судъ и не явится.

Иные изъ братчиковъ непрочь были оклеветать свое братство. Такъ грекъ Христофоръ Шуна въ 1734 г. подалъ въ генеральную войсковую канцелярію жалобу на то, что братство, потворствуя его должникамъ, не разрѣшило его дѣла. Потомъ какъ оказалось изъ поданнаго въ генеральную канцелярію за подписью цѣлаго ряда братчиковъ доношенія, Шуна и не думалъ челобитствовать въ братство, а прямо отнесся въ генеральную канцелярію и, чтобы не получить отказа послѣдней, прибѣгнулъ къ клеветѣ [2]).

Цыгане старой Малороссіи.

(По архивнымъ документамъ.)

Народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ цыганъ, носитъ въ историческихъ документахъ и въ живомъ языкѣ разныхъ народовъ массу названій: почти среди каждаго народа и въ каждой странѣ существуетъ особое для него прозвище, иногда даже не одно [3]). Сами же цыгане никогда не называютъ себя этими именами; у нихъ существуютъ свои собственныя, а именно, самое распространенное — *Rom* (что̀ въ переводѣ означаетъ — мужъ, мужчина), *Romni* (жена, женщина), множеств. число — *Roma;* отсюда *romano* — цыганскій; *romnitschel* — цыганскій народъ;

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem, № 3313.
[3]) См. Патканова „Цыганы“ (С.-Пб. 1887 г.), стран. 17, 18.

romane tschave — дѣти Рома, цыгане. Другое имя — *Sinte* или *Sinde*, которое изслѣдователи приводятъ въ связь съ именемъ рѣки Sindhu (Индъ) или съ племенемъ Sindi (въ передней Индіи); наконецъ, цыгане очень часто называютъ себя *Kali*, т.-е. черные, отличая себя этимъ отъ бѣлыхъ — европейцевъ. Всѣхъ не-цыганъ они называютъ общимъ именемъ *gadžo* т.-е. купецъ, крестьянинъ, особа, человѣкъ и проч. (множеств. число *gadže)*, хотя у нихъ существуютъ и другія спеціальныя названія для отдѣльныхъ странъ и народовъ [1]).

У цыганъ нѣтъ ни историческихъ памятниковъ, ни историческихъ преданій, и только живой языкъ остается свидѣтелемъ ихъ исторической жизни. Поттъ и Миклошичъ [2]), изучивши нарѣчія цыганъ, установили тотъ неопровержимый фактъ, что языкъ цыганъ — языкъ индійскій, и родина ихъ есть Индія и при томъ именно сѣверо-западная часть Индіи.

Въ концѣ X в., какъ доказываютъ изслѣдователи, цыгане покинули свою индійскую родину и отправились странствовать, устремляясь все далѣе и далѣе на востокъ [3]), Что̀ заставило цыганъ покинуть свою родину, это составляетъ для насъ пока загадку, разрѣшеніе которой зависитъ отъ разработки исторіи тѣхъ странъ, откуда вышли цыгане.

Персидскіе и армянскіе элементы въ языкѣ европейскихъ цыганъ заставляютъ предположить, что цыгане не только прошли эти страны, но и имѣли тамъ продолжительную остановку.

Первая страна, въ которой кочевали цыгане по приходѣ въ Европу, была Греція [4]), такъ какъ во всѣхъ нарѣчіяхъ европейскихъ цыганъ, греческій элементъ играетъ значительную роль. Это предположеніе подтверждаютъ и письменные документы. Такъ, въ 1322 г. францисканецъ Simon Simeoniz встрѣтилъ цыганъ на островѣ Критѣ; въ 1346 году цыгане подъ именемъ homines vageniti упоминаются на островѣ Корфу; въ Валахіи они упоминаются подъ 1387 г., и только въ 1417 г. мы встрѣчаемъ ихъ въ средней Европѣ. Здѣсь они появились сначала въ незначительномъ количествѣ толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ вождей, которые величали себя графами и герцогами. За этой толпой цыганъ послѣдовалъ ихъ цѣлый рядъ, и цыгане все въ большемъ и большемъ количествѣ стали наполнять европейскія страны. Такъ, они проникли въ Италію, Германію, Францію, Испанію, Англію, Польшу, Литву, Швецію и Финляндію, а изъ Европы въ послѣднее время въ Америку и даже Австралію. Теперь все количество цыганъ можно исчислить въ 700—900 тысячъ человѣкъ.

Европейское населеніе приняло цыганъ сначала довольно благосклонно и отнеслось къ нимъ сочувственно, чему способствовали съ одной стороны грамота им-

---

[1]) См. Патканова, Ibidem, стран. 18, 19.

[2]) Dr Pott. Bie Zigeuner in Europa und Asien. Halle, 1844. Franz Miklosich. Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's. Wien. 1873. III. 7, 8.

[3]) Паткановъ, 20.

[4]) Таковы напр.: присутствіе въ цыганскомъ языкѣ члена *(o, i)*, чуждаго ново-индійскимъ нарѣчіямъ, а также языку азіатскихъ цыганъ, окончаніе нѣкоторыхъ именъ муж. рода на *os*, а также присутствіе множества греческихъ словъ (особенно числительныхъ) и пр. (Паткановъ).

ператора Сигизмунда, а съ другой тѣ разсказы, которые цыгане распространяли сами о себѣ. Разсказы эти очень сильно напоминають собой распространенную въ Европѣ легенду о вѣчномъ жидѣ, такъ что нѣкоторые изслѣдователи и самую легенду считають фабулой цыганскихъ разсказовъ. Когда же населеніе познакомилось со способами добыванія дневного пропитанія цыганами, то оно возопило противъ такого непріятнаго сообщества и обращалось къ правительствамъ съ просьбами избавить его отъ такихъ непрошенныхъ гостей. Къ несчастью для цыганъ былъ пущенъ слухъ, что цыгане шпіоны и соглядатаи, высланные турками въ Европу. И вотъ появляются повсемѣстно законы объ изгнаніи цыганъ. Въ 1580 г. былъ изданъ законъ, приказывающій бичевать каждаго цыгана, неповинующагося закону изгнанія. Цыгане въ западно-европейскихъ государствахъ стояли внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ: „убить цыгана выстрѣломъ изъ карабина — дѣло столь же законное, какъ убить волка или лисицу", говоритъ старинный афоризмъ Басковъ. Съ ними иногда обращались какъ съ дикими звѣрями; такъ, во время охоты при одномъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ, безъ всякаго стѣсненія убили выстрѣломъ цыганку и ребенка, котораго она кормила. Насколько тяжело было въ это время положеніе цыганъ, показываетъ тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ, особенно женщины, являлись сами къ властямъ съ просьбой прекратить ихъ жалкое существованіе.

Но всѣ жестокости были напрасны, и цыгане продолжали по прежнему перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Сильнымъ желаніемъ всѣхъ правительствъ было сдѣлать цыганъ осѣдлыми и при томъ земледѣльцами; это желаніе стало завѣтной мечтой правительствъ въ XVIII вѣкѣ, когда гуманныя идеи побудили европейскія правительства дѣйствовать болѣе умѣреннымъ образомъ. Мѣры, принимаемыя для этого правительствами, часто примѣнялись такъ неумѣло и нераціонально, что очень рѣдко приводили къ желаемому результату, и цыганъ по сіе время остается почти такимъ, какимъ видѣлъ его въ XIV в. на о. Критѣ Simon Simeoniz. Въ XVIII ст., несмотря на то, что къ цыганамъ стали относиться немного мягче, все-таки положеніе ихъ было тяжело, и законы относительно ихъ были бездушно жестоки. Напримѣръ, въ Венгріи у нихъ отнимали дѣтей, запрещали говорить на родномъ языкѣ и даже вступать въ бракъ между собой, а во Франціи даже въ началѣ XIX в. былъ совершенъ надъ ними цѣлый рядъ жестокостей. Въ настоящее время положеніе цыганъ въ западной Европѣ довольно сносно; хотя они и не вездѣ пользуются одинаковыми правами съ остальнымъ населеніемъ, но утѣшительно и то, что исключительные законы противъ нихъ уже перестали дѣйствовать (Патквновъ).

Въ Россію (по-цыгански: Šilelo temm — холодная страна) цыгане пришли двоякимъ путемъ: въ сѣверную часть изъ Польши, а въ южную прямымъ путемъ изъ Валахіи; по крайней мѣрѣ, въ языкѣ сѣверныхъ цыганъ мы встрѣчаемъ элементы греческаго, болгарскаго или сербскаго, румынскаго, венгерскаго, нѣмецкаго и наконецъ польскаго языковъ, а въ языкѣ южно-русскихъ цыганъ мы не встрѣчаемъ ни венгерскаго, ни нѣмецкаго, ни польскаго элементовъ (Миклошичъ).

Что касается цыганъ Малороссіи, то, вѣроятно, въ сѣверо-западную ея часть они проникли изъ Польши[1]), а въ юго-западную изъ Валахіи. Въ документахъ

[1]) Харьк. Историч. Архивъ Малор. Коллегіи, №№ 422, 2412.

архива Малороссійской Коллегіи мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній на переселенія цыганъ изъ Польши[1]); въ XVI же в. и въ началѣ XVII в. выселенія ихъ изъ центральныхъ частей Польши къ окраинѣ, т.-е. въ Малороссію, вѣроятно, были значительнѣе, чему могли способствовать декреты сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши[2]). Появились цыгане въ Малороссіи, вѣроятно, въ началѣ XVI в.[3]). Такъ, Руссовъ видѣлъ ихъ на Волыни въ 1501 г.; къ концу же XVI столѣтія они, должно быть, кочевали по всей Малороссіи. Въ документахъ малорусскихъ архивовъ прямыхъ указаній на время распространенія цыганъ по Малороссіи намъ не встрѣчалось, косвенныя же есть такого рода: въ 1750 г. цыгане въ поданномъ ими прошеніи между прочимъ писали: „за *прежде* бывшихъ въ Малой Россіи гетмановъ и за гетмана *Скоропадскаго* съ предковъ нашихъ и насъ цыганъ въ скарбъ войсковой окладу въ годъ брали по 120 руб. (Хар. Историч. Архивъ Мал. Кол. № 12706). На основаніи этого свидѣтельства безспорно можно предположить о существованіи цыганъ въ Малороссіи въ половинѣ XVII в. Въ малорусской Вертепной драмѣ, появленіе которой можно отнести къ концу XVI в., цыгану отведено не мало мѣста. (Кіев. Старина“, 1882 г., октябрь, стран. 2—38). Цыгане упоминаются въ войскахъ Богдана Хмѣльницкаго („Богд. Хмѣльницкій“, Костомарова).

Цыгане въ Малороссіи, какъ и вездѣ, представляли собой большею частью кочевой элементъ. Такъ, когда въ 1765 г. правительство собирало справки, то почти всѣ сотни донесли въ полковую черниговскую канцелярію, что цыганъ, имѣющихъ постоянное жительство, у нихъ нѣтъ, а бываютъ они только проѣздомъ на торгахъ и ярмаркахъ и иногда на зиму нанимаютъ себѣ квартиры у обывателей[4]). Но, кромѣ такихъ, были и осѣдлые; такъ, въ Понорницкой сотнѣ, въ томъ же 1765 г. было два цыгана, имѣвшихъ постоянное жительство и отбывавшихъ общенародныя повинности. Это мелочной фактъ, но что осѣдлыхъ цыганъ было сравнительно не малое количество, это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ указаній; такъ, напримѣръ, за нѣкоторыхъ бродячихъ цыганъ ручались иногда ихъ же соплеменники: за Илью Босаченка ручается Петро Бычокъ (житель Роиской сотни)[5]), поручителемъ же могъ быть только осѣдлый. Затѣмъ, въ Батуринѣ мы встрѣчаемъ двѣ осѣдлыя цыганскія семьи: семью Ющенковыхъ[6]) и семью Миненковыхъ, впослѣдствіи породнившіяся; въ Ямпольской сотнѣ видимъ семью Янковскихъ[7]); наконецъ, значительное количество цыганъ жило осѣдло на владѣльческихъ земляхъ и было записано въ ревизскихъ сказкахъ отдѣльно отъ бродячихъ[8]).

Число цыганъ въ Малороссіи очень часто колебалось; если обстоятельства были благопріятны, то число ихъ увеличивалось: они прикочевывали изъ Великороссіи[9]),

---

1) Харьк. Историч. Архивъ Малор. Коллегіи, №№ 20262, 22920.
2) Миклошичъ, 30.
3) Миклошичъ, ibidem.
4) Хар. Ист. Арх. Мал. Кол., № 2404.
5) Ibidem, № 422.
6) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.
7) Ibidem., № 2412 и 20950.
8) Ibidem, № 2412, 21393, 9336, 6899, 4938 и пр.
9) Ibidem, № 3452.

изъ слободскихъ полковъ [1]) или даже изъ Польши [2]); если же обстоятельства не благопріятствовали условіямъ ихъ жизни, то они откочевывали, чаще всего въ слободскіе полки, и число ихъ уменьшалось; такъ, крымскіе походы 1738 г. имѣли результатомъ уменьшеніе числа цыганъ, ибо военное положеніе края тяжелымъ бременемъ ложилось и на ихъ матеріальное состояніе [3]).

Цыгане внѣшнимъ образомъ принимаютъ религію народа, среди котораго имъ приходится кочевать, но внутренно они остаются вѣрны своимъ обычаямъ и суевѣріямъ. Цыгане въ Малороссіи уже въ XVIII в. были христіанскаго вѣроисповѣданія [4]), но принятіе его было, вѣроятно, простой формальностью. И теперь цыгане Польши и Россіи не придерживаются строго одной религіи и отличаются суевѣріемъ: не рѣдкость, напримѣръ, среди русскихъ бродячихъ цыганъ крещеніе одного и того же дитяти въ десяти мѣстахъ [5]); нѣтъ повода исключать отсюда малорусскихъ цыганъ, тѣмъ болѣе, что съ такимъ положеніемъ вещей сильно гармонируетъ мнѣніе народа: „Цыгане, якоі ты виры?“ „А тоби якоі треба?“ [6]) говоритъ про цыгана малороссъ. У литовскихъ цыганъ, близкихъ сосѣдей, а можетъ быть даже и кровныхъ родичей малорусскихъ цыганъ, господствовали, какъ видно, также древніе цыганскіе обычаи, на которые впослѣдствіи стали смотрѣть, какъ на суевѣріе. Литовское названіе цыганъ — baystrukos, т. е. незаконнорожденный (Миклош.), а извѣстно, что среди цыганъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, весь брачный ритуалъ состоитъ въ разбитіи кувшина: такой брачный союзъ, съ точки зрѣнія литовскаго народа, представлялся не болѣе, какъ простымъ сожительствомъ.

Имена малороссійскихъ цыганъ, встрѣчающіяся въ документахъ, почти всѣ христіанскія [7]). Фамиліи — малороссійскія или передѣланныя на малорусскій ладъ и оканчиваются большею частью на *енко* [8]); фамиліи цыганъ, вышедшихъ изъ Польши: Максимовичъ, Войцеховичъ, Янковскій [9]) и проч.; но попадаются фамиліи, которыя звучатъ совсѣмъ не по-малорусски, напр. Карафеца, Цинаро, Газунъ, Рохманянъ и т. п. [10]).

Кочевая жизнь цыганъ тѣсно связывала членовъ цыганской семьи, такъ что они рѣдко раздѣлялись. При главѣ семьи ютились всѣ младшіе ея члены; такъ, на-

---

[1]) Ibidem, № 2412.

[2]) Ibidem, № 2412, 422 и пр.

[3]) Ibidem, № 12706, 4921.

[4]) Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 6899, 4938 и пр.

[5]) „Новое Время“ 1886. № 3844.

[6]) Номисъ. Украински прыказки, прысловья и таке инше. 1864 г., стран. 60, № 3016.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 422, 2404, 2412, 19539, 22920 и пр.

[8]) Федоренко, Клотченко, Партиненко, Гиренко, Батиренко, Харахаенко, Грабченко, Ващенко, Дѣтненко, Степаненко, Мазничка, Зерняченко, Свинченко, Мизянченко, Богданенко, Дѣтній, Гриценко, Козорезенко, Золотаренко, Маковеченко, Бринзенко, Бѣлоусенко, Романовичъ, Хурсенко, Мурженко, Гуленко, Бабакъ, Валченко, Алексѣенко, Кириченко, Довгошій, Пинченко, Мащенко, Бабаченко, Ющенко, Миненокъ (-нко), Мина, Пѣвниченко, Бузенко, Заводскій, Киченко, Коваль, Сизій, Кобрикъ, Харченко, Дуденко, Мурченко, Михаленокъ, Козьменко, Юрченко, Чижикъ, Боженко, Вожаненко, Букачъ, Грабко, Вакуленко, Маяненко, Сѣдунъ, Козенко, Босаченко, Сосоенко (вм. Сысоенко?) и т. д. Фамилія Босаченко можетъ отчасти пояснить образованіе цыганскихъ фамилій: отецъ Босаченко прозывался Босакъ, сынъ его былъ записанъ Босакевичъ, а потомъ уже явились Босаченки. (Хар. Ист. Арх. М. К., № 422).

[9]) Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 422, 2412.

[10]) Ibidem, № 2412.

примѣръ, въ 1746 г. изъ Польши отецъ Янковскаго переселился со всѣми своими родственниками въ числѣ восьми человѣкъ, т.-е. вѣроятно цѣлымъ родомъ; въ 1740 г. Войцеховичъ переселился съ женой, дочерью и зятемъ. Въ документахъ мы имѣемъ перечень нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ, относящійся въ 1765 г.; онъ указываетъ на большой составъ семей по количеству и весьма разнообразный какъ по родственнымъ степенямъ, такъ и по возрасту ихъ членовъ [1]).

Тѣсная связь членовъ семьи не разрывалась даже и тогда, когда не было связывающаго звена, напримѣръ главы семьи, и когда каждый членъ семьи могъ бы жить отдѣльно. Такъ, братья Бобаченки живутъ „на единомъ хлѣбѣ, въ единомъ промыслѣ, вмѣстѣ, нераздѣльно“, по выраженію документа [2]); два брата Хурсенка представляютъ изъ себя одну семью: Дмитро Хурсенко — 32 лѣтъ; жена его — 29, сынъ — 6 и другой — 2, дочь — 11 и другая — 4; братъ его Михайло — 22, съ женой — 17 лѣтъ [3]).

Борьба съ неудобствами и невзгодами кочевой жизни связывала между собой не только членовъ одной семьи, но даже цѣлыя семьи. Доказательствомъ служитъ то обыкновенное явленіе, что цыгане кочевали таборами, т.-е. нѣсколько семействъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и дѣлили между собою всѣ невзгоды кочевой жизни. Изъ Смоленской губ. въ Глуховъ Черниг. г. на ярмарку цыгане прикочевали нѣсколькими шатрами; въ другомъ случаѣ изъ Смоленской же губ. прикочевали нѣсколько шатровъ съ бурмистромъ Ивановымъ во главѣ [4]); изъ Малороссіи въ слободскій полкъ и изъ слободскихъ полковъ въ Малороссію цыгане часто дѣлали перекочевки таборами и почти никогда одной семьей [5]).

Обыкновеннымъ жилищемъ цыганъ были шатры [6]); поэтому, напр., въ спискахъ, представленныхъ изъ Слабинской сотни, значится, что Козорѣзенко съ семьей живетъ однимъ шатромъ, Ѳедоръ Золотаренко съ семьей — однимъ шатромъ, Дмитрій Гуленко съ семьей — однимъ шатромъ, Андрей Бринзенко съ семьей — однимъ шатромъ [7]). И какъ у осѣдлаго населенія изба или дымъ были извѣстной единицей, напримѣръ, для сбора подати, такъ у цыганъ такой единицей былъ шатеръ; такъ, напримѣръ,

---

[1]) Первая семья. Юско Богданенко — 60 лѣтъ, вдовъ; сыновья его: Леско — 40 лѣтъ, Яковъ — 30, дочь Офросинья — 16; жена Леска Ульяна — 35; сыны Лесковы: Василь — 13, Грицко — 9, Андрей — 6, Степанъ — 4; дочери Лесковы: Анна — 10, Мотря — 5; жена Якова Варька — 30; сынъ Якова Петро — 4. Вторая семья: Иванъ Довгошій — 70; жена Анна — 60; внуки его: Павелъ Семеновъ Довгошій — 15; внучка Евдокія — 10, Горпина — 7. Третья семья: Грицко Дѣтній — 60 лѣтъ, жена Татьяна — 70, сынъ его Кирикъ — 40; жена Кирика Наталка — 38; дѣти Кирика: Федоръ — 6, Павелъ — 4, Лукьянъ — 1, Евдокія — 1. Четвертая семья: Микита Алексѣенко — 40; жена его Устина — 30; сыны: Леско — 16; другой Леско — 6; дочери: Ирина — 10, Параскева — 2, тесть Микиты Омелько Кириченко — 70. Пятая семья: Кузьма Валченко — 30, жена его Татьяна — 18, сынъ Федоръ — 3. Шестая семьи: Иванъ Пинченко — 45, жена его Евдокія — 30; сыны его: Иванъ — 10, Иванъ-полгода; дочери: Агафья — 15, Настя — 9, Настя — 4. Седьмая семья: Кузьма Мурженко — 50, жена — 45; сыну одному — 19, другому — 8; дочери одной — 20, другой — 6 лѣтъ. (Х. И. А. М. К., № 2404).

[2]) Хар. Ист. А. М. К., № 7321.

[3]) Ibidem, № 2404.

[4]) Ibidem, № 3452.

[5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 13962, 17030, 22920 и т. д.

[6]) Маркевичъ. Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ. Кіевъ, 1860 г., стран. 47, 49 (вертепная драма). Номисъ, стран. 21. Хар. Ист. Арх. М. К., № 13348.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.

съ упомянутыхъ выше смоленскихъ цыганъ, прибывшихъ въ Глуховъ, взяли съ шатра по 2 рубля.

Пища цыганъ Малороссіи была, вѣроятно, такая же, какъ и пища туземнаго населенія [1]); по крайней мѣрѣ, въ Вертепной драмѣ всѣ названныя цыганомъ кушанья ничего не представляютъ отличнаго отъ произведеній малороссійской кухни. Свиное мясо пользовалось особымъ предпочтеніемъ, а сало составляло лакомства для цыгана: „ласый, якъ цыганъ на сало“ [2]), говоритъ народъ про цыгана; „якъ бы я бувъ царемъ, то сало бъ ївъ, сало пывъ“ или: „якъ бы я бувъ царемъ, то вкравъ бы пудъ сала, та и втикъ бы [3])“ — говоритъ цыганъ устами народа. Куреніе табаку среди цыганъ было очень распространено: „тату сала! мамо люльки!“ [4]) смѣется народъ надъ цыганами, увѣряя, что это послѣднія слова цыганенка передъ смертью. Спиртные напитки при праздной жизни цыганъ были не послѣднимъ удовольствіемъ въ ихъ обиходѣ [5]).

Въ матеріальномъ отношеніи среди цыганъ господствовало громадное разнообразіе: среди ихъ встрѣчались люди богатые, зажиточные, посредственные и бѣдные, которые существовали милостынею; такъ, батуринскій цыганъ Василій Мина даетъ взаймы единовременно 200 руб., сумму по тому времени (1772 г.) довольно значительную, причемъ кромѣ этого онъ ссужаетъ еще и хлѣбомъ и т. п. [6]); цыганъ Павелъ Мащенко даетъ за своей дочерью въ приданое пару лошадей, два большихъ серебряныхъ кубка, изъ которыхъ за одинъ, по его словамъ, предлагали ему 25 руб., а другой онъ купилъ за 10 рублей, а къ этому было еще присоединено платье и прочіе женскіе уборы [7]). Въ документахъ мы имѣемъ подробное описаніе имущества нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ [8]). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ указывается только приблизительная цифра

---

[1]) См. Малорусскія сказки, собранныя Чубинскимъ (Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край, II т.), стран. 102, 121, 122, 123, 582. Маркевичъ, стран. 47, 48, 49. Номисъ и пр.

[2]) Номисъ, стран. 98, № 5055.

[3]) Ibidem, стран. 242, № 12367.

[4]) Ibidem, стран. 21.

[5]) Х. И. А. М. К., № 422.

[6]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 4938.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 7321.

[8]) Напримѣръ, имущество семьи Ивана Довгошія, состоящей изъ пяти душъ, составляли: четыре лошади, два вола, четыре скрыни; содержимое въ скрыняхъ — платье: кунтушъ женскій, кармазинный, ношеный; кафтанъ турецкій, голевій, ношеный; кунтушъ мужескій, лисій, подъ сукномъ, блакитный, саетовый, ношеный; кунтушъ скамитный, красный, съ сѣткою сребною кругомъ по бокамъ, женскій, ношеный; кунтушъ кармазинный, съ шнуркомъ сребнымъ, мужскій, ношеный; шуба волчья подъ сукномъ, блакитная, ношеная; кунтушъ кармазинный, старый, женскій, на лисяхъ; вещи: коцъ (коверъ) пристриганій, уже старый; полумисковъ цинованныхъ шесть, кугнанъ (кувшинъ) циновій, кружка серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; другая кружка серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; третья кружка серебряная, большая, гладкая, безъ позолоты, съ ручкой и крышкой; стаканъ большой столовый, съ крышкой и тремя гербами, серебряный; стаканъ серебряный, вызолоченный; стаканъ серебряный „подъ цапою“, весь вызолоченный; меньшій стаканъ серебряный, рисованный, съ середины вызолоченный; чашка сребная штукованная около береговъ, вызолоченная; стаканъ на трехъ пукликахъ, съ квѣтами подъ цапою, вызолоченый; чашка на трехъ пукляхъ, съ двумя ручками, и къ ней крышка на трехъ пукляхъ серебряная, вызолоченная кругомъ; чашка большая, съ четырьмя пуклями, съ двумя ручками, вызолоченная; чашка съ одною ручкою серебряная; серебрянный, позолоченный кугнанъ, большой съ носкомъ и съ ручкой; три пояса сребныхъ, бляхованныхъ, подъ позолоткою, четвертый поясъ бляхованный, сребній, безъ позолоты; сѣделъ 2; полушубковъ 2. — Иванъ Пинченко (семья изъ семи человѣкъ) имѣетъ: два коня, два воза, двѣ скрыни; въ скрыняхъ — платье: кунтушей женскихъ четыре заживанныхъ: первый

стоимости имущества, или же матеріальное состояніе характеризуется отвлеченнымъ терминомъ или описаніемъ образа жизни и занятій. Такъ, напримѣръ, два брата Хурсенка имѣютъ 6 лошадей и вещей рухомыхъ (движимыхъ) всего рублей на сто; Кузьма Мурженко съ семьей въ 6 человѣкъ имѣетъ вещей рухомыхъ рублей на 20; Юско Богданенко съ сыновьями по документамъ числится имуществомъ средственнымъ; Кузьма Валченко и Грицко Дѣтній имуществомъ крайне „нищетные"; Микита Алексѣенко и Омелько Кириченко имуществомъ „средственные"; Моисей Гриценко ничѣмъ не занимается, питается милостыней, лѣтомъ живетъ по разнымъ мѣстамъ, а на зиму нанимаетъ квартиру [1]).

Промыселъ цыганъ и ихъ занятія были настолько специальны, что во всѣхъ документахъ мы встрѣчаемъ такія выраженія: „бавятся обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ", „бадаются (занимаются) обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ [2])". Однимъ изъ главныхъ промысловъ составляла торговля лошадьми; этому занятію цыгане предавались со всей страстностью своей натуры, особенно же любимымъ занятіемъ была мѣна лошадей [3]). Эта страсть цыганъ попала даже въ поговорку: „минджуе, якъ цыганъ киньмы", говоритъ малорусскій народъ [4]). Лошади, выводимыя цыганами для продажи, не были породисты: никакая породистая лошадь не въ состояніи вынести всѣхъ лишеній кочевой жизни; это были клячи, изнуренныя длинными переходами, исхудалыя отъ безкормицы; такая лошадь, по словамъ народа, „день бижитъ, а три дни лежитъ [5])", „пивкорця ззисть, а мирки не довезе" [6]). Постоянное обращеніе съ лошадьми должно было научить цыганъ умѣнью ухаживать за ними и лѣчить ихъ, т.-е. развить среди нихъ коновальскій промыселъ. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Малороссіи цыганъ коноваловъ: въ Черниговѣ живутъ цыгане Иванъ Бѣлоусенко да Никита Романовичъ, занимающіеся коновальскимъ промысломъ; въ сотнѣ Слабинской живетъ однимъ шатромъ цыганъ коновалъ Андрей Бринзенко [7]). Далѣе, однимъ изъ важныхъ промысловъ цыганъ былъ промыселъ кузнечный. На языкѣ народа прилагательныя „цыганскій" и „ковальскій" равносильны [8]); изъ живущихъ въ Слабинской сотнѣ пяти хозяевъ цыганъ четыре занимаются кузнечнымъ промысломъ [9]). Кромѣ этихъ занятій, у цыганъ была масса другихъ способовъ для пріисканія себѣ дневного пропитанія; таковы: ворожба или гаданье, заговариванье отъ разныхъ болѣзней [10]),

---

саетовый зеленый, второй саетовый гвоздиковый, третій кармазинный красный съ позументомъ золотымъ одноличнымъ, четвертый зеленый саетовый; кафтанъ мужскій грезетовый блакитный ношеный; „зайци" подъ китайкою гранатовою ношеный; вещей: стаканъ большой, съ крышкою и съ тремя пуклями, серебряный, позлащенный, полумисковъ 2, тарелокъ цинованныхъ 2.

1) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.
2) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.
3) Маркевичъ, стран. 47. Хар. Ист. Арх. М. К., № 7774, 2412 и пр.
4) Номисъ, стран. 207, № 10603.
5) Ibidem, стран. 145, № 7543.
6) Номисъ, 199, № 10226.
7) Х. И. А. М. К., № 2404.
8) Номисъ, стран. 36, № 1858, стран. 113, № 5854.
9) Хар. Ист. Арх., М. К., № 2404, а также № 6899.
10) Хар. Арх. М. К., № 422.

отъ укушенія змѣй[1]); въ крайнемъ же случаѣ цыгане прибѣгали къ попрошайничеству[2]), и даже къ воровству[3]).

Къ земледѣлію цыгане всегда чувствовали отвращеніе, а потому имъ никогда и не занимались; такъ, когда въ слободскихъ полкахъ цыганамъ предложили земли въ Валуйскомъ уѣздѣ и въ Екатерининской провинціи, они всѣ отвѣчали, что земель имъ для хлѣбопашества не нужно[4]). И осѣдлые цыгане въ Малороссіи, какъ видно изъ документовъ[5]), никогда земледѣліемъ не занимались, а „бавились" цыганскими промыслами, и были наравнѣ съ „лошадейными малороссійскими промышленниками"; такъ напримѣръ, Янковскій, будучи осѣдлымъ и платя общенародныя повинности, занимался тѣмъ, что скупалъ для казеннаго завода кобылицъ[6]).

Поэтому содержаніе и прокормленіе цыганскаго населенія всецѣло ложилось на туземное. Во всѣхъ занятіяхъ цыганъ немаловажную роль играли обманъ и надувательство; а очень часто процвѣтали и болѣе противозаконныя занятія, напримѣръ конокрадство[7]).

Лѣтомъ цыгане обыкновенно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, вездѣ находя подножный кормъ для лошадей и посѣщая конныя ярмарки; зимой же они нанимали гдѣ-нибудь помѣщеніе для себя и для лошадей, платя за себя и за прокормъ лошадей извѣстную плату: такъ, Войцеховичъ и Босаченко за помѣщеніе и прокормъ платили въ сутки по денежкѣ съ лошади[8]). Но такъ какъ опредѣленныхъ занятій не было, а слѣдовательно и опредѣленныхъ доходовъ тоже не имѣлось, а за квартиру и за прокормъ лошадей платить было необходимо, то и приходилось прибѣгать очень часто къ нечестнымъ средствамъ[9]). Идетъ цыганка ворожить, заговаривать или лѣчить, — она идетъ не одна, а съ нею цѣлый таборъ, и въ то время, какъ она ворожитъ, а остальная ватага старается занять балагурствомъ хозяевъ, нѣкоторые изъ цыганъ высматриваютъ, гдѣ только можно, и стараются стянуть; такъ что съ появленіемъ цыганъ въ окрестности обыкновенно происходилъ цѣлый рядъ покражъ[10]). При такомъ положеніи дѣла народъ имѣлъ полное право сказать: „лихо, та не тихо: коло Махновки цыгане облегли[11])".

Но всѣ способы добыванія цыганами дневного пропитанія представляли собой такой ничтожный и мелкій заработокъ, что цыганамъ большею частью прихо-

---

1) Маркевичъ, стран. 52.

2) Маркевичъ, Номисъ, стран. 21. Чубинскій, стран. 583, Х. И. А. М. К., № 13962.

3) Хар. Ист. Арх. М. К., № 422.

4) Пол. Соб. Зак., т. XVII, № 12587.

5) Хар. Ист. Арх. М. К., № 4012 и пр. Маркевичъ. Номисъ, стран. 20.

6) Хар. Ист. Арх. М. К., № 20950.

7) М. И. А. Х. К., № 12170.

8) Ibidem, № 422, 2404.

9) Ibidem, № 22809.

10) Такъ, въ селѣ Рѣпкахъ цыгане во время зимовки въ нѣсколько недѣль совершили слѣдующія покражи: въ домѣ значковаго товарища Филимона Богдановича украли изъ незапертой коморы пять полтинъ; у вдовствующей сотничихи Бакуринской въ домѣ ея изъ незапертой скрыни — три рубля; у сына священника Леонтовича изъ кладовой деньги и вещи; у шинкаря Бакуринской — восемь руб.; у рудчанскаго жителя — семь рублей и рубашку. Покраденное цыгане обыкновенно дѣлили между собой. Хар. Ист. Арх. М. К., № 422.

11) Номисъ, стран. 41, № 2008.

дилось съ трудомъ влачить свое жалкое прозябаніе. По воззрѣнію народа, жизнь цыгана является вообще очень нищенской. Вотъ сценка изъ Вертепной драмы: молодой цыганъ, обращаясь къ отцу, говоритъ: „Иды, батько! маты казала вечерять". Отецъ: „Ащо жъ добраго вы тамъ наварылы?" Сынъ: „Казала маты: ничого". Отецъ: „А хлибъ же е?" Сынъ: „Де-бъ то взявся? нема". Отецъ: „Тамъ дарма; я тутъ зъ людьмы добрымы погарцюю, а вы вечеряйте соби здоровы[1])". А такія поговорки народа, какъ „цыгане будутъ сныцця (якъ хто, не вечерявши, спать лягае[2])", или: „мисяць — цыганьске солнце[3])" — раскрываютъ передъ нами всю непривлядную картину цыганскаго житья.

Малорусское населеніе къ цыганамъ относится безъ всякой враждебности и ненависти. Правда, народъ хорошо понимаетъ непріязненное отношеніе къ нему цыганскаго населенія: „не приходыцця, говоритъ онъ, цыгана дядькомъ звать"[4]), или: „такой ласки я и въ цыгана добуду[5])"; все же непріязненное чувство малоросса проявляется лишь въ осужденіи скитальнической жизни цыгана[6]) и въ юмористическомъ, добродушномъ подсмѣиваніи надъ нимъ[7]). Дѣло въ томъ, что цыганъ всегда ютится у простого народа; онъ не приставалъ къ высшимъ классамъ общества, какъ другіе иноземцы: „цыганъ тымъ не поганъ, — шутитъ народъ, — що зъ панамы ість"[8]), и если цыганъ божился и клялся, а въ то же время нагло обманывалъ, то дѣлалъ это единственно съ цѣлью поддержанія своего жалкаго существованія. Кромѣ того, цыгану не мало помогало еще его умѣнье вездѣ приспособиться; такъ, напримѣръ, въ Малороссіи пища, костюмъ, религія цыганъ были таковы, какъ и у туземнаго населенія; все это должно было примирять малорусское населеніе съ цыганами.

Цыгане въ Россію появились въ XVI в.; законодательныя же мѣры относительно ихъ возникаютъ лишь въ XVIII в.: въ 1733 г. явился указъ, предписывающій весь сборъ съ слободскихъ цыганъ отдавать на канцелярскіе расходы въ учрежденныхъ пяти слободскихъ полкахъ[9]). Русское правительство своими законодательными мѣрами относительно цыганъ представляетъ рѣзкую противоположность другимъ европейскимъ правительствамъ. Въ то время, какъ повсемѣстно въ западной Европѣ издавались указы о полнѣйшемъ изгнаніи цыганъ, а населеніе обращалось съ ними безпощадно жестоко, въ Россіи мы видимъ совсѣмъ другое: никогда еще не былъ изданъ въ Россіи законъ объ изгнаніи цыганъ, и законодательство русское, по словамъ Юридическаго Обозрѣнія, останется навсегда извѣстно тѣмъ, что оно никогда не угнетало цыганъ преслѣдованіями, и лишь иногда нѣкоторыя мѣстности Россіи были закрыты для цыганскаго населенія[10]). Русское правительство почти

---

[1]) Маркевичъ, стран. 47.
[2]) Номисъ, стран. 221, № 11311.
[3]) Номисъ, стран. 17, № 780.
[4]) Номисъ, стран. 283, № 850.
[5]) Номисъ, стран. 93, № 4769.
[6]) „Якъ не мають домивъ, щобъ щастя не мали", Номисъ, стран. 21.
[7]) Номисъ. Чубинскій, Малорусскія сказки. Маркевичъ.
[8]) Номисъ, стран. 23, № 1040.
[9]) Пол. Собр. Зак., т. IX, № 6430, стран. 157.
[10]) Пол. Собр. Зак., т. XV, № 10981.

никогда не выдѣляло цыганъ изъ общей массы населенія, но всегда старалось ихъ слить съ прочими обывателями и сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ; для этого оно затратило не мало средствъ, но результаты не оправдали тѣхъ затратъ, которыя были употреблены на цыганъ, и они продолжаютъ кочевать еще и теперь по всей Россіи, за исключеніемъ крымскихъ и небольшой группы московскихъ и петербургскихъ цыганъ[1]). Что касается малороссійскихъ цыганъ, то ихъ положеніе до конца XVII в., по всей вѣроятности, было сходно съ положеніемъ польскихъ цыганъ.

Въ Польшу цыгане явились, по предположенію Миклошича, во времена Владислава Ягелла; въ актахъ же они упоминаются въ первый разъ только подъ 1501 г., когда король Александръ выдалъ цыганскому войту Василію грамоту, которою дозволялось цыганамъ кочевать въ предѣлахъ Польши; лѣтъ же черезъ 50, именно въ 1557 г., послѣдовало постановленіе сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши. Это постановленіе сеймъ подтверждалъ въ 1565, 1578, 1607 и наконецъ въ 1618 гг.; но при слабости властей, по словамъ Миклошича, и при симпатіи народа къ цыганамъ, постановленія сейма не привели ни къ какимъ результатамъ, развѣ только къ тому, что можетъ быть усилили собой движеніе цыганъ къ окраинамъ Польши, т.-е. въ Малороссію. Въ 1671 г. польское правительство попыталось сдѣлать цыганъ осѣдлыми и дало имъ административное устройство: они стали въ зависимость отъ избираемаго ими самими начальника, который носилъ титулъ короля. Король этотъ утверждался Польскимъ королемъ[2]). Институтъ цыганскаго короля уже не засталъ цыганъ лѣвобережной Украйны, а коснулся только правобережной. Воспоминаніе объ этомъ живетъ и теперь среди малорусскаго населенія Подоліи въ поговоркѣ: „Сывысь (сивый еси) якъ цыганскій король[3])“. Русское правительство XVIII в. къ малороссійскимъ цыганамъ относилось крайне заботливо: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, оно старалось оградить цыганское населеніе отъ всякихъ обидъ и своеволій, напримѣръ, со стороны цыганскихъ атамановъ; съ откупщика взимался штрафъ за всякое съ его стороны насиліе надъ цыганскимъ населеніемъ[4]).

Цыгане лѣвобережной Украины раздѣлились, какъ и малороссійскіе обыватели, на десять полковъ; во главѣ каждаго полка стоялъ цыганскій атаманъ[5]). Цыганскіе атаманы, во время существованія откупа цыганскаго сбора, назначались откупщикомъ, хотя вѣроятно и съ вѣдома правительства[6]); а по уничтоженіи откупа атаманъ, какъ представитель всего цыганскаго населенія, назначался Войсковой Генеральной Канцеляріей[7]), причемъ цыгане имѣли право просить о назначеніи того или другого лица атама-

[1]) Паткановъ. „Новое Время“ 1886 г., № 3844. Скальковскій, Опытъ описанія Новороссійскаго края, стран. 317—320.

[2]) Паткановъ, 16.

[3]) Номисъ, 165, № 8640.

[4]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 22847 и пр.

[5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539 и 2404. Нужно замѣтить, что дѣленіе цыганскаго населенія и назначеніе цыганскихъ атамановъ не всегда совпадало съ дѣленіемъ Малороссіи на полки. Такъ, въ 1751 г. упоминаются только 7 атамановъ: „бьютъ челомъ цыганскіе атаманы: Тимошъ Панченко, Пилипъ Козенко, Михайло Золотаренко, Леско Ворonченко, Гаврило Панченко, Ничипоръ Федоренко, Петро Косяченко, со всѣми обще Малороссійскими и Волошскими цыганами“. (Х. И. А. М. К., № 12706).

[6]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 19539 и пр.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 2412.

номъ, а этотъ атаманъ въ свою очередь назначалъ полковыхъ атамановъ. Къ цыганамъ малороссійскимъ въ XVIII в. причислялись еще и волошскіе цыгане, которые управлялись своими атаманами[1]).

На обязанности атамана было вѣдать подвластное имъ цыганское населеніе: во время существованія откупа они были обязаны собирать съ цыганъ оброкъ; если правительству надо было разыскать какого-нибудь цыгана, то оно относилось къ атаману, подъ вѣдомствомъ котораго находился поименованный цыганъ. Имѣли-ли атаманы въ своихъ рукахъ полицейскую и судебную власть во время существованія откуповъ цыганскаго оброка, трудно сказать за недостаткомъ матеріала; по уничтоженіи же откуповъ въ 1757 г. имъ было дано право суда и расправы между членами цыганскаго населенія, а также на обязанности атамановъ было удерживать цыганъ отъ „непристойностей“ [2]).

По малороссійскимъ правамъ цыгане представляли собою классъ, стоящій ниже посполитыхъ простонародныхъ гражданъ. Такъ, за увѣчье, за нанесеніе раны и убійство цыгана взыскивалось въ половину противъ суммы за посполитыхъ простонародныхъ[3]). За свои преступленія цыгане подвергаемы были суду и судимы наравнѣ съ малороссійскими обывателями. Въ 1757 г., 14 іюня, атаманомъ Разумовскимъ былъ данъ Ивану Ющенко, цыганскому атаману, откровенный ордеръ, по которому Ющенко, а также и назначенные отъ него полковые атаманы должны были, удерживая цыганъ отъ непристойностей, чинить между ними судъ и расправу; дѣла же, которыя могли бы возникнуть между цыганами и малороссійскими обывателями, должны были быть разсматриваемы въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ[4]).

Рядъ реформъ, произведенныхъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Малороссіи, не прошелъ безслѣдно для цыганскаго населенія. Въ 1765 г., 10 октября, русское правительство произвело коренную реформу въ административномъ управленіи цыганъ: должность атамановъ была упразднена, каждый же изъ цыганъ обязанъ былъ выбрать себѣ мѣсто для постояннаго жительства и поступить подъ вѣдомство сотенныхъ и полковыхъ правленій наравнѣ съ другими обывателями; если же кто желалъ, то могъ остаться за какимъ угодно ему владѣльцемъ, какъ вольный подданный. Если цыгану нужно было куда-нибудь выѣхать, то онъ долженъ былъ взять паспортъ отъ сотеннаго или полкового правленія, смотря потому, кому онъ былъ подчиненъ, или отъ владѣльца,—съ точнымъ обозначеніемъ, кто онъ, откуда и зачѣмъ отпущенъ и на какой срокъ; паспортъ могъ быть выданъ только одному лицу, но не цѣлой

[1]) Ibidem, №№ 12706, 21976 и пр. Вотъ перечень цыганскихъ атамановъ 1739 г., при откупщикѣ Алексѣѣ Гречкѣ: въ Стародубскомъ полку — Алексѣй Мурженко, въ Черниговскомъ — Прокопъ Руденко, въ Нѣжинскомъ — Семенъ Пащенко, въ Кіевскомъ — Панко Москаленко, въ Галяцкомъ — Иванъ Бадола, въ Лубенскомъ — Иванъ Федоренко, въ Прилуцкомъ — Кузьма Андрущенко, въ Полтавскомъ — Василь Пиченко, въ Миргородскомъ — Семенъ Руденко, въ Переяславскомъ — Иванъ Косякъ; волошскіе атаманы: Федоръ Волошинъ, Захвиръ Волошинъ. Въ 1751 г. упоминаются семь атамановъ, которые перечислены выше. (Х. И. А. М. К., № 19539, 12706). Терминомъ „волошскій“ обозначалось, вѣроятно, происхожденіе цыганъ; это были выходцы изъ Молдавіи въ началѣ XVIII в.

[2]) Хар. И. Арх. М. Кол., № 12170.

[3]) См. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изд. подъ ред. проф. Кистяковскаго. Кіевъ, 1879 г., ст. 820.

[4]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.

семьѣ [1]). Мотивами такой реформы правительство въ своемъ указѣ выставило слѣдующее: во-первыхъ, атаманы, пользуясь неопредѣленностью положенія и матеріальнаго состоянія цыганскаго населенія, часто притѣсняли его и дѣлали несправедливости; далѣе, подъ именемъ цыгана могли скрываться, по выраженію указа, самые подлые люди — воры и шпіоны; и наконецъ, послѣдній мотивъ былъ тотъ, что бродяжничество цыганъ служило соблазнительнымъ примѣромъ для малороссійскихъ родимцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тоже начали шататься, причиняя обществу непокой, а себѣ не принося никакой пользы. Правительство понимало трудность исполненія этого указа и, боясь столкновенія властей съ цыганскимъ населеніемъ и злоупотребленія властью со стороны первыхъ, предписало: „постараться“ сдѣлать изъ цыганъ обыкновенныхъ гражданъ, не употребляя при этомъ насилія, но дѣйствуя кротостью, словами и убѣжденіемъ. Цыгане заявили, что они поселятся какъ постоянные жители, на такомъ-то мѣстѣ, а нѣкоторые даже и усѣлись было, но не надолго; такъ, часто случалось, что, взявъ паспортъ и отправившись на ярмарку, они не возвращались по цѣлымъ годамъ и перекочевывали по своему обыкновенію съ мѣста на мѣсто [2]).

Малороссійскіе цыгане платили въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ извѣстный оброкъ. Сборъ этого оброка въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. былъ на откупу [3]), и въ это время цыгане, по собственному ихъ заявленію, платили по 120 руб. въ годъ [4]); на основаніи указа Петра Великаго отъ 1723 г. и инструкціи, данной малороссійскимъ подскарбіямъ (1729 г. 20 мая), сборъ малороссійскихъ и волошскихъ цыганъ продолжалъ отдаваться на откупъ по прежнему. Для этого въ концѣ года, въ которомъ кончался срокъ откупа, была троекратная публикація: объявлялось въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и прочихъ надлежащихъ мѣстахъ, не пожелаетъ ли кто взять цыганскій сборъ на откупъ [5]). Всякій, кто пожелалъ бы, долженъ былъ подать заявленіе въ канцелярію малороссійскихъ сборовъ и явиться на торгъ; кто давалъ больше, за тѣмъ оставался откупъ. При отдачѣ откупа съ откупщикомъ заключался контрактъ. Откупная сумма вносилась откупщикомъ вся сполна, по прошествіи каждаго года, въ январѣ слѣдующаго; въ обезпеченіе же вѣрности платежа откупщикъ долженъ былъ представить поручителей „добрыхъ и пожиточныхъ“ [6]). Отъ откупщика требовалось, чтобы онъ не обременялъ цыганскаго населенія излишними налогами, а бралъ съ нихъ столько, сколько слѣдовало по ихъ ремесламъ; для этого откупщику выдавался реестръ, въ которомъ было показано, сколько долженъ вносить извѣстный цыганъ [7]). Въ случаѣ неисполненія этого обязательства, откупщикъ платилъ штрафъ; но, несмотря на такое стараніе со стороны правительства оградить цыганское населеніе отъ своеволія и притѣсненія откупщика, своеволія эти почти всегда бывали: противъ каждаго откупщика слышались среди

---

[1]) Ibidem, № 2404.
[2]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 3038, 13962.
[3]) Ibidem, № 21976.
[4]) Ibidem, № 12706.
[5]) Ibidem, №№ 4921, 2412 и пр.
[6]) Ibidem, № 2412.
[7]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539.

цыганъ жалобы на вымогательства[1]). Особенно въ этомъ случаѣ откупщики прибѣгали къ такому средству: они навязывали цыганамъ какую-нибудь свою вещь, требуя за нее гораздо дороже ея стоимости. Такъ, напримѣръ, откупщикъ Вятковскій, имѣя свой шинокъ, продавалъ цыганамъ водку по дорогой цѣнѣ и при этомъ заставлялъ ихъ брать водку именно въ его шинкѣ[2]); а откупщикъ Моисей Ющенко за накинутые Ѳедору Панченку „пукáлъ", а Грицку Панченку лохань вымогалъ съ нихъ 30 рублей, а съ цыгана Ивасенко 20 руб. за жупанъ. Атаманы, назначаемые откупщиками, обращались съ цыганами крайне жестоко. Такъ, полковые атаманы, назначенные атаманомъ Ющенкомъ, наносили цыганамъ „смертные раны топорами" и „причиняли бои и грабительства"[3]). Домъ откупщика освобождался отъ постоевъ и всякихъ повинностей[4]); откупшикъ и посылаемые имъ атаманы для сбора оброка освобождались отъ платежа на перевозахъ, мостахъ и гребляхъ.

Съ начала XVIII в. цыгане платили по 120 руб. въ годъ; въ 30-хъ годахъ откупная сумма возросла до 400 рублей и увеличивалась постепенно, такъ что въ 1750 г., она равнялась 1150 руб., а въ 1755 г., во время отмѣны откупа, 1424 рублямъ[5]). Откупная сумма взималась со всѣхъ цыганъ, „бавившихся цыганскимъ промысломъ"; каждый цыганъ вносилъ, вѣроятно, соразмѣрно своему заработку и имуществу. По реестру, данному въ 1739 г. Алексѣю Гречкѣ, съ Михаила Ющенка слѣдовало взять 18 рублей въ годъ; изъ реестровъ не уплатившихъ цыганъ, представленныхъ откупщиками Ющекомъ въ 1750 г. и Вятковскимъ въ 1753 г., видно, что размѣръ взносовъ съ разныхъ цыганъ простирался отъ 50 коп. до 10 руб. и болѣе въ годъ[6]).

Цыгане, внося въ Малороссійскій скарбъ оброкъ, были свободны отъ платы „ярмарковаго" сбора, но въ нѣкоторыхъ сотняхъ Миргородскаго и Нѣжинскаго полковъ они обязаны были платить и „ярмарковое": такъ, въ Городиской и Бирзенской сотняхъ на ярмаркахъ платили цыгане по 20 коп. съ человѣка, а въ сотняхъ Глухов-

---

1) Ibidem, № 2412, 11097, 22847, 12706, 9336 и пр.

2) Ibidem, № 2412.

3) Ibidem, № 21530.

4) Ibidem, № 2412, 19539, 20445.

5) Въ архивѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ вопросу объ откупахъ цыганскаго сбора. Въ 1731 г. цыганскій сборъ былъ отданъ съ торговъ цыганскому атаману Михайлу Ющенку впредь на три года, т.-е. 1732—34 гг., съ платой въ годъ по 392 руб. 70 коп. Въ 1734 году на торги явились: крестьянинъ князя Барятинскаго и тотъ же Михайло Ющенко; но по 22 пункту Коммерцъ-Коллежскаго регламента крестьянину было отказано, и откупъ снова пришлось отдать за ту же сумму впредь на три года. Въ 1737 г. состоялись снова торги и откупной сборъ былъ отданъ впредь на три года съ платой по 526 руб. въ годъ Глуховскому жителю Алексѣю Гречкѣ. Съ 1741 г. откупной сборъ держалъ три года глуховскій житель Иванъ Манзя за 860 руб. въ годъ. Въ концѣ 40 и началѣ 50 гг. появляются прошенія цыганъ объ уменьшеніи откупной суммы, ибо, какъ заявляли они, число цыганъ уменьшилось и сами они крайне обѣднѣли, благодаря неурожайнымъ годамъ и падежу скота, и Моисей Ющенко, державшій въ это время откупъ уже по 1150 руб. въ годъ, отказался держать его за ту же самую сумму. Просьба цыганъ не была уважена; но такъ какъ никто не явился на торги, то откупъ на 1751 г. былъ отданъ за ту же самую сумму Василію Миненку и Ивану Моисеенку, которыхъ выбрали сами цыгане. На 1752—54 гг. откупъ цыганскихъ сборовъ былъ отданъ нѣжинскому значковому товарищу Ивану Вятковскому за 1404 руб. въ годъ, но Вятковскій въ 1754 году умеръ, и сборъ съ цыганъ на 1755 г. перешелъ къ цыганскому атаману Ивану Ющенку съ платой по 1424 рубля. Въ силу именного указа 1755 г. (2 апрѣля), которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ, былъ „отрѣшенъ" и сборъ съ цыганъ. Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 2412, 20950, 19539, 12706, 21976, 6127, 5919, 4921, 7774.

6) Х. И. А. М. К., № 20950 и 2412.

ской и Кролевецкой они платили отъ гурту, смотря по договору, по 3, по 5, и по 6 руб.[1]). Цыгане очень часто уклонялись отъ платежа сбора: когда приходилъ срокъ платежа, то они уходили въ слободскіе полки или прибѣгали къ протекціи; особенно послѣднее было сильно распространено, такъ что для пресѣченія этого былъ данъ откупщику Вятковскому 1753 г., 10 сентября, отъ гетмана ордеръ, которымъ запрещалось брать цыганъ подъ протекцію[2]). Тѣ цыгане, которые отбывали общенародныя повинности, платили порціонныя и раціонныя на консистентовъ и по ревизіи были помѣщены въ статьѣ нищетныхъ, были свободны отъ платы откупщику.

Въ 1755 г., въ силу именного указа, которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійскій скарбъ, былъ отмѣненъ сборъ и съ цыганъ, и до 1765 г. каждый цыганъ-хозяинъ обязанъ вносить только въ пользу полковыхъ цыганскихъ атамановъ по 20 коп.[3]). Жившіе же на владѣльческихъ земляхъ цыгане, а также отбывавшіе общенародныя повинности остались на прежнихъ основаніяхъ[4]).

По уничтоженіи откупа Иванъ Ющенко просилъ о назначеніи его атаманомъ всего цыганскаго населенія, представляя въ своемъ прошеніи тотъ мотивъ, что ему нужно собрать съ цыганъ недоимки за первую треть 1755 г. Просьба была уважена, и Ющенко получилъ атаманство съ правомъ назначать полковыхъ цыганскихъ атамановъ, а также чинить судъ и расправу надъ цыганами[5]).

Въ 1756 г. батуринскій житель, цыганъ Василь Миненко, подалъ въ Генеральную канцелярію заявленіе, что откупъ цыганскаго сбора въ слободскихъ полкахъ находится въ его рукахъ и, такъ какъ цыгане Малороссіи ничего не платятъ, то цыгане изъ слободскихъ полковъ предъ началомъ платежа уходятъ въ Малороссію и уклоняются отъ платы оброка; поэтому онъ, Миненко, просилъ назначить его товарищемъ Ющенка, тѣмъ болѣе, что онъ еще родственникъ (тесть) Ющенка. Просьба Миненка была уважена. И вотъ явилось нѣчто въ родѣ двоевластія въ цыганскомъ атаманствѣ[6]).

Миръ и согласіе между атаманами продолжались не долго; скоро они не поладили между собой. Миненко отмѣнилъ атамановъ, назначенныхъ Ющенкомъ, безъ вѣдома послѣдняго, не потребовавъ отъ нихъ отчета въ недоимочныхъ сборахъ, которые они обязаны были собрать съ цыганъ; поэтому Ющенко просилъ ордера изъ Генеральной канцеляріи о запрещеніи Миненку поступать въ другой разъ безъ вѣдома Ющенка, на что и былъ выданъ ему ордеръ. Миненко, вѣроятно мстя своему зятю, подалъ на него прошеніе, въ которомъ доносилъ, что Ющенко чинитъ цыга-

[1]) Ibidem, № 2412.

[2]) Х. И. А. М. К., № 2412.

[3]) Ibidem, № 2404.

[4]) Такъ, изъ списковъ 1765 года видно, что Иванъ Бѣлоусенко, живя въ Черниговѣ своимъ дворомъ, платитъ въ магистратъ Черниговскій 50 коп., кромѣ 20-копеечнаго сбора въ пользу атамановъ; въ Понорницкой сотнѣ 2 цыгана, имѣвшіе постоянное жительство и отбывавшіе общенародныя повинности, въ казну Ея Величества вносили: Дмитро Хурсенко по 2 руб., а Кузьма Мурженко по 16 коп. въ годъ; далѣе, три цыгана (Богданенко, Дѣтній и Алексѣевъ) показали, что уже восьмой годъ находятся подъ вѣдомствомъ бунчуковаго товарища Лисенка и платятъ ему: первый по 5 руб., второй по 3 руб. и третій по 2 рубля, съ правомъ свободы отъ отбыванія барщины. Х. И. А. М. К., № 2404.

[5]) Х. И. А. М. К., № 2412.

[6]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.

намъ „здирства и озлобленіе". Явилось 14 человѣкъ, которые показали на Ющенка искъ въ размѣрѣ 356 руб. И какъ прежде полковые цыганскіе атаманы просили, чтобы Ющенко былъ ихъ атаманомъ до самой смерти, такъ теперь они, благодаря, должно быть, проискамъ Миненка, просятъ объ отрѣшеніи Ющенка отъ должности. Миненко достигъ своего: Иванъ Ющенко былъ отрѣшенъ, а цыганскимъ атаманомъ въ 1763 г. былъ назначенъ Василій Миненко (или Миненокъ[1]).

Въ 1765 году, 10 октября, цыганскіе атаманы были отмѣнены, и цыгане были поставлены въ зависимость отъ сотенныхъ полковыхъ правленій и сравнены съ прочими обывателями.

Таковы важнѣйшія данныя о цыганахъ въ Малороссіи, заключающіяся въ архивныхъ документахъ Малороссійской Коллегіи въ Харьковѣ.

Д. Ч. П. У. С. Оп. 8, в. XI, № 319, л. 11—12.

Подчиненному въ полковой Гадяцкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комишанского Золотаревского циганъ Иванъ Василенко въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ 1749 году февраля 22 дня.

Вопросы.	*Отвѣты.*
1. Гдѣ ти родился и прежде сего жительствовалъ, такожъ нынѣ имѣешь ли гдѣ свой домъ и въ немъ другое какое имущество и въ чіемъ то состоитъ смотрѣніи.	Циганъ Иванъ Василенко показалъ на 1. Родился де онъ Нѣжинского полку сотнѣ Борзенской въ селѣ Бретановцѣ жительствовалъ при отцу своему цигану Василю Фуки и матери Вѣцки цигана Василя Изди дочери въ ономъ селѣ Бретановцѣ годовъ съ десять, а потомъ лѣтними временами ходилъ по разнимъ мѣстамъ, а зимовалъ Нѣжинского полку въ селѣ Комаровцѣ четири зими, въ селѣ Бакаевцѣ одну зиму идѣже и мать его умре и Переяславского полку въ мѣстечку Басанѣ а одну зиму, въ мѣстечку жъ Воронковѣ одну жъ зиму, гдѣ и оной отецъ его умре; по смерти жъ оного отца его онъ Василенко зъ Воронкова пошедши з братомъ своимъ отъ него старшимъ Михайломъ Василенкомъ и женою его Вѣвдею цигана Семена Котенка дочерю, оного жъ Переяславского полку сотнѣ Баришовской въ селѣ Скопцяхъ одну зиму и оттуда пошедши лѣтного времени Лубенского полку сотнѣ Пѣратинской въ село Митченки, въ томъ селѣ на дочери цигана Ивана Бѣгуненка Вѣвдѣ женился; и потомъ отшедши отъ вишеписаннаго своего брата, Лубенского полку сотнѣ Лохвицкой въ селѣ Свиридовки одну зиму; а по миновеніи лѣта какъ

[1]) Ibidem, № 2412.

пришелъ на зиму сотнѣ Глинской въ село Ярошовку то тамо находившійся циганъ, жени его Василенка родній дядя Өедоръ Бѣгуненко, обявивши ему Василенку отца его на десять рублей облѣкъ, его Василенка взялъ въ годовую службу на пять годъ въ которой онъ какъ находится, тому уже слѣдуетъ пятій годъ, чрезъ тое жъ все время жилъ онъ при немъ Бѣгуненку въ ономъ селѣ Ярошовцѣ; прошлого жъ 748 году въ Филиповъ постъ съ онимъ Бѣгуненкомъ и пришедшимъ въ оное жъ село Ярошовку въ прошломъ 747 году циганомъ, умѣющимъ дѣлать золотарство Степаномъ Кавяченкомъ (которой скоро по приходѣ его онимъ Бѣгуненкомъ за долгъ жени его въ службу взятъ и въ той службѣ и до сего онъ находится) пошли съ оного села Ярошовки и пришедши полку Гадяцкого сотнѣ Калишанской въ село Остаповку, нанялъ оной Бѣгуненко на зиму хати: одну въ казака тамошного прозиваемого Зайця а имени его онъ знать не можетъ къ прожитю себѣ съ нимъ Василенкомъ, да другу въ казаковъ Ивана и Миколи Телепненковъ къ жилю оному Кавяченку и въ тѣхъ хатахъ сами они цигане жительствовали отъ Филипова посту по сей февраль мѣсяцъ, онъ же де Василенко нигдѣ дому своего не имѣетъ, а какое въ его имѣется имущество, тое находится въ жени его въ ономъ селѣ Остаповцѣ.

2.

Сискавшіесь в тебѣ воровскія деньги полтинники и денежки гдѣ отколь и когда тебѣ достались или самимъ тобою дѣлани и ежели ве самимъ дѣлани то въ какихъ точно мѣстахъ изъ твоего ль самого умишленія или съ чимъ согласіемъ и не вѣдаетъ ли кто другой о томъ и отъ котораго времени таковія воровскія деньги дѣлать началъ и сколько ихъ

На 2.

Сискавшіесь въ него воровскія деньги полтинниковъ три и денежокъ пять достались ему отъ вишеписанного хозяина его Бѣгуненка таковимъ случаемъ, какъ сего февраля 14 дня оной его хозяинъ, нанявши за тридцать копѣекъ въ подводу козака Остаповского Андрея Киселенка, посилалъ его Василенка для викупленія заставленнихъ онимъ Бѣгуненкомъ вещей полку Лубенского сотнѣ Роменской въ села Бѣловодъ, Коржи и Ярмолинцы, то тогда далъ ему денегъ онихъ воровскихъ полтинниковъ три (кои велѣлъ ему гдѣ-нибудь въ селахъ на мелкія размѣнять), да денежокъ полтора рубля съ четырнадцятма копейками, между коими било до половини воровскихъ а остатніе настоящіе и потому онъ Василенко, пріѣхавши въ Бѣловодъ, викупилъ тамо заставленной онимъ его хозяиномъ въ Опанаса Кушнера кожухъ за пятьдесятъ копеекъ; в Коржахъ в Грицка Кравка очепокъ матеріяльной зеленой за сорокъ копеекъ да въ жени

всѣхъ сдѣлалъ и куда онія употреблялъ и съ вѣдома ль что воровскіе или подъ видомъ настоящихъ и какіе у тебя къ дѣланію оnихъ воровскихъ денегъ инструменти имѣются и гдѣ оніе именно содержишь?

шинкарчихи полумисочокъ циновой [1]) за тридцать копеекъ; и въ Ярмолинцахъ въ тамошнего жителя козака Василя, а прозванія его знать не можетъ, точило за сорокъ копеекъ; онимъ же людямъ отдалъ онъ деньги все предпоказанними денежками; а тѣхъ селъ какъ возвратившись слѣдовалъ въ означенное село Остаповку и заѣхавши путемъ сотнѣ Лохвицкой въ село Пески, тамо въ шинку намѣревалъ одного полтинника размѣнять и показалъ оніе полтинники, то оніе признавъ за воровскіе, взято его Василенка съ означенними деньгами и представлено тамошнему приказчику, а имени и прозванія его знать онъ не можетъ и тамо взято въ него писаромъ, коего также имени и прозванія не вѣдаетъ, съ предписанниxъ вещей точило, полумисочокъ и очепокъ, а оттоль отослано его въ Лохвицю гдѣ асаулцями помянутой кожухъ въ него взято; з Лохвицѣ жъ, по допросѣ, въ Комишну; а съ Комишной въ полковую Гадяцкую канцелярію, предреченниxъ же воровскихъ денегъ онъ Василенко не дѣлалъ, но дѣлани оніи обявленними хозяиномъ его Бѣгуненкомъ и золотаремъ Ковяченкомъ, онъ же Василенко только при томъ дѣланнѣ денегъ по принужденію оного своего хозяина билъ и мѣшкомъ ковальскимъ дулъ, а дѣлани оніи сего году послѣ праздника Богоявленія Господня (а какого именно числа вѣдать онъ не можетъ) ночного времени въ вишеписанной нанятой въ казаковъ Остаповскихъ Телепненковъ хатѣ въ сѣнѣхъ и сдѣлано только вишеобъявленніе полтинники три, кои дѣлани въ видавленной з глини на полтинникъ формѣ з снижу, а побѣлювана в черепку глиняномъ в ростопленной з соломиняком цинѣ, денежок же прежде того за четири вечери шестьдесятъ сдѣлано при немъ же Василенку, з мѣди въ такой же глиняной формѣ да еще, какъ оной Ковяченко обявлялъ прошлого 748 году лѣтного времени въ жнива намъ, Ковяченком съ принужденія оного хозяина ихъ Бѣгуненка подъ селомъ Ярмолинцами въ шатрѣ его Ковяченка сдѣлано таковихъ же воровскихъ денежокъ за шесть вечеровъ одного рубля, а тое чинено зъ самого оного Бѣгуненка умишленія, а не по чіему согласію и о томъ дѣланіи воровскихъ денегъ вѣдала жена оного Бѣгуненка Ульяна Остаповна Ковяченкова, Гапка Якимовна и его Василенкова Вѣвдя Ивановна (кои нинѣ находятся въ вишепомянутомъ селѣ Остаповцѣ) а большъ чтобъ

[1]) Цинковый.

кто о томъ зналъ, тако жъ отъ котораго времени они Бѣгуненко и Ковяченко таковие воровскіе деньги дѣлать начали и сколько ихъ сдѣлали и о томъ, куда оніе кромѣ вишеписанниxъ за викупку объявленниxъ вещей намъ Василенкомъ между настоящими денежками за настоящіе отдапниxъ (которихъ сколько точно било не знаетъ) употреблени и предпоказанніе къ дѣланію ониxъ воровскихъ денегъ инструменти гдѣ содержатся и имѣются ли въ наличности или ни, того всего онъ Василенко не вѣдаетъ.

3.	На 3.
Кромѣ того не билъ ли ти еще и на другихъ какихъ злодѣяніяхъ или того, а особливо такова жъ дѣланія воровскихъ денегъ, за кимъ другимъ не вѣдаешь ли?	Онъ Василенко ни на какихъ (кромѣ вишеписанного) злодѣяніяхъ не бивалъ и того, а особливо такова жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ни за кимъ больше не вѣдаетъ же.

Къ сему допросу вомѣсто вишеписанного неграмотного цигана Ивана Василенка полковой канцеляріи подканцеляристъ Сидоръ Пащевскій по его прошенію руку приложилъ.

Д. Ч. П. У. С. оп. 8, в. XI, № 319 л. 13—15.

По состоявшемуся въ полковой Гадяцкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комышанского Золотаревского циганъ Ѳедоръ Бѣгуненко въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ. 1749 году февраля 22 дня.

Вопросы.	*Отвѣты.*
1.	Циганъ Ѳедоръ Бѣгуненко показалъ на 1.
Гдѣ ты родился и прежде сего жительствовалъ, такожъ нынѣ имѣешь ли свой домъ и въ немъ другое какое имущество и в чіемъ тое состоитъ смотрѣніи.	Родился онъ Лубенского полку сотнѣ Глинской въ селѣ Вовчомъ, жительствовалъ при отцу своему цигану Андрею Бѣгуненку и матери Домахы, а чія она дочь знать не можетъ, въ ономъ Лубенскомъ полку по разныхъ мѣстахъ до совершенныхъ лѣтъ; и оженился на дочери цигана Мирона Цѣвенка дѣвкы Фескѣ; и послѣ той его женитби жылъ при оныхъ своихъ родителяхъ годовъ съ пять, въ ономъ же Лубенскомъ полку по разнимъ селамъ работаючи ремесло ковальское; какъ же мать его умре а отецъ отшелъ отъ него къ зятю своему цигану Ивану Пащенку, то послѣ того пожывшы онъ Лубенского полку по разнымъ мѣстамъ го-

довъ съ тры, пошелъ съ Лубенского въ Переяславскый полкъ и жывъ съ оною своею женою въ томъ полку по разнымъ мѣстамъ годовъ съ восемь; когда жъ оная его жена тамо умре то онъ пошелъ оттоль пакы въ Лубенской полкъ и пришедшы сотнѣ Лохвицкой въ село Ярошовку, тамо женился на другой женѣ малороссіянкѣ Проскѣ а чія дочь не знаетъ, и въ томъ селѣ на свободномъ владѣльческомъ мѣстѣ построившы домъ, въ томъ дому какъ жительствуе, тому уже слѣдуетъ восьмій годъ, гдѣ и нинѣ оная жена его тако жъ и все его имущество находится; онъ же де Бѣгуненко прошлого 748 году въ Фылиповъ постъ соглашаясь съ циганомъ Иваномъ Ковалемъ по той необходимосты, что тамо продовольствовать лошадей било нечимъ, взявшы въ прикажчика Ярошовского и в Бурковского пашпортъ, съ онымъ пашпортомъ пошелъ зъ Ярошовкы и пришедшы Гадяцкого полку сотнѣ Комышанской въ село Остаповку, нанялъ въ томъ селу в козака прозиваемого Зайця а имени его не вѣдаетъ, хату и въ той хатѣ з онимъ циганомъ Ковалемъ и невѣсткою его Бѣгуненка вдовою Ульяною да двома его жъ дочкамы девкамы Маріею и Евдокіею жилъ даже доселѣ гдѣ и оной его пашпортъ и нинѣ находится.

2.	На 2.
Циганъ Иванъ Василенко находится ль въ тебе воуслуженіи и ти его въ то услуженіе къ себѣ взялъ гдѣ, какого именно времени и почему?	Циганъ Иванъ Василенко въ оного Бѣгуненка во услуженіи не находится и онъ Бѣгуненко его ни за что ныкогда въ таковое услуженіе не взималъ и пришелъ въ Остаповку уже послѣ его Бѣгуненка, во окончаніи прошлого 748 года на Рождественнихъ святахъ и нанявшы особо хату, въ той хатѣ жительствовалъ.
3.	На 3.
Сего февраля 14 дня ты нанявшы козака Остаповского Андрея Киселенка посилалъ ли съ нимъ оного Василенка для выкупленія заставленнихъ тобою какыхъ вещей полку Лубенского сотнѣ Роменской въ села Бѣло-	Сего февраля 14 дня онъ Бѣгуненко козака Остаповского Андрея Киселенка въ подводу нанималъ и на той подводѣ оного Василенка сотнѣ Роменской въ села Коржѣ, Бѣловодъ и Ярмолинцѣ для викупу его Бѣгуненка вещей, а именно въ Бѣловодѣ, въ Кравця коего имени и прозванія знать не можетъ, кожуха, а въ Коржахъ въ шинкаркы, не вѣдаетъ чіей и имены ей и прозванія, полумисочка да и въ тамошнего поповича краветство дѣлать умѣющаго, а имени и прозванья его тоже не вѣдаетъ, очепка, и для взятя оставленного нымъ Бѣгуненкомъ въ селѣ Ярмоловцѣ, въ жителя

водь Коржу и Ярмолинцу и до кого именно и при той посылкы далъ ему денегъ воровскихъ полтынниковъ три и велѣлъ гдѣ-нибудь въ селахъ на мелкыя розменять, да и денежокъ полтора рубля съ четырнадцатма копейкамы и между оными били ль и воровскіе и сколько числомъ?

тамошнего, имены жъ и прозванья его не знаетъ, точила посилалъ; къ чему онъ Василенко поѣхать похотѣлъ для того что де въ тѣхъ селахъ и его Василенка товарища Стефана Ковяченка (какъ онъ Василенко обявлялъ) имелысь взята в Бѣловодѣ запаска красна штаметова а в кого вѣдать не можетъ, да въ новой греблѣ лѣтныкъ женскый в атамана прозиваемого Брезеды, а имены его не упомнитъ, при посилкы же де оного Василенка въ показанные села воровскихъ полтинниковъ трохъ не давалъ, и гдѣ-нибудь въ селахъ размѣнывать не приказывалъ, а далъ оному Василенку одинъ только полтинныкъ цѣлковій коего онъ Бѣгуненко на мелкые денгы виминялъ въ Остаповского жытеля Савкы Шевця, потому что тотъ Кравецъ, въ якого кожухъ его Бѣгунка билъ, велѣлъ ему къ викупу того кожуха привезть цѣлкового полтынныка, тако жъ и денежокъ не полтора рубля съ четырнадцатма копейками, но всего мелкыхъ денегъ, денежокъ и шаговиковъ, имѣвшихся въ него Бѣгунка — сорокъ, да позиченныхъ нымъ въ Остаповского дяка старого, кой и нынѣ дякуетъ, сорокъ же копеекъ и того, причисляя къ нимъ и цѣлкового полтинника, всѣхъ рубль и тридцать копеекъ далъ и между оными денгами воровскихъ ниже́ малого числа не било, но билы всѣ настоящіе, нымъ зъ ковальского его майстерства заработанніе и въ означенного дяка позыченные.

4.

Означенные воровскіе денгы тобою ль съ другимъ твоимъ служителемъ Стефаномъ Ковяченкомъ при битности и показанного Василенка дѣланы въ какыхъ точно местахъ, и з чего, и какимъ образомъ, и какого времены и твоего ль самого умишленія или съ чіимъ согласіемъ и не вѣдаетъ ли кто другой о томъ кромѣ оныхъ Василенка и

На 4.

Онъ де Бѣгуненко ни самъ и ни зъ Степаномъ Ковяченкомъ (кой не его служитель и жительствовалъ въ Остаповкы до сего въ одной съ помянутымъ Василенкомъ хатѣ и ни скимъ другымъ ныкакыхъ воровскихъ денегъ ныкогда не дѣлалъ и таковыхъ воровскыхъ денегъ въ себе не имѣлъ и къ дѣланію оныхъ воровскыхъ денегъ ныкакыхъ инструментовъ въ него не било и не имѣется.

Ковяченка, и отъ котораго времени таковіе воровскые деньгы дѣлать началъ, и сколько ихъ всѣхъ дѣлалъ, и куда оные употреблялъ и съ вѣдома ль, что воровскые или подъ видомъ настоящихъ, и какіе у тебе къ дѣланію оныхъ воровскихъ денегъ инструменты и на какую монету имѣются и гдѣ оніе именно содержишь?

5.

Кромѣ того не билъ лы ты еще и на другихъ какыхъ злодѣяныхъ илы того, а особливо такова жъ дѣланія воровскыхъ денегъ, за кимъ другымъ не вѣдаешь ли?

На 5.

Онъ де Бѣгуненко и на другихъ ныкакыхъ злодѣяныяхъ не билъ и того, тако жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ны закимъ не вѣдаетъ.

Къ сему допросу вмѣсто вишписанного цигана Θедора Бѣгуненка неграмотного по его прошенію Иванъ Медвѣдевъ руку приложилъ.

Д. Ч. П. У. С. оп. 8, в. XI, № 319, л.17—19.

По состоявшемуся въ полковой Гадяцкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комишанского Золотаревского циганъ Степанъ Кавяченко противъ допроса цигана жъ Ивана Василенка въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ 1749 года февраля 23 дня.

Вопросы.

1.

Гдѣ ти родился и прежде сего жительствовалъ, тако жъ нинѣ имѣешь ли свой домъ и в немъ другое какое

Отвѣты.

Циганъ Степанъ Ковяченко показалъ на 1.

Родился де онъ Миргородского полку въ мѣстечку Потоцѣ, жительствовалъ при отцу своемъ Василю Ковяку и матерѣ Агафии Золотаровнѣ по разнимъ малороссійскимъ мѣстамъ годовъ съ пятнадцать, а какъ де оной отецъ его полку Гадяцкаго въ мѣстечку Ковалювцѣ умре, то онъ еще

имущество и въ чіемъ тое состоитъ смотрѣніи?

пры оной матки своей годовъ съ десять до умертвія ея жилъ, между, чѣмъ за жизни ей, Переяславского полку въ селѣ Капустинцахъ женился на дочерѣ цигана Грицка Гоненка Агафіи, и потомъ по разнимъ мѣстамъ жительствовалъ съ женою и матерью, а именно Переяславского полку въ селѣ Каратумѣ, а одну зиму въ селѣ Старовой, зиму Нѣжинскаго полку въ мѣстечку Ивангородку, одну жъ зиму сотнѣ Глуховской въ селѣ Бочечкахъ, одну зиму сотнѣ Красноколядинской въ селѣ Рябухахъ, одну зиму гдѣ и мать его умре, да Переяславского жъ полку въ мѣстечку Яготинѣ одну зиму; послѣ жъ того пошелъ на тую сторону рѣки Днѣпра; перешедши въ нѣкоторой слободцѣ, а какой именно не вѣдаетъ, заѣхалъ въ мѣстечко Обуховъ и жилъ тамо годовъ съ два, а потомъ паки по сю сторону рѣки Днѣпра тимъ же путемъ передшелъ и жилъ полку Переяславскаго въ мѣстечку Баришовцѣ годовъ два, а отголь пришелъ въ село Ярошовку къ жительствовавшему тамо жени его родному по матери дядку цигану Ѳедору Бѣгунку и жилъ въ томъ чрезъ годъ; оттоль же прошлого 748 году въ день праздника Рождества Христова пошелъ онъ Ковяченко зъ онимъ жени его дядкомъ Бѣгуненкомъ и служащимъ въ него циганомъ Иваномъ Василенкомъ, онъ же и Фука (кои имѣетъ за собою жену оного Бѣгуненка брата родного дочь), полку Гадяцкаго сотнѣ Комишанской въ село Остаповку и тамо нанявши хати — оной Бѣгуненко въ казака прозиваемаго зайця, а онъ Кавяченко съ показаннымъ Василенкомъ въ казаковъ же Ивана Миколи и Михайла Телепненковъ, въ тѣхъ хатахъ сами они цигане съ женами и дѣтьми своими жительствовали гдѣ и нинѣ жени ихъ съ дѣтьми находятся, дому жъ де своего и другого никакого имѣнія онъ Ковяченко нигдѣ не имѣетъ.

2.

Въ цигана Ѳедора Бѣгуненка находился ли ти во услуженіи и отъ которого именно времени и почему.

На 2.

Въ показаннаго цигана Ѳедора Бѣгуненка онъ Кавяченко во услуженіи находится отъ 747 году до сего за долгъ жени его.

3.

Сискавшіесь въ другого служителя оного Бѣгупенка Ивана Васи-

На 3.

Сискавшіесь въ означеннаго Василенка воровскіе деньги дѣлалъ онъ Ковяченко по принужденію означенного своего хозяина Бѣгуненка, при немъ Бѣгуненку и оному Василенку

ленка воровскіе деньги дѣлани ль тобою съ онимъ Бѣгуненкомъ при битности и его Василенка и въ какихъ точно мѣстахъ, изъ чего и якимъ образомъ, и какого времени, и з самого ль твоего з ними Бѣгуненкомъ и Василенкомъ умишленія или з согласіемъ другого кого, и не вѣдаетъ ли иной кто о томъ, и отъ котораго времени таковіе воровскіе денги дѣлать начали, и сколько ихъ всѣхъ сдѣлали, и куда оніе употребляли и съ вѣдома ль, что воровскіе, или подъ видомъ настоящихъ, и какіе у тебе или въ нихъ Бѣгуненка и Василенка у кого къ дѣланію онихъ воровскихъ денегъ инструменты, и на какую монету имѣется и гдѣ оная содержится?

такимъ образомъ, что какъ оной Бѣгуненко вимѣнялъ въ жителя Остаповского Савки Шевця за мелкіе деньги шаговики и денежки цѣлкового полтинника и оформовавши того полтинника въ глину, на ту форму растопивши спажъ вилили и побѣлявали цинню росъпустивши оную з солоникомъ и денежки з мѣдѣ тимъ же образомъ дѣлали въ означенномъ селѣ Остаповцѣ той избы гдѣ онъ Кавяченко с показаннымъ Василенкомъ жительствовали, въ сѣнѣхъ ночою первой седмици сего поста и сдѣлали всѣхъ первое денежокъ чрезъ весь тиждень тридцать копеекъ, а потомъ въ той же тиждень полтинниковъ три одной ночи вилили, а въ день пилкою оправили, другой же ночи побѣлили; тѣже воровскіе денги дѣлани нимъ Кавяченкомъ съ означеннымъ Бѣгуненкомъ и Василенкомъ съ одного происшедшаго отъ оного Бѣгуненка умишленія, а къ тому онъ Кавяченко и Василенко и никто другой согласія не чинили объ ономъ же дѣланіи воровскихъ денегъ никто другой не вѣдалъ кромѣ токмо ихъ Бѣгуненка, Кавяченка и Василенка и женъ ихъ, а именно его Кавяченка Гапки Василенковой, Евдокіи Бѣгуненковой, невѣстки съ нимъ жіючой Уляни, да дочокъ его Бѣгуненка дѣвокъ Марій двохъ, таковіи же воровскіе денги началъ онъ Кавяченко с принужденія оного Бѣгуненка дѣлать прошедшого 748 году лѣтнего времени, послѣ первой Причистой и тогда дѣлаючи оніе до чотирохъ недѣль ночью сотнѣ Глинской подъ селомъ Коржами въ шатрѣ его Кавяченка, слѣлалъ денежокъ мѣдних вишеписаннимъ же образомъ, то-есть учинивши форму настоящую денежкою въ глинѣ числомъ одного рубля, а сдѣлавши точило одного рубля съ того времени ажъ потоль какъ стали въ вишеописанномъ селѣ Остаповцѣ, дѣлать означеннихъ воровскихъ денегъ ни мало нигдѣ не дѣлали; тѣ же, какъ перво подъ селомъ Коржами, такъ и въ селѣ Остаповки сдѣланіе воровскіе деньги, взяти самимъ онимъ Бѣгуненкомъ, а куди оніе употреблени и съ вѣдома ль что воровскіе или подъ видомъ настоящихъ, того онъ Кавяченко не вѣдаетъ кромѣ только знаетъ, что оной Бѣгуненко при посилки обявленного Ивана Василенка съ нанятимъ нимъ Бѣгуненкомъ подводчикомъ Остаповскимъ жителемъ Андреемъ Киселемъ для викупу бившихъ въ заставѣ вещей, а именно въ селѣ Бѣловодѣ въ Кравця, не вѣдаетъ какого, кожуха въ пятидесяти копейкахъ, въ селѣ Коржахъ въ шинкарки, какой именно не знаетъ, полумисочка цѣнового въ двадцати двохъ

копейкахъ, въ Кравца очепка матеріяльного въ тридцати ли или сколько точно копейкахъ не вѣдаетъ и для взятія оставленного онимъ Бѣгуненкомъ въ селѣ Ярмолинцяхъ точила далъ оному Василенку денегъ всѣхъ три рубля, въ томъ числѣ три полтинѣ цѣлковихъ, воровско въ Остаповцѣ сдѣланихъ, да денежокъ воровскихъ же тридцать копеекъ, а прочіе де всѣ били настоящіе, между которими и предписанная вимѣнянная на мелкіе въ Савки Шевця цѣлковая полтина, кою употребляли на форму: для дѣланія жъ обявленнихъ воровскихъ денегъ никакихъ инструментовъ въ нихъ не имѣлось и не имѣется кромѣ токмо формъ глинянихъ, которіе послѣ дѣла заразъ въ порчѣ остаются, а къ тому дѣланію воровскихъ денегъ употребляетъ било онъ Кавяченко, нѣкоторіе золотарскіе (ибо де онъ золотарство дѣлаетъ) его инструменти, яко то ножица и каяхти що називается и щипцами и тѣде и другіе его золотарскіе и ковальскіе инструменти находятся въ Остаповки при женѣ его.

4.

Кромѣ того не билъ ли ти еще и на другихъ какихъ злодѣяніяхъ или того, а особливо дѣланія воровскихъ денегъ, за кимъ другимъ не вѣдаешь ли?

На 4.

Кромѣ вишеписапнаго ни на каковихъ другихъ злодѣяніяхъ онъ Кавяченко не билъ и того, тако жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ни за кимъ инимъ не знаетъ о предписанномъ же билъ онъ Кавяченко въ допросѣ и въ сотенной Комишанской канцеляріи.

Къ сему допросу вмѣсто вишеписаннаго цигана Стефана Кавяченка неграмотного по его прошенію полковой Гадяцкой канцеляріи подканцеляристъ Ѳедоръ Яковичъ руку приложилъ.

Поселеніе грузинъ въ Малороссіи

въ XVIII вѣкѣ[1]).

Сношенія Грузіи съ Россіей относятся къ отдаленнымъ временамъ русской исторіи; такъ, напримѣръ, Юрій, сынъ Андрея Боголюбскаго, былъ женатъ на Гру-

[1]) Статья эта была напечатана первоначально въ Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1893 г.

Главнымъ источникомъ для этого очерка служили документы Харьков. истор. Архива, дѣла бывшей Малороссійской коллегіи. Весь этотъ матеріалъ распадается на двѣ категоріи: одна часть касается водворенія грузинъ въ Малороссіи и раздачи имъ дворовъ, а другая рисуетъ намъ взаимныя отношенія мѣстнаго населенія и грузинъ, какъ поселенцевъ края. Изъ имѣвшихся у меня подъ рукой пособій я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ только объ одномъ. Въ 1887 году въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, въ VII выпускѣ, была напечатана небольшая „замѣтка“ на 7 страничкахъ о грузинахъ въ Малороссіи подъ заглавіемъ: „Страничка изъ жизни грузинъ поселенцевъ въ Мало-

зинской царицѣ Тамарѣ [1]). Сношенія эти не прерывались и потомъ въ продолженіе всей Русской исторіи: Грузія, раздираемая внутренними междоусобіями и тѣснимая внѣшними врагами не разъ прибѣгала къ покровительству единовѣрной Россіи [2]). Первое посольство въ Москву съ просьбой о помощи было послано кахетинскимъ царемъ Александромъ I въ 1492 г. [3]); съ 1653 г. въ Московское государство начинаютъ пріѣзжать грузинскіе цари и царицы; такъ въ этомъ году пріѣхалъ восьмилѣтній внукъ Теймураза, Николай Давидовичъ, вмѣстѣ съ матерью [3]), въ 1658 г. въ Москвѣ былъ и самъ Теймуразъ [4]). Въ концѣ царствованія Петра Великаго грузинскій царь Вахтангъ, тѣснимый турками и персами, долженъ былъ бѣжать изъ своей родины. Бѣжалъ онъ въ Россію [5]).

Въ Россію Вахтангъ переселился со всей своей семьей [6]), а съ нимъ также нѣкоторые грузинскіе князья и дворяне. Переселеніе Вахтанга положило собой начало цѣлому ряду переселеній грузинскихъ князей и дворянъ въ Россію [7]). Всѣ эти князья и дворяне являлись въ Россію обыкновенно со всѣми своими семьями и слугами, „фамиліями“, по выраженію документовъ того времени [8]). Всѣ грузины, прибывшіе съ Вахтангомъ въ Россію, а также и переселившіеся впослѣдствіи, получали отъ русскаго правительства денежное жалованье, а также муку, овесъ, сѣно и дрова [9]);

россіи“. П. Өедоровскаго. Составлена она на основаніи того же архивнаго матеріала, надъ которымъ пришлось работать и мнѣ.

Для своей замѣтки г. Өедоровскій воспользовался изъ архива только пятью дѣлами (мною просмотрѣно 45). Тутъ онъ описываетъ жизнь грузинъ, уже осѣвшихъ на своихъ мѣстахъ. Жаль, что этотъ матеріалъ онъ разработалъ крайне односторонне, а во многихъ случаяхъ отнесся къ нему безъ должной осторожности. Вся его брошюрка сводится къ описанію невзгодъ, которыя будто бы накликали на свою голову поселившіеся въ Малороссіи грузины: изъ всѣхъ этихъ невзгодъ авторъ описалъ только имущественные захваты, произведенные сосѣдями у грузинъ. По словамъ автора выходитъ, что грузины въ этомъ случаѣ играли роль чисто пассивную; въ то же время изъ дѣлъ Малороссійской коллегіи видно, что грузины никогда не играли страдательной роли и очень часто старались не отстать отъ малороссійскихъ владѣльцевъ на поприщѣ захватовъ, насилій и своеволій, чѣмъ такъ богата исторія землевладѣнія Малороссіи въ XVIII в. (Харьков. истор. Арх. М. К., 7682, 7939, 12559, 20802 и 21952). Дѣло только въ томъ, кто были сосѣдями грузинъ: если сильнѣйшій, въ родѣ Будлянскаго, то страдалъ грузинъ, а если слабѣйшій, то дѣйствующимъ лицомъ становился грузинъ, а страдательнымъ его сосѣдъ; слѣдовательно, грузины не были такъ „злосчастны“ (ст. 7), какъ ихъ рисуетъ авторъ. Всѣ же эти захваты и насилія представляли обыкновенное явленіе, такъ что взаимныя отношенія грузинъ владѣльцевъ и малороссіянъ владѣльцевъ не представляли собой ничего отличнаго отъ взаимныхъ отношеній вообще Малороссійскихъ помѣщиковъ между собой (см. Очерки малороссійскихъ фамилій. Лазаревскій „Рус. Арх.“ 1875 и 1876 гг. Его же, малороссійскіе посполитые крестьяне (Зап. Чер. Губ. Стат. Ком. 1866 г.). Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в. т. I). О другихъ погрѣшностяхъ въ этой замѣткѣ, подчасъ значительныхъ, я не считаю нужнымъ распространяться, такъ какъ онѣ зависятъ отъ незначительности переработаннаго матеріала.

[1]) См. подробнѣе Д. Иловайскаго Исторія Россіи II ч., ст. 232, 233.

[2]) Краткая исторія грузинской церкви. Іосселіанъ, Петербургъ. 1843 г., ст. 100 и слѣд.

[3]) Соловьева Ист. Рос. XII т. 267, 268, 269.

[4]) Ibidem.

[5]) Соловьева Ист. Рос. XVIII т. 78. Н. Костомарова Русск. Ист. II т. XVIII в., стран. 230—237. Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ. Ч. I, стран. 62—67.

[6]) По словамъ Якова Марковича, съ Вахтангомъ пріѣхало въ Россію 6 епископовъ, 14 архимандритовъ и прочихъ монаховъ, служителей и женскаго полу 1185 человѣкъ. Дневн. Зап. Якова Марковича I ч. ст. 50.

[7]) Бутковъ. Матеріалы для новой ист. Кавказа. Ч. I, стран. 65.

[8]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000.

[9]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000. По указу отъ 17 августа 1725 г. Грузинскому царю Вахтангу

Въ царствованіе же Анны Ивановны въ 1738 г. они пожелали принять русское подданство, вступивъ въ военную службу [1]).

Государыня, сочувствуя ихъ желанію, повелѣла учредить особую гусарскую роту изъ грузинъ [2]). За службу имъ выдавался извѣстный окладъ жалованья; для обезпеченія-жъ какъ въ мирное время, такъ и на случай, если бы кто изъ нихъ не могъ продолжать службу, указомъ повелѣно было отвесть имъ „для поселенія въ Украйнѣ въ пристойныхъ мѣстахъ деревни и земли изъ отписныхъ или другихъ какихъ казенныхъ деревень и земель въ вѣчное потомственное владѣніе каждому по пропорціи,“ [3]) такъ князьямъ по 30 дворовъ, дворянамъ по 10, если же у кого изъ князей во время получки дворовъ будутъ малолѣтніе сыновья, то на воспитаніе ихъ было приказано отводить по пяти дворовъ; [4]) въ указѣ не упомянуто, чтобы деревни раздавались не дворянамъ, изъ дѣлъ же малороссійской коллегіи видно, что иногда дворы отводились и не дворянамъ, такъ смотритель казенныхъ маетностей въ Прилуцкомъ полку доносилъ, что прислала только одна жена грузина „не изъ дворянъ“ Ивана Яковлева для обмѣна четырехъ дворовъ [5]).

Въ 1738 г. 25-го марта былъ изданъ указъ о пожалованіи грузинамъ въ Малороссіи казенныхъ деревень, а въ 1740 г. 8 іюня указомъ правительствующаго сената разрѣшена была малороссіянамъ добровольная продажа грузинамъ частныхъ грунтовъ и всевозможнаго рода угодій, въ указѣ воспрещалась только продажа казачьихъ грунтовъ и самихъ казаковъ [6]). Итакъ, грузины въ Малороссіи явились, какъ мы видимъ, по иниціативѣ русскаго правительства въ качествѣ землевладѣльцевъ въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но есть возможность предположить, что грузины помимо этого проникали въ Малороссію еще съ юга, изъ предѣловъ Турціи; такъ мы имѣемъ свидѣтельство объ одномъ плѣнномъ грузинѣ, вышедшемъ изъ Турціи въ 1731 г. и скитавшемся въ Малороссіи, пока игуменъ Лебединскаго монастыря не направилъ его съ грамотой въ Глуховъ, гдѣ ему (грузину) выданъ былъ паспортъ до Москвы; [7]) но что появленіе этого плѣннаго не единичный фактъ, подтверждаетъ

со всей фамиліей и „прочимъ при немъ будучимъ“ опредѣлено давать на содержаніе изъ доходовъ, которые „въ сборѣ быть имѣютъ съ патріаршихъ вотчинъ“, именно: 24000 руб. деньгами, муки 4000 четвертей, овса 2000 четвертей, сѣна на 200 лошадей по 180 пудовъ въ годъ на каждую лошадь и дровъ 500 саженъ; по указу 12 января 1726 г. сѣно, овесъ и мука должны были отпускаться по прежнему, деньги въ прежнемъ размѣрѣ 24000 руб. выдавались изъ наличныхъ суммъ, обрѣтающихся въ синодскомъ казенномъ приказѣ, а на покупку дровъ ежемѣсячно выдавалась извѣстная сумма изъ денежныхъ дворовъ. Пол. Соб. Зак., т. VII, № 4818.

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000. Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545.

[2]) Ibidem.

[3]) Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545 (ст. 446—447).

[4]) При чемъ въ указѣ добавлено: „а впредь на родящихся деревень не давать“.

[5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

[6]) По рѣшительнымъ пунктамъ 1728 г. продажа угодій иноземцамъ въ Малороссіи была воспрещена (Ригельманъ. Лѣтоп. повѣст. о малой Россіи, кн. V, стран. 130), но затрудненіе это устранялось тѣмъ, что грузины во-первыхъ, служили въ войскахъ Ея Величества, а во-вторыхъ, получивши въ Малороссіи въ силу указа 1738 г. помѣстья, они становились какъ бы туземцами. См. Дневн. Записки Якова Марковича, II часть, стран. 117. Объ указѣ 1740 г. см. Хар. Ист. Арх. М. К., № 22780.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 17070. Типична грамота, выданная этому грузину; она можетъ показать отношеніе Малороссійскаго духовенства вообще къ плѣнникамъ, а въ частности къ плѣнникамъ грузинамъ. Вотъ она: „Извѣстно буди всякой отъ Бога учиненной власти, такъ духовной, яко и мірской, что

другой документъ, въ которомъ мы читаемъ, что князю Баратову дано было порученіе навербовать въ Малороссіи въ украинныхъ мѣстахъ въ гусарскую грузинскую роту грузинцевъ и другихъ націй людей [1]), которые, по словамъ документа переѣзжають въ Малороссію изъ предѣловъ Турціи [2]), но все-таки движеніе грузинъ изъ Турціи въ Малороссію мы должны принять за незначительное и при томъ обставленное иными условіями, главная же масса движенія шла вся изъ Великороссіи [3]). Русское правительство, поселивъ грузинъ въ Малороссіи, нѣсколько разъ поднимало вопросъ о переселеніи ихъ въ другую часть Россіи; такъ какъ возникъ вопросъ о засселеніи оренбургскихъ крѣпостей, то правительство рѣшило между прочими поселить въ нихъ и грузинъ: въ указѣ отъ 1742 г. 27 сентября мы читаемъ: „малороссійцовъ не набирать, а въ тѣхъ крѣпостяхъ селить грузинцевъ и волоховъ, такожъ которымъ грузинцамъ въ Малой Россіи деревни даны, оныхъ тудажъ перевесть [4]); но до окончательнаго рѣшенія вопроса грузинамъ снова разрѣшена была раздача дворовъ въ Малороссіи по прежнему и проэктъ о переселеніи грузинъ въ Оренбургскія степи заглохъ [5]); въ 1743 и 1745 г. снова возникъ проэктъ о переселеніи грузинъ, но уже не въ Оренбургскія степи, а въ Великороссію, гдѣ имъ правительство рѣшило отдать конфискованныя земли; проэктъ этотъ долго оставался проэктомъ, почему сами грузины въ 1750 г. обратились къ гетману Разумовскому съ просьбой о ходатайствѣ его предъ правительствомъ о скорѣйшемъ переводѣ ихъ въ Великороссію [6]). Просьба эта, какъ и самый проэктъ, остались безъ всякихъ послѣдствій и грузины остались навсегда поселенцами Малороссіи [7]).

Для правильнаго веденія раздачи грузинамъ дворовъ была назначена особая комиссія подъ названіемъ „раздаточная грузинамъ дворовъ комиссія"; [8]) комиссія эта сначала была въ вѣдомствѣ войсковой генеральной канцеляріи, а въ 1743 г. въ августѣ [9]) она поступила въ вѣдомство комиссіи экономій описныхъ на Ея Императорское

изявитель сего свидѣтельного писанія, Григорій, грузинской земли питомецъ, попущеніемъ Божіимъ грѣховъ ради нашихъ доставшися въ неволю Агаряномъ, былъ тамъ не малое время, а теперь паки Божіею благодатіею зъ оной неволѣ въ наши христіанскіе малороссійскіе украинскіе страны вишовши, похотѣлъ (аще Богъ ему поспѣшитъ) въ свою отчизну Грузинскую возвратитися, а хощетъ трактовати христіанскими малороссійскими городами, за которимъ то мы, яко страннимъ, а истиннимъ христіаниномъ вносимъ свидѣтельство и духовную инстанцію, просячи всякихъ отъ Бога учиненныхъ властей, благоволилъ бы оному всякую христіанскую милость и страннолюбіе являти, такожде и въ пропускахъ доброволніе прехожденіе, за что отъ Всевидца Христа и Господа всѣмъ благодѣтельствующимъ чаяти би не сумѣнно отъ вѣчнаго воздаянія, още и ми, яко вземшіи на себѣ иго Христово, долженствуемъ Его милостовати. Въ подлинномъ подписано тако. Всѣмъ отъ Бога учиненнимъ властемъ сугубихъ благъ усерднихъ желатель, слуга и молитвенникъ іеромонахъ Назарій Тополя, смиренний игуменъ монастыра Лебединскаго зо Христовою братіею. З монастира Лебединскаго 1732 года Іануарія 2".

[1]) „Персіянъ греческаго вѣроисповѣданія, армянъ и грековъ вольножелающихъ".

[2]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 1979. Документъ относится къ 1752 году.

[3]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000 и др. Кіевская старина 83 г., т. VI, стран. 328. Дневныя записки Якова Марковича, ч. II, стран. 98.

[4]) Пол. Соб. Зак. XI т., ст. 656.

[5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

[6]) Ibidem, № 21000.

[7]) Шафонскій. Описаніе Черниговскаго намѣстничества. Хар. Ист. Арх. М. К., № 15350.

[8]) Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 21952, 19378, 9089, 3470 и пр.

[9]) 18-го августа. Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378.

Величество маетностей[1]). При комиссіи раздачи грузипамъ дворовъ находились особые чиновники, называемые „раздатчики, обрѣтающіеся у раздачи грузинамъ дворовъ“ [2]). Комиссія раздачи грузинамъ дворовъ производила свои операціи по полкамъ: сначала въ одномъ, а потомъ переходила въ другой [3]); дворы раздавались на основаніи указовъ войсковой генеральной и министерской канцелярій и согласно данной отъ 1739 г. 3 іюля генеральной канцеляріей инструкціи. Входить во владѣніе дворами должны были непосредственно сами владѣльцы, а иногда по довѣренности ихъ получали и другія лица, такъ за Магабелова по его довѣренности получаетъ Амилохоровъ [4]). При получкѣ дворовъ раздатчиками выдавался на право владѣнія „обыкновенный“ билетъ [5]).

Помѣстья грузинамъ отдавались во владѣніе послѣ принятія ими присяги и подъ условіемъ, что получившіе ихъ должны стать вѣчно подданными Россійской Имперіи и за границу изъ своихъ помѣстій безъ данныхъ имъ паспортовъ отлучаться не будутъ [6]). Имѣнія отдавались въ вѣчное владѣніе съ правомъ передачи наслѣдникамъ [7]), а также и продажи; при чемъ, если кто хотѣлъ бы продать полученное помѣстье, то долженъ былъ заявить генеральной войсковой канцеляріи, которая должна была навести справку, и, если оказывалось, что цѣна, предлагаемая покупщикомъ, не превышала дѣйствительной стоимости имѣнія, то войсковая канцелярія, обязана была озаботиться пріобрѣтеніемъ этого помѣстья, употребивъ на покупку послѣдняго казенные доходы.

Раздача грузинамъ дворовъ имѣла мѣсто въ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Лубенскомъ и Прилуцкомъ полкахъ. Относительно числа розданныхъ дворовъ въ архивныхъ документахъ мы не имѣемъ точнаго указанія: вѣдомости, которыя пока находятся въ нашемъ распоряженіи, относятся къ 1743 и 1745 гг.; въ то же время есть возможность утверждать, что дворы раздавались и послѣ 1745 г. и даже тогда, когда

---

[1]) Ibidem, №№ 19378, 21952 и пр.

[2]) Для отвода грузинамъ дворовъ первоначально былъ посланъ капитанъ Глуховскаго гарнизона Протопоповъ; онъ отвелъ грузинамъ дворы безъ угодьевъ, а въ иныхъ дворахъ были однѣ женщины и при томъ часто увѣчныя, поэтому гвузины просили о смѣнѣ Протопопова; по изслѣдованіи дѣла онъ былъ смѣненъ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378) и вмѣсто него были назначены маіоръ Труновъ, бунчуковый товарищъ Остроградскій и войсковой канцеляристъ Бразоль; для руководства имъ дана была инструкція, съ которой они должны были соображаться при раздачѣ дворовъ (Ibidem., № 19378); послѣ Трунова у раздачи состоялъ подполковникъ Зиновьевъ съ товарищи; послѣ нихъ раздатчиками были войсковой товарищъ Веспертинскій и войсковой канцеляристъ Петрашевичъ, которые по просьбѣ грузинскаго князя Орбеліанова и другихъ грузинъ въ числѣ десяти человѣкъ, были отрѣшены отъ должности за взятки и другія неисправности по службѣ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 2849), а вмѣсто нихъ были назначены поручикъ Дубасовъ и войсковой канцеляристъ Жуковскій (Ibidem., № 2849).

[3]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952; 19378. Первоначально раздача была въ Полтавскомъ полку, затѣмъ въ Миргородскомъ, въ Лубенскомъ и наконецъ въ Прилуцкомъ.

[4]) Ibidem, № 21952.

[5]) Ibidem, № 21952. Билетъ обыкновенно начинался словами: „По указу Ея Императорскаго Величества билетъ“ далѣе описывалось подробно: кому и кѣмъ были отданы дворы, сколько и въ какомъ мѣстѣ. Въ концѣ, послѣ подробнаго перечня дворовъ, слѣдовала подпись раздатчиковъ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 3470).

[6]) Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545.

[7]) Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545. Хар. Ист. Арх. М. К., № 12559; 3065.

собственно раздача была окончена, такъ напримѣръ князьямъ Амилохоровымъ были розданы дворы въ Лубенскомъ полку по окончаніи раздачи[1]).

По вѣдомости, относящейся къ сентябрю 1743 г.[2]), оказывается, что въ Полтавскомъ полку было роздано по указамъ генеральной войсковой канцеляріи 1070 дворовъ, въ Миргородскомъ — 540, въ Лубенскомъ по указамъ генеральной канцеляріи и указамъ изъ коммиссіи экономіи описныхъ на Ея Императорское Величество маетностей — 490 дворовъ[3]),

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

[2]) Въ оригиналѣ число пропущено.

[3]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378. Въ Полтавскомъ полку были отведены: въ мѣстечкѣ „Старыя Санжары“ князьямъ: Афанасію Кобулову 30 дворовъ, сыну его Василію — 5; Матвѣю Кобулову и Евсею Цицѣеву — по 30; Іотару Эристову съ сыномъ Алексѣемъ — 35; Давиду Эристову — 30; дворянамъ Николаю Клитнову (?), Ревазу Ечубову, Роману Махилеву — по 10 дв.; Шкошугану Геблову — 4 двора; въ мѣстечкѣ „Новыя Санжары“ князьямъ: Елисѣю Кобилову, Димитрію Шаликову — по 30; Егору Рабкову и Николаю Рабкову — по 10 дв.; дворянамъ: Іотію, Егору и Борису Павликовымъ, Спиридону Ревазову, Егору Игнатіеву, Дмитрію Ревазову, Христофору Шахандареву — по 10 дв. и Шкошугану Геблову — 6 дв.; въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ князьямъ: Егорію Мусхалову — 30 дв., сыну его 5; малолѣтнимъ Ивану и Василію Завибаратовымъ, Петру и Давиду Турхистановымъ и Семену Эристову по 5 дв.; дворянамъ: Бежану, Теймурасу и Ростому Кончалевымъ, Онуфрію и Титу Каргалетовымъ, Якову Ниніеву, Алексѣю и Марку Левизу и Спиридону Гогибедову — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Бѣликахъ князьямъ: Койхостру Гурелову — 30, сыну его Стефану — 5; Николаю Маніелову съ сыномъ — 35; Шкошу Джевахову — 30 дв.; дворянамъ: Егору и Ивану Каховымъ и Егору Мурзину — по 10; въ мѣстечкѣ Кобеляки князьямъ: Іоадару, Ростому, Кревасу и Давиду Баратовымъ — по 30 дв.; въ мѣстечкѣ Соколкѣ дворянамъ: Герасиму Чалѣеву, Павлу Грудакову, Залу Зубрѣеву, Егору Даллахвалодзеву и Хоссію Тхавазе — по 10 дв.; въ мѣстечкѣ Кишинкѣ князьямъ: Гывѣ и Сергію Баратовымъ — по 30; въ мѣстечкѣ Келебердѣ князьямъ: Ивану Туркистану, Праншстану Турхистанову, Зазу Баратову, Іотому Эристову, Адаму Цицѣеву и Ростому Самилузе— по 30 дворовъ; дворянамъ: Даніилу Ахщарунову — 10 дв.; и Тамазе Табаридзеву съ сыномъ Борисомъ — 20 дворовъ.

Въ Миргородскомъ полку: въ мѣстечкѣ Голтвѣ князьямъ: Шермадину Сологову — 10 дв. и Папуне Сологову — 20; и дворянину Матвѣю Кафорову — 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Омелникѣ дворянину Егору Глузидзеву — 10 дв.; въ мѣстечкѣ Остапьѣ дворянамъ: Егору Генгеблову и Герасиму Тулову — по 10, Дивѣ (?) Шинаеву (?) и Фомѣ Измайлову — по 5 дворовъ; въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ дворянамъ: Павлу (к) Чарзѣеву, Іосифу Камалисузеву, Папуне Джалѣеву, Афандилу Малейзеву и Ревангу Шеметизеву — по 10 дв.; сотни Бѣлоцерковской въ селѣ Боркахъ дворянину Іессею Джевахову — 10 дв.; въ мѣстечкѣ Богачкѣ малолѣтнитъ князьямъ: Егору Андроникову и Семену Залахархадлидзеву — по 5 дв.; дворянамъ: Павлу Курганову, Давиду Луридзеву, Зазѣ Лоладзеву и Луарсабу Лоладзеву — по 10 дв.; въ мѣстечкѣ Устивицѣ князьямъ: Хоссію Пхейдзе — 10 дв.; сыну его Алексѣю — 5, Давиду Ратіеву, Папуне Сологову и Шермандину Сологову — по 10 дв.; дворянамъ: Хомѣ Измайлову — 5, Дивѣ (?) Шинаеву — 5 и Андрею Бебѣляреву — 10 дворовъ; въ мѣчстечкѣ Ярескахъ князьямъ: Хоссію Пхейдзе — 20, сыну его Ивану — 5, Захархаулидзеву (?) — 10, Шермандину Сологову — 10 дворовъ и дворянину Макару Каферову — 10 дв.; сотни Сорочинской въ селѣ Барановкѣ дворянамъ: Павлу Тугиманову, Хтисафару Абилову и Хоссею Шенгелитзеву — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Хоролѣ князьямъ: Давиду и Автандилу Церетелевымъ — по 30 дворовъ, и дворянину Ростому Асламову — 10 дворовъ; Хорольской сотни въ мѣстечкѣ Бакумовкѣ князю Давиду Ратіеву — 20 дв.; въ мѣстечкѣ Миргородѣ князьямъ: Залѣ Хахарулидзеву и Давиду Гурамову — по 20; дворянамъ: Давиду Хоридзеву, Папуне Бежанову, Якову Одешелидзеву, Николаю Хачапуридзеву, Авраму Кобіеву и Кацурѣ (к) Насаридзеву — по 10 дворовъ; полковой Миргородской сотни въ селѣ Зубовкѣ Давиду Гурамову — 10 дворовъ.

Въ Лубенскомъ полку: въ мѣстечкѣ Пирятинѣ князьямъ: Гордію Джепаридзеву — 30 дворовъ, сынамъ его — 10 дворовъ, Павлу и Іосифу Джепаридзеву — по 30 дворовъ; дворянамъ Константину Тугиманову и Петру Розмадзеву — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Чернухахъ князьямъ: Луарсабу Осихмянову — 28; Отаму Осихмянову — 20, сыновьямъ его Ивану и Егору — 10 дворовъ; онаго мѣстечка Чернухъ въ подварку Коваляхъ кн. Лаурсабу Осихмянову — 2 двора; въ мѣстечкѣ Лохвицѣ князьямъ: Эрастію Чавахову — 25; Татьянѣ Моуравовой — 20, сыну ея — 5 и дворянину Егору Устихнелову — 10 дворовъ; Лохвицкой сотни въ селѣ Ризахъ малолѣтнимъ князьямъ: Ивану и Стефану Эристовымъ — по 5 дворовъ, и въ д. Венекавахъ кн. Еристу Чавахову — 5 дв.; въ мѣстечкѣ Ромнѣ князьямъ и княгинямъ: Дмитрію Циціянову, Давиду Шаликову, Маріи Папуновой Циціяновой, Еленѣ Эристовой — по 30 дворовъ, Татьянѣ

по описи дѣлъ [1]) коммиссіи раздачи грузинамъ дворовъ имѣемъ: въ Прилуцкомъ полку въ Сребранской сотнѣ было роздано 195 дворовъ и рѣшено было еще раздать 50 дворовъ и въ Варвинской сотнѣ 10 дворовъ, итого въ Прилуцкомъ полку—205 дворовъ. Итакъ въ четырехъ полкахъ, по архивнымъ документамъ, розданныхъ до 1744 г. дворовъ мы имѣемъ до 2305, а если къ этому прибавимъ еще опредѣленные для раздачи дворы[2]), то получимъ 2500. На самомъ же дѣлѣ всѣхъ дворовъ было роздано значительно больше, такъ „по прошенію Малороссійскаго шляхетства и старшинъ вмѣстѣ съ гетманомъ о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданному Екатеринѣ II въ 1764 г.,“ оказывается, что грузинамъ въ Малороссіи была роздана довольно солидная цифра, именно болѣе 5000 дворовъ [3]).

Раздаточная коммиссія прежде всего начала свои операціи въ Полтавскомъ полку[4]); дворы, розданные комиссіей, оказались крайне нищетными т.-е. кромѣ хаты и двора не было никакихъ угодій, ни огорода, ни поля; владѣльцы этихъ дворовъ по большей части были ремесленники и очень часто даже не имѣли своей хаты, а помѣщались въ чужихъ; во многихъ дворахъ мужчинъ совсѣмъ не было, а были однѣ женщины[5]). Такая раздача дворовъ вызвала среди грузинъ неудовольствіе и вотъ они обратились къ правительству съ прошеніемъ, въ которомъ просили о перемѣнѣ дворовъ и о смѣнѣ раздатчиковъ.

Генеральная войсковая канцелярія, желая уничтожить недоразумѣнія между грузинами и раздатчиками, а также предупредить могущіе возникнуть отсюда споры, выдала инструкцію, которой бы руководились раздатчики[5]). Въ этой инструкціи было предписано: во-первыхъ, отдавать въ подданство грузинамъ посполитыхъ, а не мѣщанъ, и козаковъ[6]); во-вторыхъ, чтобы въ отведенныхъ дворахъ, кромѣ женщинъ, были и мужчины; при дворахъ были огороды и угодья и отданные въ подданство посполитые имѣли бы свои собственные дворы и не жили въ чужихъ хатахъ; и, наконецъ, всѣ угодья, которыми владѣютъ посполитые, должны быть отданы вмѣстѣ съ дворами во владѣніе и пользованіе грузинамъ[7]). Нужно замѣтить, что данная инструкція споровъ не уладила, и часто потомъ возникали неудовольствія на раздатчиковъ со стороны грузинъ и появлялись отъ нихъ прошенія о перемѣнѣ дворовъ[8]).

Моуравовой — 10, малолѣтнему Герасиму Орбеліеву — 5, Дмитрію Орбеліеву — 28, да въ селѣ Ярмолинцахъ (Роменской сотни) — 2 двора; въ мѣстечкѣ Глинскѣ князьямъ: Ефрему Кавкасидзеву — 30, Отаму Осихмянову — 10 дворовъ; дворянамъ: Павлу Харебову, Гедерзію Степанову и Парсадану Зедшнидзеву — по 10 дворовъ.

Въ Прилуцкомъ полку по вѣдомости, относящейся къ 1745 г., отведено дворянину Данилу Агіянову — 10, вахмистру Павлу Гошбедову, Михаилу и Ивану Бедауровымъ — по 10 дв., князьямъ: Алексѣю и Николаю Саакадзевымъ — по 30, и сыновьямъ Алексѣю, Егору и Ивану по 5 дворовъ. (Хар. Ист. Арх. М. К., № 21940).

[1]) Опись относится къ 1743 г. Октябрю мѣсяцу. Хар. Ист. Арх. М. К., № 2849.

[2]) Ibidem, № 2849.

[3]) Кіев. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.

[4]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378.

[5]) Ibidem.

[6]) „Козаковъ, которые отъ дѣдовъ и отцевъ козаки“ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378).

[7]) Ibidem, № 19378. Инструкція была выдана 1739 г. 3 іюля.

[8]) Ibidem, №№ 19848, 7939, 2834 и пр.

Въ документахъ мы имѣемъ перечень дворовъ, розданныхъ нѣкоторымъ грузинамъ; вотъ, напримѣръ, перечень дворовъ, розданныхъ войсковымъ товарищемъ Веспертинскимъ и канцеляристомъ Петрашевичемъ князю Шаликову, съ обозначеніемъ получаемыхъ съ каждаго двора оброчныхъ денегъ: 1) Иванъ Тумецъ съ снохою Варварою имѣетъ жилой дворъ съ тремя хатами, а другихъ угодій не имѣетъ, оброковъ же никакихъ не платитъ, ибо у него квартируетъ князь Шаликовъ; 2) Василь Куликъ имѣетъ жилой дворъ съ хатою а другихъ угодій не имѣетъ; оброку платитъ въ мѣсяцъ по 30 коп.; 3) Пархомъ Пащенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ на мѣсяцъ по 50 коп.; 4) Петро Ивановъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 50 коп.; 5) Павло Дюгтяренко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, а другихъ угодій нѣтъ, оброку платитъ по 60 коп.; 6) Лукьянъ Вербецъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 80 коп.; 7) Стефанъ Сидоренко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 40 коп.; 8) Алексѣй Стелмахъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій нѣтъ, оброку платитъ 70 коп.; 9) Иванъ Сергѣенко имѣетъ жилой дворъ и пашенной земли засѣву на двѣ четверти, да еще продалъ пашенной земли засѣву на одну четверть Ивану Слѣпенченку, Воротиляковому подсусѣдку, а оброку платитъ въ мѣсяцъ по 90 коп.; у него братъ Демко; 10) Андрей Кусякъ имѣетъ жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 50 коп.; 11) Иванъ Косминенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 25 коп.; 12) Тишко Кудря съ зятемъ Яковомъ имѣетъ хату одну, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп.; 13) Данило Василченко имѣетъ одну хату, а другихъ угодій не имѣетъ, платитъ въ мѣсяцъ по 10 коп.; 14) Данило, Бурмистришинъ зять, имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп.; 15) Василь Гавриленко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп.; 16) Савка Доброхлѣбенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 30 коп.; 17) Лукьянъ Руденченко имѣетъ жилой дворъ и лѣса небольшую часть, оброку платитъ по 50 коп.; 18) Грицко Мироненко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, оброку платитъ по 80 коп.; у него братъ Семенъ; 19) Игнатъ Бондарь имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп.; 20) Иванъ Нижникъ имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, лѣса часть, оброку платитъ по 25 коп.; 21) вдова Евдокія Савченкова имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на десять четвертей, сѣнокосу возовъ на двадцать, оброку платитъ по 30 коп.; 22) вдова Марія Яковиха Сѣроштанка съ сыновьями Яковомъ, Кирилломъ, Филиппомъ, Никитою и Трофимомъ имѣетъ жилой дворъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, часть лѣса, оброку платитъ на мѣсяцъ 50 коп...... садъ же ея за долги взялъ значковый товарищъ Иванъ Полѣтика; 23) вдова Одарка Ващенкова съ сынами Семеномъ и Алексѣемъ имѣетъ жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 40 коп.; 24) вдова Устихія Савчиха съ сыновьями Грицкомъ и Иваномъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ

по 10 коп.; 25) Юско Марѣйка имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платить по 20 коп.; 26) вдова Ганна Кучеренкова имѣетъ одну хату, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 10 коп.; 27) Савка Тукичинъ зять Колодѣенко имѣетъ хату, а другихъ угодій не имѣетъ „оброковъ не платитъ, что старостою"; 28) Леско Скляръ сойшолъ, а дворъ его пустъ; 29) вдова Штуччиха сойшла, а дворъ ея впустѣ; 30) Козма Забара сойшолъ, а дворъ его пустъ[1]).

Изъ этого перечня мы видимъ, что Шаликовъ съ своихъ 30 дворовъ получалъ въ годъ оброку 115 руб.; при этомъ нужно замѣтить, что многіе дворы, какъ видно изъ перечня, были безъ всякихъ угодьевъ, т.-е. нищетные, въ виду чего Шаликовъ и просилъ о перемѣнѣ ихъ и просьба Шаликова, кажется, была уважена[2]). Но мы имѣемъ указанія, что грузины съ каждаго двора иногда брали по 6 рублей въ годъ и болѣе, а въ годъ, слѣдовательно, съ 30 дворовъ 180 рублей и болѣе[3]), но послѣдняя цифра считалась въ то время слишкомъ высокой и обременительной, такъ что былъ поднятъ вопросъ о ея уменьшеніи[4]). Поэтому, если мы возьмемъ средину между двумя крайностями, то врядъ ли погрѣшимъ, опредѣливъ сумму годоваго дохода грузинскихъ князей въ 150 рублей.

Грузины, принявшіе русское подданство, должны были представлять изъ себя нѣчто въ родѣ военнаго сословія, такъ въ указѣ мы читаемъ: „должны они (грузины) имѣть, какъ въ военное время, такъ и въ мирное въ домахъ своихъ мундиръ, ружье и всякую воинскую аммуницію и лошадей изъ своего собственнаго иждивенія, не требуя изъ казны нашей";[5]) и во время походовъ должны являться всѣ на службу такъ, что дома оставались только одни жены да приказчики, управляющіе помѣстьями[6]).

Грузины служили въ гусарской грузинской ротѣ[7]); но могли служить и въ другихъ армейскхъ полкахъ (напримѣръ, князья Амилохоровы[8]), а впослѣдствіи и въ штатской службѣ[9]).

Образованіе дѣти грузинъ получали: иные въ училищѣ иностранныхъ языковъ въ Москвѣ, иные же были опредѣляемы указами правительствующаго сената въ кадетскіе корпуса[10]).

Говоря объ отношеніи мѣстнаго населенія къ водворенію грузинъ въ Малороссіи, можно говорить объ отношеніи только владѣльческаго сословія, иначе шляхетства; для крестьянъ помѣщикъ — грузинъ не представлялъ собой ничего отличнаго отъ другого пана — малоросса[11]) и, какъ въ отношеніи малороссійскихъ державцевъ,

---

[1]) Ibidem, № 19378.
[2]) Ibidem, № 19378.
[3]) Ibidem, № 23784.
[4]) Ibidem, № 23784.
[5]) Пол. Соб. Зак. X т., № 7545.
[6]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 7939.
[7]) Пол. Соб. Зак. X т., № 7545.
[8]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.
[9]) Ibidem, № 21000.
[10]) Ibidem, № 21952. Въ кадетскій корпусъ принимались съ обязательствомъ остаться вѣчно въ Россіи. Пол. Собр. Зак. X т., № 7560.
[11]) Религіозный вопросъ, создавшій такой антагонизмъ между малороссійскимъ посполитымъ и польскимъ паномъ, здѣсь не имѣлъ мѣста.

такъ и въ отношеніи грузина — владѣльца посполитство могло выразить свое неудовольствіе только правомъ свободнаго перехода, чѣмъ оно въ критическихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, и пользовалось[1]). Другое дѣло шляхетство: поселеніе грузинъ въ Малороссіи и отдачу имъ помѣстій оно считало нарушеніемъ своихъ правъ и привиллегій, по которымъ только они имѣли право владѣть землей; поэтому и понятно, что въ каждомъ полку полковая старшина встрѣчала раздаточную коммиссію крайне недружелюбно, такъ что требовались особые указы для того, чтобы полковая старшина допустила эту коммиссію къ раздачѣ дворовъ[2]). Грузины сами, какъ видно, понимали недружелюбное отношеніе малороссіянъ: такъ въ своемъ челобитьѣ они просили о назначеніи въ раздатчики кого-нибудь изъ Великороссійскихъ офицеровъ[2]). Малороссійское шляхетство долго не могло забыть поселенія грузинъ у себя въ Малороссіи, такъ въ прошеніи къ Екатеринѣ II въ 1764 г. однимъ изъ пунктовъ возстановленія своихъ правъ шляхетство считало удаленіе грузинъ изъ Малороссіи[3]).

Теперь невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ отразилась на благосостояніи края отдача грузинамъ дворовъ. Въ 1738 г. состоялось постановленіе о раздачѣ въ Малороссіи грузинамъ дворовъ, а ужъ года черезъ четыре, именно 1742 г. 27 сентября[4]), вышелъ указъ о переводѣ грузинъ изъ Малороссіи въ Оренбургскія крѣпости. И хотя потомъ черезъ мѣсяцъ (24-го октября)[5]) опять было приказано производить раздачу грузинамъ дворовъ по-прежнему, но указъ 1742 г. 27 сентября не могъ остаться безъ послѣдствій: онъ показалъ грузинамъ непрочность владѣнія данными имъ помѣстьями и, если раньше этого указа грузины, какъ элементъ пришлый и пока мало связанный съ экономическими интересами края, для обезпеченія себя должны были дѣйствовать эксплуатирующимъ образомъ на своихъ подданныхъ, то послѣ указа 27-го сентября „не проча себѣ черезъ долгое время оныхъ подданныхъ во владѣніи“[6]), они должны были дѣйствовать еще болѣе угнетающимъ образомъ на своихъ крестьянъ, что дѣйствительно и было; такъ смотритель Лубенскаго полка[7]) Аристовъ доносилъ: „грузинскіе князья отведенныхъ имъ въ подданство мѣщанъ и простыхъ посполитыхъ не малыми отягощають поборами, побоями и прочими грабительствы“[6]). Сами же грузины въ своей челобитной, поданной въ 1750 г. на имя гетмана, признавались: „и мы въ надежде того премененія въ деревняхъ чрезъ все прошедшее время въ содержаніи своихъ фамилій безъ всякаго экономическаго призрѣнія продолжаемся“[8]).

При этомъ еще нужно замѣтить, что управленіе грузинскими имѣніями находилось большею частью въ рукахъ приказчиковъ[9]), и потому должно было еще тягостнѣе отзываться на крестьянахъ. И дѣйствительно, управленіе грузинъ ложилось

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 7531, 23784, 19378 и пр.
[2]) Ibidem, № 19378 и 3470.
[3]) Кіев. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.
[4]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952 и Пол. Соб. Зак. XI т., стран. 656.
[5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.
[6]) Ibidem.
[7]) Смотритель описныхъ на Е. И. В. маетностей.
[8]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000.
[9]) Ibidem, №№ 7939, 21952 и пр.

тяжелымъ бременемъ на подданныхъ; такъ Аристовъ въ своемъ доношеніи говоритъ: послѣднее ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали[1]). Нѣмчиновъ же, смотритель Прилуцкаго полка, докладывалъ, что грузины съ своихъ подданныхъ берутъ большіе оброки и непосильными отягощаютъ работами[2]). Крестьяне, не будучи въ состояніи выполнить требованій своихъ господъ — грузинъ[3]), бросали свои грунты и по праву вольнаго перехода уходили въ другія мѣста. Грузины, потерявъ подданныхъ, стремились воспользоваться хоть тѣмъ, что осталось послѣ нихъ; такъ: хату, оставшуюся послѣ посполитаго, тотчасъ же продавали на сносъ, лѣсъ вырубали[4]) однимъ словомъ, въ виду временнаго пребыванія въ Малороссіи[4]), грузины старались изъ всего извлечь пользу и все обратить въ капиталъ, чѣмъ, конечно, обезцѣнивали помѣстья. Въ виду такого хищническаго хозяйства грузинъ, Нѣмчиновъ просилъ правительство, чтобы имъ было предписано уменьшить окладъ своихъ подданныхъ[5]), а Прилуцкая полковая старшина, чтобы помочь бѣдѣ, выдвинула вопросъ о запрещеніи вольнаго перехода посполитыхъ, хотя въ сосѣднія мѣста[6]).

Самая раздача грузинамъ дворовъ сопровождалась неблагопріятными для края условіями. При раздачѣ дворовъ раздатчики между посполитыми — „въ отмѣнность указовъ“ — отдали въ подданство грузинамъ мѣщанъ и промышляющихъ, „бавящихся“ купечествомъ[7]), а также другихъ, пользующихся особыми вольностями и привиллегіями, напримѣръ, козаковъ-стрѣльцовъ. Фактъ отдачи мѣщанъ и „купечествомъ бавящихся“ былъ не мелкій и не малозначущій, такъ, напримѣръ, въ Лубенскомъ полку въ мѣстечкѣ Ромнахъ было отдано 138 мѣщанскихъ и купеческихъ дворовъ, что составитъ процентовъ 40 всего отданнаго въ этомъ мѣстѣ числа дворовъ, такъ что войтъ Роменской ратуши доносилъ, что всѣ болѣе состоятельные мѣщане и купцы отданы во владѣніе грузинамъ, почему „повинностей городскихъ исполнять некому и въ ратушу не изъ кого выбрать бурмистра и писаря[8]); вообще же часто случалось, что на 30 дворовъ крестьянъ приходилось по 10 дворовъ мѣщанъ[9]). Этихъ мѣщанъ грузины отягощали большими поборами; такъ Лукіанъ Вербецъ, Роменскій купецъ, отданный во владѣніе князю Шаликову[10]), въ прошеніи писалъ, что „чрезъ непорядоченіе его (Шаликова) у мене съ подневоли взятки деньгами и протчими вещами крайне ужъ отягощенъ и изобиженъ“. Это же самое подтвержаетъ и Аристовъ: „онаго Вербеца взятками съ подневоли какъ деньгами, такъ и протчими вещами и отягощаетъ сверхъ же того“[11]).

---

[1]) Ibidem, № 21952.
[2]) Ibidem, № 23784. Такъ грузины брали въ годъ со двора по 6 руб. и болѣе, заставляя сверхъ того отбывать разныя „работизны“. Все это Нѣмчиновъ, по его слов мъ, сообщаетъ со словъ вѣдомостей, присылаемыхъ раздатчиками.
[3]) „Придя въ несостояніе“ по выраженію документа. Хар. Ист. Арх. М. К., № 23784.
[4]) Ibidem, № 23784.
[5]) Ibidem, № 23784.
[6]) Ibidem, № 14883.
[7]) Ibid., № 21952, 19848, 6273 и пр.
[8]) Ibidem, № 21952.
[9]) Ibidem, №№ 2108, 23680.
[10]) Ibidem, № 21952.
[11]) Ibidem.

Вернуть изъ-подъ владѣнія грузинъ отданныхъ изъ мѣщанъ и купцовъ оказалось дѣломъ не легкимъ; такъ Вербецъ долженъ былъ три раза подавать прошеніе объ одномъ и томъ же: въ 1745 г. въ сентябрѣ, другое въ 1746 г. 4 марта и, наконецъ, третье въ 1748 г. сентября 23-го, гдѣ онъ упоминаетъ: хотя по второму моему челобитью и сдѣлано въ коммиссіи экономій опредѣленіе для представленія моего прошенія въ канцелярію министерскаго правленія „по надлежащему порядку" [1]), но такъ какъ, посланный мой сынъ долженъ былъ вернуться по нѣкоторымъ обстоятельствамъ домой, то „оное дѣло безъ надлежащаго дѣйствія и по нынѣ въ продолженіе запущено" [1]). И, хотя 1748 г. 17 декабря указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было изъять изъ подданства грузинъ мѣщанъ и купцовъ и замѣнить ихъ посполитыми, но возникло новое затрудненіе: въ Лубенскомъ полку не нашлось достаточнаго числа посполитыхъ для замѣны мѣщанъ и купцовъ и, пока шла отписка и переписка, грузины, узнавъ о перемѣнѣ мѣщанъ, старались воспользоваться удобнымъ случаемъ взять съ нихъ, что возможно; такъ Аристовъ доносилъ: „сугубыми накладами денежнаго цинша" — не только за прошлое, но и на будущее время притѣсняли такъ, что многіе оставляли свое жилье" и, далѣе, „остальное ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали и, ежели онымъ роменскимъ мѣщанамъ другими не послѣдуетъ въ скорости перемѣна, удобно могутъ и остальные уже отъ тѣхъ грузинскихъ прикащиковъ въ конецъ разориться" [2]). Къ самой же перемѣнѣ грузины отнеслись крайне непріязненно, такъ въ прилуцкомъ полку, когда полковой смотритель Нѣмчиновъ предписалъ Сребрянскому войту приписать къ ратушѣ всѣхъ мѣщанъ, отданныхъ грузинамъ, то грузинскій князь Орбеліановъ силою принуждалъ мѣщанъ къ исполненію „подданническихъ повинностей" [3]), держа мѣщанъ подъ арестомъ, а грузинскаго же прапорщика Туманова дворецкій Михалка Ивановъ съ массою грузинъ, „наведши подводъ, хотѣлъ мѣщанина — гвалтомъ совсѣмъ обграбовать" [4]), а грузинскій князь Иванъ Эристовъ, гвалтомъ напавши на ратушу, избилъ даже самого войта. И хотя грузины должны были согласиться на перемѣну мѣщанъ и купцовъ, но сдѣлали это только послѣ цѣлаго ряда своеволій, насилій и грабительствъ [5]), что конечно не могло отозваться благопріятно на экономическомъ состояніи края.

Если относительно мѣщанъ и купцовъ состоялся указъ о замѣнѣ ихъ посполитыми, то другіе классы населенія должны были остаться при своей печальной участи, потерявъ свои вольности и привиллегіи; такъ въ сотнѣ Монастырской въ подданство грузинскаго князя Саакадзева было отдано три стрѣльца — козака [6]), Иванъ Вакула, Семенъ и Омелько Прокопенки, и, когда сотникъ монастырскій доносилъ, что некѣмъ замѣнить послѣднихъ, и просилъ позволенія отобрать ихъ отъ Саакадзева, то отъ гетмана

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, № 21952.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, №№ 21952, 7939 и пр.
[6]) Стрѣльцы (козаки) охотники, доставлявшие дичь къ гетманскому столу. См. мою работу о стрѣльцахъ. „Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной украины. Бобровники и стрѣльцы" въ III томѣ „Сборника Истор. Фил. Общества" и отдѣльно.

послѣдовалъ указъ, что отнятіемъ упомянутыхъ стрѣльцовъ владѣльцамъ будетъ причиненъ убытокъ, а стрѣльцами можно будетъ воспользоваться и изъ Глуховской сотни [1]). Вотъ при какихъ обстоятельствахъ состоялось поселеніе грузинъ въ Малороссіи.

Приложеніе.

№ 1-й.

Довѣрительное письмо кн. Евгенія Амилохорова кн. Егору Амилохорову на полученіе дворовъ (1745 года).

Государь мой братецъ князь Егоръ Васильевичъ!

Отправились Вы изъ Москвы въ Малоросію для принятія деревень, которые по указу велено намъ дать; пожалуй, государь мой братецъ, принеси челобитную объ указанной даче мне такихъ же малороссійскихъ деревень и вместо меня къ той челобитной руку приложи и такіе деревни, что надлежитъ на мою часть, прими; въ чемъ вамъ верю и прекословить въ томъ не буду. Государь мой братецъ, вашъ покорный братъ и слуга князь Евгеній Амилохоровъ.

Генваря 2 дня 1745 года. Москва.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

№ 2-й.

Письмо войсковаго товарища Лазаревича капитану Аристову по поводу обвиненія его, Лазаревича, грузинами во взяточничествѣ (1745 г.).

Благородный и достойнопочтенный господинъ капитанъ, Милостивый государь мой Иванъ Алексѣевичъ!

Письмо вашего благородія я получилъ, въ которомъ изволите отъ мене требовать отвѣта, противъ поданнаго челобитя отъ порутчика Джевахова о подарованіи мнѣ нимъ двухъ ковровъ; симъ въ отвѣтъ вашему благородію обявляю: порутчикъ Джеваховъ даровалъ мнѣ еденъ коверъ, которой при писмѣ своемъ при князю Давиду Ратіеву прислалъ на мою квартеру безъ всякого моего прошенія; оной же коверъ весь зодранъ и сукномъ простимъ златанъ, толко на попону лошади и, уповаю, не болѣе четирехъ гривенъ стоитъ, а жена его, Джевахова, прислала при писмѣ жъ своемъ чрезъ служителя своего ножей принемиталнихъ паръ шесть, которые покупаются дюжина два рублѣ и поменше, такожъ и коверчикъ маленкой немного болѣе длины двухъ аршинъ, а ширина единъ аршинъ, которому цена не болше полтини, которие ножи и коверъ служителъ его, Джевахова, почти насилно у квартерѣ моей оставля, пошелъ; токмо я разсуждалъ, что де она, княгиня, не безъ вѣдома ль его, князя, ко мнѣ прислала в рекомпенсъ; обратно чрезъ его поданного одославъ и чрезъ

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 22926.

оного просилъ болѣе такими присилками себе не утруждать. Више же упомянутой князъ Джеваховъ, пришедши на другой день на мою квартеру, съ немалимъ яко би сожалѣніемъ говорилъ, причитая за немалую обѣду, отъ мене его княгинѣ показанную въ непринятію присланнихъ вещей отъ княгинѣ его, симъ реконъмендовалъ мнѣ то принять, которие ножи и коврикъ чрезъ подданнаго своего паки прислалъ, чему онъ самъ, Джеваховъ, предъ вашимъ благородіемъ и господиномъ капитаномъ Амилахаровимъ тому не запретился; и, хочай я ему, Джевахову, приочно говорилъ: якъ не требовалъ отъ васъ и отъ книгинѣ вашей такой даровизни, такъ и не воспящаю оной обратно взять; токмо онъ, Джеваховъ, якъ предъ вашимъ благородіемъ и господиномъ капитаномъ Амилахаровимъ и протчшими сказалъ, что де я подарилъ и княгиня моя, того и одбирать не хочу, и, хоча де я челобитную и написалъ по нанесеннимъ ябедамъ на васъ Ягоромъ Зедшнидзевимъ, о чемъ уже и самъ сожалѣю. Опрѣделенные же ему, Джевахову, и чинено у местечку Сребраномъ и Ичнѣ и, хоча написано было въ бѣлете Птуху и Шкидину, тогда за ними зборщиками нѣкакова виду при коммѣсіи о отдачѣ ихъ грузиномъ въ подданство не було: а егда возвратились зъ Ичнѣ, то оние зборщики показали з енеральной войсковой канцеляріи указъ, чтобъ онихъ нѣкому не ассигновать, ибо оние опредѣлени къ сборамъ въ скарбъ войсковой сверхъ словеснаго его, князя Джевахова, со мною помѣркованя; якъ напрасно билъ челомъ, такъ и письмо далъ, что впредь не челобитчикъ: яко писмо Ваше Благородіе сами видѣли и слушали и, ежели оного потребно, тамъ представлю, гдѣ надлежитъ. Вашего благородія милостивого государя моего покорнѣйшій слуга войсковой товарицъ Данило Лазаревичъ.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3478).

№ 3-й.

Письмо войсковаго канцеляриста Жуковскаго къ капитану Аристову по тому же поводу (1745 г.).

Благородный и достойнопочтенный господинъ капитанъ, милостивый государь мой Иванъ Алексѣевичъ!

Писменно ваше благородіе изволите мнѣ объявлять, что указомъ съ коммѣссіи экономѣи зъ сообщеніемъ поданного въ ту коммѣссію отъ грузинского князя Джевахова челобитя, въ которомъ де показано: яко би онъ, Джеваховъ, далъ мнѣ пуговицю залотую зъ управленнимъ въ оную камушкомъ въ дванадцять рублей, другой камушокъ въ пять рублей да табакирку сребраную ценою въ тринадцать рублей, сверхъ того яко би требовалъ я въ него ж, Джевахова, десяти рублей денегъ, которихъ де за недачу на ассигнованніе ему, Джевахову, полку Лубенского въ мѣстечкѣ Лохвицѣ, тоей сотнѣ въ деревнѣ Венславахъ, да полку Прилуцкого въ мѣстечкахъ Сребраномъ и Ичнѣ во владѣніе двори, бѣлету я не подписалъ, велено вашему благородію о висшеписанномъ изслѣдовать, мнѣ же на томъ бѣлетѣ купно з вами подписаться; а для чего я на томъ бѣлетѣ не подписался, писменно отвѣтствовать; и хотя отъ коммѣссіи роздачи грузинамъ дворовъ (которая по силѣ указу въ дирекцѣи коммѣссіи

економіи состоитъ) будучи уволенъ (о чемъ для вѣдома и указъ з войсковой генеральной канцеляріи имѣю котораго для знанія при семъ точную прилагаю копію) высшеписанному отвѣту никакъ долженствую; однакъ во изобличеніе лжечелобитчикового безсовѣстія, для отнятія же напрасно нанесеннаго на мене пороку кратко вашему благородію на вишприсанное объявить зневоляюсь: оной Джеваховъ прислалъ било ко мнѣ служителемъ своимъ безъ жадного требованія моего грузинскую пуговку, хрустальную красную зъ золотимъ маленькимъ ушкомъ, которой цена не болше какъ еденъ рубль, да другой хрустальній же камушокъ неболшою ценою какъ въ десяти копейкахъ, токмо жъ я, доволно и обстоятелно вѣдая хитріе ихъ грузинскіе посули и дари, обратно къ нему, Джевахову, моимъ служителемъ оніе по его мнѣнію драгоцѣнніе вещи отослалъ, которіе онъ, Джеваховъ, при грузинскому жъ князю Ефрему Кавкасидзеву на квартерѣ его, Кавкасидзева, отъ моего служителя и принялъ, чому онъ и самъ и Джеваховъ, вѣдая на то и кромѣ Кавкасидзева многихъ свѣдителей, потаится не можетъ; табакирки же я отъ него, Джевахова, не токмо сребраной, но и никакой никогда не принималъ. Что же его, Джевахова, жена, следуя чрезъ Глинскъ въ Роменъ, попросивъ меня служителемъ своимъ зъ дому моего на свою квартеру (гдѣ были грузинскіе князья Давидъ Ратіевъ и упомянутій Ефремъ Кавкасидзевъ), при нихъ мнѣ безъ жадного жъ требованія моего табакирку старую маленькую, въ которой кришка и сподъ роговіе, около ней сребраной окладки золотниковъ три ценою развѣ въ полтора рублѣ подарила, то я сему никогда не запираюсь; якожъ хотя я отъ ея, княгинѣ Джеваховой, оной табакирки принимать всячески рекузовалъ, однакъ, зневоляемъ будучи не малимъ при вишписаннихъ князахъ Ратіеву и Кавкасидзеву ея прошеніемъ и разсуждая по ея рѣчамъ, что мнѣ даритъ оную табакирку въ рекомпенсъ пріятній (?), которая въ домѣ моемъ мужу ея и ей, княгинѣ, при возможномъ хлѣбосольствѣ доволно оказана, особливѣйше же не хотя въ тогдашнемъ стужателнемъ прошеніи дамской ея княжеской персоны непринятіемъ презентуемой табакирки заафронтивъ обидитъ, оную табакирку съ подобающимъ благодареніемъ отъ нея, княгинѣ, принять принужденъ былъ; и буди за таковой презентъ собственно отъ ея сіятельства прошеніе на мене послѣдуетъ, то я за то примѣрнимъ сему образомъ по командѣ отвѣтствовать съ охотою моею одолжаюсь. Что жъ въ томъ же его, Джевахова, челобиттѣ показано, якоби я за недачу имъ, Джеваховимъ, мнѣ десяти рублей денегъ бѣлету ему не подписалъ, такова ложъ всегда оставаться будетъ, ибо онъ, Джеваховъ, хотя такъ чрезъ служителя своего, яко и чрезъ вишпоминаемаго князя Кавкасидзева сулилъ мнѣ за подпись бѣлету и давалъ тіе денги, однакъ я онаго бѣлету не подписалъ съ нижеписанннихъ резеновъ: 1) что полку Прилуцкого въ мѣстечку Ичнѣ описани къ дачѣ двори войсковимъ товарищемъ Лазаревичемъ въ бытность тамо его, Джевахова, безъ данной за рукою бывшаго въ смотренія въ томъ Прилуцкомъ полку свободнихъ посполитихъ дворовъ, умершаго капитана Кабилина, во время болѣзни его о техъ посполитихъ дворахъ въ томъ мѣстечку Ичнѣ вѣдомости и безъ присутствія моего, а, когда я въ Ичню прибылъ, то уже двори къ дачѣ ему, Джевахову, изъ ста восьмидесятъ были вибранніе; 2) между тѣми дворами еденъ мѣщанинъ, онъ же и ктиторъ Василь Шапочникъ къ противность Коммѣссіи Экономѣи указомъ, протчіи же

съ бывшихъ во владѣніи подполковницѣ Дегонорвой дворовъ были описани, которихъ також де впредь до указу во владѣніе никому отдавать невелено, о чемъ для вѣдома въ коммѣссіи роздачи грузинамъ дворовъ хотя указу никакова ни откуда не имѣется, однакъ покойній капитанъ Кабилинъ о возбраненіи указомъ тѣхъ въ дачу дворовъ отводить словесно объявлялъ; и въ таковомъ сумнительствѣ оной бѣлетъ мною не подписанъ и безъ особливаго посему на то указу подписанъ быть не имѣетъ, о якихъ ассигнованнихъ въ мѣстечку Ичнѣ ему, Джевахову, во владѣніе дворахъ соблаговолено бъ было во увѣреніе отъ Коммѣссіи Экономѣи о учиненіи справки, куда надлежитъ, указомъ предложить и, буди иначе явится, то я по указамъ штрафу подлежать имѣю. Впрочемъ вашего благородія моего милостиваго государя доброжелателній и упокоренній слуга войсковій канцеляристъ Федоръ Жуковскій. 1745 года Февраля 27 дня Глинскъ.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3470).

№ 4-й.

Два приказа кн. Арбеліанова Срѣбранскому старостѣ Хименку (1749 года).

Приказъ Ивану Хименку старостѣ Срѣбранскому. По полученіи сей карти, понеже давно до тебе писанно, чтоби ти собралъ загодей насѣня всякое, но ти и по сюю пору не собиралъ и заразъ би тобѣ, неумедля немало, собрать такое насѣня и въ едномъ мѣсцу постановить, покаместь время будетъ сѣять; и загадать тобѣ — подводу пароконную въ Глуховъ Тишку Бебченку и брату твоему Дмитру Хименку, не принимая отъ нихъ нѣкакихъ отговорокъ; ежели своихъ лошадей неимѣютъ, то нехай хочутъ наимутъ, а чтобъ були всеконечне завтришнего дня къ вечеру и спроси въ тихъ нашихъ мужиковъ, которихъ копитанъ билъ виписалъ, сколко они ему денегъ дали, понеже тии денги будутъ возвращени обратно по указу. А еденъ конь Рѣзниченковъ взятъ въ подводу въ Зѣнковъ, а другого посилается и конечне по сему приказу, чтоби исполнено все конечне било, а буди ли неучинишъ, то жестоко наказанъ будешь; да покидаи копитански духъ [1]), да смотри старого приказа, чтоби въ тебе все справно било. А сіе письмо отдай Михаилу грузинцу. Князь Андрей Арбеліановъ.

(Харьк. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

Приказъ Ивану Хименку старостѣ Срѣбранскому. Хочай не однократне до тебе пишу, но ти нѣчого того неисправляешь, надѣешся на своего копитана, которому и смѣна вскорѣ будетъ за его такіе непорядочніе уступки, котории онъ съ нами поступилъ; и уже и указъ къ нему присланъ з экономіи коммисіи з реплямѣнтомъ, чтобъ оній копитанъ вернулъ отнятыхъ людей, которыхъ онъ у насъ отнялъ, по которому указу уже въ Ичнѣ и вернулъ, которыхъ у нашихъ братя отнялъ былъ; а ти поздровъ тихъ нашихъ мужиковъ, котории подавали копитану денги на произдъ до Глухова, то онъ имъ за тое будетъ дяковать, а ти на тихъ не смотри, да справляйся хорошенко. Князь Андрей Арбеляновъ.

(Харьк. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

[1]) Т.-е. духъ капитана Аристова, смотрителя описныхъ Е. И. В. маетностей.

№ 5-й.

Изъ вѣдомости розданныхъ грузинамъ дворовъ.

Имя и фамилія.	Дворы.	Угодія. Пашенной. земли.	Угодія. Лѣсъ.	Угодія. Сѣнокосъ.	Семья.
Князю капитану Егору Амилохорову.					
Въ селѣ Лозовой Роменскаго уѣзда.					
Андрей Матвѣенко	Живетъ своимъ дворомъ.	Засѣву на 4 четвер.	Въ одномъ мѣстѣ часть.	Возовъ на шесть.	У него 2 брата: Антонъ и Леско.
Карпъ Бутенко	Idem.	—	—	Воза на 3.	—
Стефанъ Кусий	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Братъ Василь, сынъ Иванъ и племянники: Петръ и Федоръ.
Вдова Ефросинья Ступничка	Idem.	На 1 чет.	—	—	Сыны: Семенъ и Федоръ
Вдова Катря Бовтручка	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 6 воз.	Сыны: Федоръ и Андрей.
Леско Бовтрученко	Idem.	На 2 чет.	—	На 4 воз.	Братья: Юско и Федоръ.
Грицко Муха	Idem.	На $1^1/_2$ чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Сыны: Кондратъ и Грицко, племянники: Федоръ и Юско.
Вдова Оришка Иващенкова	Idem.	На 1 чет.	Idem.	На 12 воз.	Сыны: Иванъ и Демко.
Яковъ Иващенко	Idem.	На 2 чет.	—	—	Братъ Гаврило.
Петро Гречка	Idem.	На 2 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Племянники: Андрей и и Данило.
Федоръ Гречка	Idem.	На 4 чет.	Idem.	—	Сынъ Данило да племянникъ Василій.
Мартынъ Назаренко	Idem.	На 1 чет.	—	—	Братъ Демко.
Села Левченокъ.					
Павло Олѣйниченко	Idem.	На 2 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 3 воз.	Сыны: Иванъ и Трофимъ.
Николай Самойличенко	Idem.	На 2 чет.	Idem.	На 5 воз.	Братъ Остапъ.
Данило Бабенко	Idem.	—	—	—	Сыны: Максимъ и Онисько, зять Тимошъ Цыганенко.
Иванъ Вороненко	Idem.	На 4 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 5 воз.	Сыны: Никифоръ, Моисей и Петро.
Юско Гвозденко	Idem.	На 3 чет.	Idem.	—	Сынъ Кирикъ. Братъ Илья.
Кондратъ Ященко	Idem.	—	—	—	Сыны: Василь и Никола.

Имя и фамилія.	Дворы.	Угодія.			Семья.
		Пашенной земли.	Лѣсъ.	Сѣнокосъ.	
Федоръ Бѣлоконый......	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Сыны: Яцко, Остапъ, Герасимъ, Максимъ, Грицко; зять Романъ.
Тымко Калепикъ......	Idem.	На 4 чет.	Idem.	На 10 воз.	Сыны: Василій и Степанъ.
Степанъ Цыганъ	Idem.	На 5 чет.	Idem.	На 8 воз.	Сыны: Иванъ и Федоръ.
Никита Шевченко	Idem.	На 3 чет.	Idem.	На 6 воз.	Братъ Ефимъ; сыны: Никола и Никифоръ.

(Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 1952).

№ 6-й.

Доношеніе управителя маетностей гр. Р. Л. Воронцова въ генеральную войсковую канцелярію объ обидахъ, причиненныхъ грузинами подданнымъ графа.

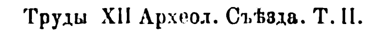
Въ Генеральную Войсковую Канцелярію.

Нижайшое доношеніе.

Въ маетностяхъ господина моего Сіательства господина генералъ аншефа дѣйствителного камергера и разнихъ ординовъ кавалера графа Романа Ларіоновича Воронцова полтавскихъ жытелствующіе грузыне владѣютъ усиловне его высокографского сіятельства подданныхъ дворами и плецами, въ ихъ одаточнихъ былетахъ не значащихся и разораютъ тѣхъ подданныхъ, яко то: въ мѣстечкахъ Кобеляке князья Ростонъ Баратовъ Петра Крывды частію, Яцка Третинныченка и Максима Тараненка всѣми плецами, при дворѣ его жилломъ въ Пригорожѣ находячимися, Давидъ Баратовъ плецами жъ Федора Скляра, Ивана Мѣняйлова зятя и Остапа Мѣняйла, да Петра Бондара, на коихъ плецахъ его, Давида Баратова, дворъ жылой зъ двумя хати съ комнатою, коморъ двѣ и загорода, которіе комори онъ, Баратовъ, на паленіе и на всякое строеніе употребляетъ; въ Бѣликахъ грузинская дворянка Тетіяна Егорова Марзынова на плецу Остапа Цапка змершаго жыллимъ дворомъ зъ двума хати и коморею рубленою зъ сѣлникомъ (?) завладѣла, а князь Николай Манвелевъ Нычыпора Тарона плецомъ завладѣлъ; и сверхъ того жалобы занесенни отъ войтове бѣлицкаго Федора Старицкого, что оный грузынъ Манвелевъ, наехавши на дворъ гвалтовно самъ третій пры шабляхъ зъ другими, подданного его високографского Сіятелства Семена Литвина зъ сыномъ его Павломъ со всѣмъ ихъ имуществомъ забралъ и дворъ тотъ разорылъ и въ имѣющихся двохъ хатахъ едной — дверѣ, окошка, лавки и пѣчю побилъ и порубалъ, другой — сволокъ перерубилъ и стелю всю на землю обвалилъ; отъ Новосанжароскаго Леонтія Довгополого, что въ Новомъ Санжарове жытелствующій грузынскій князь Шаликовъ насылствомъ своимъ состоящихъ по описѣ подданныхъ разоряетъ и грабить, лошадей отнымаетъ и хвосты отрубиваетъ, а за возвращеніемъ

оныхъ береть денгы въ подданныхъ, а именно: у Федора Пузыра рубля, у Афтанасія Божкового зятя четыре рублѣ, у Онофрія у Одновола два рубля, Ивана Бутка одного рубля; и впредъ похвалки произносить подданныхъ его високографского сіятельства прописанныхъ, неведомо почему, взять къ себѣ въ подданство, а самого войта Довгополого онъ, Шаликовъ, сего Іюня 7 дня пры находѣ своемъ на домъ его, Довгополова, гвалтомъ намѣренъ шаблею зрубыть (которій, когда бъ у сенцы убежавши дверей не затворылъ, зрубалъ бы въ смерть), чрезъ что которіе его высокографскому сіятелству ихъ, грузыновъ, причыненіе подданныхъ его высокографского сіятелства грабителства и произносиміе похвалкы и взятіе себѣ его высокографского сіятелства подданнихъ въ подданство, крайняя обида следуетъ, о чемъ въ генеральную войсковую канцелярію донося, покорнѣйше прошу о нечыненіи вышеписаннымъ грузынамъ его високографского сиятелства подданнымъ обидъ, о неразгониваніи подданныхъ, и небраніи самими собою въ подданство и возвращеніи какъ забратихъ подданныхъ Семяна Литвина зъ сыномъ Павломъ и имуществомъ, такожъ Федора Пузира съ товарищи денегъ, кому надлежитъ, предложить; а буди оніе грузине Ростонъ Давидъ Баратови, дворянка Мурзинова и грузине жъ Манвелевъ и Шаликовъ имѣютъ какую претенсію, то, неуправлясь бы сами собою, искали бъ о томъ въ учрежденной для разбору о земляхъ его високографского сіятелства коммиссіи. На подлѣнномъ тако: о семъ проситъ его сиятелства господина генералъ аншефа сенатора дѣйствителного камергера и разнихъ ординовъ кавалера графа Романа Ларіоновычева Воронцова полтавскихъ маетностей управитель Михайло Колосовъ. 1763 году Іюня 17 дня. Кобелякъ.

(Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 7682).



Къ литературной исторіи Краледворской рукописи.

По поводу новѣйшей книги по исторіи чешской литературы В. Флайшганса Pisemnictví ceské slovem i obrazem od nejdavnějšich dob až po naše časy. Piše d-r Vaclav Flajšhans. Nakladatele Grossman, Svoboda (v Praze. 25 выпусковъ, 766 стран. 1901 г.).

А. І. Степовича.

Читая въ названномъ замѣчательномъ трудѣ извѣстнаго чешскаго филолога Флайшганса изложеніе вопроса о Краледворской рукописи, мы рѣшились свести въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое всѣ накопившіеся у насъ матеріалы по литературной исторіи названнаго памятника, вышедшіе въ свѣтъ со времени изданія книги г. А. В. Стороженка „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописи“ Кіевъ, 1880 г., и особенно со времени возобновленія спора о подлинности этихъ памятниковъ въ 1885 г.

Правда, трудно ручаться за полноту собраннаго мною матеріала (нѣкоторыхъ работъ такъ и нельзя было достать); посему будетъ умѣстнѣе предложить возможно полный сводъ названнаго матеріала не отдѣльно, а при общемъ сужденіи о книгѣ г. Флайшганса[1]). Такимъ образомъ, признавая самъ значительную неполноту своего свода — въ которомъ, впрочемъ, главное почти все указано — и имѣя въ виду въ будущемъ представить болѣе совершенную въ этомъ отношеніи работу, докладчикъ былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если бы ему удалось намѣтить хотя самые главные и существенные моменты новѣйшаго спора о подлинности Краледворской рукописи и указать важнѣйшія явленія полемической литературы по этому предмету.

Обстоятельное и цѣлесообразное изложеніе исторіи литературы какого-нибудь культурнаго народа — дѣло, какъ извѣстно, большой трудности, потому что въ концѣ концовъ отъ автора требуется ни болѣе ни менѣе, какъ обнаружить, можно сказать, святая святыхъ народной души, раскрыть ея сокровеннѣйшіе тайники и глубочайшія чувствованія, повѣдать міру народные идеалы, воплощенные въ изящнѣйшихъ твореніяхъ художественнаго слова.

А такой трудъ не всегда и не всякому подъ силу. Онъ не только требуетъ множества подготовительныхъ работъ, разчищающихъ путь изслѣдователю, всѣхъ

[1]) На съѣздѣ это сужденіе, впрочемъ, было предложено въ краткомъ видѣ, такъ какъ докладчикомъ сдѣлано было главнымъ образомъ извлеченіе изъ этого сужденія, касающееся новѣйшей литературной исторіи Краледворской рукописи.

этихъ мелочныхъ разысканій, кропотливыхъ занятій по изданію и обслѣдованію памятниковъ, монографій, но въ своей успѣшности обусловленъ въ сущности еще едва ли не важнѣйшимъ обстоятельствомъ, а именно наличностью у автора созидательнаго, проникновеннаго дарованія, которое позволило бы ему не только овладѣть всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, но и извлечь изъ него все, что помогло бы ему наилучше выполнить указанныя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, можно прекрасно овладѣть предметомъ со всею его литературою и не быть въ состояніи написать дѣйствительно дѣльную и цѣлесообразную исторію литературы, разъ у изслѣдователя не имѣется въ наличности вышеуказанной проникновенной способности осмыслить и правдиво освѣтить собранный матеріалъ и на немъ возсоздать идеальный образъ души народной. Вотъ причина, почему такъ мало книгъ, которыя можно было бы по всей справедливости назвать дѣйствительными „исторіями литературы". Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ плохія книги въ этой области, неуспѣхъ которыхъ обусловленъ или жалкимъ состояніемъ предварительной разработки данныхъ, отсутствіемъ монографій и т. п., или недостаткамъ у авторовъ вышеуказанной созидательной способности. При отсутствіи наличности указанныхъ требованій, когда однако же въ обществѣ существуетъ спросъ на книги по исторіи литературы, доборсовѣстные изслѣдователи обыкновенно стараются ограничивать свою задачу и съуживать кругъ поставленныхъ ими вопросовъ. Они или даютъ чисто библіографическаго характера труды по эпохамъ либо въ азбучномъ порядкѣ писателей — таковы напримѣръ, труды Юнгмана, І. Иречка по исторіи чешской литературы, при чемъ главною заботою и цѣлью изслѣдователей является опредѣленіе наличности, всей литературы,— или отмежевываютъ себѣ опредѣленныя эпохи (древнюю, среднюю или новую; таковъ, напримѣръ, извѣстный трудъ Ягича, излагающій древнюю пору исторіи хорватской литературы или Бачковскаго, задавшагося цѣлью обстоятельно изложить новый періодъ чешской литературы). Иные изъ изслѣдователей, отчаяваясь въ возможности одолѣть весь предлежащій, часто еще и мало разработанный матеріалъ, ограничиваются разсмотрѣніемъ только самыхъ яркихъ теченій и важнѣйшихъ данныхъ исторіи литературы и изложеніемъ дѣятельности лишь ея вожаковъ и руководителей, опуская всѣ подробности и различныя мелкія данныя. Только такимъ путемъ имъ обыкновенно удается написать не недоконченныя, хотя и солидныя работы — таковы, напримѣръ, извѣстные труды І. Добровскаго или К. Сабины по исторіи чешской литературы — а болѣе или менѣе цѣльные доведенные до конца очерки исторіи литературы, удовлетворяющіе такъ или иначе запросамъ читающаго общества, если не требованіямъ чистой науки; такъ поступилъ, напримѣръ, какъ извѣстно, г. К. Тифтрункъ, авторъ наиболѣе распространенной книги по исторіи чешской литературы. Наконецъ, четвертые, къ которымъ принадлежитъ и авторъ разсматриваемой нами книги, желая составить тоже цѣльные и законченные очерки, берутъ предметъ болѣе съ внѣшней, такъ сказать, его стороны, и пишутъ уже не столько исторію литературы народа, составить которую они не берутся, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, а также и по недостаточности предварительной разработки данныхъ, сколько исторію, если можно такъ выразиться, книги у народа; они слѣдятъ за внѣшними историко-литературными судьбами его и,

желая оживить свое, по необходимости, сухое изложеніе, обыкновенно вводятъ въ него множество наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ лучшихъ произведеній изящной словесности, снимковъ съ рукописей, автографовъ и т. п., и, наконецъ, портретовъ, изображающихъ писателей въ извѣстные моменты ихъ жизни, въ извѣстныхъ условіяхъ работы и т. п. Только при помощи такихъ пріемовъ книги ихъ дѣлаются удобочитаемыми и становятся достояніемъ общества.

Названная выше книга г. Флайшганса, принадлежащая, какъ сказано, къ послѣднему разряду историко-литературныхъ трудовъ, написана образцово и можетъ служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ составлять подобнаго рода книги, кстати сказать еще отсутствующія, напримѣръ, въ нашей литературѣ, гдѣ извѣстная новѣйшая книга г. Полеваго, изданная г. Марксомъ, какъ извѣстно, далеко не отвѣчаетъ своему назначенію.

Составитель разсматриваемой книги, извѣстный чешскій филологъ и профессоръ гимназіи, началъ выпускать свой трудъ еще съ 1898 года отдѣльными выпусками (sešity), какъ это вообще принято на западѣ для большихъ книгъ, и только теперь, черезъ три года, успѣлъ довести его до вожделѣннаго конца.

Внѣшность изданія довольно привлекательна. Заглавіе на обложкѣ набрано въ старинномъ чешскомъ (средне-вѣковомъ) вкусѣ буквами такъ называемаго „швабаха“, при чемъ рисунокъ начальной буквы Р взятъ изъ рукописи XIII в. „Mater verborum“, хранящейся въ пражскомъ музеѣ чешскаго королевства, а другія украшенія изъ рукописи XVI в. „Životy svatých otců“, хранящейся въ библіотекѣ пражскаго университета. Каждый выпускъ снабженъ множествомъ прекрасно сдѣланныхъ снимковъ съ рукописей, видовъ, таблицъ, портретовъ и т. п., наглядно изображающихъ исторію чешской книги. Говоримъ „книги“, а не „литературы“, потому что трудъ г. Флайшганса, повторяемъ, не имѣетъ въ виду строгихъ задачъ исторіи литературы съ ея проникновеніемъ въ тайники народнаго духа, съ ея раскрытіемъ идеаловъ народныхъ; задача его проще: начертить, такъ сказать, внѣшнюю исторію литературной жизни чеховъ, исторію ихъ „книги“ въ широкомъ смыслѣ слова, постепенный ходъ ея развитія, эволюцію писательской дѣятельности.

Отъ этого задача автора не сдѣлалась менѣе почтенной; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходилось имѣть дѣло съ трудностями, нисколько не меньшими тѣхъ, которыя выпадаютъ на долю историка внутренней стороны литературныхъ явленій.

Выполненъ трудъ г. Флайшганса образцово и въ этомъ отношеніи можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, какъ вообще должно составлять подобнаго рода книги. Къ стыду нашему, русская литература, какъ сказано, все еще не имѣетъ такого труда и все еще ждетъ своего дѣятеля, который предпринялъ бы такую нелегкую, но зато почетную и необходимую работу...

Что г. Флайшгансъ не взялся за такую отвѣтственную работу, какъ исторія чешской литературы, это свидѣтельствуетъ о томъ, что, не переоцѣнивая своихъ силъ, онъ въ то же время вполнѣ правильно понимаетъ положеніе дѣла и въ своемъ осторожномъ отношеніи къ нему не переступаетъ крайнихъ предѣловъ. Въ самомъ

дѣлѣ, для того, кто знаетъ, въ какомъ довольно незавидномъ положеніи находится разработка вопросовъ научной исторіи чешской литературы, какъ мало еще сдѣлано монографическихъ изслѣдованій, разчищающихъ путь и облегчающихъ задачу историка, для того, повторяю, рѣшеніе г. Флайшганса не покажется нисколько удивительнымъ, а, напротивъ, представится явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Его могли остановить, да и дѣйствительно остановили, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, многочисленныя неудачи его предшественниковъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ непосильной для одного лица работы и обыкновенно покорно складывавшихъ оружіе задолго до ея завершенія... Такъ было дѣло съ знаменитымъ патріархомъ славяновѣдѣнія І. Добровскимъ (его книга Geschichte der böhmich. Spr. und Litter. 420 стр. 3-е изд. 1818 г. дальше 1526 г. не пошла), съ приснопамятнымъ І. Юнгманомъ ограничившимъ (1825 г.) свою задачу простымъ возможно полнымъ исчисленіемъ всѣхъ чешскихъ книгъ на 705 стран.; его библіографическій трудъ Historie literatury české позднѣе былъ дополненъ извѣстнымъ В. Томкомъ и выпущенъ въ 1849-51 г.; на этомъ трудѣ основана и книга А. Шемберы 1858 г. (Dějiny literatury české заключающая въ себѣ уже и характеристики авторовъ, но далеко еще не представляющая прагматичной исторіи литературы. Въ 1866 г. вышла книга К. Сабины, (Dějepis literatury českoslovanské, 948 стр.) задуманная широко и на вполнѣ научныхъ историколитературныхъ основаніяхъ, но и она не пошла далѣе XVI-XVII вв. (доведена до 1620 г.) такъ какъ авторъ очевидно и самъ отчаялся довести свой трудъ до конца да и у другихъ отбилъ охоту заниматься этимъ дѣломъ. Русскій трудъ А. Н. Пыпина въ его „обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ“ (С.-Пб. 1865 г.), переработанномъ позже въ „Исторію славянскихъ литературъ“ С.-Пб. 2 тома 1879—81 г., являясь первымъ на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе цѣльнымъ обзоромъ исторіи родственной литературы, слишкомъ мало однакоже вводитъ читателей въ самыя произведенія этой литературы и, такимъ образомъ, страдаетъ въ отношеніи чисто фактическаго матеріала.

Это обстоятельство и было причиною появленія въ 1886 г. въ Кіевѣ другой русской книги о томъ же предметѣ (очеркъ исторіи чешской литературы, А. Степовича), которой, въ свою очередь, повредилъ смѣшанный характеръ изложенія — не то популярный, не то научный и излишняя краткость многихъ частей. Книга І. Иречка „Rukovět' k dějinám literatury české“ 1875—76 г., являющаяся очень важнымъ подспорьемъ для всякаго работающаго въ области исторіи чешской литературы, въ сущности представляется лишь прекраснымъ біографическимъ, — въ азбучномъ порядкѣ авторовъ, — дополненіемъ къ вышеупомянутому Юнгманову труду и тоже никоимъ образомъ не можетъ считаться связной прагматичной исторіей... К. Тифтрункъ въ своей дѣльной книгѣ „Historie české literatury“ (3-е изд. 1885 г. Прага) попытался одолѣть предметъ при помощи изложенія только важнѣйшихъ явленій и направленій исторіи чешской литературы, не пускаясь въ подробности, но и онъ, даже при столь скромной сравнительной задачѣ, изнемогъ подъ бременемъ огромной массы давившаго его литературнаго матеріала и по новѣйшему періоду далъ лишь въ сущности рядъ цыфръ и именъ...

Фр. Бачковскій въ своихъ „Zevrubné dějiny písemnictví českého doby nové 1886 г. (933 стр.) еле успѣлъ кое-какъ добраться до 1848 г., и его трудъ, почтенный во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ однакоже вслѣдствіе своей недоконченности весьма малое значеніе, напоминая какое то недодѣланное безногое изваяніе. Наконецъ книга г. Ярослава-Влчка „Dejiny české literatury“ (начала выходить съ 1893 г. въ Прагѣ; въ 1902 г. вышелъ тринадцатый выпускъ) и доселѣ остается незаконченной и со многими не заполненными пробѣлами, напримѣръ, пропущенъ пока весь XVI в., и какая постигнетъ ее дальнѣйшая судьба, трудно сказать. Авторъ встрѣтившись на пути своего труда съ крайне неразработанными сторонами дѣла, вынужденъ былъ самъ взяться за разныя монографіи...

Такимъ образомъ г. Флайшгансу, прекрасно видѣвшему и недостатки трудовъ, предпринятыхъ его предшественниками, и роковую невозможность для нихъ болѣе счастливаго исхода, оставалось одно, если онъ хотѣлъ дать своимъ читателямъ болѣе или менѣе цѣльный, доведенный до самаго послѣдняго времени, обзоръ всего важнѣйшаго, сдѣланнаго въ области чешской литературы на протяженіи вѣковъ: дать исторію чешской книги въ снимкахъ и въ образахъ важнѣйшихъ авторовъ, приведши главнѣйшія о нихъ біографическія черты и характерныя мѣста и отрывки изъ сочиненій, охвативши все это возможно болѣе короткимъ общимъ очеркомъ историко-литературнаго развитія и важнѣйшихъ, вліявшихъ на ходъ литературы, историческихъ событій. Такимъ образомъ авторъ, не имѣя въ виду дать читателю связную прагматичную книгу исторіи чешской литературы, удачно сумѣлъ выполнить другую задачу: дать о всѣхъ главнѣйшихъ чешскихъ писателяхъ и ихъ твореніяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая послѣдними годами девятнадцатаго столѣтія, важнѣйшія историко-литературныя и біографическія свѣдѣнія, иллюстрируя ихъ возможно большимъ количествомъ удачно подобранныхъ наиболѣе характерныхъ снимковъ и портретовъ, а также мѣстъ изъ самихъ произведеній литературы. Конечно, при такомъ способѣ изложенія въ книгѣ приведены болѣе или менѣе подробно лишь главнѣйшіе дѣятели, прочіе же совсѣмъ не названы или лишь упомянуты, но авторъ, вѣдь, и не имѣлъ въ виду давать „исторію чешской литературы“, и его нужно судить съ точки зрѣнія имъ самимъ поставленныхъ себѣ задачъ. Въ этомъ отношеніи книга его, какъ уже сказано, мнѣ кажется, составлена удачно и вполнѣ цѣлесообразно.

Обратимся къ подробностямъ, чтобы указать нѣкоторые пункты нашего несогласія съ авторомъ или отмѣтить болѣе слабыя части труда или просто его особенности.

Говоря на страницахъ 9—11 о чехизмахъ и моравизмахъ въ старославянскихъ книгахъ, какъ послѣдствіи литературной дѣятельности святыхъ славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія на чехо-моравской почвѣ, авторъ не указываетъ, однако, ни одного примѣра такихъ чехизмовъ, что, между тѣмъ, было бы далеко неизлишне и для читателей очень поучительно, такъ какъ удовлетворяло бы и требованіямъ большей доказательности сужденій и живости, наглядности изложенія.

Въ статьѣ акад. А. И. Соболевскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, за 1900 г., (кн. I—II, стр. 150—218) собранъ довольно обильный и любопытный матеріалъ по этому вопросу. Правда, присутствіе въ древнеславянскихъ переводахъ книгъ свя-

щеннаго писанія значительнаго количества западнославянскихъ, въ частности чехоморавскихъ словъ и выраженій и разныхъ фонетическихъ особенностей давно уже было извѣстно ученымъ, но, кажется, г. Соболевскій первый рѣшился заняться этимъ вопросомъ съ болѣе строгой фактическою основательностью и опредѣлить болѣе или менѣе точно наличность западнославянскихъ языковыхъ стихій въ древне-церковнославянскомъ языкѣ священныхъ книгъ; его работа, правда, — лишь попытка, но попытка, прочищающая путь новымъ изслѣдователямъ и въ этомъ отношеніи имѣющая, на нашъ взглядъ, важное значеніе. Привести нѣсколько данныхъ изъ нея автору разбираемой книги очень не мѣшало бы. Кстати изъ пропусковъ въ статьѣ г. Соболевскаго укажемъ слѣдующіе: стѣнь — umbra; несомнѣнно чехизмъ, срв. современное чешское stíň. Скврьна — macula, sordes; срв. чешск. skvrna. Пакы — rursus, sicque. не можетъ ли это слово быть приведено къ современному чешскому *pak*.—? Нынѣ — modo. Это слово и теперь еще употребительно въ чешскомъ народномъ языкѣ (nyní), гдѣ оно, конечно, исконнаго происхожденія, а не заимствовано, какъ въ русскомъ, и др. Среди прекрасно сдѣланныхъ снимковъ, напримѣръ, глоссованной псалтыри XIII в., хранящейся въ Пражскомъ музеѣ Чешскаго королевства, пѣсни о Божьемъ тѣлѣ XIII в., принадлежащей пражской университетской библіотекѣ, постиллы Петра Хельчицкаго, Подѣбрадской псалтыри, хранящейся въ Дрезденѣ, съ превосходнымъ заставочнымъ цвѣтнымъ рисункомъ на золотомъ полѣ (снимки эти вполнѣ передаютъ всю внѣшность снятыхъ листковъ отъ формата и величины до окраски буквъ), находимъ и снимокъ съ знаменитой Краледворской рукописи, которую авторъ, убѣжденный защитникъ, счелъ возможнымъ ввести въ свое изложеніе (37—45 стран.), оставивши совершенно въ сторонѣ — и справедливо — Зеленогорскую рукопись. Можетъ-быть, было бы осторожнѣе перенести это изложеніе съ древняго времени въ XIX вѣкъ, когда произошло нѣсколько необычное открытіе памятника... но во всякомъ случаѣ врядъ ли можно упрекать автора за сдѣланное, въ виду того, что вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ названнаго памятника далеко еще не рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону, и если защитники его по словамъ А. Н. Пыпина, находятся не въ особенно завидномъ положеніи, то врядъ ли лучше себя чувствуютъ и противники... Въ самомъ дѣлѣ достаточно вкратцѣ прослѣдить новѣйшуюисторію спора, начиная съ 1885—6 гг., чтобы имѣть право сдѣлать вышеуказанное утвержденіе безъ особенныхъ натяжекъ[1]). Предложимъ вкратцѣ важнѣйшія данныя этого новѣйшаго спора, чтобы нагляднѣе показать читателю, въ какой мѣрѣ г. Флайшгансъ былъ вправѣ распорядиться съ Краледворскою рукописью именно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, т.-е. ввести ее въ свое изложеніе, не взирая на обильную возраженіями литературу ея противниковъ... Справедливость требуетъ признать, что Флайшгансъ съ большимъ безпристрастіемъ изложилъ вкратцѣ ходъ и сущность споровъ о подлинности Краледворской рукописи (42—45 стран.): его спокойное изложеніе чрезвычайно правдиво и близко къ истинѣ; въ немъ очень искусно указаны и сильныя и слабыя стороны въ доводахъ обѣихъ спорящихъ сторонъ...

---

[1]) Обозрѣніе вопроса до 1880 г. см. въ книгѣ А. Стороженко „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской рукописи. Кіевъ 1880 г.

Въ 11-й книжкѣ (ноябрь) временника „Osvěta“, за 1885 г., появилась небольшая, но знаменательная статья извѣстнаго защитника Краледворской рукописи Март. Гатталы, озаглавленная слѣдующимъ образомъ „O národním smýšlení (образѣ мыслей сознаніи) Kralovédvorských epiků. Ukazka obrany rukopisu Kralovédvorského“. Эта статья вмѣстѣ съ замѣтками того же ученаго, появившимися на столбцахъ извѣстнаго политическаго органа младочеховъ „Národní listy“ (1885 г., № 357—358 и 1886 г., № 3 и 16), вызвала въ журн. „Atheneum“ возраженія со стороны г. Гебауэра, прежде защищавшаго противъ г. Вашка и др. подлинность указанной рукописи, что̀ и было сигналомъ возгорѣвшагося яраго спора. Въ дѣло вмѣшались редакторъ Atheneum'а проф. философіи Масарикъ съ одной стороны и г. I. Калоусекъ (въ „Osvětě“) съ другой. Взаимному раздраженію особенно способствовало самомнѣніе г. Масарика, который, не будучи филологомъ, взялъ на себя, такъ сказать, окончательное рѣшеніе вопроса, выражая свои мнѣнія въ тонѣ, не допускавшемъ возраженій. Особенное негодованіе произведено было въ чешскомъ обществѣ, до тѣхъ поръ державшемся какъ бы въ сторонѣ, его неумѣстнымъ и преждевременнымъ помѣщеніемъ въ извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера статьи, гдѣ Краледворская рукопись съ нѣсколько странною и подозрительною поспѣшностью была объявлена памятникомъ подложнымъ, не выдерживающимъ-де самой снисходительной критики... и служащимъ лишь для цѣлей кваснаго патріотизма и мороченія публики. Мнѣніе это было высказано опять-таки въ формѣ очень рѣзкой и самоувѣренной, доказательствъ же сколько-нибудь цѣнныхъ представлено не было. Этотъ поступокъ г. Масарика представился чехамъ прямо-таки предательскимъ и возбудилъ цѣлую бурю негодованія, но зато способствовалъ не только увеличенію голословныхъ протестовъ, но и появленію множества всякаго рода книгъ и статей, болѣе или менѣе дѣльныхъ, *за* рукопись. Въ дѣло вмѣшались и простые смертные — не филологи (напримѣръ, извѣстный публицистъ Юлій Грегръ, г. Ольдрихъ Сикора и др.), затѣмъ присоединились и болѣе или менѣе ученые люди, напримѣръ г. Янъ Черный, секретарь Чешскаго музея, г. Вртятко, библіотекарь его, г. Ѳома Планскій, гимназическій профессоръ въ г. Рыхновѣ — за рукопись, а извѣстный г. Ягичъ — противъ. Споръ охватилъ скоро не только всю Чехію, но и вышелъ за ея предѣлы и въ извѣстной мѣрѣ отразился даже у насъ на Руси... (Статья В. И. Ламанскаго въ Ж. М. Н. П.)

Основная мысль вышеупомянутой статьи г. Гатталы, явившагося какъ бы застрѣльщикомъ спора въ восьмидесятыхъ годахъ, состоитъ въ томъ, что, вопреки мнѣнію противниковъ заподозрѣнныхъ памятниковъ объ одиночномъ положеніи въ старочешской литературѣ тѣхъ заявленій національно-патріотической чешской исключительности и вражды къ нѣмцамъ, какія находятся въ этихъ памятникахъ, эти заявленія въ общемъ въ сущности гораздо слабѣе тѣхъ, какія находятся во многихъ другихъ произведеніяхъ древней и старинной чешской словесности; такимъ образомъ, неосмотрительно и рискованно со стороны противниковъ Краледворской рукописи настаивать на одиночности и исключительности ея противонѣмецкихъ выходокъ, разъ подобныя же или еще болѣе сильныя находимъ, наприм., хотя бы въ извѣстной стихотворной чешской хроникѣ Далимила или въ легендахъ о св. Прокопѣ и Ансельмѣ, что̀ отмѣчено уже и такимъ противникомъ Краледворской рукописи, какъ Фейфаликъ (Ueber die Königinhofer

Handschrift (Wien 1860); еще болѣе: „Studien zur Geschichte der Altböhmischen Literattur“ въ Sitzungsberichte der philosophisch-hist. Classe der k. Akademie der Wissenchaflen 30—13. Вѣна 1859, стран. 419—420).

Кромѣ того, по мнѣнію Гатталы, и вообще эпическія пѣсни Краледворской рукописи согласны или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ главному содержанію и характеру чешской исторіи (т.-е. борьбѣ съ нѣмцами), и особенно энергично споритъ онъ съ Пыпинымъ, одну изъ основныхъ мыслей котораго онъ даже цѣликомъ выписываетъ для удобства полемики. („Если даже и не предрѣшать теперь окончательно вопроса о произведеніяхъ, какъ Любушинъ судъ, Краледворская рукопись, глоссы Mater Verborum и т. д., то можетъ показаться страннымъ, исторически нелогичнымъ, что другіе памятники чешской старины не представляютъ или ничего или мало похожаго на то рѣзкое національно-патріотическое направленіе, которое замѣчается въ заподозрѣнныхъ памятникахъ... См. Исторію Славянскихъ литературъ, т. II, 820—821 страницы).

Мысли Гатталы и его доказательства кажутся намъ въ общемъ дѣльными и убѣдительными, такъ что тотъ упрекъ противниковъ Краледворской рукописи, противъ котораго онъ борется, долженъ, кажется, считаться отнынѣ неосновательнымъ...

Тотъ же Гаттала выступилъ со вторымъ „образцомъ обороны“ Краледворской рукописи уже въ ежедневномъ изданіи „Národní Listy“ (№№ 357, 358 за 1885 г. и №№ 3, 6, 16 за 1886 г.). Эту статью онъ начинаетъ съ утвержденія, что этотъ памятникъ былъ написанъ между 1325 и 1350 г., отсылая читателей къ доказательствамъ, приведеннымъ въ вышеозначенной его статьѣ въ ежемѣсячникѣ „Osvěta“ („первый образчикъ обороны“, предпринятой Гатталою). Въ этомъ второмъ образчикѣ обороны ученый авторъ особенно горячо споритъ съ г. В. Котсмихомъ, авторомъ любопытной статьи о старочешской ритмикѣ (X. Programm c. k. vyššího gymnasia slovanského v Olomouci 1879 г.) и съ г. Гебауэромъ, котораго Гаттала именуетъ „помощникомъ“ Котсмиха. Котсмихъ довольно успѣшно осмѣивается Гатталою за свои странныя требованія отъ заподозрѣнныхъ памятниковъ: „Краледворскую и Зеленогорскую рукописи онъ считаетъ подложными именно за несогласіе ихъ поэтическаго размѣра и метрики съ законами нынѣшняго чешскаго ударенія, какъ будто бы не въ порядкѣ вещей, не естественно, что это послѣднее съ теченіемъ времени могло измѣниться и нынѣ уже отличаться отъ древнечешскаго во многихъ случаяхъ! И дѣйствительно, теперь уже можно считать доказаннымъ существованіе у древнихъ чеховъ ударенія не только на начальномъ слогѣ, но и на послѣднемъ, какъ это часто бываетъ въ русскомъ языкѣ (ничегó ничемý=древнечешскіе ničehó, ničehuo, ničehu, ničemu, ničemau). См. „O staročeském skloňení zaimennem“.

Въ лингвистическомъ отношеніи Гаттала борется здѣсь хотя и не всегда удачно противъ Миклошича, Гебауэра, Ягича, Вашка и нѣкот. др., противъ которыхъ выдвигаетъ, какъ истину, то утвержденіе, въ силу котораго, чѣмъ старѣе письменный поэтическій памятникъ, тѣмъ рѣзче и разительнѣе его архаизмы, отличающіе его отъ обычной чешской прозы XVIII—XIX вв.; слѣдовательно, нечего смущаться и тѣми

часто неожиданными, рѣзкими, иногда даже одинокими архаическими словами и обликами, какіе находятся въ Краледворской рукописи и такъ смущаютъ ея противниковъ (напримѣръ, такіе облики въ пѣснѣ Краледворской рукописи „Забой“: chceši, piješi вм. chceš, piješ, (эти древніе облики самъ Миклошичъ иногда называлъ только рѣдкими, selten, не придавая имъ худшаго значенія (см. его „Vergl. Gramm. der slav. sprachen“ III 1856 г. Вѣна стран. 407, а во 2-мъ изданіи 1876 г. стран. 371, 374). Замѣтку г. Вьртятка въ 175 № „Narodnich Listů“ можно разсматривать какъ бы дополненіе къ ст. г. Гатталы. Между прочимъ Г. Вьртятко приводитъ изъ древнечешскаго памятника XIV вѣка „Sedm radosti sv Mařі слово „usilný“, на которое особенно ревностно ополчился г. Гебауэръ въ Atheneum'ѣ VIII — IX стран. 386 (см. пѣсню Краледворской рукописи „Забой“, гдѣ употреблено это слово). Замѣтка г. Вьртятка, написанная съ достоинствомъ, въ тонѣ очень спокойномъ, значительно подчеркнула шаткость метода г. Гебауэра...

Въ февральской книгѣ чешскаго „Atheneum“, и какъ бы въ отвѣтъ на статьи Гатталы, появились одновременно двѣ работы: I. Гебауэра „Potreba dalšich zkoušek rukopisu Kralovédorského a Zelenohorsekého“ и письмо самого редактора Т. Масарика (List redaktora Athenaea prof. Г. X. Masaryka) къ автору предыдущей работы, Гебауэру. Обѣ статьи представляются безпристрастному читателю малоубѣдительными уже по той неопредѣленности и неувѣренности, какая сквозитъ во всемъ тонѣ обоихъ авторовъ. Филологъ Гебауэръ, напримѣръ, самъ заявляетъ, что со стороны только филологической нельзя вести споръ о поддѣльности или неподдѣльности спорныхъ рукописей, да и вообще признаетъ въ этомъ отношеніи недостаточность современныхъ языковѣдныхъ знаній для правильнаго рѣшенія вопроса[1]). Между тѣмъ Масарикъ съ сомнѣніемъ относится къ возможности рѣшить вопросъ при помощи эстетическихъ изысканій или историческихъ изслѣдованій или, наконецъ, химическаго испытанія; по его мнѣнію больше всего слѣдуетъ ожидать отъ грамматики древнечешскаго языка... Кромѣ того статья г. Масарика, кромѣ противорѣчія статьѣ Гебауэра, полна и своихъ внутреннихъ противорѣчій и хотя для выводовъ не придаетъ никакого значенія эстетическому разбору спорныхъ памятниковъ, сама однако занимается именно такимъ разборомъ, иногда весьма любопытнымъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ[2]). Эта сторона работы г. Масарика вызвала не мало замѣчаній со стороны его критиковъ, напримѣръ, злой разборъ г. Ѳомы Планскаго, гимназическаго преподавателя въ Рыхновѣ (Jak univ. prof. Masaryk rozebirá a trha lirické básně Rukopisu kralovédvorského. Napsal Tomaš Plánský gymn. prof. v Rychnově. Рыхновъ 1886 г. 1—16 стран.), книжку г. Ольдриха Сейкоры (Ad Ruk. Kr. dvorsk'. Прага 1886 г. 1—87 стран. и др.).

---

[1]) Тѣмъ страннѣе и, можно даже сказать, тѣмъ непонятнѣе помѣщеніе гг. Гебауэромъ и Масарикомъ въ извѣстной нѣмецкой энциклопедіи Эрша и Грубера 1885 г. статьи, гдѣ спорныя рукописи прямо объявлены подложными, и авторы взяли такимъ образомъ на себя самовольно безповоротное рѣшеніе о судьбѣ памятниковъ, хотя въ статьяхъ, писанныхъ по-чешски, еще и далеки отъ такого безповоротнаго рѣшенія!... Объ этомъ, впрочемъ, было уже нами упомянуто выше.

[2]) По мнѣнію г. Масарика, пѣсня „Kytice“ — наипрекраснѣйшая вещь во всей рукописи. Впрочемъ и этой пѣснѣ немало достается отъ автора; о прочихъ и говорить нечего.

Г. Сейкора взялся писать книжку въ защиту заподозрѣннаго памятника, не будучи къ тому призванъ, на томъ основаніи, что, по заявленію самаго г. Масарика въ названной его статьѣ, простой человѣкъ изъ народа кое въ чемъ иногда можетъ оказаться разумнѣе самого знаменитаго ученаго и знатока.

Книжка г. Сейкоры, „Ad Ruk. Kr. dvorský“ Прага 1886 г. 87 стран., состоитъ изъ V главъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что составитель ея, не будучи спеціалистомъ, все же довольно начитанъ въ литературѣ (по крайней мѣрѣ, самоновѣйшей) заподозрѣнныхъ рукописей. Она, конечно, не представляетъ собою какого либо выдающагося явленія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно любопытна и заслуживаетъ краткаго упоминанія уже хотя бы за необычайный полемическій жаръ и задоръ автора. Такъ, споря въ III главѣ о томъ, что стоитъ въ Краледворской рукописи: bedrost' или bodrost', онъ, по примѣру г. Масарика (см. Athenaeum 1886 г. за май, іюнь) и самъ приводитъ въ увеличенномъ размѣрѣ снимки съ трехъ первыхъ буквъ этого слова, силясь доказать, что неясность въ изображеніи гласной буквы (т.-е. было ли о или е) произошла по винѣ самого древняго писца рукописи, а не вслѣдствіе работы поддѣлывателя, каковымъ Масарикъ, Гебауэръ и другіе признаютъ Вяч. Ганку. Этому вопросу составитель книжки посвятилъ цѣлыхъ 8 страницъ, зная, что на немъ основываютъ свои соображенія о поддѣльности рукописи противники ея. Исключительно противъ мнѣній г. В. Ягича направленъ третій образчикъ обороны Краледворской рукописи, предпринятой Гатталой. (Jagič urputněji (упрямѣе) nevraži (враждуетъ) na Rukopis kralovédvorský než Feifalik, dovolávaje se i filologických zázrakû (чудесъ) proti ňemu. См. газ. „Pokrok“ 1886 г. №№ 52, 54, 55) и за тѣмъ его же статья, напечатанная въ пражской нѣмецкой газетѣ „Politik“ 1886 г. №№ 213, 214, 218, 222, 225, 232, 237, 239, 249, 256. Gegen den neuesten Angriff des Herrn Prof. W. Jagič auf die Königinhofer Handschrift. Зло смѣется онъ надъ Ягичемъ, отстаивающимъ чуть ли не тожественность старой чешской народной поэзіи съ нынѣшней и потому не признающимъ подлинности пѣсенъ Краледворской рукописи, очень ужъ отличающихся отъ современной чешской народной поэзіи (Gradja za slovinsku uarodnu poeziju. См. Rad jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti кн. 37. Загребъ 1876 стран. 39, 40). Такое отсутствіе эволюціи, развитія въ народной поэзіи, допускаемое Ягичемъ, Гаттала называетъ „чудомъ“ и, ловя своего противника на разныхъ противорѣчіяхъ, ссылаясь на Палацкаго и др. приходитъ къ тому заключенію, что отсутствіе риѳмы, являющееся для Ягича, а прежде для Фейфалика и нѣк. др. однимъ изъ доказательствъ неподлинности Краледворской рукописи, не даетъ еще права выбрасывать ее изъ исторіи чешской литературы. Статья г. Гатталы въ „Покрокѣ“ при всей ея общей дѣльности производитъ на читателя однако же непріятное впечатлѣніе жалкими выходками по адресу предсмертной болѣзни Фейфалика: (какъ извѣстно Фейфаликъ, одаренный отъ природы чрезвычайными способностями, умеръ въ 1862 г. отъ чахотки на 29 году своей жизни, представивъ за мѣсяцъ до смерти въ Вѣнскую академію наукъ разсужденіе „Altčechische Leiche, Leider und Sprüche des XIX und XX Jahrhunderts, Sitzungsberiche der philosophischhist. Classe der k. Akademie der Wissenschaft. en, 39 B. Вѣна 1862) по мнѣнію Гатталы

эта предсмертная болѣзнь была будто бы причиною слабости, на его взглядъ, вышеупомянутаго Фейфаликова разсужденія...

Секретарь музея Чешскаго королевства I. М. Черный выступилъ тоже на защиту заподозрѣнныхъ памятниковъ въ 1886 г. съ разными статьями и брошюрами (см. напримѣръ, Legenda o sw. Kateřině „Rukopisové“ Kralovédvorský a Zelenohorský“ Прага 1886 г. 1—24 стран. Кромѣ того „Narodni Listy“ 1886 г. №№ 112, 113). Мнѣнія г. Чернаго сводятся къ тому, что противники заподозрѣнныхъ рукописей слишкомъ поспѣшили съ заключеніемъ о ихъ поддѣльности на томъ основаніи, что въ нихъ встрѣчается не мало словъ и обликовъ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ близкихъ по времени извѣстныхъ до нынѣ памятникахъ, слѣдовательно, будто бы чуждыхъ старинному чешскому языку и его якобы нормальной грамматикѣ. Онъ именно приводитъ цѣлый рядъ такихъ словъ и обликовъ, отступающихъ отъ „нормальной“ старочешской грамматики и будто бы чуждыхъ старочешскому языку но, въ тоже время отысканныхъ имъ въ извѣстной легендѣ о св. Катеринѣ, рукопись которой была открыта только въ 1850 г. въ Стокгольмскомъ королевскомъ книгохранилищѣ г. Печиркою и слѣдовательно не могла быть извѣстна поддѣлывателю заподозрѣнныхъ памятниковъ, который, такимъ образомъ, долженъ былъ обладать кромѣ всего прочаго еще и даромъ предвидѣнія въ будущемъ (Рукопись легенды о св. Катерины была издана въ Прагѣ 1860 года гг. Печиркою и архиваріусомъ К. I. Эрбеномъ). Масарикъ въ своемъ „Атенеѣ“ составилъ списокъ словъ, выбранныхъ имъ изъ заподозрѣнныхъ рукописей и, по его мнѣнію, новаго происхожденія: или же югославянскаго или даже новосочиненныхъ поддѣльщикомъ. Изъ этого списка большинство словъ оказались, по изслѣдованію г. Чернаго, или въ легендѣ о св. Катеринѣ или въ извѣстной старинной грамматикѣ Благослава или даже въ Виттенбергскомъ псалтырѣ, изданномъ въ 1880 г. сотрудникомъ и соратникомъ Масарика Гебауэромъ, отнесшимъ этотъ псалтырь „къ очень старому времени,“ во всякомъ случаѣ не старѣе XIII в. Таковы облики и слова: Cěmu (см. proč), vzchod, skoro (см. brzy), vesna (см. jaro) и т. д.

Въ томъ же 1886 году выступилъ еще одинъ защитникъ заподозрѣнныхъ памятниковъ докторъ Юлій Грегръ. Его книжка „Na obranu rukopisů Kralovédvorského a Zelenohorského“ 146 стран. очень скоро потребовала второго изданія. (Мы пользовались этимъ вторымъ изданіемъ, снабженнымъ 4-мя фототипическими снимками: Любушина суда, Любушина пророчества, Краледворской рукописи и „Пѣсни на Вышеградѣ“). Книжка состоитъ изъ XXVIII главъ и написана съ увлеченіемъ, а иногда и съ знаніемъ дѣла, и въ полемическомъ отношеніи вообще очень удачно. Направлена она главнѣйше противъ гг. Масарика и Гебауэра и служитъ хорошею, такъ сказать, союзницею филологической статьи г. Калуска въ Волчковомъ ежемѣсячникѣ „Osvěta“ за 1886 годъ „O potřebě dalších zkoušek rukopisů K. D. и Z. H. (О необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій рукописей Краледворской и Зеленогорской), гдѣ основательно съ точки зрѣнія языковѣдной доказано, что Ганка не могъ поддѣлать спорныхъ рукописей, такъ какъ между Ганковыми поэтическими произведеніями и вообще его теоріею старочешскаго языка съ одной стороны, а рукописями Краледворскаго и Зеленогорскаго съ другой наблюдается явное разногласіе. Разсматривать

подробно книжку г. Грегра мы не будемъ, такъ какъ она въ научный споръ не внесла, можно сказать, ничего новаго. Считаемъ нужнымъ все-таки отмѣтить полемическую ловкость автора, его изрядное искусство и умѣнье ловить противниковъ на противорѣчіяхъ, пропускахъ и недостаткѣ начитанности въ литературѣ предмета или вниманія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ ея, наконецъ, даже иногда на научной недобросовѣстности ихъ... Укажемъ къ примѣру на слѣдующій образчикъ его полемики. Еще въ 1879 г. извѣстный архиваріусъ въ Брнѣ Брандль въ своемъ трудѣ „Obrana Libušina Soudu“ доказалъ (стран. 153) существованіе у нѣмцевъ, и именно у баварцевъ, задолго еще до XIV вѣка права первородства (daz der altest bruoder solde hân sins vater danzen erbeteil“ въ „Парцивалѣ“ Вольфрама изъ Эшенбаха), а между тѣмъ Гебауэръ чрезъ семь лѣтъ послѣ этого все еще продолжаетъ твердить, что сочинитель Любушина суда находится въ противорѣчіи съ исторіей, такъ какъ, де, право первородства у нѣмцевъ лишь въ XIV столѣтіи начало господствовать. При этомъ Гебауэръ ссылается на лекцію Шафарика 1859 года 19 prosince (декабря), въ которой однако же знаменитый славяновѣдъ выражалъ только общее господствовавшее въ эту пору сомнѣніе въ существованіи у нѣмцевъ въ древности права первородства, хотя съ другой стороны и заявилъ, что вопросъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій и что существуютъ неоспоримые слѣды этого права даже въ древнее время по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ вѣтвей германскаго племени (jsou nezaporné sledy práva prvorozenství v oné staré době aspoň u některych větví germanského kmenu). Между тѣмъ Гебауэръ, ссылаясь въ своей статьѣ (Athenaeum 1886 г.) на Шафарика, умалчиваетъ объ этой послѣдней его фразѣ и тѣмъ, несомнѣнно, нарушаетъ правила научной добросовѣстности...

За приложенные къ книжкѣ г. Грегра снимки (2 изъ нихъ съ несомнѣнно поддѣльныхъ памятниковъ), можно только благодарить его, такъ какъ этимъ дается каждому возможность самому сравнить ихъ между собою и составить себѣ то или другое самостоятельное мнѣніе по вопросу о подлинности заподозрѣнныхъ рукописей. Снимки сдѣланы на столько хорошо, что вполнѣ могутъ доставить читателямъ эту возможность, тѣмъ болѣе что книжка г. Грегра явилась въ свѣтъ уже послѣ того, какъ комиссія, призванная для химическаго изслѣдованія пергамента и чернилъ Краледворской рукописи, подтвердила подлинность въ этомъ отношеніи этого весьма цѣннаго памятника древней чешской культуры. Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей этой комиссіи профессоръ Пражскаго чешскаго политехникума Бѣлогубекъ (его сотрудникомъ былъ другой профессоръ того же заведенія Шафарикъ) прочелъ даже въ Прагѣ 24 марта 1887 г. публичную лекцію о произведенномъ имъ химическомъ изслѣдованіи пергамента, чернилъ и красокъ Краледворской рукописи, чтобы убѣдить и самую широкую публику въ подлинности рукописи. (См. между прочимъ брошюру г. В. Петра „Къ вопросу о подлинности Краледворской рукописи“ Кіевъ 1887 г., а также „Славянскія Извѣстія“ 1889 г. С.-б. №№ 17 и 20).

Отъ времени до времени споръ получалъ, кромѣ чисто филологическаго или эстетическаго направленія, еще и чисто палеографическое и даже, такъ сказать, мелочно-инквизиторское: стали разсматривать два обрѣзанные листа Краледворской

рукописи, и гг. Гебауэръ и Масарикъ нашли, что листы эти были прежде обрѣзаны, а затѣмъ уже употреблены для письма, при чемъ все это поддѣльщикъ сдѣлалъ крайне неискусно (Athenaum ročn. IV, V, а также отдѣльная статья Масарыка „Poučeni o padělaných Rukopisech Kralovedvorském a Zelenohorském. Pro širší kruhy intelligence české. Прага 1888[1]). Въ отвѣтъ на это Игнатій Матекъ составилъ статью „O čem svědčí proužky Rukopisu Kralovédvorského (О чемъ свидѣтельствуютъ обрѣзки Краледворской рукописи). Časop. Mus. Kral. Česk. 1889 г. вып. 63), снабдилъ её снимками обоихъ обрѣзковъ и 16-ой страницы, гдѣ довольно удачно опровергъ всѣ подозрѣнія и сомнѣнія гг. Масарика и Гебауэра и разрѣшилъ нѣсколько ихъ недоразумѣній напр., по поводу слова liuhem или linhem, что является, по мнѣнію Машка, древненѣмецкимъ собственнымъ именемъ Lingo, какъ есть подобное же имя Oldra въ той же Краледворской рукописи.

Равнымъ образомъ доказана и несоотвѣтственность мнѣнія Масарика, нераздѣляемаго, впрочемъ, Гебауэромъ, что строки обрѣзковъ не сходятся съ соотвѣтствующими строками цѣлыхъ листовъ; приложенные къ статьѣ Машка снимки убѣждаютъ въ справедливости именно его мнѣнія, а не противника.

Въ самый разгаръ спора въ 1888 г. редакція ежедневной газеты „Hlas Národu“ сдѣлала, такъ сказать, опросъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся ученыхъ старшаго поколѣнія, кои знали лично тѣхъ дѣятелей, которые такъ или иначе были причастны открытію заподозрѣнныхъ памятниковъ и первоначальному изслѣдованію и изученію ихъ“. Въ газетѣ были сообщены мнѣнія слѣдующихъ лицъ: Фр. Лад. Ригра, Антон. Рыбички-Скутечскаго, В. Томка, Ал. Православа, Трояна, Я. Крейчаго, Іос. Иречка, Март. Гатталы, Іос. Эмлера, Іос. Калоуска, Юлія Вратислава Ягна и Адольфа Патеры; мнѣнія всѣхъ этихъ лицъ оказались вполнѣ благопріятными заподозрѣннымъ рукописямъ. Вотъ нѣкоторыя болѣе примѣчательныя изъ этихъ мнѣній: А. Патера „болѣе 20 лѣтъ занимается латинскими и чешскими рукописями и часто могъ тщательно изучать и Краледворскую рукопись, но никогда не встрѣтился ни съ чѣмъ, что могло бы въ немъ возбудить какое-либо сомнѣніе въ подлинности этого старочешскаго памятника. Что касается буквъ, то совершенно такія же находимъ и во многихъ латинскихъ рукописяхъ первой половины XIV в. пражской университетской и капитульной библіотекъ; а что касается нѣкоторыхъ сокращеній, противъ которыхъ были возраженія со стороны чужеземныхъ противниковъ Краледворской рукописи, то это обстоятельство объясняется въ сущности малымъ ихъ знакомствомъ съ чешскими рукописями и ихъ особенностями...“ Ректоръ пражскаго чешскаго университета В. Томекъ „удивляется тому, что еще теперь могъ возникнуть споръ о подлинности Краледворской рукописи. Вѣдь съ точки зрѣнія палеографіи знатоки, и между ними нѣмецкій ученый Пертцъ, голосъ котораго имѣетъ особенное значеніе, давно уже рѣшили подлинность этого памятника, относимаго или къ началу XIV или концу XIII вѣка, что въ сущности безразлично.“

---

[1]) Мысли Гебауэра о поддѣльности Краледворской рукописи на основаніи ея обрѣзковъ, явились сначала на нѣмецкомъ языкѣ (Ягичевъ Archiv für Slav. Ph. 1887 г. X), а затѣмъ на чешскомъ „Proužky Rukopisu Kralovédvorského důkazem jeho nepravosti“ 1888 г.

Споръ все еще продолжается, и до конца его, повидимому, еще далеко. Изъ статей самаго послѣдняго времени отмѣтимъ три, появившіяся въ 1893 г. на страницахъ „Часописа муз. чешскаго королевства": Přispevky k obraně R. K—ého" Игн. Машка и „Dva důvody pro odsouzení Rukopisu Kralovédverského" Гебауэра и „Pamět' Přibyslavská XV v. a rukopis Kralodvorský" Игн. Машка. Оба эти ученые, прежде столь согласные, продолжають держаться совершенно противоположныхъ воззрѣній иногда на одни и тѣ же явленія и рѣшительно отрицаютъ значеніе доводовъ каждаго изъ нихъ, и мнѣнія ихъ иногда отличаются слишкомъ высокомѣрнымъ и непререкаемымъ тономъ (особ. слѣдуетъ это сказать о г. Гебауэрѣ). Прибыславская запись была издана еще въ 1890 г. въ Волчковой „Osvětě", кн. I, и въ томъ же году г. Гебауэръ въ Масариковомъ Atheneum'ѣ высказался о ней въ совершенно пренебрежительномъ тонѣ (neobsahuje ni čeho, co by se na vysvětlení a odhajení R. K—ého hodilo). Машекъ напротивъ о записи очень высокаго мнѣнія, такъ какъ въ ней имѣются слова, встрѣчающіяся въ Краледворской рукописи и почитаемыя нѣкоторыми, въ качествѣ единокихъ въ древней чешской словесности, поддѣльными или, по крайней мѣрѣ, состоящими подъ подозрѣніемъ. Таковы напримѣръ: Česmier, silno, vojvoda.

Въ LXX томъ (выпускъ 2-й) временника „Časopis českého Museum" (1896 г.) вышла статья пражскаго гимназическаго профессора В. Флайшганса „Boj o Rukopisy", 195—282 стран. Флайшгансъ, ученикъ I. Гебауэра и доселѣшній противникъ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, неожиданно вдругъ заявилъ (213 стран.), что доселѣ приводимыя филологическія доказательства поддѣльности Краледворской рукописи далеко еще недостаточны, и необходимы новыя изслѣдованія; и данная и всѣ другія его работы отличаются такою содержательностію и силою, что побѣдные возгласы противниковъ Краледворской рукописи въ томъ духѣ, будто вопросъ уже совершенно поконченъ, оказываются по меньшей мѣрѣ пустымъ самохвальствомъ и во всякомъ случаѣ преждевременными, и противникамъ этимъ, даже наиболѣе сильнымъ, придется очень и очень призадуматься (рукопись Зеленогорскую Флайшагансъ, основываясь впрочемъ на авторитетѣ Добровскаго, признаетъ безусловно поддѣльною). Филологъ этотъ съ чрезвычайною основательностью разбираетъ одинъ за другимъ всѣ важнѣшіе доводы Гебауэра, изложенные въ двухъ его наиболѣе извѣстныхъ работахъ „Unecht-heit..." и „Poučení..." Любопытнѣе всего то обстоятельство, что онъ побиваетъ Гебауэра его же собственными работами, напримѣръ, извѣстнымъ трудомъ „Historická mluvnice", доставившимъ ему очень много надлежащаго матеріала. Въ тѣхъ защитахъ Краледворской рукописи, какія вышли въ свѣтъ со времени возобновленія спора въ 1886 году, Флайшгансъ нашелъ мало подходящаго для себя: изъ нихъ наиболѣе полезными оказались для него работы гг. Иречка-Калоуска въ ежемѣсячникѣ „Osvěta", Машка въ „Часописи Чешскаго музея" и обѣ дѣльныя книжечки г. Сикоры „Na obranu R. K.", котораго Флайшгансъ, называетъ вѣрящимъ и любящимъ дилеттантомъ..." (Dilettant však v pravém slova smyslu". On miluje R. K., on věří pevně, že je pravý). Уже этотъ послѣдній союзникъ Флайшганса, т.-е. г. Сикора, довольно удачно сражался противъ утвержденія, что поддѣлалъ Краледворскую рукопись В. Ганка. Именно уже онъ доказалъ, что ошибочный ѳбликъ „Zaměšiti"

не Ганка взялъ въ Краледворскую рукопись изъ Александренды, а случилось это на оборотъ и Флайшгансъ на стран. 217 совершенно съ этимъ согласенъ. Удачно Сикора разсуждаетъ и относительно междометія aj-ta (Гебауэръ неправильно пишетъ: ajta) существительнаго vražba, bodrost и др. Имъ же были оправданы или объяснены такія подозрительныя выраженія какъ: „je po sobě hnali (см. „Jaroslav“), „pohybal Vyšehrad... vz vyši... (сидѣлъ князь), jali se naspy rozkotati... и мн. др., и такіе доводы, какъ доводъ о „proužk'ахъ, т.-е. основывающійся на несоотвѣтствіи пергаментныхъ отрѣзковъ цѣльнымъ листамъ рукописи. Флайшгансъ искусно пользуется соображеніями Сикоры, но приводитъ не мало и собственныхъ доказательствъ, обладающихъ достаточною убѣдительностію, напримѣръ, хотя бы относительно обликовъ „vojvoda“ (243 стран.) stenánie (241 стран.) и др. По утвержденію Гебауэра, обликъ „Let'al“ — новообразованіе, еще не существовавшее въ половинѣ XIV вѣка; между тѣмъ Флайшгансъ искусно ловитъ на этомъ самого Гебауэра, который самъ же издалъ отнесенный имъ къ половинѣ XIV вѣка Виттенбергскій псалтырь, гдѣ именно встрѣчается этотъ обликъ (252 стран.). Флайшгансъ справедливо указываетъ также на неблаговидность или непослѣдовательность нѣкоторыхъ полемическихъ пріемовъ своего учителя. Онъ, напримѣръ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Гебауэръ имѣетъ обыкновеніе указывать только ошибочные облики, встрѣчающіеся въ Краледворской рукописи, не упоминая однако же, сколько разъ тѣ же самые облики встрѣчаются въ той же рукописи въ правильномъ видѣ. Такъ, найдя неправильный для старочешскаго языка обликъ „muži“, Гебауэръ видитъ въ немъ неискусную поддѣлку, хотя забываетъ при этомъ указать на то, что это же слово въ правильномъ старочешскомъ видѣ „mužie“ встрѣчается въ рукописи семь разъ. Такое отношеніе къ дѣлу никоимъ образомъ нельзя назвать безпристрастнымъ. Или же: защищая извѣстный памятникъ древнечешской словесности „Mastickař“ противъ нападокъ Шемберы, Гебауэръ заявляетъ „Pan Šembera ne ma prava vylučovati Mastičkaře z literatury Staročeské“, хотя далеко не всѣ его, т.-е. Гебауэра, замѣчанія были вполнѣ основательны. Когда же зашла рѣчь о Краледворской рукописи, тотъ же Гебауэръ говоритъ уже иначе. Dejme tomu, zě obhájcové vyvrátili št'astně a důkladně všecky namítky odpůrcův. Je tim obhajena a dokázana pravost R. K. Z-eho? Nikoliv! Nybrž dokazano jest jen to, že namítky odpůrcův byly nespravné Очевидно, эти заявленія прямо противорѣчатъ другъ другу!

„Краледворскую рукопись“ Флайшгансъ считаетъ діалектическимъ памятникомъ восточнаго, скорѣе всего моравскаго происхожденія (см. напр. 241 стран., § 20 „bodrost“ стран. 237, 617 и др.), о чемъ говорилъ еще Гебауэръ, одиноко стоящимъ въ XIV вѣкѣ вслѣдствіе вообще недостатка таковыхъ литературныхъ памятниковъ. Утвержденіе это онъ основываетъ главнѣйше на сравненіи съ древнеморавскими памятниками, изданными г. Иречкомъ въ 1888 г., и съ данными Бартошевой „Діалектологіи Моравской“ (I 1886 г., II 1895 г.). Много новыхъ данныхъ доставило ему слѣдующіе три діалектическіе памятника: Dva evangelistaře (изд. Менчикъ) 1893 г., Gesta Romanorum (изд. Новакъ) и Кодексъ Баварскій (Archiv für Slawische Philologie 1887—1890); а за тѣмъ также: Словарь Котты, окончен. въ 1893 г., многочислен-

ныя изданія разныхъ старочешскихъ памятниковъ, изданія писемъ Добровскаго, Шафарика, Юнгмана и друг.

Работа г. Флайшганса представляетъ собою не отдѣльныя возраженія на доводы Гебауэра (этотъ послѣдній на такія возраженія рѣшилъ не отвѣчать), а цѣлокупную защиту Краледворской рукописи, отъ отвѣта на которую Гебауэръ, конечно, не уклонится, а, можетъ быть, даже и подчинится покорно ей, какъ обѣщалъ онъ въ своей работѣ (Potřeba dalších zkoušek").

Что касается, наконецъ, случаевъ совпаденія между Зеленогорскою и Краледворскою рукописями, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ смыслѣ доводовъ, ежели признать первую изъ нихъ безусловною поддѣлкою, то Флайшгансъ совершенно правильно заявляетъ, что Зеленогорская рукопись иногда совпадаетъ съ Краледворскою, а не на оборотъ, т. е., что первая могла быть просто навѣяна поддѣльщику открытіемъ второй, какъ полагалъ еще Вашекъ. Хотя опять вопросъ: кто могъ быть таковымъ поддѣльщикомъ?! Необходимо во всякомъ случаѣ и химическое изслѣдованіе Зеленогорской рукописи, доселѣ еще не произведенное.

Статья г. Флайшганса написана съ замѣчательною скромностью, спокойствіемъ и безпритязательностью, и въ то же время исполнена истиннаго научнаго достоинства, и обличаетъ въ ея авторѣ настоящаго мастера своего дѣла. Изученіе такого рода работъ доставляетъ истинное наслажденіе читателю, которому нерѣдко успѣли уже надоѣсть разные беззастѣнчивые полемическіе пріемы, до самохвальнаго задора включительно, которыми уснащаемы были до сихъ поръ многія работы и защитниковъ и противниковъ Краледворской рукописи. Всѣмъ, кто желаетъ видѣть образецъ настоящаго научнаго отношенія къ вопросу, можно смѣло совѣтовать ознакомленіе съ замѣчательнымъ трудомъ скромнаго чешскаго ученаго (гимназическаго профессора). Въ заключеніе предложимъ нашимъ читателямъ тѣ выводы, какіе сдѣлалъ изъ своей статьи самъ ея составитель: 1) онъ полагаетъ, что три главнѣйшія нападенія на рукопись, заключающія въ себѣ обвиненія въ авторствѣ Ганкѣ, имъ совершенно опровергнуты; 2) изъ остальныхъ 15 главнѣйшихъ возраженій большая часть имъ болѣе или менѣе выяснена и устранена; 3) прочія возраженія (всѣхъ вообще возраженій авторъ касался лишь по столько, по сколько они построены были на данныхъ языка) частью опровергнуты, а частью ослаблены и, наконецъ; 4) всю свою защиту Краледворской рукописи онъ основалъ на одномъ главномъ принципѣ: на признаніи восточнаго (т.-е. моравскаго) происхожденія этого памятника и новообразованій въ немъ.

Въ концѣ концовъ скромный ученый заявляетъ, что онъ вовсе не думаетъ утверждать, будто его объясненія и доводы говорятъ непремѣнно о неподдѣльности Краледворской рукописи: они свидѣтельствуютъ только о томъ, что всѣ приводившіяся доселѣ доказательства поддѣльности этого памятника должны пока считаться неправыми и неосновательными, а вопросъ о Краледворской рукописи все еще открытымъ, а вовсе не поконченнымъ въ смыслѣ признанія ея поддѣльности, какъ заявили было уже противники этого злополучнаго литературнаго памятника. Такимъ образомъ, работа г. Флейшганса, по нашему крайнему разумѣнію, является поворотною точкою

въ знаменитомъ спорѣ о подлинности Краледворской рукописи, и противникамъ ея придется еще много поработать, чтобы сразить, ежели только это вообще возможно, новаго крупнаго ея защитника.

Въ отвѣтъ на статью Флайшганса, Гебауэръ напечаталъ во 2 выпускѣ Filologických Listů"[1]) работу подъ заглавіемъ „O nové obraně padělaného Rukopisu Kralovédvského". (Вышло и отдѣльно иждивеніемъ „Jednoty českých filologů"). Въ этой статьѣ любопытенъ отказъ почтеннаго ученаго отъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ нападокъ на рукопись и признаніе, что его вполнѣ удовлетворяютъ объясненія, сдѣланныя его противникомъ относительно такихъ словъ, какъ: bystry, dlužný, luna; panstvo, podvihati, prorada, zlobný. Отказался онъ, напримѣръ, отъ настойчиво проводившейся прежде имъ параллели извѣстнаго образа въ рукописи „Jak by hory s horami válely (Čestmir) и нѣсколько похожаго образа въ „Потерянномъ раѣ" (перев. Юнгманна): „a hora o horu se styká litym srážením"; отказался и отъ утвержденія, будто извѣстная пѣсня Краледворской рукописи „Kytice" была сочинена по образцу Ганкина стихотворенія „Na sebe".

Споръ въ послѣднее время ведется Гебауэромъ въ тонѣ вообще спокойномъ, исполненномъ научнаго достоинства; лишь иногда прорывается чувство какого-то невольнаго неблаговоленія автора къ злополучной заподозрѣнной рукописи, неблаговоленія, переходящаго уже иногда границы должной справедливости и научнаго безпристрастія.

Но за исключеніемъ вышеуказанныхъ уступокъ Гебауэръ продолжаетъ упорно настаивать на своихъ прежнихъ утвержденіяхъ и доказательствахъ, не приводя къ тому же почти ничего новаго, ежели не считать мало основательныхъ нападокъ его на выраженія „zviesti" и „vražba", отсутствующихъ де въ достовѣрныхъ старочешскихъ памятникахъ и потому подозрительныхъ и даже невозможныхъ... Мы уже имѣли выше случай замѣтить, что подобный методъ вообще едва ли можетъ быть оправданъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что слово „vražba" пока еще не встрѣтилось ни въ одномъ изъ извѣстныхъ достовѣрныхъ древнечешскихъ текстовъ (хотя, весьма возможно, и встрѣтится еще когда нибудь). Можно ли отсюда заключить о невозможности или даже подозрительности этого облика? Едва ли, а что это такъ, свидѣтельствомъ тому служатъ такія названія мѣстностей, несомнѣнно существующія, какъ лѣсъ, по имени Vražba близъ мѣста родины Ганки, какъ русское мѣстечко Ворожба, именемъ котораго названа и извѣстная узловая станція Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Равнымъ образомъ непонятнымъ для меня кажется по своей наивности и нападеніе Гебауэра на обликъ „vzvýši (na pavlači sedĕl kniže), отражаемое Флайшгансомъ при помощи приводимаго имъ сходнаго оборота изъ Александреиды „riedky opet domov posta". Гебауэръ не признаетъ приводимаго Флейшгансомъ оборота идущимъ къ дѣлу и требуетъ опредѣленныхъ доказательствъ, что въ древности дѣйствительно говорилось „sedí vzvýši" (куда?) вм. „sedí vysoko" (гдѣ?)

Редакторъ ежедневнаго изданія „Narodní Listy" (число 202) въ примѣчаніи

[1]) См. еще „Listy Filologické 1896, вып. 4. O nové obraně padelaného Rukopisu Královédvorského. Napsal j: Gebauer. Выводы статьи по отношенію къ предпринятой Флайшгансомъ защитѣ, конечно, — самаго отрицательнаго характера и отражаютъ значительное самомнѣніе ученаго автора.

къ статьѣ г. J. Hd, написанной по поводу возраженій Гебауэра Флайшгансу, приводитъ стихъ народной пѣсни (къ сожалѣнію, точнѣе не указано, что это за пѣсня и гдѣ ее можно найти) долженствующій, кажется, разсѣять сомнѣнія Гебауэра:

Svit' měsíčku z vejši, гдѣ обликъ z vejši (т.-е. z výši) отличается отъ заподозрѣннаго ученымъ лингвистомъ лишь отсутствіемъ предлога vz, который впрочемъ давно уже утратилъ въ новомъ чешскомъ языкѣ то частое употребленіе, какое имѣлъ въ старочешскомъ. Вышеупомянутый г. J. Hd. довольно удачно, на нашъ взглядъ, поддерживалъ г. Флайшганса въ его спорѣ съ Гебауэромъ относительно облика „Usilno" (Prijide cuzí usilno v dědinu, „Zaboj"), переводившагося этимъ послѣднимъ какъ „násilně" и потому считаемаго имъ за нелѣпый. По этому поводу г. Флайшгансъ говоритъ „Není však také nutno v Zab. usilno prekladati zrovna násilně"... není pochyby, že najde se nuance významu, ktera všecky ty doklady spoji". Вотъ этотъ то „нюансъ" значенія и опредѣляются г. J. Hd. Онъ говоритъ, что въ новочешскомъ языкѣ слово usilí означаетъ не только трудъ и усиліе (prácí a námahaní), но также рвеніе, стараніе (snahu, píli, horlivost). Теперь слово usilně уже не употребляется въ живой рѣчи; имѣющійся же обликъ usilovně именно равнозначащъ съ обликами: snažně, pilně, horlivě, вотъ почему г. J. Hd. находитъ возможнымъ придать usilno употребленному въ „Забоѣ" именно этотъ послѣдній оттѣнокъ значенія, т. е. съ *рвеніемъ*, ревностно, старательно и пр. Такъ и въ поэмѣ „Ярославъ" извѣстное мѣсто „usilno sě druce k siemu chlumku", очевидно, указываетъ на то, что христіане, окруженные моремъ татаръ, стремились къ холму не *насильно*, а именно *ревностно, усердно*, и т. п.

Въ вышеуказанномъ же выпускѣ № „Filologických Listů" имѣются и другія замѣтки, довольно впрочемъ, незначительныя, направленныя противъ Краледворской рукописи; такъ нѣкто г. Пекарь дѣлаетъ возраженія противъ Закрейсова объясненія собственнаго имени „Hrubá Skala" въ „Бенешѣ", иронически говорится также и о „náboženství Rukopisů" (т.-е. такъ сказать, о религіозномъ почитаніи рукописей", каковое „naboženství" объясняется, конечно, крупными поэтическими достоинствами Краледворской рукописи, особенно замѣтными, ежели сопоставить ее съ блѣдной чешской поэзіей начала XIX вѣка...

Въ августовскомъ выпускѣ „Освѣты" за 1896 г. находимъ выпущенныя г. Флайшгансомъ, въ отвѣтъ Гебауэру, „Poznámky k odpovídi prof. Gebauera na pojednání „Boj" o Rukopisy". Болѣе подробный отвѣтъ г. Флайшгансъ обѣщаетъ напечатать въ „Часописи чешскаго музея". Изъ статьи г. Флайшганса оказывается, что, хотя г. Гебауэръ и настаиваетъ на томъ, что его доводы противъ рукописи нисколько не опровергнуты Флайшгансомъ, тѣмъ не менѣе, изъ отдѣльныхъ тамъ и сямъ его собственныхъ признаній оказывается, что именно цѣлая пятая часть этихъ доводовъ опровергнута!

При этомъ г. Флайшгансъ находитъ вообще полемическій способъ г. Гебауэра по отношенію къ заподозрѣннымъ рукописямъ „абсурднымъ и некритическимъ". Онъ ловитъ его также на противорѣчіяхъ. Такъ, Гебауэръ требуетъ подтвержденія разныхъ подозрительныхъ обликовъ Краледворской рукописи въ несомнѣнныхъ текстахъ и памятникахъ непремѣнно не позднѣе первой половины XIV столѣтія; а между тѣмъ въ самой его исторической грамматикѣ встрѣчается много древнихъ обликовъ

X—XII вв., которые приходится подтверждать текстами XIV, иногда даже XV—XVI столѣтій, а кромѣ того „vlástně tři čtvrtiny celé nedoloženy a nedoložitelny“ (т.-е. неподтверждены и не могутъ быть подтверждены).

Во-второй половинѣ статьи Флайшгансъ сначала старается оправдаться отъ упрековъ и нареканій Гебауэра, будто онъ, Флайшгансъ, кое-гдѣ умышленно нарушилъ научную правду, а затѣмъ нападаетъ на другого противника Яр. Волчка (статья коего противъ Флайшганса помѣщена въ „Čas'ѣ“), который, какъ оказывается, даже не подозрѣвалъ, что на моравизмы Краловедворской рукописи указалъ самъ Гебауэръ. По словамъ Флайшганса, г. Яр. Волчекъ такъ мало освѣдомленъ въ томъ предметѣ, о которомъ взялся говорить, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы выступать въ спорѣ о рукописяхъ... Въ томъ же ежемѣсячникѣ „Osvěta“ 1896 г., кн. 11-я, стран. 1026—1032 находимъ небольшую замѣтку Флайшганса: Poslaní „Času“, вызванную статьею въ „Besedě“, „Časa“, напечатанною въ отвѣтъ на статью Флайшганса въ „Literarních Listech“. Всѣ эти работы не имѣютъ особенно цѣннаго значенія для спора, такъ какъ слишкомъ проникнуты полемическимъ задоромъ и не вносятъ почти ничего новаго въ результаты этого спора. На этомъ мы пока остановимся и не будемъ приводить дальнѣйшихъ явленій указанной полемической литературы (кстати, между ними нѣтъ ничего особенна значительнаго...), такъ какъ неполнота ихъ еще болѣе значительна, чѣмъ приведенной доселѣ литературы...

Вопросъ о заподозрѣнныхъ памятникахъ, такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія обстоятельствъ спора о нихъ, находится все еще въ положеніи очень неопредѣленномъ, и къ нему по прежнему, кажется, можно приложить слова, сказанныя г. Пыпинымъ 20 лѣтъ тому назадъ во 2 томѣ „Исторіи славянскихъ литературъ“, С.-Пб. 1881 г., стран. 16. „Защитники памятниковъ не въ самомъ выгодномъ положеніи, но и противникамъ осталось еще не мало труда. Безпристрастные зрители этой работы ожидаютъ, что отрицательная критика, излагая свои доказательства противъ подлинности памятниковъ, объяснитъ также, какъ возможны были поддѣлки и средства исполненія“. Это послѣднее требованіе и доселѣ оказывается непосильнымъ для противниковъ подлинности заподозрѣнныхъ рукописей и, кажется, останется таковымъ еще впродолженіе очень долгаго времени, если не на всегда.

Теперь, кажется, ясно, что при такомъ положеніи вопроса г. Флайшгансъ имѣлъ извѣстное право безъ особенныхъ колебаній ввести въ свое изложеніе и злополучную Краледворскую рукопись. Въ изложеніи выдающихся литературныхъ явленій и дѣятельности писателей новаго времени соблюдены авторомъ, сколько мы могли судить, вообще довольно цѣлесообразныя и правдивыя пропорціи и перспептивы. Кажется, однакоже, что Юлій Зейеръ, котораго самъ Флайшгансъ на 719 страницѣ приравниваетъ, быть можетъ, едва ли справедливо, къ Святополку Чеху и Ярославу Вырхлицкому, заслуживалъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое оказано ему въ книгѣ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ (Св. Чеху посвящено болѣе 10 страницъ, а Яр. Вырхлицкому — болѣе 8). Дѣятельность молодого, сравнительно, поэта-реалиста І. С. Махара (род. 1864 г.) тоже заслуживало бы нѣсколько болѣе пространнаго разсмотрѣнія, а то о такихъ замѣчательныхъ его произведеніяхъ, какъ „Zde by měly

kvěst růže“ (1894 г.) и соціальная поэма „Magdalena“ (1894 г. 2-е изданіе 1900 г.), сказано лишь нѣсколько строкъ. (Русскій отзывъ о ней см. въ моей книжкѣ „Славянскія Извѣстія“, Воронежъ 1897 г. 156—158 стран.). Равнымъ образомъ, незаслуженно обиженъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи и такой выдающійся представитель чешскаго романтизма, какъ К. Маха, чья поэма „Май“ — произведеніе, полное незаурядной страсти и поэтической силы — навсегда останется чрезвычайно характернымъ поэтическимъ воплощеніемъ байронизма на чешско-славянской почвѣ (см. мои „Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ“, Кіевъ 1893 г., I. Арбеса „Hynek Macha“ 1886 г., М. Здзѣховскаго „Karel Hynek Macha; bajronismus czeski“ 1894 г., Яр. Волчка „Několik kapitolek z české literatury 1898).

Наконецъ болѣе внимательнаго отношенія къ себѣ заслуживалъ, на нашъ взглядъ и *Алоизъ Ирасекъ*[1]).

Чтобы закончить нашъ нѣсколько разросшійся отзывъ о книгѣ Флайшганса, обратимъ еще вниманіе на нѣкоторыя мелочи внѣшней ея стороны. При изложеніи дѣятельности всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателей приложены и изображенія ихъ, иногда чрезвычайно удачныя (напримѣръ, прекрасный портретъ Святополка Чеха въ 22 выпускѣ, 673 стран.). Эти изображенія обыкновенно снабжены автографическими подписями, которыя, если онѣ неразборчивы, сопровождены иногда и обыкновенными печатными указаніями фамилій. Къ сожалѣнію, это встрѣчается не часто, и не одинъ разъ читатель натыкается на подпись, которой не можетъ разобрать (см. напр. 655 стран., 709 стран., 710 и др.). Это обстоятельство бываетъ тѣмъ непріятнѣе, что изображенія писателей находятся часто не на тѣхъ страницахъ, на которыхъ предложено изложеніе ихъ литературной дѣятельности, такъ что и это послѣднее нерѣдко не можетъ помочь читателю въ отгадываніи личности писателя съ неразборчивою подписью, не снабженною печатнымъ текстомъ. Равнымъ образомъ, кажется, было бы не лишне, если бы составитель книги, которая конечно, получитъ широкое распространеніе и въ болѣе обширныхъ кругахъ читающаго общества, приложилъ ко многимъ неразборчивымъ снимкамъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, недоступныхъ для обыкновенной публики, ихъ современныя транскрипціи а при латинскихъ текстахъ и переводы; иначе любознательность многихъ почтенныхъ любителей можетъ остаться не удовлетворенною. Таковы, напримѣръ, снимки, сдѣланные для приложеній на отдѣльныхъ листахъ, каковы № 1, — снимокъ съ латинской грамоты короля Владислава I, № 6, — начало „Rady otce synovi“ Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, № 7, — снимокъ легенды о св. Юріи по рукописи XIV в. и мн. др. Сводя все вышесказанное въ одно, мы должны признать, что въ общемъ цѣль, поставленная г. Флайшгансомъ въ составленной имъ книгѣ, достигнута имъ вполнѣ, и его прекраснымъ трудомъ чешская литература вправѣ гордиться. Народъ, поддерживающій и окупающій подобныя книги, не взирая на свою сравнительную малочисленность, смѣло можетъ глядѣть въ глаза загадочному будущему

[1]) Этому выдающемуся историческому романисту посвящено всего около 3 страницъ; изъ его произведеній не историческаго содержанія особенно цѣнятся „Povidky z Hor“ (русскій переводъ „Горные разсказы“, см. въ 5—6 выпускахъ Кіевскаго „Славянскаго Ежегодника“. Вышло и отдѣльно. Кіевъ, 1884 г.), а между прочимъ этотъ сборникъ разсказовъ почему-то даже совсѣмъ не названъ авторомъ при перечисленіи сочиненій Ираска! Подобные мелкіе промахи и недочеты наблюдаются, впрочемъ, въ книгѣ и при изложеніи дѣятельности многихъ другихъ писателей.

Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій.

Е. Ѳ. Карскій.

Вопросъ, котораго мы коснемся, не является исключительно филологическимъ: правильное рѣшеніе его имѣетъ и важное археологическое значеніе. Примѣты современныхъ русскихъ нарѣчій, несмотря подъ часъ на новѣйшее ихъ происхожденіе, опираются въ своей основѣ на черты древнихъ русскихъ говоровъ, составлявшихъ одинъ изъ признаковъ, по которымъ, кромѣ особенностей чисто антропологическихъ и бытовыхъ, дѣлились и древнерусскія племена. Установивъ границу между русскими нарѣчіями, мы въ большей или меньшей степени опредѣлимъ и племенной составъ той или другой этнографической группы, насколько конечно по современнымъ чертамъ можно судить о древнихъ.

Я не стану вдаваться въ мелкія подраздѣленія, а коснусь лишь большихъ группъ: какъ установить границу между великоруссами и бѣлоруссами, между бѣлоруссами и малоруссами, между малоруссами и великоруссами. Въ общихъ чертахъ эта граница уже установлена хотя бы въ извѣстной работѣ акад. А. И. Соболевскаго „Опытъ русской діалектологіи“ [1]), но въ ней во всѣхъ случаяхъ отмѣчается еще пограничная полоса такъ называемыхъ „смѣшанныхъ“, „переходныхъ“ говоровъ. Вотъ — какъ быть въ послѣднемъ случаѣ? Какіе изъ такихъ говоровъ относить къ одной группѣ и какіе къ другой? Что здѣсь должно служить критеріемъ? Вѣдь существованіе смѣшанныхъ пограничныхъ языковъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать, но и границу между тѣми и другими нарѣчіями также необходимо провести, не оставляя нейтральной полосы. Чтобы выйти изъ указаннаго затрудненія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ точно опредѣлить, какія черты въ разныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка изъ взаимно-пограничныхъ болѣе существенны и характерны, и по нимъ производить разграниченіе.

Начнемъ съ говоровъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Пограничная черта между этими нарѣчіями можетъ быть проведена по губерніямъ Псковской, Тверской, Смоленской,

---

[1]) Послѣ представленнаго настоящаго доклада Харьковскому Археологическому Съѣзду и довремени напечатанья его (1905 г.) мною выпущены слѣдующія работы, имѣющія въ виду между прочимъ и опредѣленіе границъ русскихъ нарѣчій: а) Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Съ приложеніемъ двухъ картъ. Варшава. 1903. б) Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губ., (новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго, 314—320). в) Къ вопросу о границѣ бѣлорусскихъ говоровъ. По поводу ст. акад. А. И. Соболевскаго: „О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности“ (Ср. Русск. Фил. Вѣстникъ, 1905 г. № 1, 54—61).

Калужской, Орловской и Черниговской. Точно установить границу въ указанной области трудно уже потому, что бѣлорусскіе говоры и пограничные съ ними во всей указанной области южновеликорусскіе имѣютъ очень много точекъ соприкосновенія, при томъ не только во второстепенныхъ чертахъ, но и въ главныхъ, напримѣръ въ развитіи усиленнаго аканья, въ умягчительности согласныхъ и т. п. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства тутъ приходится принимать въ расчетъ извѣстную совокупность лингвистическихъ примѣтъ, а также тѣхъ или другихъ антропологическихъ чертъ и особенностей быта. Бѣлоруссы селятся въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ (по крайней мѣрѣ бывшихъ таковыми въ старину) и болотистыхъ; великоруссы поэтому и называютъ ихъ полѣхами, а мѣстность ихъ Полѣсьемъ. „Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенною границею здѣсь (въ Орловской, Калужской и Смоленской губ.) на востокѣ Бѣлоруссіи, какъ не перестаютъ быть межою подобные же густые лѣса на югѣ, востокѣ, сѣверѣ обширнаго бѣлорусскаго края съ племенами малорусскимъ, литовскимъ, латышскимъ и опять великорусскимъ" (Живописная Россія, III, 435, ст. Максимова). Далѣе, міровоззрѣніе и народная поэзія у бѣлоруссовъ часто не сходятся съ великорусскими; наконецъ, что особенно важно, у бѣлоруссовъ много словарныхъ особенностей, часто неизвѣстныхъ великоруссамъ-сосѣдямъ. Въ фонетикѣ и морфологіи можно отмѣтить слѣдующія исключительно бѣлорусскія черты: 1) *дз* — *ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ (но иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ), напримѣръ, дзѣци (ср. С. Максимова: „Обитель и житель". Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, стран. 299—300); 2) появленіе *ў* краткаго на мѣстѣ *у* безударнаго стоящаго передъ согласными: ўмёръ; на мѣстѣ предлога *въ:* ўкинуў ў мѣхъ, и что особенно характерно — на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: быў, просиў, поўны; 3) удвоеніе согласныхъ передъ *j:* Илля, свиння; 4) появленіе слоговъ *ыj* (иногда *эj*) — *ij* вмѣсто великорусскихъ *оj* — *еj:* мый, злый (злэ́й, яке́й), мыю, пій, шія. Къ этимъ особенно существеннымъ чертамъ еще прибавимъ: 5) смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: ца*ра*, я-*ря*дъ; 6) появленіе чаще въ глаголахъ *дж* вмѣсто *ж:* гля*дж*у; 7) смягченіе *г, к, х* въ склоненіи словъ: на дузѣ́, на ла́ўцѣ, ў стрѣ́сѣ; 8) отсутствіе формъ именительнаго множественнаго на *а* у словъ мужескаго рода, какъ дома, а всегда — *ы:* домы́ или, что рѣже, — э́: паясэ́, лясэ́; 9) множественное число при 2, 3, 4 въ мужескомъ родѣ: два ваўки́, и возможность двойственнаго въ женскомъ и среднемъ родахъ: три бядзѣ́, два сялѣ́; 10) возможность звательнаго падежа: сы́нку, чалавѣче; 11) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ стараго *ѣ* въ окончаніи: ходземъ, купеця. Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, неизвѣстныхъ великоруссамъ, такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлорусса отъ рѣчи великорусса. Принимая во вниманіе указанныя черты бѣлорусскихъ говоровъ, границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи можно провести приблизительно въ Трубчевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ по правому берегу р. Десны. Жители Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ Орловской губерніи извѣстны подъ именемъ полѣховъ (Очерки Россіи, Пассека, IV. Цитаты взяты у Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 15, 4 вып.). С. Максимовъ отмѣчаетъ ихъ дзеканье (Древняя и новая

Россія, 1876 г., № 8, 299—300, 306). Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды Орловской губерніи относитъ къ Бѣлоруссіи и де-Ливронъ (ср. Живописная Россія, III, 250). С. Максимовъ даже раздвигаетъ Орловское и Калужское Полѣсье и на лѣвый берегъ Десны (Живописная Россія, III, 432, 436). По даннымъ, имѣвшимся у Кеппена (Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ, I, 467—471) бѣлоруссами несомнѣнно зеселена Акулицкая волость Брянскаго уѣзда, состоящая изъ 13 селеній. „Всѣ они лежатъ въ лѣсахъ и болотахъ въ самомъ сѣверномъ углу Орловской губерніи, у Черниговской и Смоленской границы“ [1]).

Далѣе, граница бѣлорусской области переходитъ въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи. Въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи Калужская губернія, ч. II С.-Пб. 1864. Составилъ М. Попроцкій“, стран. 183, читаемъ: „Жители Калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями Масальскаго и западной части Жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссіи. По нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ языкѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, жители западной части Масальскаго уѣзда разнятся нѣсколько отъ жителей восточной его половины: первые и понынѣ слывутъ подъ именемъ *полѣховъ*, а послѣдніе подъ именемъ *полянъ*“. Изслѣдованія языка западныхъ Калужскихъ говоровъ посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (Русскій Фил. Вѣстникъ, XXXVI), Караулова (тамъ же, XLIII) и особенно А. Никольскаго (тамъ же, XLVI, XLVII, и XLIX). Разсматривая особенности языка этихъ полѣховъ, приходимъ къ заключенію, что жители самой западной части Жиздринскаго и Масальскаго уѣздовъ, дѣйствительно бѣлоруссы, но только принявшіе немало особенностей и южновеликорусскихъ говоровъ. У нихъ между прочимъ уже и дзеканья нѣтъ и твердаго *р*. Бѣлорусскія особенности замѣтны здѣсь въ большей или меньшей степени лишь въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Деснѣ, по границѣ Рославскаго и отчасти Ельнинскаго уѣздовъ Смоленской губерніи.

Въ Смоленской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ по межѣ между уѣздами Дорогобужскимъ и Бѣльскимъ, съ одной стороны, и Юхновскимъ, Вяземскимъ и Сычевскимъ — съ другой; при чемъ большая часть губерніи населена бѣлорусскимъ племенемъ и лишь четыре восточные уѣзда (Юхновскій, Вяземскій, Сычевскій и Гжатскій) принадлежатъ южновеликорусскому нарѣчію. Сообщеніе С. Максимова (Живописная Россія, III, 442), что наибольшая часть Бѣльскаго уѣзда — восточная — населена великоруссами, оказывается невѣрнымъ. Около желѣзныхъ дорогъ, отъ Смоленска къ востоку, уже говорятъ по-великорусски.

Въ Тверской губ. бѣлорусскія поселенія съ нѣкоторыми даже особенностями сѣверновеликорусскихъ говоровъ (взаимная мѣна *ч* и *ц*) начинаются у. г. Зубцова, далѣе тянутся по правому берегу Волги (Молодой Тудъ), гдѣ живутъ тудовляне,

[1]) Лѣтомъ 1903 года, мнѣ лично удалось побывать въ названныхъ мѣстностяхъ, и я пришелъ къ заключенію, что бѣлорусская область здѣсь нѣсколько меньше въ настоящее время, чѣмъ была прежде. Именно чистая бѣлорусская рѣчь (не безъ сильнаго однако вліянія сосѣдей) въ Трубчевскомъ уѣздѣ, лишь въ 2-хъ приходахъ Семецкомъ и Котовскомъ, лежащихъ по р. Рожку, притоку Судости. Въ указанной части Брянскаго уѣзда — въ Акулицкой и Лутенской, волостяхъ живутъ тоже бѣлоруссы, но подвергшіеся сильному великорусскому вліянію.

заходя иногда даже и на лѣвый берегъ (по р. Итомлѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ и р. Кошѣ въ Осташковскомъ [1]) уѣздѣ); затѣмъ граница бѣлорусскихъ говоровъ подходитъ къ истокамъ Волги и Западной Двины. Бѣлорусское дзеканье, по Далю, слышится въ Корчевѣ и Торжкѣ.

Въ восточной части Псковской губ. бѣлоруссы не простираются дальше Зап. Двины. Затѣмъ граница бѣлорусской области идетъ по южнымъ частямъ Великолуцкаго, Торопецкаго, Опоченскаго уѣздовъ. М. Колосовъ (Обзоръ звуковыхъ формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 147, вын. 2) отмѣчаетъ бѣлорусовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губ. (Великолуцкій, Опочецкій [2]) и Холмскій) и даже Московской (Рузскій, Волоколамскій и Можайскій).

Не легче установить границу между малоруссами и бѣлоруссами. Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ незнакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверно-малорусскіе говоры часто знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что нѣкоторымъ кажется, въ данномъ случаѣ, типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ; остаются *дз* и *ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствованіе малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда малоруссы очень не любятъ дзекающаго произношенія: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они выставляютъ именно эту черту: „Хиба, лихо озме литвина, щобъ не вінъ дзекнувъ“.— Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто-антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *и*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда „мягки“, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ они всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ „ведземъ“, „милы“, „бици“, а малоруссъ — „вэдэмъ“, „мылы“, „быты“. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз* — *ц* мягкихъ передъ общерусскими *е* — *и* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ *е* и *і* изъ общерусскаго *ѣ*, которые у нихъ бываютъ мягкими, напр., дзівуля, дзевчина; возможны *дз* и *ц* у нихъ еще на концѣ передъ стариннымъ *ь*: ходи*ць*. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т.-е. произношеніе, въ родѣ в*а*да, н*я*су, или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы. Впрочемъ въ пограничныхъ съ малоруссами областяхъ и аканье у бѣлоруссовъ развито слабо. Такимъ образомъ, при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *и*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ

---

[1]) Преображенскій: Описаніе Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. С.-Пб. 1854, стр. 78. Въ настоящее время дѣло, быть можетъ, обстоитъ совсѣмъ иначе (ср. „Бѣлоруссы“, I, 16).

[2]) Въ этомъ уѣздѣ отмѣчаетъ бѣлоруссовъ и Максимовъ (Живоп. Россія, III, 448).

нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (сэрце, уздэчка, формы на *эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ злэй). Если при этомъ еще окажется *дз — ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ, несомнѣнно, бѣлорусскій, хотя бы остальныя черты и были малорусскія, напр., дифтонги у͡о, ю͡о, і͡е, *у* на мѣстѣ *о* (ў нов*у*мъ) и под. Не знаю, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда есть одно только твердое *э* и при томъ лишь послѣ губныхъ *б, п, в, м,* а послѣ другихъ согласныхъ мягкое. Такой говоръ существуетъ въ окрестностяхъ м. Шерешова (Пруж. у. Гродней. г.), какъ объ этомъ можно судить по отвѣту на одну бѣлорусскую программу, имѣющуюся въ Академіи Наукъ. Здѣсь въ бѣлорусскомъ говорѣ, повидимому, еще только зарождаются малорусскія особенности. Твердое *э* вм. *е* изрѣдка можно слышать и въ бѣлорусскомъ говорѣ м. Любеча Городн. у. Черн. г., и нѣкоторыхъ другихъ самыхъ южныхъ бѣлорусскихъ окраинахъ (обыкновенно послѣ губныхъ и лишь спорадически послѣ *д*).

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по Бѣльскому уѣзду Гродненской губ., бѣлорусская граница идетъ до Бѣловѣжской пущи, далѣе по р. Каревкѣ она прорѣзываетъ послѣднюю до м. Шерешова, а отсюда идетъ на востокъ сѣвернѣе г. Пружанъ, къ р. Ясельдѣ, почти до Картузъ-Березы; отсюда, захватывая Стрычовъ, почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ Минскую губ. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ въ юго-восточномъ направленіи къ м. Лунинъ не далеко отъ ст. Лунинецъ, (при пересѣченіи полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ), захватывая въ бѣлорусскую область деревни Хотыничи, Малковичи и Дятловичи. Здѣсь значитъ, мы заходимъ въ сѣверную часть Пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ. С.-Пб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго). Далѣе граница спускается къ р. Припяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже проникая на правый ея берегъ, особенно клиномъ въ восточной части Мозырскаго уѣзда до границы съ Волынской губ. Припятью граница идетъ по уѣздамъ Мозырскому и Рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область Черниговской и Могилевской губ. Вся Могилевская губ. населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается въ рѣчи населенія лишь нѣкоторыхъ мѣстъ южной части Гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ Минской губ., должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до м. Любеча. Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части Черниговскаго уѣзда (Русс. Фил. Вѣстн., XI, 118 и „списки населенныхъ мѣстъ“, XXXI стр. с. Бѣгачъ). Отъ Любеча граница идетъ по Городнянскому уѣзду на западъ, приблизительно по дорогѣ въ Рѣпки, захватывая Красновское, Мутичевъ, къ р. Снови; затѣмъ по этой рѣкѣ и по границѣ уѣздовъ Новозыбковскаго и Сосницкаго, далѣе по Новгородъ-Сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу. За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриновкѣ; далѣе граница идетъ по р. Деснѣ до Орловской губ. Малоруссы „всѣхъ живущихъ къ

сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами, несмотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ чисто великорусскій типъ". (Календарь Черниговской губ. на 1887 г. Ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русс. діалектологіи, 69 стр., вын.). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), то они бѣлорусскіе. Конечно въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь (ср. отзывъ г-жи Косичъ въ „Живой Старинѣ" 1901 г., вып. II).

Что касается границы между нарѣчіями великорусскимъ и малорусскимъ, то она устанавливается довольно легко: южно-великорусы не знаютъ твердыхъ *е* и *и*, не имѣютъ *і* умягчительнаго на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*, а также закрытыхъ *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, нѣтъ у нихъ и дифтонговъ на мѣстѣ тѣхъ же гласныхъ, не знаютъ они и удвоенія согласныхъ на мѣстѣ группы изъ согласнаго+j. Съ другой стороны, великорусскому нарѣчію, пограничному съ малорусскимъ, свойственно аканье и вообще разныя измѣненія безударныхъ гласныхъ. Не стану перечислять другихъ общеизвѣстныхъ отличій. Придерживаясь хотя бы только приведенныхъ чертъ, легко отличить великоруса отъ малоруса во всякомъ мѣстѣ ихъ взаимнаго сосѣдства. Въ Черниговской губ. сталкиваются всѣ 3 русскія нарѣчія и племени: великоруссы живутъ здѣсь на самой сѣверовосточной окраинѣ (восточная половина Новгородсѣверскаго уѣзда и нѣкоторыя другія мѣста, гдѣ живутъ по преимуществу раскольники); пограничная Курская губ. почти вся заселена великоруссами [1]): малоруссы здѣсь лишь въ югозападной окраинѣ (Суджинскій уѣздъ, отчасти нѣкоторыя мѣста въ Обоянскомъ, гдѣ малоруссы переселенцы); въ Воронежской губ. сѣверъ занятъ великоруссами а югъ малоруссами; приблизительно такъ же распредѣлены великоруссы и малоруссы и въ Области Войска Донского. Подробное разграниченіе въ другихъ мѣстахъ южныхъ губерній великоруссовъ и малоруссовъ отняло бы не мало времени, а точныхъ результатовъ достигнуть все же нельзя было бы за неимѣніемъ подчасъ нужнаго матеріала. Поэтому и ограничимся лишь указаніемъ общихъ принциповъ распредѣленія и общихъ рамокъ.

Въ заключеніе своей замѣтки напомню отчасти то, съ чего я началъ. Подробная катологизація поселеній русскаго племени, говорящихъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ

---

[1]) При обсужденіи моего реферата проф. М. Г. Халанскій сдѣлалъ указаніе, что съ запада въ Курскую губ. клиномъ входятъ бѣлоруссы; они уже не знаютъ дзеканья; но сохраняютъ другія бѣлорусскія черты въ языкѣ и бытѣ. Вслѣдствіе этого замѣчанія я навелъ справки между прочимъ въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ" Курской губ. по свѣдѣніямъ 1868 г. Здѣсь на стр. XXXVI имѣется замѣчаніе, что въ Путивльскомъ уѣздѣ жителей нѣкоторыхъ селеній признаютъ переселенцами изъ Литвы и называютъ *горюнами*, потому что они ради горя и нужды оставили свой край; „по всей вѣроятности это бѣлоруссы", названіе „горюновъ", по словамъ проф. Халанскаго, удерживается за ними до сихъ поръ. На стр. LI бѣлоруссовъ показано 23,000 чел. Редакція списковъ сомнѣвается въ возможности такого количества бѣлоруссовъ въ Курской губ., хотя полагаетъ невозможнымъ „допустить, чтобы приходскіе священники не умѣли различать съ точностью малороссіянъ отъ бѣлоруссовъ и великороссіянъ. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бѣлоруссы показаны отдѣльно отъ малороссіянъ и великороссіянъ". Въ спискахъ перечисляются и мѣста, занятыя бѣлоруссами въ уѣздахъ Курскомъ (1), Грайворонскомъ (3), Льговскомъ (1), Новооскольскомъ (4), Обоянскомъ (5), Путивльскомъ (7), Рыльскомъ (4). Суджанскомъ (5).

для цѣлей научныхъ очень важна: по языку можно судить о томъ, какъ и откуда шла колонизація того или другого края, къ какому большому городу тянуло населеніе; въ чисто лингвистическомъ отношеніи можно опредѣлить, какія взаимныя вліянія произошли въ смежныхъ говорахъ, какъ измѣнялись одни звуки и формы подъ вліяніемъ другихъ. Такимъ образомъ составленіе, такъ сказать, лингвистической карты русскаго языка послужитъ существеннымъ подспорьемъ при составленіи карты этнографической, а затѣмъ и исторической карты русскихъ племенъ, конечно, если сюда еще будутъ присоединены данныя матеріальной археологіи и свидѣтельства древнихъ источниковъ.

Суффиксы русскаго языка.

Л. Г. Лопатинскій.

Вліяніе кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе.

Занимаясь много лѣтъ кавказскими языками, я не могъ не обратить вниманія на то, что между ними и арійской группой языковъ существуютъ извѣстныя точки соприкосновенія и даже болѣе или менѣе отдаленная связь. Связь эта касается не столько морфологіи языка или его синтаксиса, сколько этимологическаго состава словъ и лексической стороны вообще. Между прочимъ, по моимъ наблюденіямъ, и нѣкоторые суффиксы славяно-русскаго языка образовались подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ: грузинскаго, черкесскаго и аварскаго. Изслѣдованіе объ интересномъ и для исторической науки вопросѣ я рѣшаюсь предложить суду ученыхъ собратій.

Предпосылаю нѣсколько словъ о настоящемъ значеніи суффиксовъ. Подобно суффиксамъ, служащимъ для показанія падежа, рода и числа — такъ называемыхъ флексій, производственные суффиксы происходятъ отъ самостоятельныхъ словъ, сросшихся съ основнымъ и часто наращающихся другими для выраженія разныхъ оттѣнковъ слова. Суффиксы утеряли уже свое самостоятельное значеніе, и только въ нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторые изъ нихъ еще могутъ быть возстановлены въ своемъ значеніи при посредствѣ того же самаго языка, въ его древней формѣ. Такъ, напримѣръ, въ словѣ Freundschaft дружба суфф. schaft, въ др.-в.-нѣм. scaft означаетъ *свойство*, *видъ*[1]).

Объясненіе настоящаго значенія арійскихъ суффиксовъ составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ сравнительнаго языкознанія — тѣмъ болѣе трудную, что въ кругъ сравниваемыхъ языковъ приходится включать не только языки родственные, но и языки чуждые по происхожденію, принадлежащіе народамъ, которые долго жили по сосѣдству съ арійцами, находясь съ ними въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій въ постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ. Если могутъ отъ народа къ народу или даже къ цѣлымъ группамъ родственныхъ племенъ переходить цѣлыя слова, то это возможно и съ суффиксами, которые въ извѣстномъ періодѣ усвоивались какъ слова самостоятельныя и только впослѣдствіи, когда ихъ значеніе затемнилось, были низведены до роли второстепенныхъ частей слова. Прослѣдить пути, по которымъ эти заимствованія передавались однимъ народомъ другому, весьма трудно, тѣмъ болѣе

---

[1]) Heyse, Deutsche Grammatik, стран. 184.

что народы иногда раздѣляются большими пространствами и даже цѣлыми морями, но наличность этихъ заимствованій у того или другого народа можетъ бросить свѣтъ и на историческія событія, касающіяся переселенія народовъ, или объяснить этнографическую связь между двумя народами. Въ этомъ случаѣ лингвистическая палеонтологія идетъ рука объ руку съ исторіей и этнографіей, являясь вѣрной помощницей этихъ наукъ въ разъясненіи нѣкоторыхъ запутанныхъ историческихъ проблемъ или взаимныхъ бытовыхъ и общественныхъ отношеній.

Какъ извѣстно, сложныя слова состоятъ изъ двухъ или болѣе частей: основного слова, которое заключаетъ въ себѣ коренное значеніе compositī, и слова, опредѣляющаго или ограничивающаго первое. Такимъ образомъ между обоими словами существуетъ синтактическая связь. Основное слово занимаетъ обыкновенно центральное мѣсто; впереди его стоитъ опредѣляющая его часть, иногда съ представками, а позади — наставки. Связь эта видна, напримѣръ, въ словѣ *небосклонъ, водопадъ* и т. д. Съ возстановленіемъ настоящаго значенія нѣкоторыхъ суффиксовъ мы увидимъ, что они, по сравненію со словомъ знаменательнымъ, занимаютъ болѣе выдающееся положеніе: не суффиксъ служитъ первому опредѣленіемъ, но скорѣе — наоборотъ. Такимъ образомъ не только производныя слова представляются составными, но и составныя части сложнаго, а также и простыя слова могутъ оказаться, въ свою очередь, составными, хотя въ высшей степени трудно расчленять ихъ на составныя части. Расчлененіе каждаго слова на его составныя части составляетъ задачу болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Такъ называемые флексивные языки не что иное, какъ слоевые или агглютинативные. Но между тѣмъ какъ въ первыхъ этимологическій составъ слова не всегда ясенъ, вторые, въ большинствѣ случаевъ, такъ же легко разбираются по составнымъ частямъ, какъ цвѣтокъ по лепесткамъ. Въ особенности это замѣтно въ нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ: черкесскомъ и абхазскомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ языкахъ существуетъ еще другое основаніе агглютинаціи, кромѣ вышеупомянутаго. Въ этихъ языкахъ есть цѣлый рядъ составныхъ словъ, въ которыхъ сросшіяся слова выражаютъ не синтактическую зависимость другъ отъ друга[1]), но два какихъ-нибудь отличительныхъ признака предмета. Напримѣръ черкесское нап̣е означаетъ *лицо;* обѣ его составныя части: нне глазъ и п̣пе носъ. Это важно знать потому, что и въ арійскихъ языкахъ сохранился слѣдъ подобнаго словообразованія.

Теперь приступаю къ объясненію нѣкоторыхъ суффиксовъ языка, образовавшихся подъ вліяніемъ языковъ кавказскихъ.

1. *Суффиксъ* -ск-.

Суффиксъ -ско, -ска распространенъ въ значительной степени въ западной вѣтви арійскихъ языковъ[2]), главнымъ же образомъ — въ группѣ языковъ германско-литовско-славянскихъ.

---

[1]) Composita adverbiālia оставляю въ сторонѣ.

[2]) Въ восточной вѣтви арійскихъ языковъ этотъ суффиксъ является спорадическимъ и имѣетъ нѣсколько другое значеніе.

Въ греческомъ языкѣ этотъ суффиксъ является въ умепьшительныхъ на -*(ι)σκο*[1]): *παιδίσκο-ς* мальченка, *παιδίσκη* дѣвчонка, *οἰκίσκο-ς* домишко, *αἰγίσκο-ς* козленокъ, *χοιρίσκο-ς* свинка, *ἀλεκτορίσκο-ς* пѣтушокъ, *κυνίσκο-ς* собачонка (также и имя собств. *Ἡρόδ*. VI, 17). По Швабе[2]) этихъ словъ насчитывается 180.

Въ латинскомъ языкѣ суффиксъ этотъ встрѣчается только въ нѣсколькихъ словообразованіяхъ, но съ потерею уменьшительнаго значенія.

Германскія словообразованія съ -iska-, означающія происхожденіе и принадлежность или соотвѣтствіе и качество, весьма многочисленны. Этотъ суффиксъ въ нѣмецкомъ языкѣ претерпѣлъ значительныя видоизмѣненія: звукъ *к* перешелъ въ средне- и ново-верхне-нѣмецкомъ въ безголосый спирантъ ch, а тотъ, въ свою очередь, начиная съ XI в., въ соединеніи съ s — въ безголосый спирантъ sch[3]). Такъ, герм.-гот. judaivisk-s jüdisch жидовскій, piudisk-s *ἐθνικός* др.-в.-мѣм. diutisc deutsch нѣмецкій, др.-в.-н. frencisc fränkisch франкскій, dorfisc dörfisch деревенскій, mennisco Mensch человѣкъ; въ скандинавскихъ языкахъ этотъ суффиксъ сохранился въ первобытной чистотѣ: svenska, danska, norska, finska.

Въ литовскомъ языкѣ распространеніе его менѣе значительно, но съ переходомъ с въ ш, какъ и въ сербскомъ языкѣ: prúsiszka-s прусскій, lëtùviszka-s литовскій, kłaipediszki-s клайпедскій (мемельскій).

Но весьма широко его распространеніе въ церковно-славянскомъ и во всѣхъ славянскихъ языкахъ, въ особенности въ русскомъ, въ томъ же самомъ значеніи, какъ и въ германскихъ языкахъ, отчего у Бругмана и явилось предположеніе о заимствованіи этого суффикса изъ германскихъ языковъ[4]). Такъ, церк.-слав. мѫж-ь-ск-ъ мужской, мужескій, брат-ь-ск-ъ братскій, Смолеп-ь-ск-ъ, галичь-ск-ій, русь-скій, грек-ск-ій греческій; въ особенности въ фамильныхъ именахъ: Ростовскій и т. д.

Если италіанскія: grechesco, donnesco, tedesco германскаго происхожденія, то румынскія: Solesku, Bibesku и т. д. заимствованы отъ славянъ: римскіе колонисты поселились въ древней Дакіи раньше, чѣмъ началось воздѣйствіе германцевъ на италійскіе народы.

Звуковая группа *ск* посредствомъ *ст* (въ греческомъ: *ἑλληνιστί, μηδιστί, αἰολιστί* и т. д., въ слав. ѥлеонь-скъ — на горѣ ѥлеонь-стѣ) смягчается въ сложный согласный щ (шч), напр. малорусс. топориско — топорище, прозвиско (польск. przezwisko) — прозвище. Въ древне-славянскомъ языкѣ, въ южныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ *ск* смягчается въ шт; напримѣръ, въ др.-слав.:

---

1) Усиленныя глаг. основаны въ греч. и лат. яз. на *(ι)σκω*, (i)scō, напр. *εὑρίσκω* нахожу, revīvīsco оживаю, *γηράσκω* senēscō старѣюсь — и даже интеративныя формы на *-σκον, σκόμην*, я объясняю суффиксальнымъ наслоеніемъ изъ родственныхъ языковъ: *is-skā- *a̭is-skā-, др. в. н. — eisca исканіе, требованіе, слав. иск-а-ть.

2) Ludwig Schwabe, Dē dēminūtīvīs Graecīs et Latīnīs, Gissae, 1859, s. 44 sq Leo Meyer, Vergleichende Gramm. der griech. und lat. Sprache, Berlin, 1865 и Kühner, Ausführliche Gramm. der griechischen Sprache, Hannover, 1869.

3) Heyse, Deutsche Grammatik, стран. 153.

4) Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indo-germanischen Sprachen, II, стран. 260. Скорѣе заимствованіе происходило наоборотъ, такъ какъ славяне жили ближе къ источнику, откуда заимствованъ этотъ суффиксъ.

капи*ште*, црькви́ште; въ серб.: ософштина (но въ хорв. sidališće); въ болгарскомъ: царо́вище, тръговище; въ румынскомъ: молдаванешті по-молдавански, русешті по-русски; въ шкипетарскомъ (албанскомъ): грекішт, сурќішт, шќерішт по-славянски, βлахішт по-валашски (румынски)[1].

Параллельно съ нимъ изъ суффикса (с)к (безъ согласнаго *с* первой составной части), но предшествуемый гласнымъ і, вырабатывался въ русскомъ языкѣ суфф. (и)ч для обозначенія отчества, въ соединеніи съ другимъ суффиксомъ -(о)в- или -(е)в-, предшествующимъ первому, хотя есть словобразованія и безъ него: Сергѣевичъ, Ѳомичъ; но имъ пользуются также въ названіяхъ племенъ, народовъ и жителей городовъ, означая какъ бы дѣтей или потомковъ родоначальника, напр. рус-ичи, вят-ичи, моск-вичи[2]. Болѣе позднѣе образованіе[3] — переходъ (і)к въ (і)с наблюдается въ языкѣ польскомъ: dziedzic, staroścіc, szlachcic, rodzic. Точно такъ же въ одномъ изъ арійскихъ языковъ, а именно въ армянскомъ, является суффиксъ ц, производящійся тою же артикуляціею звуковъ, въ соединеніи съ суффиксомъ ан (какъ и въ малорусскомъ) и съ перестановкой гласнаго і: Сундук-і-ан-ц.

Какъ видно, суфф. -ско-, -ска- существуетъ во многихъ арійскихъ языкахъ, но значеніе его такъ и не удавалось объяснить изъ этихъ языковъ. Бругманъ[4]) считаетъ его для объясненія труднымъ, но труднымъ онъ казался потому, что заимствованъ отъ народа, чуждаго арійцамъ, но жившаго рядомъ съ ними въ продолженіе многихъ вѣковъ. Народъ этотъ *карты* (иверы), развѣтвляющіеся въ настоящее время на три племени — грузинъ, мингрельцевъ и сvановъ. Карты жили западнѣе теперешнихъ своихъ жилищъ. Еще Тацитъ говоритъ о нихъ: Iberī Albānīque, saltuōsōs locōs incolentēs, dūritiae patientiaeque magis īnsuēvēre, feruntque sē Thessalīs ortōs, quā tempestāte Iaso... Colchōs repetīvit[5]). Они занимали, судя по географической номенклатурѣ и даннымъ языка, западную часть Малой Азіи до береговъ Галиса (Кизилъ), Ирмака и даже Геллеспонта. Г. Глейе въ своей статьѣ[6]) называетъ общіе съ арійскими языками элементы въ грузинскомъ языкѣ арійскими; я, напротивъ, рѣшаюсь назвать существующій въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ суффиксъ *ск* грузинскимъ. Суффиксъ этотъ я считаю грузинскимъ потому, что онъ въ родственномъ грузинскому языку — въ мингрельскомъ еще сохранилъ свое значеніе и потому совершенно понятенъ каждому мингрельцу: сќуа или сќі въ мингрельскомъ означаетъ *сынъ* и происходитъ отъ корня ску = шу, означающаго *рожденіе;* но это самостоятельное слово стало уже въ мингрельскомъ языкѣ употребляться какъ суффиксъ для обозначенія *происхожденія* и *принадлежности*. Напримѣръ, Еліа-ш-сќуа Ильичъ, Ильинскій[7]), Іванеішсќуа Ивановичъ, жіносќуа сынъ Вышняго, дворянинъ, тавадісќуа князь, маргалісќуа крестья-

---

[1]) *К. Χριστοφορίδου, Γραμματικὴ τῆς ἀλβανικῆς γλώσσης, Ἐν Κωνσταντινοπόλει*, 1882.

[2]) **Буслаевъ**, Историческая грамматика русскаго языка, I, стран. 144.

[3]) **Miklosich**, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I. Lautlehre, стран. 257.

[4]) **Brugmann**, II, стран. 260. Die Beurtheilung dieses Suffixes ist schwierig.

[5]) **Taciti**, Annalēs, 6, 34.

[6]) См. вышепомѣщенную ст. **Глейе** „Аріо-европейскіе, а въ частности иллирійскіе элементы въ грузинскомъ языкѣ“ въ настоящемъ вып. Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа.

[7]) См. ст. **Джанашвили** „Картвельскій языкъ и славяно-русскій“ въ настоящемъ выпускѣ Сборника.

нинъ, нана-с̆куа родимый. Характерны также фамильныя имена, съ наращеніемъ глагольнаго корня рі = груз. лі: Цулаіск(у)а-рі Цулаевъ, Папа-ск(у)а-рі Поповичъ[1]). Грузинское швілі (собств. шуілі) произошло посредствомъ смягченія — изъ ску-ілі, при чемъ груз. *л* соотвѣтствуетъ мингрельскому *р*[2]). Замѣчательно, что въ родственномъ мингрельскому — лазскомъ нарѣчіи, на которомъ говоритъ народъ, далѣе всего выдвинувшійся на западъ, рядомъ съ сік̆іріс = с̆куа стало употребляться слово бере, заимствованное изъ шкипетарскаго бірі.

Опредѣлить время заимствованія можно только приблизительно. Въ языкѣ Гомера этого суффикса нѣтъ[3]); поэтому можно предположить, что карты, бывшіе долго сосѣдями ѳракійскихъ, македонскихъ и иллирійскихъ племенъ, пришли въ соприкосновеніе съ греками уже послѣ IX в. до Р. Х., а затѣмъ, тѣснимые армянами при движеніи послѣднихъ для занятія урартскихъ земель (послѣ паденія урартскаго царства въ концѣ VIII в. до Р. Х.), устремились на востокъ, занявъ, съ одной стороны, долину Куры и предгорья западнаго Кавказскаго хребта, а съ другой, но, вѣроятно, въ еще болѣе ранній періодъ, южное и восточное побережья Чернаго моря, подъ названіемъ лазовъ и мингрельцевъ (ч̆ановъ и маргали). Колхи-Мингрельцы уже во времена Ксенофонта занимали свои теперешнія мѣста, хотя при немъ они жили еще гораздо западнѣе — до Синопа.

Картское слово с̆куа перешло въ качествѣ суффикса отъ картовъ, съ одной стороны, къ бывшимъ ихъ западнымъ арійскимъ сосѣдямъ: грекамъ и шкипетарамъ, а отъ тѣхъ уже къ славянамъ, литовцамъ, германцамъ, отчасти и къ романскимъ народамъ, а равно и армянамъ, жившимъ первоначально тоже западнѣе грузинъ, съ другой — усвоено абхазцами, убыхами и адыгами (черкесами). Въ абхазскомъ языкѣ оно сохранило только суффиксальное значеніе и служитъ для образованія множ. числа, но съ пропускомъ первой составной части — суффикса -(і)с и замѣной придыхательнаго к̆ отрѣзнымъ к̇ (перваго въ абхаз. языкѣ нѣтъ): ажа̀ заяцъ — ажа-к̇уа̀. Въ убыхскомъ языкѣ это слово является, съ замѣной придательнаго к̆ язычно-велярнымъ k и въ соединеніи съ корнемъ ɧа (въ адыгскомъ ɧа означаетъ понужденіе, зависимость): ɧа-коа́ сынъ. Въ адыгскомъ языкѣ является первичная форма ko, о которой будетъ сказано ниже.

Рядомъ съ суффиксомъ -ск- въ арійскихъ языкахъ, въ особенности въ западныхъ вѣтвяхъ этой группы, получили широкое роспространеніе родственные ему суффиксы: -ко-кā, -(і)ко -(і)кā-, -(у)ко- -(у)кā-, (а)ко- (а)кā-[4]), но я ихъ всѣхъ теперь касаться не буду.

Перехожу къ суффиксу -ко.

---

[1]) Суфф. -ск- въ мингрельскомъ языкѣ претерпѣлъ отчасти тѣ же видоизмѣненія, какъ и въ нѣмецкомъ: маргаліші тавадіс̆куа мингрельскій князь; русіте отъ русскаго, или — русскаго; маргаліше отъ мингрельца; Мартвіліше изъ, или: отъ Мартвилъ; меу русіша иди къ русскому; сенакише сенакскій.

[2]) Цагарели, Мингрельскіе этюды, II. Пет. 1880, стран. 52.

[3]) Leo Meyer, Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache, Berlin, 1865, II, стран. 504.

[4]) Литература этихъ суффиксовъ показана у Бругмана, II, стран. 238.

2. *Суффиксъ* -ко.

Суффиксъ -ко, представляющій первичную форму предыдущаго, встрѣчается изъ славянскихъ языковъ только въ языкахъ болгарскомъ и русскомъ, но, главнымъ образомъ, въ малорусскомъ нарѣчіи. Русскій языкъ и раньше уже имѣлъ родственные ему суффиксы, принявшіе впослѣдствіи различныя сочетанія: -ик-, -ск-, -ок-, -ук-, -як-, -к-, -ък-, -ьк-, но въ формѣ -ко онъ появляется уже въ историческое время. Въ древне-русскомъ языкѣ и въ великорусскомъ нарѣчіи суффиксъ этотъ служитъ для образованія ласкательныхъ именъ: Василь-ко (Нест.), Владимирь-ко (Лѣт. пер. Судз. XIII в.), Иваш-ко, Миш-ко, Гриш-ко [1]), дѣдко, дѣдушко (въ Угличѣ). Въ томъ же самомъ значеніи употребляется -ко и въ болгарскомъ языкѣ: Петко (отъ Петра), Па́нко (отъ Степанова), Иванко (но та же форма Иванчо). Но, рядомъ съ суфф. -ко, встрѣчается въ русскомъ языкѣ въ словахъ азоваго склоненія [2]) суффиксъ -ка: Васька, дядька (отъ дядя). Что же касается малорусскаго нарѣчія, то суфф. -ко употребляется не только въ ласкательныхъ именахъ, какъ, напр., Левко, Манько (отъ Еммануила), но въ Приднѣпровьи и въ особенности въ Лѣвобережной Малороссіи — въ патронимикахъ и происшедшихъ изъ нихъ прозвищахъ и фамильныхъ именахъ, въ соединеніи съ суфф. ен(т) (церк.-слав. ѧт): Шевчен-ко, Левчен-ко, Вдовычен-ко, Петрен-ко и т. д. Употребленіе суффикса -ко въ этомъ послѣднемъ значеніи — несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія.

Наличность суффикса -ко въ малорусскомъ нарѣчіи не единичное явленіе: въ томъ же самомъ значеніи, какъ въ малорусскомъ, и въ той же почти формѣ. но съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто язычно-небнаго к является язычно-велярный k, этотъ суффиксъ существуетъ въ обоихъ нарѣчіяхъ адыгскаго (черкесскаго) языка — чахскомъ (кяхскомъ) и кабардинскомъ: Бато-kо, Балато-kо, Lокшо-kо, Хаџо-kо, Пçмбадыно-kо, Jеçано-kо. Совпаденіе суффикса въ обоихъ этихъ языкахъ не имѣло бы еще столь большого значенія, если бы не то обстоятельство, что суффиксъ -ко въ черкесскомъ языкѣ играетъ не только роль образующаго окончанія, какъ въ языкѣ русскомъ, но сохранилъ свое самостоятельное значеніе: слово -kо означаетъ *сынъ* [3]); оно одинаково понятно каждому черкесу и какъ слово самостоятельное и какъ составная часть сложнаго слова. Въ этомъ случаѣ можетъ служить полной аналогіей скандинавское -son, -sen (Svenson, Benedictsen), служащее и тѣмъ и другимъ: самостоятельнымъ словомъ и суффиксомъ.

По моему мнѣнію, между черкесскимъ и русскимъ, а въ особенности южно-русскимъ -ко существуетъ историческая связь. Опредѣлить время появленія этого суффикса въ южно-русской вѣтви русскаго языка можно только приблизительно; онъ водворился въ чуждой ему средѣ не раньше продолжительнаго сосѣдства и историческихъ сношеній малоруссовъ съ адыгами, появлявшимися на исторической

---

[1]) Л. Васильевъ, Новгородское Евангеліе и его зап.-русск. вкладныя („Русск. Фил. Вѣстникъ" 1902).

[2]) Прим. къ Миклошичу, пер. Шлякова, подъ ред. проф. Брандта, въ „Изв. Ист.-Фил. инст. кн. Безбородка въ Нѣжинѣ", 1886 г.

[3]) Въ кабардинскомъ нарѣчіи слышится, какъ и въ мингрельскомъ kоа или kуа.

сценѣ подъ названіемъ языговъ, но также, вѣроятно, примыкавшими къ иноплеменнымъ завоевателямъ: гуннамъ, аварамъ, аланамъ, печенѣгамъ и другимъ. Адыги въ разныя времена приходили въ соприкосновеніе съ Южною Русью и оставили тамъ слѣдъ своего пребыванія въ видѣ географическихъ названій на всемъ почти пространствѣ юга Россіи и въ особенности между рр. Сеймомъ и Ворсклою, и потому неудивительно, что это вліяніе могло отразиться и на языкѣ. Появленіе въ Лѣвобережной Малороссіи суффикса -ко во второмъ, но коренномъ его значеніи можно отнести ко времени водворенія на этой территоріи пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ вел. кн. литовскимъ Витовтомъ, въ концѣ XIV вѣка, и смѣшавшихся впослѣдствіи съ южно-русскими и тюркскими элементами[1]). Это отразилось, между прочимъ, и на фонетикѣ приднѣпровскихъ говоровъ — на мягкомъ и тождественномъ въ обоихъ языкахъ произношеніи гласнаго звука -ы изъ зубо-гортаннаго ряда: пôдрывати — земтхын. Даже и произношеніе голосового язычно-зубного л въ сочетаніи съ ы очень близко подходитъ въ приднѣпровскихъ говорахъ къ черкесскому l: блыстѣти — lыдын, а равно и произношеніе язычно-небнаго спиранта ɦ, общаго всей Малороссіи,— къ такому же звуку въ черкесскомъ: ɦурт гуртъ.

Если, съ одной стороны, этотъ суффиксъ перешелъ къ сѣверо-восточнымъ сосѣдямъ адыговъ — къ русскимъ, то съ другой — онъ встрѣчается и у ихъ юго-восточныхъ сосѣдей, а именно у грузинъ и аваровъ. Но въ грузинскомъ языкѣ суффиксъ *ко* имѣетъ уменьшительное значеніе, какъ и въ великорусскомъ: швілі-ко сынокъ, Даті-ко Давидка, гвріті-ко голубокъ, Петрі-ко Петрикъ, Датуні-ко[2]); такое же значеніе онъ сохраняетъ и въ аварскомъ языкѣ: вàца-ко братецъ, jаца-ко сестрица[3]).

3. *Суффиксъ* -ч-, -чі-.

Суффиксъ -чі, родственный суффиксамъ -(с)к и -ко, употребляется изъ аріоевропейскихъ языковъ только въ славянскомъ и, въ особенности, въ языкѣ русскомъ, для обозначенія nominis agentis въ словахъ на -чь и -чій, а въ цк.-сл. на — чи, чий и чия: тка-ч-ъ, стряп-чій, сок-ачь, со-к-а-чи и сок-а-чия поваръ, кръ-чи кузнецъ, ласкъ-чий льстецъ, кръмь-чия управитель; иногда съ наращеніемъ суфф. -к-ъ: извозчи-к-ъ, рѣз-чи-к-ъ, при параллельномъ развитіи суфф. -щи: зачинщикъ. Суфф. этотъ встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ — польскомъ: oracz, posiadacz, łowczy; чешскомъ: lovčí, kravčí, krejčí; болгарскомъ: орач, сбирач. Слѣдуетъ замѣтить, что русскій суфф. -чій, въ особенности часто встрѣчающійся въ прилагательныхъ, имѣетъ наклонность къ переходу въ суфф. -ьц- (-ец-), посредствомъ котораго слово пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельное значеніе существительнаго: лов-чій — лов-ецъ, пѣв-чій — пѣв-ецъ. Сюда же относятся и многочисленныя nōmina agentis на -ьц- и -ец-: куп-ец-ъ, горд-ец-ъ. Такимъ образомъ, между суффиксами -чі и -ьц- (-ец-) существуетъ тѣсное взаимодѣйствіе.

---

[1]) Докладъ о Пят. черк., читанный г. Падалкой на XII Арх. съѣздѣ въ Харьковѣ, подъ загл. „Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ“.

[2]) М. Джанашвили, ibid.

[3]) Усларъ. Аварскій языкъ, стран. 89.

Суффиксъ этотъ кавказскаго происхожденія: онъ встрѣчается, въ видѣ самостоятельнаго слова, въ аварскомъ или хунзскомъ языкѣ (х̀унз маЦ), гдѣ чі означаетъ *человѣкъ*. Но уже въ аварскомъ языкѣ это слово является суффиксомъ для обозначенія дѣйствующаго лица, хотя и съ вполнѣ отчетливымъ еще пониманіемъ истиннаго его значенія: һӧј-чі негодяй (собств. собака-человѣкъ), маЦіл-чі клеветникъ, дуҕа-чі богомолецъ, баһар-чі храбрецъ, чијар-чі чужеземецъ, буртi-чі чеченецъ, ҕолðкан-чі юноша (ҕолðкан молодой быкъ) и т. д.

Аналогіей словообразованіямъ съ суффиксомъ -чі могутъ служить нѣмецкія сложныя слова: Zimmer-mann, Kaufmann, Land-mann, съ ясно сохранившимся еще значеніемъ второго составного слова.

Въ качествѣ суффикса, но съ потерею уже своего значенія, это слово перешло, съ одной стороны, къ славянамъ, а съ другой — къ многочисленнымъ тюркскимъ народамъ[1]). У славянъ этотъ суффиксъ сталъ употребляться рядомъ съ суффиксомъ *арь*, служащимъ для того же самаго обозначенія, но въ тюркскихъ языкахъ онъ пріобрѣлъ исключительное господство. Такъ, въ казанскомъ нарѣчіи: карау-чі смотритель, укыу-чі чтецъ, булдырыу-чі творецъ, кајык-чі лодочникъ; въ адербейджанскомъ: біікарӓ-чі лодырь, бостан-чі огородникъ, арі-чі пчеловодъ; въ кумыкскомъ: башмак-чі башмачникъ, сӧз-чі бунтовщикъ, гіч-чі маленькій; въ казакъ-киргизскомъ (съ переходомъ *ч* въ *ш*): ер-шы сѣдельный мастеръ, мал-шы пастухъ; въ карачаевскомъ (часто съ пропускомъ гл. і, какъ и въ слав. языкахъ); кызган-ч скупой, ат-џер-чі сѣдельникъ, гумуш-чі серебрякъ, орак-чі жнецъ. Суфф. этотъ захватываетъ въ тюркскихъ языкахъ отдаленныя по своей древности времена и попадается у весьма отдаленныхъ племенъ; онъ встрѣчается на орхонскихъ надписяхъ[2]), въ древнетурецкомъ: ӧlte-či умирающій; въ уйгурскомъ: јурт-чі селянинъ, јог-чі плачущій[3]). Въ ново-турецкомъ или османскомъ является рядомъ съ формой чі (окчі стрѣлокъ), и форма џ̄і: тӱтӱн-џі продавецъ табаку, јӧ-џі путешественникъ.

Отъ тюрковъ суффиксъ этотъ перешелъ къ евреямъ-татамъ: сӓдаҕа-чі нищій (сӓдаҕа милостыня)[4]) и къ курдамъ: ірхі-чі табунщикъ, kӓlӓ-чі лудильщикъ, к̊омӓк-чі защитникъ. Замѣчательно, что въ формѣ жі онъ встрѣчается также у мингрельцевъ[5]): махін-жі разбойникъ, лурен-жі спящій. У армянъ -чі перешло въ -ці для обозначенія

---

[1]) Фонъ-Эркертъ въ своемъ сочиненіи „Die Sprachen des Kaukasischen Stammes" (II часть, стран. 170) высказываетъ мнѣніе, что авар. суфф. -чі заимствованъ у тюрковъ, хотя и признаетъ за словомъ чі (человѣкъ) самостоятельное значеніе. Высказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, неувѣренность въ родствѣ аварскаго и тюркскаго чі (nicht verwandt damit scheint das avarische či Mann, Mensch, in Beispielen wie xerav-či alter Mann, Greis), онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе. Многоуважаемый проф. Харьковскаго университета, М. С. Дриновъ, при обсужденіи моего реферата на XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ (23 августа 1902 г.), тоже высказался въ пользу тюркскаго происхожденія суфф. -чі, онъ не можетъ знать о самостоятельномъ значеніи слова чі въ аварскомъ языкѣ, не имѣя подъ рукою работъ по этому языку. Усларъ въ своемъ трудѣ „Аварскій языкъ" (Тифлисъ, 1889 г.) высказывается такъ: „Множество существительныхъ оканчивается на чі, которое имѣетъ значеніе нѣмецкаго Mann въ словѣ: Kaufmann и т. п., англійскаго man въ словѣ tradesman" (стран. 44).

[2]) Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon (Helsingfors, 1896).

[3]) Vámbery, Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens (Helsingfors, 1899).

[4]) В. Миллеръ, Матеріалы для изученія евр.-тат. языка.

[5]) Цагарели, Мингрельскіе этюды, стран. 65.

происхожденія по родинѣ, чѣмъ этотъ языкъ подошелъ близко къ русскому: јереван-ці эриван-ец-ъ, тіфлис-ці тифліс-ец-ъ.

Къ славянамъ и въ особенности къ русскимъ этотъ суффиксъ могъ перейти отъ аваровъ въ историческое время, когда они впервые появились на исторической сценѣ, съ 558 г. Правда, не исключается возможность, что авары могли являться и подъ названіемъ гунны (авары называютъ себя хунз)[1]. Съ 827 г. авары исчезли съ европейской территоріи, запершись въ своихъ кавказскихъ трущобахъ, но оставили сѣвернымъ и юго-восточнымъ славянамъ единственный, можетъ-быть, слѣдъ своего языка въ видѣ суффикса *-чи*.

Характернымъ для опредѣленія границъ историческихъ вліяній является то обстоятельство, что суффиксъ -чі пріобрѣлъ свою жизненность только у тѣхъ народовъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ гуннами и аварами. Но странно, что его не знаютъ теперешніе сосѣди аварцевъ — разныя лезгинскія племена и чеченцы. Очевидно, періодъ исторической экспансивности прошелъ для аваровъ уже давно, и въ настоящее время ихъ вліяніе не простирается дальше занимаемыхъ ими ущелій.

---

[1]) У Іордана (Rōm. et. Get. 127) говорится: quem (Danaprim amnem) linguā suā hunnī Var appellant. Гунское названіе рѣки Днѣпра *вар* ставитъ аваровъ въ связь съ гуннами: по-аварски ҫор означаетъ *рѣка*.

Наблюденія надъ народнымъ творчествомъ крымскихъ болгаръ[1]).

А. Ѳ. Музыченка.

Вопросъ о зарожденіи поэзіи и поэтическомъ синкретизмѣ. Событія, вызывающія новыя пѣсни. Пѣсни, сопровождаемыя мимикой. Вопросъ о личномъ и коллективномъ творчествѣ. Стороннія вліянія на творчествѣ болгаръ.

Болгары, о которыхъ я буду говорить, представляютъ собою интересную въ этнографическомъ отношеніи группу. Эти переселенцы достигли Крыма не длиннымъ сухимъ путемъ, черезъ Бессарабію, теряя на своемъ долгомъ пути драгоцѣнныя черты сѣдой старины, а пріѣхали на судахъ прямо съ родины, испытавъ много горя на пути; попали они въ Крымскія горы — и эти горы оградили ихъ надолго отъ стороннихъ вліяній, такъ что здѣсь сохранились такія черты языка и быта, какія стерты жестокимъ временемъ даже въ самой Болгаріи.

Считаю не лишнимъ напомнить, что въ одной изъ программъ, изданныхъ къ VI Археологическому съѣзду въ Одессѣ, именно, въ программѣ для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, составленной г. Матвѣевымъ, былъ сдѣланъ призывъ къ изслѣдованію именно этихъ переселенцевъ — южныхъ славянъ. Вспомнить о нихъ особенно умѣстно теперь, когда исполняется сто лѣтъ со времени появленія первыхъ болгарскихъ колоній въ Крыму[2]).

Что касается ближайшей задачи настоящаго реферата, то, исходя изъ извѣстнаго мнѣ небольшого матеріала, строить какія-либо гипотезы было бы слишкомъ смѣлымъ, если принять во вниманіе территоріальную миніатюрность подлежащаго моему наблюденію пѣсеннаго очага. Я собиралъ данныя по этому вопросу всего въ одномъ, хотя, правда, очень большомъ болгарскомъ селеніи[3]), только изрѣдка захватывая другія.

---

[1]) Докладъ, читанный въ секціи древностей славянскихъ на XII Археол. съѣздѣ въ Харьковѣ, 23 августа, 1902 г.

[2]) Разбирая уже послѣ Съѣзда архивныя данныя о болгарскомъ переселеніи въ Россію, я нашелъ документы, вносящіе поправку на одинъ-два года въ хронологію заселенія Крыма, составленную на основаніи ранѣе собранныхъ мною документовъ въ бумагахъ Кишлавскаго волостного правленія. Вслѣдствіе необходимости сличать разнорѣчивыя данныя, я предполагаю сдѣлать это предметомъ отдѣльной статьи, а пока считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Московскому Археологическому Обществу за данную мнѣ возможность удобно обставить свои занятія въ архивѣ г. Одессы.

[3]) Это — село Кишлавъ, Ѳеодосійскаго уѣзда; другія данныя о немъ въ моей статьѣ „Бытъ болгаръ-поселенцевъ Ѳеодос. уѣзда“. „Этногр. Обозр.“, книга XLIII.

Я намѣчаю болѣе скромную и, надѣюсь, болѣе вѣрную въ методологическомъ отношеніи цѣль — сдѣлать попытку провѣрить, насколько на данномъ частномъ случаѣ оправдываются гипотезы и теоріи о началахъ поэзіи, кроющихся въ туманномъ младенчествѣ человѣка, иначе говоря, произвести индуктивную провѣрку предположеній, сопоставивъ ихъ съ наблюденными фактами. Самихъ этихъ теорій, предположеній и болѣе мелкихъ указаній по затрагиваемымъ вопросамъ, какія мы находимъ въ научной литературѣ, я буду касаться въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, считая ихъ извѣстными.

Ученые историки культуры и литературы видятъ зародыши пѣсни[1]) въ избыткѣ физіологической энергіи, половой эмоціи[2]), въ праздничныхъ[3]) и печальныхъ эмоціяхъ, или вообще въ яркихъ событіяхъ дня, боевыхъ подвигахъ племени, клана[4]), т.-е. источники поэзіи предполагаются самые разнообразные, исходящіе изъ нѣсколькихъ начальныхъ центровъ (религіозное настроеніе, военные подвиги, смерть старѣйшаго въ кланѣ, удачная охота). Но избытокъ физической и психологической энергіи не выливался сразу въ формѣ пѣсни, и въ праисторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, между поэзіей и другими искусствами, нѣчто наивно соединенное въ поэзіи обряда[5]), или, какъ прямо говоритъ акад. Веселовскій, „сочетаніе ритмованныхъ[6]) орхестическихъ движеній съ пѣсней, музыкой и элементами слова“, при чемъ роль послѣдняго была вначалѣ очень скромной (восклицательныя выраженія эмоцій, нѣсколько незначущихъ словъ — носителей такта и мелодіи), такъ какъ эмоціональный элементъ, давая выходъ накопившейся энергіи, былъ главнѣе, болѣе завладѣвалъ интересомъ и зрителей и исполнителей, чѣмъ содержательный. И только впослѣдствіи, съ развитіемъ синтаксиса, въ синкретизмѣ создается болѣе цѣльный текстъ, эмбріонъ поэтическаго[7]).

Такова общая схема процесса зарожденія поэтическихъ произведеній, и эта именно схема подтверждается наблюденіями надъ живымъ созиданіемъ народной пѣсни

---

[1]) Первоисточникомъ поэзіи А. Потебня въ своемъ сочиненіи „Мысль и языкъ“, а за нимъ Д. Овсянико-Куликовскій считали самый языкъ.

[2]) См. „Русская Мысль“ 1895 г., 3 кн. „Основы научной теоріи искусства и критики“, а также сопоставленіе мнѣній В. Шерера (Poëtik) и Гроссе (Anfänge der Kunst) у Карла Бюхера „Работа и ритмъ“, 84.

[3]) Вспомнимъ хотя бы галльскихъ бардовъ, которые „οὓς μὲν ὑμνοῦσιν, οὓς δὲ βλασφημοῦσιν“. Diod. ed. Dindorf., v. II, Lib. V, c. XXXI.

[4]) Акад. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 5, 25.

[5]) Ак. Веселовскій въ Сб. И. Ак. наукъ, т. 40: „Матеріалы и изслѣд. изъ исторіи романа и повѣсти“, 2—3; Ж. М. Н. Пр. 1894, 5, 35; „Теорія поэтическихъ родовъ въ ихъ истор. развитіи“. Лекціи 1894/5 г. въ С.-Пб. унив. ч. 1, 36, 39, 45—47.

[6]) Ритмъ — весьма важный моментъ въ опредѣленіи происхожденія поэзіи. Его выдвигаютъ не только авторитеты литературы. Такъ, извѣстный лейпцигскій политико-экономъ К. Бюхеръ, разбирая въ своей книгѣ „Работа и ритмъ“ вопросъ о происхожденіи драмы, эпоса и лирики, на первый планъ ставитъ ритмъ, считая его связующимъ признакомъ нѣкогда слитыхъ въ одно цѣлое работы, музыки и поэзіи.

[7]) „Три главы изъ исторической поэтики“. Ж. М. Н. Пр. 1899, мартъ, стран. 62 и сл.

среди крымскихъ болгаръ. Толчкомъ для творчества среди нихъ являются событія, рѣзко нарушившія обычное теченіе мирной жизни поселянина, такъ сказать, взбаламутившія, подобно бурѣ, спокойное море, которое въ такихъ случаяхъ только и можетъ выбрасывать драгоцѣнныя жемчужины изъ своихъ нѣдръ. Роль бури, волнующей сельскую тишину, играютъ такія событія, какъ, напр., убійство. Надо замѣтить, что болгары рѣдко подерутся между собою; кулачная расправа, подбитыя скулы, стоны, лицо въ синякахъ — всѣ эти не столь рѣдкія явленія жизни русской улицы въ болгарской деревнѣ положительно отсутствуютъ; волостныя дѣла свидѣтельствуютъ, что поводомъ къ большинству судебныхъ жалобъ является оскорбленіе очень болѣзненнаго у болгаръ чувства самолюбія; рѣже встрѣчаются дѣла о нарушеніи честнаго слова, словеснаго договора, о неуплатѣ долга за отсутствіемъ расписки. Но обвиненій въ нанесеніи побоевъ совсѣмъ, а въ кражѣ почти совсѣмъ не встрѣчается. Мелкія вещи, бѣлье можно смѣло оставлять на дворѣ на всю ночь, и къ нимъ никто не прикоснется, развѣ цыгане пройдутъ по селу.

Тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ на сельскихъ обывателей такое рѣдкое злодѣяніе, какъ убійство человѣка. Поэтому, когда въ 1893 или въ 1894 году въ болгарской деревнѣ Коктебель жена убила обманутаго ею мужа, болгары отозвались на это пѣснею. Точно также, когда въ сосѣдней болгарской колоніи, Старомъ Крыму, одинъ человѣкъ убилъ изъ мести не пожелавшую выйти за него замужъ женщину и не былъ привлеченъ къ суду, потому что его богатымъ родственникамъ удалось потушить дѣло, народный голосъ явился неподкупнымъ сторожемъ истины и назвалъ убійцу въ пѣснѣ, гдѣ излилъ свое сожалѣніе о безвременно погибшей женщинѣ, и гдѣ всѣ имена и обстановка взяты изъ дѣйствительности съ прибавкой только нѣкоторыхъ подробностей убійства, свидѣтелемъ которыхъ на самомъ дѣлѣ никто не былъ.

Такъ, пѣсня повѣствуетъ, что у матери было три дочери, изъ которыхъ двѣ вышли замужъ въ Кишлавъ, а третья Аксенья — въ Шиживутъ. Послѣдня пришла въ гости къ роднымъ и хочетъ итти вмѣстѣ съ другими женщинами въ лѣсъ по орѣхи; мать противится этому, но ничего не можетъ подѣлать. Компанія подошла къ зеленому лѣсу-орѣшнику, и всѣ принялись за работу.

Кириллъ, проводникъ, предлагаетъ женщинамъ подняться выше, къ источнику, и, когда узнаетъ, что Аксенья осталась на деревѣ, внизу, спѣшитъ туда, три раза возвращается по одной тропинкѣ, убиваетъ несчастную и приходитъ назадъ съ листьями въ носу, объясняя, что у него пошла кровь, и онъ не могъ ея остановить. Скоро раздались въ лѣсу голоса зовущихъ Аксенью женщинъ, но никто не отзывался. Обо всемъ сказали матери, и въ субботу противъ „недѣли“ нашли женщину „пре висо̀ки т̥̆ хра̂сты̀ки и пре гулѐми т̥̆ л̥̆ска̀ци и пре да̂лбо̀ки т̥̆ пады̀ны.“

Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ на Кишлавцевъ нарушеніе сельскихъ, неписанныхъ, но свято соблюдаемыхъ законовъ этикета и нравственности въ отношеніяхъ между полами. Такъ, одна дѣвушка позволила себѣ принять въ качествѣ гостей своего младшаго родственника съ постороннимъ молодымъ человѣкомъ, — и

село разславило этотъ поступокъ въ пѣснѣ, опять-таки удержавъ точно имена и обстановку угощенія:

Ды̀нул̥̊, марѝ, ху̀бава!
Ту̀ка лы је, Ды̀ну, майка ты?
— Н̀эма хи, нэма Дымѝтр̥̊[1]):
Ты̀и са̂ на Дяу̀тэля[2]) —
Лэ̀лина̂ свадба ше̂ и̇̀ма̂т,
Гуля̀ма свадба ше̂ и̇̀ма̂т,
Ко̀лку на го̀ра̂ лы̀с’кету
Ји на пул̀эту тряв̀а̂-та̂.
— Ды̀нул̥̊, марѝ, ху̀бава!

По̀викай, Дыну, Ка̂лы̀ца,
Сто̀рит̥̊, Дыну, плакѐта̂,
Т̀энка плакета̂, вијѐна̂,
Вијена̂, с мэд пумядэна̂;
Сва̀ри, Дыну, куко̀шка,
Куко̀шка, Дыну, са̂с урѝс,
И ны̀је, Дыну, ше̂ до̀йд̥̊м,
И нывје, Дыну, с Ныко̀ла[3]).

Особенный просторъ получаетъ народная фантазія, когда кишлавскія женщины „наря̀да̂т“, т.-е. причитаютъ по умершему, или когда онѣ качаютъ дѣтей. Въ первомъ случаѣ каждый покойникъ является поводомъ къ созданію импровизаціи, иногда весьма удачной. Но любопытно, что село относится весьма различно къ произведеніямъ первой категоріи, т.-е. вызваннымъ событіями, затрагивающими общественную жизнь, и къ пѣснямъ второго порядка — причитаніямъ и колыбельнымъ пѣснямъ[4]).

Въ созданіи первыхъ сознательно принимаетъ участіе деревенскій поэтъ, пѣсня его подхватывается односельчанами, особенно молодежью, переходитъ въ сосѣднее село[5]), дѣвушки спѣшатъ поскорѣе выучиться ей другъ у друга — и она поется годами, входитъ въ кругъ сельскихъ пѣсенъ, наравнѣ съ другими. Совсѣмъ не то съ лирическими изліяніями причитающей женщины: здѣсь импровизацію слушаютъ только пожилыя женщины и слушаютъ, такъ сказать, невольно, потому что онѣ пришли отдать долгъ покойнику, — онѣ поплачутъ, и больше ничего. Вернувшись домой, онѣ еще, пожалуй, разскажутъ содержаніе причитанія не бывшей у гроба сосѣдкѣ — и забудутъ: пѣсня, едва родившись, умираетъ.

Если теперь мы обратимъ вниманіе не на поводъ къ созданію пѣсни, а на самый характеръ произведенія, то кромѣ упомянутыхъ уже произведеній, гдѣ слова не сопровождаются жестами, симулирующими ту или иную человѣческую работу, мы увидимъ, что въ Кишлавѣ бытуютъ и такія пѣсни, которыя подтверждаютъ существовавшій нѣкогда синкретизмъ.

Приведу здѣсь два образца такихъ произведеній.

Первый изъ нихъ связанъ съ Рождественскими торжествами. На третій день праздника вся деревня съ нетерпѣніемъ ждетъ обрядоваго танца „цинцины̀гарь“. Только что вышли отъ обѣдни, какъ у особо выбраннаго парнями еще заранѣе „главы“ начинаютъ собираться мужчины всѣхъ возрастовъ. Для всѣхъ приготовленъ

[1]) Имя молодого родственника Дины. — Относительно условныхъ обозначеній звуковъ см. 3-е примѣчаніе къ слѣд. пѣснѣ.

[2]) Названіе деревни.

[3]) Посторонній парень.

[4]) Нѣсколько такихъ пѣсенъ приведено въ моей статьѣ: „Рожденіе и первые годы дѣтства у болгаръ“. Извѣстія С.-Пб. Слав. Бл. Общ., декабрь 1903 и янв. 1904 г.

[5]) Такъ, напр., было съ приведенной пѣснею объ убійствѣ женщины.

обѣдъ, по окончаніи котораго глава принаряжается, беретъ въ руку деревянную „бъклицу“ съ виномъ и выходитъ во дворъ. Здѣсь за его талію берется сперва одинъ человѣкъ, за этого другой и т. д. Составляется цѣпь, и начинается пѣсня, повѣствующая объ одномъ эпизодѣ съ женихомъ. Женихъ этотъ — птица „цинцинъгаръ“, который засватался за черноокую дѣвушку съ бѣлымъ лицомъ и пригласилъ на торжество въ качествѣ различныхъ свадебныхъ должностныхъ лицъ — филиновъ, вороновъ, сорокъ, лисицу, волка, зайца и всю родню. Отправились за невѣстой. По дорогѣ нашли конскій пометъ, и здѣсь же позолоченную трапезу. Сѣли рядомъ, и не успѣли филины предостеречь, чтобы не допускать какого-то „юрелэшку-пепелэшку“ съ тремя стами турокъ анадольцевъ, какъ онъ явился, выхватилъ золотую палицу въ 300 п. и ударилъ цинцинъгаря. Тотъ покатился, всколебалъ черную землю и загрузъ въ нее по поясъ. Филины предложили привести 9 паръ буйволовъ — не помогло, пригласили людей — не помогло, зачѣмъ - то стали разводить огонь до небесъ — не помогло. Явилась даже „Суръ-Ялэна“ на конѣ, за хвостъ котораго зацѣпили несчастнаго жениха, но хвостъ оторвался, самъ конь перекувыркнулся, а цинцинъгаръ все въ землѣ. Въ это время, откуда ни возьмись добрый молодецъ, нагналъ пепелэшку-юрелэшку, скосилъ головы всѣмъ туркамъ, такъ что ихъ бороды краснѣли въ полѣ, какъ перецъ въ огородѣ, а жениха такъ и не вытянули.

Замѣчательно то, что всѣ танцующіе, преимущественно старые и пожилые мужчины (женщины — ни одной), мимически изображаютъ невозможность вытянуть несчастнаго жениха и двинуться съ мѣста: долго они топчутся почти на мѣстѣ, дѣлая шагъ впередъ и столько же назадъ, потомъ кружатся по двору, какъ бы не въ силахъ будучи выйти изъ него.

Къ нимъ подъ звуки гайды и пѣсни присоединяются все новые и новые члены, и, наконецъ, подъ слова, повѣствующія, какъ цинцинъгаря стали тянуть девять паръ буйволовъ, вся лента мужчинъ съ главой, держащимъ въ рукахъ баклажокъ съ виномъ, впереди, красиво и серіозно, еле-еле двигаясь, все подъ ту-же пѣсню идетъ на площадь. Изъ другого конца села тянется такая же торжественная лента поющихъ и топчущихся на мѣстѣ съ самыми сосредоточенными лицами мужчинъ, медленно ползущихъ къ сборному пункту, гдѣ ихъ въ молчаніи ждетъ толпа дѣвушекъ и женщинъ, представляющихъ оживленную картину изъ цвѣтовъ бѣлаго (полушубки) и ярко-краснаго (платки и передники). За двигающейся цѣпью несутъ ведра съ виномъ. Дойдя до площади, глава, не прерывая танца, отпиваетъ изъ своей „бъклицы“, которая затѣмъ на ходу передается танцующимъ изъ рукъ въ руки. Еще съ самаго начала за отрядомъ несутъ ведра съ виномъ.

Всѣмъ встрѣчнымъ виночерпіи стаканами подаютъ выпить. Но вотъ двѣ ленты сходятся. Главы въ знакъ дружбы посылаютъ другъ другу свои бъклицы съ виномъ, изъ которыхъ отпиваютъ всѣ танцующіе. Виночерпіи одной партіи угощаютъ членовъ другой. Танецъ не прекращается. Обѣ партіи, продолжая взаимнымъ угощеніемъ оказывать другъ другу свое расположеніе, вступаютъ какъ бы въ состязаніе: темпъ гайды становится все быстрѣе, а участники танца кружатся въ *одномъ* кругу *двумя* самостоятельными лентами. Чей „гайдарджія“ (музыкантъ) скорѣе устанетъ, та партія

считается побѣжденной. Тогда строй быстро размыкается, берутся всѣ вмѣстѣ просто за руки, прибавляются женщины и дѣвушки — и выростаетъ громадный, красивый, быстро движущійся хороводъ, который длится очень долго.

Для насъ во всемъ этомъ обрядѣ важно то обстоятельство, что танцующіе самымъ характеромъ движеній изображаютъ внѣшнимъ образомъ самую суть пѣсни — усплія вытянуть жениха. Что и сами болгары именно такъ осмысливаютъ этотъ танецъ, видно изъ замѣчаній толпы, наблюдающей за танцующими. То и дѣло слышится приглашеніе: „ха́-дэ, фâтайтэ сá, да ны jе пòлэсну“, — т.-е. беритесь за танцующихъ, чтобъ намъ легче было (тянуть жениха).

Приведу текстъ этой любопытной[1]) пѣсни, которую, какъ и весь описанный обрядъ, называютъ „цинцинӹгарь“[2]).

Заглави́л сâ цинцинӹгар'[3])
  Хей Кулàдэл̥, мой Куладэл̥,
За дэвòйка чêрнуjòка,
  Хей Куладэл̥, мой Куладэл̥,[4])
Чернуjока, бя́лу лы́ке,
Бялу лыке, кумунӹгâ,
Кумунӹгâ, пярулӹгâ[5]).
Чê калэ̀сâ бухуве-ту,
Бухувя-ту, кỳмуве-ту;
Чê калэсâ си́чки врâны,
Сички враны за кал'мàны;
Jи калэсâ сички сврàчки,
Сички сврачки за свàкич'ки;
Jи калэсâ лэши́чка-тâ,
Лэшичка-тâ за куми́чка;
Jи калэсâ вȁл'ченце-ту,
Вȁл'ченце-ту за дэ̀в̥рчê;
Jи калэсâ зàйч̥нця-ту,
Зàйч̥нця-ту за пря́варнык;
Jи калэсâ си́чка рòда,
Сичка рода jи рунны́на,
Jи руннына фсе мòмкува.
Чê тръ̀гналы да патöвâт[6]),
Да патöвâт за дэвòйка,
За дэвойка чêрнуjòка,
Чêрнуjока, бялу лыке,
Бялу лыке, кумунӹгâ,
Кумунӹгâ й пярулӹгâ.
Кату пъ̀тÿм[6]) патòвахâ,
На пъ̀т' нашлы̀ кòнску ланцè,
Конску ланце тȁрпэзицâ[6]),

[1]) Если даже допустить, что содержаніе этой пѣсни не такъ древне, придумано позднѣе, то въ самомъ исполненіи можно наблюдать интересное переживаніе ритмическаго дѣйствія. Извѣстно много народныхъ произведеній съ птицами въ качествѣ свадебныхъ персонажей: такъ, въ сербской пѣснѣ соколъ ѣдетъ жениться; врагъ его — змѣй (сатирическаго элемента не замѣчается); въ курской свадебной пѣснѣ выходитъ замужъ сова; бѣлорусская народная поэзія упоминаетъ также про свадьбу птицъ.

[2]) Что значитъ „цинцинӹгар'“, болгары сами не знаютъ. У нихъ есть слово „цинӹгар'“ (воробей), и сначала мнѣ казалось, что начальное „цин“ въ формѣ цин-цин-ыгар' есть простое удвоеніе слога, какъ это нерѣдко бываетъ при пѣніи. Но въ такомъ случаѣ на это указали бы и сами поющіе. Слѣдовательно, надо искать другого объясненія. Вѣроятнѣе всего, въ силу извѣстнаго звукового явленія, цинцинығар' образовалось изъ син' цинӹгар', при чемъ „цинӹгар'“ обозначало у болгаръ Балканскаго полуострова не воробья, а другую птичку (синыгар', снигирь?).

[3]) Относительно передачи мѣстнаго говора въ этой записи долженъ замѣтить, что, за исключеніемъ большихъ тонкостей, здѣсь точно отмѣчены характерныя особенности фонетики. Введены нѣкоторыя условныя начертанія: 1) мягкость согласной обозначена черезъ'; 2) твердое „и“ (какъ въ нѣмецкомъ Tisch) передается черезъ „ы“; 3) потемнѣвшее „а“, среднее между „а“ и „ы“ — черезъ â; 4) потемнѣвшее „е“, среднее между „е“ и „а“ — черезъ ê; 5) звукъ средній между „э“ и „я“ черезъ ̥ или ̥.

[4]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

[5]) Вѣроятно, изъ „перунӹгâ“.

[6]) Звукъ „т“ въ слогахъ тö, тä, тÿ не твердъ и не мягокъ, звучитъ такъ, какъ, напр., въ нѣмецкомъ словѣ tönen, а потому и слѣдующіе за нимъ гласные о, у, а получаютъ своеобразные оттѣнки, средніе между о и ё, у и ю, а и я, которые можно условно обозначить двумя точками надъ о, у, а. Такое же явленіе встрѣтимъ далѣе и съ звукомъ „д“, см. напр. стихи: 87, 136, 251 и др.

Тäрпэзицâ пузлàтэнâ,
Пузлатэнâ, пусрэбрянâ,
Пусрэбрянâ, маламъ̥на.
Нэ би мàлу, ны той млогу,
Юттувòрять бу̀хувэ-ту,
Бухувэ-ту, ку̀мувэ-ту:
„Вòйлэ вие, сичка рода,
Сичка рода јі руннынà,
Јі руннынâ фсе мòмкува!
Нася̀дайтэ нàряд, пòрэд,
Нàряд, пòрэд, нарэ̀дувэ,
Нарэдувэ, възрэ̀дувэ,
На тäрпэзи пузлàтэны,
Пузлатэны, пусрэбряны,
Пусрэбряны, малам̥ны“.
Нэ би малу, ны той млогу,
Насядалы наряд, порэд,
Наряд, порэд, нарэдувэ,
Нарэдувэ, възрэдувэ,
На тäрпэзи пузлàтэны,
Пузлатэны, пусрэбряны,
Пусрэбряны, малам̥ны.
Нэ би малу, ны той млогу,
Ютгувòрят бу̀хувэ-ту,
Бухувэ-ту, ку̀мувэ-ту:
„Вой вэ вие, сичка рода,
Сичка рода јі руннынâ
Јі руннынâ фсе мòмкува!
Јèш'т̥ й пийт̥ и глэдайт̥,
Да нэ дòйд̥ юрелэшку,
Юрелэшку-пепэлэшку,
Пепэлэшку с триста ту̀рци,
С триста турци янадòл'ци,
Янадол'ци бустанджии[1]),
Бустанджии сâс чэпитэ,
Да извàды злат̥н тупу̀с,
Злат̥н тупус с триста пу̀дâ,
Да удàри цинциныгар',
Цинциныгар' главяны̀к-âт,
Главяны̀к-âт, пâр'ясны̀к-âт,
Пâр'ясны̀к-âт тэшак мърщаф“.
Нэ би малу, ны той млогу —
Іòштэ думâт, юдгувòрят[2]),
Ей дэ идэ юрелэшку,
Юрелэшку, пепэлэшку,
Пепэлэшку с триста турци,
С триста турци янадол'ци,
Янадол'ци бустанджии,
Бустанджии сâс чэпитэ.
Ей дэ идэ, кàк си дòйд̥,
Кàк си дòйд̥ та извàды,
Та извàды злат̥н тупу̀с,
Злат̥н тупу̀с с триста пудâ,
Чê пуглэннâ цинциныгар',
Цинциныгар' главяны̀к-âт.
Пуглэннâ гу мѐжду двѐ-тэ,
Мѐжду двѐ-тэ църны òчи,
Църны òчи мелàнюви,
Мелàнюви, гайтàнюви.
Пуглэннâ гу, удàри гу.
Прэмѐтнâ сâ цинциныгар',
Прэмѐтнâ сâ, калбу̀чи сâ,
Калбу̀чи сâ, забу̀чи сâ,
Та затрэ̀се църна зэмя,
Та путънâ ду пояс'я,
Ду пояс'я купрѝнэны.
Затрэ̀сàл јê ныжòнкâ-тâ,
Пуврътнàл јê òпашка-тâ,
Пуклàтыл ја клъвчицâ-тâ,
Пумàхнàл ја главичка-тâ.
Нэ би малу, ны той млогу,
Юдгувòрят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Ой вэ вие, сичка рода,
Сичка рода јі руннынâ,
Јі руннынâ фсе мòмкува,
Дòкарайт̥ дэ̀вят' чу̀фтâ,
Дэ̀вят' чу̀фтâ фсэ бѝвул'я,
Фсэ бѝвул'я, фсэ чурàл'я,
Фсэ чурàл'я, фсэ бурàл'я.
Нафпря̀гайт̥, нагя̀кайт̥,
Да пудрътпнэм цинциныгар',
Цинциныгар' главяны̀к-âт“.
Нэ би малу, ны той млогу —
Дукàралы дэвят' чуфтâ,
Дэвят' чуфтâ фсэ бѝвул'я,

---

[1]) Такъ назывался отрядъ янычаръ; отъ слова „бустан'“ (баштанъ), т.-е. отъ слова, обозначающаго предметъ хозяйства (ср. чурбаджи, казанджи и пр.).

[2]) Неодинаковыя начертанія, не разъ встрѣчающіяся въ этой записи, вполнѣ соотвѣтствуютъ не всегда одинаковому произношенію пѣвца-чебана Кирилла Маврешко.

Фсэ бивул'я, фсэ чура̀л'я,
Фсэ чурал'я, фсэ бура̀лья.
Нафпря̀галы, нагя̀калы,
Нагя̀калы, нагѝкалы —
Нэ мужѝлы да пудръ̀пна̂т,
Да пудръпна̂т цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-а̂т,
Главянык-а̂т тэшак мършаф.
Нэ би малу, ны той млогу —
Юдгуворят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Дэ брѐ сяга̀ Бо̀йчу Иван?
Бо̀йчу Иван, са̂с чикэ̀л'а̂т[1]),
Сто̀юф Жѐлю са̂с устэ̀н-а̂т[2]),
Ји Бара̀к-а̂т[3]) са̂с дара̀к-а̂т,
Ји Јенджѐ[3])-ту са̂с пан'чѐ-ту,
Дэлѝя-та̂ с клымня̀-та̂[4]),
Ји Джаръ̀к-а̂т с тадара̂к-а̂т,
Ји Узен'а̂т са̂с дӱзэ̀н'а̂т,
Влады̀ка-та̂ с капѝка-та̂,
Каража-та̂ с пуружа-та̂,
Да нагяка̂т, да нагѝка̂т,
Да пудръпнэм цинцины̀гар',
Цинцины̀гар' главянык-а̂т.
Нэ би малу, ны той млогу —
Јо̀штэ дума̂т, юдгуворят,
Ей дэ̀ идэ̀ Бойчу Иван,
Бойчу Иван са̂с устэн-а̂т,
Стоюф Жэлю са̂с чикэл'а̂т,
Ји Бара̀к-а̂т са̂с дарак-а̂т,
Ји Янджэ-ту са̂с пан'че-ту,
Дэлыя-та̂ с клымѝя-та̂,
Ји Узэн'а̂т сас дӱзэн'а̂т,
Ји Джарак-а̂т с тадара̂к-а̂т,
Владыка-та̂ с капика-та̂,
Каража-та̂ с пуружа-та̂.
Ей дэ ида̂т, ка̂к до̀йд°ха̂,
Ка̂к до̀йдяха̂ — нагя̀каха̂,
Нагякаха̂, нагѝкаха̂:
Пусбу̀чи хи Бойчу Иван,
Бойчу Иван са̂с устэн-а̂т,
Пусхъ̀ка̂ хи Стоюф Жэлю,
Стоюф Жэлю са̂с чикэл'а̂т,
Пусчэ̀са̂ хи ји Барак-а̂т,
Ји Барак-а̂т са̂с дарак-а̂т, —
Биу̀л'я си скуляны̀ха̂,
Хумо̀тя си спутрушѝха̂,
Кајѝша си спугѝнаха —
Нэ мужиха̂ да пудръ̀пна̂т,
Да пудръпна̂т цинциныгар',
Цинциныгар' главяны̀к-а̂т,
Главяны̀к-а̂т тэшак мършаф.
Нэ би малу, ны той млогу —
Юдгуворят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Вой вэ вие, сичка рода,
Сичка рода ји руннына̂,
Ји руннына̂ фсэ момкува!
Насбирайтэ дэвят' кула,
Девят' кула, су̀хи да̂рва̀,
Натру̀пайт°э сѝлэн во̀ган',
Силэн во̀ган' ф сѝнэ нэ̀ба,
Ф сѝнэ нэ̀ба, ф синянјѐ-ту,
Ф синянјѐ-ту, ф пламян'јѐ-ту,
Да удрѐжэм уд нужага̂,
Уд нужага̂ каиша̀га̂,
Да гу фарлы̀м ф сил°н во̀ган',
Да са̂ бярэ, да са̂ пячэ̀,
Да пудыгнэм цинциныгар',
Цинциныгар' главяны̀к-а̂т,
Главяны̀к-а̂т па̂р'ясны̀к-а̂т,
Па̂р'ясны̀к-а̂т тэ̀шак мършаф“.
Не би малу, ны той млогу —
Насбира̀лы дэвят' кула,
Дэвят' кула, сухи да̂рва̀,
Натрупалы силэн воган',
Силэн воган' ф сѝнэ нэба,
Ф сѝнэ нэба, ф синян'је-ту,
Ф синян'је-ту, ф пламян'је-ту;
Удрягалы ут нужага̂,
Уд нужа̀га̂ каишага̂,
Фърлы̀ли гу ф силян во̀ган',
Ф силян во̀ган', ф сѝнэ нэбо,
Ф сѝнэ нэбо, ф синян'је-ту,
Ф синян'је-ту, ф пламян'је-ту.
Та са̂ ја брал и са̂ пэ̀ка̂л —
Нэ мужѝлы да пуды̀гна̂т,
Да пуды̀гна̂т цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-а̂т,
Главянык-а̂т па̂р'ясны̀к-а̂т,

[1]) Можно сопоставить съ „жѐга̂л“ (жезлъ) — короткая палка, которою замыкается ярмо.
[2]) Палка съ желѣзнымъ остріемъ для погонщиковъ.
[3]) Вѣроятно, прозвище.
[4]) Брусокъ въ арбѣ, поддерживающій поперечныя стѣнки кузова.

Пâр'яснык-âт тэшак мършаф.
Ютгуворят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Ей дэ сягâ Сур-Јелэна,
Сур Јелэна с пâстри пôли,
С пâстри пôли ду земâ-та,
С рӯси кôси ду пояс-âт,
С бъ̀рза коня крâставѐла,
С тэ̀нак тӱ̆фяк камушинâ,
С востра саб'ја лыпувѝна,
Да пудръ̀пн̊ цинцинычгар',
Цинцинычгар' главянык-âт,
Главянык-âт тэ̀шак мършаф."
Јôштэ думâт-юдговорят:
„Ей дэ̀ ѝд̊ Сур-Ялэ̀на...
223—232=212—220.
Ей дэ̀ ѝд̊, кâк си дôйд̊,
Въ̀рза кон̊ за ôпашка —
Нэ мужѝлâ да пудръ̀пнэ,
Да пудръпнэ цинцинычгар',
Цинцинычгар' главянѝк-âт,
Главянѝк-âт пâр'яснѝк-âт,
Пар'ясны-âк тэ̀шак мършаф.
Скъ̀на му сâ ôпашка-тâ,
Калбӯчи сâ бъ̀рза кон̊,
Бърза кон̊ крâставѐлâ,
Калбучи сâ, забӯчи сâ...
Дôбар юнâк коня кувѐ,
Коня кувѐ наôпаку.
Пэ̀талы му пузванчâхâ,
Пэрôня му глас издâват.
Юбсядлâ гу синю сядло,
Синю сядло нэсядлâну,
Юбјѐзды гу жъ̀лту юздэ̀,
Жълту юздэ̀ нясездâну,
Путпрэ̀гна гу с пастру смоче,
Чê прэпâса тэ̀нак тӱфяк,
Тэнак тӱфяк камушѝнâ,
Вôстра саб'ја лыпувѝна.
Вâзсѐнна гу добар юнак,
Чê му дадэ̀ длэгу дромје,
Длэгу дромје чурагрâшку,
Јôш' подлэгу дрянуполску.
Там си стыгнâ юралэ̀шка,
Юралэ̀шкâ-пепялэ̀шкâ,
Пепялэ̀шкâ съ триста турци,
С триста турци янадол'ци,
Янодол'ци бустанджии,
Бустанджии сâс чэпи-т̊.
Кâк хи стыгнâ, тâ разигрâ,
Тâ разигрâ бъ̀рза коня,
Бърза коня крâставѐла,
Чê изваді вôстра саб'ја,
Вôстра саб'ја, лыпувѝна.
Налôжи хи кату сянү,
Кату сяну нис чиир'ја,
Нис чиир'ја вâс чиир'ја—
Брады хми сâ цярвянэят,
Кату пупэр' ф градынчица[1]).

Другая пѣсня, соединенная съ мимикой, спрашиваетъ: „Нâцину, марѝ, Нацину, къкъ сâ вâды пупѐр'âт", т.-е., какъ поливается перецъ? Поющій отвѣчаетъ, сопровождая слова жестами: становится на лѣвое, правое колѣно, нагибается — всѣ танцующіе дѣлаютъ то же. Второй вопросъ: какъ трутъ перецъ? Всѣ садятся на корточки и корпусами мимируютъ растираніе, покачиваясь въ стороны.

Пѣсня обыкновенно здѣсь и прерывается на томъ, что пѣвецъ командуетъ: „ноги вверхъ!" — и женщины стыдливо отказываются слушать далѣе пѣсню о перцѣ.

Въ другихъ болгарскихъ обрядахъ это былое соединеніе движенія и пѣсни не проявляется такъ ярко, хотя, напр., въ свадебныхъ пѣсняхъ иногда замѣтно соотвѣтствіе между содержаніемъ пѣсни и обрядовымъ дѣйствіемъ.

---

[1]) Если присутствіе на этомъ обрядовомъ танцѣ всего села надо объяснить тѣмъ, что пѣсня эта — свадебная, а на свадьбѣ и теперь еще часто собирается все село, то интересно остановить свое вниманіе на вопросѣ, почему она теперь поется именно на Святкахъ. Интересно сопоставить этотъ фактъ съ мнѣніемъ Вестермарка (Исторія брака, 46—71) и малорусскаго ученаго Ѳ. Волкова относительно пріуроченія свадьбы къ строго опредѣленному времени, совпадавшему съ языческимъ праздникомъ Рожденія Солнца. См. болгарскій Сборникъ М. Н. Пр., книга VIII и др.

Но въ большинствѣ случаевъ связь между нѣкогда родственными обрядомъ и пѣснею утратилась, и объясняется это, очевидно, тѣмъ, что мысль и фантазія не давали послѣдней застыть въ одной формѣ, но постоянно толкали ее на дорогу текущей жизни. Обрядъ же обнаружилъ бóльшую стойкость въ борьбѣ со всеуничтожающимъ временемъ и служилъ тормазомъ для пѣсни, которая поэтому въ большинствѣ случаевъ отдѣлилась отъ него.

Въ выведеніи „цинцинигар'я" на 3-й день Рождества, въ пѣснѣ о перцѣ мы видѣли прочную и полную связь между словами и дѣйствіемъ; въ свадебныхъ обрядахъ эта связь слабѣе, а иногда совсѣмъ порывается и забывается. На хороводахъ ея совсѣмъ нѣтъ, и въ пѣснѣ важенъ только мотивъ, отбиваніе такта для пляски. Поэтому пѣсня рѣдко доводится до конца. Однако, если содержаніе пѣсни и не соотвѣтствуетъ движенію хоровода и его дѣйствію, то все же оно далеко не произвольно и находится въ прямой зависимости отъ теченія сельской жизни, служа ея живымъ отголоскомъ. Въ этомъ случаѣ особенно трогательна та нѣжная и чуткая связь между природой и болгариномъ, которая проявляется въ пѣсенномъ творчествѣ: собираютъ ли яблоки, созрѣлъ ли кизилъ, дергаютъ ли мётлы, или поспѣлъ хлѣбъ — хороводъ на все откликается пріуроченной только къ этому лишь періоду времени пѣснею.

Черезъ недѣлю — двѣ, смотря по теченію крестьянскихъ работъ, на смѣну является новый кругъ пѣсенъ, а прежнія остаются подъ спудомъ до слѣдующаго года. Время тѣхъ или иныхъ пѣсенъ опредѣлено очень точно и настолько строго, что приходилось употреблять много усилій, чтобы записать лѣтомъ зимнюю пѣсню; въ такихъ случаяхъ закрывали двери и окна дома изъ боязни насмѣшекъ со стороны односельчанъ. Являясь живымъ и чуткимъ отраженіемъ извѣстнаго момента, хороводная пѣсня своимъ реальнымъ содержаніемъ очень близка молодежи, и послѣдняя поетъ ее въ теченіе того времени, пока она не снята съ хороводной сцены, у себя дома (отдѣльно отъ танцевъ). Поэтому, въ будни подъ монотонный звукъ ткацкаго станка[1]), то изъ одного, то изъ другого двора несутся звуки тѣхъ пѣсенъ, что имѣли мѣсто на послѣднемъ праздничномъ хороводѣ.

Такимъ образомъ, и у кишлавскихъ болгаръ мы видимъ остатки имѣвшаго нѣкогда мѣсто поэтическаго синкретизма, видимъ также и живые факты выдѣленія, обособленія пѣсни изъ этого синкретизма танцевъ, съ одной стороны, и пѣнія — съ другой.

Подъ вліяніемъ могучаго подъема интереса ко всему народному, проявившагося вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ германскихъ государствахъ[2]), и у насъ создалось романтическое представленіе о какомъ-то народѣ-поэтѣ, среди котораго царствовала удивительная общность духовнаго міра, вслѣд-

---

[1]) Спеціальныхъ пѣсенъ, которыя бы пѣлись за работою, почти нѣтъ. За три года мнѣ случилось слышать только три на нивѣ, во время уборки хлѣба, и одну въ лѣсу, во время сбора кизила.

[2]) По словамъ Я. Гримма „сумма индивидуальныхъ душъ проявляется какъ единая, заключенная въ самой себѣ народная душа". Миклошичъ полагаетъ, что „въ развитіи каждаго народа былъ такой періодъ, когда весь народъ былъ проникнутъ однимъ духомъ, а индивидуумъ былъ скованъ этимъ духомъ; когда была лишь одна большая коллективная личность". Миклошичъ, „Изобразительныя средства славянскаго эпоса", стран. 3.

ствіе чего ни одна пѣсня не могла считаться собственностью индивидуума, и такое творчество у французовъ называлось poésie impersonnelle[1]).

Проф. В. Миллеромъ уже было указано[2]), что за всѣми подобными красивыми фразами кроется какое-то недоразумѣніе.

Краеугольнымъ камнемъ защитниковъ коллективнаго творчества служитъ то вѣрное положеніе, что въ сѣдой старинѣ индивидуумъ былъ весьма тѣсно слитъ съ кланомъ, а потому, когда творилъ, то не сознавалъ себя отдѣльной личностью и т. д. Но если даже поэтъ и не сознавалъ себя отдѣльнымъ индивидуумомъ во время творческаго процесса, если относился къ своему искусству наивно и несознательно, то вѣдь это не исключаетъ возможности личнаго поэтическаго акта, такъ какъ существуетъ время, „когда личный поэтическій актъ уже возможенъ, но еще не ощущается, какъ таковой... еще не объектировался въ сознаніи, какъ индивидуальный процессъ, отдѣляющій поэта отъ толпы“[3]). Что поэтъ поетъ далеко не всѣмъ извѣстное[4]) и выдается надъ массой[5]), показываютъ наблюденія надъ живыми до сихъ поръ очагами народнаго творчества.

Такимъ образомъ, первоначально творитъ одинъ человѣкъ, выбирая извѣстное всѣмъ событіе или случай, но обрабатывая его сообразно со своими дарованіями. Когда его обработка — пѣсня завоевывала чѣмъ-либо симпатіи слушателей, она часто повторялась и при устной передачѣ измѣнялась въ зависимости отъ времени и мѣста, а поэтому находилась въ процессѣ какъ бы постояннаго созиданія и является передъ нами съ наслоеніями, т.-е. какъ бы плодомъ труда ряда поколѣній, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть названа результатомъ *коллективнаго* творчества[6]), въ основѣ же своей остается *личною*, оправдывая слова Макса Мюллера: „все въ мірѣ совершается однимъ только индивидуумомъ“[7]).

---

[1]) Ibid. Сторонники такого взгляда въ доказательство своего мнѣнія указывали на однообразіе привѣтствій собесѣдникамъ и хозяину на пиру (у сербовъ — см. сборникъ Воскресенскаго „Поэтика“, 331); но объясненіе косности привѣтствій надо искать не въ отсутствіи личнаго творчества, а въ томъ, что привѣтствіе при извѣстномъ случаѣ является обычаемъ, который всегда отличается консервативностью.

[2]) Въ разборѣ мнѣнія Галахова (I, 1—4). См. „Очерки русской нар. слов.“, 23.

[3]) Акад. Веселовскій. Ж. М. Н. Пр. 1894, № 5, 25.

[4]) См. примѣръ у проф. Халанскаго „Кралевичъ Маркъ“, I, 169.

[5]) См. Введеніе Радлова къ „Образцамъ народной слов. сѣв. тюркскихъ племенъ“ ч. V, стран. IV, XIII, XIV.

[6]) Вообще, въ терминъ „коллективный“ вкладывается не одинаковое содержаніе: неясно, понимается ли онъ, какъ 1) *совмѣстный* и *одновременный* актъ творчества „многихъ“, или какъ 2) актъ творчества „одного“ лица, но только поющаго о томъ, что хорошо всѣмъ извѣстно, или, наконецъ, 3) существеннымъ признакомъ даннаго понятія надо считать только „творчество многихъ“, независимо отъ одновременности и совмѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ сольются въ одно два совершенно различныхъ вопроса: а) каково то народное произведеніе, которое *дошло* до насъ (въ записи), и б) каковымъ *было* дошедшее до насъ произведеніе первоначально. Если бы кому-либо показалось невѣроятнымъ, что кто-нибудь можетъ понимать терминъ „коллективный“ въ смыслѣ 1), т.-е. что будто бы нѣсколько человѣкъ на одномъ мѣстѣ и въ одно время заняты творческимъ процессомъ, дающимъ въ результатѣ одну общую пѣсню, то еще недавно было на этотъ счетъ указаніе въ „Пѣсняхъ села Андреевки, Нѣжинскаго уѣзда“ (Сборникъ Ист.-Фил. Общества института кн. Безбородко, т. V, V), гдѣ сказано: „сочиняли всѣ разомъ, такъ что творчество въ данномъ случаѣ является коллективнымъ“. Здѣсь очевидно кроется недоразумѣніе: въ праздничной толпѣ такъ „сочиняются“ только прибаутки или риѳмованныя (но безъ размѣра) пошлости, а не пѣсня, которая всегда „поется“, даже въ моментъ сложенія, и ни въ коемъ случаѣ не „сочиняется“.

[7]) „Наука о мысли“, М. Мюллера. Пер. Чуйко, 274.

Данныя болгарскаго народнаго творчества скажутъ намъ, что новая пѣсня творится однимъ лицомъ, которое является *и поэтомъ и пѣвцомъ вмѣстѣ*. Очень замѣтно это во время похоронъ. Авторами причитаній являются исключительно женщины. У гроба стоитъ толпа людей, а двѣ или три женщины или дѣвушки „нарâдâт“, т.-е. причитаютъ, раскачиваясь въ тактъ всѣмъ туловищемъ. Въ своей импровизаціи онѣ вспоминаютъ заслуги покойника и изливаютъ свое сиротское горе. Постороннія лица, стоя у гроба, могутъ причитать не по лежащемъ предъ ними покойникѣ, а по близкомъ имъ человѣкѣ. Но если ко гробу подойдетъ молодая мать, обладающая выдающимся голосомъ и творческимъ даромъ, то смолкаютъ всѣ другія, притихаютъ и будто упиваются нѣжнымъ, но печальнымъ груднымъ голосомъ причитающей и словами ея грустной пѣсни.

Но любопытно и характерно, что толпа чутко слѣдитъ за пѣвцомъ и требуетъ отъ него истины, не допуская стиха, противорѣчащаго очевидности. Иными словами, личное творчество должно считаться съ толпой, которая даже въ моментъ творческаго акта вмѣшивается въ дѣло. Такъ, когда одна дѣвушка причитала надъ гробомъ матери: „зна лы ты, чê шê лэжиш' тува, маюлэ, маюлэ“, и далѣе: „нэ мога да тэ видя“ (я не могу тебя видѣть), — присутствующіе поправили ее, послышались голоса: не видишь? — она передъ тобой.

Точно также авторомъ и пѣвцомъ вмѣстѣ является составитель пѣсни объ убійствѣ въ лѣсу: это Старокрымскій слѣпой старикъ, пѣвшій эту пѣсню въ своемъ селѣ. Оттуда она сейчасъ же перенесена была въ Кишлавъ; здѣсь также живетъ авторъ очень новой пѣсни, поводомъ къ созданію которой послужило покушеніе одного учителя на жизнь двухъ дѣвушекъ. Въ этихъ молодыхъ пѣсняхъ замѣтно удачное и свободное пользованіе изобразительными средствами старыхъ поэтическихъ произведеній. Память слушателей настолько хороша, что многіе изъ нихъ съ двухъ разъ усваиваютъ остовъ пѣсни и сами поютъ ее. Но если даже сами творцы пѣсни и записные деревенскіе пѣвцы не могутъ два раза подрядъ пропѣть совершенно одинаково, какъ это пришлось наблюдать во время записыванія народныхъ произведеній, то въ устахъ перенявшихъ слушателей пѣсня имѣетъ столько же варіантовъ, сколько пѣвцовъ (Фр. Миклошичъ). Пока она живетъ, она находится въ состояніи непрерывнаго созиданія: одинъ пѣвецъ вплетаетъ въ нее попутно цѣлые отрывки изъ сходныхъ пѣсенъ и, такимъ образомъ, удлиняетъ пѣсню, другой поетъ „на кýндурку“, т.-е. сжато. Даже одинъ и тотъ же кишлавскій „пѣснупоецъ“ разсказывалъ, что онъ, смотря по расположенію слушателей и по собственному настроенію, то „букулú“ пѣсню, т.-е. извиваетъ ее, отдѣлываетъ малѣйшія детали, допускаетъ повторенія, то быстро доводитъ до конца. Если замѣтить поющему, что въ другомъ домѣ текстъ произведенія нѣсколько иной, или что самъ онъ пѣлъ ее день тому назадъ иначе, то въ отвѣтъ всегда почти можно получить нѣсколько удивленный взглядъ и убѣжденное утвержденіе, что „на песня-тâ мâстур нэма“, и что пѣсня поется такъ, „кâк уйдысва“, т.-е. какъ сложится въ самый моментъ пѣнія въ зависимости отъ размѣра стиха.

Вообще болгаринъ любитъ пѣсню и сопровождаетъ ею положительно каждый

шагъ жизни; но мужчины и пожилыя женщины поютъ, главнымъ образомъ, во время отдыха, на праздничныхъ пиршествахъ, голосъ же дѣвушекъ раздается по цѣлымъ днямъ за работой. Но поютъ онѣ только у себя дома; внѣ его, на улицѣ или на площади, дѣвушкѣ пѣть неприлично. Исключеніе дѣлается лишь для хоровода и для установленныхъ обычаемъ особыхъ ночныхъ, осеннихъ собраній у зажженныхъ костровъ [1]).

Строгаго дѣленія пѣсенъ на мужскія и женскія нѣтъ: хороводныя поютъ исключительно дѣвушки, „піѐнски" исключительно мужчины, а есть пѣсни изъ жизни болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ печальнаго содержанія, которыя служатъ украшеніемъ всякаго пира: ихъ поютъ пожилые отцы семействъ и почтенныя матроны. Наконецъ, старинныя пѣсни, повѣствующія о какомъ-либо опредѣленномъ историческомъ событіи на Балканскомъ полуостровѣ, знаютъ лишь лица, выдающіяся своею памятью, слухомъ и любовью къ пѣснѣ. Въ селѣ, гдѣ ихъ обыкновенно бываетъ не болѣе двухъ-трехъ, они называются „песнупойцитэ" и являются весьма желательными гостями на свадебныхъ и иныхъ пиршествахъ.

Однако, кромѣ обогащенія новыми произведеніями, въ репертуарѣ кишлавскихъ пѣсенъ съ теченіемъ времени замѣчается и обратное теченіе: нѣкоторыя пѣсни совсѣмъ сходятъ со сцены.

Любопытны причины этого; напримѣръ, дѣвушки исключили изъ своего репертуара одну хороводную пѣсню, начинавшуюся словами: „Бре Тудо̀ру, Тудо̀ру, Тудо̀ра бо̀лна лэжѝ" (Өедора больная лежитъ) только потому, что парни переиначили ее въ несовсѣмъ скромную: „Бре, Тудору, Тудору, сва̀лы гаштᵊя на хо̀ру" (Өедора, сними шаровары на хороводѣ). Другія „загорскія", т.-е. пѣвшіяся еще въ Болгаріи и оттуда вывезенныя, пѣсни теряютъ размѣръ, мотивъ ихъ забывается, но, благодаря своему интересному содержанію, онѣ живутъ въ памяти народа, передаваясь въ формѣ простого разсказа. Примѣромъ такой пѣсни, разложившейся у кишлавскихъ болгаръ въ сказку, но сохранившей много стиховъ, нетронутыми, можетъ служить поэтическое созданіе народной фантазіи, повѣствующее о Петканѣ и о явленіи ей умершаго брата; но на этомъ сюжетѣ я не буду останавливаться, такъ какъ извѣстный болгарскій ученый Шишмановъ въ обширномъ изслѣдованіи [2]) подробно изложилъ всѣ сказанія подобнаго рода, поставивъ вопросъ на сравнительную почву.

Наконецъ, хороводныя пѣсни, если и не исчезаютъ совсѣмъ, то весьма часто уменьшаются въ объемѣ. Причина такого явленія въ томъ, что ихъ не допѣваютъ до конца: конецъ забывается — и пѣсня теряетъ смыслъ. Иногда для возстановленія послѣдняго поющіе добавляютъ отъ себя одинъ, два самодѣльныхъ стиха, изъ которыхъ видно ихъ собственное осмысленіе пѣсни.

Для полноты характеристики народнаго творчества въ Кишлавѣ, остается еще прослѣдить за сторонними вліяніями, отложившимися на немъ. Прежде всего, отмѣтимъ татарскіе элементы, которые могли имѣть доступъ въ болгарское народно-поэтическое

---

[1]) Относительно „Пупрѣлки-те" см. А. Музыченко „Бытъ болгаръ", Этн. Обозрѣніе, 1899, 4; стран. 41.
[2]) Пѣсеньта за мъртвия братъ в поезията на балканскитѣ народи. Сб. М. Н. Пр. Кн. XIII, 474.

творчество потому, что татары пользуются въ Кишлавѣ большимъ уваженіемъ. Поэтому жители села нисколько не стѣсняются пѣть даже въ общественныхъ собраніяхъ пѣсню, состоящую отчасти изъ татарскихъ словъ [1]). Этого далеко нельзя сказать о русскихъ пѣсняхъ. Если онѣ и заходятъ въ Кишлавъ, то поются только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка увѣрена, что ее, кромѣ домашнихъ, никто изъ старшихъ не слышитъ. Поются онѣ для возбужденія смѣха и мужчинами во время уличныхъ шалостей на масляницѣ. Вотъ текстъ одной подслушанной пѣсни — продукта рифмачества фабричнаго или полкового барда:

Разлука ты, разлука,
Чужая старана.
Пташки ви, канарейки.
Нихто насъ ни разлучить
Ни братья ни сестри.
Только нась разлучить
Мать сирая земля.
Іи грабȧвая доска.
Ой на гȯрѣ, на горѣ, ганяй гусей чебанȧ,
Дай на хлопци гукаитъ:
Ой хлопци маладцй,
Прикажите той дивчёнъ,
Штобъ ни сваталась.
Сама дэвка почула,
Дай къ варȯтъ пабижала:
Вой Боже мой, Боже мой,
Харошъ чабанъ, да ни мой.

Значенія многихъ словъ дѣвушки не понимаютъ, а общій смыслъ пѣсни знаютъ. Интересны сообщенія о томъ, гдѣ онѣ научились подобнымъ пѣснямъ: начало приведенной онѣ слыхали отъ проѣзжихъ шарманщиковъ, а конецъ отъ своихъ односельчанъ, отбывшихъ воинскую павинность.

Кругомъ Кишлава есть и греческія поселенія, что также не прошло безслѣдно для народнаго творчества. Такъ, одна пѣсня, пропѣтая въ селѣ гречанкой, такъ и осталась въ памяти одной дѣвушки, которая часто ее сказываетъ на распѣвъ, а слушающіе удивляются.

Говорится тамъ о человѣкѣ, который захотѣлъ видѣть Іисуса и полѣзъ на смоковницу, но тутъ взошли три солнца и представили его передъ престолъ Бога и т. д., а затѣмъ дѣло сразу переходитъ на какого-то свинопаса и пастуха Симиjона, который заснулъ и очутился въ женскомъ монастырѣ на чтеніи Евангелія.

Наконецъ, упомяну еще и о вліяніи на Кишлавскихъ жителей болгаръ же, но живущихъ не въ горахъ, а далѣе въ степь: такъ, напримѣръ, въ двухъ-трехъ пѣсняхъ мое вниманіе обратили такія формы, какъ „дванаси годи“ (вм. дванад̧стэ гудыны), „гърчи“ вм. гърче (зват. п.), т.-е. здѣсь рефлексомъ старо-сл. неударённаго „е“ явилось „и“, какъ вообще въ восточно-болгарскихъ говорахъ и въ говорахъ Бердянскаго уѣзда. Въ Кишлавѣ же неударенное „е“ потемнѣло и окрасилось въ значительной степени неяснымъ „jȧ“. На мои вопросы мнѣ разъяснили, что пѣсни съ этими формами недавно принесены изъ другого болгарскаго села Четы, гдѣ работали вмѣстѣ дѣвушки изъ нѣсколькихъ мѣстъ.

Но, несмотря на татарскія, греческія и русскія наслоенія въ пѣснѣ, все же должно замѣтить, что духовная культура Кишлавскихъ поселянъ подверглась меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ внѣшняя, какъ по тому, что практическая польза болѣе совершенныхъ и удобныхъ внѣшнихъ условій жизни дѣлается очевидной для крестья-

[1]) О народныхъ болгарскихъ пѣсняхъ съ смѣшаннымъ текстомъ см. Сб. М. Н. Пр. XV, 222—324.

нина, такъ и потому, что вся обрядность, примѣты и суевѣрія нашли себѣ вѣрныхъ хранителей въ лицѣ женщинъ. Что же касается мужчинъ, то они менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣніе, развивающееся уже подъ вліяніемъ школы и не такъ давно введенной здѣсь солдатчины, этого всесильнаго нивеллировщика старины, вселяющаго во многихъ парней ложный стыдъ къ своему національному костюму, пѣснѣ и патріархальнымъ сельскимъ обрядамъ. Покойный профессоръ Иванъ Николаевичъ Ждановъ, на лекціяхъ котораго для меня впервые раскрылись богатства народнаго творчества, не раздѣлялъ безполезныхъ и безплодныхъ гореваній о паденіи старины и народности въ самой народной средѣ, надѣясь, что что-то новое придетъ *вмѣстѣ съ образованіемъ, вмѣстѣ со книгой, вмѣстѣ съ школой.* Да! но пока у насъ народная школа, къ несчастью, можетъ дать, по бóльшей части, только голую грамотность, умѣнье лишь разбирать печатное, а не развитіе, не любовь къ книгѣ и умѣнье сознательно читать и *вычитывать* то, что нужно, то мы въ правѣ сокрушаться о паденіи и вымираніи сѣдой старины, замѣняемой уродливыми наслоеніями города, и обязаны спасать ея драгоцѣнные обломки. И только тогда, когда наберется *много* наблюденій и надъ *разными* народами, — тогда мы постигнемъ тайну народнаго творчества, его законы и сопровождающія обстоятельства, а это, какъ я вѣрю, полно глубокаго интереса не только для людей, любящихъ обращать взоры ума своего къ предметамъ, на которыхъ осталась лишь священая для насъ тѣнь былыхъ вопросовъ и треволненій живой жизни нашихъ прапредковъ — нѣтъ! — глубокое и внимательное проникновеніе во святая святыхъ непосредственнаго народнаго творчества можетъ служить, если не путеводной звѣздой, то все же важнымъ подспорьемъ для всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ вопросъ о томъ, какъ надо писать, чтобы народъ понималъ и увлекался книгой. А теперь какъ разъ приспѣло горячее время этому вопросу: мы всѣ знаемъ, какую отравленную пищу подносятъ темному люду лубочныя изданія, мы всѣ знаемъ, что на борьбу съ ними ополчились наши земства.

Камеръ-гуслистъ В. Ѳ. Трутовскій

и изданный имъ первый русскій нотный пѣсенникъ

подъ заглавіемъ: „Собраніе рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“ (1776—1796 гг.).

Составлено по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ *П. К. Симони.*

I—II.

Въ настоящемъ сообщеніи своемъ я рѣшаюсь предложить вниманію читателя нѣсколько, скудныхъ правда, свѣдѣній о жизни и трудахъ одного достопочтеннаго, но несправедливо забытаго потомствомъ уроженца Харьковщины, Василія Ѳедоровича *Трутовскаго,*— явившагося у насъ піонеромъ въ дѣлѣ изученія народной русской музыки — перелагателя „простыхъ“, т.-е. простонародныхъ, не украшенныхъ и не облагороженныхъ еще искусствомъ, пѣсенъ, — иначе „подлыхъ“, какъ бы сказали въ XVIII вѣкѣ. Свои замѣчанія о немъ я и осмѣлился предложить именно Археологическому Съѣзду въ Харьковѣ, какъ ближайшей его „отчинѣ“, чтобы напомнить о блестяще выполненномъ еще въ половинѣ XVIII столѣтія этнографическомъ и художественно-музыкальномъ предпріятіи, *впервые* представившемъ въ распоряженіе всероссійскаго образованнаго общества въ печатномъ изящномъ видѣ и въ *возможно только точномъ* — примѣнительно къ условіямъ своего времени — приспособленіи тексты (числомъ около восьмидесяти) великорусскихъ и малорусскихъ *простыхъ* пѣсенъ (безыскусственныхъ) и нѣсколько сочиненныхъ въ народномъ духѣ пѣсенокъ и вообще такъ называемыхъ романсовъ. Этому сборничку съ напѣвами и музыкой, думается, слѣдовало бы давно уже удѣлить почетное мѣсто въ трудахъ серіозныхъ и учебникахъ по исторіи русской словесности сейчасъ послѣ знаменитаго сборника былинъ Кирши Данилова, съ которымъ онъ нѣсколько сходенъ по духу и даже по нѣкоторымъ общимъ редакціоннымъ пріемамъ составителя.

Въ заключеніе, мнѣ казалось, весьма не лишнимъ будетъ прибавить описаніе сохранившихся всего на всё двухъ-трехъ неполныхъ и разрозненныхъ экземпляровъ его музыкальнаго сборника, а также присоединить библіографическія замѣчанія о всѣхъ *четырехъ* частяхъ его труда и обозрѣніе содержанія сборника въ полномъ его объемѣ.

Предлагаемыя далѣе свѣдѣнія о *В. Ѳ. Трутовскомъ* заимствованы мною, главнымъ образомъ, изъ небольшого собранія фамильныхъ бумагъ его наслѣдниковъ, поступившаго во временное мое пользованіе при составленіи настоящаго труда (отмѣчаю документы этого семейнаго архива буквами: *А. Т.*— архивъ Трутовскихъ). Доставленіемъ мнѣ означенныхъ бумагъ, я обязанъ единственно любезности и не заслуженному еще мною вниманію уважаемаго секретаря нашего Археологическаго Общества *В. К. Трутовскаго*, взявшаго на себя нелегкій трудъ, — по моей просьбѣ, сдѣлать разысканія, какъ означеннаго семейнаго архива другой вѣтви ихъ фамиліи, такъ и, вообще за неоднократныя одолженія меня разнаго рода розысками и справками по интересующимъ меня частнымъ вопросамъ. Прошу принять и гг. *Трутовскихъ*, довѣрившихъ мнѣ черезъ посредство *В. К. Трутовскаго* обломки наслѣдія ихъ славнаго предка, искреннюю мою признательность за помощь настоящему изданію новыхъ, до сего дня остававшихся неизвѣстными русской исторической наукѣ — точныхъ біографическихъ свѣдѣній о В. Ѳ. Трутовскомъ. Отмѣченные буквами: *А. Г.*— документы, очень незначительные по числу, извлечены мною изъ Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, за сообщеніе коихъ я глубоко признателенъ, главнымъ образомъ, завѣдующему означеннымъ Архивомъ *В. Р. Рудакову*, а также покойному *Руммелю*.

Глубокою признательностію я одолженъ предсѣдателю Харьковскаго Археологическаго Съѣзда графини *П. С. Уваровой* и членамъ Редакціоннаго Комитета Съѣзда, а также *Вл. Н. Рогожину* и гг. профессорамъ: *М. С. Дринову, Н. Ѳ. Сумцову, М. Г. Халанскому, Е. Ѳ. Карскому, Е. В. Пѣтухову, А. И. Кадлубовскому, В. Н. Мочульскому* и многочисленнымъ гг. членамъ Съѣзда и посторонней харьковской публикѣ, почтившей меня выслушаніемъ реферата.

ГЛАВА I.

Свѣдѣнія о происхожденіи, жизни, службѣ и дѣятельности В. Ѳ. Трутовскаго.

Первыя хотя и совсѣмъ неточныя уже *біографическія* свѣдѣнія о Трутовскомъ сообщилъ *П. А. Безсоновъ* въ статьѣ своей, появившейся подъ заглавіемъ: „О вліяніи народнаго творчества на драмы Императрицы Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ“ въ журналѣ „Заря“ за апрѣль 1870 г., (на стран. 4—5, п. 5). Приведемъ отсюда его печатное свидѣтельство, такъ какъ и означенная статья его нынѣ уже затерялась въ книжкахъ стараго объемистаго журнала:

„Совмѣстникъ по искусству со старшимъ *Чулковымъ*, а по изданію съ извѣстнымъ Чулковымъ — сыномъ, *Василій Ѳедоровичъ Трутовскій* принадлежалъ также сполна вѣку Екатерины: онъ былъ *придворный священникъ* и вмѣстѣ „гусляръ“ то-есть игралъ на гусляхъ и пѣлъ подъ гусли, — инструментъ вторичнаго (не русскаго былого и старшаго) устройства, занесенный къ намъ черезъ западную Россію, въ концѣ XVI вѣка, долго бывшій въ употребленіи у помѣщиковъ и особенно у духовенства, на декѣ и на станкѣ въ родѣ нынѣшнихъ фортепіанъ, съ игрою пальцами по струнамъ (родня еврейскимъ цимбаламъ). *Жилъ и умеръ онъ въ С.-Петербургѣ.* За свое искусство по-

жалованъ деревнею въ Ахтырскомъ уѣздѣ, *Поповкою*. Братъ его *Өедоръ* (родомъ они были малоруссы и фамилія ихъ длится доселѣ), жилъ и имѣлъ собственный домъ въ Кіевѣ, (подробности переданы *М. А. Максимовичемъ С. А. Соболевскому*, а отъ сего послѣдняго намъ). Трутовскій выдалъ „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами", С.-Петербургъ, 4, 4 части: первый нашъ печатный *нотный* пѣсенникъ. Это то, что *самъ* онъ зналъ, игралъ и пѣлъ, а вмѣстѣ что было въ ходу при Дворѣ Екатерины. Чрезвычайно замѣчательно: пѣсенникъ, по преимуществу, *придворный*, но вмѣстѣ весьма *народный*, народнѣе другихъ современныхъ и многихъ позднѣйшихъ".

— Отчасти тѣ же свѣдѣнія повторены были *Безсоновымъ* въ его замѣткѣ объ общемъ характерѣ Екатерининской эпохи относительно народнаго творчества (мелкимъ шрифтомъ), приложенной къ текстамъ IX-го выпуска издававшихся подъ его редакціею „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ" (Москва, 1872 г., стран. 410: „... Василій Өедоровичъ Трутовскій, *придворный священникъ*, малороссъ, гусляръ и пѣвецъ"). Ср. отмѣченное сочиненіе, вып. X, стран. 338; — и еще въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ.

О пѣсенникѣ *В. Ө. Трутовскаго* 1) *Л. Н. Майковъ* отмѣтилъ въ статьѣ своей: „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ" (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1880 г., ноябрь, ч. CCXII, въ выноскѣ къ стран. 199-й), но опять-таки лишь по печатному указанію Безсонова, безъ знакомства съ подлиннымъ изданіемъ. 2) Въ самое послѣднее время *Е. Э. Линева* въ предисловіи къ 1-му выпуску своего сборника „Великорусскія Пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны....." (С.-Пб. 1904 г., стран. VI—VII) дала нѣкоторыя свѣдѣнія о пѣсенникѣ Трутовскаго, но безъ должнаго пониманія и уваженія къ памятнику, о которомъ взялась дѣлать сообщеніе (она пользовалась, повидимому, неполнымъ экземпляромъ И. Росс. Истор. Музея изъ собранія *О. М. Бодянскаго)*.

Вотъ и рѣшительно все, что отмѣчено о Трутовскомъ и его трудѣ въ печатной нашей литературѣ (впрочемъ, см. у насъ стран. 469 слѣд.).

Пользуясь документами фамильнаго архива гг. *Трутовскихъ*, мы можемъ не только нѣсколько пополнить свѣдѣнія, сообщенныя въ свое время, главнымъ образомъ, *Безсоновымъ*, но и исправить важнѣйшую неточность въ приведенныхъ имъ данныхъ о личности Василія Өедоровича *Трутовскаго*, котораго Безсоновъ во всѣхъ своихъ замѣткахъ о немъ упорно именуетъ — „придворнымъ *священникомъ*". Къ сожалѣнію, онъ не далъ себѣ труда подумать, что, если бы Василій Өедоровичъ Т—ій самъ былъ въ санѣ іерея, то едва ли бы ему было возможно нести какъ бы свѣтскія артистическія обязанности вмѣстѣ съ тѣмъ и по своей придворной службѣ „камеръ-гуслиста или придворнаго музыканта, хотя и облагороженную, но все-таки напоминавшую, по крайней мѣрѣ въ свое время (половина XVIII в.) дѣятельность какъ бы игреца-скомороха стараго времени — потѣшника, и тѣмъ самымъ несовмѣстную съ его священнымъ саномъ.

Родъ *В. Ө. Трутовскаго* вышелъ изъ „Польскаго владѣнія подъ Великороссейскую Державу въ 1673 году". Такъ значится въ документѣ выданномъ ему отъ Августа *Деболи*, полномочнаго Польскаго Министра при Всероссійскомъ Импер. Дворѣ отъ 18 февраля 1790 г. См. записку *Деболи*. (А. Т.).

Отыскивая въ январѣ 1777 года свои дворянскія права, *В. Ѳ. Трутовскій* представилъ въ Герольдмейстерскую Контору рядъ выписокъ изъ польскихъ гербовниковъ въ переводѣ извѣстнаго неудачника-лексикографа Кирьяка-*Кондратовича* (28—29 ноября 1776 г.) и рисунокъ герба въ краскахъ, заимствованный изъ тѣхъ же печатныхъ источниковъ. Въ виду того, что Трутовскій и во дворянствѣ утвержденъ, главнымъ образомъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, — признанныхъ и Сенатомъ за „документы", мы имѣемъ поводъ изложить начальную исторію его рода въ такомъ же приблизительно видѣ, руководясь этими источниками.

Родъ *Третіусъ* (впослѣдствіи „Третовскій" — „по-россійски Трутовскій") принадлежалъ къ гербу „Левартъ" въ Краковскомъ воеводствѣ. Родоначальникомъ отмѣченъ тамъ же *Христофоръ Третіусъ*, секретарь королевскій, между министрами кальвинскими безпристрастнѣйшій, отъ короля Стефана дворянствомъ пожалованъ, а отъ Фирлеевыхъ къ гербу Левартъ допущенъ, о семъ грамоту полагаетъ *Папроцкій* о гербахъ на листу 391 ....." (См. выписки Кондратовича въ А. Т.)

Описаніе герба присоединено такое: — „Должна быть на щиту въ красномъ полѣ *рука вооруженная*, держащая къ правой сторонѣ щита *золотой перстень* съ камнемъ туркусомъ, тожь яшмою, жабикомъ, или сердоликомъ, *на шлемѣ* или шишакѣ *дѣвица въ коронѣ,* держитъ такой же *перстень,* въ коронѣ на ее головѣ *три пера пестрочерныхъ*".

Изъ числа однофамильцевъ, симъ же гербомъ печатающихся, отмѣчены: Броневскій, Кчевскій, Конарскій, Меглевскій, Фирлай, Кроватскій, Маркушевскій, *Третіусъ* и Горскій. Далѣе встрѣчаемъ въ тѣхъ же выпискахъ Кондратовича изъ польскихъ гербовниковъ отмѣтку, что: — „Сей гербъ вышелъ изъ Лусаціи, употребляютъ Голевате въ Пруссіи..."

Наконецъ, приведемъ свидѣтельство самого Трутовскаго о его предкахъ. Въ собственноручно подписанной имъ и имъ же поданной въ Правительствующій Сенатъ въ Герольдмейстерскую Контору (въ январѣ 1777 года) челобитной онъ ходатайствуетъ „написать его съ братьями и племянниками въ списокъ съ прочими выезжими шляхтичами". Въ 1-мъ пунктѣ этой челобитной онъ такъ говоритъ о своемъ родѣ и о выѣздѣ его въ Россію: „Предокъ мой Христофоръ *Третіусъ* былъ польской королевской секретарь, въ тамошнее дворянство возведенъ, королемъ Стефаномъ, на которое достоинство и гербъ имѣлъ; сынъ его Христофоръ Христофоровъ, а по немъ сынъ его Сидоръ Христофоровъ находились въ *Королевской* полской службѣ. Сидоровъ же сынъ, а мой *прапрадедъ родной* Василей, оставя въ полскомъ владѣніи собственные свои грунты и пожитки выехалъ *подроссійскую* державу, въ Сумской слободской полкъ въ городъ Краснополье, и въ тамошнемъ уездѣ пожалованъ помѣстьемъ, на которое во „186 году, изъ помѣстнаго приказа и выпись дана, и какъ онъ Василій Сидоровъ, а по немъ сынъ его *прадѣдъ* мой Симеонъ Васильевъ, *дѣдъ* Василій Симеоновъ, такъ и *отецъ* Федоръ Васильевъ сынъ, Трутовскія, по собственному ихъ желанію находились вдуховномъ чину въ бѣлогородской епархіи священниками, искоихъ прадѣду моему Симеону Васильеву на владѣніе помѣстьемъ въ 7201 и 7203 (т.-е. въ 1693 и 1695) годѣхъ отъ Государей Царей и

Великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Россіи самодержцевъ жалованныя грамоты даны, которые и опредѣленіемъ правительствующаго Сената 1762 года іюля 16 дня подтверждены. (Выписка изъ рѣшенныхъ дѣлъ Правительствующаго Сената Герольдмейстерской Конторы по дворянскому повытью первой половины 1779 года нынѣ въ дѣлѣ Архива департам. Герольдіи Правительствующаго сената за № 52, на лл. 579—601).

Въ одномъ изъ черновыхъ неоконченныхъ прошеній изложена судьба подаренныхъ Московскимъ Правительствомъ Трутовскимъ имѣній и сообщены свѣдѣнія о ихъ значеніи. — (См. *А. Т.*): „1) въ 7186 (=1674) году марта въ 5-й день по указу блаженной памяти Государя Царя и Великаго князя Феодора Алексѣевича дана предку моему Василью Сидорову Трутовскому выпись на заимочную Его въ бывшемъ Краснопольскомъ уѣздѣ, которой нынѣ Миропольской, въ разныхъ урочищахъ состоящую землю. — 2) въ 7201 (=1693 году) сыну его Семіону грамотою повелѣно съ поселенныхъ на той Заимочной и отъ другихъ дачь тогдажь отъмежеванной земли Черкасъ никакихъ поборовъ не брать. —3) въ 1758 году вышепомянутая 7186 году выпись и грамота 7201 году явлена въ вотчинной Коллегіи. — 4) въ 1762 году приносилъ я всеподданнѣйшіи жалобу мою въ правительствующій Сенатъ наприкосновенныхъ владѣльцевъ о завладеніи земли и опротчемъ.—5) въ 1763 году по Указу вотчинной Коллегіи все оное недвижимое имѣніе повыше упомянутой 7186-го году выписи справлено и отказано замною. А хотя при отказѣ отъ нѣкоторыхъ смѣжныхъ владелцовъ и были споры; но оные яко незаконные отрешены и на оное рѣшеніе ниоткого апеляціонной прозбы не было, а въ 1775 году съ решенія вотчинной коллегіи дана мнѣ съ дѣла копія заскрепою присутствующаго“.

Обращаясь къ біографіи Василія Ѳедоровича мы должны замѣтить, что конечныя грани его жизни опредѣлить почти невозможно за крайнимъ недостаткомъ необходимыхъ для того данныхъ, но все-таки, можно указать, что въ іюлѣ 1816 года онъ уже отмѣченъ въ документахъ умершимъ, а въ 1793 (и даже 1798) году онъ еще былъ въ живыхъ.

Онъ былъ сынъ синодальнаго священника о. Ѳеодора Васильевича Трутовскаго. Изъ одной частной записки *(А. Т.)* мы имѣемъ свѣдѣніе объ *отцѣ* Василія Ѳедоровича и о времени опредѣленія самого его въ службу: — „Бѣлогородской губерніи Слободскаго Харьковскаго полку *Ивановской слободы священника Ѳедора Васильева* [1]) сына *Трутовскаго сынъ* опредѣленъ генваря 10-го 1761 года въ службу ко двору Его Императорскаго Величества лакеемъ. Въ комплетъ помѣщенъ на... ваканцію по именному Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра Ѳеодоровича (приказу)“....

П. А. Безсоновъ въ замѣткѣ при X вып. пѣсенъ Кирѣевскаго (М. 1874, стран. 338) сообщаетъ изъ *неизвѣстнаго* намъ источника что малоросса *Трутовскаго* въ С.-Петербургъ

1) На одномъ прошеніи 1790 г. отецъ себя именовалъ такъ: „Проситъ живущей въ Миропольскомъ округе в деревни Семионовка и Поповка тожъ синодалной священникъ Феодоръ Трутовскій“....

вывезъ (значитъ съ родины) *Потемкинъ* [1]). Затѣмъ Безсоновъ и еще не разъ касается близости и яко бы „подручности“ Трутовскаго — Потемкину.

Въ одной изъ частныхъ памятныхъ записокъ *(А. Т.)* отмѣчено: „По имянному Его Императорскаго Величества (т.-е. Императора Петра III) указу повелѣно адъютанту барону Унгеру объявить имянной Его Императорскаго Величества *указъ* втомъ, чтобъ ему *Василію Трутовскому при комнатѣ* Его Императорскаго Величества продолжать службу, а командѣ до него, Трутовскаго, дѣла не имѣть“ (1762 года январь — іюнь).

Наконецъ, въ копіи съ резолюціи Придворной конторы за подписью графа Карла Сиверса отъ 30 декабря 1766 года *(А. Т.)* мы встрѣчаемся съ важнымъ документомъ, проливающимъ свѣтъ на дальнѣйшую судьбу Василія Өедоровича Трутовскаго и указывающимъ на музыкальныя и композиторскія обязанности и заслуги послѣдняго.

Приведемъ любопытнѣйшій документъ этотъ въ необходимыхъ извлеченіяхъ: „При дворе Ея Императорскаго Величества обретаится квартирмейстеръ Василій Трутовской зъ годовымъ Ея Императорскаго Величества жалованья окладомъ по сту по пятидесятъ рублей, которой въ службѣ при дворе находится Генваря съ 10 числа прошлаго 1761 года и былъ сначала лакѣемъ, а квартирмейстеромъ произведенъ въ слѣдствие имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія по опредѣленію Придворной Канторы минувшаго ноября 24 дня сего 1766 года для того, что *онъ Трутовскій употребляется (единственно) во внутреннихъ* Ея Императорскаго Величества *апартаментахъ для игранія на гусляхъ.* И во время Высочайшаго Ея Императорскаго Величества втомъ ноябре месяцѣ *веселъ Царскомъ* присудствія *употребляемъ былъ для игранія на ономъ инструментѣ*, причемъ Ея Императорское Величество соизволила Высочайше „объявить милостивое благоволеніе и милостиво отзыватся Соизволила, чтобъ онъ за службу его и хороше(е?) поведѣніе Придворною Канторою произведенъ былъ при камеръ-музыкѣ *Камеръ-музыкантомъ* съ прибавкою жалованья или наградить другимъ какимъ чиномъ“.

Но такъ какъ самъ *В. Ө. Трутовской* „о себѣ объявилъ, что онъ въ службѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества находится изъ Малороссійскаго шляхетства и музыкантомъ быть желанія не имѣетъ, въ квартирмейстерской чинъ произведенъ“.

Въ патентѣ выданномъ ему изъ Правительствующаго Сената „12 генваря 1767 года“ значится: „за оказанную его (Василья Трутовскаго) къ службѣ Нашей ревность и прилѣжность, Дворажъ Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангъ сухопутнаго прапорщика, 1766 года ноября 24 дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили“...

Обратимъ вниманіе читателя, что *гусельная игра* въ XVIII столѣтіи давно уже пользовалась вниманіемъ и при Дворѣ [2]). Такъ, напр., около 1730 года придворнымъ

[1]) „Съ Потемкинымъ являлись въ домъ (Нарышкиныхъ), безъ того полный, передовые люди сего дѣла (музык.), обращавшіеся въ домашнихъ людей и друзей; *вывезенный княземъ, придворный гуслистъ* (священникъ) *Трутовскій*, первѣйшій собиратель Великорусскихъ пѣсенъ, перелагатель ихъ на ноты, самъ малороссъ и съ Малорусскими пѣснями....“

[2]) См. А. С. Фаминцынъ: „Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историч. очеркъ.“ (Спб. 1890, стран. 108).

гуслистомъ былъ *Маньковскій*, упоминаемый Марковичемъ въ 1733 году, по случаю имѣвшей мѣсто въ этомъ году свадьбы этого виртуоза. Въ 1738 году послѣдовалъ именной Высочайшій указъ гвардіи маіору Шипову объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую набирались, для пополненія придворнаго хора, обладавшія лучшими голосами дѣти; здѣсь послѣднихъ обучали пѣнію и „струнной музыкѣ," именно игрѣ на скрипкѣ, гусляхъ и бандурѣ, и обученныхъ тому и другому отправляли ко двору. Вотъ что гласилъ этотъ Указъ. „Учредить небольшую *школу*, въ которую набирать *со всей Малой Россіи изъ церковниковъ*, такожъ изъ *казачьихъ* и мѣщанскихъ дѣтей и изъ прочихъ и содержать всегда въ той школѣ до 20 человѣкъ, выбирая, чтобъ самые лучшіе голосы были, и велѣть ихъ регенту *обучать* Кіевскаго, такожъ и партеснаго *пѣнія*, а притомъ *сыскавъ искусныхъ мастеровъ* изъ иностранныхъ и изъ *Малороссійскихъ* и велѣть изъ оныхъ же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно на скрипицѣ, *на гусляхъ* и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, изъ тѣхъ по вся годы, *лучшихъ присылать ко Двору* нашему человѣкъ по 10, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, пока тѣ учители тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитанье и платье и обувь, сколько потребно по вашему разсужденію изъ Мало-Россійскихъ доходовъ" (Первое Полное Собраніе Законовъ. *Т. X.*, стат. 7656). — Вѣроятно изъ среды питомцевъ этой школы происходили и нѣкоторые придворные гуслисты XVIII столѣтія. Въ должности придворнаго же гуслиста состоялъ и Трутовскій.

Къ сожалѣнію, у мемуаристовъ той эпохи не сохранилось свѣдѣній, какія пьесы, собственно, игралъ на гусляхъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Царскомъ Селѣ (въ 1766 г. и въ послѣдующее время) Трутовскій; но можно догадываться, что онъ не только *игралъ*, но и *пѣлъ* подъ аккомпанементъ гуслей и, вѣроятнѣе всего свои родныя, малорусскія пѣсни. Не слѣдуетъ забывать, что до сборника Трутовскаго (1776 г.) въ печатныхъ русскихъ пѣсенникахъ рѣшительно нѣтъ и помину объ особомъ отдѣлѣ малорусскихъ пѣсенъ.

Императрица Екатерина II, сильно нуждавшаяся въ пѣсняхъ для услажденія въ Эрмитажѣ слуха своего любимца Потемкина, этого чуть ли не перваго по времени „украйнофила" въ лучшемъ значеніи этого слова, — повліяла на зарожденіе сборника Трутовскаго. Изъ его-то пѣсенника она вносила въ свои драматическія сочиненія тексты: напримѣръ, пѣсню, сложенную Императрицею Елизаветою Петровною и обнародившуюся затѣмъ: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ..." Императрица Екатерина вставила ее въ свою оперу: „Ѳедулъ съ дѣтьми" (1790 г.)[1]) и проч.

Образованіе малорусскаго отдѣла въ пѣсенникахъ съ легкой руки Трутовскаго продолжалось и затѣмъ такъ пришлось по вкусу всероссійской публики, что въ пѣсенникахъ конца XVIII вѣка отдѣлъ этотъ все расширялся на счетъ другихъ отдѣловъ и увеличивалъ объемъ такихъ сборниковъ; послѣдователи Трутовскаго Львовъ совмѣстно съ музыкантомъ Прачемъ издали пѣсенникъ съ нотами же (въ 1790 году),

[1]) Дуняша поетъ. См. „*Сочиненія И. Екатерины II* на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительн. примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина". Т. II. Спб. 1901 г., стран. 536—8.

гдѣ малорусскій отдѣлъ такъ богато представленъ, — ихъ сборникъ выдержалъ три изданія, и еще недавно былъ въ наше уже время вновь переизданъ (хотя и очень неудачно) А. С. Суворинымъ.

Трутовскій отчасти имѣлъ своимъ предшественникомъ *М. Д. Чулкова*, одного изъ первыхъ нашихъ этнографовъ и виднаго писателя Екатерининскаго времени. Чулковъ (въ 1770—1776 гг.) издалъ съ *Поповымъ* „Собраніе *разныхъ* пѣсенъ“, первое изданіе первой части коего вышло въ 1770 году и то же въ С.-Петербургѣ и, какъ кажется, было также обязано своимъ появленіемъ ободренію Императрицы.

Вѣроятно, *В. Ѳ. Трутовскій*, отличенный Императрицею, такъ и остался на придворной службѣ „камеръ-гуслистомъ“. Въ это то время, надо думать, онъ приступилъ къ собиранію готовыхъ записей текстовъ великорусскихъ пѣсенъ, къ записыванію малорусскихъ и арранжированію „простыхъ“ русскихъ (т.-е. простонародныхъ) пѣсенъ и отчасти романсовъ, первое собраніе которыхъ онъ однако успѣлъ выпустить въ печатномъ видѣ въ свѣтъ *не ранѣе* половины *іюня* 1776 года. Въ предисловіи къ I части своего сборника, онъ жалуется на новость и особенно трудность такого дѣла, какъ арранжировка (переложеніе) народныхъ текстовъ по слуху на музыку. Но о семъ будемъ говорить еще особо во II отдѣлѣ статьи.

Изъ разрозненныхъ бумагъ частнаго архива гг. Трутовскихъ, и изъ дѣла Департамента Герольдіи Правит. Сената (изъ числа такъ называемыхъ *рѣшенныхъ* дѣлъ) за конецъ первой половины 1779 года подъ № 52, на лл. 579—601, мы узнаемъ, что Василій Ѳедор. *Трутовскій* въ январѣ 1777 года возбуждаетъ ходатайство объ утвержденіи себя и своихъ сродниковъ въ правахъ Россійскаго дворянства, и подаетъ на имя Императрицы челобитную въ 3-хъ пунктахъ. Первый пунктъ ея о происхожденіи рода ихъ изъ Польши уже сообщенъ нами выше; во второмъ пунктѣ онъ упоминаетъ о родственникахъ: „Я-жъ именованный, а по мнѣ *братья* мои *родные* Иванъ, Осипъ, Федоръ, Михайло и Григорей Федоровы дѣти Трутовскія находятся въ высокославной В—го Имп—го Величества службѣ гдѣ же именно и каки^ж^ чина^ж^ значитъ въ приложенной при семъ поколѣнной росписи....“ Въ 3-мъ пунктѣ онъ указываетъ вновь на значительность своего рода: „А какъ дѣйствительно шляхетскую фамилію свою ведемъ мы изъ Полши отъ Христофора Третиуса, пороссійски Трутовскаго, которой на оное достоинство и гербъ имѣлъ, о чемъ подлинно значитъ въ имѣющемся при Императорской Академіи Наукъ Гербовникѣ, съ котораго и переводъ при семъ на разсмотрѣніе представляю, донося при томъ, что сверхъ показаннаго предка моего Христофора Третиуса родственники его Николай Адамъ, „Иванъ служи^л^ъ въ слободски^х^ по^л^ка^х^ подпрапорнымъ, а ныне вотста^в^ке, „Осипъ и Федоръ — въ Правительствующемъ Сенатѣ копеистами“, „Михайло въ отставке отъ арміи прапорщикомъ“ и наконецъ „Григорій Лейбъ-гвардіи во Преображенско^м^ полку фурьеро^м^.“ — У Ивана имъ показаны четыре „малолѣтные“ сына: „Михайла, Семенъ“ и еще двое, относительно коихъ В. Ѳ—чъ Т—ій отозвался, что „объ именахъ ихъ не упомнитъ [1]).

[1]) Изъ копіи съ свидѣтельства отъ іюля 13-го 1816 года, даннаго помѣщику Ахтырскаго уѣзда прапорщику Михайлѣ Ѳедоров. Трутовскому при отыскиваніи имъ наслѣдства послѣ умершаго Василія Ѳедоровича — отмѣчены еще въ числѣ законныхъ наслѣдниковъ; племянники *Иванъ*, Семенъ и *Андрей* Ивановичи и *Иванъ* и *Петръ* Григорьевичи.

Какъ челобитная, такъ и поколѣнная роспись собственноручно подписаны самимъ В. Ѳ. Трутовскимъ. Снимокъ съ почерка В. Ѳ. Трутовскаго скопированный отъ руки на калькѣ (см. въ Приложеніяхъ).

На листѣ 584-мъ приложенъ какъ проектъ рисунокъ герба Левартъ № 1 — Трутовскихъ въ краскахъ, исполненный „студентомъ Александромъ Садовниковымъ" (см. снимокъ въ Приложеніяхъ).

По свидѣтельству, П. А. Безсонова слѣдуетъ, что Трутовскій „жилъ и *умеръ* въ Санктпетербургѣ", прибавимъ, что онъ не былъ женатъ и умеръ одинокимъ и что, насколько даютъ намъ знать имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы, онъ никогда не пользовался достаткомъ средствъ для жизни, и не былъ пожалованъ, какъ утверждалъ Безсоновъ, за свою службу *деревнею*, а это была просто его родовая деревенька, которой отецъ его лишился, а сынъ перекупилъ уже впослѣдствіи у другихъ владѣльцевъ, когда принялъ дворцовую службу; притомъ къ ней было приписано не болѣе 50—75 душъ крестьянъ.

Заканчивая *пока* на этомъ подборъ всѣхъ свѣдѣній о жизни Трутовскаго, какія только были намъ доступны и желая достойнымъ образомъ по мѣрѣ возможности закончить обработку и приготовленіе къ печати статьи о Т—мъ и его трудахъ, съ приложеніемъ снимковъ, съ тетрадей его пѣсенника, мы обращаемся съ покорнѣйшею просьбой къ мѣстнымъ харьковскимъ археологамъ, археографамъ, любителямъ и знатокамъ исторіи народнаго пѣнія и музыки, коимъ Трутовскій долженъ быть дорогъ, какъ замѣчательный ихъ землякъ, не оставить безъ вниманія нашей просьбы о всякаго рода замѣчаніяхъ, сообщеніи матеріаловъ и пр. и тѣмъ помочь намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ заключительныхъ разысканіяхъ.

ГЛАВА II.

Библіографическія свѣдѣнія о всѣхъ четырехъ частяхъ „Собранія Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами" изд. 1776—1796 гг., ихъ содержаніе и значеніе.

Чтобы познакомить хотя отчасти съ печатнымъ трудомъ В. Ѳ. Трутовскаго, въ виду рѣдкости и полнаго отсутствія экземпляровъ его какъ въ нашихъ общественныхъ, такъ и въ частныхъ библіотекахъ и неизвѣстности его даже спеціалистамъ, мы должны нѣсколько остановиться на библіографическомъ описаніи какъ уцѣлѣвшихъ такъ и недоступныхъ намъ въ наличности экземпляровъ и собрать здѣсь всѣ заслуживающія довѣрія о нихъ извѣстія, которыя удалось найти при спеціальныхъ поискахъ нашихъ.

Прежде всего укажемъ на *публикаціи* о выходѣ въ свѣтъ той или иной части, вѣроятно припечатанныя самимъ издателемъ и составителемъ перваго нашего нотнаго пѣсенника, коего за время 1776—1796 гг. вышло всего четыре выпуска, изъ коихъ первая часть появилась въ трехъ изданіяхъ (1776, 1782 и 1796 гг.).

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ **1776** г. „Во вторникъ Іюня 14 дня“, въ „прибавленіи“, въ отдѣлѣ: „Продажа“ — напечатано слѣдующее книжное извѣстіе:

„Въ луговой Миліонной въ Позняковомъ домѣ у переплетчика Торно продается *Собраніе Руских простыхъ пѣсенъ съ нотами* по 60 к. екземпляръ; да книга о угрюмомъ мужѣ и его злой женѣ безумолкной говоруньѣ 40 к., Доброй мужъ 25 к., любовная гадательная книжка 20 к., опытъ о правописаніи 25 к., гошпиталь дураковъ 20 к.“ — Тоже см. въ № 50 отъ 21-го іюня того же года.

Въ Прибавленіи къ № 13 „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ во вторникъ февраля 13-го дня, **1778** г., на стран. 138:

„Въ луговой Миліонной въ Позняковомъ домѣ у переплетчика Торно продаются рускія пѣсни съ нотами, по которымъ не только что пѣть, но и на клавикордахъ и другихъ инструментахъ играть можно. Первая часть 60 к. и вторая часть вновь выпечатанная тожъ по 90 коп.“

Въ № 14 „Санктпетербургскихъ Ведомостей“ въ пятницу 16-го дня, того же года, стран. 149—150 повторено предыдущее объявленіе, но въ концѣ его значится слѣдующая поправка къ обозначенію цѣны:

„...... и вторая часть вновь выпечатанная тожъ по 60 коп. (а не по 90 коп., какъ прежде было публиковано). Купившіе 2-ю часть по 90 коп., могутъ получить излишнія деньги обратно“. — Тоже повторяется въ № 15. Приб. фавраля 20 дня того же года.

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ генваря 30 дня, **1795 г.**, въ отдѣлѣ „Извѣстій“, на стран. 171:

„Въ книжныхъ лавкахъ у книгопродавца Зотова, противъ Гостиннаго двора зеркальной линіи подъ № 22 продаются *рускія пѣсни съ нотами,* которыя какъ пѣть, такъ на фортопіано и на другихъ инструментахъ играть можно, **2**-я и **3**-я часть, каждая по 50 коп., также и *варіаціи на рускія пѣсни*, часть І-я 1 руб. п.“

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ маія, 6-го дня, 1796 г., № 37, въ отдѣлѣ „Извѣстій“, стран. 812:

„Въ овошенной линіи, подъ № 31, въ лавкѣ Ярославской манифактуры продаются *русскія пѣсни съ нотами* для фортопіяно и протчихъ инструментовъ, часть **2**-я и **3**-я по 50 к. и вновь выпечатанная **4**-я часть въ прибавленіемъ, 1 руб. также и *варіаціи на рускія пѣсни*, 1 руб. п.“

Въ № 68 въ пятницу, августа 22 дня, 1796 г., стран. 1613-4 упомянута и 1-я часть „Рускихъ пѣсенъ“. Это безъ сомнѣнія третье уже тисненіе 1-ой части, въ этомъ году вышедшее въ свѣтъ.

Приведемъ здѣсь же еще одну публикацію, помѣщенную передъ этими послѣдними въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ, октября 3 дня, 1794 г. № 79, стран. 1840—1:

„По Невской преспективѣ, противъ Милютиныхъ лавокъ въ домѣ Католической церкви, подъ № 3, въ книжной лавкѣ у книгопродавца Семена Глазунова продаются вновь вышедшія книги: *Малороссійская пѣсня на бережку уставка* (sic!) съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою, 2 р. 10 к. въ бум. пер......"

Извѣстна публикація и въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*" 1798 г. № 80, стр. 1503:

„Въ Городѣ, на Никольской улицѣ, противъ Полиціи, въ лавкѣ подъ № 1, гдѣ продаются Ярославской большой мануфактуры содержателей Гг. Яковлевыхъ товары, вступили по коммиссіи присланныя изъ С.-Петербурга для продажи *Рускія пѣсни съ нотами для фортепіано,* и которыя на скрипкѣ можно играть, также и на прочихъ инструментахъ, Часть 1-я и 4-я съ прибавленіемъ, по 1 руб., а 2-я и 3-я по 60 коп., безъ переплета 320 коп., а въ переплетѣ всѣ 4 части 330 коп., также и варіаціи на Рускія пѣсни по 110 коп."

Уже приведенныя публикаціи отчасти даютъ возможность догадываться, какъ скоро исчезали изъ продажи отдѣльныя части Пѣсенника Трутовскаго, и потомъ замѣнялись новыми изданіями 1-ой части. О *рѣдкости* и посему *малоизвѣстности* Пѣсенника мы можемъ заключить еще изъ слѣдующихъ *библіографическихъ сообщеній* первой половины XIX вѣка.

1) *В. С. Сопиковъ* въ своемъ „*Опытѣ Россійской Библіографіи*, или Полномъ Словарѣ сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славянскомъ и Россійскомъ языкахъ, отъ начала заведенія типографій, до 1813 г.", въ части 4-ой, (О—С, Санктпетербургъ, 1816 г., стран. 460) могъ отмѣтить лишь весьма неточныя показанія и въ заглавіи и въ годахъ изданія:

„10979+Собраніе наилучшихъ Россійскихъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты; 4 ч. Спб. 1779—1781—въ 4. 4 руб."—Очевидно *перваго* изданія первой части 1776 г. онъ не зналъ. Ср. въ „*Указатель* къ Опыту Росс. Библіографіи В. С. Сопикова (къ книгамъ гражданской печати)," составленномъ *Вл. Н. Рогожинымъ* (М. 1900 г.), на стран. 99 (имени В. Ѳ. Трутовскаго въ спискахъ мы не нашли).

2) *В. Г. Анастасевичъ* въ извѣстной „*Росписи Россійскимъ книгамъ для чтенія* изъ библіотеки Александра *Смирдина*, систематическимъ порядкомъ расположенной" (Спб. 1828 г.), на стран. 423 (въ отдѣлѣ „Свободныхъ Художествъ") подъ № 5420 указалъ только: „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами, часть 1-я изд. 3-е. Спб., 1796 г. (4) 5 руб."

3) Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ", середа 23 августа (4 сент). 1867 г., № 232, стран. 2 (стб. 3), въ отдѣлѣ: „*Корреспонденція*"—напечатано извѣстіе въ видѣ письма въ редакцію: „М. Г. При сборникахъ русскихъ пѣсенъ почти всегда исчисляются всѣ сборники, прежде изданные; но самый старинный, изданный, кажется, при Императрицѣ Елизаветѣ, сборникъ пѣсенъ съ нотами Трутовскаго, никѣмъ не былъ упомянутъ. Я не знаю, есть ли онъ въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ; но я думаю, что Балакиревъ, или кто другой, такъ добросовѣстно занимающійся

народной музыкой, могъ бы попросить у наслѣдниковъ Петра Вас. Кирѣевскаго, въ библіотекѣ котораго онъ находится.

„Этотъ сборникъ изданъ въ *поль-листа на синей бумагѣ;* о нотахъ я ничего не могу сказать, но слова записаны довольно вѣрно. Примите и пр. *Павелъ Якушкинъ.* 15 августа 1867 г. С. Сабурово".

4) П. А. Безсоновъ въ „Пѣсняхъ собр. П. В. Кирѣевскимъ" ч. II, вып. 7, (М. 1868), на стран. 79 отмѣтилъ: „...Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кирши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже печатныя изданія пѣсенъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова и т. д., при томъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка) ......"

На стран. 129—130 имъ перепечатана изъ сборника Трутовскаго, ч. II пѣсня — (Убитъ Карамышевъ I): „Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась..."; на стран. 131—132: „Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ" (съ разнорѣчіями по Прачу 1790 г.) и т. под.

5) *П. А. Безсоновъ* въ журналѣ „Заря" В. С. Кашперова, за апрѣль 1870 года, на стран. 4—5 подъ № 15 въ своей статьѣ: „О вліяніи народнаго творчества на драмы И. Екатерины" перечислилъ изданія пѣсенника В. Ѳ. Трутовскаго и довольно вѣрно оцѣнилъ его трудъ. Приведемъ его свидѣтельство, такъ какъ и эта статья его затерялась въ книжкахъ стараго объемистаго литературнаго ежемѣсячнаго журнала: — „Трутовскій выдалъ „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами", С.-Петербургъ, 4, 4 части: первый нашъ печатный *нотный* пѣсенникъ. Первой части его было 3 изданія: **1776**, 1782, 1799 (неточно; слѣдуетъ **1796**); 2-й, 3-й, 4-й по одному, **1778**, **1779**, **1795** года. Издатель былъ уже отчасти *самъ* собирателемъ и потому эклектикомъ: текстъ его рознился отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшаго Прача, Герстенберга и позднѣйшихъ. Это то, что̀ *самъ* онъ зналъ, игралъ и пѣлъ, а вмѣстѣ что̀ было въ ходу при Дворѣ Екатерины. Чрезвычайно замѣчателно: пѣсенникъ по преимуществу *придворный*, но вмѣстѣ весьма *народный*, народнѣе другихъ современныхъ и многихъ позднѣйшихъ".

6) Почти то же см. въ статьѣ *Безсонова* при текстахъ IX-го выпуска „Пѣсень П. В. Кирѣевскаго" (М. 1872 г.) на стран. 410: „По части *напѣва*, *музыки*, и притомъ *съ текстомъ:* 1) *Василій Ѳедоровичъ Трутовскій*, придворный священникъ, Малороссъ, гусляръ и пѣвецъ, — пѣсни употребительнѣйшія при Дворѣ и въ высшихъ кругахъ, съ хорошимъ выборомъ и вкусомъ, въ томъ числѣ Малорусскія; музыка имъ самимъ положена или, какъ говорили, *переложена*, — съ народнаго; С.-П.Б., 1-я часть въ 3 изданіяхъ: 1776, 1782 и 1799 гг.; 2-я, 3-я и 4-я, по одному изданію, въ 1778, 1779 и 1795 годахъ; текстъ рознится отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшихъ преемниковъ)..." Въ этомъ же выпускѣ *Безсоновымъ* на стран. 204—6 перепечатанъ текстъ пѣсни: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ"... съ обширнымъ комментаріемъ.

Въ „Пѣсняхъ собр. В. П. Кирѣевскимъ", вып. X, (М. 1874 г.), П. А. Безсоновъ касается пѣсенника Трутовскаго на стран. 281, 338, 367, 434.

7) Приведемъ еще одно свидѣтельство уже изъ самаго послѣдняго времени. Нѣкто *Д. Борецкій* (въ „Новомъ Времени“, понед. 29 мая 1897 года, № 7623 фельетонъ), въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Старый воскрешенный сборникъ* — Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. Напѣвъ записалъ и гармонизировалъ Иванъ Прачъ“,— говоря о старыхъ изданіяхъ русскихъ пѣсенъ съ нотами, замѣтилъ:... „Такіе сборники, конечно, были и, вѣроятно, въ Публичной библіотекѣ найдется сборникъ, предшествующій сборнику Прача, но въ обращеніи таковаго не имѣется. Намъ попалось указаніе на сборникъ народныхъ пѣсенъ, изданный въ началѣ царствованія Екатерины II; затѣмъ, въ 1796 году въ Петербургѣ было напечатано (уже третьимъ тисненіемъ“) „Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“ и съ предисловіемъ собирателя, *какого-то В. Т.*, не выставившаго своего имени. Въ предисловіи собиратель заявляетъ, что собраніе пѣсенъ ему „стоило не малыхъ трудовъ“ и что записывалъ онъ пѣсни, „прислушиваясь многихъ“. Этотъ сборникъ составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость; содержаніе его намъ лично совершенно неизвѣстно, но найти его возможно. Пока же практически приходится считать первымъ доступнымъ для всѣхъ собраніемъ народныхъ пѣсенъ, именно сборникъ Прача“.

8) Наконецъ, досталось сборнику В. Ѳ. Трутовскаго незаслуженно быть осужденному почти на дняхъ. Бывшая пѣвица, знакомая и съ музыкою, издала на счетъ нашей Императорской Академіи Наукъ I выпускъ своего сборника записанныхъ съ помощью фонографа великорусскихъ пѣсенъ: „Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой“. (СПб. 1904 г.). Во многопространномъ предисловіи (чуть ли не съ Адама) г-жа Линева вздумала познакомить публику съ сборникомъ Трутовскаго: на стран. 5-й, она вѣщаетъ: „*Въ прежнее время* точность записи понималась собирателями довольно *своеобразно*. Когда въ концѣ XVIII столѣтія явился въ свѣтъ первый печатный сборникъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, авторъ его, Василій Ѳедоровичъ Трутовскій, *священникъ*,[1]) *игрокъ* (sic!!) на гусляхъ и пѣвецъ (?) при дворѣ Екатерины II, пишетъ въ „предувѣдомленіи“, что онъ первый рѣшается издать пѣсни съ нотами“. Далѣе г-жа Линева выписываетъ текстъ „Предувѣдомленія“ Трутовскаго и присоединяетъ свое замѣчаніе: „Какъ можно „сохранить точность“ записи и вмѣстѣ съ тѣмъ, „прибавлять“, „убавлять“ и исправлять „великую неисправность“, остается загадкой. „Ниже слѣдуетъ одна изъ записанныхъ Трутовскимъ пѣсенъ, которая, дѣйствительно, показываетъ, что онъ „не достигъ совершенства“. Текстъ сравнительно хорошъ, но напѣвъ скорѣе напоминаетъ нѣмецкую сонату, чѣмъ русскую народную пѣсню“.

Приведены ноты и слова очень рѣдкой исторической пѣсни: „Что на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось...“ изъ III выпуска пѣсенника Трутовскаго 1779 года (а не 1782 г.?).

Очень приходится жалѣть, что г-жа Линева ограничилась лишь голословнымъ и полнымъ ѣдкостей обвиненіемъ нашего піонера въ музыкальной этнографіи, какъ

---

[1]) Г-жою Линевой осталось незамѣченнымъ содержаніе моего сообщенія о В. Ѳ. Трутовскомъ, сдѣланное въ засѣданіи 20 авг. 1902 г. VI секціи XII Археолог. Съѣзда въ Харьковѣ. (См. „Извѣстія“ упомянутаго Съѣзда, № 7, стран. 95—96). — Ей извѣстна лишь записка С. А. Соболевскаго; см. у насъ на стран. 477.

вполнѣ уже постигшая послѣ столь цѣнныхъ для нея въ методологическомъ отношеніи трудовъ Ю. Н. Мельгунова, Балакирева, Т. И. Филиппова, Римскаго-Корсакова, Лопатина и Прокунина и еще многихъ, многихъ другихъ, — *совершенства* гармонизаціи великорусской простонародной пѣсни, и не потрудилась выбрать изъ сборника Трутовскаго какую-нибудь другую пьесу, употребительную и до сихъ поръ, и посравнить музыкальную запись и слова у Трутовскаго, Прача (по изд. 1790 г. и 2 и 3 изд.), Кашина, Мельгунова, Пальчикова и т. д. другъ съ другомъ, это было бы хоть поучительно, да этого и вправѣ требовать отъ нея публика, такъ какъ она является трактовать объ этомъ въ ученомъ изданіи. Едва-ли эта выбранная г-жею Линевой историческая пѣсня изъ сборника Трутовскаго, записана имъ съ пѣнія изъ народныхъ устъ; пѣсня эта рѣдкая (см. воспроизведеніе ея у насъ въ снимкѣ на таблицѣ XII): ни у Чулкова, ни у Новикова ея нѣтъ; да и Прачъ ея не взялъ, конечно, въ виду только того, что не встрѣтилъ для себя исполнителя-пѣвца, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что Львовъ и Прачъ перепечатали за весьма немногими исключеніями сборники Трутовскаго почти во всемъ ихъ объемѣ.

Опишемъ *по наличнымъ* извѣстнымъ намъ экземплярамъ I, II и III части труда В. Ѳ. Трутовскаго.

1) Первая (1-го изданія 1776 г.) и вторая (1778 г.), части въ одномъ простомъ картонномъ переплетѣ, принадлежащія собранію *Вл. Н. Рогожина* въ Москвѣ. Экземпляръ этотъ былъ купленъ Владимиромъ Николаевичемъ на Кузнецкомъ Мосту у букиниста въ воротахъ дома на Кузнецкомъ, — и попалъ къ послѣднему изъ библіотеки извѣстнаго собирателя Дурова. На немъ есть нѣсколько штемпелей синею краскою — церковнославянскою вязью: „Собраніє Н. Дȣрова“. На задней крышкѣ переплета, на наружной его сторонѣ оттиснутъ штемпель: „Дуровъ“ — въ кругѣ вязью. На верхней крышкѣ переплета внутри карандашомъ помѣтки новаго владѣльца: „Смирд. 5920, худож. — Отъ Вл. Рогожина 3/96 4 р. Жур. 7190. Отд. 214. 16/2“.

Въ означенномъ экземплярѣ библіотеки г. *Рогожина*, мы нашли единственный экземпляръ (уникъ) *первой* части *перваго* изданія. Вотъ его заглавіе (см. снимокъ на таблицѣ I): „*Собраніе рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть первая.* Въ Санктпетербургѣ, 1776 года. Тетрадь въ 4-ю долю листа безъ обозначенія пагинаціи, печатана на бѣлой довольно толстой жильчатой бумагѣ, безъ всякихъ водяныхъ клеймъ, форматомъ 18×23 сантиметра. Всего листовъ, считая и заглавный листъ — 12. Пагинація, какъ мы сказали выше, не обозначена, но листы, какъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ, помѣчены для счета буквами: а 2, а 3, — б, б 2, б 3, — в, в 2, в 3. — Заглавный считанъ: должно бы быть обозначено на немъ буквой *а*.

Рис. 1.

На оборотѣ заглавнаго листа, кромѣ синею краскою штемпеля библіотеки Дурова — ниже приложенъ отпечатокъ, сдѣланный копотью на свѣчкѣ съ печатки съ буквами Р и П, т.-е. „Рускія пѣсни“, — знакъ издателя, фирмы. См. рисунокъ 1 среди текста.

Далѣе идетъ *Предувѣдомленіе* на полуторыхъ страницахъ, набрано оно крупнымъ курсивомъ. См. снимки на таблицахъ III и IV. На слѣдующихъ 20 не нумерованныхъ страницахъ помѣщено на каждой страницѣ по одной пьесѣ, при чемъ въ верхней части страницы дано по четыре строки пятилинейныхъ музыкальныхъ нотъ, исполненныхъ частичнымъ типографскимъ наборомъ; подъ первою и третьею строками — подписаны слова пѣсни. Указанія для музыканта приписаны курсивомъ по-итальянски. Подъ нотами въ столбцахъ, одномъ, или двухъ и болѣе — крупнымъ довольно шрифтомъ припечатаны тексты („рѣчи“) для пѣнія, но такъ, что начальные два стиха помѣщены подъ нотами, а продолженіе особо ниже.

На таблицахъ V-ой, мы даемъ снимокъ съ 14-й страницы съ текстомъ пьесы: „По горамъ, по горамъ и я по горамъ ходила“...; на т. VI-ой — „Во селѣ, селѣ Покровскомъ среди улицы большой...“

Вторая часть приплетена въ экземплярѣ г. *Рогожина* въ одной связи съ первою частію. Заглавіе такое же, тѣмъ же шрифтомъ, только виньетка другая (см. таблицу VIII): *Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть вторая.* — Въ Санктпетербургѣ 1778 года. На оборотѣ заглавнаго листа тѣ же штемпеля библіотеки Дурова и знакъ издателя, что и въ I части. Пагинація то же вверху страницъ отсутствуетъ и только внизу по листамъ счетъ послѣднихъ: а 2, а 3,—, б, б 2, б 3,—, в, в 2, в 3,—. Заглавный листъ считанъ. Кромѣ заглавнаго листа — 10 листовъ нотъ и текста пьесъ. Далѣе есть еще страница съ *Реэстрами пѣснямъ* частей *первой* и *второй* (см. снимокъ на таблицѣ X). Оборотъ этого листа пустая страница.

На таблицѣ IX, мы предлагаемъ снимокъ съ страницы 15-й съ нотами и текстомъ пѣсни: „Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась...“

2) Переплетенный томъ въ полной оболочкѣ изъ кожи, съ краснымъ обрѣзомъ, съ наклееннымъ четыреугольнымъ ярлыкомъ изъ темномалиновой кожи; золотомъ оттиснуто: „Собраніе пѣсенъ съ нотами Часть I II III“. Въ одномъ старинномъ современномъ переплетѣ соединены три части пѣсенника В. Ѳ. Трутовскаго. Экземпляръ этотъ хранится въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ имени Императора Александра III Музеѣ въ Москвѣ, въ библіотекѣ подъ № 7923 въ собраніи купца П. В. Щапова.

Часть I-я второго изданія озаглавлена: „*Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами.* — *Часть первая.* — Печатано вторымъ тисненіемъ — въ Санктпетербургѣ 1782 года“. Въ правомъ углу заглавнаго листа кто-то отмѣтилъ „10 руб.“ — стоимость книги при покупкѣ. Виньетка и обѣ полоски на заглавномъ листѣ тѣ же, и на оборотѣ его штемпель издателя, все какъ и въ 1-й части I-го изданія; то же и о шрифтѣ слѣдуетъ сказать. Послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ листъ съ „Предувѣдомленіемъ“, занимающимъ полторы страницы. Заглавный листъ и двѣ страницы „Предувѣдомленія“ въ счетъ не вошли. За ними идутъ 20 нумерованныхъ страницъ; счетъ листовъ внизу по серединѣ отмѣченъ буквами и цифрами. Форматъ книги 19 × 24 сантиметра. (См. табл. II).

Это второе изданіе напечатано тѣми же вообще шрифтами и, видимо, въ той же типографіи, что и 1-ое. Замѣтимъ разницу въ шрифтѣ текста пьесъ, которыя должны быть умѣщены въ двухъ столбцахъ (какъ стран. и №№ 11: „Земляничка ягодка...“;

13: „Какъ пошла наша Параня...“ Въ 1-омъ изданіи — припѣвы не повторены при каждой строкѣ пѣсни, а во 2-омъ они отмѣчены за недостаткомъ мѣста лишь начальными буквами каждаго слова. Въ этомъ экземплярѣ (Музейскомъ) оказались вырѣзанными двѣ пѣсни: подъ № 15: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ...“ и № 16: „Ахъ во саду, саду люблю садовую, люблю, люблю садовую грушу зеленую...“ Есть основаніе думать, что пѣсни эти удалены умышленно и притомъ въ давнее уже время. См. снимокъ на таблицѣ VII, страницы 18-й (2 изданія 1782 года).

Послѣ этого идетъ въ Музейскомъ экземплярѣ II-ая часть, а за нею приплетена *третья* часть. Заглавный листъ: „*Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть третья.* — Въ Санктпетербургѣ, 1779 года“. Шрифты тѣ же, что и 1-й части и 2-й, но полоски другія — попроще. На оборотѣ штемпель издателя копотью сдѣланный, какъ и ранѣе было. Пагинація съ 3—23 отмѣчена цифрами. Заглавный листъ входитъ въ счетъ, 3—22 страницы заняты нотами и текстами пѣсенъ, а на 23 страницѣ: „Реэстръ пѣснямъ, третей части“ (см. снимокъ на таблицѣ XVI-ой); оборотъ этой послѣдней — пустой.

Шрифтъ текстовъ помельче, но такой же, какъ во 2-мъ изданіи I части, и во II части. Подъ текстами внизу небольшія красивыя полоски и т. п., но не вездѣ, а гдѣ оставалось лишь мѣсто.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на страницу 18 (см. снимокъ съ нея на таблицѣ XV); на ней двойное число строкъ съ нотами и тексты набраны почти петитомъ.

См. заглавный листъ на таблицѣ XI, тексты изъ III части на таблицахъ XII (пѣсня № 11: Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернимъ ла за черънѣлось...“), таблицѣ XIII (№ 13: „Что пониже было города Саратова“); таблицы XIV (№ 17: малорусская пѣсня: „Ой гай, гай, гай, гай зелененкій...“), т. XV (№ 18: Ой коли я Прудыуса любила...“)

3) Экземпляръ безъ переплета въ современной крашенной жолтой обложкѣ съ ярлыкомъ хранится въ I (Русскомъ) Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ подъ шифромъ: IV в./520 (прежній 28/X.12, а еще ранѣе были № 653 (печатный) и 74° самый ранній).

Въ Академическомъ экземплярѣ всего одна первая часть, 3-го изданія, но кромѣ этого экземпляра настоящаго изданія еще нигдѣ намъ не извѣстно. Заглавіе: „*Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть первая.* Печатано *третьимъ* тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ 1796 года“. Это изданіе печатано на тонкой зеленоватой жильчатой безъ знаковъ бумагѣ; форматъ листа 19,7×24,4 см. Шрифты на заглавномъ листѣ приблизительно тѣ же, что видѣли мы и ранѣе, но полоски — простыя черты. На оборотѣ заглавнаго листа никакихъ штемпелей не видно. Предувѣдомленіе набрано курсивомъ, но помельче и все умѣстилось на одной страницѣ. Оно подписано курсивными же буквами *В. Т.* На оборотѣ его „Реэстръ пѣснямъ части первой“, но не въ графахъ и рамкахъ, какъ это было въ 1 и 2 изданіяхъ I части и во II и III частяхъ, а такъ же, какъ и нынѣ это дѣлается, т.-е. въ видѣ перечня: № пѣсни по порядку стоитъ передъ названіемъ пѣсни, а послѣ него черточки и указаніе страницы. Затѣмъ слѣдуютъ нумерованныя страницы 5—24 съ нотами и текстами пѣсенъ.

4) Намъ извѣстенъ еще одинъ экземпляръ въ библіотекѣ И. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ изъ собранія профессора *О. М. Бодянскаго*, къ сожалѣнію, очень и очень неполный и плохо сбереженный, но въ немъ уцѣлели тѣ двѣ пѣсни, изъ I части, которыхъ нѣтъ въ Щаповскомъ экземплярѣ № 7923. Кромѣ этого послѣдняго обстоятельства экземпляръ Бодянскаго цѣненъ еще и потому, что на одномъ изъ листовъ у переплета сохранилась рукописная замѣтка извѣстнаго библіофила и библіографа *С. А. Соболевскаго*. Онъ сообщаетъ въ ней всѣ извѣстныя ему тогда свѣдѣнія объ изданіяхъ и выпускахъ пѣсенника В. Ѳ. Трутовскаго. Вотъ его замѣчанія:

‹‹Первой части 3 изданія:

Первое. Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть первая въ Санктпетербургѣ 1776 года:

1) заглавіе, 2) предувѣдомленіе на двухъ страницахъ безъ подписи, 3) „...“ пѣсенъ на ненумеров. листахъ.

Второе. Имѣется здѣсь [т.-е. у О. М. Бодянскаго].

1) Заглавіе 2) предувѣдомленіе на двухъ страницахъ безъ подписи. 3) 20 пѣсенъ на 20 нумерованныхъ листахъ.

Третье. Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть первая печатано *третьимъ* тисненіемъ въ Санктпетербургѣ 1796 года:

1) заглавіе, 2) предувѣдомленіе на одной страницѣ; на оборотѣ: *реэстръ пѣснямъ части первой* Предув. подписано *В. Т.*

NB: 2-й, 3-й и 4-ой частей вторичныхъ изданій, кажется, нѣтъ.

Въ самомъ концѣ 4-й части, внизу, на 24-й страницѣ, напечатано: „*В. Трутовскій*“. Должно предполагать его издателемъ этого пѣсенника. [Красными чернилами]. Онъ издатель *всего* пѣсенника, вотъ почему, теперь (26 марта 1860) имѣю передъ глазами 3-го изданія (С.П.Б. 1796) *часть первую*, въ ней предисловіе (тоже, что въ 1-омъ и во второмъ) подписано *В. Т.*

Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть четвертая, въ Санктпетербургѣ 1795 года. На оборотѣ: *Реэстръ пѣснямъ* четвертой части (оныхъ 20). На страницахъ 3-й 21-й сверьху ноты, а внизу слова пѣсенъ; на страницахъ же 22-ой, 23-ой и 24-й только ноты, съ подписанными между ими словами пѣсни: *на берешку у ставка.* На самомъ концѣ справа *В. Трутовскій*››. — Далѣе рукою О. М. Бодянскаго: „Отмѣтки етѣ сдѣланы С. А. Соболевскимъ (см. письмо его ко мнѣ отъ 24 марта 1860 года)“.— „Точно такъ. 27 марта 1860. Соболевскій“.

‹‹Василій Ѳеодоровичъ Трутовскій былъ священникъ[1]) и вмѣстѣ гусляръ (игрокъ на гусляхъ и пѣвецъ) при дворѣ Екатерины II-ой Жилъ и умеръ въ Питерѣ и получилъ въ жалованіе деревни Поповку, въ Ахтырскомъ уѣздѣ. Братъ его Ѳеодоръ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ свой домъ (сообщено Максимовичемъ)››.

Въ бумагахъ изъ архива гг. Трутовскихъ намъ удалось найти перегнутый пополамъ листокъ сѣроватой бумаги (1796 г.?) въ поллиста, съ водянымъ знакомъ — „*Х. А.*“ На первыхъ двухъ страницахъ его на-черно написанъ съ поправками текстъ объ-

[1]) Эти неточныя послѣднія свѣдѣнія о Василіи Ѳедоровичѣ и о братѣ его Ѳедорѣ, жившемъ въ Кіевѣ — только до сихъ поръ вообще и были извѣстны Безсонову, и имъ были сообщены въ печати.

явленія повидимому для помѣщенія въ газетахъ съ приглашеніемъ любителей подписываться на полученіе 4-ой части Пѣсенника. Мы приведемъ ниже текстъ упомянутаго приглашенія къ подпискѣ [1]) цѣликомъ. Объявленіе это весьма любопытно, какъ по времени, въ какое оно появилось (конецъ XVIII в.), такъ особенно по тому, 1) что оно намъ документально свидѣтельствуетъ о всѣхъ перепечаткахъ первой части Пѣсенника Трутовскаго и о томъ, что 4-ая часть его была издана много времени спустя, 2) оно, главнымъ образомъ, подтверждаетъ еще разъ справедливость разысканій библіографа С. А. Соболевскаго и слависта О. М. Бодянскаго, и 3) указываетъ на то, что труды В. Ѳ. Трутовскаго,— изданныя ранѣе три части его Пѣсенника — пользовались большимъ сочувствіемъ у современныхъ ему любителей пѣнія.

Вотъ какъ написанъ текстъ упомянутаго „приглашенія“ къ подпискѣ на 4-ый выпускъ пѣсенника (соблюдаемъ орѳографію подлинника):

‹‹Придворный квартермейстеръ [2]) Василій Трутовскій, который досѣлѣ издалъ въ свѣтъ три части рускихъ пѣсенъ напечатанныхъ съ нотами для гуслей или фортепьяно, или и другихъ инструментовъ [3]), приглашенъ нынѣ многими охотниками къ изданїю еще четвертой части рускихъ же пѣсенъ, каковыя публикою благопріятно были приняты. такъ что первая часть уже два раза [4]) вся выкуплена. По сему онъ, при изданїи новой четвертой части, намѣренъ возобновить и первую новымъ третьимъ [5]) тисненїемъ съ нѣкоторыми прибавленїями.

По колику же печатаніе требуетъ нѣкоторыхъ издержекъ, которыхъ онъ изъ своей суммы сдѣлать не въ силахъ, то предлагаетъ онъ Господамъ охотникамъ подписку со взносомъ напередъ денегъ по числу ексемпляровъ, первой или четвертой вновь собранной, или и всѣхъ четырехъ частей вмѣстѣ, за каждый ексемпляръ въ одной части по пятидесяти копѣекъ. По собранїи суммы онъ непреминетъ исполнить тщательно свои обязанности со всѣми подписавшимися. Послѣ же напечатанія продажа будетъ дороже››.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ обозрѣнію содержанія уцѣлѣвшихъ трехъ частей пѣсенника В. Ѳ. Трутовскаго, приведемъ въ алфавитномъ порядкѣ по первому слову пѣсни перечень всѣхъ пьесъ.

Отмѣтки справа въ концѣ текста обозначаютъ часть — римскими цифрами, и № пѣсенъ по порядку — арабскими. Ниже прибавлено сличеніе съ первымъ изданіемъ пѣсенника *М. Д. Чулкова* „Собраніе разныхъ пѣсенъ“ (С.-Пб. 1770 г.) и *Новиковской* его перепечатки подъ заглавіемъ: — „Новое и Полное Собраніе Россійскихъ Пѣсенъ; Содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Простонародныя,

---

[1]) Намъ не удалось провѣрить: было ли это объявленіе припечатано въ какихъ либо „Вѣдомостяхъ“ или при книгѣ; но во всякомъ случаѣ оно было, надо думать, распространяемо далеко въ спискахъ, какъ тому имѣется не мало примѣровъ даже изъ 1-ой половины XIX в.

[2]) Ранѣе было написано: *камеръ-гуслистъ*.

[3]) Слова: *или и другихъ инструментовъ* — приписаны надъ строкою.

[4]) Слова: *два раза* — приписаны надъ строкою.

[5]) Слово: *третьимъ* — приписано надъ строкою.

Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій. Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года".

1. Ахъ во саду, саду люблю садовое
Люблю садовое, грушу зеленую... I, 16.
Ч. Н. II часть № 169.

2. Ахъ деревня отъ деревни
Не по далеку стоитъ,
Промежу тоя деревни
Быстра рѣченка течетъ... I, 4.
Ч. Н. III, 119.

3. Ахъ для нынѣшнево году объявили дѣвки моду,
Онѣ молоды лукавы, враговаты очень стали... II, 6.

4. Ахъ жилъ я молодецъ во своей деревнѣ,
Во своей деревнѣ не видалъ веселья... III, 15, (№ 13).
Ч. Н. III, 106.

5. Ахъ на чтожъ было, да къ чемужъ было по горамъ ходить. III, 9 (№ 7).
Ч. Н. III, 99.

6. Ахъ по горамъ по горамъ по высокимъ горамъ,
Распущалися цвѣты алы лазоревые.
Сорву аленькой цвѣтокъ, совью милому вѣнокъ... II, 16.

7. Ахъ по морю ахъ по морю синему
Плыла лебедь I, 19.
Ч. Н. IV, 187.

8. Ахъ по мосту мосту по калинову мосту,
Ахъ шолъ тута дѣтинка удалой молодецъ... II, 18.
Ч. Н. II, 187; III, 140.

9. Ахъ ты Дунюшка крѣпка думушка
Проложила Дуня худу славушку,
Худу славушку про Иванушку,
Будто я, Иванъ, по ночамъ гулялъ... II, 4.

10. Ахъ-ты душечка красная дѣвица
Ты о чемъ вечоръ плакала
Во зеленомъ ты саду гуляючи... I, 7.

11. Ахъ ты поле поле чистое
Ты раздолье мое широкое... I, 12.
Ч. Н. I, 146.

12. Ахъ ты садъ ли да мой садочикъ
Садъ да зеленое виноградье... III, 14 (№ 12).
Ч. Н. I, 145; III, 85.

13. Ахъ что жъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь,
Не веселъ сидишъ и не радостенъ... I, 5.
Ч. Н. IV, 127.

14. Бѣлая румяная моя,
Что радость печальна завсегда... III, 4 (№ 2).

15. Бѣлолица круглолица красная дѣвица.
При долинушкѣ стояла, калину ламала... II, 13.
Ч. Н. III, 105.

16. Вдовушка по сѣнечкамъ похаживала... III, 22 (№ 20).

17. Во лѣсочкѣ комарочковъ много уродилось
Я весьма красна дѣвица тому удивилась... I, 2.
Ч. Н. IV, 115.

18. Во прекрасной во долинѣ промежду калины,
Стоялъ только одинъ кустикъ ягоды малины... III, 7 (№ 5).

19. Во селѣ, селѣ Покровскомъ
Среди улицы большой
Разъигралась, расплясалась красна дѣвица-душа... I, 15.
Ч. Н. I, 195.

20. Въ низъ по матушки по Волгѣ
По широкому раздолью
Разыгралася погода... II, 5.
Ч. Н. II, 190.

21. Вы раздайтесь, раступитесь добрые люди,
Что на всѣ ли на четыре на сторонки... I, 8.
Ч. Н. I, 174.

22. Дарагая ты моя матушка, моя прежняя полюбовница,
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ, ты не жди меня до бѣла-свѣта... II, 1.
Ч. Н. I, 157.

23. Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ.
Сопротивъ тово было устьицо Самары рѣки I, 18.
Ч. Н. I, 127 (сходно лишь начало). См. *Кирѣевск.* Пѣсни, VII, стран. 131 и слѣд.

24. За святыми воротами черничка гуляла... III, 8 (№ 6).

25. Земляничка ягодка на полянкѣ выросла.
Эхъ охъ охъ охъ охъ охъ охъ на полянкѣ выросла... I, 11.
Ч. Н. IV, 177.

26. Ивушка, ивушка зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь.... II, 7.
Ч. Н. I, 169.

27. Изъ-подъ камышка изъ-подъ бѣлова,
Ахъ люли люли изъ подъ бѣлова
Протекалъ ручей бѣлъ серебреной... I, 20.
Ч. Н. IV, 61.

28. Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися... I, 10.
Ч. Н. I, 155.

29. Какъ пошла наша Параня
По студеную воду, ахъ люли ахъ люли ахъ люшеньки полюли... I, 13.
Ч. Н. IV, 93 (ср. III, 197—другой варіантъ).

30. Какъ у нашево широкова двора,
Собирались красны дѣвушки вкружокъ,
Онѣ думали какой игрой играть,
Сѣмка въ жмурки, сѣмъ въ веревочку начнемъ.
Одна дѣвка прослезилася въ кругу... II, 9.
Ч. Н. I, 167.

31. Корчма ты, корчма королевская,
Во той во корчмѣ шинкарочка сидитъ,
Собою шинкарочка пригожинькая... II, 12. (Можетъ быть, перенятая у малоруссовъ, а къ нимъ перешедшая отъ поляковъ См. выноску къ страницѣ 488.)

32. Маланья воду несучи,
Кричала малому вночи:
„Перестан(ь) ты тамо шарит(ь),
Ну перестан(ь) ты чортов(ъ) внук(ъ)“.
Хочу ево, хочу ударит(ь):
Нельзя отнять от(ъ) ведер(ъ) рукъ... II, 14.

33. Не бушуйте вы вѣтры буйные, буйные вѣтры осѣнные,
Успокойся ты, море синее, не волнуй море Средиземное..... II, 11.
Ч. Н. I, 161 (ср. I, 142).

34. Недоноска меня матушка родила.
Да родила, да родила, да родила.
Недоростка государыня женила,
Да женила, да женила, да женила... II, 20.
Ч. Н. III, 114.

35. Не пой, не пой, мой младенькой соловейко,
Во моемъ ли во зеленомъ во садочкѣ... I, 3.
Ч. Н. II, 153.

36. Не спала я цѣлу ночиньку млада,
Я со вечера до утренней зари... III, 12 (№ 10).
Ч. Н. (I, 188).

37. Осердился мой милой другъ на меня,
Онъ сѣдлаетъ своево добра коня... I, 9.

38. По горамъ, по горамъ и я по горамъ ходила,
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты
И я всѣ цвѣты видѣла... I, 14.

39. Пойдуль я, пойдуль я
Ой люли, ой люли.
Не вдальну сторонушку... III, 6 (№ 4).

40. Помнилъ ли меня, мой свѣтъ, въ далней сторонѣ,
Или ты не думаешь вовсѣ обо мнѣ.
Я по тебѣ слезы здѣсь всякой часъ лила... II, 3.
Ч. Н. II, 98.

41. По сѣничкамъ ходила, я гуляла,
Иванушку будила, я кликала... II, 10.

42. Ты воспой, воспой жавороночекъ. III, 19 (№ 17).
Ч. Н. I, 136.

43. Ты какушечка лѣсная... III, 21 (№ 19).

44. У дороднова доброва молодца
Въ три ряда кудри завивалися... I, 1.
Ч. Н. III, 150 (ср. I, 147).

45. У душечки у красной да у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило... III, 3 (№ 1).
Ч. Н. IV, 60, 107.

46. Ужъ какъ по мосту, мосточку,
По калинову мосточку
Шли души красны дѣвицы,
Двѣ названыя сестрицы... I, 17.
Ч. Н. II, 181.

47. Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ на Ивановичъ гуляти... II, 15.
Ч. Н. I, 122 (ср.).

48. У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла... III, 10 (№ 8).

49. Ходила младешенка по борочку,
Брала брала ягодку земляничку,
Наколола ноженьку на трѣсочку... II, 2.
Ч. Н. I, 172.

50. Хоть черна ряса кроетъ мой сильной жаръ въ крови... III, 5 (№ 3).
Ч. Н. IV, 119.

51. Что во свѣтлой было свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ,
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
Она плачетъ какъ рѣка льются... II, 17.
Ч. Н. I, 156.

52. Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось... III, 11 (№ 9).

53. Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына... III, 13 (№ 11).
Ч. Н. I, 126, III, 54.

54. Я жила была у матушки драченое дитя... III, 20 (№ 18).
Ч. Н. IV, 106.

55. Я пойду, пойду въ зеленой садъ гулять,
Поищу я молодова соловья... I, 6.
Ч. Н. II, 161.

56. Я по свѣтлицѣ хожу млада, хожу,
Сквозь окошечко на милова гляжу... II, 8.

57. Я сидѣла либо день, либо два
Подъ окошечкомъ сироточка одна.
Посмотрика ты мой милой на меня... II, 19.

Малороссійскія пѣсни:

58. Ой гай гай гай гай зелененькій,
Тимъ я тебе полюбила, що ты молоденькій. III, 17 (№ 15).

59. Ой коли я Прудыуса любила, любила... III, 18 (№ 16).

60. Ой кряче, кряче да чорненькїй воронъ... III, 16 (№ 14).

Можетъ насъ удивлять, что въ Пѣсенникѣ В. Ѳ. Трутовскаго въ извѣстныхъ намъ трехъ первыхъ его частяхъ [1]), или точнѣе въ послѣдней только, т.-е. въ 3-й

[1]) Часть IV-ая „Пѣсенника“ Трутовскаго находится въ собраніи, бывшемъ М. А. Максимовича и перешедшемъ во владѣніе редактора „Кіевской Старины“. Мы обращались къ Вл. П. Науменку о предоставленіи намъ возможности воспользоваться для изданія этою библіографическою рѣдкостію, но — (все-таки сверхъ ожиданія) — по „скверному россійскому обычаю“ г. Науменко — не соблаговолилъ почтить насъ, хотя бы и отрицательнымъ своимъ отвѣтомъ! — Другой экземпляръ той же части былъ у П. А. Безсонова и нынѣ вмѣстѣ съ имуществомъ послѣдняго опечатанъ судебною властію и тоже недоступенъ.

части — напечатано всего **три** „малороссійскія“ пѣсни (на стран. 16—18 №№ 14—16), но почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ оставшейся намъ неизвѣстной 4-й части Пѣсенника малорусскихъ пѣсенъ было гораздо болѣе помѣщено или даже весь онъ былъ заполненъ исключительно малорусскимъ репертуаромъ. Тамъ же была въ концѣ припечатана и полная нотная арранжировка пѣсни „На бережку у ставка“. (См. выше отмѣтку библіографа С. А. Соболевскаго о 4-й части.)

П. А. Безсоновъ въ замѣчаніяхъ при Х-омъ выпускѣ „Пѣсенъ Кирѣевскаго“ (стран. 281) упоминаетъ, что Трутовскій „оставилъ намъ на нотахъ **нѣсколько** любимѣйшихъ пѣсенъ“ князя Потемкина. Въ примѣчаніи въ стран. 281-й Безсоновъ перечисляетъ любимыя кн. Потемкина **Украинскія** пѣсни и мелодіи, числомъ до 21: и въ ихъ число включены и тѣ 3 пьесы, которыя напечатаны у Трутовскаго въ концѣ 3-й части Пѣсенника. Посему я такъ объясняю слова Безсонова, владѣвшаго и 4-й частью упомянутаго изданія, — что перечисляемыя имъ пьесы — нашелъ онъ въ этой неизвѣстной намъ части. Это: 1) „Чи жъ я кому виноватъ“; 2) „Чайка“ (см. П. Кир. IX, 378); 3) „Болыть моя головонька“; 4) „Та ходывъ ченчикъ“; 5) „Добре тіи Ляхи чинять“; 6) „Ой зрада, чорни брови“, (см. П. Кир. Х, 233); 7) „Ой Сербихо“; 8) „Северинъ“; 9) „Ой сербине чорноусы“; 10) „На тымъ боци, на толоци“; 11) „Ой ихавъ козакъ доломъ-водою“ (казака Климентія или Климова?); 12) „Наихали до пана Жида Запорозьци въ гости“; 13) „За все гораздъ“; 14) „Ой наступывъ чорны вилъ на ноги“; „15) А въ поле иду“; 16) „Взойду я на гору билымы ноженькамы“ и 17) „На бережку у ставка“. Объ этой пѣсни Безсоновъ говоритъ: „Эта послѣдняя пѣсня **цѣликомъ** положена на ноты Трутовскимъ и во всѣхъ пѣсенникахъ нашихъ обозначалась какъ самая любимѣйшая пѣсня Потемкина (ее до нашихъ дней лучшіе пѣвческіе хоры сберегали на нотахъ и исполняли)“.

Повидимому **полныя ноты** къ этой пѣсни, т.-е. для всѣхъ словъ ея — вышли и отдѣльно, какъ самостоятельное изданіе; ср. выше, гдѣ мы привели публикаціи о 4-й части изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ [1]).

Безсоновъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ издававшихся подъ его редакцію выпусковъ „Пѣсенъ Кирѣевскаго“ называетъ Пѣсенникъ Трутовскаго „**придворнымъ**“ или „дворцовымъ“ (см. наши выписки оттуда выше); такимъ характеромъ его и происхожденіемъ онъ объясняетъ его относительную „нераспространенность“ (П. Кир. Х, 367). Это изданіе было сдѣлано какъ бы исключительно для Императрицы Екатерины II, ея фаворита Потемкина и близкихъ къ ихъ кругу любителей русской пѣсни изъ высшаго общества.

Потемкинъ, по изслѣдованію Безсонова, является вызывателемъ къ бытію Трутовскаго и его Пѣсенника. Въ замѣткѣ при Х выпускѣ „Пѣсенъ Кирѣевскаго“ онъ утверждаетъ, основываясь на неизвѣстномъ намъ источникѣ (см. стран. 338): „Съ Потемкинымъ являлись въ домъ (Нарышкиныхъ), безъ того полный, передовые люди (музыкальнаго) дѣла, обращавшіеся въ домашнихъ людей и друзей: **вывезенный княземъ** придворный гуслистъ Трутовскій, первѣйшій собиратель Велико-

[1]) Въ каталогахъ отмѣчается иногда: „Малороссійская пѣсня: на бережку у ставка, съ полнымъ хоромъ со всею вокальною и инструментальною музыкою. М. 1794 г. in 2°“.

русскихъ пѣсенъ, перелагатель ихъ на ноты, самъ Малороссъ и съ Малорусскими пѣснями...“

Надо сказать, что домъ Нарышкиныхъ, и, главнымъ образомъ, извѣстнаго обершталмейстера двора Екатерины II Льва Александровича (1733—1799 гг.) былъ въ противовѣсъ „Эрмитажу“ Екатерины — пріютомъ для Г. А. Потемкина и его штата всякихъ увеселителей — музыкантовъ и пѣвцовъ. „...Нигдѣ почти не показываясь, „великолѣпный“ — напротивъ часто бывалъ у Нарышкиныхъ“. Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Потемкинъ только здѣсь чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ. Притомъ еще особенное обстоятельство влекло его сюда: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина — Марью Львовну (примѣч. Я. К. Грота. Соч. Державина, I, 683; у Безсонова, П. Кир., X, 234). Изъ всѣхъ дочерей Льва Александровича она выдавалась красотою и очаровательной любезностью; всего же больше привлекала она своею музыкальностью, игрою на арфѣ и пѣніемъ. Державинъ былъ совершенно ею очарованъ и преимущественно ея пѣніемъ: нѣсколько разъ онъ обращался къ ней въ особыхъ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ. См. Сочиненія Держ. I, 300—4—1789 г. „Къ Эвтерпѣ“, тамъ же, I, 682—684—1795 г.: „Анакреонъ у печки“ и друг.

Трутовскій въ 1-й части своего Пѣсенника подъ № 14 помѣстилъ пѣсню Марьи Львовны Нарышкиной: — „По горамъ по горамъ и я по горамъ ходила“ (текстъ ея и ноты въ снимкѣ, см. на таблицѣ V). Перепечатано на первомъ мѣстѣ у Прача — Львова. См. 1-е изданіе ихъ Пѣсенника подъ заглавіемъ: „Собраніе Народныхъ Русскихъ Пѣсенъ съ ихъ Голосами на Музыку положилъ Иванъ Прачъ. Часть 1-я. Печатано въ типографіи Горнаго училища 1790 г.“ — (8°) съ нотами въ 1-мъ изданіи 1790 г. Изслѣдованіе о ней и всѣ редакціи пѣсни у Безсонова см. „Пѣсни Кир.“ X, 351—458 и ранѣе отд. VI стран. 221—350.

У Трутовскаго пѣсня помѣщена въ ея первоначальной редакціи и любопытно сравнить ее съ изданіемъ Прача 1790 г. Въ Пѣсенникѣ Чулкова подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ пѣсенъ“ (Санктпетербургъ, 1770 г. 8°) этой пѣсни нѣтъ, первый сообщаетъ ее Трутовскій.

Остановимъ вниманіе читателя еще на одной пѣсни, сложеніе которой приписывается Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда она была лишь Царевною. Трутовскій напечаталъ въ 1-й части на 15-й страницѣ — пѣсню „Во селѣ-селѣ Покровскомъ...“, и впервые у него пѣсня эта появилась съ нотами. (См. текстъ ея на снимкѣ, табл. VI). — Въ 1770 г. Чулковъ помѣстилъ текстъ пѣсни въ 1-й части № 195, стран. 220. Ср. текстъ (слова) съ нотами же у Прача-Львова въ отдѣлѣ плясовыхъ на стран. 99—100 подъ № 17. — Нигдѣ здѣсь нѣтъ еще надписаній, кѣмъ сложена пѣсня о неровнѣ и только съ 1799 г. издатели Пѣсенниковъ рѣшаются намекать на кое-какія подробности. Такъ моск. купецъ Василій Глазуновъ въ изданномъ имъ „Самомъ новѣйшемъ отборнѣйшемъ Московскомъ и Санктпетербургскомъ Пѣсельникѣ, собранномъ изъ лучшихъ и нынѣ употребительнѣйшихъ пѣсенъ... со изъявленіемъ при каждой приличія, гдѣ и кому пѣть,

голоса и чувствованій...“ (Москва. Въ Губернской тип. у Андрея Рѣшетникова, 1799 г. 8°) на стран. 341—2 въ отдѣлѣ хороводныхъ подъ № 8 тексту пѣсни предпослалъ замѣчаніе: „Пѣсня сія сама по себѣ доказываетъ, на какой она случай здѣлана и гдѣ. Голосъ же ея долженъ быть веселой. Она часто поется на Театрѣ Г. С. [андуновой, Елизаветой] чрезвычайно пріятно, и потому нынѣ въ модѣ“. Только уже въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія М. Маклаковъ, въ изданныхъ имъ Пѣсенникахъ „для прекраснаго пола“, первый отважился печатно открыть всѣмъ извѣстную по преданію истину. Онъ прибавилъ надписаніе: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатство, каковы и всѣ Россіанки. Произведеніе знаменитой Россіанки, воспѣтой Ломоносовымъ“. (См. П. Кир. IX, 209).— Такимъ образомъ слѣдовало, что пѣсня эта сочинена Царевною Елизаветою Петровною и подъ дѣтинкою, пріѣзжавшимъ изъ Санктпитера свататься на Царевнѣ („Царь-дѣвицѣ“) — слѣдовало разумѣть Императора Петра II, докучавшаго красавицѣ Царевнѣ своею любовью. Но такому объясненію мѣшало все-таки то обстоятельство, что въ пѣснѣ упоминается „село Покровское“, а Царевна жила въ Александровской слободѣ. Поэтому и намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Н. С. Стромилова въ его статьѣ, разработанной по архивнымъ матеріаламъ: „Царевна Елизавета Петровна въ Александровой слободѣ и Успенскій дѣвичій монастырь въ то же время (М. 1874, стран. 13 прим. 30). Стромиловъ не раздѣляетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и говоритъ, что сочетаніе словъ въ пѣснѣ: „Покровское“—„Дуняша“—„пріѣзжаетъ изъ Санктпитера“— наводитъ невольно на „Покровскую обитель“, „Царицу Авдотью Лопухину“ и „Глѣбова“.

Изъ историческихъ пѣсенъ или иначе: „старинъ“ — останавливаютъ на себѣ наше вниманіе слѣдующія:

1) „Что да на матушкѣ на Волгѣ не черн*и*мъ да зачернѣлось...“ въ части III Пѣсенника на стран. 11-й, см. у насъ въ снимкѣ на таблицѣ XII. Эта пѣсня относящаяся къ циклу пѣсенъ о Ст. Разинѣ — явилась *только* у Трутовскаго и ея нѣтъ въ другихъ Пѣсенникахъ. См. перепечатку ея у Безсонова въ „Пѣсняхъ Кирѣевскаго“ VII вып. стран. 148 (Буйство въ Астрахани. Убитъ Прозоровскій).

2) „Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ...“ въ части I, 18 стран., см. снимокъ съ нея на таблицѣ VII. Съ Пѣсенникомъ Чулкова I ч. № 127, стран. 158 — сходно лишь начало, далѣе есть существенныя отмѣны. Ср. Пѣсни Кир. VII, стран. 148.— Приводимъ для сличенія полный текстъ Чулкова.

Внизъ то было по матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ,
Супротивъ та было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка каломинка,
Что въ той лодочки сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ, сударь, Константиновичъ,
Во лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

Что по крутому, по красному бережку,
Что по жолтому сыпучему песочку,
Что ходили тутъ гуляли добрые молодцы,
Добры молодцы гуляли, все Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славные козаки, братцы, Яицкіе:
Они думали крѣпку думушку за едино.
Что сказали всѣ словечушко въ единой гласъ,
Становили они пушечку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку.
Никово они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

3) „Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась“ — у Трутовскаго въ части II, стран. 15 (см. у насъ снимокъ на таблицѣ IX). Чулкова (ч. II, № 122, стран. 170—1) текстъ приводимъ ниже. См. въ Пѣсняхъ Кирѣевскаго VII в. стран. 129—130 (убитъ Карамышевъ).

Подымался съ Москвы большой бояринъ
Онъ на тихой Донъ Ивановичь гуляти,
Не доѣхавши тиха Дона становился,
Похвалялся всѣхъ Козаковъ перевѣшать,
Козаки братцы тотчасъ догадались,
Во единой кругъ они собирались,
Середи круга становился царевъ бояринъ.
Онъ сталъ читать государевы указы:
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали.
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ,
Отъ того Козаки взволновались,
На боярина они бросались,
Буйну голову ево срубили,
А бѣло тѣло въ тихой Донъ бросили,
И убивши тѣлу говорили:
Почитай ты баринъ Государя,
Не горьдись ты передъ нимъ, и не слався,
Ко Царю они съ повинной приходили:
Ты гой если батюшко православный Царь,
Ты суди насъ праведной расправой.
Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
Ты воленъ надъ нашими буйными головами.

4) „Что пониже было города Саратова, А повыше было города Царицына“ — у Трутовскаго въ части III, стран. 13, № 11 (снимокъ на таблицѣ XIII). Совершенно, кромѣ мелочей, текстъ совпадаетъ съ пѣснею Чулкова ч. I, № 126, стран. 157. У Кирѣевскаго въ вып. VIII, стран. 296—7 (Князь Меншиковъ).

Къ этимъ пѣснямъ мы присоединяемъ еще солдатскую пѣсню „Не бушуйте вы вѣтры буйные...“ у Трутовскаго въ части II, стран. 11. Совпадаетъ съ текстомъ пѣсни у Чулкова ч. I, № 161, стран. 189—190.

Упомянемъ особо одну пѣсню: „За святыми воротами черничка гуляла... Черничка гуляла, младая плясала..., А сказали черничкѣ, что попъ Матвѣй ѣдетъ...“, — не встрѣчалась въ другихъ сборникахъ. У Трутовскаго въ ч. III, стран. 8, № 6.

Остальныя пѣсни и романсы менѣе обращаютъ на себя вниманіе; перечень ихъ сдѣланъ выше въ алфавитномъ порядкѣ.

Перечислимъ такія, которыхъ Трутовскій не могъ заимствовать у Чулкова: 1) Ахъ для нынѣшнево году объявили дѣвки моду... ч. II, 6 стран.; 2) Ахъ по ґорамъ по горамъ по высокимъ горамъ... II, 16; 3) Ахъ ты Дунюшка крѣпка думушка... II, 4; 4) Ахъ ты душечка красная дѣвица... I, 7; 5) Бѣлая румяная моя... III, стран. 4 (№ 2); 6) Вдовушка по сѣнечкамъ похаживала... III, 22 (№ 20); 7) Во прекрасной во долинѣ промежду калины... III, 7 (№ 5); 8) За святыми воротами... III, 8 (№ 6); 9) Корчма ты корчма королевская... II, 12[1]); 10) Маланья воду несучи... II, 14; 11) Не спала я цѣлу ночиньку млада... III, 12 (№ 10); 12) Осердился мой милой другъ на меня... I, 9; 13) По горамъ по горамъ и я по горамъ ходила... I, 14; 14) Пойдуль я пойдуль я... III, 6 (№ 4); 15) По сѣничкамъ ходила я гуляла... II, 10; 16) Ты какушечка лѣсная... III, 21 (№ 19); 17) У рѣчки птичье стадо... III, 10 (№ 8); 18) Что да на матушкѣ на Волгѣ... III, 11 (№ 9); 19) Я по свѣтлицѣ хожу млада хожу... II, 8; 20) Я сидѣла либо день либо два... II, 19; и 20)—23) — малорусскія.

Около 23 пьесъ являются въ Пѣсенникѣ Трутовскаго изъ не выясненнаго для насъ источника: у его предшественника М. Д. Чулкова — ихъ нѣтъ. Да и вообще, сличая тексты по изданію Трутовскаго I части 1-го изд. 1776 г. и I — II частей 1770 г. Чулкова — мы видимъ у Трутовскаго свободное отношеніе къ словамъ текстовъ, которые онъ могъ извлечь для себя прямо изъ изданія Чулкова: онъ ихъ измѣняетъ сообразно требованіямъ размѣра и пр., ороографія его изданія тоже не совпадаетъ съ изданіемъ Чулкова: вѣроятнѣе всего, что Трутовскій вообще заимствовалъ свои тексты изъ рукописныхъ пѣсенниковъ и разныхъ записей современныхъ ему любителей пѣнія, а равно какъ многія пьесы онъ записалъ и самъ непосредственно съ голоса, въ этомъ насъ убѣждаетъ отсутствіе ихъ въ другихъ современныхъ ему изданіяхъ. Ихъ какъ мы видѣли выше — набралось почтенное число (до 23 №№)!

Обратимъ вниманіе, что въ своемъ „Предувѣдомленіи“ къ 1-му изданію I части Пѣсенника Трутовскій указалъ на главную цѣль своего труда, шедшаго на встрѣчу

---

[1]) Проф. Вл. Н. Перетцъ въ своемъ трудѣ: „Изъ исторіи русской пѣсни“ I. С.-Пб. 1900 г. (въ „Историко-литерат. Изслѣдованіяхъ и Матеріалахъ“, т. I, ч. 1), стран. 294 относитъ эту пѣсню къ малорусскимъ, но снабдилъ свою отмѣтку знакомъ вопроса.

давнимъ желаніямъ любителей „Русскихъ простыхъ пѣсенъ“, чтобъ „оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правилахъ“. (См. снимокъ на таблицѣ III). Далѣе онъ указываетъ, что онъ первый „вознамѣрился въ удовольствіе многихъ любителей — издать въ печать сіи собранныя имъ Русскія пѣсни, съ тѣмъ чтобы ихъ пѣть въ одинъ голосъ такъ, какъ онѣ обыкновенно поются“.

Изъ „Предувѣдомленія“ же мы узнаемъ о пріемахъ изданія: „Я долженъ еще предувѣдомить охотниковъ, что сіе [музыкальная арранжировка] мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почти пѣсни находилъ въ рѣчахъ великую неисправность, и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Чтожъ касается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ, нашелъ, что вездѣ поютъ разными манѣрами; и такъ старался только сохранить ихъ точность, и утвердиться на самыхъ простыхъ голосахъ“.

Относительно словъ — текста (= „рѣчей“) можно согласиться съ отзывомъ Безсонова, что Трутовскій все-таки съ ними обошелся бережно и — не очень много измѣнялъ въ нихъ по требованію ритма и размѣра. Уже Безсоновъ думалъ, что Трутовскій многое самъ записывалъ „съ голосу“ пѣвцовъ и съ этимъ также можно согласиться: вѣдь пѣсня въ его время еще во всѣхъ сословіяхъ жила полною жизнію и напѣвы были знакомы съ-издѣтства многимъ, а въ записяхъ словъ — не было недостатка, рукописные и пѣвческіе обиходы и пѣсенники обращались еще свободно. Нашъ издатель-музыкантъ прислушивался „отъ многихъ пѣвцовъ“ и провѣрялъ напѣвы не разъ, и прилагалъ стараніе получить напѣвъ пѣсни отъ „*простыхъ*“ людей въ болѣе свѣжемъ нетронутомъ видѣ, чтобы занести его на ноты въ наиболѣе точномъ видѣ.

Такимъ образомъ трудъ піонера музыкальной записи русскихъ народныхъ пѣсенъ разнаго рода и искуственныхъ сочиненныхъ — былъ страшный: — приходилось критически относиться къ ходившимъ по рукамъ спискамъ словъ и музыкальныхъ записей напѣвовъ и многое собирать самому непосредственно „съ голосу“ пѣвцовъ.

Малорусскія пѣсни появились вообще въ печатномъ изданіи Трутовскаго (1776 г.) впервые: это самые ранніе появившіеся въ печати памятники малорусскаго слова[1]) и литературы.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, историческое значеніе изданія Трутовскимъ образцовъ наборныхъ печатныхъ музыкальныхъ нотъ — исполненныхъ, вѣроятно, въ типографіи Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ (ср. заключительную виньеточку подъ предувѣдомленіемъ — см. снимокъ на таблицѣ IV; такую же виньетку наприм. можно найти въ изданіи 2-омъ „Трудолюбивой Пчелы“ Сумарокова и т. п.) — имѣетъ особо важное значеніе: вѣдь, если мы вспомнимъ, — нотный наборъ въ Россіи появился очень недавно. Во второй половинѣ XVII вѣка на Московскомъ Книжномъ Печатномъ Дворѣ были вырѣзаны и даже отлиты линейки и нотныя знаки для печатанія церковнаго обихода нотнаго пѣнія. И только въ 1772 г. Московская Синодальная Типографія выпустила въ свѣтъ первое свое изданіе.

[1]) Исторія украйнофильства Г. А. Потемкина и его любовное отношеніе къ малорусской и польской пѣсни и музыкѣ еще ждетъ своего серьезнаго изслѣдователя.

Первая часть Пѣсенника Трутовскаго появляется даже ранѣе рукописи извѣстнаго сборника Кирши Данилова: дошедшій до насъ списокъ послѣдняго его издателемъ П. Н. Шефферомъ относится къ 80-ымъ годамъ XVIII вѣка, — а значеніе музыкальнаго переложенія еще не остановило на себѣ серіознаго вниманія русскихъ музыкантовъ.

Прачъ — Львовъ въ своихъ изданіяхъ 1790, 1806 и 1815 гг. во многомъ усердно использовали Пѣсенникъ Трутовскаго и даже, можетъ быть, на его счетъ составили себѣ славу.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ сохранившихся экземпляровъ[1]) мы не можемъ перечислить всѣ изданія нотныхъ музыкальныхъ *переложеній* В. Ѳ. Трутовскаго (часть ихъ мы отмѣтили, впрочемъ, въ выпискахъ изъ публикацій по Вѣдомостямъ), но здѣсь мы считаемъ себя обязанными отмѣтить особо свидѣтельство академика Я. К. Грота въ его монументальномъ памятникѣ Державину — объ одномъ изъ раннихъ, повидимому, но весьма удачныхъ трудовъ въ этомъ родѣ Трутовскаго:

„Застольная пѣсня „Кружка" Г. Р. Державина (1778 г.) благодаря своему искренно-веселому тону и вполнѣ русскому складу, имѣла необыкновенный успѣхъ. Позднѣе она была положена на музыку придворнымъ музыкантомъ Трутовскимъ и вошла въ моду; въ Преображенскомъ полку, въ которомъ нѣкогда служилъ Державинъ, ее пѣли еще недавно, можетъ-быть поютъ еще и теперь; она изрѣдка слышится до сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи". (Соч. Державина, ред. акад. Я. К. Гротомъ, т. VIII, С.-Пб. 1880 г., стран. 290. Ср. Соч. I, стран. 46, примѣч. 1.) Ноты съ словами приложены къ тому IX, стран. 1—2.

Предложимъ здѣсь выводы, сдѣланные нами изъ изученія предмета настоящей статьи. Если не все намъ удалось доказать за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, тѣмъ не менѣе къ этимъ выводамъ насъ привела сама работа и знакомство съ свидѣтельствами современниковъ о Трутовскомъ и его главномъ трудѣ и пр.

1) В. Ѳ. Трутовскій не былъ самъ придворнымъ священникомъ, какъ утверждалъ П. А. Безсоновъ, а былъ сыномъ священника и, будучи, вызванъ ко двору И. Петра III, опредѣленъ камер-музыкантомъ и камер-гуслистомъ. Онъ былъ — уроженецъ Харьковщины.

2) Послѣ кончины И. Петра III, онъ вошелъ въ штатъ И. Екатерины II и обратилъ на себя ея вниманіе игрою на гусляхъ (1766 г.) и, благодаря своей даровитости, выдвинулся.

3) Вскорѣ послѣ того онъ приступилъ къ составленію перваго изъ числа всѣхъ извѣстныхъ нотнаго пѣсенника и издалъ его въ 1776 г., ободряемый Императрицею, Потемкинымъ и придворными любителями русскихъ безыскусственныхъ народныхъ пѣсенъ.

[1]) Насъ крайне удивляетъ, что до сихъ поръ никто еще не приложилъ серіознаго труда къ составленію русской музыкальной библіографіи — перечня всего, что имѣетъ отношеніе къ русской музыкѣ. Труды г. Лисовскаго — какъ-то неполны и поспѣшно сдѣланы. Пора бы музыкальнымъ консерваторіямъ нашимъ поставить преподаваніе исторіи русскаго театра и особенно русской музыки на соотвѣтственную высоту, а то появляются только такіе убогіе труды, какъ г. Божерянова и друг., гдѣ исторіи-то театра прежде всего и нѣтъ.

4) Должно согласиться съ Безсоновымъ, что Пѣсенникъ Трутовскаго — былъ исключительно распространенъ при Дворѣ и составленъ для пользованія придворныхъ круговъ и высшаго русскаго общества (для Потемкина, Нарышкина и т. д.).

5) Пѣсенникъ этотъ былъ изданъ *именно* В. Ѳ. Трутовскимъ, о чемъ имѣется свидѣтельство библіографа С. А. Соболевскаго о IV части, гдѣ на поляхъ было припечатано: „В. Трутовскій" и П. А. Безсонова, имѣвшихъ въ рукахъ и эту послѣднюю часть изданія. На экземплярѣ 3-го тисненія I-ой части подъ „Предувѣдомленіемъ" припечатано: *В. Т.*, что тоже вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельства Соболевскаго и Безсонова, а также газетныя публикаціи въ „Петербургскихъ" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

6) Несомнѣнно, что историческое значеніе трудовъ В. Ѳ. Трутовскаго, какъ издателя перваго нотнаго Пѣсенника чрезвычайно велико; ему же принадлежитъ еще нѣсколько музыкальныхъ трудовъ, какъ напр. музыка къ стихотворенію Державина— „Кружка" и т. п.

и 7) Можно предполагать, что Трутовскій многое уже *самъ* записывалъ съ голосу пѣвцовъ и что онъ является вообще первымъ собирателемъ русскихъ *мелодій*, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ.

П. Симони.

Таблица I.

СОБРАНІЕ РУСКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть лерпая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1776 года.

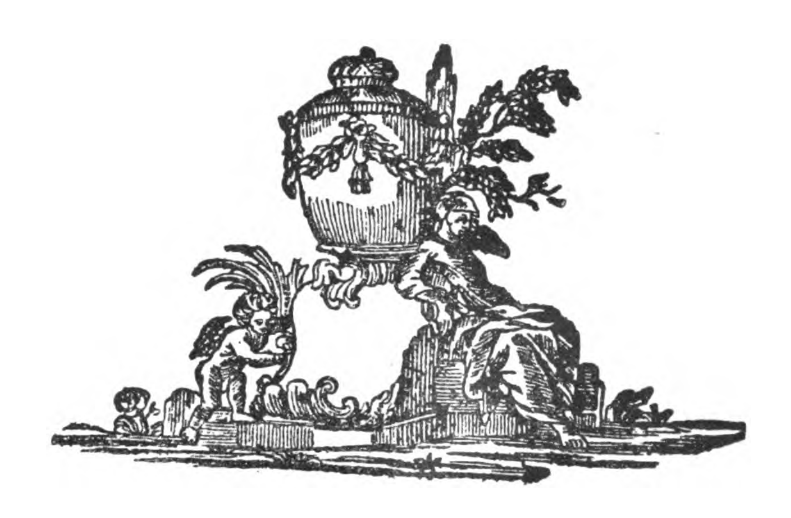
I. Заглавный листъ I-ой части перваго изданія 1776 года.
Снимокъ сдѣланъ съ экземпляра Вл. Н. Рогожина.

Таблица II.

СОБРАНІЕ РУСКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть первая.



печатано вторымъ тисненіемъ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1782 года.

II. Заглавный листъ I части 2-го изданія 1782 года.
Снимокъ сдѣланъ по экземпляру изъ собранія П. В. Щапова, хранящагося въ Имп. Российск. Историч. Музеѣ въ Москвѣ подъ № 7923.

Предувѣдомленіе.

Уже издавна любители Рускихъ простыхъ пѣсенъ желали чтобъ оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правилахъ; но никто еще по сіе время не принялъ на себя сего труда чтобъ ихъ собравъ привести въ нѣкоторой порядокъ, и подложить басовыя ноты. Я напослѣдокъ вознамѣрился въ удовольствіе многихъ любителей, издать въ печать сіи собранныя мною Рускія пѣсни, въ тѣмъ чтобъ ихъ пѣть въ одинъ голосъ, такъ какъ онѣ обыкновенно поются; но ктожъ захочетъ пѣть или играть на инструментахъ не опкидывая басъ, то составлено будетъ согласіе. Я долженъ еще предувѣдомить охотниковъ что сіе мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почти пѣсни находилъ въ рѣчахъ великую неисправность, и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Чтожъ касается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ, нашелъ что вездѣ поютъ разными манѣрами; и такъ старался только сохранить ихъ точность, и утвердиться на

а 2 самыхъ

III. Снимокъ съ «Предувѣдомленія» В. Ѳ. Трутовскаго къ I части его Пѣсенника 1-го изд. 1776 г. По экземпляру В. Н. Рогожина.

самыхъ простыхъ голосахъ Естьли публика приметъ благопріятно сіе малое изданіе Рускихъ пѣсенъ, то я не премину выдавать еще и другія подобныя, которыя со всевозможнымъ трудомъ и тщаніемъ собирать стараться буду. Кто же сыщетъ погрѣшности, тотъ надѣюсь легко разсудитъ къ моему извиненію, что я безпорядочное дѣло приводя въ порядокъ, искалъ по малой мѣрѣ лутчаго, естьли не достигъ до совершенства.

IV. Окончаніе «Предувѣдомленія» къ I части Пѣсенника изд. 1776 г. См. начало на Таблицѣ III.

Tempo Giusto.

14.

Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
И я всѣ цвѣты видѣла, 2.
Одново, одново,
Одново цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, 2.
Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
Ахъ нѣтъ цвѣта алово, 2
Алово, алово,
Моего цвѣта прекраснова. 2
По двору по двору.
И я по двору, ходила, 2
Всѣхъ гостей, всѣхъ гостей,
И я всѣхъ гостей видѣла, 2
Видѣла, видѣла,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ, 2
Нѣтъ гостя, нѣтъ гостя,
Ахъ нѣтъ гостя милова, 2
Милова, милова,
Моево друга любезнаго. 2
Аль ему, аль ему,
Аль ему ли служба сказана, 2
Аль ему, аль ему,
Аль ему ли государева; 2.
Али мнѣ, али мнѣ,
Въ своемъ домѣ воли нѣтъ, 2
Али мнѣ, али мнѣ,
Послать было нѣкого, 2
Я сама, я сама,
Я сама къ другу поѣхала, 2
Я сама, я сама,
Я сама съ другомъ простилася 2
Ты прости, ты прости,
Ты прости прости, седечной другъ. 2

Воселъ

V. Снимокъ съ страницы 14-й части «Пѣсенника» 1776 г. Обозначеніе пагинаціи приписано чернилами позднѣе. По экземпляру В. Н. Рогожина.

Adagio.

15.

Allegro moderato.

Разыгралась, расплясалась красна дѣвица душа, 2
Красна дѣвушка душа, Авдотьюшка хороша, 2
Разыгравши говорила, вы подруженьки мои, 2
Поиграемте со мной, поиграемте теперь. 2
Я со радости, съ веселья поиграть съ вами хочу. 2
Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка изъ Санктпитера сюда, 2
Онъ меня красну дѣвицу подговаривалъ съ собой, 2
Серебромъ меня дарилъ, онъ и золота сулилъ. 2
Поѣзжай со мной Дуняша, поѣзжай онъ говорилъ, 2
Подарю тебя парчою, и на шею жемчугомъ; 2
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка, а тамъ будешь госпожа. 2
И во всемъ етомъ уборѣ будешь въ двое хороша. 2
Я сказала, что поѣду, да опомнилась опять; 2
Нѣтъ сударикъ не поѣду, говорила я ему; 2
Я крестьянкою родилась, такъ не льзя быть госпожей; 2
Я въ деревнѣ жить привыкла, а тамъ буду привыкать. 2
Я совѣтую тебѣ, имѣть равную себѣ, 2
Въ вашемъ городѣ обычай, я слыхала опю всѣхъ, 2
Вы всѣхъ любите словами, а на сердцѣ никово, 2
А у насъ то жить въ деревнѣ прямая простота. 2
Вотъ чему я веселюся, чему радуюсь теперь 2
Что осталась жить въ деревнѣ, а въ обманъ не отдалась! 2

Ахъ

VI. Снимокъ съ страницы 15-й I части 1-го изд. Пѣсенника. Обозначеніе пагинаціи приписано позднѣе чернилами. По экземпляру В. Н. Рогожина (въ Щаповскомъ экз. страницы 15—16 вырваны).

Таблица VII.

Andante.

Сопротивъ тово было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ выплываетъ лїогкая лодочка,
Лїогкая лодочка выплываетъ братцы коломенка,
Хорошо больно легкая лодочка изукрашена,
Серебромъ, златомъ лїогкая лодочка изнасѣчена,
Посередь стоитъ лїогкой лодочки знамя Царское,
Что во лодочкѣ сидитъ младой посланникъ Царевъ,
Карамышевъ Князь Семенъ сударъ Констентиновичь,
Во правой рукѣ онъ держитъ государевъ указъ,
Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
Пристаетъ онъ ко крутому красну бережку,
Ко сыпучему ко крупному желту леску.
Козаки всѣ собираются во едипой кругъ,
Становится младъ посланничекъ середи круга,
Что читаетъ имъ посланничекъ Государевъ Указъ,
Козаки всѣ для указа шапки посняли,
Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
Казаки тутъ всѣ въ минуту взволновалися,
И со всею его гордостью изъ стану выгнали.

Ахъ

VII. Снимокъ съ 18-й страницы I части 2-го изд. 1782 г.

Таблица VIII.

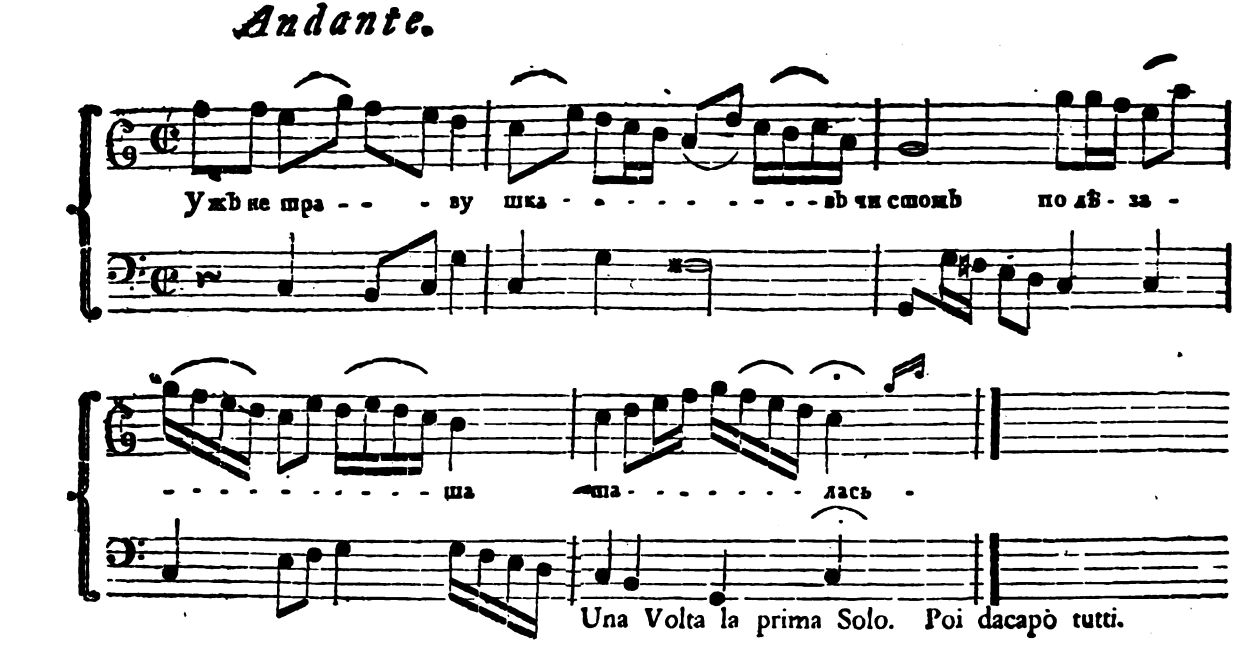
СОБРАНIЕ РУСКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть вторая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1778 года.

VIII. Заглавный листъ II части «Пѣсенника» по экземпляру Вл. Н. Рогожина.



Не журавая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ въ Тихой Донъ на Ивановичь гуляти.
Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился;
Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
Посередъ круга становился Царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать Государевы для нихъ Указы.
Дочитался онъ до Царскаго только титула,
Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ поснимали,
А большоятъ Царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
А бѣло тѣло во Тихой онъ Донъ бросали;
А убивши они его тѣлу говорили:
Почитай ты большой бояринъ Государя,
Не гордися ты передъ нимъ бояринъ и не слався.
Ко Царю они съ повинною приходили;
Ты гой еси нашъ батюшка православной Царь,
Ты суди Государь насъ праведной расправой,
Повели надъ нами дѣлать что изволишь,
Уже ты воленъ надъ нашими головами.

в

Ахъ

IX. Снимокъ съ 15-й страницы II-ой части «Пѣсенника».

На 8 страницѣ въ первой строкѣ подъ нотами напечатано: *млада хожу*; а надлежитъ пѣть въ третьемъ такту подъ послѣдней нотой *A.* и въ такту четвертомъ подъ первой нотой *D.* рѣчь *хо-жу-млада хожу.*

X. Снимокъ съ заключительной страницы II части «Пѣсенника» съ «Реэстрами» пѣсенъ I и II частей и указаніемъ опечатокъ.

СОБРАНІЕ РУСКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть третїя.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1779 году.

XI. Снимокъ съ заглавнаго листа III части «Пѣсенника» по экземпляру П. В. Щапова въ Имп. Российск. Историч. Музеѣ.

Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскїе стружечки;
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкїя бѣлыя парусочки.
Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька Разинъ.
Охъ вы гой-еси козачье наше вольное собранье,
Вы гребите не робейте бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никтобы не услышалъ,
Какъ одинъ братцы увидѣлъ и одинъ братцы услышалъ
Господинъ большой бояринъ Черноярской воевода,
Шолъ отъ ранния отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собиралисъ, пушкари бы снаряжались,
Оти пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
Што возговоритъ стенька разинъ городскому да воеводѣ,
И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ,
Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу долой збросилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

XII. Снимокъ съ страницы 11-й III части «Пѣсенника».

Таблица XIII.

А повыше было города Царицына,
Протекала, пролетала мать камышенка рѣка, 2.
За собой она вела круты красны берега, 2.
Круты красны берега и зеленые луга, 2.
Она устьицомъ впадала въ Волгу матушку рѣку, 2
Что по тойли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ 2.
Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снаряженые стружка, 2.
Хорошо были стружечки изукрашеные. 2.
Они копьями, знамены будто лѣсомъ поросли, 2.
На стружкахъ сидятъ гребцы удалые молодцы, 2.
Удалые молодцы все Донскїе козаки, 2.
Да ещеже Гребенскїе, Запорожскїе, 2.
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные, 2.
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены, 2.
Астраханскїе кушаки полушолковые, 2.
Пестрединные рубашки съ золотымъ голуномъ, 2.
Что сафьянные сапожки и кривые каблучки, 2.
И съ зачосами чулочки, да все гарусные. 2.
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ, 2.
Они хвалятъ выхваляютъ православнаго царя, 2.
Православнаго Царя, Императора ПЕТРА, 2.
А бранятъ они клянутъ Князя Менщикова, 2.
Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами, 2
Заѣдаетъ воръ собака наше жалованье, 2.
Кормовое годовое наше денежное, 2.
Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять, 2.
Въ низъ по Волгѣ погулять, здунинаю воспѣвать,

Б 3

Ахъ

XIII. Снимокъ съ страницы 13-й III части «Пѣсенника».

Таблица XIV.

И на мѣстѣ була и горѣлку пила
И росады накупила, весь огородъ засадила, 2.
И росада моя принялася була,
Дѣвчина съ козакомъ понялася була, 2.
И капусточка и кочанъечко,
Вѣрное съ козакомъ женихаиьечко. 2.
Ой не бийте мене и не лайте мене,
Коли я вамъ докучила, такъ отдайте мене, 2.
Отдайте мене за волошина,
Що я дѣвчина да хорошая. 2.
Ой ненько моя, а я донька твоя;
Тогдѣ було бити дѣвчини якъ маленька була, 2.
А теперь я велика, треба минѣ человѣка
Ни старого, ни малого, середнього молодого 2.
Щобъ и въ полѣ оравъ, да и въ домѣ дбавъ,
Менежъ молоденькую да хазяйкою звавъ. 2.

В

XIV. Снимокъ съ страницы 17-й III части «Пѣсенника» съ текстомъ *малорусской* пѣсни: «Ой, гай, гай, гай, гай зелененкій...»

Allegro moderato.

2.

Ой поихавъ мой миленькій до млина, до млина,
А я себѣ прудыуса прикяла, прикяла,
Цуръ тебѣ прудыусе,
пекъ тебѣ прудыусе.
Сама себѣ дивуюся, съ прудыусомъ цѣлуюся. 2.

3.

Ой приѣхавъ мой миленькій у ночи у ночи,
А я себѣ съ прудыусомъ на печи, на печи.
Цуръ т. пруд.
п. т. пруд.
с. с. д. съ п. ц. 2.

4

Ой хто тебѣ мой миленькій и сказавъ, и сказавъ,
Що у мене прудыусъ ночовавъ, ночовавъ.
Цуръ те. пруд.
п. т. пруд.
с. с. д. съ п. ц. 2.

XV. Снимокъ 18-й страницы III части «Пѣсенника» съ текстомъ малорусской пѣсни: «Ой коли я Прудыуса любила...»

Реэстръ пѣснямъ третей части.

Страницы

XVI. Заключительная (23-я) страница III части Пѣсенника съ Реэстромъ пѣсенъ этой части.

СОБРАНІЕ РУСКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ

Часть первая.

Печатано третьимъ тисненіемъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1796 года.

XVII. Заглавный листъ I части 3-го тисненія по экземпляру И. Академіи Наукъ.

Предувѣдомленіе.

Уже издавна любители Рускихъ простыхъ пѣсенъ желали, чтобъ оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правилахъ; но никто еще по сіе время не принялъ на себя сего труда, чтобъ ихъ собравъ привести въ нѣкоторой порядокъ, и положить басовыя также и маленькія ноты. Я напослѣдокъ вознамѣрился въ удовольствіе многихъ любителей, издать въ печать сіи собранныя мною Рускія пѣсни, съ тѣмъ, чтобъ ихъ пѣть въ одинъ голосъ, такъ какъ онѣ обыкновенно поются; но ктожъ захочетъ пѣть или играть на инструментахъ не откидывая басъ и маленькія ноты, то составлено будетъ согласіе. Я долженъ еще предувѣдомить охотниковъ что сіе мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почти пѣснѣ находилъ въ рѣчахъ великую неисправность, и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Чтожъ касается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ, нашелъ что вездѣ поютъ разными манерами; и такъ старался только сохранить ихъ точность, и утвердиться на самыхъ простыхъ голосахъ. Естьли публика приметъ благопріятно сіе малое изданіе Рускихъ пѣсенъ, то я не премину выдавать еще и другія подобныя, которыя со всевозможнымъ трудомъ и тщаніемъ собирать стараться буду. Кто же сыщетъ погрѣшности: тотъ надѣюсь легко разсудитъ къ моему извиненію, что я безпорядочное дѣло приводя въ порядокъ, искалъ по малой мѣрѣ лучшаго, естьли не достигъ до совершенства.

В. Т.

XVIII. Предувѣдомленіе къ I части 3-го тисненія 1796 г. по экземпляру И. Академіи Наукъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Бумаги о В. Ѳ. Трутовскомъ и его родѣ.

(* Звѣздочкою отмѣчены бумаги, напечатанныя съ подлинниковъ.)

I—II. Изъ С.-Пб. Архива **Департамента Герольдіи** Правительствующаго Сената **1777** г.

III—XVIII.—Изъ фамильнаго **архива гг. Трутовскихъ** (хран. въ Ахтырскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи) **1622—1816** гг.

I. Изъ Архива Департамента Герольдіи.

I—II.

*** I. Челобитная И. Екатеринѣ II В. Ѳ. Трутовскаго** о дворянствѣ.

Заслушана 18 генваря и 14 іюня 1777 г.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ двора Вашего И. Величества квартирмеистеръ Василей Федоровъ сынъ Трутовскій, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

1.

Предокъ мой Христофоръ Третїусъ былъ полской королевской секретарь, въ тамошнее дворянство возведенъ, королемъ Стефаномъ на которое достоинство и гербъ имѣлъ; сынъ его Христофоръ Христофоровъ а понемъ сынъ его Сидоръ Христофоровъ находились въ королевской полской службѣ, Сидоровъ же сынъ а мой прапрадедъ родной Василей, оставя въ полскомъ владѣніи собственные свои грунты и пожитки выехалъ подроссійскую державу, въ Сумской слободской полкъ въ городъ Краснополье, и въ тамошнемъ уездѣ пожалованъ помѣстьемъ, на которое во „176-м году изъ помѣстнаго приказа и выпись дана, и какъ онъ Василій Сидоровъ а понемъ сынъ ево прадѣдъ мой Симеонъ Васильевъ, дѣдъ Василій Симеоновъ, такъ и отецъ Федоръ Васильевъ сынъ, Трутовскія, по собственному ихъ желанїю находились вдуховно^м^ чину въ бѣлогородской епархїи священниками, искоихъ прадѣду моему Сїмеону Васильеву на владѣнїе помѣстье^м^ въ „7201-м и 7203-м годѣхъ отъ Государей Царей и Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея россїи самодержцевъ жалованныя грамоты даны, которые и опредѣленіемъ правительствующаго сената, 1762-го года июля 16-го дня подтверждены. *Ксей.*

2-е.

Я жъ именованный а по мнѣ братья мои родныя иванъ, осипъ, федоръ, михаило, и григорей федоровы дѣти трутовскія находятся въ высокославной вашего И. величества службѣ гдѣ же именно и каки^ми^ чина^ми^ значитъ въ приложенной при

семъ поколѣнной росписи [1]), но о шляхетствѣ нашемъ правителствующаго сената героддмеис̃терская кантора неизвѣстна. *Челобитной.*

3-е.

А какъ дѣиствително шляхетскую фамилїю свою ведемъ мы изъ Полши отъ христофора третиуса, пороссїиски трутовского, которой на оное достоинство и гербъ имѣлъ о чемъ подлинно значитъ въ имѣющемся при Императорской Академїи наукъ гербовникѣ съ которого и переводъ при семъ на разсмотренїе представляю, донося при томъ что сверхъ показанного предка моего христофора третиуса родственники его Николай, адамъ, матвѣи и фома писавшїяся попольски третовскїя находились въ тамошнеи службѣ знатными чинами чего ради всеподданнѣйше прошу., *Придворной.*

4-е.

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сїе мое прошенїе правителствующаго сената въ героддмеис̃терской канторѣ принять и какъ мы дѣиствително выезжые изъ полского шляхетства о чемъ и въ имѣющемся при Императорской академїи наукъ гербовникѣ значитъ написать меня съ братьями и племянниками въ списокъ съ протчими выезжими шляхтичами,. *Квартермейстеръ.*

5-е.

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего И. величества о семъ моемъ прошенїи рѣшенїе учинить генваря дня 1777-го году къ поданїю надлежитъ правительствующаго сената въ героддмеистерскую кантору челобитную писалъ вотчинной канторы канцеляристъ иванъ крызковъ.,— василей *тръ̆товскїй рꙋкꙋ приложилъ.* (См. снимокъ подписи на отд. листѣ — *А* 2).

См. „Рѣшенные дѣла“ 1779 года съ Января по Іюль — Правит. Сената Герольдм. Конторы по дворянскому повытью 1-ой половины 1779 г. Дѣло № 52, листы 579—601.— Бумаги № 64 на л. 579 и слѣд.

II. Изъ архива гг. Трутовскихъ 1622—1816 гг.

III—XVIII.

***III. Запись на рукописномъ сборникѣ XVII вѣка** съ именемъ прадѣда В. Ѳ. Трутовскаго.

Сборникъ 1622—98 годовъ, безъ конца, на ꙋп̃д листахъ въ листъ, въ старинномъ переплетѣ. Писанъ, повидимому, однимъ почеркомъ бѣглымъ полууставомъ, кос-гдѣ встрѣчаются позднѣйшія скорописныя приписки. Содержаніе его разнообразное. На листѣ ꙋн̃ѕ онъ названъ въ припискѣ: „Соборникъ дванадесятемъ мѣсяцемъ“.

[1]) См. на отдѣльномъ листѣ приложеніе къ сей страницѣ — табл. *Б* (3).

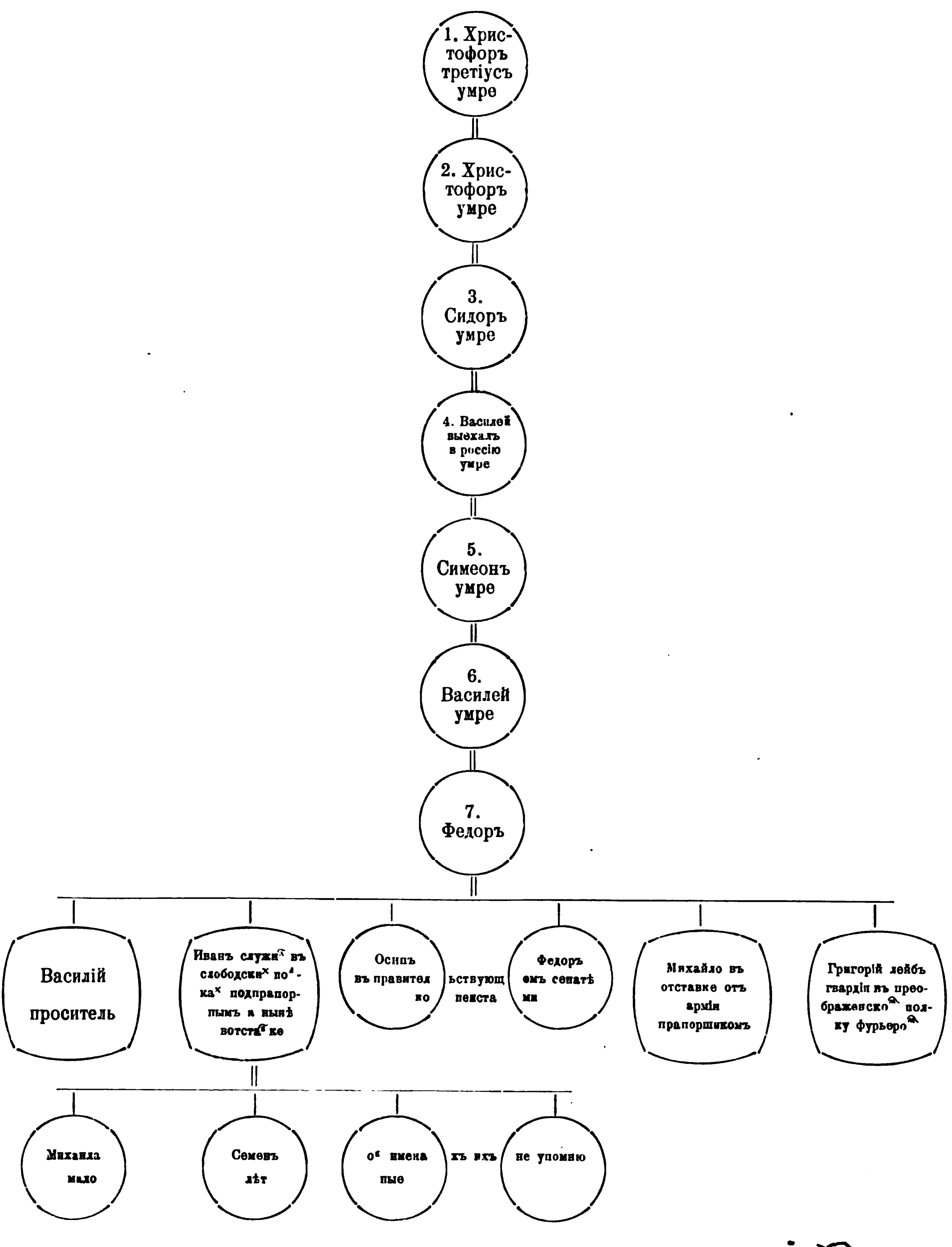
1. Рисунокъ проекта герба Рода В. Ѳ. Трутовскаго (къ стран. 504).

Ксей.
челобитной
придворной
квартер
мейстер
василей трутов
ский руку приложил,

2. Снимокъ съ собственноручной подписи В. Ѳ. Трутовскаго; обращаетъ на себя вниманіе описка въ словѣ „челобитной“ — гдѣ написано И и выправлено изъ Ы. Этотъ случай обличаетъ малорусское произношеніе Т—го.

3. * **II. Поколѣнная роспись** рода Трутовскихъ 1776 г.

Родъ фамиліи Трутовскихъ.



К сеи поколѣнной росписи василей трутовский руку приложилъ

См. Рѣшенныя дѣла 1779 г. л. 581.

Приведемъ двѣ любопытныя современныя записи собирателя статей и писца всей рукописи — на листѣ рч҃в.

Сїя книга глаголема Четиродесятнїца ї пятодесятнїца ѿ митаря ї фарисея до неделй всѣхъ свтыхъ: препйсана ѿ кнїги словенския на языкъ рускы: влѣто созданиꙗ мира ҂зрл. а ѿ воплощенїа бж҃їа слова. ҂ахкв а писа ей василїй Ївановъ сщнй сѡрйкїй: —

Рѡкꙋ ҂ахчи мц҃а ѡкт҃рїа во е҃ дн҃: я велико грѣшны и недостойны но їереѡсхимахъ Василй списа книгꙋ Чотиродесятницꙋ й Пятидесятницю вманастирй ѹспенїа Престыа Бц҃ѣ: всꙋмяскомъ ю встарости влѣтъ ꙋседеся ѡчи рѣко гладѣли: рꙋки дрижали ї вчо порешй молю вы простѣте я не кленѣте во члвкъ ю дрга́лїй й ꙋма ѿпалй: прошꙋ блвите да и самй блвенны бꙋдете ѿ сотворшаго всяческая Їереѡсхимах Василй Ковалскы по ѿчествꙋ Трꙋтовъ:

На л. р҃ѳ есть еще позднѣйшая скорописная запись: Сия книга глагѡлемая дванадцато сѡборникъ имѣетса вней написанїе накоторїе положенния вещи весма жестоко хороши янадана мне ѿ прадѣда..... Василиа Сидорова сна Трꙋтова которѡи жилъ летъ ѿ рода семдесатъ а писалъ ю при старости..... драхли ѡчи редко слꙋжили рꙋки дражали ноги не кротко стоали прошꙋ.....

Изъ сличенія этихъ *записей* мы узнаемъ, что прапрадѣдъ Василія Ѳедоровича Трутовскаго — Василій Ивановичъ или Сидоровичъ писалъ по-русски и носилъ фамилію *Ковальскій-Трутовъ*, и что онъ сперва (1622 г.) былъ священникомъ, а потомъ подъ конецъ своей жизни (1698 г.) перешелъ въ монашество и былъ іеросхимонахомъ въ Сумскомъ Успенскомъ монастырѣ. Между 1622 и 1698 гг. онъ составилъ для чтенія сборникъ, который весь переписалъ своею рукою.

За сообщеніе для пользованія означенной рукописи приношу живѣйшую признательность Вл. К. Трутовскому.

---

*IV. Частная записка для памяти и сдѣланія выправокъ.

Белогородской губерніи слободскаго харьковскаго полку ивановской слободы священника федора васильева сына трутовскаго, сынъ определенъ генваря 10, 1761, года лакеемъ.

А квартирмейстеромъ вследствіе высочайшаго Ея Императорскаго величества имяннаго повеленія определенъ по определенію придворной канторы ноября 24 числа 1766 года съ окладомъ по 150 руб. вгодъ и употребляется вовнутренних Ея И. величества апартаментахъ для игранія на гусляхъ, а декабря 30 дня 1766 года поопределенію придворной Канторы онъ Трутовской всилу имяннаго заподписаніемъ Ея величества собственныя руки даннаго продворной Канторѣ тогс декабря 29 дня указу отосланъ спротчими камеръ музыкантами съ именнымъ съпискомъ въ деректцію Действительному статскому совѣтнику и кавалеру господину Елагину[1]) и чтобъ онъ

---

[1]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ былъ директоромъ Придворнаго Театра и Музыки съ 20 декабря 1766 г. по 21 мая 1771 г. Въ 1766 г. сочинилъ „Статъ всѣмъ къ театрамъ и къ камеръ и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ“.

Трутовской противъ протчихъ камеръ музыкантовъ получая мало окладное жалованье неоставался безъ-овантажнымъ написанъ втомъ спискѣ зconsole годовымъ жалованья окладомъ по 250 руб. а июля 17 дня 1767 году по имянному Ея И. величества записанному въ придворной Канторѣ указу повѣлено ево трутовскаго пи(о)чину, придворнаго квартирмейстера числить въ спискѣ съ придворными служительми въ вѣдомствѣ придворной Канторы а должность исправлять ему тожѣ которую онъ инынѣ исправляетъ.

По сему списку надлежитъ выправится втомъ опредѣленіи когда трутовской пожалованъ вквартермейстеры и въ ономъ опредѣлении написано что трутовской измалоросиискаго шляхества.— А приотсылки оново Трутовскаго вдерекцію дѣйствительному статскому совѣтнику Г. Елагину отпридворной Канторы сказано что ему Трутовскому поискуству произвести жалованье акогда отосланъ оной трутовской годъ и число показано всемъ списке. Вслужбу опредѣленъ кодвору Его И. величества лакеемъ Василій Федоровъ сынъ Трутовской Генваря 10 числа 1761 году вкомплетъ помѣщенъ на лакейскую ваканцію поименному Его И. величества блаженной и вѣчной достойной памяти Государя Императора Петра Федоровича въ 1762-мъ году надлежитъ справится вмѣсяцахъ февралѣ или въ мартѣ и въ апрѣлѣ и въ маіи іиюнѣ.

Поимянному Его И. величества блаженной и вѣчной достойной памяти Государя Императора Петра Федоровича повелено адютанту барону Унгеру обявить именной Его И. величества указъ втомъ чтобъ ему Василію Трутовскому прикомнатѣ Его И. величества продолжалъ службу акомандѣ донево Трутовскаго дѣла не имѣтъ въ 1762 году справится въ мѣсяцахъ воисходѣ Генваря и февраля и марта апреля маія Іиюня мѣсяца.

V—VI. Переписка Придворной Конторы о службѣ В. Ѳ. Т—го.

1762—66 гг.

V.

Его Императорское Величество имянны(мъ) Своего И. Величества указом(ъ) Всемилостивѣйше изволилъ указать Двора Своего И. Величества лакѣю Василью Трутовскому, которой находится доваканціи безъ жалованья безъ ливрей и безъ порціи производить Его И. Величества жалованья полной окладъ по шестидесяти рублевъ и ливрею строить противъ протчихъ, а порцію одинаку того ради придворная кантора во исполненіе онаго Его И. Величества имяннаго Указа. Приказали: означенному лакею Василѣю Трутовскому производитъ Его И. Величества жалованья противъ прочихъ по шестидесяти рублевъ въ годъ сего 1762-го года Маія съ 1-во числа которой окладъ и въ придворномъ Спискѣ отъметитъ, а для ведома о томъ и о писаніи Трутовскаго въ посылаемыхъ въ главную дворцовую Канцелярію вѣдомостяхъ къ произвожденію одинакой порціи противъ Лакѣевъ находящихъся въ переднихъ покояхъ къ господамъ камерфуріерамъ дать Ордеръ.

На подлинномъ подписано тако: Александръ Нарышкинъ. Михайло Измайловъ. Июня 1-го дня. 1762-го г.

VI.

При дворе Ея Императорскаго Величества обретаится квартирмейстръ Василій Трутовскій згодовымъ Ея И. Величества жалованья окладомъ по сту по пятидесятъ рублевъ которой въ службѣ при дворе находится Генваря съ 10 числа прошлаго 1761 года и былъ сначала лакѣемъ а квартирмейстеромъ произведенъ въ слѣдствие имяннаго Ея И. Величества Высочайшаго повелѣнія по определѣнію придворной кантыры минувшаго ноября 24 дня сего 1766 года для того что онъ Трутовской употребляится единственно во внутренныхъ Ея И. Величества апартаментахъ для игранія на гусляхъ И вовремя Высочайшаго Ея И. Величества втомъ ноябре месяцѣ вселѣ Царскомъ присудствія употребляемъ былъ для игранія наономъ инструментѣ причемъ Ея И. Величество соизволила Высочайше „объявить милостивое благоволеніе и милостиво отзываться Соизволила чтобъ онъ заслужбу ево и хороше(е) поведѣніе придворною Канторою произведенъ былъ прикамеръ музыкѣ Камеръ музыкантомъ сприбавкою жалованья или наградитъ другимъ какимъ чиномъ“ но какъ онъ Трутовской особѣ объявилъ что онъ вслужбѣ при дворе Ея И. Величества находится измалороссійскаго шляхетства Имузыкантомъ быть желанія неимѣетъ чего ради во оной квартирмейстерской чинъ произведѣнъ, а по имянному за подписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки данному придворной Канторѣ сего Декабря 20 дня Высочайшему Указу повелѣно все принадлежащѣе для аркестра итеатра препоручать вдирекцѣю дѣиствительному Статскому Совѣтнику и кавалеру господину Елагину скотораго указа кнему господину Елагину при сообщеніи отъ придворной Канторы тогожъ числ(а) сообщена копія асегожъ Декабря 21 дня всилу онаго — Ея Императорскаго Величества имяннаго указа присланныхъ въ придворную Кантору оной дѣиствительной статской совѣтникъ и кавалеръ господинъ Елагинъ — сообщениемъ требуетъ чтобъ отъ оной придворной Канторы все касающияся до спектакелей камеръ и бальной музыки писменыя дѣла какъ то за настоящей годъ счоты приходныя и расходныя денежной казнѣ гардробамъ и магазеинамъ Книги препоручить ему по описи а притомъ и всемъ до части спектаколей принадлежащимъ людямъ объявить чтобъ воисполненіе Высочайшѣй Ея Величества воли были они всовершенномъ ему повиновеніи и состоя въ вѣденіи ево распоряженіемъ ево и о всемъ покорялись такъ равно какъ прежде зависили они отъ придворной Канторы Наличную Спектакольную казну какъ Економическую такъ и нажалованье имѣющимъ оную нарукахъ перенесть въ требуемую имъ господиномъ Елагинымъ комнату дабы онъ господинъ Елагинъ оную освидетѣльствовать и въ приходныя свои книги внести могъ акакъ выше значитъ что Ея И. Величество милостиво отзыватся соизволила чтобъ выше означенной Трутовской за службу ево и хорошѣе поведѣніе придворною Канторою произведенъ былъ при камеръ музыке камеръ музыкантомъ сприбавкою жалованья или наградить какимъ другимъ чиномъ и хотя онъ Трутовской какъ онъ о себѣ объявилъ что онъ въ службѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества находится изъ Малороссійскаго шляхетства и музыкантомъ быть желанія неимѣеть въ квартирмейстерской чинъ произведенъ точию по тому званію должности не справлятъ а употреб-

лются (sic) единственно во внутреннихъ Ея И. Императорскаго Величества апартаментахъ для игранія на гусляхъ почему ево Трутовскаго при камеръ музыке и числить должно того ради по указу Ея Величества придворная Кантора приказали: означеннаго квартирмейстера Василія Трутовскаго всилу вышеписаннаго Имяннаго заподписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки даннаго придворной Канторы сего Декабря 29 дня указу отослать спрочими Камерными музыкантами сымянымъ списокъ и чтобъ онъ Трутовской противъ прочихъ Камеръ музыкантовъ получая малоокладное жалованья. Не оставался безъ-авантажнымъ написать ево Трутовскаго въ томъ спискѣ згодовымъ жалованья окладомъ по двести по пятидесять рублевъ и имя ево изъ придворнаго списку выключить. На подленномъ подписано Графъ Карлъ Сиверсъ. Декабря 30 дня 1766 года.

VII—X. Бумаги, относящіяся къ тяжбамъ о помѣстьи. 1765—1793 гг.

VII.

1765 году Октября 12 дня въ журнале государ... вотчинной коллегіи втретьемъ Департаментѣ...

По слушаніи дѣла Двора Ея Императорскаго Величества лакея Василья Федорова сн҃а Тру...... одаче ему сподлинного дѣла и сотказныхъ книгъ что за...... въ 763 году іюня 26 дня записано по купчей отъ титулярнаго совѣтника Ивана Ва...... сн҃а Верховскаго копа а по справкѣ въ коллегіи...... какъ по посланному изъ вотчиной коллегіи почелоби...... Его Трутовскаго въ Бѣлогородскую губернскую канц....... указу то педвижимое за нимъ Трутовскимъ...... и отказные книги при доношеніи изъ Бѣлогородской. гу..... ской канцеляріи Декабря: 18: дня 763 году ввотчин...... коллегію присланы, прислана Спорная спорная...... битная Хотмыжскаго богородицкаго знамень...... монастыря отъ архимандрита Владимера... рой показано якобы то отказное за Василья Тр... недвижимое по прописнымъ втой ево челобитно...... обстоятельствомъ слѣдуетъ ковладѣнію ктому..... менскому монастырю и просилъ чтобъ тѣ учинен...... за Трутовскаго отказныя книги оставить а пока(кимъ) имянно крепостямъ или выписямъ то недвижимое краснопольское имѣніе ктому хотмыжскому монастырю принадлежитъ того притомъ челобитье отъ него архимандрита необъявлено и по справке какъ въ вопой коллегіи такъ и изъ коллегіи экономіи неявилось.— Приказали объявленному челобитчику двора Ея Императорскаго Величества лакею Василью Федорову сн҃у Трутовскому нанедвижимое его краснопольское имѣніе вурочищахъ верхъ рѣчки Закобыльской, которое запимъ въ 763 году июня „26„ дня справлено и втомже году сентября 23 дня..... отъказщикомъ Иваномъ Кузминымъ за нево Василья Трутовскаго отказано, совсего того производимаго дѣла и отказныхъ книгъ по силе 737 году сентября 16 дня Указу впредь для вѣдома заскрепою одного судящаго ......дать точную копію, а что вприсланномъ 763 году декабря ......13 дня придоношеніи изъ Бѣлогородской губернской канцеляріи ......ввотчинную коллегію Хотмыжскаго богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандрита Владимера челобитной написано что онъ учиненныя за онаго лакея

Трутовского (не)движимое ево краснопольское имѣніе отказныя книги изпровергалъ и ту отказную землю за Трутовскаго утверждалъ к тому знаменскому монастырю токмо чтобъ дѣйствительно оная ктому монастырю принадлежала нато отнего архимандрита крепостей никакихъ ввотчиной коллегіи непредявлено и посправке коллегіею экономіею не явилось, а хотя при проме(мо)ріи изтой коллегіи зграмоты и выписи копіи и пры......аны, но токмо оныя оказалися не на то отказное за Трутовскаго недвижимое краснопольское имѣніе но на другія того монастыря дачи Хотмижскаго уѣзда того ради и оному лакею Трутовскому того ево подлиного дѣла и отказныхъ книгъ копію дать опредѣлено. Подписанъ декабря 15 дня 1765 году. Подлиной журналъ впротоколъ за скрѣпою господъ присутствующихъ да секретаря......

VIII.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Проситъ живущей вмирополскомъ округе вдеревни Семионовки поповка тожъ синодалной священникъ Феодоръ Трутовскій а о чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

1.

Впрошломъ 1763 году июля 2 дня вышеозначенную деревню Семионовку, которая поселена предками моими нажалованныхъ имъ земляхъ продана отменя титулярному совѣтнику Ивану Василиеву сн҃у Верховскому а отнего Верховскаго продана сыну моему двора Вашего Императорскаго Величества квартермеистеру Василию Трутовскому, которая по продаже заозначеннымъ сыномъ моимъ справлена и отказана и пригенералномъ межевании отмежевана и современи покупки почитаетца за нимъ яжъ именованной здругими детми моими воонои деревни имею жителство саднова толко ево позволения для пропитания;

2.

Вcredнынѣшнемже 790 году извѣстился я что оуничтоженіи той моей верховскому а отверховского сыну моему Василию продажи впрошломъ 786 году вхарковской гражданской полате отимены моего незнаю отково подана прозба коя по резолюции той полаты втомже 786 году и препровождена приуказе для поступленія по законамъ вмирополской уездной судъ а тотъ судъ разсмотря ту поданную отимены моего прозбу определилъ оуничтоженіи техъ крепостей просить формално очемъ и вграждапскую полату того 786 году ноября отъ 2-го репортовалъ;

3.

Когдажъ помянутой сынъ мой Василий вхарковской гражданской полате просилъ одаче ему свидѣтелства что та ево деревня семионовка никому отнего непродана и незаложена и никакихъ на ней казенныхъ доимо҃к и партикулярныхъ долговъ несостоитъ и по той ево прозбе когда отмирополскаго уездного суда требована справка то и тутъ отименижъ моего подана вторичная прозба сприложеніемъ писанного отупо-

мянутаго сына моего Василія комне писма также оуничтожении той моей продажи но какъ я ту продажу сначала ее содержу законно справедливою и для того ипривсехъ законныхъ запомянутымъ сыномъ моимъ Василиемъ укрепленияхъ той деревни семионовка не спорилъ даиспорить уже запродажею никакого неимею права то и вышепрописанныхъ прозбъ неподавалъ и конымъ руки не прикладивалъ и оподаче оныхъ никому неизверялъ и прооные несведомъ былъ какъ выше значить даже понынешней 790 годъ почему и есть тѣ прозбы фалшивые коихъ осоставлении и оподаче имею я сумнителство на сына моего Порутчика Григря коему по старости и дряхлости моей поручены были все мои бомаги зчего вразсуждеіи глубокой моей старости а потому и перемены врукѣ характера наслучай смерты моей таковое дѣиство точно отнего последовало;

И дабы Высочаишимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сіе мое прошение харковского наместничества вполате гражданского суда принято и вышепрописаннымъ поданнымъ подименемъ моимъ воонoй полате ивмирополскомъ уездномъ суде составнымъ прозбамъ неверить и онепроизвождении по нимъ никакого деиства и оставлении попрежнему продажи отменя вышереченной деревни семионовки поповка тожъ заоднымъ сыномъ моимъ придворнымъ квартерменстеромъ Василиемъ Трутовскимъ по законнымъ уже данымъ утверждениямъ учинить по законамъ Вашего Императорскаго Величества разсмотрение и решение.

Всемилостивѣишая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошении решение учинить и поданию надлежить Харковского намѣстничества вполату Гражданского суда сентября дня 1790 году прошеніе писалъ регистраторъ Иванъ Дрябинъ. *(На гербовой бумагѣ 1787 г.).*

IX.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Ободренъ будучи извѣстнымъ всему свѣту Матернимъ Вашего Императорскаго Величества къ Вѣрноподаннымъ милосердіемъ осмѣливаюся и я повергнутся къ пресвѣтлѣйшему Вашего Величества престолу съ моею всеподданнѣйшею прозбою.

1-е, въ 7186^{м} (=1674) году марта въ 5-й день по Указу Блаженной памяти Государя Царя и Великаго князя Феодора Алексѣевича дана предку моему Василью Сидорову Трутовскому выпись на заимочную Его въ Бывшемъ Краснопольскомъ Уѣздѣ, которой нынѣ Мирополской, въ разныхъ Урочищахъ состоящую землю. — 2-е, въ 7201^{м} (=1693) году сыну его Семіону грамотою повелѣно съ поселенныхъ на той Заимочной и отъ другихъ дачь тогдажь отъмежеванной земли Черкасъ никакихъ поборовъ не брать. 3-е, въ 1758^{м} году вышепомянутая 7186 году выпись и грамота 7201 году явлена въ вотчинной Коллегіи. — 4-е въ 1762^{м} году приносилъ я всеподданнѣйшіи жалобу мою въ правительствующій Сенатъ наприкосновенныхъ владелцовъ озавладеніи земли и опротчемъ. — 5-е въ 1763^{м} году по Указу вотчинной коллегіи все оное недвижимое имѣніе повышепомянутой 7186го году выписи справлено и отказано замною. А хотя при отказѣ отъ нѣкоторыхъ смѣжныхъ владелцовъ и были

споры; но оные яко незаконные отрешены и на оное рѣшеніе ниоткого апеляціонной прозбы не было а въ 1775" году съ решенія вотчинной коллегіи дана мнѣ съ дѣла копія заскрепою присудствующаго. — 6-е Хотя во владѣніи томъ отъ нѣкоторыхъ помещиковъ произходили...

(Далѣе оборвано и не сохранилось.)

*X.

Харьковскаго Намѣстничества Палата Гражданскаго суда по удостовѣренію о недвижимомъ имѣніи Миропольской округи Помѣщика двора Ея Императорскаго Величества квартермейстера Василья Федорова сына Трутовскаго, что въ собственномъ его владѣніи состоитъ оной же округи въ деревнѣ Поповкѣ Семеновка тожъ написанныхъ за нимъ Трутовскимъ по послѣдней 4-й ревизіи мужеска пола слободскихъ крестьянъ Сѣмдесятъ двѣ души, и зъ коихъ какъ Миропольской уѣздной судъ свидѣтельствуетъ, убыло разными случаи двадцать одна, за тѣмъ осталось нынѣ въ наличности *пятьдесятъ одна душа*, и то имѣніе дошло ему Трутовскому по купчей въ 763" году, и за нимъ въ томъ же году сентября 25 дня справлено и отказано безспорно, спору на сіе имѣніе ни какихъ исковъ запрещеній нѣтъ, и казенной недоимки не числится, даетъ въ томъ свидѣтельство утверждающ.... о благонадежности залога при займѣ подъ оные пятьд.... адну душу изъ государственнаго заемнаго банка днгъ, ... дня 1793 года. Предсѣдатель Василій Крас... Советникъ Петръ.... Советникъ Михаилъ Данилевск... Надворный Совѣтникъ Григорей Бра... Титулярнай Советникъ Іванъ Ере... За секретаря Семе... (М. П.) № 202.

---

*XI. Патентъ на чинъ прапорщика — (квартермейстера) 1767 г.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская
и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Василья Трутовскаго, который при Дворѣ Нашемъ Лакѣемъ служилъ, за оказанную его къ службѣ Нашей ревность и прилѣжность, Дворажъ Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангъ сухопутнаго Прапорщика, тысяща седмь сотъ шестьдесятъ шестаго года Ноября двадесять четвертаго дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ подданнымъ онаго Василья Трутовскаго, Двора Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангѣ сухопутнаго Прапорщика, надлежащимъ образомъ признавать и почитать; напротивъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ томъ ему отъ Насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму рабу надлежитъ. Во свидѣтельство того, Мы сіе Нашему Правительствующему Сенату подписать, и государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ Генваря 12 дня 1767 года. Сенаторъ и ковалеръ графъ М. Скавро"ской. Сенаторъ и кавалеръ Петръ

Панинъ. Сенаторъ и кавалеръ Николай (Муравьевъ?). Сенаторъ и кавалеръ Николай Чичеринъ. Тайной Совѣтникъ и Сенаторъ Василей Адодуровъ. Коллежской Совѣтникъ Михайла Приклонской. Секретарь Василей Спиридо(новъ). Въ Сенатѣ въ Книгу записанъ подъ № 9.

XII—XVI. Бумаги, относящіяся до ходатайства В. Ѳ. Трутовскаго объ утвержденіи въ правахъ шляхетства.

XII.

Да въ томъ же томѣ на страницѣ 381 напечатано слѣдующее.

Переводъ.

Третиусъ (по российски Трутовскій) герба Левартъ въ Краковскомъ воеводствѣ, Христофоръ Третиусъ секретарь королевскій, (а на 382 страницѣ напечатано) между министрами калвинскими, безпристрастнѣйшій, отъ короля Стефана Дворянствомъ пожалованъ, а отъ Фирлеевыхъ къ гербу Левартъ допущенъ, о семъ грамоту полагаетъ Папроцкій о гербахъ на листу 391 нажилъ было имѣние въ Пенковицѣ, на чванихе растояниемъ отъ Кракова одна миля, но сынъ ево такъ же Христофоромъ называвшійся, имѣвши въ супружествѣ Катерину Реіовну, продалъ тѣ грунты то есть маетности или помѣстья Ивану Шидловскому въ 1717 году, пишетъ Барановскій. — Перевелъ точно академіи наукъ колежскій ассесоръ Кириякъ Кандратовичь ноября 28 дня 1776 года.

1785 года декабря дня дана сия копия двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказанія о дворянстве ево поучиненной отъ Харковскаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имеется у него Трутовскаго.

Левардъ гербъ № 1. (*Рисунокъ* герба Трутовскихъ см. въ снимкѣ на отдѣльно приложенной таблицѣ *A*. 1 — при стран. 496) должна быть на щиту вкрасномъ полѣ рука вооруженная держащая къ правой сторонѣ щита золотой перстень скамнемъ туркусомъ тоесть яшмою, жабикомъ или сердоликомъ на шлемѣ или шишакѣ дѣвица въ коронѣ держитъ таковъ же перстень, въ коронѣ на ея головѣ три пера пестрочерныхъ, сей гербъ вышелъ изъ Лузацыи, употребляютъ Голевалты въ Элсенѣ въ Пруссіи, истѣхъ былъ Андрей Фонлевалтъ недалеко отъ Квизина въ Отелькѣ и Отлѣ наслѣдникъ рожденный отъ коноядской, герба Правдичь, въ супружествѣ имѣлъ Поленцовну, отъ которой имѣлъ дѣтей обоего пола, съ великою надеждою, преставился 1652 года имѣя 68 лѣтъ отъ рождения погребенъ въ городѣ, очемъ свидетельствуетъ тамъ же хоружей, въ рукописныхъ книгахъ изъ фамиліи прусовъ затѣмъ что авторъ Папроцкій и Околскій объ оныхъ не писали.

XIII.

Гербовные тоесть однофамилцы симъ же гербомъ печатающіеся.

Броневскій — Кчевскій, — Конарскій, — Меглевскій Фирлей — Кроватскій — Маркушевскій — Третіусъ — Горскій.

Перевелъ точно безъ прибавления безъ убавления и безъ всякой перемѣны, академіи наукъ коллежскій ассесоръ Кириякъ Кондратовичь ноября 29 дня 1776 года.

1785 года декабря дня дана сия копия двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказания о дворянстве во поучиненной отхаркоускаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имѣется у него Трутовскаго.

XIV.

Переводъ Изъ реестра королей полскихъ, положеннаго предъ первымъ томомъ гербовниковъ польскихъ автора Каспра Несыцкаго,

Стефанъ Баторій князь семиградскій герба три зубы, коронованъ въ 1576 году, а умеръ въ 1586 году въ Краковѣ.

Августъ вторый князь саксонскій выбранъ и коронованъ въ 1697 году.

Перевелъ сполскаго языка 1777 года маия 15 дня академіи наукъ колежскій ассесоръ кириякъ кондратовичь.

1785 года декабря дня дана сия копия ..... двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказанія одворянствѣ ево поучиненной отхарковскаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имѣется у него Трутовскаго. (отъ переводчика коллежскаго ассесора (что ныне надворнымъ советникомъ) Кирияка Кондратовича.)

XV.

Гдрь мой братецъ Михайло Федоро... поучиненной отхарковскаго наместническаго правления публикаціи присемъ влагаю одворянстве фамиліи нашей зарукою моею доказателство иктому принадлежащие документы, прошу васъ к сочинению родъсловной книги оные подать и естли какое и сверхъ того потребно будетъ объяснение ктому икчему надлежитъ вместо меня руку приложить, и совнесения вродсловную книгу фамиліи нашей копию или атеста[т] испросить и комне выслать, я вовсемъ то[м] вамъ верю и что посему вами учинено будетъ втомъ впредь спорить не буду. — Брату моему господину прапорщику Трутовскому (далѣе зачеркнуто: въ харковскомъ наместничествѣ вмирополской округе вдеревне поповке семеновка тожъ) вашъ покорный (Государя моего) слуга и братъ Василей Федоровъ сынъ Трутовской двора Ея Императорскаго Величества квартермейстеръ Генваря дня 1786 года всанктъпетербурге.

*XVI.

Какъ представлены мнѣ двора Ея Императорскаго Величества отъ Квартермейстера Василья Федорова сына Трутовскаго, документы съ гербами, въ томъ! что фамилія ихъ Трутовскихъ изъ Польскаго Шляхетства, и что предки ево вышли изъ Польскаго владенія подъ великороссійскую державу въ 1673 году. Въ слѣдствіе коихъ документовъ и я симъ свидѣтельствую что фамилія Трутовскихъ дѣйствительно изъ Польскаго Шляхетства. Во увѣреніе чего дано сіе за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати въ Санктпетербургѣ февраля 18 дня 1790 года. Его Величества

Короля и Рѣчи Посполитой Польскій Полномочный Министръ при Всероссійскомъ Императорскомъ дворѣ хорунжій надворный Коронный и орденовъ Бѣлаго орла и Святаго Станислава Кавалеръ *Августинъ Деболи*. Приложена черная гербовая печать.

*XVII.

Грамота отъ Дворянскаго Собранія Харьковской губерніи 1792 (?) года:

Грамота.

Харьковской Губерніи отъ Губернскаго Предводителя Дворянства и уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ, собранныхъ для составленія Дворянской родословной книги, данная Дворянину господину придворному [квартермейстеру Василію] Ѳедоровичу Трутовскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества въ 1785 году Апрѣля 21 дня Дворянству Грамоты предъявленныя отъ него Трутовскаго о Дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ ..... статьи объявленной Грамоты, онъ и родъ внесенъ въ Дворянскую родословную Харковской губерніи книгу въ .... ея часть. Во свидѣтельство чего мы Губернскій Предводитель Дворянства и Депутаты во исполненіе всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія дали ему сію Грамоту за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью Дворянскаго собранія Харковской губерніи, ... дня 1792 года. Предводитель Дворянства Иванъ Зарудинъ. Дворянства депутатъ богодуховской округи Андрей Ковалевской. Харковской дворянской депутатъ Алексѣй Квитка. Волчанской (дворянской) депутатъ Федоръ (Восковъ). Ізюмской ..... депутатъ Андрей Зеленской. Красно ..... депутатъ (Сава Алексѣевъ?). Миропольска ..... депутатъ Князь Дмитрій Кудашевъ. Лебединской дворянства депутатъ Алексѣй Алферовъ. Дворянства депутатъ Василій Вартаповъ. Ахтырской дворянства депутатъ ..... Галкинъ. Белопо̂ского дворянства депутатъ Иванъ Титовъ. Дворянства Секретарь Яковъ Кричевскій. При запечатаніи № 181.

XVIII.

По дѣлу о наслѣдствѣ — по смерти В. Ѳ. Трутовскаго.

Свидѣтельство. 1816 года іюля 13 дня мы нижеподписавшіеся дали сіе свидѣтельство ахтырскаго уѣзда помѣщику прапорщику Михайлѣ Федорову сыну Трутовскому въ томъ, что онъ Михайло; Иванъ, который умре, поне[мъ] дѣти Иванъ, Семенъ и Андрей; Іосифъ, Федоръ; Григорій, который умре по немъ дѣти Иванъ и Петръ, Умершаго Ахтырскаго помѣщика кольлежскаго ассесора Василія Федорова сына Трутовскаго, имѣвшаго въ своемъ владѣніи деревню Поповку сокрестьянами, дѣйствительно родные его братья: Осипъ, Федоръ и Михайло; а Иванъ, Семенъ, Андрей, Иванъ и Петръ родные племѣнники, и побездѣт-

ству онаго Василія есть законные наслѣдники къ его имѣнію; въ чемъ мы подостовѣрной намъ извѣстности симъ свидѣтельствуемъ и подписуемся. Подлинное подписали правящій должность ахтырскаго дворянскаго предводителя дворянства засѣдатель Николай Нахимовъ ахтырскаго уѣзда помѣщикъ подполковникъ Семенъ Радіоновъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ маіоръ Левъ Перекрестовъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ титулярный совѣтникъ Максимъ Васильевъ сынъ Ковтуновской, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ кольлежскій секретарь Иванъ Михайловъ сынъ Дзюбинъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ Кольлежскій регистраторъ Николай Ивановъ сынъ Негребецкій, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ титулярный совѣтникъ Максимъ Михайловъ сынъ Мандрыкинъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ губернскій секретарь Василій Семеновъ сынъ Македонскій, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ губернскій секретарь Иванъ Степановъ сынъ Рожанько, титулярный совѣтникъ Александръ Пархоменковъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ кольлежскій регистраторъ Константинъ Перекрестовъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ кольлежскій секретарь Яковъ Ивановъ сынъ Анищенковъ.

1816 года іюля 28 дня, что сіе свидѣтельство, представленное при прошеніи ахтырскаго уѣзда помѣщика прапорщика Михайла Федорова сына Трутовскаго дѣйствительно ему отъ правящаго должность ахтырскаго уѣзда дворянства предводителя итогожъ уѣзда дворянъ всего двенадцати лицъ дано и собственными ихъ руками подписано, вътомъ Слободско-Украинской губерніи ахтырской Уѣздный судъ подписаніемъ съ приложеніамъ Казенной печати и совзятіемъ Указныхъ печатныхъ пошлинъ съ восковыми 54½ ко. свидѣтельствуетъ. Подлинное подписали дворянства засѣдатель Кольлежскій ассесоръ Макарій Шимановъ, засѣдатель Семенъ Водянискій, засѣдатель Анисимъ Шендиба. Секретарь Нестериновъ 14-го класса Степановъ. № 1207. Печатныхъ пошлинъ съ восковыми 54½ ко. взято (м. п.).

Краткій обзоръ рукописнаго этнографическаго матеріала, доставленнаго Предварительному Комитету по устройству XII Археологическаго Съѣзда.

А. В. Ветухова.

Матеріалъ доставленъ духовенствомъ и народными учителями [1]) и сгруппированъ проф. Е. К. Рѣдинымъ. Матеріалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ открываетъ возможность возстановить не мало отживающаго и даетъ опору для изслѣдованія эволюціи тѣхъ или иныхъ явленій народной жизни. Иныя же изъ доставленныхъ корреспонденцій, по обстоятельности того или иного частнаго вопроса, заслуживаютъ напечатанія цѣликомъ или съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. — Подобранъ матеріалъ по уѣздамъ въ алфавитномъ порядкѣ, а каждый уѣздъ — въ алфавитномъ порядкѣ названій мѣстъ, откуда доставлялись сообщенія. Въ такомъ порядкѣ дается и обзоръ матеріала, при чемъ болѣе полное и яркое описаніе той или иной частности приводится in extenso, а указанія на однородное въ другихъ мѣстностяхъ — въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. (Для примѣра, — нѣсколько такихъ частностей: 1) народныя пѣсни, полож. на ноты, 2) рыболовныя снасти, 3) выгонъ скота, 4) хата и ея части, 5) мужская и женская одежда и головные уборы, 6) нѣкоторые отдѣльные обычаи и повѣрья, 7) мѣстныя названія частей водяной и вѣтряной мельницъ, 8) старинныя народныя кушанья и напитки, 9) выпаливаніе угля, 10) гончарное производство, 11) крестьянскій обѣдъ въ будень, въ воскресенье и въ торжественныхъ случаяхъ, 12) дѣтскія игры, 13) выдѣлка холста (счетъ нитокъ), 14) свадебные обряды, 15) ступа, кожаныя рѣшета, „олійныця“ и др.) Въ заключеніе — нѣсколько замѣчаній о способахъ подъема продуктивности работы корреспондентовъ.

Обзоръ этнографическихъ матеріаловъ, доставленныхъ изъ губерній, *кромѣ Харьковской:*

1) *Екатеринославской* губ. и у., деревня *Федоровка* иначе *Языкова.* (Учитель Георгій Каковскій).

---

[1]) Почти исключительно Харьковской губ.—2 сообщенія изъ Екатеринославской губ., 3—изъ Курской и 1 — изъ Полтавской.

Раньше здѣсь отдѣльными поселками проживали запорожцы. Приведены названія мѣстныхъ урочищъ-балокъ, и „могилъ“. Свѣдѣнія о старинной чумацкой дорогѣ. Въ 2 верст. находится „*Камень съ пещерой*“. Преданіе о ней говоритъ, что скала плыла внизъ по Днѣпру, а въ ней сидѣлъ „змій“. Когда скала остановилась у берега, изъ скалы вышла процессія и заклляла склоны; змѣй вылѣзть не могъ, но года два еще слышны были оттуда стоны, раньше видны были и кости змѣя, а теперь закрыло пескомъ; называется „*Периновой*“ (б. м. сближеніе съ Перуновой). Въ 7 верст. на Днѣпрѣ есть громадные камни, которыми, по преданію, перебрасывались богатыри черезъ Днѣпръ, на одномъ камнѣ различаютъ даже слѣды пальцевъ богатырскихъ.

2) *Екатеринославской губ., Павлоградскаго у., села Межирѣча,* записано свящ. П. Блудовымъ. Этнографическія свѣдѣнія: Повозокъ нѣтъ: вмѣсто нихъ брычки — фургоны. Есть водяная мельница, при ней маслобойня и сукновальная. Приложенъ рисунокъ мельницы и церкви. Есть лирникъ Андрей Рыбалка, а въ сосѣднемъ селѣ Мавриной — Лукьянъ Шульга.

3) *Курской губ.*, Корочанскаго у., записаны г. *Проскурниковымъ* пѣсни. Здѣсь — взаимодѣйствіе малорусскаго и великорусскаго населенія, приведено 10 пѣсенъ (записан. не фонетически), которыя записыватель считаетъ оригинальными.

4) *Курской губ., Тимского у.*, запис. *А. И. Томилиной* „Исторія о богатомъ Маркѣ“, записан. лѣтъ 25 тому назадъ В. Е. Шумаковой со словъ одной крестьянки Тимск. уѣзда.

5) Запись г. Томилиной — стихотвореніе, относящееся къ одному курскому губернатору.

6) *М. Русовъ*, „*Игры дѣтей въ Полтавщинѣ*“.

Обозрѣваемый здѣсь матеріалъ — плодъ громаднаго коллективнаго труда духовенства и учителей. Не менѣе труда было затрачено по разсортировкѣ его, при полученіи секретаремъ Прадварит.: Комитета проф. Е. К. Рѣдинымъ.

Если трудъ этотъ и не далъ тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать отъ него, причинъ тому не мало: въ рѣдкихъ случаяхъ небрежное отношеніе къ запросу, въ другихъ формальная отписка, чаще непониманіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, неумѣніе отрѣшиться отъ мысли, что наиболѣе обыденное для наблюдателя, нисколько для него не замѣчательное, и представляетъ для науки наибольшій интересъ, а самое главное — отсутствіе, за немногими исключеніями, всякой подготовки у корреспондентовъ къ подобной работѣ.

Несмотря, однако, на эти неблагопріятныя условія, горячій посильный откликъ большинства на запросъ выдвинулъ передъ нами многое, прятавшееся въ глубь старины, сохранилъ для будущаго ту картину быта населенія современнаго, изъ которой многія черты отошли бы въ область преданій и были преданы забвенію.— Конечно наиболѣе по количеству отвѣтовъ давалось на вопросы, не требовавшіе особыхъ разспросовъ и долгаго раздумыванія надъ ними, а сами просились на бумагу.

Таковы описанія мѣстоположенія села (и деревни, хутора), исторія его происхожденія и преданія по поводу названія его или ближайшихъ окрестностей, костюмы, обычныя занятія крестьянъ и пр.

Все это въ извлеченіи и по привиденію въ порядокъ представитъ интересъ и послужитъ матеріаломъ для ряда изслѣдованій въ области эволюціи народнаго быта.

Въ настоящей замѣткѣ я остановлюсь лишь на тѣхъ изъ матеріаловъ, которые въ той или иной части выдаются изъ ряда другихъ и могли быть напечатаны цѣликомъ или съ небольшими передѣлками и видоизмѣненіями или же единичныя въ своемъ родѣ. Для удобства нахожденія указаній заинтерисованныхъ, излагаю въ томъ порядкѣ, какъ подобранъ матеріалъ — въ алфавитномъ порядкѣ названій уѣзда и селеній.

Ахтырскій уѣздъ: 1) село *Бѣлка.* Присланы *положенныя на ноты* (единственный въ собраніи матеріалъ) 3 колядки: а) „У сего пана скамья заслана“ (величаніе домохозяина), б) Прославленіе солнца, мѣсяца и грома, в) Родъ жыдивскій засмученый и г) пѣсня „Человиче, шо ты знаешъ, шо ты все пьешъ, та гуляешъ! — 2) *Каменецкое* — описаніе головного убора *„сорока“* (изъ бархата или плиса, разшитаго золотомъ и серебромъ, около ушей — кисти „пушки“) и *„паневы“* (черный шерстяной сарафанъ, съ красн. вставками сзади и спереди). 3) *Кириковка* — наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія даны о рыбной ловлѣ (расположена по берегамъ Ворсклы): Снасти: волокъ, прыволочка, сѣть, *Крылачи* (-вентеря), сакъ, подсакъ, *ришитка* (-слабо натянутая на обручъ сѣтка для ловли раковъ), *Липцы* (палка съ прочною ниткой, на концѣ которой прикрѣпляется раскрытая раковина, головка тарани — для приманки раковъ; тянутъ осторожно и подхватываютъ сакомъ), *Кубарь* (родъ верши, изъ тонкой лозы). Иногда для ловли рыбы перегораживаютъ рѣку плетнемъ *(езокъ)*, съ небольшимъ окномъ посрединѣ, гдѣ и ставятся кубари или вентеря. (Ср. еще въ Богодух. у., с. *Тарасовка* „Крылача“ „Кубари“ „Нерета“.— *Ямполь* (Изюм. у.) „котозы, оротянки, блещанки“). Рыболовство приходитъ въ упадокъ, т. к. сосѣдній сахарный заводъ спускаетъ въ рѣку „чвыръ“, отъ котораго рыба вымираетъ.

Въ одеждѣ и бытѣ населенія сохранилось много старины (бовдырь, журавель, крепъ сало и чубка, сирякъ, кужухъ съ лежачимъ „комиремъ“, капелюхъ съ затыльникомъ и наушниками, дерга — (плахта черной матеріи), сапьянцы (сапоги красные зеленые или красные съ черными головками).

II. *Богодуховскій уѣздъ*: 1) *Краснокутскъ* — отъ „красный“ и „кутъ“ т. е. живописный уголокъ, на рѣкѣ „Мерлѣ“ — гдѣ, по преданію, въ 1709 г. утонули шведскія войска, направленыя къ Полтавѣ; жители К. и окрестности обрубили передъ приходомъ враговъ ледъ по берегамъ.— 2) *Полковая Никитовка* — сохранилось приготовленіе „варены“ — переваренная вода съ сахаромъ, корицею, перцемъ и гвоздикой.— 3) *Поповка* — кустарные промыслы: изготовленіе саней, повозокъ, колесъ и гончарныхъ издѣлій (посл. до 80 т. штукъ въ годъ); исчислена стоимость производствъ. — 4) *Тарасовка* — обычай умыканія невѣстъ — „выйти замужъ бѣгцомъ“, практикуется бѣдняками не имѣющими возможности внести за невѣсту извѣстной суммы: 5) *Яблоное* — подробное описаніе выгона скота на пастбище: рогатый — дѣлится на 3 части — „череды“, а овцы на 3 „ватаги“, каждая часть со своимъ пастухомъ, получающимъ въ сезонъ за каждую штуку рог. скота 20 коп., 3 хлѣба и 2 гарнца зерна, а за овцу — 12 коп. и 1 гарнцъ зерна.

III. *Валковскій уѣздъ* свѣдѣній не доставилъ совсѣмъ.

IV. *Волчанскій у.* [1]): *Базалѣевка.* Обстоятельные отвѣты на многіе вопросы программы: подробное описаніе „хаты" и ея частей, молочнаго хозяйства, одежды (особенно женской), повѣрій и обычаевъ. Для охраненія скота отъ вѣдьмъ окропляютъ его подъ Крещеніе святой водой и пишутъ кресты на рогахъ, а на „зелену недилю" (Троица) ставятъ у воротъ осиновое „клычапня", иногда коровѣ проверчиваютъ рогъ, вкладываютъ въ отверстіе херувимскаго Благовѣщскаго ладону и забиваютъ, на средо-крестной недѣлѣ пекутъ изъ хлѣба крестъ и хранятъ его до выѣзда на посѣвъ, когда и употребляютъ въ пищу [2]).— Подъ Ивана-Купала плетутъ вѣнки, втыкаютъ въ землю вѣнки украшенные лентами *(марену)*, ходятъ около нее, а потомъ бросаютъ ее вмѣстѣ съ вѣнками въ воду колышкомъ изъ осинов. клычання. При пахотѣ плугомъ не имѣющіе воловъ, спрягаются по 1 лошади; называютъ ихъ *супрягачи.*—Сохранились *старинныя кушанья:* кваша, затирка, пампушки жареные пшеничные, вареные, гречневые; вареники съ *урдой* (макуха-жмыхъ кипятится въ водѣ, пѣна собирается и смѣшивается съ крутой пшенной кашей).— *Одежда* и гол. уборы: *Капелюхи* или „малахаи"—*Попоня* (кусокъ черной матеріи, подпояс. краснымъ или зеленымъ поясомъ — одежда старухъ), *холодайкы* (кофта безъ таліи до пояса), *ганитуровые* (шелковые) платки (дѣвушки повязываютъ голову); по буднямъ женщины носятъ „очипки".— 2) *Верхній Салтовъ*: присланъ учителемъ Бабенко рядъ этногр. предметовъ, дано подробное перечисленіе названій одежды, домашней утвари и орудій, съ обозначеніемъ ихъ стоимости, выражепа готовность по первому заявленію Комитета пріобрѣсти для него указанные предметы. Дано живое картинное описаніе села; дано описаніе мельницы водяной. Приложенія: 1) видъ крестьянской постройки съ натуры (хата, амбаръ, сарай, клуня, амшаникъ, 2) планъ селенія съ хуторами, 3) парчевый чепецъ, 4) 2 нагрудныхъ креста 5) поддѣльный мѣдный дукатъ, 6) 2 писаницы, 7) сцѣпка, 8) перекрепа. 3) *Верхняя Писаревка*— особый видъ селенія: постройки кирпичныя, подъ желѣзной крышей, съ деревяннымъ поломъ (жители почти всѣ служащіе въ экономіи); одежда городская; у любителей пчеловодовъ — рамочные ульи разныхъ системъ. Однако любовь къ стариннымъ кушаньямъ и приправамъ (журъ, бублики, шафранъ, имбирь, перецъ) сохранилась. 4) *Ивановка* — дано подробное описаніе „безмена" и пользованія имъ. 5) *Отрадное.* — Въ школѣ имѣется старинныя (20-хъ гг. прошлаго столѣтія) карта Волчанскаго уѣзда 6) *Петропавловка.*— Распахиваютъ „на зябь" (подъ озимые) въ августѣ. Дано краткое, но толковое описаніе частей *вѣтряной* мельницы [3]): клѣтка (или связь), махъ (6 крыльевъ), валъ (для колеса), веретено, баклюша на веретенѣ, камни (снасть), ступы (для рушки проса и ячменя).— За помолъ 1 гарнецъ муки съ мѣшка и 1 мѣшокъ зерна изъ 15.— Старинныя кушанья: *полывка* (изъ пшена и толченаго конопл. сѣмени), *зубцы* (изъ пшена и кутьи), *лымишкы* (соломатъ изъ

[1]) Ср. свѣдѣнія изъ „Волохова-Яра" Зміевскаго уѣзда.

[2]) Тотъ же обычай отмѣченъ и въ хуторѣ Дегтярномъ (Волг. у.— Ср. Краснянка, Кузешовка (к. у.).

[3]) Части водяной мельницы (срубъ, махи, валъ, шестерня, камень ступы) перечислены въ описаніи С. „Малая Волчья" (Годоюжскъ).

гречневой муки), *кваша* (изъ ржаной муки съ сушеными фруктами [1]). Названія одежды: халадайка (кофты безъ перехватовъ), баски, ватошники, кожушины. — 7) Хуторъ *Хрипунъ* — во многомъ сохранилась старина: раскрашенныя на колесахъ скрыни, сохи, малахаи, хустки, мониста съ дукатами, мережки на подолѣ и рукавахъ сорочки; вышивки — назыв. „лыштва“.— 8) *Юрченково* — хлѣбъ, по преимуществу, въ ходу ячменный.

V. *Зміевской уѣздъ*: 1) *Балаклея* — сохранилось нѣсколько типичныхъ построекъ отъ временъ военныхъ поселеній, съ фронтонами крытыми черепицею и соломой. (Ср. еще с. Шебелинка). — 2) *Гомольша* — дано подробное описаніе одного изъ промысловъ — *выпаливанія угля* (Дрова въ $^3/_4$ арш. или нѣсколько длиннѣе ставятся вертикально вокругъ пучка соломы, обложен. мелкими щепками для подпала, на этотъ рядъ ставится еще рядъ полѣньевъ, пока образуется пирамида около 2 арш. высоты („Ставецъ“). Ставецъ этотъ, при основаніи до 3 арш., вмѣщаетъ въ себѣ до $^1/_2$ саж. дровъ, покрывается соломой и обсыпается землей для устраненія горѣнія пламенемъ. Что бы ставецъ не разсовывался обиваютъ кругомъ колышками. Поджигаютъ тряпкой, пропитанной смолой.)

VI. *Изюмскій уѣздъ:* 1) *Гусаровка* (учителемъ Стежкинымъ) — приложено нѣсколько рисунковъ церкви, дерев. построекъ и предметовъ дом. обихода, описаніе свадьбы; сохранился обычай выставлять „покрасу“. Приведено много разныхъ характерныхъ пѣсенъ, шутокъ, загадокъ, примѣтъ, повѣрій, суевѣрій, разсказовъ о вѣдьмахъ и нѣсколько сказокъ. — 2) *Ямполь* „Журавли“ сохранились у колодцевъ и при подъемѣ сноповъ на высокія скирды; сохранились кремень и губка, а изъ мелко изрѣзанныхъ и сваренныхъ грибовъ на старыхъ деревьяхъ и 5) изъ мокрой тряпки зарытой на нѣсколько дней въ золу гречневой соломы.— Водяныя мельницы называются „байдаками“.— Промыслы: гончарный, огородничество и выпаливаніе угля.

VII. *Купянскій уѣздъ*: 1) *Араповка*. Сохранилось преданіе объ озерѣ „Викныно“, откуда беретъ начало рѣка Дуванка: на этомъ озерѣ атаманъ разбойниковъ „якъ добро дуванили“, поссорившись съ товарищами, затопилъ лодку съ золотомъ. Приведены народныя повѣрья, относительно къ печи и огню („печина“ — предохранительное и лѣкарственное средство); рядъ загадокъ; — 2) *Гончаровка* — описаніе очень обстоятельное и разностороннее: (расположеніе села, устройство двора; предметы домашняго обихода; заговоры, обереги скота отъ волковъ, отъ укушенія змѣи, и сборѣ травъ на Симона Зилота (10 мая); обычай печь крестъ изъ хлѣба, съѣдаемый при посѣвѣ; при уборкѣ оставлять на полѣ пучекъ колосьевъ, крѣпко связанный, Ильѣ на бороду; подробное описаніе одежды мужской и женской (сохранились, капоры, плахты); старинныя кушанья (тюря, путря, урда); свѣдѣнія о Лирникѣ Никитѣ Ильяшевѣ, — составленное учителемъ Стежкинымъ, заслуживаетъ напечатанія. — 3) *Колодежная* — приведенъ рядъ народныхъ повѣрій. (Интересное: нельзя плевать въ окно, п. ч. можно заплевать глаза ангелу.) — 4) *Краснянка* — хаты ставятся симметрично въ линію, съ нѣсколько колонами въ передней части, въ родѣ балкона; крыша покрывается т. н.

[1]) Въ селѣ Рубленомъ „сохранилось стар. куш. „тюря“. — Въ „*Козовкѣ*“ (Изюмск. у.) „потапчики“.

„парковъ“ (солома пропитанная глиной); дѣлится на двѣ части: черная изба и комнатка; иногда для стариковъ, родоначальниковъ нераздѣленной семьи пристраивается „хатенка“; богатые строятъ въ 3—4 комнаты съ балкономъ.—Нѣсколько обычаевъ ничего не давать изъ дому въ тотъ день, когда отелилась корова или объягнилась овца.—Нѣсколько данныхъ изъ народной медицины. Свѣчи восковыя домашняго приготовленія, изъ желтаго воска, считаются мѣстными раскольниками угоднѣе Богу.— 5) *Куземовка.* Для *счета* при выдѣлкѣ овчинъ и валяніи суконъ употребляются особыя палочки — „карбижи“. Приведенъ заговоръ отъ зубной боли.— Сохранились, какъ старина, щипцы для сальныхъ свѣчъ (присылаемые вмѣстѣ съ описаніемъ).— 6) Хуторъ *Маліевка* (Песчанской вол.) — Обстоятельное описаніе *обѣда* въ будни, въ воскресенье, на свѣтлый праздникъ: (какъ разсаживаются за столомъ, въ какомъ порядкѣ подаются кушанья; молчаніе во время обѣда, послѣобѣденная молитва: „Спасыби Богу, Матери Божій, усимъ святымъ за хлибъ за силь, за обидъ); ложка у каждаго своя, лишней ложкой за столомъ воспользуются „злыдна“; мисокъ должно быть 3 одинаковыхъ (борщъ, каша, лапша) тарелокъ 2 (для мяса и колбасы).— Приведено нѣсколько народныхъ разсказовъ, (Матвій и Сало, Безродный и др.) легендъ и повѣрій. 7) *Мостки* — легенда о разбойникѣ Василькѣ, первомъ поселенцѣ, жившемъ за болотомъ куда вели мостки 8) *Ново-Николаевка* — присланы выкройки одежды и модель очипка, приведено нѣсколько примѣтъ и повѣрій (между прочимъ о воскресеніи, понед. и пятницѣ); приведенъ заговоръ отъ лихорадки.— 9) *Ново-Красная* — 4 ярмарки.— Обычай при продажѣ скота: продавецъ беретъ налыгачъ правой полой одежды и правой рукой передаетъ его купившему, который то же принимаетъ правой полой; беретъ горсть земли и сыплетъ на спину покупки, а продавецъ даетъ ему кусокъ хлѣба.— Разсказъ о томъ, какъ проходили полемъ Господь и св. Петръ — 10) *Преображенная* — тетрадь сказокъ — 11) *Покровскъ* — „журавель“ у колодцевъ обычное приспособленіе.— Обычай передачи проданнаго скота изъ полы въ полу, обтираніе спины землей и переведеніе ея черезъ растянутый на воротахъ поясъ.— Приведены названія частей вѣтряной мельницы (склизи, осьмерикъ или столецъ, поворотъ и лотокъ), за помолъ $^1/_2$ гарн. съ мѣры.— Описаны женскіе головные уборы: кокошникъ — изъ бархата, чепецъ — изъ парчи, иногда серебряной.— Даны свѣдѣнія изъ острономіи и метеорологіи (пятна на лунѣ — Каинъ и Авель, перемѣна дня и ночи; падающая звѣзда — вѣсть о покойникѣ). Даны свѣдѣнія о лѣченіи домашняго скота.—12) *Петропавловка.*— Хлѣбные амбары ставятся или на выгонѣ или во дворѣ вдали отъ построекъ. Промыслы: выдѣлка прялокъ (мастеръ Иванъ Бугаевъ); выдѣлка корзинъ изъ лозы вся деревня; корзины отправл. въ Ростовъ и Таганрогъ); кирпичный заводъ; нѣсколько кузнечныхъ и бондарныхъ заведеній.— Запашка подъ озими — въ Петровку подъ яровое съ августа до морозовъ.— 13) *Подлиманъ* преданіе о кладѣ въ „Толстой могилѣ“.— Названіе скатерти „Накидка“,— 14) *Радьковка* — прислано нѣсколько рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ и мѣстными названіями: а) изба и дворъ, б) планъ двора зажиточнаго крестьянина, в) воловьи сани („рожнати“) г) козырьки и д) скрыня — окованный ящикъ.—15) *Смородьковка* — постройки изъ дерева, камня и „самана“.— Въ зимнее время есть спросъ на книги

религ. нрав. и историко-героич.; наименѣе интересуются „побрехеньками (сказки, анекдоты и пр.). — *Староверовка* — описанъ способъ варки пищи на треногѣ; огонь разводится въ ямѣ „кабицѣ". Описаны подробно кушанья старинныя и ихъ приготовленіе — „зубцы, путря." — Въ праздники пьютъ фіалковую воду. Названія женской одежды (между прочимъ „кирасъ съ усами" — кофточка со складками — сохранились коровай и гильце — чтобы пчелы никого, кромѣ хозяина не подпускали кормятъ ихъ ледомъ съ истолчен. змѣиной кожей или желчью щуки. — *Тополи* — дано подробное заслуживающее печати описаніе рыболовныхъ снастей: каюкъ, сѣть, ботъ, клопило, волокъ или бредень, неводъ, недетка, кодсакъ, вентирь, кубырь, накидка, ости и удочка; перечислены мѣстныя рыбы (сомъ, чабакъ сазанъ, щука, сула, ершъ, линекъ, налимъ, вырызубъ, плотва, окунь, себель, плекавка, красноперка, карась, вьюнъ). Охотничьи снасти, ружье, сѣтка байка (для приманки перепеловъ) и пленка; названія птицъ: крыжни, чирята, лыски, дупели, кулики, бекасы, валешники, дыркачи, ревусы, драхвы, горлицы, дикіе голуби, перепелки, ванчики, пустушки, чубатыя куропатки, дикія курочки.— Нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ.—18) Хуторъ *Топольскіе пески*: части избы: хата и меньшая „теплушка", на сволокахъ — кресты и годъ постройки. Промысловые инструменты: прялка, донце, верстакъ (ткацкій станокъ) съ частями ляда, челнокъ, питъ и берда. — Рыболовныя снасти. Экипажи: дроги съ спинкой, гарбы — для возки сноповъ.— Краткій заговоръ отъ лихорадки („пропасныци" „каженки„) — Легенда о курганѣ: мать молодого татарскаго воина (сына паши) съ горя по павшемъ въ бою сынѣ сошла съ ума и покончила съ собой; и была похоронена въ томъ же курганѣ, но душа ея не успокоилась: ночью слышны изъ могилы стонъ и плачъ, а въ полночь вокругъ могилы бродитъ какая-то бѣлая фигура, ломая руки. — Дано очень толковое и обстоятельное заслуживающее печати описаніе одежды головныхъ уборовъ и обуви а) мужская рубаха (станокъ, рукава, ожерелокъ, б) женская рубаха (станокъ, подставка бываютъ додольныя; рукава собраны по краямъ обшиты цвѣтною полоскою пальца въ два „мангета" в) юбки широкія и короткія, обшитыя у дѣвицъ внизу брыжами". Сохранились кокошники и чепцы. Обувь: чирики (родъ кожан. лаптей), ходачка (туфли). — 19) *Торская (Байрачекъ)* — бывшее военное поселеніе, населенное „москалями — перевертнями при рѣкѣ „Черный жеребецъ" (въ ней по преданію утонулъ конь татарскаго воеводы). — Краткое описаніе экипажей (у „рожновыхъ" саней придѣлываютъ для запряжки воловъ *вайе*. Для пряжи употреблялась раньше „козочка" — раздвоенная вверху палочка, заправляемая въ днище на козочку надѣвалась „мычка", откуда и тянулась нитка. — Для взвѣшиванія — „кантырь". Для вытаскиванія ведеръ изъ колодца „зводъ" и „ключка". — Плата пастуху отъ штуки 20 — 30 к., 1—2 чк. зерна и 1 печеный хлѣбъ — „выгонщина". — Описаніе завариванія „сояшныцы". Подробно описаны вѣтряныя мельницы, ихъ части и особый видъ ихъ „голанки" (высокія о 4-парусныхъ крыльяхъ) — Подробное описаніе обряда сватовства. Кромѣ того, цѣлая тетрадь въ 92 стран. прислана учителемъ Купянскаго духовнаго училища г. Поповымъ „народные разсказы о пчелахъ.

VIII. *Лебединскій уѣздъ:* 1) *Межиричъ* (раньше городокъ, окруженный съ 2 сторонъ горами, съ 3-й глубокимъ рвомъ и валомъ; на одной изъ горъ былъ нѣкогда

замокъ). Сохранилось преданіе о пещерѣ въ одной изъ горъ, наводившей страхъ на жителей. Такое же, исполненное ужасовъ преданіе сохранилось о 2 круглыхъ курганахъ, „горбахъ“, гдѣ, по преданію, жили разбойники. О курганѣ „Близнецы“ сохраняется преданіе, будто здѣсь погребены 2-брата близнецы. — Подробное описаніе гончарнаго производства; мѣстная глина очень тверда, поэтому ее рубятъ „копаницами“ (особый родъ топора съ длинной рукояткой); поливяная посуда. — Сохранилась *варена*, безъ которой не обходятся похороны и поминки. Составъ ея: равныя части сушеныхъ грушъ, вишенъ, малины, смородины и крыжовнику — варятся отдѣльно, а наваръ сцѣживается въ одну посуду, добавляется по вкусу меду (или сахару), перцу, а иные и водки; снова кипятятъ и подаютъ теплою. — Повѣрья и нар. медиц.: а) при выгонѣ скота завязываютъ ворота краснымъ поясомъ, что бы хозяйство больше жило и дворъ красило, б) возвратясь съ похоронъ прикладываютъ руки къ печи, чтобы „уся Погань (стоноги, тараканы и пр.) замирали“; в) набирая для лѣченія непочатой воды, говорятъ, обычное обращеніе: „Добрый вечеръ, вода Уляно и ты земля Тятьяно, я прыйшла до тебѣ воды браты помощи прохаты“, в) отъ „сухотъ“ дѣтей купаютъ въ настоѣ цвѣтовъ травы, назыв. „толстушками“ 2) *Терны.* — Къ сѣнямъ иногда пристраиваютъ прихатокъ. Возлѣ клуни иногда строятъ небольшой амбаръ — „пашенный хлѣвъ“. — Зимою отъ холода окна снаружи закрываютъ соломенными щитами „матками“. Кремень, кресало и губка сохранились при закуриваніи трубки. — Выходящіе изъ обихода головные уборы: „сломокъ“ (войлочная шляпа, въ видѣ съуживающагося кверху цилиндра) и „подбривникъ“ — полоска матеріи въ вершокъ для перевязыванья лба при работѣ, чтобы волосы не лѣзли въ глаза. — Кушанья: юшка (картофельный супъ), толмачка (толченая картофель съ саломъ) кваша (изъ ржаной муки съ солодомъ), путря (кваша съ ячмен. крупами). — При уборкѣ хлѣба оставляютъ пучокъ ржи „Ильѣ на бороду“, чтобы рожь не переводилась; сплетаютъ вѣнокъ изъ колосьевъ, и зерна изъ него сѣются первыми. При посѣвѣ съѣдается крестъ изъ хлѣба, испеченный на Кресто-поклонной. За помолъ 15-я мѣрка, очень рѣдко деньгами — 4 коп. съ пуда. — Приведены названія мѣстныхъ птицъ: гайворопы (грачи), зузуля, очеретянки (трясогузки), ластеивки, черногузъ (аистъ), шулина (коршунъ), пугачъ (сычъ). — 3) *Чупаховка* — назыв. „куткомъ“ часть хаты, гдѣ печь и полати, а „покутемъ“ — гдѣ образа. — Кремень, кресало и губка сохранились въ рѣдкихъ случаяхъ. Сохранились бѣлыя свитки.

IX. *Старобѣльскій уѣздъ*: 1) *Морозовка.* — Дано очень подробное описаніе устройства избы и двора. Интересныя названія: „Хижа“ — кладовая; „байбараки“ — крытые кожухи; „басага“ — отдѣльно сшитый карманъ, прикрѣпляемый къ юбкѣ. — Сохранилились: „дерга“ — изъ черной шерсти, мониста изъ серебряныхъ монетъ; желтые и красные „сапьянци“. 2) *Сѣваковка* — подробное описаніе построекъ и одежды (великорусской). Сохранился обычай выходить на полевыя работы одѣтыми по праздничному. Храмовой день (1-го октября) празднуется торжественно, при многолюдномъ стеченіи народа изъ окрестныхъ селъ; для не имѣющихъ здѣсь родныхъ и знакомыхъ разбивается палатка и предлагается угощеніе. Музыкальный инструментъ „пишыки“ — нѣсколько трубочекъ изъ камыша, заправленныхъ въ бычачій рогъ.

Въ „семикъ"—(Троица) сохранился обычай бросать въ воду вѣнки: чей поплыветъ — скроѣе замужъ выйдетъ, утонетъ — умретъ или совсѣмъ не выйдетъ замужъ.

X. Сумской уѣздъ: 1) *Бѣловодъ*. Крестьяне здѣсь подраздѣляются: а) на дворовыхъ — съ усадебной лишь землей, 3—10 саженей, б) симошниковъ — кромѣ усадьбы — по 7 саженъ поля на душу и в) и остальные имѣютъ усадьбу и до $1\frac{1}{2}$ дес. на душу.— Домашнія лѣкарства — „декоктъ" — настой водки на различныхъ корняхъ и травахъ и на такъ называемыхъ „рачьихъ шейкахъ" (особая луговая трава, напоминающая рачью шейку); эта послѣдняя настойка — отъ застарѣлой лихорадки. Жерновъ называютъ „садъ". За помолъ раньше ковшъ муки съ пуда зерна, теперь — 3 коп. съ пуда. Изъ промысловъ развиты: бондарство, шевство, кузнечество и лымаретсво (выдѣлка кожъ). Изъ старинныхъ напитковъ сохранились: „лемишка" (изъ гречневой или ржаной муки, сваренной въ водѣ) и „варена" — наваръ изъ вишенъ, воды, меду и корицы. Кичка — головной уборъ. 2) *Ново-Андреевка.*— Оставляютъ на жнивьѣ Спасову бороду. — Подробно описана вѣтряная мельница. Сохранились: „варена" (вишни, малина налитая водою съ сахаромъ и перцемъ), „сластены"; шафранъ — для тѣста, имбирь и перецъ — въ водку. — Женщины на головѣ носятъ сѣтки, а на шеѣ — дукачи и кресты. 3) *Терешковка.* Обычаи при *погребеніи.* Послѣ того, какъ покойника въ гробѣ вынесутъ за двери избы, на порогѣ кладутъ топоръ, а скамьи вокругъ стола посыпаютъ зерномъ и въ хату никто не входитъ, пока процессія не скроется изъ глазъ; ворота завязываютъ поясомъ, чтобы покойникъ не имѣлъ возможности возвратиться; если по окончаніи поминальнаго обѣда, не взяться руками за „колпенъ", то первое, къ чему прикоснется поминавшій, умретъ или погибнетъ. — Повѣрья при *бракѣ;* чтобы не сглазили „молодыхъ", имъ при отправленіи къ вѣнцу втыкаютъ въ одежду на спинѣ, крестообразно по двѣ иглы остріемъ вверхъ. Свадебный поѣздъ при возвращеніи къ жениху перевозятъ чрезъ костеръ. За воротъ рубахи сыплютъ „на счастье" зерна и деньги. На другой день послѣ вѣнца гости купаютъ мать невѣсты, а отца везутъ на себѣ къ рѣкѣ, а потомъ идутъ къ монополіи.— Знахари эксплуатируютъ народъ при помощи такъ-называемыхъ „закрутокъ",— якобы предвѣщающихъ гибель всей семьи.— Женскія одежды славятся вышивками.— Всѣ женщины носятъ какъ эмблему здоровья, красный поясъ, съ красными же „китыцями" по концамъ.— Дѣтей обыкновенно называютъ „малышами", а въ гнѣвѣ „быдло".— Сохранились „до свитки", угощеніе для коихъ украсть не считается за грѣхъ.

XI. Харьковскій уѣздъ: 1) *Казачья Лопань* — торговое мѣстечко, потому здѣсь много новизны, но сохранилась и старина. Здѣсь нѣсколько складовъ хлѣбныхъ, 3 лѣсныхъ, 1 сахарный, и до 10 бакалейныхъ лавокъ. Поэтому пѣсни народныя (за исключеніемъ весняковъ) и внѣшняя цивилизація — фабричнаго характера. Однако постройки сохранили свой старинный видъ; полы деревянные „помосты", несмотря на обиліе лѣса, есть только въ „коморахъ", гдѣ ссыпается хлѣбъ; печи „съ бовдуромъ" (т.-е. широкой дымовой трубой изъ хвороста, вымазанной глиной), помѣщающимся въ сѣняхъ, куда выводятся дымовые хода изъ печи варистой и изъ „грубки съ лежанкою"; закрываются эти хода подушками изъ тряпокъ. Вдоль стѣнъ „предпичней и причилковой" идутъ лавы подъ угломъ, образуя въ мѣстѣ соединенія „покутье". Въ качествѣ

украшеній у иконъ, кромѣ рушниковъ, встрѣчаются такъ называемые „теремки" (комъ хлѣба, утыканный кругомъ сухими колосьями хлѣба съ лоскутками, цвѣтной бумаги). Возлѣ печи — общая кровать — „пилъ", часть его, гдѣ складывается одежда и подушки называются „прыголовачъ" (½ арш. доска) съ треугольной перекладиной. Праздничная одежда вѣшается надъ „поломъ" на жерди. Уголъ противъ печи занимаетъ „мысникъ" — родъ посуднаго шкафа. Втулки дверей и оконъ — „ушаки" въ нѣкоторыхъ домахъ окрашиваются; чаще раскрашиваютъ (по бѣлому полю синими цвѣтами, въ видѣ деревьевъ) „коминъ" (переднюю часть печи). „Каганецъ" изрѣдка употребляется — при смазываніи внутренности варистой печи.— Ссадины у животныхъ лѣчатъ особымъ народнымъ средствомъ *виткою* (мелко нарубленные куски дерева складываютъ въ горшокъ, закрываютъ сверху миской и щели замазываютъ глиной, горшокъ зарываютъ до половины въ землю и на поверхностной части разводятъ костеръ, нагрѣвающій содержимое сосуда до тѣхъ поръ, пока не образуется жидкость, въ родѣ дегтя). — Дано подробное описаніе *выдѣлки холста* изъ конопли (2-хъ сортовъ „плоскини" — безъ сѣмянъ, болѣе тонкаго волокна и „матирки"); счетъ пряжи ведется съ нитки, наматываемой на „мотовило" (|—<), вышиной въ 1½—2 арш., съ перекладиной въ 1 арш.; 3 нитки съ одной стороны мотовила составляютъ „чисныцю", 10 чысныць — „пасмо"; 30 пасомъ — ½ „мотка"; изъ мотка нитокъ 2 арш. мотовила выходитъ приблизительно 8 арш. холста. — Эта часть, какъ единственная во всемъ матеріалѣ, могла бы быть напечатана, въ нѣсколько болѣе обработанномъ видѣ. — Описаны старинныя кушанья: лемишка, затирка, шулики и пироги съ мучной начинкой. — *Простая лемишка* — изъ какой угодно муки. Въ горшокъ кипящей воды сыплютъ муку, помѣшивая, пока не образуется не очень густое тѣсто и ставятъ въ легкій жаръ; получается густая масса, въ видѣ киселя, которую ѣдятъ съ молокомъ, масломъ или ягоднымъ сокомъ. — *Лындина лемишка* — густое тѣсто изъ гречаной муки, складывается кусками въ протертое конопляное сѣмя съ лукомъ и масломъ. — „Мучная" начинка въ пироги приготовляется изъ мелко изрубленнаго картофеля съ масломъ, лукомъ и конопляным сѣменемъ. Изъ настоекъ въ ходу: „калганка" „раковыя шейки" (т.-е. водка на корнѣ калгана или на травѣ рак. ш.). — Въ торжественныхъ случаяхъ, непьющихъ водки угощаютъ „вареной" (отваръ холодной мяты, калиновыхъ ягодъ, перцу и меду). — Дано подробное описаніе приготовленія *каравая* на большой раскатанный коржъ тѣста кладутъ 9 вареников или кусковъ творогу, прикрываютъ другимъ коржомъ потолще и обводятъ обручемъ изъ тѣста, а наверху помѣщаютъ украшенія въ видѣ „пташекъ", шишекъ, бубликовъ, прикрѣпляемыхъ соломенками. Свадебный *калачъ* приготовляется изъ душистаго тѣста, въ формѣ большого круглаго хлѣба.— „Леженъ" — это большой продолговатый калачъ въ аршинъ длиною, украшенный ягодами калины и ржаными колосьями. 2) *Харьковско-Свято-Духовской церкви священникъ Шостенко*, въ обработанной литературной формѣ представилъ обстоятельный рефератъ, отвѣчающій на большинство вопросовъ программы. Свѣдѣнія, приводимыя здѣсь, по воспоминаніямъ автора о наблюдаемомъ имъ въ нѣсколькихъ селахъ Харьковской губ., гдѣ автору приходилось живать болѣе-менѣе долгое время. Нѣкоторыя изъ описанныхъ имъ предметовъ, (какъ ступа, кожаныя рѣшета, олійныця и нѣк. др.), даже упоминаются въ другихъ описаніяхъ присланнаго матеріала.

Позволю себѣ закончить нѣкоторыми пожеланіями. Для большей успѣшности работы корреспондентовъ необходима прежде всего подготовка. Поэтому желательно къ слѣдующему Съѣзду разослать Инспекторамъ народныхъ училищъ труды настоящаго Съѣзда (по возможности заблаговременно) съ просьбой — ознакомить учителей съ задачами Съѣзда и такимъ образомъ подготовить почву для работы. А еще лучше, если бы составлена была небольшая общедоступная брошюра, раскрывающая задачи Съѣзда и пути рѣшенія ихъ. Такую книжечку въ нѣсколькихъ экземплярахъ можно бы переслать священникамъ и въ распоряженіе тѣхъ же инспекторовъ для раздачи учителямъ, проявившимъ охоту къ работамъ для Съѣзда. Кстати сказать, гг. инспектора народныхъ училищъ нашей губерніи въ дѣлѣ служенія народовѣдѣнію заняли видное мѣсто (я вспоминаю напр. неустанною энергію одного изъ таковыхъ П. В. Иванова); наблюдалъ ее и въ настоящемъ матеріалѣ, и отъ души желаю сохраненія въ ихъ средѣ и въ средѣ руководимыхъ ими и вдохновляемыхъ скромныхъ труженниковъ того огня, того подъема духа, каковой съ истиннымъ удовольствіемъ подмѣчалъ въ обозрѣваемомъ матеріалѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду отпечатанной, въ издаваемомъ нынѣ Т. II Трудовъ XII Археологическаго Съѣзда, интересной статьи М. М. Ковалевскаго „Къ ранней исторіи Азова", проливающей новый свѣтъ на колонизацію нашей южной окраины, предполагаемъ не лишнимъ приложить къ тому же тому краткую замѣтку, доставленную намъ неутомимымъ дѣятелемъ по изслѣдованію Донской Области *Харитономъ Ивановичемъ Поповымъ о надгробной мраморной доскѣ* (рис. 2), найденной въ Азовѣ и еще разъ напоминающей намъ о Венеціанцахъ, игравшихъ въ мѣстности столь важную и громкую роль.

Рис. 2.

Упомянутая находка сдѣлана случайно при прорытіи рва для прокладки водопроводныхъ трубъ, въ первыхъ числахъ октября 1889 года, въ прежней Азовской крѣпости, на глубинѣ одного аршина. Надгробная плита, изъ бѣлаго мрамора, имѣющая длины 186 стм. и ширины 94 стм., съ изображеніемъ герба въ видѣ щита, раздѣленнаго на двѣ части, и съ латинскою надписью изъ восьми строкъ во всю ширину плиты, написанной средневѣковымъ латинскимъ языкомъ не совершенно правильнымъ. По переводу, сообщенному Императорскимъ Россійскомъ Консуломъ въ Венеціи (которому былъ посланъ снимокъ съ плиты), надпись гласитъ слѣдующее:

„1362 дня (X) мѣсяца Августа.

„ ☩ Здѣсь покоится почетный и благородный господинъ Іаковъ (Жіакомо) Корнаро, уважаемый Графъ Арбэ и по дожескому (повелѣнію) Посланникъ и Консулъ въ Танѣ и по всей имперіи Газаріи. Который скончался. Душа котораго въ покоѣ отдыхаетъ".

По тому же сообщенію Консулъ Корнаро принадлежалъ къ одному изъ благороднѣйшихъ семействъ Венеціанской республики, родился въ 1305 г. отъ Раніеро Корнаро и былъ графъ острова Арбэ.

МАТЕРІАЛЪ,

собранный для XII Съѣзда

ОТДѢЛЕНЬЯМИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

Отъ Полтавскаго Статистическаго Комитета.

На первый призывъ, обращенный въ 1900 г. Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ Полтавскому Статистическому Комитету, получено слѣдующее отношеніе:

Почтеннѣйшее сообщеніе Вашего Сіятельства отъ 31-го мая за № 1450, по поводу устройства въ Харьковѣ XII Археологическаго Съѣзда и Выставки при немъ въ 1902 году вызвало со стороны начальника Полтавской губерніи живѣйшее сочувствіе и готовность содѣйствовать цѣлямъ и задачамъ Съѣзда и Выставки. Въ этихъ видахъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ организована особая Комиссія для содѣйствія Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ подготовительныхъ работахъ по устройству XII археологическаго Съѣзда. Въ составъ Комиссіи вошли: А. А. Русовъ, Л. В. Падалка, В. И. Василенко, П. М. Дубровскій, А. М. Орѣховскій, И. Ф. Павловскій, И. А. Зарѣцкій, М. И. Сосновскій и Иваненко.

Комиссія постановила себѣ задачею собирать по Полтавской губерніи и по возможности, разрабатывать разнаго рода матеріалы, входящіе въ кругъ дѣятельности Съѣзда, а также сосредоточить въ Полтавѣ, могущіе быть доставленными на выставку изъ губерніи, разнаго рода археологическіе, историческіе и др. предметы, документы, коллекціи, рукописи, чертежи, фотографіи и т. п., чтобы представить все это на выставку въ возможно систематизированномъ видѣ.

Для освѣдомленія населенія губерніи о цѣляхъ и задачахъ Съѣзда и Комиссіи, составлена и напечатана въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" руководящая статья, а также напечатаны всѣ полученныя программы по археологіи, исторіи, этнографіи и пр. Независимо того, программы приготовлены для разсылки по губерніи значительному числу гг. землевладѣльцевъ и др. просвѣщеннымъ дѣятелямъ и корреспондентамъ статистическаго Комитета, при особыхъ пригласительныхъ сообщеніяхъ, съ просьбою принять участіе въ Выставкѣ и Съѣздѣ — доставленіемъ въ Комиссію предметовъ, характеризующихъ бытъ населенія губерніи съ археологической, антропологической, исторической и этнографической точекъ зрѣнія, или сообщить, возможно обстоятельныя свѣдѣнія и описаніе тѣхъ предметовъ, которые владѣльцами ихъ не могутъ быть доставлены на выставку по какимъ-либо обстоятельствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для обезпеченія успѣха Выставки, Комиссія выразила готовность принять на себя пересылку предметовъ изъ Полтавы въ Харьковъ и обратно, если пожелаютъ владѣльцы.

Въ видахъ доставленія желающимъ возможности успѣшной разработки матеріаловъ для предстоящаго Съѣзда, Комиссія озабочена организаціей спеціальной библіотеки для изученія губерніи въ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ, при чемъ членъ Комиссіи В. И. Василенко изъявилъ готовность принести въ даръ принадлежащее ему собраніе книгъ, относящихся къ Полтавской губерніи. Разсчитывая и на другія пожертвованія въ такомъ же родѣ, Комиссія вошла въ сношеніе съ правленіемъ Полтавской общественной библіотеки объ организаціи особаго мѣстнаго отдѣла на предложенныхъ г. Василенкомъ основаніяхъ.

Не безъ основанія можно ожидать благопріятныхъ отвѣтовъ отъ нѣкоторыхъ лицъ на разсылаемыя приглашенія, и Комиссія надѣется также на доставленіе обстоятельныхъ описаній объ имѣвшихъ научный интересъ и значеніе предметахъ древности, составляющихъ собственность частныхъ лицъ, монастырей и т. п., а также на полученіе свѣдѣній о древнихъ городищахъ, могильникахъ, зданіяхъ монастырей, церквей и т. п., заслуживающихъ обстоятельнаго осмотра и описанія на мѣстахъ ихъ нахожденія. Для исполненія порученій подобнаго рода Комиссія имѣетъ возможность на первый разъ воспользоваться содѣйствіемъ гг. членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества И. А. Зарѣцкаго и М. А. Русова, а также командированнаго обществомъ В. И. Василенко.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ особой Комиссіи будетъ своевременно печататься въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", при чемъ сдѣлапо распоряженіе о доставленіи соотвѣтствующихъ номеровъ газеты Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Въ 1901 г. тотъ же Комитетъ сообщаетъ Московскому Археологическому Обществу слѣдующее:

Мѣропріятія, принятыя Комиссіей по устройству Съѣзда, привели пока къ полученію обѣщаній со стороны нѣсколькихъ лицъ такъ или иначе содѣйствовать устройству выставки при Съѣздѣ и къ собиранію разныхъ предметовъ старины; заявленій же относительно представленія какихъ-либо докладовъ или сообщеній на Съѣздъ еще нѣтъ. Въ виду этого Комиссія обсуждала вопросъ, не можетъ ли ея коллективная работа привести къ какому-либо результату, достойному вниманія Съѣзда, и изыскивала средства для организаціи отъ себя экскурсіи по Полтавской губерніи, имѣя въ виду пока одно лицо, получившее отъ Московскаго Археологическаго Общества приглашеніе произвести такія экскурсіи, именно: мѣстнаго этнографа Виктора Ивановича Василенко, извѣстнаго своими трудами по мѣстной этнографіи, статистикѣ и исторіи. Для болѣе успѣшнаго осуществленія своихъ задачъ Комиссія обратилась съ ходатайствомъ къ Полтавскому Губернскому Земству о денежной помощи. Закончившаяся 30 ноября 1900 г. сессія губернскаго земскаго собранія ассигновала въ распоряженіе Комиссіи на этотъ предметъ 300 рублей.

Губернскій Статистическій Комитетъ располагаетъ незначительными средствами, но для означеной цѣли можетъ израсходовать съ своей стороны 100 рублей.

Такимъ образомъ является уже возможность организовать и экскурсіи для собранія свѣдѣній, которыя могли бы быть полезны для представленія ихъ на XII Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ. Чтобы экскурсіи дали опредѣленные результаты Комиссія полагаетъ, что порученія намѣченному лицу и другимъ, буде таковые найдутся, слѣдуетъ ограничить областію этнографіи при чемъ экскурсантовъ, кромѣ программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета, снабдить болѣе подробными программами и инструкціею, имѣющею въ виду изученіе предметовъ современнаго быта, носящихъ на себѣ признаки старины. Личныя обращенія такого рода по порученію отъ Московскаго Археологическаго Общества, вѣроятно, вызовутъ болѣе активное отношеніе къ дѣлу тѣхъ лицъ, къ которымъ обратятся экскурсанты. Самостоятельныя же работы

послѣднихъ должны, по мнѣнію Комиссіи, заключаться въ изслѣдованіи тѣхъ признаковъ, которые помогли бы раздѣлить площадь Полтавской губерніи на районы, отличающіеся большею или меньшею древностью ея заселенія на протяженіи періодовъ Хазарскаго, Кіево-Переяславскаго, Литовскаго и позднѣйшихъ временъ.

При такой ограниченной задачѣ экскурсій можно надѣяться, по мнѣнію Комиссіи, на полученіе опредѣленныхъ результатовъ, которые могли бы быть представлены въ систематизированномъ видѣ вниманію XII Съѣзда отъ членовъ Полтавской Комиссіи. Но для этого она нуждается кромѣ программъ, присланныхъ ей Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству Съѣзда, еще и въ указаніяхъ на литературу вопроса о заселеніи края, составляющаго въ настоящее время Полтавскую губернію и на методъ изслѣдованій этнографической археологіи. Поэтому Комиссія обращается къ Императорскому Московскому Археологическому Обществу съ покорнѣйшей просьбою сообщать ей такія указанія въ видѣ печатныхъ сочиненій (которыя будутъ своевременно возвращены) программъ по изслѣдованію построекъ, орудій, инструментовъ, одежды и пищи, имѣющихъ въ виду отысканіе археологическихъ признаковъ и особенностей ихъ и т. п.

Сверхъ того Комиссія проситъ Общество сообщить ей, какія экскурсіи, въ какое время и какихъ именно спеціалистовъ намѣчены Обществомъ или Предварительнымъ Комитетомъ по Полтавской губерніи въ 1901 г., а также какія работы и кому поручены Обществомъ въ Полтавской губерніи къ предстоящему Съѣзду.

Комиссіи въ настоящее время извѣстно, что въ архивахъ Мгарскаго, Густынскаго и Переяславскаго монастырей есть довольно много рукописнаго матеріала XVII и XVIII вв., который могъ бы быть использованъ такимъ спеціалистомъ, какъ А. М. Лазаревскій.

Что касается предложенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества о составленіи археологической карты Полтавской губерніи, то, послѣ сношеній съ А. М. Лазаревскимъ по этому предмету, Комиссія пришла къ заключенію, что для этого она не располагаетъ ни необходимыми средствами, ни временемъ. Члены Комиссіи разрабатываютъ въ настоящее время отвѣты, полученные отъ гг. корреспондентовъ на вопросы по археологіи и этнографіи; они будутъ наносить на карту сообщенія корреспондентовъ, для чего въ видѣ образца просятъ Московское Археологическое Общество выслать въ Комиссію карту профессора Антоновича и легенду археологическихъ значковъ; но въ настоящее время не могутъ сказать, насколько плодотворенъ по результатамъ будетъ ихъ трудъ.

По совѣту А. М. Лазаревскаго Комиссія намѣрена изъ этнографическихъ коллекцій остановить особое вниманіе на коллекціи дѣтскихъ игрушекъ, гдѣ старина быстро вытѣсняется новиною; по мнѣнію г. Лазаревскаго, было бы большимъ опущеніемъ медлить съ собраніемъ, выходящихъ изъ употребленія игрушекъ, которыя въ будущемъ представятъ богатый матеріалъ. Поэтому Комиссія намѣрена составить спеціальную программу объ играхъ дѣтей, вытѣсняемыхъ новыми, и ихъ игрушкахъ съ присылкою образцовъ послѣднихъ для выставки. Эта программа по ея отпечатаніи будетъ выслана въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Отъ Полтавской Духовной Консисторіи,

въ 1901 г. получены слѣдующія свѣдѣнія:

Кобелякскій уѣздъ.

Къ числу древнѣйшихъ церквей относятся церкви: *Параскевіевская с. Письменныхъ Хуторовъ, Троицкая с. Бродщины, Архангело-Михайловская с. Волчерьчья, Рождество Богородичная с. Улиновки и Вознесенская церковь с. Горишнихъ Млиновъ.*

Точнаго указанія времени первоначальнаго устройства названныхъ церквей не сохранилось, за исключеніемъ Вознесенской церкви с. Горишнихъ Млиновъ.

Церковь Параскевіевская устроена въ гор. Кобелякахъ, въ 1769 году на мѣстѣ обветшавшей того же наименованія церкви и за ветхостью разобранной, о чемъ свидѣтельствуетъ опись 1827 г. и сохранившееся Евангеліе печати Львовской, 1635 г. подаренное въ эту церковь и плащаница 1741 г. Вынесенная изъ гор. Кобелякъ въ 1866 г., церковь эта вновь устроена въ 1898 г.

Вознесенская церковь с. Горишнихъ Млиновъ первоначально устроена на правомъ низменномъ берегу, у подошвы крутой горы того же праваго берега рѣки Ворсклы, сотникомъ гор. Кобелякъ, Максимомъ Таралушичемъ, въ 1727 г. Въ 1784 г. по ветхости разобрана и вновь устроена на томъ же мѣстѣ, помѣщикомъ Осипомъ Ганжею. Отъ этихъ церквей до настоящаго времени не сохранилось никакихъ слѣдовъ въ видѣ каплицъ или др. памятниковъ.

Древнихъ городищъ, построекъ и подобныхъ тому, въ округѣ нѣтъ, кромѣ Красной горы, у подошвы коей устроена нынѣ Параскевіевская церковь с. Письменныхъ Хуторовъ. Объ этой горѣ въ словарѣ Даля упоминается какъ объ историческомъ пунктѣ, при которомъ произошла кровопролитная битва русскихъ князей съ татарами, почему и самая гора названа Красною.

Мѣстечка Кишенки Кобелякскаго уѣзда, *Архангело-Михайловская церковь* сооружена въ 1854 г. Иконостасъ и утварь древнѣе церкви и принадлежатъ XVIII ст.

Богоявленская церковь м-ка Соколки сооружена отъ 1726—1734 г., перенесена въ 1772 г. Колокольня построена въ 1819 г. отдѣльно. Вновь перенесена церковь и построена вмѣстѣ съ колокольней въ 1884 г.

Церковь Покровская сооруженія новѣйшаго, въ ней есть кіотъ Ахтырской Божіей Матери сооруженія 1739 г., св. Евангеліе 1688 г., потиръ съ приборомъ 1753 г., книга-уставъ 1745 г. и въ приходѣ въ х. Гришаевѣ есть могиласъ очень давнихъ временъ въ просторѣчіи именуемая „Хандалѣевою могилою“ (относится ко времени господства хановъ).

Въ *Преображенской церкви* древнихъ иконъ, утварей и рукописей нѣтъ; есть же нѣсколько Евангелій, напечатанныхъ при царѣ Петрѣ Великомъ.

Въ приходѣ есть древнее сооруженіе — развалины подъ названіемъ „Шведская крѣпость“, т.-е. то мѣсто, гдѣ Карлъ Великій переправлялся съ своимъ войскомъ, убѣгая отъ преслѣдованія Петра Великаго послѣ битвы подъ Полтавой.

Изъ церковныхъ вещей, *Апостоло-Тимофеевской церкви с. Григоровки* замѣчательныхъ своею древностью, имѣются:

1) На придѣльномъ престолѣ во имя Всѣхъ Святыхъ св. антиминсъ съ надписью

на немъ: „Св. Антиминсъ священнодѣйствованъ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Екатеринославскимъ и Херсонскимъ во градѣ Полтавѣ1787 г. февраля 27 дня.

2) Напрестольное Евангеліе полулистовое, печати и формы обыкновенной. Печатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1697 г. Вначалѣ Евангелія на поляхъ по листамъ сдѣлана слѣдующая надпись: „Книгу святое Евангеліе дарилъ Ясне въ Бозѣ Преосвященнѣйшій (а дальше не разобрано на двухъ листахъ) Тимоѳей (не разобрано на одномъ листѣ) Митрополитъ православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и Малыя Россіи Бунчуковому Товарищу Григорію Богдановичу 1751 г. мѣсяца апрѣля первого дня". Въ рядѣ слѣдуетъ другая надпись: „Сіе Святое Евангеліе возобновлено внуками Бунчуковаго Товарища Григорія Богдановича, а правнуками Московскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго помѣщицами урожденными дочерьми маіора Ивана Васиіева сына Тимоѳеева Евдокіею Калачевскою и мужемъ ея Аѳанасіемъ пожертвовано серебра $1^1/_2$ фунта 10 золотниковъ и золота 6 золотниковъ Маріи Леонтовичевой Ѳеодосіею и сыновьями ея Владиміромъ и Александромъ Леонтовичевыми суммою 232 рубля тридцать пять коп. 1846 г. генваря мѣсяца 1 дня.

3) Напрестольное Евангеліе, полулистовое печатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1733 г. формы и печати обыкновенной. Въ началѣ по листамъ слѣдующая надпись: „Симъ Священнымъ Евангеліемъ благословилъ 1747 г. апрѣля 13 дня пречестнаго іеромонаха Филарета двоюроднаго брата своего придальней святой пещерѣ по своему искреннему желанію жительствующаго для повседневнаго чтенія. Кіево-Печерскія лавры архимандритъ Тимоѳей.

4) Портретъ, по преданію, митрополита Кіевскаго и затѣмъ Московскаго Тимоѳея Щербацкаго, писанъ на холстѣ масленными красками. На немъ такая надпись: „И самъ пастырь Тимоѳе агнецъ Тимоѳеевъ туды пойде куды взошедъ правнукъ Иессеевъ".

Лохвитскій уѣздъ.

Въ церквахъ *Рождества Богородицы, Благовѣщенія, Преображенія, Николаевской* имѣются слѣдующія древности:

Въ 1-ой. Икона Смоленской Божіей Матери, очень древняя, но безъ указанія года; Потиръ 1626 г.

Во 2-ой. Икона Ахтырской Божіей Матери, пожертвована 1749 г.; Икона Божіей Матери, писанная въ XVI вѣкѣ.

Въ 3-ей. Святой Антиминсъ въ честь св. великомученицы Варвары на бѣломъ холстѣ, освященный митрополитомъ Рафаиломъ и выданный митрополитомъ Тимоѳеемъ въ 1748 г.; Иконостасъ 1786 г.

Въ *Троицкой церкви села Харьковецъ* писанный чинъ благословенія иконъ и службъ муч. Севастіану 1600 г.

Въ *Введенской церкви сел. Брагинецъ* св. Антиминсъ 1776 г. освященъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Гавріиломъ.

Въ *Покровской церкви сел. Юсковецъ* чудотворная икона Божіей Матери, именуемой „Юсковской" (Владимирская) и икона Св. Христова Николая; время написанія трудно опредѣлить, но можно положить около 200 лѣтъ.

Въ *Георгіевской церкви сел. Луки* крестъ съ пьедесталомъ 1772 г. и потиръ 1789 г.

Въ *м. Варвѣ, въ церкви Рождества Богородичной*, сохранились: икона Божіей Матери и деревянная дверь, посѣченная насквозь палашами и пробитая пулями, отъ церкви, существовавшей во время войны съ Шведами и нашествія ихъ на Варву, а также нѣсколько листовъ старой рукописи 1732—1734 г.

При *Георгіевской церкви* того же мѣстечка имѣются изъ богослужебныхъ книгъ одно св. Евангеліе на славянскомъ языкѣ, печатаное въ гор. Москвѣ въ 1744 г., требникъ на славянскомъ языкѣ, печатанный въ Свято-Троицкой Илинской Черниговской обители въ 1754 г., Минея на 12 мѣсяцевъ печатаная въ гор. Москвѣ въ 1778 г. и Постная тріодь изданіе Кіево-Печерской лавры, 1761 г.

Изъ церковной утвари *Николаевской церкви въ селѣ Ломакъ* обращаетъ на себя вниманіе оригинальностью своей надписи на пьедесталѣ напрестольный кипарисный крестъ въ серебряной оправѣ, съ такимъ же пьедесталомъ; надпись гласитъ слѣдующее: „сей крестъ здѣланъ всело ломаки вхрамъ сто-Николаевскій за упокоеніе души умершого сѣчи запорозской куреня поповичивскаго товариша Григорія Ломаки, ценою засто рублей 1772 г. мца генваря 16 дня“.

Кромѣ того въ церкви сохраняются подсвѣчникъ желтой мѣди, литой, для одной свѣчи, съ выбитымъ на немъ 1738 годомъ; лжица красной мѣди, посребренная, съ выбитымъ на ея ручкѣ 1785 годомъ; два Евангелія и нѣсколько богослужебныхъ и другихъ книгъ разныхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія.

Въ *мѣстечкѣ Городища* три церкви не особенно древней постройки: 1854, 1856 и 1864 годовъ, но приходъ Преображенскій существуетъ издавна, какъ гласитъ народная молва.

Въ одной изъ церквей находятся небольшихъ размѣровъ икона Ахтырской Божіей Матери, по преданію, перенесенная изъ упраздненнаго Красногорскаго монастыря; оловянное всенощное блюдо; рукописное Евангеліе семнадцатаго вѣка; старопечатныя книги: а) Евангеліе Московской печати 1685 года при патріархѣ Іоакимѣ; б) Евангеліе перваго изданія Кіево-Печерской Лавры 1697 года при патріархѣ Адріанѣ, г) и Требникъ митрополита Петра Могилы.

Мѣстечко Городище, какъ видно изъ самого названія, служило нѣкогда крѣпостью — городищемъ; на что, кромѣ народнаго преданія, указываютъ уцѣлѣвшіе валы и рвы, а также старинная пушка. Имѣется также нѣсколько полузасыпанныхъ горныхъ погребовъ или лёховъ. Древнихъ сооруженій никакихъ не сохранилось.

Въ *Воскресенской церкви м-ка Чернухъ* сохранились слѣдующія древности: небольшой серебряный, стоящій на престолѣ, крестъ съ рѣзными на немъ священными изображеніями: съ одной стороны посрединѣ Распятіе Господа, на другой сторонѣ крещеніе Господа. На семъ крестѣ внизу подъ Распятіемъ имѣется слѣдующая рѣзная надпись печатнымъ шрифтомъ: „Сей крестъ Господень отмѣненъ рабомъ Божіимъ супруноборобордивченкозакомъ сѣчовымъ куреня Хущьскаго въ городъ Чернухи до храма Воскресенія Господня 1731 г.“ На пьедесталѣ же имѣется надпись такая: „1737 году марта 8 дня, тогожъ: куреня: кущубрскаго: козакъ: Стефанъ: хоѵхмалє ожјтель Лохвіцкі“ стараніе: малъ“.

Кромѣ вышепоименованнаго креста въ церкви имѣются еще слѣдующія предметы:

1) Евангеліе въ листъ небольшого формата Львовской печати 1644 года.

2) Тріоди Московской печати: постная — 1748 года и цвѣтная — 1762 года.

3) Минея общая 1748 года и 12 книгъ мѣсячныхъ миней, изъ коихъ январская—1741 года, а остальная—1747 года. Всѣ Московской печати.

4) Октоихъ Львовской печати 1686 года.

5) Трифологіонъ Львовской печати 1694 года.

и 6) Апостолъ Кіевской печати 1695 года.

Въ церковной описи *Вознесенской церкви села Позникъ*, 1827 годъ отдѣлъ 1-й, пунктъ А значится: „Церковь во имя Вознесенія Господня — деревянная; построена 1776 года иждивеніемъ помѣщика бригадира Петра Степановича г. Милорадовича объ одной главѣ....“ Пунктъ Б: „При церкви на погостѣ стоитъ колокольня деревянная въ два яруса — построена 1778 года по дозволенію Кіевскаго митрополита Гавріила...“ Пунктъ Г: „До построенія сей церкви прежде въ селеніи Позникахъ поелику никакихъ бумагъ при сей церкви не имѣется, изъ коихъ бы возможно было какія либо извѣстія почерпнуть, и по свѣдѣніямъ старожиловъ-прихожанъ значится, что была церковь 1-я во имя Вознесенія Господня на томъ же мѣстѣ близъ сей церкви, но по неспособности къ служенію разобрана 1763 года и употреблена при построеніи настоящей церкви...“

Изъ утвари церковной, какъ памятникъ древности въ *Свято-Николаевской церкви села Загребелья* служатъ Евангелія: въ полулистъ, на цвѣтномъ фулярѣ, оправленное желтой мѣдью, напечатанное въ Львовѣ 1670 года; Евангеліе въ листъ по малиновому бархату, съ чеканеннымъ изъ серебра съ лицевой стороны образомъ Распятія Христа Спасителя, по угламъ чеканены изъ серебра 4 евангелиста, на оборотной же сторонѣ, чеканной тоже работы образъ Спасителя Московской печати 1763 года. (Означенное послѣднее Евангеліе оправлено въ серебро на пожертвованія помѣщика мѣстечка Городища, Лохвицкаго уѣзда, Стефана Андреевича г-на Маньковичъ-Петровскаго. Въ 1888 году переплетено въ бархатный плюшъ лиловаго цвѣта и поновлено); Евангеліе въ листъ въ мѣдной оправѣ, посрединѣ изображенъ на мѣди воскресшій Спаситель, а по угламъ 4 евангелиста Московской печати 1796 года. (Въ 1888 году означенное Евангеліе переплетено и поновленно на средства церкви).

Въ церкви сохраняются также исповѣдныя записи съ 1772 года по 1774 годъ и 1777 года по 1779 годъ включительно. Изъ старопечатныхъ книгъ, имѣются: Служебникъ въ кожаномъ переплетѣ Кіевской печати 1735 года; Служебникъ въ 1/8 долю листа въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1796 года; Общая минея въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Кіевѣ 1777 года; 21 мѣсячныхъ миней въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Кіевѣ 1787 года; Октоихъ въ кожаномъ переплетѣ, печати 1768 года; Тріодь постная въ кожачномъ переплетѣ, печана въ Кіевѣ 1791 года; Тріодь постная печатана въ Кіевѣ 1688 года; Тріодь цвѣтная въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Москвѣ 1790 года; Часословъ въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1764 года; Апостолъ въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ обители Черниговo- Ильинской 1770 года; Псалтирь съ возслѣдованіемъ въ кожа-

номъ переплетѣ, печатана въ Ильинской Черниговской обители 1763 года; Ермологій въ кожаномъ переплетѣ печатанъ въ гор. Кіевѣ 1778 года; Трифологій въ кожаномъ переплетѣ печатанъ въ Льговѣ 1697 года; Книга—Житіе Святителя Николая, печатана въ Москвѣ 1744 года; Седмичный Акаѳистникъ въ 1/8 листа, въ кожаномъ Великомученицѣ Варварѣ съ житіемъ ея, въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1766 года; Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни, въ кожаномъ переплетѣ, Кіевской печати 1778 года.

Церковь во имя Св. Арх. Михаила села Акопа построена въ 1772 году. Обновлена въ 1834 году. Изъ книгъ старинныхъ имѣется Тріодь цвѣтная — печатана въ гор. Львовѣ въ 1642 году, марта 11 дня.

Кременчугскій уѣздъ.

При *церквахъ села Кобелячка* изъ утвари и старопечатныхъ книгъ имѣются: 1) при *Покровской церкви:* Антиминсъ на предѣльномъ Варварскомъ Престолѣ, сшитый изъ простого бѣлаго холста, въ царствованіи Благочестивой Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны и освященный митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ въ 1756 г. въ церковь мѣстечка Келеберды, а съ перенесеніемъ оттуда церкви въ 1802 г. въ село Кобелячекъ. Кромѣ того, на томъ же Варварскомъ престолѣ находится Евангеліе въ листъ, обтянутое фіолетовымъ бархатомъ и напечатанное при Императорѣ Алексѣ Михайловичѣ въ 1663 г. Генваря 18 дня; другое Евангеліе большое въ листъ, на Александровской бумагѣ, вышина 1 арш. и 2 вер., а ширина 3/4 аршина, въ красномъ бархатѣ, обложено серебромъ, вызолоченное, московской печати 1759 г.; пожертвовано въ 1768 г. Запорожскаго войска, поповическаго куреня атаманомъ Іоанномъ Гетманомъ.

Крестъ напрестольный кипарисовый, серебромъ оправленный, вызолоченный съ пьедесталомъ, пожертвованъ въ 1774 г. коштомъ Запорожской Сѣчи куреня Корсунскаго, атаманомъ Савою Коба.

Чаша или Келихъ, серебряная вызолоченая, пожертвована въ 1745 г. діакономъ Григоріемъ Бузановскимъ, позолочена сотникомъ Репитиловскимъ Симеономъ Бузановскимъ. Дискосъ и Звѣзда серебреные вызолоченые, пожертвована тѣмъ же Бузановскимъ и въ томъ же 1745 году.

Требникъ Петра Могилы, Кіевской печати въ листъ 1750 г.

Въ *церкви Рождества Богородицы въ мѣст. Власовка,* сохранились слѣдующіе предметы: Сборникъ поученій, рукописный полууставомъ съ слѣдующимъ предисловіемъ: „си отъ многихъ Божественныхъ писаній. Глаголема отъ Архіереи изъ устъ въ всякую недѣлю на поученіе Христоименитымъ людемъ, или прочитаема. Такожде и на Господскыи праздники. Преложена отъ Греческаго закона на русскыи книги въ лѣто ҂ѕ. ц҃. еі индикта:

Евангеліе львовской печати 1644 г.

Крестъ серебряный 1723 г. съ именной чеканной надписью.

Серебряная дарохранительница съ именной надписью 1734 г.

Въ *церкви Преображенія*, построенной въ 1782 г. въ томъ же мѣстечкѣ имѣются: Серебряная дарохранительница съ подножіемъ и именной надписью и обозначеніемъ года 1644.

Крестъ напрестольный серебряный тоже съ именной надписью 1657 г.

Колоколъ небольшой съ надписью, относящейся къ 1670 г.

Нѣсколько напрестольныхъ крестовъ, и колоколовъ, относящихся къ половинѣ и концу XVIII столѣтія.

Въ *церкви Покровской села Мануиловки* упоминаются: Напрестольныя Евангелія: Львовской печати 1606 г. съ надписью по листамъ внизу кѣмъ и куда пожертвовано и за что куплено; б) Евангеліе въ большой листъ Московской печати 1748 г.; Евангеліе обыкновеннаго формата Московской печати 1764 г.

Крестъ большой на подножіи пожертвованъ 1773 г.

Дарохранительница — въ формѣ 5-главой церкви на подножіи.

Малый требникъ съ 5 рукописными вначалѣ листками весьма неразборчиво, до печатнаго листка предисловіе „до чительника духовного" и „предмови при шлюби", уставомъ весьма нечетко писана на 6 листахъ, на оборотѣ стран. 153-й слѣдующая надпись: Anno domini 1648. Въ немъ же писанныхъ 13 листовъ стариннымъ уставомъ „Казаня на погребѣ".

Городъ Кременчукъ.

Въ *единовѣрческихъ церквахъ гор. Кременчуга и пос. Крюкова* имѣются древнія напрестольныя Евангелія, печатанныя при патріархахъ Іосифѣ, Филаретѣ и Іосифѣ; обложены серебромъ съ позолотою, три напрестольныхъ креста, изъ коихъ на одномъ имѣется надпись „1787 г. 26 апрѣля". Имѣется также много богослужебныхъ книгъ патріаршихъ, древнихъ мѣстныхъ иконъ, изъ коихъ на одной имѣется на оборотѣ на доскѣ древняя надпись чернилами, слѣдующая: „Взятъ сей святый образъ въ Крымѣ, въ Турецкой области фельдмаршаломъ Минихомъ 1731 г., а въ Петропавловскій соборъ принесенъ отъ дому Ея Величества Государыни Анны Іоанновны.

Городъ Переяславль.

Въ *Успенскомъ соборѣ* имѣются слѣдующія древности:

Евангеліе — въ 1/4 листа, обложено темно-синимъ плисомъ, значительно потертымъ. На первомъ листѣ заглавіе: „Евангеліонъ сирѣчь благовѣстіе Богодухновенныхъ Евангелистовъ. Благословеніемъ Святѣйшихъ Патріарховъ и Преосвященнаго Киръ Петра Могилы Митрополита Православнаго тщаніемъ Братства Ставропиніальнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ Львовѣ въ лѣто отъ созданія міра 7144 и отъ Рождества Христова 1636 августа 20 дня". Съ начала Евангелія отъ Матѳея на 18 листахъ внизу тянется надпись: „Року 1639 мѣсяца Апрѣля сію святую книгу Евангеліи Шляхетный мужъ Михаилъ Летицкій съ подъ горья обеватель Переяславскій, самъ своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ справивши, отдалъ доброхотнѣ, съ женою своею Матроною Церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Переясловской Соборней въ пригороду стоячей вѣчными часы за доброе здоровье и отпущеніе грѣховъ своихъ: на которой той святой книгѣ хочетъ и жадаетъ

помянутый Михаилъ, абы повсегдашняя была отправа и абы негдѣ съ Престолу Божіяго нисходила и абы также тоя Святой книги нихто такъ з людей простыхъ з клириковъ яко изъ самыхъ священниковъ отъ того Святого храма неважился ни коликимъ способомъ отдаяти и на свой любяйшій якій пожитокъ обертати подъ клятвою святыхъ отецъ не разрѣшенного на таковыхъ святокрадцевъ учиненною. Аминь".

На семъ Евангеліи, по преданію, малороссы во время присоединенія къ Россіи присягали на вѣрноподданство Царю Русскому.

Крестъ большой серебряный, вызолоченый, старинной работы. На лицевой сторонѣ изображены: посрединѣ Распятіе Спасителя, по концамъ 4 Евангелиста — вверху херувимы, а внизу Адамова голова. На другой сторонѣ вырѣзаны: Крещеніе Господне, вверху Духъ Святый, а по сторонамъ: Іоаннъ Креститель и св. Ангелы. Внизу слова: „Сей Честный крестъ бывшимъ славутнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ созданъ Артеміемъ огрызнымъ войтомъ Переясловскимъ и оданъ до Церкви Божіей Матери Пресвятой Богородицы въ Переясловѣ, для возращенія новорожденнаго сына его 1651 г." Въ немъ вѣсу 7 фун. 17 лот. и 2 зол.

Крестъ ручной деревянный, оправленный въ серебро, вызолоченый, старинной чеканки, съ круглой рукояткой, кругомъ обдѣланъ чеканною серебряною рѣзьбою, въ которой вверху и внизу по 25 камней. Внизу самаго креста подъ слюдою на небольшой бумажкѣ надпись: „вервь съ праведною кровію мученія Іисуса Христа". На трехъ краяхъ мощи святыхъ; вверху Григорія Богослова, а по сторонамъ: Евфрема Сирина и Владимира. На рукояткѣ слова: „Року 1684 Мѣсяца Декабря 6 дня". Въ немъ вѣсу съ деревомъ 1½ фун. 2 зол.

Крестъ ручной старинный чистаго хрусталя съ изображеніемъ по золоту съ одной стороны Распятія, а съ другой гладкій, оправленъ въ серебро.

Чаша вызолоченная съ отливными вокругъ херувимами; седесъ въ два отдѣленія чеканный восьмигранный, на немъ внизу попольски надпись: „Marina chasecka piotrova Redzievza ska na czesc Pany Bogu nay swietszy Matvy iego offiarvcue do Kosciola collegium Pinsiego si. Року 1658". Въ ней вѣсу 1 фун. 26 л. и 1 зол.

Чаша золоченная, съ просѣчкою фруктами, между коими 6 Ангеловъ, рукоятка и седесъ чеканные, на нихъ надпись: „создася сей келѣхъ рабомъ Божіимъ Андреемъ и Параскевіею и Михаиломъ со чадіею до Церкви Святителя Христова Николая въ гор. Переясловѣ". Въ ней вѣсу 1 фун. 16 лот.

Успенская церковь въ гор. Переяславѣ — памятникъ историческаго событія — присоединенія Малороссіи къ Россіи, впервые построена была благовѣрнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 г. Изъ лѣтописи церковной не видно, какова была великокняжеская церкорь по своему размѣру и по качеству матеріала. Но недавно найденные ея остатки (въ 1888 г.) свидѣтельствуютъ, что великокняжескій храмъ былъ каменный, небольшой; это была не болѣе, какъ придворная, домовая великокняжеская церковь. Въ 1239 г. татарскій погромъ разрушилъ великокняжескій храмъ до основанія, но остатки его подъ земляною насыпью сохранялись чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, открыты только въ недавнее время, и будутъ свидѣтель-

ствовать послѣдующимъ вѣкамъ о благочестіи нашихъ великихъ князей-собирателей, строителей и державныхъ правителей Земли Русской. Съ 1239 до 1586 г., имя великокняжеской Успенской церкви, какъ бы перестаетъ существовать, но перестаетъ на время. Въ 1586 г. князь Василій Васильевичъ Острожскій, созидаетъ въ гор. Переяславлѣ опять на томъ же мѣстѣ храмъ во имя Успенія Божіей Матери, но уже деревянный, который въ 1660 г. отъ бывшаго въ городѣ большого пожара сгорѣлъ до основанія, а 12 сентября 1896 г. былъ построенъ на его мѣстѣ каменный соборный храмъ, въ память славнаго историческаго событія — присоединеніе Малороссіи къ Россіи 8 января 1654 г.

Переяславскій уѣздъ.

Изъ надписи, имѣющейся на колоколѣ *Покровской церкви с. Сулимовки* видно, что церковь построена раньше 1684 г., но когда именно, неизвѣстно. Изслѣдователь Переяславской Старины А. В. Стороженко въ своемъ историческомъ очеркѣ „Переяславской Старины", изданномъ въ 1900 г. на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ относитъ годъ постройки Покровской церкви с. Сулимовки къ 1625—1629 гг.

Достовѣрно извѣстно, что въ 1855 г. обвѣтшавшая деревянная крыша на церкви была замѣнена желѣзной и въ томъ же 1855 г. съ южной стороны къ входной двери въ алтарь была пристроена каменная пономарня размѣромъ $3 \times 3 \times 3$ арш. Въ 1895 г. сняты обветшавшіе и грозившіе паденіемъ деревянные хоры, простиравшіеся до средины церкви, на коихъ помѣщался престолъ въ честь Рождества Іоанна Предтечи и замѣнены небольшими хорами для пѣвчихъ.

Въ церкви есть очень древній образъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, на которомъ въ числѣ народа помѣщены портреты Сулимъ, прежнихъ владѣльцевъ Сулимовки. Есть древняя плащаница съ изображеніемъ снятія со креста, положенія во гробъ и Воскресенія Господа Нашего Іисуса Христа, съ ликами святыхъ вокругъ всей плащаницы. На ней надпись такая: „**Влѣ, ѕ. цод. кнаина Ѡлена вышила сии въздоухъ великомоv архистатигоv Михаилоv кназю Михаилоv Ѡндрѣевичю и его кнаиненихъ дѣтемъ.** Къ сожалѣнію, она не вышита, а писана масляными красками на шелковой матеріи. Очевидно, что это копія съ вышитой и неизвѣстно когда и кѣмъ снятая.

Есть въ церкви восьмиконечный серебряный крестъ, но когда и кѣмъ онъ сооруженъ свѣдѣній не сохранилось.

Въ *Свято-Троицкой церкви мѣст. Барышовки* находятся слѣдующія церковныя древности: двѣ небольшія старинныя иконы подъ серебряными шатами съ изображеніемъ на нихъ Святителя Николая и Ахтырской Богоматери, два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно печати Львовской 1636 г.; весьма старый лежачій кипарисный крестъ, въ которомъ хранятся частицы мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, Льняной антиминсъ, священнодѣйствованъ епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ Іовомъ выданъ 1772 г. и въ дарохранительницѣ находится небольшая рукописная бумажка въ видѣ пергамента, въ которой говорится, что въ лѣто отъ созданія міра зрнч, а отъ воплощенія Господа Іисуса Христа ахме положены мощи во храмѣ св. м. Пантелеимона, Анастасія персянина и Ѳ. Тихона Петромъ Могилою митрополи-

томъ Кіевскимъ и Галицкимъ при великомъ державномъ королѣ Владиславѣ четвертомъ въ Богомъ спасаемомъ градѣ Барышевкѣ за державы вельможнаго его милости пана Якуба Собецкаго воеводы земель русскихъ, — каллиграфія рукописи ясна, но крайне неразборчива.

Успенская церковь села Пологъ-Чеботень устроена въ 1749 г., а въ 1869 г. пристроена къ ней колокольня.

Николаевская церковь села Пологъ-Яжноль устроена въ 1777 г. и все время находилась безъ передѣлокъ.

Николаевская церковь села Чепилонъ устроена въ 1784 г. и также никакимъ передѣлкамъ не подвергалась. Изъ древнихъ предметовъ въ ней сохранились: жестяная и оловянная дарохранительницы безъ обозначенія времени сооруженія ихъ, Евангеліе кіевской печати 1773 г., писанный требникъ временъ Императрицы Анны Іоановны и двѣ древнія иконы: „Покрова Пресвятыя Богородицы“ и „трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго“.

Полтавскій уѣздъ.

Успенская церковь м-ка Рѣшетиловки сооружена въ 1746 г. Въ настоящее время въ ней имѣются иконы, утварь, священныя книги повидимому столь же древнія, какъ и сама церковь. Изъ священныхъ облаченій обращаетъ на себя вниманіе подризникъ изъ грубаго, простого полотна, шитый по фасону малороссійской сорочки (со сборами около рукавовъ и воротника) и вышитый внизу.

Изъ 14 напрестольныхъ крестовъ 3 св. креста имѣютъ надписи. Одинъ изъ нихъ серебряный, вызолоченый, безъ пробы, съ пьедесталомъ, въ 1¼ арш. вышины, вѣсомъ 5 фун. 20 зол., имѣетъ на пьядесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ Павла Шкурупѣя и жены его Анастасіи 1757 г.“

Другой крестъ кипарисный, обложенный серебромъ, въ ¾ арш. высоты имѣетъ на пьядесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ писаря сотенного Лукьяна Анисимова 1776 г.“

Третій крестъ малый, на пьедесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ Борисенко 1777 г.“

Изъ Евангелій, стоящихъ на престолѣ, заслуживаютъ вниманія два. Одно изъ нихъ имѣетъ 1 арш. длины и ¾ арш. ширины, вѣситъ 1 пудъ, буквы строчныя имѣютъ величину въ ½ коп., напечатано въ 1759 г.; другое меньшихъ размѣровъ напечатано въ 1745 г.

Въ *Троицкой церкви мѣстечка Старыхъ-Сенжаръ* имѣются 1) Потиръ серебряный, безъ пробы, съ слѣдующею на немъ надписью: „року 1731, отца Іосифа Яковлева, ктитора Максима Самойленка и ключаря Максима Гречки, за отпущеніе грѣховъ, 1731 г.

2) Серебряный крестъ, безъ пробы, съ надписью: „за отпущенія грѣховъ зъ мірского старанія во вѣчную славу и память“, сей крестъ коштомъ и накладомъ спорядися до Троицы Святой Старо-Сенжарова, януарія 11, 1731 г.

Старопечатныя: 1) Служебникъ изданный при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, 1735 г.

2) Служебникъ изданный при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, годъ не обозначенъ.

3) Слово о священствѣ Іоанна Златоустаго издано декабря 13, 1745 г.

4) Цвѣтная тріодь,— ноября 11, 1792 г.

5) Часословъ изданный при Екатеринѣ Алексіевнѣ, 1764 г.

6) Псалтирь, изданіе 1610 г.

7) Апостолъ изданный при Императерѣ Петрѣ I, февраля 24, 1753 г.

8) Тріодь постная изданная при Императорѣ Петрѣ I, Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, октября 13, 1704 г.

9) Тріодь постная, изданіе февраля 25, 1753 г.

10) Октоихъ, изданіе 1357 г.

11) Тріодіонъ Святыя Великія Пятидесятницы издана въ царствованіе Государя Императора Петра Алексіевича, февраля 2, 1702 г.

12) Тріодіонъ — тщаніемъ и иждивеніемъ братства храма Успенія Пресвятыя Богородицы во Львовѣ, октября 24, 1664 г.

13) Тріодь цвѣтная первой типографіи за благословеніемъ святѣйшихъ четверопрестольныхъ патріарховъ, тщаніемъ и иждивеніемъ братства ставропигіи при церкви храма Успенія Пресвятыя Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ, февраля 25, 1753 г.

14) Минея мартъ мѣсяцъ издана при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, октября 2, 1724 г.

Въ *Успенской церкви того же мѣстечка имѣются:*

1) Серебряный потиръ, 1770 г.

2) Два октоиха, 1753 г.

3) Цвѣтная тріодь, 1770 г.

4) Двѣнадцать книгъ мѣсячной Минеи, 1754 г.

5) Ирмологій, 1770 г.

6) Требникъ, 1775 г.

7) Акафистъ великомученицы Варвары, 1766 г.

8) Каноны Богородицѣ, 1756 г.

9) Служба въ 30 день августа, 1725 г.

Въ *Михайловской церкви хуторовъ Полузеньскихъ*: 1) Святый апостолъ — печатанъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, при благочестивыхъ Царѣхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексіевичахъ и благородномъ гетманѣ Іоаннѣ Степановичѣ Мазепѣ (годъ, мѣсяцъ и число вырваны).

2) Святое Евангеліе — отпечатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ царствованіе Анны Іоановны; на немъ надпись, кѣмъ пожертвовано, при какомъ священникѣ и ктиторѣ, но трудно разобрать. Годъ пожертвованія до Михайловскаго храма, 1741 г.

3) Потиръ,— на немъ слѣдующая надпись: „Сія чаша поданнямъ отъ Антона Ивановича Лисого, куреня Полтавскаго, до архистратига Михаила, февраля 26, 1759 г.

Мѣстечка Мачехъ, Іоанно-Богословской церкви: 1) Потиръ серебряный вызолоченый, большая съ надписью: „за спасеніе Ефима и Даріи соч.“, вѣсомъ 1 фун. и 73 зол., 1789 г.

2) Святое Евангеліе писанное печатными буквами, за неимѣніемъ перваго и послѣдняго листовъ не извѣстно кѣмъ и когда написано.

Села Локощины Николаевской церкви: Святое Евангеліе изданное въ Львовѣ, 1644 г.

При *Байракской Георгіевской церкви* имѣются: Тріодь цвѣтная 1688 года, Евангеліе 1636 года, Слова (Вѣнецъ Христовъ) 1638 года, два напрестольныхъ кипарисныхъ креста въ серебряной оправѣ, одинъ изъ нихъ съ серебряной подставкой 1726 года и оловянная чаша.

При *Жуковской Покровской церкви:* а) древняя икона, поруганная шведами въ 1709 году, на которой были изображены видѣніе патріархомъ Іаковомъ таинственной лѣстницы и пророкъ Даніилъ. Шведы сдѣлали съ этой иконы шахматную доску; остатки лѣстницы видны и теперь на иконѣ. Эта икона оправлена въ деревянную позолоченную раму подъ стекломъ, на оборотной сторонѣ которой помѣщены стихи, относящіеся къ этой иконѣ; б) Евангеліе Львовской печати 1636 года; в) небольшая икона Богоматери, написанная на раковинѣ (хранятся въ деревянномъ футлярѣ) и г) древнее рѣзное Распятіе въ ростъ человѣческій, помѣщающееся въ притворѣ церкви. По преданію Распятіе это пожертвовано Императоромъ Петромъ I женѣ страдальца Василія Леонтьевича Кочубея.

При *Камятской Вознесенской церкви* имѣются Тріодь цвѣтная Львовской печати 1642 года, Тріодь постная — рукописная — времени патріарха Іова, чаша оловянная, копье съ серебряной рукояткою 1713 года, древнія рукописи, указы и манифесты 1770 годовъ.

При *Брусіевской Архангело-Михайловской церкви* имѣются серебряная дароносица и оловянная чаша первой половины XVIII столѣтія.

Пирятинскій уѣздъ.

Большая часть церквей этого уѣзда принадлежатъ XIX ст.; только 5 изъ нихъ построены въ XVIII ст., а именно:

Тамаровская Вознесенская церковь сооружена въ 1785 г.

Лозово-Ярославская Николаевская — въ 1735 г.

Годуновская Успенская — въ 1742 г.

Бѣлошанская Георгіевская — въ 1795 г.

Вечорская Успенская — въ 1787 г.

При библіотекѣ *Рождества Богородичной церкви мѣстечка Журавки,* кромѣ св. Евангелія на славянскомъ языкѣ изданія Львовскаго 1644 г. 23 мая, другихъ древностей не имѣется.

Прилукскій уѣздъ.

Николаевская церковь села Сорочинецъ сооружена въ 1856 г., но сохранила старинную утварь и старопечатныя книги, а именно: Минея — Декабрь м. Москов-

ское изданіе 1645 г., Тріодь цвѣтная Львовской печати 1663 г., Тріодь постная, изданная тамъ же 1699 г. Евангеліе въ листъ отдѣланное малиновымъ бархатомъ и серебромъ, Московской печати 1717 г. пожертвованное помѣщикомъ Андреемъ Раковичемъ 1733 г. марта 25 дня, Евангеліе въ листъ также оправленное малиновымъ бархатомъ и серебромъ безъ пробы, Кіевской печати 1746 г., Евангеліе въ листъ подъ чернымъ плисомъ оправленное серебромъ, Московской печати 1789 г. Кромѣ наименованныхъ книгъ въ церкви имѣются и другія Богослужебныя книги изданныя и печатанныя въ томъ же XVIII вѣкѣ;

Въ *Преображенскомъ приходѣ гор. Прилукъ* двѣ церкви: теплая и холодная. Изъ нихъ главная — во имя *Преображенія Господня,* каменная, холодная — устроена въ 1716 г. иждивеніемъ бывшаго Прилукскаго полковника Игнатія Галагана. Иконостасъ въ ней новый, устроенный на средства прихожанъ и другихъ жертвователей въ 1867 г., живопись въ иконостасѣ также новая.

Изъ утвари, не отличающейся особенной древностью, назовемъ:

а) плащаница, сооруженная Екатериной Галаганъ въ 1773 г.;

б) большая серебряная чаша, дискосъ, звѣзда и лжица къ ней пожертвована Маріей Давыдовной Горленко въ 1758 г.;

в) св. Евангеліе львовской печати 1644 г.;

г) св. Евангеліе московской печати 1730 г.;

д) св. Евангеліе московской печати 1748 г.;

е) св. Евангеліе московской печати 1766 г.;

ж) св. Евангеліе московской печати 1771 г.

На хорахъ Преображенской церкви, въ отдѣльной кладовой находится архивъ бывшаго Прилукскаго Духовнаго правленія.

Вблизи Преображенской церкви, на грунтѣ Галагана устроено небольшое каменное зданіе, въ родѣ часовни, извѣстное въ Прилукахъ подъ именемъ полковой, скарбници“; по преданію, въ этомъ зданіи хранилась во времена казачества полковая казна.

V округъ Прилукскаго уѣзда

имѣетъ слѣдующія древнія церкви:

1) *Василіевская церковь с. Догалевки* построена въ 1731 году, а въ 1854 году капитально ремонтирована.

2) *Покровская церковь с. Никоновки* построена 1732 года, а въ 1824 и 1886 годахъ капитально ремонтирована.

3) *Михайловская церковь с. Березовки* построена 1754 года, а въ 1836 году почти вновь передѣлана.

4) *Николаевская церковь с. Березовки* построена 1768 г., а въ 1834 году расширена и передѣлана. Въ этой церкви замѣчательный древній иконостасъ въ формѣ звѣзды.

5) *Христо-Рождественская церковь с. Алексинецъ* построена въ 1769 году, передѣлана въ 1853 году.

6) *Покровская церковь с. Грицовки* построена въ 1780 году, а вновь передѣлана въ 1860 году.

7) *Покровская церковь с. Ярошовки* построена въ 1783 году, а въ 1898 году почти вновь передѣлана.

8) *Кресто-Воздвиженская церковь м. Сребнаго* построена 1784 года, расширена и перестроена въ 1841 году.

9) *Іоанно-Предтеченская церковь с. Харитоновки* построена 1784 года, капитальной ремонтировки въ ней не было ни разу.

10) *Воскресенская церковь с. Савинецъ* построена 1798 года, перестроена и расширена въ 1847 году.

О древней утвари священники упоминаютъ только при указаніи на *Кресто-Воздвиженскую церковь м. Сребнаго,* гдѣ указано на древнію икону Ченстоховской Божіей Матери, которая, по преданію, принесена въ церковь казаками изъ Запорожской Сѣчи, но достовѣрность этого преданія ничѣмъ фактическимъ не подтверждается.

Церкви IV округа.

Сооружены въ XIX столѣтіи, кромѣ *церкви Всѣхъ Святыхъ села Туровки* и *Преображенской села Згуровки.* Первая построена въ 1782 году; въ 1822 году по разрѣшенію преосвященнаго Меѳодія Епископа Полтавскаго и Переяславскаго подъ сію церковь подложенъ каменный фундаментъ, крыша и куполъ покрыты листовымъ желѣзомъ; со времени ремонтировки и по настоящее время капитальной починки не производилось; вторая сооружена въ 1794 году иждевеніемъ прихожанъ, расширена и обновлена съ подведеніемъ каменнаго фундамента въ 1854 году; въ 1872 году вновь ремонтирована, а въ 1882 году обновленъ иконостасъ.

При *Іоанно-Богословской церкви села Поддубновки* хранится священническое облаченіе архимандрита Антонія Кіево-Печерской Лавры впослѣдствіи епископа Воронежскаго; кромѣ сего три воздуха, шитые золотомъ и серебромъ великой княгиней Еленой Павловной, подаренные упомянутому епископу.

При *Св.-Аркадіевской церкви села Аркадіевки* хранятся Евангеліе и Часословъ кіевской печати 1747 года.

Городъ Ромны.

Покровская церковь города сооружена въ 1770 году. Въ 1827 году поновлена, при чемъ подъ нею сдѣланъ каменный фундаментъ и перемѣнены подвалины.

Въ церкви этой сохранился иконостасъ рѣзной изъ дерева, превосходной отдѣлки, крытый золотомъ, — въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ, послѣднимъ кошевымъ запорожскаго войска, соорудившимъ и самую церковь.

Изъ старопечатныхъ книгъ сохранились:

Евангеліе въ полъ-листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Львовской печати 1670 г., іюня 11 дня.

Евангеліе въ полъ-листа, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Львовской печати 1690 г., ноября 28 дня.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1748 г., ноября 12 дня.

Евангеліе въ полъ-листа, въ серебряной оправѣ, Московской печати 1785 г., сентября 4 дня и

Евангеліе въ листъ, верхняя доска въ серебряной вызолоченной оправѣ съ окладкою стразовъ, а нижняя — на серебряныхъ вызолоченныхъ ножкахъ, Московской печати 1789 г., августа 7 дня.

Древней утвари и рукописей не сохранилось.

Николаевская церковь сооружена въ 1834 году.

Изъ древнихъ иконъ имѣются икона Св. Николая — престольная, по преданію, чудотворная, очень древняя, что видно изъ греческой надписи, находящейся на задней сторонѣ.

Изъ старопечатныхъ книгъ имѣется престольное Евангеліе въ большой александрійскій листъ, печатанное въ Москвѣ въ 1759 г., въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, вѣсомъ въ 1 пудъ 7 фунтовъ, пожертвованное въ эту церковь, какъ видно изъ сохранившейся на немъ надписи: „1771 года, мѣсяца іюля 1 дня. Евангеліе сдѣлано коштомъ умершаго господина писаря полковаго Лубенскаго Θеодора Васильева сына Дергая".

Вознесенская церковь окончена вчернѣ постройкой 30 сентября 1797 года. По свѣдѣніямъ, хранящимся въ церковномъ архивѣ, видно, что средній куполъ церкви, будучи непомѣрной вышины, чрезъ два дня послѣ того обрушился, такъ что въ теперешнемъ своемъ видѣ, по исправленіи его, онъ гораздо меньше предыдущаго.

Изъ старопечатныхъ книгъ въ церкви сохранились:

Евангеліе въ полъ-листъ, въ гладкой серебряной вызолоченной съ чеканью оправѣ, кіевской печати 1693 г., мѣсяца декабря.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1717 г., мѣсяца октября.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1758 г., мѣсяца ноября и

Требникъ Петра Могилы въ двухъ частяхъ 1656 г., 16 декабря.

Изъ прочей древней утвари замѣчателенъ колоколъ, пожертвованный въ эту церковь, какъ видно изъ надписи на немъ, „паномъ Филиппомъ Бунтѣемъ 30-го іюня 1732 года".

Роменскій уѣздъ.

Церковь св. Троицы въ с. Засульи построенная въ 1882 г., но съ великолѣпнымъ 4-ярусным иконостасомъ, рѣзнымъ изъ дерева, превосходной работы, крытый золотомъ, — поставленный въ старой церкви, въ 1766 году „коштомъ и стараніемъ того села владѣлицы, вдовствующей Марθы Семеновой Марковичевой и сына ея бунчуковаго товарища Іосифа Марковича". Живопись въ этомъ иконостасѣ работы извѣстнаго

малороссійскаго художника-портретиста Владимира Лукича Боровиковскаго; особенно замѣчательны иконы на сѣверныхъ дверяхъ первосвященника Аарона и на южныхъ Мельхиседека.

Одинъ изъ существующихъ въ этомъ приходѣ кургановъ до сихъ поръ не изслѣдованъ, остальные, какъ въ данномъ приходѣ, такъ и вообще на лѣвомъ берегу рѣки Сулы — раскопаны въ 1878—79 г., членами Кіевскаго Археологическаго Общества гг. Самоквасовымъ и Кибальчичемъ.

Изъ старопечатныхъ книгъ въ ней сохранились:

Евангеліе московской печати 1766 года. Тріодь цвѣтная, кіевской печати 1765 года. Мѣсячныя минеи, 12 книгъ, кіевской печати 1750 года. Тріодіонъ или трипѣснецъ, кіевской печати 1743 года. Служебникъ, кіевской печати 1735 года и Евангеліе, кіевской печати 1712 года.

Древнихъ иконъ, утвари и рукописей не сохранилось.

Георгіевская церковь села Лозовой, сооружена въ 1734 году. Въ 1837, 1851 и 1854 гг., была ремонтеруема, но въ чемъ заключался этотъ ремонтъ — свѣдѣній не имѣется. Въ 1896 г. внутри вымыта, а снаружи окрашена. Въ 1900 г. окрашена внутри.

Древнихъ иконъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ нѣтъ.

Существующіе въ этомъ приходѣ и вообще на правомъ гористомъ берегу рѣки Сулы курганы, какъ полагаютъ скиѳскаго періода, раскопаны, за исключеніемъ немногихъ, — мѣстнымъ любителемъ С. А. Мазараки.

Петро-Павловская церковь села Процовки, сооружена въ 1743 году.

Существующіе въ этомъ и сосѣднихъ приходахъ курганы изслѣдованы гг. Самоквасовымъ, Кибальчичемъ и С. А. Мазараки.

Церковь Николаевская м. Смѣлаго построена въ 1795 году, вмѣсто болѣе древней сгорѣвшей, время построенія которой неизвѣстно. Она деревянная, имѣетъ крестообразную форму, о трехъ куполахъ. Въ 1884 году устроенъ придѣлъ съ южной стороны въ честь Св. Великомученика Пантелеимона, въ 1887 году устроенъ съ сѣверной стороны придѣлъ въ честь архистратига Михаила. О другихъ перестройкахъ свѣдѣній не сохранилось. Изъ предметовъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ, можно указать крестъ изъ кипарисоваго дерева, старинной рѣзной весьма тонкой работы съ вырѣзными изображеніями событій изъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣта, заключенный между двухъ стеколъ въ серебряную оправу съ такимъ же пьедесталомъ, весьма значительныхъ размѣровъ. Изъ книгъ, должно указать на Тріодь цвѣтную кіевской печати 1585 года и Тріодь постную кіевской печати 1648 года.

Въ 6 верстахъ отъ м-ка Смѣлаго, по дорогѣ въ гор. Конотопъ есть такъ называемыя „Роблени могилы". Устройство ихъ относятъ къ 1650 годамъ. Преданіе говоритъ, что это было укрѣпленіе, сдѣланное войсками Гуляницкаго и Выговскаго. Ихъ геометрически правильное расположеніе подтверждаетъ это.

Храмъ въ селѣ Бесѣдовкѣ, во имя св. Космы и Даміана построенъ, какъ значится въ Клировыхъ вѣдомостяхъ, въ 1722 году иждивеніемъ братіи Кіево-Печерской лавры, которая имѣла въ селѣ Бесѣдовкѣ свои владѣнія. Храмъ исправленъ и уве-

личенъ въ 1808—1834—1858 годахъ. Въ 1850 году устроена новая деревянная о двухъ ярусахъ на каменномъ фундаментѣ колокольня.

При храмѣ сохранились древніе колокола, пожертвованные Кіево-Печерскою лаврою, но неизвѣстно какого года.

Антиминсъ на холстѣ 1780 года мѣсяца мая 29 дня, подписанъ Гавріиломъ митрополитомъ Кіевскимъ.

Евангелія 1748 года и 1757 года.

Крестъ съ рукояткою кипарисною, оправленною въ серебро 1756 года, пожертвованъ іереемъ Петромъ Мельниковымъ.

Дарохранительница серебряная, вызолоченная съ двумя ковчезцами 1756 г.

Есть и другія вещи, книги Богослужебныя стараго изданія 1755 года.

При *приходѣ Покровскомъ села Медвѣжьяго,* по правую сторону рѣки Роменъ имѣется большая гора, называемая въ народѣ „Городищемъ". На вершинѣ „Городища", гдѣ теперь находится кладбище, сохранились слѣды проѣздовъ и крѣпостныхъ валовъ. На той же горѣ, далѣе къ западу, гдѣ расположена часть села „Посадъ" возвышается цѣлая группа кургановъ, высотою не превышающихъ одной сажени. Многіе изъ этихъ кургановъ въ 70 годахъ были раскопаны членами Археологическаго Общества гг. Кибальчичемъ и профессоромъ Самоквасовымъ; изслѣдователями найдены черепа, каменный топоръ, желѣзное копье, ожерелье, серги и другіе остатки древности. Не лишнимъ считаю упомянуть, что изъ числа древностей г. Кибальчичемъ, въ 70 годахъ, въ бытность настоятелемъ Покровскаго прихода села Медвѣжьяго священника Даніила Андріевскаго, взято чугунное „било" и старинный крестъ, то же въ Преображенскомъ приходѣ села Липоваго взята очень древняя плащаница.

Церковь села Медвѣжьяго, сооружена въ 1780 году.
„ *Георгіевская села Галки,* въ 1779 году.
„ *Преображенская села Липового,* въ 1788 году.
„ *Благовѣщенская села Великихъ-Бубновъ,* въ 1786 году.
„ *Покровская села Калиновки,* въ 1763 году.
„ *Рождество-Богородичная села Николаевки,* въ 1775 году.
„ *Рождество-Богородичная мѣстечка Хмелова,* въ 1772 году.
„ *Покровская мѣстечка Хмелова,* въ 1753 году.
„ *Воскресенская села Басовки,* въ 1794 году.

Древней утвари въ этихъ церквахъ по отзывамъ священниковъ не сохранилось.

Константиноградскій уѣздъ.

Шесть церквей 3-го Округа этого уѣзда построены въ періодъ времени съ 1780 по 1795 г., но при нихъ древностей и историческихъ достопримѣчательностей, требуемыхъ циркуляромъ, никакихъ не оказалось. Какъ бы въ исключеніе изъ сего, можно указать на древній образъ Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца находящійся въ лѣвомъ притворѣ *Николаевской церкви села Медвѣдовки,* построеніе которой относится къ 1794 году.

Образъ этотъ въ большомъ видѣ, почти въ ростъ, подъ серебряной ризой съ такимъ же позлащеннымъ вѣнцемъ, въ большомъ кіотѣ, столярной работы, обложеннымъ бронзою. Но какимъ образомъ и когда икона Св. Николая стала достояніемъ Медвѣдовской церкви, объ этомъ нѣтъ письменныхъ сказаній въ документахъ архива, а только въ описѣ церковнаго имущества за 1854 годъ сказано: „древній съ прежде бывшей церкви.“

Николаевская церковь села Надеждина сооружена въ 1797 году. Въ 1874 году устроенъ въ ней новый двухъ-ярусный иконостасъ, въ 1882 году устроена новая деревянная на двухъ столбахъ съ навѣсомъ колокольня. Древнихъ иконъ, утвари, рукописей старопечатныхъ книгъ, городищъ, древнихъ сооруженій и развалинъ нѣтъ.

Іоанно-Богословская церковь села Михайловки сооружена въ 1793 году, вновь переустроена въ 1847 году.

Николаевская церковь села Даръ-Надежды сооружена въ 1793 году, но съ устройствомъ въ 1871 году новой церкви, старая продана въ село Рассоховатую.

Лубенскій уѣздъ.

Покровская церковь села Литвяковъ устроена въ 1796 году. Изъ описи церкви за 1861 годъ видно, что она устроена на средства благодѣтелей сего храма генерала Георгія Хорвата и жены его Ирины Андреевы, изъ рода Новицкихъ. Церковь деревянная на каменномъ фундаментѣ, съ такою же колокольнею. Колокольня устроена и соединена вмѣстѣ съ церковью въ 1874 году. Церковь обнесена каменной оградой, покрытой желѣзомъ.

Рождество-Богородичная села Хорошковъ, деревянная съ такою же, отдѣльно стоящею, колокольнею, устроена въ 1721 году на средства войсковаго товарища Іоанна Новицкаго. Въ 1823 году расширена устройствомъ двухъ притворовъ; въ 1894 г. внутри, а въ 1898 году снаружи окрашена бѣлою масляною краскою. Древнихъ иконъ, утвари, рукописи и старопечатныхъ книгъ при сей церкви неимѣется.

Успенская с. Песокъ, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, съ такою же въ одной связи колокольнею, устроена въ 1788 году на средства архимандрита Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Дамаскина. Древнихъ иконъ, утвари, рукописи и старопечатныхъ книгъ не имѣется.

Троицкая церковь с. Исачекъ каменная, основана въ 1801, окончена въ 1808 году, помѣщикомъ Иваномъ Андреевымъ Новицкимъ и сестрою его Ириною Андреевой Хорватъ, изъ церковныхъ вещей въ ней сохранились:

1. Шесть колоколовъ, старинной отливки и у трехъ придѣланы оси для коромысла, употреблявшагося при звонѣ посредствомъ раскачиванія колокола (способъ, католическій). На одномъ изъ колоколовъ отлиты изображенія Богоматери „Нерушимая Стѣна“ и Преображенія Господня, а также слѣдующая надпись:

1735 Апрѣля 10 Отлился звонъ сей до обители красногорской чернуской до храму святия и живоначалнія Троицы. Коштомъ честного отца Герасима Соколика за отпущеніе грѣховъ. А вѣсу внемъ 11 п. 22 ф.

На другомъ отлиты изображенія Благовѣщенія Пресв. Дѣвы, Св. Николая и надпись: *1758 року*.

2. Три серебряныхъ чаши: *Первая*, болѣе старая, вѣсомъ 1 ф. 23 зол., съ рельефнымъ пьедесталомъ и съ гравированнымъ крестомъ. Къ этой чашѣ дискосъ гладкій, съ гравированнымъ крестомъ, снизу надпись: *1773 году м҃. марта 10 дня здѣланъ сей дискусъ стараніемъ и коштомъ степана науменка вцерковъ т҃. к҃. м҃. п҃а. всело увисачки*. Звѣздица серебряная, безъ пробы, съ выгравированными на дужкахъ словами: ст҃ъ-ст҃ъ-ст҃ъ-гдь, въ центрѣ, на кругѣ, изображеніе Бога-Отца.

3. Два кадила серебряныя, одно 1790 г., въ формѣ часовни.

4. Лампады серебряныя 1783 г. и 1769 г. четырехгранная.

5. Евангеліе въ листъ, 1+248, въ серебряномъ золоченомъ окладѣ, Москва. 1805 г., съ 5-ю финифтяными изображеніями: Воскресенія и 4 евангелистовъ; годъ на окладѣ 1807; бумага съ водянымъ знакомъ „1802“. Съ заставками и гравюрами евангелистовъ. Подъ гравюрою Матѳея значится: „Грид.: подмастерья Василей Іконниковъ. ри: ученикъ петръ поповъ. 1766 года“. Подъ Маркомъ: „Грид: ученикъ семенъ назаровъ. ри: ученикъ петръ поповъ: 1766 года“. Подъ Лукою „Алексей Андреевъ“ и „Іванъ федоровъ“, годъ тотъ же. Подъ Іоанномъ „степ: юѳимовъ и семенъ второвъ“ того же года. У заставокъ граверы не показаны. На обложкѣ написано. *Куплено сіе евангеліе въ Ромнѣ 1807 года іюля 22 обывателемъ села Исачекъ ѳедоромъ паламаренкомъ съ женою ефиміей* (очевидно тѣми же отъ кого и вторая чаша), *въ церковъ святыя троицы исачковскую*. На послѣднемъ листѣ обложки надпись: „степанъ михаиловъ“. Корешокъ безъ оклада, на нижней сторонѣ золоченые угольники съ ножками, а въ центрѣ крестъ въ лучахъ.

6. Второе Евангеліе въ листъ, 1+248 л., Моск. 1758 г., очень плотной бумаги съ гравюрами евангелистовъ, заставками и виньетками. Подъ евангелистами приведены стихи, напр., О ст҃ый марко, коль серд҃е ти жарко по хр҃тѣ б҃зѣ въ страданіи мнозѣ, въ проповѣди слова за егова труды положившу, тѣми міръ просвѣтившу“. Переплетъ покрытъ темнымъ бархатомъ, съ рельефными серебряными изображеніями.

7. Третье Евангеліе въ листъ, 1+248. Моск. 1796 г., съ тѣми же гравюрами, что и на первыхъ Евангеліяхъ. На обложкѣ написано: *Куплено сіе Евангеліе 1798 года апрѣля 6 дня*. Бархатный красный переплетъ съ обѣихъ сторонъ украшенъ красивымъ окладомъ.

8. Евангелія въ полъ-листа. Кіевской печати „при архимандритѣ Тимоѳеи“, 1746 г., съ гравюрами, изображающими проповѣдующаго Спасителя и евангелистовъ, „Аверкія Козачковскаго“, и со многими лицевыми миніатюрами въ текстѣ. Въ концѣ евангелія, внизу послѣдняго листа, старинная приписка отъ руки о евангеліяхъ за больныхъ мужеска или женска пола. Доски переплета покрыты чернымъ бархатомъ; сверху серебряный безъ пробы окладъ: въ центрѣ распятіе, по угламъ евангелисты. Застежки серебряныя, гравированныя; снизу мѣдныя подъ серебромъ ножки.

9. Изъ пяти жертвенниковъ только одинъ старинный. Вышина его 5 чтв., шир. 3 чтв., въ родѣ шкафа, съ дверкою. На двухъ сторонахъ нарисованы: Захарія со свиткомъ, на которомъ написано: „И ти отроча пр҃ркъ вышняго наричешися“ и

жертвоприношеніе Исаака. На внутренней сторонѣ дверки написано: *҂аѱмз года иуліа ҃і дня. Сей жертовникъ сооружися вхрамъ церкви с҃той великомученицы Параскеви всело Исачки, стараніемъ ч҃тнаго отца Киріла, иждивеніемъ и коштомъ Василя значка жителя села Тишковъ за отпущеніе грѣховъ своихъ.* На верхней доскѣ видны слѣды бывшихъ иконъ.

10. Деревянное, рѣзное горное мѣсто, съ позолотою, колонами и аркою. На немъ изображены: Богоматерь (замѣчательнаго рисунка), цѣлованіе Елисаветы, праздники, тайная вечеря и херувимы; завершается рѣзнымъ сіяніемъ. Всё это очень тонкой старинной работы. Подъ аркою имѣется слѣдующая надпись: *За благословеніемъ высокопреподобнѣйшаго господина отца архимандрита кіевозолотоверхомихаиловской обители Силверста Думнѣцкаго начася дѣланіе иконостаса сей а сооружися и освятися за благословеніемъ же ясне въ Богу высокопреподобнѣйшаго господина отца Модеста архимандрита тое же обители. Подаяніемъ доброхотнихъ благодѣтелей а пиданіемъ іеромонаха Арсенія; намѣстника сей обители; 1747 года Авг. 11 окончася.* Изъ архива церковнаго видно, что это было не горнее мѣсто, а особый иконостасъ на входныхъ дверяхъ притвора въ Чернушскомъ монастырѣ.

11. Рѣзной золоченый кіотъ, состоящій изъ трехъ частей: верхушки, собственно кіота и тумбы, всего вышиною 6 аршинъ. Въ верхушкѣ, подъ серебряною ризою изображеніе Св. Троицы, (коронов. Б. М.), а по сторонамъ Іоакимъ и Анна и въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ — два ангела; въ средней части, посрединѣ — образъ св. Варвары, а по сторонамъ — образъ всѣхъ святыхъ и Предтечи Іоанна, указывающаго ученикамъ на грядущаго Спасителя; въ тумбѣ, посрединѣ, подъ Варварою, изображено положеніе ризы Богоматери, а по сторонамъ: бесѣда съ Самарянкою, Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ, которому ангелъ несетъ крестъ съ неба; Іосифъ и Дѣва Марія, Богоматерь съ Іисусомъ и Іосифомъ; Дѣва Марія молящаяся предъ книгою и наконецъ — поклоненіе волхвовъ. Надписи на кіотѣ слѣдующія: Надъ иконою всѣхъ Святыхъ — „Дивенъ Б҃ъ во с҃тыхъ Своихъ": подъ этою иконою внизу мелкими буквами написано: *Изобрази Киотъ Сей Иванъ Наумовичъ 1751 года мая 13 дня;* на обратной сторонѣ доски — „Радованіе праведнимъ", и вырѣзано ножемъ: *Иванъ коля...* Надъ среднею иконою (св. Варвары), написано величаніе Благовѣщенію: „Архангельскій гласъ вопіемти чистая радуйся, г҃дь съ тобою". Надъ Предтечею — его возваніе: „покайтеся, приближибося царство небесное", на обратной сторонѣ доски этого образа вырѣзано ножемъ: *Иванъ Коляда реентъ.* Завершается кіотъ медальономъ, въ которомъ нарисована Богоматерь, держащащая въ одной рукѣ скипертъ, а въ другой — цвѣтокъ. Образа и надписи трудно разобрать.

12. Образъ Божіей Матери, — главная святыня Исачковскаго храма, $5 \times 3^{1}/_{2}$ четв., писанъ на холстѣ, чудной живописи. Богоматерь изображена въ богатой ризѣ, съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ и сіяніемъ вокругъ главы. Серебряный золоченый окладъ осыпанъ разноцвѣтными камнями. Образъ этотъ былъ въ Чернушскомъ монастырѣ.

13. Минея мѣсячная, 12 книгъ, въ кожаномъ переплетѣ безъ досокъ, Лаврской печати 1750 г., при архимандритѣ Іосифѣ. На каждой по листамъ

подпись: *Книгу сію и весь кругъ миней купилъ сотни Сънътинской козакъ Григорій Рева села Исачекъ въ церковь святыя параскевы въ память имени своего въ 1773 году цънною съ переплетомъ за 30 рублевъ.* Гравюры съ пометою: „Монахъ Іларіонъ рѣзалъ“ и сеᵈᵣ севастіянъ“. На майской книгѣ, подъ 6 числомъ написано: *Въ сей день въ сей церкви Исачковской Троицкей помъщица Марья Якимовна Андреева каждогодно нанимала священно и церковно служителей служить вечерню, утреню и службу за одинъ рубль серебромъ и 15 ноября въ день Гурія Самона и Авива и въ многіе другіе дни.* На другихъ книгахъ подъ разными числами имѣются замѣтки о служеніи для той же М. Я. Андреевой. На послѣдней страницѣ октябрьской книги написано: *Помяни Господи и упокой усопшаго раба Твоего Григорія (вѣроятно жертвователя) который 1797 года июля 5 умре.*

14. Минея общая, 167+1, безъ выходного; подпись по листамъ: *сию книгу общую мънею купилы рабы божіи семенъ мицикъ михаило василенко и зуласомъ синомъ втроихъ вцерковь великомученицы Параскеви села Исачокъ зацену рублей тры 1755 году сентября 6 дня;* переплетъ досчатый подъ кожею.

15. Часословъ съ послѣдованіемъ, безъ выходного, 2+351, царствованія Екатерины, съ заставками и виньетками; переплетъ такой же. Безъ подписей.

16. Тріодь цвѣтная, 1+496, Лаврскаго изданія, 1765 года, при архимандритѣ Зосимѣ; гравюры: моленіе о чашѣ, воскрешеніе Лазаря, Воскресеніе и др. помѣчены „ѳеофанъ“, „григори“, „георги“. По листамъ подпись: *Сия книга называемая триодь цвътная куплена дохраму святыя великомученицы параскевы въ село Исачки въ городъ Кіевъ петромъ головкомъ съ товарищемъ мартиномъ зензерою за цену пять рублевъ 1780 года мц͠а мая 5 дня за бытность священника Іоанна Иванъцкого.*

17. Тріодь постная, 1+622+23, Москва 1748 г.; съ 17-го листа начинается подпись, но сильно затерта только съ 27-го листа можно прочесть: *купленна вкиевъ 1761 года декᵃᵦря 1 дня.* Заставки и виньетки безъ подписей гравера. Бумага съ водяными знаками рѣшетки и зубчатаго столба съ жезломъ или мечомъ вверху. Досчатый переплетъ покрытъ кожею съ тисненіемъ.

18. Поученія свято-отеческія на весь годъ, безъ выходного 8+58+57+ +54+56, по три мѣсяца въ счетъ. Переплетъ кожаный безъ досокъ, точно такой отдѣлки, какъ у мѣсячныхъ миней, почему и можно ихъ считать одновременными.

19. Апостолъ, безъ выходного, 8+318; гравюры: св. Луки и ап. Павла помѣчены „макарій 1738“, а подъ ап. Іоанномъ и Іаковомъ — „григори левѣцки киевѣ подолѣ“. Съ 3-го листа видна подпись: *рабъ..... маркорева житель. села.... вцерковь святыя великомученицы параскеви зацену рублей два и копъекъ пятдесятъ 1755 года сентября 6 дня.* Переплетъ досчатый подъ кожею.

20. Осмогласникъ, 1+8+530, печать Черниговскаго Троицкаго монастыря, при архимандритѣ Сильвестрѣ, 1757 г. Гравюра св. Троицы у Авраама помѣчена: „Іліодоръ, № 2, 1757 г.“, а подъ гравюрою І. Дамаскина — „Іліодоръ, № 1, 1756 г.“ Подписей по листамъ нѣтъ; въ переплетѣ доски подъ кожею.

21. Служебникъ, 7+318, Лаврской печати, годъ не указанъ, а лишь поименованъ архимандритъ Іоасафъ Кроковскій (бывшій въ 1692 г. въ Мгарскомъ

монастырѣ при посвященіи великой церкви). По листамъ идетъ подпись: *Сей служебникъ церкви святыя великомученицы пресковеи. Року бжого ҂аѱаі (1711). мца февруа кг дня я рабъ бжій лазр береньки даю сию книжку служебникъ до села и сачекъ до храму святой великомученицъ параскевии для поминку своихъ родичовъ а хто би еи имъль отдалити от сего храму...* (Послѣднія слова затерты.) На великомъ входѣ въ помянникѣ сказано: „Благочестиваго царя и великаго Князя имкъ. Благовѣрныя црицы. Благороднѣйшаго цревича имкъ и Благородныя Цревны... Благороднаго гетьмана имкъ...“ Въ проскомидіи та особенность, что частицы 9 чиновъ указаны на дискосѣ подъ частицею Богоматери, а не съ другой стороны Агнца, какъ общепринято. Подъ гравюрою Іоанна Златоуста помѣчено: „1708 Тихо,“ подъ Василеемъ Великимъ: „1708 Се“, подъ Григоріемъ Двоесловомъ — 1780 м. с.“; заставки хорошей работы. Подъ заупокойной ектеніей написано: *поминание рода сей книжицы* (листъ 85) *Тимоѳея евдокію евстафія онофрія павлу Іакову.* По листамъ встрѣчаются написанные молитвенные возгласы. На концѣ нумерація листовъ ошибочна, такъ послѣ 209 стоитъ 300, послѣ 317 поставлено 350, тогда какъ текстъ идетъ непрерывно. На послѣдней страницѣ позднѣйшая приписка: *Іерей Іоаннъ Иваницкій.* Обложка синей бумаги со знаками рѣшетки вродѣ ипподрома и иниціаловъ П. и Щ. Доски переплета покрыты кожею съ тисненіемъ. Въ общемъ экземпляръ очень интересный и заслуживающій особаго вниманія.

22. Служебникъ, безъ выходного, 1+6+282, царствованія Анны Іоанновны, кіевской печати. Подъ гравюрою Іоанна Златоустаго помѣта гравера: „І. М.“ Внизу подписано: 1777 года ноября 24 рукоположенъ во священника“ (вѣроятно „Иванѣцкій“). Гравюра Василія Великаго помѣчена: „1735 І. М.“ Подъ св. Григоріемъ помѣты нѣтъ. Есть заставки. Бумага со знаками щита съ греческимъ крестомъ. Подписи по листамъ нѣтъ слѣдовъ. На оборотѣ лис. 247, въ концѣ молитвъ по причащеніи, написана замѣтка: *Родилась марья Семеновна сулимовна 1729 года декабря 28 дня.* Означенная Марья Семеновна, дочь Семена Ивановича Сулимы, полковника Переясловскаго, (см. „Описаніе Старой Малороссіи“ Лазаревскаго, т. 1 стран. 250), была въ Исачкахъ въ замужествѣ за бригадиромъ Андреемъ Ивановичемъ Новицкимъ внукомъ Иліи и отцомъ Ивана Новицкаго и Ирины Хорватъ — строителей нынѣшней церкви. Бригадиръ Андрей Ивановичъ и жена его Марья Семеновна умерли въ Исачкахъ, какъ видно изъ хранящейся метрической книги, онъ — 20 февраля 1789 г. 82 лѣтъ, а она — 18 ноября 1798 года, 68 лѣтъ.

23. Книга „о служеніи церковномъ“, 3+104, С.-Пб., 1792 г., съ планомъ древнихъ церквей. По листамъ подпись: *декабря 7 дня въ церковъ Параскевіевскую села исачекъ 1805 года подписанная Благочиннымъ протоіереемъ Александромъ лебединскимъ.* Бумага со знаками медвѣдя съ оружіемъ и короною. На 1-мъ листѣ приложена печать „.... Сокальская“; надъ фамиліей изображенъ соколъ[1]).

24. Требникъ Петра Могилы, 3+431+11, безъ выходного и послѣднихъ листовъ, очевидно Кіевской печати, жирнаго шрифта; годъ изданія нигдѣ не указанъ,

---

[1]) №№ съ 13 по 23 всѣ размѣромъ въ листъ.

въ чье царствованіе изданъ, тоже не видно; въ тропарѣ кресту и другихъ молитвахъ, въ которыхъ именуется царствующій государь, сказано только: „благовѣрному цару нашему“; Синодъ, патріархъ и митрополитъ такъ же нигдѣ не поминаются, а вмѣсто нихъ значится: „О Преосвященномъ Аріепископѣ нашемъ имкъ“. Предъ послѣдованіемъ таинствъ имѣются заставки и гравюры безъ помѣты граверовъ и годовъ. Переплетъ толстый кожаный безъ досокъ.

25. Ирмологій, 2+214, Лаврской печати, 1753 г. при архимандритѣ Лукѣ. На оборотѣ выходного листа гравюра Богоматери на облакахъ и полумѣсяцѣ, съ помѣтою: „геронтій“. Между гласами небольшія заставки и виньетки. Бумага безъ знаковъ. Подписей по листамъ нѣтъ.

26. Акафистникъ, безъ выходного, 1+332, царствованія Екатерины II, съ гравюрами, заставками, лицевыми миніатюрами и красивымъ бордюромъ вокругъ листовъ. Изъ гравюръ помѣчены: Успеніе „Ефимъ“ и Скорбящая Богоматерь — „геронтій“. Плотная бумага безъ знаковъ; подписей нѣтъ. Досчатый переплетъ покрытъ черной кожей съ тисненіемъ.

27. Служба св. Захаріи и Елизаветѣ, 5 сент., 12 лис. Москва 1793 г., въ пестрой папкѣ, подъ нижней стороною которой сдѣлана старинная скорописью замѣтка: *Три отъ рода Давидова и Соломонова обрѣтаются: Матѳанъ, иже поятъ Марію отъ Іудина племене, и роди Іакова и Іосифа древодѣля и дщери три: Марію, Софію и Анну. Марія же роди соломію, Бабу Господню. — Софія же роди Елисаветъ, матерь предтечеву. — Анна же роди Богородицу: яко быти Богородицѣ, внуцѣ Матѳану, и Маріи женѣ его. — Елисаветъ же и Соломіи, сестричнѣй.*

28. Служба воздвиженію св. Креста, въ 16 д., гражданской печати, 105 лис., царствованія Екатерины II; шрифтъ московскій; водяныя знаки представляютъ уже отмѣченную рѣшетку съ зубчатымъ столбомъ и какъ бы воина, держащаго жезлъ; кожаный переплетъ безъ досокъ[1]).

Въ архивѣ церковномъ имѣются книги:

29. Метрическія о родившихся, съ. . . . . 1781 года.

30. О бракосочетавшихся, съ. . . . . 1781 года.

31. Объ умершихъ, съ . . . . 1782 года.

32. Копія указовъ синодальныхъ, митрополичьихъ и консисторскихъ, съ 1721 г.

33. Копія крѣпости (6) на земли, купленныя въ 1797—99 годахъ масоромъ Иваномъ Андреевичемъ Новицкимъ для пользованія причта.

34. Дѣло объ истребованіи отъ г. Лубень въ 1793 гор. удержаннаго въ Лубнахъ чудотворнаго образа Божіей Матери.

Кромѣ переименованныхъ иконъ, утвари и книгъ церковь с. Исачекъ имѣетъ еще много другой утвари и предметовъ церковнаго обихода, не входящихъ въ приводимую опись потому что они уже позднѣйшаго происхожденія.

Троицкая церковь села Снѣтина сооружена въ 1688 году тщаніемъ комоннаго полковника Иліи Новицкаго. Преданіе гласитъ, что церковь эта служила костѣлемъ,

[1]) №№ съ 24 по 28 въ 4-ую д.

такъ какъ и строитель ея, перейдя съ Польши въ Россію, былъ католикъ, а по принятіи имъ православія зданіе это передѣлано въ православную церковь. Въ ней престоловъ три: во имя св. Живоначальной Троицы, во имя св. пророка Иліи и въ честь рождества св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Церковь эта, какъ гласитъ то же преданіе, подвергалась различнымъ опустошеніямъ: была крыта соломой, нѣсколько времени находилась безъ кровли и оставалась, безъ штукатурки и побѣлки.

Въ церкви имѣются три древнія иконы Божіей Матери подъ серебряными шатрами.

Изъ утвари имѣются: три серебряныя ризы съ епитрахилями; серебряная небольшая чаша съ надписью вокругъ: „я рабъ Божіи Илія Иліевичъ Новицкій соорудилъ имъ и подалъ его на церковь Божію за отпущеніе грѣховъ"; дискосъ замѣтно древній, но безъ всякой надписи; древняя серебряная тарелочка съ надписью вокругъ: „сіи дискосъ подали рабі Божіи Романомъ, Григоріемъ, Өеодоромъ, Григоріемъ села Снѣтина"; оловянный крестъ, безъ обозначенія года, бывшій, какъ замѣтно, на пьедесталѣ.

Изъ рукописей имѣются старинные указы, но съ какого года не можемъ дать отчета, такъ какъ эти указы, взятые изъ церкви, находятся у депутата нашего вѣдомства священника Василія Романова.

Имѣются при церкви старопечатныя книги: Евангеліе съ 1690 года ноября 28 дня, печатанное въ г. Львовѣ; второе 1789 года августа 7 дня; Тріодь съ шестой недѣли св. Великаго поста, по недѣлю всѣхъ святыхъ, печатанная въ 1788 году генваря 9 дня въ г. Львовѣ, и цвѣтная Тріодь, печатанная въ 1631 году въ г. Кіевѣ, при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ.

Въ приходѣ есть мѣсто, называемое *загородкомъ*, обнесенное съ четырехъ сторонъ земляною насыпью. На этомъ мѣстѣ, какъ видно изъ старинной церковной описи, была устроена церковь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Миргородскій уѣздъ.

Успенская церковь села Остаповки, сооружена въ 1761 году; перенесена на другое мѣсто и устроена въ большемъ размѣрѣ въ 1874 году.

Въ церкви имѣются: чаша и дискосъ 1762 года; икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, писанная въ 1796 году; Евангелія 1665, 1733 и 1769 годовъ; Апостолъ 1738 года; Псалтирь 1728 года; Октоихъ 1764 года; Служба и житіе Іоанна Воина 1762 года; Акаөистникъ 1765 года; Послѣдованіе молебныхъ пѣній 1786 года; двѣнадцать книгъ мѣсячныхъ Миней 1787 года.

Въ *Александро-Невской церкви мѣст. Поповка* 4 древнихъ Евангелія 1735, 1748, 1764 и 1791 годовъ.

Церковь эта ремонтирована въ 1794 и 1860 году; въ церкви имѣются иконы: Святителя Христова Николая 1735 года, св. великомученицы Варвары 1760 года и двѣ иконы — Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и Скорбящей Божіей Матери 1775 года.

Михайловская церковь села Зуевецъ — сооружена въ 1733 году; въ 1804 году изъ трехкупольной передѣлана въ однокупольную; въ 1844 году ремонтирована.

Въ церкви имѣются четыре мѣстныхъ образа: Спасителя, Божіей Матери, святаго арх. Михаила и св. Николая, живопись и чеканка которыхъ ясно говорятъ о давности работы. Имѣется также давняя плащаница на холстѣ; изъ книгъ древняго письма только требникъ, изданный при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ.

Благовѣщенская церковь въ мѣстечкѣ Барышевкѣ каменная, построена въ 1722 году. До 1850 годовъ она была пристроена съ двухъ сторонъ деревянными притворами, а въ 1850 годахъ, на мѣсто нихъ построены каменные притворы, которые существуютъ и по настоящее время. Въ этой церкви есть чудотворный образъ святаго мученика и діакона Лаврентія, память котораго совершается 10-го августа. Этотъ образъ весьма древній; преданіе говоритъ о немъ слѣдующее:

Построеніе *мѣстечекъ* по рѣкамъ Трубежу и Супою, и заложенія въ нихъ замковъ отъ бывшихъ татарскихъ набѣговъ, относится до времени Василія Ивановича Шуйскаго. Въ сихъ годахъ основано и мѣстечко Барышевка. По завладѣніи Малороссіею поляками, гетманъ польскій Станиславъ Жолкѣвскій, полюбя мѣстоположеніе Барышевки, окружённое съ трёхъ сторонъ рѣчками и лѣсами, построилъ въ замкѣ для себя дворецъ. А по смерти его, супруга его построила тамъ же деревянный костёлъ, и учредила по образу польскому церковныя управы. Изъ того костёла до настоящаго времени сохранилась икона святаго мученика и діакона Лаврентія. По отнятіи у поляковъ Малороссіи гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ въ 1655 году, костелъ перестроился въ православную Рождество-Богородичную церковь, гдѣ и оставался этотъ образъ. Эта церковь, просуществовавъ сто лѣтъ, 1848 года мая 6 дня сгорѣла, и чудотворный образъ былъ вынесенъ, и перенесенъ въ Барышевскую Благовѣщенскую церковь. Написанъ онъ въ ростъ человѣческій, въ католическомъ стилѣ. Въ 1785 году прихожаниномъ Рождество-Богородичной церкви Прокопенко сдѣлана на образъ сребро-вызолоченная риза.

Отчетъ объ экскурсіяхъ по Полтавской губерніи М. А. Русова.

Представляя Московскому Археологическому Обществу нижеслѣдующій краткій отчетъ объ экскурсіяхъ моихъ по Полтавской губерніи, произведенныхъ лѣтомъ 1901 года, я не имѣю намѣренія систематически и подробно изложить результаты въ видѣ доклада, а только спѣшу познакомить съ тѣмъ матеріаломъ, который по желанію Общества можетъ поступить на этнографическую выставку при предстоящемъ въ Харьковѣ Археологическомъ Съѣздѣ. Благодаря открытому листу отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго О-ва, присланнаго мнѣ чрезъ Харьковскій Распорядительный Комитетъ, за что я и приношу глубокую благодарность, я имѣлъ возможность предложить свои услуги въ качествѣ экскурсанта мѣстной Комиссіи, которая и ассигновала необходимую для разъѣздовъ сумму въ 300 рублей, данныхъ Комиссіи Полтавскимъ земствомъ. Цѣлью моей поѣздки, какъ видно изъ отчетовъ „о дѣятельности Полтавской Комиссіи", напечатанныхъ въ „П. Г. Вѣдомостяхъ" за

августъ и октябрь мѣсяцъ — было произвести развѣдки по Полтавской губерніи, такъ какъ изслѣдованія исчерпывающаго характера по незначительности средствъ комиссіи были не подъ силу. Главною цѣлью являлось изученіе на мѣстѣ дѣтскихъ игръ, забавъ и развлеченій — до сихъ поръ не изучавшихся — собираніе дѣтскихъ игрушекъ и издѣлій, изученіе городищъ и укрѣпленій, фотографированіе игръ и предметовъ матеріальной культуры, а также заведеніе близкихъ сношеній съ населеніемъ, мѣстными любителями, коллекціонерами и собирателями. Въ настоящее время мною закончены эти развѣдки, и отчетъ представленъ въ Комиссію, которая, вѣроятно, уже извѣстила Общество объ результатахъ своей дѣятельности. Я же лично считаю необходимымъ дополнить это краткимъ описаніемъ результатовъ экскурсіи и тѣхъ матеріаловъ, которые собраны при разъѣздахъ и присланы моими агентами. Мнѣ пришлось посѣтить уѣзды: Полтавскій, Зѣньковскій, Гадячскій, Миргородскій, Лубенскій, Лохвицкій и какъ противоположность имъ пойму Днѣпра Золотоношскій уѣздъ. Всѣ эти уѣзды населены казаками, но представляютъ нѣкоторую разность въ этнографическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ. Въ селахъ, посѣщенныхъ мною, я не могъ пріобрѣтать предметовъ (ковровъ „килимовъ", „очипковъ", „світокъ", костюмовъ) по причинѣ неимѣнія ассигновокъ на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ предметовъ оцѣниваются владѣльцами очень высоко, поэтому эта сторона лежитъ на тѣхъ лицахъ, которыя взялись помочь Комиссіи и адреса коихъ мною туда и сообщены. Въ мою задачу входило: записываніе игръ, собираніе коллекціи игрушекъ и фотографіи, что я и постарался исполнить. Въ настоящее время у меня записано около 150—160 игръ полтавскихъ дѣтей разнаго возраста (4—15 лѣтъ), лѣтнія, весеннія и зимнія, въ хатахъ и на воздухѣ, забавъ и развлеченій дівчатъ и парубковъ на досвіткахъ и вечеринцахъ, изъ которыхъ многія записаны въ первый разъ благодаря удачно сложившимся обстоятельствамъ. Изъ 140—150 фотографій (стереоскопическихъ (17×8,5 снт.), какъ принято въ Полтавскомъ Ест.-Историч. Музеѣ, куда долженъ поступить весь матеріалъ) многіе изображаютъ различные моменты игръ и забавъ, другіе относятся къ матеріальной культурѣ, а нѣкоторые къ археологіи (городища и могильники). Изъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе старинная „рушница", а коллекція игрушекъ къ 30-му ноября состоитъ изъ 50 игрушекъ преимущественно деревянныхъ, такъ какъ глиняныя куплены на ярмаркѣ въ Полтавѣ и состоятъ изъ 100—120 предметовъ, составляющихъ собственность Полтавскаго Музея. Кромѣ того, имѣется модель хаты, сдѣланная плотникомъ с. Вовчика, Лубенскаго уѣзда такъ, „якъ у людей роблять"— въ данномъ, довольно лѣсистомъ районѣ, а такъ же модели нѣкоторыхъ орудій, инструментовъ, приспособленій и т. п. Не говорю о чертежахъ и планахъ поселеній, построекъ, хатъ и дворовъ, которыхъ число можно увеличить по моимъ наброскамъ, если къ этому встрѣтится надобность. Для предварительного ознакомленія прилагаю списокъ игрушекъ, собранныхъ мною и моими корреспондентами, который будетъ еще увеличенъ къ февралю мѣсяцу 1902 года. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: а) *куклы* и изображенія *людей и звѣрей:* 1) „ляльки" изъ тряпочекъ и матеріи, 2) разнообразные „ковали" и „пильщики", 2) „скакуны" (акробаты) 4) „пильщикъ" и „ведмідь" (деревян.

фигурки съ длинной палкой въ видѣ пилы, позволяющей фигурѣ сохранять безразличное равновѣсіе и качаться) 5) „чортяка“ изъ дерева, 6) пара „воловъ“ очень интересны по своей первобытной формѣ. b) *музыкальные инструменты:* 1) „сопілки“ изъ бузины и дерева 2) „пукалки“ 3) „суикалки“ 4) „пукари“ 5) гудки „буркало“ (вращающіеся и производящіе гармоничные звуки) 6) „гуркало“ то же другого устройства, 7) „деркачи„ (трещотки, употребляемыя при лѣтнихъ играхъ) 8) пищики разнаго вида. c) *Вращающіяся и метательныя* 1) „млинокъ“ изъ очерета, 2) „млинокъ“ изъ дерева 3) „мнячъ“ — мячи изъ кожи и холста 4) „Дзига“ простая и 5) „Дзига“ зъ лучкою“ (съ заводомъ). 6) „Метеликъ“ сигарообразный инструментъ бросаемый вверхъ при помощи кнута. a) *Прочія:* 1) ружья 2) самострѣлы 3) луки и стрѣлки. 4) разнообраныя „мороки“ (ихъ надо разбирать и складывать) 5) „кремехи“ камушки — любимая игра дѣвочекъ и другія. Всѣ эти игрушки преимущественно деревянныя, собраны въ уѣздахъ: Лубенскомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ. Подробное описаніе ихъ будетъ представлено мною къ Съѣзду, а если надо, то описаніе игръ и забавъ можетъ быть сообщено гг. членамъ Съѣзда въ видѣ сообщенія съ демонстраціей фотографій и игрушекъ.

Программа для собиранія матеріаловъ по народной бытовой техникѣ доктора антропологіи Ѳ. К. Волкова, разосланная по губерніи Полтавскимъ Предварит. Комитетомъ.

I. Простѣйшія механическія приспособленія.

a) 1. Какъ поступаютъ, не имѣя подъ рукою ножа, топора, шила и т. п. Не пользуются ли тогда кремнями, обломками стекла, костей, дерева и т. п., какъ ихъ приспособляютъ, чтобы удобнѣе было держать и орудовать?

2. Какія деревянныя вещи употребляютъ вмѣсто металлическихъ (колочки, молоты, довбни)? Дать описаніе ихъ и если можно прислать оргиналы.

3. Какъ пользуются негодными остатками желѣза и какія самодѣльныя орудія изъ нихъ дѣлаютъ? (ножи, стружки, скискы и т. п.); какъ ихъ придѣлываютъ къ ручкамъ?

4. Какое дѣлалось или дѣлается самодѣльное оружіе для защиты отъ звѣрей, собакъ и людей (ножи, пики, косы, келепы, булавы и палки)?

5. Есть-ли обычай что-нибудь перерѣзывать или отрубать не желѣзными инструментами, а деревянными?

b) 6. Представить какъ можно больше оригинальныхъ примѣровъ употребленія въ сельскомъ обиходѣ самыхъ простыхъ машинъ (воротовъ, підоймъ, журавлей, клиньевъ и т. д.)

II. Огонь, его полученіе и сохраненіе.

1. Бываютъ ли случаи, когда надо непремѣнно добыть огонь треніемъ и какъ тогда его вытираютъ?

2. Какъ добываютъ огонь, когда нѣтъ спичекъ и кресала, напр. на охотѣ или въ пути?

3. Какіе существуютъ старинные способы добыванія огня (кресало, сѣрники, самодѣльные). Дать описаніе формы кресала, кремней и губки и самаго добыванія огня такимъ способомъ. Какъ приготовляютъ кремни и гдѣ ихъ достаютъ или покупаютъ?

4. Какъ обращаютъ добытый огонь въ пламя и что употребляютъ на раздуваніе и разведеніе огня (маханіе пучкомъ (вихтемъ) соломы съ трутомъ и т. п.).

5. Какія приспособленія существуютъ, чтобы воспользоваться добытымъ огнемъ, особенно когда это происходитъ не въ хатѣ? (треногъ, печь въ землѣ и т. п.).

6. Какъ сохраняютъ огонь до слѣдующаго раза и кто въ хатѣ обязанъ смотрѣть за нимъ?

III. Охотничій промыселъ.

1. Ходятъ ли на охоту, какъ на промыселъ или нѣтъ?

2. Какихъ звѣрей и дичь ловятъ и какихъ ловили раньше?

3. Какіе способы и приспособленія употребляются на охотѣ для поимки дичи? (силки, капканы, ямы).

4. Какое старинное оружіе употребляется на охотѣ?

5. Пріучаютъ ли какихъ звѣрей или птицу ловить или помогать на охотѣ? (хорты и др.).

6. Дѣлаютъ ли самодѣльный порохъ и попадаются-ли кремневыя ружья?

7. Какія примѣты и повѣрья есть у охотниковъ?

IV. Рыболовство (рыбальство).

1. Когда начинаютъ и когда перестаютъ ловить рыбу?

2. Какая рыба ловится? Дать мѣстныя названія породъ рыбъ и названія частей рыбы (части тѣла, голова, плавники, кости, потрохи и внутренности на мѣстномъ языкѣ рыбалокъ).

3. Описать самые простые способы рыболовства на мелкой водѣ (спусканіе воды въ ставкахъ, ловъ кошовками, руками и штанами).

4. Какъ ловятъ рыбу лѣтомъ и зимою на глубокой водѣ? Дать фотографіи и рисунки.

5. Плетеніе сѣтей и другихъ снастей. Описать всѣ снаряды, удочки, грузила, поплавки, коты и дать рисунки, а что можно (крючки, поплавки) прислать.

6. Какія постройки строятся рыболовами (рыбалками) на промыслахъ и какъ они одѣваются?

V. Скотоводство.

1. Бываетъ ли, что приручаютъ дикую или одичалую скотину? Какъ это дѣлаютъ? Какъ пріучаютъ къ упряжкѣ лошадей и другой скотъ? Какъ и какими приспособленіями успокаиваютъ безпокойный или непослушный скотъ и животныхъ?

2. Какой скотъ держатъ? Какъ защищаютъ его отъ непогоды, звѣрей, мошекъ и болѣзней? Какъ холостятъ? Описать инструменты коноваловъ и дать ихъ рисунки.

3. Какъ бьютъ скотъ и какъ снимаютъ шкуру и мясо? Какой инструментъ употребляютъ? Привести названія на мѣстномъ языкѣ частей животнаго (кости, внутренности и т. д.).

4. Держатъ при стадахъ (отарахъ, табунахъ, шматкахъ) собакъ и какой породы? Какъ ихъ пріучаютъ смотрѣть за скотиной?

5. Какую держатъ птицу и пускаютъ ли ее на лѣто безъ призора на болота, гдѣ держатъ ее зимою и какъ за ней ходятъ?

6. Какъ птицу рѣжутъ, колятъ и какъ называются всѣ ея части на мѣстномъ языкѣ?

VI. Пчеловодство (Бжильництво).

1. Пользуются ли еще медомъ дикихъ пчелъ? Держатъ ли пчелу въ дуплахъ и бортяхъ? Привязываютъ ли колоды къ деревьямъ?

2. Гдѣ ставятъ пасѣки? какихъ святыхъ иконы на нихъ держатъ? Дать планъ и рисунокъ пасѣки.

3. Какъ дѣлаютъ ульи и колоды, изъ какого дерева и какого вида и формы? (рисунокъ или модель улья).

4. Описать всю работу на пасѣкѣ и уходъ за пчелой. Какіе инструменты употребляются при работѣ и какая одежда? Какъ защищаютъ пчелъ отъ холода и какіе строятъ амшаники? (рисунки и фотографіи).

VII. Лѣса, сады, пастбища и сѣнокосы.

1. Какъ смотрятъ за лѣсомъ и чѣмъ изъ него пользуются, кромѣ дерева и дровъ? Какъ его рубятъ и корчуютъ — описать и назвать употребляемыя при этомъ орудія и приспособленія.

2. Какъ смотрятъ за садомъ и какія деревья разводятъ? Какіе инструменты употребляютъ при работахъ? Какіе курени и пугала ставятъ въ садахъ и огородахъ? Какіе трещотки употребляютъ противъ птицъ?

3. Описать косовицу и способы косьбы. Какія косы и мантачки употребляютъ? Чѣмъ косятъ осоку, очеретъ?

VIII. Хлѣбопашество.

1. Встрѣчается ли такъ называемое хищническое хозяйство? Есть ли обычай поливать нивы?

2. Дать описаніе, рисунки, а если можно модели, всѣхъ земледѣльческихъ орудій и инструментовъ, обращая вниманіе на самые простые.

3. Описать, какъ и какія техническія и лѣкарственныя растенія разводятся? (табакъ, хмель, ленъ, конопля).

IX. Мукомольство (мирошничество).

1. Какія употребляютъ ступки для толченія зерна, проса, соли?

2. Какъ строятся вѣтряныя мельницы (вітряки, полумашины и машины). Описать ихъ устройство и работу; дать рисунки отдѣльныхъ частей и всего вѣтряка?

3. Описать подробно водяные млины, пловучія мельницы если они есть) крупорушки и вѣтряки.

X. Копаніе земли. Обработка глины.

a) 1. Грабарство. Какія работы и какими инструментами производятся грабарями? Какія есть приспособленія для вытягиванія земли и ея измѣренія?

b) 2. Чамуръ или земляные кирпичи. Какъ ихъ приготовляютъ, какими инструментами и какой формы?

c) 3. Кирпичъ (цегла) — какая глина идетъ на кирпичъ? Описать всю работу, всѣ инструменты и машины. Рисунки и образцы глинъ, кирпичей сырыхъ и обпаленныхъ.

d) 4. Черепица. Какъ ее дѣлаютъ, какими инструментами и какой формы?

e) 5. Гончарство. Глина, ея сорта и мѣстныя названія. Какъ добываютъ и обрабатываютъ глину? Какъ вытягиваютъ изъ колодцевъ? Какъ дѣлаютъ посуду, какими инструментами? Описать подробно всю гончарскую работу и оружія, а также посуду. Есть ли ручные други и какіе?

6. Дѣлаютъ ли посуду гдѣ-нибудь изъ мягкаго камня? Грѣютъ ли воду въ деревянныхъ или плетеныхъ сосудахъ? Чѣмъ гладятъ бѣлье?

7. Какъ дѣлается орнаментъ (вызирунки) на посудѣ? Какой и чѣмъ? Какъ дѣлаютъ полиу и какъ ею покрываютъ посуду? Какая посуда выдѣлывается и какія игрушки?

8. Какъ выпаливаютъ посуду и въ какихъ горнахъ? Какъ укладываютъ посуду въ горенъ, на возъ и какъ ее возятъ и продаютъ?

XI. Обработка дерева.

1. Рубка и приготовленіе дерева. Какъ мѣряютъ дерево на корню и какъ его рубятъ? Какъ складываютъ въ лѣсу дрова? Какъ возятъ и сплавляютъ?

2. Какъ обтесываютъ и пилятъ на части? Какіе инструменты употребляютъ при этомъ?

3. Какъ и гдѣ выпаливаютъ уголь?

4. Какъ гонятъ смолу и деготь?

5. Столярство. Есть ли особые мастера для постройки хаты? Что хозяева дѣлаютъ сами, а что дѣлаетъ столяръ? Описать ихъ работу, инструменты, приспособленія со всѣми мѣстными названіями. Чѣмъ они красятъ дерево, чѣмъ полируютъ и какія краски самыя употребительныя?

6. Описать всю работу колесниковъ, ихъ матеріалъ, инструменты, машины и издѣлія. Нарисовать всѣ инструменты, а если можно то и прислать или образцы маленькіе (модели) или самые инструменты.

7. Бондарство. Какіе сорта дерева употребляютъ. Какую посуду дѣлаютъ? Какъ бондари работаютъ и какіе инструменты употребляютъ?

XII. Обработка шкуры и кожъ.

1. Какъ убиваютъ скотъ, чтобы не испортить шкуры?

2. Кожевничество (Чимбарство). Описать всю работу, инструменты, постройки и машины.

3. Кушнирство (шитье кожуховъ и др.). Какъ кроятъ кожухи и какъ мѣряютъ? Описать всю работу и всѣ инструменты. (Рисунки.)

4. Сапожничество (шевство). Описать, какъ и гдѣ работаютъ сапожники, что дѣлаютъ и какіе инструменты употребляютъ?

5. Выдѣлка сбруи (хомуты, уздечки, сѣдла и т. п.).

XIII. Роговой и костяной промыселъ.

1. Какъ приготовляютъ для выдѣлки рогъ и кость? Что дѣлаютъ изъ него и какими инструментами? Описать всю работу. Если есть старинныя издѣлія изъ этого матеріала, то подробно описать ихъ (рога, чаши, пороховницы).

XIV. Обработка волокнистыхъ веществъ.

1. Плетеніе. Что плетутъ въ вашихъ мѣстахъ изъ соломы, ситника, рогозы, лозы и какъ? Дать описаніе и рисунки издѣлій, орнаментовъ (вызирунковъ и узоровъ), а также инструмента.

2. Обработка льна и конопли. Какъ собираютъ ленъ и коноплю, мочатъ, сушатъ, треплютъ и т. д.? Описать всю работу и дать рисунки инструментовъ.

3. Ткачество. Описать съ мѣстными названіями простой способъ тканія въ селахъ, не пропуская подробностей. Нарисовать станокъ и отдѣльныя части.

4. Обработка шерсти (вовны). Какъ и чѣмъ стригутъ овецъ, промываютъ и просушиваютъ шерсть? Какъ работаютъ шерстобиты и какія приспособленія употребляютъ?

5. Издѣліе ковровъ, килимовъ, плахтъ и т. п. Въ какихъ мѣстахъ дѣлаютъ эти вещи теперь? Какъ красятъ шерсть (дать названія красокъ на мѣстномъ языкѣ). Какой узоръ на килимахъ и плахтахъ? Перерисовать его, если можно съ красками.

6. Портняжничество. Что изъ одежды шьется дома, а что отдается портному (кравцови)? Гдѣ и какъ они работаютъ? Какъ и какую мѣрку берутъ, какъ размѣряютъ? Дѣлаютъ ли кожаные пуговицы (гудзики)?

XV. Обработка металловъ (желѣза и др.).

1. Обратить вниманіе на работу и переносной инструментъ бродячихъ цыганъ — ковалей и мѣдниковъ и описать это подробно.

2. Не выплавляютъ ли до сихъ поръ гдѣ-нибудь самодѣльнаго желѣза изъ болотной руды? Если это есть — то подробно описать мѣсто и работу.

3. Кузнечество (ковальство). Что болѣе всего дѣлаютъ сельскіе кузнецы? Описать ихъ работу, кузню, мѣхъ, наковальню, инструменты и издѣлія и снабдить описаніе рисунками, а если можно, то и самими издѣліями и инструментами.

4. Слесарство. Описать способы работы, пріемы, инструменты и мастерскія въ селахъ съ мѣстными названіями. Что слесари дѣлаютъ на продажу, а что на заказъ?

5. Мѣдничество и котельничество. Кто больше занимается этимъ промысломъ — малороссы или другіе пришлые люди? Что они выдѣлываютъ и какъ?

6. Золотарство. Выдѣлываютъ ли вещи изъ золота, серебра и фольги? Обратить особое вниманіе на собираніе старинныхъ вещей съ рѣзьбою, чеканкой и узорами.

XVI. Транспортъ (переноска и перевозка вещей и кладей) и орудія транспорта.

1. Какъ переносятъ тяжелыя вещи? Какъ носятъ дѣтей, птицу на продажу воду, горшки съ масломъ и т. д.?

2. Какъ собираются, приготовляются и идутъ въ далекую дорогу (на богомолье, переселеніе) и какія приспособленія для носки узловъ употребляютъ? Какъ обряжаются въ дорогу пѣшкомъ зимою, лѣтомъ?

3. Какъ укладываютъ поклажу, если надо ѣхать верхомъ и какія для этого есть приспособленія? (саквы, вьюки и т. п.) Какія употребляютъ сѣдла? Описать и рисунки. Какъ запрягаютъ лошадь подъ верхъ?

4. Подвода и возы. Какіе возы и сани употребляются? Описать всѣ сорта ихъ, колясочекъ дѣтскихъ фургоновъ, нетычанокъ, гарбъ и т. д.? Дать названія мѣстныя всѣхъ частей возовъ, указавъ матеріалъ.

5. Плаваніе. Какъ плаваютъ, когда купаются или переплываютъ рѣку? Какъ плаваютъ женщины? Употребляются ли при этомъ помощь (пузыри, тыквы)? Какъ переправляютъ скотъ черезъ рѣки? Какъ вяжутъ плоты и какъ ими управляютъ? Какъ строятся паромы? Какіе лодки, човны, галеры, дубы строятъ и на какихъ плаваютъ? Какъ на нихъ ѣздятъ — веслами, парусомъ? Какія употребляются весла, рули, паруса, уключины и т. д.?

Въ предыдущихъ программахъ по собиранію свѣдѣній и матеріаловъ по этнографіи для будущаго Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, которыя были напечатаны въ „Полтавскихъ Вѣдомостяхъ", было постановлено очень много вопросовъ и посему, быть можетъ, было нѣсколько трудно желавшимъ оказать помощь знать, на что именно надо обратить вниманіе и какіе предметы особенно важны для выставки по этнографіи нашей Полтавщины. Нынѣ Полтавская Комиссія предлагаетъ эту программу, составленную извѣстнымъ ученымъ, и знаткомъ малорусской этнографіи Ѳ. К. Волковымъ, какъ дополненіе къ ранѣе опубликованнымъ. Программа эта имѣетъ цѣлью помочь собирать матеріалы по одному изъ главнѣйшихъ вопросовъ этнографіи, а именно по народной техникѣ, которая очень часто отражаетъ въ себѣ глубокую старину и поэтому крайне интересна при сравнительномъ изученіи матеріальнаго быта каждаго народа и тѣхъ пережитковъ, которые сохранились въ сель-

скомъ быту отъ древнѣйшихъ временъ. Каждый интересующійся и желающій помочь Комиссіи легко можетъ, какъ дать отвѣты на постановленные въ программѣ вопросы, такъ и прислать вещи, относящіяся къ тому вопросу, на который онъ пожелалъ бы отвѣтить. Мы бы очень просили нашихъ сотрудниковъ замѣтить слѣдующее:

1) Не обращать вниманія на то, что свѣдѣній и предметовъ мало, а только озаботиться, чтобы отвѣты были точны.

2) Обозначать точно мѣсто, гдѣ были собираемы отвѣты и въ какомъ мѣстѣ существуетъ описываемый обычай или фактъ.

3) Отвѣчать на весь вопросъ, а не на одну какую-нибудь часть его и указывать, что свѣдѣнія не могли быть собраны или же постановленныя въ вопросахъ обычаи и приспособленія не существуютъ.

4) Къ каждому отвѣту прилагать рисунки тѣхъ инструментовъ, орудій и приспособленій, которые описываются, съ точнымъ обозначеніемъ мѣста и названія на малорусскомъ языкѣ. Желательнѣе всего, конечно имѣть или самыя вещи какъ, напримѣръ, кресала, губки, кремни разныхъ видовъ, куски рыболовныхъ сѣтей, удочки, поплавки, грузила и т. д., а если приспособленія или орудія очень громоздки и велики, то модель, уменьшеную въ нѣсколько разъ, при чемъ надо указать, во сколько разъ. Лицъ же имѣющихъ фотографическіе аппараты, комиссія покорнѣйше проситъ снабжать свои отвѣты фотографіями.

5) На каждомъ отвѣтѣ указать адресъ, и имя сотрудника.

6) Комиссія проситъ не затрудняться въ присылкѣ вещей, ибо она возвращаетъ какъ стоимость предметовъ, такъ и расходы по пересылкѣ. Адресовать посылки наложеннымъ платежомъ комиссія проситъ въ Полтаву, Губернскій Статистическій Комитетъ.

Докладъ Черниговской губернской земской управы о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества.

Фактъ исчезновенія остатковъ старины общеизвѣстенъ. Обязанность потомковъ сохранить все хорошее, созданное предшествующими поколѣніями, и передать весь этотъ матеріальный и нравственный капиталъ будущимъ поколѣніямъ, тоже не подлежитъ сомнѣнію. На эту сторону народной жизни уже давно обращено вниманіе. Какъ частными лицами, такъ и учрежденіями изданы многіе томы этнографическихъ матеріаловъ, напѣвовъ, рисунковъ зданій, утвари и т. п. Съ этой цѣлью недавно открылась Ученая Архивная Комиссія въ Черниговѣ. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ особенная Пѣсенная Комиссія, имѣющая цѣлью собираніе и сохраніе старинныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, для каковой цѣли Его Императорскимъ Величествомъ отпускается, на каждую поѣздку, для записыванія пѣсенъ по 2000 руб. и для изданія ихъ отъ 1500 до 2000 руб. на каждый выпускъ[1]). Чтобы не удлинять докладъ, Управа считаетъ возможнымъ не

[1]) „О русской народной пѣснѣ. Всеподданнѣйшая записка Предсѣдателя Пѣсенной Комиссіи Государственнаго Контролера Т. И. Филиппова“.— („Чернигов. Губ. Вѣд.“ 1897 г., № 1174).

указывать на многія другія изданія, предпріятія и учрежденія, имѣющія цѣлью сохраненіе памятниковъ народнаго творчества въ Россіи.

Прежде чѣмъ сказать, достаточно ли этихъ изслѣдованій и всѣ ли стороны народнаго творчества ими охвачены, Управа считаетъ нужнымъ высказаться по поводу ихъ практическаго значенія.

Многія произведенія народнаго творчества напримѣръ: сказки, пѣсни, думы, напѣвы, узоры и пр.— сами по себѣ имѣютъ высокую художественную цѣнность, какъ произведенія искусствъ; но, кромѣ того, всѣ они являются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго вдохновеніе поэта, музыканта и художника черпаетъ образы и краски. Результатомъ этого процесса нерѣдко являются произведенія, составляющія гордость литературы и искусства. Гоголь, Шевченко, Пушкинъ, Глинка, Шекспиръ, Тургеневъ, Толстой, Стороженко, Рѣпинъ и т. д. — всѣ пользовались этимъ матеріаломъ. Среди нивеллировки, производимой существующими жизненными условіями, свѣжая струя, вносимая остатками древняго народно-художественнаго творчества, нерѣдко спасаетъ искусство отъ безцвѣтности настоящаго.

Такова практическая сторона вопроса о сохраненіи памятниковъ стариннаго творчества,— въ томъ числѣ и старыхъ пѣсенныхъ мотивовъ.

Прошедшее Черниговской губерніи яркими красками отразилось въ быту ея населенія. Доисторическая Русь, удѣльный періодъ, войны съ половцами, поляками и татарами, казачество... все это, пока, еще выдѣляется на общемъ фонѣ нашего народнаго быта. Но не подлежитъ сомнѣнію, что все это, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ переработается и исчезнетъ. Достаточно вспомнить судьбу, построенной по плану Растрелли, Малороссійской Коллегіи въ Глуховѣ. Можно также предвидѣть, что уже недалеко время, когда только въ музеяхъ и на сценѣ будетъ показываться національный женскій костюмъ. Древнія сказки, обрядовыя пѣсни и думы быстро выходятъ изъ народнаго обихода. А между тѣмъ произведенія малороссійской народной литературы по многочисленности, художественному достоинству и силѣ выраженія, занимаютъ едва ли не первое мѣсто среди славянскихъ народныхъ литературъ, которыя, въ свою очередь, изъ всѣхъ европейскихъ литературъ наиболѣе богаты образцами устнаго народнаго творчества.

Историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни. Малорусская мелодія имѣетъ своеобразныя художественныя достоинства. Она, ближе къ природѣ, выражаетъ энергію массъ, умѣреннѣе эксплоатируетъ голосовыя средства; нѣтъ той роскоши регистра, но болѣе теплоты и естественности; если она и стремится къ тѣмъ же художественнымъ результатамъ, какъ итальянская или нѣмецкая, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свое содержаніе и выражаетъ его иными способами. Открывая самостоятельные пути для творчества, наряду съ мѣстнымъ національнымъ, малороссійская мелодія, очевидно, имѣетъ художественное общечеловѣческое достоинство. Одного этого достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе художника и сохранить для будущаго.

Но всѣмъ извѣстно, насколько, въ настоящее время, наши народные мотивы, въ томъ числѣ и малороссійскіе, портятся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ фабрич-

ной и солдатской жизни, съ другой — потому что въ самомъ народѣ теряется художественное чутье,— потому что и сами интеллигентные исполнители, не имѣя хорошихъ образцовъ, теряютъ способность художественнаго выполненія. Если такъ будетъ продолжаться, то скоро въ Малороссіи нельзя будетъ услышать хорошаго исполненія малороссійскихъ мотивовъ, и какъ теперь археологамъ приходится возстановлять древнегреческіе гимны, такъ можетъ быть, со временемъ, придется возстановлять, напримѣръ, казацкую пѣснь о Морозенкѣ и далеко ѣздить, чтобы услышать ея хорошее исполненіе.

Съ этой точки зрѣнія допустить уничтоженіе старинныхъ мотивовъ было бы не только нерадѣніемъ съ нашей стороны, но чѣмъ то болѣе ошибочнымъ. Это былъ бы художественный вандализмъ,— новое потопленіе корабля съ произведеніями античнаго искусства.

И такъ, въ собраніи не встрѣтитъ возраженія та мысль, что эти мотивы, какъ художественно-національные, въ видахъ, какъ настоящаго мѣстнаго такъ и будущаго художественнаго-общечеловѣческаго развитія, должны быть не только по возможности сохранены, но и разработаны для будущаго. Подобно тому, какъ теперь, по Высочайшему повелѣнію, при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ особая комиссія о гармонизаціи собранныхъ пѣсенъ и о распространеніи ихъ въ народѣ, надо позаботиться объ этомъ и для другого остатка славянской старины — мотивовъ малорусскихъ. Подобно тому, какъ: Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи розыскиваетъ великорусскія пѣсни и возстановляетъ ихъ исполненіе, желательно то же сдѣлать и для малорусскихъ. Для достиженія этой цѣли является безусловно необходимымъ основаніе мѣстныхъ хоровъ и пѣвческихъ обществъ, подобно существующимъ обществамъ финскимъ, шведскимъ (въ Финляндіи), эстскимъ и латышскимъ.

Могутъ замѣтить, что обширная задача собиранія и разработки памятниковъ нашей старины не только не противорѣчитъ задачамъ существующей въ Черниговѣ Ученой Архивной Комиссіи, но входятъ въ ея программу. Но, не говоря уже о томъ, что даже на одномъ и томъ же полѣ дѣятельности два работника сдѣлаютъ болѣе, нежели одинъ, надо принять во вниманіе, что Ученая Архивная Комиссія, какъ видно изъ самаго ея названія, посвящаетъ свою дѣятельность преимущественно кабинетной разработкѣ документовъ, задача же сохраненія памятниковъ народнаго творчества, въ обширномъ смыслѣ этого слова, требуетъ непосредственнаго соприкосновенія съ народной жизнью.

Еще разъ обращая вниманіе собранія на нравственный долгъ Черниговскаго Земства сохранить отъ уничтоженія все художественное наслѣдство, принятое нами отъ нашего прошлаго, Губернская Управа имѣетъ честь предложить:

1. Поручить Управѣ войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи ими различнаго рода памятниковъ народнаго творчества: напримѣръ, пѣсенъ съ напѣвами и безъ нихъ, сказокъ, преданій, суевѣрій, пословицъ, загадокъ, костюмовъ, узоровъ или рисунковъ съ нихъ, рисунковъ или фотографій архитектурныхъ и другихъ памятниковъ старины.

2. На необходимые расходы по собиранію, разработкѣ и напечатанію всего этого матеріала въ „Земскомъ Сборникѣ“ и, если понадобится, отдѣльнымъ изданіемъ внести въ смѣту по изданію „Земскаго Сборника“ отдѣльной статьей: „На сохраненіе памятниковъ народнаго творчества“ 500 руб.

3. Поручить Управѣ, въ видахъ сохраненія малорусскихъ мотивовъ для будущаго художественнаго развитія, ходатайствовать передъ Правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія, любителями и профессіональными артистами, малороссійскихъ театральныхъ пьесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими пьесами и пѣснями.

Курскій губернаторъ. По Статистическому Комитету № 171.

На отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 31-го мая сего года за № 1451, въ коемъ оно проситъ его образовать при Мѣстномъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ особую комиссію для содѣйствія Московскому и Харьковскому Предварительнымъ Комитетамъ въ производствѣ подготовительныхъ работъ къ предстоящему XII Археологическому Съѣзду въ гор. Харьковѣ,— имѣетъ честь сообщить, что въ концѣ 1899 года въ Комитетѣ возникло предположеніе объ образованіи при немъ постоянной *Историко-Археологической Комиссіи*, которая оказывала бы содѣйствіе Губернскому Комитету въ разработкѣ вопросовъ по изученію въ историческомъ отношеніи Курской губерніи, въ собираніи историческихъ матеріаловъ, изданіи Комитетомъ трудовъ и т. п. Образованіе такой комиссіи вызывается ощущаемой потребностью, удовлетворять которую въ возможно полномъ объемѣ наличными силами одного Комитета, при сложности другихъ его работъ и малочисленности персонала, представляется затруднительнымъ. Въ настоящее время уже разработаны основанія для *учрежденія упомянутой комиссіи* и ходатайство объ открытіи ея имѣетъ быть направлено установленнымъ порядкомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Такимъ образомъ, въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого ходатайства, подготовительныя къ XII Археологическому Съѣзду работы по Курской губерніи, подъ руководствомъ Московскаго и Харьковскаго Предварительныхъ Комитетовъ, могли бы войти въ кругъ дѣятельности проектируемой Комиссіи.

Курская Духовная Консисторія.

Вслѣдствіе отношенія, отъ 27-го ноября с. г. за № 2051, увѣдомила Предварительный Комитетъ по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, что, согласно отношенію Предварительнаго Комитета, отъ 29-го января с. г., за № 354, консисторія, циркулярнымъ указомъ отъ 23-го февраля с. г. за № 2571, объявила духовенству епархіи, а также настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и пустынь — просьбу Комитета, съ разъясненіемъ имъ при этомъ, что высланные на вы-

ставку предметы должны быть, по окончаніи выставки, снова возвращены туда, откуда высланы.

На основаніи этого указа получены слѣдующія незначительныя свѣдѣнія:

Изъ Льговскаго уѣзда:

Громовыя стрѣлки часто находятся по правымъ берегамъ рѣчекъ: Нежеголи, Корочи и Кореня тамъ, гдѣ мѣловыя горы близко подходятъ къ водѣ и размыты горными потоками.

Найдено желѣзное колечко, въ урочищѣ: „Городище" около *дер. Крапивной*, Шебекинской волости.

На „Городищѣ", около *дер. Крапивиной*, Шебекинской волости, Бѣлгородскаго уѣзда, найдено лѣтъ 15 тому назадъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ: пятаки и гривенники Екатерины II и наперстокъ.

Здѣсь же часто выпахиваются черепки и кости.

Около *с. Логового* по теченію р. Нежеголи, выше Шебекина на три версты, въ мѣловой горѣ есть завалившаяся пещера, въ которой ничего не находили.

Насыпные валы замѣчены на открытой мѣстности и упираются въ лѣса:

1. Около *с. Шебенкино*, Бѣлгородскаго уѣзда (съ востока на западъ) около лѣса образуетъ бастіонъ.

2. Около *с. Нежегольска* Корочанскаго уѣзда, (бывшій городъ) по тому же направленію, образуетъ нѣсколько бастіоновъ, идетъ по горѣ.

3. По *дорогѣ изъ Бѣлгорода въ Борисовку*, Грайворонскаго уѣзда тянется на западъ длинный, хорошо сохранившійся валъ съ бастіонами на опредѣленныхъ разстояніяхъ.

Выше *дер. Кропивной*, Шебекинской волости, имѣется Городище, на гористомъ правомъ берегу р. Корень, оно все распахано, уцѣлѣлъ только одинъ сторожевой курганъ, откуда видно въ обѣ стороны верстъ на двадцать.

Тутъ же по дорогѣ на Борисовку имѣются значительные валы или окопы.

Въ *с. Нежегольскѣ* Корочанскаго уѣзда и въ *с. Верхн. Салтовѣ*, Волчанскаго уѣзда первое на пр. берегу Нежеголи, а второе на прав. берегу Донца мѣстныя церкви находятся внутри окопа четырехугольной формы. Въ Нежеголи еще недавно были пушки на дерев. лафетахъ, увезенныя въ гор. Корочу.— Салтовъ и Нежегольскъ прежде были городами Бѣлгородской сторожевой линіи.

Кургановъ есть нѣсколько по большей части сторожевыхъ, при нѣкоторыхъ рядомъ съ ними большія ямы, раскопокъ не дѣлали, многіе курганы уже распаханы.

Около *ст. Барлацелова* Харьково-Балаш. ж. д. на пересѣченіи Изюмскаго шляха (съ сѣв. на югъ) и Харьковскаго (съ зап. на востокъ) на большемъ курганѣ обросшемъ кустарникомъ есть *каменная баба*. Нѣсколько такихъ *бабъ* были вывезены изъ этой мѣстности и теперь поставлены во дворѣ Харьковскаго университета и въ воротахъ дома Филиппова на углу Благовѣщенской и Дмитріевской ул.

Въ мѣстныхъ церквахъ и ризницахъ можно найти интересныя надписи на сосудахъ, богослуж. книгахъ, находятся также и разные акты, которые, повидимому

теперь утеряли практическое значеніе и хранятся до поры, до времени, пока ихъ не уничтожатъ при передѣлкахъ церквей. Для ознакомленія съ ними необходимъ пріѣздъ знающаго археолога, обладающаго большимъ запасомъ свободнаго времени, такъ какъ въ поискахъ своихъ пришлось бы перелиствать почти всѣ книги прошлаго (XVIII) столѣтія.

Изъ Суджанскаго уѣзда:

Кремневыя стрѣлы попадаются въ пескѣ, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Что же касается каменныхъ молотковъ или другихъ инструментовъ каменнаго періода, то они вовсе не попадаются. Объясняется это тѣмъ, что во-1-хъ, камня у насъ нѣтъ, а во-2-хъ, нашъ край въ то доисторическое время былъ сплошь лѣсной, болотистый, рѣки текли въ болотистыхъ берегахъ, мало удобныхъ для поселеній. Всѣ ручьи нынѣ изсякшіе вытекали изъ болотъ, которыя поддерживались окружающими вѣковыми лѣсами, лѣса вырубили, болота высохли и ручьи пропали. Все это очевидно происхожденіе очень недавняго человѣческаго хищничества, а потому и слѣдовъ доисторическаго времени не осталось. Въ южной части уѣзда, около монастыря „Гарыхли“ на высокомъ берегу рѣки Псла находятъ чаще и больше предметовъ доисторическихъ. Говорятъ, Самоквасовъ тамъ нашелъ цѣлый дворъ или храмъ какого-то кочевавшаго здѣсь народа, по предположенію печенѣговъ.

Старинныя монеты попадались, но крайне рѣдко, около *деревни Косторной, Тарасовой* и *Желтыя*.

Человѣческихъ костей и костяковъ почти не попадалось, но въ 1889 году на берегу рѣки Реутъ, около самой воды нашли среди глубокаго чернозема кубовъ сто песку и когда его выбрали для построекъ, то нашли двѣ огромныя кости, одну берцовую кость ноги, а другую повидимому ключицу. Берцовая кость была 1½ арш. длиною и вершка три въ діаметрѣ. Ключицу отослали, какъ лучше сохранившуюся, въ Петербургскій университетъ.

Кургановъ множество, но всѣ они повидимому были сторожевыми, такъ съ одного кургана видны три-четыре кургана, отстоящіе иногда на 10 и даже болѣе верстъ другъ отъ друга.

Отъ Воронежскаго губернатора.

Воронежскій губернаторъ, вслѣдствіе отношенія отъ 31 мая 1900 года, увѣдомилъ Московскій Предварительный Комитетъ, что 23-го октября с. г. при Воронежскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ открыта, подъ предсѣдательствомъ Е. Л. Маркова, особая Коммиссія по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ. На первомъ засѣданіи Комиссіи рѣшено: въ цѣляхъ собиранія нужныхъ для Съѣзда свѣдѣній и предметовъ, дать самое широкое распространеніе въ губерніи выработаннымъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ программамъ и воспользоваться услугами лицъ, могущихъ быть наиболѣе полезными въ этомъ дѣлѣ, какъ-то: народныхъ учителей, священниковъ и частныхъ лицъ, извѣ-

стныхъ своими трудами по археологіи и этнографіи; изслѣдовать мѣстные архивы; собрать свѣдѣнія о вещественныхъ памятникахъ мѣстной старины, при чемъ нѣкоторые, наиболѣе извѣстные памятники-курганы подвергнуть, если къ тому представится возможность, раскопкѣ; составить систематическій указатель литературы по мѣстному краю, — и прочее.

Собранныя Комитетомъ свѣдѣнія представляютъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ *с. Волоконовка* Валуйскаго у. при устройствѣ въ 1870 году погреба въ усадьбѣ разрытъ курганъ, гдѣ найдены изъ красной глины сосуды въ формѣ цвѣточныхъ горшковъ.

Находятся курганы на лѣвомъ берегу рѣки Волчьей въ разстояніи 2—3—5 верстъ отъ рѣки и *хутора Криничнаго,* Борисовской волости, направленіе ихъ на западъ и югъ, раньше были довольно высоки, теперь же распаханы.

Въ *Острогожскомъ у.,* былъ найденъ каменный молотокъ, который хранится въ Тимскомъ уѣздѣ.

Въ *Старооскольскимъ же уѣздѣ* былъ найденъ близъ г. Чуфичево мѣдный *топорикъ.*

Около *сл. Мантурово* Тимскаго у. было найдено нѣсколько десятковъ монетъ временъ Екатерины II. Онѣ были найдены въ полѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе росъ дремучій лѣсъ.

Около слободы есть въ полѣ одно мѣсто, которое называютъ городищемъ.

Въ *с. Пузачахъ,* Тимскаго у. былъ найденъ кладъ, который состоялъ изъ небольшого глинянаго кувшина съ $6\,{}^1/_2$ ф. серебряной монеты, исключительно пятачковъ временъ царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора.

Въ **Тимскомъ уѣздѣ** имѣется во многихъ мѣстахъ курганы, разбросанные другъ отъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои названія: Кудеяровъ курганъ или Кудеярова могила, Красный курганъ или Разбойничьи ямы и др. Одинъ изъ нихъ находится на землѣ Ивана Егоровича Томилина близъ сл. Мантурово. Курганъ этотъ былъ разрытъ съ научной цѣлью, но въ немъ ничего не оказалось.

Въ томъ же имѣніи, въ саду находятся *двѣ каменныхъ бабы,* которыя были привезены съ юга Россіи, какъ утверждаютъ, изъ Крыма. Бабы эти имѣютъ два аршина высоты надъ поверхностью земли и изображаютъ двѣ человѣческихъ мужскихъ фигуры. Одна изъ нихъ изображаетъ человѣческую фигуру въ сидячемъ положеніи, а другая — въ стоячемъ.

Въ **Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ** по сообщенію Земскаго Начальника 3-го уч. извѣстно, что имѣется четыре кургана — три въ Солдатской волости и одинъ въ Ясеновской:

Въ Солдатской — 1-ый подъ названіемъ „Добродѣевскій“ (по фамиліи владѣлицы) по правую сторону почтоваго тракта изъ г. Нижнедѣвицка на Старый Осколъ, въ 200 саженяхъ отъ него, и затѣмъ отъ дер. Новой-Роговой, Рындиной и села Солдатскаго, въ 3 верстахъ. Въ настоящее время земля съ курганомъ составляетъ собственность кр. дер. Рындиной и с. Солдатскаго. Высота кургана около 4 саженъ. Раскапываемъ онъ, въ память старикамъ, не былъ.

2-й подъ именемъ „Четвертной“, потому что находится на четвертной землѣ, отстоитъ въ четырехъ верстахъ отъ с. Горшечнаго, и въ такомъ же разстояніи отъ ст. Горшечное, Елецъ-Волуйской линіи, вблизи лѣса отхожаго; этотъ немного ниже перваго.

3-й не имѣетъ названія, находится близъ дороги съ гор. Быкова на городъ Ст.-Осколъ, отъ с. Бекетова и дер. Богдановки въ верстѣ, на границѣ земли дворян. Гринева и подцерковной (с. Бекетова).

4-й курганъ Ясеновской волости на владѣльческой землѣ кр-нъ Проскуриныхъ, въ двухъ верстахъ отъ с. Богородицкаго, до 3 саженъ высоты; присвоеннаго названія не имѣетъ.

Всѣ описанные курганы одной формы, расплывчатой, ставшей таковой болѣе потому, что склоны ихъ распахиваются, послѣдній же даже весь распаханъ. Всѣ они помѣщаются на возвышенностяхъ, и съ каждаго видны прочіе, кромѣ кургана въ Ясеновской волости, отстоящаго отъ перваго и послѣдняго верстахъ въ 25. Но есть курганъ еще въ трехъ верстахъ отъ с. Богатырева, Землянскаго уѣзда; на землѣ крестьянъ этого же общества, отстоящій отъ кургановъ Солдатской волости верстахъ въ 17, тотъ виденъ съ нихъ.

Въ **Бобровскомъ уѣздѣ** человѣческихъ костей не находили, но въ имѣніи В. А. Рѣзцова при рытьѣ колодезя на глубинѣ 14 арш. найдены кость и клыкъ по опредѣленію мамонта, которыя отосланы въ Московскій университетъ.

Въ **Новохоперскомъ уѣздѣ** курганы имѣются близъ *села Ильменя, села Мазурки* и *Песолъ*, на землѣ П. А. Чижова и крестьянъ по одному и по три. Въ селѣ Мазуркѣ курганъ былъ раскопанъ и найдено въ немъ концы мѣдныхъ копей и каменные шары. На землѣ П. А. Чижова при постановкѣ надстилки для шалаша выкопали мѣдный кувшинъ. Курганы низкіе, а такъ же и высокіе сажени 4 въ вышину — курганъ былъ раскопанъ однимъ членомъ Воронежской Архивной Комиссіи.

Въ одномъ изъ кургановъ случайно отрытъ черепъ лошади съ удилами вложенными въ ротъ лошади.

Завѣдующій Донскимъ музеемъ Х. И. Поповъ пишетъ слѣдующее:

Искренно сочувствуя дѣлу подготовленія отвѣтовъ на вопросы, вошедшіе въ программу XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ и затрогивающіе съ различныхъ сторонъ изученіе древностей и старины Донского края и вполнѣ раздѣляя то мнѣніе, что разработка этихъ вопросовъ съ большимъ успѣхомъ могла бы быть выполнена при условіи устройства на Дону Отдѣленія Предварительнаго Комитета Съѣзда, я долженъ былъ заняться сначала переговорами съ лицами, интересующимися мѣстными древностями, и заручиться ихъ согласіемъ, а затѣмъ испросить разрѣшеніе Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского. Его Превосходительство Константинъ Клавдіевичъ Максимовичъ на докладѣ моемъ о томъ, что Донское Отдѣ-

леніе Предварительнаго Комитета Археологическаго Съѣзда могло бы быть открыто при комиссіи по устройству Донского музея, 20-го сего марта изволилъ написать слѣдующую резолюцію: *Очень сочувствую этому и вполнѣ согласенъ.*

Сообщая Императорскому Московскому Археологическому Обществу о вышеизложенномъ, я прошу поспѣшить обратиться съ предложеніемъ къ Войсковому Наказному Атаману въ виду предстоящаго вскорѣ отъѣзда его въ С.-Петербургъ, дабы онъ еще до этого могъ дать предложеніе объ образованіи Донского Отдѣленія Предварительнаго Комитета Съѣзда.

Что касается вопроса о будущей дѣятельности Отдѣленія, то не предрѣшая сейчасъ всего, я могу сказать, что Отдѣленіе будетъ имѣть возможность обслѣдовать на мѣстѣ наиболѣе замѣчательныя городища и урочища, провѣрить уже имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія и сдѣлать попытку къ отысканію мѣстоположенія лѣтописныхъ городовъ, пріурочиваемыхъ къ Донской области, провѣрить и пополнить свѣдѣнія о курганахъ, каменныхъ изваяніяхъ и другихъ остаткахъ древности, составить Археологическую карту Донской области и подготовить отвѣты по другимъ, намѣченнымъ программою Съѣзда, вопросамъ. Составленіе карты уже и принялъ на себя одинъ изъ членовъ Комиссіи музея.

Войсковой Наказный Атаманъ Войска Донского сообщаетъ, что онъ поручилъ Комиссіи по устройству Донского музея представить ему соображенія относительно открытія въ Новочеркасскѣ Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда, предназначеннаго въ Харьковѣ въ 1902 году. Когда соображенія эти были представлены, получено было отъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета сообщеніе о томъ, что образованіе названнаго Отдѣленія возложено на предсѣдателя того Комитета, профессора Д. И. Багалѣя, а затѣмъ 17-го іюня прибылъ въ Новочеркасскъ для этой цѣли и профессоръ Багалѣй.

Ознакомившись съ мѣстными предположеніями, профессоръ Багалѣй нашелъ возможнымъ приступить къ открытію Донского Отдѣленія и того же числа состоялось первое собраніе лицъ, приглашенныхъ въ составъ Отдѣленія. Въ этомъ собраніи, по выслушаніи доклада Комиссіи по устройству Донского музея и рѣчи профессора Багалѣя, были приняты слѣдующія главныя постановленія:

1. Принять къ руководству программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета и сдѣлавъ въ нихъ соотвѣтствующія мѣстнымъ особенностямъ дополненія и измѣненія, напечатать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ и разослать къ окружнымъ атаманамъ и начальникамъ области войска Донского, во всѣ станичныя и волостныя правленія области, сотрудникамъ Комиссіи по устройству музея, священникамъ Донской епархіи и учителямъ станичныхъ и сельскихъ школъ, испросивъ на это отъ подлежащей духовной власти и учебнаго начальства разрѣшеніе.

2. На обязанность отдѣленія возложить: а) провѣрку всѣхъ полученныхъ отвѣтовъ съ историческими и оффиціальными свѣдѣніями, имѣющимися въ Донскомъ музеѣ и его историческомъ архивѣ, исправленіе ихъ и приведеніе въ систему; б) осмотръ на мѣстѣ насколько будетъ возможно, чрезъ членовъ отдѣленія, путемъ экскурсій, памятниковъ древности, обслѣдованіе ихъ и составленіе описаній; в) собираніе и

составленіе коллекцій предметныхъ памятниковъ старины для выставки при Археологическомъ Съѣздѣ, и г) составленіе археологической и исторической картъ области войска Донского.

Донское Отдѣленіе будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта А. М. Грекова изъ членовъ комиссіи по устройству Донского музея, членовъ Донского Статистическаго Комитета и другихъ лицъ, изъявившихъ согласіе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія. Подробности организаціи Отдѣленія будутъ сообщены особо.

Въ засѣданіи 17-го іюня с. г. предположено пригласить къ участію въ работахъ Донского Отдѣленія: директора народныхъ училищъ Донской области, директоровъ Новочеркасской гимназіи и реальныхъ училищъ, окружныхъ атамановъ и начальниковъ, ихъ помощниковъ и другихъ лицъ, которые изъявятъ желаніе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія.

Труды Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ.

ПРОТОКОЛЪ

первагo собранія лицъ, приглашенныхъ въ составъ Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1902 году, въ Харьковѣ, XII Археологическаго Съѣзда, 17 іюня 1900 года, въ зданіи Донского музея, подъ предсѣдательствомъ Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского генералъ-лейтенанта К. К. Максимовича, при участіи предсѣдателя Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда, профессора Д. И. Багалея, въ присутствіи предсѣдателя Комиссіи по устройству Донского музея И. М. Добрынина, членовъ той же Комиссіи: Х. И. Попова (завѣдывающаго Донскимъ музеемъ) и Л. В. Богаевскаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. А. Норова и членовъ Донского Областного Статистическаго Комитета: Н. П. Рѣшетовскаго, А. А. Кириллова, Ѳ. К. Траилина и И. М. Сулина.

Засѣданіе было открыто Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Войска Донского К. К. Максимовичемъ.

По предложенію его превосходительства, предсѣдателя, завѣдующій музеемъ Х. И. Поповъ прочелъ докладъ по поводу отношенія Предсѣдателя Императорскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой отъ 27-го минувшаго апрѣля, за № 1799, о желательности открытія въ Новочеркасскѣ Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству предположеннаго, въ 1902 году, въ Харьковѣ, XII Археологическаго Съѣзда.

Послѣ доклада профессоръ Д. И. Багалей обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„М. Гг.! Я пріѣхалъ въ Новочеркасскъ по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ цѣлью предложить открыть здѣсь мѣстное

отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству Высочайше разрѣшеннаго *двѣнадцатаго* Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, предназначеннаго къ открытію въ 1902 году.

Исполняя это порученіе, считаю необходимымъ указать на тѣ задачи, какія входятъ въ программу предстоящаго съѣзда.

Въ засѣданіи Московскаго Предварительнаго Комитета, бывшемъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, предположено въ районъ особаго обслѣдованія къ XII Археологическому Съѣзду ввести губерніи Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, сѣверную часть Таврической и области Войска Донского и Войска Кубанскаго.

Районъ, какъ видите, оказывается значительнымъ. Но съ одной стороны географическое положеніе этихъ мѣстностей, а съ другой — исторически-генетическая связь сближаютъ ихъ другъ съ другомъ.

По мысли незабвеннаго графа А. С. Уварова у насъ, въ Россіи, положено, назадъ тому болѣе тридцати лѣтъ, начало Археологическихъ Съѣздовъ. Съ того времени ихъ было уже одиннадцать. Большая часть ихъ имѣла преимущественно областной характеръ. Такъ, Тифлисскій Съѣздъ занимался изученіемъ главнымъ образомъ Закавказья и Кавказа, Одесскій — Новороссійскаго края, Кіевскій — Юго-западнаго края, Ярославскій — сѣвернаго поволжья, Виленскій — Сѣверо-западнаго края, Рижскій — Прибалтійскаго края. Тотъ же характеръ долженъ имѣть и Харьковскій Съѣздъ для губерніи Харьковской и ближайшихъ къ ней мѣстностей, въ частности области Войска Донского. Прежде всего, конечно, необходимо изслѣдовать этотъ районъ въ археологическомъ отношеніи. Кубанская и Донская области и Харьковская губернія въ этомъ отношеніи представляетъ особенно большой интересъ и изслѣдованіе ихъ старины можетъ доставить богатый матеріалъ.

Для такого обслѣдованія и изученія этого района и предположено образовать три центра: въ Харьковѣ Предварительной Комитетъ, въ Новочеркасскѣ и Екатеринодарѣ отдѣленія его. Обслѣдованіе другихъ мѣстностей можетъ быть выполнено губернскими Статистическими Комитетами.

Харьковъ является центромъ университетскимъ и мѣстомъ будущаго Съѣзда. Поэтому на Харьковскомъ Предварительномъ Комитетѣ и будетъ лежать главная подготовительная работа. Независимо отъ этого Московскій Предварительный Комитетъ будетъ руководить общими задачами отдѣленій Кубанскаго и Донского.

Харьковскій Комитетъ состоитъ при университетѣ изъ представителей всѣхъ факультетовъ и изъ членовъ историко-филологическаго общества.

Предпослѣднее засѣданіе Харьковскаго Комитета состоялось съ участіемъ графини *П. С. Уваровой* (предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества), а послѣднее съ участіемъ заслуженнаго профессора Кіевскаго университета св. Владимира *В. Б. Антоновича*.

Въ первомъ засѣданіи были разсмотрѣны выработанныя Харьковскимъ Комитетомъ программы для собиранія свѣдѣній къ съѣзду и предметовъ для выставки при Съѣздѣ, а во второмъ намѣчены раскопки для предстоящаго лѣта. Онъ же намѣтилъ и

программу дѣятельности для Новочеркасскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета. Она сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: 1) изданіе программъ, 2) составленіе археологической карты области Войска Донского, 3) собираніе предметовъ древности и старины для выставки при археологическомъ съѣздѣ и 4) курганныя раскопки.

I. Харьковскій Предварительный Комитетъ напечаталъ четыре (главныя) программы:

1) для собиранія свѣдѣній по первобытнымъ древностямъ;

2) для собиранія свѣдѣній по древностямъ историческимъ;

3) для собиранія свѣдѣній по церковнымъ древностямъ и

4) для собиранія этнографическихъ предметовъ.

Новочеркасскому отдѣленію прежде всего предстоитъ разсмотрѣть и дополнить или измѣнить, по мѣстнымъ особенностямъ, эти программы и разослать ихъ къ тѣмъ лицамъ и въ тѣ учрежденія, которыя будутъ привлечены къ участію въ выполненіи ихъ. Разсылка программъ мѣстнымъ сельскимъ священникамъ и сельскимъ учителямъ могла бы указать въ этомъ дѣлѣ большую услугу. Опытъ Московскаго Археологическаго Общества показалъ, что свѣдѣнія, подобнымъ путемъ собранныя, дали значительный матеріалъ для археологическихъ картъ и другихъ работъ.

По ходатайству Харьковскаго Прадварительнаго Комитета г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа изъявилъ уже согласіе на разсылку народнымъ учителямъ программъ для собиранія археологическихъ свѣдѣній. Съ другой стороны и Преосвященный Архіепископъ Харьковскій разрѣшилъ разсылку программъ священникамъ Харьковской епархіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя разрѣшенія могутъ быть получены и для Донской области.

Весьма важны свѣдѣнія *о курганахъ* Донской области и въ особенности для опредѣленія погребальнаго типа кочевниковъ.

Затѣмъ другой весьма важный вопросъ представляетъ собраніе возможно полныхъ свѣдѣній *о каменныхъ бабахъ*. Загадочныя изваянія каменныхъ бабъ до сихъ поръ составляютъ еще не разрѣшенный вопросъ. Вопросъ этотъ давно занимаетъ людей науки. Г. Кельсіевъ въ семидесятыхъ годахъ собралъ о нихъ значительныя свѣдѣнія. Но со смертію его мателіалъ этотъ затерялся. Разыскать его взяло на себя Московское Археологическое Общество. Но и эти свѣдѣнія, если онѣ даже будутъ отысканы, несомнѣнно окажутся неполными.

По Харьковской губерніи я нанесъ уже на археологическую карту курганы съ каменными бабами.

На Донскомъ отдѣленіи будетъ лежать обязанность зарегистрировать каменныхъ бабъ, находящихся въ Донской области. При этомъ нужно отмѣтить, откуда онѣ были взяты. Свѣдѣнія необходимо собрать самыя точныя. Необходимо также отмѣтить типическія особенности каждаго изваянія, подраздѣленія ихъ на мужскія и женскія. Желательно сфотографировать ихъ или, покрайнѣ мѣрѣ, сдѣлать рисунки съ нихъ.

Если мы сдѣлаемъ все это по губерніямъ Харьковской и Екатеринославской и по областямъ Донской и Кубанской, тогда можно будетъ подвинуть впередъ и научные выводы объ этихъ памятникахъ древности.

Наконецъ желательно собрать возможныя свѣдѣнія *о городищахъ*. Раскапывать ихъ трудно, но уже и описаніе городищъ съ обозначеніемъ расположенія и формъ ихъ, принесетъ для науки большую пользу. Въ книгѣ глаголемой *Большой Чертежъ* находится много указаній на городища по Донцу и по Дону, а потому и она можетъ послужить пособіемъ при собираніи свѣдѣній о городищахъ.

Если мы будемъ имѣть карту донскихъ и донецкихъ городищъ, то она составитъ богатый матеріалъ по изученію древнихъ поселеній въ этомъ районѣ.

Затѣмъ весьма важно собрать и сохранить *памятники исторической старины*— регаліи, портреты историческихъ дѣятелей и другіе предметы быта.

Кто занимался исторіею бытовою, тотъ знаетъ, какъ трудно доставать свѣдѣнія о такихъ памятникахъ старины. Это одинаково относится какъ къ Донской, такъ и Запорожской старинѣ. Благодаря такому собирателю предметной старины, какъ г. Тарновскій, мы имѣемъ теперь обширныя коллекціи историческаго быта Малороссіи, для которыхъ строится даже особое помѣщеніе Черниговскимъ губернскимъ земствомъ.

Къ Рижскому Съѣзду, благодаря содѣйствію мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, были собраны довольно удовлетворительные отвѣты о частныхъ коллекціяхъ и древностяхъ Прибалтійскаго края. Желательно бы было собрать подобныя свѣдѣнія и по Донской области.

Отвѣты на програму по церковнымъ древностямъ области Войска Донского представили бы большой интересъ въ особенности въ отношеніи старинныхъ деревянныхъ церквей.

Что касается программы *этнографической*, то этотъ отдѣлъ желательно было бы составить возможно полнѣе. Если обратить вниманіе на то, какъ быстро въ настоящее время исчезаютъ старые устои жизни подъ вліяніемъ новыхъ бытовыхъ культурныхъ условій, то сама собою явится важность даннаго вопроса.

И въ этомъ отношеніи область Войска Донского можетъ дать много матеріала. Донское населеніе представляетъ большой интересъ въ сохранившихся памятникахъ одежды, оружія, типовъ и т. д. Желательно, чтобы въ этомъ прекрасномъ зданіи Донского музея были собраны и сохранены въ возможно большемъ числѣ не только памятники мѣстной старины, но и современнаго быта Донского населенія.

Спеціальная програма *объ архивахъ* вызоветъ изученіе архивнаго дѣла и сохраненіе старинныхъ архивовъ отъ уничтоженія. Нельзя не признать, что разработка областныхъ архивовъ и храненіе ихъ первѣе всего должны принадлежать мѣстнымъ учрежденіямъ. Такая разборка архивныхъ матеріаловъ Донской области съ успѣхомъ можетъ быть произведена на мѣстѣ въ Новочеркасскѣ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ въ историческомъ архивѣ Донского музея относительно значительные остатки, мѣстныхъ архивовъ прошлаго и настоящаго столѣтія, а частію даже и конца XVII столѣтія. Желательно и дальнѣйшее систематическое собираніе архивныхъ матеріаловъ и доставленіе ихъ въ музей.

II. Перехожу затѣмъ къ другому пожеланію, чтобы собранный по программамъ матеріалъ былъ использованъ *для составленія археологической карты*. Въ такихъ картахъ въ настоящее время признается настоятельная необходимость. На эти карты

наносятся посредствомъ условныхъ знаковъ памятники старины: городища, курганы, каменныя бабы, раскопки хищническія, раскопки случайныя и раскопки правильныя.

Къ картамъ долженъ быть непремѣнно приложенъ объяснительный текстъ, безъ котораго онѣ не имѣютъ должнаго значенія.

Кромѣ свѣдѣній, собранныхъ по программамъ, которыя будутъ положены въ основу археологической карты Донской области, необходимо для этого собрать и печатный матеріалъ. Московское Археологическое Общество можетъ прислать нужныя выписки изъ своихъ изданій. Затѣмъ возможно воспользоваться рукописнымъ матеріаломъ и свѣдѣніями, собранными по программамъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1887 году. Третій источникъ такихъ матеріаловъ представляютъ метрики, собранныя Академіею Художествъ въ пятидесятыхъ годахъ. Въ библіотекѣ Св. Синода также имѣются свѣдѣнія о церковныхъ древностяхъ, собранныя по мысли покойнаго митрополита Филарета. Желательно для полноты воспользоваться и этими матеріалами.

Въ дополненіе къ археологической картѣ желательно видѣть карты и заселенія области Войска Донского, значительный матеріалъ для которыхъ уже имѣется въ музеѣ — въ извлеченіяхъ изъ архивныхъ документовъ, сдѣланныхъ завѣдывающимъ музеемъ *Х. И. Поповымъ* и въ описаніяхъ всѣхъ поселеній по округамъ съ приложеніемъ картъ, частію уже составленныхъ, а частію подготовленныхъ сотрудникомъ музея *И. М. Сулинымъ*.

III. *Третья* задача предстоящихъ Донскому отдѣленію работъ будетъ заключаться въ собираніи предметовъ для выставки при Археологическомъ Съѣздѣ. Выставки имѣютъ громадное значеніе. Если чего не видишь своимъ глазомъ, то не будешь имѣть и полнаго понятія о предметѣ. На первыхъ Съѣздахъ представлялись главнымъ образомъ памятники доисторической древности; но на послѣдующихъ тутъ были особые отдѣлы церковныхъ древностей, историческихъ, историко-географическихъ и т. п.

Доисторическія древности, имѣющіяся въ Донскомъ музеѣ, хотя составились и изъ случайныхъ поступленій, все-таки даютъ понятіе о глубокой древности страны. Историческій отдѣлъ сравнительно еще бѣденъ. Желательно въ особенности пополнить его портретами историческихъ дѣятелей и другими предметами старины, постепенно исчезающими.

Затѣмъ, въ послѣднее время сталъ фигурировать на выставкахъ еще и картографическій отдѣлъ. На Кіевскомъ съѣздѣ, благодаря трудамъ В. А. Кордта, *картографическая* выставка представляла довольно полное обозрѣніе послѣдовательнаго развитія европейской и русской картографіи. На Харьковскомъ Съѣздѣ предполагается также организовать картографическую выставку и собрать на нее древнія печатныя и рукописныя карты всѣхъ тѣхъ губерній и областей, которыя входятъ въ районъ дѣятельности съѣзда. Желательно, чтобы такія карты и планы городовъ были собраны и въ Донской области и присланы на выставку съѣзда. Несомнѣнно, лица, интересующіяся исторіею Донского войска, увидѣвши на выставкѣ Археологическаго Съѣзда собраніе древнихъ картъ, относящихся къ ихъ территоріи, постараются издать ихъ въ свѣтъ.

Далѣе, желательно привлечь на археологическую выставку *старинныя рукописи и книги* Здѣсь, въ музеѣ, я видѣлъ два синодика съ лицевыми украшеніями, чрезвычайно интересные въ историческомъ отношеніи. Желательно видѣть ихъ и на археологической выставкѣ.

IV. Наконецъ, *четвертая* задача отдѣленія заключалась бы въ археологическихъ раскопкахъ. Донской край обиленъ памятниками доисторической древности и въ особенности курганами. Но до сихъ поръ памятники эти остаются необслѣдованными. Если не считать прежнихъ раскопокъ профессора Леонтьева на Недвиговскомъ городищѣ, г. Сизова и профессора Веселовскаго на городищѣ Цымлянскомъ и гг. Тизенгаузена и Бранденбурга, то въ сущности можно сказать систематическихъ раскопокъ въ Донской области не существовало. Было бы крайне необходимо для дѣла, чтобы мѣстное войсковое начальство отпустило нѣкоторую сумму спеціально для раскопокъ кургановъ, при чемъ всѣ добытыя вещи поступятъ, конечно, въ мѣстный Донской музей. Быть можетъ Московскій и Харьковскій Предварительные Комитеты найдутъ возможнымъ распространить свои курганныя раскопки на область Войска Донского.

V. А затѣмъ *пятое* пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы Донское отдѣленіе Предварительнаго Комитета приготовило какія-нибудь изданія и посвятило ихъ предстоящему Съѣзду.

Вотъ въ чемъ можетъ проявиться дѣятельность Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ члены отдѣленія отнесутся сочувственно къ дѣлу и дружными усиліями, при благосклонной поддержкѣ его превосходительства, г. Войскового Наказнаго Атамана, живо интересующагося родной стариной, сумѣютъ выполнить принимаемую на себя отвѣтственную задачу".

Рѣчь профессора Багалѣя была принята съ полнымъ сочувствіемъ и выраженіемъ со стороны присутствовавшихъ готовности потрудиться по мѣрѣ силъ каждаго въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на отдѣленіе.

Признавая возможнымъ теперь же открыть Донское отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, Войсковой Наказный Атаманъ войска Донского К. К. Максимовичъ объявилъ отдѣленіе это открытымъ, возложивъ предсѣдательствованіе въ немъ на помощника своего по гражданской части, генералъ-лейтенанта А. М. Грекова.

По разсмотрѣніи, затѣмъ, вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе XII Археологическаго Съѣзда и запросовъ, на которые желательно получить разъясненіе на Съѣздѣ, а равно программъ, составленныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ для собиранія свѣдѣній по древностямъ первобытнымъ, историческимъ и др. и этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ съѣзда единогласно приняты слѣдующія резолюціи:

1) Вопросы и запросы, приложенные къ протоколамъ засѣданій Московскаго Предварительнаго Комитета, состоявшимся въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ области Войска Донского, принять къ свѣдѣнію и по тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ окажутся матеріалы, изготовить къ XII Археологическому Съѣзду сообщенія.

2) Принять къ руководству программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда и сдѣлавъ въ нихъ соотвѣтствующія мѣстнымъ особенностямъ дополненія и измѣненія, напечатать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ и разослать къ окружнымъ атаманамъ и начальникамъ области Войска Донского, во всѣ станичныя и волостныя правленія Области, сотрудникамъ комиссіи по устройству Донского музея, священникамъ Донской епархіи и учителямъ станичныхъ и сельскихъ школъ, испросивъ на это отъ подлежащей духовной власти и учебнаго начальства разрѣшеніе.

3) На обязанность Отдѣленія возложить: а) провѣрку всѣхъ отвѣтовъ, какіе будутъ получены по программамъ, съ историческими и оффиціальными свѣдѣніями, имѣющимися въ Донскомъ музеѣ и его историческомъ архивѣ, исправленіе ихъ и приведеніе въ систему; б) осмотръ на мѣстѣ, насколько будетъ возможно, чрезъ членовъ отдѣленія, путемъ экскурсій, памятниковъ древности, обслѣдованіе ихъ съ производствомъ раскопокъ и составленіе описаній; в) собираніе и составленіе коллекцій памятниковъ древности и предметовъ этнографическихъ для выставки при Археологическомъ Съѣздѣ, и г) составленіе археологической и исторической картъ области Войска Донского.

Отъ 22 марта 1901 года Войсковой Наказный Атаманъ войска Донского пишетъ слѣдующее:

Донское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда съ открытія своихъ дѣйствій пользуется средствами на текущіе расходы и собираніе археологическихъ и историческихъ свѣдѣній отъ комиссіи по устройству Донского музея, получающей содержаніе изъ войсковыхъ суммъ войска Донского. Изъ этого же источника въ прошломъ году произведены были расходы на одну командировку на Донецъ для Археологическихъ раскопокъ. Подобныя командировки предположены и въ текущемъ, а равно и будущемъ 1902 годахъ. Но на все это названная комиссія, по ограниченности своихъ средствъ, можетъ расходовать только отъ 150 до 200 руб. въ годъ. Большей суммы она удѣлить не можетъ. Что же касается печатанія программъ, различныхъ бланковъ и трудовъ отдѣленія, то эти работы исполняются, по моему распоряженію, въ областной типографіи безплатно.

Испрашивать для отдѣленія особый кредитъ изъ войсковыхъ суммъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ Военнаго Совѣта, я, при всемъ моемъ сочувствіи къ возложенной на отдѣленіе задачѣ, не нахожу удобнымъ.

Въ виду такого положенія дѣла систематическія раскопки въ Донской области могли бы быть произведены лишь при помощи Предварительнаго по устройству XII Археологическаго Съѣзда, на которую и указывалъ профессоръ Багалѣй при открытіи отдѣленія.

Отчетъ Ив. Тимощенкова объ археологическомъ обслѣдованіи древняго городища при балкѣ Рыгиной.

Получивъ открытое предписаніе Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского, отъ 4 августа сего 1901 года за № 1237, объ археологическомъ обслѣдованіи

древняго городища, описаннаго въ Исторіи Войска Донского В. Д. Сухоруковымъ[1]) и находящагося въ Донецкомъ округѣ, при балкѣ *Рыгиной*, вблизи Каменской станицы, я отправился на мѣсто нахожденія этого городища и 7-го августа приступилъ къ дѣлу. Осмотрѣвъ съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ старожиловъ мѣстность бывшаго укрѣпленія и тщательно измѣривъ окружность, которую она занимала, я нашелъ слѣдующее:

Городище Рыгинское въ настоящее время восточною стороною своею граничитъ съ поселеніемъ Каменской станицы и двѣ трети его заняты дворами поселенія хутора Рыгина; свободною отъ жительскихъ дворовъ остается только третья часть его, именно юго-западный уголъ. Оно представляетъ собою продолговатую и нѣсколько клинообразную форму, тянется по надъ лѣвымъ берегомъ рѣчки Рыгина (тогда какъ поселеніе ст. Каменской примыкаетъ къ правому берегу этой пересыхающей теперь въ лѣтнее время рѣчки) и достигаетъ займища рѣки Сѣвернаго Донца, гдѣ не въ дальнемъ разстояніи рѣчка Рыгинъ впадаетъ въ Донецъ. Крѣпость имѣла протяженіе съ восточной стороны по теченію рѣчки Рыгина по прямой линіи болѣе полуторы версты (285 саженъ), съ южной стороны крѣпостной ровъ и валъ шли ломанною линіею по надъ высокою и неприступною скалою, въ разстояніи отъ скалы, тянущейся по лѣвому берегу Рыгина, въ 40—50 саженъ (теперь скала эта значительно уменьшилась, такъ какъ изъ нея Юго-восточное жел.-дорожное Общество брало камень для постройки моста черезъ Донецъ, а жители хутора и теперь берутъ тутъ камень) и имѣли протяженіе отъ юго-западнаго тупого угла городища (гдѣ находятся остатки бывшаго бастіона въ видѣ небольшого кургана) до теченія Рыгина на 352 сажени. Съ этой южной стороны городища отъ крѣпостныхъ рва и вала (на разстояніи 62 саженъ отъ углового юго-западнаго бастіона и 290 саженъ отъ теченія Рыгина) шла къ скалѣ, тянущейся по надъ изгибомъ р. Рыгина, каменная, кладенная на извести или другомъ какомъ-то цементѣ, сохранившемся на нижней части каждаго камня, стѣна въ 6 аршинъ шириною, основаніе которой вросшее въ землю сохранилось до сего времени. Съ западной стороны ровъ крѣпости съ валомъ во внутреннюю сторону городища, какъ и вездѣ, шелъ ломанною линіею (линія эта хорошо сохранилась только на половинѣ этой стороны, не занятой жительскими дворами, тамъ же, гдѣ поселились уже издавна хуторяне, ровъ только едва замѣтенъ небольшими частями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, невидно на немъ ни изломовъ, ни бастіоновъ, и простирался на 2 версты 47 саженъ. Наконецъ сѣверная сторона городища примыкала къ древнему теченію Сѣвернаго Донца (нынѣ тутъ займище Донца, занятое казачьими садами и левадами, а Донецъ отодвинулся на полверсты дальше), состояла изъ высокихъ насыпныхъ, шедшихъ зигзагами, валовъ и имѣла пространство, какъ замѣтно по остаткамъ валовъ, около 150 саженъ. Теперь крѣпостные валы эти служатъ огорожей двора и гумна, принадлежащихъ казаку Матвѣю Андрееву Печеневу.

Все городище, по видимымъ теперь признакамъ, занимало мѣстность пространствомъ около 90 десятинъ. Какъ выше пояснено оно съ южной стороны своей

---

[1]) Стран. VIII вступленія къ Исторіи В. Донск. перв. издан. 1867 года.

имѣло двойное укрѣпленіе, состоявшее изъ скалы, каменной шести аршинной ширины стѣны (шедшей отъ рва до скалы) и рва. Пространство между валомъ, стѣной и скалой было бы особою небольшою сравнительно крѣпостью, заключавшею въ себѣ площадь около 5 десятинъ. Съ восточной стороны по довольно широкой низинѣ балки Рыгиной городищу укрѣпленіемъ служила, какъ можно полагать, рѣчка, которая за памятью отцовъ и дѣдовъ теперешняго населенія была обильна водою и съ весьма топкими и неприступными берегами. Скаты балки съ обѣихъ сторонъ рѣчки также могли служить укрѣпленіями, такъ какъ они на всемъ протяженіи городища весьма круты и во многихъ мѣстахъ представляютъ собою обрывы.

Ровъ съ западной и южной стороны городища былъ 6-ти аршинной ширины, въ чемъ я убѣдился раскопками. Я перерѣзалъ его поперекъ въ двухъ мѣстахъ: съ западной стороны и съ южной. На южной сторонѣ раскопкой пришлось натолкнуться на глубинѣ около ½ аршина на каменную кладку съ обѣихъ сторонъ рва. Камень гдѣ клался въ видѣ стѣнки для сохраненія крутизны сторонъ рва, а гдѣ ставился рубомъ (вертикально) въ образовавшійся отъ обвала откосъ стороны рва. Вѣроятно за поставленныя шокомъ каменныя плиты насыпалась земля, чѣмъ и поддерживалось отвѣсное строеніе сторонъ крѣпостного рва. Какой глубины былъ ровъ, мнѣ не пришлось открыть за недостаткомъ времени и средствъ. Я раскапывалъ въ одномъ мѣстѣ на глубину 3-хъ аршинъ, а въ другомъ на глубину около двухъ аршинъ. Валъ вездѣ по надъ рвомъ былъ на внутреннюю сторону городища.

Преданій о городищѣ нѣтъ. Разсказываютъ только, что признаки укрѣпленій его лѣтъ 50—60 тому назадъ были видны далеко больше теперешняго. Ровъ съ западной стороны бывалъ весною и въ дождливое время наполненъ всегда водою и жители при переѣздѣ черезъ него нерѣдко загрузали и топили животныхъ.

Въ двухъ мѣстахъ съ западной стороны городища, на линіи бывшаго при рвѣ вала, видны остатки бастіоновъ, представляющіе теперь собою небольшіе курганы. Одинъ изъ этихъ кургановъ, на юго-западномъ углу городища, подвергнутъ былъ мною раскопкѣ, но въ немъ ничего не нашлось, кромѣ мелкаго камня, перемѣшаннаго съ землей. Видно было, что курганъ былъ нѣсколько разъ перекопанъ съ цѣлью добыванія камня.

Внутри городища нѣтъ никакихъ признаковъ прежнихъ жилищъ, кромѣ большихъ бугровъ изъ золы, находящихся въ южной половинѣ городища. Бугровъ этихъ здѣсь болѣе 2-хъ десятковъ и расположены они въ нѣкоторомъ порядкѣ рядами. На рисункѣ, представляющемъ планъ городища, бугры изъ золы изображены въ видѣ сѣрыхъ овальныхъ кружковъ. Въ дѣйствительности они состоятъ изъ чистой древесной золы (сверху только четверти на полторы аршина зола нѣсколько смѣшалась съ землею, а дальше она въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей), въ которой рѣдко, рѣдко гдѣ попадаются маленькіе древесные угольки. На поверхности и внутри бугровъ золы встрѣчаются въ большомъ количествѣ черепки глиняной посуды, которая была, какъ видно по черепкамъ, весьма грубой подѣлки.

Одинъ изъ золяныхъ бугровъ саженъ въ 30 длиною и саженъ въ 10 шириною я разрѣзалъ канавой по длинѣ его съ запада на востокъ (всѣ эти бугры здѣсь

расположены такъ, что длина ихъ идетъ въ этомъ направленіи); когда канава была прокопана на $1^{1}/_{2}$—2 аршина глубины, то въ обѣ стороны бугра оказался первобытный грунтъ земли, на срединѣ же его обнаружилась круглая яма глубиною въ грунтъ на $3^{1}/_{2}$ аршина. По выбросаніи изъ нея золы, она оказалась горномъ съ обгорѣвшими и затвердѣвшими отъ огня сторонами. Вѣроятно яма эта служила для выжиганія глиняной посуды, осколки которой находятся тутъ кругомъ. Изъ ямы вмѣстѣ съ золою цѣлыми кучами выбрасывалась пожелтѣвшая отъ времени чешуя рыбы, а также кости бѣлой и красной рыбы. Тутъ же было найдено желѣзное лезвее небольшого ножа.

При осмотрѣ городища я узналъ отъ старожиловъ, что на возвышенной сѣверной сторонѣ его, на мѣстности лобной и господствующей надъ обширнымъ займищнымъ пространствомъ р. Донца, находится какое-то древнее кладбище. Могилы попадаются сплошь, на каждомъ шагу. При копаніи погребовъ и возведеніи домашнихъ построекъ то и дѣло выбрасываются человѣческія кости. Многіе изъ жителей находили между костями мѣдные перстни и др. разныя вещи. Покойники хоронились не въ деревянныхъ гробахъ, а между камнями и подъ камнями. Встрѣчаются могилы, въ которыхъ каменныя плиты поставлены со всѣхъ 4-хъ сторонъ, а сверху прикрыты также плитами и представляютъ собою такимъ образомъ для покойника прочный и не гніющій склепъ. Но въ большинствѣ могилъ каменныя плиты стоятъ только съ одной стороны покойника. Погребеніе было къ одной сторонѣ могилы и прикрывалось камнями поставленными въ могилѣ наискось такъ, что одна нижняя сторона каждой каменной плиты стоитъ на подошвѣ могилы, а другая верхняя упирается въ ту сторону могилы, подъ которою въ пустотѣ лежитъ покойникъ. Покойники лежатъ всѣ (какъ говорили мнѣ старожилы) головами на югъ, а ногами на сѣверъ.

Между прочимъ я узналъ, что мѣстный житель казакъ Кондратъ Дмитріевичъ Колесниковъ, съ годъ тому назадъ копая у себя въ дворѣ яму, напалъ на могилу, изъ которой, вмѣстѣ съ человѣческими костями, вынулъ серебряныя и мѣдныя вещи, составлявшія женскій уборъ. Я отправился къ Колесникову, чтобы осмотрѣть найденныя имъ въ могилѣ предметы. Колесниковъ охотно удовлетворилъ мое любопытство. Оказалось, что онъ нашелъ въ раскопанной имъ могилѣ: семь серебряныхъ пластинокъ ажурной ряботы, составлявшихъ наборъ, вѣроятно, женскаго пояса, бронзовый браслетъ и золотую серьгу, но серьгу семья Колесникова сочла за мѣдную, почему ею играли нѣкоторое время дѣти, а потомъ сломали („разогнули“, выразился Колесниковъ) и куда-то забросили. Браслетомъ тоже играли дѣти и разломали его на три куска, изъ которыхъ одинъ затерялся, два же куска были на лицо. Могильныя вещи К. Д. Колесниковымъ найдены были при такихъ обстоятельствахъ. Въ позапрошломъ году у него родилось много картофеля, и ему некуда было сложить на зиму часть урожая ея. Онъ осенью и вздумалъ выкопать у себя на скотскомъ базу подъ сараемъ яму, чтобы наполнить ее картофелемъ и засыпать навозомъ для сбереженія его отъ морозовъ. Яму онъ выкопалъ круглую около полутора аршина въ діаметрѣ и на $2^{1}/_{2}$ аршина въ глубину. При этомъ на 2 аршинной глубинѣ встрѣтились ему въ землѣ человѣческія кости, и онъ окончивъ яму, прикопалъ ихъ

поглубже тутъ же въ ямѣ въ одну сторону оной. Потомъ когда яма уже была наполнена картофелемъ и присыпана навозомъ, женщины семьи Колесникова стали употреблять вынутую изъ ямы глину на обмазку дворовыхъ построекъ и мѣсили ее по обыкновенію босыми ногами. Подъ ноги имъ при этомъ попались твердые и колючіе предметы, что заставило ихъ осмотрѣть тщательно всю глину. Тутъ-то и найдены были всѣ вышепоименованныя вещи.

Я попросилъ у К. Д. Колесникова позволенія раскопать вновь его бывшую картофельную яму (яма по вынутіи изъ нея картофеля была закидана навозомъ и сравнена съ поверхностью база), и онъ позволилъ мнѣ это съ условіемъ, чтобы я не подкапывалъ ему князевую соху въ сараѣ, около которой выкопана яма. Когда я произвелъ раскопку ямы въ томъ видѣ, въ какомъ она выкопана была подъ картофель, то увидѣлъ что въ ней въ южную сторону на полъаршинной высотѣ отъ дна ея торчатъ большія каменныя плиты, поставленныя въ рядъ съ сѣвера на югъ и въ наклонномъ положеніи къ западу. Около камней съ той стороны, куда они наклонены, земля была рыхлая и разсыпающаяся, и въ ней на одномъ горизонтѣ съ нижнею стороною стоящихъ каменныхъ плитъ видны были человѣческія кости, именно спинные позвонки и не одного человѣка, а двухъ. Позвонки шли въ землю рядомъ на полъаршина одинъ отъ другого. Замѣтно было, что ребра отъ нихъ были уже отняты или сами отвалились, такъ какъ земля выше позвонковъ нѣсколько вывалилась и образовала углубленіе подъ камни. Я велѣлъ рабочему осторожно выбирать землю въ ту сторону, куда шли позвонки. Когда такимъ образомъ южная сторона ямы углублена была четверти на три аршина подъ торчащія каменныя плиты, то обнаружились два человѣческіе черепа, лежавшіе въ такомъ положеніи, что одинъ изъ нихъ былъ къ верху лицомъ и теменемъ прямо на западъ (видно было, что шея костяка въ могилѣ была круто повернута на западъ, тогда какъ туловищныя кости лежали по направленію съ сѣвера на югъ), такъ что изъ ямы представлялся въ профилѣ, къ зрителю лѣвой щекой (черепъ оказался въ совершенной цѣлости со всѣми до единаго зубами въ верхней и нижней челюстяхъ); другой черепъ лежалъ внизъ лицомъ, теменемъ прямо на югъ, такъ что изъ ямы видны были только затылокъ и углубленіе въ черепѣ, куда входили шейные позвонки. Этотъ послѣдній черепъ имѣлъ такое положеніе, какъ будто лежалъ на груди того костяка, которому принадлежалъ черепъ лежавшій къ верху лицомъ. У него сохранилась одна нижняя челюсть съ нѣсколькими зубами пригнившими и выкрышившимися, какъ замѣтно, еще при жизни. Между черепами стоялъ кувшинъ, покрытый мѣднымъ зеркаломъ. Кувшинъ этотъ стоялъ на юго-западъ отъ череповъ, въ углу, образуемомъ ими такъ, что находился въ четверти аршина отъ подбородка черепа, лежавшаго вверхъ лицомъ и на такомъ же разстояніи отъ правой стороны черепа, лежавшаго лицомъ внизъ. Кувшинъ сдѣланъ изъ сѣрой глины и формою похожъ на теперешніе умывальники и молочники. Онъ съ ручкой и особымъ носкомъ въ верхней части. Дальше при вынутіи земли лежавшей вокругъ череповъ найдены были: 1) золотая серьга съ жемчужиной и особою привѣской изъ полаго золота (другая серьга, какъ выше пояснено, найдена была семьею хозяина двора при замѣскѣ глины). 2) Золотой бубенчикъ съ погре-

мушкой. 3) Пара крупныхъ сердоликовыхъ бусъ. 4) Пара перламутровыхъ крупныхъ пластинокъ съ отверстіями по срединѣ. 5) Три серебряныя пластинки ажурной работы, (принадлежащія къ коллекціи украшеній пояса, найденой семьей Колесниковыхъ) и 6) бронзовый перстень съ какимъ-то зеленовато-бѣлымъ камнемъ. Послѣдняя вещь (перстень) найдена была, вмѣстѣ съ суставами ручныхъ пальцевъ, въ землѣ, находившейся выше черепа, лежавшаго внизъ лицомъ. Когда рабочій толкнулъ въ затвердѣвшую землю, соприкасавшуюся съ затылкомъ того черепа то на лопату вдругъ упали косточки пальцевъ человѣческой руки и перстень. Можно полагать, что перстень и суставы пальцевъ принадлежали правой рукѣ того костяка, черепъ котораго лежалъ къ верху лицомъ, и рука эта лежала на головѣ 2-го костяка. Какое положеніе имѣла лѣвая рука костяка лежавшаго къ верху лицомъ (на которой, вѣроятно, былъ браслетъ, найденный Колесниковымъ), а также и руки костяка, лежавшаго внизъ лицомъ — неизвѣстно, такъ какъ земля, гдѣ находились эти части скелетовъ выбрата была Колесниковымъ при копаніи ямы для картофеля.

Загадочнымъ кажется, почему Колесниковыми, при копаніи ямы для картофеля, серьга, которая должна была быть при черепахъ, найдена около поясныхъ и ножныхъ частей костяковъ, мною же около череповъ найдены серебряныя пластинки, служившія украшеніемъ пояса. Явленіе это можно объяснить только тѣмъ, что предметы эти въ могилѣ перемѣстили съ мѣста на мѣсто какіе-либо грызуны: крысы, хомяки или др. какіе, проникавшіе въ существовавшую когда-то могильную пустоту. А что животныя эти были въ могилѣ, показываетъ то, что ножные и ручные мослаки скелетовъ, при разсмотрѣніи ихъ, оказались сильно изгрызенными.

Заинтересовавшись могильными находками въ дворѣ казака К. Д. Колесникова, я предпринялъ розыскъ и раскопку еще могилъ въ этомъ же мѣстѣ. Прежде всего я порѣшилъ сдѣлать раскопку не особенно большого кургана, находящагося между жительскими дворами на улицѣ, не въ дальнемъ разстояніи и отъ двора Колесникова. Я пересѣкъ курганъ канавою по направленію съ востока на западъ, и когда канава была углублена на полтора аршина, на срединѣ кургана оказался скелетъ, лежавшій головою на юго-востокъ, а ногами на юго-западъ, а въ трехъ аршинахъ отъ этого скелета въ канавѣ оказалась рыхлая земля, что показывало присутствіе и въ томъ мѣстѣ тоже могилы. Открытый на срединѣ кургана костякъ лежалъ на спинѣ съ протянутыми ногами и руками, сложенными такъ, что кисти ихъ приходились около тазовыхъ частей. При этомъ голова покойника была повернута лицомъ на северо-востокъ такъ, что черепъ лежалъ къ подошвѣ могилы правою щекою, лѣвая же щека была къ верху. На нижней части груди покойника у самаго сгиба локтя правой руки лежалъ какой-то предметъ неопредѣленнаго назначенія, искусно выточенный изъ кости, пустой внутри похожій на трубку или на набалдашникъ посоха. Около грудныхъ костей скелета лежали двѣ большія сердоликовыя бусы, а у локтя лѣвой руки, снаружи, лежали перержавѣвшіе остатки массивнаго желѣзнаго меча. Видно было, что покойникъ положенъ былъ въ одеждахъ чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ: по землѣ вокругъ костей лежали полосы ярко-краснаго, голубого и зеленаго цвѣтовъ. Тутъ же, около костей, замѣтны были остатки сгнившаго дерева, что давало воз-

можность предполагать, что покойникъ похороненъ былъ въ гробу. Что костякъ лежалъ не глубоко въ землѣ, это можно объяснить тѣмъ, что курганъ, въ которомъ онъ находится, въ большой степени понизился. Онъ находится посреди улицы и черезъ него идетъ шляховая, проѣзжая дорога, при чемъ земля постепенно сбивается.

При раскопкѣ рыхлой земли, оказавшейся въ томъ же курганѣ на 3 аршина къ западу отъ предыдущей могилы, на 4 аршинахъ глубины обнаружены обыкновенные здѣсь могильные камни, стоявшіе въ два ряда по направленію съ юга на сѣверъ. Когда вынутъ былъ первый рядъ камней, присоединявшійся ко второму ряду съ южной стороны подъ острымъ угломъ, то въ землѣ обнаружились въ скученномъ видѣ совсѣмъ почти разрушившіяся кости малолѣтняго покойника лѣтъ такъ 8—10; тутъ же при костяхъ было множество бараньихъ шашекъ и айданчиковъ. Одинъ айданчикъ лежалъ даже вмѣстѣ съ суставами пальцевъ руки, какъ будто находился у покойника въ рукѣ. Когда былъ вынутъ второй рядъ каменныхъ плитъ, стоявшихъ въ наклонномъ къ западу положеніи, то въ землѣ обнаружилось два костяка, принадлежавшіе лицамъ совершеннаго возраста. Одинъ костякъ лежалъ по надъ плитами головою на югъ, а ногами на западъ. Онъ лежалъ на спинѣ такъ, что оба плеча плотно прилегали къ подошвѣ могилы, голова же его была повернута лицомъ на востокъ и лежала на правой щекѣ. Ноги покойника у колѣнъ были согнуты подъ прямымъ угломъ такъ, что ступни ногъ подошвами были обращены прямо на западъ; руки были протянуты вдоль тѣла. Съ лѣвой стороны костяка противъ груди стоялъ горшокъ черной глины, снаружи украшенный узорами изъ черточекъ; съ правой же стороны противъ лица найдены были: бронзовый наконечникъ копья и что-то тоже бронзовое, въ родѣ стрѣлы или шила. Кости другого взрослаго покойника въ этой могилѣ лежали кучкой, какъ-то около самыхъ согнутыхъ колѣнъ 1-го покойника. Какъ видно было они принадлежали весьма рослому человѣку (берцовыя кости ногъ я принялъ сначала за кости лошади), но были какія-то рыхлыя, бѣлаго цвѣта, чрезвычайно легковѣсныя и на половину разрушившіяся, тогда какъ кости 1-го покойника были далеко цѣлѣй, желтоватыя цвѣтомъ и сравнительно весьма тяжелыя. Подъ костями покойниковъ и около находилось нѣкоторое количество золы и древеснаго угля.

Могила эта, какъ ясно видно было, кромѣ каменныхъ плитъ, заслонявшихъ покойниковъ съ восточной стороны, имѣла еще склепъ съ верхомъ изъ толстыхъ бревенъ какихъ-то деревьевъ мягкой породы. Около костяковъ находилось множество значительной величины кусковъ перегнившаго дерева. По всему видно было, что сгнившія деревья составляли крышу могильнаго склепа; сгнившіе концы нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были въ стѣнкахъ раскопанной мною могилы на высотѣ двухъ аршинъ отъ подошвы ея; нѣкоторые куски дерева имѣли въ землѣ вертикальное положеніе. Видно было, что они сгнили и упали въ пустоту, при чемъ прислонились верхними концами къ стѣнкамъ могилы, а далѣе засыпаны были рыхлою землею, обсыпавшеюся постепенно съ верху кургана. Курганъ по всѣмъ признакамъ не обваливался, а могильная пустота въ немъ засыпалась мало-по-малу (можетъ-быть отъ сотрясенія земли, происходившаго отъ ѣзды по дорогѣ черезъ курганъ) и оста-

лась наполненною рыхлою землею, такъ что ее, во время моей раскопки, можно было протыкать рукой и брать тупою деревянною лопатой. Между тѣмъ сверху кургана аршина на полтора земля оказывалась твердою какъ камень, и ее пришлось выламывать глыбами посредствомъ желѣзныхъ лопатъ-ломовъ.

Далѣе въ моихъ раскопкахъ я натолкнулся еще на три древнія могилы, но въ нихъ были похоронены малолѣтніе покойники, при чемъ кости оказались во всѣхъ полуистлѣвшими и расположенными какъ-то кучками. Можно думать, что мертвецы были похоронены въ этихъ могилахъ въ сидячемъ положеніи.

Докладъ В. А. Харламова объ археологическихъ изысканіяхъ въ Первомъ Донскомъ и Донецкомъ округахъ.

По порученію Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда я совершилъ поѣздку по Донской области въ 1-мъ Донскомъ и Донецкомъ округахъ съ цѣлью собиранія матеріала по археологіи мѣстнаго края для работъ къ предстоящему Съѣзду. Поѣздка съ небольшими перерывами продолжалась съ 14 іюня по 24 августа 1900 года, при чемъ первое время, до 22-го іюля, я ѣздилъ вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ.

Прежде всего я остановлюсь на историческихъ мѣстахъ, память о которыхъ сохранилась въ народномъ преданіи. Таковъ *Булавинскій шляхъ,* извѣстіе о которомъ я получилъ въ ст. Бесергеневской отъ помощника станичнаго атамана урядника Осипова. Въ настоящее время шляхъ этотъ представляетъ небольшой „ерикъ“ (мѣстное названіе неглубокихъ и узкихъ овраговъ съ водой), который проходитъ около стараго мѣста поселенія Бесергеневской станицы и, по словамъ жителей, тянется вверхъ по теченію рѣки Дона въ юртахъ Мелеховской и Раздорской ст., а отъ старой Бесергеневской ст. идетъ по направленію къ ст. Багаевской. По словамъ урядника Осипова, *Булавинскій шляхъ* можно приблизительно опредѣлить, такъ какъ ерикъ этотъ не заростаетъ камышомъ.

Когда мы съ И. М. Сулинымъ проѣзжали изъ ст. Бесергеневской въ хуторъ Карповскій, то приблизительно въ 1-й верстѣ отъ настоящаго русла Дона переѣхали этотъ историческій „ерикъ“. Онъ представляетъ оврагъ, глубиной приблизительно отъ 2 до 3 арш., шириной отъ 4 до 8 арш. Этотъ *Булавинскій шляхъ* несомнѣнно указываетъ на тотъ памятный въ нашей исторіи фактъ, когда непокорный атаманъ Бахмутскаго городка Кондратій Аѳанасьевичъ Булавинъ поднялъ бунтъ противъ русскаго правительства и гулялъ съ своими сторонниками по Тихому Дону.

Другое историческое мѣсто, названіе котораго удержалось въ народной памяти — это *Гребенныя горы,* находящіяся на правомъ берегу р. Донца въ юртѣ Усть-Бѣлокалитвенской ст. около хутора Какичева. Горы эти были извѣстны еще составителямъ книги „Большого чертежа“, — нашей русской географіи первой половины XVI вѣка. Около этихъ горъ, по сказанію упомянутой книги, былъ татарскій пере-

лазъ на Русь. Дѣйствительно, когда я смотрѣлъ на нихъ, то мнѣ думалось, что это мѣсто, съ точки зрѣнія кочевника было удобнымъ пунктомъ для переправы черезъ большую рѣку. Горы эти тянутся нѣсколькими параллельными гребнями перпендикулярно теченію р. Донца, а къ самому берегу подходятъ двумя сравнительно высокими гребнями, которые круто спускаются къ берегу, образуя между собою довольно глубокое ущелье. Если вспомнить, что мѣстность эта была покрыта густымъ лѣсомъ, преданіе о которомъ сохранилось у нынѣшнихъ старожиловъ,— то такой характеръ мѣстности былъ очень удобенъ для того, чтобы незамѣтно подойти къ рѣкѣ, сосредоточиться тамъ въ большомъ количествѣ и начать переправляться на русскую сторону.

Вообще нужно замѣтить, что теперешнее названіе рѣкъ и урочищъ вверхъ по р. Донцу въ территоріи Войска Донского, въ большинствѣ случаевъ сходно съ приведеннымъ въ книгѣ „Большого чертежа".

Противъ *Гребенныхъ горъ,* на лѣвой сторонѣ рѣки, возвышается холмъ, который у мѣстныхъ жителелей носитъ названіе горы *Караулъ.* Это названіе даетъ поводъ думать, что за *Гребенными горами* было установлено наблюденіе, съ цѣлью предупрежденія внезапнаго появленія татаръ.

Карповское городище, обслѣдованное вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ, лежитъ въ $1^1/_2$—2 верстахъ отъ Карповскаго хутора (на картѣ онъ значится — Воробьевъ) по дорогѣ къ хутору Сусатскому, на лѣвомъ берегу р. Дона. Мѣстность, на которой расположено городище, представляетъ равнину, которая своими болѣе или менѣе крутыми скатами образуетъ обширную террасу, за которой тянется луговой, лѣвый берегъ р. Дона.

По окраинѣ этой террасы тянется рядъ небольшихъ кургановъ, расположенныхъ въ 20—30 саженяхъ другъ отъ друга, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они образуютъ неправильныя группы въ 3—5 кургановъ, а иногда и болѣе. Курганы эти видны какъ вверхъ отъ городища, къ хут. Сусатскому, такъ и внизъ, къ хут. Ажинову. Городище лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ ближайшихъ къ нему кургановъ, которые какъ бы огибаютъ его съ сѣверной и западной сторонъ, соотвѣтственно закругленію террасы въ этомъ мѣстѣ.

Городище представляетъ собой мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ валомъ, такъ что внутренность его представляетъ овальную площадку. Валъ — около 2 саж. вышины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понижается, въ другихъ поднимается выше; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ рвомъ, шириной въ 3 арш., глубиной въ 1 арш.; только съ южной стороны городища, со стороны степи, ровъ пересыпанъ на протяженіи 3 саж., а въ остальной части ширина и глубина рва вездѣ одинакова. Окружность городища по внѣшней сторонѣ—117 саж., а по внутренней—80 саж., ширина площади, заключенной въ валѣ съ сѣвера на югъ—$25^1/_2$ саж., а съ востока на западъ — 24 саж. Валы насыпаны изъ тощаго чернозема съ суглинкомъ, который тамъ въ окружности образуетъ верхній слой почвы, и какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны покрыты растительностью.

Принимая во вниманіе довольно значительное количество кургановъ (могильниковъ) около городища, можно думать, что оно относится еще къ языческой эпохѣ,

такъ какъ съ принятіемъ христіанства обычай сооружать курганы на мѣстахъ погребенія умершихъ исчезаетъ. Но приведеннаго соображенія, разумѣется, недостаточно для того, чтобы болѣе или менѣе точно установить принадлежность даннаго городища къ извѣстной эпохѣ. Характеръ народностей, населявшихъ эту мѣстность, ихъ образъ жизни, а также и культурное вліяніе христіанства на жизнь,— всѣ эти данныя далеко не совпадаютъ съ тѣми же сторонами жизни славянъ, къ городищамъ которыхъ относится вышеуказанный признакъ. Слѣдовательно, хронологическія рамки эпохъ должны быть различны для центральной Россіи и для такой окраины ея, какъ Донская область, не захваченная общимъ движеніемъ первоначальнаго славянскаго населенія Россіи. Для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ необходимы археологическія раскопки какъ самаго городища, такъ и окружающихъ его кургановъ.

Здѣсь же я считаю умѣстнымъ внести поправку къ картѣ, на которой обозначено топографическое расположеніе городищъ въ Донской области. По картѣ въ юртѣ ст. Усть-Быстрянской, между хут. Нижнимъ и Верхнимъ Калиновымъ значится *городище*. При внимательномъ осмотрѣ указанной мѣстности я не обнаружилъ никакихъ признаковъ городища. Мѣстность между означенными хуторами (холмистая) пересѣкается большой балкой Калиновой, идущей къ Донцу, въ которую впадаетъ подъ острымъ угломъ, ниже хут. Верхне-Калинова версты на $1^1/_2$, *Городищенская балка.* На равнинѣ между двумя этими балками, саженяхъ въ 250 отъ устья Городищенской балки замѣтенъ небольшой кургашекъ, на которомъ лежитъ нѣсколько камней. Дальше, ниже по балкѣ на 25—30 саж., встрѣчается небольшая яма, повидимому недавняго происхожденія. Еще ниже, въ самой Городищенской балкѣ, есть другая яма, теперь почти уже засыпанная. Въ самомъ устьѣ балки, на разстояніи 35—40 саж. отъ послѣдней ямы, между садами, встрѣчается еще небольшой кургашекъ, подобный первому. На немъ видны свѣже-вырытыя ямы.

Вотъ и всѣ археологическія примѣты данной мѣстности. На основаніи ихъ разумѣется нельзя полагать здѣсь нахожденіе *городища,* въ научномъ значеніи этого слова. Вѣроятно названіе балки ввело въ заблужденіе составителя карты. Я распрашивалъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей о значеніи этого названія балки, но никто изъ нихъ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія.

Позволяю себѣ также обратить вниманіе на одно интересное въ археологическомъ отношеніи сооруженіе, находящееся въ хут. *Крымскомъ* ст. Кочетовской, свѣдѣнія о которомъ сообщилъ мнѣ мѣстный старожилъ,— учитель приходскаго училища Е. С. Ѳоминъ. Сооруженіе это носитъ у мѣстныхъ жителей названіе „водопровода“. Обнаружено оно случайно казакомъ Самсоновымъ, который, копая во дворѣ яму для погреба, наткнулся на глубинѣ приблизительно въ 1 саж. на это сооруженіе. Соблазнившись готовымъ строительнымъ матеріаломъ онъ раскопалъ дворъ на протяженіи около 30 саж., вынулъ большую массу камней, изъ которыхъ построилъ двухъэтажный домъ и нѣкоторыя надворныя постройки. Камень этотъ — раковистый известнякъ плотнаго соединенія, при чемъ всѣ камни тесаные, преимущественно квадратной формы, а иногда попадались и продолговатые. Сооруженіе это представляетъ собой коридоръ, сводъ котораго образованъ камнями, наложенными одинъ на

другой. Полъ коридора выложенъ былъ камнемъ въ два ряда, при чемъ сложены камни были не вплотную, а съ промежутками въ вершокъ и меньше. Остатковъ известковаго соединенія не было замѣтно, но всѣ камни были покрыты известковымъ налетомъ. Е. С. Ѳоминъ присутствовалъ одинъ день при выборкѣ камней, осматривалъ ихъ и сохранилъ въ памяти рисунки выбитые на нѣкоторыхъ изъ нихъ. По словамъ казаковъ, работавшихъ при выемкѣ камней, рисунки эти повторяются чрезъ извѣстные промежутки, но насколько это вѣрно сейчасъ, конечно, нельзя сказать. Судя по мѣсту первоначальнаго обнаруженія и раскопкамъ казака Самсонова, водопроводъ этотъ тянется прямою линіей съ запада на востокъ. Что представляетъ собой описываемое сооруженіе водопроводъ или подземный ходъ, трудно сказать. За недостаткомъ времени я не могъ заняться раскопками въ этомъ хуторѣ; можетъ быть подробное обслѣдованіе этого сооруженія въ связи съ изученіемъ окружающей его мѣстности и дастъ возможность болѣе или менѣе точно опредѣлить характеръ и назначеніе этого интереснаго памятника древности.

Еще большую археологическую загадку представляетъ *надпись,* найденная мною *на скалѣ* на берегу Донца около Усть-Быстрянской станицы. Скала, на которой выбита надпись, тянется на протяженіи почти 2 верстъ по правому берегу р. Донца. Въ самомъ концѣ ея, ближайшемъ къ станицѣ, находится небольшой гротъ, на угловомъ камнѣ котораго съ внутренней стороны и выбита надпись. Надпись эта около 30 лѣтъ уже извѣстна казаку Усть-Быстрянской ст. П. К. Короткову, который и указалъ мнѣ на нее. Въ первое время, когда ее обнаружилъ Коротковъ и долго спустя, она была значительно больше: по его словамъ тамъ было 32 значка, а лѣтъ 8 тому назадъ казаки при ломкѣ камня отбили $^3/_4$ его,—и надпись слѣдовательно пропала для науки. Камень съ остатками надписи вынутъ изъ скалы и въ настоящее время хранится у меня въ домѣ. Къ сожалѣнію, въ цѣломъ видѣ камень нельзя было извлечь, такъ какъ онъ оказался очень рыхлымъ, но надпись отъ этого пострадала мало. Лѣтомъ нынѣшняго года камень съ надписью будетъ доставленъ мной въ Донской музей.

Перехожу теперь къ раскопкамъ, произведеннымъ мною въ юртахъ ст. Нижне-Кундрючеcкой, Усть-Быстрянской и Усть-Бѣлокалиственской.

Мѣстность между Нижне-Кундрючеcкой, Верхне-Кундрючеcкой и Усть-Быстрянской ст. представляетъ песчаную равнину, въ нѣкоторыхъ частяхъ покрытую лѣсомъ и скудной растительностью, а въ другихъ сыпучими песками, образовавшимися отъ постояннаго распахиванья почвы и выпаски скота на этой мѣстности. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ здѣсь находятъ на пескѣ предметы различныхъ археологическихъ эпохъ. Каменныя и кремневыя орудія: молотки, топоры, кремневые ножи, скребки, наконечники стрѣлъ, относящіеся къ неолитической эпохѣ; бронзовые наконечники стрѣлъ въ огромномъ количествѣ, цѣлыя и въ обломкахъ металлическія зеркала, монеты римскія, золотоордынскія и проч. Собираніемъ всѣхъ этихъ вещей занимается казакъ ст. Нижне-Кундрючеcкой Сережниковъ. Вообще, нужно сказать, мѣстность эта представляетъ археологическую загадку, разрѣшеніе которой дѣло будущаго времени и болѣе тщательнаго обслѣдованія мѣстности.

Могилы, раскопанныя мною въ юртѣ ст. Нижне-Кундрюческой, находились въ юго-восточномъ углу этой равнины, въ урочищахъ *Кругломъ* и *Сауръ-Могильскомъ*. Внѣшнихъ признаковъ, т.-е. курганныхъ насыпей, которыя бы прямо указывали на присутствіе могилъ въ данной мѣстности, здѣсь сохранилось очень мало. Это объясняется, конечно, характеромъ почвы даннаго района (песокъ), и тѣми измѣненіями, которымъ подвергалась эта равнина въ теченіе многихъ лѣтъ (передвиженіе песковъ). Несмотря на бѣдность внѣшнихъ признаковъ, мнѣ удалось констатировать присутствіе здѣсь могильника, занимающаго, надо полагать, сравнительно большой районъ.

Всего въ *Нижне-Кундрюческой ст.* найдено было мною *пять могилъ*, но только двѣ изъ нихъ сохранились въ цѣломъ видѣ, а остальныя уже были разрушены, и какъ кости, такъ и остатки предметовъ лежали въ безпорядкѣ на поверхности.

Первая могила была раскопана 19 іюля 1900 г. въ присутствіи И. М. Сулина, А. М. Коклюгина (торг. каз. Н.-Кундр. ст.) и есаула К. О. Закотнова. По внѣшнему виду могила представляла собой небольшой холмъ въ 1 арш. высоты, 3 арш. въ поперечникѣ и 4 сажени въ окружности. Вершина холма была заложена камнями изъ породы песчаника, набросанными въ безпорядкѣ, которые шли на глубину $^3/_4$ арш. и были засыпаны пескомъ. Когда камни были вынуты, подъ ними сначала шла желтая песчаная глина, а потомъ свѣтло-желтый песокъ. Яма была начата какъ разъ въ центрѣ холма, длиной (на сѣверо-востокъ) — 220 сант. шириной — 150 сантим.

На глубинѣ 125 сант. въ сѣверо-восточномъ углу ямы обнаружено было присутствіе небольшого горшечка изъ необожженной глины, наполненнаго пескомъ, который при выемкѣ развалился на нѣсколько частей. Ниже горшечка на 20 сант. оказался скелетъ человѣка. Скелетъ лежалъ на спинѣ, руки были вытянуты вдоль туловища, при чемъ въ локтевомъ соединеніи были нѣсколько согнуты. Съ лѣвой стороны головы, немного выше общаго уровня положенія скелета, стоялъ другой горшочекъ. Этотъ былъ, какъ и первый, оказавшійся въ ногахъ, сдѣланъ изъ необожженной глины, былъ наполненъ землей и цѣлымъ его не удалось извлечь изъ земли. Скелетъ лежалъ головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, длина скелета 138 сант. Кости скелета истлѣли, такъ что разваливались при прикосновеніи къ нимъ и обращались въ порошокъ при растираніи. Поэтому черепъ, вынутый изъ этой могилы, представляетъ изъ себя только обломки, по которымъ все-таки можно судить объ его первоначальной формѣ. Онъ удлиненный спереди назадъ и нѣсколько приплюснутый съ боковъ, и повидимому принадлежитъ къ типу деформированныхъ.

Что касается обстановки погребенія, то прежде всего надо сказать, что присутствіе горшковъ свидѣтельствуетъ, какъ мнѣ кажется, о правильномъ погребеніи, сопровождавшемся извѣстнымъ религіознымъ ритуаломъ. Изъ вещей найдены были при скелетѣ серебряныя ушныя кольца, лежавшія по обѣимъ сторонамъ черепа, на мѣстѣ ушныхъ раковинъ. Въ лѣвой рукѣ скелета, на кисти ея найденъ былъ кремень и кресало въ видѣ четыреугольной желѣзной пластинки; около праваго бока найдена сильно перержавѣвшая желѣзная пряжка.

Въ заключеніе описанія этой могилы я долженъ упомянуть еще объ одной находкѣ, извлеченной изъ полости скелета — это небольшой камешекъ мѣловой породы,

который лежалъ въ лѣвомъ боку грудной клѣтки, съ внутренней стороны реберъ. Назначенiе его является для меня непонятнымъ.

Другая могила была найдена саженяхъ въ 50 отъ первой въ сѣверо-восточномъ направленiи. Это было еле примѣтное возвышенiе съ небольшимъ количествомъ мелкихъ камней, разбросанныхъ на его поверхности. Когда земля была снята на глубину приблизительно въ 1/2 арш., то сначала обнаруженъ былъ скелетъ лошади. Когда я счистилъ съ него землю, то оказалось, что сейчасъ же, непосредственно подъ нимъ, оказался и скелетъ человѣка. Черепъ лошади находился нѣсколько ниже груди человѣческаго скелета,— на животѣ, черезъ животъ же были протянуты и переднiя ноги лошади. Заднiя ноги лошади лежали на груди и черепѣ человѣческаго скелета и почти доходили до переднихъ,— видимо трупомъ лошади старались прикрыть весь трупъ человѣка. Въ зубахъ конскаго черепа найдены были желѣзные удила, а около верхнихъ суставовъ переднихъ ногъ — пряжки сильно перержавѣвшiе, такъ что не было никакой возможности вынуть ихъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ.

Скелетъ человѣка, обращенный головой на сѣверо-востокъ, сохранился очень плохо. Лежалъ онъ на спинѣ, а черепъ въ боковомъ положенiи, обращенный на лѣвую сторону; руки были вытянуты вдоль туловища, черепъ, сильно истлѣвшiй и попортившiйся, повидимому, не представлялъ признаковъ деформированiя. Съ лѣвой стороны черепа, нѣсколько выше занимаемаго имъ уровня, стоялъ горшочекъ изъ черной необожженой глины, разсыпавшiйся на части при выемкѣ. Въ лѣвой рукѣ скелета найдены были два кремня, очевидно уже употреблявшiеся для высѣканiя огня, и кресало. Съ правой стороны скелета, между рукой и нижними костями грудной клѣтки, найдены обломки очевидно ножа; между ногъ скелета найдены обломки стремени.

Три другихъ могилы изъ Нижне-Кундрюческаго могильника были найдены на поверхности либо цѣликомъ, либо одной какой-нибудь частью. Въ одной изъ нихъ кости черепа, плечевыя, грудной клѣтки и рукъ находились почти на поверхности, еле засыпанныя пескомъ, перемѣшанныя съ конскими костями; черепъ лошади лежалъ въ сторонѣ. Около лѣвой стороны человѣческаго черепа видны были черепки горшка, разбросанные въ безпорядкѣ.

Другая могила, по найденнымъ остаткамъ ея, тоже представляетъ типъ погребенiя съ лошадью; въ третьей — присутствiя лошадиныхъ костей не замѣчено. Во всякомъ случаѣ можно съ несомнѣнностью утверждать, что по характеру остатковъ предметовъ онѣ принадлежатъ къ одной эпохѣ.

Эти могилы тянулись въ сѣверо-восточномъ направленiи отъ первыхъ двухъ и расположены были на разстоянiи отъ 25 до 40 саж. одна отъ другой.

Во многихъ мѣстахъ я еще дѣлалъ пробныя ямы, но напасть на могилу мнѣ не удалось. Это, конечно, не значитъ, что въ той мѣстности не встрѣчается больше могилъ. Вышеупомянутый казакъ Сережниковъ разновременно доставлялъ въ Донской музей точно такiя же вещи изъ выдутыхъ могилъ, какiя попались и мнѣ при раскопкахъ.

Другой типъ погребенія представляетъ могила, раскопанная мной въ *ст. Усть-Быстрянской,* около хутора Рубежнаго [1]). Мѣстность, въ которой найдена была могила, очень интересна и я надѣюсь въ слѣдующее лѣто обстоятельнѣй изслѣдовать ее. На высокомъ бугрѣ, которымъ оканчивается въ юртѣ ст. Усть-Быстрянской Нижне-Кундрюческая равнина, расположены группой нѣсколько небольшихъ кургановъ около одного кургана довольно значительныхъ размѣровъ. Этотъ курганъ носитъ названіе *Разрытаго,* такъ какъ вершина его снята и онъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса. Съ этого кургана одинъ казакъ хут. Рубежнаго вывезъ, по его словамъ, больше 20 возовъ камня.

Изъ этой группы кургановъ я разрылъ одинъ, и на глубинѣ 160 сант. отъ вершины, и на $^1/_2$ метра ниже уровня почвы найденъ былъ скелетъ человѣка почти въ 2 метра длины. Скелетъ лежалъ на спинѣ, обращенный головой на юго-западъ; лѣвая рука была вытянута вдоль туловища, а кисть правой руки лежала на тазовыхъ костяхъ. Нижняя челюсть, повидимому, отпала отъ верхней, такъ какъ между ними былъ промежутокъ въ 8 сант. Подъ острымъ угломъ къ этому скелету подходилъ другой, обращенный головой на югъ. У этого скелета ступни ногъ и кости ниже колѣна были, повидимому, обрублены. Онъ лежалъ на 30 сант. выше перваго и былъ гораздо меньшихъ размѣровъ, при чемъ черепъ его былъ продавленъ наваленнымъ на него камнемъ, такой же плоскій камень лежалъ и на головѣ перваго скелета. Я тщательно изслѣдовалъ курганъ послѣ выемки костей, углубилъ яму и значительно расширилъ ее, но не встрѣтилъ никакихъ предметовъ. Въ этой же мѣстности, между упомянутымъ *Разрытымъ* курганомъ и раскопанной мной могилой, подъ тонкимъ въ 15—20 сант. слоемъ желтой глины, обнаруженъ былъ слой земли, толщиной въ 25—30 сант., состоящій изъ пережженаго песку, отдѣльныхъ небольшихъ камней, обломковъ кирпича и деревянныхъ углей. Площадь эта была перекопана въ размѣрѣ 2 квадр. саженей, въ нѣкоторыхъ частяхъ углублена до 120—130 сант., но кромѣ упомянутыхъ признаковъ, ничего не было найдено.

Наконецъ, послѣдняя могила была раскопана мной при участіи С. Е. Рыковскова въ юртѣ *ст. Усть-Бѣлокалитвенской,* противъ хутора Дороговскаго, на правомъ берегу р. Бѣлой Калитвы. По внѣшнему виду могила представляла еле замѣтный холмъ и на глубину больше аршина была заложена камнями. Когда камни были вынуты и яма углублена на 180 сант., то обнаруженъ былъ скелетъ лошади, а подъ нимъ человѣческій скелетъ. Черепъ лошади и переднія ноги ея лежали на ногахъ человѣческаго скелета, такъ что онъ весь какъ бы прикрытъ былъ лошадинымъ остовомъ. Въ зубахъ лошади найдены были удила, около переднихъ ногъ одно стремя, другое не удалось найти. Скелетъ человѣка лежалъ на спинѣ,— голова въ боковомъ положеніи направо и обращена была на сѣверо-востокъ. Изъ вещей найдена была только сабля, лежавшая съ лѣвой стороны скелета, при чемъ рукоять ея была обращена къ ногамъ; другихъ вещей никакихъ не оказалось.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: къ какой эпохѣ принадлежатъ раскопанныя мною могилы? При рѣшеніи этого вопроса я оставляю въ сторонѣ Усть-

[1]) Раскопки эти производились мной при участіи А. Д. Воинова, К. М. Каклюгина и В. Н. Серенкова.

Быстрянскую могилу, такъ какъ содержимое ея еще не дало никакихъ характерныхъ признаковъ, по которымъ ее можно было бы отнести къ извѣстной эпохѣ.

Какъ мы видѣли, во всѣхъ описанныхъ случаяхъ обнаружено 1) *погребеніе*, а не *сожженіе* труповъ, 2) отсутствіе погребальныхъ камеръ, 3) малые размѣры могильныхъ насыпей, 4) исключительно присутствіе желѣзныхъ вещей и отчасти серебряныхъ, 5) полное отсутствіе бронзы и украшеній изъ золота и 6) погребеніе съ конемъ. Характерные предметы для этихъ могилъ — желѣзныя удила, стремена, ножи, огниво съ кремнемъ, желѣзныя пряжки и сабля.

По всѣмъ этимъ признакамъ описанныя могилы надо отнести къ Половецко-Татарской эпохѣ, съ XII по XVI в. по классификаціи Д. Я. Самоквасова. Могилами славянскими, характерные признаки которыхъ въ большинствѣ совпадаютъ съ вышеприведенными, онѣ не могутъ быть. Хронологическими гранями для могилъ славянской эпохи ставяти VI—X вв. Но географическое разселеніе славянской въ эту эпоху (VI—X вв.) не захватывало области Дона. Здѣсь въ это время и позже исключительно господствовали инородцы (Хазары, Половцы, Татары). Принявъ въ соображеніе эти историческія данныя намъ приходится отнести эти могилы именно къ Половецко-Татарской эпохѣ. Выводъ этотъ, конечно, требуетъ подтвержденія въ дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ изученіи типа этихъ могилъ, а главное — присутствіе въ нихъ такихъ предметовъ (монетъ), которые давали бы опредѣленную хронологическую дату.

Наконецъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о раскопкахъ другого характера въ ст. Нижне-Кундрючеcкой, которыя были только начаты мною вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ, и къ которымъ я надѣюсь вернуться въ нынѣшнее лѣто. Я не ставлю ихъ предметомъ доклада, такъ какъ результаты ихъ еще слишкомъ незначительны.

Мѣсто, на которомъ были произведены эти пробныя раскопки носитъ названіе *Сауръ-могилы*. Оно представляетъ собой возвышеніе неправильной формы (похоже на удлинненный курганъ) и по высотѣ еле замѣтно отличается отъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ этой равнины. Лежитъ оно въ 2 верстахъ отъ ст. Нижне-Кундрючеcкой, по дорогѣ въ хут. Нижне-Журавскій. Раскопки были ведены траншеей сначала отъ подошвы возвышенности къ центру, а потомъ по ея вершинѣ. Въ этой послѣдней траншеѣ было найдено на глубинѣ отъ 80 до 160 сант. 8 горшковъ различной величины изъ необожженной глины, при чемъ три изъ нихъ снаружи были покрыты орнаментомъ, состоящимъ изъ прямыхъ линій и точекъ. Никакихъ другихъ признаковъ, по которымъ можно бы хоть приблизительно судить о характерѣ обслѣдуемой мѣстности, не было найдено.

Отчетъ объ изысканіяхъ, произведенныхъ на Кобяковомъ городищѣ и прилежащей мѣстности въ юртѣ Аксайской станицы, Черкасскаго округа, Владимиромъ Богачевымъ.

25 мая — 2 іюня 1901 года.

Командированный для произведенія археологическихъ изысканій на *Кобяковомъ* городищѣ, я выѣхалъ 25-го мая изъ Новочеркасска и весь остатокъ этого дня посвятилъ осмотру городища и окружающей мѣстности.

Городище представляетъ почти правильный прямоугольникъ, вытянутый въ западно-восточномъ направленіи. Его длинныя стороны отклоняются отъ NO — линіи не болѣе 4°—5° круга. Длинная сторона = 50 саж., короткая = 23. Цифры взяты приблизительныя, такъ какъ валы городища значительно уже размыты и попорчены раскопками прежнихъ изслѣдователей и кладоискателей. Самое городище, (разумѣя подъ этимъ названіемъ пространство, заключенное между валами), находится на вершинѣ крутого, обрывистаго отвѣсно со стороны Дона, холма при самомъ устьѣ балки Кобяковой на правой сторонѣ. У подошвы холма стоитъ будка желѣзнодорожнаго сторожа, а по обѣимъ склонамъ балки расположены раскольничьи усадьбы съ маленькими кладбищами въ дворахъ и садахъ.

Четырехугольникъ, образуемый валами, отлично замѣтенъ издали, но со стороны Дона сильно разрытъ и размытъ. За валами на югъ и на юго-западъ начинается мѣстность холмистая, изрытая. И тутъ-то, подъ растительнымъ слоемъ новѣйшаго происхожденія залегаютъ т. наз. культурные слои трехсаженной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщины. Слой этотъ состоитъ изъ многихъ тонкихъ слоевъ пепла, ила, песка,— въ которыхъ, въ ихъ плоскости, лежатъ скелеты крупной рыбы (осетровъ, сомовъ, сазановъ, судаковъ и др.) — часто совершенно цѣлые, вмѣстѣ съ костями млекопитающихъ и др. животныхъ. Кости рыбъ преобладаютъ въ нижнихъ слояхъ содержащихъ грубой работы плохо обожженую посуду черной глины. Посуда иногда съ простыми рисунками. Кости млекопитающихъ чаще въ верхнихъ слояхъ, гдѣ уже весьма обыкновенной является посуда изъ красной глины. Посуда звонкая, хорошо обожженная.

Площадь распространенія этихъ слоевъ велика, и нѣтъ возможности совершенно точно измѣрить. По обрывамъ надъ Дономъ они замѣтны на протяженіи 170 саж., а въ степь тянутся едва-ли больше, чѣмъ на 150 саж., при чемъ нужно еще принимать во вниманіе перенесеніе водою.

Еще далѣе за этой мѣстностью, которую одинъ казакъ назвалъ „Гречаниновымъ мѣстомъ“, стоитъ высокій курганъ, соединенный крутымъ валомъ съ какимъ-то отдѣльнымъ бугромъ.

Казаки (нѣкоторые) называли первый курганъ „Маякомъ“. Онъ возвышается, господствуя надъ всей мѣстностью, состоитъ изъ твердой, плотной желтой глины, немного раскопанъ кладоискателями, нашедшими тамъ, по ихъ словамъ, яму съ крупной пшеницей (?). Отъ кургана этого къ Дону спускъ очень крутъ, а высота кургана дѣйствительно дѣлала его очень удобнымъ для „маяка“.

Въ балкахъ не замѣтно сходныхъ съ описанными выше слоевъ, но тамъ, въ правильныхъ наносахъ, очень древнихъ, замѣтны остатки, доказывающіе существованіе человѣка въ тотъ отдаленный періодъ, когда образовались они: остатки костра, кремневый ножъ и еще какіе-то осколки кремня.

Раскопки слоевъ внѣ валовъ городища не дали ничего интереснаго. Изъ высохшей до твердости камня почвы нельзя было вынуть цѣлыхъ скелетовъ рыбъ, изъ останковъ человѣка — лишь затылочная кость. Интересно лишь какое-то издѣліе изъ фіолетоваго цвѣта древняго кварцеваго конгламерата, что-то вродѣ жертвенника, разбитое.

Ни монетъ, ни какихъ-либо иныхъ металлическихъ подѣлокъ не встрѣчено.

Валы городища я пересѣкалъ канавами въ различныхъ направленіяхъ, при чемъ въ наружныхъ частяхъ не нашелъ ничего интереснаго, а внутри, въ SO углѣ, къ Дону,— цѣлое кладбище изъ 17 скелетовъ (внутри, на южномъ валѣ найдены 3 скелета). Изъ этихъ скелетовъ одинъ принадлежалъ маленькому ребенку, другой, несомнѣнно, женщинѣ. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ, вокругъ головы была повязана шелковая, прошитая золотыми нитями лента. Тутъ же лежалъ огромный мужской скелетъ, близъ шеи котораго найдена маленькая мѣдная пуговка. Черепа (какъ и вообще всѣ кости) сильно разложились, и ихъ невозможно было вынуть цѣликомъ. Скелеты всѣ лежали очень близко одинъ къ другому, сверху были прикрыты досками, тутъ же много лошадиныхъ костей и свиныхъ. Ни желѣза, ни мѣди, ни золота, ни серебра — не было (кромѣ пуговки и вышивки на лентѣ). Черепа были довольно разнообразныхъ типовъ. Были долихоцефальные, но чаще — брахоцефалы. Лобъ низокъ, малъ, челюсти и скуловыя дуги развиты. Бедра многихъ скелетовъ представляютъ странное явленіе: они сильно выгнуты впереди.

Близъ одного скелета была найдена тарелка изъ черной глины, близъ другого, съ пробитымъ черепомъ, у самаго черепа — каменный топоръ. Всѣ скелеты были погребены лежа, на спинѣ, съ вытянутыми вдоль тѣла руками. Опредѣленнаго, относительно страны свѣта, положенія нѣтъ. Ни оружія (кромѣ топора изъ песчаника), ни украшеній при скелетахъ не встрѣчалось. Обломковъ посуды изъ черной и красной глины много, но цѣлая очень рѣдка. У подошвы холма и валовъ казаки, роющіе себѣ погреба, находятъ большія „корчаги“, тамъ же была найдена и доставленная мною. Она была наполнена пепломъ. Въ обломкахъ одного сосуда, между золою былъ найденъ небольшой белемнитъ — Belemnitella mucronata, видъ преобладающій въ нашемъ мѣлу, называемый „чертовымъ пальцемъ“.

Самые валы насыпаны изъ темной земли съ большою примѣсью пепла; для крѣпости, вѣроятно, примѣшивались довольно крупные камни (и обломки посуды?). Подошва холма, на которомъ расположено городище, вся изрыта кругомъ, я сдѣлалъ двѣ небольшія ямы съ восточной и сѣверной стороны и двѣ глубокія траншеи на западной сторонѣ.

Городища Области Войска Донского.

По теченію р. Дона:

Въ юрту стан. Мигулинской, Усть-Медвѣдицкаго округа, на правой сторонѣ р. Дона и лѣвой р. Тихой. Тутъ же и курганы.

Въ юрту стан. Цымлянской второго Донского округа, на лѣвой сторонѣ Дона. Тамъ же, но на правомъ берегу рѣки, въ 8 верстахъ отъ городища — Замокъ.

Около станицы Манычской Черкасскаго округа — земляная насыпь.

Около Аксайской станицы — укрѣпленіе и гор. Кобяковка.

На правой же сторонѣ Дона, близъ Гниловской станицы.

На лѣвой сторонѣ между Елизаветинской стан. и сел. Конузаевскимъ.
Между Азовомъ и Недвиговкой, при гирлѣ Дона, называемомъ Лагутникъ.
На лѣвой сторонѣ Мертваго Донца — городище Недвиговка.

По теченію Донца:

Въ юрту Каменской стан.
Близъ стан. Усть-Бѣлокалитвенской — пещеры.

По рѣкѣ Міусъ.

По лѣвой сторонѣ при слоб. Мартыновкѣ.

По р. Хопру:

Въ 3-хъ верст. ниже стан. Тепикинской.
По р. Тишани.
Въ юрту стан. Акишевской.

По теченію р. Бузулука прит. Хопра:

Въ юртѣ стан. Дурнавской.
Близъ Алексѣевской станицы — выдуваетъ цѣлые скелеты.
По р. Кумылгѣ прит. Хопра.
По р. Медвѣдицѣ.
По р. Манычу.
По р. Сала.

Черкасскій округъ:

Въ юрту Почаевской станицы.
Въ юрту Грушевской станицы.
Въ юрту Егорлыцкой станицы.
Въ юрту Старочеркасской станицы — крѣпость.

Отъ Предсѣдателя Общества Любителей изученія Кубанской области В. М. Сысоева получены слѣдующія сообщенія.

Согласно предложенію Вашего Сіятельства и указаніямъ Д. И. Багалѣя, А. И. Маркевича и др. лицъ, я имѣлъ честь поставить для обсужденія въ засѣданіи Общества Любителей изученія Кубанской области, отъ 28-го января сего года, вопросъ „объ образованіи Кубанскаго Предварительнаго Комитета по XII Археологическому Съѣзду въ г. Харьковѣ, для содѣйствія при археологическихъ работахъ и устройствѣ этнографической выставки въ г. Харьковѣ“. Присутствовавшія въ засѣданіи лица отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому вопросу и постановили по соглашенію съ Московскимъ Комитетомъ, образовать Кубанскій Предварительный Комитетъ по XII Археологическому Съѣзду.

Въ число лицъ, желающихъ принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ трудахъ Предварительнаго Комитета, записались присутствовавшіе въ засѣданіи: В. В. Скиданъ, Я. Г. Семенцовъ, К. Т. Живило, В. С. Лабузинъ, Н. А. Галакъ, Л. Я. Апостоловъ, В. С. Шамрай, Г. М. Шкиль, Л. М. Мельниковъ, И. А. Кузнецовъ. Кромѣ того въ составъ комитета войдутъ члены правленія Общества (В. М. Сысоевъ, М. О. Поночевный, А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, С. И. Борчевскій, Е. В. Брокъ). Очевидно, что примутъ участіе и нѣкоторыя другія лица: П. П. Короленко и др.

Его Превосходительство Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области Я. Д. Малама изъявилъ свое полное сочувствіе предполагаемому Комитету и обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать его дѣятельности. Я условился также съ секретаремъ Кубанскаго областного Статистическаго Комитета сдѣлать въ серединѣ февраля сообщеніе о томъ же самомъ предметѣ и думаю, что изъ среды членовъ Статистическаго Комитета примутъ участіе нѣкоторыя лица, кромѣ секретаря Комитета (С. В. Руденко, онъ же правитель канцеляріи начальника Кубанской области), который уже обѣщалъ свое содѣйствіе.

Согласно съ цѣлями Археологическаго Съѣзда и предположенной при немъ археологической и этнографической выставки постановлено было чрезъ посредство г. Начальника Кубанской области, Кубанскаго Статистическаго Комитета, г. директора Народныхъ училищъ и Кубанскія Областныя Вѣдомости обратиться къ высшимъ должностнымъ лицамъ области, любителямъ старины, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ съ просьбою оказать содѣйствіе цѣлямъ Съѣзда и Кубанскаго отдѣленія присылкою предметовъ, фотографій, сообщеній и пр. Кромѣ того, нѣкоторыми членами были намѣчены работы для отдѣленія и съѣзда:

Е. Д. Фелицынъ. Археологическая карта Кубанской области.

Е. Д. Фелицынъ, *В. С. Шамрай.* } Обзоръ кургановъ въ Кубанской области.

П. П. Короленко. Церковныя запорожскія древности въ Кубанской области.

В. М. Сысоевъ. а) Сводъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ; б) Каменныя бабы въ предѣлахъ Кубанской области; в) Церковныя запорожскія древности въ Кубанской области; г) Обзоръ древнегреческихъ колоній на восточныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей.

Л. М. Мельниковъ. Этнографическія данныя, извлеченныя изъ посмертныхъ бумагъ М. А. Дикарева.

С. И. Борчевскій. Фотографіи археологическаго и этнографическаго характера.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Сентинскій храмъ и его фрески.

М. О. Поночевный. Исторія Босфорскаго царства.

Кромѣ того, постановили обратиться къ С. Ѳ. Мельникову-Разведенкову, директору учительской семинаріи, съ просьбою представить свою работу по исторіи Босфорскаго царства.

Опредѣлили также, чтобы въ слѣдующихъ засѣданіяхъ отдѣленія разрабатывать программы собиранія матеріаловъ и намѣчать будущія работы.

Текущимъ лѣтомъ намѣчены слѣдующія раскопки въ Кубанской области: а) окрестности ст. Нефтяной и Апшеронской (къ юго-западу отъ гор. Майкопа) въ предгорьяхъ, гдѣ имѣется въ виду раскопать нѣсколько кургановъ; б) дольменныя кладбища выше ст. Эриванской (къ югу отъ ст. Крымской); в) курганы близъ ст. Томанской. Раскопки будутъ произведены В. М. Сысоевымъ, а также А. Н. Дьячковымъ-Тарасовымъ и Я. Г. Семенцовымъ, подъ руководствомъ В. М. Сысоева.

О необходимости учрежденія въ Кубанской области естественно-историческаго и этнографическаго музея.

В. Щербины.

Изученіе родины представляетъ не только одну изъ существенныхъ, но и обязательныхъ задачъ для всѣхъ людей безъ исключенія, потому что, строго говоря, нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы родины или который не связанъ былъ бы, какъ съ родиною, съ извѣстною мѣстностью, а слѣдовательно не обязанъ былъ тѣмъ или другимъ положеніемъ своей родинѣ; съ этой точки зрѣнія и изученіе Кубанской области для насъ, ея жителей, является дѣломъ настоятельно необходимымъ и неотложнымъ.

Кубанскую область принято обыкновенно причислять къ числу молодыхъ, недавно колонизованныхъ мѣстностей. Исторически это, конечно, совершенно вѣрно, если исторію края считать со времени заселенія его казаками бывшаго запорожскаго войска, выходцами съ Дона, Хопра и пр. Но и при такомъ условіи нашъ молодой край живетъ такою кипучею и быстро мѣняющеюся жизнью, сама эта жизнь настолько сложна и характерна, естественныя условія края такъ разнообразны и многообѣщающи для его дальнѣйшаго развитія, наконецъ, недолгое историческое прошлое области, какъ русской провинціи, такъ богато и поучительно разнаго рода событіями, особенностями въ бытовомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, что изученіе родины здѣсь, быть можетъ, необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Жизнь идетъ безостановочно, не поджидая и не выжидая, какъ дѣлаютъ это люди, въ лучшемъ случаѣ задумываясь надъ тѣми или иными ея задачами и требованіями; а между тѣмъ для изученія Кубанскаго края сдѣлано такъ мало при изумительномъ богатствѣ и разнообразіи его естественныхъ, историческихъ и другихъ условій.

Само собою понятно, что лучшее изъ лучшаго въ этомъ отношеніи заключалось бы въ томъ, если бы Кубанскій край былъ изученъ возможно всесторонне и самые результаты изученія были обставлены всѣми средствами, выработанными наукою и жизнью, въ видахъ, такъ сказать, демонстративнаго знакомства съ добытыми результатами. Другими словами, если бы была изучена исторія края, его населеніе въ антропологическомъ отношеніи, этнографія, обычное право, экономическая жизнь, промышленность, торговля, климатическія условія, почвенныя и геологическія особенности, флора, фауна и пр., и пр., и если бы рука объ руку съ этимъ изученіемъ были орга-

низованы музеи, изданы печатные труды, собраны коллекціи и гербаріи, разработаны добытыя данныя въ формѣ картограммъ, діаграммъ и т. п., то осуществленіе этого широкаго и, позволяю себѣ выразиться, слишкомъ идеальнаго плана было бы лишь естественною данью своей родинѣ со стороны тѣхъ, кто такъ или иначе связанъ съ нею. Но, ставя болѣе скромный вопросъ о необходимости учрежденія Кубанскаго естественно-историческаго и этнографическаго Музея, я позволилъ себѣ начать съ болѣе широкихъ задачъ, съ тою цѣлью, чтобы сильнѣе подчеркнуть еще болѣе скромное положеніе: сдѣлать немногое и возможное. Быть можетъ, да и навѣрное конечно, для широкаго изученія края оказался бы недостатокъ и въ силахъ, и въ средствахъ. Не то вопросъ о Музеѣ. Въ разрѣшеніи его нѣтъ ничего невозможнаго, а между тѣмъ нужда въ этомъ отношеніи до-нельзя назрѣла.

Сводя задачи историческаго Музея къ тремъ пунктамъ: 1) къ коллектированію историческихъ предметовъ, характеризующихъ по преимуществу Кубанское войско; 2) къ коллектированію естественныхъ предметовъ (почвъ, минераловъ, растеній, животныхъ и пр.) и 3) описаніямъ или періодически выпускаемымъ трудамъ по тому или другому отдѣлу,— для учрежденія музея потребовались бы не столько силы, сколько средства; а средствами Кубанское войско, не беря грѣха на душу, можно сказать, не бѣдно. Музей именно долженъ быть войсковой и основанъ на средства войска. Горькій опытъ показываетъ, что войску давно слѣдовало это сдѣлать, не жалѣя средствъ. Я не стану здѣсь подробно перечислять тѣхъ печальныхъ, но поучительныхъ фактовъ, которые неотразимо приводятъ къ этому заключенію. Когда-то у насъ были рѣдкіе портреты кошевыхъ атамановъ, а гдѣ они теперь трудно даже догадаться. Когда-то нашимъ историческимъ дѣятелямъ и самому войску жаловались вещи и предметы, могущіе составить лучшія украшенія музеевъ, а теперь о многихъ изъ этихъ предметовъ и помину нѣтъ. Золотая сабля, напр., кошевого Чепеги находится гдѣ-то въ частныхъ рукахъ, а о богатѣйшей запорожской ризницѣ, хранившейся въ Межигорскомъ монастырѣ, въ настоящее время даже описи не оказывается. А сколько могло бы быть сбережено цѣнныхъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для войска и находившихся у разныхъ лицъ изъ среды нашего казачества!

Въ такомъ же положеніи находится и вопросъ о нашихъ писанныхъ историческихъ матеріалахъ, которыми когда-то изобиловали и центральные, и станичные архивы. Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ тѣ предметы, которые могли бы наглядно напоминать потомкамъ о казачьей славѣ ихъ предковъ, такъ сказать, наши реликвіи, годъ съ годомъ теряются и уничтожаются. Признать это естественнымъ порядкомъ зълъ и подчиниться этому порядку, конечно, никакъ нельзя. А если нельзя, если нужно сохранить то, чѣмъ дорожатъ люди и наука, то остается собрать все это и собранное хранить въ общественномъ учрежденіи. Такое учрежденіе и представлялъ бы Кубанскій естественно-историческій и этнографическій Музей.

При Кубанскомъ областномъ Статистическомъ Комитетѣ основанія такого Музея отчасти уже положены. Въ немъ есть коллекціи археологическихъ вещей и предметовъ, коллекціи минераловъ, птицъ и проч. Правда, коллекціи эти ограниченны по количеству своему, но въ этомъ не онъ виноватъ: онъ имѣетъ свои спеціальныя

задачи да и не обладаетъ для сгруппированія у себя того или другого достаточными силами и средствами; остается раздвинуть рамки, поставить дѣло на болѣе широкихъ началахъ. Какъ это дѣлать и на какія средства,— разрѣшеніе вопроса съ этой стороны и мотивировка его требуетъ болѣе детальнаго и дѣлового, такъ сказать обсужденія.

Останавливая съ своей стороны на этомъ вниманіе собранія гг. членовъ Кубанскаго областного Статистическаго Комитета, единственнаго научнаго учрежденія въ краѣ, я имѣлъ въ виду только намѣтить вопросъ о необходимости Кубанскаго естественно-историческаго и этнографическаго Музея, поставить его въ число очередныхъ и неотложныхъ вопросовъ, назойливо выдвигаемыхъ нашею жизнью.

Аѳонскій списокъ 978 г. грузинской Библіи

А. С. Хаханова.

Два мѣсяца 1902 года, іюнь и іюль, я провелъ на Аѳонѣ, куда былъ командированъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для занятій грузинскими рукописями въ библіотекѣ Иверскаго монастыря.—Аѳонъ, вслѣдъ за старѣйшими грузинскими монастырями въ Палестинѣ, на Синаѣ, въ Антіохіи, сыгралъ весьма важную культурную роль въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія Грузіи. Грузины поселились на Аѳонѣ давнымъ-давно, почти одновременно съ зарожденіемъ здѣсь монашества, и уже въ 787 г., въ царствованіе Константина и Ирины, ими была выстроена общежительная обитель на подгоріи Аѳона, составляющая нынѣ Предтеченскій скитъ Иверскаго монастыря. Однимъ изъ плодотворныхъ центровъ грузинской книжной дѣятельности Аѳонъ становится въ X в., со времени возникновенія здѣсь обители Ивера, благодаря трудамъ и приношеніямъ знаменитаго полководца грузинскаго царя Давида Куропалата, Іоанна-Ивера Варасваче. Его примѣру послѣдовалъ сынъ его Евѳимій и извѣстный военачальникъ, князь Торникій Эристовъ, который прославился также въ Византіи тѣмъ, что съ 12000-нымъ грузинскимъ войскомъ усмирилъ Варда Склири, возмутившагося противъ императора Василія Порфиророднаго. Торникій, щедро одаренный благодарнымъ царемъ византійскимъ за оказанныя услуги, вновь вернулся на Аѳонъ, доставшееся богатство пожертвовалъ на построеніе большого Иверскаго собора (982—985 гг.), а самъ, снявъ свой желѣзный панцырь, понынѣ хранящійся въ Иверѣ, уединился въ монашской кельѣ. Съ этого времени Аѳонъ становится не только мирнымъ пріютомъ для грузинъ-подвижниковъ и отшельниковъ, но и центральнымъ пунктомъ грузинской образованности. Здѣсь возникаетъ знаменитая богословская школа, слава которой въ XI—XII вв. привлекаетъ молодыхъ грузинъ изъ родины для довершенія своего школьнаго образованія. Развалины этой академіи и теперь замѣтны близъ скита Іоанна Предтечи на разстояніи получасового хода отъ Ивера. Здѣсь же, въ Иверѣ закипѣла переводческая дѣятельность грузинскихъ иноковъ, изъ которыхъ сынъ Іоанна, основателя этой обители, св. Евѳимій, и преемникъ его Георгій Мтацминдели въ теченіе XI в. переложили съ греческаго языка на грузинскій яз. болѣе ста книгъ. Разъ начатое дѣло постепенно возрастало, число иноковъ въ Иверѣ увеличивалось непрерывно, который съ 1004 г. соблаговолила избрать своимъ пребываніемъ икона Иверской Божіей Матери, извѣстной подъ именемъ Портаиссы—Вратарницы, კარისა. Книжная сокровищница, обогащавшаяся также трудами преемниковъ первыхъ перелагателей Священнаго Писанія, снабжала Грузію нужными переводами сочиненій нравственно-религіознаго содержанія. Но съ теченіемъ времени, въ особенности со дня присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Иверѣ число грузинъ постепенно уменьшилось, и въ настоящее время онъ

занятъ греками. Изъ богатой библіотеки осталось немного, но въ ней и теперь еще имѣются такіе памятники, которые являются единственными въ грузинской христіанской литературѣ. Изъ нихъ списокъ 978 г. перевода грузинской Библіи служитъ важнѣйшимъ источникомъ какъ для установленія текста священнаго Писанія, такъ и для историческаго изученія грузинскаго языка.

Прежде всего на Аѳонѣ я занялся исправленіемъ и дополненіемъ каталога грузинскихъ рукописей, составленнаго въ 1886 г. проф. Цагарели. Между прочимъ, мнѣ удалось открыть 14 невнесенныхъ въ списокъ моего предшественника пергаментныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ рукопись X в. съ нотными знаками является весьма цѣнной находкой. Кромѣ того, я занимался извлеченіемъ изъ рукописей Ивера такихъ грузинскихъ памятниковъ, которые или неизвѣстны въ книгохранилищахъ Грузіи и Россіи, или же дополняютъ и измѣняютъ извѣстные списки житій святыхъ, апокрифовъ, церковныхъ каноновъ и пр. Такъ, я списалъ житіе св. Ѳеодора и армянскихъ святыхъ, мученичество 9 отроковъ Колайскихъ, апокрифы о построеніи первой церкви въ Лиддѣ, кончинѣ Іоанна Богослова, Шестодневъ Василія Великаго, житіе св. равноапостольнаго (Панкратія Баграта, епископа Таврамeнійскаго *) на островѣ Сициліи, написанное ученикомъ его, Евагріемъ. Этотъ послѣдній памятникъ важенъ въ томъ отношеніи, что греческій текстъ соч. Евагрія не сохранился въ славянскомъ переводѣ. Не менѣе интересно дополненіе къ канонамъ Іоанна Постника, неизвѣстное въ изданныхъ мною совмѣстно съ проф. Московской духовной академіи Н. А. Заозерскимъ параллельно на грузинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ (М. 1902). Но главной своей задачей я поставилъ вопросъ о сличеніи грузинскаго печатнаго текста Библіи съ ея спискомъ 978 г., хранящимся въ Иверской библіотекѣ. Объ этомъ спискѣ к поговорю нѣсколько подробнѣе.

Аѳонскій списокъ грузинской Библіи, судя изъ обстоятельнаго послѣсловія къ ней, написанъ въ 978 г. in folio на пергаментѣ съ киноварными заглавіями, четко и красиво, безъ раздѣленія на главы и стихи, тремя писцами: Михаиломъ, Стефаномъ и Георгіемъ и въ двухъ громадныхъ книгахъ пріобрѣтенъ—მოვიგე წიგნი მეფეთაჲ—Торникіемъ, вышеназваннымъ княземъ Эристовымъ, однимъ изъ первооснователей грузинскаго монастыря на Аѳонѣ. О спасеніи его души въ нѣсколькихъ мѣстахъ сохранилась запись съ воззваніемъ. Аѳонскій списокъ не полонъ: въ началѣ вырваны листы и открывается онъ съ конца 8 стиха 12 гл. книги Бытія. Далѣе въ нѣсколькихъ мѣстахъ не хватаетъ листа по два, по-три и болѣе, такъ что въ спискѣ совершенно нѣтъ книгъ: Чиселъ, Второзаконія, Іисуса Навина и пр.

О форматѣ и характерѣ письма даетъ представленая копія съ 1-го листа, сдѣланная мною. Нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія о вандализмѣ, съ которымъ обращались съ этимъ драгоцѣннымъ достояніемъ христіанской письменности. Но и то, что уцѣлѣло отъ нечистыхъ прикосновеній къ аѳонскому списку, является чрезвычайно важнымъ для установленія грузинскаго текста Священнаго Писанія, страдающаго значительными несовершенствами. Но прежде чѣмъ перейти къ результату сличенія грузинскаго печатнаго текста Библіи съ ея Аѳонскимъ спискомъ, нужно вспомнить исторію постепеннаго ея искаженія. Грузинская Библія была напечатана впервые алфавитомъ церковнымъ «хуцури» въ 1743 г., притомъ не въ Грузіи, а въ Москвѣ, въ селѣ Всесвятскомъ, по инициативѣ и руководству грузинскаго царевича Бакара, переселившагося въ Россію въ 1721 г. вмѣстѣ съ отцомъ, извѣстнымъ

---

*) Изданъ съ предисловіемъ и переводомъ А. Хаханова въ „Трудахъ по востоковѣденію, изд. Лазаревскимъ Институтомъ восточн. яз.“, вып. XX, М. 1904.

царемъ-законодателемъ Вахтангомъ VI. союзникомъ Петра Вел. въ персидскомъ походѣ. Главное наблюденіе при печатаніи Библіи имъ было поручено архіепископу Іосифу Самебели. При изданіи ея руководствовались спискомъ Священнаго Писанія, подготовленнымъ къ печати еще царемъ Арчиломъ, переселившимся въ Москву раньше Вахтанга VI. Однако, издатели, не довольствуясь имѣющимся въ ихъ распоряженіи древнимъ переводомъ Библіи, стали ее исправлять, приноравливаясь къ славянскому тексту, и такъ какъ въ уразумѣніи этого языка они не отличались нужною солидностью, то вмѣсто улучшенія положили начало искаженію грузинской Библіи. По истеченіи болѣе полутораста лѣтъ со времени изданія грузинской Библіи, въ 1884 г. была вновь она издана алфавитомъ гражданскимъ—мхедрули—по распоряженію грузино-имеретинской синодальной конторы, и лишь недавно, въ 1900 г., напечатано Британскимъ библейскимъ обществомъ Пятикнижіе Моисея, представляющее буквальное воспроизведеніе тифлисскаго изданія 1884 г. Въ предисловіи къ изданію Библіи 1884 г. заявлено отъ редакціи, что при печатаніи ея главное вниманіе было обращено на аѳонскій списокъ будто бы IX вѣка (?), копію съ котораго сняли въ Тифлисѣ, въ 1856 г. при экзархѣ Грузіи Исидорѣ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи аѳонскаго списка и печатной Библіи оказывается, что изданіе ея 1884 г. представляетъ точное повтореніе московскаго (или Бакаровскаго) текста 1743 г. съ нѣкоторыми несущественными исправленіями и съ обильнымъ количествомъ новыхъ корректурныхъ опечатокъ. Такимъ образомъ, на пространствѣ 160 лѣтъ трижды напечатанная грузинская Библія постепенно ухудшалась въ чистотѣ и правильности текста. Въ Тифлисѣ нынѣ организована комиссія при экзархѣ Грузіи, съ цѣлью исправить текстъ грузинской Библіи. Идя навстрѣчу этой назрѣвшей потребности, я занялся сличеніемъ печатнаго текста грузинской Библіи 1743, 1884 и 1900 г. съ аѳонскимъ ея спискомъ 978 г. Отправляясь на Аѳонъ, у меня было намѣреніе произвести сличеніе Пятикнижія Моисея, какъ оно дано въ печати и въ рукописи. Но занявшись этимъ вопросомъ, пришлось его еще болѣе сузить и ограничиться сличеніемъ одной лишь книги Бытія, въ виду того, что предстояло исправлять не только каждый стихъ, но часто каждое слово отдѣльнаго стиха. Наглядное представленіе о состояніи грузинской печатной Библіи даетъ любая глава Бытія, испещренная поправками, дополненіями и измѣненіями. (См. приложеніе). Краткое resumé исполненной мною работы имѣю честь теперь представить Вашему вниманію.

1) При сличеніи печатнаго текста грузинской Библіи 1743, 1884 гг. и части ея, Пятикнижія 1900 г., выясняется полная зависимость Тифлисскаго изданія 1900 г. отъ текста 1884 г. и этого послѣдняго отъ Московскаго или Бакаровскаго изданія 1743 г.

2) Аѳонскій списокъ 978 г. почти совершенно не былъ принятъ во вниманіе при печатаніи Библіи въ Тифлисѣ 1884 г., хотя издатели ея увѣряютъ, что они ею руководствовались. Транскрипціи именъ, корректурныя опечатки и вообще всѣ ошибки Бакаровскаго изданія 1743 г. повторились въ Тифлисскомъ 1884 г. съ новыми погрѣшностями, падающими на отвѣтственность издателей.

3) Пятикнижіе Моисея, изд. въ Тифлисѣ въ 1900 г., есть буквальное воспроизведеніе тифлисскаго изданія 1884 г. Такъ, невѣрное чтеніе собственныхъ именъ სუჩი, ლოთი въ Бакаровскомъ изд. повторяетъ Тифлисское изд. 1884 и 1900 г., несмотря на то, что издатели, если бы воспользовались копіей съ аѳонскаго списка, могли бы исправить, давъ правильную ихъ транскрипцію въ формѣ სეირ, Σηειρ, XXXVI, 9, ლოტ, а не ლოთ (что имѣетъ другой превратный смыслъ и означаетъ пьяницу). Точно такъ же списокъ устранилъ бы ошибочно слитое чтеніе двухъ именъ იამანელდა, если бы

только обратились къ рукописи, гдѣ имена იამან и ⴀⴍⴃ (Ιαμιερ Αωδ) даются раздѣльно. При сличеніи же печатнаго текста Библіи съ ея аѳонскимъ спискомъ 978 г., выступаетъ основное отличіе перваго отъ второго, заключающееся въ подновленіи языка, притомъ большею частью неудачномъ, какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи, вставкахъ и незначительныхъ пропускахъ, очевидно, внесенныхъ впервые въ Бакаровскій текстъ подъ вліяніемъ славянской Библіи. Воздѣйствіемъ послѣдней объясняются транскрипціи собственныхъ именъ, напр. რაქილ, ისრაილ, კიდარ вм. древняго воспроизведенія въ Аѳонск. сп. რაქელ, ისრაელ, კედარ (по-гречески Ῥαχήλ, Ἰσραήλ Κηδαρ), въ которыхъ ე (е) является выраженіемъ греческаго η, перешедшее въ славянскій и оттуда въ грузинскій исправленный Бакарововскій текстъ въ видѣ ი. (и) Вообще нужно замѣтить, что греческому η въ аѳонскомъ спискѣ всегда соотвѣтствуетъ ე, (е) а греческому β—ბ (б), а не *в*, напр. სობალ (Σωβάλ), სებეგონ (печатн. სემეგონ) подъ вліяніемъ славянскаго текста Σεβεγών. Аѳонскій списокъ не пользуется пріемомъ печатной Библіи Бакаровскаго и тифлисскаго изданія соединять отдѣльные стихи съ помощью союзовъ და и ხოლო (*и*, *но*). Дѣленіе на главы и стихи въ немъ вовсе отсутствуетъ. Союзы соединительный и противительный და и ხოლო употребляются рѣдко, притомъ иногда тамъ, гдѣ нѣтъ ни და, ни ხოლო въ Москов.-Тифлис. изд. Библіи. Точно такъ же часто пропускаются союзы რამეთუ—ибо, ვითარმედ—что и др. Вообще конструкція рѣчи аѳонскаго списка отличается бо́льшею сжатостью и лаконичностью, примѣромъ чего можетъ служить бесѣда Авраама со странниками о казни Содома и Гомморы. Сжатость достигается какъ пропускомъ соединительнаго и противительнаго союзовъ, такъ и замѣной косвеннаго управленія печатной Библіи прямымъ управленіемъ, путемъ значительнаго ограниченія пользованія предлогами მიმართ (къ), ზედა (на), შინა (въ) съ дательн. пад., замѣняя его мѣстнымъ падежомъ безъ предлога. Аѳонскій списокъ, въ противоположность Бакар.-Тифлисскому *) изданію, изъ двухъ однозначущихъ словъ съ усѣченнымъ и полнымъ окончаніемъ предпочтеніе отдаетъ первымъ, т.-е. словамъ сокращеннымъ: წელი вм. წელიწადი (лѣто), სამე вм. სადამე и др. Этимъ же объясняется употребленіе въ аѳонскомъ спискѣ глаголовъ безъ приставокъ, которыми не всегда кстати пользуется печатный текстъ. Напр. რბიოდა вм. მირბიოდა, რისხნა вм. განურისხნა, უთხრეს вм. მიუთხრეს и др. Префиксы или показатели II и III лицъ въ глаголахъ ჰ, (h) ს (с) въ Аѳонскомъ спискѣ подчиняются опредѣленнымъ нормамъ, которыми пренебрегаетъ печатная Библія, прибѣгая къ современному произношенію: отсюда въ Аѳ. сп. ჯდა, ტანჯა, აღდეგ, вм. печатн. სჯდა, სტანჯა, აღსდგა, т. е. печатный текстъ даетъ префиксъ ს. Аѳонскій списокъ не знаетъ совершенно придаточныхъ предложеній, сокращенныхъ съ помощью причастія и имени существ. Подобная конструкція рѣчи, несвойственная грузинскому языку и искусственно введенная въ Бакар. груз. текстѣ подъ вліяніемъ греческой и славянской Библіи, въ Аѳонскомъ сп. замѣняется полнымъ предложеніемъ. Поэтому λέγων, λέγοντες въ Аѳонскомъ спискѣ всегда передается полнымъ предложеніемъ—ჰრქუა, ჰრქუეს и соединяется съ предшествующимъ предложеніемъ союзомъ და (и), т. е. подчиненіе греческаго текста замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ сочиненіемъ. Несогласіе Аѳонскаго списка съ печатнымъ заключается еще въ пропускѣ иныхъ собственныхъ именъ въ гл. 46 и въ отсутствіи въ первомъ нѣкоторыхъ стиховъ и отдѣльныхъ предложеній, имѣющихся въ Бакар.-Тифл. изданіи. Такъ, въ немъ нѣтъ вовсе стиха 30-го XXXVIII гл. и 10 ст. XLIV гл., отдѣльныхъ предложеній изъ 17 ст. XXIII ч., изъ 32 ст. XXIV гл. и пр. Но помимо пропусковъ, отличающихъ Аѳонскій списокъ отъ печатнаго текста, въ первомъ, т.-е. въ Аѳонскомъ спискѣ, вскрываются и вставки,

*) Т.-е. Бакаровское (1743) и Тифлисское (1884 г.) изданія.

имѣющія цѣлью придать большую ясность тексту: такъ, въ немъ имѣемъ слѣд. примѣръ вставки: 22 ст. XXV гл. по греческому тексту, согласному съ Бакар. изданіемъ, читается ἐσκίρτων δὲ τὰ παιδία ἐν αὐτῇ, т. е. въ Ревеккѣ, аѳонскій списокъ прибавляетъ მუცელსა მისსა (въ *утробѣ* ея). Наконецъ, Аѳонскій списокъ переставливаетъ стихи*) (напр. гл. XLVIII ст. 6 и 7, гл. XLIX, ст. 13, 14, 15), пользуется конструкціей рѣчи и лексикой, свойственными архаическому языку. Я составилъ параллельный перечень словъ архаическихъ въ Аѳ. сп. и подновленныхъ въ Бакар. изданіи *Нѣкоторые вставки и пропуски*, точно такъ же лексическій составъ и грамматическій строй Аѳонскаго списка свидѣтельствуютъ объ его независимости отъ греческаго оригинала. Отступленія эти еще подлежатъ объясненію, но смѣю высказать предположеніе, что они являются остатками прежняго до—Аѳонскаго перевода Библіи по нѣкоторымъ явленіямъ съ сирскаго языка на груз. языкъ въ Палестинѣ и извѣстнаго подъ названіемъ საბაწმინდური—сабацминдури, по имени грузинскаго монастыря въ Іерусалимѣ св. Саввы, гдѣ былъ предпринятъ грузинскій переводъ Библіи. Второе мое предположеніе тѣсно связано съ первымъ. Мнѣ думается, что Аѳонскій списокъ не является первоначальнымъ прототипомъ грузинской Библіи. Судя по нѣкоторымъ вскрывающимся въ немъ опискамъ, онъ былъ снятъ съ другого болѣе древняго памятника и быть-можетъ подновлялся въ Иверскомъ монастырѣ сообразно съ греческимъ текстомъ. Переписчикъ кое-гдѣ не смогъ разобрать древняго письма и поэтому смѣшалъ буквы, слилъ слова или раздѣлилъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они должны быть соединены. Отсюда у него имена ლუკამ вм. ზუკან (Σουχαμ), სონ вм. რისონ, вслѣдствіе сліянія перваго слога რი этого имени съ окончаніемъ არი предшествующаго слова მთავარი. Слилъ имена ანქიმ და როს (Αγχεις καὶ Ρῶς) въ одно, притомъ неправильно разобранное слово — ლაქისროს. Еще нѣсколько подобныхъ фактовъ, казалось бы, подкрѣпляютъ мысль мою о томъ, что Аѳонскій сп. не есть первоначальный переводъ Библіи, а лишь копія съ древняго оригинала, быть можетъ автографъ св. Евѳимія, трудъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, хранится въ Иверѣ, но скрывается отъ постороннихъ глазъ, разрѣшить этотъ вопросъ.

Основываясь на изученіи первой книги Библіи, достоинства и недостатки Аѳонскаго ея списка представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Не только по матеріалу и характеру письма Аѳонскій списокъ является однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ грузинской литературѣ, но и по языку, т.-е. по фактамъ этимологіи и синтаксиса, по словарному матеріалу.

Обращаясь къ этимологіи, отмѣтимъ наиболѣе выдающіяся особенности Аѳонскаго списка, нерѣдко совпадающія въ этомъ отношеніи съ указанными мною въ другихъ памятникахъ того же времени («Номоканонъ», «Правила VI всел. собора»).

Имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя, склоняются въ единственномъ и множественномъ числѣ, при чемъ послѣднее имѣетъ двѣ формы съ суффиксомъ ებ (еб) и ნ, (н) рѣже первая форма, чаще вторая, но любопытно, какъ бы то ни было, отмѣтить присутствіе формы множественнаго числа съ суффиксомъ ებ, (еб) считающейся болѣе позднимъ способомъ образованія. Такъ, мы имѣемъ существительное ცხენები, კიცუები, კუერთხები (XXX, 13, 40), ვირები (XXX, 5). Отсюда образуется выраженіе ცოცხლებით ხარ, εἰ ὑγιάνει, вм. სიმთელით (Тифл. XLIII, 27) прилагат. ჭრელები (XXX, 37).

Мѣстоименія თჳსი, მისი, მან, იგი употребляются чаще, чѣмъ это дается въ печатномъ текстѣ грузинской Библіи, при чемъ большею частью они соотвѣтствуютъ члену именъ въ греческомъ оригиналѣ; такъ, напримѣръ, въ Аѳонскомъ спискѣ читается:

---

*) О перестановкахъ главъ читается на страницахъ обоихъ томовъ, карандашомъ (сравнительно съ печат. текстомъ: დაბეჭდილში ეს აქ არარისო...)

მისცა საჭმელი ႨႢႨ და პური ႨႢႨ (Т. *) მისცნა ჭამადი და პურნი)—**καὶ ἔδωκε τ ὰ ἐδέσματα καὶ τ ο ὺ ς ἄρτους** (XXVII, 17), т.-е. τὰ и τοὺς соотвѣтствуютъ указат. мѣстоим. იგი [С р. XIV, 10: ვევი იგი Т. ღელე, ἡ δὲ κοιλάς; XIX, 4: კაცნი იგი — οἱ ἄνδρες; ორნი იგი ანგელოზნი—οἱ δύο ἄγγελοι, XIX. 1]; другой примѣръ: მოვიდეს კაცისა მის რომელი იგი იყო სახლსა—προσελθόντες πρὸς τὸν ἄνθρωπον τὸν (Тифл. და მოუხდეს კაცსა...), гдѣ мѣстоимѣнія მის и იგი соотвѣтствуетъ греч. τὸν (XLIII, 19). ვითარ განთენა ღამჱ იგი (Т. ვითარ გათენდა)—Τὸ πρωὶ διέφαυσε (XLIV, 3). Ср. XXX, 40, 41, 42. ჰრქუა მასდედამან მისმან (Т. ჰრქუა მასდედამან)—εἶπε δὲ αὐτῷ ἡ μήτηρ (XXXIV, 13), гдѣ η соотв. მისმან. Часто თჳსი печатнаго изданія замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ чрезъ მისი (миси) въ смыслѣ αὐτοῦ, его: დაუტევა სამოსელი თჳსი (Т.), დაუტევა სამოსელი მისი Аѳ. сп.—κατέλειπε τὰ ἱμάτια αὐτοῦ (XXXIX. 13;) და მისცა საჭმელი იგი და პური იგი რომელ ქმნა კელითა იაკობისათა ძისა თჳსისათა და შეართუნა იგი მამასა მისსა (Т. იჳსსა), въ греч. текстѣ πατρὶ αὐτοῦ (XXVII, 17). მისი მისნი списка вмѣсто თჳსი—თჳსნი печтнаго изданія соотвѣтствуетъ иногда члену греч. текста: მოიყუანნა ორნივე ცოლნი მისნი და ყრმანი მისნი (Т. ორნი ცოლნი თჳსნი და ძენი თჳსნი)—ἔλαβε τὰς δύο γυναῖκας καὶ τὰς δύο παιδίσκας (XXXII, 22) Ср. Аѳ. უხუცესმან მან (Т. XIX, 37, ἡ πρεσβυτέρα).

Нерѣдко встрѣчаемъ обратный случай замѣны მისი, მისთა печатнаго изданія чрезъ თჳსი, თჳსთა въ Аѳонскомъ спискѣ: ჰრქუა ფარაო ყოველთა მონათა თჳსთა (Т. მსახურთა მისთა)—εἶπε Φαράω τοῖς παισὶν αὐτοῦ, гдѣ правильнѣе читать αὐτοῦ (XLI, 38).

Члену въ иныхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ энклитика ვე: (XXIX, 3) ადგილსავე თჳსსა, εἰς τὸν τόπον αὐτοῦ. Ср. Аѳ. ყოველივე სიმდიდრე (Т. ყოველი სიმდიდრე XXXI, 16), πάντα τὸν πλοῦτον. Ср. მიერვე მდინარით, ἐκ τοῦ ποταμοῦ (XLI, 3), გეყავნ შენი შენვე (XXX, 8) ἔστω σοι τὰ σά. Опредѣленіе, выраженное именемъ или мѣстоименіемъ въ родит. пад., точно такъ же дополняется въ вин. пад., оканчивающемся на гласн. ა, ო, присоединеніемъ еще звука ჲ: მოვიგე ზროხაჲ (Т. ზროხები, βόες, XXXII, 5), უწოდა სახელი ხილუაჲ ღუთისაჲ (Т. ხილჳა ღუთისაჲ, ἐκάλεσε Ἰακὼβ... Εἶδας τοῦ θεοῦ). დედისა შენისათაჲ (Т. შენისათა, XXVIII, 2). τῆς μητρός σου. არარაჲ იცოდა (XXXIX, 23). უძღვენა... კუროჲ ათი (А. XXXII, 15). Ср. XXXVII, 30: ყრმაჲ იგი.

Иногда имя на ა въ смыслѣ подлежащаго присоединяетъ въ имен. п. къ окончанію звукъ ჲ: უკუეთუ არა ძმაჲ თქუენი უმრწემესი იყოს თქუენთანა (Т. ძმა თქუენი, ἐὰν μὴ ὁ ἀδελφὸς ὑμῶν ὁ νεώτερος μεθ' ὑμῶν ᾖ, гдѣ ჲ соотвѣтствуетъ члену ὁ (XLIII, 5); რაჲსაღა არს ცხორებაჲ ჩემი, τὸ ζῆν (XXVII, 46), მამაჲ ჩუენი მოხუცებულ არს (XIX, 31).

Прилагательное, образованное изъ род. пад. имени съ оконч. ჲ, сохраняетъ этотъ звукъ დღენი დროჲსანი (XXIX, 21), ძჱ ამანელთაჲ (XIX, 38), პირსა ზედა სოდომაჲს- (XIX, 28), რებევაჲსათა (XXIV, 55). Имена существ. на ო сохраняютъ ჲ въ твор. пад. ჩრდილოჲთ (XXIV, 62), но ჩრდილოდ კერძო (XX, 1).

Что касается до глагола, то употребленіе его безъ приставокъ тамъ, гдѣ въ печатномъ изданіи онѣ имѣются, составляетъ отличительную особенность Аѳонскаго списка: განვიცინენ (Т. XVIII, 15)—А. ვიცინდე, განიცინენ—იცინოდე; მიუთხრეს (Т. XLVIII, 1 и 2). Ср. XXII, 20, XXIV, 66, XXI, 22 и др. უთხრეს; მირბიოდა (Т. XXIV, 28) А. რბიოდა, გამოუჩნდა (XXVI, 2). ეჩუენა; Ср. ივლტოდა А. вм. შეივლტოდა Т.—მოგითხრა (Т. XXXI, 27) А. უთხარ; მისცა (Т.) А. მისცა. Изъ двухъ приставокъ въ А. оставляется одна: გაემოიყვანებოდა (Т. XXXVIII, 25).—А. მიჰყვანდა; გამოვალს (Т. XXXII, 6)—А. მოვალს; или обѣ пропускаются განურისხნა—რისხნა; აღმოთხარნეს (Т. XXVI, 18)—А. თხარს. Есть случай въ А. удвоенія приствaки: вм. Т. მოიპარენ (XXI, 30) А. წარმოიპარენ Данная приставка

*) Буквой *Т.* обозначаемъ Тифлисское изданіе (1900 г.) пятикнижія: *Аѳ.* и *А* Аѳонскій списокъ.

въ печатномъ изд. замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ другой: მოვიდოდეს (Т. XXXVII, 25) А. შთავადოდეს. მი замѣняется чрезъ მო и წარ მოიყუანნა (Т. XXXV, 6); А. წარიყვანნა; მივიდო (XIV, 23); და чрезъ შე: დაასრულეს Т. XLIII, 2; А. შეასრულეს; შთა чрезъ წარ: შთავე-დით (Т. XLIII, 13) А. წარვედით. Префиксъ ს въ III л. пропускается въ глаголахъ, тема которыхъ начинается на согласные звуки დ, ჭ: ალსდეგ (Т. XXI, 18). А. ალდეგ, სდევდა (Т. XXXI, 23). А. დევდა, но დასდევა (А. XXXV, 21); სჭამენ (Т. XXXII, 32) А. ჭა̃ენ. Ср. ტანჯა вм. тифл. სტანჯა; ჯდა вм. სჯდა.

Предъ რ сохраняется პ: პრქუა. Слово это употребляется также въ формѣ პთქუა и პქუა (XXVII, 6, XXXI, 31) вм. подновленнаго печатнаго სთქჳა (XXXIV, 11 и др.). Въ этомъ словѣ безусловно пишется უ. такъ какъ въ двухъ-трехъ случаяхъ имѣемъ его съ раскрытымъ титломъ პრქუეს (XLVIII, 2). Префиксъ პ имѣется и тамъ, гдѣ онъ не долженъ быть; такъ, онъ встрѣчается въ I л. множ. ч. მივჰყიდოთ (XXXVII, 27). Вм. современной формы იზამთ Аѳонскій списокъ даетъ პზამთ. (XIX, 7). Повел. накл. въ А. дается съ оконч. ინ тамъ, гдѣ въ печатн. изд. имѣется ედ: დაადგინინ вм. დაადგინედ (XLI, 35).

Во II л. ед. ч. въ нѣсколькихъ случаяхъ находимъ оконч. უ: სუ, ასუ (вм. ვასჳა (Т. XXIV, 19), при чемъ это უ не смягчается въ ვ въ сослаг. накл. по образцу печатнаго текста: Т. რათა ვსვა (Т. XXIV, 14). А. ვსუა. Пов. накл. ედ: მოვედ (XXXI, 13).

Прош. соверш. I л. на უ (у): ვთქუ: შემებინა და ვთქუ (XXXI, 31). III. л. мн. ч. perf. ეს (ес) вм. ენ (ен): შერთდეს вм. შერთდენ (Исходъ I, 10); ენ вм. ს: უშნნენ вм. უშენეს (I, 11).

Причастіе образуется съ помощью суффикса ული безъ префикса მა: такъ, мы имѣемъ შეკრული вм. ნავრაული.

Одинъ любопытный случай вставки мѣстоименія между приставкой и темой глагола имѣется въ гл. XIV, 13: მო+ვინმე+ვადა (Т. მოვიდა ვინმე). Ср. მირევე ახლა вм. Т. მიახლა (XLIV, 18).

Слѣдуетъ еще отмѣтить почти постоянное повтореніе при междометіи აჰა слова ესერა XXVII, 6: А. აჰაესერა მესმა მე, М.-Т. აჰა მესმა, XLI, 42: А. აჰა ესერა დამიდგნიებიე, М.-Т. *) აჰა დაგადგენ შენ. Безъ ესერა междометіе აჰა см. XXIV, 43 и др.

Перехожу къ особенностямъ синтаксическимъ.

Согласованіе. Въ печатномъ текстѣ постоянно повторяется употребленіе имени существительнаго во множ. ч. при числительномъ, начиная съ двухъ. Въ Аѳонскомъ спискѣ такое согласованіе не отличается послѣдовательностью и строгою выдержанностью. Такъ, въ гл. XIX, ст. 1. (Т. и А.) имѣемъ согласованіе во мн. ч. მოვადოდეს ორნი იგი ანგელოზნი, но въ гл. XXI, 14 и 15 вм. Т. თხანი ორასნი, ვაცნი ოცნი, კიცვნი ოცდაათნი, ზროხანი ორმეოცნი და კუროზნი ათნი, А. даетъ безъ признака множ. ч. и числительное, и имя существ.: თხაჲ ორასი, ვაცი ოცი, კიცუი ოცდაათი ზროხაჲ ორმეოცი და კუროჲ ათი. (Ср. Т. ორნი ცელნი, А. ორნივე ცელნი XXXII, 22.

При дополненіи во множ. ч между темой и оконч. глагола вставляется ნ (признакъ множ. ч.) XXXII, 22: მოიყუანნა ორნივე ცოლნი.

Мѣстоименіе опредѣлительное придаточнаго предложенія, относящееся къ имени во множ. ч., остается то въ формѣ един. ч., то согласуется съ нимъ: А. ყოველნი სულნირომელ შევიდეს ეგჳპტეს (Т. ყოველნი სულნი შესრულნი) XLVI, 26); კაცნი, რომელნი

*) Чрезъ *М. Т.* обозначаемъ Московское (Бакаровское) и Тифлисское изд. 1884 г.

მოვიდეს (вм. Т. კაცთა მომავალთა XIV, 24) ეგჳპტეს (Т. ყოველნი სულნი შესრულნი) XLVI, 26); глаголъ же въ смыслѣ сказуемаго при мѣстоименіи относительномъ въ ед. ч., соединяющемъ придат. предл. опредѣлительное съ именемъ во множ. ч., ставится во множ. числѣ: А კაცნი, რომელ იყვნს (Т. კაცნი მყოფნი XIX, 14).

Придаточныхъ сокращенныхъ предложеній не знаетъ Аѳонскій списокъ. Вопреки печатному изданію, въ которомъ подъ вліяніемъ греческаго и славянскаго текста Библіи встрѣчаются несвойственныя грузинской конструкціи рѣчи сокращенныя придаточ. предл., Аѳ. замѣняетъ ихъ полными. Такъ, не разъ повторяющееся въ Тифлисскомъ изданіи Библіи, составляющемъ воспроизведеніе Бакаровскаго (Московскаго) изданія сокращеніе предложенія მეტყუელმან, მეტყუელთა, მეტყუჱლი, მეტყუჱლნი (λέγων, λέγοντες), въ А. причастіе это замѣняется глаголомъ съ личнымъ окончаніемъ ჰრქუა, ჰრქუეს. А.: უწოდა სახელი მისი მოაბ და ჰრქუა (Т. ...მეტყუელიამ, ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Μωάβ, λέγουσα). Ср. А. მაფუცა მე ოჳფალმან და მრქუა მე (Т... მეტყუჱლმან, XXIV, 37... λέγων). Т. მოიქცეს მაუწყებელი მეტყუჱლნი въ А: მოიქცეს და მოვიდეს მოციქულნი და ჰრქუეს (XXII, 6).

Точно такъ же въ другихъ случаяхъ сокращенное съ помощью причастія придаточное предложеніе обращается въ полное и соединяется союзомъ და или мѣстоименіемъ относительнымъ: Т. მიდგომილმან შუა (XXIX, 35) въ А. მიუდგა და შუა (σαλλαβοῦσα ἔτι ἔτεκεν). Т. მე ვარ ღმერთი გამოჩინებული (XXXI, 13), А: მე ვარ ღმერთი შენი, რომელი გეჩუენე (Ἐγώ εἰμὶ ὁ θεὸς ὁ ὀφθείς). Т. მიმგებელმან იოსებ ჰრქუა, А. მიუგო იოსებ და ჰრქუა (XLI, 16 Ἀποκριθεὶς τῷ Ἰωσὴφ λέγων). Ср. XLVIII, 15, Т. ღმერთმან მზრდელმან, А. რომელმან განმზარდა.

Подобныя выраженія, искусственно введенныя московскими издателями грузинской Библіи, отсутствуютъ въ Аѳонскомъ спискѣ, который, благодаря этому, пріобрѣтаетъ высокое значеніе въ вопросѣ о передачѣ мысли съ иностраннаго языка на грузинскій. Аѳонскіе переводчики, считая чуждыми грузинской конструкціи сокращенныя придаточныя предложенія греч. текста, обращали ихъ или въ главныя и присоединяли ихъ къ предшествующему предложенію съ союзомъ და (*и*), или же въ полное придаточное предл. съ относительн. мѣстоименіемъ რომელი. Способъ подчиненія и сочиненія они чередуютъ, руководствуясь требованіями благозвучія языка. Нельзя не отдать предпочтенія Аѳонскому списку предъ исправленнымъ въ Москвѣ въ 1743 г. груз. текстомъ Библіи подъ вліяніемъ славянской, въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., წარიკიდა ფარაო ბეჭედი და შეაცვა вмѣсто искусственнаго сочиненія въ моск.-тифл. изданіи: წარგძცუჱლმან ბეჭდისამან ფარაო შეაცვა (XLI, 43 Περιελόμενος Φαραὼ τὸν δακτύλιον... περιέθηκεν...) Прид. обст. предл., сокращенныя съ помощью неопредѣл. наклон., какъ не соотвѣтствующія груз. рѣчи, замѣнены полнымъ предлож.: вм. М.-Т. (XLI, 1) ეგონა დგომა—А. ეგონავითარმცე დგა (ὥετο ἑστάναι) Придаточ. предложенія обстоятельственныя, сокращенныя въ моск.-тифл. изданіи съ помощью имени существительнаго (=причастію въ греч. текстѣ), обращаются въ полное съ нарѣчіемъ времени ვითარ: М. Т. მიახლებულებასა ჩემსა ცხენთ სარბიელსა замѣнено въ А. ვითარ მოვიწიე (XLVIII, 7, ἐγγίζοντός μου κατὰ τὸν ἱππόδρομον...) Ср. нарѣчіе ვითარ въ гл. XLI, 15 А. მასმიეს შენთჳს, ვითარ თქუენ ჩუენებაჲ იგიგანმარტი вм. М. Т. მესმა შენთჳს მეტყუჱლთაგან ჱსმენელთა შენგან შეტყუჱბასა სიზმარისასა т. е. въ груз. языкъ вносится конструкція сокращ. придат. предл. съ помощью им. сущ. (ἀκήκοα περὶ σοῦ λεγόντων ἀκούσαντα σε ἐνύπνια συγκρῖναι αὐτά) сопровождаетъ предложеніе, которое замѣняетъ предл. сокращенное опредѣл. и сообщаетъ фразѣ правильность и ясность, которыми не отличается печатный текстъ М.-Т. კაცთა მომავალთა, (XIV, 24) კაცნი, რომელნი მოვიდეს Ср. М. Т. XXXIV, 30 ყოფადმდე ჩემდა съ Аѳ. ვიყო მე ვითარცა. М. Т. (XLII, 35) ხოლო იყო დაცლასა ძაძათა—А. ვითარცა წარმოაცალიერებდეს.

Описательныя выраженія печатнаго текста, представляющія соединеніе причастія съ вспомогательнымъ глаголомъ, стягиваются въ А. въ одно слово съ личнымъ окончаніемъ: Т. (XVIII, 29) იყოდა მდგომარე—А. დგადა; Т. (XVIII, 11) მოკლებულ იყო, А. მოაკლდა; Т. (LVIII, 16) წოდებულ იქმნენინ, А. ეწოდოს—εὐλογήσαι Т. (LVIII, 10) თუალნი მძიმე მხედველ ქმნილ იყუნეს, А. თუალნი დამძიმებულ ექმნეს.

Встрѣчаются случаи описательныхъ выраженій въ А. тамъ, гдѣ въ печатномъ текстѣ дается одно слово: Т. გონავს (XIX, 8), А. სათნო გიჩნს; Т. (XIX, 15) გისრნენ, А. არიან შენთანა; Т. (XXV, 30) მაგემე, А გემოჲ მახილვე; Т. მივითვალავ (XLIII, 9), А. თავს ვიდვი. Такимъ способомъ выраженія аѳонскій списокъ устраняетъ неясность рѣчи и неправильность конструкціи печатнаго текста.

Архаичность языка аѳонскаго списка въ сравненіи съ языкомъ печатнаго текста груз. Библіи доказывается лексическимъ его составомъ и характеромъ построенія рѣчи.

А. списокъ не пользуется пріемомъ Бакаровскаго изданія соединять отдѣльные стихи съ помощью союзовъ და и ხოლო. Дѣленіе на стихи и главы въ немъ вовсе отсутствуютъ. და и ხოლო употребляются рѣдко, или замѣняютъ და чрезъ ხოლო и обратно, а иногда союзы эти имѣются тамъ, гдѣ въ печатномъ текстѣ нѣтъ ни და, ни ხოლო. Приведемъ нѣсколько случаевъ:

ხოლო печатнаго текста (Т. ხოლო იულამლუზ იყო სახელი ქალაქისა, XXVIII, 19) замѣняется въ Аѳ. сп. чрезъ და (და ულუ მაუზ იყო...) въ гл. XV, 7, 12, 16, XLIII, 18, XXXIII, 3 и др.

ხოლო замѣняется чрезъ ვითარცა: Т. (XXX, 1) ხოლო იხალა რაქილ, А. ვითარცა იხილა რაქელ. См. еще подобныя замѣны гл. XXXVIII, 6, XXXII, 25, XLIII, 16 и др.

Обратно Аѳ. даетъ ხოლო тамъ, гдѣ въ Бакаровскомъ текстѣ და: Т. М. და მან სთქუა (XXXIII, 8) А. ხოლო იაკობ ჳრქუა. См. еще XXXIV, 7, XXXVII, 2 и др.

Союзъ უკუე гораздо рѣже встрѣчается въ Аѳ., чѣмъ въ Т. (см. XXX, 44 и др.).

Точно такъ же пропускается часто въ Аѳ. союзъ რამეთუ; см. Т. гл. XXIII, 6 რამეთუ არა ვინ ჩუჱნგამმან, А. არავინ ჩუჱნგანმან. См. XIII, 15.

Не находимъ въ Аѳ. რაჲ въ смыслѣ *когда*: этотъ союзъ времени замѣняется союзомъ соединительнымъ; такъ, Т. მრავალ ჟამეულ რაჲ იქმნა მუნ, Аѳ. და იყო იგი მუნ მრავალ ჟამ.

Отмѣчаемъ другіе случаи замѣны мѣстоименій и союзовъ съ указаніемъ главъ и стиховъ, не выписывая ихъ.

Бакар. текстъ		Аѳон. сп.
XIX, 31	რომელი	ვინმცა
XX, 3; XXVI, 5	რომელი	რამეთუ
XXI, 17	რომელი [იგიარს]	სადა
XXI, 22; XXIV, 66; XXVII, 45	რომელი	რაჲ
XXI, 6; XXII, 11; XXVI, 28; XXIX, 31	ვითარმედ	რამეთუ
XIX, 15; XXXII, 31; XXIV, 52	ვითარცა	რაჟამს
XLIII, 11	უკეთუ	ვინაჲთგან
XXXII, 32	ვინაჲთგან	რომელ
XVIII, 25	უკეთუ	ვითარცა
XV, 8; XIV, 14	ვითარმედ	რამეთუ
XXXVIII, 9; XXXII, 31	რაჟამს	და ვითარცა
XXXIX, 13	ოდეს	ვითარცა
L, 14	ხოლო	ვითარცა

Вовсе пропускается რამეთუ и ვითარმედ безъ замѣны инымъ союзомъ, XXXI, 20 и др.

Аѳ. списокъ отличается особымъ строемъ рѣчи, которая не соотвѣтствуетъ ни Бакаровскому, ни греческому тексту. Укажу нѣсколько примѣровъ.

Гл. XXXI, ст. 30 въ Бакаровскомъ или моск.-тифл. изд. читается: აწ უკჱც წარ-ვედ წადიერ ქმნილნი წარსლვად (Νῦν οὐ πεπόρευσαι ἐπιθυμίᾳ γὰρ ἐπεθύμησας;...) въ Аѳ.: აწ უკუეთუ წარმოსრულ ხარ და გულისთქუმით გული იგი თქუა წარსლვად, при чемъ насколько Бакаровскій текстъ приближается въ буквальномъ воспроизведеніи греческаго текста, не настолько близокъ къ послѣднему аѳонскій текстъ и построенъ въ другомъ родѣ и съ инымъ лексическимъ составомъ.

Гл. XXXII, 20 М.-Т. რამეთუ ნუ უკჱუ შეიწყნაროს პირიჩემი, а Аѳ. ვინ იცის შემემთხჳოსმე; ἴσως γὰρ προσδέξεται τὸ πρόσωπόν μου.

Гл. XXXIII, 10 М. Т. მიიღე კურთხევაჲ ჩემი, Аѳон. წავიღეთ მართლ, λαβὲ τὰς εὐλογίας. Въ обоихъ этихъ примѣрахъ аѳонскій списокъ далекъ отъ греческаго текста.

Сравнивая Аѳонскій текстъ груз. Библіи съ греческимъ, находимъ рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о независимости перваго отъ второго въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Отступленія эти подлежатъ еще объясненію, но предполагаю, что они являются остатками прежняго доаѳонскаго перевода Библіи въ Палестинѣ, извѣстнаго подъ именемъ საბაწმინდური, Сабацмундури даннымъ ему по мѣсту происхожденія, т. е. въ грузинскомъ монастырѣ св. Саввы въ Іерусалимѣ. Бакаровскій же текстъ былъ согласованъ съ греческимъ и славянскимъ текстомъ, который воспроизведенъ и въ тифлисскомъ изданіи 1884 и 1900 гг.

Отступленія Аѳонскаго текста отъ печатной Библіи и греческаго оригинала заключаются не только въ вышеуказанныхъ измѣненіяхъ конструкціи рѣчи, но въ вставкахъ, пропускахъ, иномъ порядкѣ изложенія.

Могу указать на два-три примѣра согласія аѳ. текста съ греческимъ и отличія послѣдняго отъ печатной груз. Библіи, какъ московскаго, такъ и тифлисскаго изданія. Въ гл. XLI, ст. 4 Бакаровской Библіи присоединена фраза «და არა ცხად იქმნა ვითარმედ შევიდეს მუცელთა მათთა», отсутствующая въ Аѳ. спискѣ и греч. оригиналѣ (рѣчь идетъ о семи тощихъ коровахъ, съѣвшихъ семь полныхъ коровъ).

Печатный.	Аѳонскій списокъ.	Греческій текстъ.
XVII, 20 ვაკურთხო და განვამრავლო	ვაკურთხო და აღვაორძინო და განვამრავლო	εὐλόγησα αὐτόν, καὶ αὐξανῶ αὐτὸν καὶ πληθυνῶ αὐτόν
L, 14 რომელნი მისთანა აღსრულ იყუნეს დაფლვად მამისა მისისა	რომელნი მისთანა აღსრულ იყვნეს დაფლვად მამისა მისისა შემდგომად დაფლვისა მამისა მისისა.	οἱ συναναβάντες πάντες θάψαι τὸν πατέρα αὐτοῦ μετὰ τὸ θάψαι τὸν πατέρα αὐτοῦ.

Опечатку груз. Библіи 1743 г., повторенную въ тифлисскомъ изданіи 1884 и 1900 гг., касающуюся невѣрнаго воспроизведенія имени Σηειρ въ видѣ სური, исправляетъ Аѳонскій списокъ, дающій это имя въ формѣ სეირ (XXXVI, 9). Аѳон. списокъ устраняетъ ошибочно слитое чтеніе въ Бакар. изд., а за нимъ въ тифлис. 1884 и 1900 гг. двухъ собственныхъ именъ: იამან და აოდ и даетъ два раздѣльныхъ имени იამან და აოდ (Ιαμειν, Ἀὼδ, XLII, 10). Въ Аѳ. спискѣ ლოტ, а непечатн. ლოთ (пьяница).

Однако Аѳонскій списокъ невѣрно даетъ имя მთავარი რისონ въ формѣ მთავარი სონ. Ошибка эта объясняется тѣмъ, что переписчикъ забылъ присоединить къ началу

имени სონ слогъ რი, которымъ оканчивается предшествующее слово მთავარი, т.-е. здѣсь имѣемъ примѣръ аплографіи. Также невѣрно сліяніе ბალა-ქობორ и образованіе слова ბალაქობორისნი (Βαλλα, Βοχορ, XLVI, 21).

Бакар. текстъ подновляетъ, слѣдуя славянскому тексту, транскрипціи именъ собственныхъ и выражаетъ греческ. β чрезъ ვ (в), η чрезъ ი (и); поэтому въ Бакар. читается ვალაკი (ვალაკი βαλλακ) въ то время какъ Аѳон. сп. даетъ ბალაკი (балаки), въ первомъ სირი, ილას, კიდარ, (сири, илас, кидар), во второмъ კედარ, სეირ, ელას (кедар, сеир, елас Κηδαρ, Σηειρ, Ἡλας) греч. Αι Аѳон. списокъ читаетъ всегда какъ е, отсюда имя Αἰε дано въ формѣ Ээ, а не Айе (Бак.). Аѳон. спис. допускаетъ невѣрную транскрипцію именъ: აბიმელიქ (Αβιμελεχ) вм. Бак. აბიმელექ, საბალ вм. სობალ (Σωβαλ)

Удвоенныя согласныя сливаются въ одинъ звукъ: ბალა, დენაბა, ქეტილი, გერარ, вм. ბალლა, დენნაბა, გერრა, ქეტტილი, т.-е. ნნ=ნ, რრ=რ, ლლ=ლ, ტტ=ტ.

Несогласіе Аѳон. списка съ Бакаровскимъ и греческимъ текстомъ заключается въ нѣкоторыхъ пропускахъ, отмѣченныхъ у меня ниже, а именно въ Аѳон. нѣтъ:

a) Стиха 30 изъ гл. XXXVIII Бак. (М.-Тиф.) და აბისა შემდგომად გამოვიდა ძმამისი, რომელისა იყო კელსა მისსა ზედა მიწერილი და უწოდა სახელი მისი ზარა. [Καὶ μετὰ τοῦτο ἐξῆλθεν ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ ἐφ' ᾧ ἦν ἐπὶ τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὸ κόκκινον καὶ ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ζαρά].

b) Ст. 10 изъ гл. XLIV (М.-Т.) და მან სთქუა და აწ ვითარ იტყვთ ეგრეთ იყოს. კაცი, რომლისა თანა იპოოს ბარძიმი, იგი იყო ჩემდა მონაჲ და თქუენ უბრალო იყუნეთ. [Ὁ δὲ εἶπε καὶ νῦν и пр.]. Аѳон., пропустивъ все это, даетъ лишь конецъ стиха ხოლო თქუენ უბრალო იყვნეთ.

c) Изъ ст. 17 гл. XXIII М.-Т. въ Аѳонскомъ спискѣ имѣется только вторая половина, нѣтъ словъ отъ начала стиха до რომელ არს საზღვართა (და არს აგარაკი ეფრონისი, რომელსა შინა მრჩობელი ქუაბი, რომელ არს პირისპირ მამბრესა აგარაკი და ქუაბი, რომელ იყო მას შინა). [Καὶ ἔστη ὁ ἀγρὸς Ἐφρὼν и пр.].

d) Изъ ст. 32 гл. XXIV М.-Т. въ Аѳон. сп. большая часть пропущена, вм. словъ: და შევიდა კაცი სახიდ და მარდატვირთნა აქლემნი და მისცა თივა და მზე აქლემთა და წყალი საბანელად მისთა და ფერხთა მისთანათა კაცთასა, Аѳон. списокъ даетъ: და მოართუა მას წყალი ფერკთა საბანელად და მისთანათა მათკაცთა. [Καὶ ...εἰσῆλθε δὲ ὁ ἄνθρωπος εἰς τὴν οἰκίαν].

e) Ст. 51 изъ гл. XXXI М.-Т. და რქუა ლაბან იაკობს: აჰა ბორცვი ესე და ძეგლი ესე нѣтъ въ Аѳон. [Καὶ εἶπε Λάβαν и пр.].

f) Изъ ст. 38 гл. XLII М.-Т. ხოლო მან სთქუა არა შთამოვიდეს ძე ჩემი თქუენთანა და ეგე მხოლო დაშთომალ არს და შეემთხვოს მაგას უძლურება გზასა, რომელსა ხვდოდეთ და შთაიყვანოთ სიბერე ჩემი მწუხარებით ჯოჯოხეთად, въ Аѳон. оставлено: ჰრქუა მას იაკობ: არა შთავიდეს ძეჲ ჩემი თქუენთანა, რამეთუ ძმაჲ მაგისი მოკუდა და ეგე მორტოჲ დაშთომალ არს და შთავლინოთ სიბერეჲ ჩემი მწუხარებით ჯოჯოხეთა. [Ὁ δὲ εἶπεν... καὶ συμβήσεται αὐτὸν μαλακισθῆναι ἐν τῇ ὁδῷ и пр.].

l) Изъ гл. XLVIII, 5 პირველ მოსვლისა ჩემისა შენდა მომართ ეგჳპტეს πρὸ τοῦ με ἐλθεῖν πρὸς σε εἰς Αἴγυπτον).

Кромѣ того, въ каждомъ стихѣ Аѳон. сп. имѣетъ пропускъ отдѣльныхъ словъ сравнительно съ М.-Т. изданіемъ Библіи, притомъ, отъ пропуска такихъ словъ смыслъ то затемняется, то проясняется.

Отмѣтимъ пропускъ предложеній и словъ, ничего не прибавляющихъ къ ясности текста и придающихъ Аѳонскому списку своеобразность изложенія:

М.-Т. XVIII, ст. 12 არღა სადა იქმნა ჩემდა ვიდრე აქამომდე, Aθ.: არღასადა რაჲ მომეცამე აქამომდე. [Ἕως τοῦ νῦν...].

Въ XXIV, 7 М.-Т. предложенiе უფალმან ღმერთმან ცისამან და ღმერთმან ქუეყანისამან, რომელმან გამომიყვანა მე, Аθ. с. замѣняетъ: უფალმან ღმერთმან გამომიყვანა მე [Κύριος ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ ὁ θεὸς τῆς γῆς...].

Изъ гл. XIX, 9 М.-Т. въ Аθон. спискѣ нѣтъ რამეთუ ვსთქუ.
» XLVII, 15 » » » » ვიდრე ალსპოლვადმდე.
» XLIX, 22 » » » » ძე აღორძინებული.
» XLIII, 3 » » » » უფალი ქუეყანისაჲ.
» XLIII, 29 » » » » და ჰრქუა: ღმერთმან შეგიწყალენ შენ შვლო.
» XVII, 8 » » » » და მიგცე შენ და ნათესავსა შენსა შემდგომად შენსა.
» XXIX, 10 » » » » ცხოვარი ლაბანისა ძმისა დედისა თვსისა.
» XXIX, 12 » » » » და ვითარმედ ძე რებეკასი არს.

Отъ пропуска фразъ, очевидно по винѣ переписчика, сообщается Аθонскому списку мѣстами неясность. Въ гл. XLVI М.-Т. пропущены въ Аθон. предложенiя конца II и начала III ст.: вм. რაჲ არს და მან ჰრქუა მას მევარ ღმერთი, въ Аθон. спискѣ имѣемъ: აქა ოკფალო მე ვარღმერთი. [Καὶ εἶπεν: ἐγώ εἰμι ὁ θεός...].

Несогласiе Аθон. списка съ Бакаровскимъ и греческимъ текстомъ заключается:

а) въ пропускѣ собственныхъ именъ въ гл. XLVI, ст. 10, 12, 16 и 26,

б) замѣнѣ словъ, наприм., въ гл. XLIII, ст. 10 შემოქცეულ ვიყუნით, вм. ორ გზის (δὶς) читается სამგზის (τρὶς),

в) въ измѣненiи порядка изложенiя, т.-е. перестановкѣ стиховъ въ гл. XLVII, ст. 6 и 7, въ гл. XLIX, ст. 13, 14 и 15,

г) опискахъ, искажающихъ смыслъ (гл. XXVI, 18, XXIX, 35), такъ Аθ. читаетъ: 1) უკეთუ და ცოდვილ იყვნეს вмѣсто უკეთურ (XIII, 13), вмѣсто πονηροὶ καὶ ἁμαρτωλοὶ получилось «если» καὶ ἁμαρτωλοί. 2) ასური (Συρα) передѣлано въ ასული: „რომელი უშვა მას ხარჭმან ასულმან“ (XLVI, 20).

Невинныя описки: დავჰლფლა вм. დავჰფლა (XXIII, 4), უკეკუ вм. უკუეთუ (XXX, 32); თხა თხათა შორის (XXX, 35); მოვეთხარა ისააკ (XXXV, 18); ალვევუარებ (XXXIX, 35).

Я указалъ на пропуски въ Аθон. спискѣ груз. Библiи сравнительно съ Бакаровскимъ ея изданiемъ. Но въ Аθон. спискѣ, помимо пропусковъ, имѣются и вставки, которыя отличаютъ его отъ печатнаго груз. и греческаго текста.

Печатный текстъ.	Аθонскiй списокъ.
Гл. XXXIII, ст. 16 და ისმინა აბრაჰამ... სავაჭროსა	და ისმინა აბრაჰამ... სავაჭროჲთ და ყოველი ხტ, რომელი იყო მას შინა.
» XXXI, » 10 დამაკდებოდეს ცხოვარნი და ვიხალენ	დამაკდებოდეს ცხოვარნი და მუცელად იღებდეს и пр.
» XXXII, » 6 და მოიქცეს მაუწყებელნი	დამოიქცეს და მოვიდეს მოციქულნი. [Καὶ ἀνέστρεψαν οἱ ἄγγελλοι λέγοντες].
» XLIX, » 24 მკლავთა	კელთა კმლავთა
» XXVI, » — დაემკვდრე ქუეყანასა ამას და ვიყო მე შენთანა	დაემკვდრე ქუეყანასა ამას, რომელსა გრქუა მწირობად და ვიყო მე შენთანა.

Вставляются союзы და, ვითარ (XXXI, 1, 11, 8 и др.).

Нѣкоторыя вставки Аθон. списка, очевидно, вызваны желанiемъ придать большую ясность тексту. Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ немъ слѣдующiй примѣръ:

Печатный.	Аѳон. списокъ.	Греч. текстъ.
XXV, 22 დ̃ ჰკრთებოდეს ყრმანი იგი მის შორის	დ̃ ჰკრთებოდეს ყრმანი იგი მუცელსა მისსა (въ утробѣ)	Ἐσκίρτων δὲ τὰ παιδία ἐν αὐτῇ (Ревекка).

Замѣтимъ, что и пропуски въ иныхъ случаяхъ объясняются стремленіемъ придать рѣчи сжатость. Такой особенностью отличается, наприм., ст. 26—33 гл. XVIII, гдѣ бесѣда Авраама со странниками о казни Содома и Гоморры.

Аѳон. списокъ, помимо пропусковъ, прибѣгаетъ къ сокращеніямъ словъ какъ въ темѣ, такъ и въ окончаніяхъ.

	Печатный.	Аѳон. сп.
XXVI, 12	წელიწადი	წელი
XXIX, 3	შეკრბებოდის	შეკრბის
	განსვენეუბლნი	განსვინებდეს
XXX, 8	განზრდელი	მზახდაელი
XXXVIII, 26	განმართლებულ	მართულ
	განურისხნა	რისხნა
XLIII, 10	შემოქცეული	მოქცეულ
XXXIX, 26; XLVIII, 4	შესაკრებელი	კრკრებული
XXVI, 9	სიდამე	სამე
	მღუდელი	მღდელი
	მეყვსეულად	მეყსეულად
	მწვლილნი	წვლილი
	წარმოვიდეს	წარვიდეს
	ცხოვრება	ცხორება (ცხოვრება Исх. I, 14).
Исходъ I, 13	აჴირვებდეს	აჴირებდეს

Аѳонскій списокъ отличается еще отъ Бакаровскаго текста Библіи особымъ способомъ сочетанія словъ. Эта особенность выражается: а) въ иномъ порядкѣ расположенія частей предложенія и б) въ иномъ управленіи словъ.

	Печатный.	Аѳон. спис.
XXXV, 16	ძნიად მშობელ იქმნა შობასა შინა	შობასა მისსა ძნიად შობდა
XXXI, 31	მესამესა დღსა	დღჱსა მესამესა
XVII, 15	ძესა თჳსსა	თჳსსა ძესა
XXII, 16	სიტყვა ესე	ესე სიტყუა.

Въ управленіи словъ различаемъ два случая: непосредственное и посредственное. Управленіе словъ непосредственное въ Аѳон. сп. отличается отъ печатнаго въ измѣненіи падежей, временъ глаг. и въ иномъ оттѣнкѣ взаимныхъ отношеній лицъ, сохраняя точный смыслъ текста. Такъ, вмѣсто М.-Т. სთქუა აბრაამ მე ვფუცავ (XXI, 24 εἶπεν Ἀβραὰμ ἐγὼ ὀμοῦμαι), Аѳон. сп. даетъ ...მე გეფუცო (я буду *тебѣ* клясться).

	Печатный.	Аѳонскій.
XXIV, 3	დ̃ გაფუცებ შენუფალსა	დ̃ მე გაფუცო... (καὶ ἐξορκιῶ σε Κύριον...).
XXVI, 22	აღმაორძინნა ჩუენ	აღგუაორძინნა (ηὔξησεν ἡμᾶς).
XXXI, 14	მომეცენ მე	მომეც მე.
XXIV, 4	ქუეყანად ჩემდა	ქუეყანით ჩემით.

Аѳон. списокъ замѣняетъ управленіе посредственное Бакаровскаго изданія непосредственнымъ управленіемъ; отсюда въ Аѳон. сп. предложенія безъ предлоговъ, гдѣ съ предлогомъ въ Бакар.

	Бакар.	Аѳон.
XIV, 20	რომელმან მოგცნა მწერნი ქუეშე ხელთა შენსა	ხელთა (ὃς παρέδωκε τοὺς ἐχθρούς σου ὑποχειρίους σοι).
	ცად მიმართ	ზეცად (ср. XIX, 6).
	ქალაქსა შინა	ქალაქსა
	აბრაამის, მეფისა... მიმართ	მეფჱს, აბრაჰამს
	სახელსა ზედა	სახელითა

Фонетика. Правописаніе Аѳ. сп. не выдержано: здѣсь смѣшиваются звуки ო и უ (ბათოელ ᲻ ბათუელ), ჱ и ე (დღჱ, დღე, ეგჳპტე, ეგჳპტჱ).

ჲ въ концѣ словъ смѣняется на ა, ო въ род. пад. (см. выше).

ოვ въ серединѣ მიოვგეს.

ოვ въ началѣ словъ какъ именъ, такъ и глагола и союза ოვმწმეჱსი, ოვფალი, ოვკუეთუ, ოვთხრნეს (XXVII, 42), ოვყუარდა; ოვძლის, ოვბრძანა (XXVI, 10).

ვ въ серединѣ именъ (въ оконч.) и глаголовъ: დაცვთა (XVII, 25), რიცხვთა (XXXIV, 26), ახვან (XXIX, 1), დამკვდრება; ეგვპტე, მოსწყვდენეს; ღვნო თვს.

ოვ въ серединѣ глагола შეოველე (XXX, 8).

უ въ Аѳ. сп., гдѣ въ Бак. нѣтъ вовсе звука: სუმა, ალთქუმა; ამქუმელი (Исх. I, 15).

ჳ Бакар. текста въ Аѳон. замѣняется უ: ჰრქუა, აქუნდინ, მოყუანა, а не ჰრქჳა, აქჳნდინ, მოყუანა; არქუ, а не არქჳ.

Бакар. ჳ въ спискѣ უ: საყუარელი.

ჳ замѣнено въ А. спискѣ чрезъ ვ: შვა, წარიყვანეთ, ხნვა (вм. ხჳნა), въ Аѳ. сп. უ, гдѣ въ Бак. ვ: მოგუარო (XXIV, 4), მიართუა (XXX, 14). Пропускъ უ მღდელი вм. მღედელი.

ჱ въ концѣ именъ коренныхъ ძეჱ, კიდჱ, მამბრჱ.

ჱ въ концѣ именъ производныхъ: საფასჱ, სამოთხჱ, მცენარჱ, სანახჱ, ქუეშჱ, მეფჱ, ркп. X—XI вв. (по моему опис.), Житія свв. „განსუჱ ნებაჲ“.

ჱ въ концѣ глагола повел. накл.: ისწრაფჱ, მინადირჱ (XXVII, 3 и 7, XIX, 22); въ серед. დაეშჱნა ჩუმენ (Псалт., откр. мною, X в. деф.).

ჱ въ серединѣ ქუჱყანა, ჩუჱნი, თქუჱნი; въ Аѳ. ე вм. Бак. ე: ჩუენება. Исходъ I, 10. შეგუემთხვოს მესამე (XXXI, 30).

უჱ Бак. замѣнено чрезъ ვ въ Аѳ. сп.: კარვებად (XXVIII, 16): ქჱ въ А. უე: მარჯუენით; ასუეს; შუენიერ въ серединѣ прилаг. въ превосх. ст.: უმრწემჱსი.

კ въ началѣ: კელი, კამლი, კბო

კ въ серединѣ: იკმიგნით (отъ კმა), მოკდა (XXXII, 22), მარდჰხადეს (XLII, 11), მკედარი.

ვ въ Аѳ. сп., гдѣ ვ въ Бак.: შვილი (вм. Б. შვლი); ვ вм. ო Бак.: რავდენ (вм. რაოდენ) ძს=въ Аѳ. ც: ძალმიც *) (Бак. ძალმიძს).

ს *замѣняетъ* რ—სძე. Перестановка: ხჳნა въ А. ხნვა (XLV, 6) при чемъ и უ=ვ.

Діалектическая форма არა რაჲთვნ (XXXIX, 9).

Пропускъ въ спискѣ რ: მოვედ вм. მორვედ.

Такимъ образомъ, на ряду съ архаическими словами находимъ неологизмы въ словахъ (напр., ვირი), въ формахъ (ქალაქები), въ ороографіи (შვილი), въ переходахъ гласныхъ (რავდენი), народныхъ выраженіяхъ (არა რაჲთვნ).

Греческому η всегда соотвѣтствуетъ е (не и), а β—б (не в), отсюда вм. печатнаго ისრაილ, რაქილ, კიდარ въ Аѳ.: ისრაელ, რაქელ, კედარ (Ἰσραήλ, Ῥαχήλ, Κηδάρ), სებეგონ а не სევეგონ (печат.) Ср. Σεβεγών.

Для образца привожу параллельное чтеніе по изданію 1743 и 1900 гг. и списку Иверск. библ.

*) Ср. ркп. № 51, л. 25а, стр. 3 ძალგიცა (Марръ, Агіогр. матер., I, 17).

1743 г.	1900 г.	Аѳонскій списокъ.	Греческій текстъ.
Гл. XII, ст. 9. დ̃ ალიტრა აბრაჰამ დ̃ წარსლვით ილაშქრა უდაბნოსა შინა.	დ̃ წარვიდა მიერ აბრამ დ̃ მოვიდა დ̃ დაიბანაკა ჳდაბნოსა მას.	დ̃ წარმოვიდა მიერ აბრაჰამ დ̃ მოვიდა დ̃ დაიბანაკა უდაბნოსა მას.	Καὶ ἀπῆρεν Ἄβραμ καὶ πορευθεὶς ἐστρατοπέδευσεν ἐν τῇ ἐρήμῳ.
Гл. XIII, ст. 1. ხოლო აღმოვიდა აბრაჰამ ეგვიპით იგი დ̃ ცოლი მისი დ̃ ლოთ მისთანა უდაბნოდ.	დ̃ გამოვიდა აბრამ ეგვიპტით იგი დ̃ ცოლი მისი დ̃ ყოველი რაჲცა იყო მისი დ̃ ლოთ ი მისთანა ჳდაბნოდ.	დ̃ გამოვიდა აბრაჰამ ეგვიპტით იგი დ̃ ცოლი მისი დ̃ ყოველი რაჲცა იყო მის დ̃ ლოტცა მისთანა ჳდაბნოდ.	Ἀνέβη δὲ Ἄβραμ ἐξ Αἰγύπτου αὐτὸς καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ καὶ παντα τὰ αὐτοῦ καὶ Λὼτ μετ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἔρημον.
Гл. XIV, ст. 10. ხოლო ღელე მარილოანი მტხრებლ მთხრებლოანარს ასფალტოსითა დ̃ შეივლტოდა მეფე სოდომთა კევად დ̃ მეფე გომორისა დ̃ ეცნეს მუნ, ხოლო დაშთომილნი მთად კერძო ივლტოდეს.	ხოლო ღელე მარილოვანი მთხრებელ მთხრებელოან იყო ასფალტოსითა დ̃ შეივლტოდა მეფე სოდომთა ხევად დ̃ მეფე გომორისა დ̃ დაეცნეს მუნ, ხოლო დაშთომილნი მთად კერძო ივლტოდეს.	ხოლო კევი იგი მარილოანი მღუმენი იყვეს მალთიისანი დ̃ ივლტოდა მეფჱ სოდომელთაჲ დ̃ მეფჱ გომორელთაჲ დ̃ შეცჳვეს მას შინა დ̃ სხუანი იგი მთად კერძო ივლტოდეს.	Ἡ δὲ κοιλὰς ἡ ἁλυκὴ φρέατα ἀσφάλτου. Ἔφυγε δὲ βασιλεὺς Σοδόμων καὶ βασιλεὺς Γομόῤῥας καὶ ἐνέπεσαν ἐκεῖ, οἱ δὲ καταλειφθέντες εἰς τὴν ὀρεινὴν ἔφυγον.
Гл. XV, ст. 14. დ̃ ნათესავი რომელ საცა მონონ ვსაჯო მე, ხოლო შემდგომად ამათსა გამოვიდენ აქა განმზადებულებითა მრავლითა.	დ̃ ნათესავი რომელსაცა მონებდენ ვსაჯო მე დ̃ შემდგომად ამათსა გამოვიდენ აქავე ქონებითა მრავლითა.	ხოლო ნათესავსა მას, რომელსა ჰმონებდენ, ვსაჯო მე. დ̃ ამისა შემდგომად გამოვიდენ აქა ჭურჭრითა მრავლითა.	Τὸ δὲ ἔθνος, ῳ ἐὰν δουλεύσωσι, κρινῶ ἐγὼ μετὰ δὲ ταῦτα ἐξελεύσονται ὧδε μετὰ ἀποσκευῆς πολλῆς.
Гл. XVI, ст. 16. ხოლო აბრაჰამ იყო ოთხმეოც დ̃ ექუსთა წელთა, რაჟამს უშვაჲ აგარ ისმაელ აბრაჰამს.	ხოლო აბრამ იყო ოთხმეოც დ̃ ექჳსისა წლისა, რაჟამს უშჳა აგარ ისმაელი აბრამს.	აბრაჰამ იყო ოთხმეოც დ̃ ექუსისა წლისა, რაჟამს უშვა აგარ ისმაელი.	Αβραμ δὲ ἦν ὀγδοήκοντα ἓξ ἐτῶν, ἡνίκα ἔτεκε Ἄγαρ τὸν Ἰσμαὴλ τῷ Ἄβραμ.
Гл. XVII, ст. 3. დ̃ დავარდა აბრაჰამ პირსა ზედ მისსა დ̃ ჰრქუა მას ღმერთმან მეტყუელმან.	დ̃ დავარდა აბრამ პირსა ზედა თჳსსა დ̃ ჰრქუა მას ღმერთმან მეტყველმან.	დ̃ დავარდა აბრაჰამ პირსა თჳსსა ზედა დ̃ ეტყოდა მას ოფალი დ̃ ჰრქუა.	Καὶ ἔπεσεν Ἄβραμ ἐπὶ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ ἐλάλησεν αὐτῷ ὁ Θεὸς λέγων.
Гл. XVIII, ст. 9. დ̃ თქუაჲ მისა მიმართ, სადა არს სარრა ცოლი შენი, ხოლო მან მიუგო ჰრქეა ესერა კარავსა შინა.	დ̃ სთქუა უფალმან მისსა მიმართ სადა არს ცოლი შენი ხოლო მან მიუგო დ̃ ჰრქუა: აჰა ესერა კარავს შინა. **По изд. 1884 г.:** დ̃ თქუა უფალმან მისა მიმართ: სადა არს სარრა ცოლი შენი, ხოლო მან მიუგო დ̃ რქჳა აჰა ესერა კარავსა შინა.	თქუა აბრაჰამს, სადა არს სარრა ცოლი შენი. მან მიუგო დ̃ რქუა: აჰა ეგერა სახლსა შინა.	Εἶπον δὲ πρὸς αὐτὸν ποῦ Σάῤῥα ἡ γυνή σου. Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν· ἰδοὺ ἐν τῇ σκηνῇ.

ЛЕКСИКА.

	Печатный текстъ.	Аѳон. списокъ.
XVIII, 28	შემცირიდენ	აკლდენ
» 32	წარვიდა	ამაღლდა
XIX, 1	მიგებებად	შემთხუევად
» 7	ნუსადა ძმანო ნუ უკეთურობთ (μηδαμος αδελφοι μὴ πονήρευσθε).	ნუ სადა ჰხამთ მაგას ძმანო ნუიქმთ-ბოროტსა
XVIII, 25 и 23	ულთოსა თანა	ულმრთოსა თანა
XVIII, 22	იყოდა მდგომარე	დგადა
XIX, 6	განიხშო	შემოიწება
» 16	აღშფოთნეს	შეძრწუნდეს
» 26	უკუღმართ	მართლ უკან
XX, 5	მითხრა	მრქუა
XXI, 16	კმა აღუტევა	ღაღადყო
» 14	წარგზავნა	განავლინა
» 18	დაემკვიდრა	დაეშჩნა
» 27	მოიბნა ცხოვარნი	მოისხნა
» 28	ორთავე	ურთიერთას
XXII, 2	ყოვლად დასაწველად	მსხურპლად
XXXIII, 2	გოდება	გლოვა
» 3	მსხემ, მსხემობა XXVIII, 4	მწირ, მწირობა
» 8	სთქუა	ეტყოდა
XXIV, 22; XXXIII, 15	დიდრაქმა (διδράχμων)	სასწორი
XXXIII, 19	დაემკვიდრა	დაამტკიცნა
XXIV, 8	წმიდა	უბრალო
XXVII, 4 и 7; XXIV, 15, 45	პირველ	ვიდრე
XXIV, 23	დასავანებელი	დაყოფად
» 25	სავანებელად	საყოფლად
» 28	ქალი	ყრმაჲ
XXIV, 60, 66; XXVI, 1	იქმნე, ჰქმნა, იქმნა	იყავნ, ყო, იყო
XXIV, 62	იქცეოდა	ვიდოდა
» 65	გარემოისხა	შეიმოსა
» 60	წინააღმდგომი	მტერი
XXV, 34	წარწყმიდნა	განიქარვა
» 32	მივალ აღსრულებად	მიახლოებულ ვარ აღსრულებად
XXVI, 3	თესლი	ნათესავი
» 5	ისმინა	ერჩიდა
» 6	დაემკვდრა	დაეშჩნა
» 7	ხილვითა	პირითა
ნნ = ლნ	სუნნელება въ сп. სულნელება **ს — ზ**	**მზ**ჯავრს XXVI, 5 **ს = ზ**
XXVI	წარმატებულ	უფროჲს
»	პირუტყვი	სამწყსოჲ
»	ნაშრომი მისწისა	ქუჩყნისა საქმჩ

Печатный текстъ.		Аѳон. списокъ.
Гл. XXVI,	ღელე	პევი
»	კვალად XXIX, 35	მერმე
»	ყრმა	მონა
»	მზახალი	ეზოჲს მოძღუარი
»	მკედართ მთავარი	ერისთავი
»	უქმნა	უმზადა
»	მშვდობით	ცოცხლ ებით
»	განეშორნეს	წარვიდეს
» 5	სიმართლე	მშჳავრნი
» 35	ცისკარს	განთიად
XXVII,	მალე	ადრე
»	სავსე	სიმრავლე
» 31	ჭამადი	საჭმელი
» 41	მტერობდა	უთქუმიდა
XXVIII,	წარავლინა	წარზავნა
»	აღსდგა	განიძივინა
XXIX, 1	იხილა	მიჰხედა
»	ასმიდეს	ასუან
»	აგებდეს	დასდვან
» 6	სიმრთელით	ცოცხლებიო
»	გმსახურებ	გმონებ
XXX, 2	ნუ თუ ნაცვალ ღვუთისა	ნუ უვუე ღმერთი ვარმეა
» 3	შობდეს	შვეს
»	ვისხნე	ვიქმნე
» 37	სხერებული	ჭრელი
»	მოთეთრო	სპეტაკი
»	დაშთომილი	ნეშტი
»	ნიგოზი	ნიგუზი
»	განქურთნნა	გამოხუეწა
»	კრავი	ტარიგი
»	პირისპირ	წინაგე
» 54	ჩასახვა	მუცლადღება
»	საწნახელი	წყლის სასუმელი
XXXVIII, 25	ესე	ესე **წინდი**
XXXIX, 1	მოიგო	მიიყადა
» 2	**ბედნიერ**	მაგებელ
» 5	ველი	აგარაკი
»	კეთალ სახითა	შუენიერ ქმნულობითა
» 13	ოდეს	ვითარცა
» 12	უპყრა	შემბა უყო
» 21	მთავარი პყრობილთ მცუელთა	მესაპყრობილეთ მოძღუარი
»	ამათებრ	მსგავსად
XL, 2	მეღვნეთ მთავარი	ღვნის მნე
»	მეპურეთ მთავარი	მოძღუარი
»	მჭმუნვარე	შეწუხებული
»	ცხად ყოფა	გამათქუამა
» 9	იყო	ვხედევდ
»	შეტყუება	გამოთარგმანება

Печатный текстъ.		Аѳон. списокъ.
Гл. XL,	ფეშხუანი	ლანკლანი
XLI, 13, 22	აღუკსნა	გამოუთარგმნა, გმნგკმარტა
»	აგო	დაადგინა მნე ἀπο κατέστησεν
»	უშვერნი, მწვლილი	საძაგალნი, მჭლე
»	შთანქმიდეს	შეჭამნეს κατέπιον
»	იქმნა ცისკარი	განთენა
»	აღშფოთნა სული	შეძრწუნებული
»	უშვერ	საძაგელ
»	სიზმარი	ჩუენება
»	მწვლილნი	წულილნი
»	ქარცემული	ხორშახელი
XXXI, 2	მესამესადღსა	ძუღუანდელსა
» 17	აღსხნა შვილნი	წარიყვანნა ყრმანი
» 20	ჯ დაუფარა	ემალვიდა
» 2, 26	ფარულიდ	იდუმალ
» 24	დაიცევ	ეკრძალე
» 35	გამოიძია	აღიხილა
» 45	აღმმართა	აღდგა
» 40	ვიქმნებდი შემწვარ	შევიწყებოდე
XXXII, 17	წამოუვლინა	მიუძღუანა
» 16	განაყოფა	განშორება
» 22	განვლო	წიაღ მოკდა
XXXIII, 2	დამყნა	დაადგინნა
» 5	არიან შენდა	გეყვიან
XXXIV, 1	შემცნებად	განცდად
» 3	შეერკსა	შეყო
XXXV, 28 XXXIV, 19	ქმნად	ყოფად
XXXV, 17, 20	ეზრახნეს	ეტყოდეს
» 22, 23	მხოლოდ	გარნა
» 26	მოკლნეს	მოწვდნეს
» 29	სახლი	სანახები
»	დაიტაცეს	იავარ ყვეს
XXXV, 4	ღმერთნი	კერპნი
» 5	აღიტრა	მოვიდა
» 18	განტევება სულისა	აღმოსლვასა
XXXVII, 9	სიზმარი	ჩუენება
» 18	პირველ	წინიასწარ
» 19	თვთეული	კაცადკაცადი
» 20	მღვმე	ჯურღმული
» 31	წარუგზავნა	მიუძღუა
» 36	მზარეულთ მთავარი	**მატკარანი** ἀρχι μαγείρῳ
XXXIII, 16	დიდრაქმა	სისწორი
XLI,	იფებოა	ნაყოფიერება
»	ხმიერი	მეცნიერი
»	მეორესა	შემდგომსა
» 51	მოსლვა	მოწევნა
»	ტკივილ	სალმობა
»	ეყუნეს	ესხნეს

Печатный текстъ.			Аѳон. списокъ.
Гл. XLI,		საფქვლენი	საუნჯენი σιτοβολῶνας
XLII,	19	ჯედინ	დავიყენო
»		მოკუდით	მოსწუდით
»		ოკდებ	უგულებელ
»		**ვაშკარიანი**	ძაძა
»		მკსინვარედ	ფიცხლად
»		**სახი**	ვანი
»		მოვაქციო	ალმოგგუარო
»		მხოლო	მარტო
XLIII,	6	არს	გვვის
»	9	მივითვალავ	თავს ვიდვა
»	—	მოვაქციო	მოვიყვანო
»	11	მკავრის კევი	რეტინი
»	44	ვაშკარინი	პურპერი
»		ამცნო	უმრძანა
XLIV,	11	გარდმოიღეს	გარდჰკადეს
»	14	ჯერეთ	ვიდრე
»	18	მიახლა	მირევვეახლა
XLV,	6	მკა	ლეწვა
»	13	შეშფოთნეს	ეშინოდა დ͠ შეძრწუნდეს
»	16	მიისმა კმაჲ	მიიწია სიტყუაჲ
»	23	კარაული	ვირი
»	27	ეტყოდეს	უთხრობდეს
»	24	წარავლინნა	წარგზავნა
XLVI,	1	აღიძრა	წარვიდა
»		შიგებებად	შემთხუევად
»	28	წინაშე	წინაჲსწარ
XLVII,	21	მრწემად	კირთად
»	30	დავიძინო	დამფალ
XLVIII,	8	მძიმე მხედვილი ქმნილ	დამრამებულ
XLIX,	3	სჩნდი	ხკდიდე
»	4	გარდასდულნები	შეებები
»	14	ბეჰნი	მკარნი
»	18	ცხენოსანი	მკედარი
»	21	განფენილ	მცენარჱ
L,	3	შემურვა	შემოსა
XXXVIII,	7	ბოროტი	უკეთურ
XXXI,	14	შექმნა	დაჰბადნა
XL,	10	გამოხვედ	წარმოვლტე (XXXI, 26)
		წარვიდა, მიიყვანე	წარმოვიდა, წარიყვანე (XII, 9)
		მოიხილე ჩემ ზედა	მომხედენ მე
		უშუა	უშვა
		შექმნად	შესაქმედ
		აქლემი	ჯორი (IX, 16)
		ყუჱრბეულებადი	ყურბეული
		აჰა	ეგერა
		ისმინა	ერჩდა
		განასწრაფე	ვიდოდე

	Печатный текстъ.	Аѳон. списокъ.
	მუცელქმნულ	მიდგომილ
	მთხრებლ მთხრებლოან	სავდენნი
	იყვნენ	მლუმენი მალთისანი (XIV, 10)
	დამხმა (XVI, 2)	დამეყენა
	მკვიდრ	დამკვიდრებულ
	თქუა	იტყოდა
	სამხრით	ბლუარად
	ტერევინთამდე	ბელეკუნად (XIV, 6) τερεμίνθου
XXV, 28	ჭამადი	საზრდელი
»	ჭურჭელი	ნაყოფი
»	სდევდა	წარიქცინა
»	ვსცნა	უწყოდი
»	განკუჱთილი	განყოფილი
»	ალვსილი	გაზრდილი

СОБСТВЕННЫЯ ИМЕНА.

XLVI, 9	ენოქ	ენუქ	Ἐνωχ	
	იემულ	ივმოთ	Ἰεμουλ	
	იამინდაოდ(=იამენ და ოდ)	იამენ, აოდ	Ἰαμεν, Αωδ	
	აქიმ და ასაარ	აქენ და საარ	Ἰαχειμ, Σααρ	ა изъ და въ ახაარ
	გირსონ	გერსონ	Γηρσων	
	კაად	კაათ	Κααθ	
	მერარი	მერარი	Μεραρει	ει=и
	ირ	ჱრ	Ἠρ	
	ავნან	ავნან	Αὐνάν	
	ისახარ	იზახარ	Ἰσσαχάρ	
	ლოთ	ლოტ		
	თოლა ფუა	თოლა ფულა	Θωλα, Φουα	Невѣрно. ლ изъ
	სერეთ	ზედეთ	Σερεδ	[предшеств. им.
	ახოილ	აიელ	Ἀχοηλ	
	თოსობან	თასუბამ	Θασοβαν	
	აიდის	აედის	Ἀηδεὶς	
	აროილის	აიელიეს	Ἀροηλεὶς	
	ასირ	ასერ	Ἀσηρ	
	რაქილ	რაქელ	Ραχηλ	въ изданіи 1743 г.
	გალდად	გალაად	Γαλααδ	[რაძაილ და რაქილ
	ულტალა	სუტალამ	Σουταλααμ	
	ტაამ	ტალამ	Τααμ	
	ედემ	ედემ	Ἐδεμ	
	ქობორ, ასეილ	ქობორ, ასბეილ	Ἀσβηλ, βολός	
	გირა, ნოემან	გერა, ნოემან	Γηρά Νοεμαν	
	ძენი მალასნი	ბალაქაბორისნი	Βαλά, Γηρά	
	ანქიმდროს	ლაქისროს	Ἀγχεὶς καὶ Ρῶς	
	ასილ	ასიელ	Ἀσιὴλ	
	ღოინი	გოვინი	Γωυνί	
	იასსარ	ისაარ	Ἰσσαρ	

	Печатный текстъ.	Аѳон. списокъ		
	სამალაკ	სამადა	Σαλαμά	
	ისრაილ	ისრაელ	Ησραηλ	
	ულამლუზ	ულუმაუზ	Οὐλαμλούζ	
	ზოღორად	სეგორად	Σογορα	
	მადიამელნი	მანიადიტელნი	Μαδιηναῖοι	
	სენაარი	სენარი	Σεναάρ	
	სილლასარ	სილლჰარ, სილლაჰარ	Ἐλλασάρ	
	ვალაკი	ბალაკი	Βαλλάκ	
	ვარსა	ბარსა	Βαρσά	
	სკმოვორ	სოგომორ	Συμοβόρ	провѣр. XIV, 2
	სებოიმი	სიბოჲმი	Σεβωέμ	
	ასტაროთი	ასტარონი	Ἀσταρόθ	
	ხორრეველნი	ქარველნი	Χορραιόυς	
	სირი	სეირ	Σηείρ	
	ამორისი	ოლმორ	Ἀμορείς	
	იეveni	ეველნი	Εὐαίους	
	იობესელნი	იებოსელნი	Ἰεβουσαίους	
	კოდამანელი	კედონელნი	Κεδμωναίους	
XXII, 21	კამოელ	კამოელ	Καμουήλ	
	ფალდას	ბალდაე	Φαλδάς	
	ნაბეოთ	ნაბიოთ	Ναβαιώθ	
	კიდარ	კედარ	Κηδάρ	
	აბდიილ	ნაბდაილ	Ναβδεηλ	
	მასსამ	მასსმან	Μασσαμ	
	მასმა	მასმ	Μασμά	
	კედმა	კერდამა	Κεδμα	
	იდუმა	იდუმა	Ιδουμα	
	მასსე	მასსე	Μασσῆ	
	ქოდამ	ქოულ	Χοδδάν	
	თემან	თემან	Θαιμαν	
	იეტურ	ისტურ	Ἰετουρ	
	ნაფეს	ნაფჩს	Ναφές	
	სერ	სეირ	Σηείρ	
	სორრი	ქოსრი	Χορρεί	
	სომლა	საბალ	Σωβάλ	
	სებეგორისნი	სებეგონისნი	Σεβεγων	
	აიე	ეე	Ἀῖε	
	აენან	ენან	Ωναν	
	იამინ	იამენ	Ιαμὲιν	
	ოლივემა	ელიბემა	Ολιβεμα	
	ბალამ	ბალაამ	Βαλααμ	
	ზუკან	ლუკამ	Σουκαμ	
	რისსონისნი	რუსსონისნი	Ρεῖς	
	რისონ	სონ		
	ბოსორელი	ბოსარელი	Βοσσορρας	
	სამადა	სამალაკ	Σαλαμα	
	იეფერ	იოთომ	Ιὲθεμ	
	ილას	ელას	Ἠλας	

	Печатный текстъ.	Аѳон. списокъ.	
	ზეაფოინ	ზეფაიმ	Σαθωείν
	აბიმელექ	აბიმელიქ	Αβιμελεχ
	გერრართასა	გერრარისასა	Τεραρων XXVI, 17
	ასული ელომისი	სელომისი	Αἰλών
XXXVI,	ქეტტელისი	ქეტილისი	Χετταίου
	ოლიბენ	ელიბემათ	Ολιβεμα
	ანანასი სებეგონისი ეველისაჲ	ჱნანისი [!] ეველისაჲ	Ανα, Σεβεγών, Εὐαίου, Ναβαιώθ
	ბასემმათ ნაბეოთისი	ბასემათ წაბეოთისი	Βασσαμαθ
	ელიფაზ	ელიფას	Ἐλιφάς
	რაგუილ	რაგუელ	Ραγουήλ
	ომან	ოჰმან	Ὠμάρ
	ამალიკ	ამალეკ	Αμαλήκ
	სევეგონ	სებეგონ	Σεβιγων
	სობაალ	სობალ	Σωβαλ
	დისონ	დესონ	Δησών
	ხორრეველისანი	ქორელისანი	Χαρραίου

---

f
DK 30
.A7
v.12,
pt.2
1902
Arkheologichesk-
ii s"ezd
f
DK 30
.A7
v.12,
pt.2
1902
Arkheologichesk-
ii s"ezd
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO
102 555 133